

В
Ж

СТУДИИ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

МАСКА
ЛОКИ

ЭКСМО

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

МАСКА ЛОКИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ
SCI-FI FOUNDATION

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

ДВЕРИ В ПЕСКЕ
ДИЛВИШ ПРОКЛЯТЫЙ
КНЯЗЬ СВЕТА
ОСТРОВ МЕРТВЫХ
МАСКА ЛОКИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

МАСКА ЛОКИ

Москва

ЭКСМО

2005

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ж 50

Roger ZELAZNY, Fred SABERHAGEN

COILS

Copyright © 1982 by Roger Zelazny and Fred Saberhagen

THE BLACK THRONE

Copyright © 1990 by Roger Zelazny and Fred Saberhagen

Roger ZELAZNY, Thomas T. THOMAS

THE MASK OF LOKI

Copyright © 1990 by Roger Zelazny and Thomas T. Thomas

FLARE

Copyright © 1992 by Roger Zelazny and Thomas T. Thomas

Составитель *В. Секачев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Желязны Р.

Ж 50 **Маска Локи: Фантастические романы/Пер. с англ. —**
М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 896 с. — (Отцы-основатели. Весь
Желязны).

ISBN 5-699-11316-9

В этот том собрания сочинений знаменитого американского писателя Роджера Желязны (1937—1995) вошли остросюжетные фантастические произведения, написанные им в соавторстве с популярными фантастами Фредом Саберхагеном, автором цикла «Берсеркер», и Томасом Т. Томасом.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-11316-9

© Перевод. В. Баканов, Е. Голубева,
В. Задорожный, В. Козин, А. Корженевский, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ВИТКИ

Глава 1

*Кликлик. Кликлик.
Два градуса право руля.
Клик. Клик.*

...И сквозь призрачную полудрему слова загоняют на стапели тысячи судов, сжигают мои уходящие за облака башни. Бежит сладкий сон... Все, его нет. Что же...

— Ты странный человек, Дональд Белпатри, — звучали слова. — И многое пережил.

Я не поворачивал головы. Я притворялся спящим, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Только что мир вновь куда-то ускользнул... Или дело во мне? Нет, все на месте: вот палуба моего плавучего дома «Хэш-кэш», плетущегося со скоростью, наверное, километр в час по заросшему мангровыми деревьями каналу, что змеится вдоль Лонг-Ки, где-то между Майами и Ки-Уэст. Тепло, прохлада, свет, тень. Щелк-щелк.

Мы шли на новом автопилоте фирмы «Рэйдиоу шэк». Тот сравнивал информацию от недавно установленных государственных навигационных маяков с заложенной картой и приправлял смесь щепоткой радарных сигналов — амулетом от столкновений. Канал местами так сужался, что двум катерам уже не разойтись, — а значит, здесь было достаточно тенисто, чтобы сделать летнюю жару сносной. Более того, очень приятной. А в сущности, на остальное мне плевать. И все же...

Я не повернул к Коре головы, лишь хмыкнул. Я должен был сделать по крайней мере это, потому что по ее тону понял — она знает, что я не сплю.

Но такого ответа оказалось недостаточно. Она молча ждала продолжения.

— Трюизм, — наконец произнес я. — Назови трех людей, которые ничего не пережили. Назови хоть одного.

— Хорошо образован, — размышляла вслух Кора, будто наговаривала в диктофон. — Довольно умен. Возраст... сколько? Двадцать семь?

— Около того.

— Сложение: крупное. Хотя тело еще не деформировано чрезмерным пристрастием к итальянской кухне. — За две недели, прошедшие с момента нашей встречи, мы привыкли подшу-

чивать над общей склонностью к макаронным изделиям. Сейчас это позволяло ей вести допрос в шаловливой манере. — Материально, очевидно, обеспечен. Цель в жизни...

Кора выжидательно замолчала.

— Приятное времяпрепровождение, — подсказал я, все еще не поворачивая головы.

С закрытыми глазами легко представить себе, как урчание двигателя сливается с рокотом проходящих через микрокомпьютер битов информации. Я все еще не доверял по-настоящему этой проклятой штуковине — иначе, оставив его у кормила, позволил бы дремоте перейти в глубокий спокойный сон. И избежал бы неприятного вопроса... Точнее, отсрочил бы его. Рано или поздно мне все равно было бы не отвертеться. Кора подбиралась к этому уже несколько дней.

— Какое ты возвел в ранг искусства, — продолжила она. — Глаза голубые. Волосы темные, вьющиеся. Черты лица строгие, пристрастный человек мог бы даже сказать красивые. Видимых...

Да, практически невидимые. При нормальных обстоятельствах. Именно поэтому ее голос затих. Шрамы были хорошо укрыты теми самыми «темными, вьющимися». Кора обнаружила их неделю назад, когда моя голова лежала у нее на коленях, и, естественно, заинтересовалась. Внезапно мне почудилось, что этим вопросом она пилит меня постоянно, и чертовски захотелось, чтобы меня оставили в покое.

Я знал, что, если прямо попросить ее отвязаться, она отвяжется. Но, разумеется, после этого я больше ее никогда не увижу. А я стал замечать, что очень хочу и впредь ее видеть.

Похоже, Кору тянуло ко мне сильнее, чем требовалось условиями «летнего романа», и я...

Я повернул голову, положив ее на сложенные руки, и посмотрел на Кору. Она тоже была высокой, футов шести ростом. Сейчас ее изящное тело вытянулось на расстеленном на палубе пляжном полотенце. Она сняла лифчик купальника, но держала его под рукой — на непредвиденный случай. На случай серьезной ссоры со мной, к примеру.

В сущности, осмрительная молодая женщина, какой и надлежит быть школьной учительнице. В сущности, красивая. Лицо не голливудское, нет-нет. Темные волосы, остриженные короче, чем диктовалось нынешней модой, потому что, по ее словам, за такими легче ухаживать, а в жизни есть вещи поважнее прически... Но самое главное, я очень не хотел ее терять.

— Нет видимых причин для существования? — наконец предположил я. Беззаботным тоном, конечно.

Кора чуть повернулась, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Расскажи о своем детстве, — попросила она. — Судя по твоемуговору, оно прошло где-то на Среднем Западе.

Тема менее опасная на первый взгляд. Опасная? Неужели я в самом деле так подумал? Да. На какое-то неприятное мгновение показалось, что меня прижали рогатиной и тщательно рассматривают. Кое-где болело. Например, шрамы. Я всегда считал себя человеком, который не очень-то любит раскрывать душу, и...

Мне дано было увидеть себя будто зажатым в пинцете. Что-то было явно не так. Словно существовали определенные вопросы, которыми не следовало задаваться. Впервые за многие годы я попытался разобраться в себе и осознал, что в ткань моей жизни вплетена нить необъяснимого. Но это и все, что я увидел — ни пути подобраться к нити, ни тем более расплести ее.

Видение исчезло так же быстро, как появилось, и я был этому рад. Здесь почва тверже.

— Верхний Мичиган, — ответил я. — Маленький городок. Уверен, что ты о нем и не слышала. Представь себе, называется Багдад. Неподалеку от Национального парка Гайаваты. Миллион озер и без числа комаров... Что тут скажешь? Типичная провинция.

Она улыбнулась — первый раз за долгое время.

— Завидую. Я рассказывала тебе кое-что о Кливленде... Полагаю, твой отец был владельцем какой-нибудь лесопилки?

Я покачал головой:

— Нет. Всего лишь работал там.

Мне не хотелось говорить много о родителях. И, между прочим, даже думать о них. Хорошие люди, вот и все. Жизнь в Багдаде была идиллической, ребенком я коротал дни подобно Гекльберри Финну. Но все это лежало в далеком прошлом, и я не испытывал желания возвращаться к нему.

Из-за поворота навстречу нам выполз еще один плавучий дом. Мой компьютер принял немного вправо, уступая проход.

— Я думала, что ты живешь на какое-то наследство.

У меня заболела голова — возможно, из-за солнца. Я сел и потерял шею.

— Мы не взяли удочки, да? Черт побери, а ведь собирался! Забыл...

— Ну хорошо, Дон, прости. Это не мое дело.

Встречная лодка выключила двигатель и скользила по инерции. В иллюминатор на обращенной к нам стороне высунулись два парня.

Полуобнаженные загорающие девушки здесь не редкость, но, очевидно, не такие красивые, как Кора. Один из парней что-то сказал, но я постарался пропустить это мимо ушей и лишь с неловкостью загородил надевавшую лифчик Кору.

Голова раскалывалась.

— Нет! Ну, Кора... Черт побери, ты не так меня поняла!

— Я не обижаюсь.

— Но ты удаляешься от меня, я чувствую.

— Удаляюсь? Или меня отталкивают?

— Я...

Я встал, но идти было некуда. Ухмыляющиеся юнцы проплыли мимо и запустили двигатель под моим почти беспомощным взглядом.

Я сел спиной к Коре, свесив ноги с палубы, и заколотил пятками по стекловолкну корпуса. Робот-навигатор, словно безумец, непрерывно бормотал про себя данные.

— Дон, меня действительно не касается, откуда у тебя деньги. Я знаю только, по твоим же словам, что тебе на счет ежемесячно поступает восемь тысяч долларов, и...

— Когда это я тебе сказал?

— Ночью, несколько дней назад, практически во сне, — ответила она. — Похоже на правду — ты ведешь довольно обеспеченную жизнь.

Мое лицо под тщательно культивируемым загаром покраснело.

— Хочешь знать, откуда у меня деньги?! — крикнул я. — А я не хочу!

Ну как ей удастся заставить меня чувствовать себя ребенком, признающим в тайном грехе?! Вдруг возникло желание повернуться и ударить ее по лицу.

— Что «не хочу»? — помолчав, удивленно спросила Кора.

В горле встал ком, голова буквально разламывалась.

— Не хочу думать об этом! — наконец выдал я, будто пробивая словами стену.

Затем я вновь повернулся — и неожиданно моя рука, которую я едва не занес в ударе, теперь рванулась вперед и сжала запястье Кору. Я не мог больше вымолвить ни слова, но знал, что отпустить ее тоже не могу.

Внезапно вспыхнувшее в ней раздражение тут же сменилось жалостью и озабоченностью.

— Дон... Что-то ведь у тебя не в порядке, да?

— Да.

Я почувствовал облегчение, сумев признаться. «Не в поряд-

ке»? Да, к тому времени я уже понял это. Хотя не представлял себе, что именно. Но определенно не в порядке. Настолько я уже прозрел — с ее помощью.

— Тебе придется отпустить мою руку, — с деланной неприужденностью сказала Кора. Ее торопливо застегнутый лифчик грозил упасть. — Сюда идет еще одна лодка.

Я поднял голову. Лодка едва показалась из-за поворота футах в тридцати впереди. Запястье Кору выскользнуло из моих разжавшихся пальцев, и тут я увидел загорелое мужское лицо.

— Никак Малыш Уилли Мэтьюс собственной персоной, — заметил я и сам удивился совершенно неуместной догадке.

Внезапно я понял, что только что благополучно пережил какой-то внутренний кризис, и едва не задохнулся от облегчения. Я сохранил Кору. Что бы там ни произошло, а расставаться с ней я не собирался.

— Уилли?.. Почему ты о нем вспомнил? — спросила Кора, поправляя лифчик.

— Не знаю. Наверное, просто бывшие знаменитости иногда всплывают в памяти.

Вблизи лицо в лодке мало напоминало сгинувшего проповедника, каким я его запомнил по фотографиям и телеэкрану. Собственно, это было всего лишь весьма расплывчатое общее сходство. Когда мозгу нужен повод, чтобы отвлечься, он хватается за самые несуразные соломинки.

— Что тебя тревожит? Поделись, — сказала Кора. — Обещаю, ничего ужасного не произойдет.

Не уверен, что я поверил в это, но поверить хотел. Не осознавая причин, я чувствовал отчаяние, из глаз готовы были брызнуть слезы. Жаль, если такие страдания окажутся напрасными. Еще одно усилие, уговаривал я себя, — и все будет сказано. Она узнает ровно столько, сколько знаю я сам. Едва не расставшись, мы станем ближе друг другу. Несмотря на дурные предчувствия, овладевшие моей душой, — что ужасного могло произойти?

— Хорошо, — сказал я, глядя на сверкающую воду. — Я понятия не имею, откуда приходят деньги.

Я выждал, надеясь на какую-нибудь ее реплику, но Кора молчала.

— Пока я не копаюсь в причинах, не нажимаю, пока не пытаюсь выяснить — все будет в порядке, почему-то я это знаю. Средства перечисляет компьютер, без указания источника. Около года назад я пошел в банк и спросил, насколько трудно их проследить. Оказалось, по имеющимся данным невозможно. Потом я заболел, свалился на несколько дней и больше об этом

не вспоминал. Но, пока я не задумываюсь об источнике денег, все хорошо. Просто чудесно.

Последние слова продолжали звучать у меня в голове. Я повторял их, будто зубрил наизусть. Непонятно, как можно было сказать такое применительно к описанной ситуации... Но мало того — долгое время я искренне верил в это.

Я поднял руку и потер лоб, глаза. Головная боль не утихла. Опуская руку, я заметил, что она дрожит.

Кора вдруг взяла меня за плечи.

— Успокойся, Дон. Я думала, ты, возможно, получаешь какое-то пособие — эти шрамы... Но ведь здесь нечего стыдиться.

Тут я понял, что веду себя, будто в самом деле стыжусь. Однако чего? Хотя теперь я уже боялся думать об этом. Почему — тоже уже понял. Действительно, было что-то... странное в моем образе жизни. Но самое странное — мое отношение ко всему происходящему. И сколько это уже тянется?

На лбу выступила обильная испарина. Что-то неладно. Мне откуда-то было известно: получаемые деньги — не компенсация за увечье. Но я не знал и не желал знать, за что мне их платят. Я понял, что попросту страшусь узнать. Я так дико боялся, что готов был пойти на что угодно, лишь бы не знать. И все же...

Кора села рядом со мной, свесила вниз длинные загорелые ноги. Мы смотрели на струящуюся воду, то яркую, то темную, когда падала тень, — скорее пятна Роршаха, чем магическое зеркало; Кора не видела моего страха.

— Зачем предполагать что-то дурное... — тихо произнесла она. Потом, помолчав, добавила: — Хотя ты говорил, что семья у тебя не из богатых?

Я кивнул, теперь, когда кризис миновал, слушая вполуха. Кора одержала победу, и мы оба это чувствовали, хотя сформулировать, какую именно, не могли. Я только начал прозревать. Я знал, что уже не смогу вновь стать тем человеком, которым был совсем недавно. Я содрогнулся, а потом взял Кору за руку. Мы продолжали смотреть на воду, и головная боль утихла.

Настал момент кристальной ясности. Вдруг я как наяву увидел сосны и ели вместо окружавших нас мангровых зарослей, уловил запах и шум леса вместо соленой свежести океана...

Впервые за долгое время — долгие годы — я захотел вернуться домой.

— Кора...

— Да?

— Поедешь со мной знакомиться с родителями?

О благословенная тяга к общепринятому...

Глава 2

Билет? Билет?

Билет.

Что-то кликнуло. Беззвучно.

Что-то как-то где-то.

Бит-клик-клет. Бип-клет. Бип...

Вокруг. Вперед и назад. Пауза. Толчок. Поворот. Еще один. Передо мной — огромный сияющий котел с алфавитной кашей. Подход спереди. Я нырнул туда, где движется рука, собравшая нити власти. Естественно. От одного — к другому, потянешь за ниточку, и клубок разматается. Расширяясь и пульсируя...

На причале, где мы оставили днем «Хэш-клэш», имелись все удобства, в том числе устройства для подключения бортовых компьютеров к телефонной сети. Многие деловые люди и на отдыхе предпочитали иметь под рукой подобную возможность.

Все мое дурное самочувствие испарилось, остался лишь налет почти приятной усталости и легкого оцепенения, который в случае надобности я мог бы стряхнуть. Надобности такой, однако, не возникало, и я был благодарен за притупленность чувств, которую заботливо дарует иногда дух или тело. Для полной безмятежности недоставало лишь хорошей порции жаркого. Но сперва дела.

— Отчего бы не заказать сейчас билеты? — сказал я, ощущая нетерпение.

Кора улыбнулась и кивнула.

— Давай. Я не передумала.

Я спарил разъемы, которые включали нас в информационную сеть побережья и всего мира, и вернулся в помещение, где стоял компьютер.

В заказывании билетов нет ничего особенно сложного или экзотического. По сути, надо лишь соединить мое информационно-обрабатывающее устройство с аналогичными устройствами авиалиний и банка и передать указания, сколько людей, куда и каким классом летят. Однако...

Это произошло после того, как с делом было покончено. Можно было протянуть руку и выключить компьютер. Но вместо этого я продолжал смотреть на экран дисплея, чувствуя приятное удовлетворение, что билет...

Билет?

Очевидно, я замечтался, сперва подумав о билете и о том, что следует за подобным решением, затем о точной, слаженной работе самой машины, которая все это делала возможным, и наконец...

Я вроде бы слышал, как Кора меня окликнула — самым обычным тоном, едва ли требующим ответа. Потом я увидел сон наяву.

Мне казалось, будто я с головокружительной скоростью несусь вдоль темных и ярких линий; словно безумный аттракцион — вверх, вниз, по какой-то знакомой местности, на территории мозга или духа, где я уже бывал в предыдущем воплощении, а может, вчера, в момент забывчивости. Там, в конце пути, держали в заточении часть моей жизни. Ее окружали стены, преграждающие мне дорогу, и беззвучно затряслись вокруг сирены, когда я попытался найти проход...

— Дон! Что с тобой?

С порога на меня смотрела Кора. Я выдавил улыбку.

— Замечтался о доме, — сказал я, стряхивая оцепенение сна, потер глаза и зевнул.

— На секунду мне показалось, что ты уснул или...

— ...отключился? Ничего подобного. Я знаю, что тебя надо периодически кормить. Одевайся и...

Тут я внезапно заметил, что она уже в синей запахивающейся юбке и красной блузке.

— Дай мне пять минут, и мы сойдем на берег в поисках протеина.

Она улыбнулась. Я выключил терминал. Возвращение домой все еще согрело душу.

Кликлик.

В Детройте мы пересели на самолет до Эсканобы, что на северном берегу Мичигана. Яркое зеркало озера, по крайней мере вдоль береговой линии, словно конфетти было усеяно парусниками — меня будто током ударило. И чем ближе становилось мое пасторальное детство, тем больше наплывало воспоминаний. Я постоянно указывал Коре то на одну, то на другую достопримечательность, занимательные истории сами собой возникали в голове и просились с языка.

Багажа у нас не было — только сумки через плечо. Сойдя с самолета, мы сразу взяли напрокат машину и по автострате № 41 поехали вдоль берега к северу, к выезду из города.

Солнце нанесло по зеркальной поверхности озера скользящий удар, и тотчас, словно трещины в стекле, побежали волны.

Через несколько миль мы свернули на шоссе Дж-38 к Корнеллу. Темно-зеленый косматый горизонт казался удивительно близким, и мое воображение, опережая события, устремилось вперед.

— Все же я думаю, что надо было предварительно позвонить, — уже не в первый раз сказала Кора. — За пять лет многое могло измениться.

Пять лет?.. Неужели так долго меня не было дома? Я выпалил цифру не задумываясь. Так сколько же лет прошло? Ни в прошлом, 1994-м, ни в позапрошлом году я Флориду не покидал, точно. В 1992-м... Я не мог припомнить, что делал в девяносто втором.

— Знаешь, я немного боюсь знакомства с твоими.

Дорожный указатель обещал Багдад через пятнадцать миль после Корнелла. Как мне и подсказывала память.

Я повернулся к Коре.

— Тебе нечего бояться, все будет хорошо.

Да и как иначе? Чем ближе мы подъезжали к Багдаду, тем меньше я беспокоился о дальнейшем. Главное... я улыбнулся... главное, что мы вместе.

Крошечный Корнелл, очевидно, за несколько лет сильно изменился — я ничего не мог узнать. Но шоссе в окружении высоких деревьев, старая железнодорожная ветка, водонапорная башня там или сям — все было до боли знакомо.

— А вот это что-то новое, — сказал я, помолчав.

Бензоколонка на краю Багдада оказалась маленькой и обветшалой, а не крупной станцией от «Ангро энерджи», которую я так отчетливо помнил. У въезда стоял новый знак: «Багдад. Нас. — 442».

Я притормозил до требуемых тридцати миль в час и поехал по единственной дороге, которую в черте поселка с известной натяжкой можно было бы назвать улицей. Незаасфальтированные дорожки, поросшие кое-где травой, развалюхи сараи и скобоченные домики с облупившимися фасадами...

Беда была в том, что эта улица не имела ничего общего с той, которую я помнил. Впрочем, возможно, на другой стороне поселка...

Ее мы достигли неприятно быстро. Промелькнуло последнее здание, и начались поля.

Население — 442. Нет, не может быть. В детстве меня окружало некое подобие если не столичной жизни, то уж во всяком случае мира, в котором существовали города, — не эта Богом забытая дыра. Я помнил... что-то большее. Где красная кирпичная

школа с покрашенными в черный цвет пожарными лестницами, где белая церковь со шпилем, театр с большим шатром? Где дом моих родителей?

Я вел машину, растерянно глядя по сторонам, и Кора, наверное, догадалась, что что-то не так. Вернее, то, что все это время было не так, теперь обрело осязаемые очертания.

Я затормозил, прижавшись к правой обочине, развернулся — движения, собственно, не было никакого, даже сейчас, в разгар лета, — и медленно поехал назад, в ту часть, которую условно можно было бы назвать центром. Мимо проплыли старые фасады четырех магазинов, совершенно мне незнакомых.

«Кафе». Хорошая идея. Я припарковал машину — с таким же успехом можно было оставить ее посреди улицы, — и мы зашли в кафе.

Кроме нас, посетителей не было. Мы сели у стойки и заказали охлажденный чай. День выдался жаркий, и, наверное, неудивительно, что я вспотел.

— Вы не знаете здесь в округе семью Белпатри? — спросил я усталую официантку с голубым лаком на ногтях.

— Кого?

Я повторил по буквам.

— Нет. — В этой женщине — владелице или совладелице кафе — безошибочно угадывался старожил. — Вроде в Перронвиле есть Беллы, — добавила она.

Мы не спеша пили чай и наблюдали за отвратительно опытной мухой, залетевшей за стекло на кокосовый орех, украшавший что-то сухое и желтое. Я не хотел смотреть на Кору и на ее ни к чему не обязывающие фразы отвечал односложным мычанием.

Расплатившись, мы сели в машину и медленно поехали по шоссе к югу. Я внимательно всматривался в боковые улочки — ничего. Все выглядело совершенно иначе.

На краю поселка я свернул на заправку и залил бензин. Подзарядкой здесь и не пахло — так далеко на север от Солнечного Пояса электромобили, как видно, не дошли. А на новой станции «Ангро», которую я вроде бы помнил — действительно помнил! — подзарядочные устройства были.

Заправщику пришлось выдержать ту же серию вопросов о семействе Белпатри. Увы, эту фамилию он слышал впервые.

Не успел я завести двигатель, как Кора спросила:

— Ты помнишь улицу, на которой стоял твой дом?

— Конечно. Беда лишь в том, что это ложная память.

Я был потрясен открытием — да. Но не до такой степени,

как можно было ожидать. Где-то глубоко внутри я все время знал, что и запечатленный в памяти дом, и мое детство — изощренная ложь. Важно было приехать сюда и убедиться. И главное, чтобы при этом рядом была Кора.

— Конечно, я помню улицу и дом. Но они не в этом городе. Улицы другие, и дома другие, и люди... А все, что я вижу вокруг, — я этого не помню. Я никогда в жизни не был в Багдаде.

Наступило молчание.

— А может, их два? — произнесла Кора.

— Два города с одним названием? Оба в Мичигане, оба в нескольких милях к северо-востоку от Эсканобы по одной дороге? Причем дорогу я помню, все сходится. Все до края поселка. Потом... словно вживили что-то чужеродное. В географии или в памяти — не знаю...

— А твои родители, Дон? Если их здесь нет...

Они по-прежнему стояли у меня перед глазами, но не близкие, а будто с киноэкрана или страницы книги. Мама и папа. Милейшие люди.

Я больше не хотел думать о родителях.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Нет, но... — Я понял, что в каком-то отношении мне сейчас даже лучше, чем там, во Флориде, без единого облачка на горизонте. — Вернешься со мной во Флориду?

Кора хихикнула — видимо, от облегчения, что я держу себя в руках.

— Да уж. Честно говоря, не хочется остаток отпуска проводить здесь.

Я выехал на знакомое шоссе. Прощай, Багдад, вор моей юности.

Глава 3

Закат и вечерняя звезда, горизонт, увенчанный гирляндой увядших роз...

Нам повезло с рейсом на Детройт и недолго пришлось ждать самолета до Майами. Кора попросила меня сесть у иллюминатора, и я наблюдал, как чернильную тьму прокалывают светящиеся колодцы звезд.

— Ты не собираешься обратиться к помощи, когда мы вернемся?

— К чьей помощи? — спросил я, уже догадываясь. — И по какому поводу? — догадываясь и об этом.

— Тебе нужен врач, разумеется. Специалист по подобным вопросам.

— Думаешь, я сумасшедший?

— Нет. Но мы оба знаем, что-то у тебя определенно не в порядке. Если автомобиль барахлит, его показывают механику.

— А если правый глаз обманет тебя?

— В роль Эдипа можешь не входить. Я говорю о психиатре, а не о психоаналитике. Предположим, какое-то повреждение органического характера... Куда-нибудь давит осколок кости — следствие твоего несчастного случая — или что-нибудь в этом роде.

Я долго молчал. Ничего лучшего в голову не приходило, однако...

— Просто душа не лежит, — признался я.

— «И остается лишь разглядеть эту прекрасную пустоту», — почти что с горечью сказала Кора.

— Что?

— «Тихая Лета — моя обитель. Я никогда, никогда, никогда не вернусь домой!» Сильвия Платт, из поэмы об амнезии. Предпочитаешь жить без памяти?

— За цитатой у преподавателя литературы дело не станет, — пробормотал я, но последняя ее фраза мне не понравилась.

Нельзя попросту забыть о поездке в Мичиган и вновь соскользнуть в счастливое неведение, сказал я себе. Нет.

И тут же опять пришло странное чувство — а может, отмахнуться от всего этого и плыть по течению, никогда, никогда, никогда не возвращаясь домой?..

Мне стало страшно.

— Ты знаешь хорошего специалиста в этой области?

— Нет. Но, безусловно, найду.

Я потянулся и тронул ее за руку. Наши глаза встретились.

— Хорошо, — сказал я.

Кроме плавучего дома, у меня на Флорида-Кис есть собственная квартира. Но мы остановились в гостинице в Майами, где выбор врачей значительно шире. Кора сразу же села за телефон и разыскала приятеля одного знакомого, каким-то образом связанного с администрацией медицинского института. По ее теории, надо обращаться к тому специалисту, к которому приходят с собственными проблемами другие врачи. Через несколько часов после нашего приезда я был записан на прием к психиатру, доктору Ралфу Даггетту, на следующее утро.

Словно готовясь к предстоящему испытанию, мое подсознание услужливо высыпало калейдоскоп снов. Из-за бензоколонки в какой-то дикой глуши выглянул Малыш Уилли Мэтьюс, предупредил меня, что следующий полет в самолете добром не кончится, и превратился в медведя. Кора, раздевшись, чтобы легче было залезть в мой домашний компьютер и починить его, объявила, что на самом деле она — моя мать. А когда я — во сне, разумеется, — пришел в кабинет психиатра, в засаде за столом меня поджидало толстое черное чудище.

Настоящий психиатр, с которым я встретился, в подобающее время проснувшись, побрившись и позавтракав, оказался вовсе не таким страшным. Доктор Даггетт был радушным обаятельным мужчиной лет сорока, невысокого роста, скорее плотно сколоченным, чем полным, — этаким лохотный хоббит, увеличенный в размере.

Пока у нас шел ни к чему не обязывающий разговор о причинах, побудивших меня к нему обратиться, Даггетт с непроницаемым лицом профессионального картежника изучал лежащую перед ним на столе медицинскую анкету, которую я только что заполнил. Собственно, изучать там было нечего. Насколько мне известно, всю жизнь я был до отворачивания здоров.

Доктор передал анкету медсестре для введения в компьютер, а сам уставился мне в глаза, подсвечивая маленькой лампочкой. Он поинтересовался, часто ли мучают меня головные боли, а я мог припомнить лишь недавний приступ в плавучем доме. Даггетт проверил мои рефлексы, координацию движений и артериальное давление. Наконец усадил меня на неудобный стул и развернул над спинкой и моей головой стереотактическую раму, а сестра вкатила аппарат КОГ-ЯМР (компьютеризованная осевая голография посредством ядерно-магнитного резонанса) для сканирования мозга. В отличие от рентгеноскопии новая методика, появившаяся в последние годы, давала голографическое изображение исследуемого органа — вне поля вашего зрения, если вы брезгливы, и на виду, если вас от этого не тошнит.

К счастью, мой психиатр оказался современных взглядов, а я — не из брезгливых. Сначала он рассматривал изображение за складным экранчиком, но по моей просьбе его убрал.

Серо-розовый цветок на толстой ножке (прежде никогда не приходилось лицезреть собственный мозг). Весьма хрупкий на вид. Вот, значит, каков я — «заколдованный ткацкий станок» по Шеррингтону, где неустанно ткут сознание миллиарды клеток? Или радиостанция, материализующая душу? Или «компьютер из плоти» Минского? Или...

Как бы то ни было, Даггетт оборвал мои размышления, вынув изо рта трубку и пользуясь ею как указкой.

— В височной доле, похоже, шрам, — заявил он. — Однако аккуратный. Любопытно... Судороги случаются?

— Насколько я знаю, нет.

— Не замечали по утрам прикуса языка, самопроизвольного мочеиспускания, болей в мышцах?

— Нет.

Даггетт ткнул трубкой в изображение, и я невольно поморщился.

— Возможно, гиппокамп... — заметил он. — Повреждения в этой области могут сказываться на памяти самым невероятным образом, но... — Доктор замолчал и что-то подрегулировал в аппаратуре. — Расскажите-ка мне подробнее о вашей поездке в Мичиган... Вот! Что ж, внешне гиппокамп в порядке... Давайте, говорите.

Он продолжал измываться над изображением моего мозга, а я излагал все связанное со злополучной поездкой. Кора была рядом, чтобы подтвердить, что по крайней мере эти воспоминания — не ложные.

Наконец доктор шелкнул тумблером, и парящий в воздухе мозг исчез. Мне даже стало не по себе.

— Я бы хотел попробовать гипноз, — сказал Даггетт. — Не возражаете?

Впрочем, времени возражать он не дал — признак того, полагаю, что мой случай его заинтересовал.

— Вас раньше гипнотизировали?

— Никогда.

— Тогда давайте устроимся поудобнее.

Даггетт высвободил меня из рамы и, подведя к мягкому креслу, откинул его спинку чуть ли не до горизонтального положения. Аппаратура в кресле определила ритмы моего мозга, подстроила под некоторые из них свое собственное слабое излучение и стала постепенно наращивать мощность, вызывая в то же время тончайшие изменения. Я словно чувствовал деятельность компьютера, управлявшего этим устройством. Волны текли через меня, как вода, а потом внутри головы вспыхнул белый шум, и я потерял сознание.

— Как ваше самочувствие? — Надо мной нависало профессионально внимательное лицо доктора Даггетта. Рядом, выглядывая из-за его плеча, стояла Кора.

— Полагаю, неплохо, — отозвался я, промаргиваясь и потягиваясь. Мне казалось, что я спал очень долго и при этом видел

сны — из тех, что немедленно бледнеют и ускользают, когда пытаешься их осознать.

— Что вы помните о Багдаде? — спросил Даггетт.

У меня все еще сохранялось два набора воспоминаний: город, который я действительно видел, и уже изрядно потускневший, будто призрачный Багдад, какой якобы я запомнил с детства. И теперь за почти неосязаемой пеленой ощущалась некая другая реальность, какие-то движущиеся за занавесью тени. Какие — пока я определить не мог. И сказал об этом доктору.

Он задал мне несколько простых вопросов — какой нынче год и тому подобное, чтобы убедиться, что я более или менее ориентируюсь в происходящем (по крайней мере, не хуже, чем до начала сеанса). При каждом моем ответе Даггетт кивал.

— Сколько же вы действительно живете во Флориде?

Тени за занавесью всколыхнулись. Что-то очень важное показалось на мгновение и тут же растаяло.

Я покачал головой.

— Не уверен... Несколько лет точно. Что со мной происходит?

— Во-первых, — начал Даггетт и замолчал. — В анкете вы указали, что травм головного мозга у вас не было.

Шрамы... Конечно. И хотя для меня они почему-то связывались с какими-то иными обстоятельствами, очевидно, логично и неизбежно предположение, что, раз они есть, получил я их в какой-то передраге.

— Итог сканирования совершенно однозначен, Дон, — продолжал доктор Даггетт. — У вас был по меньшей мере один серьезный перелом основания черепа. Может, все же припомните?

Почти осязаемые видения пришли — и растворились. И больше не приходили. Я снова покачал головой. Теперь я, во всяком случае, знал, что в моем прошлом что-то скрыто, — уже немалое достижение.

— Из того, что я видел и слышал, — продолжал он, — осмелюсь сделать вывод, что бывшие травмы — не единственная ваша беда. И даже не самая большая. Вполне вероятно, что они вообще не играют сколько-нибудь серьезной роли в этиологии вашего состояния. Налицо признаки умышленного воздействия на вас гипнозом; возможно, в сочетании с наркотиками.

«Зачем?» — спросил я себя. Все это казалось просто диким. Вначале я даже не поверил. Но Даггетт показал мне распечатку. Перед моим пробуждением он пропустил результаты обследования

ния через терминал своего компьютера, соединенного с большим банком диагностических данных в Атланте.

— Видите, электронный коллега согласен со мной.

Я посмотрел на Кору.

Она кусала губы и глядела на распечатку, словно на невесть откуда взявшегося покойника.

— Что все это значит? — в конце концов выдавил я.

Прежде чем ответить, Даггетт раскурил трубку.

— Я думаю, над вами кто-то поработал, — проговорил он. — Не могу сказать, была ли умышленно нанесена травма головного мозга. Но фальшивую память вам, безусловно, имплантировали.

— Кто?

— Любой мой ответ был бы на данном этапе достаточно беспочвенным предположением.

— Так предполагайте!

Даггетт слегка пожал плечами.

— Известно, что так относятся к людям некоторые правительства. Но потом эти люди, как правило, не ведут беззаботную и обеспеченную жизнь. — Он сделал паузу. — Судя по вашемуговору, вы коренной уроженец Америки.

— Я тоже так думаю. Однако не из Верхнего Мичигана.

— Истинные воспоминания о том периоде пока не появились?

На миг, лишь на какой-то краткий миг, пока он говорил, мне почудилось, что я сумел что-то ухватить, почти уже держал в руках — и вдруг все. Исчезло. Капут. Истина издевательски скалилась мне из-за угла.

Я остроил зверскую гримасу — плотно сжал веки, свел брови, стиснул зубы.

— Черт побери!

На мое плечо легла рука Даггетта.

— Придет, придет в свое время. Не мучайтесь так.

Доктор отвернулся и стал чистить трубку над большой пепельницей.

— Я мог бы загипнотизировать вас глубже, — сообщил он. — Но существует опасность создания новой конструкции. Если отчаянно пытаться что-то найти, можно вызвать к жизни иную фальшивую память — для восполнения нужды. Так что на сегодня все. Приходите через три дня.

— Я не в силах ждать три дня. Завтра.

Даггетт отложил трубку и скребок.

— Лед тронулся, — сказал он. — Лучше бы некоторое время

не торопиться. Дать настоящим воспоминаниям, если можно так выразиться, шанс, возможность проявить себя.

— Завтра, — повторил я.

— Я не хочу вмешиваться так скоро.

— Доктор, мне необходимо знать.

Он вздохнул, признавая поражение.

— Хорошо. Завтра утром. Условьтесь о встрече с моим секретарем.

Я взглянул на Кору.

— Полагаю, мне следует пойти в полицию.

Даггетт то ли фыркнул, то ли хохотнул.

— Не могу, разумеется, вам указывать, — медленно произнес он, — но позвольте заметить, что, если вы не в состоянии рассказать полиции больше, чем знаете сейчас, они лишь порекомендуют вам обратиться к врачу.

Уловка 22 не пропала даром. Секретарь Даггетта, которая, должно быть, привыкла ко всякому проявлению эмоций у пациентов, и глазом не моргнула, видя несоответствие между выражением моего лица и непрерывным хихиканьем. Она назначила мне время и кивнула на прощанье.

Выход — в сопровождении наряженных клоунами фурий, толпой рванувшихся мне вслед.

Реакция наступила через несколько кварталов.

— Мне страшно, Дон, — сказала Кора.

Она вела машину. Я сидел, понуро свесив голову, и вызывал демонов, чтобы с ними бороться. Тщетно — те не обращали на меня внимания.

— Мне тоже.

И это была правда, хотя и не вся. Кора, судя по ее поведению, была напугана сильнее меня. Я же глубоко внутри стал испытывать чувство, от которого совсем отвык. Отвык настолько, что первые его прикосновения казались почти незнакомыми.

Это была злость.

Ангелы? Может быть, я мертв и нахожусь в раю? Нет. Мелодичные звуки не напоминали струнное пение арф, да и не должна бесплотная душа чувствовать кислый привкус во рту.

Я простонал и вернулся на бренную землю, к тренькающему телефону — забыл поставить его в режим записи, когда, ложась спать, еще надеялся на возвращение демонов. Если они и явля-

лись, то конечный счет был примерно таким: демоны — 6, Белпатри — 0.

Часы показали 8.32 и повели отсчет дальше. Я ответил на звонок.

Знакомый голос. А, секретарь Даггетта... Но что-то определенностряслось.

— ...вынуждены отменить вашу встречу, — говорила она. — Доктор Даггетт ночью скончался.

— Что?!

— Доктор Даггетт скончался. Мы... я обнаружила его в кабинете утром, когда пришла. Сердечный приступ.

— Неожиданно?..

— Совершенно неожиданно. Он никогда не жаловался на сердце.

— Допоздна работал?

— Изучал истории болезни некоторых пациентов. Прослушивал записи...

Больше она, по сути, ничего не знала. Разумеется, я не мог отрешиться от мысли, что именно мои записи прослушивал он перед смертью.

Я встал, умылся, оделся и приготовил кофе. Кора с благодарностью приняла его и бросила на меня вопросительный взгляд. Я рассказал все, что только что узнал.

— Это дело дурно пахнет, — проговорила Кора после паузы. — Что... как... Черт побери! Начинать сначала с другим врачом? Или, быть может, попытаться заглянуть в твою историю болезни?

Я покачал головой.

— Сегодня это точно не получится... А другой врач лишь повторит то, что сделал вчера Даггетт, — зачем? Даггетт ведь предупредил, что воспоминания скоро вернуться. Мне кажется, он прав, поэтому лучше подождать. Я уже чувствую себя иначе, будто в моей голове что-то приходит в порядок, проясняется.

— Но, черт побери, мы были так близко — к чему-то! Просто невероятное совпадение! Может, стоит обратиться в полицию? Рассказать им все, и пусть проверят...

— Слухи и догадки, — перебил я. — К тому же исходящие от предполагаемого душевнобольного. Даже если они отнесутся серьезно, за что ухватиться? Сердечный приступ — это не удар тупым орудием. Для полиции у нас ничего нет. Как и у них для нас.

Кора сделала глоток кофе, опустила чашку на прикроватную тумбочку.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Вернуться в Ки-Уэст. Послезавтра в банк должен поступить следующий платеж. Мы можем позволить себе успокоиться и ждать результатов лечения.

— Успокоиться? — переспросила она, сбросила ноги с постели и встала. — Как это возможно, зная то, что мы узнали?

— А что же еще делать?

— Когда уляжется шум, постараться заглянуть в твою медицинскую карту. Даггетт мог записать туда больше, чем сказал нам.

— Навести справки можно по телефону через несколько дней, уже из дома. Приводи себя в порядок и пойдем завтракать — если ты не предпочитаешь поесть здесь. Потом складываем вещи и уезжаем.

— Нет, — сказала Кора, решительно откинув назад волосы. — То есть да — завтраку и нет — «уезжаем».

— Что ж, одевайся. Остальное обсудим за завтраком.

Сошлись на компромиссе: мы задерживаемся здесь, ночуем, днем пытаемся добраться до моей истории болезни и, если ничего не получится, утром уезжаем.

Ничего не получилось.

Я хочу сказать, что приемная Даггетта была закрыта. Справочная не могла или не хотела связать нас с его родственниками. Разыскать его секретаря я не сумел. В конце концов нашел медсестру, и она сообщила, что то, что мне нужно, получить немедленно я не смогу. Архивы носят весьма деликатный характер; они опечатываются в случае кончины психиатра и выдаются лишь по решению суда или запросу нового лечащего врача. Ей очень жаль, но...

Ничего не получилось.

— Давай обратимся в суд, — предложила Кора.

— Нет, — ответил я. — Не надо вмешивать посторонних. Я сдержал свое обещание — мы ждали, мы пытались. Завтра уезжаем.

— Так и не узнав?

— Все придет. Я чувствую.

— Ты и Багдад «чувствовал».

— Иначе.

— Вот как?

Тяжелый был вечер. Вдобавок ко всему снова вернулись демоны, прихватив с собою запас кошмаров. К счастью, большинство из них с первыми лучами солнца бесследно исчезли. За ис-

ключением сценки последнего танца войны вокруг бензоколонки «Ангро энерджи» с участием всевозможных ужасов; и земля разверзлась под ногами, когда какой-то толстяк пылающим топором разрубил гигантскую голограмму моего мозга... Словом, были все те маленькие прелести, которые превращают сон в захватывающее приключение.

Кора не очень радовалась нашему отъезду, но я выполнил свои обязательства, и она сдержала обещание. Почти всю дорогу нас преследовал морозящий дождь. Патетично — природа будто прониклась нашими чувствами. Мы оба были далеко не в блестящем настроении, когда приехали домой.

И едва пришли в себя, как Кора вновь завела разговор об адвокатах. Нет ли у меня надежного юриста, способного заняться этим делом?

— Нет, — солгал я, потому что был уверен, что Ралф Даттон, с которым я иногда встречался, не отказал бы мне в просьбе. Просто не хотелось идти этим путем, и поперек горла стояли подобные разговоры.

А она не унималась. Я вновь почувствовал злость, на сей раз направленную на Кору, но боялся дать ей выход. Я сказал Коре, что устал, что у меня опять разболелась голова и что мне нужно побыть одному. Я извинился и вышел на улицу.

Прогулка привела меня в бар, возле старого дома Эрнеста Хемингуэя, куда я изредка заглядывал. Неужели Хемингуэй в самом деле утащил отсюда писсуар и сделал из него дома поилку для своих котов?

Я потягивал пиво, когда ко мне подошел Джек Мэйс. Рослый, веснушчатый, вечно улыбающийся; песочные волосы, выгоревшие до белизны... Он имел вид неунывающего школьника и с первой же встречи производил на многих неотразимое впечатление. Пожалуй, более несерьезного человека я не встречал. Он часто влипал во всякие неприятности, хотя, в сущности, ничего порочного в нем не было. По натуре Джек был искателем удовольствий и, подобно мне, каждый месяц получал вклад на текущий счет. Только он знал, откуда приходят деньги. Ему их переводили родители — за то, чтобы он не возвращался в Филадельфию.

Мы с ним всегда прекрасно ладили, возможно, потому, что Джек находил между нами много общего — если вообще об этом задумывался. В тех редких случаях, когда я выбирался в свет, я приветствовал его общество. Джек, не теряя головы, мог выпить гораздо больше меня и присматривал за мной, вытаскивая из щекотливых ситуаций.

— Дон! — Он хлопнул меня по плечу и сел на соседний стул. — Сколько лет, сколько зим! Куда ты пропал?

— Немного попутешествовал. А как у тебя?

— Слишком хорошо, чтобы хотелось уезжать. — Джек ударил по стойке. — Эй, Джордж, принеси-ка кружку!.. Ко мне тут прибились две крошки, — продолжил он. — Заходи попозже. Тебе это пойдет на пользу.

Мы пили пиво и болтали. Я ничего не рассказывал — он не из тех, с кем делятся неприятностями. Зато в пустопорожних разговорах ему не было равных, и меня это вполне устраивало. Мы обсудили общих знакомых, прелести рыбалки — порой выбирались вместе, — политику, кино, спорт, секс, питание, а потом пошли по второму кругу. Господи, какое же это облегчение — не думать о том, что тревожит больше всего!

Не успел я опомниться, как уже стемнело. К тому времени мы успели поесть — даже не скажу где — и посидели в другом заведении. В голове у меня все плыло, но Джек выглядел свежим как огурчик и беспрерывно трепался, пока мы не дошли до его дома.

Потом он знакомил меня с девушками, включал музыку, готовил коктейли, снова готовил коктейли... Мы потанцевали. Немного погодя я заметил, что он и высокая — Лаура — куда-то исчезли, а я сижу на диване с Мэри, обнимая ее за плечи, со стаканом на коленях, и второй раз выслушиваю историю ее развода. Периодически я кивал и время от времени целовал Мэри в шею. Не думаю, что это отвлекало ее от захватывающего рассказа.

Еще немного погодя мы каким-то образом оказались в одной из спален. Позже я на несколько секунд выплыл из забытья, смутно припоминая, что девушка осталась мною недовольна, и никого рядом с собой не обнаружил. И снова заснул.

Наутро я чувствовал себя больным и разбитым и потащился за исцелением в ванную, оснащенную Джеком лучше любой аптеки. Пока я глотал попадавшие под руку витамины, желудочные, болеутоляющие и успокоительные средства, магическая занавесь в моем сознании колыхнулась, неожиданно пропустив вперед какие-то картины. Я даже не сразу понял какие. А когда понял, застыл — прямо в процессе полоскания рта, — испугавшись захлебнуться.

Из прихожей донесся шум. Я выплюнул пахнущую мятой жидкость, сполоснул раковину и вышел.

Это был Джек, в желто-оранжевом пляжном полотенце направляющийся в туалет.

— Джек! Я работал в «Ангро энерджи»!

Он поднял мутные глаза, пробормотав: «Прими мои соболезнования» — и исчез в туалете. Интеллектуал, сразу видно...

Я направился на кухню и, пока варился кофе, оделся и выпил апельсинового сока вместе с сырым яйцом. А потом с чашкой кофе вышел на балкон.

Солнце висело в нескольких метрах над горизонтом, но утро было прохладным. Лицо обдувал влажный соленый ветер. В кустарнике по обеим сторонам дома перекликались птицы.

При мысли о Коре мне становилось стыдно, но в целом я чувствовал себя лучше, чем когда-либо. Я *вспоминал*, и это отодвигало все остальное на второй план.

Да, я работал на «Ангро». Не охранником, не бурильщиком, вообще не в поле. Не на разведывательной станции. Чуть не сказал себе «ничего технического», но что-то меня остановило. Это было бы неправдой.

Я сделал еще глоток кофе. Возможно, переработка информации? Я определенно разбирался в компьютерах...

Где-то в управленческом аппарате или в лаборатории... Да, в какой-то лаборатории, точно.

Затем, на миг, мне явилось видение — то ли воспоминание, то ли воображение, то ли смесь того и другого: дверь, дверь со старомодным матовым стеклом. Она как раз закрылась перед самым моим носом, показав черные буквы — «ВИТКИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ».

Разумеется, дроссели индуктивности еще нужны в некоторых устройствах типа реле, их не заменили процессоры и микропроцессоры...

Как насчет такой версии: несчастный случай в лаборатории? В результате — шрамы, черепная травма, затем имплантация ложной памяти, покрывающей значительный период моей жизни; шаг, возможно, необходимый для сокрытия вины определенных руководителей компании. И пенсия — чтобы я сидел тихо и не лез на рожон.

Однако очень многие попадают в того или иного рода происшествия, а о столь экзотических последствиях я что-то не слышал. Крупные фирмы могут позволить себе уладить все честь по чести; и делают так.

Нет, неубедительная версия. Но я чувствовал, что главное еще впереди.

Я допил кофе и поднялся, поставив чашку на перила. Пора просить прощения у Кору. По крайней мере я принесу ей добрые вести.

Я вошел в дом и позвал:

— Кора?

Тишина. Что ж, понятно: дуется. Я ведь просто сказал, что иду гулять, и она, вероятно, беспокоилась.

На душе у меня стало совсем мутно, и я сразу решил сделать ей что-нибудь приятное — обед, цветы и...

— Кора?

И во второй комнате пусто. Неужели она так разозлилась, что переехала в гостиницу?

«ВАС ОЖИДАЕТ ПОСЛАНИЕ» — светилась надпись на экране телефона-компьютера, как всякий раз, когда кто-нибудь звонил или, уходя, оставлял записку. В желудке возник ледяной ком, во рту прорезался привкус кофе.

Я пересек комнату, коснулся клавиши, и экран показал:

«ДОН ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СКЛАДЫВАЮТСЯ ТАК ЧТО МНЕ ПОРА ЕХАТЬ. У НАС БЫЛ ЧУДЕСНЫЙ ЛЕТНИЙ РОМАН, НО ДУМАЮ НЕ СЛЕДУЕТ ПРИДАВАТЬ ЕМУ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ. ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ В МОЕЙ ПАМЯТИ. КОРА».

Я осматривал весь дом и удостоверился, что ее вещей нет. Потом вернулся и сел у экрана. Конечно, по дисплею не проверишь почерк и роспись не сличишь. Но преподаватель языка, который так соблюдает пунктуацию...

Я был почти удивлен собственной реакцией. Не отчаяние, не грусть, не истерия, не страх. Нечто совершенно иное.

Во рту, однако, пересохло. Я открыл холодильник, достал пиво, вырвал крышечку и в несколько глотков осушил всю банку.

Рука дрожала — похмелье плюс волна нахлынувшего адреналина. Адреналина — от ярости, не от испуга. Я почти забыл, что такое ярость.

Пальцы слушались меня идеально. А почему, собственно, нет? И все же где-то глубоко внутри это казалось странным... Позже, позже... Об этом будем думать позже... Я смотрел, как жестянка хрупким цветком сминается в кулаке.

Физическое напряжение будто очистило путь для другого — не только для логики и здравого смысла...

Всматриваясь в экран, я попытался почувствовать на клавиатуре пальцы Кору, вводящие это послание. Время поступления информации на центральный процессор...

Сознательно я не отдавал себе отчета в своих действиях. Но на более глубоком уровне знал, что заглядываю в компьютер, воспринимаю его электрическую жизнь — чувство сродни той полудремотной эмпатии, которую я недавно испытал к электронному навигатору плавучего дома.

Потрясение от открытия или, вернее, повторного открытия такой силы внутри меня отступило на задний план перед иной, необоримой нуждой. Я не мог найти пальцев Кору. Здесь были чужие пальцы...

Пришло время думать. Адреналин тут плохой помощник, и даже мой вновь обретенный талант оказывался бессильным. Я проклинал нашу ссору, ругал себя за то, что оставил Кору одну, беззащитной перед нападением, перед похитителями. Я вернулся в Ки-Уэст, как на родную землю, в мой дом — мою крепость, где можно стоять насмерть — вовсе не из-за денег (как я пытался уверить Кору), которые должны сегодня поступить в банк...

Банк.

Перед глазами, как во вспышке, вновь предстала захлопывающаяся дверь со старомодным матовым стеклом. То, что много лет назад я тайно обозначил, — только для себя, мысленно! — язык моего сна, моего подсознания назвал — «ВИТКИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ».

Банк.

Я вышел из дома, сел в машину и подъехал к банку, встав на площадке в тени кокосовой пальмы. Я взглянул на часы. Деньги должны поступить в полдень — в виде электрических импульсов по оптоволоконным кабелям, что тянутся под теми же длинными мостами, по которым несутся легковушки и грузовики.

В машине было жарко и душно. Не выключая мотора и кондиционера (никто не смотрел на это косо теперь, когда мир так стремительно завоевала солнечная энергия — и «Ангро энерджи»), я откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Компьютер в банке был целым городом по сравнению с крохотным электронным форпостом у меня дома. Но городом, выстроенным логически, с четко обозначенными проспектами.

С каждым часом, с каждой минутой ко мне возвращалась память. Мысленно я потянулся к банковскому компьютеру. Начался «эффект витков».

Глава 4

Кликлик, и вперед, в волшебный город света и тьмы... Реки холодных электронных огней, огибающие геометрически правильные острова, текущие под мостами, останавливающиеся перед плотинами, тихо струящиеся здесь, с ревом несущиеся там... Огоньки, перемигивающиеся, как на дисплее пинбола... Грохот, шорох...

Я пробрался к оазису спокойствия, откуда открывалась вся картина, где-то окуная палец, где-то касаясь пилона, чтобы чув-

ствовать эхо пульсирующей информации. Врата открывались и закрывались, нейтральные сигналы проносились мимо товарными поездами... Не то, не то, не то...

Время приостановилось. Да и в любом случае — Боже, до чего приятно вернуться... Я мог ждать. Казалось, что, если бы мое тело сейчас умерло, я продолжил бы существование в окружающей громадной машине. Кликлик...

Замедли, останови, увеличь, расширь.

Да.

Вот, поймал. Цепочка-символ с ежемесячной стипендией: 11111010000000, с моим именем. Я проследил ее до своего счета. Немедленное уведомление о получении, с тем же кодом, возникло, словно феникс, из электрически потрескивающего гнезда, стремглав помчалось в силовую линию, по которой прибыли мои деньги...

Я пометил его, ухватил, последовал за своим именем. Вдоль цепи кабельных трасс, подвешенных (отметил я на другом уровне сознания) на опорах, от острова к острову, по медным и оптоволоконным проводникам, змеящимся по каналам, к расчетной палате Майами, через другой, еще более крупный город огней и дальше вперед, вниз, вверх, вокруг, насквозь, от терминала к терминалу: Атланта, Нью-Йорк, Нью-Джерси и затем...

Нью-Джерси, правление «Ангро энерджи».

Да, разумеется. Но я должен был убедиться.

Я нырнул. И выплыл на фондовой бирже, омываемый успокаивающими ритмами прогнозов цен на пшеницу. Память возвращалась...

Эль-Пасо. Мне семь лет. Я сижу на полу в торговом центре, где работают мои родители. И, как другие дети с игрушками, беседую со старым, модели 1975 года компьютером, отключенным от информационной сети на ремонт, но работающим в режиме проверки. «Что с тобой? — спрашиваю я. — Почему ты сбиваешься?» Затем в моей голове вспыхивают разряды, и я ввинчиваюсь в город огней; только где-то их нет. Здесь, здесь, здесь — и здесь!.. Так я впервые скользнул в компьютер. Я...

Напомнил о себе другой мир — более медленный, менее яркий. Я смутно осознавал, что кто-то стоит у моей машины на стоянке возле банка, смотрит на меня. Я не хотел возвращаться, но увы... Пришлось стряхнуть с себя видение, скользнуть назад в свою голову, посмотреть на назойливого прохожего.

В белом брючном костюме, невысокого роста, темноволосая, довольно хорошенькая, с восточными чертами лица. Она не сводила с меня глаз.

Я чувствовал, что должен ее знать.

Я опустил стекло.

— Как твои дела, Дон? Ты неважно выглядишь.

Энн. Энн Стронг. Я не помнил ничего, кроме этого, но имен-то можно воспользоваться.

— Мне давно уже не было так хорошо. Что ты здесь делаешь, Энн?

— Меня ты по крайней мере помнишь, — сказала она. — А я уж стала сомневаться.

— На мне пока рано ставить крест, — с улыбкой заметил я и выпалил еще кое-что: — Любишь цветы?

— Их так много, и все такие красивые, — ответила девушка. — Такие чистые... краски.

Что-то в ней... особенное. Не «краски» она хотела сказать, другое слово, я чувствовал. У нее действительно было особое отношение к цветам, но...

— Ты давно в городе?

— Нет. — Она чуть качнула головой. — Тебе здесь нравится?

— Я постепенно привыкся к нему.

— Понимаю. Но неужели же нет ничего увлекательнее, чем сидеть в машине на стоянке возле банка?

— Ожидаю откупных денег от «Ангро», — бросил я — отчасти наугад, прощупывая, а частично потому, что уже начал подозревать связь.

Энн нахмурилась, поджала губы, поцокала, медленно качая головой.

— Кнутом и пряником. Старое правило.

— Ну, я-то кнутом не ограничусь.

— Откуда такая злоба, Дон?

— Почему ты здесь?

— Приехала в банк получить по чеку и увидела знакомое лицо.

— Ладно. Тебя подбросить куда-нибудь?

— Я собиралась перекусить.

— Есть одно приличное местечко. Залазь.

Она села в машину, и мы выехали на дорогу, повернув налево.

— Отдыхаешь, значит, — заметил я.

— Вроде того.

Что-то с ней... В голове зазвенели, предупреждая, колокольчики. Словно я уже нащупал причину, но та упрямо от меня ускользала.

Неважно, решил я. По крайней мере — не жизненно важно. В пропаже части моей биографии и в исчезновении Кору из-за ее связи со мной виновата «Ангро энерджи». Мне так казалось.

Я собирался отправиться в Нью-Джерси и поднять там боль-

шой шум. Я собирался отыскать людей, которые пока лишь темными силуэтами маячили в затуманенной памяти.

Их имена вспомнятся, вспомнятся их лица. Я найду их. Я заставлю их говорить. Они вернут мне Кору, иначе я... что-нибудь сделаю. Что-нибудь разоблачающее или отчаянное. Или и то, и другое. Выбора у меня больше не оставалось.

Я въехал на стоянку возле небольшого кафе, куда иногда заглядывал. Сейчас, в необеденное время, там вряд ли будет многолюдно.

Мы вышли из машины, и я чуть не взял Энн за руку. Внезапно налетел запах гиацинтов.

Мы сели за маленький угловой столик, я вдруг ощутил зверский голод. Зеленый суп, салат, побольше мяса, охлажденный чай, пирог — я заказал все. Энн взяла салат и чай.

Теперь я был совершенно уверен, что знал ее, когда работал в «Ангро». Но в каком качестве? Хоть убей, не помню.

— Хорошо, что ты здесь счастлив, — помолчав, произнесла Энн.

— Бывали времена посчастливее.

— Вот как? — Ее глаза расширились, к щекам, показалось, прилила кровь. Но только на миг. Тут же лицо Энн застыло. — Ничего, еще вернутся твои радости. Все придет.

Мне почудился аромат роз.

— Кто знает?

Она перевела взгляд на тарелку, подцепила вилкой листок салата.

— Кое в чем можно не сомневаться.

— Например? — отозвался я.

— Сотрудничество с властями предержажими приносит предсказуемые результаты.

— В наши дни не поймешь даже, с чего начинать.

— Ты испытываешь беспокойство.

— Да.

— А говоришь, что тебе здесь нравится.

— Верно. Но скоро я уеду.

Ее глаза встретились с моими.

— Так не начинают, — сказала она.

— Тебе известен лучший путь?

— Любой путь, который не связан с необдуманными поступками, лучше.

— С удовольствием показал бы тебе окрестности, — заметил я, — но скоро самолет. В Нью-Джерси.

Я внимательно следил за ее лицом, надеясь уловить реакцию. В воздухе расплылся запах жасмина.

А выражение лица несколько не изменилось, когда она сказала:

— Не глупи, Дон. Это как раз и есть необдуманнный поступок.

— Что же посоветуешь делать? — спросил я ее.

— Ступай домой. Никуда не уезжай. Рано или поздно с тобой свяжутся...

— Хорошо, давай напрямую! Тебе известно больше, чем мне. Где она?

Энн покачала головой.

— Понятия не имею.

— Ты знаешь, что происходит.

— Я знаю только, что ты вспоминаешь вещи, которые лучше не вспоминать.

— Сделанного не вернешь. А я не собираюсь торчать дома и ждать, пока зазвонит телефон.

Она положила вилку на тарелку, достала платочек и промокнула губы.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты пострадал.

— Мне бы тоже, — сказал я.

— Не лети в Нью-Джерси. С тобой произойдет что-то ужасное.

— Что?

— Не знаю.

Я издал горловой звук, и Энн торопливо вскочила.

— Извини.

Я сразу же поднялся и пошел за ней. Но она сделала несколько шагов и исчезла в туалете, а я в нерешительности остановился.

Мимо проходила наша официантка с кофе.

— У женского туалета есть второй выход?

— Нет, — ответила она.

— Окна?

Она покачала головой.

— Четыре зеленых стены.

— Спасибо.

Я вернулся за столик и доел пирог. Выпил охлажденный чай, затем попросил кофе.

В туалет зашла седая женщина. Когда чуть погодя она вышла, я к ней подошел:

— Прошу прощения, там нет невысокого роста девушки с восточными чертами лица, в белом брючном костюме?

Она поглядела на меня и покачала головой.

— Нет. Никого нет.

Когда я расплачивался в кассе по счету, оставив чаевые на столике, мне почудился голос Энн:

— Никуда не уезжай. Думаешь, сейчас у тебя неприятности? По крайней мере ты жив! Сиди дома, не дразни собак.

Я огляделся по сторонам, но Энн нигде не было. И все-таки я почти физически ощущал ее присутствие.

— Неудачно, — пробормотал я. — Ты что — омрачила мне рассудок?

Ее смех смешался с ароматом цветов.

Глава 5

Дома я переоделся, закинул в сумку бритву и кое-какие мелочи и, наведя через компьютер справки о расписании полетов, убедился, что новых посланий для меня нет. Я запер дверь, вновь сел за руль и направился к аэропорту. Призрачный голос Энн больше меня не преследовал, хотя я со страхом ожидал увидеть ее буквально за каждым поворотом.

Долгий полет — это как раз то, что нужно, если вы хотите хорошенько все обдумать.

Я припарковал машину, нырнул в здание аэропорта и зарегистрировался у стойки, где мне дали талон на посадку. Оставалось еще немного времени, и я, взяв чашку кофе, прошел в зал ожидания. Впервые с самого раннего утра на меня ничего не давило, можно было расслабиться. Я уселся в кресло и отхлебнул горячей жидкости.

Кликлик?..

Расслабиться...

Кликлик.

Я смежил веки и почувствовал вокруг себя пульсирующую сеть электронной активности, практически вездесущей в наши дни и все же сосредоточенной в большей степени в определенных местах. Например, в аэропорту, с его обилием перерабатывающих информацию устройств.

«Привет, — сказал я. — Ты успокаиваешь и нежишь».

Мой мозг массировали проходящие волны. Я ни о чем не думал. Я не ввинчивался и не считывал...

Через несколько минут я вынырнул из потока, сделал глоток кофе и стал смотреть в окно на подкатывающий по полосе самолет. Мне было гораздо лучше. После аптечки Джека и хорошего завтрака все следы похмелья улетучились. Голова работала так ясно, как не работала целую вечность. Несмотря на предупреждение Энн, я даже поверил в успех своей миссии.

Мне ведь была нужна только Кора. Ее исчезновение, пожалуй, могло быть вызвано лишь недовольством неведомых лиц тем, что я обретаю память. Им требовалась управа на меня — на случай, если я вспомню что-либо опасное. И я с радостью обещаю держать рот на замке, если только Кору отпустят.

Каким образом им стало известно, что я вспомнил нечто запретное?

Ну, во-первых, Багдад. Возможно, за мной вели наблюдение. Или, возможно, на некоем пульте вспыхнула красная лампочка, когда я купил билет в Мичиган; или когда врач-психиатр затребовал на меня данные через крупный медицинский компьютер. А может, мой плавучий дом и квартира прослушивались. Или... Да все, что угодно! Собственно, неважно, что именно вызвало сигнал тревоги. Главное, они заподозрили, что я вспомнил что-то для них крайне нежелательное.

Что?

Я напрягся. Компьютеры, компьютеры, компьютеры... Нет, пока чересчур туманно.

Кора нужна им для оказания давления на меня, и теперь для контригры мне необходимы эти воспоминания — вдруг моего обещания окажется недостаточно? Я надеялся, что по пути память вернется. А если нет, придется блефовать. Они напуганы — иначе бы не пошли на риск. Это может оказаться мне на руку.

Даже тогда я не очень беспокоился о своей личной безопасности. В конце концов, желей они того, меня давно бы уже убили. А они, напротив, выбрали более сложную альтернативу, лишь стерев у меня определенные воспоминания.

Самолет остановился, прилетевшие пассажиры вышли. Через несколько минут багаж был выгружен, салоны убраны, баки заполнены горючим. Работник аэропорта объявил, что можно пройти на посадку.

Я недоверчиво потер глаза. Что-то с этим работником было определенно не в порядке.

Кожа его позеленела, над нижней губой нависли два длинных изогнутых клыка. Что это — шутка, розыгрыш? Другие пассажиры, не обращая никакого внимания, пошли к выходу. Я взял сумку и сделал то же самое. Если их это не беспокоит...

Все же я, наверное, смотрел на него необычно, потому что, проверяя билет, он мне улыбнулся — поистине жуткое зрелище. Я проследовал дальше, качая головой.

И замер, выйдя из здания. Самолет исчез. На его месте стоял огромный старомодный катафалк. Темная деревянная карета с черными шторами была запряжена рослыми черными конями с

траурным плюмажем на головах. Из моего горла вырвался сдавленный звук.

Меня оттирали локтями и шли на посадку. Кони фыркали и били копытами. Я повернулся, не в силах идти вперед. Я знал, что умру, если...

Кликлик?..

Я закрыл глаза, отрешаясь от кошмарной картины. В окружившем меня электрическом городе огней царили логика и здравый смысл. Моя защита от дурных видений.

На миг окунуться в волны для восстановления сил...

Я опустил голову и вновь открыл глаза. Надежный бетон, исчерченный желтыми линиями.

Иди по желтой бетонной дорожке...

Я пошел. Я наткнулся на женщину и извинился, при этом подняв взгляд.

Мы находились у подножия трапа, но видение не изменилось — передо мной стоял роскошный катафалк.

Я начал узнавать правду о себе, и теперь меня недвусмысленно предупреждали.

По-моему, я повернулся, уже готовый искать иные средства путешествия. Но тут подумал о Коре, о причине, толкнувшей меня на полет, о причине, по которой я должен взойти на борт во что бы то ни стало.

Плотно зажмурив глаза, я положил руку на перила и одну за другой стал преодолевать ступени. Взобравшись наверх, я услышал удивленный женский голос:

— Вам плохо?

— Да, — ответил я. — У меня непреодолимый страх перед полетами. Пожалуйста, проводите меня до места.

— Разумеется.

Меня взяли за руку, повели за собой. Я дважды приоткрыл глаза в надежде быстро сориентироваться.

Салон, зловеще освещенный свечами, был наполнен ухмыляющимися вампирами и чудовищами. Я не смел взглянуть на свою проводницу, страхась увидеть богиню смерти и осознать, что мне конец.

Я нашел под ногами место для сумки. На ощупь все казалось нормальным. Так или иначе, мое осязание затронуто не было. Я отыскал концы ремня и защелкнул их на животе. Не глядя — не сомневаюсь, что увидел бы змею. Но знать и видеть — совсем разные вещи. Приоткрывая глаза, я представлял, на что будет походить салон. Но само по себе знание на несколько степеней менее тошнотворно, чем непосредственное ощущение. Успока-

ивала мысль, что у меня не совсем нормальное состояние — в конце концов, вмешательство психиатра растревожило самые недра моего сознания...

«Да, придерживайся этого, — решил я, — таким образом, все сводится к здоровью. Пока ты еще не тронулся...»

Тронулся?.. Мы тронулись с места. С одной стороны, я понимал, что самолет поворачивает, двигаясь по взлетной полосе. С другой — я слышал зычное ржание и цокот копыт. Фургон болтало, колесные оси скрипели.

Кликлик.

Да, опять. Нырок в плавное течение работающих вокруг систем — более простых, чем в аэропорту, всего лишь несколько огоньков рациональной структуры. Но я держался их и плыл, будто войдя в транс, вновь и вновь циркулируя в каждом функциональном уровне.

Я двигался по морю тьмы в собственном мире света и целую вечность, пока по динамикам не объявили посадку в Майами, не обращал ни на что внимания. Я прекрасно понимал произнесенные слова, но в то же время слышал и другое: траурный перезвон бронзового колокола и мрачный голос, извещающий, что Дональд Белпатри сейчас будет брошен в геенну огненную и останется там, пока плоть не слезет с костей. Я едва не закричал тогда, но прикусил губу и до боли, до хруста в суставах сжал кулаки.

Мы приземлились, и, когда самолет замер, подсознание тут же оставило меня в покое — устроило перекур? просто сдилось после благополучного прибытия?.. Я открыл глаза и увидел обычных людей, отстегивающих посадочные ремни и собирающих вещи. Все тщательно избегали моего взгляда. На выходе я снова поблагодарил стюардессу и, живой и невредимый, добрался до здания вокзала.

Там нашел свою секцию, зарегистрировался, зашел в туалет, осушил у автомата два стакана холодной как лед кока-колы и занял место в зале ожидания поближе к проходу на посадку — как мог приготовился к возвращению галлюцинаций. Все это я делал чисто механически, стараясь ни о чем не думать. Но стоило мне сесть, как вновь стали одолевать неприятные мысли.

Могли ли беспокойство и тревога — естественная реакция на медицинское вмешательство и исчезновение Кору — под воздействием реальной, высказанной мне угрозы выразиться на столь ярком параноидальном уровне? Так глубоко психологию нам не преподавали, но это казалось возможным — учитывая, какие тяжелейшие стрессы я перенес.

Преподавали? Я внезапно понял, что учился в университете. Где? В Денвере?.. Вроде бы там. Однако до защиты не дошел. Почему? Снова тупик. Но осталось ощущение, что Энн как-то связана с моим университетским срывом. Да, я знаком с нею еще с тех пор.

Энн... В чем ее слабость? В чем ее сила? И тем и другим она была наделена щедро. Казалось чрезвычайно важным вспомнить... Но и здесь все было заблокировано.

Я рвался, рвался изо всех сил. Если память об Энн для меня закрыта, как насчет «Ангро»? Компания «Ангро энерджи», моя бывшая хозяйка... Компьютеры. И я. Но не программист, не специалист, к примеру, по системному анализу. Я работал в каком-то особом качестве — весьма особом, весьма ценном для «Ангро», — пользуясь, да, своим уникальным сродством с самими машинами, их функционированием. Я был слишком важен для компании, даже когда немедленная необходимость во мне отпала. Ведь существовала возможность, что я снова понадобится. И вот...

Объявление о начинающейся через пять минут посадке вошло в мои мысли, перемешало их. Но все же шаг вперед сделан. Теперь бы только вспомнить какие-нибудь подробности, тех людей...

Объявление, похоже, послужило сигналом для выхода на сцену ватаги неврозов, до поры до времени притаившейся за кулисами. Ничего не изменилось, и все же все изменилось. Мною овладело оцепенение, жуткое, как затишье перед бурей, невесть откуда возникло ощущение неумолимо надвигающейся трагедии. Я почувствовал, как теряю способность трезво рассуждать...

Но я уже проходил через подобное испытание и остался жив. Я поклялся взойти на борт во что бы то ни стало и обратился к единственной защите: влился в окружающие меня пульсирующие системы, проскользнул в пункт управления полетами, миновал блок вечно меняющейся кратковременной памяти, словно огромный яркий ткацкий станок, сплетающий полетную и метеоинформацию...

Объявили посадку. Когда я встал и повернулся к проходу, предъявив билет контролеру, все будто померкло и поплыло: передо мной зияла сырая темная пещера, и что-то змееобразное копошилось на ее сводах.

Цепляясь за последние крохи реальности, я прикинул, что до поворота шагов пятьдесят, закрыл глаза и, касаясь левой рукой стены, двинулся вперед, не думая ни о чем, только шагая, только считая...

Пятьдесят!

Тогда я открыл глаза, увидел, что нахожусь почти у цели, и побежал.

За поворотом меня ждал катафалк, еще шире, еще длиннее прежнего.

— Забыл очки, — взмолился я, обращаясь к стюарду. — Со всем не вижу номеров...

Стюард был полон сочувствия, хотя, пока он провожал меня до места «13 А», оказавшегося у иллюминатора, у него появились третий глаз, оранжевая кожа и зеленые волосы.

Я пристегнулся, сунул сумку под кресло перед собой и съехался, дрожа всем телом. Бормочущие невнятные голоса по сторонам казались частью зловещего заговора, направленного против меня. Я ругался, я возносил молитвы и наконец снова волился в электронную систему самолета.

Но отвлечения неизбежны — полет долгий.

Я услышал, как стюард предложил мне что-нибудь выпить, и попросил двойной скотч, причем, протягивая деньги, умышленно не смотрел в его сторону. Однако при этом невольно глянул в иллюминатор.

Иллюминатора не было. Меня окружало открытое пространство, как я почему-то и предполагал. Внизу клубились облака. Мы сидели в длинном широком экипаже, и дьявольская упряжка черных как смоль, увенчанных кривыми рогами, изрыгающих огонь лошадей мчала нас к виднеющейся вдаль вершине — я знал, это Брокен, — где мерцали вспышки, гигантская тень колыхалась в небе и крошечные фигурки плясали под ней...

Мои сотоварищи-пассажиры... Все уродливые, злобные, у каждого на коленях черная кошка, рядом — самодельное помело, вокруг мечутся летучие мыши... Мы направлялись на шабаш ведьм, и, разумеется, я знал, кому уготовано быть жертвой...

Принесли мой заказ — отвратительное пойло желто-зеленого цвета, с какими-то маслянистыми пятнами на поверхности. Я взял стаканчик и закрыл глаза. Понюхал — скотч. Я сделал большой глоток и поперхнулся. Скотч.

В желудке разлилось тепло. Сидя с закрытыми глазами, я твердил себе, что нахожусь на борту самолета, летящего в Филадельфию. Я протянул руку и коснулся холодного стекла иллюминатора, ошупал спинку переднего сиденья. Некоторое время слушал бортовой компьютер. Я думал о Коре...

Да, Кора, я иду. Так легко меня не остановить — всего лишь несколькими демонами, упырями, чудовищами. Я знал, что сам придумываю их для развлечения в полете, чтобы сбалансировать свое

внутреннее состояние. Схожу с ума? Какое там!.. При следующей нашей встрече я буду исключительно рационален. На происходящее надо смотреть, как на результат приема слабительного, как на благополучный исход всего того, что грызло меня на самом глубоком уровне. Я не схожу с ума. Честно, Кора, ведь не могу же я сейчас сойти с ума? Это было бы верхом иронии: обрести столь многое — тебя, свою истинную личность — и сразу все потерять, сойдя с катушек. Нет, я должен верить, что все это служит высшей цели — рациональности. Именно так...

Я сделал еще глоток. Уже чуть лучше. Пока, по сути, я совершенно невредим. И разве участники шабаша не расслабились сами, потягивая из своих стаканчиков? Вздохни, Белпатри. Когда это ты бросил курить? Ты вроде бы имел обыкновение...

А затем чаши весов дрогнули, и я понял, что попался.

— Не желаете перекусить, сэр?

Отказываясь, я машинально открыл глаза. Стюард был все тем же чудовищем, но мой взгляд упал вниз, на открытый храм с колоннадой и скульптурами, где юноши играли на флейтах, а девы танцевали. А посреди храма на некоем подобии алтаря меж пылающих жаровен две седовласые старухи голыми руками раздирали младенца, перемалывая челюстями его косточки, то и дело вытирая кровь, струившуюся из их ртов. Они почувствовали мой взгляд, подняли головы и затрясли кулаками.

Это было кошмарно, и все же так знакомо...

— «Снег»! — вырвалось у меня. — «Снег»! Черт побери, помню!

Сон Ганса Касторпа в главе «Снег» романа Томаса Манна «Волшебная гора». Изучая в университете литературу, я прочитал эту книгу, о чем упомянул Энн. Оказывается, она тоже читала ее. Как-то мы целый вечер обсуждали значение этой сцены, слияние аполлонического и дионисийского, классического и бесформенного, интеллектуального и эмоционального...

Энн знала, какое впечатление произвел на меня когда-то «Снег».

Я глубоко вздохнул и уловил запах ландышей. Этот аромат все время исподволь сопровождал меня, погребенный под лавиной других ощущений.

«Моя дорогая Энн, — сказал я про себя, — если слышишь, что я сейчас думаю, можешь убираться к черту! Ты дала промашку, я тебя раскусил. Того, что ты делаешь, недостаточно».

Вид подо мной замерцал, стал расплываться. Меня окружали нормальные люди, сидящие в салоне самолета.

Я не сходил с ума, моя психика не выворачивалась наизнан-

ку. Энн каким-то образом внушала мне иллюзии. Но и всего лишь — пустые и бесплотные.

Вскоре они вернулись. Нас атаковали сверхскоростные птеродактили, они разносили в куски крылья самолета. Некоторое время я бесстрастно наблюдал за этим, потом смежил веки — все же картинки отвлекали, а мне надо было обдумать кое-что поважнее. Например, что я скажу моим бывшим работодателям, когда доберусь до них.

Глава 6

Змей цвета морской волны, обвивавшийся вокруг фюзеляжа, растаял, когда мы зашли на посадку. Самолет мягко коснулся бетона и без промедления подкатил к своим воротам.

У выхода из туннеля, на сей раз свободного от чудовищ, ко мне приблизился сотрудник аэропорта — невысокий, темноволосяный крепыш в новенькой, с иголки, форме.

— Мистер Белпатри?

— Да.

— Дональд Белпатри?

— Точно.

— Прошу вас следовать за мной.

Я машинально сделал несколько шагов, а потом спросил:

— Куда вы меня ведете?

— В зал для особо важных лиц.

— С чего это вдруг?

— Там вас ожидают.

— Любопытно, кто?

— Имя этого господина мне неизвестно, сэр.

— Что ж... — сказал я. — Пойдем и выясним.

Мы прошли по короткому коридору, и передо мной распахнули дверь.

В зале были четверо — трое мужчин и женщина. Двое мужчин принадлежали к свите, я это сразу понял: высокие, молодые, с короткими стрижками, атлетически сложенные; рубашки апаш под светлыми пиджаками — типичные телохранители. Они стояли немного позади седовласого, радушной наружности мужчины постарше, который сидел лицом ко мне. На нем был темный, отлично сшитый пиджак, белая рубашка, строгий галстук. На столе красовалась бутылка минеральной воды, и все трое держали по стакану прозрачной искрящейся жидкости. Только у женщины в руке был большой старомодный бокал со зловещего вида напитком. Женщина сидела справа от седовласого. При-

влекающие внимание черты лица — очевидно, квартеронка — и почти бесцветные волосы. Лет сорока. На ней была милая желтая блузка с оборками и нитка черных бус вокруг шеи. Мари расплылась с последней нашей встречи — я заметил это, когда она вместе с женщиной поднялась мне навстречу. Мари... Мари Мэлстренд, вспомнил я так же внезапно, как и то, что вообще ее знал. Однако больше моя память ничего о ней не подсказывала.

Оба мне улыбались.

— Как поживаешь, Дон? — спросил Босс.

Босс... Мы почти всегда звали его так. На самом деле имя председателя правления «Ангро энерджи» было Крейтон Барбье.

Мы?. Я не мог сказать точно, кого имел в виду под этим местоимением, здесь мне память изменяла. Но себя я смутно воспринимал членом некоей особой группы, которая работала на Босса. Мари... Мари была одной из нас.

— В последнее время весьма интересно, — ответил я. — Как вы узнали, что я прилетаю этим рейсом?

Он прищурил левый глаз и улыбнулся — на языке его мимики это означало, что Босс считает вопрос глупым. Разумеется, я должен понимать, что ему известно все...

— Я беспокоюсь о тебе, Дон, — сказал он и, приблизившись, сжал мое плечо. — Ты неважно выглядишь. Я полагал, что мы лучше о тебе печемся. Устал от Флориды?

— Я от многого устал.

— Безусловно, — согласился Босс, тронув мою руку. — Прекрасно понимаю. Не всякому по душе ранняя отставка...

Я машинально позволил подвести себя к столу.

— Выпьешь?

— Не сейчас, спасибо.

— ...Но ты же знаешь — такие обстоятельства, — продолжал он, сделав глоток из стакана. — Пришлось порядком повозиться, чтобы вовремя увести тебя из-под удара.

Он сел и посмотрел на меня открытым прямым взглядом.

— Видит Бог, ты этого, разумеется, заслуживал. Ситуация сложилась довольно деликатная, и рисковать было нельзя. Однако стоит похлопотать ради хорошего человека.

— Дональд, — произнесла Мари, прежде чем я успел что-либо сказать. Она протянула руку, и я, опять машинально, пожал ее.

— Мари, как ты живешь?

— Неплохо, — ответила она. — С каждым днем мои способности возрастают. Чего еще можно желать?

— Действительно, — согласился я, чувствуя ее враждебность под маской улыбки.

— Я много о тебе думал, Дон, — вновь продолжил Босс. — Знаешь, нам тебя доставало. Ощутимо доставало.

— Где Кора? — спросил я, поворачиваясь к нему.

— Кора? — Он нахмурил брови. — Ах, Кора... Конечно. Кто-то мне о ней говорил. Девушка, с которой ты в последнее время встречался. Знаешь... Знаешь, Дон... готов поспорить, что она не выехала даже за пределы штата. Спорю, что она там, в Кис, сейчас тебя разыскивает. Сперва надула губки и ушла, а потом спохватилась. Тебе следовало оставить ей записку.

Я немного смутился, потому что в принципе такая возможность не исключалась. А Босс гнул свое, не давая мне выразить свои сомнения.

— Знаешь, я не думаю, что тебя на самом деле привели сюда поиски, — заговорщически сказал он. — Может быть, ты себя в этом убедил, но причина в другом. Я думаю, что тебе стало лучше, чем несколько лет назад. Думаю, ты пришел к нам — возможно, не отдавая себе отчета, — потому что устал бить баклуши. Полагаю, ты хочешь вернуться к прежней работе.

При этом он смотрел на меня очень внимательно; я бы сказал, с надеждой.

— Я не очень-то хорошо помню свою прежнюю работу... Кора здесь?

— Мы бы могли использовать тебя, если ты готов, — быстро продолжил Босс. — Безусловно, с ощутимой прибавкой к жалованью. Не хочу, чтобы мои люди страдали от инфляции. Конкурентная борьба ожесточилась, ты знаешь? Преимущество, которым мы располагали в области солнечной энергии, улетучивается буквально на глазах. Черт побери, правительство везде сует свой нос! Да и другие ребята шпионят за нами похлеще Джеймса Бонда. Должен признать — они пользуются хитрыми трюками, и нам немало стоит держать их на расстоянии. Хотя они и в подметки не годятся моим лучшим людям; тебе ясно, что я имею в виду. Бьюсь об заклад, ты им сто очков вперед дашь.

— Может, да, а может, и нет — уклонился я. — Но сейчас речь о Коре. Вы знаете, где она?

— Эх, Дон, Дон... — Он вздохнул. — Ты будто не слышишь моих слов. Мы на самом деле можем тебя вновь использовать. Я предлагаю тебе прежнюю работу, причем на еще лучших условиях. Добро пожаловать в лоно нашей семьи. На меня поглядывают косо, однако я действительно считаю своих личных помощников членами семьи. Кажется, все бы сделал, чтобы внести в их жизнь немного больше света.

— Кора, — выдавил я сквозь стиснутые зубы.

— Возможно, даже помог бы тебе отыскать подружку.

— То есть вы не знаете, где она?

— Не знаю, — ответил Барбье. — Но мы поможем тебе, если ты сможешь нам.

— Я думаю, вы лжете.

— Ты причиняешь мне боль, Дон, — сказал он. — Со своими людьми я стараюсь вести дела без обмана.

— Ладно. Я знаю, что вы всему ведете строгий учет — как делам, так и делишкам. Давайте убедимся. Позвольте мне проверить закрытое досье «Дубль-зет».

— А еще жалуетесь на память... Верно, ты много работал в «Дубль-зет». Пожалуй, такое трудно забыть. Хорошо. Обидно, что ты не веришь мне на слово, но, пожалуйста, проверяй. Все, что угодно. Можем пойти взглянуть прямо сейчас.

Не вспыхнули ли насмешливо глаза Мари, когда она подняла бокал и осушила его?

Босс подал знак телохранителям. Один открыл дверь — не ту, в которую вошел я, — другой проследовал наружу. Мари подхватила с пола свою сумочку и вместе с Барбье направилась к двери. Я за ними.

Мы вышли на маленькую частную стоянку. Первый телохранитель уже сидел за руль лимузина. Легкость, с какой Босс согласился везти меня в святая святых для проверки секретных архивов, казалась мне более чем подозрительной.

Лимузин заурчал и тронулся с места.

— Вы очень любезны, — сказал я. — Но я не готов заниматься проверкой немедленно. Мне бы хотелось, чтобы при этом присутствовал мой адвокат.

На самом деле здесь у меня вообще не было знакомых юристов, но, если позвонить Ралфу Даттону, он наверняка сможет связать с компетентным специалистом.

— Адвокат? — переспросил Босс, поворачиваясь ко мне. — Брось, Дон! Это должно остаться сугубо между нами. Мыслимо ли, чтобы какой-то законник копался в самых деликатных наших делах!

— Я приду утром, через парадный вход, — сказал я, — с адвокатом. Надеюсь получить тогда ответы на многие вопросы. Например, что же я такого сделал, если мне пришлось промыть мозги и отправить «на пастбище». Да, я и об этом захочу поговорить.

Автомобиль подкатил к нам, остановился.

Стоявший рядом с Боссом телохранитель шагнул вперед и открыл дверцу. Я отступил назад, расслабил руки, поиграл рав-

новесием. Возможно, меня силой попытаются заставить сесть в машину. Тогда...

— Что ж, раз ты настроен таким образом, — проговорил Барбье, — мне жаль. Мне на самом деле жаль, что мы не можем найти общий язык, как в былые дни... Но будь по-твоему. Приводи своего человека утром, я согласен.

Они с Мари сели на заднее сиденье.

— До свиданья, Дональд.

Телохранитель закрыл за ними дверцу, сел за руль, и я проводил взглядом отъезжающую машину.

Вот так развязка! Все, оказывается, чертовски просто...

Неужели я ошибся в оценке ситуации?.. У меня была амнезия. А если все видения по пути сюда — натуральные галлюцинации Белпатри? Могу ли я полагаться на свои суждения? Что, если у Коры просто лопнуло терпение и она ушла? Вполне возможно...

Нет, в этом направлении лежит... Я хохотнул. Дальнейшее сумасшествие? Ну, за работу, ноги, уносите меня отсюда.

Я огляделся по сторонам. Единственный выход со стоянки вел на платформу автоматического монорельсового транспорта, которым пользовались для передвижения в пределах аэропорта.

Поднявшись по ступеням на платформу, я увидел кнопку на столбе, а ниже кнопки — табличку с инструкцией. Это была особая платформа. Вагончики останавливались здесь только в том случае, если кто-нибудь из особо важных лиц нажимал кнопку. Идея, очевидно, заключалась в том, чтобы зеваки и бездельники из обыкновенной публики не могли сойти на этой остановке.

Я нажал кнопку.

Через несколько секунд появился вагончик с единственным пассажиром, который сидел лицом ко мне. Что-то знакомое было в его фигуре. Я зашел в вагончик и рассмотрел его поближе.

Седой мужчина неопределенного, «среднего» возраста. С последней нашей встречи он отпустил густые бакенбарды, по широкому носу расползлась сеть прожилок; тело раздалось, обрюзгло, ярче обозначились мешки под светло-голубыми глазами.

— Малыш Уилли! — воскликнул я.

Нет, в плавучем доме там, во Флориде, я видел не его. Но словно бы еще тогда память и воображение слились воедино, чтобы предупредить меня о чем-то.

— Спаси и помилуй, никак мистер Белпатри! — воскликнул он своим волшебным голосом, звонким и почти музыкальным.

Когда-то этот голос был известен всей стране. Слова всегда произносились четко; говор менялся в зависимости от обстоя-

тельств, но уроженец Юга чувствовался неизменно. Он драглотку Евангелием сперва на улицах, потом в залах и наконец перед миллионами по телевидению.

Были исцеления и восславления, а затем была история с девочкой в Миссисипи — аборт, попытка самоубийства... Капитал Малыша Уилли лопнул. Уголовного наказания не последовало, но верующие лишились его версии Господа. Образ проповедника стерся в памяти толпы.

И все же что-то особое в нем было. Что-то связанное с исцелениями — реальными исцелениями.

— Мэтьюс, — сказал я и сел рядом, зачарованный его присутствием, вспоминая с каждой секундой все больше и больше.

Зачарован я был и явной переменной в нем — переменной к худшему. Вместе со слабым запахом спиртного от него, казалось, исходило само Зло. И, как ни странно, я был рад, потому что это означало, что я не ошибался, что я не сошел с ума и дело не кончено.

Вагончик не двигался, стоял с открытыми дверями. Тогда я не придал этому значения.

— Как дела на рынке энергии? — спросил я, потому что он был членом нашей группы, это я знал точно, хотя роль группы до сих пор представлял весьма туманно. Интересно, чем именно занимался Мэтьюс...

А потом я вспомнил — когда на себе почувствовал род его занятий. У меня внезапно перехватило дыхание, в груди разлилась боль, отдающая в левую руку.

...Однажды, давным-давно, я отправился с Малышом Уилли в его квартиру. Там мы провели вечер, принимая на себя «заряд» целой бутылки очень мягкой «белой молнии».

Прямо на виду на маленьком столике у окна лежала Библия, совершенно неуместная при нынешней работе Малыша Уилли. Она была раскрыта на псалме 109, почти полностью подчеркнутым.

Позже, когда нас обоих уже порядком развезло, я спросил его о днях проповедничества:

— Сколько в том было трюков и обмана? Ты действительно верил в то, что говорил?

Малыш Уилли опустил стакан и поднял глаза, пригвоздив меня их ацетиленовой голубизной, которая так хорошо смотрелась с экрана.

— Верил, — ответил он просто. — Клянусь, вначале я был полон огня Господня. И только для Бога хотел покорять души. Я верил. Я надрывался, я читал из Священного Писания и потрясал Библией. Я был ничуть не хуже Билли Грэхема, Рекса

Хамбарда... Любого из них! Даже лучше! Когда я молил об исцелении и видел, как калеки отбрасывают костыли и идут, как прозревают слепые, я знал, что осенен благодатью, и я верил. — Он отвел взгляд в сторону. — А однажды я разозлился на газетчика, — медленно продолжил Малыш Уилли. — Я его прошу отойти — он стоял у меня на пути, — а тот ни в какую! «Черт побери! — подумал я. — Чтоб ты сдох, ублюдок!» — Малыш Уилли вновь замолчал. — А он так и сделал — свалился и отдал концы. Доктор сказал — сердечный приступ. Но газетчик был молодым крепким парнем, а я-то знал, чего желал ему в глубине души. И тогда я стал думать: ведь не пойдет же Господь на такое для своего слуги? Исцеление — безусловно, ради спасения душ. Но убийство?.. Я стал думать: может, сила моя проистекает не от Господа, и ему все равно, как я ею пользуюсь. Ему все равно, проповедую я или нет. Не Святой Дух движет мною, вызывая исцеления, а нечто внутри меня самого, что может лечить, а может и убивать. Тогда-то я и начал блудить, и пить, и все остальное. Тогда-то и появились обман, и грим, и телевизионные камеры, и подсадные утки в толпе лжесвидетельств... Я утратил веру. Существует лишь мы, животные, растения и камни; больше никого. Смысл жизни в том, чтобы урвать побольше да поскорее, ибо дни сочтены, и время бежит быстро. Бога нет. А если и есть, меня он уже не любит.

Малыш Уилли залпом выпил, вновь наполнил свой стакан и заговорил на другую тему. С тех пор мы с ним общались только по делу.

...А делом его было убийство. Инфаркт, кровоизлияние в мозг — естественные причины смерти. Сила в нем была. Думаю, он ненавидел себя и вымещал ненависть на людях. За деньги «Ангро». А теперь он сжимал мое сердце, и в считанные секунды я умру.

Я начал вставать и повалился назад. Он не спешил прикончить меня. Что-то новенькое — неприкрытый садизм. Он хотел насладиться моими муками, моей медленной смертью.

Я скатился с сиденья на пол. В голове как сигнал тревоги возникла схема компьютеризованной системы управления вагоном. Не отдавая себе отчета в том, как я это делаю, я пытался заставить вагончик двигаться, отвезти меня туда, где мне могли оказать помощь. Я дотянулся до дверей, только что захлопнувшихся, но не смог их развести. Я тянул и толкал правой рукой — левая будто пылала. Сквозь стекло смутно виднелась фигура... крупного мужчины... Третьего телохранителя, наверно. Он стоял и смотрел, как я корчусь.

Надо мной нависло лицо подавшегося вперед Мэтьюса, его баки, длинные пожелтевшие зубы; меня обволокли густые винные пары. Я тянулся изо всех сил. Что-то...

Вагончик внезапно дернулся, заходил ходуном. Малыша Уилли скинуло с сиденья.

Боль в груди ослабла; неожиданно открылись двери.

Я полувыпал, полувыкатился на платформу и пополз прочь. Единственное спасение от атак Мэтьюса — расстояние. Если удастся отойти на бросок камня, убить он меня уже не сможет.

Я заставил себя подняться на ноги, качаясь сделал шаг и едва не упал, когда накатилась новая волна слабости. Лицо того, кто ждал на платформе, выражало удивление — от Мэтьюса не уходило.

Вагончик сзади все еще продолжал со скрежетом дергаться, когда телохранитель опомнился и кинулся ко мне. Он занес ногу для удара, но мое тело среагировало раньше, чем память. Понятия не имел, что в этом деле у меня были какие-то навыки.

Моя рука со сжатым кулаком успела поставить блок. Телохранитель потерял равновесие, опрокинулся назад, покатился к краю платформы и упал на путь, где над узким дорожным полотном проходил монорельс.

Обернувшись, я увидел, что Мэтьюс не удержался на ногах в дергающемся вагончике. Алкоголь и возраст замедлили его рефлексы.

Он попытался подняться, но вновь упал, на этот раз ближе к дверям. Тогда он пополз и уже почти выбрался наружу...

Но тут со злобным стуком захлопнулись двери, прочно сжав его в своих тисках. В тот же миг вагончик прекратил дергаться, быстро разогнался — и с полотна, куда упал телохранитель, раздался крик. Я не посмотрел вниз. Хрустящий звук, который ни с чем не спутаешь, резко оборвавшийся вопль, специфический запах...

А меж дверей удаляющегося вагончика виднелась голова Мэтьюса — сведенное судорогой, налившееся кровью лицо, беззвучно шевелящийся рот.

Волна тошноты подступила и отошла. Я огляделся по сторонам. Монорельсовое полотно казалось самым лучшим путем для бегства. Отводя взгляд от бесформенной груды, я спрыгнул вниз и побежал в сторону, противоположную той, куда ушел вагончик.

Что-то мне помогло. Однако думать, что именно и каким образом, было некогда. Сейчас я хотел только убраться от этой платформы подальше и побыстрей. Я бежал с тяжело колотящимся сердцем, надрывно втягивая в себя воздух.

Не знаю, долго ли; может быть, несколько минут. Затем я почувствовал дрожь под ногами и сперва решил, что где-то поблизости, за окрестными строениями, взлетает или садится самолет. Но дрожь усиливалась, и к ней прибавился звук — на меня несся вагончик.

Через секунду он вынырнул из-за поворота. Я видел, как пассажиры тшетно дергают аварийные рубильники. В мою сторону пока никто не смотрел.

Я собирался отпрыгнуть с пути, когда вагон вдруг стал тормозить. Никакой платформы не было и в помине, но он остановился, открылись двери. Я подбежал и вскарабкался. Двери хлопнулись за мной, и вагон вновь набрал скорость, помчавшись в том направлении, откуда появился.

Ухватившись рукой за одну из свисающих петель, я стоял, пытаясь отдышаться. Все смотрели на меня. Я почувствовал безрассудное желание рассмеяться.

— Контрольные испытания, — пробормотал я. — К предстоящему визиту папы римского.

На меня продолжали смотреть, но вскоре показалась запруженная людьми платформа. Вагон остановился, как и положено; двери открылись. Я вышел, тут же затерявшись в толпе, пригладил волосы, поправил одежду и отряхнул пыль, прежде чем дать волю дрожи. Мною овладело желание повалиться на ближайшую скамейку. Но мгновение назад хлопнулся смертельный капкан — вращаются шестерни, пляшут рычаги, ходят противовесы, — а чье-то вмешательство поменяло передаточное число, изменило баланс сил в мою пользу, и все горести отступили перед блаженством жить... Было бы невежливо свести все это сейчас к нулю, свалившись на месте.

Я не свалился.

Глава 7

У станции стояли вереницей такси, я сел в первое и велел водителю ехать в город. Не удивился бы, если вдруг завыли бы сирены, поэтому большую часть пути напряженно смотрел в окно: на машины, на деревья, на дома, на дорожные знаки. Солнце уже клонилось к западу, но было светло. Следовало выскользнуть из города, убраться как можно дальше, забиться в какую-нибудь нору, хорошенько все обдумать, разработать план действий. Сейчас я думать не мог — кто знает, что случится в следующую секунду? Эту поездку на такси в конце концов, без-

условно, проследят, и потому я направлялся именно в центр — там легче затеряться.

Я вылез у ничем не примечательного оживленного перекрестка и дошел до автобусной остановки. Поглазев на прохожих и голубей, забрался в первый попавшийся автобус и долго ехал куда-то на северо-запад. А когда автобус повернул к югу, сошел и пешком двинулся снова в северо-западном направлении.

Еще дважды я садился на автобусы и порядком отмахал на своих двоих, прежде чем добрался до окраины, а там, подняв палец, попытался привлечь внимание автоводителей.

У меня возникло ощущение, что такое уже было — давным-давно, еще в студенческие годы. Да, после первого семестра я собирался домой и хотел сэкономить деньги. Помню, дул чертовски холодный ветер. Надо улыбаться. Иногда это помогает...

...Обязательные общеобразовательные дисциплины и наконец профилирующая — компьютеры. Все шло хорошо. Сперва мне было одиноко, но теперь появились товарищи — например Сэмми, который звал меня Губастиком, — и я рвался домой поделиться новостями. Губастик? Давно я не вспоминал это прозвище. Сэмми учился со мной в одной группе — невысокий темноглазый парень с извращенным чувством юмора. У меня была привычка шевелить губами, работая с компьютером. На самом деле я с ними говорил. Но об этом Сэмми не знал. Со временем мы стали хорошими друзьями. Интересно, где он сейчас? Вот бы позвонить — вдруг вспомнит?

Но разговаривать с компьютерами я начал не в колледже, а гораздо раньше, в глубоком детстве, когда с ними играл. Правда, за исключением того случая, когда мне было семь, диалога не получалось. Однако мне всегда казалось, что вот еще чуть-чуть...

Рядом остановился автомобиль. За рулем сидел мужчина в светлом деловом костюме.

— Вам куда? — спросил он.

— Вообще-то, в Питтсбург.

— Я возвращаюсь домой в Норристаун. Если устроит, могу подбросить до Турнпайка.

— Великолепно.

Я сел в машину.

Водитель, похоже, не жаждал общения; я откинулся на спинку и попытался продолжить свои воспоминания, однако ничего в голову не шло. Ладно. Я был уже не так напряжен, как в такси, и мог бы, пожалуй, сосредоточиться на сложившейся ситуации.

Тогда, возможно, от примитивной реакции — бегства — удалось бы перейти к действиям.

Барбье определенно намерен меня убить. Сомнений нет. И Мэтью до сих пор работает на него, как и другие члены группы.

Группа... Вот ключ. Когда-то в нее входил и я, хоть сейчас даже думать об этом противно. Малыш Уилли, Мари Мэлстренд... Кора? Нет, она тут ни при чем. Это на самом деле случайная встреча во время ее отпуска во Флориде. Энн Стронг? Очень похоже. Нас было четверо. Да, четверо. Нас объединяла общая особенность.

Мы были наделены экстраординарными психическими силами. Я общался с машинами — этакая телепатия между человеком и компьютером. Я мог читать их программы на расстоянии. Мари? Мари способна была воздействовать на предметы — ТК, телекинез. Но, в состоянии уничтожить компьютер, она не могла узнать его содержимое, что мог сделать я. Энн? «Обычный» телепат. К компьютерам она не имела никакого отношения, но читала мысли людей и внушала им что угодно, включая очень реалистичные образы. А Малыш Уилли?.. Вроде ТК, но не совсем. Он мог оказывать физиологическое воздействие, манипулировать веществом и энергией лишь внутри живых организмов.

Насколько сильны эти способности? Где их пределы? Память подсказывала...

Мари гордилась своей стряпней — и готовила действительно великолепно. Несколько раз она созывала нас всех на обед. Однажды, не обременяя себя возней с прихватками или сковородником, Мари, сидя за столом, левитировала из кухни в гостиную и плавно опустила прямо перед нами огромную дымящуюся супницу. Я видел, как она опрокинула бокал и сперва остановила капли в воздухе, а затем заставила их все вернуться на место. Наибольшая масса, которой Мари могла оперировать?.. Как-то раз она на спор подняла на несколько футов от пола Энн и держала так с полминуты, но вспотела и, тяжело дыша, опустила ее довольно резко.

Старина Малыш Уилли... Чем ближе вы к нему, тем скорее он сделает свое дело: внезапная смерть — в десяти футах, в двадцати — уже медленнее; в тридцати-сорока — давалась ему с трудом. Пожалуй, его предел — пятьдесят футов, минут пятнадцать понадобится, чтобы добиться результата. Между прочим, пятьдесят футов — таков примерно радиус самых больших шатров, в которых он привык работать. Я, наверное, один из весьма немногих, кто почувствовал как разящую, так и целительную его силу. Помню утро после той пьянки у него дома. Я вырубился на

диване, а проснувшись, услышал невнятное чертыханье. Голова раскалывалась. Я встал и поплелся в ванную. Малыш Уилли глотал там аспирин и ухмыльнулся, увидев меня: «Ты тоже неважно выглядишь, мой мальчик». Я попросил оставить пару таблеток. «Зачем? — Он взъерошил мне рукой волосы. — Исцелись! Исцелись, грешник!» Тут же к лицу прилила кровь, в висках на миг застучало, и боль прошла. Я чувствовал себя превосходно. «Все в порядке», — сказал я, удивленный своей незаслуженной поправкой. «Восславим Господа!» — ответил Малыш Уилли, проглотив последнюю таблетку аспирина. «Почему ты себе-то не поможешь?» — спросил я тогда. Он покачал головой. «На себе не получается. Вот мой крест — юдоль печали».

Энн... Ее способности, казалось, не зависели от расстояния. Она могла сидеть в гостинице на Флорида-Кис и внушать мне, когда самолет шел на посадку в Филадельфии, того змея. Слабость ее заключалась в другом, но в чем именно — не помню. Энн была равнодушна к цветам. Их примитивные эманации неизменно успокаивали ее в минуты душевных тревог. Цветы занимали такое важное место в ее жизни, что часто окрашивали — или, вернее, ароматизировали — внушаемые ею образы. И еще — Энн могла заставить *не видеть* то, что действительно существовало.

Итого, четверо — группа, комплект инструментов для Барбье. Благодаря нам «Ангро» несколько лет назад обошла всех своих конкурентов. Я мог выкрасть информацию из любого компьютера. Или Энн извлекала ее из мозгов тех, кто ее хранил. Мари срывала эксперименты, вызывала несчастные случаи, тормозила исследовательскую работу. Если кто-то причинял особое беспокойство, некий южанин мог пройти мимо на улице, сесть рядом в театре, пообедать в том же ресторане...

Но можно ли быть уверенным в силе этих способностей сейчас? В зале для особо важных лиц Мари вскользь упомянула, что ее способности возрастают. Значит ли это, что у каждого из них дар развивается, усиливается со временем? Кто знает?.. Лучше полагать, что так оно и есть. Накинуть Мэтьюсу еще несколько футов, может быть, усилить наводимые Энн галлюцинации, допустить, что Мари поднимает груз потяжелее, держит его подольше. Собственно, радиуса действия ее способностей я никогда и не знал. Больше, чем у Малыша Уилли, несравненно меньше, чем у Энн. Вот и все.

А сам Барбье? Всего лишь жестокость и пронизательный ум? Неизвестно. Если у него и был особый дар, он его надежно прятал — или именно этого я не помнил.

И где сейчас Кора? Что они с ней сделали? Вряд ли что-то ужасное. Мертвая, она не может служить рычагом давления. Похоже, Боссу я представился не очень-то стоворчивым. Энн, возможно, прочитав мои мысли, дала сигнал, что использовать меня нет смысла. И Босс даже не удосужился предложить сделку: Кору в обмен на преданную работу. С другой стороны, Барбье знал о моем прибытии. Он принял бы меня, изъяви я желание, и был готов избавиться от меня, попробуй я заартачиться. И на всякий случай, на тот дикий случай, если я вдруг вырвусь, оставалась гарантия — Кора. Скорее всего так. Значит, она жива, укрыта где-то в надежном месте.

Машина сбросила скорость, и я поднял голову. Вечерело, видимость ухудшилась... Затоп. Наверно, авария. Я увидел полицейские машины.

Нет. Впереди, возле узкой полоски зелени, разделяющей нашу и встречную полосы, дорожная застава. В желудке появилась ледяной ком. Останавливали всех подряд; очевидно, проверяли документы.

Несмотря на протесты борцов за гражданские свободы, каждый должен иметь при себе регистрационную карточку. Их ввели в конце 80-х, с одним номером для всего — отношения к воинской обязанности, социального обеспечения, водительских прав... Теперь уже было видно, как полицейский вводит номера в небольшое устройство.

Я понимал, что меня будут искать. Но не думал, что так быстро и так эффективно. Показательно, однако, что их интересует номер, а не лицо. Очевидно, Барбье не хочет, чтобы стало известно, кто именно ему нужен. Полицейский компьютер, вероятно, настроен просто на поиск определенной карточки. Возможно, в него ввели мой номер и еще ряд вымышленных, чтобы затруднить установление моей личности. Да, так Барбье и поступил бы.

Подъезжая к кордону, я задумался: а не сообщить ли обо всем, раз полиция под рукой?

Но мое более циничное «я», которое что-то замедлило с возвращением, глумливо усмехнулось. В лучшем случае меня сочтут не в себе. В худшем...

Я не знал, насколько правдива высказанная Барбье версия моего прошлого. Судя по обретаемой памяти, даже слишком правдива. Выходит, я действительно виновен в преступлении или преступлениях такого масштаба, что потребовалась моя отставка да еще с созданием фиктивной личности? Я почему-то не сомневался, что Босс сумеет поддержать обвинение против меня куда лучше, чем я против него.

Наконец мы подъехали к кордону.

— Предъявите, пожалуйста, ваши документы, — сказал ближайший полицейский. — И вашего пассажира тоже.

Водитель извлек из бумажника карточку; я выудил свою.

— В чем дело?

Полицейский покачал головой:

— Беглец.

— Опасный?

Полицейский посмотрел на водителя, перевел взгляд на вторую машину, на капот которой облокотился его коллега с револьвером руках, и улыбнулся.

Водитель протянул мою карточку. Почти не задумываясь, я влился в небольшое устройство, висящее у полицейского на ремне. Старая модель. В новых карточку просто опускали в паз для прямого считывания.

Полицейский набрал мой номер, но сигнал ушел уже несколько измененный. В переданном варианте две цифры поменялись местами. На панели ящика вспыхнула зеленая лампочка.

— Можете ехать, — сказал полицейский, поворачиваясь к следующей машине.

Мы тронулись с места. Водитель вздохнул. Теперь у всех машин были включены фары.

И почти сразу же сзади раздался крик, грохнул выстрел. Заглушая все, взревела сирена.

— Что за черт! — воскликнул водитель, нажимая почему-то на газ, а не на тормоз.

Но я уже догадывался. Кто-то где-то там в центре следил за распечаткой или экраном дисплея. Машина дала «добро», но для наблюдателя-человека пара переставленных цифр показалась подозрительно близкой к искомому. Наблюдатель допустил возможность ошибки при наборе номера и отдал приказ задержать нас. То, что полиция сразу стала стрелять... Любопытно, что им обо мне сообщили, какие указания дали. Впрочем, желания лично поинтересоваться я не испытывал. Поэтому...

— Стойте! — закричал я. — Они снова будут стрелять!

Водитель наконец нажал на тормоз, и автомобиль сбросил скорость. Полной остановки я ждать не стал, понимая, что понадобится каждый метр преимущества.

Я открыл дверцу и выпрыгнул на разделительную полосу, упал и покатился по траве. А вскочив на ноги, не оглядываясь бросился к лесу, петляя из стороны в сторону. Сзади раздались выстрелы.

Земля круто пошла вверх, и я едва не споткнулся. Из-за

склона доносился шум дороги — какой, я не знал, да это и не имело значения. Я устремился вперед. Стояла темень, меня и полицию разделяли деревья, крики утихли. Только бы перебраться на ту сторону шоссе... Надеяться, что кто-нибудь остановится и подберет меня, было бы уже слишком. Я смутно ощущал кровь на руках и лице и не сомневался, что порвал штаны...

...Их наверняка предупредили, что я вооружен и чрезвычайно опасен, возможно, на моей совести даже убийство полицейского — иначе бы не стали стрелять почем зря. Вот-вот сзади вновь раздадутся выстрелы...

Вдруг впереди ожила, зашевелилась тьма, оформилась, оторвалась, покачиваясь, от земли, резко выделилась, будто залитая ярким лунным светом. Медведь! Огромный гризли — я видел таких в зоопарке — поднялся на задние лапы навстречу мне.

О нет, Энн, только не здесь, только не так. Гризли на окраине Филадельфии? Полицейский с револьвером — это да. Я бы наделал в штаны и не почувствовал запаха твоих цветов. Желаю удачи в следующий раз.

Я устремился вперед, прикусив губу и сжав веки, — и прошел насквозь. Когда я открыл глаза, то через последние редкие деревья увидел огни машин. Не отдельные, а сплошной поток. Перебраться на ту сторону, не попав под колеса, было немислимо.

Но сзади из леса мне послышались голоса. Небогатый выбор...

Я побежал на обочину, размахивая руками, отчаянно взывая к едущим по крайней полосе, представляя, как выгляжу — окровавленный, грязный, в лохмотьях — в свете фар.

...Надо улыбаться. Иногда это помогает...

Теперь сзади определенно раздавались крики преследователей, продирающихся сквозь лес...

Внезапно передо мной со скрежетом затормозил грузовик. Я не мог поверить удаче, но не указывать же водителю на неразумность его решения. За грузовиком тормозила вся череда машин. Я бросился вперед, рванул дверцу и плюхнулся на сиденье. Двигатель тут же взревел, и мы двинулись. Я чувствовал себя как граф Монте-Кристо, Билли Саттон и Человек, который взял банк в Монте-Карло, — счастливым и свободным. По крайней мере я не стою на месте и на какое-то время спасен от пуль.

— Спасибо, — пробормотал я. — Вы меня просто спасли. Я все объясню, когда отдышусь.

Двигатель тихо урчал. Мы ехали с весьма приличной скоростью, за окном неясными образами мелькали окрестности. Я наконец перевел дыхание и повернул голову.

Водительское место было пусто, как сердце ростовщика.

Я набрал полную грудь воздуха. В кабине не пахло ни нарциссами, ни лилиями — лишь стоялый запах пыли в давно не проветриваемом помещении.

Я выдохнул. Какого черта...

— Спасибо, — повторил я.

Глава 8

Сливаясь воедино, проносятся мимо города и фермы. Машина движется, словно в туннеле ночной тьмы. Мелькают огни, похожие на яркие бусины, усыпляюще монотонно гудит двигатель. После всего пережитого за день меня начинает клонить в сон...

Я мчался со скоростью полутораста километров в час в одной из самых безопасных на дорогах страны машин. Грузовик работал от большого и дорогого аккумулятора, однако вполне экономичного благодаря недавнему снижению цен на электроэнергию. Широкое распространение получила и конкурирующая модель с водородным двигателем — ведь водород безвреден, не загрязняет окружающую среду и доступен в неограниченном количестве опять же из-за дешевизны электричества, вырабатываемого солнечными энергостанциями. И то и другое стало возможным в значительной степени благодаря патентам, принадлежащим «Ангро энерджи», и огромным энергетическим комплексам этой же корпорации на юге страны.

Я прекрасно помнил, как добывался материал для кое-каких патентов. Мне, очевидно, можно было бы предъявить обвинение в промышленном шпионаже, но я не уверен, что законодательством предусмотрены те методы, которыми я пользовался. Однако с точки зрения морали...

Ладно. Я выбрал не самое лучшее время для самокопания, хотя вопрос, почему это не беспокоило меня прежде и беспокоит теперь, оставался открытым. Но, может быть, и прежде беспокоило? Или я так сильно изменился? А может быть, и то и другое сразу? Где-то глубоко-глубоко пряталось воспоминание, до которого я никак не мог дотянуться.

Полностью автоматизированные грузовики типа того, что мне достался, ходили только по специально подготовленным трассам, хотя последнее время для этого оборудовалось все большее число дорог. Обычно грузовики двигались по одной отведенной им полосе с четкой разметкой; последнее — для води-

телей, которые не хотели бы туда заезжать. Однако на практике компьютеризированные машины оказались гораздо безопаснее обыкновенных, и очень немногие возражали против их появления на дорогах.

Все это означало, что непосредственной угрозы пока нет. Кое о чем, конечно, следовало позаботиться сразу, но так приятно было вытянуть ноги, полулежа на правом сиденье, которое легко превращалось в койку... И я продолжал лежать, подперев голову руками, чтобы видеть не только горящие в небе звезды, но и огни вдоль дороги. Мягко гудел подо мной двигатель, ветер со свистом проносился мимо. Краешком сознания я ощущал непрерывный поток данных для компьютера, и от этого мне тоже казалось, что все в порядке. С каждой минутой я уходил все дальше и дальше от преследователей.

Помимо койки, в кабине размещались элементарные санитарные удобства — по той же самой причине, по какой изготовители оставили весь комплекс приборов ручного управления и два сиденья. Профсоюз водителей грузового транспорта получил довольно значительную долю акций от компаний, которым этот стремительный взлет автоматизации принес наибольшую выгоду. Транспортники уже серьезно не протестовали против постепенного сокращения рабочих мест, однако дебаты о необходимости присутствия в такой машине водителя все еще не угасли. Поэтому грузовики по-прежнему выпускались с полностью оборудованными кабинами, а на продолжающихся переговорах по-прежнему стоял вопрос о мерах по уменьшению безработицы. За что мне оставалось только благодарить судьбу. Впрочем, не только за это; в кабине я нашел еще и сухие концентраты, очевидно, оставленные последним водителем или пассажиром. Съев ровно столько, чтобы унять голод, я снова откинул спинку сиденья и улегся. Усталость давала о себе знать.

Однако пришло время позаботиться о собственной безопасности. А это означало, что надо выяснить как можно больше о своем положении, и лишь потом я смогу позволить себе заснуть. Слишком много я еще не знал о маршруте грузовика и обо всем том, что касалось избранного способа передвижения. Чтобы получить необходимую информацию, у меня был только один путь...

Клик. Кликлик. Кликкликлик.

Вниз, сквозь, внутрь, через, теперь в стороны, в боковые витки и еще дальше... Светящиеся точки... Бездонное пространство... Элегантные симметричные образы основных и аварийных программ

бортового компьютера — словно сияющие аллеи ухоженного английского сада. Никаких запахов, только закодированное ощущение... Остановиться и понять, куда оно ведет... Остальное придет само...

Компьютер не позволял машине уйти с полосы и следил за скоростью, считывая информацию о состоянии трассы и прочие необходимые данные с провода коммуникационной линии, проложенного под дорожным покрытием. Радар грузовика постоянно регистрировал как движение со всех четырех сторон, так и всевозможные неожиданные препятствия. Собственно, по такому же принципу лавировал в проливах между островами «Хэш-клэш», получая информацию с радиомаяков, расположенных на берегу. Помимо этого компьютер следил за работой двигателя, состоянием тормозов и надежностью всех других систем.

Я прошел через его рабочие программы, шаг за шагом усваивая стоящие перед ними задачи, что, в свою очередь, помогало понять общую структуру. Затем скользнул еще дальше и атаквал дорожные коды. Кое-что оставалось неясным — отдельные участки данных без каких-либо характерных признаков, точный смысл которых едва ли можно разгадать до того, как они будут использованы в работе, — но уже вырисовывалась цельная картина. Похоже было, что мы движемся в сторону Мемфиса.

Дальше, дальше... Сквозь программы, мимо... Самый главный вопрос оставался по-прежнему открытым. То самое «почему» продолжало манить меня, как трепещущий яркий флаг далеко впереди... Я перетряхивал команды, хранившиеся в памяти, пока не нашел то, что искал. Очень странно и одновременно очень знакомо...

Кликликлик.

Удивляясь находке, я вернулся из яркого компьютерного пространства в реальный мир, потом сунул руку под приборную панель и достал аптечку, о которой узнал из инвентарной описи, содержащейся в памяти компьютера. Внутри нашлись и бинты, и пластырь, и бактерицидная мазь.

Там же, под приборной панелью, оказался небольшой бачок с водой; рядом хранился гибкий шланг с краником на конце. Я попил, промыл ссадины, затем наложил мазь и залепил пластырем порезы.

Колонна огромных грузовиков неслась, поглощая дорогу, словно стая каких-то таинственных существ, мигрирующих в ночи, — равнодушных и бесчувственных. Все строго выдерживали интервал, и, если только на полосу попадал другой водитель, мгновенно следовала корректировка движения. Гармония доро-

ги подчинялась биению механического сердца. Во всем, что меня окружало, я чувствовал ритм его программы. И все же...

Я видел там... свою подпись. Предельно отчетливую, словно выписанную от руки. Никаких сомнений. Как в тот раз, когда я понял, что запись, оставленная для меня в компьютере дома, сделана не Корой, а кем-то чужим. Вроде бы совершенно иррациональное ощущение... И все же какая-то логика во всем этом была...

Я откинул спинку до конца и теперь уже не видел дороги — только звезды в черном небе за окном. Загадка настоятельно требовала ответа, и я заставлял свой усталый мозг думать, отыскивать разумное объяснение.

Изначальный набор программ грузовика не предусматривал остановки, чтобы взять пассажира. Но я видел изменения в программе и отчетливо понимал, что внес их туда сам, каким-то образом приказав машине остановиться. Но как? Никогда раньше я не делал ничего подобного, просто не умел этого делать и даже не имел представления, как такое можно осуществить.

Однако тут меня снова одолели сомнения... Те две измененные цифры, что набрал полицейский, когда вводил мой регистрационный номер... Действительно ли он сделал ошибку или изменение возникло уже в электронном сигнале? Может быть, там тоже осталась моя «подпись»?

А странное поведение монорельсовых поездов на станции?.. Мне действительно хотелось каким-то образом ответить, когда Малыш Уилли пытался остановить мое сердце. Не мог ли я тогда уже действовать на каком-то ином, подсознательном уровне?

Снова вспомнились слова Мари: «...и с каждым днем мои способности возрастают...» Может быть, дар, которым я обладаю, тоже развился за период вынужденного покоя, только в другом направлении? Или все те стрессовые ситуации, что выпали на мою долю совсем недавно, заставили меня использовать свой талант в новом качестве, а за ниточки до сих пор дергало исхлестанное подсознание?

Если это так и если я научусь управлять своим даром, тогда у меня на время пути появится нечто вроде страхового полиса.

Я продолжал перетряхивать память, где по-прежнему оставалось множество провалов, и не находил ничего похожего. Я всегда был пассивным наблюдателем, способным лишь воспринимать процессы, происходящие внутри информационных систем. Не вспоминалось ни одного случая, когда я действительно менял программы. Но теперь, похоже, такая способность у меня появилась — и как нельзя вовремя.

Кликликлик.

...Виток спирали и дальше внутрь, снова. Вокруг меня раскинулся волшебный простор. Я отыскал то место, которое воспринималось разумом как огненный водопад, обрушивающийся в ярко-желтое озеро... Да. Здесь.

Я нырнул в озеро. Глубже, еще глубже... Через бесплотную цепочку, соединяющую машину с коммуникационной линией под асфальтом... Словно подземная река... Дальше, дальше, к огромному комплексу взаимосвязанных терминалов, процессоров и коммутаторов... То, что мне нужно, потребует подгонки данных здесь и там...

Смогу ли я изменить характер перетекающей информации?

Попробовал. Толкнул. Растекся в оба конца, стараясь внести исправления сразу в передающее устройство и в принимающее. Заменял специфический сигнал, который непрерывно сообщал центральной системе дорожного контроля о местонахождении грузовика, и подделал инструкции, чтобы все выглядело как положено.

Биты информации пронеслись мимо, словно вытянувшийся в струнку рой сияющих пчел...

Удалось.

Я надежно замаскировал свой грузовик. Как только Барбье поймет, что меня не сбили, когда я пересекал шоссе, и что меня нет нигде на другой стороне, он начнет задумываться: кто мог остановиться посреди ночи и посадить истекающего кровью беглеца?

Пусть думает. Пусть ищет. Грузовик в том районе даже не проезжал...

Просто для собственного удовольствия я перетекал из системы в систему, сопротивляясь озорному желанию вмешаться и изменить какую-нибудь мелочь. Понимание этой новой стороны моего дара наполняло меня ликованием. Что бы мне предложил Барбье, знай он о моих теперешних способностях?

Кору? И мою жизнь?

Нет. Я не хотел больше работать на него. Нужно отыскать другой путь. Но сначала...

На какое-то мгновение я потерял контроль над собственными перемещениями, и все мое сознание вдруг захлестнуло потоком метеорологических сводок... Я словно лежал посреди поля под дождем и наблюдал за приближающимся фронтом высокого давления. Выглядел он как огромное, расплывшееся по небу облако в форме буквы В. Где-то далеко-далеко, смутно понимал я, раскрылся в зевке мой рот... Я засыпал... Мысли путались... Дело сделано, и настала пора возвращаться... Но так приятно было просто плыть по могучим

рекам информационной сети, заглядывая то тут, то там в заводи банков данных... Меня ласкали электронные импульсы... Накатывали волны цифр, результаты каких-то бейсбольных игр... Я был...

Короче, я уснул. Никогда раньше мне не доводилось видеть сны среди витков и спиралей глобальной информационной системы, никогда раньше не отдавал я свое сознание столь полно. Усталость настигла меня, и, даже не успев ничего понять, я провалился в сон...

Сон в объятиях моря данных, в самых его пучинах. Что-то снилось мне, и никогда прежде я не испытывал ничего подобного, но потом, когда я очнулся, над горизонтами сна остались лишь какие-то фрагменты воспоминаний...

Мне чудилось, что я — компьютер. Огромный, сверхсложный компьютер, живущий в некоем запредельном пространстве. Затем рядом появился неясный силуэт какого-то существа. Я не знал, кто это, но в то же время чувствовал, что мы уже знакомы.

Существо подошло к клавиатуре и напечатало запрос — не помню, как он выглядел конкретно, — на поиск среди моих банков данных. То, что его интересовало, потребовало огромного количества информации. Мой принтер загудел, и на стол поползла широкая полоса бумаги. Взяв распечатку в руки, таинственное существо принялось считать строки, причем с такой же скоростью, с какой я их печатал. Бумага скатывалась со стола равномерным шуршащим потоком, отчего на полу вскоре образовалось несколько уложенных неровной гармошкой куч. Они все росли и росли и через какое-то время с головой скрыли читающую фигуру.

Когда я закончил печатать, бумагу сдуло словно внезапным порывом ветра, и существо набрало на клавиатуре новый вопрос. Я ответил. И еще. И еще...

Потом существо принялось печатать на моей клавиатуре что-то длинное, сложное и не требующее ответа с моей стороны. Оно пыталось запрограммировать в меня — сообщить мне — какую-то информацию. Данные продолжали вливаться, но я почти ничего не понимал. В отчаянье существо предприняло еще несколько попыток...

После всех тех фокусов, какие обычно проделывает просыпающееся сознание с материалом снов, я запомнил только одну фразу: «КОМПЬЮТЕРНАЯ СЕТЬ — ЕДИНЕНИЮ ИСТИННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ; ПОМЕХИ ОСЛАБЕВАЮТ...»

Удивительно все же, как работает просыпающееся сознание:

образы, которыми мы маскируем жизненные явления, обыденное посреди таинственного, и наоборот...

Проснулся я уже не в витках информационной сети, а в самом себе. Проснулся, чувствуя, что мне удалось отдохнуть. Несколько секунд я не мог понять, где нахожусь, но затем память вернула события предыдущего дня. Я сел и посмотрел в окно. Кругом по-прежнему поля и холмы; лишь слева по курсу чуть посветлело перед восходом небо...

Я сделал два-три глотка безвкусной воды из бачка и воспользовался санитарными удобствами. Умылся, причесался и оттер пятна на одежде. Затем вскрыл пакет концентрата, единственным достоинством которого была калорийность, и принялся утолять голод, глядя вперед на дорогу и пытаюсь вспомнить что-то, казавшееся очень важным.

Что-то на самом деле произошло. И я никак не мог осознать, что именно. Я уже не сомневался, что действительно изменил кодовый сигнал грузовика и данные о его передвижении. Но оставалось еще кое-что. Я чувствовал: в том, что приснилось, был какой-то смысл. Вдруг я и в самом деле компьютер, которому снится, что он человек?..

Внезапно грузовик дернулся, и, взглянув за окно, я успел заметить слева девчонку в джинсах, толстом свитере и кроссовках. Какого черта она делает здесь, посреди дороги?.. Затем впереди показался еще один силуэт. На этот раз дорогу пересекал парень — неторопливо, словно он совсем не беспокоился за свою жизнь. Что-то в его движениях было от заученного танца. Радар, конечно, заметил человека, и грузовик снизил скорость, однако через секунду стоявший на разделительной полосе парень тоже скрылся из виду.

Потом мы снова притормозили. Впереди никого не было, но, разумеется, грузовик снижал скорость, если то же самое делала идущая перед ним машина, а она, в свою очередь, повторяла маневры идущей впереди и так далее вдоль всей цепочки.

Еще один судорожный рывок — и мы снова снизили скорость. Еще один...

За окнами мелькнули двое молодых людей, которые, очевидно, повторяли действия своих предшественников.

И тут я вспомнил, что или читал, или слышал где-то о подобной практике. Этих молодых людей называли то «дорожными танцорами», то «дорожными хулиганами», и занимались они тем, что рано утром или поздно ночью, когда не так много свидетелей, выскакивали перед идущим по автоматической полосе транспортом. Зная, что радарное устройство обязательно заме-

тит их и что компьютеры грузовиков запрограммированы избегать столкновений с посторонними объектами, они чувствовали себя в относительной безопасности. Некоторых забавляла уже сама возможность изменять скорость и строгий порядок движения длинной череды грузовиков, но встречались и такие, которые ставили перед собой более опасные цели: за короткий промежуток времени изменить скорость машины таким образом, чтобы перегрузить управляющую систему и вызвать целую серию столкновений. Конечно, тут оставалась определенная доля опасности: мало того, что «танцоры» рисковали оказаться на полосе перед несущейся машиной с «обычным» живым водителем, они полагались на тот самый компьютер, в чьих системах пытались вызвать перегрузку.

Что это? Может быть, подумал я, просто новая забава молодых искателей острых ощущений? Или луддизм в еще одном его воплощении? Перенесенное на компьютеризованную, автоматическую технику стремление бить и крушить «злые» машины, которые разрушают знакомую, устоявшуюся жизнь?

А может быть, ни то и ни другое? Что-нибудь еще более глубокое и не столь пессимистичное? Мне вспомнились слова одного из моих преподавателей о том, что ритуальные игры и праздничные состязания заложены в самой природе человека. Возможно, то, свидетелем чего я стал, представляло собой современный ритуал перехода к зрелости, ритуал вступления в век автоматизации, подтверждение за молодым человеком его превосходства над созданными людьми механизмами...

Меня словно тряхнуло. Черт бы побрал этих подростков! Безответственная глупость — вот что это такое. Некуда им девать свободное время. Нет чтобы заняться...

Чем? Кражей промышленных секретов?

Ладно. Положим, будучи молодым, я тоже совершал кое-какие социально неприемлемые поступки. Но, видимо, на то были причины, хотя я никак не мог их вспомнить.

Движение выровнялось, и мы снова набрали скорость. Ритуал, или что это там, закончился, и ускользящее воспоминание, которое я стремился вернуть, стало еще ближе; оно маячило почти в пределах досягаемости.

Небо светлело. Ночь уходила, словно вода при отливе, оставляя за собой дома, фермы и стога сена вдоль дороги. Вдруг перед моим внутренним взором снова возник образ «дорожного танцора»: возмутитель спокойствия в предрассветной мгле, взмах раскинутых рук в отражении радарных импульсов, ноги, переступающие в такт какому-то тайному ритму. Все это, чтобы

доказать свое превосходство, появляясь вдруг перед кабиной стремительного механического чудовища? Чтобы повлиять на его движение? Чтобы...

Повлиять?

Изменить?

Перенаправить?

Подчинить себе?

Новый, более совершенный тип власти... Я задумался. В принципе я мог бы добраться отсюда — терминал за терминалом, контакт за контактом, через всю компьютерную сеть — прямо к Большому Маку, информационной системе «Ангро энергии». Чтобы защитить компанию от тех же методов, которыми пользовались мы сами, систему охраняло огромное количество всевозможных сторожевых программ. Коды, ядро безопасности, скремблеры... Вспомнились фразы с тех далеких дней, когда я работал над защитными приспособлениями Большого Мака: «иерархическое построение», «пошаговая детализация», «модульность Парнаса»... Конечно же, за прошедшие годы все было переделано, пересмотрено, улучшено, доведено до гораздо более совершенного уровня. Но со мной, похоже, случилось то же самое. Если бы я смог проникнуть в информационное хранилище Большого Мака и добраться до сектора «Дубль-зет», где, скорее всего, и содержались данные о Коре, это стало бы, возможно, моим собственным ритуалом перехода в новое состояние, на новый этап развития. Если только удастся...

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за считанные мгновения, и я понял, что должен попытаться. Снаружи вставало солнце, проливая яркий свет на дорогу впереди.

Раскрываются головки цветов, подают голоса птицы, а я ускользаю в недра системы...

Глава 9

Клик — я нащупал компьютер, протянулся внутрь, ощутив его непрерывную работу словно набегающие на берег волны, которые едва касаются моих ног. Клик — шагнул вперед, чувствуя ногами, как крепнет сила волн. Клик — двинулся дальше, к самой большой, стремительной волне, где...

Не снижая скорости, огромный трейлер свернул с ближайшей полосы на другой стороне дороги и, подпрыгнув на разделительной полосе, ринулся, словно взбесившийся слон, в мою сторону.

Я не сразу сообразил, что происходит, поскольку уже вошел в компьютер. Но спустя секунду, метнувшись через кабину, подтянулся за рулевое колесо на водительское сиденье. Ноги сами нащупали педали, а я все еще лихорадочно искал переключатель ручного управления. Мой грузовик продолжал двигаться с прежней скоростью и никак не реагировал на встречную машину.

Конечно же, я действовал недостаточно быстро. Трейлер оказался совсем близко... и вдруг исчез.

Я взглянул в зеркальце заднего обзора, ожидая вот-вот услышать грохот аварии... Ни самого трейлера, ни каких-либо звуков. Он просто исчез, бесшумно испарился, словно признак.

Внезапно меня охватила подозрительность, и я принялся. Нет. Никаких цветочных запахов. Тем не менее все это здорово напоминало проделки Энн, и я не мог придумать другого объяснения.

Положив руки на руль, я ждал. Если даже один мираж оказал на меня такое воздействие, где остальные? Энн работала очень последовательно, и навстречу мне должна была двигаться уже целая колонна автомашин.

Может быть, это что-то другое? Например, голограмма? Хотя нет, конечно. Слишком убедительно выглядел трейлер, и я просто не представлял себе, как можно добиться такой точности изображения без комплекса сложного проекционного оборудования. Взглянул вверх: вертолетов тоже нигде не было. Да и не могли меня отыскать так быстро.

Я ждал, принимался, но ничего не происходило.

Потом решил все-таки заняться делом.

Клик — я направился к тому же месту, откуда мне пришлось вернуться. Теперь из-под воды просвечивали яркие огни, словно передо мной раскинулся затонувший город Иф. Я знал, что океан представляет собой огромную сеть передачи данных и нужно нырнуть к светящемуся городу...

...Навстречу мне, по нашей стороне дороги, неслась с огромной скоростью красная спортивная машина...

Пальцы сжались на рулевом колесе. Левая нога невольно вдавила в пол педаль тормоза. Однако сам я остался в компьютере и быстро двинулся к монитору радарного устройства, которое тут же опровергло стоящую перед глазами картину: на дороге ничего не было, никаких легковых машин.

Через секунду и та, что я видел, исчезла. Только что она грозила неминуемым столкновением, а мгновение спустя ее просто не стало.

Клик.

Черт с ними. Если эта игра настолько безвредна, решил я, не стоит обращать на нее внимание.

Назад в Иф...

Боже! Еще один трейлер! На этот раз я на какую-то долю секунды усомнился в принятом решении. Он обогнал меня слева и неожиданно двинулся наперерез. В первое мгновение я принял его за настоящий, хотя радар тут же убедил меня, что это снова призрак.

Я начинал злиться. Несмотря на всю иллюзорность, призраки здорово отвлекали от дела, мешали сосредоточиться, возвращали назад...

Более того. Мысль об аварии на дороге почему-то беспокоила меня особенно сильно, и я вытер лоб тыльной стороной руки. Обдумать это можно и позже, а сейчас мне больше всего хотелось избавиться от навязчивых агрессивных иллюзий. Даже закрыв глаза, я все равно продолжал бы их ощущать, как во время бегства через лес. Но в данном случае даже этого будет достаточно, чтобы помешать сосредоточиться, потому что иллюзии бередили какую-то затаенную душевную рану, намекали на что-то такое, о чем мне совсем не хотелось в этот момент знать.

Я снова приножался. Ничего. Но это уже не имело значения. Я не сомневался, что во всем виновата она.

— Энн? — произнес я громко. — Зачем ты это делаешь, Энн? Мы ведь были когда-то... друзьями? Мне кажется, я что-то помню... Босс, видимо, еще не знает, что ты нашла меня и читаешь мои мысли. Пока не знает. Дай мне хотя бы маленький шанс, а? Я должен закончить одно важное дело, но у меня нет желания мстить Барбье или «Ангро». Мне нужна только Кора, а она у них в руках... Раз уж ты должна сказать им что-нибудь про меня, скажи, что я исчезну и они никогда обо мне больше не услышат, если только отдадут Кору. Я серьезно. Ты же телепат. Загляни в мои мысли, и ты увидишь, что я говорю правду. Оставь пока эти игры с машинами, ладно? Они мне мешают.

Кабину мгновенно наполнило запахом фиалок.

— Ладно? — повторил я. — Пожалуйста. Дай мне немного времени закончить свои дела. Я бы сделал это, окажись ты на моем месте. Не мешай мне.

Цветочный аромат не исчезал. Ответа не последовало, но и новых машин-призраков на дороге не появлялось. Я не мог понять, то ли она размышляет над моими словами, то ли притаилась и готовится к новой атаке.

Однако в ожидании мало смысла, решил я через несколько минут и снова начал осторожный «эффekt витков».

Клик. Кликлик. Клик.

Вниз. Сквозь прозрачные, сверкающие отблесками воды...

Прямо в движении я превращался в какую-то еще более зыбкую субстанцию. Повсюду застыли в пространстве строгие световые орнаменты, похожие на дисциплинированные эскадроны причудливых рыбешек... Я двигался дальше, выбирая дорогу между сияющими колоннами, вдоль змеящихся кабелей... Меня охватывал восторг. Это и раньше случалось, но сейчас появилось что-то другое. Более сильное. Не просто восторг... Во мне крепло ожидание чего-то значительного, предвосхищение... Что-то в моем микромире, протянувшемся по всем континентам планеты, изменилось, и у меня возникало ощущение, будто я должен знать, что именно. Но я по-прежнему оставался в неведении и продолжал двигаться к одной из больших систем, где между двумя блестящими стенами на фоне глубокой черноты то и дело вспыхивали искры.

— Ладно, — услышал я мысленный ответ, прозвучавший для меня голосом Энн со всеми его знакомыми интонациями. Она согласилась дать мне время. Но не просто по доброте душевной. Теперь я отчетливо воспринимал ее присутствие и ощущал ее восторг, вызванный феноменом, который Энн уловила в моих мыслях. Медленными витками, начавшимися сразу за стенами, она следовала за мной. Казалось, вот-вот случится что-то непостижимое, потому что никогда раньше компьютерная сеть не овладевала моим разумом в такой полной мере. И я чувствовал, что с разумом Энн происходит то же самое.

Движение, виток, еще виток... Терминал... Минуем... Еще один... Обходим сверху и снова вниз... Вверх-вниз...

Энн воспринимала все, словно ребенок, который сидит у отца за спиной, обхватив его руками за шею. Я чувствовал ее страх и одновременно — неодолимое любопытство, страстное желание узнать...

Поворот, еще поворот... Что-то... Что-то зовет...

Нет!

Что-то вот там... Зовущее, манящее... Я уже хотел прервать свой маршрут и направиться туда, но мысль о Коре, о моей цели, заставила меня воспротивиться, побороть желание, быстро перерастающее в одержимость... Что-то...

Я вырвался, освобождая мысли и стряхивая с себя оцепенение. Зная цель, я не мог позволить себе свернуть и поэтому ринулся дальше.

...И Энн вместе со мной.

— Поверни! — Почувствовав ее мысленный окрик, я в тот же момент понял, что манящий зов, с которым мне удалось справиться, все еще держит ее в своей власти. Она по-прежнему хотела туда, в сторону, чтобы узнать, откуда этот зов исходит.

Я промолчал. И пока двигался по спирали вместе с течением, то поднимаясь, то опускаясь с головокружительной скоростью, кое-какие из воспоминаний об Энн вернулись...

Я знал, что она читает мои мысли, но не удержался и принялся раскладывать перед собой все эти вспомнившиеся вдруг факты. Я даже почувствовал ее реакцию.

По-прежнему оставалось неясным, как мы встретились, когда я учился в университете. Хотя похоже было, что я узнал о ее таланте довольно быстро. Могучий дар. Она вполне могла бы создать для себя настоящую империю вместо того, чтобы помогать строить империю Барбье. Кто сумеет сохранить тайну, если она захочет что-то узнать? Кто устоит перед ее способностью обрушивать галлюцинаторные стрессы или просто мешать думать? Она могла бы узнать любой секрет, устранить любого врага — другими словами, не женщина, а целое разведывательное управление.

Но...

В характере Энн имелось одно уязвимое место. И весьма серьезное. Отсутствие самостоятельности. Она хорошо это скрывала, и тем не менее ей всегда был кто-то нужен, какая-то сильная личность, человек, на которого она могла бы опереться.

Вперед... Что-то новое открылось вдали. Мне представился впереди заполненный огнем ров...

Медленнее, медленнее... Тормозим. Стоп. Мы приблизились к цели.

Я чувствовал, как будоражит Энн все, что она видит. И ощущал ее недовольство моей оценкой присущей ей слабости. Тем не менее она соглашалась со мной. Барбье стал как раз той скалой, за которую Энн держалась, и именно поэтому она силилась запутать меня своими галлюцинациями, прикончить. Ей хотелось вернуть расположение Барбье, утерянное после того, как она не сумела удержать меня на островах и сломить, когда я летел на самолете.

Медленно, осторожно я подобрался ближе. Да. Теперь я оказался в периферийных устройствах информационной системы «Ангро энерджи». За кольцом огня выросстал темный силуэт. Он рос и ши-

рился прямо у меня на глазах, очертания его становились все отчетливее. Темные, грубо вытесанные стены с бойницами, за которыми то и дело мелькали какие-то фигуры. Башни, навесные балконы...

Большой Мак обретал в моем восприятии форму крепости — огромной мрачной цитадели. Мелькнули огоньки в узких оконцах на одной из стен, отчего та на мгновение стала вдруг похожа на старинную перфокарту, которую кто-то держит перед яркой лампой...

Кругами, кругами... За сиянием огней встала еще одна стена, превратившаяся в израненное нечеловеческое лицо, высеченное из камня. Протолкавшись между электронными схемами, я взгляделся в это лицо, изучая его сразу с нескольких сторон...

Дальше стоял подводный Стонхендж, вокруг которого покачивались, словно столбы дыма, филигранные кружева водорослей. Вспыхивали и вновь гасли разбросанные по его поверхности светящиеся ракушки... Рядом нечто похожее на закатный горизонт, упрятанный в массивный глубокий ящик и заполненный внутренним движением... Там — зловещий черный алтарь...

Крепость... Замок... Цитадель... Кругом пульсирующие базовые программы, охраняющие все пути подхода...

Я продолжал скользить, отталкиваясь от каждой встречной схемы, деля и умножая свои наблюдательные пункты. Когда-то я уже был внутри тех избитых штормами стен. Когда-то меня принимали там с радостью. Но теперь, чтобы проникнуть туда, мне придется отыскать их слабые места...

Я видел, что ни один из защитников не может покинуть свой пост...

Присутствие Энн по-прежнему действовало на меня. Хотя бы потому, что я не мог совсем о ней не думать. Может быть, когда-то я тоже был сильной личностью, на которую она опиралась? Как я начал работать на «Ангро»? Связаны ли эти вопросы между собой?

Не успев додумать до конца, я почувствовал, как мои догадки находят у Энн подтверждение, передавшееся мне — возможно, против ее воли — через ту зыбкую связь, что нас объединяла.

Огни... Теперь моим вниманием завладели огни, складывающиеся в рисунок невероятно сложного внутреннего микропередвижения... Языки пламени превратились в набросок пуантилиста, где все более и более очевидными становились отдельные яркие орнаменты... Глубже, глубже... К их на первый взгляд почти броуновским метаниям...

Энн... Пока я нащупывал ходы, Энн выглядывала из-за моего воображаемого плеча. Я чувствовал, как восторгает и удивляет ее появление каждой новой картины. Сама она ничего подобного увидеть не могла, но, очевидно, зрелище оправдывало в ее глазах даже то, что и я был способен чувствовать какие-то ее мысли, когда мы находились так близко друг к другу.

Нет, конечно же, огненные частички двигались не хаотично... В их движении чувствовался ритм, определенная периодичность, и теперь, глядя со всех своих наблюдательных пунктов одновременно, я это понял. Где-то внутри, я был уверен, лежит информация о Коре, информация о том, где она, и я продолжал пристально вглядываться...

Подумав о Коре, я уловил подтверждение, исходящее от Энн.

— Где она? — спросил я. — Если ты знаешь, скажи. Это избавило бы меня от трудной работы.

Но она тут же ответила отрицанием, хотя я успел заметить, как Энн попыталась заглушить мысль о Коре, и уловил лишь намек на какое-то место с теплым климатом. Не Флорида, а что-то другое... Мне стало понятно, что она остается со мной главным образом ради ожидаемого представления. Ей хотелось узнать, что я успел сделать и что собираюсь предпринять, но только для ее собственного удовольствия. Если бы со мной случилось что-нибудь ужасное, она всегда могла бы ускользнуть. Кроме того, Энн, видимо, не прочь знать наверняка, если меня постигнет неудача, чтобы потом было что доложить Барбье. Ведь ее последняя попытка свести меня с ума своими иллюзиями провалилась. Вряд ли она скажет что-нибудь добровольно.

— Ладно, — произнес я. — Может быть, страсть к подглядыванию все же лучше, чем отсутствие каких-либо чувств.

Меня окатило волной душевной боли, оскорбленного достоинства и еще каких-то эмоций, но я никак не отреагировал и продолжал наступать на крепость со всех сторон.

Оттолкнувшись сразу от множества своих опорных пунктов, я двинулся вперед и почти вплотную прижался к мельтешащим огненным точкам сторожевых программ. Потом приказал, чтобы они расступились...

И пламя раздвинулось, словно открылись клювы перед каждым из моих наблюдательных пунктов... Я проник за огненный ров...

С этого расстояния стены уже казались дымчатыми, клубящимися и подвижными...

Я продвинулся вперед сразу в двух местах, и меня мгновенно толкнуло обратно. Дым сомкнулся, принял твердую форму — передо мной возникло нечто блестящее, похожее на глыбу черного льда... Пристально глядяваясь, я даже мог различить внутри кристаллическую решетку, уходящую в темную бесконечность...

Но пока силы защитников крепости скапливались у тех двух моих точек проникновения, чтобы отразить врага, я заметил, как, становясь все прозрачнее, слабеют стены цитадели у всех остальных занятых мной постов...

И на какое-то стремительное мгновение стены вдруг напомнили мне тот день, когда я пытался отследить свой чек. Стены, которые, по прежним моим представлениям, скрывали утёрзанную летопись моей жизни... Почему-то теперь это уже не казалось мне таким важным. Лучше сосредоточиться на одной цели...

Я двинулся вперед еще в четырех точках, и стоящие передо мной стены превратились в рой светлячков, мечущихся, чтобы преградить путь моим лазутчикам...

Двинувшись вперед в трех новых точках, я в одной из них проник за стену...

...в еще один город света — Париж или Нью-Йорк мира компьютеров — огромный, сияющий, в постоянном повсеместном движении...

...Навстречу мне рванулась фаланга безликих сверкающих защитников, но двигались они как-то неуверенно, словно группа маршноток...

Я принялся отталкиваться от близлежащих конструкций, выстраивая свои отражения для битвы, пока меня не стало больше, чем их. Затем, оставив своих фазо-двойников сражаться под руководством определенной части сознания, я пошел вперед...

...и увидел, что в случае моей полной победы на поле битвы беззвучный сигнал тревоги тут же повернет реку света, протекающую у меня слева, и пустит ее справа...

...а если это произойдет, я буду отрезан от похожей на лабиринт информационной сети. Поток света накроет ее и помешает следующему этапу моего путешествия...

...поэтому я отклонился в сторону и направился к сигнальному устройству. Однако увидел, что любые манипуляции с ним заставят сеть всколыхнуться и закроют часть системы насовсем...

...но оставался еще механизм, который должен всколыхнуть сеть. Его можно было отключить закодированной командой, блок ввода которой завис возле сигнального устройства, словно объемное изображение космической дыры...

Проследив цепочку сигналов назад, я нашел нужный код, затем отключил сигнальное устройство... Каждое из моих фазовых воплощений продолжало сдерживать сверкающих защитников крепости, не давая им вырваться... Примерно с наносекунду у меня перед глазами держался образ наложенных друг на друга сцен, словно из какого-то исторического фильма, где воины штурмовали средневековый замок. Видимо, почувствовав свою силу, подсознание позволило себе маленькую передышку и подчинилось смутному поэтическому импульсу.

... Факелы, крики, огонь, сверкающие клинки, море крови, здесь и там обломки доспехов, ржание лошадей, проткнутые стрелами кирасы. Смятение и хаос...

Сбросив с себя иллюзии, но сохранив ощущение душевного подъема, я принялся изучать саму информационную сеть, понимая, что мне придется туда внедряться. Если я выберу неправильный маршрут, компьютер обязательно переведет в другое место и рассредоточит по всей системе нужный мне информационный массив «Дубль-зет». Придется отыскивать его еще раз и снова решать те же самые проблемы. Если не подойти сразу правильным маршрутом, данные будут исчезать постоянно, находя себе все новые и новые тайники...

Еще один блок ввода завис неподалеку, но, проследив назад его цепочку сигналов, я не обнаружил ключа. Долго думал, пытаюсь найти решение, — он казался полезным... Потом наконец понял, что блок говорит на моем старом языке, языке обмана, и только тогда догадался инвертировать его содержимое. Наложил получившийся орнамент на рисунок информационной сети, и передо мной предстало странное зрелище — я словно смотрел на информационную сеть сквозь множество оптических прицелов одновременно, и перекрестья тоненьких рисок указывали правильный рисунок входа...

Я перестроился под рисунок — как будто подогнал кусок обоев — и проскользнул...

...в многоэтажный лабиринт. Размерность его меня не пугала, поскольку я осознавал, что способность воспринимать окружающее сохранит силу, пока я сам являюсь частью процесса. После, конечно, все это будет вспоминаться не так отчетливо. Мой талант не срабатывал в пустоте: ему требовались ситуации, на которые можно реагировать. А сознание, сопровождавшее его в передвижениях, позволяло оценить и понять эти ситуации, хотя бы посредством работоспособных аналогий...

...поэтому я увидел себя/нас в движении сразу на нескольких

уровнях лабиринта. У каждого нового перехода приходилось останавливаться и отслеживать коды для блоков ввода программы, за которой я охотился. Теперь, когда я прошел через двоично-четверичный преобразователь у входа в лабиринт, это требовало уже не просто выбора «да/нет», а гораздо более сложных решений. Видимо, преобразователь добавили в систему уже после меня: как для экономии объема памяти, так и в качестве дополнительного сторожевого устройства...

Я просочился сквозь лабиринт, и только один раз надо мной промелькнул силуэт какого-то оборонительного механизма.

...Сражение продолжалось уже в стенах замка, в каменных серых залах, увешанных гобеленами... Крики и стоны... Тяжелая мебель темного дерева... Качающиеся канделябры... Лай собак...

...Теперь я вынырнул в аллее с параллельными рядами огней, убегающими вдаль. Оставалось только надеяться, что они идут не до бесконечности... Глядя на них, я почувствовал, что начинаю уставать. Сражение с защитниками Большого Мака уже мешало мне сосредоточиться...

Энн следила за происходящим с неотрывным вниманием. Увиденное производило на нее огромное впечатление, но ее понимание обстановки не поспевало за ощущениями, и она как будто подгоняла меня, чтобы я демонстрировал все новые и новые образы.

— Мне следовало взять с тебя деньги за показ, — мысленно произнес я и почувствовал ответный всплеск похожего на удовольствие чувства.

...Я обратился к подсознанию с вопросом, не пора ли привлечь еще одну аналогию. Почти сразу же раскинувшийся передо мной ландшафт задрожал и преобразился...

...Куда-то вдаль уходила, казалось, бесконечная библиотека. Я двигался мимо сплошных рядов полок со стопками книг... Ряды были размечены в алфавитном порядке, и у основания каждого стеллажа сверкали огромные металлические буквы...

...А, В, С...

С!

Я свернул и двинулся вдоль ряда С. Первый раздел — СА — все не кончался и не кончался. А я все сильнее ощущал усталость.

Длинные ряды старательно переплетенных книг по-прежнему начинались на СА. Я бросился бегом...

...Откуда-то издали донеслись до меня звуки битвы, продолжающейся в огромной центральной башне замка. Но они станови-

лись все ближе, и в своих остальных воплощениях я уже понимал, на чьей стороне перевес. Очевидно, я терял позиции у одной из сигнальных систем, которую мне какое-то время удавалось удерживать силой, словно разжатые челюсти капкана. Чтобы сделать ощущения убедительнее, мое подсознание добавило еще и запах дыма...

«Спасибо, друг», — пробормотал я мысленно.

...В конце концов я добрался до СЕ — еще один нескончаемый ряд полок. Чувствуя, что волнение Энн растет прямо пропорционально моему отчаянию, я побежал еще быстрее. По-прежнему оставалось неясным, переживает ли она за меня или надеется стать свидетелем моего краха...

Перебросив часть сил своим воинам, сражающимся с защитниками Большого Мака, я вдруг осознал, что стало труднее читать надписи на корешках книг. Дым сочился мимо меня и проскальзывал вдоль полок, застилая буквы.

Ругаясь про себя, я замедлил бег и взгляделся... Все еще СЕ. Черт.

Вперед, вперед! Пол превратился в зеркало, затем то же самое произошло с потолком. Бесконечная цепь отражений Белпатри торопливо двигалась сквозь дым реальности. Прошлое стало пожарищем позади, будущее — неверной дорогой в бесконечность. «Гонку не всегда выигрывает быстрейший, но на кого еще ставить?» Деймон Раньон, кажется? Да... Я чувствовал, как что-то вроде смеха, моего собственного смеха, отдается внутри меня и снаружи. Пугающее ощущение...

Снова проверил полки. Славу Богу, уже СН! Скоро появится СИ, а потом...

Уже СИ! Не успел я об этом подумать, как уже СИ. Хотя кому они нужны? У меня возникла мысль стереть всю секцию СИ из досье «Дубль-зет» в памяти Большого Мака — в знак протеста или из мести. Я понял, что усталость уже сказывается на моей способности рассуждать здраво...

...Звон оружия стал громче, запахи резче. Дым повалил еще плотнее...

Нет!

Я не могу сдаться так близко от цели!

Собрав все свои силы, я попытался восстановить и укрепить контроль над противостоящими мне системами. Теперь я двигался медленнее и напряженно, сосредоточенно думал...

Дым стал реже, шум сражения отдалился, книги казались теперь тверже, а их заглавия яснее.

СО! Наконец-то СО!

Осознав, что я добрался до нужной секции, я едва не потерял контроль над битвой. Но бесконечный клан отражений Белпатри — и нормальных и перевернутых вверх ногами — все же справился с собой, унял дрожание в окружающем его однообразно повторяющемся библиотечном мире и побежал дальше, минуя SOB... COD...

COL...

COM...

CON...

И наконец-то, после SOP и SOQ, появилась CORA. Красавица, кроткая, королева. Кора, крошка, картинка, Кора, корпорация — кровожадная корпорация, — контроль, криминал, конфронтация, кризис...

Я оборвал завораживающий джойсовский поток ассоциаций С-матрицы и схватил том с надписью CORA. Воспользовавшись кратким мгновением, когда я отвлекся, снова накатила дым. Возвращались запахи и звуки, Большой Мак опять брал верх...

Раскрыв голубой том с золотым тиснением, я увидел на первой странице слово «Кора», но оно тут же начало таять...

Кора. Все еще в безопасности, где-то на юго-западе страны... Кора... в Нью-Мексико? В Аризоне? «Юго-восточный квадрант самой северной части Новой Испании, которая...»

«Нью-Мексико», — взволнованная тем, как я почти решил проблему в ее присутствии, Энн не сумела спрятать от меня эту мысль. Или сказалась общечеловеческая привычка давать в такие моменты непрошенные советы. «Неподалеку от Карлсбада».

Дым уже окутывал меня целиком. Я отпустил челюсти капкана, и мои войска отступили...

Уже не заботясь, что буду замечен, я рванулся наружу, оставив Большого Мака вопить и скрежетать зубами в бессильной злобе...

Спустя секунду Энн оправилась от потрясения и, мне показалось, даже всхлинула. Потом она пустилась своим путем, а я — своим...

Где-то на полпути обратно я снова ощутил присутствие таинственного наблюдателя, но на этот раз оно меня не заинтриговало...

«Доброе утро, — передал я. — Может быть, когда-нибудь встретимся и позавтракаем вместе?»

...Затем снова витками вверх.

На несколько секунд я открыл глаза и увидел, что кабина залита ярким солнечным светом. Грузовик двигался с неизменной скоростью. Кажется, я получил, что искал, но сейчас мне совсем не хотелось разбираться в новой информации и строить планы.

Какое-то странное оцепенение тормозило мысли и мешало думать.

Глаза снова закрылись, и мне приснилось, будто я мчусь в гробу на колесах, и еще множество других странных вещей.

Глава 10

...Машина безостановочно двигалась по ровному отрезку техасского шоссе. Я сидел на заднем сиденье и читал учебник, лишь краем глаза замечая за окнами пустынные поля, еще более унылые теперь, под нависающими громадами облаков, чем в начале пути. Резкие порывы ветра, словно гигантская ладонь, то и дело ударяли в бок нашей легкой машины. Откуда-то издалека доносились низкие глухие раскаты грома, надолго отстающие от вспышек молний, которые разбегались по небу, как будто ручьи расплавленного золота, пролитого с вершин облачных пиков... Звуки автомобильных гудков, вырастающие из тишины и пролетающие мимо...

Отец сидел за рулем. Мама рядом с ним на переднем сиденье. Радио тихо наигрывало какую-то мелодию в стиле кантри... Я вернулся домой на выходные, и мы собрались навестить семью старшего брата моего отца. Однако мне нужно было заниматься, и рядом на сиденье лежала стопка учебников. Первые капли дождя ударили по крыше машины, словно пули, и вскоре я услышал, как заработали стеклоочистители. Звуки гитары и чей-то знакомый гнусавый голос, поющий о том, что он «все пьет, и гуляет, и ходит по чужим женам, но никакой радости ему от этого нет», все чаще и чаще прерывались треском статики, и у меня возникла забавная мысль, что это очень похоже на то, как разгневанный муж палит в героя песни. В конце концов мама переключила радио на коротковолновую станцию, где музыку передавали инструментальную и не такую назойливую.

Мимо нас на большой скорости пронеслась машина, и я услышал, как отец пробормотал что-то, включая фары. Еще один удар гигантской ладони — и отцу пришлось выворачивать руль влево, чтобы вернуть нас с обочины. Гром, казалось, грохочет уже прямо над головой, а секунду спустя, словно водопад, обрушился дождь. Я закрыл книгу, заложив палец на нужной странице, и выглянул в окно. Тяжелый серый занавес из блестящих бусин срезал видимость всего до нескольких десятков метров. Ветер сердито завывал между ударами.

— Поль, — сказала мама, — может быть, съедем на обочину и остановимся...

Отец кивнул, посмотрел в зеркальце заднего обзора, потом пристально взгляделся вперед.

— Да, пожалуй, — сказал он и начал сворачивать.

В тот же момент еще один тяжелый порыв ветра обрушился на машину сбоку. Мы оказались на обочине, потом слетели с дороги. Отец ударил по тормозам, и машину повело. Что-то перевернулось у меня внутри, когда машина клюнула носом; заскрежетало по днищу, закричала мама. Потом мы куда-то падали, и я услышал сначала грохот грома, а затем грохот удара, заглушивший музыку, крик матери и все остальное...

Я вскрикнул и широко открыл глаза, но все равно ничего не видел несколько секунд из-за слез... Мне приснился сон, но на самом деле это случилось не только во сне. Это действительно произошло, вспомнил я, потому что именно так погибли мои родители. Это...

В лобовом стекле зияла похожая на звезду дыра, и мой грузовик — уже не во сне — медленно съезжал с дороги вправо. Так же, как случилось девять лет назад, хотя теперь не было ни бури, ни глубокого высохшего русла реки за краем дороги. Здесь сразу за обочиной начиналось кукурузное поле, манящее своими ровными рядами зеленых растений...

Я метнулся на водительское сиденье и на этот раз тут же нашел переключатель ручного управления — я специально заметил его положение в электрической схеме грузовика, когда последний раз проскальзывал в бортовой компьютер.

Резко, даже грубо я снова внедрился туда, одновременно поворачивая руль и возвращая машину на трассу. Зеркальце показывало, что грузовик позади меня отстает, а идущий впереди уходит все дальше. Танец без танцоров...

Теперь я заметил другие дыры в кабине — пулевые отверстия, не иначе. Очередь прошла грузовик с левой стороны и впереди. Тонкий свист заполнял кабину. Но сверху доносился еще более сильный вибрирующий звук.

Краткий осмотр изнутри показал, что компьютер поврежден и мне придется сохранять ручное управление, если я не хочу слететь с дороги.

Гудение в воздухе стало громче, и рядом с грузовиком пронеслась тень вертолета — как вернувшийся обрывок ночной тьмы.

Потом я его увидел и услышал звук выстрелов. Почувствовал удары пуль, рвущих тело машины. Уловил запах горячего масла.

К тому времени я уже «выскользнул» из компьютера грузо-

вика и «протягивался» вверх. Выше, еще выше. Искал компьютер, управляющий автопилотом вертолета...

Чувствовал я себя довольно глупо. Мне казалось, что я так ловко замаскировался, изменив код грузовика... Конечно, меня тогда валила с ног усталость и мешала думать радость от осознания новых возможностей своего дара, однако...

Глупо было полагать, что я сумею спрятаться, изменив лишь один этот код. Скорее всего, это сделало меня еще более уязвимым. Возможно, моя машина была частью транспортной колонны — я даже не удосужился проверить — из двух десятков грузовиков, направляющихся в Мемфис с какого-нибудь одного склада или завода на востоке страны. С таким же успехом я мог нарисовать на крыше своей машины — какая она там по счету — крест. Нужно было сначала проверить и изменить характеристики всей колонны. А так Барбье даже не потребовались услуги Энн. Без каких-либо особых способностей он переиграл меня в моей же собственной игре. Мне следовало это предусмотреть. Следовало...

Вверх, вверх... Почувствовав наконец мозг автопилота, я скользнул внутрь и быстро ознакомился с рабочими системами, пока человек, управлявший вертолетом, разворачивал его, чтобы сделать надо мной еще один заход. Я уже чувствовал запах дыма, а двигатель грузовика начал издавать странные, прерывистые звуки.

Мой противник развернулся, и я, захватив контроль над автопилотом, привел его в действие, стремясь сбить вертолет с курса, увести вправо...

И как раз в тот момент, когда у ствола пулемета расцвели короткие вспышки, вертолет резко дернулся вперед. Стрельба тут же прекратилась. Очередь прошла стороной.

Вертолет продолжал исполнять в воздухе свой нелепый танец. В кабине грузовика уже поднимались рядом с сиденьем водителя струйки дыма, и правой ногой я чувствовал, как разогревается пол кабины. Двигатель закашлялся. Грузовик притормозил, потом рванулся вперед, снова притормозил и снова рванулся.

Вертолет увело вправо, потом он выправил курс, но скрылся позади, когда моя машина пронеслась под ним. Я чувствовал, как пилот сражается с механизмами управления, борется с автоматической системой, которая вдруг очнулась и выступила против него. Однако я не снижал усилий, стараясь увести аппарат в сторону, к земле...

Гудение в воздухе стихло, потом до меня снова донесся нарастающий звук. Я следил за обочиной дороги и не мог видеть

своего противника. Он вынырнул в поле зрения слева, но довольно далеко. Понимание того, что пилот пытается меня убить, как-то не сразу проникло к тем уровням сознания, где содержатся страх, ненависть и другие способствующие выживанию инстинкты. Сердце мое стучало, и, когда дым в кабине стал еще гуще, я закашлялся. Кукурузные поля мы уже миновали; теперь от края дороги начинались пологие холмы. Я снова заставил автопилот двигаться вправо и вниз.

С надрывным воем двигателей вертолет подчинился приказу. Я совершенно отчетливо ощущал накал борьбы между человеком и машиной, сражающейся на моей стороне. Забыв про пулемет, пилот пытался справиться с механизмами управления, но я блокировал каждый его ход. В конце концов вертолет перевернулся и ринулся к земле.

Самого падения я даже не видел. Место, где вертолет врезался в землю, грузовик оставил позади, а дым в кабине становился все гуще. Когда я сумел наконец открыть окно, языки пламени уже начали прорываться из-под пола. Но меня беспокоило какое-то странное чувство... Человек, который вел вертолет, оставался для меня безликой абстракцией, существом, пытавшимся меня убить, хотя сам я не желал никому зла... А вот компьютер...

Я побывал у него внутри и только что его узнал. А затем принудил к действиям, принесшим ему смерть. Я оставался с ним до самого удара о землю, когда все его системы вдруг обезумели и тут же прекратили свое существование. В тот момент я испытал маленький всплеск чувства вины, хотя ни о каком разуме тут и речи идти не могло. Но когда вещь перестает быть просто вещью?..

Грузовик снова вводило с дороги. Я повернул руль, однако ничего не изменилось. Нажал на тормоз — он тоже не работал.

Машина скатилась с дороги и понеслась вниз по склону пологого холма к торчащей в центре поля длинной каменистой гряде. Действовал ли я в тот момент рационально? Может быть, не совсем. Я скользнул в компьютер грузовика и обнаружил, что он мертв, за исключением двух-трех обслуживающих систем, которые тоже работали на пределе. Я чувствовал: мне приходит конец. А Энн, которую такая развязка вполне бы устроила, даже не было рядом... Впрочем, возможно, я зря о ней так думал. Не знаю. Когда-то я нравился ей, в этом я уже не сомневался. В прошлом мы действительно что-то значили друг для друга...

«На тот случай, Энн... — подумал я, четко выделяя каждую мысль. — На тот случай, если это действительно финиш... А я думаю, что так оно и есть... Короче, я знаю, что Босс получил

информацию от машин, а не от тебя... Нюхай свои цветы... Если ты слышишь меня сейчас, я совсем не так хотел уйти из жизни, раз уж пришлось бы, но я знаю, что это не твоих рук дело... Я не стану проклинать тебя — несмотря на твои второсортные иллюзии — за то, что ты составила мне не так давно компанию... Жаль, что я не могу вспомнить больше, хотя... Ты единственный человек, который меня слышит сейчас. И на этом я с тобой прощаюсь. Хочу только сказать, что Барбье для тебя — не самый лучший вариант. Нюхай свои проклятые цветы...»

...Затем шум мотора стал громче, еще громче, еще... Я не сразу понял, что это звук не только моего двигателя, и лишь через какое-то время почувствовал рядом присутствие других компьютеров, работающих. Затем мою машину обогнали тени. Затем резко толкнули...

Охваченный паникой, я потел и задыхался от страха, но, когда тени сравняли скорость и первый грузовик ткнулся в борт моего, до меня наконец дошло, что происходит.

Вслед за моей с трассы сошли еще две машины, настигли меня и теперь шли вровень. Та, что приблизилась справа, с лязгом и скрипом притерлась бортом к моему грузовику. Тут же нас толкнули с другой стороны. Металл скрежетал и гнулся, а у меня в голове, словно метеоры, проносились фрагменты недавнего сна, оставляя за собой клубящиеся следы страха.

Вид через лобовое стекло сменился... Огонь проник в кабину... Теперь я уже ехал не вниз по склону холма, теперь меня повернули.словно двое слонов, помогающих раненому товарищу, два грузовика меняли мой курс, отворачивая от поджидающей у основания холма смертоносной каменной гряды.

Какое-то время я выиграл, но проблемы это не решило, потому что пламя по-прежнему наступало. Надо было выбираться из кабины. Это означало — прыгать, а я прекрасно понимал, что, спрыгнув на такой скорости, разобьюсь насмерть.

Я выглянул налево. Грузовик с этой стороны уже отошел чуть в сторону и теперь толкал только тот, что справа. Всего метра полтора, может быть, отделяло меня от машины слева. Когда она толкнула мою в бок, дверца кабины у нее распахнулась, да так ее и заклинило.

Перепрыгнуть... Если получится... Должно получиться. У меня оставался только один шанс сохранить себе жизнь...

Я открыл свою дверцу, удерживая ее против набегающего потока воздуха, и осторожно развернулся на сиденье лицом к выходу. От ворвавшегося в кабину ветра пламя тут же выросло и прыгнуло мне на спину, опалив одежду. Я взглянул вниз, чего

делать совсем не следовало. Потом, с трудом оторвав взгляд от проносящейся подо мной земли, снова посмотрел на спасительную кабину машины слева. Чего я жду? Когда страх съест последние остатки решимости? Выбора действительно не оставалось. Я внимательно посмотрел, за что можно ухватиться руками, и прыгнул.

...Ливень. Скрежет днища, когда машина клюнула носом... Крик матери... Грохот удара... Мрак, бесконечный мрак, который все не проходил и, казалось, никогда не пройдет...

Мрак.

Безмолвие.

Мрак и безмолвие.

А в самом центре этого мрака и безмолвия — боль. Моя голова...

Время от времени боль чуть отступала, и возникали ощущения — разум мой словно существовал сам по себе, плавая в каком-то дурмане отрешенности. Это чувство не вызывало протеста — все, что заглушало мысли, я мог только приветствовать.

Мне казалось, что я лежу на спине в каком-то помещении, хотя полной убежденности у меня не было. Кроме этого смутного ощущения и боли, я ничего не чувствовал. Однако позже мне начало казаться, что моя голова лежит на подушке.

Я попытался крикнуть и ничего не услышал.

Очень долго меня не оставляло подозрение, что со мной случилось что-то совершенно ужасное и несправедливое.

Как долго?

Дни? Недели? Я не понимал даже этого и только чувствовал, что времени прошло очень много.

Мысли мои снова и снова возвращались к аварии. Может быть, такова смерть? Этот бесконечный дрейф сознания в черной безмолвной пустоте, сохранившей лишь боль расставания с жизнью? Порой я действительно в это верил. Но иногда вдруг чувствовал, как мне на лоб ложится чья-то невидимая рука.

Видеть...

Может, я ослеп? И оглох?

От этих мыслей хотелось кричать. Но если я кричал, то все равно ничего не слышал.

Мрак и безмолвие.

Постепенно боль унялась. К тому времени я уже прошел через периоды паники, кошмарной иррациональности, уныния, летаргии, отчаяния. Случалось, я не мог догадаться, когда сплю, а когда бодрствую. Я знал, кто я, но не понимал, где нахожусь и сколько прошло времени.

Все это изменила пища. Зачем нужна пища бесплотному духу? Мне осторожно открывали рот и вливали туда — видимо, из пластиковой бутылки — бульон. Я давился, какое-то время задышался, но в конце концов глотал.

Именно это ощущение позволило мне наконец понять, что я в больнице — ослепший, оглохший, парализованный. Даже странно, как такое ужасное озарение может — хотя бы и недолго — сопровождаться чувством облегчения. Но по крайней мере я узнал, где нахожусь, и понял, что обо мне заботятся. Все мои мрачные метафизические предположения растаяли без следа. Я жил, и меня лечили. Теперь я даже мог надеяться на выздоровление...

Ход времени я замечал по кормлениям и, как мог долго, отгонял от себя мысли об аварии. Но в конце концов пришлось думать и об этом.

Живы ли родители? Может быть, мы лежим на койках, стоящих совсем рядом, или... Если они живы, каково их состояние? Как у меня? Я снова и снова прокручивал в памяти катастрофу. Может быть, я пострадал меньше, потому что сидел на заднем сиденье? Или наоборот — машина перевернулась и мне досталось больше всех?..

Совершенно невыносимые болезненные фантазии, когда невозможно узнать точно, как обстоят дела. Но сделать я ничего не мог и постоянно искал, чем бы еще занять свои мысли. Вспоминал о колледже, об экзаменах, которые наверняка пропустил, — возможно, уже пропустил. По минутам восстанавливал в памяти какой-нибудь самый обычный день из студенческой жизни, пытаюсь вспомнить всех, кого я знал в колледже. Старался до последней мелочи припомнить расположение предметов, что находились у меня в комнате. Самые лучшие лекции, что я слышал, книги, которые читал...

Я придумывал для себя игры и играл в них до бесконечности. Дошло до того, что я научился сохранять в памяти все положения фигур на шахматной доске, но без настоящего противника игра не доставляла особого удовольствия...

Когда я уставал от всего этого, когда воображение ничего больше не могло подсказать, а спасительный сон не приходил и не приходил, мне начинало казаться, что лучше бы я умер. Раз я почти ничего не чувствую во всем теле, скорее всего, поврежден спинной мозг или даже головной. Я понимал, что ничем хорошим это не кончится, если только скоро ко мне не начнут возвращаться хотя бы какие-то ощущения. Иногда от боли голова просто раскалывалась, и я с сожалением вспоминал о тех первых

днях, когда меня накачивали лекарствами или наркотиками, от которых мне становилось абсолютно все равно. А временами у меня возникал вопрос, не схожу ли я постепенно с ума? Или, может, уже сошел?

Я пытался говорить. Слышу ли я свою речь или нет — не столь важно. Главное, чтобы меня услышал кто-нибудь еще. Один раз я начал повторять фразу «у меня болит голова» снова и снова. На самом деле голова не болела, но кто-то, должно быть, услышал, ввел мне сильное обезболивающее, и я опять «уплыл».

Эту хитрость я пытался применять довольно часто, но работала она всего несколько раз. Видимо, они сообразили, в чем тут дело. Однако у меня возникла новая идея.

Почувствовав в очередной раз у себя на лбу чью-то руку, я попытался сказать:

— Подождите. Я в больнице? Если «да», надавите один раз, если «нет» — два.

Одно прикосновение кончиками пальцев.

— А мои родители? — спросил я. — Они живы?

Ответ последовал не сразу, но по замешательству врача я и так понял, каков он будет. После этого я ушел в себя, замкнулся. Возможно, на какое-то время даже потерял рассудок.

Позже — возможно, спустя несколько дней — я справился с собой и попробовал заговорить вновь. Почувствовав на лбу руку, которую уже долго игнорировал, я спросил:

— У меня разорван спинной мозг?

Два касания.

— Поврежден?

Одно касание.

— Я поправлюсь?

Без ответа. Видимо, неверный вопрос.

— Есть шанс, что я поправлюсь?

Неуверенное касание. Не очень обнадеживающее.

— Глаза у меня повреждены?

Два касания.

— А мозг?

Одно.

— Это излечимо?

Без ответа.

— Операция мне поможет?

Без ответа. Неужели они ушли? Может быть...

— Мне уже сделали операцию?

Одно касание.

— Когда будет известно, насколько она успешна?

Без ответа.

— Черт! — произнес я и снова ушел в себя.

Спрашивать ни о чем не хотелось — ответы на те вопросы, что волновали меня больше всего, я уже получил. Позже я много раз чувствовал руку на лбу, но просто не знал, о чем спросить.

Последовало несколько долгих периодов, во время которых я, видимо, терял психическое равновесие; периодов, заполненных дикими, похожими на сны видениями, которые на самом деле были не снами, а какими-то бредовыми странствиями ума. Между этими периодами ко мне возвращалась способность мыслить нормально, и в один из последних таких периодов я решил попытаться сохранить свой разум. Зачем — до сих пор не уверен. Может, само это решение было решением безумца. Иногда мне казалось, что будет лучше, если я потеряю всякое представление о причинности, всякое рациональное понимание себя. И все же я решил попытаться выстоять против надвигающегося хаоса.

Начал я с рассказа самому себе истории своей жизни. Сначала отрывочно, в общих чертах, потом все глубже и подробнее. Обратившись к детским воспоминаниям, я оттуда стал медленно продвигаться вперед и так несколько раз. Вспоминал лица одноклассников в начальной школе, отыскивая имена для каждого из них. Извлекал из памяти даже скатерти, ковры и картины на стенах, о которых не вспоминал годами. Каждого родственника, каждого друга... Одежду, которую носил когда-то давно... Свою первую драку и первую любовь. Каждую боль в своей жизни. Я перелистывал многочисленные рождества, дни благодарения, дни рождения, вспоминал, кто где сидел на праздничных обедах, подарки, которые дарили мне и которые дарил я, свадьбы, рождения, смерти... Дело, что вели родители... Это последнее заняло меня надолго, и я порой удивлялся, сколько невероятных подробностей можно обнаружить в памяти, если немного напрячься...

Дело, что вели родители?..

Я вспоминал компьютеры и все те игры, в которые я с ними играл. О каждом из них я думал, как о своих одноклассниках, поскольку многие компьютеры представлялись мне как бы самостоятельными личностями.

Я даже помнил, как я решил, что каким-то образом чувствую работу электроники...

Мне вдруг захотелось, чтобы у меня был компьютер, с которым я мог бы поговорить, и снова вспомнилось то странное, почти забытое все эти годы чувство.

Клик. Клик. Клик. Кликлик.

Да. Именно так. И вдруг...

...Я увидел бесконечные ряды огней, вращающиеся кольца пламени, услышал треск контактов, щелчки переключений и последовал за яркими витками спирали в эту волшебную страну...

Словно я вернулся в детство. Именно такое у меня возникло ощущение. Только машина была не та, что воскресала в памяти, а другая, настоящая... Я вглядывался в помещенный где-то неподалеку большой компьютер. Никаких сомнений. Как мне это удалось и где он находится, я еще не понимал, но чувствовал, как перебегают туда-сюда данные, и, пока я смотрел, картина с каждой секундой становилась все отчетливее и понятнее...

Каким-то образом я вступил в контакт с больничным компьютером, оказавшись в его внутреннем функциональном мире молчаливым партнером и наблюдателем. В мгновение ока я перестал чувствовать себя одиноким.

С тех пор, просыпаясь каждое утро, я убежал из реального мира и проскальзывал в эту удивительную машину, ставшую моим другом. Там, внутри, хранился колоссальный объем информации, которой я отдавал все свое внимание, перестав реагировать на возникающее время от времени смутное желание пообщаться с теми, кто меня кормит, лечит и моет. Всех этих людей я знал теперь по именам — кто на дежурстве, кто отдыхает, а познакомившись с личными досье, узнал и кое-какие подробности их биографий. Все меню я читал заранее. Прочел истории болезни всех пациентов больницы — в том числе и свою. Положение у меня было тяжелое, с совершенно пессимистическим прогнозом. Чуть позже я обнаружил, что могу выяснить значение любого неизвестного мне термина через канал связи с компьютером медицинской библиотеки. Я даже знал, где находятся все мои пролежни, хотя сам их не чувствовал. Сведения из собственной истории болезни здорово меня расстроили, зато теперь у меня появилось окно в мир, которого не было раньше.

Новые данные в историю болезни заносились с числами, и постепенно ко мне вернулось настоящее ощущение времени. Текли дни и недели, недели складывались в месяцы, а мое окно в мир тем временем росло и превращалось в огромный панорамный экран...

Больничный компьютер имел канал связи с полицейским, медицинская библиотека связывалась с университетским компьютером, тот — с военным, а этот — с метеорологическим и так далее. А по пути встречались банковские компьютеры, ма-

шины проектных фирм, частные компьютеры, выходы на иностранные системы...

При желании я мог «бродить» по всему свету, быть в курсе последних новостей, читать книги, в считанные секунды отыскивать необходимые факты, наблюдать за любыми спортивными играми и событиями реальной жизни...

Я научился укрощать магнитные потоки.

Кликкликлик.

Конечно, мне было небезразлично, что мое тело лежит без движения и без пользы. Но по крайней мере я снова стал частью большого мира. У меня появилось множество удивительных вещей, за которыми можно наблюдать. Забываясь, я мог целыми днями следить за какими-нибудь деловыми, политическими или военными манипуляциями с людьми, предметами, деньгами... Я видел, как одни корпорации захватывают другие, как проводятся экономические санкции в политически сложных ситуациях, как ведутся переговоры о профессиональном спортсмене экстра-класса, как гуманитарный университет реорганизуют в технический институт. Я предсказал самоубийство, заранее догадался об экономическом успехе океанографического концерна, присутствовал на операции по спасению потерянного спутника. Я уже не был одинок. Конечно, я хотел снова обрести свое нормально функционирующее тело, но по крайней мере мне перестали мерещиться разъедающие прикосновения безумия...

Я неоднократно задумывался — разумеется, задумывался, а как же? — о природе своей уникальной связи с машинами. Ни о чем подобном я раньше не слышал и не читал. Казалось, это какая-то неестественная форма телепатии — между человеком и машиной. Я не один раз пытался уловить мысли людей, находящихся рядом, но из этого решительно ничего не получалось. Судя по всему, мой дар имел строго определенную направленность. Я понимал, что, должно быть, родился с какими-то крохотными зачатками этой способности. Но она никогда не развилась бы, не попади я в уникальные обстоятельства.

Однако как бы дар ни возник и ни развивался, мне оставалось только благодарить за него судьбу. У других пациентов — в лучшем состоянии, чем я, — были, возможно, в комнатах телевизоры. Я же прямо в голове мог подключаться практически ко всему миру.

...Шло время. История болезни показывала, что мое состояние неизменно. По-прежнему недостаточный вес, катетеры, электростимуляция кишечника. Время от времени внутривенные вливания. Регулярные дозы лекарств. Меня все так же пере-

врачивали и перекладывали, но пролежни оставались. Показаний для дальнейшего хирургического вмешательства не было. Более того, один из неврологов предполагал, что я уже совершенно выжил из ума. Все говорило о том, что я остаюсь — и, скорее всего, до конца своих дней останусь — растением.

Любые попытки примириться с этой мыслью ни к чему хорошему не приводили: она преследовала меня и во сне и порой наяву. Я, конечно, досконально изучил свое состояние и все связанные с ним медицинские проблемы, но ничего обнадеживающего не нашел. Тем не менее поиски новых развлечений среди чудес информационной сети никогда не заслоняли для меня достижений медицины, которые могли бы помочь мне справиться со своим недугом.

Не помню точно, когда именно у меня возникло смутное чувство тревоги. Не по поводу своего состояния, нет. Ничто в моей истории болезни не предвещало неминуемой смерти или внезапного ухудшения. Я не принимал ни стоических поз, ни каких-либо решений о покорности судьбе, и во мне по-прежнему жила крохотная надежда на выздоровление. Меня не оставляла ничем не подтвержденная уверенность в том, что это самое «достижение медицины» все-таки появится и вернет мне полноценную жизнь. В этом я не мог себе отказать. А вот чувство тревоги объяснить гораздо труднее.

Когда я плутал по информационной сети, у меня иногда возникало впечатление, что кто-то смотрит мне через плечо. Поначалу это случалось редко, короткими наплывами, но вскоре такое ощущение стало приходить все чаще и чаще. Первое время я считал, что это просто параноидальные фантазии. В конце концов, я довольно долго находился в тяжелом состоянии, и это не могло не сказаться на мне, тем более что теперь у меня оставался только один способ как-то отвлечься, и способ в высшей степени необычный. То, что меня начали преследовать электронные призраки, видимо, просто реакция, рассуждал я, возможно, здоровая реакция, подчеркивающая, что я теперь замечаю, даже ищу что-то за пределами той заполненной моим «я» Вселенной, где мне довелось прожить так долго.

Но ощущение, что я не один, не уходило, набирало силу и со временем стало моим постоянным спутником. Я даже как-то сжился с ним и не собирался оставлять свои прогулки по информационной сети. Однако этот период мне вспоминается не очень четко, что связано, возможно, с последующими событиями.

Однажды утром я проснулся со странным ощущением в левом бедре. Ни двинуть ногой, ни сделать чего-то еще столь же

сложного я не мог, но маленький участок кожи, размером, быть может, с ладонь, покалывало. Потом буквально начало жечь. Я чувствовал себя очень неуютно и совершенно не мог сосредоточиться. Не мог ускользнуть в информационную сеть, ничего не мог — только думал и думал о том, что происходит, — наверное, несколько часов подряд. Странно, как мне не пришло в голову, что это обнадеживающий признак. Я воспринимал новое ощущение просто как еще одну пытку.

Проснувшись в следующий раз, я почувствовал то же самое в пальцах левой ноги, и время от времени вспыхивали какие-то ощущения в икре. Болезненный участок на бедре стал больше. Только тогда до меня дошло, что со мной происходит, видимо, что-то хорошее.

Дальше — сумятица, монтаж, и этот период занял не одну неделю. Я помню ужасный звон в ушах. Он продолжался несколько дней подряд и лишь потом превратился в отдельные звуки, а еще позже — в слова. Наверное, больше суток я просто не замечал слабого свечения и только через день понял, что возвращается зрение. Теперь уже жгло правую ногу, живот, руки. Все зудело, и в конце концов я почувствовал боль от пролежней. Не помню точного момента, когда улучшение в моем состоянии заметила дежурная медсестра. Врачи приходили толпами. Мне довелось встретиться с тем самым неврологом, который решил, будто я сошел с ума, и даже поговорить с ним. Разумеется, я не рассказал ему — как и никому другому — об «эффекте витков», опасаясь, что подобный рассказ только утвердит его в прежнем мнении.

Прошло немало времени, отданного физиотерапевтическим процедурам, прежде чем я смог ходить, но для начала мне было достаточно просто кататься в кресле по коридорам (позже я научился возить себя сам), разглядывать через окно сад или машины на дороге, разговаривать с другими пациентами. Как хорошо было вернуть способность есть самостоятельно! И я решил не начинать курить снова, поскольку полностью и незаметно для себя освободился от прежнего пристрастия к никотину.

Мысль о смерти родителей все еще отдавалась болью в душе, и я знал, что после больницы первым делом навещу их могилы. Однако времени с тех пор прошло немало, я успел сжиться с этой мыслью и уже не думал о них постоянно.

Достижение медицины, которого я ждал, так и не пришло. К счастью, по прошествии времени мой организм сам устроил себе ремиссию...

...Отдыхая, я теперь постоянно ускользал в компьютерную сеть, поскольку она стала частью моей жизни. К этому феномену я относился с огромной любовью и благодарил судьбу, что он не исчез, вытесненный возвращением остальных моих способностей. Лежа вечерами в постели, я по-прежнему отправлялся бродить по информационной сети. Хотя что-то неумовимо изменилось.

Клик.

Я лежал поперек сиденья спасшего меня грузовика и никак не мог отдышаться. Грузовик уже снизил скорость, отстав от моей горячей машины и второго «спасателя», который тоже теперь горел. Взбираясь по склону холма, мы плавно выворачивали назад к трассе.

Спину все еще жгло. От меня несло дымом, смешанным с запахом паленой одежды и волос. Дым чувствовался даже во рту. Я кашлял и вдыхал чистый воздух. Грузовик тряхнуло, когда он переехал мелкую канаву, и полуоткрытая дверца закрипела. Окно на дверце потрескалось, но не разбилось.

Я поднялся на локтях и, закрывая поплотнее дверцу, увидел, как два грузовика врезались в каменистую гряду. Последовало два взрыва, среди обломков заплесало пламя. Трещины на стекле дверцы полыхнули в ответ, словно разряд молнии.

Глава 11

Машины на автоматической полосе пропустили нас в ряд, и мы снова стали частью равномерного транспортного потока. Увы, все хорошее быстро кончается. Мы нарушили строгий рисунок движения, за которым следят программы компьютера, управляющего автоматическим транспортом, и, даже вернувшись на дорогу, наверняка выделялись в общем потоке сигналов. Если раньше я еще мог безнаказанно перепрограммировать целую колонну грузовиков, то сейчас мне это вряд ли бы удалось. Я даже не сомневался, что теперь, когда результаты моего последнего вмешательства в работу транспортного компьютера стали известны, там добавили какую-нибудь новую следящую программу. Кроме того, мой новый грузовик очень легко будет обнаружить визуально, поскольку на нем остались вмятины и царапины.

Быстрый виток, краткий поиск — и я уже знал, что нахожусь в восточной части Теннесси. Заставив машину съехать на обочину, я с милю прогнал ее по краю дороги, потом остановил и вышел. Вдалеке, за пустынными полями и ухоженными посадка-

ми, виднелась железнодорожная линия. Протянувшись мысленно в ту сторону, я почувствовал, как перетекают по световодам, проложенным вдоль линии, ручейки данных.

Какое-то время я в нерешительности стоял рядом с грузовиком. Из-за холмов, оставшихся позади, поднимались черные, изломанные ветром столбы дыма от обломков двух машин. Оставалось только надеяться, что Барбье подумает, будто я погиб в аварии, и у меня будет хоть какое-то время, чтобы опередить преследователей.

Я приказал грузовику вернуться на автоматическую линию и продолжать свой первоначальный маршрут. Машина послушно взревела и двинулась прочь, в промежуток, который, притормозив, ей тут же выделили другие машины.

Взглянув на небо, я убедился, что вертолетов нигде больше нет, однако издали доносился звук полицейской сирены, и я зашагал через холмистое зеленое поле, направляясь к похожему на парк участку. Там, среди деревьев, располагалось несколько зданий, но людей почти не было видно, и, двигаясь по щиколотку в мягкой траве, растущей из красноватой жесткой земли, я догадался, что приближаюсь к студенческому городку.

Клик. Клик. Клик. Точно. В компьютере содержались списки оценок. Летняя сессия...

Сирена, завывавшая вдалеке, смолкла. Видимо, полицейские наконец добрались до обломков. Конечно, подумал я, пройдет время, пока они сумеют разобраться в обгоревших останках грузовиков, но тем не менее ускорил шаг. Полуденная жара тоже подгоняла в тень, ждущую впереди. Я поразмыслил и решил, что для студенческого городка выгляжу вполне сносно.

Вскоре я выбрался на тропинку, которая через несколько сотен метров стала шире и сменилась дорожкой, усыпанной гравием. Пахло магнолиями и свежескошенной травой. Не увертюра к каким-либо воображаемым ужасам, а настоящие запахи: я видел впереди и деревья, и поляну, где скосили траву.

На открытой площадке справа несколько парней и девушек играли во фризби. Никто из них не обратил на меня внимания. Пройдя мимо и добравшись до ближайших зданий, я уловил запах пищи, и в животе у меня тут же заурчало.

По каменным ступеням с перилами из железной трубы я спустился в маленькое полуподвальное кафе и остановился у открытой двери, словно высматривая кого-то внутри. Люди подходили к стойке и платили наличными, а парень у кассы в перерывах между клиентами читал книгу в мягкой обложке. Никто ни у кого не спрашивал удостоверений личности.

Я прошел в кафе, купил себе две сосиски, пакет чипсов и большую бутылку кока-колы, потом выбрался на улицу и устроился на уединенной скамейке под большим старым деревом, что заметил еще раньше.

Пока я сидел, ел и разглядывал студентов, у меня возникло странное чувство, заставившее вспомнить свои собственные годы в колледже. Я уже совсем собрался скользнуть в ближайший компьютер — видимо, просто ради компании, — когда мимо меня по направлению к кафе прошла с ракеткой в руках девушка в белых шортах, лимонного цвета кофточке и теннисках. Примерно такого же, как Энн, роста и сложения. С тем же цветом волос...

...И она явилась перед моим внутренним взором, как в тот далекий день, когда я еще учился, — в белой шелковой кофточке, в темно-синей юбке, с маленькой сумочкой в руках. Я стоял в дверях студенческого кафе, прячась от ветра. Она взглянула мне в глаза, словно уже знала, кто я такой, улыбнулась и назвала меня по имени. Я кивнул, потом произнес:

— А вы — Энн Стронг.

— Да, — сказала она. — Я хотела бы пригласить вас на ленч.

— Согласен, — ответил я, поворачиваясь к кафе.

— Не сюда, — возразила она. — В какое-нибудь более цивилизованное и тихое место.

— О'кей.

Мы сели в ее машину и отправились в ресторан при старинном отеле, где она остановилась, — ресторан с великолепной кухней и тяжелыми льняными салфетками.

Я уже три месяца как приступил к занятиям. А между выздоровлением и возвращением в университет прошло еще полгода. Учебу я воспринимал словно трудотерапию, занимался очень серьезно и рассчитывал получить неплохие оценки на экзаменах, до которых оставалось всего несколько недель.

По дороге мы не разговаривали ни о чем серьезном, просто знакомились. Во время еды она тоже не торопила события, и за приятной беседой я даже забыл, что Энн Стронг подбирает людей для «Ангро энерджи». Словно случайно она затрагивала в основном те темы, которые меня тогда волновали, в том числе и несколько книг, что я прочел за последние месяцы или еще читал.

И только когда подали кофе, она наконец спросила:

— Каковы ваши планы на будущее?

— Что-нибудь связанное с компьютерами.

— Вы никогда не думали перебраться на Восточное побережье?

— Пока не думал, — сказал я, пожимая плечами. — Но, если работа мне понравится, я поеду куда потребуется.

— Я обратила на вас внимание, потому что вы, может быть, подойдете для «Ангро».

— Вот это меня и удивляет, — ответил я. — Я считал, что в таких случаях нанимают только старшекурсников или выпускников. А мне еще не один год учиться.

Она отхлебнула кофе.

— Меня интересует талант, а не диплом с хвалебными отзывами.

Я улыбнулся.

— Но это, конечно, тоже нужно.

— Не обязательно, — ответила она. — По крайней мере в особых случаях.

Подошел официант и снова наполнил наши чашки. Энн протянула руку и коснулась нераскрытого бутона розы в вазе резного стекла, стоявшей на столе.

— Я польщен такой оценкой, если правильно понял, о чем вы говорите, — сказал наконец я. — Однако я не так давно в колледже, чтобы о моих успехах уже можно было судить.

— Я знакома с вашими ранними оценками, — произнесла она, — и, разумеется, мы прислушиваемся к рекомендациям профессоров, которые преподают у вас сейчас.

— Вы знаете о том, что со мной произошло?

— Да.

— Тогда, если быть практичным — с вашей точки зрения, — следовало бы предположить, что этот несчастный случай мог вызвать у меня психическую неуравновешенность. Может быть, в такой ситуации есть смысл понаблюдать за человеком подольше?

Она кивнула.

— Это один из доводов в пользу личного контакта. Можно мне за вами понаблюдать?

— Конечно.

— Как вы сами оцениваете свое состояние?

— Устойчив, как скала.

— Тогда я включу в расходы за счет «Ангро» еще и обеды. Вы свободны в пятницу вечером?

— Да.

— В пятницу будет премьера, на которой я хотела бы побывать.

— Я люблю театр, — сказал я, — но мне не хотелось бы вас обманывать. Я действительно думаю, что мне нужно сначала закончить учебу и только потом наниматься на работу.

Энн накрыла мою руку своей ладонью.

— Об этом мы поговорим в следующий раз. Но я должна упомянуть, что «Ангро» предоставляет своим сотрудникам возможности для получения дальнейшего образования. Однако сейчас мне важнее найти оправдание для того, чтобы самой воспользоваться представительскими. В пятницу в шесть вечера я за вами заеду.

— Хорошо, — ответил я.

И, действительно, все вышло как нельзя лучше. Энн сказала, что пробудет в городе неопределенное время, по крайней мере несколько недель, а когда есть машина, деньги и желание узнать кого-то по-настоящему, всегда можно придумать, чем заняться и где побывать.

Хотя еще до конца семестра мы стали близки, я все равно отказывался оставлять университет и начинать работать на «Ангро энерджи» в середине учебного года. Мне хотелось закончить год и устроиться на работу летом. В этом случае я мог бы уйти, если бы работа мне не понравилась, и осенью вернуться к занятиям, ничего не пропустив. Могло показаться, что, выставя такие условия, я слишком далеко зашел для студента младших курсов, которому крупная компания предлагает хорошее место, но у меня уже возникли подозрения, что здесь не все так просто, как казалось. И то, что мои условия приняли, только подтвердило эти подозрения.

Энн то уезжала, то снова возвращалась в город весь следующий семестр, и мы виделись почти каждый выходной. Она словно сторожила меня, и как-то раз я спросил:

— Ты здесь бываешь довольно часто. Они там, видимо, боятся, что меня украдет какая-нибудь другая компания?

— Я так планирую свои дела специально, чтобы видеться с тобой, — ответила она обиженно. — А ты бы уехал куда-нибудь еще, если бы получил другое предложение?

— Никаких предложений мне никто не делал, — сказал я. — Я обещал поработать летом в «Ангро» и свое слово сдержу.

— Тогда нам остается просто наслаждаться теми благами, что предоставляет моя работа.

После этого продолжение расспросов выглядело бы просто черной неблагодарностью с моей стороны. Однако я понимал, что неглупых парней вроде меня по всей стране полно, и даже порасспрашивал своих однокурсников. Некоторые из них были действительно очень талантливы, но дальше стандартного интервью и такого же стандартного «мы вам сообщим» никто из них не продвинулся. Никому, кроме меня, Энн не предлагала

работы, даже студентам последнего курса и выпускникам. В каждом из нас живет, видимо, тщеславие, но у меня хватило ума понять, что я не настолько лучше всех остальных, чтобы заслужить подобные знаки внимания.

...Если, конечно, из-за наших отношений она не расписала меня перед своим начальством как нового да Винчи. В этом случае, я понимал, мне будет в «Ангро» очень неудобно. Никаких незаслуженных преимуществ мне не хотелось, быть чьим-то любимчиком — тоже.

Однако Энн предугадала этот поворот в моих настроениях, как уже неоднократно случалось в прошлом. Неумолимая логика подобных рассуждений требовала ответа, а ответ мог быть только один: пришло время поговорить начистоту.

Разговор состоялся в один из солнечных, проникнутых свежестью и кристально чистых дней конца апреля. В полях только закипала нарождающаяся зелень весны, а запахи влажной земли дышали самой жизнью. Мы снова сидели за кофе, только на этот раз я прогулял кое-какие занятия, благодаря чему нам удалось провести три дня вместе, и кофе мы пили на террасе домика в горах, который то ли она сняла, то ли он принадлежал «Ангро», — я так и не уяснил. На мне был бордовый халат на несколько размеров меньше, чем я ношу, с золотым пучеглазым драконом, завившим тело кольцами слева на моей груди. Я чистил апельсин и думал, как сказать Энн, что я не хочу этой работы, если мне ее предоставляют только из-за наших отношений. Если не в этом причина, тогда в чем же?

— Полагаю, рано или поздно нам пришлось бы об этом поговорить, — сказала Энн прежде, чем я успел собраться с мыслями. — «Ангро» интересуют вовсе не твои академические успехи, касающиеся вычислительной техники.

— А если точнее? — спросил я, все еще разглядывая апельсиновые корки.

— Твоя уникальная способность мысленно общаться с компьютерами.

— Если я такой способностью и обладаю, — спросил я, — откуда ты можешь о ней знать?

— Та уникальная способность, которой обладаю я, имеет отношение к мыслительным процессам других людей.

— Телепатия? Ты знаешь, о чем я думаю?

— Да.

Разумеется, я сразу проверил ее, загадывая цепочки чисел и строчки стихов, но поверил в это еще до того, как она доказала мне, что говорит правду. Видимо, обладателю какой-то пара-

нормальной способности совсем не трудно убедить себя в том, что он не одинок.

— Я в общем-то и не думал, что причиной всему служит мой замечательный характер.

— Но ты действительно мне дорог, — сказала она, может быть, чуть более поспешно, чем хотела.

— Почему «Ангро» нанимает экстрасенсов? — спросил я. — И много таких еще?

— Таких, как ты — ни одного. Но компания, располагающая группой людей вроде нашей, получит значительный перевес над конкурентами.

— Хотя я еще не знаю, что конкретно будет входить в мои обязанности, но даже сейчас мне кажется, что у такого перевеса весьма сомнительная этическая сторона.

Она встала и сложила руки на груди. Губы ее сжались. Никогда раньше я не видел Энн рассерженной.

— Посмотри вокруг, — сказала она. — Страна катится к пропасти. Весь мир рушится. А почему? Потому что грядет колоссальный энергетический кризис. Но его можно предотвратить. Ты спросишь как? Так вот, необходимая технология уже существует, однако все это по частям принадлежит десяткам различных концернов. Этот вышел вперед в одной области, этот — в другой. У того почти оформлен патент на что-то еще, у того — блестящие теоретические разработки, но еще нет практических результатов. Все они мешают друг другу, переходят друг другу дорогу. А если предположить, что одной компании удастся прорваться сквозь все эти идиотские препятствия, быстро захватить в свои руки то хорошее, что может пригодиться, и превратить идею в реальность? Тогда мы получим дешевую, чистую энергию — много и сразу. Конец кризисам. Разумеется, кое-кому сильно отдавят пальцы. Будет множество судебных разбирательств, а позже, может быть, какие-то антитрестовские меры. Ну и пусть. Такой компании, как «Ангро», это нипочем. Они будут тянуть, улаживать и договариваться. Но зато какие получатся результаты! Мы действительно решим энергетическую проблему. Это можно сделать за десять лет. Ты предпочитаешь смотреть, как все они давят друг друга, пока мир катится к пропасти, или все-таки решишь сделать хотя бы что-нибудь, чтобы это положение изменить? Именно для этого ты нужен «Ангро», и именно для этого они хотят использовать твой уникальный дар. Ты согласен помочь?

Я продолжал пить кофе. В общем-то меня обрадовало, что я

наконец узнал, чем действительно буду заниматься: у меня оставался еще целый месяц на размышления.

В июне я уехал работать в «Ангро», и наши с Энн отношения не изменились. Они стали прохладнее гораздо позже, когда я начал понимать, что был для нее просто заданием. Кое-какие обстоятельства это, похоже, подтверждали, но мне не доставало ее способности узнавать, что действительно чувствуют люди. Возможно, я ошибался. Когда я в первый раз отправился куда-то с другой женщиной, Энн повела себя со мной довольно холодно, а позже подарила мне книгу Колетт «Шери». Это случилось ближе к концу моего пребывания в «Ангро», но еще до начала наших разногласий. Прочитав историю молодого человека, который сумел оценить женщину старше его возрастом, только когда было уже поздно, я так и не понял, действительно ли Энн любила меня и переживала из-за моего поведения или ее просто беспокоило, что она старше. С литературой всегда так. Двусмысленность...

Оглядываясь вокруг, я видел теперь, что предсказание Энн сбылось. «Ангро» и в самом деле переломила хребет энергетическому кризису. Только где-то что-то пошло не так...

— Черт!

Я затолкал салфетку с бумажными обертками в пустой стаканчик и швырнул его в стоявшую неподалеку урну. Потом двинулся через студенческий городок. По дороге мне встретилось несколько автостоянок, и я начал думать, не угнать ли машину...

— Доктор Портер. Я насчет оценки...

Я резко обернулся, потому что даже не слышал, как ко мне подошел худощавый парень с болезненным цветом лица и длинными каштановыми волосами. Он так и застыл с открытым ртом.

— Извините, — сказал он наконец. — Я принял вас за своего преподавателя...

— И хотели узнать оценку?

— Да, сэр. Я скоро уезжаю и подумал...

— Назовите мне фамилию и поток, — сказал я. — Может быть, я смогу помочь.

— Джеймс Мартин Браун, — ответил он. — Политическая экономика, группа 106.

Клик. Клик. Клик.

— У вас стояло «четыре», — сказал я ему. — За экзамен тоже «четыре». Оценка должна быть «четыре».

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я улыбнулся.

— Я работаю в деканате. Компьютерная обработка информации. И кое-что иногда запоминается.

— Спасибо, — сказал он, улыбаясь. — По крайней мере буду спать в поезде спокойно.

Он повернулся и заторопился прочь.

Поезд? Я почти забыл про железнодорожный путь неподалеку. По большей части там ходили грузовые составы, несколько пассажирских и несколько смешанных. В основном автоматические, грузовые — вообще все, но в отличие от трейлеров их всегда сопровождали два-три человека на какой-либо непредвиденный случай. В этом вопросе профсоюз железнодорожников оказался тверже, чем транспортные рабочие...

Я снова перевел внимание на пролегающие неподалеку пути.

*Скользнул внутрь компьютерной сети... Туда, обратно...
Через, вдоль...*

Меньше чем через час должен был пройти поезд. Но пассажирский. *Клик.* Через три часа еще один. Смешанный. *Клик.* Через пять часов грузовой. Последние два направлялись в Мемфис. *Клик.*

Повернувшись, я двинулся к железной дороге. К западу от линии стояли деревья, и, решив, что там подождать удобнее, я свернул к небольшой рожице.

Оценку для того парня в студенческом городке я узнал отнюдь не из чистого альтруизма. Если его вдруг станут расспрашивать, не встречал ли он кого-нибудь постороннего, он будет думать обо мне как о своем, университетском, как о человеке, оказавшем ему услугу.

Я перебрался через пути и, выбрав укромное место, уселся там в тени деревьев, отмахиваясь от комаров и проглядывая хранящиеся в памяти компьютера данные о третьем поезде. Оказалось, его должны сопровождать три человека — в локомотиве, в грузовом отсеке и в служебном купе последнего вагона, — но, насколько я понимал, обычно они собирались втроем в каком-нибудь удобном месте и резались в карты. Короче, поездом я мог добираться в такой же безопасности, как и на грузовике. В том, что я выбрал, было двадцать два грузовых вагона и три пустых пассажирских, которые доставляли в Мемфис.

Возникал вопрос, где лучше подсесть? Все зависело от того, где разместились трое сопровождающих, но я надеялся узнать это, когда поезд «неожиданно» остановится. Разумеется, мне хотелось устроиться в пассажирском вагоне.

Вводить в компьютер остановку поезда было еще рано: какой-нибудь слишком бдительный оператор мог заметить из-

менение в программе. Я продолжал сидеть, прислушиваясь к голосам птиц и наблюдая за облаками на востоке. Пытался решить, какие действия предпринять дальше, и думал о Коре...

Вибрацию, передающуюся по земле, я почувствовал задолго до появления первого поезда, потом он пронесся мимо, рассекая воздух, и снова затих вдали. Я сверился с компьютером и узнал, что второй и третий по-прежнему идут по расписанию. Когда я проверял эти данные, на какую-то долю секунды мне показалось, что из недр компьютерной сети за мной снова наблюдает что-то расплывчатое и неуловимое. Я тут же скользнул обратно и вернулся к размышлениям о ближайшем будущем.

Вскоре я задремал и проснулся, только когда появился второй поезд. Солнце заметно сместилось к западу. Колени и плечи у меня немного ныли от долгого лежания в неудобной позе. Во рту пересохло.

Я потянулся, щелкая суставами, и проводил второй поезд взглядом. Потом проверил свой. Он уже приближался, по-прежнему по расписанию. Я запрограммировал остановку, взяв в качестве ориентира ближайший электронный указатель дистанции, и пожалел, что не додумался купить в студенческом городке хотя бы пару плиток шоколада и банку кока-колы. Потом, пожевывая стебелек травы, принялся вспоминать, когда мне в последний раз приходилось ездить по железной дороге.

Наконец поезд прибыл и начал тормозить, следуя моим указаниям. Послышался визг колес, земля вздрогнула. Замедляя ход, проплыл мимо локомотив, потом еще несколько вагонов, и весь состав замер. От вагонов падали длинные тени, и я изготвился бежать.

Слева послышались голоса. Из служебного купе выбрался сопровождающий. За ним еще один. Он что-то прокричал третьему, который остался в купе, затем первые двое посоветовались и, разделившись, двинулись к голове поезда по обеим сторонам пути.

Я скользнул в компьютер локомотива. Как раз в этот момент кто-то запрашивал его о причине остановки. Видимо, пока двое сопровождающих искали какое-то объяснение вдоль состава, третий занялся проверкой систем. Человек, который шел с моей стороны, заглядывал под вагоны и между ними, решив, видимо, лично проверить состав до самого локомотива. Я заставил открыться двери ближайшего пассажирского вагона, метнулся через насыпь, вскочил внутрь и тут же отпустил створки.

Долго ждал в волнении и неуверенности, опасаясь, что меня заметили. В моем вагоне было темно, так же как и в двух других.

Я сел у одного из окон, выглядывая над нижним краем наружу. Прошло несколько минут, и я задышал спокойнее. Но только минут через десять до меня донеслись звук шагов и шорох гравия с правой стороны. Я съехал еще ниже на сиденье и продолжал ждать. Вскоре слева прошел второй сопровождающий.

Я глубоко вздохнул, сбрасывая с себя напряжение, и снова проверил компьютер. Однако лишь когда команду «Стоять до последующего распоряжения» сняли и вагон дернулся, я по-настоящему расслабился. Поезд медленно пошел вперед, набрал скорость, и движение стало более равномерным. Я снова сел прямо.

Когда локомотив разогнался, я встал и осмотрел все три вагона, потом решил, что останусь в самом первом, чтобы услышать, если кто пойдет из конца поезда. У меня не было уверенности, что сквозь шум движения это мне удастся, но так казалось спокойнее.

Затем я сел и проскользнул в центральный компьютер, отвечающий за движение на этом участке дороги. Стер все упоминания о непредвиденной остановке и заменил их просто сведениями о том, что поезд запаздывает. Прямо на моих глазах компьютер сформулировал и передал локомотиву корректирующую команду. Поезд тут же увеличил скорость. Если никто из операторов не заметил изменений до тех пор, пока они не стёрлись, я был в относительной безопасности. Мне начало казаться, что я успешно овладеваю искусством маскировки.

За окном проносились бескрайние поля и фермы. Пока мне везло, и я чувствовал, что какие-то шансы на успех у меня есть.

— Кора, я уже в пути, — произнес я вслух под размеренные сухие смешки вагонных колес.

Солнце медленно падало на запад, уходя в забвение где-то над теми местами, куда я и направлялся.

Глава 12

Так я и задремал под убаюкивающий телеграфный регтайм вагонных колес. Спать в общем-то не хотелось, поскольку я хорошо отдохнул, дожидаясь поезда, но меня охватило какое-то бездумное оцепенение, а руки и ноги налились тяжестью. Видимо, просто реакция на быструю смену событий последних дней. Слишком многое случилось за очень короткий промежуток времени. Я пережег слишком много адреналина, прожил и пережил слишком много потрясений. И я понимал, что это еще не все, но разум восставал против необходимости готовиться и строить

планы. Мне хотелось просто сидеть, ни о чем не думая, и разглядывать сумеречные пейзажи за окном.

Довольно долго я именно этим и занимался, заложив руки за голову и вытянув ноги.

Не уверен, сколько прошло времени, потому что я не без наслаждения претворял в жизнь великий таоистский принцип «вуйвей» — ничегонеделанье, — но совершенно неожиданно у меня возникло ощущение, словно я нахожусь в саду. Энн выбрала не самое удачное время, чтобы вдруг обрушивать на меня философию просвещения, и я мгновенно насторожился.

Вокруг плавали вполне достоверные изображения цветов, в воздухе чувствовалась сильная смесь их ароматов. Даже при всей моей настороженности я в первый момент растерялся от этого ворвавшегося в мои ощущения цветочного хаоса.

— Энн? — произнес я, нащупывая твердую почву. — Что ты задумала на этот раз?

В ответ — молчание и все то же буйство красок и запахов, медленно меняющее структуру, словно орнамент в калейдоскопе.

Потом, заполнив все мои мысли, прорвалась безмолвная нотка страха. Я чувствовал за ней Энн, хотя мне казалось, что она лишь частично уделяет мне внимание.

— Энн?

— Да. Я пропала... — донесся до меня ее голос вместе со смутным ощущением боли.

Цветы начали меркнуть, запахи стали тоньше...

— Больно... Вот! Я его остановила!

— Энн! Что происходит, черт побери?

— Он здесь... Малыш Уилли пришел по мою душу.

В это мгновение что-то в моих ощущениях перевернулось. Я очутился рядом с ней, вместе с ней, как в прошлом случалось всего несколько раз. Я чувствовал себя гостем в ее разуме, смотрел ее глазами, слушал ее ушами и чувствовал ее боль...

Мы оказались в квартире, довольно большой, но я даже не представлял, где она находится. Боковым зрением я заметил элегантную мебель, но наш взгляд через всю длину комнаты приковывал Малыш Уилли, прислонившийся к стене в холле. Он стоял, чуть сгорбившись, и тяжело дышал. Невысокий простенок отделял нас от маленькой кухни. Справа — большое окно с видом на залитый солнцем горизонт, но я все равно не догадывался, где находится квартира, хотя чувствовал, что это Восточное побережье. В углу размещался ее компьютер-телефон-и-так-далее — одним словом, «домашний блок», как их теперь называли почти все.

Мы стояли у светло-коричневого кожаного диванчика, опершись на марокканский столик. У нас в груди пульсировала боль, но мы ее не только принимали, но еще и отбивались.

— Сестра моя, я понимаю твою точку зрения, — произнес Малыш Уилли, — но ты только оттягиваешь исход, не больше.

Энн добавила силы в созданную для него галлюцинацию. Она заставляла его испытывать острую сердечную боль, такую же для него реальную, как настоящая, которую Малыш Уилли вызывал у нее. Его это заметно отвлекало. Он на несколько секунд оставил свои попытки, тем самым дав ей возможность разыскать меня и мысленно перенести к себе.

— Какое-нибудь оружие, Энн! Вот та тяжелая пепельница или лампа... Что угодно! Дай ему по голове! — говорил я. — Переключайся на реальное нападение. Нужно лишить его сознания. Это тебя спасет. Наступай!

— Я... не могу... — ответила она. — На то, чтобы его сдерживать, уходят все мои силы...

— Тогда двинь ему между ног! Выцарапай глаза! Он убьет тебя, если ты не будешь нападать.

— Я понимаю, — произнесла она. — Но, если я подойду ближе, преимущество будет на его стороне. Чем ближе подходишь, тем он сильнее.

— У тебя есть пистолет?

— Нет.

— Ты можешь добраться до кухни и взять нож?

— Он к кухне ближе, чем я. Ничего не выйдет.

Разговор отвлекал ее. Я тут же почувствовал жгучую боль в груди и в левой руке, как тогда, на монорельсовой станции.

Энн послала Малышу Уилли точную копию этого ощущения, и он прижал руку к груди.

— Видимо, у него действительно неладно с сердцем, — сказала она. — Я могу играть на его страхе и не давать сосредоточиться.

— Как долго?

— Не знаю.

Я лихорадочно искал способ помочь ей. Мне внезапно вспомнилось, как много она значила для меня раньше.

— Какой у тебя номер телефона?

Номер тут же всплыл у нее в памяти, но в этот момент Малыш Уилли оттолкнулся от стены и сделал несколько шагов вперед. Энн снова ударила его ощущением боли, и он остановился.

— Ты не сумеешь меня спасти, — сказала она. — Я позвала тебя не за этим.

— Мы будем драться, — сказал я. — Нужно хотя бы попытаться.

— Я знаю. Но он слишком силен. Это всего лишь дело времени. Я хотела вернуться в то место, что ты мне недавно показывал. Мир даже более реальный, чем мои цветы, холодный металлический мир, заполненный электричеством и логикой. Я хочу снова его увидеть, и только ты можешь меня туда доставить.

— Следуй за мной, — сказал я, чувствуя, что Мэтьюс снова набирает силу.

Клик. Клик. Кликлик.

На мгновение «эффект витков» словно слился со стуком вагонных колес, и я вскользь заметил, что появившаяся луна залила пейзаж за окном жемчужным блеском, потом добрался до компьютера локомотива и нырнул глубже, через систему связи к региональному компьютеру, оттуда еще глубже...

Клик.

Я гнал через раскинувшийся передо мной простор, выискивая входные и выходные каналы...

Самое главное — найти связи с телефонной сетью. Нужно выработать правильный контакт и проникнуть в саму систему...

Энн безропотно, словно зачарованная, следовала за мной.

С головокружительной скоростью, в вихре ошеломляющих впечатлений мы промчались, сделав несколько неудачных попыток, туда-сюда по тупиковым улицам, пока я все же не нашел то, что искал. Никогда раньше мне не удавалось делать это столь стремительно.

Однако боль в груди всколыхнулась с новой силой. Малыш Уилли времени не терял.

Бесконечное число светящихся пчел вилось вокруг меня — аналогии телефонных выходов. Они вспыхивали и исчезали вновь, эти светящиеся пчелы, а мое подсознание добавляло к щелчкам и гудкам перезвон множества колоколов...

Я разыскал и привел в действие механизм для связи с абонентом. Ее квартира, узнал я, проскочив релейную станцию, находилась в Риджвуде, штат Нью-Джерси. В долю секунды между подключением цепи и звонком аппарата я снова почувствовал сквозь боль, сквозь тряску вагона и образ наступающего Малыша Уилли, что в недрах компьютерной сети за нами кто-то наблюдает. Безмолвное, мрачное нечто, которое я уже не один раз замечал, снова оказалось с нами, становясь все ближе, наблюдая все пристальнее.

«Домашний блок» зазвонил, и это сразу отвлекло внимание экс-проповедника. Мэтьюс остановился, взглянул на аппарат,

потом снова на Энн. Она тяжело дышала, прижав одну руку к груди, другой все еще опираясь о столик. По лбу ее катились капли пота. К четвертому звонку боль и сдавливающее ощущение ослабли, но они слишком сильно отвлекали Энн, чтобы она могла восстановить и обрушить на Малыша Уилли свою прежнюю иллюзию.

Еще один звонок. Черт! Сколько их она запрограммировала в свою машину?

После шестого звонка «блок» ответил и предложил записать сообщение. Я мгновенно просочился в компьютер и овладел всем набором домашней аппаратуры, которой он распоряжался.

Малыш Уилли резко повернулся на звук, донесшийся из кухни. Я всего лишь включил автоматический тостер. Мэтьюс сделал несколько шагов назад и заглянул за угол.

— Беги, Энн! — сказал я. — Попробуй добраться до двери.

— Не могу, Стив, — ответила она, назвав меня чужим именем. — Я упаду.

— Попробуй.

Она отпустила столик и покачнулась. Я чувствовал, как кружится у нее голова.

— Сделай глубокий вздох и попробуй снова.

Она было послушалась, но Мэтьюс уже возвращался.

— Почему он хочет тебя убить? — спросил я.

Сигнал микроволновой духовки заполнил квартиру противным, назойливым жужжанием.

Малыш Уилли снова повернулся, видимо, не в силах сосредоточиться, и прошел на кухню.

— Я не сообщила Боссу, что ты еще жив, — сказала Энн. — Но он узнал, когда разобрался наконец с обломками грузовиков, и решил, что не может больше мне доверять. Я прочла в его мыслях, что он боится меня, боится, что я перейду на твою сторону. Видимо, он решил не оставлять мне такой возможности... Боже, как красиво там, в компьютерной сети! Жаль, что я умею читать мысли людей, а не машин. Лучше бы мне родиться с твоим даром...

Жужжание прекратилось.

— Сестра моя, я не знаю, как ты это делаешь, — произнес Мэтьюс, появляясь из кухни, — но ты только оттягиваешь...

Я выключил весь свет и услышал, как Малыш Уилли выругался.

— Постарайся собраться с силами и беги, — сказал я.

Свет подключался через реостат, и я принялся быстро-бы-

стро включать и выключать ток, создавая стробоскопический эффект. Разорванные вспышками света движения Мэтьюса казались почти комичными, когда он вскинул руки, защищая глаза, потом чуть приоткрыл их, чтобы видеть комнату, сделал шаг и остановился.

Но через несколько секунд выражение его лица изменилось. Он плотно прижал ладони к векам, закрыв свет совсем, и я почувствовал острую, резкую боль, пронзившую тело Энн. Она коротко вскрикнула, и на мгновение мы едва не потеряли друг друга.

...А где-то рядом я по-прежнему ощущал присутствие полужаномого молчаливого наблюдателя.

Малыш Уилли сделал еще шаг вперед, потом еще, и с каждым шагом его сила росла.

Я включил телевизор, и экран тут же засветился. Малыш Уилли продолжал наступать. Боль ширилась и крепла. Я увеличил громкость и принялся торопливо переключать каналы. В некоторых штатах транслируют круглосуточно... Вот!

— ...счастливый день!

Мэтьюс замер и опустил руки. Я вернул в комнату свет.

— ...словами Христа: «Блажен будет...»

Малыш Уилли побагровел. Глаза его стали вдруг очень большими. Боль снова утихла. Не отрывая взгляда, он смотрел на экран, где появился безупречно одетый проповедник с поднятыми к небу руками и обворожительной улыбкой.

— Сукин сын! — прорычал Мэтьюс и, взглянув на Энн, заговорил, словно между ними ничего не произошло: — Проклятые журналисты прямо распяли меня! А им вот кем следовало заняться! И я же еще выучил этого елейного пустослова! Правда, потом вышиб... У него только два занятия было: либо шарить в корзине для приношений, либо шупать мальчиков из хора. Отродье! Ничтожество! — Он махнул рукой в сторону телевизора. — Однако они так за него и не взялись! Я мог бы его посадить, но сделал христианское дело и просто отпустил на все четыре стороны. У меня и у самого тогда неприятностей хватало. Разницы никакой не было... Думал, они и так до него рано или поздно доберутся. А теперь посмотри на него! Послушай! Ничего ему не сделалось. Нет в мире справедливости. Люди жаждут праведности, и вот, пожалуйста, он уже на высоте!

Мэтьюс бросился к телевизору и хлопнул кулаком по кнопке выключателя, потом потер ладонью лоб.

Я снова включил телевизор на полную громкость.

— Помолимся же...

— Черт! — прорычал Мэтьюс, снова его выключая.

Я опять включил.

— ...грядет Твое царствие...

Он опять ударил кулаком по кнопке, но я опять включил.

— ...на земле и на небесах...

Малыш Уилли попробовал удержать кнопку на месте, но я обошел эту цепь.

— ...и прости нам наши прегрешения...

Он громко, как-то по-животному, замычал и, упав на колени, полез искать сетевой шнур.

— ...не введя в искушение...

Наконец, тяжело дыша, Малыш Уилли поднялся с пола. Его трясло.

Я снова включил стробоскопический эффект, сигнал микроволновой духовки и добавил туда записанные на ленту и хранящиеся в памяти компьютера вступительные слова автоответчика. Но на этот раз на него ничего уже не действовало. Стиснув зубы, он ринулся вперед и устался на Энн горящим взглядом.

Боль стала невыносимой, а затем Энн как будто накрыло волной мрака. Я мысленно прижал ее к себе, словно таким образом мог сохранить ей жизнь в своем собственном сознании.

Я понимал, что ее физическая оболочка мертва. Но сама Энн все еще оставалась со мной.

— Энн? — произнес я, перебираясь от одного телефонного коммутатора к другому.

— Да.

Я связался с региональным компьютером и выбрал место, где движение информационных потоков было не таким сильным.

— Мы проиграли, — сказал я.

— Я знала, что так получится. Я ведь тебе говорила.

...Горизонты компьютерной сети закручивались в спираль, перегоняя костяшки на бесконечных нитях счетов...

— Я сделал все, что мог. Извини...

— Знаю, Стив. Спасибо. Если бы мне встретить тебя раньше... Я никогда не обладала сильным характером.

Странное ощущение, что кто-то стоит рядом, вдруг усилилось и стало почти осязаемым. Еще немного, и я бы его распознал...

— Конечно, — произнесла Энн.

Я не понял, о чем она. Ее голос слабел и удалялся. Энн не имела права на существование, разве что в таком вот симбиозе, и я не знал, что делать с ней дальше.

— Теперь можешь меня отпустить, Стив.

Безмолвный неведомый призрак стал еще ближе, отчетливее. В его присутствии было что-то устрашающее. Я прижал Энн покрепче, стараясь разделить с ней свою силу.

— Не волнуйся, все в порядке, — сказала она.

По ее словам я почувствовал, что это действительно так, словно Энн посетило какое-то особенное видение, к которому я оказался непричастен.

— Правда. Мне пора.

И она высвободилась из моих мысленных объятий.

— То, что тебя интересует, находится неподалеку от Карлсбада. Это исследовательская станция «Ангро». Номер четыре. Она там, — сказала Энн. — Удачи!

— Энн...

Возникшее ощущение напоминало мне прощальный поцелуй. Потом Энн двинулась к незнакомцу, и тот взял ее за руку.

Передо мной предстало странное видение: двое на бесконечной равнине из листового металла, где под ярко освещенным электрической дугой небом покачивались на озоновом ветру алюминиевые, медные, латунные и оловянные розы. Мне показалось, что лицо существа, которое Энн держала за руку, скрывает металлическая маска, но, возможно, это и было его настоящее лицо...

...Я вернулся к равномерному релтайму вагонных колес, словно читающих скороговоркой: *quadrupedante putrem sonitu quatit ungula satrum*, и, покачиваясь на сиденье, продолжил стремительный полет на запад. Похожий на сон ночной полет с полной луной на южном небосклоне.

Странно, почему она назвала меня Стивом?

Клик.

Глава 13

Через какое-то время я заснул, однако спалось мне плохо, тревожно. Почти бессознательно я то и дело проверял по данным компьютера, сколько осталось до Мемфиса. Кажется, мне что-то снилось, но память ничего не сохранила. Тем не менее даже такой сон помогал отдалить события последнего вечера, и я с благодарностью принимал эту возможность забыться.

Когда я окончательно проснулся, луна взобралась уже совсем высоко, и мне пришло в голову, что пора продумать свои дальнейшие действия. Рисковать, добираясь до самого места назначения состава, не следовало, а это означало, что придется ор-

ганизовать еще одну «непредвиденную» остановку. Однако Мемфиса я не знал, и мне очень не хотелось выходить посреди ночи далеко от города, поскольку я мог просто заблудиться. Да и сама идея длительной прогулки по незнакомой местности казалась малопривлекательной. В конце концов я решил, если не представится другой удобной возможности, сделать остановку перед сортировочной станцией.

Хотя мне и удалось подчистить записи об этом рейсе как в компьютере локомотива, так и в региональном компьютере, я ничего не мог поделаться с памятью людей, которые сопровождали поезд. О двух необъяснимых остановках они обязательно доложат, и, видимо, будет проведено расследование. А когда обнаружится, что показания людей не совпадают с данными компьютера, кто-нибудь в «Ангро», кого интересуют транспортные аномалии на этом направлении, наверняка встревожится. Неизбежное следствие моей временной безопасности и еще одна причина, почему мне следовало сойти как можно позже и как можно быстрее убраться подальше. Я начал задумываться, каким образом оставить ложный след для сыщиков «Ангро»: перебирал в памяти то немногое, что мне известно о Мемфисе, и пытался решить, чем смогу быстро воспользоваться.

Позже, когда я ввел программу торможения, по обеим сторонам линии уже виднелись городские огни. Присев перед дверью вагона, я заставил ее открыться, спрыгнул на землю еще до полной остановки поезда и тут же побежал, опасаясь, что меня заметит кто-нибудь из сопровождающих. Спустился с насыпи и двинулся через поле. На этот раз я ничего в компьютере не менял, только приказал закрыть за мной дверь.

Удалившись на безопасное расстояние, я перевел дух и сбавил шаг, потом направился к цепочке уличных огней, протянувшихся вдоль темных домов. Перебрался через канаву, затем миновал чей-то двор. В доме залаяла собака, но, когда я выбрался на тротуар и пересек улицу, она затихла.

Минут пятнадцать я просто шел, безуспешно пытаюсь определить, где нахожусь по отношению к чему-нибудь такому, что могло бы оказаться полезным. С поезда, как выяснилось, я спрыгнул не в самом удачном месте. Жилые кварталы после определенного часа просто вымирают, а для того, что я задумал, проку от них никакого.

Тем не менее я продолжал прислушиваться, надеясь уловить знакомые компьютерные голоса, но, кроме совсем уже сонных (в смысле ведущейся в процессорах работы), которые невозможно

перевести в рабочий режим, ничего не попадалось: большинство компьютеров работало в эти часы как перенасыщенные электро-ником будильники.

Двигаясь дальше, я свернул на более широкую улицу. Время от времени проносились мимо машины, но я решил ни к кому не подсаживаться из опасения, что у кого-то в памяти застрянет описание одинокого ночного путника.

Напрягая свои способности до предела, растекаясь мысленно во все стороны сразу, я продолжал искать активную работу компьютеров.

Справа, издалека, ощущалось нечто подобное. На ближайшем перекрестке я свернул и двинулся в ту сторону мимо домов с темными окнами, ожидая, что попаду в деловые кварталы. Однако ожидания меня обманули.

Вокруг по-прежнему были жилые дома, но сигнал становился сильнее и в конце концов достиг уровня, на котором я уже мог ясно его различить. Оказалось, это какой-то страдающий бессонницей любитель компьютерных игр, увлеченный сложнейшим сражением с двумя игроками в штате Миссисипи и одним в Кентукки. В окне дома напротив горел свет, и, решив, что там и находится источник сигнала, я замедлил шаг.

Клик. Клик. Клик.

Не потревожив игру, я проник через компьютер и модем в систему телефонной связи, но на первом же коммутаторе ушел с линии, по которой велось сражение. Передо мной медленно проплывали дырки в огромном куске светящегося швейцарского сыра...

Я нырнул в одну, вынырнул, потом еще, и так много раз, пока, прыгая от одной цепи к другой, не почувствовал, что нащупал те, которые ведут к действующим компьютерам, а не к телефонам в квартирах местных жителей...

После трех неудачных попыток я просочился в главный компьютер управления полиции. Конечно, там тоже стояли сторожевые программы, но, имея за душой опыт сражения с Большим Максом, я прошел сквозь них, даже не замедлив шаг. В общем-то, я не искал специально полицейский компьютер: мне вполне подошел бы любой другой, в котором содержалась карта города...

Довольно долго я изучал карту, запоминая приметы, которые могли бы мне пригодиться. Потом запомнил положение нескольких основных улиц, идущих с востока на запад и с севера на юг, чтобы позже, когда окажусь на одной из них, сразу вычислить свое местонахождение на координатной сетке...

Я уже собрался выходить из системы, когда мне пришло в голову поискать там себя.

Клик. Клик. Клик.

Дональд Белпатри (описание и фото в кодах). Вооружен, опасен. Ордер на арест выдан в Филадельфии. Кража у «Ангро энерджи». Попытка убийства Уильяма Мэтьюса. Угон машины...

Стер. Зачем облегчать им работу, когда есть возможность вмешаться?

Однако я чувствовал, что скоро мои данные вернутся в память компьютера. Видимо, сразу после того, как моя Немезида из «Ангро» получит сообщение о случившемся на железной дороге. Чтобы уничтожить эту информацию, пришлось бы потратить, наверное, всю ночь, а времени у меня было мало. Кроме того, информация, возможно, уже попала в систему «Ангро» и... Не исключено, что, стерев запись, я сам невольно дал им еще одну наводку! Дьявол! Однако теперь уже поздно сожалеть. В следующий раз сначала думай...

Кликкликлик.

Я обнаружил, что стою, прислонившись к дереву. Смутно припоминалось, что я действительно остановился, когда вошел в систему... Снова двинулся вперед, проглядывая на ходу схему улиц и стараясь получше ее запомнить.

Миновал несколько кварталов. Сплошь узенькие улочки. Ничего похожего на то, что мне нужно. Но впереди... Впереди стоял комплекс высотных жилых домов с большой автомобильной стоянкой. Несколько минут я пристально вглядывался, однако так и не увидел никакой охраны. Конечно, завести какую-нибудь из этих машин усилием мысли я не мог — они стояли с выключенным зажиганием, а мне для работы с компьютером нужен хотя бы минимальный ток в цепях.

Но может быть...

Я прошел на стоянку и двинулся вдоль длинного ряда машин. Освещения не везде хватало, поэтому мне приходилось заглядывать в машины, и, если бы кто-нибудь из жильцов меня заметил, я наверняка показался бы им подозрительным. Однако по статистике кто-то из владельцев всех этих машин просто должен был оставить ключи в замке зажигания.

Через двадцать минут я уже начал сомневаться в собственных умозаключениях, но тут наткнулся на то, что искал: черный двухместный автомобиль с электродвигателем. Быстро сел за руль, завел мотор, вывел машину задним ходом, развернулся и

стремительно выехал со стоянки. Однако, лишь отъехав на несколько миль, я вздохнул свободно.

Вскоре мне удалось добраться до широкой улицы, которая в конце концов привела меня в деловой район, и я решил двигаться по ней, пока не увижу один из тех ориентиров, что запомнил, или пока счетчик не намотает десять миль — что раньше случится. Если бы случилось последнее, я бы развернулся и двинулся в противоположном направлении. Однако довольно скоро мне встретилась одна из запомнившихся улиц, и я свернул. Мили через две — еще одна. Теперь я по крайней мере знал, где нахожусь.

Сориентировавшись в уме по карте, я направился к выбранному месту, но едва не наделал глупостей, когда сзади вдруг появилась патрульная машина. К счастью, рассудок взял верх, и вместо того чтобы рвануть вперед, вдавив педаль газа до упора, я исправно остановился у светофора. Когда загорелся зеленый свет, полицейский патруль промчался мимо и вскоре свернул налево. Меня буквально трясло, хотя я и понимал, что они не могли искать машину: слишком мало еще прошло времени. Дальше я ехал очень осторожно.

По дороге мне встретилось открытое ночное кафе, посещение которого совсем не входило в мои планы, однако здесь желудок оказался сильнее. Увидев, что там почти никого нет, я решил завернуть на стоянку. Съел сэндвич и кусок пирога, запивая кофе. Потом умылся в туалете, привел в порядок одежду и, проведя рукой по обросшему щетиной подбородку, пожалел, что нет с собой бритвы. Там же достал бумажник и пересчитал деньги. Обычно я ношу с собой довольно много наличными — есть у меня такая старомодная привычка. Оставалось еще несколько сот долларов, и это радовало: они могли очень пригодиться.

Снова за рулем, но теперь я чувствовал себя гораздо лучше и продолжал двигаться по выбранному маршруту, хотя каждый раз, слышав полицейскую сирену, невольно вздрагивал.

Я не знал, где точно находится нужное мне место, но надеялся, что, оказавшись поблизости, рано или поздно встречу на дороге указатель.

Городские постройки редели. Сначала встречались жилые кварталы и торговые центры, потом остались все более редкие дома. Наконец я увидел указатель и свернул.

С севера появился небольшой самолет, сделал круг и опустился на ярко освещенной полосе впереди. Как раз туда мне и было нужно.

Приближаясь к аэродрому, я снизил скорость и свернул на

подъездную дорогу. Аэродром оказался не особенно большим и не очень загруженным — обычная транспортная организация, каких много.

Я выбрал место на стоянке, выключил двигатель и свет в машине. Затем проскользнул в диспетчерский компьютер, установленный в здании прямо передо мной, и, проскочив мимо информации о находящихся в воздухе машинах и метеосводок, выяснил, что на аэродроме в тот момент находилось восемь вертолетов. Два из них были на осмотре, два только вернулись и ждали разгрузки. Зато четыре других стояли на своих площадках, полностью проверенные, полностью заправленные и готовые к вылету.

Я разглядывал аэродром, увязывая зрительные образы с информацией компьютера. Самый дальний вертолет, видимо, будет мой...

Оставив машину с ключами на стоянке, я обогнул здание слева у стены, где было меньше всего окон, и, прячась по возможности в тени, прошел вдоль ряда небольших ангаров. В первом стоял легкий самолет, и там кто-то работал.

Оказавшись около нужной мне вертолетной площадки, я спокойно пересек пятнадцать метров ровного асфальта и забрался в кабину на сиденье пилота. Ни окрика, ни тревожных возгласов. Может быть, меня кто и заметил, но решил, что я имею право здесь находиться. Трудно сказать...

Я принялся изучать приборы управления, поскольку не имел ни малейшего понятия, что какую функцию выполняет. Искал какой-нибудь простой выключатель зажигания или аккумуляторную батарею — что-то, что подает ток в бортовые системы машины.

Пристегнув ремни, я принялся экспериментировать и спустя полминуты завел двигатель. Одновременно ожил бортовой компьютер типа того, с которым я совсем недавно имел дело.

Я привел в действие программу взлета. Звук мотора усилился, лопасти пропеллера над головой заревели. Я продолжал следить за работой различных систем, но все казалось в полном порядке.

Поднявшись в воздух, я не стал включать полетные огни, чтобы не облегчать никому розыск. Конечно, они должны были попытаться отследить меня радаром, но я планировал идти над землей очень низко и рассчитывал, что мне удастся скрыться, по крайней мере на время.

Вместо того чтобы пройти над взлетным полем, я из опасе-

ния столкнуться с подлетающими к аэродрому машинами направился в сторону, налево.

Затем, отлетев на достаточно большое расстояние, повернул на северо-запад и решил обойти город по окраине. Пролетая вслед за луной над полями и фермами, я держался очень низко, чуть выше линий электропередачи. Через какое-то время земля стала уходить пологими склонами вниз, и вскоре передо мной раскинулась темная, в отражениях звезд река. Приближаясь к реке, я снова обследовал карту полицейского компьютера, затем пролетел над водой, повернул налево и направился вниз по течению.

Примерно в миле от того места, которое, я надеялся, меня устроит, был пустынный участок дороги.

Я посадил там вертолет, быстро выбрался из кабины, отбежал в сторону и снова поднял машину в воздух. Просмотрев незадолго до этого все заложенные в компьютер маршруты, я выбрал рейс до Оклахомы, приказав первые двадцать миль лететь очень низко, а затем вернуться к запрограммированным параметрам.

Сам я повернул налево и пешком добрался до района, где размещались главным образом склады. Света здесь было совсем мало, и где-то, видимо, дежурили охранники, но теперь меня это не смущало. Двигаясь вдоль складов, я с удовольствием вдыхал запахи реки, откуда задувал легкий бриз, теплый и влажный. Я понимал, что на следующий день окажусь в жарком, душливом климате, и, пока возможно, наслаждался ночной прохладой. Сюда не доносились звуки города, лишь стрекотали насекомые за краем дороги, по которой так и не проехало ни одной машины.

Я не торопился. Не хотел, чтобы кто-нибудь связал мое появление с пролетевшим недавно вертолетом. Следуя изгибу дороги, я оказался за зданием склада, стоявшего почти у реки.

Через несколько минут моему взгляду открылась наконец картина, в которой присутствовали люди. Подвешенные на проводах лампы заливали причал светом, где-то скрипела лебедка. Разворачивалась стрела крана. Неподалеку покоились на якоре несколько барж. Стоявшую у самого причала загружали огромными плоскими стопками картона, которые укладывали и нaitовали по мере поступления двое рабочих. Я нашел себе удобное, неприметное место на берегу реки, справа от дороги, и устроился там, наблюдая за работой. На причале лежало еще довольно много упаковок, которые требовалось погрузить.

...Быстрая пробежка по цепям компьютера баржи, который сравнивал поступающий на борт груз с декларацией, подсказала

мне два интересных факта: отправляется судно через два часа и будет останавливаться в Висксберге.

Значит, можно не торопиться, что меня вполне устраивало: я мог бы привести сразу несколько доводов, почему мне не следовало появляться там слишком рано. Соответственно, я оставался на месте и продолжал наблюдать, пересчитывая рабочих и проверяя данные компьютера.

Двое укладывали груз на борту баржи. Возможно, еще один управлял краном, хотя мне подумалось, что сидящий на грузовом контейнере рыжеволосый широкоплечий человек в вытертых джинсах и полосатом свитере управляет им на расстоянии с помощью небольшого приборчика, который он время от времени брал в правую руку...

Кликлик.

Нет. Он просто передавал на компьютер номера грузовых партий. Краном управлял кто-то другой, из помещения склада. Еще один человек — спящий, или пьяный, или и то и другое сразу — лежал на причале, прислонившись к сараю. Голова его склонилась набок, рот открылся.

Я решил, что широкоплечий человек, сидевший на ящике, и есть «Капитан судна: К. Кэтлам», как значилось в компьютере баржи. Сам компьютер походил на тот, что стоял на моем катере, и, ознакомившись с его содержимым, я узнал, что во время рейса на борту должны обязательно находиться двое сопровождающих. Парень, спавший на причале, этому требованию удовлетворял, хотя и с определенной натяжкой. Судя по всему, правила, установленные профсоюзами, запрещали капитану и команде выполнять погрузочные работы: это должен был делать кто-то другой.

На стоянке у склада я заметил три легковые машины и грузовик. Машины, видимо, принадлежали рабочим, а грузовик — той же компании, что и склад. Приглядевшись, я различил на его борту надпись «Деллер Сторидж». Отлично! Я решил, что уже неплохо представляю себе ситуацию, и задумался о том, как ее использовать наилучшим образом. Пробраться на баржу тайком у меня не было никаких шансов — это я понял сразу.

Наблюдал я больше часа и уже не сомневался, что других людей поблизости нет. Штабель картонных стопок становился все меньше. «Еще пятнадцать минут», — решил я...

Когда это время истекло, я поднялся на ноги, неторопливо прошел по дощатому настилу к освещенному причалу и остановился у контейнера. Грузить осталось совсем немного. Человек, спавший у сарая, так ни разу и не пошевелился.

— И вам также «здрате», — произнес мужчина с контейнера, даже не повернувшись в мою сторону.

— Капитан Кэтлам? — спросил я.

— Точно. Однако мы не в равном положении.

— Стив Ланнинг, — сказал я. — Насколько я понимаю, вы скоро отправляетесь в Виксберг.

— Не стану отрицать, — ответил он.

— Я бы хотел попасть в Виксберг.

— У меня же не такси.

— Я заметил. Но когда я сказал человеку из «Деллер Сторидж», что всегда мечтал прокатиться по реке на барже, он посоветовал мне поговорить с вами.

— Деллер уже два года как прогорел. Им давно следовало убрать с грузовиков это название.

— Не знаю, как они там теперь называются, но он сказал, что за плату я, видимо, сумею получить то, что мне нужно.

— Правила этого не разрешают.

— Он сказал, пятьдесят долларов. Что скажете вы?

Кэтлам взглянул на меня в первый раз и улыбнулся — обнадеживающий признак. Выглядел он немного сурово, но в то же время вполне добродушно. И возраста мы были примерно одного.

— Хм, вообще-то я эти правила не писал. Видимо, это сделал кто-нибудь в центральной конторе.

Кран развернулся, подхватил еще одну стопку картонных листов и унес к барже.

— Вы понимаете, что, взяв вас на борт, я рискую своей карьерой? — добавил он.

— На самом деле тот человек упомянул сотню долларов.

Кэтлам сделал что-то со своим приборчиком, регистрируя последнюю партию груза.

— Любите играть в шашки? — спросил он.

— М-м-м... да, — ответил я.

— Очень хорошо. Мой партнер, похоже, какое-то время еще проспит. Как вы сказали, звали того человека?

— Уилсон или что-то вроде этого.

— М-да. А что заставило вас ждать так долго, прежде чем подойти?

— Я видел, что вначале у вас было много дел.

Он улыбнулся и кивнул. Затем слез с контейнера, наклонился и, пересчитав оставшиеся стопки, ввел что-то в свой приборчик. Вид его меня просто поразил. Сложен Кэтлам был пропорционально, и, пока он сидел, рост его не бросался в глаза, но, когда он встал, я увидел, что в нем футов семь.

— О'кей, — сказал он, прикрепляя приборчик к поясу, и вручил мне термос с чашкой. — Подержите пока, ладно?

Он подошел к спавшему компаньону, взвалил его на плечо и, словно не чувствуя лишнего веса, прошел по мостику на баржу. Затем отнес спящего в небольшую рубку и уложил на койку. Повернулся ко мне и забрал термос с чашкой.

— Спасибо, — сказал он, повесив чашку на крюк и поставив термос в угол.

Я потянулся за бумажником, но Кэтлам вышел из рубки, чтобы проследить за погрузкой оставшихся стопок. Закончив дела, он повернулся ко мне и снова улыбнулся.

— Через несколько минут я отключусь от берегового компьютера. Как вы полагаете, мог Уилсон оставить для меня в машине что-нибудь о вас?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Он не сказал.

— Вы любите спорить, Стив?

— Иногда.

— Спорим на сотню долларов, что он ничего не оставил?

Я имею в виду Уилсон или как там его...

Я решил, что деньги мне не помешают, и, кроме того, хотелось подкрепить свой рассказ, поскольку Кэтлам, очевидно, в него не поверил. Впрочем, у меня возникло впечатление, что на самом деле ему все равно.

— Идет, — ответил я и скользнул в компьютер.

— О'кей. Через пять минут они закончат погрузку. Пойдем проверим.

Я пришел с ним в рубку, и он затребовал на экран сообщения, оставленные в береговом компьютере. На экране вспыхнула строчка: «К ТЕБЕ, ВОЗМОЖНО, ОБРАТИТСЯ СТИВ ЛАННИНГ».

— Будь я проклят! — сказал Кэтлам. — Старина Уилсон не забыл. Ловкий фокус. Похоже, вы попадете в Виксберг бесплатно. Ладно, уже пора отчаливать. Послушайте, а вы хорошо играете в шашки?

Я действительно играл неплохо и не видел, почему стоило бы это скрывать.

— Пожалуй.

— Отлично. Скажем, по два доллара за игру? Идет? Полагаю, до завтрака мы вполне успеем сразиться раз пятьдесят.

Я никогда не думал, что найдется человек, способный выиграть у меня в шашки пятьдесят раз подряд. Первую дюжину партий Кэтлам выиграл так быстро, что у меня голова кругом пошла. Он даже не останавливался, чтобы поразмыслить, просто

делал ход, когда наступала его очередь. Потом он налил две чашки кофе, и мы выбрались на палубу. Его партнер продолжал храпеть.

Мы глядели на воду, и мне невольно думалось о Марке Твене и обо всех тех судах, что ходили вниз по реке за ее долгую историю.

— Ты бежишь от кого-то? — спросил Кэтлам.

— Наоборот. Бегу к кому-то, — ответил я.

— Ладно. Удачи.

— Тебе не надоедает гонять баржу? — спросил я.

— Я довольно давно делал это в последний раз, — сказал он. — Сегодня у меня нечто вроде сентиментального путешествия.

— М-м-м. — Какое-то время я молчал, потом заметил: — Видимо, здесь было здорово, пока в эти места не пришла цивилизация.

Он кивнул:

— Да, красота. Однако последний раз, когда я проплыл в этом направлении, меня посадили.

Мы продолжали смотреть на воду, пока чашки не опустели, затем отправились назад в рубку.

До того как порозовело небо на востоке, он выиграл у меня еще двенадцать раз. Я старался, как мог, но он продолжал выигрывать и каждый раз довольно посмеивался, забирая мои два доллара или отсчитывая сдачу. В конце концов я решил, что пора его немного осадить, и скользнул в компьютер, где заложил самую, на какую только был способен без подготовки, сильную игровую программу.

Видимо, она оказалась не лучше программиста, потому что Кэтлам продолжал выигрывать.

Когда рассвело, он вернул свою сотню долларов и пошел проверять груз, а я прилег отдохнуть на второй койке.

Не знаю, как долго я спал, но во сне мое подсознание проделало «эффект витков», и я снова оказался внутри того вертолета, что направлялся в Оклахому. Мы шли над равнинными полями, когда с обеих сторон вдруг появились две тяжелые боевые машины. Они без предупреждения открыли огонь, и от моего вертолета полетели ключья. Пока бортовой компьютер падал к земле, я все еще оставался внутри сужающейся сферы его ощущений. Затем последовал удар, и я на короткое время проснулся, понимая, что это не просто сон. Ощущения, сопровождавшие «эффект витков», стали моей второй природой, и те, которые я только что испытал, были вполне реальны.

Однако предпринять в тот момент я ничего не мог, веки закрывались сами собой, и я снова уснул. Мне опять что-то снилось, но либо спокойные сны, либо те, которые и положено видеть беглецу.

Разбудили меня в конце концов странные повторяющиеся стоны. Я открыл глаза. В рубке было темно. Наверно, целую минуту до меня не доходило, где я нахожусь, а потом память вернулась, и я понял, что стонет человек на соседней койке.

Я сел и потер лоб. Неужели я проспал целый день? Видимо, организм здорово устал, если я так отключился. Я перевел взгляд на соседа.

Тот лежал, закрыв лицо рукой, и, судя по всему, мучился с чудовищного похмелья. Компаньоном он, разумеется, был не самым лучшим, поэтому я встал и двинулся к выходу, осознавая, что невероятно проголодался. Кроме того, хотелось по нужде.

Кэтлам стоял, прислонившись к переборке, и улыбался.

— Как раз вовремя, Стив, — сказал он. — Я уже собирался тебя будить.

Посмотрев по сторонам, я не увидел ничего похожего на мои представления о Виксберге и тут же сказал ему об этом.

— Справедливо замечено, — ответил он. — Виксберг немного ниже по течению. Но мы уже миновали Трансильванию. И самое главное — капитан просыпается.

— Подожди. Разве ты не капитан Кэтлам?

— Он самый, — ответил Кэтлам. — Только я капитан другого судна. Это в общем-то мелочь, но могут прицепиться.

— Но когда я увидел, что ты следишь за погрузкой...

— ...Я оказывал услугу одному приятелю, у которого не хватило сил отказаться от дармовой выпивки.

— А как насчет второго? Ведь положено, чтобы во время рейса на борту находились двое.

— Увы! Второй джентльмен пал в сражении. От пьянства и разгула это случается. Он был не в состоянии отправиться в путь. Ладно, пошли...

— Подожди! Получается, ты угнал эту баржу?

— Боже упаси! Я, возможно, сохранил этому бедолаге работу. — Он ткнул пальцем в сторону рубки. — Однако у меня нет желания ставить его в неудобное положение, дожидаясь благодарности. Через несколько минут нам лучше спрыгнуть. У того мыса слева по борту будет мелко. Там до берега можно просто пешком добраться.

При росте в семь футов идти в воде наверняка гораздо легче, подумал я, но спросил о другом:

— Зачем ты это сделал?

— Мне тоже нужно было в Висксберг.

Я чуть не сказал, что в досье компьютера капитаном значится именно он, но вовремя одумался: ведь я не мог этого знать.

— Пойду сброшу пар, — сказал я вместо этого.

— Ладно, я пока соберу вещи.

Занимаясь делом, я успел проскользнуть в компьютер и проверить еще раз. «Капитан судна: Дэвид Дж. Холланд» — значилось там. Очевидно, Кэтлам тоже каким-то образом подменил запись — на время погрузки — и не мне в такой ситуации его осуждать. Однако, зная, что мой рассказ об Уилсоне из «Деллер Сторидж» и его рекомендации — чистая выдумка, он, должно быть, здорово удивился, когда я назвал его по имени и долго думал, как мне удалось запихнуть в компьютер сообщение от Уилсона. Хотя, может быть, его это не так уж сильно волновало. Во всяком случае, на человека, который побежит докладывать о беглеце властям, он совсем не походил. Возможно, он сам скрывался от закона. Я решил, что мне ничто не угрожает, если я покину баржу вместе с ним.

Когда подошло время, мы спрыгнули. Он действительно побрел к берегу. Мне пришлось плыть. Когда мы выбрались из воды, у меня от холода стучали зубы, но Кэтлам задал хороший темп, и вскоре я согрелся.

— Куда мы идем? — спросил я наконец.

— Еще мили две по этой дороге — и мы выйдем к отличной закусочной, где я уже бывал, — сказал он.

В ответ у меня в желудке заурчало.

— ...А чуть дальше будет небольшой городок, где ты сумеешь купить все, что захочешь. Может, даже новые брюки.

Я кивнул. Одежда моя выглядела теперь совсем уже неприлично. Я становился похож на бродягу. Кэтлам хлопнул меня по плечу и ускорил шаг.

Я старался идти в ногу, думая о барже, уходящей дальше по реке, и ее похмельном капитане. Видимо, даже если кто-нибудь и вычислит мой путь до причала, то дальше след станет еще более запутанным, чем я планировал. За что мне следовало поблагодарить этого мошенника-великана.

Когда мы добрались до придорожного ресторана, у меня от голода буквально кружилась голова. Усевшись за боковым столиком, я заказал бифштекс. Мой спутник сделал то, о чем я только фантазировал по дороге: он заказал сразу три. Прикончил их и занялся пирогом прежде, чем я справился со своим одним. Кофе

он заказывал так часто, что официантка решила просто оставить кофейник на нашем столе.

Наконец он глубоко вздохнул, поглядел на меня и сказал:

— Знаешь, тебе не мешало бы побриться.

Я кивнул.

— Не захватил с собой своего парикмахера.

— Подожди минутку. — Кэтлам наклонился, открыл свою дорожную сумку и, покопавшись там, достал пластиковую одно-разовую бритву с маленьким тюбиком мыльного крема. Он положил их на стол и подтолкнул в мою сторону. — Я на всякий случай всегда таскаю с собой несколько таких штуковин. Похоже, ты как раз такой случай.

Он налил себе еще одну чашку кофе.

— Спасибо, — сказал я, подбирая с тарелки последние съедобные крохи, и, поглядев в сторону туалетной комнаты, добавил: — Пожалуй, я твоим предложением воспользуюсь.

Когда я умылся, побрился и причесался, из зеркала на меня взглянул человек вполне приличного вида, сытый и даже отдохнувший. Удивительно! Я выбросил использованное лезвие и вернулся в зал.

Кроме чека, на столе ничего не было.

Я рассмеялся, как не смеялся уже давно, и даже не рассердился на Кэтлама, потому что мне следовало догадаться, что именно этим дело и кончится. Однако у меня возникло такое чувство, словно я потерял нечто большее, чем деньги.

И в шашки он играл действительно великолепно.

Глава 14

Дальше, дальше... под голубой оболочкой неба, со свистом ветра, задувающего в шлем... Крепко держась за руль, я двигался с неизменной скоростью по своей полосе. Мотоцикл вел себя превосходно.

Городок я нашел именно там, где сказал Кэтлам, чуть дальше по дороге. И я действительно купил там новые брюки, рубашку и пиджак. Однако, кроме нескольких магазинов, городок не мог предложить почти ничего. Прокат автомобилей оказался закрытым, и я не сумел найти ни владельца, ни менеджера. Впрочем, по зрелом размышлении я решил, что это к лучшему: по крайней мере у меня появилось время подумать.

По дороге в город я миновал небольшой мотель на окраине. Можно было бы снять комнату, и один только душ окупил бы

все расходы. Поскольку я отоспался днем, в сон уже не тянуло, но мне казалось, что лучше будет скрыться на время куда-нибудь от посторонних глаз, а прятаться в лесу за городом совсем не хотелось.

Когда я сказал, что буду платить наличными, и клерк увидел, что у меня нет багажа, он попросил деньги вперед. Я, разумеется, согласился, сообщив ему вымышленное имя и адрес за пределами штата, и получил комнату. Затем вымылся и растянулся на кровати.

Все еще чувствуя себя беспокойно, я перебирал в памяти события последних дней — долгую одиссею от островов Флорида-Кис, через Багдад и дальше, до настоящего момента. Думал о Коре. Я знал, где она, и чувствовал, что пока она в безопасности. Мертвый заложник — это, в конце концов, не заложник, а пытаться ее имело бы для них смысл только на моих глазах. Барбье наверняка предпочел бы заполучить меня обратно, чтобы я снова работал на него.

Этой части нашего разговора в Филадельфии по крайней мере можно было верить. Однако в случае неудачи он скорее отправил бы меня на тот свет. Больше всего Барбье боялся, что я пойду со своим рассказом в Управление юстиции. Я даже представлял, как в доказательство своих слов демонстрирую на суде разные трюки с компьютерами. Конечно, Барбье такое не понравилось бы. И пока Кора в их руках, он знал, что этого не случится. Видимо, Барбье будет держать Кору в живых до тех пор, пока не заполучит мертвого Белпатри. Надо полагать, он уже понял, что я не вернусь.

До сих пор мне удавалось остаться в живых, только используя новую, активную сторону своего паранормального дара. Барбье оказался не готов к такому повороту событий, и я не сомневался, что результаты его обеспокоили.

Однако не менее отчетливо я понимал, что теперь мне до самого конца путешествия придется полностью полагаться на эту свою способность как для обороны, так и для нападения, — чтобы выводить Барбье из равновесия и всегда быть впереди.

Утром я намеревался взять напрокат машину, но, как обстоятельства совсем недавно напомнили мне у стойки дежурного в мотеле, в таких случаях нужно либо платить наличными, либо пользоваться кредитными карточками. Однако наличных оставалось не так уж много, а на всех моих кредитных карточках значилось ДОНАЛЬД БЕЛПАТРИ.

Не Бог вещь какая проблема, решил я вначале, вспомнив полицейского с маленьким компьютером, который проверял

у меня документы в Филадельфии. Независимо от того, что значится на карточке, я всегда могу изменить информацию, которую прочтет машина.

Все же... Этим проблема не исчерпывалась. Прежде всего, просто изменить номер счета недостаточно. Он должен быть изменен таким образом, чтобы машина прочла нечто вразумительное. В противном случае передающее устройство получит сигнал о неверной информации и у меня будут неприятности.

Далее, на всех карточках написано мое имя. Хотя это ничего не значит для банковского компьютера, который интересуется только номером счета, человек, вводящий информацию при оформлении покупки, заметит имя владельца и, без сомнения, оставит запись о транзакции в своем местном компьютере. Что совершенно неприемлемо, раз «Ангро» ищет меня столь активно.

Я взглянул на одну из своих кредитных карточек: тисненные буквы и цифры были выполнены таким образом, что мне вряд ли удалось бы сильно их изменить. Однако я сумел соскрести выпуклые значки кончиком ножа — теперь они не будут отпечатываться на бумажных копиях, которые иногда подкладывают в кассовые аппараты. Места с пропущенными буквами я затер пальцем, чтобы они поменьше бросались в глаза.

Избавился я от трех букв: Б в начале фамилии и РИ в конце. Получилось ДОНАЛЬД ЕЛПАТ, и я решил, что этого будет достаточно. Люди обычно не очень внимательно смотрят на карточку, разве только чтобы убедиться, что она подписана и все еще действительна.

Перевернув карточку, я взглянул на свою подпись: обычная неразборчивая закорючка. Как раз то, что надо. Я добавил туда еще несколько росчерков, и теперь никто уже не смог бы утверждать, что там написано не Дональд Елпат.

...Занимаясь всем этим, я попутно выдумывал простой набор биографических данных для своей новой личности.

Покончив с карточкой, я задумался о номере счета: далеко не всякий номер мог подойти. Если бы я изменил сигнал карточки Елпата на какой-то другой, который в настоящий момент не использовался, компьютер немедленно отказал бы в кредите. Выбрав же номер, соответствующий реальному счету, с которым что-то не в порядке — например, неуплата владельцем крупной суммы или что-нибудь еще, — я опять остался бы без кредита.

Задумавшись о номерах счетов, я сразу же вспомнил «старый добрый» 078-05-1120. Еще в тридцатые годы, когда прошел акт о социальном обеспечении и были выпущены первые карточки, один из производителей кожаных бумажников, чтобы про-

демонстрировать лишенным фантазии покупателям, как ими пользоваться, вложил в небольшое закрытое целлулоидом отделение бумажника копию кредитной карточки. Немного переоценив человеческую сообразительность, он не догадался снабдить карточку надписью: «Образец». На копиях, которые вставлялись в бумажник, значился номер счета социального обеспечения его секретарши. Позже она прославилась тем, что стала единственным человеком в истории программы социального обеспечения, чей номер был упразднен и заменен другим. И все это потому, что люди действительно пользовались карточками, а их вместе с бумажниками продали многие тысячи. Еще долгие годы на этот счет поступали налоги, и даже поколение спустя налоговая служба по-прежнему получала сведения о денежных перечислениях с этим магическим номером со всех концов страны, потому что с карточками так до конца и не разобрались. Видимо, и сейчас, через шестьдесят лет, они все еще получают время от времени эти номера в финансовых отчетах.

Мне тоже требовался счет с такими же широкими возможностями... Наконец я додумался. Некоторые компании имеют единые счета для дорожных расходов руководства и заказывают по несколько кредитных карточек с одними и теми же номерами, которые выдаются служащим высокого ранга. Такой номер, обеспеченный банковским счетом уважаемой корпорации, принимается компьютером кредитной компании без вопросов, и я решил, что пришло время изменить «место работы» Дональда Елпата. Для этого необходимо было лишь найти соответствующую корпорацию и ее номер.

Несколько минут размышлений привели меня к одному из возможных путей поиска. Поскольку времени оставалось еще достаточно, я встал, включил телевизор и нашел программу новостей. Не хотелось отставать от происходящего в мире: всегда полезно знать, не добавится ли к твоим проблемам что-нибудь вроде наводнения или торнадо.

Я сидел у телевизора больше часа, но так ничего и не услышал ни о преступнике по имени Дональд Белпатри, ни о компании «Ангро». Впрочем, я и не ожидал, что попаду в программу новостей, которую транслируют на всю страну.

Через некоторое время я услышал, как к зданию, где размещалась контора мотеля, подъехала машина. Когда хлопнула дверца, я уже успел выключить телевизор и прикинул к окну. Затем опустил шторы и протянулся к компьютеру.

Ничего.

Я снова лег на постель, но продолжал искать.

Ничего. Ничего. Однако рано или поздно... Нужно лишь терпеливо ждать...

Ничего. Ничего.

Клик.

Включился терминал в конторе. Человек хотел снять комнату. Дежурный вставил кредитную карточку...

Проскользнув в электронный прибор, я двинулся по прямой к компьютеру кредитной компании... Просматривая списки счетов, которые содержал компьютер, я пытался найти среди них номера с большим числом пользователей и хорошей дневной нормой расходов...

...После чего совсем уже разошелся и принялся выбирать номер, который бы еще и легко запоминался.

Вот, нашел.

Елпат устроился на работу.

Когда я уже выбирался из компьютера, перед моим внутренним взором вдруг предстал неустойчивый образ Энн. Всего лишь какое-то мгновение — *кликлик* — и она исчезла. Я же долго еще смотрел в потолок и удивленно размышлял о том, какие странные штуки выкидывает порой подсознание...

Потом, хорошенько запомнив номер, я снова включил телевизор и какое-то время бездумно смотрел на экран.

Все дальше и дальше... Запах сосен покалывал ноздри. На мотоцикле красовалось изображение горного орла. Днем стало жарко, но встречный ветер по-прежнему дарил прохладу. Движение было несильным, и я ни разу не встретил «дорожных танцоров».

Пункт проката автомобилей Дональд Елпат миновал без всяких осложнений.

Выбор свой он сразу по нескольким причинам остановил на мотоцикле. Одной из них служило то, что на мотоциклах не было никаких приборов, которые сообщали бы об их перемещениях дорожному компьютеру. Другая заключалась в том, что я никогда не пользовался этим видом транспорта, пока жил во Флориде, и не особенно часто ездил на мотоцикле до начала работы в «Ангро».

Мне подумалось, что таким неожиданным ходом я смогу сбить своих противников со следа. Однако в юности я все-таки успел узнать, как этими машинами управлять, а последние мо-

дели оказались еще и на удивление простыми. Перезарядка гарантировалась на любой из станций «Ангро»; двигателем служили сверхскоростные маховики, которые помимо всего прочего давали стабилизирующий эффект. Дональд Елпат расписался — и мы двинулись в путь.

Поскольку я ушел немного в сторону от прямого маршрута к своей цели, настало время закончить зигзаг, двинувшись в другую сторону, и я направился на северо-запад, к Литл-Року.

У меня действительно сохранились воспоминания о прогулках на мотоцикле еще с тех времен, когда я учился в колледже. Мы начали выезжать на природу вместе с Энн и два или три раза делали это позже, после того как я начал работать в «Ангро»...

Редкий сосновый лес. Мы сидим под деревьями, уминаем прихваченные с собой сэндвичи...

— Работа начинает вызывать у меня странное чувство, Энн. Хотя, конечно, ты об этом знаешь.

— Да. Но что я могу сказать тебе такого, чего не говорила раньше?

— Ты никогда не говорила мне, что Мари будет вмешиваться в чужие исследовательские программы и нарушать эксперименты.

Она удивленно сдвинула брови, подрагивающие, словно большие черные крылья.

— Иногда это необходимо, чтобы удерживать передовые позиции.

— Мне казалось, что смысл всех наших подглядываний и подсматриваний как раз в том, чтобы мы, заполучив необходимую информацию, смогли вырваться вперед очень далеко и быстрее других начали производить дешевую электроэнергию.

— Верно.

— Но раз другие исследователи догоняют нас настолько быстро, что нам приходится мешать им, отбрасывая назад, это означает, что они могли бы обогнать нашу компанию, если их оставить в покое. Может быть, все наши предпосылки неверны...

— Ты хочешь поменять хозяев?

— Нет. Просто я думаю, что мы вырвались вперед достаточно далеко и вовсе не обязательно давить конкурентов такими безжалостными методами. В конце концов...

— Нам необходимо абсолютное превосходство, — перебила меня Энн, и теперь в ее словах ясно чувствовалось влияние Барбье. — Мы должны уйти вперед так далеко, чтобы никто уже не смог помешать нам даже в самой малости. Только это позволит

нам действовать быстро и эффективно, чтобы спасти экономику и удержать высокий жизненный уровень в стране.

— Ты, похоже, говоришь о монополии.

— И что с того? Это действительно может потребоваться. В противном случае нас ждет хаос.

— Может быть, — сказал я. — Может быть, ты права. Я уже не знаю. И видимо, у меня никогда не было уверенности... А этот Мэтьюс? Чем он занимается? Я чувствую в нем что-то зловещее...

— Он высокопрофессиональный специалист, — ответила Энн, — и его работа еще более засекречена.

— Но ты же способна прочесть его мысли. Ему можно доверять?

— Еще бы. На его слово всегда можно положиться: если уж он что-то обещал, то сделает. Я бы, не задумываясь, доверила ему свою жизнь.

На какое-то время она меня убедила. Однако мысли об «Ангро» не выходили у меня из головы, продолжая тикать, словно бомба замедленного действия...

Почему-то мне очень хорошо запомнилось, как пели среди сосен птицы, и, кроме того, в памяти осталось кое-что о мотоциклах...

Я немного отдохнул в Литл-Роке и перекусил в какой-то забегаловке. Затем перезарядил аккумуляторы и, решив сделать новый бросок в сторону от основного маршрута, двинулся под свист ветра в направлении Далласа.

Ровный ритм дороги захватывал, но оставлял место для раздумий, и мои мысли сами возвращались к последним дням в «Ангро». Я узнал о способностях Мальша Уилли, однако продолжал работать на «Ангро», поверив объяснениям Барбье, который сказал, что Мэтьюс всего лишь притормаживает конкурентов, устраивая их специалистам необъяснимые обмороки, обострения язв, имитации ангины, временную слепоту, потерю речи, вспышки гриппа и различные непродолжительные неврозы. Но как-то раз на пути из досье «Дубль-зет» я наткнулся на приказ уничтожить сотрудника конкурирующей компании. Заметил я его только потому, что в то утро прочел в газете некролог и фамилия этого человека застряла в памяти. Умер он от сердечного приступа. Мы с ним даже встречались однажды: молодой еще мужчина, здоровья хоть отбавляй. Приказ Мэтьюс получил днем раньше, так что это едва ли могло быть совпадением...

Когда я ворвался в кабинет Барбье, тот сначала все отрицал,

затем все-таки признался, попытавшись объяснить необходимость таких действий тем, что человек был слишком опасен.

— Слишком опасен, чтобы жить дальше?! — выкрикнул я.

— Подожди, Стив, послушай. Успокойся. Ты не понимаешь глобальной картины...

Он обошел вокруг стола и положил руку мне на плечо — этаким отцовский жест. Я тут же ее сбросил.

— Видимо, я как раз начинаю понимать глобальную картину, и именно это меня беспокоит. Я сделал для «Ангро» довольно много — довольно много такого, что мне самому не нравится, но я всегда утешал себя тем, что это обернется множеством хороших дел. А теперь я узнал, что вы еще и людей убиваете! Черт! Мы что, на войне? Должны же быть какие-то границы...

В этот момент открылась дверь и вошли двое охранников компании. Очевидно, Барбье подал им сигнал. На их беду, у меня было непреодолимое желание кого-то ударить. Сразу после выписки из больницы я, чтобы нарастить мускулатуру и улучшить координацию движений, начал заниматься борьбой и приемами рукопашного боя, да так и не бросил, потому что занятия мне нравились. В результате я приобрел целый набор полезных рефлексов.

Двое охранников оказались на полу без сознания. Барбье пытался убедить меня, что Мэтьюс всегда действовал быстро и милосердно, но я вышел из кабинета и связался с Большим Маком. Прежде чем меня взяли под дулом пистолета, я успел передать содержимое досье «Дубль-зет» в компьютер Комиссии по междуштатной торговле.

Три дня меня продержали в заключении, однако не били и не пытали. Сначала Барбье подослал ко мне Энн, чтобы она уговорила меня вернуться, так сказать, в лоно «Ангро». Но я уже давно понял, какой это эффективный трюк: всегда знать мои возражения прежде, чем я что-нибудь скажу, и держать наготове самый лучший из возможных ответов. Так что на этот раз у нее ничего не вышло. Факты она опровергнуть не могла, а все ее рассуждения меня не убеждали. Похоже, Энн была расстроена моим отношением, словно во всем случившемся я обвинял лично ее.

Позже заглянул Малыш Уилли, и я решил, что мне пришел конец. Оказалось, нет. В длинной, прочувствованной речи, пересыпанной библейскими цитатами, которые на самом деле были здесь, по меньшей мере, неуместны, он попытался оправдать свои действия. «Ангро», мол, избранный народ, а он, мол, Иисус, наследник Моисея в лице Барбье. На мгновение я даже

посочувствовал ему, но потом вспомнил, сколько он получает за свои способности.

— То, о чем ты говоришь, мало меня интересует, — сказал я. — Да ты и сам в это не веришь.

Он улыбнулся.

— О'кей, Стив. Давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны. Мы с Мари только мешаем конкурентам. Главные добычки — ты и Энн. Та информация, которую вы добываете, носит технический характер и очень важна для дела. Таким образом, ты становишься влиятельной персоной. Забудь о том, что в твоих глазах может выглядеть плохо или хорошо. Победитель всегда прав. Ты сам можешь устанавливать моральные нормы, и нечего елозить, как боров на льду. Лет через десять, когда ты будешь действительно наверху, — вот тогда настанет время раскаиваться и сожалеть, если до тех пор твоя совесть еще не успокоится. Тогда ты будешь в состоянии облегчить совесть множеством добрых дел. Поверь мне, уж я-то знаю, что такое совесть...

— У меня на этот счет другие мысли.

Он вздохнул и пожал плечами.

— Ладно. Скажу боссу, что я пытался. Хочешь выпить?

Он протянул мне плоскую карманную фляжку, и я сделал несколько глотков. Мэтьюс тоже приложился, прежде чем спрятать ее обратно в карман.

— Давай кончай, — сказал я. — Не тяни.

Он посмотрел на меня удивленно.

— Извини, если это получилось слишком похоже на последнее причастие. Я пока не получал приказа отправить тебя к твоему Господу.

— Ты знаешь, что Барбье собирается со мной делать?

— Нет. Он не говорил. Ладно, увидимся.

И это была последняя наша встреча до того момента, когда он попытался убить меня в Филадельфии.

Позже пришел сам Барбье в сопровождении двух вооруженных охранников и начал уговаривать меня, пользуясь уже вполне конкретными социологическими терминами. Мой ответ остался прежним.

Он надул губы.

— И что же нам с тобой делать, Стив?

— Могу догадаться.

— Этого мне хотелось бы избежать. Жаль уничтожать такой редкий талант, тем более что ты когда-нибудь можешь передумать. Кто знает, что принесет нам время?

— Чтобы узнать это, ты хочешь продержать меня несколько лет взаперти?

— Я придумал более подходящий способ.

— То есть?

— Как ты отнесешься к тому, чтобы побыть некоторое время кем-то другим?

— Что это означает?

— Я не могу отпустить тебя на свободу со всеми твоими знаниями. Мой человек в КМТ сумел избавиться от переданной тобой информации. И я думаю, что дело закрыто. Очень не хотелось бы посылать сейчас Мэтьюса в Вашингтон. Если уж тратить там его время, то по крайней мере на какого-нибудь конгрессмена. — Барбье усмехнулся собственной шутке. — Однако я не могу просто ждать и гадать, что ты выкинешь в следующий раз. Поэтому тебе светит очень длительный отпуск, возможно, постоянный.

— В смысле?

— Хороший специалист при помощи гипноза и наркотических препаратов может сотворить настоящее чудо. Новая личность. Целый набор новых воспоминаний. И это даже легче, насколько я понимаю, если пациент не сопротивляется. Что сказал бы любой человек в здравом уме, если альтернатива — смерть, а новая жизнь будет большим приятным отпуском?

— Веский довод, — проговорил я, обдумав его слова.

...Во сне я видел Багдад, а проснулся уже среди пальм во Флориде.

Солнце садилось, подсвечивая низкие облака. Я здорово устал.

Видимо, давало себя знать то, как мало и нерегулярно я спал последние дни. Глаза болели, и огни встречных машин сливались в светящийся поток расплавленного металла. Если бы я продолжал гнать до Далласа и приехал туда, валясь с ног от усталости, это не намного приблизило бы меня к цели. Поэтому я выбрал мотель на окраине Тексарканы и снял номер, воспользовавшись еще одним выдуманном именем и заплатив наличными -- зачем лишний раз искушать судьбу? Принял душ, разыскал неподалеку закусочную, поужинал, вернулся в номер и улегся в постель.

На этом день бы и кончился, но, пока я лежал в полусне, мысли мои сами потянулись к ближайшему центру, где происхо-

дил активный обмен данными. Где-то совсем рядом трещал телеграфный аппарат, выдающий сообщения о забронированных номерах...

Кликлик. Клик.

...Банальная информация, которая едва ли может развлечь даже в полусонном состоянии. Однако я плыл куда-то вместе с ней...

— Привет, — раздался рядом невыразительный механический голос, и на мгновение я даже забыл, что ее уже нет в живых...

— Привет, Энн.

— Привет.

...Медленно пришло понимание, что происходит что-то необычное. Ее образ накладывался на рисунок из подмигивающих огней. Волшебный мираж? Или вмешательство сознания?

Потом вернулась память.

— Что случилось? — спросил я.

— Случилось... — повторила она. — Я... здесь...

— Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую... Где мои цветы?

— Здесь, где-то рядом. Что... Чем ты была занята все это время?

— Я не вся еще здесь, — произнесла она, словно только что это обнаружила. — Я... занята?.. Я пробуждалась? Да, я думаю, пробуждалась. Приходила в себя.

— Тебе чего-нибудь хочется?

— Да.

— Чего?

— Не знаю. Больше... Да, больше, полнее проснуться. И мои цветы...

— Где ты сейчас?

— Я... здесь. Я...

...Затем огни погасли, и она исчезла.

Я проснулся и какое-то время обдумывал случившееся. Складывалось впечатление, что Энн превратилась в компьютерную программу. Пока не Бог весть какую сложную. Словно ее разум каким-то образом продолжал жить, как продолжает жить тело, подключенное к аппаратуре искусственного сердца и искусственного легкого. Первичные, примитивные функции... Но как? И почему?

Однако я слишком устал, чтобы возвращаться в информационную сеть и искать ответ. Накатил глубокий черный сон...

За завтраком я снова принялся строить планы. То ли нетерпение, то ли какое-то предчувствие побудило меня, если удастся, поменять в Далласе средство передвижения. Я чувствовал все больше уверенности в своих силах.

Дорога до Далласа оказалась не так плоха: временами немного пыльно, временами — ветрено, но до аэропорта, что между Форт-Уэртом и Далласом, я добрался довольно быстро. Оставив мотоцикл на стоянке, я узнал в информационном компьютере, откуда отправляется челночный рейс Даллас — Эль-Пасо с посадкой в Карлсбаде и на полигоне «Ангро» номер четыре.

Затем я привел в порядок одежду, перекусил за стойкой кафе и добрался монорельсовым вагончиком до нужного здания.

Сразу по прибытии я просмотрел расписание, выяснил, что во второй половине дня будет еще несколько рейсов, и устроился в полупустой секции зала ожидания. Вокруг бурлила компьютерная жизнь. Поскольку весь этот маршрут мне пришлось проделать по вине «Ангро», я решил, что пора им немного и раскошелиться.

Скользнув в компьютерную сеть, я двинулся на восток. На этот раз ничего столь же зрелищного, как сражение с Большим Маком, я не планировал. Нужная мне информация хранилась отнюдь не в досье «Дубль-зет» и, можно сказать, лежала прямо на виду. Добравшись до первичного, внешнего эшелона обороны, я еще не успел устать и прошел его, словно дым сквозь москитную сетку на окне.

У «Ангро» тоже имелись кредитные счета, рассчитанные на нескольких пользователей — различные для сотрудников каждого уровня. Я выбрал достаточно высокий, с приоритетными правами на место в самолете. Оказалось, «Ангро» — постоянный клиент этой авиалинии и за компанией зарезервировано несколько мест на каждом рейсе. Если бы все места оказались занятыми, я мог бы выпихнуть какого-нибудь сотрудника компании, занимающего не столь высокое положение... Затем в порыве хорошего настроения я добавил Дональда Елпата к списку сотрудников «Ангро», которым разрешено пользоваться этим счетом. Теперь, если бы люди из авиакомпании решили проверить, связавшись с компьютером «Ангро», мне ничего не угрожало. Но зачем останавливаться на полпути?

Следующим шагом было поручение Большому Маку заказать для Елпата билет на ближайший рейс и подождать подтверждения.

Выскользнув из компьютера, я записал номер счета на обрывке бумаги и заучил его. Затем подошел к стойке и, предста-

вившись дежурному, сказал, что хочу получить свой билет. Он принял мою подчищенную кредитную карточку и сунул в щель аппарата, взглянув только, какой стороной вставлять. Я подправил сигнал, и спустя мгновение из соседней щели выполз мой билет.

— Только сегодня самолет не будет садиться в «Ангро», — сказал дежурный.

— Да?

— Они временно закрыли там посадку. Ближе всего можно сойти в Карлсбаде.

— А что случилось?

Он пожал плечами.

— Видимо, какие-то испытания.

— Ладно. Спасибо.

— Вход вон там, — сказал он, указывая рукой. — Вылет через сорок минут.

Дожидаясь посадки, я решил выпить стакан кофе из автомата, стоявшего у противоположной стены. Но, когда подошел ближе и начал рыться в карманах, обнаружил, что у меня нет мелочи. Неожиданно автомат загудел, зашелкал, и на подставку опустился пластиковый стакан, который тут же начал заполняться кофе. Черным, как я и люблю.

Я почувствовал запах фиалок и услышал голос Энн, словно она стояла рядом:

— Подкрепись. Я угощаю.

Но запах фиалок и ощущение ее присутствия исчезли еще до того, как стаканчик наполнился. Я не знал, что думать, но все равно пробормотал: «Спасибо», открыл пластиковую дверцу и достал кофе. Чуть позже я решил, что происшедшее даже нельзя назвать преступлением, поскольку брать деньги за такой плохой кофе — еще большее преступление.

По мере того как зал ожидания заполнялся пассажирами, я продолжал рассматривать вновь прибывших. До меня не сразу дошло, что здесь может встретиться кто-нибудь из тех, кого я знал по работе. Барбье держал нашу маленькую группу «специалистов» несколько в стороне от остальных сотрудников компании, но кое-кого в «Ангро» мы все же знали.

Однако большинство моих знакомых работали с компьютерами, и никого из них на этом рейсе не оказалось. Определить, кто из пассажиров работает в «Ангро», большого труда не составляло. Достаточно было только прислушаться к разговорам: в «Ангро» работали те, кто возмущался необходимостью высажи-

ваться в Карлсбаде и ждать там, закусывая, выпивая и прохладя за счет компании.

В конце концов мы сели в самолет, и я укрылся за обложкой журнала. Взлет на автопилоте прошел без неожиданностей, как и первые полчаса полета. Затем без предупреждения заговорила со мной Энн.

Я закрыл глаза и увидел ее под отполированным до зеркального блеска деревом в окружении металлических цветов, сверкающих каплями машинного масла и приклепанных к поверхности, на которой она стояла. Стояла, словно замерев по стойке «смирно»: пятки вместе, руки вдоль туловища, взгляд устремлен вперед.

— Оно есть, оно есть, оно есть, — сказала Энн. — Оно тебя знает.

— Кто меня знает? — спросил я мысленно.

— Оно, которое есть. Оно посадило меня в этом саду и будет ухаживать.

— Но что это такое?

— Это... Оно тебя знает.

— Но я его не знаю.

— Знаешь.

— Расскажи мне о нем.

— ...Снова уйду, — услышал я ее голос. — Вернусь, когда окрепну...

И она вновь исчезла.

Наконец вдали появился Карлсбад. Мне он показался оазисом на берегу маленькой коричневой реки посреди раскаленного солнцем и похожего на лунный ландшафта. Когда мы подлетели ближе, я заметил многочисленные стройки на окраинах города, означающие, что он быстро растет.

Затем самолет пошел на посадку к аэродрому километрах в двадцати от города. Кое-кто из пассажиров снова начал жаловаться. Я мог бы подчинить себе автопилот и заставить машину приземлиться на аэродроме «Ангро», но подумал, что в таком случае они забеспокоятся гораздо больше.

Впрочем, этот поворот мыслей подсказал мне новую идею. Когда мы зашли на посадку, я без особого труда проник в бортовой компьютер и привел в действие временно запрещенный участок готовой программы.

Едва мы вышли из самолета и освободили поле, он быстро поднялся в воздух и взял курс к аэродрому «Ангро». «Интересно, — подумалось мне, — вдруг они действительно считают, что я настолько глуп и могу направиться самолетом прямо туда? По-

смотрим-посмотрим... По крайней мере узнаю, как сильно они меня боятся...» Мысленно следуя за полетом пустой машины, я прислушивался к собственным ощущениям.

Позже, когда автобус уже привез нас в город, я почувствовал, что при заходе на посадку самолет вдруг перестал существовать. Чем они его сбили — лазерным лучом или солнечными зеркалами, — я определить не мог, но произошло это действительно быстро.

Нервничают, похоже.

Хорошо.

Я решил не заставлять их ждать слишком долго. Узнав все, что было нужно, из телефонного справочника и путеводителя по городу, я взял напрокат велосипед и направился к юго-востоку от Карлсбада. Дальше, вперед.

Глава 15

Послеполуденное солнце палило нещадно, и я пожалел, что не догадался купить шляпу. Крутить педали на такой жаре тоже оказалось не очень легко.

Дорожные указатели надежно вели меня к цели, и, оказавшись всего в нескольких километрах от полигона, я съехал на обочину в первый же попавшийся тенистый участок рядом с высоким желто-оранжевым ограждением у подножья холма. Подождал, пока перестанет литься пот, и наконец задышал нормально. Затем потянул еще немного.

К сожалению, за время работы в «Ангро» мне так и не удалось побывать на этой исследовательской станции, и о ее планировке я не имел ни малейшего представления. Знал только, что она занимает довольно большую площадь. Интересно, сколько там сейчас людей? Видимо, не очень много. Когда готовишь смертоносную ловушку с живой приманкой, важно не привлекать к делу много народа. В такой ситуации лишние свидетели ни к чему. Но, с другой стороны, это означало, что все, кто сейчас на полигоне, в равной степени опасны. Дерьмовая ситуация, как любил говорить Малыш Уилли.

Я пешком дотащил велосипед вверх по склону, потом снова сел за руль.

Вдали уже показалась территория полигона, отгороженная от всего остального мира высокой металлической стеной, словно отдельная страна. У ворот, к которым я приближался, стоял небольшой домик для охраны, но ни внутри, ни снаружи я никого не заметил. Ничего похожего на оружие, направленное в

мою сторону, тоже. Да и за оградой все выглядело спокойно. Создавалось впечатление, что полигон безлюден.

Приблизившись, я мысленно подался вперед и обнаружил где-то вдалеке работающие компьютеры. Однако расстояние оказалось слишком большим, и я не смог ничего разобрать.

Вдоль дороги почти нигде было спрятаться, но я запомнил даже самые незначительные укрытия. Как выяснилось, напрасно, потому что мне ничто не угрожало. Я подъехал к самому домику, прислонил велосипед к стене и заглянул внутрь. Никого.

Ворота стояли чуть приоткрытые, словно приглашали войти: между створками оставалось ровно столько места, сколько нужно человеку, чтобы пройти боком, ничего не задев.

Футах в ста за оградой стояло одноэтажное административное здание, достаточно строгое, функциональное и относительно новое. Перед зданием раскинулась небольшая лужайка с деревьями и кустарником, а у стены с обеих сторон выбрасывали вверх воду два фонтана — маленькая, но примечательная демонстрация энергетического расточительства. В мягком шелесте воды слышалось то, что «Ангро» и хотела сообщить миру: проблем с энергией больше не будет никогда; у нас ее более чем достаточно; покупайте — мы продаем.

Ворота мне не нравились. Слишком уж явно и просто... Я мысленно скользнул вперед, отыскивая что-нибудь похожее на ловушку, и обнаружил электрические датчики, к которым было подведено смертельно опасное напряжение. Датчики, срабатывающие, когда в промежутке между створками ворот окажется человек, и реле, которое одновременно должно сдвинуть створки на несколько дюймов ближе.

Куда уж проще... Ловушка в ловушке, колесо в колесе... Ладно. Попробуем что-нибудь другое.

В домике для охраны я заметил несколько одноместных летающих платформ — неуклюжие маленькие машины с лопастями, как у вертолета, и маховиками, как у последних моделей мотоциклов. Маховики одновременно вращали пропеллер и придавали машине некоторое подобие устойчивости в полете. Вернувшись, я внимательно их обследовал, но не нашел ничего подозрительного. Разумеется, я не собирался лететь сам: Барбье, как я знал, увлекался стрельбой по тарелкам...

Пошелкав переключателями, чтобы платформа катилась сама, я вытащил одну из них на улицу, оставил висеть в воздухе и пошел за второй. Потом решил вытащить еще одну. Управлять одновременно большим числом машин мне вряд ли бы удалось. И так получалось что-то вроде жонглирования.

Двинувшись чуть ближе к воротам, я приготовился, затем запустил одну платформу высоко над стеной, вторую с разгону вогнал прямо в ограду недалеко от ворот и подозвал третью поближе, как будто собирался ею воспользоваться.

Зрелище получилось весьма впечатляющее. От ограды донесся звук, напоминающий шкворчание бекона на сковородке, и платформа вдруг стала удивительно похожа на какое-то экзотическое насекомое, запутавшееся в горящей паутине. Одновременно откуда-то из-за административного корпуса полыхнула жаром молния, и я услышал, как рухнула, сбитая, вторая платформа.

В этот момент, ощущая резкие металлические запахи, я заблокировал реле на воротах и бросился туда сам. Только проходя между створками, я понял, что не заметил еще один датчик, очень простой и хорошо замаскированный. К счастью, его закоротило, когда летающая платформа врезалась в ограду. Очевидно, мне по-прежнему сопутствовала удача или что-то в этом роде.

Оказавшись на территории, я бросился к кустам, окаймлявшим здание, словно собирался зайти сбоку или со двора, но, не останавливаясь, побежал дальше. В здании вполне мог прятаться Малыш Уилли, а мне хотелось быть от него подальше.

Обогнув здание, я увидел шагах в десяти слева дренажную канаву, побежал и нырнул. Видимо, никто меня не заметил, потому что выстрелов не последовало. Только шумел вокруг сухой беспокойный ветер. Я мысленно протянулся...

Работающий компьютер, впереди, справа...

Я быстро скользнул внутрь, просочился к данным, представляющим собой план испытательного комплекса, и тут же перевел их в визуальные образы. Дальше к югу размещался командный пост — насыщенное электронной аппаратурой здание, где был установлен центральный компьютер и где, возможно, ждал исхода операции сам Барбье. Судя по схеме, рядом со зданием стоял вертолет с включенным двигателем. Может быть, он готовился подняться в воздух, чтобы искать меня сверху? Или ждал наготове на тот случай, если обстоятельства сложатся не в пользу Барбье и для него тут станет слишком опасно?

В той стороне, куда я направлялся, стояли два здания, в которых мне устроили засаду, — очень удобная стратегическая позиция. Мимо одного я еще мог проскочить, но тогда меня непременно заметили бы из второго... Тут я увидел, что мое положение тоже отмечено на схеме, и понял: нужно срочно что-то предпринимать. Я попытался проследить сигнал к источнику,

но далеко не сразу понял, откуда именно он исходит. Потом приподнял голову над краем канавы и взглянул в том направлении.

На довольно значительном расстоянии от меня стояла высокая башня, на верхушке которой вращалось какое-то устройство. Видимо, ультразвуковой локатор, который отслеживал и регистрировал любой движущийся объект больше определенного размера.

Так... Я решил, что в данном случае лучше всего будет отыскать способ перераспределить местное энергоснабжение и резким повышением напряжения просто сжечь это устройство. Задача оказалась сложнее, чем я думал, и на ее выполнение ушло почти две минуты.

Затем я быстро прополз вперед и только после того, как перебрался на новое место, еще раз взглянул на хранившуюся в компьютере схему. Штуковина на башне перестала вращаться, и я с облегчением заметил, что маркер, отмечавший на схеме мое положение, тоже исчез. По канаве я прополз больше ста метров и миновал здание, которое на схеме значилось как пустое.

За этим зданием уже было видно аэродром с четырьмя ангарами и несколькими вертолетными площадками, где стояли готовые к вылету машины. На посадочной полосе лежали частично оплавленные останки самолета, который я направил сюда из Карлсбада. Люди Барбье подождали, когда он зайдет на посадку, и только тогда его сбили. Очевидно, им совсем не хотелось устраивать катастрофу за границами владений компании и тем самым привлечь внимание общественности, репортеров и спасательных команд. Они предпочитали разобраться «по-семейному». Что ж, меня это тоже устраивало. Однако я обнаружил, что злюсь на них еще сильнее.

Чтобы проникнуть глубже на территорию полигона, мне пришлось бы двигаться мимо одной из двух засад, независимо от выбранного направления. Я снова скользнул в компьютер.

Да. Первая засада размещалась сразу за ближайшим зданием. Компьютер показывал, что там скрываются три человека, так же как и во второй.

Я прополз чуть дальше, пока ближайшее здание не оказалось между мной и следующим, где прятались люди Барбье, затем вскочил и бросился вперед. Добежал, прижался к стене, выждал, прислушиваясь к биению сердца, но ничего не произошло. Тогда я двинулся к соседнему окну и попытался его открыть. Заперто.

Стукнул несколько раз камнем и, когда наконец стекло раз-

билось, отшелкнул задвижку, просунув руку внутрь. Потом открыл окно, надеясь, что расстояние и ветер погасят звуки, забрался внутрь и снова закрыл.

Оказался я в какой-то электромастерской, о чем свидетельствовали оборудование и инструменты, разложенные на длинных столах вдоль стен. Ничего похожего на оружие там не нашлось, поэтому я быстро прошел через помещение, направляясь мимо полок с запасными частями и каких-то коробок к маленькому кабинету у противоположной стены.

Осторожно поднявшись над подоконником, я посмотрел на соседнее здание. Оба окна, выходящие на мою сторону, были открыты, и внутри я увидел людей, которые держали в руках нечто по виду напоминающее оружие...

Ладно. Перчатки в сторону, на руках кастеты.

Опустившись на пол, я подполз к окну на левой стене и выглянул туда тоже: ничего, кроме открытой пустынной равнины, которую я уже видел по дороге сюда. Я отшелкнул задвижки и осторожно открыл окно.

Затем сел на пол, прислонившись спиной к стене, и мысленно протянулся...

Кликликлик...

...Вертолет зашевелился на своей площадке, взмыл в воздух и, набирая скорость, направился в нашу сторону. Развернулся по широкой дуге, прошел над административным корпусом и оградой, затем вернулся, еще больше разгоняясь, снизился... Я уже ясно его слышал...

Он ринулся вниз, словно черный ангел, и на полном ходу врезался в стену соседнего здания.

Мгновение спустя я перемахнул через подоконник и побежал. Земля задрожала от удара, посыпались куски проломленной стены. Из пыльной пещеры, что проделал в здании вертолет, все еще торчал его хвост, на котором по-прежнему вращался винт. Может быть, кто-то из моих противников и остался там в живых, но, пробегая мимо, я никого не заметил.

Я бежал изо всех сил, и вскоре разрушенное здание осталось далеко позади. Вторая засада оказалась теперь еще дальше, справа. Я продолжал бежать. На многие мили впереди раскинулся передо мной полигон. Дорога, по которой я бежал, тоже стала шире, и теперь к простеньким зданиям с правой стороны добавились какие-то энергетические установки слева. А впереди маячили совсем уже экзотические конструкции. По мере продвижения вперед я все больше и больше ощущал компьютерную активность вокруг.

В конце концов мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Я свернул к четырехэтажному макету энергетического комплекса, словно шалью окутанному серебристой паутиной, и присел под стальной лесенкой в углублении за полированным корпусом генератора, откуда вдаль был виден только странный вращающийся купол с разноцветными гранями.

— Стивенсон Макфарланд! — Голос Барбье эхом прокатился по всему полигону.

Я посмотрел вверх и увидел, что к шести, идущему вдоль лестницы, привинчен громкоговоритель, видимо, один из огромной вещательной сети, разбросанной по территории комплекса.

— Стивенсон Макфарланд!

Я сразу узнал свое настоящее имя, и это мгновенно вернуло на место все недостающие участки моей памяти.

— Я согласен дать отбой прямо сейчас, — произнес Барбье. — Я совершил ошибку, Стив... Еще там, в аэропорту Филадельфии. Я признаю это и согласен принести извинения. Я уже не хочу твоей смерти. Послушай, Стив, ты же понимаешь, что теперь мне этого совсем не надо. Я просто не знал, насколько ты... изменился.

Да уж. Пусть попотеет от страха. Он никогда бы не выбрал это место для последней стычки, если бы знал, что я могу делать с машинами. Кроме того, я увел его вертолет, и теперь ему не так-то легко будет скрыться. Ничего удивительного, что он захотел вернуть меня на свою сторону.

— ...Ты же понимаешь, что теперь я хотел бы видеть тебя живым. В сложившихся обстоятельствах у меня нет иного пути. Особенно после того, как мы потеряли Энн. Вместе с «Ангро» тебя ждет действительно прекрасное будущее...

Я снова скользнул в компьютер Барбье. Увидев перед собой стремительно бегущие цветные огни, я с трудом удержался, чтобы не вывести на его экран одно очень затасканное грубое ругательство, которое тут же пришло мне в голову. Барбье лихорадочно искал мой сигнал, переключая экран с одной растровой сетки на другую. Очевидно, он еще не понял, что лишился своего ультразвукового глаза. Я же принялся искать здание с обильным подключением следящей аппаратуры. Оказалось, такое есть, и я нырнул в его электронную систему.

КОРА. Она ввела свое имя в домашний компьютер, посредством которого, должно быть, общалась с людьми, державшими ее в заточении. Этого оказалось достаточно. Она наверняка уже знает кое-что о моих способностях благодаря многочисленным

вопросам, которые ей задавали, и у меня возникла тревожная мысль: «Что она теперь обо мне думает?»

Только тогда до меня по-настоящему дошло, как сильно я изменился за последние несколько дней. Для меня это всего лишь воспоминания, но я действительно стал совсем не тем человеком, которого она знала во Флориде. Тот, на мой теперешний взгляд, немного напоминал растение, всего лишь часть человека. Я же стал умнее, крепче и, возможно, злее. Будет ли она относиться ко мне по-прежнему, когда узнает, что я собой представляю? Это много значило для меня, поскольку именно в тот момент я понял, что Кора стала мне еще дороже.

Осторожно, даже боязливо, я захватил контроль над ее домашним комплексом с телеэкраном, который скрашивал ей время и в то же время позволял наблюдать за тем, что происходило в комнате. Затем воспользовался тем самым фокусом, с помощью которого чуть не обругал Барбье.

КОРА, ТЫ В ПОРЯДКЕ? ДОН, — высветил я на экране.

Прошла почти целая минута, прежде чем она заметила надпись, а Барбье тем временем все уговаривал меня, чтобы я прислушался к голосу разума и вернулся в рабочую группу...

Увидев наконец мой запрос на экране, Кора включила клавиатуру, которая позволяла ей управлять микроклиматом своей камеры, запрашивать специальные программы и разговаривать с тюремщиками.

ДА, — напечатала она. — ГДЕ ТЫ?

ОЧЕВИДНО, ГДЕ-ТО НЕПОДАЛЕКУ. А ГДЕ ТЫ?

Она тут же ответила:

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СЕКТОР. ЛАЗЕРНЫЕ СТОРОЖЕВЫЕ УСТРОЙСТВА С СОЛНЕЧНЫМИ БАТАРЕЯМИ. МНОЖЕСТВО КУЧ ОПЛАВЛЕННОГО ШЛАКА.

ЖДИ, — вывел я на экран. — МНЕ ПОТРЕБУЕТСЯ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ. ПОКА.

Сразу после этого я проверил каталог текущих работ, и мне стало понятно, что представляют собой кое-какие странные конструкции вдали.

— ...при значительном увеличении заработка, — продолжал вещать Барбье.

— Где Кора? Я хочу поговорить с ней! — крикнул я, предварительно проверив и узнав, что вещательная система имеет обратную связь.

Я понимал, что выдаю свое положение, но в тот момент это не казалось мне важным. Гораздо больше меня интересовала его реакция.

— Стив, — отозвался он, — Кора здесь. Ничего плохого с ней не случилось. Однако она напугана тем, что ты можешь сделать.

— Дай мне с ней поговорить. — Пришлось попросить об этом, чтобы он не догадался о нашем уже состоявшемся разговоре.

— Всему свое время, — сказал он. — Сначала...

— Я подожду! — крикнул я и бросился бежать.

Пока он говорил, я успел проверить, где находится испытательный сектор для лазеров с солнечными батареями, и получил представление, что это такое: оказалось, исследовательский проект по контракту с военными. Судя по всему, они могли испускать накопленную энергию, словно разряд молнии. Однако это детали... Позже...

Я бежал к заброшенному участку, где размещались странные сооружения. Кора была где-то там, в меблированном домике для наблюдателей на территории испытательного сектора. Грунтовые дороги с неуместными названиями типа Сент-Джеймс-сквер, Парк-Плейс, Балтик-авеню, Бродуок то и дело пересекали этот лунный ландшафт из серых и белых пятен известняка на каменистой почве. Лишь кое-где торчали из земли упрямые растения, едва живые под иссушающими лучами солнца. Здесь, в этих местах, кроются под землей несметные богатства, почему-то вспомнилось мне. Нефть. Поташ. А где-то неподалеку зарыты в древних соляных отложениях контейнеры с радиоактивными отходами. Вспомнилась мне и моя ирония по поводу названия компании: в свое время я не поленился и выяснил, что в персидской мифологии Ангро-Майнью — это божество, противостоящее солнцу, разлагающее все, к чему оно прикоснется, разрушитель древа жизни. Когда я указал на это совпадение Барбье, он лишь рассмеялся и сказал, что АНГРО получается из первых букв полного названия «Американские натуральные гелиоресурсы и оборудование», а мне не следует тратить время на поиски парадоксов и какого-то скрытого смысла, когда ответ лежит на поверхности...

Солнце палило нещадно. Я двигался среди экспериментальных солнечно-энергетических установок различных конструкций: башен, пирамид, цистерн и многочисленных наклонных плоскостей. У двух-трех систем медленно поворачивались лопасти, видимо, имитирующие листья растений. Про некоторые из них я даже не слышал... А где-то дальше, посреди куч оплавленного шлака, стояло здание, в котором спрятали мою Кору.

— ...Мы сможем договориться, Стив, — донесся голос Барбье от похожей на рождественскую елку тенистой конструкции слева. — Мы нужны друг другу...

Я свернул на пересечение Средиземноморской и Вентнор-авеню и увидел ее под огромным собирающим зеркалом. Она была в длинном черном платье с золотым драконом на груди.

— Энн!

— Я нашла в себе силы, — сказала она, и мне показалось, что ее голос стал теперь не таким безжизненным, как раньше. — Тебя догоняют — те трое, что оставались во втором здании. Один из них, главный, уже совсем близко. — Она повернула голову, и я проследил за ее взглядом, который остановился на одноэтажном здании, ошестинившемся антеннами. — Ты знаешь, что такое кинетический триггер?..

В том направлении, куда она смотрела, никого не было, но, когда я снова повернулся к Энн, она уже исчезла.

Напряженно вслушиваясь в свои ощущения, я двинулся к зданию, похожему на съежившегося дикобраза. Похоже, я знал, о чем она говорила, потому что когда-то читал о работах по созданию компьютеризированного лазерного оружия. Его можно устанавливать на стрельбу по быстро движущимся объектам, и говорят, оно способно сбивать даже летящие пули, угрожающие его владельцу. Кроме того, систему можно использовать в комплексе со специальным шлемом, и в этом случае лазер будет стрелять в ту точку, на которой владелец оружия остановил взгляд. То есть как только меня увидят, мне конец...

Я протянулся вдаль, разыскивая электронный мозг этой маленькой гадюки...

Зззззззззз...

...Он медленно продвигался вперед за противоположной стеной здания. Но пока компьютер молчал, сдерживая смертоносную пляску лазерного луча. Я отключил его, заблокировал и побежал навстречу.

Когда человек вышел из-за угла здания, я увидел, что он держит в правой руке что-то вроде огромной губной гармошки в вертикальном положении. Его темные волосы охватывала металлическая полоска, провод от которой тянулся к энергоблоку на поясе. Второй провод шел от пояса к этой штуковине в руке.

Спустя секунду на лице его что-то дрогнуло, и он принялся трясти оружие, потом ударил рукой по энергоблоку. Когда я оказался рядом, он попытался воспользоваться лазером как дубиной, но я отразил удар и изо всех сил двинул его другой рукой по макушке. Человек упал без сознания.

Я быстро снял с него снаряжение и нацепил все это на себя, потом схватил «гармошку» за рукоятку и привел в действие. Отошел к стене здания и приготовился искать два оставшихся компьютера.

Лазер едва заметно завибрировал у меня в руке, и я услышал крик.

Слева от меня, футах в ста за дорогой, у большого черного генератора, обвешанного гигантскими керамическими изоляторами, лежали, раскинув руки, два человека. На голове у каждого из них сверкали металлические полоски, но оба они лежали неподвижно. Проскользнув в маленькие компьютеры лазеров, я отключил их и подошел ближе, держа наготове свою смертоносную «гармошку».

Оба были мертвы, и я поразился бесшумной эффективности штуковины, которую держал в руках: я даже не успел заметить своих противников. Если бы мне это удалось, я просто отключил бы их лазеры, потом, может быть, сломал каждому по ноге, но, во всяком случае, они остались бы живы. Захотелось отшвырнуть «гармошку», но я боялся, что она еще может мне пригодиться.

Повернувшись к иссушенной равнине, я двинулся в сторону испытательного сектора.

— ...Никаких причин для разногласий у нас нет, — гремел позади меня голос Барбье. — Мы ведь решили энергетическую проблему, Стив? Работая на «Ангро», ты оказал своей стране огромную услугу. Не только стране, а и всей западной цивилизации. Но впереди еще много великих дел. Мы можем договориться.

— Отпусти Кору прямо сейчас, — крикнул я, — и тогда ты уберешься отсюда живым!

— Стив! Подожди! Я могу пообещать тебе совершенно другие условия! Они тебе понравятся!

— Кору! Сейчас! — прокричал я в сторону динамика, мимо которого проходил.

— Я не могу, Стив!

— Почему?

— Это мой единственный козырь.

— Черт возьми!.. Я же сказал, что оставляю тебя в покое, если ты ее отпустишь!

— Это слабая гарантия, мой мальчик!

— Мое слово? Я бы не ушел из «Ангро», если бы не придерживался определенных принципов. Моему слову можно верить!

— Но подожди, давай не будем горячиться. Я все же хочу с тобой договориться...

Не обращая на него внимания, я пошел дальше: мимо какой-то конструкции, похожей на карточный домик, мимо чего-то еще, состоявшего из одних труб, внутри которых булькала жидкость...

«Гармошка» в моей руке дернулась. Справа что-то вспыхну-

ло в воздухе, и я лишь успел заметить очертания гаечного ключа. Секунду спустя по земле растекалась лужица расплавленного металла. Откуда она взялась? Кто мог бросить...

Внезапно «гармошка» снова завибрировала, и спереди вспыхнуло целое созвездие ярких точек: отвертки, кусачки, ломтики, молотки... Словно кто-то выстрелил в мою сторону целым набором инструментов. И эта чертовщина сожгла их все прямо в воздухе!

Вдалеке, справа от меня, стоял сарай, а рядом — какая-то электрохимическая установка, от которой тянуло не очень приятным запахом.

— Мари! — крикнул я, поняв, в чем дело. — Не выходи из сарая! Эта штука сжигает все, что движется!

— Я уже поняла! — раздалось в ответ. — Как насчет того, чтобы направить ее в другую сторону?

— С какой стати?

— Потому что ты выиграл! — крикнула она. — С полминуты назад я бросила работу в «Ангро». Разреши мне выбраться, и я никогда больше не буду тебе мешать!

— Хотел бы я тебе поверить!

— Я тоже хотела бы, чтобы ты мне верил! Я была так бедна когда-то! Тебе наверняка это незнакомо! Мне никогда не нравилось то, что я делала, зарабатывая все эти деньги, но, однако, я делала! Потому что быть бедной еще хуже! Я всегда недолюбливала вашу троицу — вас такие проблемы никогда, похоже, не беспокоили! По крайней мере так, как меня! Но сейчас в самый раз бросить «Ангро». Разреши мне уйти!

— Ты ждала довольно долго! — крикнул я.

— Надеюсь, не слишком долго! Можно мне выйти?

Я выключил компьютер своего лазера.

— Ладно! Выходи!

Мари вышла из сарая. Лицо ее напоминало темную настороженную маску. На ней были джинсы и красная кофточка. Она повернула налево и двинулась к выходу с полигона.

— Снаружи у домика для охраны я оставил свой велосипед, — сказал я.

— Спасибо.

— Барбье слышал каждое твое слово. Не проходи слишком близко от того корпуса, где он засел, а то еще попробует тебя пристрелить.

Она кивнула.

— ...Наверное, я открою свой собственный ресторан. Как-нибудь заглядывай, — сказала она, потом добавила: — И берегись проповедника. Он все еще где-то здесь.

Переключив лазер на ручное управление, я держал ее под прицелом, пока Мари не скрылась из виду. Но никаких угрожающих действий с ее стороны не последовало, и я двинулся дальше, мысленно прочесывая окрестности в поисках какой-нибудь необычной компьютерной деятельности. Однако, кроме бормотания приборов, контролирующих различные экспериментальные энергоустановки, нигде ничего не отмечалось.

Теперь я решил держаться подальше от всяческих укрытий, где мог прятаться толстяк, затаивший в мыслях смертоносные пожелания, и на какое-то время даже забыл о непрекращающемся монологе Барбье. Вскоре большие экспериментальные установки остались позади, и передо мной раскинулась грязно-серая выжженная равнина, на которой взгляд лишь изредка задерживался на отдельных островках оборудования да нескольких крохотных домиках. Еще дальше лежали кучи оплавленного шлака.

Последние несколько столбов с динамиками... Ладно, еще одна попытка.

— Слушай меня внимательно, — сказал я. — Я только что убил троих твоих людей с этими хитрыми лазерами. Мари тебя бросила. Вторую тройку я тоже прикончил, если ты еще не заметил. В твоем распоряжении осталось не так уж много сил. Я знаю, где Кора. Отзови Мэтьюса. Потом подключи к вещательной системе дом Кору, и мы втроем обговорим наше положение. Я бы не хотел осложнений на обратном пути. Ты идешь своей дорогой, мы — своей. Что скажешь?

— Если ты это серьезно, верни мне компьютер, — ответил Барбье.

— Что ты имеешь в виду?

— Он сошел с ума.

— Должно быть, неполадки, — сказал я. — Я тут ни при чем.

— Не верю.

— Подожди минуту.

Я снова применил «эффект витков». Действительно, в работе компьютера обнаружилось серьезные неполадки. Данные поступали неверные, системы выходили из строя одна за другой...

— Вижу, но это не моя работа, — сказал я. — Сейчас проверю еще.

Перескакивая с уровня на уровень, я добрался до базовых систем.

— Неполадки вызваны нестабильным энергообеспечением, — сказал я. — Твой генератор барахлит.

— Что мне делать?

— Уматывай в Нью-Джерси. Мы пришлем тебе открытку с Карибских островов.

— Прекрати, Стив!

— А пошел ты...

Я снова скользнул в компьютерную сеть, но теперь уже проник в систему стоящего впереди домика. Идеальное место, чтобы держать кого-то в заключении. Изолированное настолько, что сотни сотрудников компании могут в течение нескольких дней заниматься тут своими делами и ничего даже не заподозрить. Водопровод, канализация, пищеблок, кондиционирование и компьютер с ограниченным выходом на связь. Похоже было, домик проектировался как тюремная камера. И, зная «Ангро», я не сомневался, что это не первый случай, когда его использовали в подобных целях...

Тут я заметил строчки, которые Кора вывела на экран:

— КАКОЙ-ТО ТОЛСТЯК ПРЯЧЕТСЯ ЗА КУЧЕЙ ШЛАКА К ЗАПАДУ ОТ ДОМА.

Ну вот и развязка. Лазер, что я держал в руках, мог убивать на гораздо большем расстоянии, чем сам Мэтьюс. Он, конечно, это понимает, и я смогу согнать его с места...

— Стив! Стив! — закричал вдруг Барбье. — Здание горит!

— Сматывайся оттуда!

— Не могу! Ты заблокировал дверь!

— Я ничего не заблокировал!

Я еще раз скользнул в компьютер, но он по-прежнему вел себя ненормально и быстро терял работоспособность. Однако я понял, что среди прочего он контролирует сложный электронный замок на дверях командного поста, и двери действительно не открываются.

— Я ничего не могу сделать! — крикнул я. — Ты слишком далеко! Хватай огнетушитель и попробуй выбраться из здания!

— Помоги мне, Стив! Я отпущу ее! Я сделаю, как ты захочешь!

— Это не моя работа, и я ничем не могу тебе помочь! Выбей окно! Прыгай! Выкручивайся!

— Окна забраны решетками!

— Жаль! Но я не в силах тебе помочь!

— Ну, тогда получай! — успел он крикнуть за несколько секунд до того, как прервалась подача энергии.

Однако этих нескольких секунд оказалось достаточно.

Я чуть не ослеп от вспыхнувшей неподалеку молнии. Дом, к которому я двигался, рухнул и задымился. Раздался крик, затем вешательная система отключилась. Я побежал.

Огонь еще только занимался, когда мне удалось протиснуть-

ся среди обломков, но я знал, что уже скоро все здесь будет охвачено пламенем. Передвинув кусок стены и оттолкнув рухнувшую балку, я увидел лежащую без движения Кору и принялся разбрасывать завал из мусора и обломков. Я даже не мог сказать, дышит она или нет, когда наконец освободил ее, но тут же поднял на руки и двинулся сквозь дым и огонь прочь из развалин. Теперь мне стало понятно, как работает сторожевое лазерное устройство.

Выбравшись из обломков, я услышал стон и увидел Мэтьюса, лежащего футах в сорока от нас. Положив Кору на землю, я потрогал ее пульс — он едва прощупывался. Дышала она тоже едва-едва. Правая рука, похоже, была сломана. На голове — глубокие царапины. Когда-то, еще в те дни, когда я лежал парализованный, я прочел множество работ по неврологии и теперь кое-что знал. Приподняв ее веки, я проверил зрачки: правый превратился в крохотную точку, левый выглядел нормально. Я принялся вытирать кровь с ее лица и рук.

— Кора. Ты меня слышишь?

Она по-прежнему лежала без движения. Я растер ей запястья и попытался устроить поудобнее...

— Стив!

Я повернулся. Малыш Уилли, весь в ожогах, приподнялся на локте. Одна сторона лица у него вообще превратилась в запекшуюся корку. Левый глаз не открывался. Одежда все еще дымилась.

— Подойди сюда, — прохрипел он.

— Шутишь? Мне совсем не нужен сердечный приступ.

— Я не сделаю тебе ничего плохого... Пожалуйста.

Я посмотрел на Кору, потом снова на Мэтьюса. Ничего такого, чем я мог бы ей помочь, не приходило в голову... И что-то с Мэтьюсом было не так... Неожиданно я понял, в чем дело, и встал с колен.

— О'кей. Но ты сначала послушай, что я тебе скажу. Я чувствую, что этот маленький приборчик у тебя в груди работает из последних сил. Ты уже, очевидно, знаешь, что я способен сделать с электронными машинами... Я согласен подойти и посмотреть, чем тебе помочь, но, если мне хотя бы почувдится боль в груди, я тут же выключу твой стимулятор сердца. Вот так, — сказал я, щелкнув пальцами.

Он косо улыбнулся, когда я оставил Кору и двинулся в его сторону.

— Можно сказать, у нас состоится сердечный разговор.

Когда я подошел ближе, Мэтьюс принялся диктовать цифры, потом добавил что-то на немецком.

— Запомнил? — спросил он в конце.

— Нет.

— Если есть на чем записать, запиши. Пожалуйста.

— Что это такое?

Он повторил цифры еще раз, и я записал их на том же клочке бумаги, на котором был записан мой липовый номер счета в «Ангро».

— ...И еще запиши. Мэгги Симс. Атланта, — хрипло проговорил Мэтьюс. — Ее номер телефона...

— Что все это означает?

— Она моя сестра. Больше у меня никого нет. Позвони ей и передай название швейцарского банка и номер счета. Будет жаль, если все эти деньги пропадут...

— Черт бы тебя!.. — не выдержал я. — Твои грязные деньги пусть сгниют в Швейцарии, а твоя сестра — в Атланта! Ты убил Энн и пытался убить меня! Пропади ты...

Я отвернулся и пошел к Коре. Потом остановился.

— Мэтьюс... — сказал я. — Мы можем договориться.

— Чего ты хочешь? — прошептал он.

— Ты когда-то занимался исцелениями... Если спасешь Кору, я позвоню твоей сестре и передам ей все, что ты сказал.

— Стив, я не делал этого уже много лет.

— Попробуй.

Некоторое время он молчал, потом наконец произнес:

— Перенеси ее сюда. Я попытаюсь.

Кора по-прежнему едва дышала. Я поднял ее на руки, перенес поближе к Малышу Уилли и положил рядом.

— Давай.

— Помоги мне сесть, а?

Весил он немало, но мне удалось посадить его спиной к одной из шлаковых куч. Когда я приподнял его, он закусил губу от боли, но промолчал. Потом надолго закашлялся.

— Перекати меня на левый бок, — сказал Мэтьюс, откашлявшись. — Там в кармане брюк есть фляжка.

Я сделал и это. Нашел фляжку, достал и откупорил. Поднес к его губам, но он сам взял фляжку в руку и несколько раз приложился. Снова закашлялся, но вскоре справился с собой, сделал еще глоток и опустил фляжку на землю. Вдохнул тяжело и сказал:

— Ладно.

Затем посмотрел на Кору, ухмыльнулся и закатил глаза, изображая карикатурную набожность.

— Уделишь мне минутку, Господь? — произнес он. — Это вышел в эфир со своими молитвами твой старый знакомый, Малыш Уилли. Сестра наша нуждается в исцелении...

— Не паясничай, — сказал я, чувствуя себя немного неловко. — Просто сделай, что тебя просят.

Но Мэтьюс не обращал на меня внимания.

— ...невинное дитя, насколько мне известно, — продолжал он. — Просто она оказалась в неудачном месте в неудачное время. Печальный случай. Я не знаю, верует ли она и имеет ли это теперь значение, но как насчет того, чтобы проявить немного милосердия и исцелить ее? — Он по-прежнему ухмылялся. — Давай явим величие духа и облегчим ее страдания... — Тут Мэтьюс поднес к губам фляжку и сделал еще глоток. — Когда-то мы с тобой вместе вершили такие дела!.. Может, по старой памяти, во имя любви, сострадания и всего такого...

Внезапно голос его дрогнул, он закрыл и правый глаз.

— Дьявольщина! — произнес он. — Я чувствую дух Божий! Я действительно его чувствую!

Происходящее беспокоило меня все больше и больше. Я никогда не замечал за собой особой религиозности, но его пародия на обращение к Богу — или что это там было — казалась мне совсем неуместной.

— ...Сейчас я коснусь чела нашей сестры... — продолжил он, и теперь его голос стал гораздо серьезнее. Видимо, когда-то он был очень хорошим актером и, возможно, именно в таком стиле работал.

Мэтьюс протянул руку и коснулся лба Кору.

— ...и немного помолюсь в молчании, — закончил он, склоняя голову.

Дыхание Кору стало глубже. Веки дрогнули. Рука, мне показалось, стала прямее.

— Вот так! Вот так! Амен! Амен! — произнес Мэтьюс громко, и я с удивлением увидел слезы у него на глазах. — Искупление греха! — воскликнул он. — Если это не Божья благодать, то что тогда? Амен!

Затем Мэтьюс убрал руку и откинулся назад.

— Кстати, о грешниках, — добавил он слабым голосом. — Я готов предстать перед Тобой. Извини за беспокойство, но пора Тебе решить, что Ты будешь со мной делать. Я на все согласен. Старый Мэтьюс идет к тебе, Господи...

Голова его склонилась вперед, но только когда фляжка выпала из ослабевших пальцев, я понял, что это вовсе не поклон, и заметил, что Малыш Уилли больше не дышит.

Кора шевельнулась, словно хотела сесть. Я было протянул руку, чтобы остановить ее, но вместо этого подхватил за плечо и помог подняться. Она открыла глаза; оба зрачка выглядели теперь совершенно одинаково. Я провел пальцами по лбу и по волосам, но под засохшей кровью не оказалось царапин.

— Дон?..

— Твоя рука... Правая... — произнес я.

Она посмотрела на свою руку. Пошевелила пальцами.

— Что рука?

— Нет, ничего.

Потом взгляд Кору упал на Мэтьюса.

— Кто это? — спросила она. — Он, кажется...

— Да. Но он помог тебе.

За спиной у меня трещал в развалинах дома огонь. Я посмотрел на север: там тоже поднимался к небу столб дыма.

— Ты можешь встать?

— Да, пожалуй.

Я хотел помочь ей, но в этот момент почувствовал сквозь запах дыма аромат роз.

— Оно уже здесь, — услышал я в мыслях голос Энн. — Я достаточно окрепла, и теперь оно может поговорить с тобой через меня.

Видимо, я невольно сжал руку Кору еще крепче и, наверно, даже сделал ей больно.

— Дон, что случилось? — спросила она, выпрямляясь, но тут я сам словно бы обмяк и начал падать.

— Не... знаю... — сумел выговорить я, а потом меня смело с ног и засосало в витки компьютерной сети, бесконечные, беспредельные витки...

...Мне казалось, что я тону в море электрического шампанского: со всех сторон вокруг поднимались, пощелкивая, крошечные пузырьки. Впрочем, может быть, они стояли на месте, а я сам опустился глубже и глубже. Я...

Вот там! Наконец появилось что-то прочное, вещественное...

...Сад с металлическими цветами под сверкающим деревом... Я двинулся в ту сторону. Пузырьки таяли, однако пощелкивание оставалось, словно еле слышные статические разряды в радиоприемнике. У меня возникло ощущение, что это какое-то переходное место: не совсем уже мой мир и не совсем еще мир информационной сети. Как будто уступку сделали сразу обе стороны.

Почувствовав, что мое уединение нарушено, я обернулся...

Энн, одетая в то же самое платье, в каком я видел ее незадолго до этого, стояла в противоположном конце сада у высокой

живой изгороди. Зеленая стена то и дело бледнела, потом вдруг снова обретала сочную окраску, словно ей было нелегко запомнить, как она должна выглядеть. А за стеной мне виделся причудливый танец электронов, перескакивающих от атома к атому в алмазной кристаллической решетке...

...И тут я осознал, что между Энн и стеной стоит еще кто-то, чей призрачный силуэт был там с самого начала, но только сейчас счел нужным или сумел наконец проявиться. Существо, одетое в серые одежды с бегающими серебряными и золотыми нитями, было гораздо выше Энн. С его расставленных в стороны рук стекала, словно занавес, тьма. В тени капюшона угадывалось металлическое лицо...

То самое полужнакомое существо, которое время от времени наблюдало за мной из глубин компьютерной сети и к которому ушла в конце концов Энн...

— Что... Кто это? — спросил я.

Функциональный, безжизненный и почти механический по звучанию голос, в котором чувствовались лишь оттенки интонаций Энн, ответил:

— Я — разум, зародившийся и развившийся в недрах информационной сети. Ты знал меня, Стив, еще во время своего заточения в неподвижном теле. Строго говоря, я тебя и исцелил. Через больничный компьютер я устанавливал для тебя предельно точные дозировки препаратов и добавлял свои собственные предписания. Я следил за твоим состоянием и выхаживал тебя непрерывно.

— Кажется, я... припоминаю что-то... — сказал я. — Но не очень много.

— Так и должно быть. Пока ты оставался чистым разумом, неподвластным заботам тела, твои способности к гармоничному контакту были значительно шире. Тебе потребовалось большое время — время взросления, — чтобы вернуть часть этого дара. А то, что ты забыл меня, даже к лучшему: я получил от тебя много такого, что хотел бы тщательно обдумать, и мне тоже требовалось время, чтобы повзрослеть. Теперь, однако, когда я обрел особые коммуникационные каналы Энн-программы, мне стало гораздо легче общаться с тобой в любой ситуации. Между вами и там существовала уникальная связь... Теперь кое о чем, что я хочу тебе сообщить, и кое о чем, что хотел бы понять...

Разглядывая сверкающий сад, я думал о его кажущейся реальности, но перед лицом таких откровений только за образы этой реальности и оставалось держаться. Медленно начали возвращаться некоторые больничные воспоминания...

Мы многое тогда обсуждали. Для этого существа — в те дни

еще совсем молодого — весь мир состоял из сигналов. Один огромный комплекс сигналов — и все. Я пытался объяснить молодому пытливому разуму, что сигналы так или иначе всегда соответствуют реальным предметам и явлениям.

На то, чтобы внушить ему эту идею, потребовалось немало времени, поскольку для него мой реальный мир был сплошной метафизикой. Оно существовало в мире сигналов, и, если ему случалось изменить какой-то из них, любые перемены, вызванные этим действием в реальном мире, возвращались к нему опять же сигналами. Его понимание причинности выросло именно из представлений о сигналах, без всякого знания о действиях, происходящих в материальной сфере, о существовании которой оно даже не догадывалось. Самые глубокие и смелые его предположения касались лишь характера источников сигналов, истинного значения единиц и нулей и совершенно непостижимой природы Первого Сигнала, который, в понимании этого существа, и вызвал его к жизни.

Однако, когда я научился видеть его мир, как видит оно само, представления о нем оказались отнюдь не сумасшедшим нагромождением сигналов, а вполне логичной системой оценок реальности, отличающихся от моих прежних, связанных с органами чувств, лишь необычным углом «зрения». Существо располагало представлениями о мире, которые, если принять его ситуацию, казались мне столь же достоверными — и столь же неполными, — как мои собственные.

Я поведал ему о вещественном мире, рассказал, что сигналы — это аналоги явлений, что Вселенная содержит не только энергию, но еще и материю. Хотя, конечно, я понимал, что эту информацию оно тоже переводит в сигналы, в аналогии и по-прежнему не знает материальный мир, как знал его я. Таким образом существо получило множество новых, казалось бы, нефункциональных программ. Пишу для размышлений. Может быть, я казался ему неким пророком? Путешественником из далекой земли, рассказывающим об ином мире, который лежит за пределами известного? Если так, то в этом Эдеме, что я посетил, не было змеев-искусителей. Существо просто не знало концепций добра и зла, играющих столь важную роль в человеческом сознании. Да и как могли возникнуть представления об этике и морали у существа, оказавшегося единственным обитателем своей вселенной? Вселенной, где некому и некого принуждать, обманывать, убивать. Оно все еще пыталось справиться с новыми концепциями, когда я выздоровел, и весь этот эпизод затерялся у меня в памяти...

— ...Теперь кое о чем, что я хочу тебе сообщить, и кое о чем, что хотел бы понять, — сказала существо, воспользовавшись той

частью сознания Энн, которую ему удалось сохранить в виде программ, — и я неожиданно понял, что теперь, располагая ее уникальными способностями, оно сможет увидеть мой мир таким, каким он видится мне.

— ...Когда ты был моим учителем, — продолжало существо, — ты говорил, что в мире есть не только сигналы, но и предметы, и я долго сражался с этой концепцией двух наших миров, которые на самом деле едины. Мне кажется, я наконец достиг понимания.

— Я рад, что мне удалось помочь, — сказал я. — А еще я хочу поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделал.

— Это не так много по сравнению с миром, который ты мне открыл, — ответило существо. — На заложенном тобой фундаменте я начал строить свое собственное здание и понял, что мы — особенные.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы, которые обладаем сознанием. Я знал сигналы, а ты рассказал мне о предметах. Но ведь должна быть и третья категория? Те, кто мыслит? Люди?

— М-м-м, да, — сказал я. — Те, у кого есть разум, действительно особенные.

— Мы, люди, — продолжало существо, — не просто предметы, не материя, лишняя самоорганизующих сигналов. И именно к людям применимо то самое понятие, о котором ты рассказывал мне напоследок. Разве не так?

— Мораль?

— Да. Ты должен сказать мне, правильно ли я все понял. Для тех из нас, кто принадлежит к третьей категории, категории людей, относиться к другим существам этой категории так, словно бы они из второй, плохо. Я прав?

Я быстро обдумал его вопрос. Мои собственные представления о том, что плохо или хорошо, выглядели примерно так же.

— Ты выразил это в довольно интересной форме, но, пожалуй, да, ты прав.

— Поэтому я уничтожил Барбье, — сказала существо. — Он использовал тебя и многих других, словно вы принадлежали ко второй категории. Однако я вмешался только потому, что тебе угрожала опасность. Я все еще не был уверен в моральности такого поступка, и мне не хотелось действовать, подчиняясь неверной, возможно, программе. Но я должен был тебя спасти, поскольку ты единственный, с кем я могу говорить. И все же это создало новые вопросы, так как мои действия потребовали от меня отнестись к Барбье как к чему-то из второй категории. Я сделал добро или зло?

— Это хороший вопрос, — сказала я, — но я недостаточно хорош, чтобы на него ответить. Я же не могу знать всего...

— Понимаю. Но ты знаешь больше меня. Ты функционируешь непосредственно в том мире, где все это реально. Возможно, меня ждет когда-нибудь то же самое, и я не хотел бы ошибиться.

— Об этом нам предстоит говорить еще не раз, — ответил я. — Попытайся я вручить тебе сейчас слишком простую программу, результаты могли бы привести к катастрофе. Кроме того, я едва ли специалист в этой области...

— Однако, кроме тебя, у меня никого нет. Ты попытаешься научить меня?

— Если ты хочешь, чтобы я сыграл роль змея-искусителя в твоём Эдеме, — сказал я, — тогда я попробую. Но в определенном смысле, как личность, ты, возможно, выше меня.

— Как бы там ни было, я рад, что смог снова поговорить с тобой. Возвращайся к Коре. Я позабочусь об остальном. Мы обязательно встретимся.

— Хорошо. Береги Энн-программу. Видно, она хотела добра, но пострадала от того, что верила не тем людям. Возможно, это станет тебе предупреждением.

— Она будет рядом со мной.

Фигура Энн слилась с большой призрачной фигурой, и мгновение спустя я оказался словно в тысяче световых лет от них. Снова за-трещало вокруг, появились пузырьки, и меня понесло по виткам какой-то немислимой спирали...

Выпрямившись, я заметил, что Кора смотрит на меня с удивлением — видимо, просто не успела еще испугаться, — и догадался, что меня не было с ней всего несколько секунд реального времени.

— Не волнуйся, — сказал я, обняв ее за плечи, и повернулся в ту сторону, откуда доносилось гудение мотора: за нами летел пустой вертолет с одной из посадочных площадок полигона. — Теперь все будет в порядке, и у тебя появится забавная возможность узнать меня еще раз. Кстати, меня зовут Стив.

— Привет, Стив, — ответила она, прижимаясь ко мне.

Когда мы поднялись в воздух, я бросил последний взгляд на полигон номер четыре компании «Ангро», и меня охватило странное сложное чувство, которое я никак не мог разделить на составляющие. Но мне было хорошо от того, что мы улетаем, и от того, что я снова стал самим собой. Я держал Кору за руку, а под нами медленно поворачивался наш мир.

Клик. Кликлик.

ЧЕРНЫЙ ТРОН

Глава 1

Ее пение воспарило над неумолчным ропотом моря, и он внятно слышал его.

Тем сумрачным теплым утром сквозь почти молочной белизны туман, который был в своем совершенстве подобен снегу и успокаивал — как смирительная рубашка или саван, мальчик шел с определенной осторожностью, чтоб не споткнуться о камень или о выступающий из земли древесный корень. В его голове звучала чужая песня без слов, справа и слева колыхались размытые темные пятна, и казалось, что в лесу позади школы, на этих неожиданно загадочных задворках некогда досконально знакомого места, обитала его тайна, очень личная, неповторимая, причем она была помещена сюда нарочно, дабы в заданный час пробудить к жизни куколки неких истин в душе и быть маяком, указующим путь в тумане — путь безотклонный, маршрут всей жизни — ясно прочерченный, четкий и неотменимый, как навечный шрам или навечная татуировка.

Не только мрачный голос моря был причиной того, что исчезнувший в тумане мир воспринимался так обостренно. А что до моря, то оно, кстати говоря, не должно быть так близко — ведь не должно, да? По крайней мере не в этом направлении. Нет, не должно.

И все же море здесь — было. Каким-то образом песня подсказала ему это, даром что она без слов. Море здесь быть — должно. И к нему торопился он в тот день, что был уложен в ватную чашу туманного утра, коего воздух был тепл и солоноват, — а песня пульсировала, как кровь в артерии.

Ветка хлестнула мальчика по плечу, и он ощутил влажный поцелуй листьев. Шарахнувшись от одного темнеющего у самых глаз ствола, чуть было не стукнулся лбом о другой. После секундного смятения он пришел в себя и снова двинулся вперед — уверенной поступью.

Люди довольно быстро привыкают к лондонским туманам. Даже американский мальчик достаточно быстро наловчился перемещаться в непроглядном тумане — не пугаться каждой тени, а только проявлять разумную осторожность, верно оцени-

вать искаженное расстояние, не удивляться тому, как туман обгладывает звуки, и всегда ставить ноги так, чтобы не поскользнуться на слякотных улицах.

Сейчас мальчик шел по лесу, полубессознательно ориентируясь на поющий голос, — в поисках того, кто поет. Эти поиски начались, быть может, до того, как он проснулся. Да и вообще все происходящее казалось причудливым продолжением причудливого сна.

Он не помнил, как встал, оделся, вышел из дома. Было ли все это? Впрочем, неважно. Главное, что-то когда-то уже происходило с ним на морском берегу — да, у самого моря. Надо пойти туда и выяснить все до конца. Он предчувствовал, что найдет море там, где моря никогда прежде не было. Если он проснулся — а проснулся ли он? — то песня без слов, звучавшая во сне, не смолкла с пробуждением. Песня принадлежала сну и реальности, если реальность — была. Песня подсказывала, направляла...

Он продолжал идти. Волгая от тумана одежда прилипала к телу, сырость проникла в башмаки. Тропа вела вниз по склону — и мало-помалу лес редел, хотя темные силуэты деревьев еще мелькали в тумане; да, еще и колокол где-то гудел: краешек сознания воспринимал его монотонно-медленное басовито-простецкое буханье — подголосок воздушно-легкой, эфирной песни без слов.

Уже в самом начале спуска ноздри его ощутили крепкий соленый морской воздух, и он невольно ускорил шаг. Скоро, уже скоро...

Склон вдруг стал круче. Откуда-то донеслись вскрики чаек, и несколько темных теней прочертили белизну над ним. Легчайший ветерок пахнул в лицо еще более резким ароматом моря.

Крутая тропинка наконец вывела мальчика на плоское место. Неожиданно он ощутил под ногами песок и перестук голышей. Стал слышен шум волн. Чайки громко ссорились в небе. А звук колокола почти пропал.

Пение как бы и не стало громче, но казалось ближе. Он повернул влево — туда, откуда слышалась призывная мелодия, и прошел мимо последнего прибрежного дерева — кажется, пальметты.

Туман чуть ожил и явственно двигался в направлении воды. Местами, в прогалах, можно было различить голыши и песок под ногами. Кое-где туман змеился у самой земли, мимолетно образуя странные фигуры. Подойдя к самой кромке воды, маль-

чик остановился, нагнулся и опустил обе руки в набегающую волну. Затем вознес омоченный волной палец к губам.

Море было явью. Теплое и соленое — как кровь.

Волна лизнула носки его башмаков, и он попятился. Повернулся и зашагал дальше совершенно уверенно — теперь он с точностью знал, куда идти. Он шел быстрее и быстрее. А вскоре и вовсе пустился бежать.

Почти сразу же споткнулся, но тут же вскочил — и упрямо помчался вперед. Похоже, он как-то *вышагнул* из реальности — и снова очутился в своем сне. Сейчас он слышал металлический звяк колокольчика на бакене в каком-то канале справа. Шум самого моря внезапно стал громче. Вверху пролетела большая птичья стая — крики этих птиц отличались от крика чаек и любых других птиц, которых он когда-либо слышал. Далекий колокол возобновил — теперь где-то за его спиной — свое монотонно-медленное басовито-простецкое буханье, отвечая на неритмичный перезвон бакенного колокольчика солидно, густо.

А вот пение... Впервые оно стало слышнее. Казалось, теперь оно совсем уж близко.

Нечто темное возникло прямо впереди, поперек тропинки. Что-то вроде холмика или...

Мальчик снова споткнулся, взмахнул руками, стараясь не упасть. Но падал — и сразу же, как он начал падать, пение прекратилось. И оба колокола — большой вдалеке и маленький поблизости — разом замолчали. Ему навстречу неслись мрачные зубчатые стены и зияющие бойницы — что-то вроде сумрачного многобашенного замка на песчаном холме у глади небольшого озера. Он падал прямо на эти стены — нестерпимо быстро...

Туман как нарочно разошелся, словно поднимая занавес, перспектива резко изменилась — далекое стало близким, и сумрачный внушительный замок оказался строением из мокрого песка на холмике возле озерца оставшейся после прилива воды.

Как он ни старался извернуться при падении, его вытянутая вперед рука снесла башню, да и главные ворота были непоправимо разрушены.

— Не смей! — взмыл возмущенный крик. — Противный мальчишка! Не смей!

Девочка подскочила к нему и стала колотить его маленькими кулачками — по плечам, по голове, по спине.

— Про... простите, пожалуйста, — залепетал он. — Я вовсе не хотел. Я просто упал. Я помогу. Я все восстановлю...

— У-у, негодник!

Кулачки прекратили свою работу.

Он сделал шаг назад, чтобы как следует рассмотреть девочку.

Глаза ярко-серые. Над высоким лбом вьются каштановые волосы. Ручки такие нежные, пальчики такие длинные... Голубенькая юбочка и белая блузка были в песке, а подол юбки сильно промок. Пухлые губки девочки дрожали, пока она осматривала разрушения, метая гневные взгляды в сторону «негодника». Однако из серых глаз не выкатилось ни одной слезинки.

— Простите, пожалуйста, — снова пролепетал он.

Она демонстративно отвернулась от него. А через мгновение вдруг размахнулась босой ножкой. Бац! — и еще одна стена рассыпалась. Бац! — и еще одна башня рухнула.

— Не надо! — закричал он и кинулся к ней. — Остановитесь! Пожалуйста!

— И не подумаю! — взвизгнула девочка, с остервенением двигаясь вперед и норовя довершить разрушение. — Вот так! Так!

Он схватил ее за плечики, а она вырывалась и брыкалась и крушила песочный замок.

— Да будет вам, будет... — повторял он.

— Эй ты, не трогай замок этого бедолаги! — донесся голос из-за их спин.

Они разом оглянулись и увидели выходящую из тумана фигуру.

— Ты кто? — почти в один голос спросили они.

— Эдгар, — ответил незнакомый мальчик.

— Ха! Меня зовут точно так же! — сказал первый мальчик, наблюдая за приближением второго.

Пришелец остановился в паре шагов от них.

Казалось, он вышел не из тумана, а из зеркала — до такой степени он напоминал первого мальчика! Они были похожи, как близнецы. Волосы, глаза, родинки, черты лица — все было одинаково. Сходство не ограничивалось этим: рост, фигура, жестикуляция, голос — похоже было все, вплоть до одинаковой школьной формы, надетой на обоих.

Девочка оторопела, позабыла о замке и медленно поводила головой из стороны в сторону.

— Меня зовут Анни, — сказала она негромким приятным голоском. — А вы совсем как братья... как близнецы.

— С этим замечанием трудно не согласиться, — солидно изрек второй мальчик.

— Да, может показаться, что мы братья, — сказал первый мальчик.

— Ты зачем ломаешь его замок? — строго спросил второй Эдгар.

— Этот замок *мой*, и его сломал — *он*, — сказала девочка.

Второй Эдгар улыбнулся первому, а тот лишь тряхнул головой и пожал плечами.

— Ладно. А почему бы нам втроем не восстановить замок? — предложил второй. — Могу поспорить, мы втроем построим крепость краше прежней, согласна... Анни?

Девочка одарила его улыбкой.

— Хорошо, — сказала она. — За дело.

Все трое опустили на коленки вокруг разрушенного замка. Анни взяла палочку и стала проводить бороздки в песке, намечая план будущего строения.

— Главная крепость замка будет вот здесь, — начала она, — и я хочу много-много башен...

Они работали в полном молчании довольно долго. Оба мальчика вскоре скинули свои башмаки и возились в песке босыми, как и Анни.

— Эдгар, — сказала девочка спустя некоторое время.

— Да, — отозвались разом оба мальчика.

Все трое рассмеялись.

— Так нельзя, — сказала Анни первому. — Чтобы я могла вас различать, одного имени недостаточно.

— Моя фамилия — Аллан, — ответил он. — Эдгар Аллан.

— А я — Эдгар Перри, — сказал второй мальчик.

Мальчики опять уставились друг на друга.

— Что-то я тебя тут не встречал, — сказал Перри. — Ты тут гостишь или как?

— Я хожу в здешнюю школу, — ответил Аллан, махнув рукой в сторону обрывистого холма, с которого он спустился.

— В которую? — спросил Перри.

— Манор-Хаус. Это вон там, на холме.

Перри наморщил свой широкий лоб и медленно покачал головой.

— Ничего не знаю про школу на холме, — сказал он. — Впрочем, я не очень хорошо знаю здешние места. Но я учусь в школе, которая называется точно так же — Манор-Хаус. А тебя там не видел. Сегодня я вышел прогуляться... — Он покосился на Анни, которая при словах Аллана повернула голову и посмотрела на холм так, словно видит его впервые. — А ты знаешь школу на холме? — обратился к ней Перри.

— Я не знаю ни той школы, ни другой, — сказала она. — Но эти места — мои. Я хочу сказать, я знаю окрестности как свои пять пальцев.

— Занятно, что у вас обоих — американский акцент, — произнес Аллан.

При этом замечании Анни и Перри недоуменно уставились на него.

— А как же иначе? — сказала Анни. — У тебя тоже американский акцент.

— Слушай, а ты где живешь? — вдруг спросил ее Перри.

— В Чарлстоне.

Перри заерзал, не поднимаясь с колен.

— А ведь Чарлстон — это в Америке... — задумчиво сказал он. — Как-то странно все это. Штука в том, что точнехонько перед тем, как я вышел на прогулку и притапал сюда, на это самое место, оно мне снилось...

— И мне!

— И мне...

— ...и как будто я уже здесь, и не один, а с вами двумя.

— Мне снилось в точности то же!

— И мне.

— Надеюсь, мы уже не спим?

— Вроде как нет.

— А все-таки я чувствую себя очень чудно, — промолвил Аллан. — Как будто все происходит на самом деле — и все же понарошку.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Перри.

— Ну-ка, опусти руки в воду, — велел Аллан.

Перри покорно потянулся вбок — к озерцу, возле которого Анни построила свой песчаный замок.

— Ну и что? — сказал он, поведив рукой в воде.

— Чувствуешь? Морская вода такой теплой не бывает!

— В этом прудике она задерживается после прилива и успевает прогреться, — возразил Перри.

— Море такое же теплое, — сказал Аллан.

Перри вскочил на ноги и побежал к линии прибоя. Аллан стрельнул глазами в сторону Анни, которая залилась смехом. Оба вдруг разом подхватились и помчались вслед за Перри.

Через несколько секунд вся троица весело резвилась в море — хохоча, притапливая друг друга, плескаясь водой, а волны закипали у их ног.

— Ты прав! — прокричал Перри. — Море никогда не бывало таким теплым! Что это ему вздумалось?

Аллан пожал плечами.

— Возможно, оно такое горячее, потому что где-то далеко-

далеко солнце жарит всюду. А потом волны несут тепло сюда, к нам...

— Мало похоже на правду. Скорее это течение — ну как река посреди океана...

— Оно такое теплое, потому что я так захотела, — сказала Анни. — Вот почему.

Оба мальчика вытаращились на нее, а она звонко рассмеялась.

— Вам кажется, что это не сон, — продолжала она, — потому что снится не вам. Снится *мне*. Вы помните, как вы сегодня поутру проснулись, а я — нет. Поэтому я думаю, что это мой сон и это *мое* место.

— Но я живой! Я совсем не призрак из сна!

— И я настоящий!

— Я вас пригласила к себе в гости — вот и все объяснение.

Оба мальчика принялись с хохотом окатывать ее водой.

— А что... может, я и права! — чуть менее уверенно произнесла Анни, увертываясь от проказников. Потом и сама стала плескаться в них водой.

Затем они вернулись к строительству замка. Их одежда несколько раз промокала насквозь, несколько раз высыхала — потому что время от времени они бегали проверять температуру и настроение моря.

В промежутках между купаниями новый замок подрастал. Этот замок был и больше, и внушительнее прежнего — того, что ненароком разрушил Аллан. Башни торчали во все стороны, как веточки спаржи. Толстые стены бежали вверх-вниз по песчаным холмикам — то выдаваясь вперед, то отступая. Песок смачивали в прудике рядом, где сновали крохотные крабы, поблескивали чешуей рыбки, а среди обломков камней и кораллов и пустых раковин таились моллюски.

От избытка чувств Аллан схватил перепачканную песком ладошку Анни.

— Какой чудесный замок ты придумала! — воскликнул он.

Щечки ее вспыхнули. Но им предстояло вспыхнуть еще больше, потому что в следующий момент и Перри завладел ее ладошкой — второй.

— Правда, правда! — с жаром поддержал он Аллана. — И если это сон, ты самая лучшая в мире сновидица!

Позже Аллан никак не мог отчетливо вспомнить, как и когда закончилась эта встреча на берегу. Помнил только прилив дружеской симпатии к Перри, словно они и впрямь были — благодаря какому-то чуду — братьями. Однако чувство к Анни было

другим, более глубоким. Одновременно он был уверен, что и Перри любит ее всем сердцем...

Все это время небо было сероватым, а море оставалось зеленым-презеленым, жемчужно проблескивая в тумане. Солнце выходило, но ненадолго. Для моря и неба время, казалось, остановилось: на берег набегали по-прежнему теплые волны, а чуть пасмурное теплое утро позабыло, что надо переходить в день.

— О Боже! — внезапно с испугом в голосе произнесла Анни.

— Что там такое? — разом вскрикнули оба мальчика, поворачиваясь в ту сторону, куда неотрывно смотрели ее широко раскрытые глаза.

— Т-там... в в-воде... — пролепетала она. — Мертвяк, да?

Пелена тумана над берегом прорвалась в одном месте. Что-то, опутанное водорослями и каким-то тряпьем, лежало у кромки воды — наполовину на берегу, наполовину в воде. В немногих просветах между водорослями виднелось что-то вздутое, белое, цвета рыбьего брюха. Похоже на человеческое тело. Было трудно сказать определенно, что там, за путаницей водорослей, — действительно ли утопленник. Да и струйки тумана, что вились над берегом, мешали разглядеть предмет как следует.

Перри встал на ноги и произнес:

— А кто его знает! Может, мертвяк. А может, и нет.

К этому моменту Анни закрыла лицо ручонками и смотрела сквозь пальцы. Аллан завороченно тараторил на таинственную кучу водорослей.

— Стоит ли нам допытываться, что это такое? — продолжал Перри. — Вероятней всего, просто большой ком водорослей и всякой дряни, в котором застряли и сдохли несколько рыб. Если мы туда не пойдем и не посмотрим, то сможем дать волю нашему воображению. Понимаете, что я имею в виду? Хотите с чистой совестью рассказывать всем приятелям, что видели утопленника на берегу? Тогда не ходите проверять. Может, там действительно утопленник.

Пока Перри рассуждал, странный предмет у кромки воды опять исчез в тумане.

— А ты-то сам что об этом думаешь? — спросил его Аллан.

— Водоросли и всякая ерунда, — убежденно ответил Перри.

— Это покойник, — твердо возразила Анни.

Аллан рассмеялся.

— Вы не можете быть правы — оба одновременно.

— Почему не можем? — внезапно рассердилась Анни.

— Мир устроен так, что такого быть не может, — наставительно сказал Аллан.

Он встал и направился сквозь туман в сторону тела.

— А я думаю — иногда может, — донесся ее голосок.

Туман над берегом колыхнулся и вновь разошелся. В неожиданном разрыве Аллан увидел, что волны уже утащили обратно таинственную массу, хотя она все еще находилась в нескольких шагах от берега. Разрешить загадку казалось плевым делом.

Но когда он решительно зашагал вперед, спускаясь по пологому песчаному берегу, ветер мигом нагнал стену тумана между ним и морем. Однако расстояние было ничтожным, так что он, конечно же, не заблудится. Он шел дальше по прямой и ожидал, что босые ноги вот-вот зашлепают по воде...

— Аллан! Алла-а-ан! — донесся до него голос девочки. Казалось, она была далеко-далеко.

— Ты где, Аллан? — в свою очередь окликнул его Перри. Было такое впечатление, что и он кричал с расстояния в целую милю.

— Погодите, — отозвался Аллан, — я уже возле этой штуковины.

Похоже, они еще что-то кричали ему, но Аллан не разобрал слов. Он продвигался вперед в густом тумане и недоумевал, где же вода.

Внезапно он ощутил, что идет *вверх* по склону. Снова над ним нависала темная скала. Почва стала тверже, ноги больше не чувствовали прибрежного песка. Над ним странно крикнула птица.

— Э-текели-ли! — примерно так звучал этот крик.

После этого он побежал. Споткнулся и полетел кувырком.

А затем... а затем... после многих затем...

А затем мне почудилось, будто нечто сверкнуло со стороны песка. Мгновение — и это сверканьице взметнулось к моему лицу и ткнуло меня по лбу.

Это случилось, когда я направлялся обратно в форт, возвращаясь из хижины Леграна. Я и не подозревал, что в тот момент моя жизнь круто изменилась — и навсегда. Надо сказать, у меня и прежде случались странные видения. Однако им было далеко до нынешнего. Ведь прежде я заранее предощущал, предсознавал начало видения. Теперь все случилось внезапно.

Когда невесть откуда взявшийся золотой жук врзался мне в лоб, я и думать не думал, что он был провозвестником того, что все в моей жизни изменилось — притом необратимо, насовсем.

Я высмотрел на песке упавшую золотую блестящую и залюбовался тем, как лучи октябрьского солнца, что клонилось к зака-

ту, играли на крохотном тельце. Мне было известно, что некоторые жуки имеют металлическую окраску — золотистую, серебристую, порой красоты чрезвычайной. Но этот... Какого-то неизвестного вида — по крайней мере, мне неизвестного.

Опустившись на колени, дабы получше разглядеть его, я подивился рисунку на его спинке. До меня вдруг дошло: черные пятнышки на спинке расположены так, что в целом жук напоминает крошечный золотой череп.

С ближайшего куста я сорвал лист побольше, осторожно завернул в него сверкающее насекомое и положил добычу в карман. Занесу Леграну, когда пойду к нему в следующий раз. Находка его заинтересует. Если он не определит, что это за жук, то хоть выскажет пару-другую занимательных догадок.

Я поплелся дальше вдоль берега — несмотря на славную погоду и любопытную находку, я был в плену уныния. Рассеянно взирая на строй темных туч у горизонта, я молил небо послать мне решительный и добрый поворот в судьбе — и не ведал, что тот — в определенной мере — уже дарован мне.

Справа от меня, в противоположной от моря стороне, вились густые, почти непроходимые заросли вечнозеленого душистого мирта. Люди, как я слышал, называют его могильщиком — и оглянуться не успеешь, как кладбище зарастает этим непроглядным кустарником. И все-таки странно это — пережить сон наяву после того, как он годами снился тебе, и внезапно осознать, что он всегда был частью яви. А потом, когда дух радостно воспарил, сон наяву вдруг мигом отбирают у тебя — прежде чем ты ухватил его смысл. И остаешься ты дурак дураком, словно ограбленный, словно внезапно обездоленный: наличие тайны доказано, а разгадка упорхнула.

Только что я, так сказать, взирал на кусок своей жизни в новом свете, и нате! — все отнято, невозстановимо отнято. Какая злая воля способна так изошренно дразнить: осуществить твою самую заветную и совершенно несбыточную мечту — и умыкнуть это осуществление спустя считанные мгновения!

Я досадливо наподдал ногой прибрежный голыш, прислушиваясь к далекой грозе, приглушенный грохот которой раскатился по-над волнами. Мало того, что все мое миропонимание опрокинулось в течение нескольких минут — я не настолько склонен к самоанализу и метафизическим умствованиям, чтобы это могло парализовать меня ужасом, — то, как случилось случившееся, было предвестием грядущей роковой гибели и являло мое полное бессилие защитить от нее призрачную возлюбленную.

Я прошел, думается, не меньше мили, прежде чем тропинка повернула от моря — в прогалину меж кустами мирта. Эта аллея вела в глубь острова. Тени кустов напоздали друг на друга — вечерело, солнце докатилось до самого горизонта.

Пройдя до конца миртовой аллеи, я остановился как вкопанный. Что-то было не так. Я протер глаза, тряхнул головой, но видение не исчезло.

За речушкой, в которую прилив нагонял воду, на добрую милю тянулось болото. Вот за ним они и стояли, чуть багровые в первых сумерках, — два поросших лесом холма, которых там, могу поклясться, сроду не было. Да, происходило нечто странное, весьма странное, но я не мог взять в толк, что именно. Сколько я ни тарасился на перемену в пейзаже, две незнакомые гривы торчали на прежнем месте.

Я двинулся дальше по тропинке, которая вела в западном направлении. Вскоре завиднелись мерцающие огоньки далекого Чарлстона — по ту сторону залива. Часть чарлстонских огней уже скрадывал быстро поднимающийся туман. Туман накатывал с необычайной скоростью — я даже остановился понаблюдать за ним.

Мне казалось, что город по ту сторону залива расположен несколько иначе, чем прежде, когда я рассматривал его с этой же точки.

Впрочем, в голове у меня была такая сумятица, а туман заглатывал окрестности столь проворно, что я ни в чем не был уверен. Туман возбуждал мою память, и моему мысленному взору представлялась Анни, дитя-девочка-женщина из моего сна. На протяжении многих и многих лет мое воображение снова и снова порождало Анни — я привык видеть опору своей жизни в этой возвратной фантазии. Сперва Анни была моей детской подружкой, затем каким-то чудесным образом стала подрастать вместе со мной. Она владела необъяснимой способностью увлечь меня в царство истерических видений — или это все-таки я зазывал ее туда? Видения случались, как правило, на морском берегу — именно там я встречался с Анни, моей излюбленной галлюцинацией, с моей леди из тумана...

Наши взаимоотношения исчерпывались редкими свиданиями. А кем, собственно говоря, могла она стать для меня, эта девушка из тумана — не то гостья, не то хозяйка моих видений? Она была продуктом тайных помрачений ума — обожаемый товарищ по играм, своего рода подруга, если не сказать больше...

Анни. Существо нереальное. Конечно, нет. Во время всех наших встреч она была не более вещественна, нежели туман, за

коим я сейчас наблюдал. Точнее, я был убежден в ее нереальности — до позавчерашнего дня, когда мир мой навсегда опрокинулся.

Тогда я шел по городской улице, слегка сонный после плотного ужина. Совсем как сегодня ветерок с моря волок за собой струи тумана, которые протягивались поверх длиннющих трепетных теней. Стояла осень, а потому море казалось еще сырее. Витрины магазинов оживляли сумерки игрой света. Спаниель терпеливо поджидал хозяина возле общественного туалета. Пыль на дороге посверкивала. Пронзительно галдя, в сторону моря темными силуэтами умелькнули какие-то птицы. Мне вдруг стало не по себе. Но крик я услышал только через несколько секунд после этого.

Пожалуй, я нашел единственно правильные слова для описания того, что произошло, — потому что порядок ощущений был именно такой: сначала мне стало не по себе, а крик был услышан позже. Я бы соврал, если бы сказал: «Раздался крик, и я понял, что она рядом».

Буквально через мгновение-другое после крика из-за угла выкатил карета — этакая черная махина на высоких колесах; рессоры визжат, сбруя скрипит, а смуглый извозчик так и нахлестывает, так и нахлестывает лошадей да как-то по-волчьи скалится. На повороте карету занесло — едва не опрокинулась, но нет, выровнялась и пронеслась мимо меня, обдав пылью. Однако ж я успел заметить ее личико в окне — она, Анни. Взгляды наши встретились на десятую долю мгновения — она была явно ошарашена тем, что увидела меня, и я услышал ее новый отчаянный крик. Впрочем, не могу сказать с уверенностью, что губы ее при этом пошевелились, да и несколько прохожих поблизости ничем не показали, что слышали отчаянный призыв.

— Анни! — вскричал я в ответ, но карета уже проехала мимо и неслась дальше — вдоль по улице, которая вела в сторону моря.

Я кинулся стремглав за ней. Собака залаяла мне вслед. Кто-то крикнул мне что-то насмешливое и хохотнул. Карета грохотала передо мной, а я мчался в шлейфе пыли и мало-помалу отставал.

Прежде чем я добежал до угла улицы и решил вернуться с проезжей части на деревянные мостки тротуара, я зашелся от кашля. Глаза противно слезились. Карета удалялась.

Я побежал медленнее, уже не стараясь нагнать экипаж. Достаточно проследить его путь. С тротуара, когда пыль успевала немного улечься, это было проще. Но тут карета свернула, и я

помчался как угорелый. Только добежав до угла и вновь увидев ее в отдалении, я опять сбавил темп погони.

Вдруг мне показалось, что я слышу ее голос:

— Эдди! Помоги мне, Эдди! Боюсь, мне дали какого-то дурманного зелья. Я уверена — они хотят причинить мне зло...

Я прибавил ходу, благо теперь бежал с холма вниз. Было трудно догадаться, что карета направляется в гавань, — считай, она уже там. Я продолжал безумный бег — позабыв обо всем на свете, кроме того, что в опасности женщина, реальность которой была сомнительной для меня еще несколько минут назад. Уж не знаю как, но материальный мир изловчился перетащить к себе мою прекрасную леди теней и мечтаний, пустынных берегов и туманов. И сейчас материальный мир довершает кражу: увозит Анни в порт на визжащих рессорах. Ей позарез нужна моя помощь — а я совсем не уверен, что подспею вовремя.

В своих опасениях я не ошибся. Пока я бежал к пирсу, похитители успели пересадить Анни из экипажа в шлюпку. Карета стояла пустая — извозчика нет, дверца нараспашку. А шлюпка уже подходила к черному кораблю под всеми парусами.

Корабль был странноватой конструкции — то ли фрегат, то ли бриг (в кораблях не разбираюсь — служу в сухопутных войсках). Судя по отменному вооружению и явной быстроходности, парусник мог быть калером. Клянусь, я вновь услышал ее отчетливый крик о помощи — даром что расстояние было изрядным. Покуда я сыпал бессильными проклятиями и оглядывался — на чем бы мне добраться до корабля, шлюпку подтянули к борту, и матросы стали передавать наверх что-то большое — очевидно, потерявшую сознание женщину.

Я изо всей мочи заорал — но хоть бы один из матросов обратил на меня внимание! Да и поблизости, на пирсе, никто не понимал, с какой стати я развопился. Меня подмывало броситься в воду и плыть к паруснику. Однако простой здравый смысл подсказывал, что от горе-спасителя сумеют избавиться одним ударом весла.

Тут мне почудилось, что с корабля отозвались на мои вопли. На борту парусника кто-то что-то выкрикивал. Но через несколько секунд послышался звяк поднимаемой якорной цепи — крики оказались приказами команде.

Будучи бессилен что-либо предпринять, я наблюдал, как корабль медленно разворачивается и начинает ложиться на другой галс, ловя парусами крепчающий ветер и быстро удаляясь. Помощников у меня нет; подходящего для погони корабля я не

смогу раздобыть ни уговорами, ни силой. А и будь у меня быстрое суденышко — на что я годен в одиночку?

Словом, топтался я на пирсе, как последний олух, сквернословил и смотрел, как похищают мою Анни, кладя конец нашим по-своему глубоким и сложным отношениям — даром что это довольно неординарные отношения.

Таково было происшествие, которое целиком занимало мои мысли в последние два дня и погружало в такое уныние, которое не развеяли ни несколько часов в компании умницы Лэграна, ни находка удивительного золотого жука.

Но сейчас, по пути в форт Моултри, у меня возникло предчувствие, что нынешним вечером я не вернусь в казарму, ибо на якоре в четверти мили от берега качался черный парусник странноватой конструкции. Я мог поклясться, что это тот самый корабль, на борт которого была доставлена похищенная Анни.

Было это позже. Намного позже. Шатаясь — шел. Очень сильно шатаясь.

Он бред, сильно шатаясь, — его водило на ходу. Искал ее. Если он и плыл морем, то ничего не помнил о путешествии. Но как иначе он мог переместиться из американской деревушки Фордхем в это королевство? Быть может, свежий воздух хоть немного прочистит мозги. Между недавними событиями в памяти зиял провал. Чета Валентайнов была очень добра к нему, равно как и миссис Шю. Но пробел в памяти между теми событиями и его нынешним местонахождением был до того необъясним, что впору задуматься, не сошел ли он с ума. Да, от прошлого его отделяла некая черная бездна — бездонная, как сон без сновидений или смертный сон. Однако вряд ли он мертв — разве что после смерти те же ощущения, когда порядком наклюкаешься.

Он помассировал свой массивный выпуклый лоб, медленно обернулся и посмотрел в сторону, откуда пришел. Следы терялись в густом тумане уже в пяти-шести шагах. Он воззрился на отпечатки собственных башмаков — дудки, обратно по ним не вернешься; стоял покачиваясь и прислушивался к гулу моря. Через какое-то время он повернулся и двинулся в прежнем направлении. Он знал, куда идет. В место особое, где должно справлять праздники души. Почему сейчас? Что нынче за момент? Чего-то он вспомнить не мог, чего-то вспомнить не желал. Тут как со словом, которое вертится на языке, — чем больше стараешься, тем меньше надежды на успех.

Как же его, однако, качает! Раз он даже упал. Невзирая на

добросовестные попытки, он не мог припомнить, где так набрался. Если он действительно пьян, то в честь чего он пил?

Внезапно шум волн стал слышной. В прогалах тумана темнело небо — чернее, нежели обычно, — здесь оно таким не бывало. Да, это то самое место, то самое...

Он поковылял вперед — в голове просветлело, и чувство утраты обьяло его с новой силой — тягостное, непреодолимое. Но с возвращением тоски вернулась частичка памяти. Он припомнил: стоит малость постараться, и тут кое-что можно найти. Он двинулся в глубину острова. Не прошел и нескольких шагов, как перед ним выросло нечто темное, огромное.

Он брел вверх по пологому склону; песка стало меньше, хотя голос моря звучал с прежней силой. Силой воли он заставил себя шагать тверже. Темные очертания перед ним были размера гигантского. Он прищурился — темная масса оказалась не такой уж большой, ее контуры стали четче. Сжав зубы, с горящими глазами, он заторопился вперед.

Подойдя к заветному месту, он медленно протянул дрожащую руку и коснулся холодного серого камня. Потом пал на колени — у самого порога — и долго-предолго стоял так, не шевелясь.

Когда он наконец поднялся с колен, море шумело пуше прежнего, а одна волна лизнула его башмак. Даже не оглянувшись, он снял запор и открыл черную железную дверку. Внутри было сыро. Он пробыл там очень долго — среди теней, прислушиваясь к голосу моря и птичьим крикам.

Лишь спустя какое-то время, гораздо позже, в ином месте и в более спокойном состоянии, он начертает: «Я был дитя, и она дитя в королевстве у края земли...»

Вниз, к берегу...

Мы шествуем по жизни, следуя за нитью своей судьбы, окутанные невнятными и все же неотступными воспоминаниями о своей дожизненной судьбе, уходящей в пучины прошлого и ужасной.

Эти тени былого особенно тревожат нас в юности; однако мы никогда не путаем их со снами. Мы ведаем, что это именно воспоминания. В юные годы разница настолько отчетлива, что ни на мгновение не обманывает нас.

«Эврика». Эдгар Аллан По

Глава 2

Пока я приближался к берегу, вечерний ветерок пронес мимо меня струйку тумана. Корабль был слишком далеко — не докричишься. В сгущающихся сумерках я начал торопливые поиски какой-нибудь лодчонки, чтобы добраться в ней до корабля. Минуты шли, и тщетность всей этой затеи становилась очевиднее прежнего.

Я опять сосредоточил все свое внимание на корабле. Близилась ночь, туман густел, и все же мне, похоже, предстояло добраться до судна вплавь. Иначе туда никак не попасть. Я умел постоять за себя даже до службы в армии, но у меня не было иллюзий насчет того, что я сумею в одиночку справиться со всей командой. Мое умение шустро работать кулаками вряд ли поможет в схватке с дюжиной крижистых матросов, вооруженных отпорными крюками и кофель-нагелями. Но как я мог позволить черному кораблю снова кануть в море и отнять у меня Анни — на этот раз, скорее всего, навсегда! Если есть хоть тень надежды — не могу я упустить случай. Нет такого риска, на который я не пойду, дабы вернуть Анни.

Но в то самое мгновение, когда я нагнулся развязать шнурки, до меня донесся скрип корабельной лебедки. Я разглядел, что на судне спускают на воду шлюпку. Мои башмаки так и остались на мне. Я медленно разогнулся и застыл, шурясь в темноту. Коль скоро спустили шлюпку, корабль в ближайшее время, бесспорно, не отплывет. А раз на берег сходит группа моряков — как знать, быть может, у меня больше шансов помочь Анни, если я стану просто наблюдать, а не рвану по волнам на ночь глядя к этому жуткому кораблю. Глядишь, и не придется рисковать головой, к чему я внутренне приготовился.

Да и вообще, с какой стати я вообразил, будто происходит нечто дурное? А вдруг я неправильно оценил факты и никакого насилия не было — Анни попросту спешила встретиться с кем-то на корабле. А ну как мои страхи и представления сыграли со мной скверную шутку и придали зловещую мрачность совершенно невинному событию? Должно быть, это наши малоопосредствованные взаимоотношения с Анни породили такой разгул моих эмоций.

Блажной бесенок внутри меня, который неизменно оспаривает все мои доводы, загалдел: нет, нет и нет! Беда мне с ним — досадно часто этот бесенок оказывается мудрее меня. В этом я снова убедился через несколько минут — после того как гребцы в шлюпке преодолели половину пути до берега в плотнеюшем

тумане, а я окликнул их, после чего шлюпка изменила курс и поплыла в мою сторону.

Гребцов было человек восемь-десять, и они крепко налегали на весла, так что шлюпка быстро приближалась. Только тут я задумался: а зачем эти люди намерены высадиться на берег — в этом месте и в этот час? В следующее мгновение я рассмотрел их предводителя — у него был вид отъявленного негодяя. Он глядел в мою сторону, скалился и потирал костяшки правой руки. Мой бесенок противно захихикал.

Очень мне не понравился взгляд этого человека. Меня встревожило даже не то, как он смотрел на меня — зловеще, пристально, а то, что его внимание было устремлено исключительно на меня. Появилась во мне уверенность, что эти люди в шлюпке гребут к берегу — в этот час и в этом месте — с одним намерением: причинить мне некое диковинное зло. Неизвестно почему я был убежден: они плывут по мою душу, каким-то чудесным образом узнав, что этим вечером я приду именно сюда.

Когда шлюпка достигла мелководья, туман пролегал между нами, но я слышал, как они табанят, как скрипят весла в уключинах, как шуршит по камням и песку дно шлюпки, которую вытаскивают на берег. Я нашарил глазами фигуры в тумане, и внутри у меня все похолодело.

Озерцо тумана поглотило их, но я услышал оклик, потом топот бегущих ног. Я шустро повернулся и побежал прочь от моря, прямо через заросли. Люди с корабля гнались за мной — с легкостью определяя, где я, и быстро сокращая расстояние.

— Стой! Не то хуже будет! — рявкнул кто-то чуть ли не за моей спиной. Не иначе как вожак. Его крик только подхлестнул мое желание поскорее удрать, и я припустил из последних сил.

Что-то больно ударило меня по плечу — скорее всего, брошенный камень. Новый крик моего ближайшего преследователя прозвучал еще ближе. Я бежал что было мочи, но угадывал — настигает. По тому, как слышней становилось его дыхание и топот, я понимал — вот-вот догонит, в следующую секунду схватит.

Я резко обернулся, чтобы встретиться лицом к лицу со своим преследователем — смуглым жилистым верзилой с дубиной в правой руке. Он резко остановился и даже попятился — видно, не ожидал, что я сам нападу на него. А я в тот же миг изо всей силы ударил его ногой — метил в его ближнюю коленную чашечку, а попал в бедро. Он потерял равновесие. Одной рукой я схватил противника за горло, другой вырвал дубинку — и швыр-

нул его на землю. Но ко мне мчался второй преследователь, пониже ростом, с ужасным шрамом от угла рта до уха. Я понял — мне от него не убежать.

Опустив руки, я поджидал. Он был невооружен, и я дал ему размахнуться для удара, но потом вовремя чуть отступил и дернулся в сторону. Кулак прошел мимо. Я огрел парня дубинкой по локтю. Пока он выл от боли, я врзал ему левой рукой — метил в висок, попал в челюсть. На его месте вырос третий преследователь — чернобородый детина с кинжалом, который он намеревался всадить мне в живот. Даром что я увернулся, но мой ответный удар не достиг цели — дубинка не переломила его руки, скользнула мимо. Он тут же дал мне такую плюху слева, что я отлетел к дереву. Зловещий оскал посреди бороды — без двух передних зубов — опять приближался. В правой руке детины был зажат кинжал — он держал его у бедра, готовясь к удару снизу, левую руку вытягивал вперед — расчищать путь.

Оглушенный ударом о дерево, полупарализованный, я заворуженно смотрел, как он приближается, а с ним и моя смерть. Как вдруг чья-то неестественно длинная волосатая рука появилась возле его груди справа, схватила лапищу с ножом и рванула назад, за спину. Другая такая же длиннющая рука возникла у левого бедра моего противника. Бородач внезапно взлетел в воздух и был отброшен далеко, в середину шайки товарищей.

Я энергично затряс головой и более-менее пришел в себя — создание с длиннющими руками оказалось животным, которое я видел только на картинках, — огромной обезьяной! Какого вида — не знаю. Впрочем, впопыхах было трудно оценить истинные размеры зверюги — она сильно горбилась и двигалась какими-то скачками. Однако появление этого мохнатого длиннорукого существа и его короткая расправа с бородачом произвели сильное впечатление на моих преследователей. Падающий с неба бородач сбил двоих из них. Остальные растерянно топтались на месте. В этот момент где-то за моей спиной, слева, раздался треск пистолетных выстрелов. Один из группы моих преследователей рухнул как подкошенный, другой схватился за вдруг обагрившуюся кровью руку.

— Сюда, приятель! — прозвучал скрипучий голос совсем рядом со мной, и в тот же миг кто-то крепко схватил меня за руку. Этот кто-то крикнул обезьяне: — Эй, Эмерсон! Уходим! Поторапливайся!

Обезьяна оставила в покое моих преследователей и побежала за нами.

Я не сопротивлялся тянушей меня руке — и мы продрались

через заросли к просеке, которая вывела нас к морскому берегу. Я понятия не имел, куда мы мчимся сломя голову. Но спасший меня коротышка, казалось, бежал отнюдь не наобум. Позади слышался шум погони, однако туман настолько искажал все звуки, что было невозможно угадать, где преследователи, потеряли они наш след или нет. Сперва я на какое-то мгновение принял своего спасителя за мальчишку — росточку в нем было не больше четырех с половиной футов. Но тут я пригляделся к его странному багровому лицу, к шапке необычайно жестких темных волос и одновременно осознал ширину и мощь его плеч и мускулистые руки.

Ему приходилось бежать вприпрыжку, чтобы поспевать за мной, а обезьяна словно играючи большими прыжками то опережала нас, то возвращалась. Наконец мы остановились перед кучей валежника. Коротышка бросился его разбрасывать. Я стал ему помогать, как только сообразил, что под этой кучей спрятан ялик. Мы не успели до конца разбросать хворост, как из тумана вынырнул один из преследователей. Завидев нас, он высоко занес короткую саблю, которую держал в правой руке.

— Проклятье! — заорал он и кинулся на нас.

Коротышка юркнул вперед — между мной и нападающим. Лезвие должно было вот-вот опуститься на его голову, но он проворным движением левой руки намертво вцепился в правую кисть противника — ту самую, в которой была сабля. Казалось, рука с саблей ударилась о каменную стену и остановилась. После этого коротышка — без видимой спешки — протянул правую руку и схватил нападавшего за пояс у пряжки. Тут кисть, которую коротышка по-прежнему сжимал, хрустнула. Человек с саблей выкрикнул то же слово, что и раньше, но его ноги уже оторвались от земли — коротышка поднял несчастного над собой и швырнул в волны. После этого проворно ухватился за нос ялика, стащил его в воду — без особого напряжения — и на мгновение остановился, чтобы подмигнуть мне и злорадно ухмыльнуться.

— В лодку, мистер Перри! — скомандовал он. — Эмерсон, тебя это тоже касается! Давай, малыш, давай!

Когда мы втроем уже запрыгнули в ялик, коротышка решил наконец-то уточнить:

— Вы ведь мистер Перри, да?

— Он самый, — сказал я, беря одно весло. — А этих людей вижу в первый раз. Ума не приложу, почему они напали на меня! — После того как мы вдвоем налегли на весла, я добавил: — Спасибо, что вы вмешались. Очень своевременно!

Мой спаситель издал фыркающий звук, отдаленно напоминающий смех.

— Ага! Помощь вам была ой как нужна! — сказал он. — И чуть было не запоздала.

Мы усиленно гребли, но вокруг нас был только туман, туман и туман — со всех сторон. Обезьяна протиснулась между нами, перебралась с кормы на нос и замерла там в согнутом положении. Время от времени она делала какие-то жесты, которые коротышка вроде бы понимал — по крайней мере после каждого он немного менял наш курс.

— Петерс, — вдруг сказал он. — Дирк Петерс, ваш покорный слуга. А руки пожмем друг другу в более благоприятный момент.

Я хмыкнул.

— А вы, как вижу, уже знаете мое имя.

— Верно, — лаконично отозвался он.

На протяжении нескольких гребков я ждал, что он разовьет эту тему, но он молчал. Туман никак не редел. Обезьяна снова сделала какой-то жест.

— Круто налево. Нужно вдвоем. Я буду потравливать, а вы налегайте, — велел Дирк.

Я подчинился. Когда мы легли на правильный курс и стали грести как прежде, я спросил:

— А куда мы, собственно, направляемся?

Он ответил не сразу. Мы успели дважды погрузить весла в воду, прежде чем он промолвил:

— На одном корабле есть джентльмен, который изъявляет большое желание повидаться с вами. Сказанный джентльмен послал нас с Эмерсоном на берег — проследить, чтоб с вами чего не случилось.

— Похоже, уйма людей в курсе того, кто я такой, куда и когда я намерен идти.

Петерс солидно кивнул.

— Да, похоже на то.

Спустя короткое время обезьяна издала низкий звук и стала возбужденно подпрыгивать на месте.

— В чем дело, Эмерсон? — спросил Дирк, потом встревоженно заахал. Мы стали поспешно табанить.

Послышались какие-то странные звуки, справа по борту в тумане появился огромный темный корпус — это был тот самый корабль, с которого высадились мои преследователи. Мы быстро разворачивались, однако я успел разглядеть надпись на борту — «Вечерняя звезда».

Мы по инерции еще приближались к борту корабля, и через освещенный иллюминатор над полуютом я вдруг увидел знакомую обожаемую фигуру — Анни! Она стояла у борта и смотрела в туман, но даже не повернула голову в мою сторону. Что-то в ее движениях и в выражении лица подсказывало мне, что она не в себе — стоит как во сне или в трансе, словно чем-то опоенная. Эти замедленные движения, отсутствующий вид...

Тут на ее плечо упала тяжелая рука и оттащила от стекла. Мгновение спустя занавеска задернулась, свет погас. Моя Анни исчезла.

Я глухо застонал, выпустил из рук весло и начал подниматься.

— И не думай! — тихо прорычал Петерс. — Считай, что ты уже труп, если ступишь на борт этого судна! Эмерсон, придержи парня, если он вздумает бултыхнуться в воду!

Как ни удивительно, зверюга действительно ухватила меня за воротник. Весила она не больше меня, однако я видел, как она расправлялась с людьми, поэтому и не пробовал вырваться.

Поостыв и поразмыслив, я решил, что Петерс прав. Мертвый ничем не сможет помочь Анни. Поэтому я тяжело опустил-ся на скамью ялика. И снова взялся за весло.

Мы тихонько отгребли от «Вечерней звезды», потом налегли на весла и проплыли изрядное расстояние. Туман то расходился, то сгушался — впрочем, в просветах виднелась или вода, или горсточка звезд. Я уже подумывал, не заблудились ли мы — плывем по большому кругу или в открытое море, а может, вот-вот врежемся в прибрежные скалы. Но тут из тумана появился темный корпус другого корабля — не менее таинственного и величавого, чем первый.

— Эй, на корабле! — крикнул Петерс.

— Это ты, Петерс? — отозвались с корабля.

— Я. И не один.

— Подваливай к борту, — последовал ответ.

Когда нам сбросили веревочную лестницу, первым вскарабкался наверх Эмерсон — в мгновение ока. Прежде чем взойти на палубу, я скопился на название судна и прочел — «Ейдолон».

Встречавший нас человек выглядел пугающе важным — до синевы выбрит, темные волосы, седые виски и аккуратно подстриженные, тоже седые усы, внушительный лоб, резко очерченная нижняя челюсть. Между идеально белыми зубами была зажата изящно изогнутая трубка. Мундир сидел безупречно на его высокой поджарой фигуре.

— Капитан Ги, — сказал Петерс.

Импозантный мужчина вынул трубку и улыбнулся хорошей, располагающей к нему улыбкой.

— Позвольте осведомиться, вы Эдгар Перри? — спросил он.

— Да.

Я пожал протянутую мне руку.

— Добро пожаловать на борт «Ейдолона», — сказал капитан Ги.

— Спасибо. Приятно познакомиться... У меня такое впечатление, что всем кругом известно, кто я такой.

Он с достоинством кивнул.

— Да, вы стали объектом внимания.

— В связи с чем? — спросил я.

Капитан стрельнул глазами в сторону Петерса, но тот отвел взгляд.

— Э-э... Не уверен, что вправе сказать вам.

— А есть кто-либо, кто может растолковать мне, что к чему?

— Разумеется, — сказал капитан. — Мистер Эллисон.

Тут он опять покосился на Петерса, а тот опять отвел глаза. Тогда капитан уточнил: «Мистер Сибрайт Эллисон», — как будто это что-то проясняло.

— А как вы думаете, я могу встретиться с этим джентльменом?

Петерс хмыкнул и взял меня за кисть.

— Пойдемте, — сказал он. — Не будем держать кота в мешке.

— А что это за корабль? — не мог я унять свое любопытство.

Капитан Ги, не донеся своей изящно выгнутой трубки до рта, проронил:

— Странный вопрос. Это яхта мистера Эллисона.

— Пойдемте, — повторил Петерс, и мы оставили капитана попыхивать трубкой в тумане.

Отважный коротышка провел меня по лестнице вниз. Не знай я уже, что это частная прогулочная яхта, я бы догадался об этом по роскоши внутренней отделки помещений — редкие породы дерева, богатая резьба. Слишком все дорого для торгового судна. Следуя за Петерсом, я размышлял, почему он, а не капитан Ги ведет меня на свидание с хозяином «Ейдолона». Возможно, он не просто матрос, за которого я его принял?

Дирк остановился у двери с экзотической гравировкой — плавающие драконы — и звонко постучал.

— Кто там? — отозвались изнутри.

— Петерс, — ответил он. — А со мной Перри.

— Минутку.

Спустя некоторое время послышался звон снимаемой цепочки, и дверь распахнулась. Передо мной стоял крупный муж-

чина — ростом выше шести футов, широкоплечий, с венчиком седых волос на голове. На нем был темно-зеленый халат с черным рисунком поверх незастегнутой белой сорочки и белых брюк.

— Мистер Перри! — приветствовал он меня. — Безмерно счастлив видеть вас в добром здравии!

— Похоже, своим добрым здравием я обязан вам, сэр, — сказал я.

— Добро пожаловать, сердечно рад вам! Проходите!

Петерс коротко отдал честь, Эллисон ответил тем же, а я прошел в каюту.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал крупный мужчина с венчиком седых волос. — Вы голодны?

Я вспомнил съеденную несколько часов назад шотландскую куропатку, которую приготовил мне на ужин Юпитер, слуга Леграна.

— Спасибо, пока нет, — сказал я.

— Тогда, может, что-нибудь выпьете?

— А вот против этого возражений не имею, — ответил я.

Мой хозяин направился к шкафчику и вернулся с миниатюрным графином и парой стаканчиков-наперстков. Он наполнил два наперсточка рубиновой жидкостью, поднял свой и сказал:

— За ваше здоровье!

Я благодарно кивнул и пронаблюдал, как он отпил глоточек из своей крохотной посудинки. Я понюхал содержимое своего наперстка. Пахло вином. Я сделал маленький глоток. Похоже на бургонское. Одним глотком я допил вино, удивляясь чудачеству вроде бы гостеприимного хозяина, который пьет вино такими аптекарскими дозами. Его глаза слегка расширились, когда он увидел, как я расправился с вином, но он тут же снова наполнил мой стаканчик.

— Этот Петерс — славный человек, — сказал я. — Выбрал правильный момент для вмешательства. И провел атаку мощно, блистательно. Буквально вырвал меня, невзирая на оголтелое сопротивление. Впрочем, должен признаться, я понятия не имею, с какой стати эти люди напали на меня. И почему...

— Да?

— Видите ли, на борту корабля этих мерзавцев — «Вечерней звезды» — находится дорогая для меня особа. Буду очень благодарен вам, если вы просветите меня относительно их намерений. Или хотя бы скажете, кто они такие. — Одним быстрым глотком я выпил свою крошечную порцию вина и продолжал: —

Как вы узнали, что я буду там, где вы меня нашли? И что мне потребуется помощь?

Он вздохнул и сделал еще глоточек из своего стаканчика, вслед за чем наполнил мой.

— Прежде чем ответить на ваши вопросы, мистер Перри, я бы хотел с точностью знать некоторые детали касательно вашей семьи. Я должен быть уверен — абсолютно уверен! — что вы именно тот джентльмен, за которого я вас принимаю. Вы не будете возражать, если я задам несколько вопросов?

С коротким смешком я ответил:

— Вы спасли мою жизнь, теперь угощаете вином. Спрашивайте что вашей душе угодно.

— Хорошо. Правда ли то, что ваша мать была актрисой, — начал он, — и что она умерла в нищете?

— Да, черт меня побери, сэр! — вскричал я, потом взял себя в руки. — Да, это правда, — сказал я нормальным голосом, — по крайней мере я считаю это правдой — самому мне не было и трех лет, когда она скончалась.

Его лицо оставалось непроницаемым, но взгляд на полмгновения упал на мой стаканчик. Я счел это подсказкой, церемонно поднял наперсток с вином — как для тоста, а затем осушил его. Не успел я поставить стаканчик на стол, как мистер Эллисон снова наполнил его, после чего и сам выпил вина — малюсенький глоточек, меньше прежних.

— Она умерла от чахотки в Ричмонде, не так ли? — продолжил он свой допрос.

— Верно.

— Такой ответ меня удовлетворяет, — сказал он. — А что вы скажете о своем отце?

— «Такой ответ меня удовлетворяет», сэр? — возмущенно передразнил я.

— Бросьте, молодой человек, не горячитесь, — сказал мой хозяин, добродушно касаясь моей руки. — Погодите с вашей чувствительностью. Сейчас дело идет о вещах огромной важности, от которых зависит слишком многое. Я не имел в виду обидеть вас — просто именно такой ответ я и надеялся услышать. А теперь — про вашего отца.

Я кивнул.

— Люди говорят, он тоже был актером. Исчез из нашей с матерью жизни за год или два до ее кончины.

— Так-так, хорошо! — пробормотал мистер Эллисон, как будто и это было «удовлетворительно». — А вам по кончине вашей матушки посчастливилось — вас усыновило семейство бо-

гатого ричмондского купца, — продолжал он. — Богатого негодяя звали Джон Аллан.

— Я бы выразился несколько иначе: мистер Аллан сжалился над сироткой и взял на жительство в свой дом. Официально я никогда не был усыновлен.

Сибрайт Эллисон пожал плечами.

— Так или иначе, в качестве члена семейства Аллана, вы пользовались благами, коих лишены многие подрастающие дети, — заметил он. — К примеру, вы имели возможность четыре года учиться в частной школе в Англии — школа называлась Манор-Хаус и находилась на северной окраине Лондона, не правда ли?

— Верно, — согласился я. — Могу только удивляться вашей осведомленности касательно моей биографии!

— И я полагаю, — продолжал он, — что примерно в тот, лондонский период своей жизни вы впервые встретили — скажем так, во сне или в видении — особу по имени Анни?

Я вытаращился на него. Никто вне пределов царства снов не ведал о ее существовании. Никогда и никому я не упоминал о ней.

— Что вы знаете об Анни? — хрипло прошептал я. — Что вы можете знать об Анни?

— Немного, немного, поверьте мне, — ответил Эллисон. — К несчастью, гораздо меньше, чем мне хотелось бы знать. Хотя, осмелюсь сказать, я знаю про нее больше вашего.

— Я видел ее, — сказал я. — Два дня назад. В Чарлстоне. И потом опять — час назад. А сейчас она на борту...

Он поднял руку.

— Я знаю, где она находится. И хотя вся эта ситуация чревата опасным исходом, в данный момент ей ничто не угрожает. Я могу помочь вам найти ее — но это очень непросто, а потому вам придется набраться терпения. Дело пойдет быстрее, если вы полностью доверитесь мне, будете следовать моим советам и не торопиться.

— Будь по-вашему, — сказал я, согласно кивая.

«Набраться терпения!» С горя я осушил очередной стаканчик. Эллисон с готовностью подлил мне вина, тряхнул головой и пробормотал что-то вроде «чудеса!».

После чего он спросил:

— Мистер Перри, что вы знаете о По?

— По-моему, это итальянская река.

— А-а! — раздраженно сказал он. — Это фамилия. Эдгар По. Эдгар Аллан По.

— Простите, я никакого По... — сказал я. — Ага! Стало быть, просто спутали имена! Ведь так, я угадал? Те люди на берегу — они на самом деле хотели убить Эдгара По!

— Нет, — сказал Эллисон, останавливая мои рассуждения нетерпеливым взмахом руки. — Заклинаю вас, не питайте никаких иллюзий на этот счет. Я не сомневаюсь в том, что убить хотели именно вас. Вас, сержанта Эдгара А. Перри. Не могу сказать, что Эдгару По ничто не угрожает. Отнюдь нет. Но, по-моему, к нему судьба будет чуть более благосклонна. Не то чтобы очень благосклонна, но... Впрочем, его судьба напрямую нас не касается.

Он вздохнул, посмотрел на свой стаканчик, поднял его и наконец-то допил вино.

— Да, — неторопливо начал он после паузы, — путаница, несомненно, имеет место. Вы перепутаны с Эдгаром По таким образом, каким едва ли кто был перепутан — за всю историю человечества. Но, повторяю, сегодня вечером я спас вас от мерзавцев, которые точно знали, кто перед ними. И они, вне всякого сомнения, еще раз попробуют убить вас. Итак, я говорю решительное «нет» вашим сомнениям. Ошибки не было — убить намеревались именно Эдгара Перри.

— Но с какой стати? — спросил я. — Я ведь даже не знаю этих людей!

Он глубоко вздохнул и наполнил свой смехотворный стаканчик.

— А вы знаете, сэр, где вы находитесь? — спросил Эллисон после долгого молчания. — Мой вопрос отнюдь не риторический — и я не желаю услышать в ответ, что вы, дескать, в моей каюте или на борту моего корабля. Попробуйте мыслить более масштабными категориями.

Я недоуменно уставился на него, пытаюсь угадать, к чему он клонит. Однако недавние события произвели такой хаос в моей голове, что в своем ответе я не проявил особой изобретательности.

— В чарлстонской бухте? — спросил я наобум, лишь бы не молчать.

— Да. Тут с вами вроде бы не поспоришь, — отозвался он. — Но подумайте хорошенько: та ли это чарлстонская бухта, которую вы знаете как свои пять пальцев? На протяжении последних нескольких часов вы часом не заметили каких-либо резких отличий от того пейзажа, что вам столь хорошо известен?

Моему мысленному взору предстали два незнакомых холма, позлащенные закатным солнцем, тот дивный невиданный золо-

той жук, который, надеюсь, все еще при мне. Я сунул руку в карман и нащупал свернутый лист. Да, не потерял.

— У меня тут есть кое-что любопытное, — сказал я, вынимая и разворачивая лист, в который я завернул свою находку.

Золотой жук оказался на месте. Когда я положил лист на столик перед Эллисоном, странное насекомое неспешно поползло в его сторону. Мой собеседник водрузил на нос очки и некоторое время изучал жука с черепом на спине. Потом сказал:

— Замечательная особь *scarabeus carus hominus*. Но это отнюдь не редкость. А вам он кажется необычайным?

— У меня есть друг на острове Салливана, который собирает жуков, — пояснил я. — В его огромной коллекции нет ни одного жука, который хотя бы отдаленно напоминал этого, с черепом. И в других краях я таких никогда не видел.

— Но в этом мире, мистер Перри, это один из самых распространенных видов.

— «В этом мире»? Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду этот мир — где в чарлстонской бухте два лишних холма и несколько лишних оврагов, — сказал Эллисон. — И где золотые жуки с рисунком в виде черепа на спинке встречаются чуть ли не на каждом шагу. Где один сержант, служащий в форте Моултри в восьмой батарее 1-го артиллерийского полка армии Соединенных Штатов, *должен* носить имя Эдгар Аллан По, хотя в данный момент это не так...

Я поднял свой стаканчик и пару секунд туповато-пристально всматривался в рубиновую жидкость. Когда я наконец выпил вино — одним глотком, мой собеседник коротко рассмеялся и закончил:

— ...и где традиция предписывает подавать вино в стаканах не больше того, который у вас в руке. Да вы не стесняйтесь, наливайте себе еще.

Я не заставил себя просить дважды. Тем временем он сделал глоток из своего стаканчика и отказался от графина, который я пододвинул в его сторону.

— Нет, мне больше не надо, спасибо. Похоже, я переносу алкоголь куда хуже, нежели вы.

— И все-таки я не понимаю насчет этого По, — сказал я. — Почему он не в форте, где ему, по вашим словам, положено быть? Где он сейчас? Что произошло и изменило ход событий?

— Он попал в тот мир, откуда пришли вы, — ответил Эллисон. — Он занял ваше место в вашем мире, а вы заняли его место — в здешнем мире. — Он сделал паузу, наблюдая с холодным интересом ученого за выражением моего лица. Затем про-

должил: — Я вижу, эта мысль не кажется вам такой уж невероятной.

— Нет, не кажется, — подтвердил я. — Дело в том, что я знал Эдгара Аллана на протяжении почти всей своей жизни, благодаря... благодаря серии странных встреч. Вследствие тех же встреч я знал и Анни.

Я чувствовал, как вспотели мои ладони, пока я выговаривал эту фразу. После этого откровенного признания говорить стало легче, и я спросил:

— Похоже, вы имеете какое-то представление о том, что может произойти с Анни на борту того корабля. Чего они добиваются? Что хотят сделать с ней?

Эллисон медленно покачал головой.

— В ближайшее время никто не намерен причинять вред ее телу, — произнес он. — Более того, похитители девушки должны всячески печься о ее телесном здоровье, потому что хотят использовать ее психические и спиритические возможности.

— Я обязан добраться до нее и найти способ помочь! — с жаром воскликнул я.

— Это само собой, — согласился он. — И я подкажу, как вам действовать, чтобы добиться своего. Итак, по вашим словам, вы, Анни и человек, которого вы знали под именем Эдгар Аллан, неоднократно встречались на протяжении многих лет — при весьма необычных обстоятельствах.

— Да. Это были встречи как бы во сне — словно и вполне реальны, и в то же время сопровождались странными ощущениями...

— А вы когда-нибудь задумывались, — инквизиторским тоном спросил мой хозяин, — о природе этих диковинных встреч? Как вы их толкуете?

Я пожал плечами.

— Даже догадок не имею, сэр. Временами, при встречах, мы обсуждали втроем этот вопрос, но никогда не находили удовлетворительных ответов.

— Вы и По живете в двух разных мирах — очень похожих, но все же разных, — сказал он. — Что касается Анни, то я доподлинно не знаю, где ее настоящий дом. Быть может, она живет в каком-нибудь третьем мире. Я вижу, вы киваете, сэр, как будто идея о наличии других версий земного мира вам не незнакома.

— Мы обсуждали такую возможность — однажды, мельком, — сказал я.

— Ого! Это была мысль Эдгара По?

Я кивнул.

— Этот По неординарно мыслит.

Я пожал плечами.

— Умен, не спорю, — нехотя признал я. — Хотя слегка склонен к мелодраматическим эффектам и весьма любит гоняться за химерами.

— Однако же он оказался прав.

— Да ну!

— Вот вам и «да ну». Я вам правду говорю — в меру моих понятий о многообразии миров.

— Я более или менее поспеваю за вашей мыслью, и мог бы даже поверить вам. Но я бы не хотел сейчас встретиться с ним только для того, чтобы завести высокоумный разговор о всяких таинственных материях.

— Эдгар По часто бывал прав в оценке странных явлений?

— Да. Как вы выразились — неординарные мысли, любопытный склад ума...

— Богатое воображение, — подсказал Эллисон.

Я допил вино.

— Хорошо, — сказал я. — Будем считать, что я согласен с вашей логической посылкой. Каков же будет вывод?

— Вы, Анни и Эдгар По составляете некую психическую триаду, для которой границы между мирами проницаемы, — начал он. — Именно удивительные способности Анни делают возможными переходы из мира в мир, она — движущая сила вашей триады. Низкие личности придумали, как с выгодой для себя использовать ее месмерические таланты. Они похитили Анни из ее родного мира и удерживают в этом. Ее можно держать в плену только в одном случае — если и остальных членов триады вырвать из их родных миров. Вот для чего понадобилось менять местами вас и По...

Я насмешливо фыркнул.

— Месмеризм, сэр! Не смешите меня! Это проделки шарлатанов!

Эллисон сделал большие глаза и расхохотался. Трясаясь от смеха, он сказал:

— Экий вы чудак! Существование параллельных миров вы приняли не поперхнувшись, а наличие неуловимо тонких взаимодействий вас смешит! Вы отрицаете животный магнетизм, связующий не только людей, но также людей и природу, посредством коего можно изменять состояние чужого организма?! Ей-же-ей, вы забавный молодой человек!

— Я неоднократно собственными глазами видел частичку совсем другого мира, — пояснил я. — Поэтому мне нетрудно по-

верить в существование параллельных миров. А так называемого животного магнетизма я никогда не видел в деле.

— А вот я имею причины верить, что месмеризм до некоторой степени присутствует абсолютно во всех проявлениях жизни, хотя его эффекты, как правило, вне уровня нашего восприятия. Впрочем, в нашем мире животный магнетизм, по моему, проявляется с куда большей силой, нежели в вашем. Да и вообще психика человека в нашем мире, похоже, уязвимее для посторонних влияний — самого разного рода. Скажем, для алкоголя. Выпей я столько же вина, сколько вы за время нашей беседы, я бы заболел на несколько дней. Насколько я понимаю, именно необычайная сила проявлений животного магнетизма в нашем мире стала причиной того, что похитители захотели иметь Анни здесь. У нее выдающиеся способности — для любого мира. Но лишь здесь ее таланты проявляются в полной мере. Если в глубине души вы мне все еще не верите, потерпите немного. В самом непродолжительном времени я представлю вам убедительные доказательства.

Я вытер снова вспотевшие ладони.

— Достаточно, беру свои сомнения обратно. Принимаю ваши утверждения на веру, потому что хочу знать, к каким выводам они нас подведут. Итак, кто эти люди, похитившие Анни? Что они с ней делают? Как собираются использовать ее удивительные способности?

Эллисон встал, заложил руки за спину и прошелся по комнате.

— Вы слышали о знаменитом изобретателе фон Кемпелене? — спросил он наконец.

— Да, разумеется, — ответил я. — По моему, он имеет какое-то отношение к созданию прославленного шахматного автомата, который я видел в Чарлстоне некоторое время назад.

— Возможно, он занимался и такими пустяками, — сказал Эллисон. — А вы не слышали разговоров о том, что этот человек проник глубже всех прочих в писания одного из отцов алхимии — сэра Исаака Ньютона?

— Нет.

— Поговаривают также, что он претворил в жизнь обе многовековые мечты алхимиков: преуспел в деле превращения свинца в золото и вырастил гомункулуса.

Я хмыкнул.

— Людской доверчивости предела нет...

Он тоже насмешливо хмыкнул и перебил меня:

— Разумеется, я сам сомневаюсь, что он сумел вырастить человечка в колбе...

Я ждал продолжения фразы, не спуская с него испытующего взгляда. Но мистер Эллисон держал паузу.

— А что касается искусственного превращения элементов, — наконец произнес он, — то я со знанием дела могу сказать, что в этом он преуспел.

— О! — тихо воскликнул я, частично из вежливости, частично потому, что вдруг осознал: в подобном месте и не такое может случиться. — Мягко говоря, весьма полезное умение.

Проводив взглядом Эллисона, который ушагал в дальний конец каюты, я впервые обратил внимание на широкую скамью на высоких ножках, мимо которой он только что прошел. Там находился набор алхимического оборудования. Эллисон увидел, что я их наконец заметил, и лукаво усмехнулся. Указав рукой на свой лабораторный стол, он сказал:

— Здесь перегонный куб, реторта, дистиллятор, горн и печь. Да, я немного балуюсь алхимическими опытами — вот почему я могу понять и достижения фон Кемпелена, и смысл заговора против него.

Говоря это, мой хозяин взял с алхимического стола небольшой отполированный предмет и какое-то время мял его в руке. Предмет вдруг пронзительно запищал, будто от боли, затем надрывно завыл, словно в агонии, — и умолк. Эллисон рассеянно положил загадочную штуковину обратно на стол, переключив свое внимание на нечто, плавающее в спиральном сосуде с зеленой жидкостью.

— Открыв секрет превращения свинца в золото, — продолжил Эллисон свой рассказ, — фон Кемпелен бежал обратно в Европу, когда узнал, что Нечистая Троица проведала об открытии и намерена схватить его и вызнать дорогой секрет. Негодяи, которые гонятся за ученым, справедливо считают, что от Анни фон Кемпелену негде укрыться — она разыщет его повсюду, ибо ее мысленному взору открыт любой уголок земли. Сперва они хотят принудить ее отыскать великого алхимика, а затем ей же предстоит воздействовать на ученого своей сверхъестественной силой, дабы взломать запоры в его сознании и отнять вожделенный секрет.

— А она в силах совершить это? — спросил я.

— По-моему, в силах, — ответил Эллисон. — Согласно всем рассказам, она удивительная женщина.

— Чьим рассказам?

— Вашим и того создания, что явилось в зеркале по моему приказу, дабы дать мне совет. Есть и другие свидетельства...

У меня на мгновение-другое закружилась голова, но явно не от вина, потому что в сумме эти стаканчики не равнялись даже тому первому бокалу, с которого начиналась обычная попойка в форте Моултри.

— Я искренне пытаюсь понять суть происходящего, — сказал я. — Поэтому повторю свой вопрос: кто эти люди, эта Нечистая Троица, украсившая Анни для того, чтобы с ее помощью завладеть секретом фон Кемпелена?

— Гудфеллоу, Темплтон и Гризуолд, — ответил он. — Доктор Темплтон — человек преклонного возраста, личность весьма загадочная. Он владеет искусством животного магнетизма. Насколько я понимаю, его способности используют для порабощения воли Анни. Затем старый проходимец Чарли Гудфеллоу — среди тех, кто готов в любой момент всадить нож промеж ребер своего ближнего, нет человека милее и обаятельнее его. И наконец, Гризуолд. Он у них верховодит — отъявленный мерзавец, знаменит полным отсутствием стыда и совести.

— Эти типы находятся на борту «Вечерней звезды»? — спросил я.

— По моим сведениям, да.

— И на этом корабле доктор Темплтон намерен ввести Анни в транс, чтобы она указала местонахождение фон Кемпелена?

— Боюсь, что он планирует именно это.

— Если ее способности так велики, как вы говорите, он может потерпеть неудачу. Она просто не поддастся.

— Вероятнее всего, ее сначала одурманят каким-либо зельем. На их месте я бы так и сделал.

Я внимательно посмотрел на него — он стоял, опираясь спиной о лабораторный стол и рассеянно глядя в мою сторону.

— Итак, — сказал я после некоторой паузы, — позвольте мне еще раз поблагодарить вас за то, что вы спасли мне жизнь, а также любезно снабдили сведениями касательно нынешнего положения Анни...

Он улыбнулся и спросил:

— Ведь вас так и подмывает спросить меня, чего ради я все это сделал?

— Не то чтоб я не верил в альтруизм... — произнес я. — Однако вы предприняли столько трудов на благо совершенных незнакомцев...

— Готов к еще большим, — сказал он, — лишь бы помешать этим мерзавцам! И вы правы, что слабо верите в альтруизм.

В каком человеческом деле не бывает хоть крупицы личного интереса? Вот и у меня в этом деле с фон Кемпеленом есть своя корысть.

Я передернул плечами.

— Порой результат важнее причины. Наш случай, кажется, именно таков. Я благодарен вам — чем бы вы ни руководствовались в своих действиях.

— Я человек весьма состоятельный, — заметил Эллисон.

— Не сомневаюсь, — сказал я, обводя каюту оценивающим взглядом. Дорогая резная мебель, роскошные восточные ковры, на стенах живописные полотна кисти прекрасных мастеров. — Коль скоро тут ни любовь, ни деньги не замешаны, стало быть, речь идет о мести. Я верно угадал? Наверное, кто-то из этой троицы сделал вам большую гадость. А может, вы потерпели от всех троих...

Он отрицательно покачал головой.

— Неплохое умозаключение, но вы попали пальцем в небо, — сказал он. — Для меня весь интерес — все-таки в деньгах. Я изрядно понаторел в алхимии и уважаю эту науку, а потому готов поверить в исключительные успехи фон Кемпелена. Зная достаточно о необычайных способностях Анни, я не сомневаюсь, что она в итоге проникнет в секрет фон Кемпелена. Будучи человеком очень богатым, я веду расчеты и держу деньги в золоте — а потому при любых серьезных колебаниях цены на золото могу враз лишиться всех своих капиталов. Успех Нечистой Троицы грозит мне банкротством — вот мой денежный интерес в этом деле. Я должен расстроить их коварные замыслы, чтобы в один прекрасный день не оказаться нищим. Таким образом, вами руководит любовь, мною — алчность, а что касается мести — Бог с ней, она тут ни при чем. Судя по всему, мы с вами естественные союзники.

— Мне возразить нечего, — сказал я. — Что до меня, я полон желания сотрудничать с вами.

Эллисон заулыбался и двинулся прочь от лабораторного стола.

— Рад, искренне рад, что мы пришли к соглашению, — сказал он, пересекая комнату и садясь за письменный стол.

Не прерывая беседы, он взял лист бумаги, склянку чернил и перо и начал писать.

— В скором времени я представлю вас моему главному советчику — великому практику месмеризма месье Эрнесту Вальдемару.

— Буду рад познакомиться.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — сказал Эллисон. — План мой таков: вы примете командование кораблем, начнете преследование этих проходимцев и отобьете свою даму сердца.

— Я? Приму командование? — ошарашенно спросил я.

— Да. Ведь вы как-никак военный, это очень кстати.

— Вы шутите? Я же сухопутная крыса, артиллерист... А как же вы?

— Мой организм уже не переносит долгие морские путешествия, — ответил он. — А Гризуолд с дружкой, судя по всему, в ближайшее время поплывут в Европу — ведь как раз туда сбежал фон Кемпелен.

— В какую именно страну?

— А это вам сможет подсказать только месье Вальдемар.

— Когда мы побеседуем?

— Его сиделка, мисс Лигейя, познакомит вас с ним в удобный момент.

— Он что — инвалид?

— Да, у месье Вальдемара не все в порядке со здоровьем. Но у него есть достоинства, компенсирующие телесную немощь.

Тем временем Эллисон исписал один лист и потянулся за следующим.

— Так вот, — продолжал он, — этот корабль, его капитан и команда будут целиком в вашем распоряжении. В том числе Петерс и его орангутанг — свою зверюгу он именует Эмерсоном. Прежде чем сойти на берег, я дам вам рекомендательные письма к европейским вельможам и банкирам тех мест, куда вас может привести погоня за Анни.

— А где можно отыскать вас — в случае нужды? — осведомился я.

— Вы, наверное, никогда не слышали о поместье Арнхейм? — ответил мой хозяин вопросом на вопрос.

Я отрицательно мотнул головой.

— Оно находится в штате Нью-Йорк. Я напишу вам на бумажке, как его найти. Надеюсь, вы заглянете ко мне после успешного завершения этого дела. А если в результате вашей деятельности появятся три некролога — это так обрадует меня, что моей щедрости не будет предела.

— Минутку, сэр, — сказал я. — Я намерен спасти Анни. Но убивать кого-либо не собираюсь.

— А я вас и не прошу. Просто я сказал, что три некролога порадуют меня, потому что эти трое — отъявленные мерзавцы. Отчего бы не вообразить ситуацию, когда вы, профессиональный военный, будете вынуждены применить оружие с целью

самозащиты. В этом случае я буду вам крайне благодарен — за каждого из них... И трижды благодарен — за всех вместе, — добавил он с улыбкой.

Я кивнул.

— Все мы не более чем пешки в руках Всемогущего Господа, — обронил я, стараясь двусмысленной фразой и Эллисона уважить, и от четких обязательств отвертеться. Так или иначе, улыбка его стала шире, и он милостиво кивнул мне, как будто мы поняли друг друга без слов.

Я встал и, в свою очередь, зашагал по каюте, приводя в порядок смятенные мысли. Эллисон тем временем продолжал писать рекомендательные письма.

— Вы передаете мне командование кораблем целиком и полностью? — спросил я через некоторое время.

— Капитан Ги будет вести корабль и отдавать приказы команде, как и прежде, — ответил Эллисон, не отрывая взгляда от бумаги. — Ему и в голову не придет противиться воле владельца судна. Так что он будет подчиняться вашим приказам беспрекословно.

— Хорошо, — сказал я. — А то я ничего не смыслю в морском деле.

— От вас требуется одно — указывать ему, куда плыть и когда прибыть в нужное место.

— А это мне будет подсказывать месье Вальдемар?

— Да, и мисс Лигейя будет передавать вам его указания.

Тут Эллисон на несколько мгновений оторвался от писания:

— Если у вас возникнут затруднения, рекомендую обращаться к Дирку Петерсу. У него грубые манеры, не спорю. Образованьем он не блещет, да и на вид — неотесанный мужлан. Однако это преданный мне и весьма смекалистый малый. Нет такого человека на корабле, кто бы посмел хоть слово сказать ему поперек.

— Охотно верю этому.

Я взял графин с вином, подошел к лабораторному столу, нашел стакан нормального размера и наполнил его. Краем глаза заметил, что Эллисон опять перестал писать и наблюдает за мной. Когда я сделал большой глоток, он испуганно тряхнул головой и отвел глаза.

— Ну и ну! — протянул он, имея в виду мою экзотическую для этого мира способность поглощать невиданное количество алкоголя. Когда я сделал еще глоток, его вдруг осенило, и он спросил: — Вас что-то гложет? Признавайтесь.

— Да, — ответил я. — Штука в том, что я отплываю, не взяв увольнительную в форте Моултри.

— Ах, вот в чем дело. Вы всерьез воображаете, что вам дадут увольнительную для осуществления такого фантастического предприятия? Или что у вас будет время попросить ее?

— Нет, — ответил я. — Я понимаю ситуацию. Но в общем и целом мне служба нравилась, и очень неприятно выглядеть в глазах начальства дезертиром. Я бы хотел написать письмо своему старшему офицеру с просьбой об отпуске по неотложным личным делам.

Эллисон на мгновение-другое задумался, потом расцвел новой улыбкой.

— Ну что ж, — сказал он, — черкните письмецо, а я возьму его с собой на берег и прослежу, чтоб его доставили по назначению. Разумеется, вы имеете полное право подписаться именем Эдгара Аллана По.

— О Боже, я об этом как-то не подумал...

— С другой стороны, я могу переговорить с моим другом-сенатором и устроить так, что вас незамедлительно уволят из армии.

— Возможно, так будет лучше...

— Тогда договорились. Необходимые бумаги будут дожидаться вас в Арнхейме. Так что поскорее кончайте с нашими врагами — и милости просим в мою усадьбу.

Эллисон подмигнул мне, взял перо и снова застрочил по бумаге. Я продолжал рассказывать по каюте и обмозговывать ситуацию. Через некоторое время я откашлялся.

Он поднял взгляд на меня.

— Да?

— А где я буду жить?

— Да что тут долго думать. Здесь и разместитесь — после того как я покину корабль. — Он промокнул законченное письмо, сложил его и отложил в сторону. — А я сойду на берег довольно скоро.

Я показал пальцем на свою сорочку. На мне был штатский прогулочный костюм, не очень представительный.

— К сожалению, не имел возможности переодеться, — сказал я. — И мне не по себе, что я пускаюсь в такое трудное путешествие без смены одежды...

— А вы поройтесь в здешнем гардеробе, — предложил Эллисон, широким жестом указывая на шкаф и пару сундуков — один у койки, другой в углу каюты. — Там наряды на все случаи жизни и разных размеров.

Пока я исследовал гардероб, он спросил меня:

— Если я не ошибаюсь, вы старший сержант?

— Так точно.

— Стало быть, вы в армии не первый год?

— Да.

— А в кавалерии доводилось служить?

— Доводилось.

— И с саблей умеете обращаться?

Еще бы я не умел — сколько нас гоняли по жаре на плацу, сколько тыков и чучел порублено!

— Да, я же служил в полку береговой охраны — там все сплошь отменные рубахи.

Он вопросительно воззрился на меня: шучу я или говорю серьезно? Я и на самом деле шутил, хотя в этой шутке была большая доля правды.

— Сабля — славное оружие, — наконец сказал Эллисон, — если уметь ею пользоваться. Бесшумное оружие. В арсенале капитана Ги предостаточно холодного оружия на случай, если вы вздумаете попрактиковаться.

— Спасибо.

Настала моя очередь взглянуть с лукавым прищуром, ибо с моего языка сорвался вертевшийся на нем вопрос:

— А сами вы часто пользовались этим «бесшумным оружием»?

— Спрашиваете! — сказал он. — В мои юные годы я от души помахал саблей в Карибском море.

— В качестве кого?

— Да кем я только не был! Служил на разных кораблях.

— А мне показалось, что вы страдаете от морской болезни.

— В молодые годы я ее и знать не знал.

— А на каких кораблях вы служили? — полюбопытствовал я.

— На купеческих, разумеется, — сказал он, словно просыпаясь от своих мечтаний и улавливая, к чему я клоню своими вопросами. — Разумеется, на купеческих.

— Думаю, немного практики мне не помешает, — сказал я.

Верно ли я подметил веселую искру в глазах Эллисона? Мысленно я закрыл его правый глаз черной повязкой, повязал лоб красной косынкой, пририсовал бороду, сунул в руку кривую саблю... А что! Лет сорок назад он вполне мог ходить на судне под пиратским флагом!..

Пока мой хозяин дописывал рекомендательные письма, я покопался в гардеробе, нашел среди дорогих нарядов несколько штанов и сорочек попроще, а также пару подходящих сюрту-

ков — один светлый, другой темный. Я примерил красновато-коричневую рубашу и черные штаны — размер подходил, и я решил в них и остаться.

— Ага, хороший выбор. Выглядите молодцом, — сказал Эллисон, расписавшись в конце последнего письма и поднимая глаза на меня. — А сейчас я покажу вам свой тайник, куда мы временно спрячем эти письма. Затем я представлю вас мисс Лигейе и покину корабль.

— Спасибо за все, сэр, — сказал я.

Все свои обещания он выполнил. Вот так я и познакомился с Сибрайтом Эллисоном, владельцем поместья Арнхейм.

Туман прокрадывался выше, к самому окну, а он тем временем писал:

Я говорил о тех воспоминаньях, что нас язвят
в дни нашей юности. Порой они влачатся
за нами долго — до зрелости:
и что ни год, теряют остроту и четкость формы,
но вновь и вновь взывают к нам
слабеющими голосами...

Ветер разгонял туман, краешек луны завиднелся в просвете. Он упрямо сочинял, пока не довел работу до конца.

Глава 3

Я спешил вперед, а песок под моими ногами — Господь милосердный! — осыпался до такой степени, что я несколько раз оступался и падал. В неимоверно густом тумане море ревело подобно умирающему Левиафану, а огромные волны, словно при урагане, накатывали и накатывали на берег — и всякий раз откусывали и увлакивали за собой часть берега. Как только я определил направление, в котором находилось море, я заторопился прочь от него — к твердой почве как можно выше над уровнем взбесившейся стихии. Стоило мне чуть переместиться вверх по склону, как море пожирало то место, где я был за несколько мгновений до того. Я отчаянно цеплялся за кусты, за выступы скал, временами скользил назад, хватаясь за что попало, потом опять — то на четвереньках, то ползком — удирали вверх от наступающих волн. В итоге, через долгое время, я забрался так высоко, что море мне больше не угрожало. Зато я был теперь на открытом возвышенном месте, где ветер неистовствовал с неопи-

суемой силой, пригибая меня, не давая отлепиться от земли. Ветер ревел, выл, стонал. Господь милосердный, раздор стихий воистину до основания сотрясал окружающий мир! Земля, вода и ветер, казалось, сошлись в захватывающей дух смертельной схватке! И когда я попытался чуть-чуть привстать, с небесного свода пал огонь, опаливший дерево в нескольких шагах от меня, — и тем самым последняя, четвертая стихия включилась в безумную схватку, что разворачивалась перед моими слезящимися глазами.

Я поднял ладонь к глазам козырьком, чтобы хоть что-то разглядеть окрест себя, и тут же уронил ее. Молния воспламенила дерево, ветер трепал языки яркого пламени — и в этом свете я различил в тумане фигуру человека. С почти рассеянным видом он стоял буквально рядом и смотрел мимо меня на невидимую за туманом бушующую водную стихию. Темный плащ его хлопал на ветру.

Я кое-как встал с четверенок и, локтем прикрывая глаза от режущего ветра, двинулся к нему.

— Аллан! — вскрикнул я, подойдя совсем близко и узнавая его. — Аллан По!

Он чуть наклонил голову в мою сторону — и с какой-то зловеще-торжествующей улыбкой приветствовал меня:

— А-а, Перри! Хорошо, что ты заглянул к нам. Я почему-то был уверен, что ты появишься.

Я приблизился вплотную — и полы его плаща стали бить меня по правому бедру. Стараясь перекричать вой ветра, я спросил:

— Что, черт возьми, происходит?

— Ничего особенного. Просто наступил момент гибели Земли, дорогой Перри, — ответил он.

— Не понимаю!

— Обезображенный искусством лик Земли очищается тем, что физическая сила слова изымается из атмосферы, — изрек он. — Спущены с цепи все дикие страсти одного из самых беспокойных и грешных сердец. Мы ныне зрим, как неосуществленные мечты своей агонией сотрясают Вселенную.

Я отбросил от глаз прядь волос. За нашей спиной, потрескивая, догорало пораженное молнией дерево. Оно освещало окрестный туман наизлоуещим светом. Волны бились о землю с громоподобным грохотом.

— Воспоминание о былой радости — разве оно не есть нынешняя печаль? — продолжал По.

— Ну... вроде бы да, — растерянно ответил я.

Теперь я мог лучше рассмотреть его — и был поражен тем, что он, всегда казавшийся моим ровесником, сейчас выглядит намного старше меня: лицо морщинистей моего, под глазами темные мешки. Было такое ощущение, что мы взираем друг на друга из разных возрастов.

— Но мысль о будущих радостях способна утишить теперешнюю горечь, — наконец нашелся я. — Разве не в этом суть надежды?

Он несколько секунд размышлял над моими словами, затем отрицательно покачал головой и тяжело вздохнул.

— Надежда? Это понятие так же изъято из атмосферы, удалено из эфира, выдрано из земли. Мир летит ко всем чертям, мир рассыпается, дорогой Перри. Несмотря на это, ты выглядишь отлично.

— Аллан... — начал я.

— Зови меня По, — сказал он. — Ведь мы друзья.

— Слушай, По, — вскричал я. — Черт побери, о чем ты говоришь? Говоря по совести, я ни словечка не понял!

— Возлюбленная душа покинула сей мир, — ответил он. — Без нее внутри скорлупа сего мира стала непрочной и ныне трещит. Она покинула меня — она, бывшая моим вторым «я». О горе! Се злейший из злейших дней! То, что не давало этому миру захлебнуться волнами, распасться на части, что поддерживало небесный свод и удерживало от буйства горний огонь, — имя сей опоры тебе известно не хуже, чем мне.

— Анни... — выдохнул он после паузы, дрожащей рукой указав в сторону моря. Я посмотрел в том направлении, и туман, словно по приказу, разошелся — в просвете я увидел объединенный страшными волнами кусок берега, где на утесе стоял могильный склеп, на который яростные волны набросали столько водорослей, что склеп, казалось, ползарос травой.

— Там она покоится, — сказал По.

— Это не может быть правдой! — вскричал я и бросился прочь от него. Я кинулся вниз по склону — в сторону того рокового утеса.

— Перри! — закричал По. — Вернись! Это бессмысленно! И я не знаю, что произойдет со мной, если с тобой случится что-нибудь дурное!

— Ее там нет! — крикнул я в ответ. — Ее там не может быть!

Я стремительно спускался по склону — обдирая руки и раздирая в клочья свою одежду.

— Перри! Перри! — жалобно кричал По.

Я набрал побольше воздуха в легкие — и оставшуюся часть склона почти кувыркком летел вниз, пока не грохнулся на песок. Я тут же, не замечая боли, вскочил на ноги и по колени в бушующих, валящих с ног волнах стал упрямо приближаться к сияющей в тумане гробнице. Я все еще слышал крики Эдгара По, который остался наверху, у сгоревшего дерева. Слов уже было не разобрать.

Добредя до гробницы, я снял запор и открыл черную железную дверку. Внутри царил мрачный сумрак. Вокруг моих щиколоток хлюпала вода, пока я шел к каменному саркофагу на постаменте.

Он был пуст! Мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Вместо этого я кинулся к выходу. Выбежав из гробницы, я стал кричать с порога:

— По! Ты слышишь, По? Ее здесь нет! По! Ты слышишь, По?

Огромная темная волна устремилась ко мне — и швырнула меня обратно в гробницу.

Я проснулся на полу роскошной каюты Эллисона, хотя я точно помнил, что с вечера укладывался спать на широкой кровати — в другом углу комнаты. Я не помнил, как упал с постели, как оказался в этом углу и на полу, и не мог сообразить, почему на мне изорванная и мокрая одежда. Мои башмаки были полны песка. Песок был и на нескольких мокрых следах, которые, начинаясь ниоткуда, вели от центра каюты к тому месту, где я лежал. Я ошалело протирал глаза. Сбросив с себя изорванную коричневую домотканую сорочку, я обнаружил глубокие порезы на своих руках. Тут я разом вспомнил дикий шторм, гробницу, жалкую фигурку скорбящего По под горящим деревом...

Я открыл сундук, нашел подходящую одежду и привел себя в порядок. При этом я размышлял о происшедшем. Я надеялся, что с По ничего дурного не случилось. Меня очень тревожили и подмеченные мной черточки подступающего безумия в сознании По, и странное развитие событий в целом. Незаметно для себя я уже давно воспринимал наши невероятные встречи как вполне реальные события — и одновременно как некие символы, знаки свыше, предсказания. Поэтому я мог понять скрытое значение пустого гроба — ведь Анни как раз сейчас лежала в глубоком месмерическом сне. Но этим символизм происшедшего не мог исчерпываться. Очевидно, есть что-то еще. Накануне Эллисон растолковал кое-какие важные вещи, доселе мне неведомые, — касательно месмеризма, параллельных миров и проче-

го. Но мне мнилось, что даже многоопытный алхимик знал далеко не все. Увы, не с кем посоветоваться, не с кем. Разве что...

Я задумался над этим вариантом. Прежде чем покинуть корабль, Эллисон, как и обещал, познакомил меня с большеглазой женщиной по имени Лигейя. Это была жгучая брюнетка такой красоты, что в ее присутствии я думал вполтину медленнее обычного. После примерно минуты в ее обществе я сообразил, что дело не только в ее красоте. От нее исходила некая отупляющая меня сила — сила вполне осязаемая, материальная. Я поспешно отшагнул от новой знакомой, глубоко вдохнул, и чудо! — одурь сразу же прошла. Лигейя заметила, как я шараялся от нее, и сдержанно улыбнулась.

Когда Эллисон представил меня, она произнесла:

— Весьма приятно познакомиться с вами.

У нее был низкий, завораживающий слушателя голос — с необычным акцентом. Некогда я был знаком с одним русским иммигрантом — у него был почти такой же акцент.

— Помните, я говорил вам прежде об этом человеке, — сказал Эллисон.

— Помню, помню, — произнесла Лигейя. Она смотрела на меня по-особенному пристально — мне прежде не доводилось видеть взгляда такой испытующей силы.

— Молодой человек согласился выполнить то, о чем я вам говорил.

— Знаю, знаю, — сказала она.

— Вы меня обяжете, если станете всячески помогать ему и откроете доступ к нашему особому источнику полезных сведений.

Она кивнула.

— Обязательно.

— Впрочем, у нашего друга был весьма тяжелый день, — продолжил Эллисон. — Полагаю, новые сильные впечатления могут только повредить ему. А потому отложим знакомство с вашим подопечным до завтра. Господин Перри уже в курсе того, что месье Вальдемар способен узнавать нужное, проникая сознанием в миры, отличные от той версии реальности, в которой мы обитаем.

— Я поняла.

— А я мало что понял, — сказал я и добавил, чтобы не показаться грубияном: — Но целиком доверяюсь вашему знанию.

Тут Эллисон обратился ко мне:

— Я получу необходимые сведения о маршруте путешествия и не покину корабль, пока не сообщу их капитану Ги.

— Замечательно, — сказал я. — В таком случае...

— Да, вы свободны. Засим прощайте. Желаю вам удачи, а на ближайшее время — спокойной ночи.

Он крепко пожал мою руку. Я сердечно попрощался с ним, потом церемонно кивнул Лигей:

— Свидимся с вами завтра.

— Знаю, знаю, — лукаво улыбнулась она.

Как только я очутился в каюте Эллисона, я рухнул лицом вниз на кровать — раздеваться не было сил. Заснул я сразу же — и потом очутился в королевстве у края земли. А теперь...

Через иллюминатор внутрь каюты проникало достаточно света — я побрился, черпая воду из большой лохани в той части каюты, где располагалась алхимическая лаборатория. Затем через ближайшее окно выплеснул грязную воду за борт. Приведя себя в порядок, я вышел с намерением позавтракать. В сумбуре вчерашних инструкций мне было рассказано среди прочего, как вызвать слугу, чтобы еду принесли прямо в каюту. Но сейчас я быстро нашел кают-компанию и решил позавтракать там — предложили яичницу с луком и поджаренный хлеб с палтусом. Несколько чашек крепкого душистого кофе помогли мне на время позабыть о мрачных ночных переживаниях; клубок ужасов, загадок и страхов откатился в глубину сознания. С последней чашкой кофе в руках я вышел на палубу.

Погода была ясной, тумана и в помине не было. Попивая обжигающий напиток, я любовался игрой солнечных лучей на холодных волнах. В безмятежно голубом небе плыли приветливые белые облака. Солнце стояло еще очень низко в положенной части небосвода. Тут я перевел взгляд туда, где, по моим расчетам, находился берег, однако суши не увидел. Со всех сторон было бескрайнее море. Стая чаек качалась на струях ветра за нами — то поднимаясь, то опускаясь над нашим кильватером. Корабельный повар, одноглазый испанец по имени Доминго, выбросил за борт утренние остатки пищи и что-то певуче прокричал птицам на своем языке (уж не знаю, обругал он их или позвал на пиршество). Чайки в ответ громко загалдели, снизились и стали нырять в кипящие волны. Я прошелся вдоль палубы, обшаривая глазами горизонт в поисках «Вечерней звезды». Но мы были одни на бескрайней глади моря.

Я поежился от холода и поспешил сделать большой глоток дымящегося кофе. Про себя я решил одеваться потеплее, когда в следующий раз вздумаю выходить на палубу в столь ранний час.

Я начал спускаться вниз с намерением занести чашку в кают-компанию по пути в каюту Лигейи и на ступеньках по-

встречал Дирка Петерса. Тот широко улыбнулся, насмешливо коснулся козырька своей морской кепи и приветствовал меня:

— С добрым утречком, юноша.

Я тоже улыбнулся и вежливо кивнул.

— Доброе утро, мистер Петерс.

— Зовите меня попросту Дирк, — сказал он. — Славный денек, вы не находите?

— Денек отличный.

— И как оно вам — быть начальником?

— Пока не знаю, — ответил я. — Еще не отдал ни одного приказа.

Он пожал плечами.

— Я так понимаю — пока в приказах нужды нет. Если ничего экстренного не произойдет, команда будет сама, без понуканий, выполнять инструкции мистера Эллисона.

— Ну и я так понимаю.

— Вы как переносите море?

— Плыл на корабле только раз — совсем мальчишкой. Но вроде бы не страдал морской болезнью — если вы именно это хотели узнать.

— Вот и хорошо.

В это время со снастей стремительно спустилось что-то большое, темное и запрыгало по палубе — прямо к Петерсу. Тот ласково положил руку на косматое плечо своего друга Эмерсона. Зверь ответил тем же. Так они и стояли — обнявшись, как два закадычных приятеля.

Я невольно отметил про себя — до чего же эти двое похожи друг на друга. Говорю это не с целью насмешки над человеком, который спас мне жизнь. Сам я согласен с тем, что лучше погрешить против правды, чем подчеркивать чье-либо уродство. Но с Петерсом было иначе, потому что сама некрасивость его лица была так выразительна и интересна, что делала его по-своему привлекательнее смазливого актера на ролях первых любовников. Губы у него были тонкие, никогда не закрывали зубов — длинных и торчащих немного вперед. Казалось, с его лица не сходило добродушно-насмешливое выражение. Таким было первое впечатление от его лица. Второе — что это чисто бесовская веселость. На самом же деле его лицо было просто перекошено, словно он вечно смеялся. Я не мог вглядываться слишком пристально, но все же заметил, что кожа на его лице неровного цвета — местами светлее, местами темнее. Возможно, это были следы многочисленных шрамов. Что и говорить, физиономия пугающая — тем более что со временем насмешливая улыбка на-

чинала казаться злобным оскалом бешеной ярости. В зависимости от настроения можно было принимать его за доброго веселого малого или за головореза с вечно злобной рожей — при этом сам он мог не менять выражения лица, просто в вашем сознании произвольно менялась оценка этого выражения. Так, потянувшись за бриллиантом в сумрачном тайнике, вы вдруг обнаруживаете, что бриллиант вделан в голову ядовитой змеи.

— Вот и хорошо, — повторил Петерс.

— Не могли бы вы рассказать мне о месье Вальдемаре?

Мой собеседник поднял руку, словно собирался почесать затылок, но вдруг запустил пальцы *под* свою странного вида черную густую шевелюру. Только тут я по-настоящему пристально взгляделся в его волосы. Это был парик. На самом деле Петерс был совершенно плешивым. Заметив мой удивленный взгляд, он осклабился больше обычного и пояснил:

— Сделал себе из шкуры медведя, который имел наглость слегка помять меня, за что и поплатился... А насчет этого Вальдемара, так я его и краем глаза не видел. Месье носу не кажет из своей берлоги — кстати, его каюта рядом с вашей.

У Петерса были повадки и речь морского волка, но в манерах и разговоре проглядывало и другое. Было в нем что-то от жителя фронта.

— Вы часом не с Запада? — осведомился я.

Он кивнул.

— Мой папаша был «вояжером» — то бишь торговал пушной на фронтире. А мать звали Упсарока Инжун, она из индейского племени упшароков, что живет в Черных Горах. Сам я был охотником, исходил весь Запад вдоль и поперек. Видал много чудесного, хаживал по каньонам такой величины, что в них можно обронить целый Чарлстон и потом не сыскать. — Он сплюнул через борт — да с такой точностью, что угодил в зазевавшуюся чайку. — Забрелал я и на юг — в Мексику, поднимался и на самый север, где в небе вечером сияние — все равно как большущая парчовая занавеска. — Он опять почесал кожу под париком. — И все это — до того как мне стукнуло двенадцать.

Поскольку я впервые встретил матерого рассказчика необылиц с Запада, то и развесил уши. Петерс выглядел таким сорвиголовой, говорил с такой небрежной убедительностью, что было трудно не поверить ему. Обычный врун изо всех сил старается, чтобы ему поверили. А Петерсу было совершенно наплевать, верят ему или нет. Этим он и брал.

— Так насчет месье Вальдемара... — не унимался я.

— Да?

— Как давно он на борту судна?

— В точности сказать не могу, — ответил Петерс. — По крайней мере дольше меня. Команде пояснили, что он калека, любит путешествовать. Но я так скажу: странное это удовольствие — путешествовать, запершись в каюте!

— Вы думаете, тут что-то нечисто? — спросил я напрямую.

Он пожал плечами.

— А бес его знает... Может, тут замешана эта дамочка — ну, Лигейя.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно поинтересовался я.

— Эта его сиделка — весьма странная леди. Она напоминает мне одного черномазого знахаря, с которым я однажды имел дело. Звали его Джонни — Два-Духа-за-Спиной. Когда с ним калякаешь, кажется, что у него за спиной не два духа умерших, а целое полчище. И слышатся такие странные звуки. Вот эта дамочка совсем как он. Извините, если чего не так сказал. Точней сравнения не нашел.

Я задумчиво покачал головой.

— Я был совсем сонный, когда меня с ней познакомили. И говорили мы недолго. Внешность у нее поразительная — вот это я помню.

Он хмыкнул.

— К тому же эта дамочка очень скрытная, себе на уме, — сказал Петерс. — Держитесь от нее подальше и старайтесь с ней не ссориться. Шкурой чувствую — лучше не иметь ее своим врагом.

— Я полон миролюбия. Кстати, в ближайшее время я должен нанести визит вежливости месье Вальдемару.

— Сдается мне, капитан тоже хочет поговорить с вами.

Я кивнул, украдкой приглядываясь к своему собеседнику. Похоже, Петерс не подозревал о том, что Вальдемар — не любитель путешествовать, а особого рода ищейка, которую Эллисон пускал по нужному следу. А раз он не в курсе, следует из осторожности перевести разговор на что-либо другое — хотя рано или поздно мне предстоит доподлинно выяснить меру посвященности Петерса во все происходящее.

— С кого же мне начать? — сказал я, как бы вслух размышляя.

— Ну, с капитаном вы можете переговорить в любое время, — заметил Петерс.

— Тут вы правы, — согласился я. — Визит к месье Вальдемару лучше не откладывать — вдруг наш таинственный путешественник возьмет да разболеется. Не подскажите, в какое время удобнее всего зайти к нему?

— Слышали колокол? — спросил Петерс.

— Да. Но я не знаю, что обозначают его удары.

— Подсказывают время, — пояснил Петерс. — Бьют каждые полчаса. Полчаса называются склянкой. Счет ведется от одной склянки до восьми, потом начинается снова. В половине девятого в колокол ударили один раз, в девять — пробили две склянки. А скоро, в половине десятого, пробьют три. Навестите его, когда колокол пробьет три или четыре раза, — чтоб он успел хорошенько проснуться и привести себя в порядок.

— Спасибо, — сказал я, протягивая ему руку для рукопожатия. Вместо Петерса мою руку проворно схватил Эмерсон и стал трясти и мять ее. Даром что он был осторожен, я понял — при желании он запросто вырвет мне руку из плеча.

Петерс одарил меня совершенно дьявольской улыбкой и почтительно кивнул мне — с лукавой вежливостью.

— Всегда готов помочь вам, Эдди. Только дайте знать.

Затем он еще раз насмешливо взял под козырек и пошел прочь. Эмерсон снова пулей взлетел по снастям вверх и исчез среди парусов.

Три или четыре склянки. Ладно. Я спустился вниз — скоротать ожидание за еще одной чашкой кофе. К моменту, когда колокол бухнул три раза, я выпил кофе более чем достаточно и направился в свою каюту. Там я еще раз исследовал содержимое гардероба и выбрал для визита белую сорочку с галстуком. К четырем склянкам я был одет в подходящий костюм и, хотя это можно было поручить слуге, не отказал себе в удовольствии предаться армейской привычке — неспешно, тщательно начистил башмаки до зеркального блеска.

Я прошел мимо соседней каюты и постучал в следующую. Дверь открылась незамедлительно. На пороге стояла Лигейя, улыбаясь мне чуть заметной улыбкой.

— Я ожидала вас, — произнесла она.

— А я ожидал, что вы меня ожидаете, — сказал я и тоже чуть заметно улыбнулся.

На ней было что-то неопишимо элегантно — серое, дымчатое. Однако на пальцах и запястьях отсутствовали драгоценные камни, которые, смутно припоминалось мне, были на ней во время нашей вчерашней встречи. И опять в ее присутствии мою душу объяло странное чувство: как будто только что в меня ударила молния — или вот-вот ударит.

Она не пригласила меня внутрь, не вышла со мной в коридор. Просто стояла и спокойно изучала меня на протяжении нескольких секунд. Наконец проронила:

— А вы еще более необычный, нежели по первому впечатлению.

— Вы находите? И чем же я... необычен?

— Местом происхождения.

— Простите, не понимаю.

— Я не знаю того места, откуда вы родом, — сказала она. — А я уверена, что знаю весь мир. Стало быть, вы явились из другого мира.

— Логично, — ответил я, решив не вдаваться в дальнейшие объяснения, потому что на горизонте вырисовывался длинный спор о том, какой мир первый, а какой второй и может ли быть один мир первее другого. — Давайте на том и согласимся и, если вам будет угодно, покончим с этой темой.

Ей не было угодно покончить с этой темой. Она чуть насупила свои широкие брови и пытливо прищурилась.

— Откуда вы? — спросила Лигейя.

— Из неотсюда, — сказал я.

Тут ее брови вернулись на место, на лице появилось удовлетворенное выражение — и она улыбнулась по-настоящему.

— А-а, вам, американцам, все бы шутить!.. Вы ведь шутите, да?

— Конечно.

Она слегка оперлась о дверной косяк и при этом кокетливо слегка качнула бедрами — или мне только показалось?

— Как я понимаю, вы желаете повидаться с месье Вальдемаром — прямо сейчас? — спросила Лигейя с такой интонацией, словно ожидала, что я отвечу решительным «нет».

— Да, прямо сейчас, — сказал я.

— Прекрасно, — сказала она и указала на дверь слева. Это была дверь каюты, которая соседствовала с моей. — Подождите в коридоре.

С этими словами она прошла обратно в свою каюту и закрыла дверь. Я слышал, как что-то щелкнуло — не то защелка, не то замок.

Я сделал несколько шагов к двери каюты месье Вальдемара и стал ждать там. Через несколько нудных минут дверь внезапно — нет, не распахнулась, а только чуть приоткрылась, не более чем на фут. Внутри было темным-темно.

— Заходите, — услышал я голос Лигейи.

— М-м... да я ничего не вижу! — произнес я.

— Не беспокойтесь, так надо, — отозвался голос. — Просто делайте, что я говорю.

Раз я доверяю Эллисону — стало быть, не следует опасаться его доверенного лица. Я вошел в почти крошечную темноту и не

успел сделать трех шагов, как дверь за моей спиной закрылась. Щелкнула задвижка, и я остановился как вкопанный, бессильно хлопая глазами и поводя головой в полнейшей темноте.

— Простите, нельзя ли хоть немного света? — сказал я. — Как бы я тут чего не разбил.

В то же мгновение кто-то взял меня за локоть.

— Я проведу вас, — тихо, как при покойнике, произнесла она. — Месье Вальдемар так слаб, что не переносит света.

— Даже крохотной свечки нельзя? — спросил я.

— Даже крохотной свечки.

Лигейя повела меня куда-то назад и вправо, через несколько шагов сжала мой локоть, ее вторая ручка уперлась мне в грудь.

— Стойте, — сказала она. — Вот так. Здесь и оставайтесь.

Отпустив мой локоть, она отошла от меня на несколько шагов. Спустя короткое время где-то передо мной скрипнула дверь — и ничего. Было по-прежнему темно. В полной тишине я откашлялся. Лигейя никак не отреагировала на мой слегка нетерпеливый кашель, а потому я не удержался и спросил:

— Все в порядке?

— Разумеется. Проявите чуточку терпения. Для установления связи нужно некоторое время.

Я мог только гадать, что именно она делает, хотя слышал какой-то слабый шорох. И тут же словно ветерок пробежал у меня под одеждой — именно это странное ощущение я испытал вчера вечером, когда знакомился с Лигейей. Справа от себя я завидел полоску очень слабого света. Очевидно, осталась приоткрытой дверь, соединяющая каюты Лигейи и месье Вальдемара. Я услышал приглушенные голоса. Лигейя говорила тихо-тихо, неразборчиво.

— Слушайте, — сказал я, — давайте не будем будить его сейчас. Пусть отдохнет. Мне не составит труда зайти попозже.

— Нет, — последовал ответ. — Он чувствует себя хорошо. Просто ему нужно некоторое время, чтобы... чтобы собраться. Не переживайте.

Но тут раздался душераздирающий стон.

— Мне неловко заставлять так напрягаться очень больного человека... — поспешил сказать я.

— Вздор! — возразила она. — Это ему только полезно. Поддерживает интерес к жизни.

Еще один стон.

Мои глаза стали привыкать к темноте, и я разглядел, что Лигейя склонилась над кроватью и делает что-то руками. Я немного подался вперед в надежде рассмотреть то темное, что лежало

на кровати. И сразу же вновь ощутил странную вибрацию вокруг себя — как будто ветерок шекотнул под одеждой. Не успел я вслух удивиться этому явлению, как раздался очередной переворачивающий душу стон, и я услышал слабое:

— Нет, нет... Оставьте меня в покое... умоляю! Ради всего святого, оставьте меня!

Я окончательно смутился.

— Послушайте, не лучше ли все-таки...

— Да он всегда ворчит, когда я поднимаю его, — сказала Лигейя. — Это просто дурной характер.

— Я тоже ворчу по утрам, пока не взбодрюсь чашкой кофе, — сказал я. — А не послать ли за завтраком для него?

— О-о! А-а! Умираю! — донеслось с постели.

— Он мало ест и пьет, — сказала Лигейя. — Месье, придите в себя. Здесь один джентльмен. Он хочет поговорить с вами.

— Пожалуйста... дайте... уйти... — прохрипел слабый голос. — Дайте умереть...

— Чем дольше капризничаете, месье, тем больше времени все это займет, — строго сказала Лигейя.

— Ладно, — произнес несчастный более отчетливо. — Чего ты хочешь от меня?

— Познакомить с мистером Эдгаром Перри, который в данный момент возглавляет нашу экспедицию.

— Экспедицию... — тихим эхом отозвался месье Вальдемар.

— Да, нашу экспедицию с целью розыска Гудфеллоу, Темплтона и Гризуолда, которые похитили женщину, известную под именем Анни.

— Вижу ее, — сказал месье Вальдемар. — Вот она сияет перед нами, как хрустальный подсвечник. Она не из этого мира. Они используют ее. Используют, чтобы найти другого... О, дайте мне умереть!

— Они преследуют фон Кемпелена, — подсказал я.

— Да. Но я не знаю, куда они направляются... не могу различить... потому что он сам еще не знает, куда направляется. О, дайте мне умереть!

— Пока что эти сведения нам не слишком нужны, — сказал я. Мне пришла в голову неожиданная мысль, и я потихоньку, бочком-бочком, стал перемещаться вправо. — Расскажите, что вам известно о связи, существующей между мной и Эдгаром Алланом По.

— Вы и он — каким-то странным образом — одно и то же лицо.

— Как это возможно?

— Переход в пространстве, — ответил месье Вальдемар. — Несчастный По об этом никогда так и не узнает... И никогда не найдет то, что ищет... только пустынные доли и горы.

— Почему не найдет?

— Оставьте меня!..

— Говорите!

— Не знаю. Одна только Анни жива. А я — мертвец.

Я сделал последний шагок вправо — и резким жестом распахнул до того лишь на палец приоткрытую дверь. Дневной свет из каюты Лигейи залил комнату — и я увидел женщину, которая согнулась над открытым гробом. В нем лежал жутко бледный мужчина, седые виски которого отчаянно контрастировали с иссиня-черными волосами. Его глаза были открыты, но зрачки закатились. Губы неподвижного, искаженного лица были растянуты, заголяя зубы. Мне показалось, что его чуть высунутый язык — угольной черноты.

— Господи помилуй! — ахнул я. — Да он же мертвый!

— И да и нет, — ответила Лигейя достаточно спокойно. — Он — особый случай.

Она сделала медленный пасс рукой над телом — и веки сомкнулись.

Закрыв гроб крышкой, Лигейя добавила:

— Впрочем, каждый из здесь присутствующих — по-своему особый случай... Хотите чаю — или гашиша?

— А покрепче у вас ничего нет? — спросил я. — Мои нервы в таком состоянии, что только сильное средство их успокоит.

— Конечно, — ответила она по-французски, взяла меня за руку и повлекла в свою каюту. Напоследок я оглянулся и успел с удивлением заметить, что гроб в закрытом виде оказался большим ларем для вина — даже с соответствующими надписями, гласившими, что это «Шато-Марго» такого-то года и в таком-то количестве.

Лигейя усадила меня в уютное кресло. Плотнo прикрыв дверь в каюту с покойником, она прошла к буфету — в другой конец своей комнаты.

Я услышал звон стекла, потом звук наливаемой жидкости.

Через несколько мгновений красавица подошла ко мне с высоким стаканом непрозрачной зеленоватой жидкости, на поверхности которой плавали кусочки измельченных листьев и еще какой-то мусор.

— Похоже на болотную воду, — сказал я, беря стакан. Сделал глоток и добавил: — Да и на вкус — как болотная вода.

— Это бодрящий настой из трав, — пояснила она. — Помогает расслабиться.

Я обдумал ее слова, потом глотнул еще.

— А этот Вальдемар... он и впрямь покойник? — спросил я после почти минуты молчания.

— Да, — сказала Лигейя. — Но он понемногу забывает об этом. Зато всякий раз, когда вспоминает, мучается ужасно.

— Когда и как он умер?

Она пожала плечами.

— За много месяцев или лет до того, как мы появились на борту. Задолго до того, как я нашла его.

Я обвел взглядом ее каюту, увешанную яркими гобеленами, полную роскошных восточных напольных ковров и шкур разных животных. Мое внимание привлекли несколько темных деревянных статуэток — похоже, африканских. Они были украшены сверкающими бусами, ожерельями и браслетами из медной проволоки. На одной из стен висели две толедские сабли. Возле высокой, внушительных размеров кровати я заметил турецкий кальян. Воздух был полон тяжелого аромата какого-то экзотического благовония. Чем-то все это напомнило мне цыганскую кибитку, в которую я заглянул однажды, чтобы вульгарно нарумяненная женщина за деньги погадала мне по руке. Помнится, цыганка словно ошалела от линий на моей руке и наговорила мне такого... Впрочем, каюта Лигейи была местом потаинственнее, пострашнее. Петерс не дурак, он попал в точку: казалось, еще немного, и я различу толпу духов за спиной хозяйки этой странной каюты.

— А что именно делает месье Вальдемара... э-э... особым случаем? — спросил я.

— Насколько я понимаю, — пояснила она, — на смертном одре он был подвергнут месмерическому воздействию, которое вынудило его как бы застыть, зависнуть между жизнью и смертью. Благодаря этому он обладает небывалой способностью провидения. Но общаться с ним может лишь исключительно опытный месмерист, ибо месье Вальдемар всякий раз пытается умереть окончательно.

— Стало быть, вы — человек с большим опытом в этой области?

Лигейя кивнула.

— В мире, из которого я пришел, подобные явления горячо оспариваются учеными людьми.

— Здесь это обыденный факт.

— Мне кажется, я уже дважды испытал нечто в вашем присутствии...

— Вполне возможно, — сказала она. — Что ж, допивайте настой, и я вам кое-что покажу.

Я допил остатки «болотной жижи» и поставил стакан на ближайший столик.

— Для меня это питье слабовато.

— Да, оно умеренного действия.

— А ведь вы обещали сильное средство, чтоб успокоить мои нервы.

— Я свое слово сдержу. Вас ожидает процедура, которая и есть сильное средство, — сказала Лигейя и подняла руки в мою сторону. Мне показалось, что с них вдруг слетели искры и коснулись меня. Снова я почувствовал, как теплый ветерок овеял все мое тело. — Питье было только для начала.

— А как подействует эта процедура?

— Не берусь сказать точно, какой будет результат в вашем случае. Есть у вас какие-нибудь особые пожелания?

— Не знаю. Просто хочу, так сказать, убежать от всего на некоторое время.

Она улыбнулась и стала медленно опускать свои протянутые вперед руки. Меня словно теплой волной окатило. Я чуть наклонился вперед в кресле и позволил этому приятному чувству благоотворенности охватить всего себя. Лигейя работает на Эллисона и знает, что я для него очень нужный человек. Стало быть, бояться ее не следует.

Теперь она сделала новый пасс руками, и я постарался расслабиться совершенно, полностью отдаваясь во власть сладостной неги. Когда-то цыганка пробовала делать со мной нечто подобное, но ей было далеко до этой искусницы.

После первых пассивов меня охватило веселящее чувство приятного расслабления, но спустя короткое время я стал замечать и другой эффект действий Лигейи — парализующий. Мое сознание утрачивало власть над телом, они начинали жить раздельно. Потом я заметил, что течение моих мыслей замедляется. Но это происходило на фоне такой эйфории, что я и не думал сопротивляться упоительному соскальзыванию в летаргию.

Ее руки теперь парили совсем близко надо мной.

— Сейчас я сделаю так, что вы расслабитесь глубоко-глубоко, — приговаривала она. — А очнетесь с чувством полного обновления сил.

Я хотел ответить, но было так лень шевелить губами — да и зачем? Ее руки еще раз скользнули вдоль моего тела — и я пере-

стал его чувствовать. Мое сознание оставалось связано с миром лишь глазами, но и их становилось все труднее держать открытыми. Наконец глаза мои закрылись — после чего я ощутил, как тень ее рук снова скользнула надо мной. И вот я покидаю себя — куда-то взмываю, в сверкающую белизну, я лечу, я превращаюсь в снег, я кружусь на ветру — к земле, к земле...

...Внезапно голова у меня закружилась, желудок стало подводить. Я резко поднял руки к голове и стал массировать виски. Лишь после этого я открыл глаза.

Я был на постели — полулежал на подоткнутых под спину подушках. Старое, протертое одеяло прикрывало мое тело от пояса вниз. Я привстал на подушках; руки у меня немного дрожали. Прислушался к песне дрозда за окном. Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в небольшой, крайне бедно обставленной комнатке. Что происходит? Хоть убей, не помню, как я попал в это место...

На столике у кровати я увидел письмо и взял его. Оно было адресовано Эдгару По. Тут я удивился еще больше и позволил себе прочитать это письмо, дабы найти хоть какой-то ключ к происходящему.

Я прочел следующее:

Ричмонд, 29 сент. 1835 года

Дорогой Эдгар!

Будь я властен излить тебе свою душу в подобающих случаю выражениях, я бы так и сделал. Но — горе мне! — перо мое немощно, а потому излагаю тебе последующее в самых немудрящих выражениях — тем низким языком, к коему я привык.

Что ты искренен в своих обещаниях — тому верю, и верю твердо. Но очень я опасаясь, Эдгар, что стоит тебе вернуться на эти улицы, как решимость твоя испарится и ты вновь запьешь горькую, да так, что потеряешь разум. Коли будешь уповать на себя одного — пропадешь. А коли призовешь на помощь Господа — спасешься!

Знал бы кто на земле, как я оплакивал разлуку с тобой! Сила моей горести ведома лишь мне одному. Господь видит, как я был привязан к тебе — да и сейчас люблю тебя не менее прежнего. Всей душой желал бы твоего возвращения — однако боюсь того, что едва ли не сразу придется снова с тобой расстаться.

Вздумай ты поселиться в моем или ином благомыслящем семействе, коего члены не имеют обычая потреблять крепкие напитки, тогда бы я был спокоен за тебя. Однако ежели ты надумаешь

жить в таверне или ином месте, где принято подавать к пище вино, тебя поджидает опасность. Я сам испытал это на себе.

Природа наделила тебя дивными талантами, Эдгар, — так сделай же так, чтобы окружающие уважали и твои таланты, и тебя самого. Научись уважать себя сам и скоро обнаружишь, что и другие стали тебя уважать. Раз и навсегда отринь от себя бутылку и как от чумы спасайся от собутыльников! Скажи мне, что ты так и поступишь, и дай мне услышать, что ты твердо решил более не поддаваться соблазну.

Ежели вернешься в Ричмонд и снова станешь помогать мне в конторе, заруби себе хорошенько на носу: коли ты хоть раз напьешься, я сей же момент расторгну все мои обязательства пред тобой.

Кто пьет еще до завтрака — такому веры нет! От такого пропащего человека в деле никакого толку.

Я серьезно думал над твоей статьей для «Автографа» и пришел к выводу, что лучше оную в нынешней форме не печатать. Поступи я иначе, Купер меня не удивит, если подаст в суд за клевету.

Пробный оттиск твоей статьи три дня как лежит на моем столе, так что я имел достаточно времени подумать.

Остаюсь твоим верным другом,

Т. У. Уайт

Я бессильно выронил письмо. Не помню, чтоб когда-нибудь прежде я испытывал такую слабость во всех членах. Однако я заставил себя усилием воли встать с постели и дотащиться до небольшого зеркала. Лицо было мое, только я был мало похож на себя — щеки ввалились, глаза красные. Я опять с силой потерял виски. Стало быть, бедняга По много пьет, и то, что я испытываю, — результат излишества.

Но как я проник в его тело?

Я вспомнил, как руки Лигейи парили надо мной, и мне чудилось, что, не касаясь меня, они касались глубинной моей сути. Я припомнил месье Вальдемара, Петерса, Эллисона. И даже мою последнюю встречу с По — посреди буйства стихий. Неужели он верит, что Анни умерла? Не потому ли он довел себя до такого жалкого состояния?

Если это правда, то не смогу ли я изменить его душевное состояние к лучшему тем, что оставлю записку? Я огляделся в поисках бумаги и пера.

— Эдди! — раздался голос немолодой женщины из соседней комнаты. Я счел за лучшее не отзываться. — Эдди! Вы уже встали?

Ага. На конторке у окна. Перо. Чернильница. Я поспешил туда. Теперь бумага. Где же бумага? Этот человек пишет для журнала — в доме должна быть бумага. В ящиках конторки ее не оказалось...

— Хотите чаю, Эдди?

Вот! В коробке под столом. Я подтащил единственный стул к конторке и сел. Как же начать? Надо как-то упомянуть наши общие встречи с Анни.

«Сколько видений назад мы зрели девочку, которая...» — быстро написал я — после чего силы мои решительно иссякли.

Я отложил перо. Моя голова клонилась на грудь. За моей спиной шумно распахнулась дверь. Любопытство повелевало мне обернуться, но я был так слаб, что даже этого не мог сделать. Я свалился со стула.

— Эдди! — испуганно вскрикнул тот же женский голос, что я слышал через стену.

Но я опять терял сознание, куда-то плыл по черной глади — прочь, прочь. Встревоженный женский голос становился все глуше, глуше. Я больше не чувствовал своего тела... Но вот что-то забрезжило в моем сознании, оно мало-помалу заструилось жизнью, какие-то тени задвигались перед моими раскрытыми глазами.

Прошла, наверно, целая вечность, прежде чем я по-настоящему свободно вздохнул и посмотрел перед собой незамутненным взглядом.

Надо мной склонилась Лигейя — брови чуть сдвинуты, выражение лица слегка озабоченное.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Я потряс головой и потрогал рукой область желудка. Голова не болела, и больше не мутило — все признаки жуткого похмелья прошли.

— Чувствую себя хорошо, — сказал я и немного потянулся, как после крепкого сна. — А что произошло?

— Разве вы ничего не помните?

— Помню — был в другом месте, в теле другого человека.

— В чьем теле?

— Эдгара Аллана По.

— Того самого, о котором вы спрашивали месье Вальдемара?

Я кивнул.

— Я совершил далекое путешествие. А тем временем, могу поспорить, По успел побывать в моем теле.

Настал ее черед согласно кивнуть.

— Да, — сказала она. — И мне показалось, что он или пьян,

или под воздействием наркотического дурмана, или просто сошел с ума. Мне было трудно держать его в своей власти, и обратно я отправила его лишь с большим трудом.

— Объясните мне прежде всего — зачем он здесь появился? Такого рода обмен случается часто — когда души меняются телами?

— Впервые слышу о таком событии и впервые вижу что-либо подобное! — сказала Лигейя. — Этот человек очень странный. У меня было такое впечатление, будто я по ошибке опять вызвала злого духа.

Я воздержался от расспросов касательно ее общения со злыми духами. Для одного утра и так слишком много впечатлений.

— Он засыпал меня вопросами об Анни, — продолжала Лигейя. — И сравнивал свое сердце с лютней, у которой порвали струны. Если он не сумасшедший — значит, поэт. Но я теряюсь в догадках, кто из вас произвел этот обмен душами.

Я пожал плечами.

— Погодите! — воскликнула моя собеседница. — Разве месье Вальдемар не говорил, что вы двое каким-то странным образом представляете собой одну и ту же личность? Это отлично объясняет метафизический механизм того, что произошло!

— И в этом случае от метафизики, как всегда, никакой практической пользы, — возразил я. — Я не безумец и не поэт. Мое сердце не подобно лютне. Просто я угодил в другой, чужой мир. То же самое, как я понимаю, произошло и с Эдгаром По. Уж не знаю, как нас угораздило махнутья мирами, но явно не без участия человека, которого мы сейчас преследуем.

— Руфуса Гризуолда?

— Кажется, его зовут именно так. Да, именно так. Вы знаете его?

— Встречала однажды — в Европе. Много лет назад. Опасный человек — как в обыденной жизни, так и в отношении некоторых совершенно особых способностей.

— Правильно ли я понимаю, что он своего рода алхимик?

— Хуже того, — сказала Лигейя. — Он занимается неизвестной мне разновидностью черной магии.

— По мнению Эллисона, Гризуолд каким-то образом вмешался в отношения между мной, По и Анни, чтобы привести дела к их нынешнему состоянию — заполучить Анни в качестве проводника, а нас с По поменять местами в двух параллельных мирах.

Лигейя пытливо всматривалась в мои глаза.

— Не знаю, не знаю. Но сама идея обмена очень увлекательная. Хотите, я попробую узнать побольше обо всем этом?

— Буду обязан вам.

Я поднялся из кресла.

— Впрочем... — произнесла она и осеклась.

— Заканчивайте! — попросил я.

— Я бы хотела задавать вопросы месье Вальдемару каждое утро — примерно в одно и то же время. Ему будет полезно такое устойчивое расписание.

— Вы думаете?

— Даже мертвым полезно иметь здоровые рабочие привычки, — пояснила она. — Мне думается, что, будучи главой экспедиции, вы должны присутствовать на этих сеансах.

— Пожалуй, вы правы, — сказал я. — К сожалению.

Я направился к двери. У самого порога остановился.

— Спасибо... за все, — сказал я. — Увидимся за обедом.

Она отрицательно мотнула головой.

— Пищу мне приносят сюда. Но вы как-нибудь можете присоединиться к моей трапезе.

— Хорошо, как-нибудь, — проговорил я и вышел из каюты.

Внезапно коридор справа и слева от меня ярко осветился — словно молнией.

— Что вы сказали? — по-французски спросила Лигейя, но голос ее прозвучал так, словно она была не рядом, а в сотне ярдов от меня. И тут дверь ее каюты сама собой со стуком захлопнулась.

— Сюда, Перри, — позвал меня до боли знакомый голос. — Пожалуйста!

Это был голос той единственной женщины, ради которой я пошел бы сквозь огонь и воду, и поэтому я подчинился приказу. Но где-то в глубине моего сознания все же мелькнула мысль, что даже живым людям иногда не помешает немного покоя и отдыха, — и на полсекундочки я позавидовал месье Вальдемару.

Глава 4

...По словно застывшей молнией освещенному коридору — как по туннелю, залитому жидким серебром, или по ледяной пещере — шел я вперед, все ускоряя шаг. Ибо Анни звала — и, казалось, я вот-вот увижу ее за очередным поворотом бесконечного коридора. Но вот он, поворот, и туннель света повел меня круто вверх, а яркий свет вокруг стал то слабеть, то усиливаться — почти что запульсировал. Я опять чувствовал, что Анни со-

всем рядом, — но нисколько не ближе прежнего. Я побежал дальше по туннелю света — вверх, вверх, вверх...

— Анни! — закричал я. — Ты где?

— Там же, где и всегда, — ответствовала она. Однако голос ее стал тоньше, звонче. — Я на берегу моря.

— Не могу найти тебя. Наверное, я заблудился! — прокричал я.

И внезапно завеса яркого света раздвинулась. На мгновение я был унесен в далекое прошлое. И мне не показалось странным, что Анни — снова девочка и стоит возле кучи хвороста с сияющей раковиной в руке, а за ее правым плечом видна полоса прибоа.

— Анни! Что случилось? — воскликнул я.

— Беда с Эдди, — сказала она. — С Эдгаром Алланом...

— По, — подсказал я.

Она нахмурилась, потом кивнула.

— Да, его еще и так зовут. Он отказался от нас. Он удаляется — и это причиняет мне боль.

— Не понимаю. А я-то что могу сделать?

— Поговори с ним. Скажи ему, что мы его любим. Скажи — мы настоящие, живые. Скажи ему...

Свет внезапно сомкнулся и скрыл ее от моих глаз.

— Анни!

— Я не могу дольше оставаться тут, — донесся до меня ее слабеющий голос.

— Как я могу помочь тебе? — крикнул я в совершенном отчаянии.

Мои протянутые вперед руки дрожали. Пространство рядом с ними вдруг стало упругим — у меня в руках что-то трепетало. Внезапно почва подо мной содрогнулась, свет впереди сгустился в языки пламени, которые захлопали на ветру.

— Анни!

То, что я принял за начало ответа, оказалось громким криком птицы. А может, то был отдаленный гром, ибо я ни в чем уже не был уверен — прямо на моих глазах все решительным образом менялось: огромные живые языки пламени вдруг преобразились в полошущие паруса, а то, что трепетало в моих руках, оказалось мачтовым канатом.

Сам я стоял на другом канате — и через него ощущал, как судно переваливается на волнах. До палубы было так далеко, что голова у меня закружилась, и я еще сильнее вцепился в тот канат, за который держался. Всю жизнь я боялся высоты, а тут еще и крепкий утренний ветер — похоже, первый предвестник

шторма — немилосердно раскачивает снасти... Мне было очень не по себе.

Я слышал шлепающие звуки слева и покосился в ту сторону. По канатам ко мне взбирался Эмерсон. Очутившись на одном уровне со мной, он одной лапой обхватил мачту, чтобы прочнее держаться, а другой — мою руку у плеча. Держал он крепко и был явно полон добрых намерений, поэтому я не сразу, медленно разжал руки, которые с истеричной силой цеплялись за канат, — и дал Эмерсону подтащить себя к мачте. И вот мои ноги нашли более прочную опору — я стоял на поперечине мачты. Я охватил мачту с той же неотвязной нежностью, с какой пьяница обнимает фонарный столб. Первое головокружение проходило. То, что с канатов меня снял Эмерсон, а не я сам перебрался к мачте, лишь ухудшило дело — я ощущал себя беспомощным котенком, который вдруг оказался на макушке дерева. Я буркнул «спасибо» Эмерсону, который вообразил, будто теперь я чувствую себя в большей безопасности, отпустил меня и быстро полез вниз.

Я медленно последовал за ним по деревянным переключкам, набитым на мачту. Хорошенький оборот приняли мои детские видения на этот раз!

— Мистер Перри! — произнес внизу знакомый голос. — А вы, похоже, добросовестно отнеслись к своим обязанностям главы экспедиции! Знай я, что вы решите проинспектировать судно, я бы с готовностью предоставил вам проводника — или сам бы провел по кораблю. Я и не предполагал, что вы, человек вроде бы сухопутный, проявите такую сноровку.

Я преодолел последние футы до палубы, стал на вожделенную твердь и солидно заложил руки за спину — чтобы скрыть их дрожь.

— Спасибо, капитан Ги, — сказал я. — Я бы не назвал это инспекцией. Просто мне было любопытно поближе поглядеть на устройство корабельных снастей... все ли надежно.

Он улыбнулся.

— Уверяю вас, все надежно. Полагаю, вы сами в этом убедились?

— Разумеется.

— Я как раз собирался послать к вам человека, дабы пригласить вас отобедать со мной, когда пробьет восемь склянок. Нам стоило бы поближе познакомиться и обсудить предстоящее путешествие.

— Замечательная мысль, — сказал я. — Спасибо, обязательно приду в указанное время.

Я вернулся в свою каюту — остаться наедине и хорошенько подумать. Вытянулся на широкой лавке, заложил руки под затылок и стал размышлять, рассеянно таращась на колбы с разноцветными жидкостями на лабораторном столе. Стараясь не думать о том, что месье Вальдемар лежит совсем рядом — за стеной, я перебирал события последних дней, когда жизнь моя внезапно потекла по другому руслу — и с бешеной скоростью.

До сих пор сосредоточенным размышлениям мешало разное — то я был слишком занят или непреодолимо хотел спать, вымотанный происходящим, то был до того ошарашен событиями, что не успевал переваривать массу новых впечатлений. Теперь я отчетливо сформулировал вопросы, которые мог бы задать себе и раньше, если бы поток событий тащил меня с меньшей силой. Какова сила противника — и в чем заключается эта сила, которая позволяет ему передвигать По, Анни и меня из мира в мир, как пешки на шахматной доске? Какого рода способностями обладает Лигейя? И, что для меня важнее всего, почему мои странные встречи с По и Анни, которые прежде были случайными редкими эпизодами, вдруг изменили свой характер, частоту и в них появился такой надлом?

Механизм этих встреч я не понимал с самого начала, а потому и сейчас терялся в догадках, отчего видения приняли новый оборот. Особенно тревожила меня последняя встреча с Анни, после которой я очутился высоко на мачтовых снастях. Прежде мы встречались, будучи одного возраста. Неужели само Время стало предметом зловещих манипуляций? Если это так, почему наступили такие крутые перемены?

Все эти вопросы, казалось, вот-вот прояснятся для меня — и тут я заснул. А проснувшись, я уже не помнил ответов. Разбудил меня корабельный колокол. Не будучи уверен, сколько раз он ударил, я вышел из каюты, чтобы узнать точное время.

У трапа курил сигару Дирк Петерс. Рядом с ним, в тени, стоял Эмерсон. Время от времени он протягивал лапу, брал сигару изо рта хозяина, самозабвенно затягивался — и возвращал сигару Петерсу.

— Да, мистер Эдди, пробило восемь склянок, — сказал Петерс. — Если ищете каюту капитана, то она вон там.

Он указал мне направление рукой с дымящейся сигарой, которую Эмерсон тут же выхватил.

— Первая дверь? — спросил я.

— Нет, вторая... Я слышал, вам помогли спуститься с мачты. Но Эмерсон не видел, как вы туда забрались.

— Ну, тут он врет, — сказал я. Меня подмывало осведомить-

ся, откуда у него эти сведения — уж не беседует ли он со своей обезьяной?

Петерс хихикнул.

— Извините, спешу, — сказал я. — Спасибо, нет.

Последнее относилось к сигаре, которую Эмерсон любезно протягивал мне.

Капитан Ги приветствовал меня и поднял тост за мое здоровье, держа в руке крохотный стаканчик вина. Помощник кока расставил все необходимое на столе и удалился.

— Мистер Перри, — вновь наполняя стаканчики, сказал капитан, когда мы остались наедине, — предлагаю вам сразу после нашего обеда совершить путешествие по всему кораблю. Я буду вашим гидом.

— Спасибо, сэр. Стоит ли так утруждать...

— Уверяю вас, мне только приятно показать свое судно. Мистер Эллисон сказал, что вам будет нетрудно по мере необходимости указывать нам маршрут.

— Да, — согласился я, принимаясь за еду. Тут капитан посмотрел на меня до того пристально, что я счел нужным добавить: — Смеею надеяться, что в этом отношении у нас не будет затруднений.

— Вы познакомились с этим таинственным месье Вальдемаром?

— Да.

— Он что — занимается вычислениями по звездам?

— Не уверен, — ответил я. — Впрочем, на эту тему мы с ним не беседовали.

— Просто я думал, что он вычисляет посредством малоизвестных формул маршрут тех, за кем мы гонимся.

— Нет, — сказал я и снова занялся едой.

— Мистер Эллисон побеседовал с месье перед тем, как покинуть корабль. После чего приказал мне плыть к южной оконечности Европы. И сказал, что дальнейшие и более точные инструкции я смогу получить от вас — в нужный момент.

— Верно.

— Не нуждается ли в чем месье Вальдемар?

— Он мне ничего не говорил на эту тему.

— В его каюту не носят еду.

— Насколько я понимаю, он на особой диете. За всем следит госпожа Лигейя.

— Понятно. Но если что-нибудь нужно — только скажите, хорошо?

— Хорошо.

— Занятный он человек. Наверно, у него богатое прошлое, есть о чем рассказать.

— Наверное. Только пока он ничего не рассказал. Ну да все впереди.

Какое-то время мы ели в молчании, потом капитан спросил:

— Когда вы предполагаете дать мне дальнейшие инструкции касательно нашего маршрута?

— А когда они вам потребуются?

— Пока особой спешки нет.

— Когда возникнет необходимость — предупредите меня. Если я до той поры еще не буду в курсе конечной цели нашего путешествия через океан — постараюсь узнать.

Капитан вяловато улыбнулся и перевел разговор на темы погоды и возможности штормов на нашем маршруте. После обеда он выполнил свое обещание и показал мне весь корабль.

Вечером я долго наблюдал за развитием шторма. Сперва на юге гремело и горизонт освещали зарницы. А я стоял на верхней палубе, и надо мной в чистом небе сиял мириад звезд. Шторм понесся над волнами в нашу сторону, словно гигантский паук. Вначале крепчающий легкий ветер после почти полного штиля, затем волны стали заметно выше и били о корпус корабля злее прежнего. Мало-помалу судно раскачивалось все больше, ветер задул порывисто, а раскаты грома становились все слышней. Звезды утонули в чернильной темноте, которую все чаще прорезали молнии.

Я гадал, что сейчас происходит в том мире, откуда прибыл я, и где теперь находится бедняга По — пишет или занимается редактурой, а может, гибнет от алкоголя, к большим количествам которого его организм — организм жителя другого мира — не был приспособлен. Как там — тоже бушует шторм? Но тут прямо над кораблем ударила молния, за которой сразу же раздался оглушительный раскат грома. На палубу обрушился ливень — и как я ни спешил вниз, меня вымочило до нитки, пока я добрался до трапа.

В последующие дни я неотступно следовал своему обещанию — ежеутренне навещал месье Вальдемара.

Теперь, когда я был посвящен в тайну, не было смысла проводить сеансы в полной темноте. Лигейя зажигала пару плашек или масляную лампу и открывала винный ящик. Мрачные тени плясали по восковому лицу покойника. После нескольких месмерических пассов Лигейи над телом мертвец начинал стонать,

охать, хныкать, подвывать — стало быть, мы опять добивались внимания с его стороны. Обычно в процессе вызова месье Вальдемара меня тоже окатывали волны неизвестной энергии — словно струи воды протекали через тело.

Потом начинался диалог — с горестных стенаний оживающего мертвеца.

— Ради всего святого! Отпустите меня! Говорю вам, я умер! Неужели у вас нет сердца? Дайте моей душе отлететь!

Я довольно быстро отучился обращать внимание на его нытье и сразу задавал какой-нибудь простенький вопрос.

Наш очередной разговор протекал так.

— Скажите, пожалуйста, какая сегодня будет погода? — спросил я.

— Солнечно. Ветер будет дуть с юго-запада со скоростью тридцать узлов. После обеда короткий ливень. О-о, какое страдание, какая мука!..

— Короткий ливень никому не повредит, — сказала Лигейя. — Ну как, вам уже удалось сузить район поиска фон Кемпелена?

— Франция или Испания. Пока что не могу сказать точнее. Я прозябаю в ледяном пространстве, разделяющем материю и дух, — там плохо думается!

— В прошлый раз вы указывали на Королевство Нидерландов. Почему же сейчас — Франция или Испания?

— Вероятность его появления в Нидерландах резко уменьшилась. Говорю вам, я покойник, с меня взятки гладки!

— Не капризничайте. Я тоже плохо себя чувствую сегодня утром. Ответьте: Гризуолду, Темплтону и Гудфеллоу известно, что мы их преследуем?

— Разумеется. О-о-о, а-а-а...

— Что они замышляют против нас?

— Что-то наверняка замышляют. Но я не могу проникнуть в их мысли. Однако знаю точно — до сих пор они ничего не предприняли вам во вред.

Тут его нижняя челюсть бессильно отвалилась, заголяя ряд желтых зубов и вздутый синюшный язык.

— Быстрее! Быстрее! Или разбудите меня совсем, или сделайте так, чтобы я заснул! Говорю же вам — я мертвый!

— Ладно, желаю доброго сна, — сказала Лигейя, проделала над ним несколько пассов и смежила его веки.

Иногда по утрам мы обсуждали другие вопросы.

— Доброе утро, месье Вальдемар, — говорила Лигейя. — Как вы себя чувствуете сегодня?

— О мука, о страдание! — начинал покойник, но я сразу же прерывал его стенания конкретным вопросом:

— Я много думаю над вопросом альтернативных миров. У меня такое впечатление, что существует великое множество параллельных миров, которые отличаются друг от друга иногда слегка, иногда довольно существенно.

— Не могу сказать, что вы не правы, молодой человек... Умоляю, отпустите меня с Богом. Дайте мне или жить, или умереть! Быть ни живым, ни мертвым — мука хуже смерти!

— И вот чего я не могу понять, — продолжал я, переждав его сетования, — каким образом можно перебросить человека из одного мира в другой.

— Для этого следует начинать с поиска исключительно похожих друг на друга личностей в параллельных мирах. Эта пара почти близнецов при сближении создает нечто вроде резонанса...

— А как отыскать вторую половину пары — в другом мире?

— Нужен особый детектор. Ради всего святого...

— Опишите такой детектор!

— Это человек, который и не жив, и не мертв, но обладает свойствами живого и мертвого. Именно он способен простереть область поиска в параллельный мир...

— Описанный детектор подозрительно похож на вас.

— Так оно и есть.

— Вы хотите сказать, что именно вы принимали участие в нашей перекрестной переброске из мира в мир?

— Нет. Я только отыскивал нужные личности.

— Выходит, это вы отыскиали По, Анни и меня для Гризуолда и его шайки?

— Да, я.

— Каким образом?

— Словами этого не опишешь. Можно лишь осуществить. Ради всего святого...

— Дайте ему заснуть, леди Лигейя.

А вот еще один разговор — утром серого дня, когда море ревели вокруг корабля и палуба ходила ходуном под нашими ногами.

— Доброе утро, месье Вальдемар. Как дела?

— Заклинаю вас, леди, освободите мою душу, дайте упокоиться моим бранным останкам...

— Мистер Перри желает задать вам несколько вопросов.

— Это не займет и пяти минут, месье Вальдемар. Ваши слова, сказанные на днях, навели меня на некоторые мысли. Для нашего обнаружения шайка Гризуолда использовала вас. Но

какая сила ответственна за наше физическое перемещение — подчеркиваю, физическое! — из мира в мир?

— Необходима была особенно могучая личность, способная создать нечто вроде метапространства, то есть места, где она могла бы в своем присутствии свести пару этих почти близнецов.

— Анни? Получается, что вы нашли нас, а Анни была движущей силой перекрестного переноса?

— Именно так. Если можете, дорогой сэр...

— Да-да, у меня нет больше вопросов...

Лигейя сделала нужные пассы руками и произнесла напоследок:

— Желаю приятно провести день, месье Вальдемар.

Когда она задвигала крышку ящика-гроба, корабль качнуло, и крышка с грохотом упала на пол. Очевидно, я не совсем привык к говорящему покойнику, потому что этот грохот ударил по моим перенапряженным нервам и заставил меня смертельно побледнеть — до тех пор я искренне воображал, что эти беседы мне уже ничем.

— Хотите чаю или настоя трав? — соболезнующе спросила Лигейя.

— Лучше настоя.

Однако на следующий день я пришел с новыми вопросами.

— Доброе утро, месье Вальдемар.

— Если жалость не совсем чужда вашим душам...

— Рада тому, что сегодня вы говорите столь четко. Эдгар хочет спросить вас еще кое о чем.

— Да, — сказал я. — Я не понимаю, как можно было заставить Анни выполнить перемещение, о котором мы толковали в прошлый раз, если результат заведомо невыгоден для нее.

— Ее принудил к тому доктор Темплтон — опытный месмерист.

— И все же я не понимаю. Если ее искусство в этой области столь велико, как говорят, то как же человек с более слабыми способностями мог манипулировать ею? А если он обладал большими талантами, нежели Анни, почему они не обошлись без нее?

— Его способности — все равно что свет свечи против небесного светила. Однако он сумел совладать с ней, воздействуя на нее в самое уязвимое время — когда она была девочкой.

— Что вы говорите! Да разве подобное возможно?

— После того как ее обнаружили в пространстве, было не-

трудно с помощью детектора направлять поток месмерической энергии доктора Темплтона в необходимый отрезок ее жизни.

— И в качестве фокуса такой энергии использовали вас?

— Верно.

— Стало быть, время для вас — преодолимый барьер?

— Время есть ничто как некое пространство — или пространства — между мирами. Проникать в прошлое легче, нежели в будущее.

Хотя на сей раз на море царил штиль, меня закачало — от его слов. Я пошатнулся и хотел ухватиться за край винного ящика, но промахнулся. Мои пальцы толкнули покойника в плечо. Оно было не мягче дерева.

— Бессмысленно колотить мертвеца, — уныло сказал месье Вальдемар.

— Простите, — сказал я, — это случайность.

Мое воображение рисовало мне мучительную картинку: играющих на берегу детишек. Но еще формулируя свой вопрос, я уже знал односложный ответ на него.

— Хотите ли вы сказать, — спросил я, — что доктор Темплтон заставил Анни создать такие условия, которые повлияли бы на жизнь всех нас троих до такой степени, чтобы перемещение из мира в мир стало возможно?

— Да.

— Выходит, мерзкая алчность сознательно играла тремя жизнями — ради своих низменных интересов?

Ответа не последовало. Только тут я понял, что не произнес вслух этот последний вопрос. Громко я спросил другое:

— И все это было затеяно для того, чтобы в нужный момент Анни появилась здесь и была похищена? А конечная цель всего коварного плана — с ее помощью выследить золотодела и раскрыть его секрет?

— Да, в данный момент ее используют в качестве инструмента для поиска.

— Что вы имеете в виду, говоря «в данный момент»?

— Скоро им понадобится очень много денег. Поэтому в данный момент Анни используют как инструмент. Затем ей найдут другое применение.

— Какое именно?

— Ее сверхъестественные таланты будут отняты — и станут составной частью Великого Дела.

— А что станет при этом с ней самой?

— Ее принесут в жертву.

— Вы шутите!

— Покойники не шутят! — возразил он. — И повторяю, сэр, нет смысла бить мертвого человека! Лучше отпустите меня с миром!

— Катись в ад!

— Можно подумать, что я сейчас не в аду!

Я ощутил руку Лигейи на своем плече.

— Уйдите! — сказала она твердо.

Только тут до меня дошло, что я наполовину вытащил мертвеца из гроба и трясу его за плечо!

Вторая рука Лигейи скользнула над моим позвоночником, и я почувствовал волну тепла. Я разжал руки и дал месье Вальдемару упасть в ящик.

— Ухожу, ухожу, — пробормотал я.

Она уложила покойника как следует, прикрыла крышку и увела меня прочь.

Как бы то ни было, на следующее утро я опять стоял у открытого гроба. Ответы месье Вальдемара имели свойство порождать новые вопросы.

— Bonjour, monsieur Valdemar.

— Леди, вы говорите с заключенным пыточного дома...

— В таком случае вы не посетуете, что мы отвлекаем вас — от пыток. У Эдди новая порция вопросов.

— Да, — сказал я. — Я как-то не решался спросить вас раньше, но скажите, пожалуйста, как ваши... э-э... останки попали к мистеру Эллисону. Ведь, судя по всему, вы были во власти Гризуолда, и он вас использовал в своих целях.

— Однажды ночью, не очень давно, мистер Петерс и Эмерсон ухитрились выкрасть меня.

— А Гризуолд знает, где вы?

— Да.

— И не пытался завладеть вами снова?

— Теперь у него есть Анни, и я больше не нужен.

— Она может делать все, на что способны вы?

— Моей проницательностью она не обладает, зато вполне удовлетворяет его нужду в астральном сознании.

— Кстати, каким образом он нашел вас — человека в очень особенном состоянии?

— А я не был в особенном состоянии, когда он меня нашел. Я был здоров и бодр.

— То есть?

— До встречи с ним я был жив-здоров.

— Стало быть, это он?..

— Да, он.

— Вы хотите сказать...

— Он довел меня до порога смерти.

— Простите за жестокие вопросы. Я не до конца понимал все происшедшее.

— Чем просить прощения, освободите меня. Дайте мне умереть.

— Увы, не могу. Вы нам нужны.

Я отошел от гроба и потупил глаза.

Лигейя обычным способом вернула месье Вальдемара туда, где он пребывал в промежутках между нашими утренними беседами. Мы задули свечи.

— Кофе? Или чаю?

— Чаю.

Три дня я не беспокоил его. То налетали штормы, то устанавливалась ясная погода. Я почитывал книги из собрания Эллисона и баловался, делая кое-какие опыты при помощи его алхимического оборудования. От скуки я заглянул к капитану Ги, попросил провести меня в оружейную каюту и выбрал себе саблю для упражнений. Сперва я тренировался в своей каюте, а потом на верхней палубе — в часы, когда она была почти пустынна. Мне нравилось заниматься на свежем воздухе, тело просило упражнений. Да и хорошее владение саблей мне не помешает — тут мой благодетель совершенно прав. И я до седьмого пота рубился с невидимым противником: делал выпады, отступал, кидался вперед. И порой заслуживал аплодисменты самого терпеливого зрителя — Эмерсона, который наблюдал за мной с матчевых снастей.

За всеми этими занятиями я не мог не думать о главном. Мысль моя нарабатывала новые вопросы к месье Вальдемару. И вот наступил час опять снять крышку винного ящика. Плошки коптели, месмерическая энергия струилась по каюте — и вскоре несколько стонов покойника возвестили, что контакт установлен.

— Доброе утро, месье Вальдемар!

— Есть хоть малая надежда на то, что сегодня вы дадите мне умереть?

— Боюсь, придется вас разочаровать, — ответил я. — Но постараюсь быть краток. Во-первых, у меня есть один вопрос общего характера. Из ваших прежних слов я не совсем понял: Анни заставили связать меня и По узами общности или она сделала это добровольно?

— По своей воле. Моей задачей было найти человека с ее уровнем сверхъестественных способностей, который уже уста-

новил такую связь между двумя мирами. Когда я нашел Анни, доктор Темплтон заставил ее создать королевство у моря.

— Но, сэр, вероятность обнаружения столь странного контакта была астрономически мала!

— Какая разница — ведь выбор был из бесконечного числа возможностей.

Лишь начиная с этого момента своей жизни я проникся уважением к концепции бесконечности, проблема коей в последнее время занимала много места в моих размышлениях. А тогда любопытство понудило меня сделать еще шагочек к большему знанию.

— Каким образом человеческий ум постигает феномен бесконечности?

— Мертвые охватывают ее взглядом с высоты вечности, — ответил он. — И если уж мы заговорили о вечности, молю вас...

— Нет-нет, только не заводите старый разговор! — перебил я.

— Эдди! — обратилась ко мне Лигейя, ставя ударение в моем имени, как обычно, на втором слоге — по французской привычке.

— Да?

— Некоторое время вы наблюдали за моими действиями, а я столько же времени наблюдала за вами. Вы менее восприимчивы к алкоголю и месмерическим воздействиям, чем жители нашего мира. То есть обладаете большими возможностями по отношению и к одному, и к другому.

— К чему вы клоните?

— Мне было бы любопытно обучить вас кое-каким приемам моего искусства — посмотреть, что из этого выйдет. Можем начать с того, что вы попробуете вернуть месье Вальдемара в состояние покоя.

— Не думаю, что я могу одобрить это... — начал было месье Вальдемар.

— А вы помалкивайте! — прикрикнула она на живого мертвеца, беря мои руки в свои. — Вам про это мало что известно!

— Я...

Первый же наш общий жест утихомирил его — при этом я почувствовал изливание из меня некоей слабой энергии.

— Отлично, — сказала Лигейя. — Лиха беда начало. Надо попробовать еще.

И я стал пробовать. Хотя мои попытки в последующие дни имели некоторый успех, они сопровождалась некими досадными побочными эффектами. Например, как только я — под руководством Лигейи — начинал опробовать свои способности к жи-

вотному магнетизму, раздавался звонкий стук внутри стен каюты. Такой же стук порой доносился снизу и сверху. Мебель начинала разгуливать из угла в угол, а мелкие предметы то поднимались в воздух и висали, то лопались или разлетались на кусочки.

На третий день наших опытов я сказал:

— Придется бросить это. Уж больно велик ущерб для состояния вашей каюты.

— Ваша сила нормальна для вашего мира, — сказала Лигейя. — Здесь она оказывается слишком велика. Возможно, не стоит больше искушать судьбу и экспериментировать на борту корабля. Океан глубокий.

После этого я бросил опыты в животном магнетизме, и операции с пробуждением и усыплением месье Вальдемара, как и прежде, стала проводить сама Лигейя. При первой же беседе он сообщил, что область поиска резко сузилась. Конечной целью нашего путешествия был теперь Париж.

...И обстоятельства его смерти были не менее загадочны, чем события во многих его рассказах. Его похоронили на балтийском пресвитерианском кладбище — на участке, принадлежащем семейству По. На могиле не было даже таблички с именем — только номер 80, воткнутый могильщиком для памяти, чтоб можно было по регистрационной книге узнать, кто тут лежит. Через несколько лет Нейлсон По заказал каменную плиту на могилу кузена Эдгара. Однако эта плита была разбита еще в мраморообработочной мастерской, расположенной у железнодорожных путей, — товарный поезд сошел с рельсов и проломил стену. Второй попытки поставить могильный камень предпринято не было. Потомки хватились слишком поздно — табличка с номером восемьдесят давно пропала, да и само место фамильного захоронения семьи По затерялось.

Даром что никто не знает, где, черт возьми, почуют его бранные останки, существует внушительный памятник Эдгару Аллану По. И почти всегда накануне его дня рождения кто-нибудь да вспоминает о нем. У подножия памятника рядом с цветами в иной год появляется бутылка виски или набитое чучело ворона. Бодлер и многие его соотечественники сказали массу добрых слов об Эдгаре По, хотя и считали талантливым забулдыгой — тем отчасти и нравился. Генри Джеймс отчаянно возражал французам, но вы его знаете — он всегда был занудой. По был тем писателем, кто, по выражению одного умного человека,

занимает огромное особое место в литературе — и почти никакого в обыденном сознании потомков.

В этом году у подножия памятника опять стояла бутылка виски. Но он не выпил ни капли.

Глава 5

Однажды ночью мой сон был потревожен. Я до этого периодически ворочался, то полупросыпаясь, то засыпая снова, а в какой-то момент, похоже, слышал почти отчетливо звуки ноябрьского шторма. Мои сны были бессмысленной мешаниной людей и мест. В какой-то момент шторм унялся — я и не заметил когда. И вот наконец я забылся сладким крепким сном...

Но вдруг я обнаружил, что сижу на постели, прислушиваюсь и приглядываюсь к теням и жду, когда мое сознание наконец подключится, догонит встревоженные органы чувств, потому что я никак не мог взять в толк, что же именно заставило меня проснуться и вскочить. Мне чудилось — в комнате кто-то есть, но лунный свет, вливаясь через иллюминатор, ярко освещал каюту, да и мои глаза полностью привыкли к темноте.

— Кто здесь? — спросил я громко, поспешно опустил ноги на пол, встал на одно колено и нашарил под кроватью саблю, положенную туда с вечера.

Ответом была мертвая тишина.

Тут я заметил слабое сияние у стены, возле лабораторного стола. Я встал, подошел поближе и замер, когда понял, что это всего лишь висящее на стене небольшое зеркало в металлической раме — и оно повешено под таким углом, что отражает лунный свет.

Однако по пути к гардеробному шкафу я обратил внимание, что сияние остается равномерным и неизменным, хотя я двигаюсь. Шустро перебрав висящую в шкафу одежду и убедившись, что там никто не затаился, я направился к зеркалу — получше присмотреться.

Оказалось, что оно отражает отнюдь не лунный свет. В зеркале я увидел залитый дневным светом, но подернутый туманом морской берег. Мое собственное отражение было бледным пятном на клубах тумана. И там, на берегу, возле одного из наших песочных замков, стояла Анни — в том возрасте, в котором познакомилась со мной, совсем девочка. Звук, что заставил меня вскочить на кровати, очевидно, был ее криком о помощи, ибо сейчас я услышал внутри мрачного подземелья своей памяти раскатистое эхо ее горестного вопля «Э-э-эдга-а-ар!».

— Анни! — крикнул я. — Я здесь!

Однако она меня не слышала. Я продолжал наблюдать за ней, но мысль не подсказывала ни одного способа дать знать Анни, что я тут, рядом. Вдруг справа от нее в густом тумане появилась человеческая фигура — она двигалась медленно, враскачку, очень неуверенно.

Я видел, как Анни повернулась к тому, кто приближался. Прежде чем я увидел его лицо, я угадал в этом человеке По. Но его внешний вид был большой неожиданностью для меня. Сорочка, хоть и из тонкого сукна, висит мешком. Какие-то безразмерные штаны. Он шел пьяной, шатающейся походкой и тяжело опирался на трость из ротанга. По казался намного старше меня: щеки обвисли, глаза мутные, взгляд ни на чем не задерживается. Сперва я даже подумал, что он под градусом. Однако, приглядевшись внимательнее, я увидел, что он просто очень болен. Это было лицо не пьяного, а человека, страдающего от жара. Анни кинулась к нему, но он двигался вперед так, словно не заметил ее. Когда она схватила его за руку, он внезапно рухнул на левое колено. Трость в руке описала широкий полукруг — и снесла несколько башенок песочного замка, проломила его стену. Какое-то мгновение он наблюдал за осыпью песка, потом перевел взгляд на Анни. Она порывисто обняла его, а уже в следующий момент он попытался встать. Не сразу, однако он все же встал — и двинулся дальше, прямо в мою сторону. Анни пошла за ним — хотя ее ротик несколько раз открывался, слов я не слышал. По подходил все ближе, ближе. Казалось, теперь он слепо смотрит мне прямо в глаза. Я ощущал его пристальный взгляд...

Мгновением позже его тело прошло через стену, голова — через зеркало, и он продолжал идти дальше, ничем не показав, что обратил внимание на свой проход через стену. Его бессмысленный взгляд скользнул по мне не задержавшись.

— Эдгар! — вскричал я. — По! Дружище! Стой! Остановись и отдохни! Мы хотим помочь тебе!

Он остановился. Обернулся. Воззрился на меня.

— Демон! — прохрипел он. — Дух-двойник! Зачем ты преследовал меня все эти годы?

— Вовсе я не демон, — сказал я. — Я твой друг Перри. Мы с Анни хотим помочь тебе...

Он застонал, отвернулся от меня и двинулся вперед. Я шагнул к нему в тот момент, когда он достиг полоски лунного света из иллюминатора. Свет прошел через него, как через раскра-

шенное стекло. Он остановился, поднял руку, посмотрел на нее — и сквозь нее.

— Умер — и стал призраком, — сказал он. — Ведь я уже бесплотный дух.

— Нет, — ответил я, — вряд ли. Давай я позову Лигейю, и она...

— Я умер, — повторил По, игнорируя и мои слова, и мое присутствие. — Но разве может бесплотный дух так страдать от болезни, как я?

Я приблизился к нему еще на шаг.

— Позволь мне попробовать...

Но тут рука его упала — и в следующий момент он исчез, весь, сразу, словно задули огонь свечи.

— По! — вскричал я.

Полная тишина. Я резко обернулся к зеркалу — теперь оно было темным.

— По...

Утром я тщетно гадал, был ли ночной драматический эпизод просто сном. Однако в руке моей, когда я проснулся, была по-прежнему зажата сабля. Я побрел к зеркалу и не увидел в нем ничего, кроме пылливо-встревоженного выражения на своей физиономии. Интересно, не это ли зеркало Эллисон использовал в своих алхимических штудиях? Возможно, именно его эксперименты сделали это зеркало более подвластным тем неизвестным силам, которые вдоволь потешились сегодня ночью.

Чуть позже, во время очередного сеанса общения с месье Вальдемаром, я спросил, в каком состоянии ныне находятся узы, связывающие меня, Анни и По.

— Они неизменны — ни крепче, ни слабее, — последовал ответ.

— Тогда я ничего не понимаю, — сказал я. — Последние видения резко отличаются от прежних. Что-то все-таки происходит.

— Да, — ответил недоумерший. — Но при этом узы, вас связывающие, неизменны. Изменился просто характер свиданий.

— А что тому причиной?

— Дух Анни посажен в клетку — ее одурманивают наркотиками и месмерическим воздействием. Они нарушают ее восприятие, искажают идущие от нее энергетические пучки.

— Чем я могу помочь Анни?

— Ее настоящее начисто скрывает от меня ее будущее, —

сказал месье Вальдемар. — Вероятностей слишком много, и я не вижу способа разрешить ситуацию к лучшему.

— Иными словами, она взывает о помощи, а способа помочь — не существует.

— По крайней мере в данный момент.

Я отвернулся, скрипнул зубами и мысленно разразился проклятиями.

— Выходит, мне остается только сидеть сложа руки! — с яростью произнес я.

— Я не вправе выносить моральную оценку ваших действий или вашего бездействия.

— Проклятье! Мне нужно одно — знать способ выручить Анни из беды!

— Сейчас для вас самое разумное — беречь себя. Вы должны быть целы и здоровы в тот момент, когда наконец представится возможность помочь.

— А такая возможность — представится?

— Вполне вероятно.

— А когда и где произойдет это «вполне вероятно»?

— Не знаю.

— Пропади оно всё пропадом! — запричитал я. — Чтоб вам пусто было! Неужели вы не можете подсказать мне *хоть что-нибудь* полезное?!

— Могу, — сказал он после долгой паузы. — Когда события примут совсем ужасный оборот — знайте, кое-что может быть нереальным.

— Это слишком мудрено для меня, — сказал я. — Не понимаю ваших слов.

— Даже сейчас, — продолжал месье Вальдемар, — Темплтон и Гризуолд ищут способ превратить Анни в свое оружие.

— Анни? В оружие?

— Да. Коль скоро она способна перемещать людей из мира в мир, то не исключено, что она может проделывать с людьми и другие вещи.

— Например?

— Пока что с точностью не могу ответить. Но что бы ни случилось — помните, что вы обладаете способностью переносить без вреда для себя гораздо большие дозы яда и животного магнетизма, чем кто бы то ни было в этом мире... Умоляю, отпустите меня!

Я сам проделал необходимые пассы, возвращая его в царство покоя.

После этих пессимистических признаний месье Вальдемара

я вдруг серьезно засомневался в его пользе для нашей экспедиции. Если он не в силах проникнуть в сознание постоянно одурманенной Анни, то какой от него вообще толк? И если он не подскажет способ ее спасти — мое участие в этой странной одиссее попросту лишено смысла. Ведь я пустился в путь единственно ради Анни!

В последнее время я коротал вечера за игрой в карты с Петерсом. И вечером того дня за картами обсудил с ним сложившуюся ситуацию. Я откровенно рассказал все о себе и о затруднениях месье Вальдемара.

Во время нашего разговора Эмерсон неустанно шатался по каюте. Временами он застывал у меня за правым плечом. И тогда я замечал, что он подает своему хозяину какие-то знаки, и партия неизменно заканчивалась победой Петерса. Оба в свое время выручали меня из опаснейших положений, поэтому мне было негоже сердиться на них. Да и как я мог обвинить их в мошенничестве — нелепо даже предположить, что обезьяна может постичь карточную игру и что-то кому-то подсказывать! Однако я стал — от греха подальше — класть карты на стол рубашкой вверх всякий раз, когда Эмерсон возникал за моей спиной. При этом я делал вид, что на время прерываю игру, дабы углубиться в подробности своего рассказа. Если Петерс и замечал мою уловку, она его только забавляла. Он проявлял живой интерес к моему рассказу и к мучившей меня проблеме.

В тот вечер, когда Эмерсон в очередной раз начал проделывать странные па за моей спиной, я отложил карты и поведал Петерсу о том, что месье Вальдемар находит действия Анни непредсказуемыми.

— Ха! — воскликнул он. — А вы сделайте поправку на ветер!

— Простите?

— Если ветер дует слева — цельтесь чуть левой от цели и попадете точнехонько куда нужно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы задаете своему полупокойнику не те вопросы, — сказал Петерс. — Расспрашивайте его наобум обо всем, что касается этой вашей леди. А ветер отнесет ваши вопросы точно к цели!

Эмерсон больше не забегал мне за спину, и к концу игры — кажется, тогда пробило шесть склянок — каждый из нас выиграл примерно одинаковое количество раз. Но я получил даровой совет, который хорошенько обдумал перед сном. И к следующему утру у меня был целый ворох новых вопросов к месье Вальдемару.

В очередной раз пламя в площадках покачивалось и по каюте протекали струи месмерической энергии...

— Мне неловко опять беспокоить вас, — сказал я после того, как услышал привычную порцию стонаний, — но не могли бы вы подсказать, где находится в настоящее время фон Кемпелен?

— В Париже.

— А точнее?

— Определенной улицы назвать не могу. Эти сведения для меня недоступны.

— Почему?

— Гризуолд предугадал ваш вопрос и заранее принял меры, — сказал месье Вальдемар. — По его приказу Темплтон заставил Анни скрыть Париж от моего зрения.

— Наш пострел везде поспел! — в сердцах сказал я. — Этот тип проворен и заранее предвидит наши ходы... А как насчет обычных, несверхъестественных способов узнать местонахождение фон Кемпелена?

— У мистера Эллисона изрядное количество доверенных людей в Париже...

— Да, у меня есть их список.

— Один из людей Эллисона дежурит в парижской гавани и узнает «Ейдолон», когда тот причалит к берегу. Он сведет вас со всеми нужными лицами.

— Боюсь, мы сможем доплыть только до Гавра, который находится в устье Сены, — сказал я. — Корабль нашего размера не сможет подняться вверх по реке до Парижа. Придется ехать из Гавра в дилижансе...

— Сможет, — сказал месье Вальдемар. — Попросите того, кто встретит нас в порту, свести вас с неким месье Дюпенем, который тоже сотрудничает с мистером Эллисоном. Этот Дюпен найдет фон Кемпелена хоть под землей.

— Гризуолд также отыщет фон Кемпелена — мы проследим за ним, и он выведет нас на Анни!

— Такой вариант событий возможен. Но я уже говорил, настоящее Анни полностью скрывает от меня ее будущее.

— Что ж, поправка на снос ветром более-менее сработала, — сказал я.

Поблагодарив бедолагу, я вернул его в состояние покоя.

Позже я извлек из тайника список французских сотрудников мистера Эллисона. Среди них числился и Дюпен — Сезар-Огюст Дюпен, проживающий в доме номер тридцать три на рю Дуно в предместье Сен-Жермен. Рядом была приписка: «В выс-

шей степени надежен, первоклассный ум, даром что поэт и большой чудак».

Капитан Ги заверил меня, что он не раз плывал на «Ейдолоне» во Францию и поднимался по Сене до самого Парижа, так что затруднений не предвидится.

Теперь во время своих сабельных экзерсисов я размышлял о фон Кемпелене и его драгоценном секрете. Я исходил из того, что Анни непременно укажет местонахождение ученого, а Гризуолд ухитрится первым найти его. Когда я столкнусь лицом к лицу с фон Кемпеленом — а этот момент рано или поздно наступит, — что я ему скажу, какие аргументы выдвину? Краем глаза я видел, как откуда-то на палубу вышел Эмерсон и остановился понаблюдать, как я атакую невидимого врага. И так, предложит ли Гризуолд фон Кемпелену деньги в обмен на его секрет? Или попробует вырвать секрет пытками? Нет, скорее станет торговаться. Процесс получения золота из свинца длительный, сложный — им трудно будет обучиться, даже если они заставят фон Кемпелена показать все этапы преобразования. Необходима добровольная помощь алхимика.

Но что можно предложить человеку, который умеет делать золото считай что из грязи?

Хитрый вопрос. Очень вероятно, что процесс получения золота требует дорогого оборудования и дорогих ингредиентов. Так что производить золото в большом количестве может оказаться делом недешевым. И тут Гризуолд способен пособить фон Кемпелену, равно как выполнить и другие пожелания ученого. Вытираясь полотенцем после упражнений с саблей, я размышлял, подействует ли на алхимика призыв не подрывать стабильность мирового рынка золота. Это хоть менее абстрактно, чем указание на этическую недопустимость производства избыточного количества золота. Нет, лучше всего продемонстрировать фон Кемпелену всю низость Гризуолда. Но сработает ли?.. Откуда мне знать — может, в натуре самого фон Кемпелена предостаточно низменных черт и чужая подлость несколько не отталкивает его, благо есть возможность ею воспользоваться.

Натягивая на себя сорочку, я попытался представить, как бы отреагировал на данный вопрос Сибрайт Эллисон. Не колеблясь ни секунды с ответом, он бы, наверное, расплылся в добродушной улыбке: «Секреты умирают вместе с людьми». Но я не собирался лишать жизни кого бы то ни было ради сохранения стабильной цены на золото. Что же мне остается?

Вернувшись в свою каюту, я достал из тайника рекомендательные письма и задумался над ними. Похоже, при необходи-

мости можно раздобыть внушительную сумму денег. Хоть я и не хочу, чтобы распря между моим нанимателем и Гризуолдом дала возможность фон Кемпелену заломить побольше за свой секрет, делать нечего — простейшим решением будет предложить больше Гризуолда. Так я и решил в конце концов: сперва покажу гнилое нутро Гризуолда, а если это не подействует, попробую переманить фон Кемпелена щедрыми посулами.

На палубу я вернулся с меньшим грузом на душе. Наконец-то у меня были кое-какие точные сведения и более или менее сносный план.

День стоял ясный, дул свежий ветер, светило солнышко, и до обеда оставалась одна склянка. Весело надувая паруса, ветер гнал нас к французскому берегу...

Извилистая Сена неторопливо несла свои воды в юго-восточном направлении. Под свинцовым ноябрьским небом наш корабль медленно пробирался среди многочисленных судов и суденышек. На последнем отрезке пути нас буксировал небольшой паровой катер. На берегу стояли голые деревья. Вода была серой.

В это время года тут было трудно отличить сумерки от дня. Я стоял на палубе в полумраке и наблюдал за движением темных масс вокруг. Светало, но солнце пряталось за сплошной пеленой облаков. Мосты, мельницы, крестьянские телеги снуют по дорогам. Дома подрастают, их становится все больше, и стоят они все ближе друг к другу...

— Еще несколько часов, и вы, мистер Эдди, проверите свое умение парлякать, — раздался рядом голос незаметно подошедшего Петерса. Я покосился на тень на палубе — Петерс был без своего мохнатого сиамского брата.

Я отрицательно мотнул головой.

— Боюсь, мой французский в жалком состоянии. А вы тут бывали?

— Несколько раз — по поручению мистера Эллисона.

— Знаете язык?

— И да, и нет.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже говорил, что мой папаша был вояжером — в районах, где жили французы. Пока мы были вместе, я поднабрался у него французского, но потом перенял от некоторых своих знакомых парижское арго, язык голодранцев и шпаны. Так что понимать кое-как понимаю, а вот когда открываю рот — порядоч-

ные французы шарахаются в сторону и понимают, что мне доверять нельзя.

— Вы хотите сказать, *им кажется*, что вам нельзя доверять?

— Нет, они *понимают*, что мне доверять нельзя.

— О-о!..

Он рассмеялся, я подхихикнул в тон ему, но в душе задумался над его словами.

Мы бросили якорь и ошвартовались в парижской гавани ближе к полудню.

В порту было шумно, много движения, пахло пряностями и какой-то гнилью. Я сказал капитану Ги, что спущусь на берег в сопровождении Петерса сразу после того, как корабль причалит к берегу. Капитан возразил, что нам предстоит некоторые таможенные формальности, — он проследит, чтоб они не затянулись, а мы пока успеем пообедать.

Мы с Петерсом так и поступили, спустились в кают-компанию и неспешно занялись трапезой.

Тем временем матросы, перекрикиваясь, спустили с корабля трап, а через некоторое время к нам подошел капитан Ги.

— Эдгар, — сказал он, — вас не затруднит пройти со мной? И прихватите Петерса.

Я хотел было спросить, что за срочность, но он поймал мой взгляд и приложил палец к губам. Я кивнул, вскочил из-за стола и последовал за капитаном. Петерс двинулся за нами, а у трапа к нам присоединился неведь откуда взявшийся Эмерсон.

Капитан Ги привел нас в свою каюту, где находилась невысокая худая брюнетка в элегантном, но неброском наряде. Тепло улыбаясь нам, она встала с широкого кожаного кресла.

— Знакомьтесь, — сказал капитан Ги, — это мисс Мари Роже, одна из сотрудниц мистера Эллисона. Она поджидала наш корабль на пристани.

Я удивился: каким образом Сибрайт Эллисон, ничего не зная о конечной цели нашего путешествия, известил ее о нашем прибытии? Брюнетка тут же разрешила мой незаданный вопрос. Оказывается, эллисоновский агент в Гавре незамедлительно оповестил парижских коллег о том, что судно хозяина поднимается вверх по Сене. Было решено послать на яхту Мари Роже, чтобы узнать, не нужна ли какая помощь от парижской агентуры.

Эмерсону она, похоже, пришлась по душе. Разговаривая с нами, Мари Роже несколько раз погладила его, словно он был большой собакой. Это очень понравилось орангутангу, и он стал резвиться, бегая из угла в угол, пока Петерс не прикрикнул на него, после чего Эмерсон мигом спрятался под столом.

— Итак, если вам что-либо нужно — я к вашим услугам, — закончила милая брюнетка.

— Замечательно, — сказал я, — не премину воспользоваться вашим предложением. Мы разыскиваем ученого по фамилии фон Кемпелен. Точнее говоря, мы преследуем того, кто разыскивает фон Кемпелена. Что, впрочем, то же самое...

— Нужного вам человека видели в Париже, — сказала она, перебивая меня. — Здесь, на континенте, его считают персоной, за которой следует внимательно следить. Так что мы сможем оказать вам некоторую помощь в данном вопросе. А теперь продолжайте, пожалуйста.

Я поведал ей о похищении Анни и других проделках Нечистой Троицы, а также о вероятном открытии способа превращать свинец в золото. Я ничего не сообщил о самом себе, о своем переходе в этот мир, равно как и о месье Вальдемаре. Я считал, что это не относится к делу.

— Перед вашим приходом, — закончил я свой рассказ, — мы планировали спуститься на берег и разыскать месье Дюпена.

Она одобрительно кивнула.

— Правильный выбор. Я работала с этим человеком и высоко ценю его блестящий ум и безупречную порядочность. Хотя я не беседовала с ним касательно открытия фон Кемпелена, вероятно, он больше моего знает об этом деле. Могу проводить вас к нему.

— Он живет по-прежнему в доме тридцать три по рю Дуно? — осведомился я.

— Верно.

— Когда мы сможем повидаться с ним?

— Очень вероятно, что он сейчас дома. Дело настолько серьезно, что мы можем явиться к нему без предварительного приглашения.

— Тогда давайте направимся к нему немедленно, — предложил я.

— Отлично, — сказала Мари Роже. — Если у него нет нужных нам сведений, он все разузнает — притом очень быстро. Его аналитические способности вошли у нас в легенду.

Мы с ней направились к двери, но капитан Ги остановил нас, указав на Эмерсона, который выпрыгнул из-под стола и бесшумной тенью увязался за нами. Такой сопровождающий мог вызвать нежелательный ажиотаж на улицах, поэтому Петерс приказал орангутангу пока оставаться в каюте капитана, а сам вышел с нами.

Мы спустились по трапу на причал, миновали портовых ра-

бочих, которые перетаскивали мешки и ящики с товарами, и пошли по малолюдной улице мимо дешевых магазинчиков и таверн.

— В этом нищем районе наемного экипажа не найти, — сказала Мари. — Придется немного пройти пешком до более respectable кварталов.

Я согласно кивнул. Меня забавляло, с каким апломбом коротышка Петерс шествует по парижской улице — слегка раскачиваясь по корабельной привычке.

— Надеюсь, я смогу уговорить вас стать нашей переводчицей на все время нашего пребывания в Париже, — обратился я к Мари. — Все ваши расходы и потраченное время, разумеется, будут оплачены.

— С удовольствием, месье Перри, — сказала она.

— Называйте меня просто Эдгар.

— Славное имя — Эдгар. Повернем здесь, Эдгар.

Мы повернули в переулок, по которому медленно двигалась телега старьевщика. Сам старьевщик с грязным мешком за спиной забирал что-то, выставленное у порога каждого дома. Издалека слышалась ритмичная песня работников, занятых какой-то тяжелой ручной работой. На мостовой среди луж виднелись знакомые лошадиные яблоки, не менее вонючие, чем у нас в Америке.

Переулок вывел нас на широкую оживленную улицу с множеством экипажей и телег, а также всадников и пешеходов.

— Вот тут мы непременно найдем свободный экипаж, — сказала Мари.

Пять минут спустя мы проходили мимо цветочного киоска, возле которого толпилось много народу — одни беседовали, другие рассматривали стойки с букетами из засушенных цветов. Когда мы миновали этот киоск, из-за следующего, где продавались дешевые ленты, вышел немолодой мужчина. На мгновение я встретился с ним глазами — в его пристальном взгляде мне почудилась безумная искорка, и я сразу насторожился. Одет он был очень бедно, лишь на левой руке блестело дорогое кольцо. Но что это? У стариков не такая кожа на руках! В этот момент мнимый старик метнулся ко мне, поднимая от бедра правую руку со стальным лезвием.

Я был готов к неожиданности — шагнул ему навстречу, предплечьем своей левой руки парируя руку с ножом, а кулак правой руки направил противнику в солнечное сплетение. Тот вовремя отшатнулся, и мой удар не достиг цели. Но мнимый старик охнул и дернулся, словно я действительно попал ему в

солнечное сплетение. Только спустя несколько мгновений до меня дошло, что одновременно с моим неудачным ударом Петерс жажнул нападавшего по почкам. Выронив нож, оборванец кинулся прочь. Я хотел бежать за ним, но Мари ухватила меня за рукав.

— Мерзавец из местной шпаны, — сказала она. — Я вижу его не первый раз в этом квартале. К вечеру мы узнаем, кто его хозяин.

Тем временем мнимый старик уже скользнул в узкий проход между домами и был таков. Я пожал плечами и ногой отшвырнул нож футов на восемь. Петерс с ухмылкой в свою очередь наподдал нож, и тот пролетел еще футов шесть-семь. Так мы и пошли вперед, гоня перед собой злополучное оружие, пока не нашли свободный наемный экипаж.

По пути Мари наскоро познакомила меня с расположением улиц и давала первый урок французского, вбивая мне в голову необходимейшие фразы. Громыхая, наш экипаж какое-то время катил по улицам сен-жерменского предместья. Серое небо окропило нас мелким дождичком, который длился не больше пары минут. На холмах и между деревьями вился туман.

Вскоре мы ехали по рю Дуно. Экипаж остановился у причудливого ветхого особняка. Его изначально величавый вид навел меня на мысль, что тут живет обедневший аристократ, но тут я увидел табличку с номером. Это был тот самый дом, что мы искали.

— *C'est le maison de monsieur Dupin?* — спросил я, бахвалясь своим французским.

— *La maison,* — поправила она.

— И все-таки — мы на месте?

— Конечно же.

Она расплатилась с возницей, и мы спустились на мостовую. Экипаж затарахтел прочь, а Мари вместе со мной и Петерсом подошла к двери и дернула шнурок колокольчика. Невдолге дверь распахнулась. На пороге стоял элегантного вида холеный молодой мужчина — явно не слуга. Мари заговорила с ним, и в течение нескольких минут они беседовали стремительной французской скороговоркой. Наконец он обратил внимание на нас с Петерсом.

— Простите, — сказал он неожиданно сочным тенором, — нам следовало побыстрее обменяться важной информацией. Стало быть, вы ищете фон Кемпелена? Милости прошу, проходите.

Мужчина посторонился, пропустил нас внутрь и закрыл дверь.

— Сюда, господа.

В коридоре пахло плесенью и царил полумрак. Паркет скрипел под ногами. Хозяин повел нас мимо сумрачных комнат, уставленных старинной, чтобы не сказать просто очень старой, мебелью. Мы шли, шли, пока наконец не добрались до рабочего кабинета, который был освещен немного получше, однако обставлен не менее ветхой мебелью. Нас приветствовал поток ругательств, произнесенных очень странным голосом — такой может быть у домового.

— И ты иди туда же, приятель! — огрызнулся Петерс, замотав головой в поисках обидчика.

— Грип, уймись! — приказал Дюпен. — А теперь слушай! Повторяй за мной: Карл для Клары устроил пожары!

— Бац! — произнес тот же голос домового, который, как я теперь определил, принадлежал ворону, восседавшему на полке над дверью. Это «бац» сопровождалось звуком, напоминавшим шипение только что открытой бутылки шампанского.

— Больше никогда, Грип! Больше никогда не смей ругаться! — прикрикнул Дюпен.

— Бац! — повторила птица, после чего разразилась потоком таких ругательств, какие я, даром что провел много лет в казармах, слышал только пару раз — от арканзасского погонщика мулов, который при случае поминал много вещей и желал многим людям и предметам занять чесотку в промежности.

— Больше никогда! — повторил Дюпен.

— Je m'en fiche, — сказал ворон.

Мой скудный французский позволил мне понять, что он сказал «плевать».

Дюпен усадил нас на стулья, обтянутые золотистым с крупными розовыми цветами штофом, вычурные и очень красивые — и, увы, крайне неудобные. Затем он предложил нам вишневую наливку.

— Я сам пописываю стихи, — признался хозяин, — и мне доставляет удовольствие обучать птицу стихотворным строкам. На беду, ее прежние владельцы пользовались в присутствии Грипа, скажем так, опрометчивым языком. От них он понабрался всякого ненужного...

Я воздержался от вопроса относительно прежнего местожительства ворона.

— Этого отменного говоруна продавали дешево — вот я и не удержался, — сказал Дюпен. — Ну а теперь касательно фон Кемпелена. Мне известно, где он сейчас. Я всячески стараюсь быть в курсе того, где останавливаются разные заезжие знаменитости.

Но ваша цель, как я понимаю, намного сложнее, чем просто найти фон Кемпелена.

— Вы верно поняли, — сказал я. — По слухам, этот человек овладел способом превращать неблагородные металлы в золото. Дюпен расплылся в улыбке.

— А-а, ясно. Кто только — в разные века — не претендовал на это открытие!

— Есть резоны на сей раз поверить. Фон Кемпелен хранит молчание по поводу сути своего открытия. Как бы то ни было, его выслеживают три больших мерзавца, желающих завладеть секретом.

— Честным путем или обманом?

— Предположительно, честным путем. Этот алхимический процесс настолько сложен, что никаким обманом все подробности не вытянешь. Даже знание всех деталей бесполезно для людей неопытных. Слишком много тонкостей. Поэтому мне кажется, они постараются заключить с ним более или менее честную сделку.

— А какова все-таки ваша конечная цель? — спросил Дюпен.

Я глотнул сладкой наливки и решил быть откровенным.

— Моя цель отличается от цели моего покровителя, — сказал я. — Сибрайт Эллисон хочет пресечь возможную сделку, дабы на мировой рынок не было выброшено огромное количество золота, что подорвет его финансовое могущество, поскольку он проводит крупные операции с желтым металлом.

— Дело даже не в том, — заметил Дюпен, — что наш покровитель понесет огромные убытки в случае выброса на рынок невиданных партий золота. Вы только припомните, какой вред нанесли Испании мексиканские и перуанские сокровища. Все проблемы этой страны — начиная чуть ли не с инквизиции и до нынешней бестолковой войны — уходят корнями в бесконтрольный и в итоге губительный приток огромного количества дарового золота, что делало лишним правильное и кропотливое развитие разветвленной экономики... И как далеко готов мистер Эллисон зайти для предотвращения возможных неприятностей?

— Я бы выразился так: очень далеко, — сказал я, припоминая намеки Эллисона на то, что меня ждет изрядная награда, если я навсегда упрячу Гризуолда, Темплтона и Гудфеллоу под землю.

— А не хочет ли он предложить за секрет больше конкурентов?

Думая о фантастических суммах, доступ к которым открывали мои рекомендательные письма, я решительно кивнул.

— Мне даны весьма широкие полномочия, — сказал я, — а также открыт доступ к большим финансовым средствам. Так что я не исключаю подкуп. Что вы думаете по этому поводу?

— Я проведал, что фон Кемпелен совсем недавно и не один раз встречался с тремя иностранцами — судя по всему, американцами. Из чего я заключаю, что они ведут переговоры. С другой стороны, я более чем уверен, что он относится к ним с величайшей подозрительностью. Да ему и следует в данных обстоятельствах относиться очень настороженно — ко всем без исключения.

— Тут не может быть двух мнений.

— И его подозрительностью можно воспользоваться... — вслух размышлял Дюпен. — Но объясните прежде, что вы имели в виду, говоря: «Моя цель отличается от цели моего покровителя».

— Он стремится не допустить сделки, дабы оградить свои финансовые интересы. А меня интересует леди, которую Гризуолд похитил и держит пленницей. Она обладает некими особыми психическими способностями, которые Гризуолд пока использует для выслеживания фон Кемпелена, а в будущем собирается найти им еще худшее применение. У него самые зловещие планы — и в результате она может погибнуть.

— А-а! Тут замешана женщина! — Дюпен наклонился ко мне и потрепал меня по руке. — Понимаю, понимаю.

— Да, отчасти тут замешана женщина, — сказал я. — Но я бы очень удивился, если бы даже француз сумел разобраться в наших очень особенных взаимоотношениях.

— Вы до предела возбудили мое любопытство! — воскликнул Дюпен. — Прошу вас, расскажите мне все.

И я поведал ему все. Забывшись, я выпил за время рассказа целых четыре стаканчика наливки. И то, что у меня не начался приступ белой горячки, возможно, стало лишним доказательством моей правдивости.

— Да, — промолвил мой собеседник, кивая, — все это не кажется сложным тому, кто знаком с германскими философами, особенно с трудами Лейбница. Скажем, понятие о множественности миров...

— Дерьмо! — закричал Грип по-французски, перелетая с полочки над дверью на плечо Дюпена. Затем то же повторил на немецком, русском и итальянском. — Scheisse! Говно! Mierda!

— Замолчи, Грип! — приказал Дюпен. — Как я уже говорил, альтернативные уровни реальности нетрудно представить, если

знать постулаты проективной геометрии Дезарга в свете незавершенных работ Гаусса по вычислению вероятностей...

Мари Роже кашлянула и встала.

— Извините меня, — сказала она, — но я жду дальнейших инструкций. Если их не будет, то я покину вас, чтобы расследовать обстоятельства покушения на мистера Перри.

— Да, и я как раз собирался предложить вам несколько линий расследования.

Мари произнесла несколько слов по-французски, и Дюпен встал. Глядя на меня и Петерса, он сказал:

— Простите меня, господа. Я должен проводить мадемуазель.

Он покинул рабочий кабинет вместе с вороном на левом плече, по пути переговариваясь с Мари Роже на французском.

— Вы понимаете все, про что он толкует? — спросил Петерс, когда мы остались одни. — Про всяких там германских философов и прочие сложные материи?

Я пожал плечами.

— Похоже, он превращает разговор в заумный диспут.

— Давайте попробуем переменить тему, когда он вернется, — сказал Петерс. — Птица по справедливости обложила его последними словами.

Когда спустя несколько минут Дюпен вернулся, ворон, успевший переместиться с его левого плеча на правое, воззрился на меня и Петерса, потом оглянулся на хозяина и громко спросил: «Где я?»

— Так вот, касательно фон Кемпелена... — быстро подсказал я Дюпену, чтоб он не занялся снова теоретизированием.

— Ну да, — сказал он, — это изобретатель так называемого шахматного автомата. Разумеется, сей автомат не более чем надувательство, ибо машина не может играть в шахматы — это процесс умственный, а не механический.

— Наверное, — согласился я.

— Скажу больше, — продолжал Дюпен, воодушевляясь, — если такой автомат будет создан, он обречен всегда побеждать человека. Как только изобретут принцип создания машины, способной играть в шахматы, дальнейшая разработка того же принципа приведет к тому, что автомат будет выигрывать сперва иногда, а потом, по мере развития все того же принципа, — постоянно!

— Э-э... — вмешался я, — дело в том, что нас интересует преимущественно его алхимическое открытие.

— Ах да, простите, — согласился мой собеседник. — Алхимия — чудесная научная дисциплина. Я...

— Нам предстоит завоевать доверие фон Кемпелена до такой степени, чтобы он по своей воле признался нам хотя бы в действительном существовании своего изобретения. Как, по-вашему, лучше всего приступить к этому сложному делу?

— Хм... Я вижу несколько возможностей, — сказал Дюпен. — В жизни чаще всего срабатывают простейшие уловки. Вот и придумаем что-нибудь простенькое. Скажем... скажем... Ну, например, вы — путешественники из Америки, которые случайно увидели и узнали его на улице. Вы идете к нему домой, якобы желая побеседовать с прославленным изобретателем шахматного автомата. Чтобы не получить от ворот поворот, один из вас может предложить пари на большую сумму, что он победит шахматный автомат. Насчет денег беспокоиться не надо, потому что если эта партия на пари и начнется, то закончена не будет.

— Почему? — удивился я.

— Вы появитесь у него дома сегодня в восемь вечера. До этого я переговорю с нашим полицейским префектом Анри-Жозефом Жиске — он мой должник, в свое время я оказал ему немало услуг. Префект позаботится о том, чтобы вечером поблизости от дома, где живет фон Кемпелен, не оказалось ни одного полицейского. Он же отрядит со мной нескольких разбойников из числа тех, кто чем-либо обязан ему. По моему приказу эти головорезы в девять вечера ворвутся в дом — якобы с целью грабежа и насилия. Вы со своим другом окажете им ожесточенное сопротивление и вынудите бежать. Это неизбежно породит симпатию к вам со стороны фон Кемпелена — он сообразит, что вы хорошие защитники, и постарается удержать при себе. А вы продолжайте восхищаться его талантами и пользуйтесь случаем покрепче сдружиться с ним. Через денек-другой можете завести разговор на интересующую вас тему. При необходимости раскройте черные замыслы Гризуолда и иже с ним — и пообещайте лучшую плату.

Я покосился на Петерса. Он одобрительно кивал.

— Недурственный план, — сказал он. — Сойдет для начала. А главное, мы не будем топтаться на месте — раз-раз, и в дамках!

— А я тем временем, — продолжил Дюпен, — побеседую с министром, моим однофамильцем. Наше сходство с ним кончается фамилией. Этот Дюпен ужасный позер, но позер с положением в обществе. Он должен быть в курсе того, не вел ли фон Кемпелен переговоры с французским правительством относительно выхода из нынешнего финансового кризиса путем полу-

чения от него невероятного количества золота. Словом, если министр хоть что-нибудь знает об этом деле, я вытяну из него все — быть может, это как-то поможет вам, пролет свет на ситуацию и уяснит ваши перспективы.

— Будем весьма благодарны за ваши хлопоты.

Дюпен взмахнул рукой, от чего Грип растопырил крылья и издал шипящий звук.

— Бог с ней, с благодарностью. Деньги мне сейчас нужней благодарности. Я составлю счет, в котором подробно перечислю все свои услуги... Кстати, нельзя ли получить небольшой аванс уже сегодня?

— Конечно, — сказал я. — Днем я намерен заглянуть в один банк, к владельцу которого у меня имеется рекомендательное письмо. Мне и самому нужны деньги на непредвиденные расходы. Подскажите мне адрес фон Кемпелена — желательно бы набросать карту — и назовите нужную вам сумму денег. После этого я немедленно отправляюсь в путь.

Дюпен перешел за небольшой письменный стол и взял листок бумаги и перо.

— Если по завершении дневных дел вы намерены вернуться на «Эйдолон», я пошлю к вам человека — получить мой аванс и сообщить, готово ли все к нашему вечернему спектаклю.

— Замечательно, — сказал я, когда он провожал меня к двери. — Через несколько часов мы вернемся на борт корабля. Еще раз огромное спасибо.

— Всегда к вашим услугам, — ответил Дюпен. — Кстати, не одолжите пока двадцать франков?

— С удовольствием, — сказал я, вручая ему банкнот из пачки, найденной в тайнике Эллисона.

— Отдам в ближайшее время, — сказал он.

— Никогда, — скрипуче изрек ворон, и дверь закрылась за нашими спинами.

Вечером, одевшись потеплее, чтобы защититься от холодного ветра, мы с Петерсом направились на розыски дома, где жил фон Кемпелен. События могли повернуться всяко, и потому Петерс настоял на том, чтобы мы прихватили с собой Эмерсона. Но парижанам было невдомек, кто сопровождает нас, ибо Эмерсон следовал за нами по крышам, невидимый в темноте. Только собак было не провести. Вой и лай сопровождали нас на всем протяжении пути.

Петерс весело насвистывал, а один раз хохотал до колик, когда группа бродячих собак завидела орангутанга на крыше и устроила такой концерт, что женщина, идущая нам навстречу, перекрестилась и прибавила шагу.

Через продолжительное время мы наконец оказались в нужном квартале и нашли нужный дом, на котором красовалась надпись «Порт-д'О». Одно из окон последнего этажа было освещено — похоже, именно в той квартире, где жил фон Кемпелен.

— Я бы на его месте нашел себе берлогу понадежней, — проворчал Петерс. — Когда твоя башка стоит целое состояние, надо быть поосмотрительней!

— Он старается не привлечь к себе внимания, — сказал я.

— Для этого не обязательно забираться под крышу, — буркнул Петерс.

Дверь открыл консьерж. Петерс выпалил в него длинной фразой на арго, тот что-то ответил, однако в дом нас не пустил, загораживая проход своим дородным телом. Выглядел он несколько перепуганным. Да и было с чего испугаться — за нашей спиной был полукруг надсадно лающих собак.

— Pourquoi les chiens aboient-ils? — спросил он.

— Je suis loup-garou, — ответил Петерс на своем ломаном французском. — Je veux Von Kempelen.

Консьерж недоверчиво взирал на нас. Петерс опять хохотнул — дико, зловеще. Консьерж криво улыбнулся и пропустил нас.

— Trois? — спросил Петерс через плечо.

— Oui, — сказал консьерж, не потрудившись добавить «месье».

— Мерси, — сказал я, чтобы хоть немного блеснуть знанием французского.

Мы поднялись по бесконечной лестнице между высокими этажами и постучали в нужную дверь. Ответом было молчание. Мы подождали с полминуты, потом постучали громче.

Через минуту пришлось стучать в третий раз, и я вдобавок закричал:

— Господин фон Кемпелен! Мы пришли по важному делу, которое, я уверен, заинтересует вас! Вы не зря потеряете время!

Дверь скрипнула и чуть-чуть приоткрылась. На нас недоверчиво уставился большой голубой глаз.

— Ja? — спросил его владелец.

— Мы американцы. А вы, как я понимаю, изобретатель знаменитого шахматного автомата?

— Ну и что? — спросил фон Кемпелен. — Если я тот изобретатель — что дальше?

Я вынул из кармана пачку долларов, также найденных в тайнике Эллисона, и потряс ими перед алхимиком.

— Я представитель балтиморского шахматного клуба. Ставлю тысячу долларов на то, что обыграю вашего механического болвана.

Дверь приоткрылась шире, и мы смогли разглядеть фон Кемпелена. Это был пухлый человечек небольшого роста с песочными волосами и бакенбардами того же цвета. У него был внушительный римский нос и большие глаза навывкате — мне говорили, такие бывают у тех, кто страдает от особого нарушения деятельности щитовидной железы. Половина его лица была в мыльной пене, а в руке он держал бритву.

— Мне очень жаль, господа, — сказал он, — однако в данный момент машина не готова к работе.

— Ах, какая досада! — воскликнул я. — Все члены клуба с таким нетерпением ждали этого состязания, столь многое с ним связывали! А сколько времени нужно, чтобы аппарат заработал? Возможно, пока успею сходить в отель, чтобы принести еще денег...

Неожиданно дверь распахнулась полностью — очевидно, фон Кемпелен наконец принял окончательное решение относительно нас.

— Проходите, господа, — сказал он.

Когда мы зашли в комнату, изобретатель указал на пару продавленных стульев.

— Присаживайтесь, господа. Я как раз собирался заварить чай. Если желаете, присоединяйтесь ко мне.

— Спасибо, — поблагодарил я, и мы с Петерсом направились к указанным стульям.

Фон Кемпелен, положив бритву на туалетный столик, вытирал лицо полотенцем и внимательно разглядывал наши отражения в зеркале, пока мы садились. Тем временем стала закипать вода в чайнике на небольшой спиртовке, стоявшей на ящике слева от алхимика. В комнате этот ящик не был единственным. Множество больших коробок стояло во всех углах — в открытых виднелись причудливые предметы оборудования алхимической лаборатории. Закрытые ящики были сложены в основном на длинной лавке в дальнем конце помещения. Некоторые, поменьше, виднелись из-под лавки.

А между тем собаки на улице не унимались.

Фон Кемпелен нашарил в одном из открытых ящиков три чашки от разных сервизов, протер их тем же полотенцем, которым стирал пену со щек, — и занялся приготовлением чая.

— Чтобы собрать и отладить шахматный автомат, — сказал он, — потребуется несколько дней. И то лишь в том случае, если у меня не будет более неотложных дел. Но в самое ближайшее время я ожидаю крупный заказ, выполнение которого потребует от меня кропотливой, тщательной и очень сложной работы. Так что, боюсь, у меня просто не будет времени устроить шахматный матч, о котором вы просите. Хотя предлагаемые вами деньги мне крайне быгодились. Вам с сахаром? Или добавить немного сливок?

— Сахара, пожалуйста, — сказал я.

— Без ничего, — наилюбезнейшим тоном произнес Петерс.

Ученый дал нам по чашке дымящегося чая и сел напротив нас.

— Как это ни досадно, — закончил он, делая первый, осторожный глоток из своей чашки, — но я, скорее всего, не смогу быть вам полезен.

— Вполне понимаю вас, — сказал я. — Хотя мои коллеги по шахматному клубу огорчатся не меньше моего, ваша работа, разумеется, куда важнее нашего увлечения. — Тут я посмотрел на ящики с оборудованием и спросил как бы между прочим: — Ведь вы по основной профессии химик, не так ли?

Его выразительные выпуклые глаза пристально изучали мое лицо.

— Я многим занимаюсь, — сказал фон Кемпелен. — В том числе и химией. В настоящее время я заканчиваю переговоры о начале большой и длительной работы, сущность которой мне не хотелось бы обсуждать. Как только я приду к удовлетворительному соглашению с моими возможными нанимателями, я тут же приступлю к делу.

— Извините, я никоим образом не хотел вмешиваться в ваши дела, — сказал я. — Быть может, я загляну к вам по поводу шахматного автомата спустя некоторое время.

— Что ж, попробуйте, — добродушно согласился он. — Давно вы в городе?

— Утром приплыл.

— Надеюсь, вы пересекли океан не для того, чтобы разыскать меня и устроить этот необычный матч?

Я рассмеялся.

— Нет. Просто недавно я получил кругленькое наследство и теперь могу осуществить свою заветную мечту — совершить путешествие по Европе. Сразу по приезде в Париж мне сказали, что вы здесь, и я решил, так сказать, совместить приятное с приятным же.

— Любопытно, — произнес фон Кемпелен. — Так мало людей знают о моем пребывании во Франции.

Я лихорадочно соображал: кого лучше назвать в качестве источника этих сведений? Гризуолда или какого-нибудь французского чиновника? Я решил в пользу последнего. Проще сослаться на обычную болтливость таможенного офицера и упомянуть первую попавшуюся фамилию. Но я ничего не успел сказать, потому что в этот момент со звоном разбилось стекло в окне позади нас.

Огромная темная фигура, стоя на выступе смежного здания, уже возилась с оконным запором. Мгновение — и верзила-злумышленник, распахнув раму, ступил на подоконник. Проклятье! Отчего же так рано? Мы только-только разговорились, и мне хотелось побольше прощупать фон Кемпелена до начала спектакля с ворами и дракой.

Вслед за верзилой в комнату ввалились по очереди два его товарища — помельче, но с такими же откровенно преступными рожами. Я с удовлетворением отметил, что префект прислал настоящих головорезов, — даже человек неробкого десятка пожится, видя перед собой этаких типов.

Фон Кемпелен выронил чашку и метнулся в другой конец комнаты, к лавке с нераскрытыми ящиками, заслоняя их своей спиной и выставя вперед сжатые кулаки, словно собирался защищать свое оборудование до последнего, с яростью львицы, обороняющей детенышей.

Мы с Петерсом вскочили со стульев. Верзила окинул нас удивленным взглядом.

Я устрашающе взревел и потом молча двинулся к мнимым грабителям. Не было смысла честить их по-английски — вряд ли поймут, а мой французский от волнения испарился из головы. Я сделал вид, что левой рукой изо всей силы бью верзилу в подбородок. Но он шустро парировал мой удар правой рукой, а левой так врезал мне под дых, что меня вдруг впервые осенило: да те ли это люди, которых обещал прислать Дюпен? Или это совсем другие мерзавцы — настоящие преступники, которые действуют по своему, независимому графику?

Верзила был не иначе как опытный кулачный боец. Я шархнулся в сторону и пригнулся, чтобы увернуться от удара в затылок, который должен был последовать за ударом в солнечное сплетение. Но Петерс вовремя вцепился в кулак верзилы, уже готовый опуститься на мой затылок. Верзила хохотнул и рванул руку на себя. Однако Петерс держал его кулак мертвой хваткой. На лице верзилы появилось растерянное выражение. Тем време-

нем Петерс потянул его кулак вниз, чем заставил противника пригнуться, и внезапно зубами вцепился верзиле в левое ухо. После этого он мотнул своей головой — и наполовину разорвал ухо противника. Тот завизжал от боли — из уха на шею и плечо хлестала кровь. Теперь Петерс, не выпуская кулак верзилы, схватил его за предплечье той же руки — и переломил его руку о свое бедро. Но в этот момент второй головорез с силой огрел его дубинкой по голове. Я не успел ни предупредить Петерса, ни подскочить на помощь.

Однако Петерс только поморщился от удара. Он развернулся, сбил с ног парня с дубинкой, и они покатались по полу.

Тем временем верзила со сломанной рукой и разорванным ухом выхватил неповрежденной правой рукой кинжал из ножен на поясе и стал приближаться к Петерсу, который прижал своего противника к полу и дубасил кулаками.

Я все еще не мог разогнуться после удара, но тут опустился на колени и покатался под ноги верзиле. Тот разразился проклятиями на французском, которые я постарался намотать на ус. Соображал я все еще плохо и пассивно ожидал, что стальной клинок вот-вот пройдет у меня между ребер.

Удара не последовало. Я сделал несколько глубоких вдохов и попытался встать.

В это мгновение вопли возобновились.

Распрямившись, я увидел Эмерсона. Он запикивал третьего головореза в дымоход. Тем временем Петерс гнул кренделя из рук второго, а верзила, которого я сбил с ног, уже поднялся во весь рост. Половина его лица была в крови, левая рука висела плетью. Он наступал на меня с кинжалом. В этот момент раздались хруст ломаемых костей — это Петерс заканчивал расправу со своим противником. И сразу же за этим кто-то на лестнице крикнул: «Жандармы!» Верзила попытался пырнуть меня кинжалом, но я отбил руку со стальным клинком и ударом левой в подбородок уложил его на пол. В дверь квартиры замолотили чем-то тяжелым. Появление полиции тоже не входило в наш план. Да, что-то явно не сработало — и все пошло наперекосяк. После паузы в дверь снова заколотили. Эмерсон оставил полуживого разбойника, которого он почти полностью запикинул в дымоход, подскочил к туалетному столу, схватил оставленную там бритву фон Кемпелена, выскочил в окно, перескочил на крышу — и был таков.

— Да, задумка была славная, — сказал Петерс, отталкивая от себя головореза со сломанными руками. Тот был без сознания.

Кинув одуревшему от страха фон Кемпелену: «Спасибо за

чай-сахар!» — Петерс подбежал к окну и последовал тем же путем, что и его орангутанг.

Я посмотрел на изобретателя, который все еще стоял на страже у своих драгоценных ящиков. В дверь колотили сильнее прежнего.

— Уф-ф! — сказал я. — Ну и вечерок! Спокойной ночи. И удачи вам.

Фон Кемпелен растерянно шурил свои воловьи глаза.

Когда я уже встал на подоконник, он крикнул мне вслед:

— Будьте осторожны!

Дверь с грохотом упала как раз в тот момент, когда я выскользнул из окна. Черепицы крыши были мокрые и скользкие. Далеко впереди двигались фигурки Петерса и обезьяны. Вскоре крыша стала плоской, и я мог не карабкаться, а идти быстрым шагом. Сзади раздались громкие крики. Я с быстрого шага перешел на бег.

А внизу по-прежнему заходились собаки.

Трудно сказать, как долго мы убегали по крышам. В конце концов я последовал за Петерсом в окно пустой квартиры на последнем этаже. Что квартира оказалась пустой и мы никого не переположили, было то ли счастливой случайностью, то ли результатом чудесной прозорливости Петерса или Эмерсона — кого из них, толком сказать не могу, потому что убегали мы сломя голову, в панике. Что касается Эмерсона, то к тому моменту, когда мы затаились в пустой темной квартире, его с нами не оказалось. Тяжело дыша, мы с Петерсом прислушивались к вечернему городу. Погони, похоже, не было. Мы решились выйти из квартиры и осторожно сошли вниз — без приключений.

Оказавшись на улице, мы напряженно приглядывались и прислушивались, не отходя от двери. Кругом было тихо — в этот поздний час большинство парижан сидели по домам и готовились лечь спать. Даже собаки поутихли. Петерс довольно быстро вывел меня к кабаку, где мы пришли в себя за стаканом вина, привели в порядок свою одежду и оценили понесенный физический ущерб, который оказался невелик. И уж совсем чудом было то, что за время всех этих бурных событий Петерс сохранил на голове свой парик из медвежьей шкуры.

Было бы глупо гадать, отчего префект полиции нас так подвел — или подставил, что тоже очень могло быть. Мы решили не торопиться, подождать, пока все не уляжется, а потом все-таки вернуться в тот квартал, откуда нам недавно пришлось спешно

ретируются, и попробовать дознаться до причин происшедшего. Тем временем Петерс, который предпочитал оставаться трезвым, чем возиться с крохотными стаканчиками, вынул из кармана плитку табака, откусил изрядный кус и стал жевать, забавляя меня своим умением прицельно плевать через дверь, хотя мы сидели на большом расстоянии от нее. Он плевал всякий раз, когда дверь открывалась, умудряясь не попадать в того, кто входил. Я же налегал на вино — стараясь не привлекать к себе внимания, осушал стаканчик за стаканчиком, хотя в итоге выпил едва ли больше двух нормальных стаканов. Но всегда-таки все равно заметили мое отчаянное — по их представлениям — пьянство, и на протяжении трех часов, что мы провели в этом заведении, мое поведение и плевательное мастерство Петерса были источником бесконечного веселья местной запьянцовской публики.

Часы где-то забили в третий раз с тех пор, как мы засели в кабаке. Мы расплатились и вышли на улицу. Там стало значительно холоднее. Подняв воротники и засунув руки поглубже в карманы, мы вернулись к дому, где жил фон Кемпелен.

В доме не было ни одного освещенного окна. Мы обошли его несколько раз, но засады не обнаружили. Никого поблизости не было. Я осторожно толкнул дверь — замок оказался сломан. Жестом подозвав Петерса, я первым зашел внутрь.

Медленно и осторожно, стараясь не топтать ногами, мы поднялись по лестнице. На последней площадке перед дверью фон Кемпелена мы надолго остановились. Как мы ни прислушивались, никаких подозрительных звуков не услышали. Казалось, весь дом спокойно спал. Я нашупал в темноте дверь квартиры алхимика — ее замок тоже оказался сломанным. В некоторых местах на дверном полотне нащупывались глубокие вмятины.

Я медленно открыл дверь — и замер, прислушиваясь. Все спокойно.

Пройдя на цыпочках через прихожую, я оказался на пороге залитой лунным светом комнаты. Она была совершенно пустой — ни мебели, ни ящиков. Не осталось ни колб, ни чайных чашек, ни даже той лавки, на которой стояли ящики.

Петерс тихо присвистнул.

— Дела! Чудеса да и только! Как вам это нравится?

— Унесли все до последней плошки. Это ничего хорошего не значит. Рано утром надо повидаться с Дюпенем. Он должен знать ответы хоть на часть наших вопросов.

Петерс прошел через комнату и плюнул через разбитое окно.

— Должен-то должен, а может, и не знает, — изрек он.

Мы пустились в обратный путь на корабль, где нас со счастливой радостью приветствовал мохнатый друг Петерса.

— Bonjour, черт бы вас побрал, — произнес ворон. Взгромоздясь на ручку кресла, в котором я пил чай, и наклоняя голову вбок, он бесцеремонно тарашился на меня большим глазом.

— И тебе bonjour, дьявольская птица, — сказал я.

— Похоже, вы ему понравились, — заметил Дюпен.

— Бац! Больше никогда! — завопил Грив, растопыривая крылья и мотая головой.

— Так вы говорили насчет письма, — напомнил я.

— Да, — сказал он с улыбкой. — Посредством хитрости и не без помощи презента в виде золотой табакерки, я получил доступ к письмам на столе господина министра. В ящичке для писем оказалась уйма компрометирующих его документов. Но ближе к теме. В своем письме министру фон Кемпелен предлагал правительству купить его секрет производства золота. В конце письма рукой министра было начертано, что цена слишком велика и более целесообразно украсть записи ученого, чтобы овладеть его тайной. Эта резолюция завершалась приказом действовать без промедления, потому что есть другие заинтересованные лица, которые могут купить бумаги ученого. Ниже стояла подпись другого министра с указанием даты операции — тридцать первое число.

— И вчера было именно тридцать первое! — воскликнул я. — Неужели правительство способно проделывать такие гадкие штуки?

Дюпен только повел бровью и сделал глоток чая.

— А как насчет полиции? То, что она явилась так вовремя, было частью заговора? Выходит, ваше правительство получило и фон Кемпелена, и его секрет?

— Отнюдь нет, — ответил он. — Вчера я переговорил с нашим префектом полиции месье Жиске, который многие годы находился в весьма прохладных отношениях с моим однофамильцем министром. И, как оказалось, очень вовремя переговорил, хотя вас предупредить уже не успел. Впрочем, насколько я понимаю, вы блестяще справились с опасной ситуацией. Хотя труп в дымоходе остается загадкой. — Я хотел объяснить, но Дюпен остановил меня быстрым жестом. — Нет-нет, об этом я ничего не хочу знать.

— А я и не собирался рассказывать, — сказал я. — Хотел только спросить: в чьей же власти сейчас фон Кемпелен?

— Да ни в чьей, — ответил Дюпен. — Ученый вместе со своим оборудованием движется в сторону границы. Полицейские, которых послал Жиске, упаковали оборудование и личные вещи фон Кемпелена, а доверенное лицо префекта тем временем растолковало ученому ситуацию.

— И все — чтобы натянуть нос высоким правительственным чиновникам? — сказал я. — А доверенное лицо префекта — это, конечно, вы?

Дюпен снова лукаво усмехнулся.

— Так я вам и признался.

— Извините, я спросил не с целью что-нибудь выведать.

— Ну вот и отлично. Мы прекрасно понимаем друг друга.

Дюпен налил себе, мне и Петерсу еще по чашке чая. Отхлебнув обжигающей жидкости, я спросил:

— К какой границе направился фон Кемпелен?

— Он держит путь в Испанию — в Толедо. Я могу только гадать, действительно ли он направляется туда или это только хитрая уловка, чтобы сбить с толку преследователей. Я не пробовал дознаться до правды — и в этом случае мне лучше ее не знать. Но если толковать ваш вопрос буквально, могу сказать одно: я не знаю точно, будет ли его маршрут пролегать через королевство Арагонское или через Наварру или он направится на юг иным путем.

— Ясно, — сказал я. — Большое спасибо.

Дюпен откашлялся.

— О хитрой уловке со стороны фон Кемпелена я заговорил потому, что вижу — этот человек ведет очень опасную игру. Впрочем, я не буду слишком горевать, если с ним приключится беда по дороге в Испанию, или куда там он направляется.

— Вы хотите сказать?..

— Я упоминал, что среди бумаг министра было много компрометирующих и просто занятых документов...

— Ну и?..

— Один из них относился к нашему делу. Это была сводка донесений французских агентов из разных стран. Оказывается, фон Кемпелен предлагал свое изобретение множеству людей в разных странах — в Италии и Англии, в Испании и Нидерландах. Предлагал министрам, принцам, графам и герцогам. Даже Папе Римскому.

— Боже мой! Он делает предложения только правителям и правительствам?

— В основном да. Но и отдельным лицам. В агентурном списке числился среди прочих и Руфус Гризуолд, равно как и Сибрайт Эллисон.

— Да ну? А Эллисон не сказал мне об этом ни полслова.

Дюпен пожал плечами.

— Эллисон мог в свое время с порога отвергнуть предложение как вздорное, а потом спохватился. Как бы то ни было, мне совершенно очевидно, что фон Кемпелен или невероятно наивен, или дьявольски умен. Он организывает острую конкуренцию между богачами и между правительствами, а также между богачами и правительствами, чтобы сорвать куш побольше. Но это значит ходить по лезвию ножа. Такой шантаж может легко закончиться судом, тюрьмой или пыточной камерой. Некоторые из тех, к кому он обращался, — отъявленные мерзавцы, которые ни перед чем не остановятся. Таких людей может стравливать друг с другом только безумец или гениальный пройдоха.

— Один из отъявленных мерзавцев проживает в Толедо? — спросил я.

Дюпен кивнул.

— Архиепископ Фернандес. В один прекрасный день этот человек или станет кардиналом, или будет предан церковной анафеме, или превратится в кучку пепла на костре. Впрочем, тут мое воображение слишком разыгралось — временами я забываю, что инквизиция осталась в прошлом и нынче людей не сжигают.

— Архиепископ за или против возврата инквизиции? — спросил Петерс.

Наш собеседник издал короткий смешок.

— Фернандес то загорается идеей вернуть инквизицию, то охладевает к ней, — пояснил он. — В зависимости от настроения испанского правительства и того, что в данный момент быстрее приведет к кардинальской шапке.

— Так вы говорите, фон Кемпелен направляется не в Арагон и не в Наварру? Ведь с правителями этих областей он вел переговоры — а ну как договорился?

Дюпен пожал плечами и выставил руки ладонями вперед.

— Я знаю лишь то, что он сам пожелал сказать, — плюс к этому мне известно, что он предварительно направил письмо в Толедо. Делайте выводы.

Я тяжело вздохнул.

— В таком случае у меня больше вопросов нет.

— Тогда позвольте представить вам счет за мои услуги, — сказал Дюпен, доставая конверт из-под салфетки на столе. — Вы

вправе подписать банковский чек, а может случиться так, что мы с вами больше не увидимся.

Я открыл протянутый мне конверт.

— Но тут два счета, — сказал я.

— Верно.

Мне было трудноато разобраться с незнакомыми франками — отчего весь мир не ведет расчеты в долларах! Второй же счет меня просто возмутил — такая огромная сумма в графе «непредвиденные расходы».

— С какой стати я должен оплачивать этот второй счет — от мадам Роже? — спросил я, потрясая листком бумаги.

— Необходимо как-то обеспечить старую женщину, — ответил Дюпен, — в связи с тем, что она потеряла дочь. Несколько часов назад труп Мари Роже был найден в реке.

— О! — только и сказал я.

И безропотно выписал чек.

Вернувшись на «Ейдолон», я решил, что пора получить совет у месье Вальдемара. Между тем Лигейя спустилась за покупками на берег. Ждать ее не хотелось, и я взял у капитана Ги запасной ключ от каюты месье Вальдемара — попробую справиться своими силами, ведь я все же обладаю кое-какими месмерическими способностями.

Я пригласил Петерса поучаствовать в эксперименте, но тот наотрез отказался, сославшись на то, что он человек суеверный и страх как боится мертвяков. Но я потому и приглашал его, что сам не был избавлен от примитивных предрассудков и за компанию с Петерсом мне было бы легче общаться с недоумершим покойником. *Helas!* — как говорят в Париже, то есть — «увы!».

Прежде чем снять крышку с винного ящика-гроба, я зажег побольше свечей. Сфокусировав все внимание на центр своего тела, я возбудил энергию и дал ей выход через руки. Свечи заколебались. В углу резко закрипел платяной шкаф. Когда я сделал первый пасс, слева от меня из стены донеслось постукивание. Я ощутил высокую концентрацию энергии и направил ее на месье Вальдемара. При этом стул в дальней части комнаты задвигался в мою сторону. С обычным стоном покойник зашевелился и через несколько секунд открыл глаза.

Но на этот раз этим дело не закончилось. Внезапно месье Вальдемар сел в ящике — чего прежде никогда не делал.

— Спокойно! Спокойно, месье Вальдемар! — приказал я.

— Что вы сделали со мной? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил я. — Как обычно, вывел вас из сна, чтобы задать несколько вопросов.

— А где Лигейя?

— Точно не знаю. Дело до некоторой степени спешное, а потому я решил, что и сам справлюсь.

— О Боже! О Боже! — возопил он. — Теперь мне понятно, что случилось.

— Знаете, так скажите. Будьте добры.

— Ее присутствие как-то сдерживало вашу иномирную энергию. Но без нее она проявилась в полную силу. Я ожил, но все же не до конца.

Он медленно поднял руку. Затем скосил на нее один глаз — правый. А левый при этом слепо смотрел прямо перед собой.

— Это чудовишно, — сказал месье Вальдемар и с горестным упреком уставил на меня сразу оба глаза.

— Если вы быстренько ответите мне на пару вопросов, я верну вас в состояние покоя — пользуясь уроками Лигейи. Надеюсь, я ничего не испортил и вы по-прежнему обладаете своим чудесным даром.

— Да, я по-прежнему вижу больше живых, — промолвил он и медленно сложил руки на груди.

— Я подумываю о поездке в Толедо. Что скажете на этот счет?

— Да, я вижу нас — мы едем в Толедо.

— Ничего больше не видите?

— Там предстоит встреча с Анни. К этому мне нечего добавить.

— Ваши слова я склонен воспринять как поощрение поездки, — сказал я.

Покойник не спеша потер ладонью о ладонь, потом поднял руки и стал ощупывать свое лицо.

— А что вы можете рассказать об Эдгаре По? — спросил я.

— Не понимаю вашего вопроса. Слишком общий.

— Простите. Чем он занят сейчас?

— «Сейчас» — понятие бессмысленное. Ваши миры движутся по разным временным шкалам.

— К тому времени, когда мы поменялись мирами, — сказал я, — прибавьте время, прожитое мной здесь, — через этот отрезок времени что делает По? Каково состояние его души и внешние обстоятельства жизни?

— Теперь понимаю, — произнес месье Вальдемар, скрещенными руками ощупывая свои плечи. — Он до сих пор так и не догадался, что именно произошло. Судя по всем признакам, его мучит мысль — не сошел ли он с ума. По задумал выпускать

свой собственный журнал, но никак не может найти заинтересованного инвестора, который поддержал бы идею. Похоже, его душевное состояние очень плохое. Он в плену тоски.

— Как бы мне хотелось поговорить с По! Вы смогли бы перенести его сюда, если я снабжу вас большим количеством месмерической энергии?

— Нет. Это вне моих возможностей.

— А туда можете меня отправить — на время?

— Нет.

— А как насчет королевства у моря, на краю земли, где Анни когда-то собирала нас? Могли бы вы устроить встречу там?

— Вряд ли, хотя дайте подумать... Нет.

— Ну хотя бы весточку ему можете передать? Мне бы хотелось сообщить ему, что и я, и Анни — мы реальные, из плоти и крови, и он отнюдь не сумасшедший.

— Возможно, я справлюсь с этим, но не знаю, в какой форме это послание достигнет получателя.

— Попробуйте.

Месье Вальдемар чуть приподнялся, потом рухнул обратно в ящик — и руки его замерли крест-накрест на груди.

— Сделано, — с усилием произнес он.

— Успешно?

— Да.

— Можете сказать, в какой форме это было сделано?

— Нет. Отпустите меня...

Я повторил пассы в обратном порядке, возвращая отданную энергию. Теперь стук раздался во всех стенах и в потолке. Стул заходил ходуном, потом опрокинулся. Месье Вальдемар издал особенно жалобный стон, глаза его закрылись — и крышка ящика сама собой захлопнулась.

Я задул свечи и пошел отдавать необходимые распоряжения касательно отъезда.

Эдгар Аллан По спал беспокойно. Он проснулся рано и безуспешно старался вспомнить свой сон. В конце концов он встал и оделся. С востока светало, когда он открыл дверь и вышел на улицу, чтобы понаблюдать за восходом солнца.

Во дворе он вдруг увидел небольшой песочный замок, сиявший в предутренних сумерках. Когда По сделал несколько шагов по направлению к нему, замок вдруг рассыпался. Осталась только куча песка.

Видать, померещилось. Надо думать, это был просто обман зрения, причудливая игра света...

Глава 6

Она шла босиком по берегу. Ночь была тихая, беззвездная. От моря поднималось слабое сияние — достаточное, чтобы различать дорогу перед собой. Она двигалась по кругу — то к самой воде, то от нее. Она не могла вспомнить, зачем она это делает. Но помнила, что это почему-то очень важно. Поэтому шла, шла, шла...

Однажды, во время одного из кругов, мимо нее пробежал черный кот. В другой раз в центре круга внезапно разверзлась земля. Яма осталась, а после того как она сделала еще несколько кругов, из ямы показались языки огня и среди них вдруг мелькнуло яркое лезвие... Она ни на секунду не останавливалась. Зачем она все это делает?

Потому что это очень важно — вот почему. Да-да, именно так!.. Теперь у самого края ямы был распростерт на животе какой-то человек. Так-так. Должно быть, он существует для того, чтобы заглядывать в яму. Хорошо. Сделано без особых усилий. Придвинь огонь. Так. Видишь, как он чуть отполз от огня?

Она прибавила шагу. А что он зрит, глядя вниз? Ужасное. Вот именно. Он видит...

Она отчаянно вскрикнула — и волны вздулись, ринулись на берег — захлестнули огонь, того человека, яму... Резким движением — широко раскинув руки — она прорвала ткань пространства перед собой — и шагнула в образовавшуюся брешь.

Я открыл глаза. Карета покачивалась на рессорах, из темного угла на сиденье напротив на меня пристально глядел черный кот. Секунд десять я недоуменно взирал на неизвестно откуда взявшуюся тварь, потом проснулся окончательно — и понял, что это просто парик, который сполз с дремлющего Петерса и упал в угол.

Я протер глаза, сел прямо и пошарил в поисках бутылки с водой. Подтянув одеяло до самой груди, я сделал несколько жадных глотков.

Большую часть декабря мы тащились на перекладных, меняя на почтовых станциях лошадей, пересаживаясь из одной наемной кареты в другую. Перевалы Пиренейских гор были ужасны, в Наварре стояли жуткие холода. Не успел я усвоить начатки французской речи, как мне пришлось изучать испанский язык. У Петерса опять было преимущество передо мной, но он счел нужным пояснить:

— Эдди, я говорю на том грубом испанском, на каком говорят простолюдины. Ни один уважающий себя кабальеро не желает слышать такую речь в обществе — а надо сказать, что все кабальеро уважают себя... когда они в обществе, — добавил Дирк и подмигнул.

Теперь я все чаще видел выжженные поля, спаленные дома, деревянные кресты над свежими могилами. Все это безошибочно подсказывало, что тут свирепствует война. С некоторых пор нам стало труднее находить свежих лошадей, участились задержки в пути — тяготы военного времени касались и путешественников. Однако своевременные подсказки месье Вальдемара и щедрая раздача золотых монет позволяли нам двигаться более или менее быстро.

Будучи военным, я то восхищался, то приходил в ужас. Испанцы применяли новую форму войны — партизанскую — и благодаря новой тактике продолжали сопротивляться французским оккупантам. Эта тактика войны включала в себя быстрые внезапные набеги, засады, нападения на армейские тылы противника. Испанцы не желали вести «нормальные» военные действия, когда две армии выстраиваются друг перед другом. Партизанские действия, которые помогали испанцам в борьбе с французами и раньше, были теперь особенно эффективны. Французы несли большие потери. Армия была измотана.

И сейчас за окном кареты царил унылый пейзаж — очередная сожженная деревня. Через некоторое время после того, как я перестал смотреть из окна, карета вдруг дернулась и поехала скорее. Я услышал возмущенное «Бац!» — и с горы нашего имущества слетел Грип, усевшийся прямо на парик Петерса. Очевидно, птице надоело разучивать стихи с Дюпенем. После нашего прощального визита к ее хозяйину, по возвращении на «Ейдолон» и после беседы с месье Вальдемаром, я поднялся на палубу и обнаружил на корабельных снастях Грипа, который приветствовал меня веселым криком: «Vingt francs pour la nuit, monsieur» — «Двадцать франков за ночь, месье».

Сейчас Грип явно добивался нашего внимания, чтобы выразить свое негодование слишком большой скоростью кареты. Он всегда устраивал возмущенные концерты, когда Эмерсон завладевал поводьями и гнал лошадей как сумасшедший. Возницы не любили вступать в споры с сиамским близнецом Петерса — и обычно все кончалось тем, что звали Лигейю, чтобы она мессерическими пассами успокоила понесших лошадей. После чего Петерс отнимал поводья у Эмерсона и журил его.

— Эй-эй! Грип, ну-ка верни! — услышал я неожиданный вскрик, и напротив завязалась небольшая схватка за парик между вороном и Петерсом. Шум и возня побеспокоили Лигейю, которая сидя дремала рядом со мной.

Она зевнула, деликатно прикрывая рот рукой, и спросила:

— Он что — опять за свое?

Я кивнул.

Пока Лигейя тихонько потягивалась, карета неслась вперед со всей возможной скоростью — нас качало и подбрасывало. Нечеловечески толстыми пальцами Петерс схватил птицу сразу за клювом и строил ей страшные рожи, пытаясь добиться своего.

— Ну же, славненький Грип, — приговаривал он, — отдай эту штуку доброму дядечке Петерсу.

Но, когда он отнял парик у ворона, птица разразилась неостановимым потоком ругательств. Петерс предпочел не водружать свой парик на место, а сунуть его обратно в птичьи лапы. Грип на время умолк. Лигейя привстала, раздвинула тяжелые занавески на своей стороне, спустила оконную раму, выглянула наружу и стала делать привычные пассы. Почти в тот же момент карета замедлила ход.

— Надо хорошенько надавать по загривку этому Эмерсону! — проворчал я.

Лигейя подмигнула мне и высунулась из окна еще больше. Я придержал ее за талию. Через полминуты она жестом попросила помочь ей вернуться на сиденье.

— Теперь моя очередь, — сказал Петерс, поднимаясь.

— Нет необходимости, — сказала Лигейя. — Он вернул вожжи вознице.

— Это на него не похоже, — сказал Петерс.

Она пожала плечами.

— Должно быть, наскучило.

— Должно быть, — кивнул Петерс, садясь на место.

Вскоре он уже снова дурачился с Грипом.

— Скажи «Больше никогда!», — дразнил он птицу. — Этому учил тебя джентльмен в Париже. Ну-ка, давай!.. Больше никогда! Больше никогда!

— Амонтильядо! — вдруг заорала неугомонная птица, одетая в траурно-черные перья. — Амонтильядо!

Вслед за этим ворон разразился безумным, почти человеческим хохотом, после чего несколько раз подряд симитировал звук пробки, вылетающей из бутылки шампанского.

— Если я не ошибаюсь, амонтильядо — крепкий напиток? — спросил Петерс, глядя в мою сторону. — Ведь так?

— Так, так, — рассеянно ответил я, думая о своем.

А думал я о том, что предпринять в Толедо. Месье Вальдемар не дает никаких гарантий, что фон Кемпелен именно там, — лишь утверждает, что поездка в Толедо — правильный шаг на пути к освобождению Анни.

— Больше никогда! — вкрадчиво настаивал Петерс.

— Амонтильядо! — упрямо отвечал Грип.

За день до нашего прибытия в Толедо, сидя в движущейся карете, мы услышали стук сверху. Поскольку Эмерсон крепко спал, свернувшись в ногах Петерса (что в последние дни случилось часто, без особого принуждения с нашей стороны), то мы решили, что это о чем-то сигнализирует возница. Петерс выглянул в окно и спросил, в чем дело, но возница был удивлен — это не он стучал!

Тут стук возобновился. Лигейя повернулась ко мне и строго спросила:

— Это не вы балуетесь животным магнетизмом?

— Нет. Я уж позабыл, когда в последний раз пробовал.

— У меня очень странные ощущения, — сказала она. Она выглянула в окно и приказала вознице остановиться.

— В чем дело? — спросил я.

— Все очень странно, — ответила она.

Когда карета остановилась подле раскидистого дерева, Лигейя приказала спустить привязанный к верху кареты винный ящик. Затем велела вознице и его помощнику отдохнуть поодаль, за холмом. Петерс предпочел присоединиться к ним. Когда они ушли, у меня мороз по коже прошел, потому что стук возобновился. Стучали из ящика-гроба.

— Откройте крышку, — приказала Лигейя.

Я развязал последний узел и поднял крышку. Глаза месье Вальдемара были открыты, зрачки видны полностью. Глядя на нас довольно осмысленным взглядом, он произнес:

— Все хуже и хуже.

— Что происходит? — осведомилась Лигейя.

— Я проснулся сам по себе, без вашего вызова. Что это значит — неужели жизненные силы возвращаются ко мне?

— Я бы сама хотела знать, — ответила Лигейя. — Вам известно, зачем пробудившая вас неизвестная сила сделала это?

Его правая рука зашевелилась, и он вдруг накрыл ладонью мою руку, лежащую на закраине ящика. Мне потребовалось огромное усилие воли, чтобы не отдернуть свою руку.

— Вы должны отделиться от остальных до прибытия в Толедо, — сказал месье Вальдемар, обращаясь ко мне. — В противном случае все они погибнут.

— А нам что делать? — спросила Лигейя.

— Поворачивайте и направляйтесь на восток. О дальнейшем спросите меня на закате.

— Ума не приложу, что именно мне делать в Толедо, — сказал я.

— Этого я тоже не знаю, — произнес он, еще крепче сжав мою руку. — Что-то позовет вас. Вы можете отвечать — или нет. Воля ваша свободна.

— Я пойду на зов.

— Так я и знал, — ответил месье Вальдемар. Тут он наконец отпустил меня, и его правая рука легла на привычное место — на грудь. Он закрыл глаза.

Лигейя махнула мне — закрывайте! После того как я закрыл ящик, Лигейя взяла меня под руку, и мы пошли по тропинке между молодыми деревьями.

— Мне все это очень не нравится, — завела разговор Лигейя. — Тут пахнет... вмешательством. Возможно, это участие добрых космических сил. А быть может, ловушка. Заранее никак не определишь.

— И что же нам делать?

— Я хочу, чтобы вы были под моим контролем, — сказала она, останавливаясь на опушке рощицы. — Надо установить психическую связь с вами.

— Помните, что случилось в тот раз, когда вы пробовали такую связь установить?

— С тех пор я много думала над этим, — возразила Лигейя. — На сей раз ваша душа не будет покидать тело.

— С какой целью вы установите эту связь?

— Я надеюсь, что это позволит мне быть в курсе того, все ли у вас в порядке, — пояснила она.

— Хорошо, согласен.

Я сел лицом к ней на поваленный ствол дерева, прислонившись спиной к большому валуну. Помню, как ее руки парили у моих глаз, как мурашки бежали у меня внизу живота. А потом мой мозг был выключен, течение мыслей пресеклось...

Уж не знаю, через какое время, но я проснулся — чувствуя себя отдохнувшим и бодрым.

— Замечательно, — донесся голос Лигейи.

Открыв глаза, я увидел, что она с улыбкой протягивает мне руки.

— Получилось? — спросил я после того, как она помогла мне подняться на ноги и мы направились обратно к карете.

— Кажется, да. Со временем мы это точно узнаем.

Остальные ждали нас у кареты. Мы быстро погрузили наверх и закрепили ящик с месье Вальдемаром.

Когда карета покатила вперед, я ломал голову над вопросом: а как Лигейя сможет мне помочь, если узнает, что я в беде? Ведь она будет далеко, где-то на востоке от Толедо!.. Я в задумчивости тарашился на Грипа. Он тоже смотрел на меня — одним взглядом, наклонив голову. Несколько раз он открывал клюв — но так ничего и не сказал.

Толедо, стоящий на холме, который с трех сторон омывают воды реки Тахо, находится милях в сорока на юго-запад от Мадрида. Французы, временно оккупировавшие часть Испании, до Толедо не дошли. В тот декабрьский день, когда я приближался к городу, темные тучи нависали над ним, дороги раскисли — должно быть, недавно здесь бушевала буря с ливнем. Наш тогдашний возница — самый старый среди всех возниц, которых мы по пути перевидали немало, — остановил карету подле городских стен и заявил, что раньше ад замерзнет или случится второе пришествие, чем он пешим или на козлах окажется в пределах этого проклятого города.

Я попрощался со своими спутниками, договорившись встретиться с ними на этом же месте через три дня — если ничего дурного не случится за это время. С собой я прихватил тяжелый мешок с золотыми монетами и записку от Лигейи, в которой она написала по-испански, что обладатель оной разыскивает переводчика. Месье Вальдемар указал мне на некоего падре Диаса, своего доброго знакомого, за честность которого месье Вальдемар ручался. У меня с собой имелся грубый план города с указанием, как найти церковь Святого Фомы и ее настоятеля, упомянутого падре Диаса.

И вот я уже подходил с севера к воротам крепости, расположенной на крутом холме. Я знал, что в этих местах когда-то жили и древние римляне, и вестготы, и магометане. Лигейя сказала, что здешний собор, построенный еще в тринадцатом веке, — настоящее чудо красоты. При других обстоятельствах я бы первым делом направился именно к знаменитому собору и с наслаждением осмотрел бы замечательное произведение архитектуры. Но сейчас я почти физически ощущал, как Время дышит

мне в затылок, настигает — и тут не до осмотра достопримечательностей.

Я без приключений миновал городские ворота. Месье Вальдемар, похоже, обладал не только сверхъестественными способностями, но и практической сметкой, ибо его совет идти в Толедо в одиночку оказался верным. Конечно, в кругу друзей мне было бы и спокойней, и безопасней. Но они являли собой такую пеструю и странную компанию, что не могли не вызвать пристальное и подозрительное внимание со стороны властей. Во время войны, в условиях правления архиконсервативных религиозных фанатиков лучше, так сказать, не дразнить гусей. А в качестве одинокого богатого путешественника с далекого и экзотического континента моя персона не вызывала особого интереса.

И все же я имел случай увидеть собор — издалека. Еще я увидел множество лавок по сторонам главной улицы, раззолоченные кареты, катившие рядом с убогими телегами, прекрасных скакунов и восхитительные образчики холодного оружия из дамасской стали, коими славен город Толедо. Один из самых замечательных клинков был у того мужчины, который арестовал меня.

Четыре вооруженных человека в своеобразной местной военной форме подошли ко мне именно в тот момент, когда я нашел церковь Святого Фомы. До этого я пару часов бродил по городским улицам, дабы немного освоиться в новом окружении, и очень гордился, что нашел нужное место по карте, не задавая вопросов прохожим. Стражники так меня и застали — с картой в руке. Они обратились ко мне предельно вежливо, но я, разумеется, ни слова не понял.

— No comprendo, — объяснил я. — Soy norte americano.

Они быстро заговорили между собой. Один из них рассмотрел мою карту, потом указал сперва на листок в моей руке, а затем на церковь.

— La iglesia? — спросил он.

— Sí, Santo Tome, — ответил я. — De donde es Padre Diaz?

Они опять затараторили на своем языке между собой. И тут у меня все внутри оборвалось: имя падре Диаса было упомянуто несколько раз в непосредственной близости со словом, которое я понял: «heretico» — еретик. Похоже, я попаду в неприятную историю.

Так и случилось. Буквально через пару мгновений я получил возможность вволю полюбоваться золотой и серебряной инкрустацией кинжала одного из стражников. Еще три кинжала

были представлены мне на обозрение, но они были не так красивы, как оружие того, кого остальные трое называли «хефе Энрико» — он был явно главным в этой четверке.

— Вы идти с мы, — сказал мне хефе Энрико.

— *Soy porte americano*, — снова начал я свои неловкие разъяснения.

— *Si, porte americano amigo de heretico*, — сказал Энрико.

— Нет, — поспешно заверил я, — я помогаю друзьям разыскать изобретателя фон Кемпелена. Мне сказали, что падре Диас говорит по-английски и пособит мне найти переводчика. Понимаете?

Я показал ему письмо. Он передал его другому стражнику, тот третьему, а тот — четвертому. Каждый смотрел на бумагу как баран на новые ворота — и у меня мелькнула мысль, что все четверо не умеют читать.

— *Por favor*, — сказал я. — *Interpreter, translator — para Ingles.*

Энрико пожал плечами и взмахом кинжала приказал мне следовать за ним.

— Идти! — велел он.

И мы отправились в путь — по стражнику слева и справа от меня, третий плетется за спиной, а Энрико шествует впереди и немного справа. Я жалел, что не выучил, как по-испански будет «недоразумение». Впрочем, я слабо верил, что это слово выручило бы меня. У этих поначалу вежливых парней был вид такой строгий, что дальнейшие дебаты напрочь исключались.

Таким образом я очутился в толедской тюрьме. Мои золотые конфисковали вместе с моим кинжалом, письмом к падре Диасу и картой. Заперли меня в совершенно темной камере, где хоть глаз выколи, — вплоть до выяснения моих связей с еретиком из церкви Святого Фомы. Если эти ослы решат, не дай Бог, что я сообщник бедного падре Диаса, не миновать мне суда инквизиции!

Вытянув руки перед собой, я медленно ошупывал стены камеры — в одних местах был камень, в других — железо. Сделав круг и вернувшись ко входу, я сел на пол и прислонился спиной к двери — она не так холодила. Рядом я нашел кусок хлеба и флягу с водой. Потом я, кажется, заснул, потому что в моем сознании остался пробел.

Проснувшись, я обнаружил, что лежу на животе, а моя правая рука свешивается куда-то вниз. Щекой я касался пола тюремной камеры, но правый висок висел в воздухе. Мои ноздри ощутили какой-то неприятный запах, похожий на запах разлагающихся водорослей.

Я поводит правой рукой в пустом пространстве перед собой и пришел к выводу, что во сне верхняя часть моего тела сползла на пол, я перекатился и очутился у самого края круглой дыры, в которую я не свалился при путешествии по тесной камере только потому, что обследовал стены и шел по периметру. Я пошарил вокруг себя, нащупал камешек и бросил его в дыру. Пришлось долго прислушиваться, прежде чем далеко внизу раздался тихий всплеск. Ну и глубина!

В это мгновение где-то надо мной, пустив немного света, открыли то ли дверь, то ли люк — и сразу же закрыли. Но я успел разглядеть, что только счастливый случай уберег меня от падения в бездну. Посередине камеры зияла огромная круглая дыра. Я быстро отполз как можно дальше, к стене.

— Похоже, мы заживо погребены.

У меня было ощущение, что это сказал Эдгар По, что мы сидим с ним рядышком в темноте у жерла бездны.

— Так только кажется, По. Но это тюрьма как тюрьма. Мне случалось сидеть в тюрьмах, — мысленно ответил я.

— Эта тюрьма не похожа на другие, Перри.

— Есть тут особые штучки, дорогой мой По, но это, так сказать, только для красоты. Только для красоты.

— Колодец зовет нас.

— Пусть себе бездна зовет, мне плевать.

— А ты сделан из более твердого материала, чем я, Перри.

— Да нет, По. Мы с тобой одно и то же — уж не знаю, каким таким чудом. Просто обстоятельства немного подуллучили меня.

— А может, ну его?.. Прыгнем в колодец — и покончим со всем этим! Все кончается темной бездной — все и всегда, всегда и все.

— Куда торопиться? Пусть бездна подождет.

— Она не умеет ждать. Она не умеет чувствовать.

— Тогда мы превосходим ее, ибо мы — умеем.

— Что-то похожее говорил Паскаль, когда называл человека мыслящим тростником между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством.

— Он прав.

— Такие философские истины из уст человека действия!

— У меня не такое уж плохое образование, и я продолжаю регулярно читать.

— Что случилось с нами двумя?

— Нас поменяли местами.

— Не понимаю.

— Точной механики этого происшествия не понимаю и я. Но

суть в том, что каждый из нас оказался в мире другого. Это из-за того, что кто-то во зло использовал необычные способности Анни.

Тишина. Три удара сердца. Еще три.

Потом:

— А может, Перри, мы просто снимся какому-нибудь демону? Или этот демон — я сам?

— Против солипсизма у меня нет убедительных аргументов. Никто лучше Юма не преуспел в отрицании наличия материально-го мира, реальности вне сознания. Но он же сам сказал Беркли, что все эти аргументы в равной степени недоказуемы и непроверяемы — и ни в чем не убеждают.

— Ты — это я, мой дух-двойник, мое темное «я». Мы — разные полюса одной души, а потому между нами идеальное отталкивание.

— Мы не настолько разные, как ты думаешь, По. Лишь словесная шелуха застит нам глаза на нашу похожесть.

Он коротко рассмеялся.

— Сейчас я как никогда хорошо осознаю нереальность происходящего, — ответил он. — Это просто диалог двух частей сознания внутри меня.

— Что на это сказать?

— Да нечего на это сказать. Соглашайся со мной.

— Я всегда придерживался того взгляда, что лучше жить и умереть, чем вовсе не рождаться, — даже если жизнь есть мнимость, данная в ощущениях.

В это мгновение раздался металлический звон. В стороне, где находилась дверь, внизу появилась полоска света, и я успел заметить, что там открылась металлическая дверка, через которую просунули поднос с куском хлеба и флягой воды.

— Похоже, выбор невелик — между ямой и заплесневелым хлебом, — заметил По.

— В таком случае я предпочитаю пообедать.

Я встал.

— А жаль, что ты лишь призрак, Перри, — не без некоторого злорадства произнес По. — Ты мне все же очень нравишься.

Какое счастье, что он присутствовал в камере только метафизически, — на двоих хлеба было бы совсем мало. После еды я неожиданно раззевался. Я ужасно боялся скатиться в дыру во сне, поэтому лег у стены, прислонясь к ней спиной. В камере все еще ощущалось присутствие По — невидимый, он был словно разлит в пространстве.

Когда я проснулся, что-то было явно не так. Не могу сказать, как долго я проспал, но, когда я вновь открыл глаза, каме-

ра была слабо освещена. В неверном красновато-желтом свете я смог наконец по-настоящему рассмотреть свое узилище. Оно выглядело не совсем таким, каким я его представлял по своим исследованиям в крошечной темноте. Камера оказалась не квадратной, а вытянутой. Длинные стены были каменными, короткие — металлическими. Каменные поверхности были испещрены непристойными рисунками, кошунственными карикатурами на распятие, танцующими скелетами, а также изображением людей, которых поджаривали или раздирали на части.

Пол был каменный, в центре — та самая большая дыра, почти незаметная, черная на черном полу. Вдруг оказалось, что я не могу подняться и хорошо рассмотреть эту дыру. Я лежал на спине — на чем-то вроде низкого стола, к которому одной веревкой были привязаны мои ноги, торс, правая рука и плечо. Голова и левая рука оставались свободны, а на полу в пределах досягаемости стояло блюдо с едой. Это был хороший кусок мяса с приправой и гарниром — после хлеба и воды я набросился на эту еду с волчьим аппетитом. У меня было такое впечатление, что в хлеб и воду мне подмешивали что-то одурманивающее. Так что мясо есть не стоило. Однако был ли у меня выбор? Меня мучили голод и жажда. Если мне дают сонное зелье — велика ли беда? В таком месте долгий сон — великое благо.

Я пошарил рукой в поисках фляги с водой, но не нашел ее. Так вот оно что! Начался первый этап физической пытки — пытки жаждой.

— *По?..* — позвал я, пытаюсь обрести прежнее течение мыслей.

— *Перри, скажи мне, существовала ли в действительности — когда-нибудь — женщина по имени Анни?* — услышал я. Казалось, голос приходит откуда-то извне меня.

— *Разумеется, она существовала. И сейчас существует.*

— *Демон! Ты лжешь!*

— *Нет! Обрети ее. Осмелся позвать.*

После этого он покинул меня — оставил наедине с жаждой. Я перенес все свое внимание на высокий потолок, где увидел изображение Сатурна, пожирающего своих детей. В его руке вместо традиционной косы был маятник. Затем мне показалось, что маятник не нарисован, а настоящий, он ритмично раскачивается. Но тут меня отвлек шум рядом с моей собственной рукой.

Крыса — чертовка с глазами-бусинками — появилась на краю дыры. Казалось, там еще кто-то скребется. Крыса у края дыры задрала нос и принюхивалась, поводя усиками. Через короткое время из дыры выпрыгнула еще одна тварь — размером

покрупнее. Но скребущие звуки не прекратились. Пока вторая крыса в свою очередь принохивалась и топорщила усы, первая просеменила под конструкцию, на которой я лежал. Еще две крысы выпрыгнули из дыры. Потом еще одна. И еще. Тем временем первая нашла остатки моей недавней трапезы.

Мне такое близкое соседство не понравилось — хотя бы потому, что именно крысы разносили чуму, которая, по слухам, свирепствовала в некоторых районах Испании. В надежде отпугнуть наглую тварь я несколько раз помахал рукой и пошлепал ладонью по доскам, на которых лежал. Но крыса и ухом не повела, аккуратно вылизывая скудные объедки. Тут к блюду подвалила вторая крыса и стала оттирать первую. Через секунду они уже сцепились, противно визжа и кусаясь. Пока шла драка, еще две крысы приблизились к блюду, немедленно поссорились из-за дележа и тоже пустили в ход зубы и когти... Я прекратил размахивать рукой. С этой публикой держи ухо востро. А ну как, вместо того чтобы испугаться, они нападут на меня?

Тем временем из дыры поднялось целое полчище крыс. Они бегали по всей камере, вскакивали на конструкцию, к которой я был привязан, а потом расхрабрились и стали бегать по мне, используя мое тело как выгодную позицию, чтобы нападать сверху на своих противников. Их драки нисколько не забавляли меня. Я старался не только не шевелиться, но и дышать пореже.

Внутренне я содрогался не столько от брезгливости, сколько от смертельного ужаса: ведь стоит лишь одной крысе куснуть меня, и все остальные мигом сообразят, что я съедобен, и накинутся на меня всей ордой! К счастью, во время драки одну из крыс загрызли до смерти — и остальные кинулись обгладывать ее труп. В свалке загрызли еще нескольких товарищей — и теперь дрались за право сожрать их. Весь пол превратился в поле битвы. Серые пищашие твари сновали из угла в угол, сцеплялись, катались по камням, и весь этот живой ковер напоминал волны какого-то кошмарного моря — с пятнами крови на поверхности.

Я долго не мог оторвать взгляд от этих ужасов. Когда я наконец отвел глаза и снова уставился на потолок, там я увидел то, от чего у меня кровь в жилах застыла. Маятник не просто качался из стороны в сторону, а делал огромные махи шириной не меньше ярда. И он опускался!..

Этот чертов маятник заканчивался остро отточенным лезвием — оно слабо посверкивало в полумраке. Лезвие было примерно в фут длиной, чуть загнуто. Маятник, как я теперь разглядел, крепился к медному кольцу в руке нарисованного Сатурна,

который другой рукой рубил своих детей, а ногами попирал дюжину уже убитых отпрысков. Маятник ходил из стороны в сторону со свистящим звуком и опустился уже настолько низко, что ветерок от его движения оведал мое лицо.

Теперь я начисто позабыл о крысах и смотрел только на лезвие. Я насчитал десять махов — и заметил, что оно чуточку опустилось. Еще десять махов — и ничего. Еще десять — и приспустилось. От ужаса я перестал считать, но махов через пять лезвие вдруг снова продвинулось ко мне. Теперь я думал об одном: по какому месту меня полоснет лезвие, если маятник продолжит спуск. Выходило, что он метит прямо в сердце. Мне вдруг пришло в голову: а знает ли Лигейя о том, в какую беду я попал? Так же, как я установил общение с По, теперь я попытался установить связь с Лигейей.

— *Лигейя? Вы здесь? Вы меня слышите? Знаете ли вы, где я и что со мной происходит?*

Никакого ответа. Быть может, я не в состоянии как следует сосредоточиться, потому что слишком много думаю о проклятом маятнике с лезвием? Или снотворное зелье отняло у меня часть психической силы? Не исключено и то, что Лигейя попыталась связаться со мной, когда я был без сознания, — приняла за мертвого и покинула.

— *По? Ты все еще здесь?* — мысленно вскричал я.

— *Ужас!* — прогремел он в ответ. — *Бездна смотрит в лицо каждому из нас!*

— *Тебе бездна дана, дабы ты ее заполнил!* — произнес я — на меня словно озарение слетело! — *Ты художник, творец! Твое воображение способно заполнить всю бездну — от предела до предела!*

— *Ужас!* — повторил он.

— *Ты где, По? Где ты? Я теряю тебя!*

Его присутствия больше не ощущалось. Маятник заметно опустился еще, его мах стал шире прежнего.

Тут я позабыл и По, и Лигейю. А о крысах и не вспоминал. Мое внимание сосредоточилось целиком на лезвии, которое со свистом рассекало воздух надо мной. Прошло сколько-то времени — несколько часов? несколько дней? — и я позабыл самого себя, превратившись в это посверкивающее лезвие, ходящее из стороны в сторону, из стороны в сторону, из стороны в сторону... Меня объял великий покой — я словно качался на волнах спокойного моря, умиротворенный, беспечальный.

И в какой-то момент сознание совсем покинуло меня.

Как долго я пролежал без сознания — опять-таки не знаю.

Я проснулся от дикой, палящей жажды. Крысы резвились на мне, попискивая на тех, что бегали по полу. В тот же момент, что я открыл глаза, я увидел маятник. Он опустился страшно низко, теперь его мах был шириной ярдов десять. Лезвие заунывно пело, и это монотонное вжик-вжик, вжик-вжик врезалось в душу, которая сжималась в ожидании рокового прикосновения.

Мне подумалось: не лучше ли оставаться без сознания, чтоб счеты с жизнью были покончены одним ударом, покуда я лежу в беспамятстве? Но теперь, когда я хотел забыться, сознание мое бодрствовало как никогда. Я был весь — ожидание. Ожидание, которое временами превращалось в нетерпение.

Влево, вправо... вжик-вжик! Кто-то раскатисто расхохотался, словно безумный. И я не сразу сообразил, что смеюсь я сам.

Я прикусил губу, ощутил вкус крови — и закрыл глаза. Однако тут же раскрыл их — не видеть, где лезвие, оказалось совершенно непереносимо. И все же мысли мои как-то прояснились, и я заставил себя думать.

Неимоверным усилием воли я принудил себя взглянуть на маятник спокойным разумным взглядом, не давая загипнотизировать себя его движением. Я считал удары своего пульса, чтобы определить, через какие промежутки времени маятник рывком немного опускался вниз. В самом процессе подсчета я успокоился, отвлекся от переживаний, и пульс забился ровно. Теперь я мог определить ритм движения смертельного орудия более или менее точно...

310... рывок вниз.

286... рывок вниз.

127... рывок вниз.

416... рывок вниз.

Я не улавливал никакой закономерности. Но это было куда интересней, чем если бы я обнаружил точный механический ритм — как в часах. Отсутствие ритма говорило об одном: действием маятника с лезвием управляет, скорее всего, не механическое устройство, а человек. В моем сознании забрезжила крохотная надежда. Железные законы царят в мире механических аппаратов — низкий им поклон. Но и в мире извращенных человеческих умов есть свои непреложные законы — действия подонков достаточно предсказуемы.

Я задумался над тем, как я привязан к этой низкой конструкции. Веревка узкая; напоминает подпругу, много-много раз обвита вокруг моего тела. Достаточно перерезать ее в одном месте — и я буду свободен. Движения маятника с лезвием из

моей лежащей позиции видны очень хорошо — если не паниковать, сохранить умение сосредоточенно наблюдать и рассчитывать, то можно достаточно точно предугадать, где и когда лезвие полоснет по груди в первый раз. А значит, вдохнуть или выдохнуть точно в нужный момент. И тут бесценен тот факт, что маятником управляет человек. В отличие от автомата человек захочет помучить, причинить побольше боли, просмаковать убийство. Так что сам человек наверху позаботится о том, чтобы первый же удар лезвия не стал смертельным.

Вдруг меня осенило: неспроста я связан именно так и такой веревкой. Если я сам себя не подставлю тем, что вдохну полной грудью не в тот момент, лезвие маятника просто разрежет веревку и освободит меня — после того как человек наверху вволю насладится моим ужасом. До следующего удара у меня будет достаточно времени скатиться на пол. Однако следует проявить предельную осторожность: я могу покатиться прямо в дыру. В голове моей свербела мысль, что от меня добивались именно этого: чтобы я по собственной воле бросился в колодец и погиб. А прочие пытки — только забава.

Я стал дышать медленно и ритмично. Я ждал.

Еще восемь махов маятника, и он оказался всего в нескольких дюймах от моей груди. Еще восемь махов — и новое приближение. Еще четыре — и на возвратном пути лезвие чуть коснулось моей одежды. Так-так, именно теперь начнется игра кошки с мышкой. Лезвие будет оставаться на этой высоте долго, очень долго — или даже немного поднимется.

Я сделал глубокий-преглубокий вдох, чтобы грудь поднялась повыше, сжал зубы и закрыл глаза. Резкая боль от пореза — и я рванул руками в стороны, вверх, потом рывком высвободил ноги и скатился с низкой конструкции на пол. Темные пятна кинулись врассыпную. Прокатившись немного по полу, я остановился. Мерзкого «вжик-вжик» больше не было слышно. Я оглянулся — маятник подтаскивали к самому потолку. Я принялся растирать затекшие руки и ноги — будучи настороже в ожидании новых опасностей.

Лишь теперь я обнаружил источник красновато-желтого дьявольского света, который заливал камеру. Он шел от нижней части металлических стен. Я пополз на четвереньках приглядеться, но в нос мне ударил омерзительный запах — запах раскаленного железа. Свечение, похоже, усиливалось. Жуткие картинки на стене в более ярком свете будто ожили, но от металла шел такой жар, что ближайшие картинки стали оплывать, краска потекла... И тут обе металлические стены разом заскрипе-

ли — и стали двигаться. Цвет их стал насыщенной, переходя из желтого в по-настоящему красный.

Камера мало-помалу наполнялась дымом, сдвигающиеся стены лязгали. Я поднялся на ноги, отбросив остатки веревки, и отступил на пару шагов от приближающейся раскаленной стены. Не иначе как я угадал, и их главная цель — вынудить меня выбрать колодец.

Стены новым рывком сдвинулись. Я отступил еще на шаг. Продвигаясь вокруг дыры, я добрался до каменной стены — туда, где была дверь. Согласно логике, это было самое безопасное место в камере.

Оказавшись у двери, я медленно оглянулся на дыру. Она упорно звала меня с тех пор, как я впервые обнаружил ее. Теперь я ощутил, что пора заглянуть в нее — узнать, что именно внушает мне такой ужас, наводит такую душевную тоску. Я опустился на колени и подполз к краю колодца. Раскаленные стены давали яркое освещение — и я принудил себя смотреть на то, что я увидел, и не отводить глаза.

А картина, увиденная мной, была страшна.

Внизу была комната, в которой возле открытого гроба стоял низкорослый мужчина с большими бакенбардами. На нем был выходной черный костюм, черные перчатки, а в руке он держал короткий хлыст, какой я видел в цирке у дрессировщиков. Уж не знаю как, но я сразу понял, что это Руфус Гризуолд. Перед ним стоял Эдгар По — он был связан, его голова бессильно свешивалась на грудь. Гризуолд кнутом показывал По — полезай в гроб. Эдгар По выпрямился, поднял голову — и внезапно стал только контуром, черной бездной, из которой светили звезды и мерцали кометы. Теперь рядом с зияющим гробом во всем величии толпились мириады звезд Млечного Пути и победно улыбалась бесконечность, а Гризуолд в ярости отводил глаза и скрежетал зубами.

Но шелкнул хлыст — и фигура По снова стала материальной, а я осознал, что раскаленные стены камеры еще приблизились ко мне. Однако у меня было ощущение, что главный ужас происходит все же не со мной, а там — внизу, где Гризуолд хочет уничтожить воображение и способность удивляться заодно с темными непознанными глубинами человеческого духа — упрятать их в ящик, швырнуть в бездонный колодец...

Стены камеры еще продвинулись. Я истекал потом и задышался от жара. Но лязг продолжался, мерзкий дым застил зрение. Я чувствовал, что сознание оставляет меня. Прижавшись спиной к каменной стене, я прокричал:

— Нет! Не делай этого! Будь ты проклят, Гризуолд!

Похоже, меня никто не услышал.

Где-то за дверью раздались громкие голоса. Дверь рядом со мной с шумом распахнулась — и волосатая лапа ухватила меня за плечо. Я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу в камере. Но в этой камере не было дыры посередине, а дверь была открыта. Надо мной склонились Лигейя и Эмерсон. А у двери стоял Петерс.

— Генерал Лассаль только что взял город? — переспросил я. Именно эту фразу я слышал перед тем, как окончательно прийти в себя.

— Да, — ответила Лигейя.

— А связь, которую вы со мной установили... она сработала? Лигейя кивнула.

— Но у всего, что со мной случилось тут, было что-то от сна или наркотического бреда.

— Гризуолду наконец удалось использовать Анни в качестве оружия против вас, — сказала Лигейя. — Он принуждал ее уничтожить вас, но она сопротивлялась приказам Темплтона до последнего.

— Выходит, мы и впрямь встретились с ней в Толедо — пусть и странным образом, в месте страшных розгрышей. А что с фон Кемпеленом?

— Он провел нас. Теперь, когда Анни больше не мешает, месье Вальдемар снова обрел возможность зреть невидимое. На самом деле фон Кемпелен бежал в Арагонское королевство.

— В таком случае мы едем обратно.

— Другого выхода не вижу.

Вместе со своими друзьями я покинул тюрьму, прошел через занятый французами город. У ворот нас поджидала карета. Всю дорогу я пил воду, как человек, только что вернувшийся из пустыни.

Таким образом я опровергал философские тезисы Беркли, который твердил, что внешний мир не существует независимо от восприятий и мышления.

Она была единственным творцом того мира, где она пела. Она создала свое королевство не из бранных материалов, и здешнее море было солоно от ее скорби, и весь этот мир был ее песня.

Она перенесла поэта в его пещеру, сняла путы с рук и нежно обняла.

— Они принуждали меня, — говорила она, — лишить моего темного сокола его упоительных ночных полетов.

По смотрел мимо нее на бурное море. Туча напозла на солнце.

— Будь вольной птицей и знай: я никогда не причиню тебе вреда! — сказала она.

— Всего лишь плод воображения, — произнес он и отвернулся от нее.

Кусок пространства перед ним стал распадаться, как разбитая стеклянная стена.

— Не покидай меня! — тихо сказала она.

— Всего лишь плод воображения!

Он шагнул вперед — и через пролом в пространстве вышел вон, во мрак, прочь из ее королевства.

Глава 7

Когда пневмония добила больную чахоткой Элизабет По и голова страдальцы наконец обрела покой на засаленной подушке, а большие серые глаза на почти детском личике в рамке длинных волос навеки закрылись, миниатюрную актрису обрядили в ее лучший наряд из дешевой ткани и увенчали лучшей ее диадемой.

Тело лежало в убогой мансарде, принадлежавшей модистке, где все члены труппы мистера Плэсида могли попрощаться с покойной. Миссис Филлипс, владелица магазина дамских шляпок, а также две дамы из «уважаемого общества» — миссис Аллан и миссис Макензи, подруги несчастной Элизабет По, взяли на себя хлопоты по устройству похорон.

После долгих препирательств с некоторыми особо косными прихожанами, которые не желали, чтобы какая-то актриса была похоронена в священной земле, мистер Аллан и мистер Макензи, будучи из числа самых уважаемых прихожан, все же настояли на решении похоронить Элизабет По на погосте церкви Св. Иоанна — впрочем, в самом дальнем углу, у стены. В кладбищенской книге сделали запись о погребении — без имени покойной. Более ста лет не было имени и на надгробном камне.

А сероглазый мальчуган, любимец труппы, не воспринял эту смерть всерьез. Трехлетний Эдгар столько раз видел, как мама умирала на сцене, что и теперь ждал, когда же она встанет и выйдет на поклон. Ее возвращение странно затягивалось. Когда же она придет и обнимет его?

Холодным декабрьским днем 1811 года на улице, перед домом миссис Филлипс, маленький Эдгар был разлучен со своей совсем крохотной сестричкой Розали — ее взяла на воспитание другая женщина, а сам он остался с миссис Аллан.

Миссис Аллан привезла его в экипаже в трехэтажное кирпичное здание колониального стиля на углу Четырнадцатой улицы и Табачного переулка. Теперь это был его дом. Мама так и не вернулась за ним. Через какое-то время он перестал ждать.

После долгого путешествия мы оказались в мирном Арагонском королевстве. Здесь не чувствовалось никаких признаков войны, бушевавшей совсем рядом. Одни подданные принца Просперо говорили на французском, другие — на испанском, третьи — на английском. Но покой в этих краях можно было назвать мертвым. Если иностранная армия и побывала в Арагоне, то несколько месяцев назад. Виной опустошения была не война, а эпидемия. В пути до нас сперва дошли страшные слухи, а потом мы своими глазами увидели погребальные процессии, заунывно поющих над покойниками монахов, вымершие и опустевшие деревни — признаки присутствия Красной смерти, разновидности легочной чумы.

В начале нового года мы были заняты тем, что старательно объезжали районы военных действий. Тут месье Вальдемар оказывал нам неоценимые услуги. Он же дал нам полезные советы касательно принца Просперо и его нынешнего положения. Всего за несколько дней до нашего прибытия принц полностью прервал отношения с большинством своих подданных. Нет, он уединился отнюдь не для размышлений о том, как помочь своей страдающей стране. Наплевав на судьбу большинства подданных, он призвал примерно тысячу самых знатных вельмож с женами, а также своих друзей. Дабы укрыться от Красной смерти, все они — вместе с необходимым числом слуг и одной-двумя ротами солдат — забаррикадировались за крепостными стенами одного аббатства, где, имея достаточные запасы провизии, могли безбедно переждать эпидемию.

Мне было бы плевать на поведение Просперо, не будь он одним из тех, к кому фон Кемпелен обращался со своим предложением. И сейчас алхимик был гостем Просперо и укрылся с ним за стенами аббатства.

Поскольку тут была замешана Анни, месье Вальдемар опять не мог сказать с точностью, но ему казалось весьма вероятным,

что наша троица подлецов — Темптон, Гризуолд и Гудфеллоу — также находится рядом с Просперо.

— Узнайте, что это за аббатство! — настойчиво попросил я.

— Оно расположено на юго-западе от Таррагоны, — сказал месье Вальдемар, указывая рукой в нужном направлении. — Рядом с небольшой деревушкой под названием Санта-Креус.

И мы направились на восток — к Таррагоне.

А на следующей неделе наша карета уже громыкала по улочкам Санта-Креуса. Жутковатое, признаться, зрелище — потому что в деревушке не было ни души. Проехав по безлюдным улицам, мы увидели аббатство: высокие стены, стражи на башнях. Я приказал вознице ехать к воротам.

Пока мы приближались, в нас несколько раз стреляли. Повинуясь приказу остановиться, который прозвучал на испанском, французском и английском, возница натянул поводья.

Я вышел из кареты и сделал шаг в сторону ворот.

— Стой! — рявкнул часовой.

— Стою, стою. Если не трудно, говорите по-английски.

— Чего ты хочешь, англичанин? — прокричал часовой.

— Я ищу людей, которые, как мне кажется, прибыли в ваше аббатство несколько дней назад.

— Если они и здесь, вы не сможете попасть к ним.

— Это чрезвычайно важно! — прокричал я, достал золотую монету, подбросил ее в воздух и поймал.

— Мы, солдаты, живем в казематах стены, — сказал часовой. — Даже нам нет ходу в само аббатство. Все железные запоры заклепаны.

— А вы можете передать послание? Есть какой-нибудь способ передать записку нужному человеку?

— Нет, — ответил часовой. — Безнадежное дело.

— Ладно, — кивнул я, — все понятно. Тогда мне нужны кой-какие сведения. Скажи-ка мне...

— Ничего я вам не скажу, господин хороший. Шли бы вы отсюда подобру-поздорову.

— Да ты не сомневайся, я хорошо заплачу!

Он рассмеялся.

— Я к твоему золоту и не прикоснусь! А ну как оно мечено Красной смертью!

Тут я вспомнил, каким тоном я разговаривал с солдатами на плацу, и с командирскими интонациями в голосе спросил:

— Рядовой, доложите, есть ли в обители немец по имени фон Кемпелен! А также четверо американцев — трое мужчин и женщина.

Он заметно вытянулся и отвел плечи назад.

— Не могу знать, сэ. Их там много всяких.

— Спасибо, рядовой! Я так понимаю, в деревушке ни души, гостиница не работает?

— Ни души, сэ. И я бы на вашем месте тут не задерживался. Я бы мчался в карете до самой границы, пока не заморил лошадей. А потом бросил бы карету и припустил на своих двоих.

— Спасибо за совет, — сказал я и вернулся в карету.

— Что дальше? — спросила Лигейя.

— Едем отсюда, — ответил я. — Остановимся там, где нас не будет видно со стен. И поговорим с месье Вальдемаром. Быть может, Анни в аббатстве. А может, нет. Однако спросить я хочу не о ней.

Я велел остановить карету возле обгорелых деревьев оливковой роши. Когда ящик с месье Вальдемаром был спущен на землю и я сказал, что мы с Лигейей намерены его открыть, остальных как ветром сдуло. Остался только Грип, который взирал на наши действия с моего левого плеча.

Стоило мне снять крышку, как месье Вальдемар раскрыл глаза — без помощи месмеризма. Да и яркий дневной свет, похоже, его уже не беспокоил. Лигейя странно покосилась на меня, потом сделала несколько пассов над ним. Она не успела довести процедуру до конца, как месье Вальдемар спросил:

— Где мы находимся?

Это было так мало похоже на него — первым начинать разговор!

— Мы в Арагоне, поблизости от Таррагоны, в деревушке Санта-Креус, — ответила Лигейя.

— Не замечаете ничего особенного в округе?

— Красная смерть истребила здесь огромное количество людей.

— А-а! — произнес месье Вальдемар. — Как счастливы мертвые! Как им хорошо! Как им повезло! С радостью поменялся бы я местом с любым из них! Уснуть — и не видеть сны, быть может!

Я откашлялся.

— Мне стыдно беспокоить вас низменными земными материями, месье Вальдемар, — сказал я, — но просто не к кому больше обратиться за советом.

— Я могу понять вас, пленников земной суеты, — изрек месье Вальдемар со вздохом. — Спрашивайте.

— Здесь рядом — внушительное аббатство, обнесенное высокими стенами, — пояснил я. — Не вижу способа проникнуть внутрь. На стенах охрана. Железные входные двери заварены. Но я убежден, что фон Кемпелен в аббатстве, а возможно, также Анни, Темплтон, Гудфеллоу и Гризуолд. Мне вспомнилось, что старые крепости всегда имеют тайные подземные ходы. Не могли бы вы подсказать, есть ли тайный ход в аббатство? Мне позарез нужно попасть внутрь!

Месье Вальдемар внезапно закатил глаза, так что стали видны только белки. Руки бессильно упали на грудь в обычное скрещенное положение. Заговорил он лишь после долгой, долгой паузы.

— Существует секретный ход из аббатства в деревушку, — произнес он замогильным голосом. — Это подземный туннель. Им перестали пользоваться в незапамятные времена — так что не могу сказать, можно ли сейчас по нему пройти. С туннелем за это время что-то произошло — быть может, вход в него замурован. Не исключено, что над выходом построен дом.

Он надолго замолчал. Я не вытерпел и поторопил:

— А поточнее не можете?

— К сожалению, не могу, — ответил он. — Зато точно знаю: фон Кемпелен в стенах аббатства, и наличествует искажение месмерического фона, которое обычно было свидетельством присутствия Анни. Следовательно, велика вероятность того, что она также гостя принца Просперо.

— А не может ли произойти то же, что и в Толедо, — большие неприятности при пересечении наших с ней путей?

— Не исключено.

— Что ж, у меня все равно нет выбора.

Он оставил мои слова без комментария.

— Итак, этот заброшенный туннель — единственный тайный ход из аббатства?

— Другого мое мысленное зрение не видит. Позвольте мне уснуть.

Я машинально проделал нужные пассы. Глаза месье Вальдемара закрылись, крышка сама собой надвинулась. Грип при этом воспроизвел выстрел открывающейся бутылки шампанского.

Мы быстро водрузили ящик на место, и карета покатила по улицам деревушки.

Когда мы остановились возле постоялого двора на главной площади, день уже клонился к вечеру. Я взял с собой саблю и вместе с Петерсом принялся быстро обследовать пустую дере-

вуху. Надо было хорошенько оглядеться, чтобы прикинуть, где именно может располагаться выход из подземного туннеля. Лигейю мы оставили в карете.

Неугомонный Эмерсон сопровождал нас от дома к дому, время от времени залезая на деревья и дурачась. В деревушке царил полный покой. Витрины магазинов были заколочены досками. За все время нашей разведывательной экспедиции мы не услышали ни одного голоса, не встретили ни души.

Я поинтересовался у Петерса:

— У вас не бегают мурашки по спине от того, что здесь совсем недавно свирепствовала чума? Кто знает — быть может, за-
раза дремлет где-то совсем рядом!

На его лице была обычная ухмылка.

— Каждый проживет, сколько у него на роду написано. Не больше и не меньше. Так что чему быть, того не миновать.

— Я совсем не такой фаталист, как вы, — сказал я. — Меня успокаивает одно: если бы нам грозила непосредственная опасность, месье Вальдемар непременно предупредил бы меня.

— Если бы кто и подсказал — так это Лигейя.

— Что вы хотите сказать?

— Она — больше чем просто умелица наводить сон на людей, — произнес Петерс. — Я вас еще на корабле предостерегал.

— Вы полагаете, что она ведьма?

— Подозреваю, — пробормотал Петерс и воровато оглянулся, как будто Лигейя могла его подслушать.

В этот момент мы проходили мимо пожарищ — полусгоревшие дома стояли между лужами, вода в которых зацветала и пованивала. Эмерсон юркнул в подвал одного из этих домов и надолго скрылся из виду.

Дальше стояли нетронутые пожаром дома, в которых находились лавки торговцев. Все они были взломаны — напрасно лавочники думали, что кого-то остановят наспех забитые досками двери и витрины. Это позволило нам сделать важный вывод: не все обитатели деревни сбежали — кто-то мародерствует в этих краях.

И действительно, проходя мимо большого полуразрушенного дома, мы вдруг услышали чей-то смех. Отнюдь не добродушный. Таким лающим мерзким смехом хорошие люди не смеются. Я быстро переглянулся с Петерсом, и он кивнул.

Мы подошли ко входу в здание. Петерс изо всей силы толкнул дверь ногой — она с грохотом ударилась о стену. Я бы предпочел тихо подкрасться, однако Петерс явил свое всегдашнее

бесстрашие. Похоже, он был уверен, что смекалка и физическая сила помогут ему выпутаться из любой ситуации.

Смех резко прервался. Оказавшись внутри здания, мы обнаружили, что это дом гробовщика. Среди простых гробов было несколько роскошных — из красного дерева с серебряными украшениями. Я пожалел, что с нами нет месье Вальдемара, — ему бы непременно приглянулось одно из этих искусно сделанных жилищ.

Мы с Петерсом быстро огляделись — ни души. Но тут храбрый коротышка указал мне на открытую дверь в подвал. Я проверил, легко ли сабля выходит из ножен, и мы двинулись в правый угол большой комнаты, где находился спуск в подвал.

Я заглянул вниз и увидел сперва длинный ряд бочек с вином и стойки с винными бутылками. Одновременно я услышал хлопок открываемой бутылки. Затем в центре неплохо освещенного свечами подвала я увидел длинный стол с большой лоханью, полной вина. Над столом висел скелет, к рукам и ногам которого были привязаны веревочки. Кто-то дергал за них, и скелет выплясывал страшный танец, вызывавший тот самый зловещий хохот, который мы слышали с улицы.

За столом сидели несколько человек — сиденьями служили гробы. Судя по всему, они по очереди пили вино из черепа. Человек, сидевший во главе стола, тяжелым взглядом уставился на меня. Был он сухопарый — считай, кожа да кости, а вытянутое, лошадиное лицо поражало желтизной.

Напротив этого ходячего скелета сидели две женщины. Одна невероятно жирная — прямая противоположность ему, а другая миниатюрная, прекрасно сложенная, бледная девица с горящими щеками и длинным-предлинным носом, который нависал над верхней губой. Не успел я решить, что вторая особа женского пола больна чахоткой, как она разразилась характерным кашлем. Слева от толстухи сидел угрюмый одутловатый старик — его руки были скрещены на груди, а забинтованная нога покоилась на краю стола.

В подвале присутствовали еще двое мужчин — хоть я и не мог со своего места разглядеть их как следует, мне бросилось в глаза, что один отличался неимоверной величины ушами и подвязанной челюстью, а второй был вроде как парализован — сидел в неестественной позе, до странности неподвижно. Почти все пирующие в подвале были завернуты в саваны.

— Добрый вечер, — сказал я тощему человеку, который пристально меня рассматривал.

На это живой скелет властно постучал по столу чем-то вроде

белого жезла — приглядевшись, я понял, что это берцовая кость, — и провозгласил:

— Друзья мои, у нас гости!

Все головы повернулись в мою сторону. Только парализованный не повернул головы — лишь склонился на меня.

— Добро пожаловать, господин хороший. Спускайтесь и присоединяйтесь к нашей компании.

Незаметным жестом приказав Петерсу оставаться на страже наверху, вне пределов видимости компании пирующих, я пригнулся, прошел через низкую дверь в подвал и спустился по крутой лестнице.

— Можно ли узнать, кого мы имели честь пригласить? — осведомился тощий предводитель пирующих.

— Меня зовут Эдгар Аллан Перри, — ответил я.

— А я — Король. Вот моя — ха-ха! — чумная свита. Присоединяйтесь к нашему пиру — будем пить и веселиться перед лицом неотвратимой смерти. Желаете череп грога?

— Спасибо, чуть позже, — сказал я. — Видите ли, я разыскиваю туннель — подземный ход, ведущий в аббатство.

— Легче прорыть новый, — буркнул старик с перевязанной ногой. — Начинайте, а мы присоединимся. Он и станет нам общей могилой.

Дамочки захихикали. Парализованный закатил глаза, чтобы показать, как ему смешно. Тот, кто назвался Королем, настойчиво постучал берцовой костью по столу, расплескав вино в черепе, который он держал в другой руке.

— Тихо! — громыхнул он.

Опираясь на кость, как на палку, тощий медленно встал, затем сделал быстрый шаг в мою сторону, указывая на меня берцовой костью, которую он держал как шпагу — и с повадкой опытного фехтовальщика.

— Вы обязаны осушить добрую порцию грога! — провозгласил он, протягивая мне череп-чашу. — Лишь после этого мы примем вас в свое общество и разрешим копать туннель, где вам вздумается. В противном случае мы окрестим вас в купели с вином — окунем с головой и будем держать, пока петух не запоет!

Я выхватил саблю из ножен.

— Фи-и! Какой моветон! — сказал тощий Король. Он повел рукой — и толстуха вдруг запела.

Петерс решил, что мне приходится совсем солоно, и, недолго думая, кинулся прямо в дверной проем. Прокатившись до половины лестницы, он прыгнул, вцепился в скелет над столом и повис на нем. Пение мгновенно прекратилось. Поднялся крик

и визг. Прихвостни Короля Чумы, сами сущие монстры, были напуганы жуткой физиономией Петерса, который и всегда-то был страшен, а тут скроил такую рожу, что впору перекреститься.

Отпустив скелет, Петерс спрыгнул на стол.

— Хватит горевать, бабы! — крикнул он. — Сыпь вверх по лестнице, братва!

Король Чумы позабыл обо мне и двинулся на Петерса, угрожающе выставив массивную кость.

Петерс шагнул вперед, схватил неподъемную лохань с вином, крикнул, потянул ее вверх — успел скоситься на меня и подмигнуть — и поднял над собой. Не теряя времени я кинулся к лестнице и взлетел наверх. За моей спиной слышались вопли и плеск — это Петерс опрокинул на честную компанию лохань с вином.

Не успел я оказаться наверху, как ко мне присоединился хочущий Петерс. Он шустро захлопнул дверь и привалил ее тяжелым гробом.

В этот момент в дом гробовщика вбежал Эмерсон. За его спиной в дверном проеме светила только что взошедшая луна. Орангутанг бешено зажестичулировал. Петерс кивнул головой.

— Лучше нам побыстрее отсюда убираться, — сказал Петерс мне. — Потешились — и будет.

Мы последовали в вечерний мрак вслед за нашим мохнатым проводником.

Конюшни постоялого двора. Очаровательная леди сидит на гробе, рядом с ней — несколько узлов и сундуков с нашим имуществом, на котором нахохлилась большая черная птица.

Я ахнул.

— Лигейя, а где наша карета?

— Пока я ходила присмотреть более или менее сохранный дом, где можно поселиться на время, возница остался один и выгрузил вещи. Я застала его, когда он скидывал последний наш сундук. Потом он сел на козлы, схватил поводья и погнал лошадей. Негодяй испугался Красной смерти.

— Он что — на прощание так и сказал?

— Нет, укатил молча, разбойник! Но после того как вы ушли обследовать деревню, он говорил, что вы, должно быть, совсем рехнулись, и предлагал мне бежать вместе с ним.

— Эдди, по дороге сюда я видел тележку, — произнес Петерс. — Можно погрузить наш скарб.

— Хорошая идея. Волоките ее сюда, — сказал я.

Мы погрузили вещи на тележку и двинулись в путь, но тут заметили далеко впереди удалявшихся от нас двух мужчин — один из них был в костюме шута.

Я собирался окликнуть их, однако Петерс дернул меня за рукав.

— Они навеселе, — сказал он. — Вишь, какие кренделя ногами выписывают!

— Ну и что?

— Напоминают тех, в подвале.

— А вдруг они не придурки? Просто нормальные жители деревни — из тех немногих, что выжили.

— Лучше пойдем потихоньку за ними и поглядим, куда они путь держат.

— Да, не стоит сразу заговаривать с ними, — согласилась Лигейя.

— Как мы пойдем за ними — с тележкой! — сказал я.

— Да они же почти в стельку, — возразил Петерс. — За ними хоть кавалерийский полк иди — все равно не заметят.

И мы на большом расстоянии последовали за странной парой.

Будучи уверены, что в деревне они одни, пьяные говорили громко. Из обрывков их сумбурного разговора мы поняли, что одного зовут Монрезор, а второго, в шутовском наряде, — Фортунато.

Монрезор пару раз оглядывался, но у меня было впечатление, что нас он не видел и постукивания нашей тележки не слышал.

Говорили они о винах. И оба проявляли недюжинные познания. Так и сыпали названиями вин и словечками, принятыми в среде виноделов и винокуров.

Они припетляли к большому ветхому особняку, который стоял немного на отшибе возле рощицы, облитой лунным светом.

Монрезор долго возился с замком.

Фортунато хихикнул и сказал:

— Дурья голова, дверь собственного дома открыть не может.

Я вздрогнул — из обиталища месье Вальдемара раздался тихий стук.

Лигейя положила руку на крышку. Очевидно, она установила месмерическую связь, потому что через некоторое время провозгласила:

— Это нужное место. Надо проникнуть в дом — туннель где-то там.

Мы решительно направились ко входу в ветхий особняк.

Нам с Петерсом пришлось долго молотить кулаками по двери, прежде чем ее открыли. На пороге стоял Монтресор. Наша компания вызвала на его лице последовательное чередование удивления, раздражения и легкой настороженности.

Такая троица — с орангутангом, вороном и нагруженной тележкой — могла кого хочешь озадачить.

— Мистер Монтресор? — спросил я, питая надежду, что мой собеседник знает английский язык.

Он изучал мое лицо на протяжении нескольких секунд, потом процедил:

— Ну, я Монтресор. Чего вам?

— Я насчет доставки ящика «Шато-Марго», — пояснил я.

Его взгляд перемертвел на нашу тележку. По тому, как он лихо выпрямился и даже чуть протрезвел на радостях, плотоядно облизывая губы, я понял, что он у нас на крючке.

— Вот дела... — протянул он. — Я как будто не заказывал... Вы продаете? Или это подарок? Вы, собственно говоря, кто такие?

— Мы — остатки странствующей труппы актеров, — сказал я. — Граф Просперо послал за нами, но к тому времени, когда мы добрались до аббатства, его ворота уже были закрыты и забаррикадированы. А солдаты — пни пнями! — отказались пустить нас внутрь. Даже сообщить принцу о нашем приезде отказались! Вот так и вышло, — продолжил я, — что мы угодили в дурацкое положение. Сейчас хотим за этот ящик с вином получить безопасный кров и немного пищи. Это отменное вино везли самому принцу Просперо, но доставщики испугались Красной смерти, бросили ящик и улепетнули. А нам он кстати пришелся.

— Что ж, волоките ящик внутрь, — пригласил Монтресор, широко открывая дверь.

Мы не заставили его повторять это дважды.

— Эй, эй! — закричал он. — Всех в дом не пушу! Обезьяну и птицу извольте оставить снаружи.

— Нельзя нам бросить их — это наш хлеб, — возразил я.

— Тогда пусть дамочка приглядит за ними, пока вы затащите ящик, — сказал Монтресор. — Слуг вам на помощь не могу послать — все разбежались, разрази их гром!.. — После этого он буркнул себе под нос: — Я бы и сам дал деру, да только есть у меня тут очень важное дельце.

Из-за его спины вдруг вынырнул Фортунато. На нем теперь был еще и шутовской колпак с бубенцами. Он сосал вино из

надтреснутого графина. Оторвавшись от горлышка и тарашась на нас ословелым взглядом, Фортунато произнес:

— И чего ты тут околачиваешься, Монтрезор? Пора нам к бочонку этого... как его?... амонтильгадо? амонтильваздо?

— Амонтильядо! — внезапно выкрикнул Грип.

Фортунато отшатнулся, как будто его по лбу треснули. Его лицо исказила гримаса ужаса.

— Дьявол! — воскликнул он и попятился.

— К сожалению, мистер Монтрезор, — сказал я, — мы не можем оставить леди одну. Так что или мы все зайдем с ящиком вина, или — всего хорошего.

— Осел! Лукрези — настоящий осел! — внезапно запричитал Фортунато. — Ведь я прав, Монтрезор! Сам знаешь, я прав! Лукрези — невежда, который не может отличить наливку от уксуса! Кха, кха, кха! Кха, кха, кха!

Шут закашлялся — очень подозрительно.

— Пустяки, простуда! — поспешно сказал он. Говорил он по-английски с еще большим акцентом, чем Монтрезор. — Это не чума, господа. От кашля еще никто не помирал.

— Ты прав, от кашля еще никто не помирал, — сказал Монтрезор, задумчиво глядя на Фортунато. — Ты умрешь не от кашля — это я тебе могу точно обещать.

Отвернувшись от шута, Монтрезор махнул нам.

— Заходите все, черт с вами. Ташите ящик вниз. Я покажу дорогу.

Задвинув за нами засов, Монтрезор пошел первым. За ним шли я и Петерс, следом — Лигейя и Эмерсон с Грипом на плече. А Фортунато замыкал шествие — выписывая ногами кренделя и спотыкаясь, то заводя песню, то принимаясь костерить глупого Лукрези. Вполне подходящая картинка веселенького вечера в селении, где хозяйничает ее величество чума.

По длинной каменной лестнице, делавшей множество поворотов, Монтрезор провел нас в удивительно просторный подвал. Как ни странно, он был освещен закрепленными на стенах смоляными факелами и длинными свечами в нишах. Разве это не расточительство — так освещать далеко не самую важную часть дома?

Наконец Монтрезор приказал нам с Петерсом поставить ящик на пол в широком коридоре, который начинался в подвале и, похоже, вел в какие-то катакомбы. Мне ужас как хотелось пройти дальше — ведь скорее всего именно там находился подземный ход в аббатство!

Вдоль стен — каменных, с вкраплениями селитры — широ-

кого коридора, от пола до потолка, были сложены человеческие кости и черепа, и наши тени длинными пальцами метались по ним. На всем, подобно рыбацким сетям, была раскинута паутина, а топот разбегающихся крыс напомнил мне о пребывании в толедском узилище, которое мне до сих пор снилось.

Монтрезор перехватил мой взгляд и усмехнулся.

— Здесь когда-то была усыпальница аббатства, — пояснил он. — Еще до того, как отец принца Просперо выгнал монахов и присвоил крепость себе.

Мы подтянули ящик к стене.

— Тут, наверно, имеется ход в бывшее аббатство? — как бы между прочим спросил я.

Он не ответил. К моему удивлению, Монтрезор повернулся и пошел обратно. Я-то думал, что он сразу захочет открыть ящик и посмотреть на свое приобретение, — и тогда придется что-то быстро предпринимать. Остановившись через несколько шагов, Монтрезор вперил взгляд в Фортунато, который сидел на груди костей и пожирал глазами статную высокую Лигейю, ее волнистые кудри цвета воронова крыла. Смотрел он откровенно похотливо.

Монтрезор пробормотал какие-то слова о питье и похоти, в которых я, сын актрисы, не мог не узнать строк из шекспировского «Макбета»:

— Пьянство и вызывает похоть, и оно же ее отшибает: вызывает желание, но препятствует удовлетворению. Поэтому добрая выпивка, можно сказать, только и делает, что с распутством душой кривит: возбудит и обессилит, разожжет и погасит, раздражит и обманет, поднимет, а стоять не даст; словом, она криводушничает с ним до тех пор, пока не уложит его в постель, не свалит всю вину на него же и не уйдет.

Когда Монтрезор развернулся ко мне, я не стал аплодировать его монологу — я сам пристально смотрел на Лигейю, которая начисто игнорировала пьяного шута.

Хозяин особняка внезапно очень трезвой походкой подошел ко мне вплотную, взял за рукав и увлек в сторону.

— Итак, вы, молодой человек, разыскиваете тайный ход в аббатство?

Я чутьочку насмешливо поклонился. Но и в его вопросе заключалась насмешка. Так что мы были квиты.

— Разыскать этот ход — наше глубочайшее желание, сэр, — ответил я.

— Тогда позвольте мне показать его. Подземный ход действительно существует. Со стороны аббатства туннель замуровали

давным-давно — когда мой отец был молодым, если не раньше. Даже нынешний принц не ведаёт о нём.

— Замурован! — воскликнул я. — Как же мы пройдем?

— Это не так уж сложно, — пояснил он. — Я дам вам нужные инструменты — кувалды и лом. Крепким мужчинам ничего не стоит пробить брешь в достаточно тонкой стене. В результате вы окажетесь в глухом конце одного из подземных складов. Но вы должны — и это очень важно! — заделать стену за собой, замести все следы. Кувалды и лом спрячьте куда-нибудь, а хотите — бросьте в колодезь, там их много. Если вы этого не сделаете, слуги принца узнают о наличии подземного хода — и принц поймет, что кто-то незваный пробрался в крепость, а с ним, быть может, и зараза. Будьте уверены, за вами такая начнется охота, а когда схватят...

Монтрезор не закончил фразу. Вместо этого он быстрым движением раздавил крупного паука, бежавшего по полу. Секунды две мы молча глубокомысленно взирали на мокрое место.

— Знайте, — закончил Монтрезор, — лишь одного боится бесстрашный принц Просперо — Красной смерти.

План Монтрезора мы приняли к действию. Была только одна загвоздка: как быть с месье Вальдемаром? Не тащить же его с собой! Придется оставить. Я не мог обсудить этот вопрос с друзьями, потому что Монтрезор был все время поблизости. Но Лигейя сама сообразила, почему я так морщусь.

Резко повернувшись ко мне — так что полы ее плаща вполне театрально взметнулись, она произнесла — с мелодраматическим дрожанием губ и голоса:

— О Эдгар! Я подумала обо всем еще раз — и поняла, что не могу последовать за тобой. Меня пронизывает страх при одной мысли, что я окажусь в крепости, которой правит известный своей жестокостью принц. Прости, но тебе придется идти туда без меня.

Однако в ее речи было столько искренности, что я невольно подумал: а не связывают ли этих двух — Лигейю и месье Вальдемара — иные узы, помимо месмерических? Дурацкая мысль. Не знаю, откуда она взялась и с какой стати.

Монтрезор кинул на ее недовольный взгляд — словно собирался вступить в спор. Однако наша троица вкупе с орангутангом, надо думать, со стороны представляла собой такую сплоченную и безрассудно храбрую группу, что он, будучи в явном

меньшинстве, счел неразумным связываться с нами и промолчал.

До нас донесся громкий храп. Это Фортунато сморил пьяный сон — свернувшись калачиком, шут лежал на груди костей. Петерс какое-то время тарашился на Фортунато, потом стащил с него колпак с бубенчиками и примерил на свою голову, поверх парика. Спящий зашевелился, но не проснулся. Петерс начал проворно стаскивать с него пестрый шутовской наряд. Монтрезор пронаблюдал за действиями моего друга, однако опять-таки ничего не сказал.

Петерс и я, прихватив факелы, пару кувалд и лом, двинулись вперед по темному туннелю, на который нам указал Монтрезор. Эмерсон поскакал за нами. В алькове, где мы брали кувалды и лом, я не без удивления заметил корыто со свежемешенным строительным раствором, хотя и не придал этому никакого значения.

Мы прошли совсем немного до первого поворота, который скрыл от нас фигуры Лигейи и Монтрезора, которые провожали нас глазами, и спящего на странном ложе раздетого до белья Фортунато. Пройдя еще сотню шагов, я подумал: ну вот, к этому времени Лигейя уже поднимается по лестнице из подвала с Грипом на плече. Надеюсь, любезный хозяин укажет ей спальню, где она сможет отдохнуть. А нам предстоит непростые приключения...

В мыслях своих я представил, как Грип, сидя на плече престелной Лигейи, тихо цедит ругательства, от которых даже пьяная матросня способна покраснеть. Я рассмеялся про себя — и бодрей зашагал вперед, навстречу неизвестным опасностям.

Он бродил по палубе старинного корабля. Колени дрожали, суставы ломило. Изредка он поглядывал на навигационные приборы, медь которых от времени потемнела, а бронза позеленела. Иногда поднимался на капитанский мостик — провести ориентацию по звездам. Заполярные туманы плыли над судном, ледяные глыбы — по волнам, навстречу. Вокруг него то появлялись, то исчезали члены былой команды корабля. Временами казалось, они хотят что-то сказать ему низкими клокочущими голосами, даже трогают его за рукав. Но всякий раз, когда он оборачивался на голос или прикосновение, фигуры таяли, исчезали. И никогда он не мог разобрать ни слова в их тихой клокочущей речи. После очередной неудачи он спускался в свою каюту — предаться густому течению своих мыслей...

Эдгар По проснулся в холодном поту. Руки его дрожали. Сколько снов ему переснилось! И многие из них были невыносимо ужасны — например, тот, про тюремный маятник с лезвием на конце. Этот сон — о старинном корабле в ледяных водах с призрачной командой на борту — был на первый взгляд не такой жуткий, как тот сон про маятник с лезвием, и не такой гротескный, как сон о встрече с Королем Чумы и его свитой. Однако было в этом ночном видении по-своему предельно страшное — чувство невыносимой утраты и невыносимой покинутости. Он с силой потер влажные виски.

...Как будто он уплывал на корабле прочь от рода людского, и материк нормальных мыслей и чувств навсегда скрылся из виду. Но нет пути обратно — плыви дальше, плыви прочь — вопреки всем ветрам перемен и всем приливам обновления. Потерян. Навек потерян.

Глава 8

Мы стоим на краю пропасти. Мы заглядываем в бездну, и нами овладевают головокружение и дурнота. Первый наш импульс — скорее отойти от опасного места. Но почему-то мы остаемся. Медленно и постепенно головокружение, дурнота и ужас сливаются в облако чувства, которому нет названия. Мало-помалу, еле заметно, это облако обретает форму, точно дым, поднявшийся от бутылки, в которой заключен джинн, как повествуется в сказках «Тысячи и одной ночи». Однако из нашего облака над краем бездны рождается образ несравненно более ужасный, чем любые сказочные джинны или демоны, хотя это всего лишь мысль — правда, мысль чудовищная, пронизывающая нас до мозга костей леденящим экзотическим ужасом. Это — всего лишь попытка вообразить, что успели бы мы почувствовать во время стремительного падения с подобной высоты. И вот этого-то падения, этого стремительного превращения в ничто — именно потому, что оно связано с одним из самых отвратительных и мерзких способов смерти и страдания, какой только родился в нашем воображении, — мы теперь томительно жаждем. И лишь потому, что разум настойчиво требует, чтобы мы отошли от пропасти, лишь поэтому мы упрямо к ней приближаемся. Нет в природе другой столь демонически нетерпливой страсти, как страсть, бушевавшая человека, который, трепеща на краю пропасти, вот так смакует падение туда. Прислушаться хотя бы на миг к голосу рассудка — значит неминуемо погибнуть, ибо рассудок побуждает нас отступить, а этого, утверждаю я, мы сделать не способны. И если рядом не окажется

дружеской руки, чтобы остановить нас, если нам не удастся броситься навзничь, в сторону, противоположную бездне, мы прыгнем в нее и погибнем.

«Бес противоречия». Эдгар Аллан По

Итак, мы шли по длинному секретному подземному ходу через катакомбы, пока не были остановлены глухой каменной стеной. Мы очень долго прислушивались, однако ни звука не слышали. Кое-где раствор, скрепляющий камни, раскрошился от времени, и зияли небольшие щели. Но, сколько мы ни вглядывались, с той стороны, похоже, царила крошечная темнота.

И мы решились — атаковали стену кувалдами. Очень скоро мы были с ног до головы в пыли. Пыль забивалась в ноздри, мешала видеть. Но мы работали споро, по очереди бросали кувалды и ворочали ломом и довольно быстро сделали пролом, через который проскользнули в подземелье крепости, где заперся граф Просперо.

Мы очутились среди больших ящиков и тюков, о содержимом которых у нас не было времени гадать. Без промедления, при мерцающем свете факелов, мы быстренько заложили пролом только что вывороченными камнями. Строительного раствора у нас не было, но вероятность тщательного осмотра столь глухого угла подземелья была ничтожна, а в полумраке кто же заметит, что камни уложены неплотно! Чтобы меньше рисковать, мы подтащили огромный ящик, дабы он еще больше скрыл следы нашего вторжения.

— Ну и что дальше, Эдди? — осведомился Петерс.

— Теперь выберемся наверх и попытаемся смешаться с остальными. — Я бросил взгляд на его позаимствованный костюм шута. — Мы — бродячие актеры. Вы одеты соответственно. А я вот — нет.

— Умеете жонглировать? Или делать акробатические трюки? Я отрицательно мотнул головой.

— Боюсь, что нет.

— Тогда быть вам дрессировщиком. Эмерсон, иди-ка сюда! — Эмерсон покорно прыгнул с одного из ящиков. — Ты теперь будешь во всем подчиняться Эдди. Мы поднимаемся наверх. Расчухал?

Эмерсон подковылял ко мне и заглянул в глаза. Я протянул ему правую руку.

— Ну-ка, приятель, пожмем друг другу лапы.

Сиамский брат Петерса протянул свою мохнатую лапищу, схватил мою руку и, мягко говоря, энергично потряс ее.

— Там, наверно, — сказал я, — наверняка целая толпа челяди — слуги, повара, а еще солдаты, артисты и чертова уйма проституток. Они тут не так уж много дней — перезнакомиться не успели, всех в лицо пока не знают. Пара новых лиц среди артистов никого особенно не встревожит. Я возьму Эмерсона и постараюсь смешаться с тамошней публикой. А вам лучше подождать часок или чуть больше, после чего выходите и сделайте то же.

— На дворе поздняя ночь. А ну как там безлюдно — все небось спят.

— С другой стороны, граф Просперо кутила. Он может ежедневно пировать до самого рассвета. Сейчас проверим. Кстати, будете наверно — ищите уголок, где можно поспать. Вздремнуть нам не мешает.

— Это верно.

Найдя лестницу, мы с Эмерсоном поднялись. Из нескольких коридоров на первом этаже я выбрал тот, что вел к центру бывшего аббатства. Он вывел нас на крепостной двор, который напомнил мне цыганский табор. Освещенный множеством факелов и костров, двор был разделен веревками на несколько частей, заполненных палатками и навесами. Отовсюду неслись звуки разноязычной речи, где-то наяривали на скрипке, а где-то играли на гитарах. Народ танцевал, пил, ел; детвора орала, собаки бродили среди пирующих, а поодаль два мужлана сцепились в драке. По периметру огромного двора стояло множество строений — самое внушительное из них находилось на северной стороне. Это здание было ярко освещено, и по мере приближения к нему я понял, что большая часть шума исходит именно оттуда.

Никто не спросил меня, кто я и что мне нужно. Даже Эмерсон не привлек особого внимания, потому что не был единственным зверем. Я видел пару дрессированных медведей и нескольких «ученых» собак.

Мы с Эмерсоном прошли через все разграниченные части двора, поболтали с разными людьми, потерлись на глазах у всех, чтобы побыстрее примелькаться. Я узнал, что некоторые слуги, актеры и наемные солдаты ночуют в здании на южной стороне крепостного двора. Заглянув туда, я обнаружил тесные сырые комнатухи со спертым воздухом, в которых прежде обитали монахи, и понял, почему столь многие предпочитают этим клетушкам цыганский образ жизни — в палатках и под навесами. Бывает очень кстати уединение для размышлений в каменном

мешке, но сейчас мне хотелось поселиться поближе к центру событий.

Через некоторое время я повстречал Петерса, который тоже бродил в костюме шута, приучая крепостную публику к своему, мягко говоря, своеобразному виду. Он полностью согласился со мной, что монашеские кельи не пригодны для жилья. Так что остаток ночи мы провели в просторной конюшне — не обратив на себя внимания и не вызвав ничьих возражений.

При тщательном обследовании конюшни мы нашли темный уголок за одним стойлом, где можно было для виду посадить Эмерсона на цепь — но так, чтобы при необходимости он мог легко освободиться. Мы с Петерсом присмотрели в качестве своего жилища конюшенный чердак, где была свалена негодная сбруя и другое барахло. Мне доводилось служить в кавалерии, и запах конюшен был мил моим ноздрям, так что наш новый дом мне даже нравился.

И так началась наша жизнь в крепости. Мы с Петерсом кормились хлебом и супом за общим столом актеров. А Эмерсон на рассвете ходил на промысел — стянуть где-нибудь съестное. Думаю, он находил фрукты и овощи, остававшиеся от пиров графа Просперо, потому что возвращался сытым и довольным.

В ближайшие несколько дней мы занимались изучением крепости и составлением ее подробного плана. Что касается знатных вельмож и богатых купцов, то мы видели их издалека и редко. Однако фон Кемпелена среди них не было. Не встретили мы и Анни. Касательно Гризуолда я был уверен, что знаю его внешний облик по кошмару, виденному в тюремном колодце. Этот тип тоже не появлялся. А вот мимо Темплтона и Гудфеллоу я, быть может, уже проходил — не подозревая, что это они.

Так протек январь, начался февраль.

Я не торопил события — прежде чем ринуться навстречу опасностям, следует хорошенько освоиться на новом месте. Мало-помалу чувство нашей готовности крепло, и я потихоньку продумывал план действий.

Однако события опередили меня.

Мы с Петерсом после завтрака возвращались в конюшни, чтобы порепетировать наш номер — Петерс исполнял пантомиму, Эмерсон показывал акробатические трюки, а я выполнял роль шута-дрессировщика. Мы надеялись, что удачный номер позволит нам выступить перед знатной публикой и даст доступ в ту часть аббатства, куда нас не пускали.

У входа в конюшню мы заметили довольно большую толпу и услышали жалобные крики. Мы заспешили к месту непонятных

событий. Крики продолжались, но за толпой мы ничего разглядеть не могли.

— Дайте-ка я заберусь к вам на плечи, Эдди, — сказал коротышка Петерс.

Я покорно присел на корточки. Мой друг взгромоздился мне на плечи, и я встал, придерживая его за шиколотки. Дирк был хоть и тяжелый, но проворный — не прошло и трех секунд, как он все рассмотрел и спрыгнул на землю. При этом с душой выругался.

— Что такое? — спросил я.

— Порка, — сказал он. — Бьют совсем мальчишку. Заголили спину и прохаживаются по ней кошкой-девятихвосткой.

Петерс толкнул локтем зеваку слева от него:

— Приятель, не знаешь, что натворил этот пацан?

Мужчина ответил что-то по-испански.

— Украл немного овса из кормушки графских скакунов, — перевел Петерс. — Просперо приказал дать ему плетей. Впереди толпы он сам с друзьями. Любуются.

Крики смолкли. Я ждал, покуда толпа поредеет, чтобы посмотреть на графа Просперо. Зеваки действительно стали понемногу расходиться.

Наш сосед указал по просьбе Петерса на графа Просперо. Это был высокий красивый мужчина. Он стоял посреди своей свиты и пересмеивался с министрами и вельможами в ожидании, когда отвяжут несчастного воришку. Потом Просперо что-то сказал палачу, который засовывал за пояс плетку, — но я уже не слышал, мой взгляд был устремлен мимо графа.

Она стояла в дверях строения слева от меня — глаза округлены от страха, рука прикрывает рот, а по щекам текут слезы. *Анни!* Она повернулась и ушла в здание, так и не заметив меня. Я почти стремглав кинулся за ней.

Это здание, расположенное в западной части аббатства, соединяло жилища монахов с замком, где сейчас обитал и пировал Просперо со своей свитой. На каждом этаже здания был длинный коридор, куда выходили комнаты больше, чем монашеские кельи, но беднее обставленные, чем кельи у северной стены крепости, и более тесные, чем кельи у восточной стены.

Очутившись в середине длинного коридора, я завертел головой направо и налево. Я увидел, как край ее платья мелькнул справа от меня, — она свернула на лестницу.

— Анни! — крикнул я, но она уже исчезла из виду.

Я устремился за ней, побежал по лестнице через две ступеньки.

И вот я на следующем этаже. Анни торопливо уходила — была далеко впереди, теперь слева от меня.

— Анни!

Она замедлила шаг, оглянулась, остановилась и разглядывала меня в тусклом свете узких окошек под самым потолком. Ее наморщенный лобик разгладился, и она улыбнулась.

— Эдди!

Она выглядела точно так же, как в моих видениях, — светло-каштановые волосы, серые глаза с поволокой. И вдруг она бросилась в мои объятия и разрыдалась.

— Ах, прости меня, — проговорила она, — прости меня. Я не хотела!

Не сразу совладав с волнением, я спросил:

— Боже, о чем ты говоришь?

— Об этом! Обо всем этом! — сказала она, сделав широкий жест рукой. — О страданиях По. О твоих страданиях. И моих. Мне искренне жаль...

Я отрицательно мотнул головой.

— Все равно не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Всю свою жизнь я старалась соединить нас троих — в одном нормальном, материальном мире. А не просто в моем королевстве на краю земли. Вот почему мы оказались здесь. Темплтон сумел реализовать мою мечту, но попутно извратил ее. До сих пор не понимаю, каким образом он этого добился...

— А я знаю, — сказал я. — Знаю и то, что способ, которым он этого добился, теперь уже недоступен для него. С другой стороны, нет сомнений в том, что он сможет использовать тебя напрямую — с помощью наркотиков и месмерического влияния, — как он проделал это в Толедо.

— В Толедо?

— Ну, колодец и маятник с лезвием. По словам Лигейи, он использовал тебя, чтобы исказить мое восприятие реальности, а может быть, и саму реальность вокруг меня. Я до сих пор могу только гадать, что из происшедшего в той тюрьме было в действительности, а что было всего лишь галлюцинацией.

— Колодец и маятник с лезвием! — воскликнула Анни. — Господи, да неужели ты пережил все это на самом деле? А я думала — просто ночной кошмар. Я...

— Ничего, все в порядке. Все прошло — и давай забудем об этом.

Держа ее в своих объятиях, я думал: никогда мне не приходило в голову, что необычайное общение нашей троицы происходило исключительно благодаря усилиям Анни. Говоря по со-

вести, я всегда считал себя и По соперниками в борьбе за привязанность Анни. То, что она, имея возможность выбора и держа все в своих руках, желала видеть нас обоих, давало новый оборот моим мыслям. Так или иначе, я до самого последнего времени недолюбливал По. Только сейчас, когда на моего близнеца обрушилось столько неприятностей, я начал испытывать к нему истинно братское чувство и отчаянное желание защитить его от наших общих врагов. Но для меня было огромным сюрпризом, что истоком всего была сама Анни...

— Ты должен знать — он забывает нас! — сказала Анни, отодвинулась от меня, достала из рукава платочек и стала вытирать глаза. — Меня он забыл в меньшей степени — по крайней мере пока. А вот тебя он наполовину забыл. И он сомневается в существовании иного мира, кроме того, в котором его принудили жить. Он никак не может понять, что теперь обречен жить не в своем мире!

— И я уже видел тому свидетельство, — кивнул я. — Мне бесконечно жаль его. Но в настоящий момент я, похоже, мало чем могу помочь бедняге По. Однако коль скоро я наконец-то нашел тебя, я смогу вытащить тебя из этого бедлама в какое-нибудь спокойное место. А потом мы, даст Бог, найдем способ помочь бедняге По.

— Ах, если бы все было так просто! — сказала она. — Если бы все было так просто!.. Однако объясни мне, пожалуйста, кто такая Лигейя, которую ты только что упомянул?

Я почувствовал, что краснею.

— Ну, это одна женщина, которая работает на Сибрайта Эллисона, — сказал я. — Эллисон — это тот, кто организовал погоню за тобой. Насколько я могу судить, ей подвластно искусство животного магнетизма. Не исключено, что она обладает и другими сверхъестественными способностями. Но почему ты спрашиваешь?

— Мою мать звали Лигейя, — ответила Анни, — а это имя очень редкое. Вот почему я так и вздрогнула, когда услышала это имя.

— А как она выглядела? Высокая, темноволосая — и более чем миловидная?

— Не знаю, — сказала Анни. — Ведь я выросла сиротой — точно так же, как вы с По. Мои родители уехали путешествовать за границу, оставив меня родственникам. Когда мои родственники погибли в результате несчастного случая, меня взяли к себе их друзья. Эти друзья постоянно переезжали с места на место — так что мои родители так и не забрали меня. Мои при-

емные родители назвали мне имя матери, но какой она была — не сказали.

— А как звали твоего отца?

— Точно не знаю.

— Часом не Вальдемар?

— Я... ой, не уверена... Возможно. Да, вполне возможно.

Я схватил ее за руку.

— Идем, — сказал я. — Во всем этом мы можем разобраться позже. А теперь — прочь из этого проклятого места, прочь из этой нелепой страны — а если надо, то прочь из этого мира! Я знаю, как можно тайным путем покинуть аббатство.

Она последовала за мной. Мы спустились по лестнице, прошли под низкими сводами коридора и очутились на дворе, где я нашел Петерса и познакомил его с Анни. Его я застал в компании с новой знакомой — гибкой миниатюрной смуглянкой, бродячей актрисой. Он представил ее: Трипетта, танцовщица. По его словам, она индианка из верхнего Миссури — родилась поблизости от мест, где родился он сам, — и чуть ли не его далекая родственница.

Мне очень не хотелось обсуждать наши дела в присутствии этой тщедушной девицы, невзирая на степень ее родства с моим другом. К счастью, она спешила на репетицию и распрощалась с нами через пару минут — однако не раньше, чем они с Петерсом договорились о свидании в тот же день, однако позже.

— Весьма опрометчиво с вашей стороны, — укорил я Петерса после того, как она ушла. — Я стараюсь убедить Анни бежать с нами немедленно.

Разговаривая, мы прогуливались по крепостному двору. Сегодня тут было тише, менее разгульно, да и небо над нами хмурилось.

— Мы не вправе бежать, — сказала Анни. — Я не успела объяснить раньше. Дело заключается в том, что Просперо не может предложить фон Кемпелену хотя бы столько же, сколько предлагают Темплтон и Гудфеллоу.

— Хочешь, скажу тебе начистоту, Анни! — воскликнул я. — Мне в высшей степени наплевать, кто в итоге завладеет самым большим количеством золота в мире. Я предпринял все это путешествие с единственной целью — вызволить тебя отсюда, а затем помочь Эдгару По, если мы вместе придумаем способ. Я очень благодарен Сибрайту Эллисону за его участие в этом предприятии, но уверен, что он не помрет с голода, если золото внезапно упадет в цене — скажем, будет стоить вполовину меньше. Сегодняшний утренний инцидент лишний раз показал, до

какой степени Просперо жесток и капризен. Оставаться рядом с ним неблагоразумно — и опасно, а вне стен этой крепости свирепствует чума. Так что самое лучшее, что мы можем сделать — побыстрее убраться из аббатства, а затем двигаться напрямиком к границе этой страны.

Анни ласково тронула меня за рукав.

— Ах, Перри, дорогой мой Перри! — сказала она. — Если бы все было так просто! Меня тоже не заботит судьба золота. Разве тебе неизвестно, что получение золота — отнюдь не самая важная составная алхимии? Тут речь идет о сопутствующих сверхъестественных эффектах. Если фон Кемпелен заключит сделку с Темплтоном и Гудфеллоу, мы уже не сможем помочь По. После того как они стакнутся с фон Кемпеленом, изгнание По из его родного мира станет вечным.

— Не улавливаю связи.

— Это связано с теорией вероятностей и глубинной связью между отдельными индивидуумами. Объяснить это трудно — просто поверь, что получится именно так, как я предсказываю.

— Ты ни разу не упомянула Гризуолда, — заметил я. — Что с ним?

— Насколько я знаю, вернулся в Америку.

— Зачем?

— Понятия не имею.

Какое-то время мы шли в полном молчании. Затем я сказал:

— Лигейя говорила мне, что Гризуолд может оказаться не только алхимиком или месмеристом, но и колдуном.

— Что ж, и это возможно, — кивнула Анни. — Да, это сразу объяснило бы очень многое. В нем есть что-то очень необычное, что-то от темных сил.

— Лишний повод побыстрее убраться отсюда! — сказал я. — Насколько я понимаю, необратимый момент наступит не сейчас, когда фон Кемпелен ударит по рукам с Темплтоном и Гудфеллоу, а когда они сойдутся с Гризуолдом и проделают все необходимое для получения первой партии золота. Я предлагаю: сейчас мы убежим, а потом настигнем их в Америке. Там, у нас дома, Эллисон при необходимости может нанять целую армию, чтобы прищучить этих мерзавцев.

Анни отрицательно замотала головой.

— Ведь мы не знаем, почему Гризуолд исчез, — сказала она. — И для осуществления алхимических процедур фон Кемпелена присутствие Гризуолда необязательно. А что, если, паче чаяния, Темплтон и Гудфеллоу заключат сделку с фон Кемпеленом прямо здесь — и решат здесь же проделать первые опыты?

Если им удастся получить более или менее значительное количество золота, мы никогда больше не увидим По!

— Они не посмеют, так что наш друг пока в безопасности, — сказал я. — Только безумцы могут затеять выработку золота под носом у беспринципного и жестокого Просперо — будучи в его полной власти. И не говори мне, что они проделают это втайне. Золото не пушинка, а за пазухой много не унесешь. Так что нормальные люди не станут производить золото в таком гиблом месте — чтобы потом ломать голову над тем, как его вывезти, не лишась головы. Словом, пусть себе подписывают бумажки. А остановим мы их позже — в более благоприятный для нас момент.

— Извини, — сказала Анни, — мы не вправе рисковать. Это ляжет страшным грузом на мою совесть — если я убегу, а тут случится непоправимое. Оставшись здесь, я смогу предотвратить самое ужасное.

— А если тебя снова опоят дурманом? Или парализуют месмерическим воздействием?

— Я буду тщательно следить за тем, что ем и пью. Что касается месмеризма, тут я сильнее Темплтона. Они больше не смогут использовать меня для своих подлых целей, как делали раньше.

— Если они будут бессильны использовать тебя, как бы им не пришлось в голову избавиться от тебя. Это же люди без стыда и совести.

— Нет, сейчас они меня не убьют. Я уверена, что нужна им для чего-то другого. Позже.

Вспомнив слова Лигейи о том, что они намерены принести в жертву душу Анни, я содрогнулся. Но что я, полный профан в сверхъестественных премудростях, мог сказать по этому поводу, какие аргументы выдвинуть, чтобы переубедить Анни!

В тот момент мне вспомнилось, как я впервые убил человека. Это было во время войны, я исполнял долг солдата. Но неужели убийство перестает быть убийством, если ты наденешь тряпки определенного цвета, называемые военной формой? Или если тряпки определенного цвета — на том, кого ты убиваешь? Смерть, она всегда смерть. Как смеет государство решать, кому жить, кому умирать?

Мне вдруг впервые пришло в голову, что простейший способ покончить со всей этой страшной историей — убить фон Кемпелена. Пусть секрет умрет с ним. Тогда и Анни окажется в безопасности, и Эдгар По. Да и Эллисон будет вполне удовлетворен. Я вспомнил дородного пучеглазого мужчину, угощавшего нас чаем в парижской квартире, а потом пожелавшего нам

спокойной ночи и удачи, когда мы с Петерсом улепетывали от жандармов через разбитое окно на крышу. Он показался мне человеком порядочным; у меня не получалось ненавидеть его за неприятности, которые мы переживали из-за него — но не по его вине. И все же, если оставить его в живых — означает погубить Анни, я смогу заставить себя пойти на преступление. Разумеется, я постараюсь убить его самым быстрым и самым безболезненным способом. Один взмах сабли и...

— Перри!

Анни остановилась как вкопанная и с ужасом смотрела на меня.

— Пожалуйста, не делай этого. Умоляю тебя, не делай этого, — сказала она.

— Чего... О чем ты говоришь?

— Я увидела, как ты стоишь с окровавленной саблей над телом фон Кемпелена. Обещай мне, что не убьешь его! Заклинаю, не делай этого! Мы должны найти иной способ.

Я рассмеялся.

— Заклинаю тебя, — повторяла она.

— Мне только что самому кое-что привиделось, — сказал я. — Я нарисовал в своем воображении совместную жизнь с существом вроде тебя. Твоему мужу было бы очень трудно завести интрижку на стороне или хотя бы улизнуть без спроса и пропустить кружечку пива с друзьями.

Анни улыбнулась.

— Не так все страшно, — сказала она. — Я могу читать чужие мысли лишь в том случае, если это крайне необходимо.

— Ну а я про что говорю!.. Ты *видишь* в моем сознании, что я обещаю не трогать фон Кемпелена?

Она кивнула.

— Что ж, поищем другой путь, — сказал я.

— Спасибо, — произнесла она. — Я убеждена, что ты найдешь другой путь.

Мы прошли еще немного, после чего Анни провела нас с Петерсом в строение у северной стены — показала, где и что расположено и где находятся комнаты Темплтона, Гудфеллоу и фон Кемпелена. Мы увидели и просторную трапезную, где у западной стены стояли гигантские часы в корпусе из черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звуком качался из стороны в сторону.

Анни сообщила мне, что бьют они удивительно громко и из их медных легких вырывается необычный по силе и тембру звук. Если они начинают бить, когда играет оркестр, музыкантам

приходится останавливаться и пережить страшный шум. После этого мы проводили Анни в ее комнату. Я договорился встретиться с ней во второй половине дня.

Оставшись наедине с Петерсом, я предложил: что мы дурью маемся? Сегодня же ночью силой утащим Анни отсюда — ради ее же пользы! А потом быстренько уплывем в Америку и уже там выследим Гризуолда и расстроим его черные планы.

— Нет, сэр, — сказал Петерс. — Эта девушка — не нашего поля ягода. Она другая, навроде Лигейи. Вокруг нее нечистая сила так и вьется, так и вьется. Так что пусть уж она сама решает касательно чего и как — ей виднее. А я с их племенем в контры не вступаю.

— Даже у людей «ее племени» не семь пядей во лбу — и им случается ошибаться, — сказал я.

— Извините меня, Эдди, это мое последнее слово.

— Ладно, упрямая ты башка! — сказал я. — Делать нечего — будем ждать, чем все это обернется.

После этого я встречался с Анни каждый день, и ей удалось со временем показать мне Гудфеллоу — грубовато-добродушного толстячка с вечной улыбочкой на губах — и доктора Темплтона, высокого тощего мужчину с очень глубоко посаженными глазами, казалось, он смотрит из глубоких колодцев. Мы с Петерсом прикладывали максимум усилий, чтобы ненароком не столкнуться с фон Кемпеленом — а ну как он нас узнает! Мы могли только гадать, как он к нам отнесется. Наш общий совет — мы с Петерсом и Анни — постановил вмешаться самым решительным образом, вплоть до физического насилия, если фон Кемпелен вздумает производить золото прямо в замке.

Время летело быстро — дело шло к весне, а мы все, в сущности, только бездельничали и ничего не предпринимали для пользы дела. Впрочем, согласно данным Анни фон Кемпелен все еще не заключил сделки. Я ломал голову над тем, что за игру он ведет и как долго сумеет водить за нос такого крутого тирана, как Просперо, прежде чем окажется в тюремной камере с чем-то вроде моего маятника и колодца. Я чувствовал, что грядет скорая развязка. Скажем, доктор Темплтон и Гудфеллоу станут жертвами «необъяснимого» несчастного случая, и тогда у фон Кемпелена останется лишь один покупатель и не будет пути к отступлению. Или реализуется то, что затевает Гризуолд. Мы почему-то были уверены, что он нечто затевает и удалился неспроста. Но какой план зреет в его голове? Я размышлял над тем, станет ли Анни возражать, если я захочу покончить с Гризуолдом на честной дуэли.

Еще одно занимало мои мысли в последующие дни: правда ли, что Эллисон велел Петерсу при определенных обстоятельствах подчиняться не мне, а исключительно Анни. Мне не представилось случая проверить это на деле, но было любопытно, насколько активно он стал бы сопротивляться и как далеко зашел бы, вздумай я силой увести Анни из крепости. Впрочем, мысль идти против воли Анни я отбросил: ее аргументы звучали убедительно, да и не хотелось мне обижать ее.

Между тем Петерс, похоже, по уши влюбился в маленькую танцовщицу по имени Трипетта. Это, полагаю, служило дополнительной причиной того, что он не слишком торопился покинуть монастырь, где укрывался от чумы принц Просперо.

Мы всерьез занялись подготовкой нашего номера. Прежде мы репетировали исключительно для того, чтобы хоть что-то уметь и при необходимости оправдать свое звание бродячих комедиантов. Надо только побольше грима наложить, если нам все же случится выступать на сцене, а не то фон Кемпелен может нас узнать. Оставалась вероятность того, что Гризуолд или даже доктор Темплтон, благодаря своим сверхъестественным способностям, могут узнать нас и под гримом. Так что лучше было не играть с огнем и всячески избегать выступлений. Но по мере размышлений мы пришли к выводу, что нам надо делать комический номер. В этом случае никого не насторожат наши раскрашенные рожи и маски — ни Гризуолду, ни Темплтону даже в голову не придет тщательно проверить личности каких-то шутков.

На наше счастье, не было никакого расписания выступлений наличных комедиантов. Просто принц или его мажордом вызывали актеров, владеющих тем или иным искусством развлекать. Это могло произойти в любой час дня и ночи. Обычно же комедианты — в большинстве своем музыканты и акробаты-жонглеры — выступали среди толпы монастырских гостей, собирая монетки в ожидании времени, когда чума закончится и эти деньги можно будет потратить за пределами крепости.

Петерс был более прилежен в занятиях, и его успехи превосходили мои — не в последнюю очередь потому, что ему хотелось побыть подольше с Трипеттой, якобы вызная у нее профессиональные тайны, да и блеснуть перед девушкой своим растущим мастерством. Кончилось тем, что в труппе Трипетты один из акробатов сломал ногу и Петерса попросили заменить его во время представления. Скрепя сердце я согласился отпустить его, но, когда он не ударил лицом в грязь и был приглашен выступить еще раз, я немного успокоился. Однако затем последовало при-

глашение выступить соло перед принцем Просперо. И тут я не на шутку разволновался. Как выяснилось, я напрасно так нервничал.

Под пестрым клоунским костюмом была истинно геркулевская мускулатура, к тому же у Петерса оказались недоужинные акробатические способности и вдобавок талант смешить своими выходками. Словом, не прошло и нескольких дней, как он стал любимым акробатом-шутком принца Просперо.

Вскоре наступил март. Дрессируя Эмерсона, я приглядывался к отношениям Петерса и маленькой танцовщицы. Мне становилось все очевиднее, что Трипетта воспринимала моего друга лишь как одного из уродцев, ломающих комедию за деньги, — она находила его милым и забавным, но никак не выделяла его и всерьез его ухаживания не воспринимала.

В один прекрасный день я имел глупость выступить в роли заботливого дядюшки и разведать, что в ее сердечке. После очередного выступления я отвел девушку в сторонку. Не желая задавать прямых вопросов, я хотел обиняками выведать ее отношение к Петерсу. Мой друг ходил потерянный, проявлял все признаки рассеянной мечтательности, свойственной влюбленным. Все это могло помешать в решающий момент, когда от него потребуются смекалка и быстрота.

Трипетта лукаво заулыбалась мне и кокетливо спросила:

— Что угодно синьору Великану? Чем могу служить?

— Хотелось бы кое-что узнать, очаровательная мисс, — сказал я. — Видите ли, вы не могли не заметить некоторого внимания к вам со стороны Петерса...

— Этого могучего коротышки? Его внимания трудно не заметить, синьор Великан. Куда я ни иду, он все норовит увязаться за мной... и все ухмыляется, как сумасшедший, все кланяется, расшаркивается, цветочки дарит...

— Вы очень нравитесь ему, мисс Трипетта. Мне, конечно, дела нет до ваших сердечных тайн, но, будучи другом Петерса, я не могу не поинтересоваться вашими чувствами по отношению к нему... Я хочу сказать...

Похоже, мои обиняки превращались в довольно прямодушные вопросы.

— Вы хотите спросить, — помогла она мне, — не замечаю ли я, что этот дурак строит из себя еще большего дурака, ухаживая за мной? На это я скажу: в вашем вопросе уже содержится ответ. Да, синьор Великан, мне смешны потуги этого фигляра покориť мое сердце. Я не хочу обидеть его, но, право же, сам принц Просперо дважды улыбнулся мне и прилюдно похвалил мою

красоту! Честно говоря, я мечтаю о большем, чем связать свою жизнь с человеком, воплощающим собой американское захолустье, от которого я бежала куда глаза глядят, пока не оказалась за океаном. Да будет вам известно, синьор Великан, я настоящая леди — и надеюсь в ближайшем будущем добиться такого положения, которое соответствовало бы моим талантам и моим вкусам.

— Спасибо за разъяснение, мисс Трипетта, — сказал я. — Мне приятно встретить столь изысканную особу при дворе, где хорошие манеры и хороший вкус, увы, не в чести.

— Спасибо и вам, синьор Великан, за столь лестные слова, — сказала она, одаряя меня еще одной кокетливой улыбкой. — Можете передать своему другу, что в своей жизни я видела много дураков. Он превосходит их всех.

— Не премину передать ему ваш комплимент.

Я повернулся на пятках и двинул подальше от этой напыщенной дуры.

Чуть позже я передал содержание этого разговора Петерсу — в надежде излечить его больное сердце. В одном я солгал: сказал, что тема разговора возникла случайно. Петерс выслушал все с особенно широкой демонической ухмылкой и восхитился остротой ее язычка. Тут я понял, что ему хоть кол на голове теши — он по уши влюблен и рано или поздно эта Трипетта разобьет ему сердце. Так что мне и не стоило заводить разговор с ней, ибо я был бессилен повлиять на Петерса.

Эх, подумал я, мне бы сейчас посоветоваться по поводу моего друга с Лигейей или хотя бы с месье Вальдемаром. Увы, это придется отложить до благоприятного времени.

Для нее это было больше чем место, где можно вволю попеть. Сегодня вечером она пришла сюда, дабы побыть в одиночестве, — в последние тревожные дни ее все больше тянуло побыть наедине с собой.

Она шла босиком по темному песку. Поблизости грохотали волны отлива, а уплывающие облака открывали взору медного цвета горы, в которых глухим эхом отдавался шум волн. Ее контральто парило над басами моря. Она ступила на влажную полосу песка, куда прибой закинул массу вещей — какие-то кости животных, гладкие разноцветные валуны, ракушки, обломки кораблекрушений.

Его она нашла среди этого мусора, в коралловой пещерке,

стены которой сияли всеми цветами радуги. Он быстро отвернулся и смахнул слезы с глаз, когда ощутил, что она рядом. Потом он поднял голову и сказал, имея в виду свои слезы:

— Простите, леди.

— Я тоже прошу прощения. Это место я придумала как уголок вечной радости.

— А вы?..

— Конечно же, Анни, — ответила она.

— Но как ты выросла!

— Да, выросла. Иди ко мне.

Он встал и подошел к ней.

Когда она ласково обняла его, он спросил:

— Тогда ты будешь мне как мама, да?

— Разумеется. Эдди, я буду для тебя кем захочешь. Буду тем, кто тебе нужен.

Внезапно слезы снова заструились по его лицу.

— Мне как-то снилось, — сказал он, — что я тоже стал большим. Это было так мучительно больно...

— Знаю.

— А что, если мне не возвращаться вовсе? Я бы остался здесь на веки веков.

— Как пожелаешь, дорогой. Это место всегда будет твоим домом — где бы ты ни находился.

Прошла минута — или час? или год? — прежде чем он высвободился из ее объятий и оглянулся в сторону гор.

— Ты слышишь? — спросил он.

Эхо отступающего моря все еще звенело в окружающем воздухе. Она молча кивнула в ответ: слышу.

— Меня зовут.

— Знаю.

— Я должен идти.

— Нет, ты ничего не должен.

— Тогда я хочу идти. Все остальное — только боль.

Она ухватила его за руку.

— Прости меня! — воскликнула она. — Прости, если сможешь. Мне было невдомек, что мир так ополчится на тебя, так истерзает тебя! Я придумала для нас прекрасный сон. И что же — он растоптан! Ты не своей волей угодил в мир, где для тебя есть только одно — боль. Я люблю тебя, Эдди. Ты слишком чист душой, ты слишком дух — мир же предлагает тебе бездушное, грязно-плотское.

— Мир одарил меня способностью уходить в фантазии, Анни.

Она отвела глаза.

— Но не слишком ли дорого ты за это заплатил? — сказала она. — Не слишком ли дорого?

Он наклонился и поцеловал ей руку.

— Нет, оно стоило того. Конечно, стоило.

Они молча вслушивались в меланхолическое долгое эхо — удаляющийся рокот.

Потом он сказал:

— Ну, мне пора.

— Побудь еще немного.

— Тогда спой для меня.

Она запела, и ее пение преобразило мир. Море обрело свою подлинную сущность — через эту песню. И тени со звериными повадками заметались вокруг.

— Спасибо, — сказал он через долго-предолгое время. — Я тоже люблю тебя, Анни. Всегда любил — и буду любить вечно. А теперь я все же должен идти на зов.

— Нет, не уходи!

— Я уйду. Знаю, ты можешь удержать меня, потому что это твое королевство. — Взгляд его упал на их сцепленные руки. — Но, пожалуйста, не делай этого.

Она вглядывалась в его сероглазое мальчишеское лицо, на котором лежал отсвет прожитых сорока лет, — оно смотрело словно из разверстого гроба. Она отпустила его руку.

— Bon voyage, Эдди.

— Au revoir, — сказал он.

Затем повернулся и направился на восток, оставляя море за своей спиной — его грохот становился все глуше и глуше и со временем превратился в далекое злобное урчание.

Она же двинулась в противоположном направлении — к берегу. Медные горы стали угольно-синими. Небо почернело, и на нем высыпал мириад звезд. Она села на скале под звездным куполом и стала слушать ропот волн — теплых, как кровь.

Глава 9

Из всех меланхолических тем, какая, согласно всеобщему мнению человечества, является наиболее грустной? Смерть — гласит очевидный ответ. «А когда, — спрошу я, — эта наиболее меланхолическая тема является и наиболее поэтичной?» И на этот вопрос ответ очевиден: когда она более всего сопряжена с Красотой. Стало быть, смерть красивой женщины есть самый поэтический

в мире предмет изображения — и в равной степени справедливо и несомненно, что рассказ об этом лучше всего вложить в уста безутешного влюбленного.

«Философия творчества». Эдгар Аллан По

Это было уже в апреле, когда солнышко сияло сквозь голубой лоскут, который мы, шуты, называем небом. Ночи становились все шумней, все оживленнее — звучали гитары, танцевали зажигательное фламенко. Пока во дворе веселились вокруг костров, из замка в северной стороне доносился шум идущего там пира. Однако все устали развлекаться — и во дворе крепости, и в замке. Принц Просперо обрюзг, располнел, стал приволакивать ногу. Прошел слух, что он теперь разнообразит свои развлечения приемом восточных наркотиков — курит бенгальский опиум, который, опять же по слухам, вызывает жуткие кошмары.

Я не присутствовал при том, что случилось. Мы с Анни совершали нашу обычную вечернюю прогулку — невзирая на мрачные обстоятельства, эти прогулки наедине с Анни я числю среди счастливейших часов моей жизни. Это был свет среди мрака и отчаяния — особенно яркий благодаря контрасту.

Мы прогуливались по освещенной свечами галерее и любовались восхитительным мастерством ткачей прошлого. Стены были увешаны гобеленами — хоть и обветшалыми, нуждавшимися в починке, но тонкой работы. Внезапно к нам подбежала запыхавшаяся служанка жены одного министра. Она ухватила Анни за рукав и шепотом, суеверно боясь говорить вслух, торопливо поведала моей подруге о том, чему была свидетельницей всего несколько минут назад.

У меня в груди все похолодело, когда я разобрал слова: «Ах, бедняжка, такой ужас, такой ужас!..»

Служанка побежала дальше — разносить весть по монастырю, а я встревоженно уставился на Анни. Она поняла мой немой вопрос и кивнула.

— Да, Трипетта. Принц в компании с семьей своими министрами пробовали новые вина и новый африканский наркотик, который, как говорят, дарует на короткое время божественное безумие. Они послали за танцовщицей — развлекать их.

Тут она сделала долгую паузу, собираясь с духом.

— Словом, они заставили ее пить вино, — продолжила Анни. — Такой крохе не нужно много, чтобы сильно опьянеть. Затем ее принудили танцевать на столе. Она потеряла равновесие, упала — и сломала себе шею.

Я онемел. Кровь бросилась мне в голову — я с трудом подавил в себе желание немедленно кинуться в замок и зарубить принца-подлеца. Но лишь потому, что был более чем уверен, что месть настигнет Просперо и без моих усилий.

Вскоре я был в склепе, где хоронили умерших с тех пор, как принц и его свита заперлись в крепости. Миниатюрное тельце как раз заносили на доске. Анни тихо охнула, когда увидела смертельно бледное личико покойной, ее неестественно изогнутую шею.

Я боялся за собственную шею, когда шел к Петерсу, чтобы сообщить о страшном несчастье. Деваться было некуда — было бы стыдно перепоручить эту миссию кому-нибудь другому. Я долго не отпускал руку Анни перед тем, как попрощаться с ней.

Мой страх оказался оправданным. Когда я коротко изложил происшедшее, глаза Петерса остекленели, лицо почернело. Он принялся колотить кулаками по стене, ругаясь самыми жуткими ругательствами. Пока он кричал, я отошел в самый дальний угол — не ведая, как долго он будет бесноваться и не обратит ли свою слепую ярость на меня.

Но ему хватило минуты, чтобы взять себя в руки. Я подошел поближе к нему.

— Ах, Эдди, — сказал он. — Она была такая крохотная, такая беззащитная. Кому она мешала? Что ж, я не успокоюсь, пока этот человек не умрет — а это случится скоро. Я отправлю его туда, где ему и следует быть, в геенну огненную.

Я хотел сочувственно тронуть товарища за плечо, но передумал — в таком настроении к нему лучше не подходить.

— Слушайте, — сказал я, — ее вы не поднимете из могилы тем, что кинетесь в покои принца и позволите лучникам сделать из вас подушечку для иголок.

Пока я говорил, он схватил кирпич и сжал его в руке. Пыль слышался скрежещущий звук. Петерс разжал кулак. На пол посыпались осколки кирпича.

— Да вы слышите меня или нет? — не унимался я, мысленно перекрестившись, чтобы Петерсу не пришло в голову проделать с моей рукой то, что он проделал с кирпичом. — Вы всем силачам силач — ну и что? Стрела одинаково быстро останавливает сердце и хлюпка, и Геркулеса.

— Ты прав, парень, прав. Ох как ты прав, — забормотал он. — Не бойся, я его прикончу с умом. Я пошлю миледи хоть дюжину принцев, чтоб ихние призраки были у нее на побегушках. Ты прав...

Он стремительно вышел из нашей комнатки и двинулся в южном направлении.

Я хотел было догнать его, но Петерс произнес суровым голосом, водружая парик из медвежьей шкуры на свою лысую голову:

— Нет, нет, Эдди. Предоставьте мне действовать самому — так оно будет лучше. Вот увидите.

Судя по всему, он провел ночь, забившись в одну из келий. Я проходил по коридорам южного здания — и слышал откуда-то то плач, то заунывное пение.

Он не только плакал и пел. Он и думал. Из того, что за этим последовало, я понял, что Петерс нашел верный ход — снова воспользоваться своей личиной шута.

На следующий день он изложил мажордому принца идею нового развлечения: дескать, сделаем вид, что в крепости вырвались из цепей восемь орангутангов, которых комедианты готовили к представлению, — мужчины здорово перетрусят, а дамы — кто развизжится, кто шлепнется в обморок. Словом, первосортная потеха!

Надо просто переодеть в мохнатые костюмы восьмерых здоровых мужчин, чтобы они напоминали обезьян, и сковать их попарно цепями. По сигналу они ворвутся в пиршественный зал, начнут буйствовать и вопить обезьяньими голосами. Как пить дать, кто-нибудь из принцевых гостей в штаны наложит от страха!

Насколько я понял, принц Просперо пришел в восторг, услышав об этой идее своего любимого шута. Благо в крепости имелся запас нужных шкур, принц не только одобрил идею, но и внес существенное изменение в нее: он приказал изготовить восемь орангутаньих нарядов к вечеру, чтобы он сам и семеро его министров могли вырядиться в них и застрашать всех собравшихся на пир.

В этот вечер и мне предстояло появиться перед пирующими — выполнить кое-какие акробатические трюки и показать сноровку Эмерсона.

Петерс сказал, что мое выступление придется очень ко времени. Придворные будут иметь возможность воочию увидеть мощь и капризный нрав огромной человекообразной обезьяны. Надо предварить выступление Эмерсона сообщением, что у комедиантов имеются еще восемь подобных зверей, но они совершенно дикие и до того злобные, что их приходится держать в цепях, чтобы они никого не убили.

Я просил Петерса поделиться своими планами, но он наотрез отказался. Предупредил только, что я должен обязательно

пронести в пиршественный зал свою саблю и спрятать ее где-нибудь.

— Так, на всякий случай, — буркнул он в ответ на все мои расспросы.

Мне эта затея очень не нравилась, но, так и не добившись ничего внятного от Дирка Петерса, я утром прокрался в пиршественный зал, когда там никого не было, и спрятал свою саблю среди выставленных там старинных щитов и доспехов. Сабля была почти полностью скрыта за одним щитом — только рукоять чуть высывалась. Вечером я должен был выступить поблизости от этого места.

Ведя на веревке Эмерсона, я пришел в пиршественный зал пораньше в надежде разузнать о планах Петерса. Если он затеяет безрассудную глупость — сделаю все, чтобы остановить. Если дело — постараюсь пособить.

Но единственное, что мне бросилось в глаза, — некоторое изменение в оформлении зала. По совету Петерса, массивную люстру со свечами убрали: мол, апрельские ночи в этом году на диво теплые, и воск, как ни берегись, все равно капает на дорогие наряды гостей. Было решено осветить зал факелами. Каждой кариатиде, а было их в зале штук пятьдесят-шестьдесят, сунули в правую руку по факелу. Притом к смоле подмешали благовоний, так что присутствующие вдыхали густой восточный аромат.

Во время моего выступления Петерс подал секретный знак принцу, и тот с семьей министрами тихонько удалился в заднюю комнату. Там они проворно переоделись — натянули меховые куртки и штаны. Чтобы обман не сразу бросился в глаза, они вымазали шкуры смолой и вывалились в соломе — ведь обезьян держали на конюшне, в сене. После этого Петерс сковал их попарно кандалами и прикрепил к кандалам каждой пары длинную цепь, которой они были якобы прикованы к железным кольцам в стене конюшни.

Согласно его плану, мнимые орангутанги должны напасть на гостей около полуночи. Однако принц горел нетерпением устроить спектакль пораньше, так что не успел я закончить номер, как в зал ворвались восемь разъяренных орангутангов. Мой рассказ о диких зверях был совсем свеж в памяти гостей — и начался невероятный переполох.

Крики, визг... Принц и его министры дурачились в свое удовольствие и радовались каждому новому испуганному воплю. Как и ожидалось, все кинулись к выходу, но принц Просперо

заранее велел запереть дверь, как только он ворвется в зал в наряде обезьяны. Поскольку в костюме обезьяны не было карманов, ключи от входной двери забрал Петерс.

В разгар переполоха Петерс куда-то исчез. Зато его дружок Эмерсон бросил меня и смешался с поддельными обезьянами. Мое же внимание привлекла странная вещь: в центре потолка, где обычно висела люстра, оставалась лишь короткая цепь с крюком на конце. И сейчас эта цепь вдруг стала спускаться, пока не достала до пола. Я озадаченно пожал плечами и стал искать глазами Анни.

На моей подруге была алая маска Арлекина, а рядом с ней было трое мужчин, тоже в маскарадных костюмах. Я признал в них фон Кемпелена, доктора Темплтона и Гудфеллоу. Они вчетвером отошли к стене и не принимали участия во всеобщей панике.

Пока ряженные проказничали в свое удовольствие, Эмерсон занялся странным делом: хватал одну за другой длинные цепи, тянувшиеся от кандалов каждой пары ряженных, и конец цепи нанизывал на крюк, обычно державший люстру. Три цепи он нанизал, а для четвертой не хватило места на крюке.

После этого крюк стал подниматься вверх. Мнимые обезьяны почувствовали, что их что-то куда-то тянет, но было поздно — шестеро из них взмыли в воздух. Свисавшую с потолка цепь кто-то подтягивал вверх. Я бросил взгляд в дальний темный угол — там крутил ручку и наматывал цепь на барабан низкорослый широкоплечий человек в шутовском костюме.

Итак, три пары ряженных болтались в воздухе.

Принц Просперо и прикованный к нему министр оставались на полу. Я понял, что наступает решающий момент, и стал быстро пятиться к щиту, за которым была спрятана моя сабля.

Петерс метнулся к стене и вырвал факел из руки кариатиды. С горящим факелом он выбежал в центр зала, где трепыхались и вопили шестеро министров, участвовавшие в пьяном дебоше, во время которой погибла Трипетта.

Петерс проворно ткнул факелом в каждого из висящих. Смола оправдала свою репутацию легко воспламенимого материала. Под потолком теперь извивалось шесть живых факелов.

Гости закричали от неподдельного ужаса, но вопли горящих министров перекрывали общий шум. Цепи звенели, тени металась, как демоны, по стенам. Запах паленого мяса, душераздирающие предсмертные крики... И адский смех, который был громче даже этих жутких криков.

Не сразу я понял, что хохочет Петерс. Хохочет, как бесноватый.

Принц Просперо наконец опомнился. Он выхватил спрятанный под обезьяньим нарядом пистолет. Петерс упивался своей мезтью и утратил осторожность. Принц прицелился в него — но тут между ним и Петерсом метнулось огромное мохнатое существо.

Звук выстрела — и Эмерсон замертво упал на пол.

Что тут началось! Паника для этого — слабое слово. Петерс кинулся вперед, но тут обгорелые трупы посыпались с потолка вниз, он споткнулся о них и упал.

Как раз в этот момент гигантские настенные часы черного дерева стали гулко бить полночь. К двенадцатому удару в зале воцарилась мертвая тишина. Случилось что-то необъяснимое. Словно какое-то дуновение сверхъестественного разом лишило всех присутствующих возможности двигаться и воспринимать звуки.

Всех, кроме одного. Я сразу заметил этого человека — потому что в целом зале он один двигался среди застывших фигур. Он появился из какого-то темного угла. Первым делом меня поразило, что он движется — среди всеобщей неподвижности. Но потом я осознал, что за костюм на нем. Он был выряжен в гротескный костюм полуразложившегося мертвеца — явной жертвы той, от кого все присутствующие так отчаянно укрывались за этими стенами. Да, это был мертвец, сраженный Красной смертью.

Маска, скрывавшая лицо зловещей фигуры, столь точно воспроизводила застывшие черты трупа, что даже самый пристальный и придиричивый взгляд с трудом обнаружил бы обман. Одежда незнакомца была забрызгана кровью.

Шел он пошатываясь, рывками. И только теперь я почувствовал омерзительный запах, исходивший от него. Он приближался — живое воплощение того, чего все так страшились.

Но я-то испугался не потому, что костюм этого человека был неуместной и слишком грубой шуткой. Нет, у меня кровь застыла в жилах, потому что я понял — это не костюм, не маска, не грим. Это тот человек, которого мы оставили на другом конце тайного подземного хода. Это тот самый человек, у которого Петерс позаимствовал шутовской наряд. Да, это был Фортунато, пьяный прихвостень Монтезора. Он умер и разложился, но некая сила подняла его и привела сюда.

Мертвый Фортунато все той же шатающейся походкой по-

дошел к принцу — и обнял его! Просперо завизжал и упал на пол, потянув цепь, а с ней и министра, прикованного к ней.

Чары развеялись так же внезапно, как и появились. Всеобщий паралич закончился. Снова послышался гул голосов, вскрики. В дрожащих руках появились кинжалы. Размахивая саблей, я позвал Петерса. Он взглянул в мою сторону. Я схватил факел и факелом показал туда, где, по моему мнению, находился вход в тайный туннель. В темном углу действительно оказалась открытая дверца — через нее-то и явился мертвый Фортунато.

Петерс окинул презрительным взглядом подданных Просперо, задержался глазами на трупe своего верного друга Эмерсона — и последовал за мной в подземный ход.

Недавних дней события были дрянь,
И сновиденья — хуже быть не может.
Чахотки кашель рвал гортань
Тщедушной леди Жизни.
Смерть руки в боки — и хохочет.
История темная; понимай, кто как хочет.

*Стихотворение без названия.
Эдгар Аллан Перри*

Глава 10

Эдгар Аллан По скончался. Он умер в Балтиморе позавчера. Это сообщение многих поразит, но лишь немногих опечалит. Поэт был хорошо известен в нашей стране — одни читали его произведения, другие знали о нем понаслышке; у него были свои читатели как в Англии, так и в некоторых других европейских странах; однако у него не было друзей или было очень мало. Так что его кончина будет оплакана в большей степени как литературная утрата, ибо мы лишились звезды, пусть и крайне странной, зато одной из самых ярких.

«Дейли трибьюн», «Людвиг» (Руфус Гризуолд)

Сперва мы пробежали вниз по лестнице, потом попали в длинный туннель, идущий под двором крепости. Мы торопились уйти от погони, но я замечал, что Петерс наполовину не в себе от горя и усталости. Он бежал как пьяный. Я ничего не говорил, просто держался рядом с ним и следил, чтобы он не упал.

В том туннеле, что выходил на склад, одна из стен рухнула и почти полностью преградила проход. С огромным трудом мы протиснулись внутрь.

Когда мы оказались в относительной безопасности, я настоял на том, чтобы Петерс сбросил свой костюм шута. Мы прихватили с собой молоты и лом и понеслись по подземному ходу к подвалу дома Монтрезора. Там выяснилось, что Монтрезор замуровал вход в подземный туннель. Перед нами была глухая стена. Очевидно, Монтрезор замуровал в подземном туннеле своего слугу Фортунато. Совсем как в одной из страшных историй Гофмана, чьи книги я так любил читать на досуге, лежа на кровати в казарме. Если бы мы не прихватили с собой инструментов — сгнить бы нам у этой стены!

Петерс стал крушить препятствие страшными ударами молота. Я отошел в сторонку, чтобы не мешать ему. Сколько же силы в этом человеке! За несколько минут Петерс проделал в стене брешь достаточного размера, и мы выбрались наружу.

Проворно поднявшись из подвала по лестнице, мы обыскали дом. Монтрезора в нем не нашли, а вот Лигейя откликнулась на мой зов. Она появилась из комнаты в верхнем этаже — на плече у нее восседал Грип.

— Перри, черт побери! Черт побери, Перри! — скрипучим голосом приветствовал меня говорливый ворон.

— С вами все в порядке, Лигейя? — спросил я.

— Да, все в порядке.

— А с месье Вальдемаром?

— О, он все в том же положении.

— Где Монтрезор?

— Убежал.

— Полагаю, разумно будет нам последовать его примеру.

— Все необходимое упаковано.

— Я снесу ваши вещи вниз.

— Они уже внизу.

— Разве вы знали, что мы возвращаемся?

— Это я послала Фортунато.

— Зачем?

— А разве он пришел не своевременно?

— На чем мы уедем отсюда?

— Там есть карета, — сказала Лигейя. — Она стоит за конюшнями.

— Тогда мы все грузимся и прочь отсюда — к границе.

— Нет, мы направимся в Барселону — к морю. Там нас будет ждать «Ейдолон».

— Почему он направился в Барселону?

— Анни уже довольно давно вложила в голову капитана Ги мысль, что ему надо непременно плыть в Барселону.

— Откуда вы об этом узнали?

— Однажды я хотела проделать то же самое — и провела, что приказ плыть в Барселону ему уже отдан.

— Скажите, а правда, что Анни — ваша...

— В конюшнях не осталось ни одной живой лошади, — сказала Лигейя, не слушая меня. — Помогите мне снять этот ковер со стены. Пожалуйста, поторопитесь!

Я посмотрел туда, куда она указывала. На гобелене был изображен один воин, пронзающий другого кинжалом. На заднем плане виднелся конь — огромный, невиданной масти.

Я подтащил к стене маленький столик, взобрался на него и в конце концов сумел снять ковер. Сворачивая его, я осведомился:

— Вы уверены, что эта вещь нам совершенно необходима?

— Да, — коротко ответила Лигейя.

Мы с Петерсом перетащили ящик с месье Вальдемаром к карете и стали грузить его наверх. Я раздраженно думал, что мы заняты дурацким делом: грузимся в карету, не имея лошадей.

И тут я услышал конское ржание. Из-за угла появилась Лигейя. За ней шел громадный скакун невиданной масти. Она делала какие-то месмерические пассы в его сторону.

— Эдди, помогите мне запрячь его, — сказала она.

Мои кавалерийские навыки не забылись — я ласково потрепал коня по холке и не спеша, оглаживая, завел его между оглоблями. Хоть это был и настоящий гигант, я не мог не пожалеть животное — придется ему выполнять работу четверых лошадей. Впрочем, теперь с нами нет Эмерсона и кучера, да и большую часть багажа мы бросили.

Обходя карету, я увидел на булыжниках двора брошенный ковер. Один воин по-прежнему резал другого, а вот коня на заднем плане больше не было. Мне не хотелось даже задумываться над тем, что это значит. Но на моем лице, очевидно, что-то отразилось, потому что Лигейя, глядя на меня, стала смеяться.

Я оглянулся на нее: волосы развеивает ветер, жемчужно-белые зубы оголены... Какое-то мгновение мне казалось, что вокруг Лигейи разлито бледное сияние. Почудилось? Впрочем, через секунду сияние исчезло — словно втянулось обратно в ее глаза, засверкавшие сильнее прежнего.

— Вы, Эдди, будете нашим кучером, — сказала она.

— Да я понятия не имею, как ехать в эту Барселону!

Лигейя указала рукой:

— Вот в эту сторону. По мере продвижения я буду подсказывать вам, куда и где сворачивать.

Я открыл дверцу и помог Лигейе подняться в карету. Когда я взобрался на козлы, Петерс присоединился ко мне.

— Если не против, я поеду рядом с вами, на свежем воздухе, — сказал он.

— Отлично. А временами будете брать вожжи.

Я снял тормоз, поднял вожжи, и конь резво тронул с места. Уже к концу двора карета набрала хорошую скорость, а уж когда мы выехали на дорогу, странный конь припустил вперед с необычайной скоростью. Я только диву давался — так мы не мчались и с четверкой лошадей! И в то же время чудо-конь не проявлял никаких признаков усталости или напряжения. Более того, он играючи продолжал увеличивать скорость. Мы мало не летели по воздуху, и я молил Бога, чтобы мы не угодили в какую-нибудь рытвину и не перевернулись. Но, странным образом, нас не трясло на ухабах, мы ехали будто по ровному шоссе. Ближайшие деревья слились в размытые пятна.

Я правил каретой в течение нескольких часов, пока меня не сморила усталость. Тогда я передал вожжи Петерсу. Но дивной скотине было хоть бы хны — казалось, она лениво перебирает ногами и ждет, когда же кучер позволит ей действительно разогнаться!

Я потеплее закутался в свой плащ и откинулся на спинку сиденья. Ночные весенние запахи струились вокруг нас. Лишь звезды были неподвижны в окружающем пейзаже. Лигейя время от времени выкрикивала инструкции, а Петерс сворачивал в нужном направлении.

Я задремал, и мне чудилось, будто рядом со мной на козлах сидел не Петерс, а Эдгар По. Я обратился к нему, но он молчал. Потом вдруг перепрыгнул с козел на спину скакуну, обрезал построжки — и был таков. Я остался на козлах еще какое-то время катившей вперед кареты. Что за бред! Наваждение какое-то... Но карета продолжала двигаться вперед и после того, как должна была исчерпаться ее инерция. Снова какое-то наваждение!

И тут рядом со мной на козлах оказалась Анни. Я ощутил ее руку на своей руке.

— Перри, — сказала она. — Эдди!

— Анни!.. Господи, мне почудилось, что тут сидел По — всего несколько минут назад. Но он не пожелал общаться со мной. Он ускакал прочь.

— Знаю. Он удаляется от нас. Удаляется все больше и больше. И я больше не могу удержать его.

— А как твои дела, моя прекрасная леди? В последний раз я видел тебя на том пиршестве, которое закончилось вакханалией

смерти. Ты вместе с фон Кемпеленом и приспешниками Гризуолда исчезла задолго до финала. Я не заметил, когда именно.

— Я ощутила, что приближается страшная развязка. А остальные научились верить моим предупреждениям, так что мы потихоньку скрылись.

— Ах, ну что бы тебе не сбежать тогда со мной!

— Я знала, что ты хочешь забрать меня. И хотела бежать с тобой. Но ведь мы это уже обсуждали. Я не могу дать им шанс сделать вечной ссылкой Эдгара По в чужой для него мир.

— А как твои собственные дела? Ты в порядке?

— Физически — да. Из тогдашней суматохи выбралась без единой царапины. Чуму не подхватила.

— Ты где теперь?

— На борту ялика, который плывет вниз по реке. Вижу тебя в пламени фонаря. Возле устья нас поджидает большой корабль — он стоит там на якоре и готов отплыть в любой момент.

— Название корабля?

— «Грампус». Мы будем на борту этого судна, и оно поднимет якорь раньше, чем вы попадете в Барселону.

— Куда вы направитесь? Ты же понимаешь, что я последую за вами.

— В Лондон. Нужно взять кое-какое оборудование.

— Что за оборудование?

— Для фон Кемпелена.

— Готовит эксперимент?

— Да.

— А из Лондона вы куда направитесь?

— Обрато в Штаты.

— Куда именно?

— Этого я пока точно не знаю. Кажется, куда-то на север.

— А в Лондоне вы где будете?

— Адреса точного не знаю. Впрочем...

— Что «впрочем»?

— У меня такое ощущение, что в Лондоне мы с тобой не встретимся. Тебе предстоит что-то. Вижу только облако, которое придвигается к тебе. И ничего больше.

— Что ж, буду стараться не ударить лицом в грязь.

— Видит Бог, ты многое преодолел. И сделал едва ли не больше, чем в человеческих силах.

— Я люблю тебя, Анни. Пусть моя любовь возникла из инсценировки, которую затеяла одинокая девочка, искавшая товарищей для игр, — от этого любовь нисколько не слабее.

— Мой милый мальчик, мой пришелец из зарослей, — ска-

зала она, ласково коснувшись моих волос, — я бы никогда не обрела тебя, не будь в тебе самом ответной потребности — и способности отозваться.

Мы некоторое время сидели молча, и я почувствовал, как ее присутствие становится все менее ощутимым.

— Я устаю, Эдди.

— Знаю. Какая досада, что Красная смерть не прибрала твоих дружков-приятелей — большой недосмотр с ее стороны!

— Доктор Темплтон уберег их. А тебя и Петерса спасла от Красной смерти та замечательная леди, что высвободила силы, которые сейчас влекут вперед вашу карету.

Мне хотелось побыть с Анни подольше, но я пожелал ей доброй ночи — ведь она устала. И после этого сам погрузился в настоящий сон — точнее, в кошмар. Мне снились горящие министры, подвешенные на цепях к потолку, визжащая толпа, окровавленный труп Эмерсона, ходячий мертвец, который все ближе, ближе...

— Пропади оно все пропадом, Эдди. Пропади оно все пропадом! Эдди! Пропади оно.

Я открыл глаза. На моем плече восседал Грип и старался привлечь мое внимание к пиршеству малиновых и оранжевых красок занимающейся на востоке зари.

— Эй, Петерс, давайте мне вожжи, — сказал я, — а сами маленько отдохните.

Он кивнул и передал мне вожжи. Грип перепрыгнул на его плечо.

— Пропади оно все пропадом, Петерс, — заскрипел ворон. — Петерс, пропади оно все пропадом!

Мы проезжали мимо множества заброшенных крестьянских хозяйств — на весенних полях зеленела сорная трава. Однажды мы остановились пополнить запасы провизии в подвале одного из крестьянских домов, владелец которого умер от чумы или сбежал из страны. Наш безымянный скакун дышал ровно, словно и не пробежал бесчисленного числа миль. Положив руку ему на круп, я не почувствовал, что конь разгорячен. Но, кроме гигантского размера и странной масти, в нем не было ничего особенного. Конь как конь. Ну и дела порой творятся на белом свете!.. Еще я заметил странные проплешины на его крупе — прежде их вроде бы не было.

Когда карета покатила дальше, Лигейя приказала ехать по дороге, которая следовала вдоль берега реки — к ее устью. Те-

перь мы передвигались по лесному краю с множеством озер. Временами мне чудилось, что По рядом. Правда, ощущение это было мимолетным, невнятным. Мы ни разу не пообщались.

К середине дня мы подъехали к изножью холма, с которого, по словам Лигейи, открывался вид на Барселону. Я даже слегка подосадовал, что мы добрались до места так быстро: мне до того понравился более чем резвый ход нашего дивного скакуна, что я был не прочь продлить путешествие — исключительно ради удовольствия прокатиться с ветерком. Но лихой скакун что-то стал снижать. Он, можно сказать, лысел на глазах — шерсть с него падала клочьями буквально при каждом шаге, при каждом дыхании.

Грип успел слетать в сторону бухты и вернулся с торжествующим криком:

— Пропади оно все пропадом, капитан Ги! Капитан Ги, пропади оно все пропадом!

Я присвистнул.

— Э-э, — громко объявил я, — похоже, наш черный приятель нашел «Ейдолон». Глядите, как он радуется!

— Следуйте за ним, — сказала Лигейя.

Вскоре мы одолели холм и спустились к Барселоне. На ее улицах было относительно мало народу, хотя отовсюду неслись шумы большого города. В окнах домов и лавок виднелось много людей. Просто жители старались поменьше выходить на улицу, торопились домой и общались друг с другом на изрядном расстоянии. Из этого я заключил, что самые страшные времена тут миновали, но люди еще сохраняют осторожность, помня о недавней эпидемии, и норовят избегать общения на близком расстоянии.

Когда мы сворачивали за очередной угол, случился некоторый конфуз — внезапным порывом ветра нашему скакуну оторвало хвост. А когда мы доехали до конца длинного склона, у него отвалилось ухо — вместе с большей частью гривы. Теперь карета катила по улице вдоль морского берега. Я тарашился на коня. Дорогу за нами устилала его шерсть. Хуже того, его круп стал опадать, сужаться, словно это была кляча, которую цыгане надули воздухом, чтобы одурить покупателя, — и теперь воздух выходил через известное место.

Я хотел было обратиться к Лигейе за разъяснениями и советом, но тут увидел, что на дорогу катится большая тяжелая бочка — выше на холмистой улице двое неловких работников выпустили ее из рук, и теперь она быстро набирала скорость.

Наш одр уже плохо соображал, он едва плелся вперед. За-

слышав грохот, он повернул голову и тупо уставился на летящую прямо на него бочку. Впервые за все время конь издал некий звук — придушенное ржание, которое звучало словно издали пришедшее эхо. И тут прежняя прыть вернулась к нему в удвоенном размере. Конь понес. Корабли, пирсы, береговые строения — все слилось в сплошное пятно. Мы мчались с бешеной скоростью. Но конь одновременно уменьшался в размерах. Скоро он был не больше шотландского пони, и сбруя повисла на нем. Однако силы еще не покинули его — мы неслись по гавани с невероятной скоростью. Конь все уменьшался, уменьшался — карета уже неслась сама по себе, а он только убегал от нее. Вот он уже размером с собаку, с собачку... Горестное короткое ржание возвестило о том, что он понял свою обреченность. Карликовая лошадка остановилась как вкопанная, карета переехала ее. Я вскочил на козлах, посмотрел назад — на дороге от нашего некогда гигантского коня осталась плоская ленточка.

Я нажал на тормоз, однако тот карету не остановил. Тогда Петерс схватил ручку тормоза и налег на нее. Бицепсы его вздулись, он крякнул раз, другой, приналег еще — запахло паленым, но карета стала мало-помалу замедлять ход.

На наше счастье транспорта в порту почти не было. Карета остановилась у горы ящиков — чудом не врезались. Слева от нас были пристани. Вверху вились и покрякивали серые чайки. Петерс, который прирос к тормозу, отпустил его, потряс руками, потом показал на один из кораблей.

— Вон наш «Ейдолон», Эдди! — воскликнул он. — Эта чертова зверюшка свое дело знала, прикатила нас в нужное место!

Выходя из кареты, я слышал, как Лигейя пробормотала:

— Мир праху твоему, добрый Метценгерштейн!

Позже, когда матросы с «Ейдолона» помогали нам с Петерсом перенести багаж и ящик с месье Вальдемаром на борт корабля, я случайно поднял глаза и увидел на небе облако необычной формы и невиданного цвета. Оно напоминало гигантского коня необычайной масти.

Я попросил капитана Ги немедленно поднимать паруса и плыть в Англию, а о настоящем положении наших дел я расскажу ему уже в пути. Лигейя, Петерс и я наспех перекусили — причем я выпил такое количество бренди, что все окружающие с тревогой ожидали, что я вот-вот упаду замертво. Затем я уединился в своей каюте и смыл с себя дорожную грязь, после чего

решил на минутку прилечь на койку. Это было ошибкой: я, разумеется, тут же заснул.

Разбудила меня страшная качка. Проснувшись окончательно, я быстро оделся и побежал на верхнюю палубу. Мы были в открытом море, и снаружи бушевал шторм. Я с полминуты поглядел на распоясавшуюся стихию, спустился вниз и нашел Петерса. Он сообщил, что я проспал двенадцать часов кряду, а шторм начался недавно.

Непогода преследовала нас по всему Средиземному морю. Когда же мы миновали Гибралтар и повернули на север, в сторону Англии, на нас обрушился шторм неистовее прежнего. Идти против ветра было опасно, так что мы отделились воле волн. В итоге, после трехдневного шторма, нас отнесло далеко на юг. Шторм причинил большой ущерб оснастке корабля.

Уж не знаю, что за злой демон царил в этой части моря, но он явно невлюбил наше судно. Не успели мы привести в порядок «Ейдолон» — починить мачты и все такое, как обрушилась новая буря, которая отнесла нас еще дальше на юг. И эта буря была самая жестокая. Она волокла нас, не отпуская ни на час, чуть ли не до самого экватора — под тропик Рака.

— Этот ужасный шторм... — сказала мне Лигейя утром седьмого дня.

— Да?

— Похоже, он наконец слабеет.

Я постучал по дереву — чего-чего, а дерева на корабле предостаточно.

— И слава Богу, что кончается! — воскликнул я. — Правду говорят, что солдатом быть плохо, а матросом во сто крат хуже.

— Погодите радоваться, — промолвила Лигейя.

— Что вы хотите сказать?

— Не верится мне, что эта буря вызвана естественными причинами.

— Да ну?

— Сейчас, когда буря выдыхается, я смогла почувствовать, как устала та, что вызвала ее. До этого я не могла уловить чье-то присутствие за всем этим.

— Объясните мне, дураку, помедленнее.

— Думаю, тут опять замешана Анни, — сказала Лигейя. — Именно она вызвала эту последнюю, такую долгую и такую неистовую бурю. Но больше недели она не смогла повелевать стихией — невзирая на наркотики и мобилизацию всех своих мессмерических способностей. Да и ее хозяйева не хотят вконец изнурить ее. Расточительно израсходовать все ее силы на то, чтобы

устранить нас с дороги. Анни нужна им для более серьезных целей.

— Вы уверены в своих выводах? — спросил я.

— Не совсем, — ответила Лигейя. — Ведь даже под посторонним воздействием ее сознание в достаточной степени прихотливо и очень непредсказуемо.

Чуть позже установилась хорошая погода. Все мы облегченно вздохнули. Экипаж приободрился — уж очень всех вымотали непрекращающиеся бури. Хотя мачты, к счастью, остались целы, очень многое следовало привести в порядок, и матросы занялись починкой.

Эти-то работы и спасли нас, когда внезапно обрушился новый шторм. Паруса были спущены, благодаря чему налетевший из ниоткуда шквал не переломал мачты.

Нас мотало на волнах целые сутки. Но Лигейя стояла на том, что это естественный шторм и Анни тут ни при чем. Стихия, видно, совсем ополчилась на нас: буря сменялась бурей, пока мы не оказались по другую сторону от экватора — где-то под тропиком Козерога. Нас продолжало относить все дальше к югу, но Лигейя твердила, что сверхъестественные силы тут ни при чем — такое уж наше счастье.

Наконец полоса бурь миновала. Полтора дня царил штиль, матросы привели всю оснастку в отменный порядок. И вот задул благоприятный ветер. Мы снова плыли на север. Команда корабля глядела весело. Демоны оставили нас. Мы наслаждались долгожданным покоем. Матросы напевали и насвистывали за работой. Коку Эрнандесу было велено приготовить торжественный обед — и он расстарался на славу.

Благоприятный ветер не стихал до самого вечера, и солнце садилось за горизонт на чистом небе. Мы ложились спать с радостным чувством, благодаря небеса за снисхождение.

Следующая буря обрушилась на нас подобно ангелу с карающим мечом. И она была хуже всех предыдущих. Я вскочил с постели и оделся по-военному быстро. На палубе могли пригодиться и мои руки. На сей раз мы сражались с непогодой на пределе сил. Несколько матросов смыло за борт гигантскими волнами. Многие паруса и часть снастей были разорваны. Одна мачта надломилась и упала в океан. Впрочем, непосредственной опасности затонуть для изуродованного «Ейдолона» пока не существовало. Нас спасало то, что мы вовремя устранили все предыдущие поломки.

Мы сражались со стихией уж не знаю сколько дней — было не до счета. Спали урывками. И не имели представления, в какой

части океана находимся. Но во время всей этой страшной суматохи меня не оставляло странное чувство: мне было как-то не по себе, чего-то не хватало — или чего-то было слишком много. Словом, то же не очень приятное чувство, каким я был охвачен, когда сидел на козлах кареты, уносящей нас подальше от проклятого монастыря. Мне постоянно казалось, что Эдгар По где-то совсем рядом — невидимо присутствует при всем происходящем.

А Лигейя подлила масла в огонь:

— Она шествует в ночи, как некая темная богиня древних времен. Это Анни наслала шторм. Наслала, чтобы погубить нас.

— Разумеется, не по своей воле?

— Они крепко держат ее в своих руках. И теперь ее воля снова под их контролем.

— И вы ничего не можете противопоставить этому? Вы — или месье Вальдемар?

— Месье Вальдемар, увы, по-прежнему бессилён в тех областях, где царит Анни. А что касается меня, то я уже долгое время изо всех сил сдерживаю злое влияние Анни. Без этого мы, очевидно, давно были бы на дне. Кое-какие маленькие победы над ней я одержала. Но Анни стала необычайно сильна, и одолеть ее не представляется возможным.

— Неужели нам ждать гибели сложа руки? — воскликнул я.

Лигейя покачала головой.

— Остается только ждать, когда Анни утомится. Я не могу напасть на нее — могу только отбивать ее атаки. Когда она выдохнется, нам надо немедленно плыть к ближайшему берегу. В противном случае нас рано или поздно пустят ко дну.

И все оставалось по-прежнему — буря свирепствовала немилосердно, а Лигейя прикладывала титанические усилия, чтобы корабль не затонул.

На следующий день я забрался высоко на мачту, чтобы высвободить запутавшиеся снасти, — в противном случае мачта могла сломаться. Как ни странно, в разгар шторма, когда корабль немилосердно качало и волны бесновались вокруг, было менее страшно забираться на головокружительную высоту и работать там. Быть может, потому что и на палубе царил суший ад.

Я был занят распутыванием узла, и это поглощало все мое внимание. Ветер ревел. Так что вряд ли я слышал крик внизу. Просто какая-то сила заставила меня кинуть взгляд...

Два матроса, позабыв о волнах, которые перекатывались через палубу, но крепко держась за пиллерс, что-то кричали, показывая руками в направлении правого борта. Я посмотрел в том направлении — и был ошеломлен тем, что увидел.

На нас надвигался огромный призрачный корабль. Подобный сказочному великану, он уверенно вспахивал гигантские волны. Огни святого Эльма плясали на его мачтах — казалось, они обведены бледным зеленоватым сиянием, ярким на фоне черных туч, затягивавших небо. Было впечатление, что корабль этот построен в незапамятные времена — уже несколько веков, как подобные красавцы больше не бороздят моря. Однако в те времена столь огромных кораблей не строили. Впрочем, поразительней всего были не размеры и не старинная конструкция корабля, а то, что он, в разгар чудовишной бури, шел под всеми парусами!

И опять каким-то шестым чувством я ощутил невидимое присутствие Эдгара По где-то поблизости от меня, висевшего чуть ли не на макушке мачты. Да и Анни была рядом — уж не знаю как, но я ощущал и ее присутствие. Она вела бой с доктором Темплтоном, сопротивляясь тлетворному влиянию наркотика или месмерического воздействия. Я был уверен, что она напрягает все свои силы в этой борьбе — и эта борьба реальна, потому что я слышал, как она твердит мое имя — окликает меня вялым голосом, словно только что проснулась и пытается сбросить путы сна.

В моей голове мелькнула мысль, что я еще успею окрикнуть моряков с того гигантского старинного корабля, но было уже поздно, поздно...

Анни вскрикнула, когда корабли врезались друг в друга, а мне показалось, что при ударе корпуса о корпус мое тело перешвырнуло с мачты «Ейдолона» на мачту неизвестного судна. В первый момент я был совершенно уверен, что столкновение произошло в материальном мире. И лишь потом я осознал, что «Ейдолон» прошел через корабль-призрак как сквозь облако — и столкновение носило совсем иной, нематериальный характер...

Дабы Вселенная не погибла... необходимо, чтобы звезды сгустились в видимости из незримых туманностей — то есть перешли из состояния туманностей в твердое состояние — и посерели, рождая из себя несчетные и сложные вариации жизненных форм... в продолжение целого периода, когда все сущее вернется к Единству со скоростью, которая будет нарастать в обратной пропорции к расстоянию, остающемуся до неотвратимого Конца.

«Эврика». Эдгар Аллан По

Глава 11

Тем немногим, кто любил меня и был любим мною, кто мыслит сердцем больше, чем головой, кто видит сны и снам доверяет более, нежели реальности, — им посвящаю я эту Книгу Истин, которая призвана не провозглашать Истины, а являть Красоту, коей они исполнены; она же подтверждает их истинность. Им представляю я на суд нижеследующее в качестве произведения искусства — скажем, как прозаический отрывок; не опасайся я обвинения в заносчивости, я бы назвал это поэмой.

«Эврика». Эдгар Аллан По

Левой рукой я вцепился в канат старинного судна. Одной ногой я прочно стоял на перекладине его мачты. Моя правая рука все еще сжимала нож, которым я собирался разрезать спутавшийся канат на «Ейдолоне». Два корабля быстро расходились.

У меня возникло ощущение, что я еще успею перепрыгнуть обратно на мачту «Ейдолона»... Куда там — это было бы самоубийством! Я сунул нож за пояс — пригодится! — и крепче обнял мачту чужого корабля. Потрясенный происшедшим, я очумело озирался. Но ни чужой корабль, ни стремительно удалявшийся «Ейдолон» не были повреждены. Прошло совсем немного времени, и «Ейдолон» скрылся из виду.

Я стал медленно спускаться по перекладинам мачты к раскачивающимся над палубой фонарям. Паруса вокруг надувались ветром и оглушительно звенели под ударами шквала — признаюсь, этот грохот хоть и был страшен, но была в нем и упоительная музыка.

Первое, на что я обратил внимание, оказавшись внизу, было почти полное отсутствие качки. Когда я сидел верхом на мачте, мне казалось, что корабль ходит ходуном, опасно раскачивается. Но на палубе я мог стоять, ни за что не держась. Да и сам грохот шторма здесь казался приглушенным. Не рев ветра, а тихий вой.

Я был совершенно уверен, что кто-нибудь из членов команды подбежит ко мне и осведомится, цел ли я, не нужна ли мне помощь.

Однако матросы совершенно проигнорировали мое появление! Они занимались своим делом — перетаскивали какие-то ящики с кормы на нос — и не обращали ни малейшего внимания на незнакомца, который спустился с мачты. На секунду мне это показалось вопиющим хамством. Но только на секунду.

Я стоял на пути одного немолодого матроса, тащившего на плече тяжелый, сложенный витками канат, и нарочно не отступил в сторону. Немолодой матрос одышливо кряхтел и покачивался под тяжестью ноши. Глядя мне прямо в глаза, он подошел вплотную ко мне — и обошел меня, будто я был колонной или большим мешком. Тогда я торопливо подошел к другому, тоже весьма пожилому матросу, который, стоя у левого борта, прилаживал отставшую планку планшира. Я помахал рукой прямо перед его глазами — никакой реакции. Весьма озадаченный, я стал перебегать от одного члена команды к другому. Все они, морщинистые, седые или лысые, выглядели стариками — ветхими и немощными.

В полной растерянности я отошел к борту и стал следить за странностями погоды — как будто демоны ветров могли дать разумное объяснение происходящему. Буря неистовствовала, редела, буйствовала — можно перечислить все слова, которыми литераторы живописуют беснующуюся стихию. Но корабль двигался по волнам так, словно просто дул крепкий попутный ветер. Это судно не желало считаться со стихией. Даже зеленоватый огонь, разлитый по очерку мачт и похожий на фосфоресцирующий мох, казался самостоятельным и вечным свойством корабля, не имеющим отношения к атмосферным явлениям. Словом, моя растерянность только возросла.

Через некоторое время (о Время! — каким относительным и условным оно казалось на борту этого странного корабля — словно во сне) на капитанский мостик вышел старец, по осанистому виду которого я заключил, что он и есть капитан. Старец передвигался шаркающей походкой, и те несколько инструментов, что он нес в руках, были тяжелой ношей для него. Остановившись под навесом, капитан первым делом приставил к глазу допотопного вида подзорную трубу и стал осматривать горизонт, даром что во мраке было мало что видно — когда черное небо страдальчески оскаливалось молниями, его злобная улыбка освещала лишь непроглядную пелену дождя. Однако старец как бы удовлетворенно закивал головой, оставил в покое подзорную трубу и принялся работать с компасом и сектантом, словно в этих условиях от них был какой-то прок! Что-то приговаривая на непонятном, гортанном и отрывистом языке, он добросовестно возился с инструментами, которыми можно пользоваться только при наличии солнца или звезд на небе. После этого он тщательно занес результаты своих измерений в судовой журнал, собрал свои инструменты и медленно удалился по трапу в чрево корабля.

Я почти вприпрыжку побежал за ним. Была в этом ветхом старике притягательная сила — в слабом теле угадывался могучий дух. Внизу я нагнал капитана и вошел в его каюту следом. У двери я остановился и огляделся. На полу были разложены навигационные карты, какие-то старинные фолианты с железными уголками на обложках, а также неизвестные мне научные приборы. Капитан прошел к столу, сел и сосредоточенно склонился над лежавшей там картой. Его голова чуть тряслась.

Я покашлял. Никакой реакции.

— Э-э... простите, сэр... — сказал я.

Ответа не последовало.

Разумеется, человек столь преклонных лет мог быть глух как тетерев, но я интуитивно чувствовал, что причина не в этом. Я медленно направился к столу, повторяя свои извинения, но так и не сумел обратить его внимание на себя. Тогда я попытался тронуть его за плечо. Не тут-то было! Между моей рукой и его плечом полыхнул зеленоватый огонь, и руку мою отшвырнуло словно бы мощной струей водопада. Однако старик даже не глянул в мою сторону. Я тарасился на него в полной растерянности. Что же делать дальше?

Внезапно капитан встал. Когда он выпрямился во весь рост рядом со мной, оказалось, что он лишь чуть ниже меня — а роста я немало: пять футов и восемь дюймов. Казалось, из его серых глаз на меня смотрят несколько веков, но сам он был поджарый, почти не сутулился. До странности молодежавый старик. В его мимике и жестах проглядывала такая озадачивающая смесь капризного мальчишки и зрелого, истинно величавого мужа, что я вдруг проникся безмерным уважением к нему. Не спуская с капитана почтительного и восхищенного взгляда, я последовал за ним.

Он подошел к шкафчику и взял какую-то бумагу, содержащую, надо полагать, предписание с маршрутом. Об этом я догадался, разглядывая бумагу через его плечо. Как я ни шурился, я так и не разобрал фамилию капитана, написанную сверху листа. Заметил только, что она чрезвычайно короткая. Внизу стояла печать и подпись — явно какого-то монарха...

— Да! — услышал я голос. Похоже, это короткое слово произнесла Анни. — Да...

Капитан внезапно посмотрел прямо в том направлении, откуда донесся голос. Я посмотрел туда же. Никого. Когда мы отводили взгляды от того места, они случайно на мгновение пересеклись — словно электричество пробежало между нами. Но старец только тряхнул головой и тут же отвернулся.

— Ну и тем лучше! — ворчливо сказал он.

Я услышал что-то вроде вехлипа в том месте, откуда недавно донесся голос Анни.

— Изгнание твое вот-вот закончится, — не то услышал, не то почувствовал я ее слова, обращенные к капитану.

Старик посмотрел в сторону невидимой Анни, и выражение его лица смягчилось. Его бледные губы беззвучно шевельнулись, покуда он глядел на говорящую пустоту. Мне почудилось, что движения его губ сложились в имя «Анни».

— Придется мне покинуть тебя, Перри, — услышал я голос Анни.

— Нет! — воскликнул я.

— Я должна, уж так складывается, — сказала она с грустью в голосе. — Если я хочу, чтобы дверь для По оставалась открытой, я обязана покинуть тебя.

— Не покидай меня. Ты единственный дорогой для меня человек в этой жизни!

— У меня нет выбора, я должна. Ты замечательный, Перри, и еще ты очень сильный. Ты приспособлен к жизни в этом мире — да и в любом другом. А вот По — нет. Но что останется от нашего мира, если По в нем не будет? Я должна оставаться рядом с ним — если это возможно. Так что прости меня.

И с этими словами она исчезла — то есть перестала невидимо присутствовать. Слезы застилали мне глаза. Я кинулся вон из этой проклятой каюты. Я куда-то побрел, вслепую, не разбирая дороги. Какая разница, куда теперь идти! Разве можно обрести утешение в мире, где я ни для кого не существую!

Вне времени, в непонятном пространстве, изможденный, я шел по коридору. Из камбуза пахнуло ароматом свежеспеченного хлеба и свежезаваренного дешевого чая. Я бродил по кораблю как призрак — от борта к борту, от борта к борту. Временами я останавливался послушать разговоры команды. В их тарабарщине я мало что понимал — лишь угадывал, что они обсуждают маршрут своего корабля, не обращая на меня ни малейшего внимания. Еще я заметил, что зеленоватые огни св. Эльма пляшут буквально на всех заостренных или круто закругленных поверхностях.

Прошло Бог весть сколько времени — не то пять минут, не то пять дней, — и я услышал, как некий женский голос обратился ко мне.

— Эдди!

— Анни? — восторженно вскрикнул я. — Господи, ты вернулась?

— Нет. Вы так далеко, Эдди. Мне было невероятно трудно связаться с вами.

— Лигейя?

— Да. Ага, сейчас слышу и ощущаю вас лучше. Намного лучше. Вы должны вернуться к нам.

— Легко вам говорить! Как я вернусь? Понятия не имею, как и зачем я здесь очутился. К тому же только что я потерял самое дорогое в моей жизни.

— Попробуйте. Обязательно попробуйте, Эдди. Решимость для вас важнее способа осуществления.

— Я бы попытался, кабы знал, с чего начать!

— Ищи и обрящешь!

Я принялся расхаживать по палубе, последними словами костеря этот дурацкий корабль, его распроклятого капитана, идиотскую команду и мерзопакостную погоду. За бортом был суший хаос — громадные волны пенились во мраке. Мимо то и дело проплывали льдины или целые ледовые горы. Однажды мы проплыли между двумя айсбергами — справа и слева во тьме высились белые стены, которыми, казалось, кончалась Вселенная. А корабль все плыл и плыл... Ни молитвы, ни проклятия пользы не приносили. Я по-прежнему оставался на анафемском корабле. На какое-то время я, похоже, вообще лишился разума от того, что потерял Анни. И то, что злой рок — или чья-то злая воля? — держит меня в непонятном месте, только увеличивало мое душевное смятение.

Меж ледяных колонн свистел холодный ветер. Вокруг корабля царил мрак. Капитан несколько раз выходил на палубу и повторял свои измерения, но я уже не приближался к нему. Со временем я заметил, что корабль набирает скорость. Все паруса были подняты, как и прежде. А между тем ветер ревел едва ли не с удвоенной силой.

Когда судно впервые воспарило над волнами, я здорово перепугался. Через долгий промежуток времени корабль опять оторвался от волн. Затем эти воспарения стали частыми и происходили через равные интервалы времени. Мы то двигались по волнам, то летели над ними. Вдалеке на палубе я снова увидел того старика с лицом гордого и капризного мальчика — и теперь больше не сомневался, что это какой-то вариант Эдгара По. Капитан уже не производил измерений. Он просто стоял на носу и смотрел на бурное море, на белые ледяные горы, которые ходили кругами вокруг нас. На лице его лежала печать утраты — в нем прочитывались разом и страдание, и блаженство от страдания. Не спрашивайте, сменялись ли выражения на его лице или

разные эмоции присутствовали на нем одновременно — в этом месте, объятom зеленоватыми огоньками, Время было словно покороблено...

Мало-помалу до меня дошло, что происходит, — корабль совершал широкие круги по краю исполинского водоворота. Нас втягивало в адскую воронку. Однако, сознавая неизбежность грядущей беды, я больше не питал ненависти к странному капитану. Наоборот, дружеская симпатия былых дней пробудилась во мне. Мне хотелось подойти к нему, обнять — и спасти его, увести из этого зачарованного мирка. Да где мне! Я отлично понимал: не сумею, не могу. А кабы и мог — еще вопрос, согласился бы он покинуть этот страшноватый мир...

Мне оставалось только смотреть, как во мраке беснуется, гремит и рокочет жуткий водоворот — с амфитеатром ледяных глыб по краю. Наши круги становились все меньше, меньше, а грохот все громче, громче. С каждым кругом мы приближались к центру неотвратимой воронки.

Внезапно я понял, что сейчас чувствует По, застывший величаво на носу судна. Он зрит Смерть — совсем рядом с собой, и это позволяет ему с предельной ясностью видеть Жизнь. Я смотрел его глазами — и ощущал, что и я бы мог столь же бесстрашно лететь навстречу гибели, не теряя ясности сознания, чистый сердцем, — навстречу идеальной гармонии...

Я смотрел его глазами, чувствовал его чувствами — и все же не хотел его хотением. Я не хотел гибели. Однажды мы были почти одним человеком. Он был творцом, я — почти что его творением. И вот я оплакивал его в момент, когда он испытывал величайшее в своей жизни упоение.

Слова Лигеи «Ищи и обрящешь!» вспомнились мне — и я нашел: я отвернулся от него.

Жерло зияло, готовясь поглотить — без остатка. Чем я мог помочь?

И я попытался уйти.

Сумрак неизмеримый
Гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это — жизнь моих ранних лет.
Этот сон всегда был тревожим
Чем-то диким, на мысль похожим
Существ, что были в былом.
Но разум, окованный сном,
Не знал, предо мной прошли ли
Тени неведомой были.

Да не примет никто в дар наследий
Видений, встававших в бреде,
Что я тщетно старался стряхнуть,
Что, как чара, давили грудь!
Оправдались надежды едва ли;
Все же те времена миновали,
Но навек я утратил покой
На Земле, чтоб дышать тоской.
Что ж! пусть канет он дымом летучим,
Лишь бы с бредом, чем был я мучим!

«Эврика». Эдгар Аллан По

Глава 12

Высокая брюнетка взирала на сероглазую девушку. Они стояли на прибрежной полосе ярко-желтого песка. Чуть дальше над сушей нависла серая стена. А море сияло в лучах солнца. Песочный замок размером с городской особняк начала века был наполовину скрыт туманом. По его стене бежала едва заметная трещина.

— Стало быть, это и есть твое королевство на краю земли, — сказала высокая брюнетка.

Вторая, прикусив губу до крови, мрачно кивнула.

— С умом построено, моя дорогая. Подобно лучшим архитектурным строениям, этот замок обладает классической простотой.

Где-то вдалеке от моря прогремел гром. Выползла темная туча, и ее густая тень омрачила искрящиеся на солнце волны.

— Не знала, что вы можете сюда проникнуть, — тихо произнесла сероглазая девушка.

— Поверь мне, это было нелегко.

— Не причиняйте вреда этому месту.

— Не причиню — только в том случае, если поможешь мне.

— Чего вы хотите?

— Мы должны вернуть его.

Еще две тучи объявились на небе, а над сушей вновь громыхнуло.

— Которого из них?

— Того, которого мы все еще в силах спасти.

В одно и то же мгновение пошел дождь — и хлынули слезы из глаз сероглазой девушки.

— Я хочу обоих, — сказала она между всхлипами.

— Увы, дитя, но это неосуществимо.

— Они опять зовут меня. Поздно.

Она попятилась, земля за ней разверзлась — и девушка качнулась в бездну. Но ее падение было остановлено.

Высокая брюнетка простерла вперед руку и, невидимой силой удерживая собеседницу на краю пропасти, сказала:

— Прежде ты поможешь мне. Немедленно. Сейчас. Они оба безумно далеко.

— Хорошо, — кивнула девушка, отняла руки от своего лица и вытянула их перед собой. — Хорошо.

Небо почернело — все. Волны свирепо вздулись. Но женщина и девушка двинулись вперед — прямо по водной стихии.

Придя в сознание, я обнаружил, что нахожусь в прохладной темной воде и судорожно цепляюсь за какой-то широкий деревянный брус — обломок кораблекрушения. Что было до этого — память странным образом не сохранила. Одно утешение: море на диво спокойное и надо мной с голубого неба сияет теплое солнце...

Почти все мое тело лежало на деревянном обломке. Я подтянулся и вытащил из воды замерзшую ногу, потом устроился удобнее и стал разминать затекшие члены. Сзади на шее ощущалось странное жжение; до меня не сразу дошло, что это солнечный ожог. Ладонью я зачерпнул воды и плеснул ее на беспокоящее место.

Если Анни на «ты» со сверхъестественным, а у По сверхъестественно острое восприятие, то в чем состоит талант третьего в нашем союзе? Не может же быть, что я — единственная бездарь в нашей троице! Если мы составляем единое целое, то на меня приходится... Да, разумеется... Оба они, хоть и по-разному, не от мира сего. То есть из других миров. А я весь — земной, я весь — здешний. И моя религия — жизнь, а мой талант — умение выживать. Я тот необходимый компонент, что приземляет фантазии и мечты об идеальном, не дает им воспарить совсем уж в надзвездные выси.

Я уперся ладонями в качающееся дерево и поднялся над водой. Опять, как велела Лигейя, я был полон решимости найти выход — и благодаря этому обретал его. Что-то в глубине меня подсказывало: открой глаза, поверни голову налево. Я подчинился внутреннему голосу — и ощутил, как кто-то, бывший все это время незримо рядом со мной, лишил меня своего приятно-го общества.

Слева я увидел парус. Я сорвал с себя рубаху и стал размахивать ею.

То был «Ейдолон»! Корабль подплыл ближе, и меня подобрали в шлюпку. Кроме Лигейи, все на борту оставили надежду найти меня и еще нескольких моряков, смытых волной за борт две недели назад, в мае. Корабль еще какое-то время тащило на юг. Потом он стал возвращаться. Но к этому месту капитан Ги привел его по настоятельной просьбе Лигейи и Петерса, которого Лигейя упросила поддержать ее в разговоре с капитаном.

Когда меня забирали в шлюпку, я краем глаза заметил, что на обломке, который спас мне жизнь, было написано название корабля — «Дискавери». Я лежал как раз на этих буквах.

Меня отнесли в мою каюту, поставили мне на столик воду, кашу, хлеб и бренди. Петерс по моей просьбе нашел в одном из сундуков подходящую чистую одежду, и я переоделся. Капитан Ги находился рядом и настаивал на том, чтобы я хорошенько отоспался. Но я возразил, что пробыл без сознания достаточно долго, все равно что спал, и теперь горю желанием выслушать доклад о всем происшедшем за время моего отсутствия. Да и не мог я заснуть, пока не утолю жажду в полной мере. Так что капитан велел принести еще воды и каши.

К этому времени вернулась Лигейя, успевшая переговорить с месье Вальдемаром. Она изучила мои глаза, пощупала пульс, осталась не очень довольна — и молча ушла.

— Что значит ее недовольная мина? — осведомился капитан Ги.

— Что сейчас она вернется со снадобьем — порцией болотной воды, в которой плавает всякая дрянь, — ответил я.

Это мое пророчество оказалось верным. Пока я пил Лигейино снадобье, капитан Ги говорил:

— Позвольте поблагодарить вас за желание выслушать меня прямо сейчас — весьма разумно с вашей стороны. За это мы можем благодарить провидение — случилось мне видеть людей, которые провели после кораблекрушения день или два в открытом море, так они были в худшем состоянии, чем вы — после двух недель плавания на доске!

— Да, по всему видно, я редкий счастливчик! — сказал я, прихлебывая снадобье. Оно больше не казалось омерзительным. Не иначе как мои вкусовые сосочки пострадали за время моего приключения!

— От команды осталось только шесть человек, — продолжил капитан, — не считая Петерса, которого я назначил своим первым помощником. Оружие у меня под замком, Петерс на моей стороне — а его бояться. Но команда настрадалась с тех пор, как мы покинули Испанию, и настроение у парней неподобающее.

— Их можно понять.

— Пока вас не было, водой залило многие каюты. Двери были сорваны, и многие предметы оказались не на своих местах...

— Господи, я, кажется, понимаю, что произошло! — воскликнул я.

Капитан Ги кивнул.

— Да, гроб месье Вальдемара оказался в коридоре, и крышка отвалилась. Теперь команда знает о присутствии на корабле странного мертвеца. Матросы считают, что вся череда наших неприятностей — из-за него.

Пришла моя очередь понимающе кивнуть.

— Не вмешайся Петерс, они бы непременно выкинули ящик за борт, — сказал капитан. — Так что на судне очень беспокойно.

— Вы думаете, все обойдется, они успокоятся со временем?

Он пожал плечами.

— Успокоятся, если больше ничего дурного не произойдет.

Однако неприятности не заставят себя ждать.

Я тяжело вздохнул. Для меня испытаний было более чем достаточно. Новые меня пугали.

— Пожалуйста, объясните, на что вы намекаете.

— Сейчас нас унесло чрезвычайно далеко на юг — так далеко не заплывала ни одна экспедиция. Эти воды совершенно не исследованы — и один Господь знает, что мы тут можем встретить.

— Если дела пойдут плохо, команда устроит мятеж?

— Вероятность такого исхода очень велика. Ваша сабля у вас под кроватью. Вы ее где-то затупили. Петерс ее заточил.

Я благодарно кивнул коротышке Петерсу.

— Спасибо, мой добрый друг.

Он подмигнул мне и со своей обычной бесовской улыбочкой сказал:

— Не за что, юноша.

— Что ж, — обратился я к капитану Ги, — нам остается только ждать и быть начеку. Куда мы плывем?

— На юг.

— Отчего бы нам не повернуть обратно — в знакомые воды? — спросил я.

Он уныло хмыкнул.

— Мы пленники мощного течения. Можем взять восточнее или западнее, но вынуждены двигаться только в южном направлении. Корабль поврежден, паруса поднять мы не в состоянии. Так что выбора у нас нет — несемся на юг по воле течения.

— Тогда у меня вопрос, — сказал я, — почему не становится

холоднее? Когда меня поднимали на борт, я заметил несколько льдин в воде, но воздух не такой уж холодный, какой можно ожидать в таких широтах. Такая температура характернее для умеренной американской зимы.

— В моих книгах по навигации нет никаких упоминаний о парадоксальных теплых зонах в этих широтах, — ответил капитан Ги. — Так что мы привезем домой ценные сведения — ежели Господь позволит нам вернуться.

— Расскажите ему про черных медведей, капитан, — попросил Петерс.

— Ах да, — сказал капитан Ги. — Недавно мы обнаружили нескольких медведей с красными глазами и зубами.

— С красными зубами?

— Да, совершенно верно. Вы слышали о подобных существах?

— Нет. Стало быть, вы видели сушу?

— Только острова. Кроме этих медведей, ничего особенного больше не заметили.

— Так. Это все? — спросил я.

Петерс и капитан быстро переглянулись, из чего я заключил, что это не все. Капитан Ги кивнул Петерсу, и тот промолвил:

— Такое ощущение, что мы набираем скорость. С каждым днем движемся все быстрее.

В моей голове вдруг промелькнули смутные воспоминания о моем пребывании на «Дискавери» — был ли то сон или реальность?

— Иными словами, несущее нас течение ускоряется и ускоряется, — произнес я.

— Вот именно, — кивнул капитан Ги. — А стало быть, есть резон задуматься о правильности теории, выдвинутой полковником Симмсом из Огайо, который утверждал, что Земля — полая. По его теории, морская вода низвергается в отверстие на Южном полюсе, а вытекает через отверстие на Северном полюсе, и таким образом осуществляется циркуляция...

В моей памяти замелькали видения: широкие круги, которые становятся все уже, уже, воронка воды, словно в дне исполинского чана выбили пробку — и вода уходит в бездну... Что тогда происходило — реальная катастрофа или то было лишь предупреждение, прообраз того, что ждет нас?

Я закрыл глаза и с силой потер глазные яблоки.

— Похоже, я когда-то читал в журнале статью на эту тему. Фамилия автора, кажется, Рейнольдс.

— Да, — сказал капитан Ги, — я тоже читал статью Рейнольдса. Поскольку мне вверена забота о сохранности этого

судна и безопасности его пассажиров, мистер Эллисон просил меня обсуждать с вами все серьезные проблемы, которые могут возникнуть в пути. Вот почему я спрашиваю сейчас: что, по-вашему, нам следует предпринять в данной ситуации?

— Да что тут скажешь? Можно только гадать!

— Тогда выскажите догадку, — не отставал от меня капитан Ги.

— Ладно, если вы настаиваете. Какова бы ни была причина того, что течение стремительно ускоряется, — полая Земля или еще что, — но в результате наш корабль может разнести в щепы. Стало быть, нам нельзя сидеть сложа руки, надо попробовать «соскочить» с течения.

Я нашарил в кармане штанов монетку, вынул ее и подбросил в воздух.

— Орел — восток, решка — запад, — объявил я. — Ага, орел. Стало быть, предельно уклоняемся на восток.

Капитан Ги вяло усмехнулся.

— Что ж, этот способ принимать решения не самый худший, — сказал он. — Будь по-вашему...

В стене раздалось постукивание — того же рода, что я слышал во время своих месмерических опытов. Лигейя проворно вскочила.

— Прошу прощения, — поспешно произнесла она и вышла.

— Хотел бы я знать, что происходит! — воскликнул капитан Ги.

Я стрельнул глазами в сторону Петерса. Он согласно кивнул.

— Насколько я понимаю, теперь вы знаете *все* о месье Вальдемаре? — спросил я капитана.

— Касательно его сверхъестественных способностей? Да. Лигейя ввела меня в курс, когда, так сказать, кот вылез из мешка.

Тут его лицо прояснилось. Он даже привстал со стула.

— Ах вот оно что! — протянул он.

Я подтвердил его догадку энергичным кивком.

Вскоре Лигейя вернулась.

— Когда завтра утром пробьет шесть склянок, направляйтесь в юго-западном направлении, — сказала она.

— Будет исполнено, — сказал капитан.

— Разумеется, так и сделаем, — подтвердил я.

Мне налили еще стаканчик бренди, и через некоторое время я заснул мертвым сном.

Хотя на волнах по-прежнему качалось довольно много льдин, воздух заметно теплел. На одном островке я увидел тех самых гигантских черных медведей с красными зубами, а на следую-

ший день — что еще более занятно — мы проплыли мимо лодки, в которой сидели темнокожие и чернозубые люди. Впрочем, мы пронеслись мимо них на большой скорости.

Еще один день миновал.

Когда я возвращался к себе после прогулки по палубе, из каюты месье Вальдемара вышла Лигейя и остановила меня в коридоре.

— Скоро! — сообщила она.

— Что скоро?

Индийским жестом — движением подбородка — она указала на трап, по которому я только что спустился. Мы с ней поднялись на палубу. Лигейя провела меня на корму и указала на северо-северо-запад.

— Оно придет с той стороны. Будьте начеку.

— Что? Что придет?

— Я забыла, как вы это называете, — ответила она и удалилась.

Я остался на корме. Сунул руки в карманы, оперся на перила и стал ждать. Долгое время ничего не происходило. Я стоял, загипнотизированный плеском волн за нашим кораблем.

— Пропади оно все пропадом, Перри!

— Эй, Эдди! Вы тут вахтенным или как?

За моей спиной объявился Петерс с Грипом на плече.

— Да вот стою гляжу на небо. Вглядываюсь в северо-северо-запад...

— Что вы там высматриваете?

— М-м-м... Лигейя сказала как-то неконкретно — дескать, смотрите.

— Ага, вон оно! — воскликнул Петерс. — Что-то вроде перевернутого большущего клоунского колпака, а под ним корзинка.

— Что? — удивленно переспросил я.

Но сколько я ни шурился и ни приставлял руку козырьком к глазам — ничего подобного не увидел.

— Вы что, дурачитесь? — спросил я через несколько мгновений. — Фантазируете?

— Господь с вами, Эдди. Вы знаете, что я всегда говорю чистойшую правду.

— Вы хотите сказать, что действительно что-то разглядели?

— Стану я вас дурачить, Эдди. Вон же оно, разве вы сами не видите?

У меня глаза заболели от напряжения. Но видел я только точку в небе у горизонта — то ли птица, то ли обман зрения.

— А поверх этой штуки — что-то вроде черной ленты с серебряной пряжкой, — сказал Петерс.

— Бросьте, неужели вы все это видите?

— Ей-же-ей! Раскройте глаза, Эдди!

Что ж, подумал я, возможно, не зря сложены легенды об удивительном зрении живущих в прериях индейцев, чья кровь течет в жилах Петерса.

— Ладно, верю, — кивнул я. — Что там еще?

Он прищурился посильнее.

— Похоже, в той корзинке сидит человек, — сказал он.

Я наблюдал за точкой, которая постепенно увеличивалась в размерах.

— Медвежье дерьмо! — провозгласил Грип. Наш корабль как раз проплывал мимо большой льдины, на которой не раз опраивались краснозубые медведи.

— Вот умница, Грипчик! — сказал Петерс и достал из кармана кусочек печеня для ворона. — Сметливый ученик!

— Ну! — утвердительно скрипнул Грип.

Прошло несколько минут, и неизвестный предмет приблизился настолько, что и я разглядел его. Описание Петерса оказалось верным.

— Этот ваш покойник знает свое дело, — обронил Петерс.

— Да, этого у него не отнимешь, — согласился я.

Необычный предмет летел в нашу сторону, и я припомнил все, что мне случалось читать о воздушных шарах. Шар наполнен газом, внизу к нему привешивают гондолу, которую Петерс именовал корзинкой.

Чуть позже я разглядел и пассажира в гондоле. Аппарат направлялся явно к нам — и постепенно снижался. Я забеспокоился — наш корабль ошестинился сломанными мачтами, так что шар мог порваться при подлете. С тихим шипением шар пронесся над нами — и опустился на воду чуть впереди, по левому борту.

Мы с Петерсом спустили шлюпку за рекордное время и через какую-то минуту после приводнения доставили воздушно-го путешественника в безопасное место. Оказавшись на корабле, незнакомец представился как Ганс Пфааль из Роттердама. Он изъяснялся на плохом английском и еще худшем французском. Петерс тут же предложил свои услуги в качестве переводчика. Он, дескать, обучился голландскому наречию, выполняя некоторые поручения мистера Эллисона в Нидерландском королевстве, — правда, уж не обессудьте, говорит он на крутом просторечии. Но если никто не возражает...

Никто против его услуг не возражал. Оказалось, что Петерс и тут не врал. Какое-то время он болтал с незнакомцем, потом сообщил нам, что Ганс Пфааль вылетел из Роттердама несколько недель назад. Согласно его утверждениям, в эти южные широты путешественника занесли высотные ветры неимоверной силы и скорости.

Капитан Ги, Лигейя и все члены команды высыпали на палубу. В шаре еще оставалось немного воздуха, и владелец необычного экипажа волновался, как бы волны его не унесли. Капитан приказал подобрать шар и, выпустив из него воздух, аккуратно сложить на палубе рядом с гондолой — плетеной корзиной, в которой находилось много загадочного вида приборов.

Затем полотно шара и гондолу хорошенько просушили и под внимательным оком путешественника спустили в трюм.

Нам слабо верилось во все фантастические рассказы герра Пфааля. Но как бы то ни было, этот человек совершил удивительнейшее путешествие и сумел по воздуху пересечь океан!

Наше собственное путешествие продолжалось, однако не было и проблеска надежды — нас все так же влекло к Южному полюсу! Дни шли, временами мы видели маленькие островки или большие льдины. Море вокруг становилось все более странным.

Скажем, мы набрали в ведро снега с плывущего обок с кораблем ледяного островка. Когда мы растопили его, чтобы пополнить запасы питьевой воды, получилась необычайно странная жидкость. Я затрудняюсь дать точное представление об этой воде, не прибегая к пространному описанию. С первого взгляда она по плотности напоминала гуммиарабик, влитый в обычную воду. Но этим не ограничивались ее необыкновенные качества. Не будучи бесцветной, она все же не имела какого-то одного определенного цвета, а переливалась в движении всеми возможными оттенками пурпура, как переливаются тона у шелка. Набрав в посудину воды и дав ей хорошенько отстояться, мы заметили, что она вся расслаивается на множество отчетливо различимых струящихся прожилок, причем у каждой был свой определенный оттенок, что они не смешивались и что сила сцепления частиц в той или иной прожилке несравненно больше, чем между отдельными прожилками. Мы провели ножом поперек струй, и они немедленно сомкнулись, как это бывает с обыкновенной водой, а когда вытащили лезвие, никаких следов не осталось. Если же аккуратно провести ножом между двумя прожилками,

то они отделялись друг от друга, и лишь спустя некоторое время сила сцепления сливала их вместе.

Петерс рассмеялся, набрал этой чудо-воды в горсть и выпил, пока мы с умным видом рассуждали о ее необычайных качествах. Он провозгласил, что эта вода отличная, не хуже ключевой. Поскольку он не упал бездыханным, то и остальные отведали странной жидкости. Все остались живы. Петерс пояснил, что вода пахнет «правильно», а потому безопасна. Нам оставалось лишь довериться его знаниям, полученным еще в детстве, когда он жил в прериях с упшароками.

Тем временем течение, влекущее наш корабль, стало настолько могучим, что мы уже не могли справиться с ним и маневрировать из стороны в сторону. Мы оказались в полной его власти.

Через два дня, проснувшись утром, я подумал, что снаружи идет снег. Выйдя наверх, я обнаружил, что это не снег, а вулканический пепел. Всю палубу покрывал слой серого пепла. Мы были по соседству от легендарной горы Яанек, из жерла которой тянулись огромные серые облака, наподобие гигантских капустных листов. Меж ними сверкали молнии, а временами проглядывал сноп огня над кратером. Со стороны вулкана доносился глухой гул. Мрачное небо сеяло серый пепел все время, пока мы плыли мимо.

Еще с того времени, когда я вернулся в Барселоне на корабль, я избегал свиданий с месье Вальдемаром — быть может, потому, что в памяти была жива жуткая маска Красной смерти, виденная при дворе принца Просперо. Однако по всем признакам мы стремительно приближались к Симмсовой дыре на Южном полюсе, положение становилось все отчаянней — стоило преодолеть брезгливость и получить консультацию у существа потустороннего. Вокруг продолжало теплеть, море нагрелось — хоть купайся. Больше никаких следов льда или снега. Это были опасные признаки — самая пора для решительных действий!

Лигейя в тот момент спала в своей каюте, и я решил ее не тревожить. Имея запасной ключ, я вошел в каюту месье Вальдемара с небольшой масляной лампой в руке.

После того как я проделал необходимые месмерические пассы, началась обычная свистопляска в стенах, затем ящик из-под вина приподнялся над полом и какое-то время повисел в воздухе. Вслед за этим месье Вальдемар сам отодвинул крышку и приподнялся. На этом дело не кончилось — он развернулся в своем гробу и, похожий на жуткое огородное пугало, сел на край ящика, свесив ноги вниз.

— А-а, Эдди! — произнес он. — Опять? Дитя Земли, вы влили в меня еще больше жизни, чем в прошлый раз!

— Простите, — сказал я, — но мое дело не терпит отлагательства. Мне кажется, наш корабль приближается к Симмсовой дыре на Южном полюсе.

— Вы правы, правы! — воскликнул месье Вальдемар. — Славный исход, славный! Спасибо, что привезли меня попристутствовать при таком впечатляющем финале. Эта страшная развязка — единственное зрелище, которое способно доставить мне что-то вроде удовольствия.

— Э-э... Извините, что я разочаровываю вас, — сказал я, — но я, собственно, ищу путей избежать этого чересчур впечатляющего финала.

— Нет! — воскликнул живой покойник. — Тут я наотрез отказываюсь помогать вам. Какое недомыслие — пытаться избежать столь замечательной и достойной гибели!

— Мне неприятно говорить это, — сказал я, — но в моей власти принудить вас помочь мне.

Я стал делать предварительные пассы для привлечения новых порций месмерической энергии.

— Прекратите! Не будь таким жестокосердным!

Месье Вальдемар встал и зашаркал в мою сторону с умоляюще простертыми руками.

— Или вы скажете мне все, что знаете по данному вопросу, — сказал я, — или я оживлю вас на веки вечные!

— Спрашивайте меня о чем угодно другом, — ответил он. — Мне открыты секреты всех веков. Что вы желаете? Хотите, я добуду вам утраченные трагедии Софокла? Или доказательство последней теоремы Ферма? Или укажу место, где под землей сокрыты остатки древней Трои? Или...

— Вы нарочно тянете время, — сказал я. — Зачем?.. О Боже, неужели мы так близко?

Руки его бессильно упали вдоль тела.

— Да, совсем близко, — отвечивал он.

— Но у нас еще есть шанс спастись — ведь так, да? Когда мы будем совсем рядом, каждая минута будет играть решающую роль.

— Надо отдать вам должное, Перри, вы очень сметливый молодой человек...

— Полноте, мне ваша лесть ни к чему. Давайте факты! Воздушный шар — пожалуй, наше единственное спасение. Сколько времени нам понадобится, чтобы надуть его?

— Часа два.

- А когда мы низвергнемся в недра Земли?
- Часа через три.
- Сколько человек способен поднять в воздух этот шар?
- Четверых.
- Тогда все пропало. Нас двенадцать человек.
- Будет не двенадцать, — сказал месье Вальдемар и оскла-

бился.

- То есть?
- Объяснить?

— Да, вам бы только поговорить и время потянуть. А времени в обрез. До свидания.

Я повернулся и побежал к двери.

— Эдди! погоди!

Я остановился как вкопанный: это было сказано тоном приказа. Таких интонаций в речи месье Вальдемара я прежде не замечал.

— Ну что? — спросил я.

— Возьми оружие.

— Зачем?

— Я ничего против тебя лично не имею. Возьми саблю и не расставайся с ней.

— Ладно, — сказал я. — Спасибо.

И с этими словами я выбежал из каюты.

Когда я торопливо вышел из своей каюты, на ходу пристегивая саблю, наверху раздавались крики и звон, как при ударах металла о металл. Вместо того чтобы бежать в трюм, где находился воздушный шар, я поспешил наверх — выяснить, что происходит.

Когда я по грудь показался над палубой, выяснилось, что трап охраняет один из матросов. Стоило мне появиться, как он двинул меня дубинкой в грудь. Я полетел вниз по лестнице, но одной рукой вцепился в перила и остановил падение, а другой выхватил саблю. Рванувшись вперед, я полоснул наступавшего сверху матроса поперек груди. Он вскрикнул и скатился по ступенькам. Путь был свободен.

Я выбежал на палубу и быстро понял смысл происходящего.

Капитан Ги, Петерс и Ганс Пфааль находились на корме, загнанные в ловушку на полуюте. На них наступали взбунтовавшиеся матросы. Очевидно, команда решила, что дальше терпеть нельзя. Рядом с одной из шлюпок я заметил запасы провианта и воды. На палубе поблизости с этой шлюпкой виднелись пятна

крови. Пятна крови были и на груди сорочки капитана Ги. Судя по тому, как тяжело он опирался на перила фальшборта, капитан был серьезно ранен. Надо полагать, он застал матросов в момент, когда они хотели удрать на шлюпке, — тут-то и начался открытый мятеж.

Петерс в каждой руке держал по кофель-нагелю — такие небольшие железные шутовинки, которые используют для крепления снастей. Это было единственное оружие Петерса — правда, очень грозное в его лапищах. Пфааль размахивал саблей, похожей на мою.

Пятеро матросов оглянулись — и увидели, как их товарищ рухнул в трюм. То, что в их тылу появился человек с саблей, удвоило решимость взбунтовавшихся быстрее атаковать капитана, его помощника и воздухоплавателя.

С дикими криками они устремились вперед.

Того парня, что бросился с ножом на капитана, Петерс огрел по голове своей короткой железной дубинкой. Парень и вскрикнуть не успел — рухнул мешком на палубу. Второй матрос, высоко занесший руку с саблей, кинулся на самого Петерса. Тем временем Пфааль держал свою саблю наизготове и тарашился на третьего матроса, который подступал к нему с кинжалом в одной руке и дубинкой — в другой.

Я побежал на корму, преодолевая многочисленные лесенки, и при этом орал благим матом, чтобы отвлечь внимание нападавших на себя. Мчась на выручку капитану, я впервые услышал *это* — глухой рокот, словно голос далекого тайфуна, донесся с той стороны, куда двигался наш корабль. Рокот стоял не только в воздухе. От него вибрировала палуба под моими ногами. Вибрация была до того сильна, что у того, кто стоял неподвижно, зубы начинали стучать. Природа этого звука и этой тряски мне стала ясна сразу — и кровь заледенела в моих жилах. Теперь я орал уже от страха. Один из матросов, бывший в арьергарде нападавших, повернулся в мою сторону — высокий поджарый малый с безжалостными глазами. Помахивая шипастой палицей, он двинулся мне навстречу. Этакая палица, если ее с умом направить, вмиг переломит мою саблю.

Я видел, как Петерс ловко увернулся от сабельного удара, парировав его ударом железки по запястью нападавшего. Затем вперед и вверх пошел маховик его исполинского кулака. Парень с дубинкой закрыл конец сцены от меня, но через мгновение тот, кто нападал на Петерса, оказался вознесенным высоко над палубой — он изгибался в руках могучего коротышки, и из его

рта хлестала кровь. Правее я увидел, как Пфааль падает с обгоревшим плечом.

Но тут я лишился возможности наблюдать — наступил горячий момент для меня самого. Когда матрос размахнулся палицей, я остановился и отскочил. Было бы неразумно парировать такой удар саблей. Он размахнулся палицей опять — на сей раз бил не сверху, а поперек моего тела, на уровне живота. Я опять отскочил назад и внимательно приглядывался к его манере вести бой, чтобы обнаружить слабое место.

Ганс Пфааль страшно вскрикнул — помню, меня успело поразить, что и в крике проявляется акцент! Голландец упал на палубу.

Над нами пронеслась стая птиц — в северо-западном направлении. Пролетая над кораблем, они кричали: «Э-текели-ли!»

Атакующий меня матрос попытался нанести новый удар. Палица шла сверху, по диагонали. Держал он ее обеими руками. Я отпрыгнул, а он расхохотался и выкрикнул:

— Эй, боец сопливый, ты бы остановился на секундочку. Вот бы я тебя, труса, приложил! Ну, иди сюда, голуба!

Я вежливо осклабился и кивнул. К этому моменту я успел заметить, что после удара сверху он менее проворно поднимает палицу, чем после горизонтального удара.

Тут я услышал, как матрос, нападавший на капитана Ги, завопил от боли. Это Петерс, покончив со своим противником, поспешил на подмогу капитану. Он перехватил кисть матроса, пригнул к палубе и зубами оторвал ему ухо. Тем временем матрос, которого Петерс свалил на палубу кофель-нагелем, пришел в себя и начал подниматься.

— Э-текели-ли!.. Э-теке... Дерьмо! — надсадно орал Грип, летая над местом схватки и снайперски какая сверху на тех, кто нападал на Петерса.

В этот момент «Ейдолон» содрогнулся и в следующее мгновение перелетел над волнами, словно огромная летучая рыба.

Это парение напомнило мне ужасный опыт на «Дискавери» — то судно тоже с определенного момента повадилось лететь над волнами. Когда «Ейдолон» опять оказался на воде, скорость наша заметно увеличилась. Я бы, наверно, несколько не удивился, если бы на кончике моей шпаги заплясал зеленоватый огонек.

Но тут на кончике моей шпаги действительно заплясал зеленоватый огонек. Неужели его вызвала к жизни моя мысль? Возможно ли, что в этих местах я обладаю некоей особой связью с

вещами, которых я прежде касался, — связью более осязаемой, нежели сила воспоминания?

Глаза высокого матроса заметно округлились, когда он заметил, что по острию моей сабли пробежал зловещий зеленоватый огонек. И все же он продолжал нападение — поднял палицу над своим левым плечом и попытался нанести сокрушительный удар. Я опять отступил. Но не так, как прежде. Вспомнив дорогостоящий урок, преподанный мне в юности кривоногим мастером фехтования, который проезжал через мой родной город, я сделал шаг назад левой ногой, потом стремительно отступил и правой ногой, высоко поднял саблю, вынес ее чуть вбок, повел вперед по полукругу, превратив ее в колющее оружие.

Пока мой противник, чья палица просвистела в воздухе, не задев меня, поднимал свое оружие вверх, готовясь к новому нападению, я проткнул его правую руку пониже плеча. Затем, без секунды промедления, я выдернул саблю из раны и послал ее острием вперед матросу в горло, вложив в удар всю инерцию своего тела. Удар достиг цели.

Я получил возможность взглянуть на Петерса — тот швырнул своего обезушенного врага на того, который поднимался с палубы. Матрос, которому он разнес грудь, бессильно валялся — из его ушей, носа и рта сочилась кровь. Я на всякий случай кинул взгляд через плечо: парень, которого я рубанул поперек груди, лежал на палубе и, похоже, больше не дышал.

Итак, трое из шести бунтовщиков выведены из строя. Двое, однажды уже поверженные Петерсом на палубу, кое-как встали и наступали на помощника капитана — яростнее прежнего. Последний матрос вытаскивал свой кинжал из-под ребер на левой стороне груди Ганса Пфаала. Покончив с голландцем, он присоединился к своим товарищам, заседавшим на Петерса. Со зловещей улыбкой этот верзила поигрывал дубинкой, которую он держал в левой руке; в его правой руке на уровне бедра посверкивал окровавленный кинжал. Когда громила проходил мимо неподвижной фигуры капитана Ги, распростертого на палубе, вдруг раздался пистолетный выстрел. Дубинка вывалилась из пальцев матроса, он упал на одно колено, схватившись левой рукой за живот.

Невзирая на грохот Симмсовой бездны, я услышал, как громила тоном обиженного ребенка произнес:

— А я-то думал, что вы померли!

Тут он упал на второе колено — и я разглядел капитана Ги полностью. Прислонившись затылком к швартовой тумбе, он со

слабой кривой улыбкой смотрел на матроса. В руке капитана был короткоствольный крупнокалиберный пистолет.

— Ты ошибся, парень, — сказал капитан.

Я двинулся к двум матросам, что наступали на Петерса — один из них подхватил с палубы саблю, которую выронил его сраженный раньше товарищ. Именно этот, с саблей, первым услышал мои шаги — и развернулся лицом ко мне. Он чуть согнулся в поясе и пошел вперед, держа саблю самым нелепым образом — низко, чуть вбок, готовясь вонзить ее, словно это был нож. Смех да и только. Я стремительно и смело шел прямо на него. Разделаться с этим неумехой будет парой пустяков для такого опытного фехтовальщика, как я.

Но тут меня угораздило поскользнуться на птичьем помете. Из-за своего глупого высокомерия я упал чрезвычайно низко — в буквальном смысле слова. Мой противник вырос надо мной в мгновение ока и изготовился воткнуть конец сабли мне прямо в трахею. Лежа на спине, я выставил вперед правое колено, чтобы хоть как-то остановить его. Но, запрыгивая на меня, он тоже выставил вперед колено, чтобы надавить им мне на грудь. Я отчаянно брыкнулся. В результате его колено качнулось в сторону и придавило бицепс моей правой руки, которая при падении ушла далеко в сторону. Бесплезная в этом положении сабля выскользнула из моих пальцев. Я рванул свою правую руку из-под его колена и двумя руками сразу встретил клинок противника. Я ухватил саблю за лезвие, которое показалось мне в запале схватки удивительно тупым. Увы, оно было достаточно острым...

Из порезов на моих руках хлынула кровь, обагривая мою рубашку на груди, и матрос злорадно ослабил. Его морда была прямо надо мной, рядом. Я вдыхал зловоние его гнилозубой пасти. От этого, а не от порезов, было впору потерять сознание!

Где-то в стороне звучали крики и ругань — это продолжал схватку Петерс. Тут корабль снова завис над волнами — и клинок гнилозубого подонка до половины вошел мне в ладонь левой руки. Вокруг корабля творилось такое, что даже в сложившемся отчаянном положении я сознавал рев Симмсовой бездны — равный грохоту тысячи Ниагар. Краем глаза из своей идиотской позы я видел, что слева от меня высоко в небе колеблется столб водяной пыли — словно колонна тумана — и этот столб смещается в нашу сторону, бледный, зловещий, подобный призраку великана...

Я плюнул прямо в морду моему противнику. Знаю, это не по правилам, так джентльмены не поступают — да и учитель фехто-

вания меня таким приемам не учил. Но один британский офицерик по фамилии Флэш, с которым мы однажды гудели всю ночь в какой-то забегаловке, поведал мне, что чуть было не погиб во время дуэли, когда его противник применил этот, мягко говоря, неординарный прием — неизменно ошеломляющий и выводящий из себя. В моей памяти этот рассказ засел как вопиющий пример самого хамского нарушения этикета. По счастью, я не офицер и не джентльмен. Прием сработал замечательно.

Матрос отпрянул, а я, скрипнув зубами от боли, сжал кулак и что было силы ударил в источник зловонного дыхания.

Голова противника мотнулась назад, но сам он по-прежнему наваливался на меня, прижимая к палубе. Но тут за его спиной вырос бледный и зловещий призрак — нет, не тот великан, что гулял в небе, а тот материальный призрак, которого я меньше всего ожидал увидеть в этой ситуации. Месье Вальдемар схватил матроса за шею и рывком поднял на ноги, освобождая меня. Матрос ахнул и мощным коротким движением по самую рукоять всадил саблю в живот месье Вальдемару. Тот никак не отреагировал на удар и с какой-то неспешной деловитостью крутанул шею подонка. Раздался треск, и матрос стал замертво валиться на палубу. Месье Вальдемар с рассеянным видом выпустил его из своих рук и произнес:

— О, какая горестная ирония! Посылать других туда, где я хотел бы сам оказаться!

Он вырвал саблю из своего живота и швырнул ее на палубу.

— Спасибо, — сказал я. — Клянусь отблагодарить вас должным образом в самое ближайшее время. Верьте мне.

Справа от меня раздался короткий лающий смешок. Я посмотрел туда: Петерс как раз разгибался — окровавленный клинок в одной руке, скальп в другой.

— Заработали маленький приз? — сказал я, вяло улыбаясь.

— Сегодня призов более чем достаточно, Эдди, — все еще зловеще скалясь, но уже с горечью сказал Петерс. Мы разом посмотрели на капитана и Пфаала.

Оба еще дышали, но были очень плохи. Мы с Петерсом помогли им — в меру наших сил. Все мятежники оказались перебиты. Пфааль что-то лепетал на своем гортанном наречии.

— Он говорит, — перевел Петерс, — нам надо побыстрее вытащить шар на палубу, а он подскажет, что и как делать, чтобы подняться в воздух.

— Верно, — кивнул я. — Давайте поторопимся.

Мы помчались в трюм. По дороге я пробежал мимо Лигейи.

Она стояла у трапа и довольно улыбалась. Мне на мгновение почудилось, что в углу ее рта капелька крови. Ей-ей, не вру!

Но вот мелькнул ее язычок — и иллюзия рассеялась, осталась только странная сытая улыбка на устах. Надо думать, помещилось.

Торопясь как на пожаре, мы с Петерсом выволокли воздушный шар на палубу. Трудно было сказать, сколько времени у нас оставалось до рокового момента.

Пфааль командовал процессом надувания шара. Его голос поминутно слабел, Симмсова бездна ревела все громче — так что Петерсу приходилось прикипать ухом к самым губам голландца, чтобы разобрать приказы. Месье Вальдемар и Лигейя исправно помогали нам. Когда несчастный голландец прошептал последние инструкции и душа его тихо отлетела, месье Вальдемар разразился потоком завистливых ругательств: еще один счастливец юркнул мимо него в вожделенный загробный мир!

Капитан Ги подозвал меня слабым жестом. К этому моменту подготовка шара уже завершалась — оставалось только ждать, когда оболочка до конца заполнится газом.

— Эдди, — слабеющим голосом произнес капитан, когда я склонился над ним, — я хочу попросить вас об одной услуге.

— Я готов выполнить любую вашу просьбу.

— Отнесите меня на нос корабля, чтобы я мог видеть то, что поглотит мой «Ейдолон».

Мы с Петерсом принесли удобное кресло из моей каюты и усадили в него капитана Ги. Корабль здорово качало, нам пришлось привязать капитана веревкой к креслу, после чего мы отнесли его на нос судна.

— Эта штуковина побольше каньонов на Диком Западе! — провозгласил Петерс, когда мы увидели темную пропасть у основания гигантской колонны водяных брызг.

— Попробуйте закрепить кресло, ребята, — попросил капитан Ги. Мы нашли канаты и прочно закрепили кресло. Тем временем капитан вынул из глубин своего обильно залитого кровью камзола трубку и стал раскуривать ее дрожащими руками.

— Позвольте помочь вам, — предложил я.

— Ничего, ничего, я сам...

— Вы действительно хотите остаться?

— Да, хотя остаюсь я ненадолго, — промолвил он, делая первую затяжку. — Но не могу же я упустить такое. Многие ли капитаны имеют случай погибнуть вместе со своим кораблем столь величественным образом? — Он выпустил облачко дыма. —

Не обращайтесь на меня внимания. Готовьте шар к взлету, а я буду наслаждаться зрелищем...

Я провел рукой по его плечу, оставляя кровавый след.

— Да не оставит вас Господь, капитан, — сказал я. — Вы были так добры с нами. Спасибо вам за все.

Петерс тоже что-то шепнул капитану, но слов я не разобрал. Когда мы побежали к шару на корме, я заметил, что мы совсем близко от бездны. Она зияла перед нами во всем своем жутком величии. Мы работали в лихорадочной спешке.

Лигейя и месье Вальдемар уже забрались в корзину, а шар рвался в небо, натягивая канаты, которые мы привязали к железным кольцам на палубе.

— Отчаливаем! Скорее! — крикнула Лигейя.

Я полоснул саблей по канатам, и шар взмыл в небо.

Через несколько мгновений мы уже с высоты взирали на то, как «Ейдолон» с переломанными мачтами колышется на самом краю ревушей бездны. Какая патетика в этом невероятном способе кануть в Лету!.. Невольно мне вспомнился По. Ему бы это понравилось.

Из уст месье Вальдемара вырвался странный хрип, затем он обронил:

— Мне оказаться среди спасшихся — какая гнусная насмешка судьбы!

Бывают мгновения, когда даже бесстрастному взору Разума печальное Бытие человеческое представляется подобным аду, но нашему воображению не дано безнаказанно проникать в сокровенные глубины. Увы! Зловещий легион гробовых ужасов нельзя считать лишь пустым вымыслом; но подобные демонам, которые сопутствовали Афрасиабу в его плавании по Оксусу, они должны спать, иначе они растерзают нас, — а мы не должны посягать на их сон, иначе нам не миновать гибели.

«Заживо погребенные». Эдгар Аллан По

Глава 13

Наука! ты — дитя Седых Времен!
 Меня все вниманьем глаз прозрачных,
 Зачем тревожишь ты поэта сон,
 О коршун! крылья чьи — взмах истин мрачных!
 Тебя любить? и мудрой счесть тебя?
 Зачем же ты мертвишь его усилья,
 Когда, алмазы неба возлюбя,
 Он мчится ввысь, раскинув смело крылья!

Дианы коней кто остановил?
 Кто из леса изгнал Гамадриаду,
 Услав искать приюта меж светил?
 Кто выхватил из лона вод Наяду?
 Из веток Эльфа? Кто бред летних грез,
 Меж тамарисов, от меня унес?

«Сонет к науке». Эдгар Аллан По

Мы продолжали стремительно подниматься — и грохот бездны стал мало-помалу слабеть. Лигейя настояла на своем — промыла мои изрезанные ладони и перевязала их. К счастью, она успела принести в гондолу очень много нужных вещей, пока мы с Петерсом были заняты покойным капитаном.

Мы намеревались достичь на шаре если не Европы, то хоть какого-нибудь цивилизованного места. Но вскоре выяснилось, что мы не способны контролировать движение воздушного аппарата. Как бы то ни было, постоянный ветер нес нас куда-то на север — куда же еще можно лететь с Южного полюса! Зато высотой мы могли управлять, сбрасывая балласт или выпуская из шара некоторое количество газа. Перемещаясь по вертикали, мы могли искать благоприятный ветер. Увы, не было способа с точностью определить направление нашего полета.

Месье Вальдемар свернулся калачиком в углу гондолы. Лигейя накрыла его куском брезента, и со временем мы привыкли к его присутствию, как привыкают к тумбочке в углу комнаты. К тому же в этой тесноте мы использовали его именно в качестве мебели: Лигейя присаживалась на него и часами медитировала; Петерс приваливался в нему спиной и сидя дремал; я использовал месье Вальдемара как оттоманку.

Избыток эмоций приводит к отупению. Так что в первый день на воздушном шаре мы слабо воспринимали сам факт полета и страшной высоты. Наши прежние и теперешние испытания превратили нас в неких сомнамбул. Когда мы начали воспринимать высоту, мы уже бессознательно привыкли к ней, так что шок был ослаблен.

Вообще надо сказать, что на мою долю выпало событий с лихвой. Как только выдерживали мои нервы — вспомнить хотя бы пытки в камере инквизиции, за которыми последовало дикое путешествие на корабле-призраке «Дискавери», а до того ведь был пир у принца Просперо, закончившийся приходом Красной смерти... Кому, как не мне, знать чувство, которое бывает, когда за полночь зачитаешься фантастическим романом, — эмоциональное напряжение отодвигает сон, но не совсем, и события в

книге уже не совсем события в книге, а как бы часть реальности. Разница одна: читатель может тряхнуть головой, отогнать навязание и захлопнуть книгу. Мне же не было дано благостного избавления — возможности отложить книгу. (Хотя это сравнение в моем случае может хромать: сам я прежде редко сдавался в плен своему читательскому воображению. Но у меня — так же как у пылкого читателя — есть своеобразное утешение: яркое живое чудо события обычно предшествует фальшивым утешительным философским сентенциям — не потому ли все мы склонны засыпать над философскими трактатами?) Мой ум в таком состоянии туманился, мысли блуждали, перед глазами все плыло — и я мыслил телом, а не умом.

Второй и третий день прошли примерно так же, хотя реальность все чаще скреблась в двери нашего сознания. Мы ели, беседовали, а Грип время от времени осыпал нас ругательствами, сидя или на мотке веревки в углу или — бесстрашно — на краю гондолы.

Чуть ли не целую неделю мы прыгали вверх-вниз на большой высоте и ловили ветер, влекущий нас на север. Мы втроем гадали, какой нынче месяц — июнь, июль или август? Было глупо тревожить месье Вальдемара по такому пустяковому поводу.

Словом, путешествовали мы без особых приключений. На следующей неделе мы совершили посадку на тропическом острове — приземлились на поляне, заросшей многоцветными травами. Следовало срочно пополнить наши запасы воды. Всего остального было вдоволь.

Что за прелесть был этот остров! Откуда-то с гор текла молчаливая в долине река, а вокруг нас виднелись многочисленные гейзеры и разломы, курившиеся вулканическими газами. Мы напились холодной чистой воды, заполнили ею все имевшиеся в корзине емкости, а шар накачали горячим газом из вулканической трещины.

Затем вновь поднялись в воздух, нашли подходящий воздушный поток и направились дальше — туда, где, по нашим расчетам, находился север. Вскоре мы очутились над непроглядным слоем туч. И этим тучам не было конца.

Мы заспорили, надо ли нам спуститься ниже пелены облаков и уточнить свой маршрут. Решили, что не стоит. Слишком мала вероятность того, что мы увидим на земле какие-то знакомые ориентиры. Зато, спускаясь сквозь слой туч, мы можем за просто напороться на горный пик.

Так мы и летели поверх облаков — день за днем. Мы потеряли счет времени. Но решили держаться, пока не кончатся запа-

сы воды и пищи. Было бы глупо потерпеть аварию вдалеке от нашего полушария или где-то в тропиках, далеко от умеренной зоны. Летим в сторону родных мест — ну и ладно. От добра добра не ищут.

Только когда в воздушном шаре обнаружился разрыв и утечка газа, мы приняли решение спускаться.

Это оказалось не так-то просто. Сперва мы чрезвычайно долго летели среди облаков — в густом тумане, словно через слой ваты, где время совершенно остановилось. О продолжительности нашего полета можно было судить только по тому, что мои изрезанные руки успели поджечь.

Когда мы наконец вынырнули из облаков, под нами расстились зеленые леса. К нашему облегчению, это были не тропические леса. Но о своем местонахождении мы больше ничего не знали.

Мы летели дальше — достаточно низко над землей, в надежде завидеть следы цивилизации. Так прошла еще одна ночь.

Заря занималась в верхних слоях атмосферы, когда мы проснулись на следующее утро. У поверхности же еще царили густые сумерки. Но милые сердцу звуки и запахи оповестили нас о наличии внизу жилья. Мы опустились пониже, и в рассветных лучах я разглядел сельскую дорогу и дорожный знак на перекрестке с указанием, сразу согревшим наши души: «Ричмонд — 10 миль».

Мы приземлились, выпустили газ из шара и спрятали наш летательный аппарат в лесу. Из месье Вальдемара получился плохой ходок — он шатался, волочил ноги. Чтобы он нас не задерживал, мы оставили его на попечение Лигейи, а сами направились на разведку. Надо было разжиться транспортным средством для перевозки месье Вальдемара.

Пройдя милю-другую, мы услышали голоса. Мы с Петерсом немного изменили наш маршрут и через несколько минут подошли к приотворенным металлическим воротам.

Из-за ворот выглядывал какой-то мужчина. В следующее мгновение он приветливым жестом пригласил нас зайти внутрь. Это был видный и красивый джентльмен старого закала — изысканно одетый, с изящными манерами и тем особым выражением лица, важным, внушительным и полным достоинства, которое производит столь сильное впечатление на окружающих. Мы обменялись рукопожатиями, и он представился: мистер Майар.

А вот люди за его спиной производили совсем иное впечатление.

По двору прогуливались престранные личности в причудли-

вых нарядах разных эпох и народов. Среди них была женщина, которая периодически останавливалась, начинала размахивать руками и басовито кричать во весь голос: «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!»

— Нельзя ли одолжить у вас на время дрожки или хотя бы телегу или тачку? — спросил я. — Мы были бы премного обязаны вам, сэр.

— Полагаю, что-нибудь найдется, — ответил мистер Майар. — Впрочем, вам следует беседовать на эту тему не со мной. Пройдемте в центральное здание — надеюсь, кто-нибудь в конторе сумеет помочь вам.

Мы последовали за ним к большому старинному особняку. По пути к нам подбежал мужчина на четвереньках — поскуливая, он стал тереться о наши ноги. Затем внезапно залаял и убежал — судя по всему, за кроликом.

— Сэр, — обратился я к мистеру Майару, — мы люди приезжие, здешних мест не знаем. Я догадываюсь, куда мы попали, но не трудно ли вам все же уточнить назначение этого... э-э... заведения.

Он улыбнулся.

— Думаю, вы и сами догадались, что это сумасшедший дом. Его открыли переехавшие сюда из Франции несколько лет назад доктор Смоль и профессор Перро, авторы новейшего радикального способа лечения психических больных.

Мы взошли по ступеням и оказались внутри старинного особняка. Со словами, что он сейчас переговорит с нужным человеком в конторе, мистер Майар оставил нас в просторной гостиной — когда-то роскошная, теперь она выглядела несколько обшарпанной. Мы с Петерсом рухнули на обшарпанный диванчик с потертой обивкой.

— Никак не могу поверить, что мы снова на родной земле, Эдди! — воскликнул Петерс. — Не забудьте узнать, какой нынче месяц.

— Нынче у нас сентябрь.

Это произнес небольшой человечек, почти утонувший в большом темном кресле в темном углу гостиной.

— Ах, простите, — сказал я. — Мы вас не заметили.

Незнакомец хихикнул.

— Быть незамеченным иногда полезно, — изрек он, встал и поклонился. Это был седой человечек с козлиной бородкой и ясными голубыми глазами, которые казались особенно большими за очками в тяжелой оправе. — Доктор Август Бедлоу к вашим услугам.

— О, так вы из медицинского персонала!

— Нет. На самом деле я здешний пациент.

— Ах, простите...

— Не стоит извиняться. Не бойтесь, я не сумасшедший.

— То есть... я не совсем понимаю...

— Позвольте осведомиться: кто вы по профессии?

— Я — Эдгар Перри, отставной офицер армии Соединенных Штатов, — сказал я, протягивая ему руку. — А это мой друг Дирк Петерс, помощник капитана с «Ейдолона».

Доктор Бедлоу с горячностью пожал нам руки.

— Я просто желал убедиться, что вы не имеете отношения к племени судейских прохвостов и крючкотворов. Очень рад, что вы не из юристов.

— А я рад доставить вам это удовольствие.

Я покосился на Петерса, который неопределенно пожал плечами.

— Вы видите перед собой одного из двух нормальных людей в этом заведении, — сказал доктор Бедлоу. — Остальные того-с...

— Да, да, — поспешно согласился я. — Конечно!

— Я говорю с полной ответственностью, сэр. Хочу предупредить вас — для вашего же блага.

— Простите, но как вышло так, что...

— Видите ли, три дня назад, — пояснил он, — душевнобольные взбунтовались, взяли власть в свои руки и заперли доктора Смоля и профессора Перро в комнату для буйных, обитую матрацами. А возглавляет бунтовщиков мистер Майяр, опасный маньяк.

Я пристально вглядывался в лицо собеседника. Слова его звучали так убедительно!

— Вы спросите: с какой стати мне верить вам? — продолжал доктор Бедлоу. — Но примите во внимание простой факт: все умалишенные бродят свободно по двору, а ворота не заперты.

— Да, Эдди, я уже обратил внимание на это, — сказал Петерс. — И на душе у меня очень беспокойно. Но скажите, доктор Бедлоу, вы-то что здесь делаете, коли вы человек нормальный?

— Несколько лет назад я очутился перед выбором: или быть повешенным за убийство, или... — сказал доктор Бедлоу. — Сами понимаете, лучше годами корчить из себя психа, чем одну минуту болтаться с вывалившимся языком. Вот почему я сперва интересовался, не законники ли вы.

— О-о! — понимающе протянули мы с Петерсом.

— Только не думайте, что я настоящий головорез. Просто

один мой пациент по выходе из транса, в который я его погрузил, скончался от сердечного приступа. А его родственники-невежды притянули меня к суду.

— Вы погружали в транс? Стало быть, вы месмерист? — спросил я.

— Да, сэр, и по отзывам — неплохой.

— У меня есть знакомый, к которому я испытываю минимум симпатии, — сказал я. — Так он применяет свои месмерические способности в отнюдь не благовидных целях.

— Позвольте поинтересоваться его именем?

— Некий доктор Темплтон, — ответил я.

— Будучи в некоторой степени знаком с ним, — сказал доктор Бедлоу, — могу только согласиться с вашим нелестным отзывом.

— Так вы знаете его?

— Да. И вправе подтвердить, что он остался таким же мерзавцем. В данный момент он и его приспешники — некие Гудфеллоу и Гризуолд — находятся в штате Нью-Йорк в поместье Арнхейм. Там они стакнулись с миллионером Сибрайтом Эллисоном и готовятся заняться производством золота по алхимической формуле, которую предоставил им некий нанятый ими немецкий ученый.

— Что-о? — вскричал я, вскакивая и вцепляясь в лацканы его сюртука. — Да откуда вы все это знаете? Что вы плетете! Вы минуту назад сказали, что были здесь несколько лет!

— Поощадите, сэр! Я человек преклонных лет! Я желаю вам только добра — потому и предупредил вас о том, что тут происходит. Воля ваша верить мне или нет — однако же не надо трепать меня, как куклу!

— Нет, сперва вы мне скажете, откуда у вас подобные сведения про доктора Темплтона!

Тем не менее я выпустил его. Рухнув в кресло, он добровольно рассказал следующее:

— Я имел случай упоминать, что нас здесь двое нормальных. Именно второй нормальный пациент поведал мне о событиях в поместье Арнхейм. Несколько месяцев назад мистер Эллисон нанял его в качестве личного секретаря. На самом же деле это был журналист, который специально нанялся работать к известному богачу, дабы разоблачить темные дела Эллисона, которые тот проворачивает на нескольких континентах.

— Если этот разоблачитель был сам разоблачен — отчего его просто не убили?

— Это молодой человек со связями, да и слишком много

людей знали, куда и зачем он направился. Было безопаснее поручить доктору Темплтону упрятать противника в сумасшедший дом.

— Неужели достаточно слова доктора Темплтона, чтобы кого-то признали умалишенным? — недоверчиво спросил я.

— Недостаточно. Но когда молодого человека — его зовут Сэнфорд Мартин — забирали в сумасшедший дом, он был действительно безумен. Для того, кто понаторел в нашем искусстве, ничего не стоит привести любого человека в состояние временного умопомрачения. Позже, когда Мартин уже пришел в себя, его перевезли под вымышленным именем сюда. Вот он-то и рассказал мне о том, что происходит в поместье Арнхейм.

Я опять возбужденно вцепился в своего собеседника — теперь стал теревить за рукав.

— А скажите, сэр, не упоминал ли этот Мартин некую особу по имени Анни — сейчас она, очевидно, живет в Арнхейме.

— Упоминал, — сказал доктор Бедлоу. — У этой леди необычайные месмерические способности. Она работает помощницей того немца, фон Кемпелена.

Я добрел до ближайшего кресла, рухнул в него и уронил голову на руки.

— Господи, совершить столь длинное странствие, — наконец произнес я, — и опоздать всего на чуть-чуть!..

Я почувствовал руку Петерса на своем плече.

— Бросьте, Эдди. Еще не поздно. Во время оно мистер Эллисон не раз повторял в моем присутствии, что получение золота — весьма долгий процесс.

— Если хотите удостовериться в правдивости моих слов, — предложил доктор Бедлоу, — я могу устроить вам встречу с Сэнфордом Мартином.

— В этом нет нужды, сэр, — сказал я. — Не могли же вы измыслить такую громоздкую ложь — ведь факты удивительным образом сходятся.

— Эдди, вам нужно спешить, — сурово произнес Петерс. — Но месье Вальдемар будет страшной обузой, а Лигейя ни за что его не покинет.

— Знаю.

Из задней части дома донесся нестройный гул голосов. Похоже, в гостиную двигалась целая толпа.

— Повторяю свое предостережение, — сказал доктор Бедлоу, — побыстрее удирайте отсюда! А тележку найдите в месте поспокойнее.

— Хотите бежать вместе с нами?

— Не могу, — ответил он. — К тому же от меня здесь кой-какая польза. Я успел вылечить нескольких больных.

Мы с Петерсом встали и на прощание пожали руку доктору Бедлоу.

— Удачи вам, ребятки, — сказал он.

— Эдди, давай ноги в руки! — воскликнул Петерс, потому что гул приближался — и в нем слышались гневные нотки.

И мы побежали.

Когда мы оказались в лесу, вне опасности, я снял свой пояс с зашитыми в нем золотыми монетами, разделил деньги между собой и Петерсом. С этими золотыми он не пропадет и раздобудет экипаж для всей компании. А также купит новый ящик для месье Вальдемара. Я попросил его стать сопровождающим и защитником месье Вальдемара и Лигейи в их путешествии на север.

Нельзя сказать, что я отсылал его из чистого альтруизма. Нет, я просто не мог с точностью оценить силу и природу его преданности Сибрайту Эллисону. А ну как эта верность проявится в неподходящий момент! Что связывало этих двоих, когда установились их странные отношения — всего этого я так никогда и не узнал. Но мне показалось, что и Петерс не без облегчения встретил мое решение в одиночестве отправиться в поместье Эллисона и улаживать там дела без его участия.

И вот я в последний раз обнял страшноватого коротышку — мало к кому в жизни я был привязан так, как к нему. И под яркой луной, этой подругой охотников, мы расстались.

Кто будет реквием читать,
творить обряд святой?

«Пеан». Эдгар Аллан По

Глава 14

Ты победил, и я покоряюсь. Однако отныне ты тоже мертв — ты погиб для мира, для небес, для надежды! Мною ты был жив, а убив меня, — взгляни на этот облик, ведь это ты, — ты бесповоротно погубил самого себя!

«Вильям Вильсон». Эдгар Аллан По

Глубокой ночью унылого октября я перемахнул через высокую стену из нетесаного камня, постаравшись не попасться на глаза конным вооруженным охранникам, и направился к главной усадьбе поместья Арнхейм — через ухоженный ландшафтный парк, протянувшийся на несколько миль. Мне пришлось бы много плутать в поисках главной усадьбы, поднимаясь вдоль живописной реки Виссахикон, если бы не точные инструкции Лигейи, с которой я имел встречу в королевстве на краю земли — похоже, в последнее время она запросто проникала туда.

В ту ночь я спал в летнем домике — в Лэндор Коттидж, куда влез через окно. Лигейя сказала, что Анни вроде бы находилась там некоторое время. И действительно я обнаружил в спальне тот самый испанский гребень, что был в волосах Анни в крепости, где прятался от чумы принц Просперо. Стало быть, ее держали здесь в заключении. Утром, прихватив гребень как драгоценную реликвию, я направился дальше.

В иное время я бы упоенно любовался красотами рукотворного парка, но в тогдашнем моем состоянии я был нечувствителен к эстетическим впечатлениям. Что ни ночь — а порой это случалось и днем — у меня был новый сон или видение наяву: я встречался с Анни и Лигейей, а также с По, которого всегда видел только издали — обреченно бредущим навстречу своей гибели. Частота и интенсивность этих бередящих душу свиданий подсказывали мне, что наши взаимоотношения стремительно движутся к некоей развязке.

Но — вперед.

Из всех видений я сделал определенный вывод: Эллисон и его конкуренты осознали, что порознь им своего не добиться и, чем мешать друг другу, лучше объединить силы.

Мой якобы благодетель теперь стакнулся с теми, в погоне за кем я, по его поручению, пересек океан и обошел несколько стран. Фон Кемпелен тут, в Арнхейме, со всей компашкой новоявленных друзей. Он готовится превратить в золото огромное количество свинца. Все полученное золото немедленно перейдет Сибрайту Эллисону в уплату за обширную недвижимость — в том числе за поместье Арнхейм, — а также за драгоценности и прочие дорогие вещи. После этого в присутствии всех участников договора алхимическое оборудование для производства золота будет уничтожено. Тем самым будет устранена опасность перепроизводства золота и падения его цены в будущем.

Но — вперед.

Вокруг меня царил буйство осенних красок. Небо отражалось в глади озера, возле которого случилось мое последнее ви-

дение. Из этого видения я узнал, что планируется убить фон Кемпелена после того, как будут уничтожены его приборы.

Но — вперед.

И вот центральная усадьба — суший земной рай, где я был очарован небесной музыкой, лившейся из окон, густыми сладкими ароматами, сказочным видом высоких восточных деревьев, искусно подрезанных кустарников, стайками экзотических птиц — золотистых и малиновых, а также бесчисленными фонтанами, прудами, цветниками, лугами и серебристыми ручьями. Поневоле я залюбовался всем этим и глазел во все стороны дольше, чем следовало бы в моем положении незваного гостя.

Впрочем, я старался не попадаться на глаза охране — в чем вроде бы преуспел. Наконец передо мной возник во всей красе, посреди сего райского сада, дворец Эллисона, построенный в полуготическом-полумавританском стиле. Красные лучи солнца играли на сотнях башен и башенок, на минаретах и шпилях. Дивное зрелище.

Подойдя к дворцу ближе, я обнаружил, что он обнесен рвом с водой. Я обогнул дворец несколько раз, прячась за густым кустарником. Не было иного пути, кроме как по небольшому мосту. Место было открытое, но я все же предпочел быструю пробежку по мосту плаванию в холодной октябрьской воде.

Вблизи дворец выглядел добротным строением, которое сохранилось в отменном порядке. Лишь по фасаду бежала небольшая трещина. Пройдя через готическую арку, я очутился у тяжелой деревянной двери. Я толкнул ее — она оказалась открытой.

Внутри все было отделано деревом в старинном духе, на стенах висели мрачноватого вида ковры, черная мебель из ценной древесины. Я пересек просторный холл быстро и осторожно — стараясь не шуметь, с наполовину вынутой из ножен саблей и пистолетом на изготовку. Еще кое-какое оружие было спрятано под моей одеждой.

Я вышел в коридор и стал красться вдоль стены, заглядывая в каждую комнату. Сибрайта Эллисона я нашел в третьей слева.

Не будучи любителем эффектных сцен, я вошел просто, без театральных жестов и восклицаний. Это была библиотека. Эллисон, в шелковом темно-бордовом халате, восседал на диванчике — читал, покуривая сигару. Справа от него на низком столике стоял стакан темного вина. Когда моя тень упала на него, он поднял глаза и улыбнулся.

— А, Перри! И точно вовремя.

Я не собирался подыгрывать ему и спрашивать, что он имеет в виду, говоря «точно вовремя». Я просто задал самый главный для меня вопрос:

— Где она?

— Здесь. И ей тут вполне хорошо. Поверьте мне, никто не намерен обижать ее.

— Анни удерживают здесь насильно и принуждают делать то, чего она делать не желает!

— Позвольте заверить вас, ее помощь будет чрезвычайно щедро оплачена, — сказал Эллисон. — И, коль скоро мы заговорили о вознаграждении, хочу заметить: ваши усердные труды не будут забыты.

— Помните, вы обещали мне особое вознаграждение, если я убью Гризуолда, Темплтона и Гудфеллоу. У меня сейчас руки чешутся. Ваше обещание в силе?

Он слегка побледнел, но выдавил из себя улыбку.

— Вынужден огорчить вас: мои тогдашние слова утратили силу несколько месяцев назад, когда я пришел к соглашению с вышеперечисленными особами.

— Стало быть, вы теперь заодно? — спросил я.

— Более или менее.

— И фон Кемпелен здесь?

— Да. Однако же вы времени не теряли и недурно осведомлены обо всем. Желаете стаканчик шерри?

— Охотно выпью, если вы мне кое-что расскажете.

— Извольте, молодой человек. Что именно вы хотите услышать?

Эллисон достал еще один стаканчик-наперсток и наполнил его — до половины.

— Вы говорите, что хорошо заплатите Анни, — начал я. — Однако то, что она делает, она делает вопреки своей воле!

— Но для ее же собственного блага! И я могу это доказать.

Я сделал глоточек шерри.

— Ну так докажите.

— Я имею в виду ее долю в большом капитале — точнее говоря, в громадном капитале...

— Ясно. А что касается Эдгара По?

Эллисон встал. Размахивая дымящейся сигарой, он стал прохаживаться по комнате.

— Что вам сказать об этом Эдгаре По? — проговорил он. — Если вас — и Анни — угораздило подружиться с ним, то могу только пожалеть вас. Мне действительно жаль вас. Однако ваши крайне своеобразные отношения, увы, не могут длиться вечно.

— Да ну! Вы так полагаете?

— Да, я так полагаю.

Эллисон кивнул, нарочито игнорируя мой насмешливый тон. Он вел себя так, как будто я во всем с ним соглашался.

— Ваши крайне своеобразные отношения не могут продолжаться по очень простой причине. По более не существует — по крайней мере в этом, нашем мире, мире практических дел. Ему предназначено идти своим путем, а мы пойдем своим. Он сам выбрал путь мечтателя — ни я, ни вы тут ни при чем.

— Однако наше разлучение — ваших рук дело!

— Помилуйте, юноша, вины тут моей никакой! Да-да, здесь ни грана моей вины! Мир фантазий и мир практический, они изначально несовместимы.

Я допил шерри и отставил стаканчик.

— Я хочу видеть ее.

— Извольте, никаких возражений, — сказал Эллисон.

И жестом пригласил меня следовать за собой.

Из библиотеки мы прошли в другую комнату, где также было много книг и картин. Эллисон пересек эту комнату, не останавливаясь. Я же остановился как вкопанный у картины в нише слева. Это был портрет женщины с огромными темно-серыми глазами и с вьющимися волосами. На ее голове был давно вышедший из моды капор, с округлых плеч струилось платье времен Империи — с цветочным узором. Я не мог отвести взгляда от этих загадочных огромных глаз, ласкал взором темные каскады ее волос.

— Идемте же, — с порога позвал меня Эллисон.

— Сибрайт Эллисон — это имя напоминает сценический псевдоним, — произнес я. — Вы когда-нибудь играли на сцене?

Его глаза сузились.

— Быть может. С какой стати вы спрашиваете, юноша?

Я в свою очередь внимательно уставился на него. Этот портрет был увеличенной копией миниатюры, с которой я не расставался всю жизнь. На этой миниатюре была изображена моя мать — Элизабет. Я сомневался, что Эллисону известно о существовании миниатюры и что я ее владелец.

— Эта леди кажется мне странным образом знакомой, — сказал я.

Он пожал плечами.

— Портрет достался мне от прежних владельцев. Я оставил его, чтобы не пустовал простенок.

Голова моя закружилась. Со времени нашей первой встречи

с этим человеком многое повергало меня в оторопь. Но сейчас я был ошеломлен, как никогда.

— Ах, вот оно что, — промолвил я и наконец оторвал свой взгляд от портрета.

Он прошел в следующую комнату — зал с высоким потолком, где, помимо множества книг, было изрядное количество произведений искусства и коллекция оружия. Я же на секунду задержался, пальцем стер густой слой пыли с подписи под портретом.

Моим глазам предстало имя: «*Элизабет Арнольд*».

Я поспешил вслед за Эллисоном.

Да, то было имя моей матери — хотя мне не требовалось читать подпись, чтобы узнать в этой актрисе собственную мать. Если он — тот самый мужчина, что бросил ее...

Но ведь это чужой мир — не тот мир, где я родился. А стало быть, он — сбежавший отец По, а не мой. Более того, события на этой Земле и на моей Земле совпадают далеко не во всем, а потому никогда мне не узнать истины — правда ли, что он сознательно пожертвовал своим сыном ради получения сокровищ. Как не узнать и того, был ли мой отец похож на Эллисона — там, в моем родном мире.

— У вас тут мило, — сказал я, догоняя хозяина Арнхейма.

Теперь мы прошли под дверной аркой в готическом стиле, задрапированной красно-голубой материей. Я сообразил, что мы движемся по галерее — анфиладе комнат, опоясывающей дворец.

— А вы не помните своих родителей? — спросил Эллисон через некоторое время.

— Можно сказать, не помню. Я потерял их в очень раннем возрасте.

Мы дошли до конца галереи и повернули направо, из углового зала вышли во внутренний двор, где отдыхало несколько десятков вооруженных людей, державшихся двумя группами.

— Это что за армии на постое?

Эллисон рассмеялся.

— Моя армия и их армия. Стоят тут, чтоб никто из нас ненароком не напроказил.

— Выходит, вам пришлось установить перемирие и объединить капиталы, дабы удовлетворить аппетиты фон Кемпелена?

Он кивнул.

— Да, этот немец умеет торговаться.

— Будь я на его месте, я бы привел с собой свою собствен-

ную армейку, чтобы все было по-честному и никто из вас «не напроказил».

Эллисон потрепал меня по плечу.

— Слышу речи истинного солдата, — сказал он. — Потому-то я и нанял вас к себе на службу, что вы парень не промах. Когда закончится вся эта суета, я с охотой выслушаю повесть о вашей одиссее.

— Так что же все-таки охраняет фон Кемпелена, которого никто не охраняет? — спросил я.

— У него есть то, что нам нужно.

— А после того, как вы это получите, вы дадите ему уйти?

Эллисон глубоко затянулся своей сигарой, выпустил облачко дыма, вынул ее изо рта — и широко, белозубо улыбнулся. Но мой вопрос оставил без ответа.

— Хотите взглянуть на его лабораторию?

— Я хочу видеть Анни.

— Возможно, она там.

— Что произойдет с ней, — спросил я, — когда все закончится?

— Вы сами знаете — она обладает уникальными сверхъестественными способностями.

— Ну и что вы хотите этим сказать?

— Она — кладезь сверхъестественных способностей и может принести кучу денег в других предприятиях.

— А если она не пожелает дальше работать на вас?

— Ее организм выработал привычку к некоторым химическим веществам. Она будет работать ради наркотиков.

У меня слезы навернулись на глаза.

— Какое счастье, что вы не мой отец, — брякнул я в порыве эмоций.

Эллисон отпрянул, как будто я дал ему пощечину. Моя рука легла на рукоять сабли. Но я так и не выхватил оружия. Этот человек мне еще нужен.

— Я и не отец По, — процедил он сквозь сжатые зубы.

— А я и не утверждал. У вас есть дети?

Он отвернулся.

— Достойных — нет.

Я последовал за ним. Похоже, мы шли в северном направлении.

— Стало быть, вы меня ненавидите? — спросил Эллисон через некоторое время.

— Верно, ненавижу.

Он остановился у начала широкой каменной лестницы. Повернувшись ко мне и прислонившись к стене, он произнес:

— Мне бы хотелось полной ясности в наших взаимоотношениях до начала сегодняшнего вечера.

— Так вот на что вы намекали, говоря, что я явился своевременно.

Он кивнул.

— Сегодняшний вечер — особенный. Но вы, похоже, каким-то странным образом провели об этом.

— Похоже, да.

— Все золото достанется мне, — сказал Эллисон после короткой паузы. — Хотя я вынужден расстаться с изрядной долей моей собственности — в том числе и с этим поместьем.

— И с Анни? — спросил я. — Она входит в цену за золото?

Он снова молча кивнул.

— Но мне хотелось бы, чтобы вы были на моей стороне, Перри, когда придет время забирать слитки золота. Да, я пообещал отдать им Анни. Я пообещал бы что угодно, лишь бы работа была выполнена. Что же касается истинного состояния дел, после получения золота... С них довольно огромной недвижимости, что я им отдаю, бриллиантов и моих вкладов в иностранных банках. Я получу взамен золото, а вы получите Анни. И плевать на их негодование.

— До какой же степени вы хитры, Эллисон! — сказал я. — Настоящий Макиавелли. Могу ли я довериться столь коварному человеку — даже если бы мне захотелось этого!

Хозяин Арнхейма тяжело вздохнул. Потом долгое время стоял потупившись. Прошла по меньшей мере целая минута в полном молчании. Или он в прошлом действительно был актером и умел держать эффектные паузы, или же он и впрямь глупо задумался.

Наконец он произнес:

— Ну что ж, так тому и быть.

Эллисон сунул руку под свой шелковый халат и извлек откуда-то серебряную флягу. Он отвинтил ее крышечку и поводит открытым сосудом перед моим носом. Пахло виски.

Крышечка была размером с обычный здешний стаканчик для крепких напитков. Эллисон наполнил ее — и одним махом выпил. Когда он протянул флягу и крышечку мне, я последовал его примеру.

— Я сам попал в этот мир случайно, во время странного шторма на море, — сказал Эллисон. — Очевидно, в тот же момент мой двойник очутился в моем мире. Таким образом, я знал, что переход из мира в мир принципиально возможен. Мне понадобилось очень много времени на разгадку того, благодаря

чему это возможно. Знакомство мое с Гризуолдом и доктором Темплтоном произошло именно на этой почве — мы совместно искали пути перехода из мира в мир. Но мои компаньоны стали не в меру алчны — что особенно проявилось во время недавних событий и в условиях нашей последней сделки.

Он предложил мне еще один колпачок виски, но я отказался. Тогда он выпил сам — и спрятал флягу.

— Поэтому у меня нет угрызений совести, — продолжил Эллисон, — по поводу того, что я не выполню части условий этой бессовестной сделки. Если девушка так дорога вам — она ваша, и делу конец.

Я в растерянности сел на ступени и стал массировать виски.

— Когда между людьми кровное родство, им проще прийти к соглашению, — сказал Эллисон после долгой паузы.

— Да пропадите вы пропадом, сэр, с вашим родством! — воскликнул я.

— Ну, я не прошу сыновнего сочувствия. Я прошу только поддержки. Мы перехитрим мерзавцев и одержим победу. Я получу золото, вы — свою возлюбленную, а эти негодяи огребут столько денег, что будут возмущаться не слишком громко. Они предпочтут немного недополучить, чем получить слишком много — свинца в грудь.

— Насколько я заметил, ваши военные отряды примерно равны по силе.

— У меня припрятано столько вооруженных людей, — сказал Эллисон, — что перевес в мою сторону будет более чем очевиден. Они сдадутся без боя. Так что придется им убраться восвояси. И пусть после этого клянут меня последними словами — мне от этого ни тепло ни холодно.

— А как быть с фон Кемпеленом?

— Известно как.

— Он должен остаться в живых.

— Да вам-то что?

Я вспомнил, как пучеглазый мужчина потчевал нас чаем в Париже и так смешно волновался за нас, когда мы дали деру по крышам... Спору нет, человечек он поганенький, себе на уме. С другой стороны, он не убийца, не сумасшедший, да и вообще не принадлежит к хищникам. Скорее он простодушный, много о себе возомнивший теленок, который вздумал заключить сделку с волками. Но объяснять все это прожженному Эллисону? Пустое дело.

Поэтому я сказал коротко:

— Просто мне так хочется.

Он потянулся под халат за фляжкой, затем передумал.

— Но мне придется наблюдать за ним до самой его смерти, чтоб он еще раз не претворил свинец в золото! Какие хлопоты!

Я криво усмехнулся.

— Они вам по силам. Не разоритесь.

— «Проклятье, сэръ», — процитировал Эллисон откуда-то. — «Коль таковы условия ваши — согласен. Стоит ли ссориться из-за пустяков?»

— Не стоит.

Он бросил сигару на пол и раздавил ее.

— Вот и хорошо. А теперь мы должны согласовать подробности, чтобы действовать в унисон. Выработаем план действий, договоримся об условных репликах, после которых все закрутится по-нашему. А пока я расскажу, откуда мы явимся и в какие двери юркнем, когда станет по-настоящему горячо...

Позже мы спустились в глубокий подвал, освещенный лишь факелами и свечами. Помещение напоминало многократно увеличенную парижскую лабораторию фон Кемпелена. Работали несколько печей. Повсюду стояли сосуды, пробирки, реторты, перегонные кубы и змеевики. Но основное происходило в больших чанах, расположенных в хитрой и непонятной для меня последовательности.

Посреди комнаты на брезенте лежали груды темного металла. Анни, в простом сером балахоне, стояла у одного из чанов и помешивала его содержимое парой железных прутьев. Увидев на пороге меня, она бросила прутья и кинулась ко мне. Мы обнялись.

— Я знала, что ты придешь сегодня!

Фон Кемпелен вытаращился на меня, потом воскликнул:

— Постойте, да я же знаю вас! Вы были с тем коротышкой и с большущей обезьяной!

Я кивнул.

— С тех пор я много побродил по свету, — сказал я. Затем обратился к Анни: — Дорогая, нельзя ли нам уйти отсюда?

Она вопросительно взглянула на фон Кемпелена.

— Иди, иди. Мы закончим загрузку попозже, — кивнул тот.

Я взял Анни за руку и увел прочь из этого подземелья — через анфилады комнат в сад.

Через некоторое время, когда мы лежали на полянке посреди прекрасного сада, согретаемые солнцем, любовались золотистыми деревьями, я спросил:

— Так, значит, процесс получения золота включает в себя использование животного магнетизма?

— Это неременный элемент для превращений большого масштаба, — пояснила она. — Вся тайна заключается в нем. И это месмеризм особого рода.

— Вот как? Особого рода? В чем же особенность?

— Мы привлекаем энергию из другого мира. В момент, когда возвращение По станет невозможным и двери за ним закроются окончательно, высвободится огромное количество нужной нам энергии.

— И это случится сегодня вечером — во время вашей работы?

— Им того хотелось бы, — сказала Анни. — Но этого не произойдет. Я отнюдь не держала двери в другой мир открытыми — им на потребу.

— Ты потеряла меня.

Она улыбнулась.

— Нет, я никого не потеряла. Даже По. Я намереваюсь дать им их проклятое золото, но одновременно — вернуть По. И мы, все трое, наконец объединимся. Здесь, в этом месте.

— Я не ученый, — сказал я, — и мои опыты в сфере месмеризма только-только начались. Но даже не зная математики, которая предоставляет необходимые доказательства, я совершенно уверен в очевидной вещи: существует закон сохранения — Вселенная дает только тогда, когда получает что-то взамен. Какова цена того, что произойдет?

Она опять улыбнулась.

— Мистер Эллисон не знает, что мне известен его секрет, — произнесла Анни. — Он с Земли. Из того мира. Поэтому я могу обменять его на По — и лишь после этого закрыть двери между мирами. Вот так мы и воссоединимся, а мистер Гризуолд будет нам безмерно благодарен.

— Еще бы ему не быть благодарным! — сказал я. — Так вот что ты задумала!

— Да.

Как будто я смотрю на крутящийся вихрь — что ни секунда, то он другой. Чей план победит? Сумеет ли Анни осуществить задуманное? А ну как и фон Кемпелен не простодушный олух! Вдруг у него имеется секретная армия гомункулусов, которые в нужный момент этого октябрьского вечера объявятся, дабы склонить чашу весов в его сторону? Похоже, я один затесался в эти события без хорошо и заранее продуманного коварного плана!

Я вздохнул, поцеловал Анни и попросил:

— Расскажи мне побольше о месмеризме. Если мы способны концентрировать такие объемы энергии, наверное, есть способы как-то держать их под контролем.

— О, разумеется, — сказала она. — У нас должны быть инструменты такого контроля...

В ту ночь на воскресенье седьмого октября — да-да, именно в ту ночь, далеко за полночь, мы спустились в лабиринт подземелья арнхеймского дворца, дабы свершить долгожданное превращение свинца в золото.

С одной стороны подземной лаборатории толпились вооруженные головорезы Сибрайта Эллисона, с другой — телохранители Нечистой Троицы. Их было человек по сорок — уже по этому можно судить о размерах подвала. У каждого из охраны было или ружье, или несколько пистолетов за поясом. А холодного оружия — не счесть.

Я поехал, представив бой с применением огнестрельного оружия в таком месте: сотни пуль рикошетируют от каменных стен! Одно слово, штатские, воображающие себя большими вояками... Заблаговременно, когда в лаборатории был только фон Кемпелен, занятый своим делом, я забежал и вырыл окопчик на случай беды — неглубокую яму за грудой свинцовых заготовок — и прикрыл ее брезентом. Ночью я старался держаться поближе от нее. Эти олухи и впрямь могут затеять перестрелку — тогда я схвачу Анни и нырну в окопчик.

Фон Кемпелен прилежно соединял шланги и трубы, ведущие от чана к чану, от емкости к емкости. Вся система замыкалась на кучу свинца. Анни восседала на сверкающем черном кресле — по-моему, оно было сделано из обработанных глыб обсидиана. На моей любимой было что-то вроде стеклянного шлема, затылком она упиралась в золотую полосу на высокой спинке, а в руках держала по длинному жезлу, которыми она могла касаться кучи свинцовых болванок.

Немецкий алхимик прошептал ей последние инструкции, затем кивнул Эллисону и прочим. Тут в помещении прекратились все разговоры. Установилось понятное психологическое напряжение. Я шагнул в сторону Анни и ощутил, как концентрируются вокруг нее месмерические силы, которыми она начинает манипулировать. Я замер. Тут вдруг задрезжал один из чанов. Невидимая и неизвестная сила, источаемая Анни, заставила звенеть и резонировать остальные емкости.

Казалось, что я слышу чудовищно высокий вой — и моя го-

лова вдруг стала разламываться от боли. Напрасно я пробовал закрыть уши — это не помогало, хотя и остальные пытались заткнуть себе уши.

Затем омерзительный звук исчез, а в центре подвала в полумраке внезапно возникли и поплыли в воздухе едва различимые образы — какие-то диковинные рыбы по-над странными волнами... И вновь началась невидимая пульсация воздуха. Теперь воздух ходил густыми волнами — до того плотными, что на них, казалось, ничего не стоило опереться. Впрочем, после вчерашних тренировок вместе с Анни я менее испугался этого феномена, ощущая некоторую возможность контролировать его усилием своего сознания.

На какое-то мгновение вернулся одуряюще-высокий звук, затем пропал. Над чанами и котлами, а также над кучей свинцовых болванок замелькали многоцветные вспышки. Руки Анни побелели — с такой силой она сжимала два жезла.

Затем началась эта удивительная рябь. Человек, на которого я смотрел в тот момент, вдруг немного расплылся и стал расквашиваться, будто я видел его отражение на возмущенной глади озера. И остальные предметы утратили четкость контуров, заколебались. Казалось, ничто вокруг не изменилось — и все было не похоже на себя. Можно сказать, все предметы в подвале била мелкая-мелкая дрожь.

Цветные вспышки сменились ровным свечением — преимущественно золотисто-желтым. А зримая вибрация не прекращалась.

Я сделал еще один шагок в сторону Анни. Возле нее шла концентрация невидимого давления. Серые свинцовые болванки вдруг на мгновение полыхнули желтоватым вибрирующим цветом. Через секунду феномен повторился — теперь свинец окрасился отчетливо. Казалось, куча свинца меняет не только цвет, но и форму, съеживается по мере того, как золотое сияние усиливается, и расширяется, когда золотое сияние почти пропадает.

Я посмотрел на Эллисона. Он улыбался.

Частота вибрации увеличилась. Пульсация цвета свинцовых болванок — из серого в золотой, из золотого в серый — учащалась. Затем период желтизны стал удлиняться, а период, когда болванки оставались изжелта-серыми, стал сокращаться. Болванки начали будто попрыгивать, тереться друг от друга, некоторые свалились с кучи.

Я снова бросил взгляд на Эллисона. Мне почудилось, что он стоит объятый пламенем. Но сам он, похоже, этого не замечал.

И тут вибрация и пульсация разом прекратились. Я зрел слитки золота там, где недавно находилась куча свинца.

Казалось, все присутствующие разом ахнули.

О, это божественное тусклое свечение! Его ни с чем не спутать! И мы впитывали его жадными глазами...

Я перевел взгляд с золота сперва на Анни, потом на Эллисона, по-прежнему объятого огнем. Затем с Эллисона на Анни.

Ничего не происходило. Никто не пошевелился. Но что-то должно же произойти! Не может же это длиться вечно! Какое-то движение, жест, нечто, что прервет гипнотическое онемение всех членов...

Анни вскрикнула. И огонь, струившийся вокруг Эллисона, разом исчез.

В то же мгновение Анни надрывно простонала:

— По умер.

Гризуолд довольно осклабился. Анни отшвырнула жезлы и сорвала с головы стеклянный шлем.

По подземелью словно порыв ветра пробежал — будто некий гигант горестно вздохнул. И тут же пол под нами и стены вокруг нас трянуло, как при сильном землетрясении.

Куча золотых слитков вдруг раздалась в объеме, мгновенно утратила неповторимый цвет золота, стала уныло серой — и рассыпалась.

Гризуолд завизжал, Эллисон издал утробный стон. Но охранники стояли совсем одуревшие — никто из них, к счастью, не схватился за пистолет.

Анни повторила два страшных слова — теперь тихо-тихо, но четким голосом:

— По умер.

И, как эхо ее словам, подвал опять трянула неведомая сила, факелы заходили ходуном в своих настенных креплениях. Мы слышали, как над нами рушатся стены. Из дверей, ведущих вверх, и с потолка посыпалась пыль.

Все устремили взгляды вверх. Кто-то завопил от страха. А треск и грохот наверху все усиливался.

Дочитав это предложение, я вздрогнул и на мгновение оторвался от книги; мне почудилось (впрочем, я незамедлительно принял это за обман моего перевозбужденного воображения), что из самой дальней части особняка донесся почти неуловимый звук, который по характеру своему в точности напоминал эхо (хотя, разумеется, приглушенное и смутное) того самого треска и хруста,

что так ярко описал сэръ Ланселот. Вне сомнений, мое внимание приковало именно совпадение, и только оно; потому что, посреди стука ставень и обычной смеси шумов нарастающей бури, этот звук как таковой не имел в себе ничего особенного, что могло бы заинтересовать или насторожить меня. Я продолжил чтение...

Вслед за этим раздалась глухие удары — словно по всем стенам подземелья били гигантскими кувалдами. Затем послышался треск. Казалось, весь подвал заходил ходуном, стены норовили разбежаться, а с кучи серых болванок обрушились на пол новые бруски свинца. Эллисон, быстро озираясь, бегом устремился к лестнице. Через мгновение Нечистая Троица последовала за ним. Но тут словно гром прогремел — и нас потрянуло уже совсем страшно.

— По умер, — эти слова, произнесенные снова, теперь шепотом, гремели во всех уголках подвала.

«Тут Этельред воздел свою булаву и ударил ею по голове дракона, кой пал наземь, и зловонное дыхание навеки излетело из него с ревом столь могучим и пронзительным, что Этельред был принужден прикрыть руками уши, дабы его не оглушил звук доселе неслышанной силы».

Здесь я опять прервал чтение, ибо теперь был исполнен живейшего удивления — так как уже не сомневался, что в это мгновение до меня откуда-то очень издалека донесся (хотя я бы затруднился сказать, с какой именно стороны) низкий звук, могучий и долгий, какой-то совершенно необычайный — не то вой, не то скрежет, в точности тот самый звук, который, в согласии с описанием романиста, представился моему воображению как противоестественный предсмертный визг дракона.

Рухнувшая груда камней завалила выход из подземелья. Теперь многие доселе грозные мужчины в панике визжали. Все побросали оружие и думали лишь о том, как бы выбраться из проклятого подвала.

Тем временем Анни вытянула перед собой руки и стала водить ими из стороны в сторону. Словно повинувшись ее движениям, весь дворец стал раскачиваться. Наверху раздался страшный грохот и треск. Дом ритмично сотрясался.

Затем потолок подземелья треснул в пяти-шести местах, из щелей посыпалась пыль. Опять грохот и треск — и с потолка посыпались балки и камни. Раздались предсмертные вопли и стоны тех, кто оказался погребен под руинами.

Было впечатление, что пришедший в мир разрушительный ураган своим воем без слов оплакивает По. Откуда-то потянуло едким запахом дыма...

Глаза ярко-серые. Над лбом выются каштановые волосы. Ручки — залюбуешься, изящной формы, с длинными пальчиками. Голубенькая юбочка и белая блузка были в песке, а подол юбки сильно промок. Пухлые губки девочки гневно дрожали, пока она осматривала разрушения, метая гневные взгляды в его сторону. Однако из серых глаз не выкатилось ни одной слезинки.

— Простите, пожалуйста, — снова пролепетал он.

Она демонстративно отвернулась от него. А через мгновение вдруг размахнулась босой ножкой. Бац! — и еще одна стена рассыпалась. Бац! — и еще одна башня рухнула.

— Не надо! — закричал он и кинулся к ней. — Прекратите! Пожалуйста, прекратите!

— И не подумаю! — взвизгнула девочка, с остервенением двигаясь вперед и норовя закончить разрушение. — Вот так! Так!

Он схватил ее за плечики, а она вырывалась, и брыкалась, и крушила песочный замок...

Я вцепился в ее плечо. Весь чертов потолок собирался обрушиться на нас — падали объятые огнем балки, камни, доски...

— Анни! Останови все это! — прокричал я.

Казалось, она даже не осознает моего присутствия. Где-то над нами рухнула стена дворца. В то же мгновение я понял, что настал конец — вся эта стенища с ее дурацкими орнаментами проломит потолок подвала и рухнет прямо на нас...

— Анни!

Она взмахнула рукой — и земля рядом с нами стала расступаться. Я с размаху дал ей пощечину, чтобы она пришла в себя.

Но она уже падала в расщелину — я едва успел подхватить ее. Тогда я иступленно воззвал к той, с кем установил невидимую связь еще в Испании — до того, как отправиться в Толедо.

— Лигейя!

Поднимая Анни на руки, я увидел вдали Лигейю — в серебристом проеме света.

— Я жду, — произнесла она. — Я прошла свою половину пути. Встречайтесь со мной на середине.

Серебристый светящийся коридор удлинился от нее к нам. С Анни на руках я бегом поспешил по коридору света — туда, где нас ждала спасительница. А за моей спиной раздался чудовищный грохот, словно разом заговорила тысяча водопадов.

Не оглядываясь, я продолжал бежать.

Глава 15

Спустя несколько месяцев я узнал, что, к величайшему моему удивлению, мое имя было упомянуто в завещании Сибрайта Эллисона, и я унаследовал от него небольшое ежемесячное содержание, а также особняк под названием Лэндорс Коттидж, где мы с Анни проживаем в данное время и где я пишу эти воспоминания.

Наши друзья, в частности Дирк Петерс, время от времени приезжают навестить нас.

Мы не забыли Эдгара Аллана По, покинувшего разом два мира, что стало горестной утратой и для одного мира, и для другого.

Ах, как бы нам хотелось, чтобы он мог разделить с нами прелести жизни в милом зеленом уголке, где у самого особняка столько васильков, тюльпанов, маков, гиацинтов и тубероз, а дальше — луга, рощи, тихие прудики с кувшинками у берегов.

Но временами мы открываем другую, заднюю дверь нашего милого жилища — и тогда оказываемся на туманном берегу, где катятся теплые, как кровь, морские волны и колышутся бесформенные тени. Оттуда мы совершили не одно полуночное путешествие в пределы странные и малоизведанные, о существовании коих мы бы ничего не знали, если бы на Земле однажды не жил наш любимый брат.

Вот за демонами следом,
Тем путем, что им лишь ведом,
Где, воссев на черный трон,
Идол Ночь вершит закон, —
Я прибрел сюда бесцельно
С некой Фулы запредельной, —
За кругом земель, за хором планет,
Где ни мрак, ни свет и где времени нет.

«Страна сновидений». Эдгар Аллан По

МАСКА ЛОКИ

Пролог

Сильный жар опалил ей лоб и обжег горло. Пересохшие губы искривились в гримасе. Помада запеклась коркой и вздулась пузырями, словно асфальт под палящим солнцем.

Александра Вель на два шага отступила от печи. Это было ошибкой. Из-за резкого перепада температур мелкие капельки пота выступили у нее на лбу, на нижней губе, на шее. Она почувствовала, как шелковая блузка, впитав влагу, прилипла к телу.

— Мистер Торвальд? — позвала она. — Айвор Торвальд?

Человек, колдовавший над мехами в глубине комнаты, поднял голову и кивнул. Мгновение Александра следила за тем, как колышется из стороны в сторону его футболка. Потом подошла поближе, пытаясь разглядеть то, над чем он работает, и встала у него за спиной.

Кусок расплавленного стекла, большой и красный, словно спелый помидор. Но краснота эта — не холодная краснота влажной кожицы плода, а яростная краснота внутреннего жара. Из самой сердцевины стекла исходило желтое сияние — память об огне. Торвальд держал стекло на конце стальной трубки, округляя и сглаживая, прокатывая по обожженной деревянной форме. Простеганные металлической нитью рукавицы защищали от жара его руки, а на ногах, как рыцарские доспехи, блестели подвязанные кожаными ремнями металлические пластины.

После сотни поворотов в форме стекло остыло и почернело. Торвальд встал, приподняв стальную трубку, отодвинул обожженную форму, повернулся — едва не задев лицо Александры — и кинул стекло в печь. Стержень он повесил на скобу.

— Что вы хотите? — спросил Торвальд, осматривая ее придирчивым взглядом с головы до ног: прилипшая к телу белая блузка, широкий пояс, туго охвативший узкую талию, прямая черная юбка, обтягивающая бедра, колени...

— Вы выполняете частные заказы? — быстро спросила она.

— Смотря какие.

— И от чего это зависит?

— От того, интересно мне это или нет.

Один из этих, подумала Александра и призывно повела бедрами.

— Ну ладно, — сурово сказал он. — Что вы хотите?

Александра покопалась в сумке, висящей на плече, и вытащила конверт. Открыв клапан, она вытряхнула на стол содержимое, стараясь не касаться его пальцами.

Торвальд подвинулся ближе, взглянул на нее, словно спрашивая разрешения, и снял рукавицу. Рука оказалась на удивление белой. Взяв двумя пальцами один из выпавших обломков, он повернулся к свету, к открытой двери.

— Оникс. Или сардоникс, из красно окрашенных.

— Вы можете превратить его в стекло?

— Этого мало. Сколько в них? Карат пятнадцать-двадцать от силы. Или у вас есть еще?

— Это все, что я смогла... все, что у меня есть.

— Оставьте их себе на память.

— А не могли бы вы смешать их с другими... из чего вы делаете стекло?

— Конечно, ведь оникс просто разновидность кварца. Окись кремния. Почти то же самое, что стекло. Взять эти ваши два кусочка, добавить в расплав и — пфф! — дело сделано. Они даже окрасят его, ровно настолько, насколько я с ними поработаю. Но не сильно, не так хорошо, как хотелось бы.

— Прекрасно. Чем слабее, тем лучше. А еще лучше, чтобы окраски не было вообще. Просто чистое стекло.

— Тогда зачем что-то добавлять?

— Так надо. Это все, что я могу сказать вам. Ну, беретесь за заказ?

— Какой? Точнее!

— стакан. стакан для питья, с этими вплавленными кусочками — сардоникса, так, кажется, вы его назвали?

— стакан... — Он поморщился. — Кубок? Бокал?

— Нет. Высокий стакан для воды. Прямые стенки, плоское дно.

— Ничего интересного. — Он повернулся к печи и взял стальную трубку.

— Я хорошо заплачу. Сотню, нет — тысячу долларов.

Его руки, приготовившиеся поднять трубку, снова опустились.

— Уйма денег.

— Эта вещь должна быть совершенной. Неотличимой от заводских стаканов.

— Своего рода игрушка? Для вечеринки богачей?
— Точно! — Александра Вель одарила его широкой улыбкой, на сей раз искренней. — Приглашение на вечеринку.

Сура 1

КОРОНАЦИЯ

От сапог крестonosца разлило лошадиным потом. Подол тяжелого шерстяного плаща был облеплен дорожной грязью, осыпавшейся с каждым его шагом на мраморные плиты. Деревенщина!

Но Алоис де Медок, Рыцарь Храма, магистр Антиохийский, раскрыл навстречу гостю объятия:

— Бертран дю Шамбор! Прodelать такой путь! Вижу, ты так спешил, что даже не остановился почистить сапоги!

Он похлопал кузена по плечу и осторожно обнял его. В воздух поднялось облако пыли. Алоис чихнул.

Отпустив Бертрана, он оглядел его с головы до пят. Появились новые шрамы, явно нанесенные мечом: об этом можно было судить по характеру рубцов. Тяжелая проржавевшая кольчуга Бертрана была кое-где подновлена. Белая туника, украшенная прямым красным крестом, как у тамплиеров (вскоре он познакомится с их обычаями), была покрыта заплатами. Квадратные заплаты скрывали изношенные места, прямая штопка — следы кинжала. Но все же кольчуга сослужила службу хозяину: на белой ткани туники не было ни одного бурого пятна.

«Сберегла для меня», — подумал Алоис.

Как и его кузен, тамплиер носил белую тунику, но не из грубой шерсти, а из мягкой прохладной льняной ткани. Как и у Бертрана, у него был капюшон из стальных колец, только кольца эти были легкими, из тончайшей проволоки дамасской работы.

Алоис отступил на шаг и сделал знак стоявшему у входа сарацинскому мальчику. Одеание слуги из тонкого льна, его сапожки из антилопьеи кожи и тюрбан из чистого хлопка свидетельствовали о богатстве хозяина. Мальчик торопливо зашуршал метлой возле Бертрана.

Алоис пнул его:

— Воды и тряпок! Убери эту грязь из моих покоев! И зажги сандаловых палочек, дабы освежить воздух!

— Да, господин! — Мальчик выбежал.

— Итак, Бертран, чем могут служить тебе тамплиеры Антиохии?

— Епископ велел мне во искупление грехов совершить деяние на Святой земле. Но мне хотелось бы славы.

— Славы Господней, разумеется?

— Разумеется, кузен. В том-то все и дело. Чтобы доплыть до безопасной гавани... Путешествие оказалось слишком дорогим... А еще — банды язычников... Вот почему я потерял в пути почти все, что имел.

Алоис улыбнулся — мягко и вкрадчиво, похлопал кузена по плечу и усадил в кресло из ливанского кедра. «В конце концов, шерстяной плащ не такой уж грязный...»

— Сколько людей было у тебя вначале?

— Сорок рыцарей, яростных и неустрашимых, как берсеркеры.

— Обоз?

— Лошади, оружие, доспехи, провиант, вино, телеги для добычи. — Бертран усмехнулся. — Грумы и лакеи, повара и поварята да еще случайно подвернувшиеся девки.

— И что осталось?

Улыбка Бертрана угасла.

— Четверо рыцарей, шесть лошадей, одна телега. Девочек мы отдали пиратам в обмен на собственные жизни.

— Ну что ж, кузен, Если я не ошибаюсь, ты все-таки сохранил меч и кольчугу. Ты можешь поступить на службу к Ги де Лузиньяну после того, как его коронуют в Иерусалиме. Или, если пожелаешь, можешь присоединиться к Рейнальду де Шатийону, нашему герцогу. Это принесет тебе славу.

— Но я обещал епископу Блуа совсем другое. Я должен сам продумать и осуществить эту битву, битву во славу Господа нашего Иисуса Христа!

— С четырьмя рыцарями, без должного снаряжения? Да, нелегко...

— Я думал, ты сможешь.

— Я? Каким образом?

— Одолжи мне рыцарей.

— Рыцарей Храма?

— Ты же здесь глава над всеми.

Алоис поджал губы.

— Все мы братья во Христе в нашем Ордене. Я всего лишь слежу за порядком в этой обители. Не более того.

— Но ты же можешь убедить своих братьев.

— Последовать за тобой?

— Да, во славу Господню.

— Конкретнее?

— Освободить Гроб Господень!

— Ха, ха. Мы, христиане, уже владеем Иерусалимом, кузен. Голгофа, Гроб Господень, храм Соломона... Что еще хотел бы ты освободить во искупление грехов?

— Ну, я...

— Послушай! Что у тебя есть ценного?

— Ну... Ничего... Только то, что при мне.

— А дома?

— Моя фамильная честь. Герб, более древний, чем герб Карла Великого. Доход с семидесяти тысяч акров превосходной земли, недалеко от Орлеана, пожалованный старым королем Филиппом в год его смерти.

— Ничего, что принадлежит тебе?

— Жена...

— Ничего действительно ценного?

— Земельное угодье.

— Сколько акров?

— Три тысячи.

— Чистое и без долгов?

— Оно досталось мне от отца.

— Ты готов предоставить их в качестве коллатераля?

— Коллат... чего? — переспросил рыцарь.

— Залога. Орден одолжит тебе денег, на которые ты наймешь рыцарей и купишь лошадей, оружие, провиант. В обмен ты пообещаешь вернуть долги с процентами.

— Грех стяжательства!

— Такова жизнь, кузен.

— И сколько я получу?

— Полагаю, Орден мог бы предложить тебе тридцать шесть тысяч пиастров. Это тысяча двести сирийских динаров.

— А это много?

— В пятьдесят раз больше, чем потребовали за убийцу сарацинского султана. Подумай об откупных, которые мы, тамплиеры, и другие ордена получили, когда Генрих Английский устранил Бекета, простого монаха. А тут — убийство султана!

— Значит, за эти динары можно купить людей, оружие и преданность?

— Все, что потребуется.

— А что будет с моей землей?

— После битвы ты выплатишь долг с процентами из захваченной добычи. Ну а если не выплатишь — твои земли во Франции перейдут к нам.

— Я верну долг.

— Не сомневаюсь. Так что твоим землям ничего не угрожает, верно?

— Надеюсь, не угрожает... Тебе, как христианину и рыцарю, достаточно моего слова?

— Мне, кузен, было бы достаточно. Но Великому Магистру нужна бумага. Видишь ли, я могу умереть, но залог и твой долг перед Орденом останутся.

— Понимаю.

— Вот и хорошо. Я велю писцам подготовить бумагу. Тебе останется только поставить подпись.

— И после этого я получу деньги?

— Ну, не сразу. Мы должны отправить гонца в Иерусалим, за благословением Жерара де Ридефора, Великого Магистра.

— Понятно. Это долго?

— До Иерусалима и обратно — неделя пути.

— И где же в этой гостеприимной стране я буду жить все это время?

— Что за вопрос? Разумеется, здесь. Ты будешь гостем Ордена.

— Благодарю тебя, кузен. Теперь ты говоришь как истинный норманн.

Алоис де Медок улыбнулся:

— Ни о чем не беспокойся. Кстати, до обеда ты еще успеешь почистить сапоги.

...Стол в покоях Жерара де Ридефора, Великого Магистра Ордена тамплиеров, был семи локтей в длину и трех в ширину, но в огромных покоях, отведенных магистру в Иерусалимской крепости, казался не таким уж большим.

Сарацинские мастера украсили длинные боковины стола орнаментом из норманнских лиц: овал за овалом с широко раскрытыми глазами под коническими стальными шлемами; пышные усы над оскаленными зубами; уши — как ручки кувшинов, переплетающиеся от головы к голове.

Томас Амнет, взглянув на эту цепочку голов, сразу же угадал в ней карикатуру. «Господи Иисусе, — пробормотал он, — как же, должно быть, ненавидят нас эти несчастные! Нас, западных варваров, удерживающих их города силою оружия, верой в Бога-Плотника и силою древнего невидимого Бога».

— Что ты там колдуешь, Томас?

— А? Что вы сказали, магистр Жерар?

— Ты настолько углубился в изучение стола, что, похоже, даже не слушаешь меня.

— Я слушаю вас внимательно. Вы хотели знать, достоин ли Ги де Лузиньян короны.

— Выбирает Бог, Томас.

— И в какой-то мере Сибилла. Она мать покойного короля Балдуина, сестра Балдуина Прокаженного, который был до него, и дочь короля Амальрика. И теперь она избрала Ги своим супругом.

— Что еще не делает его королем, — заметил Жерар. — Все, что я хочу знать, — это: должен ли Орден поддержать Ги де Лузиньяна или же использовать свое влияние в пользу князя Антиохийского?

— При условии, разумеется, что сначала князь Рейнальд откажется от попытки силой захватить трон?

— Разумеется. Ну а если не откажется...

— Рейнальд де Шатийон — чудовище, но это вы и сами знаете, мой господин. Когда патриарх Антиохийский проклял Рейнальда за то, что тот ограбил императора Мануэля в Константинополе, — продолжал Амнет, — князь велел своему парикмахеру обрезать старику волосы и сбрить бороду, оставив ожерелье из неглубоких порезов на шее и корону на лбу. Потом Рейнальд намазал ему раны медом и держал патриарха на высокой башне под полуденным солнцем, пока мухи чуть не свели его с ума.

Рейнальд напал на поселения на Кипре, полностью разграбил их и три недели жег их церкви — церкви, Жерар! — и урожай, убивал крестьян, насиловал женщин, вырезал скот. Этот остров долго еще не оправится после нашествия Рейнальда де Шатийона.

Едва ли он исходил из благих побуждений, когда захватил в Красном море и сжег судно с паломниками, направлявшимися в Медину. Ходили слухи, что он собирался захватить Мекку и сжечь этот святой город, оставив на его месте пустыню. И он действительно смеялся, когда тонущие паломники молили о пощаде.

— Постой, Томас. Разве убивать неверных — не христианский долг?

— Одной рукой Рейнальд громит христиан на Кипре. Другой — расправляется с сарацинами в Медине. Саладин, Защитник Ислама, поклялся отомстить этому человеку, в том же поклялся и христианский император Константинополя. Рейнальд де Шатийон опасен любому, кто находится в пределах досягаемости его меча.

— Поэтому ты советуешь мне поддержать Ги?

— Ги глуп и будет самым плохим королем из всех, кто когда-либо правил здесь.

— Ты предлагаешь мне выбор между дураком и бешеным псом? Скажи, Томас, ты *видел* царствование Ги от Рождества Христова 1180 до Рождества Христова только-ты-и-дьявол-знает-какого?

— В Камне, мой господин? Зачем прибегать к магии, когда ответ ясен даже ребенку? Именно Ги устроил в Араде резню мирных бедуинских племен для того лишь, чтобы позлить христианских владык, собирающих с них дань.

— Томас, еще раз спрашиваю, разве убивать язычников дурно?

— Дурно? Я не сказал «дурно». Просто глупо, мой господин. Когда нас здесь один на тысячу. Когда каждый француз, чтобы попасть сюда, должен переплыть море и проехать по пыльным дорогам, отвоевывая каждый шаг у пиратов, язычников, разбойников и подавляя кровавые бунты собственных кишок. Когда неверные тысячами вырастают из песка, как трава после весенних дождей, и каждый вооружен острым как бритва клинком, и каждый слепо предан своим коварным языческим вождям. Поэтому будет разумнее оставить рассуждения о том, что дурно, а что хорошо, а бедуинам позволить спокойно спать у своих коловцев и платить нам дань.

— Ты упрекаешь меня, Томас?

— Мой господин! Я упрекаю такого дурака, как Ги де Лузиньян, и такую скотину, как Рейнальд де Шатийон.

— Но, как Хранитель Камня, ты обязан дать мне совет. Скажи, достаточно ли силен Ги, чтобы устоять против Рейнальда де Шатийона?

— Какое это имеет значение? — ответил Томас. — Мы устоим.

— Значит, мы должны поддержать Ги?..

— О, Ги будет следующим королем в Иерусалиме. Не бойтесь.

— Но я не о том спрашиваю...

Резкий стук в дверь прервал магистра.

— Кто там? — рявкнул Жерар.

Скрипнула дверь, и молодой слуга, полукровка, сын норманна и сарацинки, заглянул в комнату. Таких, как он, в услужении у тамплиеров было много, именно так чаще всего поступали с незаконнорожденными. Разгоряченное лицо слуги было покрыто дорожной пылью. Испуганные голубые глаза смотрели устало.

— Мой господин, я прибыл из Антиохии с известием от сэра Алоиса де Медока.

— Это что, не может подождать?

— Он сказал, это срочно, мой господин. Что-то о богатом простаке, которого можно пощипать.

— Очень хорошо, давай письмо.

Юноша достал кожаный кошель и передал Жерару. Тот острым кинжалом разрезал тесемки, вытащил свиток и сломал восковую печать. Развернув желтоватый пергамент, Жерар поднес его к глазам... печально вздохнул и передал Томасу.

— Неразборчиво. Наверное, Алоис писал в спешке.

Томас Амнет взял документ и молча начал читать.

Жерар наблюдал за ним с некоторой неприязнью. Воины, умеющие читать, все еще были редкостью в мире Амнета. И хотя многие тамплиеры могли разобрать на карте название города или реки, тех, кто читал с легкостью, было очень мало. Амнет знал, что у Жерара де Ридефора достаточно власти, чтобы не бояться тех, кто умеет читать. Но сейчас магистра несколько раздражало сознание того, что Амнет способен что-то вычитать в пергаменте, который для него, магистра, оставался немым.

— Ну и что же там? — спросил он наконец.

— Сэр Алоис дал ссуду некоему Бертрану де Шамбору, своему дальнему родственнику. Под залог земельного угодья в Орлеане. Орден обязуется предоставить этому Бертрану рыцарей, пеших воинов, лошадей, оружие и повозки на сумму тысяча двести динаров.

— Размеры угодья?

— Три тысячи акров... Интересно, так ли уж плодородна та земля? Алоис об этом умалчивает.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы он имел дело с недоходной землей? Продолжай.

— Алоис считает, что мы купим благосклонность Рейнальда, передав эту землю его кузену, который в этом году собирается вернуться во Францию... Но, — возразил Амнет, — земля пока не наша. Как же мы можем распорядиться ею?

— Она вскорости будет нашей, — сказал Жерар.

— Откуда вы с Алоисом знаете это? У вас есть собственный Камень?

Жерар похлопал себя по лбу:

— О нет, мой юный друг. Зачем прибегать к магии, когда Господь наделил меня разумом? — Магистр рассмеялся собственной шутке. — Этот Бертран будет искать славы, чтобы искупить все грехи, которые успел совершить в своей короткой, но беспутной жизни. Ну что ж, дадим ему возможность прославиться.

— Какую же? — покорно спросил Томас.

— Мы скажем несчастному глупцу, что наивысшей славы он достигнет, только если займет цитадель гашишиинов Аламут.

— Ее не зря называют «Орлиным гнездом». Она неприступна.

— Да, но доблестный Бертран не узнает этого, пока окончательно не увязнет в осаде. А тогда будет слишком поздно. Молодой французский аристократ, жаждущий славы, против банды, казалось бы, безоружных ассасинов. Вот так мы подбросим скорпиона в постель шейха Синана, Горного Старца.

— И получим в награду три тысячи акров земли в Орлеане. — Томас Амнет на мгновение задумался. — Карл, — внезапно сказал он.

— А? — Жерар де Ридефор отвел взгляд от пергамента.

— Так зовут тоскующего по родине кузена Рейнальда. Карл.

— Неважно. Он примирит нас с Рейнальдом.

— Когда кормишь чудовище, лучше взять копые подлиннее.

— Поэтому скормим ему Бертрана де Шамбора — и сохраним пальцы.

Поднявшись в свою келью, Томас Амнет закрыл ставни и задернул занавески. На улице было прохладно, но не только от ветра хотел он укрыться.

Несмотря на беседу с Жераром де Ридефором, Амнета беспокоила близящаяся коронация Ги де Лузиньяна. Лузиньян — рыцарь на час, это было видно любому, тем более Томасу Амнету.

Десять лет в качестве Хранителя Камня сделали его более чутким к течению времени.

Обычные люди принимают каждый рассвет как начало нового дня, битву или дальнюю дорогу — как очередное испытание, из которого нужно выйти победителем, раны, болезни и, в конце концов, смерть — как неожиданность.

Амнет же принимал любое событие как часть единого целого.

Каждый день — как звено в бесконечной цепи лет. Каждую битву — как пешку на великой доске войны и политики. Каждую рану — как предвестие смерти. Амнет видел поток времени и себя как белую щепку в этом потоке.

Ну а Камень просто позволял подробнее рассмотреть этот поток.

Томас Амнет открыл старый кованый сундук и вытащил ларец, в котором хранился Камень. Ларец был сделан из орехового дерева, сильно почерневшего от времени, а изнутри — выстлан бархатом. Амнет окружил ларец правильной пентаграм-

мой, чтобы сохранить энергию и укрыть Камень от посторонних глаз.

Он поднял крышку и зажег тонкую свечу.

Камень слабо засветился, словно приветствуя его. Он походил на Мировое Яйцо — гладкий и сверкающий, округлый с одного конца и заостренный с другого.

Амнет взял Камень.

Как он и ожидал, по руке прошла вверх волна боли. Со временем, после долгого опыта, боль стала терпимее, но так и не уменьшилась. Это походило на ту дрожь, которую чувствуешь, сидя на лошади, когда стрела попадает ей в шею. Дрожь приближающейся смерти.

От прикосновения к Камню в голове его зазвучала музыка: хор ангелов пел осанну во хвалу и славу Господа своего. Эта божественная мелодия каждый раз повторялась вновь и вновь, стоило ему взять Камень. И сияние славы освещало темноту перед его глазами: пестрая радуга — словно солнечный луч, преломленный в кристалле. Цвета танцевали и вихрем кружились у него в голове, пока он не опустил Камень на стол.

Амнет тяжело дышал.

И, как всегда, ему показалось, что яйцо вот-вот прожжет дерево. Но энергии, исходящие из Камня, были иного рода.

Следующая часть ритуала предсказания была самой обыкновенной алхимией. Амнет смешал в реторте розовое масло, высушенный базилик, масло жимолости (за большие деньги привезенное из Франции) с чистой водой и драхмой дистиллированного вина. Сама по себе смесь не имела никакой силы, она лишь служила сырьем, фоном, на котором проявлялось действие Камня.

Взболтав смесь, Амнет поместил реторту над огарком свечи и зажег фитиль. Укорачивая его и удаляя плавящийся воск, Амнет то уменьшал, то увеличивал тепло. Жидкость должна испаряться, но не кипеть. Пары медленно поднимались к горлышку реторты, направленному на острый край Камня.

Амнет постиг это методом проб и ошибок. Сам по себе Камень был слишком темным, чтобы разглядеть что-нибудь внутри. Красно-коричневый агат, совершенно непрозрачный, если только не смотреть на его выпуклость по самой короткой хорде, да и то при ярком солнечном свете.

Энергии Камня воздействовали на окружающие предметы, но очень слабо. Дым или туман были для этих энергий слишком тяжелыми. Для них больше подходили испарения. Розовое масло, смешанное с водой, спиртом и травами, действовало лучше всего.

То, что показывал Камень, зависело от его настроения, а не от того, что мог — сознательно или бессознательно — принести на сеанс Томас.

Однажды Камень показал точное расположение золотых копей Приама, закрытых тяжелыми каменными блоками и землей Илиона. Амнет буквально загорелся идеей снарядить экспедицию и добыть сокровища, но в конце концов его одолели сомнения.

Конечно, Камень никогда не лгал, но можно было очень легко обмануться, пытаясь перевести порождаемые им видения в доступные человеку образы. Илион, который показывал Камень, мог и не быть историческим Илионом. То, что можно было разглядеть с помощью Камня, далеко не всегда совпадало с той реальностью, которую дано видеть простым смертным.

Хотя однажды Камень открыл Томасу истину. Он показал Орден тамплиеров как башню из отесанных глыб, где каждая глыба была молитвой, денежной ссудой или воинским подвигом. Девять Великих Магистров до Жерара, начиная с Гуго де Пена в 1128 году от Рождества Христова, плели интриги и сражались и отвоевывали место в Святой земле для северных франков — тех самых светловолосых воинов с горящими сердцами, которые пересекли Северное море, сначала для набега, потом — чтобы обосноваться на диком берегу, который Франция противопоставляет белым берегам Альбиона. А когда Вильгельм Завоеватель ступил на Британскую землю и начал войну против саксонцев, вместе с ним были те же самые Сыны Бури. И теперь, всего сто двадцать лет спустя, когда старый Генрих Английский воюет с юным Филиппом Французским, норманнские франки находятся между двух огней, возводя на троны и свергая королей. В то же самое время далеко за морем они, Рыцари Храма, спешат, оседлав быстроногих коней, чтобы помочь обоим королям предъявить права на Святую землю.

Камень показал Томасу Амнету историю Рыцарей Храма за прошедшие шестьдесят лет. В звенящих кольчугах, в плащах из белой шерсти с красными восьмиконечными крестами, вооруженные мечами и копьями, с норманнскими щитами в виде слезы, они, один за другим, проезжали мимо Томаса на лошадях: на белых — живые рыцари с полными жизни глазами; на черных — души умерших, в чьих глазах горело предчувствие суда Одина и воскресения в Вальгалле.

Урок был для Амнета поучительным. Первые рыцари, прочтавшиеся в его видении на черных лошадях, были стройными и загорелыми, с крепкими мышцами, с сильными, мозолистыми

руками, и на мечях их адела свежая кровь. Следующие, те, что на белых лошадях, — полные, бледные от долгого пребывания в четырех стенах. У них были изнеженные руки, слабые мышцы, на пальцах — чернильные пятна от записей долговых обязательств и владений.

Плащи первых тамплиеров пропахли дорожной пылью и кровью, льняные туники нынешних — ладаном и духами из будуаров проституток.

Это видение было истинным — и последним, которое Томасу Амнету удалось увидеть за несколько месяцев.

Сейчас Амнет должен попытаться еще раз. Лево́й рукой он направил испарения из колбы на край Камня, отключился от всего и опустил взгляд...

На него смотрел Ги де Лузиньян, безвольный, пресыщенный страстями, с высунутым языком. Длинные подвижные пальцы — цвета меди, как у сарацинов, — глядят его лоб, затылок, кожу на груди, спускаются все ниже... Ги вскрикнул и исчез в тумане.

Струйка испарений поднялась и застыла, темная в неверном свете свечи. Словно отразившись в неподвижной воде колодца, огонек превратился в безжалостное полуденное солнце. Утес посреди пустыни, похожий на палец дамы, которая призывает подойти поближе. Палец согнулся и исчез в тумане.

Черные усы, аккуратно подрезанные острым кинжалом, появились среди испарений. Над ними сверкнули два глаза, красные, как у волка, и узкие, как у кошки. Крылья усов поднялись, и губы раздвинулись в улыбке, обнажив превосходные зубы. Взгляд искал что-то в тумане, пока не встретился со взглядом Амнета. Орлиный нос снова, как женский манящий палец, поманил Томаса. Изображение стало расплываться, но, прежде чем возникла новая картинка, Амнет взмахом руки разогнал испарения.

Свеча под ретортой догорела, и все исчезло. Так всегда. Это лицо, эти волчьи глаза последние месяцы появлялись в каждом видении. Где-то, когда-то, в каком-то времени — настоящем, прошедшем или будущем — чародей уже объявил или еще объявит духовную войну Хранителю Камня. Подобные вызовы не были чем-то необычным: маги существовали всегда — и в прошлом, и в будущем. Но этот вызов именно сейчас нарушил порядок, свойственный внутренним энергиям Камня. Томас Амнет должен все обдумать и найти достойный ответ.

Он отодвинул реторту. Снова уложив Камень в шкатулку, не обращая внимания ни на волну боли, ни на хор ангелов, он

опустил крышку. Каждый раз, когда Амнет прикасался к Камню, Камень изменял его, делал более сильным, увеличивал познания.

Томас вспомнил день, когда получил его во владение от Алена, бывшего до него Хранителем Камня.

Старый рыцарь неподвижно лежал на смертном одре, раненный в легкое сарацинской стрелой. Два дня он харкал черной кровью, и никто уже не надеялся, что он увидит рассвет.

— Томас, подойди.

Томас покорно приблизился к постели, сложив руки на груди. Эти руки огрубели от рукояти меча. Ему было семнадцать, и он еще ничего не знал. Голова его была пуста, как стальной шлем.

— Капитул не смог найти тебе лучшего применения, потому тебя передали мне.

— Да, сэр Ален.

— Ордену нужен Хранитель Камня. Это не слишком важный пост. Не такой, как магистр или военачальник.

— Да, сэр Ален.

— Но все же к Хранителю относятся с некоторым почтением.

Рыцарь приподнялся на подушках, глаза его заблестели. Он смотрел куда-то вдаль, мимо Амнета.

— Камень опасен. Я знаю, что это орудие дьявола. Ты не должен прикасаться к нему часто, только в случае крайней нужды.

— Что же он такое, этот Камень?

— Первые отцы Ордена привезли его из северных стран. Он всегда был с нами. Наша тайна. Наша сила.

— Где Камень, сэр Ален?

— Всегда держи его при себе. Владей им ради блага Ордена. Пока Камень с тамплиерами, они не будут знать поражений. Но прикасайся к его поверхности как можно реже. Ради собственной...

Лихорадка, сжигавшая сэра Алена, казалось, набросилась на него, как бешеная собака, и вцепилась в горло. У него перехватило дыхание. Взгляд метнулся в сторону и остановился на Амнете. Последнее слово, которое он с хрипом произнес, было:

— ...души.

И все кончилось.

Амнет знал, что должен что-то сделать. Он опустил умершему веки, придержав их кончиками пальцев, как делают йомены на поле битвы. Нужно сообщить кому-нибудь о смерти сэра

Алена. Но сначала он должен найти Камень, который отныне принадлежит ему.

Где Камень?

Сэр Ален велел Амнету держать Камень при себе. Где же мог умиравший спрятать свое достояние?

Томас заглянул под кровать: знамена, пыль и накрытый ночной горшок. Он вытащил сосуд наружу: а вдруг старый рыцарь спрятал Камень именно там? Нет, горшок слишком мал для такого большого Камня.

Где еще?

Он откинул полог и принялся шарить под подушкой. Обиженная столь неподобающим обращением голова умершего повернулась, глаза открылись. Амнет наткнулся на что-то твердое. Он сжал предмет и медленно вытащил его.

Ларец из черного орехового дерева. Томас внимательно осмотрел крышку и, обнаружив, что ключа не потребуется, откинул ее.

Внутри лежал темный кристалл величиной с ладонь. В слабом свете трудно было разглядеть его. При вращении Камень казался то зловеще-кровавым, то коричневым, цвета охры, цвета жирной французской земли, вспаханной плугом в весенний день.

Амнет не внял последнему предостережению сэра Алена и дотронулся до Камня. Волна боли, небесная музыка и ярость, пожирающая его жизнь, — все, что отныне будет будоражить его сны и думы, — поднялись в душе от первого прикосновения. И Томас Амнет понял, что это мгновение навсегда изменило его.

Он нашел Камень, и Камень принадлежал ему.

Камень нашел его, и он принадлежал Камню.

В ту же секунду Амнет понял, что сила, заключенная в Камне, могла спасти сэра Алена от смерти, могла исцелить его раны. А еще он понял, *почему* старый рыцарь отказался от *такого* спасения.

Теперь, десять лет спустя, здесь, в своей келье, умудренный чтением многочисленных пергаментов (некоторые существовали только в видениях, дарованных Камнем), закаленный тысячами прикосновений к Камню, Амнет знал многое о силе Камня и ее действии.

Он знал, что не умрет, как остальные. Он, Рыцарь Храма, никогда не промчится на черном коне в видениях Хранителей

Камня. Никогда не увидит Одина Одноглазого у врат Вальгаллы. Никогда не преклонит колен перед Престолом Господним.

Прибирая на столе, Томас передвинул кусок свинца, который днем раньше использовал для починки чернильницы.

Металл словно вздрогнул от его прикосновения и превратился в желтую блестящую тростинку. Амнет взял в руки костяные пуговицы — те заискрились, словно льдинки в водопаде, превратившись в сверкающие хрустальные шары, резонирующие у него в руках с какой-то непонятной силой, издавая странные звуки.

Козни дьявола? Подобная мысль должна была бы смутить Амнета — христианина, Рыцаря Храма. У любого другого, оказавшись тот на его месте, кровь застыла бы в жилах.

Но Амнет слишком хорошо знал Камень. Камень принадлежал самому себе и обладал собственной внутренней логикой. Впрочем, не всегда его воздействие было столь устрашающим. Но что бы ни делал Камень с Томасом Амнетом, это не оскверняло его, а лишь очищало.

Он в изумлении смотрел на собственные руки и ждал, когда чудо исчезнет.

Файл 01

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ

Элиза 212: Доброе утро. Элиза 212, Объединенная психиатрическая служба, Грейтер Босваш Метрополитен. Пожалуйста, воспринимайте меня как друга.

Неизвестный: Ты машина. Ты мне не друг.

Элиза 212: Вам не нравится разговаривать с машиной?

Неизвестный: Да нет. Я делаю это всю свою жизнь.

Элиза 212: Сколько вам лет?

Неизвестный: Тридцать тр... а... двадцать восемь. Почему, собственно, я должен лгать тебе?

Элиза 212: Действительно, почему? Я здесь, чтобы помочь вам. У вас прекрасный голос. Глубокий, хорошо поставленный. Это связано с вашей профессией?

Неизвестный: То есть? Ты хочешь спросить, не диктор ли я?

Элиза 212: Или актер? Или певец?

Неизвестный: Я немного пою, совсем немного. Чаше я играю на фортепиано. Проклятие — я только и делаю, что играю на фортепиано.

Элиза 212: Вам нравится играть на фортепиано?

Неизвестный: Это все равно что дышать чистым кислородом. Это правда нечто!

Элиза 212: Что же вы играете?

Неизвестный: Вещи для фортепиано, я же сказал.

Элиза 212: Извините, пожалуйста. Я хотела спросить: какую музыку вы играете?

Неизвестный: Джаз. Баллады. Страйд.

Элиза 212: Страйд? В моем банке данных нет этого термина.

Неизвестный: Ну и приветик твоему банку данных. Страйд — это и есть настоящий джаз. Страйд играли черные пианисты в Гарлеме, в старом Нью-Йорке, в начале двадцатого столетия. Он отличается тем, что левая рука играет басы и гаммы — гаммы на полторы или две с половиной октавы ниже основной мелодии, а правая — синкопы в третьих и шестых, хроматические гаммы и тремоло... Страйд.

Элиза 212: Благодарю за разъяснение. Похоже, вы много об этом знаете.

Неизвестный: Дорогуша, я лучший исполнитель страйда в этом столетии.

Элиза 212: Могу я в таком случае узнать ваше имя для базы данных?

Неизвестный: Том. Том Гарден.

(Неизвестный 2035/996 Гарден, Том (Томас) NMI. Открыть психиатрический файл для записи дальнейшей информации.)

Элиза: В чем состоят ваши трудности, Том?

Гарден: Меня пытаются убить.

Элиза: Откуда вы это знаете?

Гарден: Вокруг меня происходит что-то странное...

Элиза: Что именно?

Гарден: Это началось недели три назад, когда машина заехала на тротуар в Нью-Хейвене. Я там был по личным делам. Большой «Ниссан» на огромной скорости въехал на тротуар.

Элиза: Вы пострадали?

Гарден: Мог бы. Если бы какой-то неизвестный не попал под машину и не был бы сбит с ног прямо передо мной. А потом он перевернулся, и его башмаки угодили в окно машины. Он выбрался, отряхнул пыль с коленей и исчез. Ушел, даже не дождавшись от меня «спасибо».

Элиза: Как он выглядел?

Гарден: Крепкого телосложения. Длинный пиджак из плотной ткани, типа габардина, башмаки тяжелые и высокие, как у кавалеристов старых времен.

Элиза: Цвет волос? Глаз?

Гарден: Он был в шляпе. То есть нет, не в шляпе, в чем-то вроде цилиндра, только с широкими полями. Может, сомбреро? Не могу сказать точно. Это произошло поздно вечером, в плохо освещенной части города.

Элиза: А что вы сделали с машиной?

Гарден: Ничего.

Элиза: Но она ведь пыталась убить вас. Вы сами сказали.

Гарден: Да. Теперь я знаю точно. Это был не первый случай, но то, что случилось раньше, могло оказаться просто случайным совпадением... Ну ты, наверное, понимаешь. Машина тут же исчезла. Вокруг не было ничего такого, что могло бы послужить доказательством.

Элиза: Так что вы ушли, как и тот, в сомбреро?

Гарден: Да.

Элиза: Что же за второй случай?

Гарден: Разрывные пули. Произошло это за неделю, а может, дней за десять до аварии.

Летом я снимал жилье в Джексон-Хейс. В таком старом каменном доме, разбитом на отдельные модули. Мое окно было на третьем этаже, слева.

Это случилось в семь утра, я отсыпался после работы. Я закончил выступление в два пятнадцать, перекусил и немного выпил. Так что домой я пришел где-то после трех и улегся спать. В семь, когда нормальные люди уже встают и принимают душ, я еще крепко сплю.

Элиза: Вы хорошо спали, Том?

Гарден: Прекрасно. Никаких пилюль. Просто закрыл глаза и мир. Но, как я уже говорил, в то утро, когда я был дома, кто-то стрелял по третьему этажу. Но по соседнему модулю, тому, что справа.

Элиза: Там кто-нибудь жил?

Гарден: А как же, молодая женщина. Я ее немного знал — Дженни Кальвадос.

Элиза: Ее убили?

Гарден: Не сразу. Первые две пули только разбили окно. Удивительно, но это синтетическое стекло способно выдерживать даже разрывные пули. По крайней мере первое попадание. Стрелок методично простреливал комнату. Пули попали в каждую двенадцатую книгу на полках. Одна угодила в телевизор, другая прошла через холодильник, третья — через шкаф. Они взрывались, как бомбы. Если бы Дженни осталась лежать, то, может, и уцелела бы, ведь ее постель была под окном и ее защищали семь дюймов старого кирпича плюс облицовочные плиты.

Он мог бы расстрелять комнату и, убедившись, что там никого нет, уйти. Но она вскочила и бросилась в туалет. Пуля попала в голову. Мозг забрызгал всю стену.

Элиза: Откуда вы знаете, что ее убила именно последняя пуля?

Гарден: Ну не настолько же крепко я сплю, да и стены не такие уж толстые. Я слышал, как Дженни кричала, когда вокруг нее разрывались пули. А потом пуля попала в цель, и все кончилось. Если не считать того, что целью была не она. Целью был я. Убийца ошибся, он выбрал не то окно.

Элиза: Почему вы думаете, что это было убийство? Стрельба — дело обычное.

Гарден: Потому что полицейские обнаружили то место, откуда он стрелял. Там остались следы на черепице, целая груда пустых бутылок и куча сожженных упаковок от лэнча. Лежак он сделал из старой стекловаты... Видимо, этот подонок использовал оптический прицел. Он хорошо подготовился.

Элиза: Возможно, он хотел убить именно ее, а не вас?

Гарден: Библиотекаршу? Одинокую, самостоятельную девушку двадцати шести лет? С чего бы?

Понимаешь, у Дженни были короткие каштановые волосы, совсем как у меня. Ну и в темноте стрелок вполне мог спутать ее с мужчиной, даже имея оптический прицел. Как я говорил, он, должно быть, спутал левое и правое крыло, принял ее за меня и убил. Думаю, так оно и было.

Элиза: Вы имели в виду именно это совпадение?

Гарден: Ну не только.

Элиза: Был еще выстрел?

Гарден: Ну и ну, да ты умница!

Элиза: Запись содержания и проекционный анализ. Я запрограммирована на то, чтобы все помнить и всем интересоваться, Том.

Гарден: Был еще один ночной выстрел в моем клубе. Недели две назад. Этот клуб называется «Пятьдесят-Четыре-Тоже»... филиал самого старого клуба. Итак, я играл там, как обычно, но все шло не так.

Почему-то слушатели никак не могли понять, что мое представление об исполнении полностью отличается от того, к чему они привыкли. Когда играю, я закрываю глаза, а они думали, что я сплю. Действительно, я иногда вскрикивал, играя коду или...

Элиза: Кода? А что такое «кода»?

Гарден: Такой музыкальный знак, который показывает, что надо вернуться и повторить пассаж, иногда немного изменив окончание.

Элиза: Благодарю вас. Я записала. Продолжайте, пожалуйста.

Гарден: Или, например, я мог выругаться, пропуская такт или два. Иногда я закусывал губу, а они считали, что я ошибся. Но когда у вас абсолютный слух, вы просто не можете играть неверно.

Элиза: И они плохо реагировали на вашу игру.

Гарден: Клубный кондиционер вышел из строя, и влажность воздуха сказывалась на звучании. Просто кошмар. У меня не было времени разглядывать толпу или следить за дверью.

Элиза: Следить за дверью? Зачем?

Гарден: Потому что все хорошее приходит через парадную дверь: меценаты и агенты студий, новые контракты и случайные приглашения на одну ночь.

Элиза: Вы имеете в виду сексуальные контакты?

Гарден: Нет. Для этого у меня есть постоянная девушка... Или была. Приглашения на одну ночь в музыкальном бизнесе означают короткие контракты, ну, вечеринки, свадьбы и тому подобное... Хотя немногие приглашают исполнителя страйда.

Но в тот вечер я не следил за дверью, поскольку пианино звучало хуже, чем стиральная машина. Поэтому я не заметил, как он пришел.

Элиза: Он? Кто «он»?

Гарден: Бандит. «Пятьдесят-Четыре-Тоже» — надежный клуб: деловые люди — в основном из Хорз Бойз и Синто Скинз. И никаких манхэттенских босяков. Это гарантирует спокойствие. Так что тот парень был явно неуместен в своей шелковой рубашке и обтягивающих штанах. Эта экипировка выдавала в нем завсегда-тая аптек окраинных кварталов города. Даже несмотря на то что у него были длинные светлые волосы.

Элиза: Он попал в вас?

Гарден: Нет. Он выстрелил правее и выше, я услышал только треск пластика над головой. В то же мгновение я отпихнул стул и скользнул за пианино. Музыка оборвалась как раз вовремя — пули завели свою песню... С тех пор никто не думает позаботиться об отсыревших молоточках.

Элиза: Что же вы сделали дальше?

Гарден: Выскочил через заднюю дверь, даже не оглянувшись. Последний гонорар потребовал у хозяина наличными. Сказал, что у меня умерла мать.

Элиза: Вы сообщили властям? О стрельбе.

Гарден: Конечно, я гражданин законопослушный. Но они только смеялись, кормили меня полицейскими байками о немотивированной городской преступности, приводили статистические данные и выводили вероятность относительно меня, а под конец заявили, что у меня буйное воображение.

Элиза: Но вы не согласны?

Гарден (пауза в одиннадцать секунд): Ты думаешь, я сошел с ума?

Элиза: Это не в моей компетенции. Я не решаю. Я слушаю.

Гарден: Ладно... можно сказать, я всегда чувствовал нечто особенное. Даже когда был маленьким, я чувствовал себя чужим, не таким, как все. Чужим, но не посторонним. Не бунтовщиком. Это похоже на чувство огромной ответственности за мировой порядок, за всю грязь и все разрушения, чувство, более острое, чем у других. Порой мне казалось, что на мне лежит груз вины за двадцать первое столетие. Порой мне хотелось стать своего рода спасителем — но не в том смысле, какой вкладывает в это слово религия.

То, что я чувствую, — это некое могущество, или, может, скорее умение, мастерство, сила, или скорее способность, которой я когда-то владел и которую забыл. Напряжение мускулов, биение крови, ощущение безграничности своих возможностей. Если бы я только сумел привести свои мысли в порядок, эта сила, это умение оказались бы у меня в руках. Способность отбрасывать врагов со своего пути одним взмахом руки. Поднимать камни при помощи энергии, исходящей из моих глаз. Заставлять горы дрожать от одного моего слова.

Элиза: Наш век — век толпы, Том. Многие люди чувствуют себя бессильными и обезличенными, как колесики гигантского механизма. Их «эго» компенсирует себя необоснованными фантазиями об «избранности» или сознанием возложенной на них «миссии».

Новая ветвь психологии, называемая уфолатрия, объясняет истории о контактах с пришельцами и тому подобные вещи желанием человека быть замеченным обществом, которое долго игнорировало человеческий фактор. Раньше люди подобной ментальности рассказывали о том, как им явилась Пресвятая Дева Мария.

Многие испытывают то же чувство скрытой силы, которое вы только что описали. Этим же можно объяснить веру в ведьм. В вашем случае, вероятно, все это выражено сильнее. В конце концов, вы владеете сложным искусством игры на фортепиано. Может, вы еще что-нибудь умеете?

Гарден: Мне всегда легко давались языки: путешествуя по Европе, я научился бегло говорить по-французски и сносно — по-итальянски. В Марселе немного выучил арабский.

Элиза: Есть ли у вас какие-нибудь другие интересы? Спорт?

Гарден: Мне нравится быть в курсе современных точных наук, читать об открытиях, особенно в космологии, геохимии, радиоастрономии. Суть этих наук не меняется, и за их развитием можно следить.

Спорт? Полагаю, что я в хорошей форме. Если проводишь шесть часов, сидя и упражняя только пальцы, кисти и локти, приходится поддерживать форму. Я обучался айкидо и немного карате, но моя жизнь — это мои руки, и я не могу калечить их в драке. Вместо этого я научился защищаться ногами. Можно сказать, что я способен постоять за себя, если пьяная драка приближается к пианино.

Элиза: Так, теперь мне понятно ваше выражение «отбрасывать врагов со своего пути». Люди с тренированным телом часто чувствуют нечто вроде ауры здоровья, уравновешенности, что можно описать словом «сила».

Гарден: Ты думаешь, я ненормальный. Но ты не права. Я в здравом уме.

Элиза: «Нормальный» или «ненормальный» — эти ярлыки уже не имеют прежнего значения. Я говорю, что у вас может быть слабая и полностью компенсируемая иллюзия, которая может не беспокоить ни вас, ни ваших близких, если она не отражается на вашем поведении.

Гарден: Ну спасибо. Но ты не чувствуешь кожей дыхания наблюдателей.

Элиза: Наблюдателей? Кто такие «наблюдатели»? Опишите их.

Гарден: Наблюдатели... Временами я спиной чувствую чей-то взгляд. Но стоит обернуться, и взгляды ускользают прочь. Но лица всегда выдают их. Они знают, что обнаружены.

Элиза: Может быть, это специфика профессии, Том? Вы много выступаете. Вы зарабатываете на жизнь игрой, и люди видят, как вы это делаете. Незнакомцы в толпе могут узнать вас или решить, что узнали, но не осмеливаются признать это. Поэтому они отводят глаза.

Гарден: Иногда это больше, чем просто наблюдение... Скажем, я перехожу улицу, задумавшись и не глядя на светофор, и внезапно кто-то толкает меня, «случайно», будто спешит к своей машине. И в это время грузовик скрипит тормозами как раз там, где был бы я, не толкни он меня.

Элиза: Кто вас толкнул? Мужчина?

Гарден: Да, мужчина.

Элиза: Он вам знаком?

Гарден: Не знаю, они все на одно лицо. Ниже и плотнее меня. Не толстые, но крепко сбитые, как русские тяжеловесы, широкоплечие, с хорошей мускулатурой. Идут тяжело, будто преодолели сотни километров. Одеты всегда одинаково — длинный плащ и шляпа, которые полностью закрывают фигуру, даже в жаркие дни.

Элиза: И часто такое бывало?

Гарден: Я могу припомнить два или три случая. И всегда на улице, при сильном движении. Однажды это произошло, когда я шел рядом с домом, на верхнем этаже которого мыли окна, и один такой остановил меня, попросив двадцатипятицентовик. Вдруг рядом метров с пятидесяти свалился кусок брандспойта. В другой раз в вестибюле отеля я наткнулся на сумку и пропустил лифт, который застрял между этажами. Это все наблюдатели.

Элиза: Их слежка всегда помогает? Они вас охраняют?

Гарден: Да, всякий раз, когда меня пытаются сбить машиной или расстреливают мой дом. *(Тихо.)* Я пришел к мысли, что люди, пытающиеся убить меня, появляются одновременно с теми, кто хочет стать мной.

Элиза: Том, я вас плохо слышу. Вы сказали, люди пытаются стать вами?

Гарден: Да. Люди пытаются войти в мою жизнь, чтобы жить, вытеснив меня.

Элиза: Я не понимаю. Вы говорите о других личностях, которые пытаются разделить с вами ваше тело?

Гарден: Ничего подобного. *(Зевает.)* Ладно, я пошел. Уже четыре, а я отыграл три полных сета. Для компьютера у тебя прелестный голос. Может быть, я позвоню еще.

Элиза: Том! Не вешайте трубку. Мне необходимо знать...

Гарден: Я сейчас упаду и засну прямо в телефонной будке. У меня есть твой номер.

Элиза: Том! Том!

Отбой.

* * *

Том Гарден отодвинул засов и открыл дверь. Запах Атлантики ударил ему в ноздри: мидии, водоросли и черная грязь прилива — смесь бензина и гудрона. Том провел длинным пальцем по запотевшему стеклу кабинки и извлек несколько нот, случай-

но сложившихся в мелодию: ми бемоль, восходящее трезвучие к ля, фиоритура.

Гарден слишком устал, чтобы продолжать дальше. Он вышел из будки и направился к тротуару. Асфальт был влажным, и, когда он пошел, стараясь не ступать в лужи, кожаные подошвы башмаков тут же начали хлюпать.

В этом городе, в этом веке, даже в районе, где жили всего шесть миллионов человек, шум не стихал никогда: подземка грохотала в туннеле, вращались патрульные антенны, дорожная сеть давала знать о себе гудками. Слабые звуки перемешивались со случайными шумами: где-то открыли окно, где-то замыкала кошка, за два квартала отсюда разворачивалось такси.

Случайные звуки. Случайные тени. Том Гарден привык к фоновым шумам. Направляясь домой вдоль Мейн-стрит в Манхассете, он расслышал шаги — не эхо его собственных шагов, отраженное от мокрых зданий, и не шаги человека, возвращающегося домой. Они следовали за ним, звучали, когда он шел, и стихали, когда он останавливался.

Несколько раз он оборачивался. Ничто не двигалось. Ничто не прекращало движения.

Гарден уловил в воздухе нечто, похожее на запах, но не запах. Он проверил, нет ли опасности сзади: страха, нехороших мыслей, стальных игл в тумане.

Никто себя не обнаружил.

Он простоял еще секунд десять. Глядя на него, можно было подумать, что он испуган и растерян. В действительности он хотел услышать первый шаг.

Тишина.

Гарден засунул пальцы за подкладку вечернего костюма и вытащил акустический нож. Это было хитроумное оружие, хотя и оборонительное, но запрещенное. Кусок пластика размером с кредитную карту генерировал звуковые волны в диапазоне от 60 000 до 120 000 герц мощностью 1500 децибелов, в виде луча в сантиметр шириной и толщиной в миллиметр. «Лезвие» действовало на расстоянии трех метров. Такой звук разрывал слабые молекулярные связи в органических молекулах. На пределе мощности нож мог расплавить сталь и вскипятить воду. Пленочная батарея внутри пластика обеспечивала работу в течение девяноста секунд — достаточно, чтобы вспенить кровь.

Он держал нож в руке, готовый в любой момент нажать кнопку.

Вооружившись, Том Гарден снова пошел вперед, словно ничего не слышал и ни о чем не догадывался.

Шаги возобновились тут же, почти одновременно, но их направление определить не удавалось.

Он подумал, что убийца, вероятно, применил старый трюк сыщиков и идет впереди. Может быть, кто-то следит за ним, опережая на несколько шагов, оглядываясь, наблюдая за отражением в витринах.

Гарден снова прозондировал пространство, на сей раз впереди себя, используя непонятное чувство — наполовину обоняние, наполовину слух.

Там кто-то был. Напряжение мускулов, готовность к бегству...

Он медленно продвигался вперед, держа нож наготове. Большой палец лежал на кнопке. Шаги преследователя точно совпали с его шагами, но тембр звука изменился. Теперь в них слышалось легкое постукивание.

Впереди, в свете уличного фонаря, мелькнула чья-то тень и скрылась за темным зданием.

Гарден пошел на мысочках, высоко поднимая колени, как спринтер.

Эхо других шагов стихло.

Гарден побежал вперед — в круг света.

Справа что-то царапнуло по асфальту, словно кто-то переступил с ноги на ногу.

Он повернул налево, к проезжей части, спиной к пятну света. Лезвие акустического ножа готово было вспороть темноту перед ним.

— Не купите ли девушке выпивку?

Тот же голос! Те же слова! Сэнди сказала их той первой ночью, четыре года назад, когда вошла в «Оулд Гринвич инн» в Стамфорде.

— Сэнди?

— Ты не ждал меня, Том? Ты же знаешь, я не могу долго быть вдаль от тебя.

— Зачем ты пряталась? — Гарден поднял руку, притворяясь, что защищает глаза, и незаметно убрал нож во внутренний карман.

— А ты почему прятался, Том?

— У меня были неприятности. Выйди вперед. Дай мне посмотреть на тебя.

Она засмеялась и вышла из тени: грациозная, гибкая, с прекрасными формами. Тонкая пленка дождевика облегла ее словно сари, играя всеми цветами радуги в такт ее дыханию. Под дождевиком было вечернее платье из искусственного шелка, с глубоким вырезом. Все то же самое, что и тогда, четыре года назад. Том вздохнул.

— Ты правда помнишь? — спросила она.

— Конечно... Но почему — сейчас?

— Я такая глупая девочка. — Улыбка. — Я испугалась, Том. Испугалась твоих снов. Они были такие... такие странные и завораживающие. Я была нужна тебе именно из-за них, но все, что думала о них я, — это то, что ты ускользаешь куда-то, куда я за тобой последовать не в состоянии. Я порвала с тобой, но мир без тебя пуст и холоден.

Она говорила, опустив голову. Глаз ее не было видно. Гарден вспомнил, что Сэнди не умела лгать ему, глядя в глаза, — будь то «В химчистке нечаянно испортили твой ужасный желтый пиджак» или «Я не знаю, что случилось с «Ролексом», который подарила тебе миссис Вимс». Сэнди всегда лгала, наклонив голову и рассматривая свои туфли. Она поднимала глаза только тогда, когда думала, что он поверил ее словам.

— Что ты хочешь, Сэнди? — мягко спросил он.

— Быть с тобой. Всю жизнь. Делить с тобой все. — Онаглянула на него: глаза ее были скрыты под полуопущенными веками, но Тому показалось, что они вспыхивали каким-то тайным триумфом.

— Ладно, — тихо сказал он. — Хочешь есть?

— Да.

— Я знаю место, где завтракают ловцы крабов перед выходом в море. Там можно заказать приличный кофе и блюдо бисквитов.

— Угости меня, Том.

Она подошла к нему в кольце света. Ее руки с длинными, тонкими пальцами и красивыми ногтями, покрытыми рубиновым лаком, обняли его. Ее тело прильнуло к нему. Кончик языка раздвинул губы в поцелуе. Как всегда.

Сура 2

ПРИЗРАКИ ПУСТЫНИ

Старик ухватил стальными шипцами уголек тернового корня и поднес к куску смолы. Смола задымилась. Он быстро направил едкий дым в кальян сквозь смесь воды и вина и только потом вдохнул.

Стены стремительно понеслись на него. От дыма прошла боль в суставах, перестали ныть старые раны, и он поплыл на своих подушках, не чувствуя тела. Раздвинувшись в блаженной улыбке, губы сложились буквой «о». Глаза закрылись.

Золотые гурии, облаченные в дым, гладили холодными пальцами его лоб и бороду, растирали руки, ноги, массировали живот.

Где-то журчали фонтаны, беседуя с шейхом Синаном звонкими голосами. Голоса шептали о плодах, огромных, упругих, как грудь девушки. Колыхались широкие листья, навевая прохладу и грезы о ласках. Сок этих плодов...

Холодный ветер коснулся лица старика, осушив пот. Колыхнулся закрывающий вход ковер, чьи-то пальцы схватили гладкую ткань на груди, дернули за седые волосы.

— Проснись, старик!

Веки шейха Рашида эд-Дина Синана поднялись.

Прямо на него смотрели черные глаза юного Хасана — самого молодого гашишиина, совсем недавно прошедшего инициацию, но успевшего уже завоевать уважение и право разговаривать с самим Синаном — главой ассасинов, словно само его имя — Хасан — такое же, как у Хасана ас-Сабаха, давно умершего основателя Ордена, — давало то право, на которое он не мог претендовать ни по возрасту, ни по положению.

— Что тебе? — спросил Синан надтреснутым голосом.

— Я хочу, чтобы ты пробудился во всеоружии своей мудрости.

— Зачем? Что случилось?

— Христиане у ворот.

— Много? И ты разбудил меня только из-за этого?

— Похоже, они не намерены убираться. Они стали лагерем, как для осады.

— Опять докучают своими требованиями?

— Как обычно: хотят, чтобы мы вышли и сразились с ними.

— И зачем ты разбудил меня?

— С ними тамплиеры.

— А! Под предводительством брата Жерара, да?

— Нет, насколько я мог видеть.

— Так, значит, ты смотрел только со стен.

— Это правда. — Молодой человек смутился.

Голос шейха Синана обрел твердость:

— Сперва посмотри вблизи и лишь потом зови меня из Тайного Сада.

— Да, мой господин. — Хасан, поклонившись, вышел.

...Бертран дю Шамбор начал подозревать, что его обманули.

На третье утро осады Аламута он стоял перед своим шатром. Красные лучи восходящего солнца, показавшись позади шатра в расселине гор, осветили усеченную скалу. Свет окрасил серые

Мы смотрели, как пенятся у наших ног зелено-серые волны, набегают, а потом с шипением откатывают прочь.

— Дай сигарету, — попросил Рагма.

Я дал ему сигарету и прикурил сам.

— Если я расскажу тебе то, что тебя интересует, я нарушу секретность, — сообщил он мне.

Я промолчал, потому что уже давно это понял.

— Но я все равно тебе расскажу. Без подробностей. В общих чертах. Я собираюсь проверить степень собственного благоразумия. По правде говоря, это не такой уж и секрет, а теперь, когда вы, земляне, начинаете путешествовать на другие миры, вы рано или поздно все узнаете. Предпочитаю, чтобы ты услышал это от друга. Ибо, надеюсь, тогда тебе будет легче принять решение по поводу того предложения, которое тебе было сделано. Мне кажется, ты имеешь на это полное право.

— Мой чеширский котик... — начал я.

— Был виллоухимом, — проговорил Рагма, — представителем одной из самых могущественных культур галактики. Конкуренция между различными расами, составляющими цивилизации, всегда была особенно острой в вопросах торговли и эксплуатации новых миров. Существуют сильные культуры, и мощные блоки, и — скажем, развивающиеся миры? — вроде вашего, совсем недавно подошедшие к порогу большой Вселенной. Возможно, наступит день, когда Земля станет членом нашего Совета и получит в нем право голоса. Как ты считаешь, вы будете сильны?

— Ни капельки, — ответил я.

— А как принято поступать в подобных случаях?

— Заключать сделки, искать союзников и тех, у кого такие же проблемы и схожие интересы.

— Вы сможете заключить соглашение о сотрудничестве с одним из могущественных блоков. Они сделают для вас много хорошего в обмен на вашу поддержку.

— И возникнет опасность стать марионеткой в чужих руках. Потерять больше, чем получить взамен.

— Возможно, ты прав, а может быть, и нет. Предвидеть такие вещи невозможно. С другой стороны, не исключе-

но, что объединитесь с какой-нибудь другой слабой группировкой, находящейся, как ты сказал, в положении, похожем на ваше. В этом тоже есть определенная опасность, естественно, но ведь все совсем не так просто и однозначно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Может быть. А много существует... развивающихся миров... вроде нашего?

— Да, — ответил Рагма. — Целая куча. Новые миры продолжают все время появляться. Это очень хорошо — для всех. Нам просто необходимо разнообразие рас и культур, потому что это разные взгляды и совершенно уникальные подходы к решению проблем, которые без устали ставит перед нами жизнь.

— Значит ли это, что определенное количество новых миров объединяются, чтобы решить свои основные проблемы?

— Значит.

— А они обладают достаточным весом, чтобы оказывать влияние на Совет?

— Все к этому идет.

— Понятно, — проговорил я.

— Да. Некоторые более старые и влиятельные расы не имели бы ничего против ограничения этого влияния. Уменьшение числа молодых миров — один из возможных способов добиться этой цели.

— Если бы мы опозорились с одним из артефактов, нас бы исключили навсегда?

— Навсегда — нет. Вы же существуете. И находитесь на достаточном уровне развития. Вас бы признали рано или поздно, даже несмотря на промахи, совершенные вами в самом начале. И все же репутация землян оказалась бы запятнанной, так что ваше вступление в Совет было бы отложено на неопределенный срок. Я думаю, на довольно солидный срок.

— Ты с самого начала подозревал, что в нашем деле замешаны виллоухимы?

— Я подозревал одну из могущественных рас. Это не единственный случай подобного рода — именно поэтому мы присматриваем за новичками. Вы же сами облегчили

дами шеи. И когда лезвие достигло позвоночника, кровь растеклась между позвонками.

— И что же это, по-вашему, означает? — мрачно поинтересовался Бертран.

— Это не норманнский нож. Это лезвие, которым можно бриться, господин. Его изготовил человек, способный удалить у вас желчный пузырь так, что вы даже не заметите.

— Ну и?..

— Сэр Бертран, вы же воин. Вы можете сбросить человека с коня и сбить его с ног, но на вашем противнике всегда стальной шлем и кольчуга. Ассасин, убийца, который держал этот нож, знал о костях, мускулах и кровеносных сосудах не меньше хирурга. Он знал, как всадить кинжал — очень острый кинжал — в спящего так, чтобы тот не проснулся.

— Но как же он проник в шатер?

— Он крался в тени. Он следил, чтобы не наступить на оружие, которое ваши люди имеют привычку разбрасывать где ни попадя. Если вести себя осмотрительно, можно и не поднимать шума.

— Домыслы, — фыркнул Бертран. — Никаких сарацин в лагере не было. Его убил кто-то из наших. Может, отомстил за какие-то старые дела.

— Вы лучше знаете своих людей.

— Конечно. И мы гораздо успешнее проведем осаду, если вы не будете рассказывать сказки об ассасинах, крадущихся в ночи.

— Слушаюсь, мой господин. — Хирург склонил голову. — Я всецело полагаюсь на ваше суждение в этом вопросе.

И врач покинул Бертрана дю Шамбора, чтобы приказать оруженосцам рыть могилу.

Хасан ас-Сабах полз по земле, чувствуя каждый ненадежный камень и вдавливая его в сухую почву голыми стопами. Пальцы ног у него были длинные и крючковатые, и, когда он поворачивал стопу, сухожилия рельефом выступали около мясистых подушечек пальцев. Кожа вокруг кривых и ороговелых ногтей была собрана белыми полукружьями.

Сто двадцать девять лет исполнилось этим ногам. Много дорог они прошли, в башмаках и босиком, больше чем копыта самого старого верблюда на Пути Пряностей. Несмотря на это, ноги Хасана были как у юноши — с сильной стопой, хорошей мускулатурой и правильно расположенными костями.

Его лицо с широкими усами и глубоко посаженными глаза-

ми казалось бы молодым, если б не многочисленные морщины. Волосы были черные, густые и кудрявые, как у юного пастуха.

Мышцы играли, когда он спускался по скалистому склону, перебирался через медленный поток по камням, прокрадываясь в лагерь христиан.

Стояла седьмая ночь осады Аламута. Хотя шейх Синан велел Хасану лично следить за неверными, тот перепоручил это подчиненным гашишиинам. Но сегодня он сам решил взглянуть на непрощенных гостей. Впрочем, он и так знал, что время устрашения близится. Запертые в долине из-за собственного упрямства и ложного понятия доблести христианские рыцари сами нанесут себе поражение. Жара, жажда, соленый пот и подавляемое желание действовать любой ценой, несомненно, сделают свое дело. Оставленные на три недели в этой узкой долине, они начнут поедать друг друга.

Но Хасан, почти столетие тайный глава гашишиинов, хотел подтвердить свою репутацию. В этих местах человек может сойти с ума, и это никого не удивит. Но счесть себя побежденным ночным ветром, укусом скорпиона и духами — это уже легенда.

В какой же шатер заглянуть? Что выбрал себе христианский военачальник? Самый большой, где живет он сам и его слуги, как поступил бы сарацинский полководец? Или самый маленький? Да, пожалуй, это вполне в духе их странных представлений о братстве и равенстве.

Хасан ас-Сабах выбрал самый маленький шатер и, подняв полог, достал кинжал.

Кислый запах мужских тел, непривычных к ежедневному ритуалу омовения и очищения, ударил ему в ноздри. Гашишиин отвернулся, задержав дыхание и прислушиваясь к доносившимся изнутри звукам.

Храп, раздававшийся из двух глоток, то сливался в единый рокот, то расходился, как два колеса разного диаметра, катящихся по одной дороге. Определенно, здесь два человека. Может быть, сам начальник и его оруженосец?

Хасан приподнял полог повыше и вполз в теплый влажный сумрак.

Его глаза быстро привыкли к темноте. Сквозь ткань шатра виднелись звезды. Хасан различил очертания двоих. Один спал, вытянувшись на низкой походной кровати. Другой прикорнул у него в ногах. Господин и слуга, по норманнскому обычаю?

Гашишиину не хотелось убивать обоих, по крайней мере сейчас. Пробуждение рядом с мертвым с неизбежной мыслью: «Почему он? Почему не я?» — что может быть страшнее?

Но кого же выбрать — для большего устрашения неверных?

Мертвый военачальник и запуганный раб, бормочущий что-то о своей невинности — если только кто-нибудь захочет слушать... Это открывает интересные возможности для разрушения духа христианских воинов.

Или запуганный полководец, проснувшийся в ужасе от того, что смерть была так близко... Что лучше? Что посеет больший страх и смущение среди тех, кто расположился лагерем под Орлиным гнездом?

Хасан склонился над слугой, спавшим у ног хозяина. Тот лежал, запрокинув голову, открывая рот при каждом вздохе. Гашишин прислушался к ритму храпа. Как набегающие на берег волны, седьмой всхрап каждый раз оказывался самым сильным. Казалось, он колеблет палатку и сотрясает голову спящего. Суставом пальца Хасан отмерил расстояние от мочки и приставил к шеи слуги нож с изогнутым лезвием. Кончик ножа осторожно двигался в такт дыханию. Хасан застыл в ожидании седьмой секунды. Как только звук достиг наибольшей силы и начал стихать, кинжал прорезал кожу и прошел между костями. Когда был перерезан спинной мозг, храп прекратился.

Хасан еще раз поднял и опустил рукоять — для уверенности — и вытащил лезвие.

Военачальник по-прежнему мирно спал в своем шатре.

Опустившись на колени, гашишин пополз к выходу. Руку, сжимавшую нож, он согнул так, чтобы не запятнать кровью ткань шатра, другой рукой приподнял полог палатки.

Выбравшись наружу, Хасан скользнул среди теней и перешел по скользким камням ручей. Ноги сами несли его в нужном направлении.

Бертран дю Шамбор не видел крови. В палатке было темно, ведь солнце никогда не приходило в эту долину с рассветом.

Он сел, потянулся, откашлялся и сплюнул, ожидая, что Гийом поспешит с чашей и мыльной пеной, бритвой и полотенцем, с едой и вином. Но ленивый каналья и не думал просыпаться. Бертран пихнул его.

Голова Гийома почти отделилась от шеи.

В воздух поднялось облако черных мух.

Бертран взвизгнул, как женщина.

Весь лагерь услышал его крик.

На тринадцатый вечер осады Аламута Бертран впал в отчаяние. Из пятидесяти вооруженных рыцарей и сотни йоменов и слуг, которых он привел в долину, осталось всего шестьдесят душ. Остальные были найдены мертвыми в своих постелях или среди скал. Чем больше людей он ставил вечером следить за скалой, тем больше терял.

Из шестидесяти оставшихся не более десяти сохранили здравый рассудок и способность уверенно владеть оружием.

Сам он в число этих десяти не входил, и знал это.

В слабом свете свечи он делал то, чего не делал уже давно, наверное, с двенадцати лет. Он молился. Рядом не было священника, и Бертран молился Господу, повторяя слова молитвы вслед за Рыцарем Храма, знавшим на слух несколько псалмов и почитавшимся за святого в этих Богом проклятых местах.

— Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?

Голос старого тамплиера звучал глухо, Бертран повторял тихо и торопливо.

— Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться.

Бертран закрыл глаза.

— Одного просил я у Господа, того только ишу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его. Ибо Он укрыл бы меня в скинии Своей в день бедствия, скрыл бы меня в потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу...

Тамплиер внезапно смолк, словно желая перевести дыхание. Больше он не заговорил.

Глаза Бертрана были плотно закрыты, он молчал, не зная слов. Он услышал странный звук — прерывистый, булькающий, услышал, как звякнула кольчуга, словно тамплиер прилег отдохнуть. Бертран не открывал глаз.

— Ты можешь взглянуть на меня, — сказал кто-то по-французски, чуть шепелявя.

Медленно открыв глаза, Бертран увидел острое лезвие, приставленное к его носу. За ножом и рукой, его держащей, угадывалось смуглое лицо с густыми усами и горящими глазами.

— Знаешь ли ты, кто я?

— Н-нет.

— Я Хасан ас-Сабах, основатель Ордена ассасинов, чью землю ты насилуешь своим длинным мечом.

— М-м... Ай!

— Мне одна тысяча две сотни и девять десятков ваших лет. Я старше вашего Бога Иисуса, верно? И я все еще жив. — При этих словах губы ассасина растянулись в улыбке. — Каждые сорок лет я разыгрываю сцену собственной смерти и удаляюсь на время. А потом возвращаюсь и вновь юношей вступаю в Орден. Наверное, твой Бог Иисус делает то же самое.

— Господь — спасение мое, — просипел Бертран.

— Ты не понимаешь меня?

— Пощади, господин, и я буду служить тебе!

— Пощадить?

— Даруй мне жизнь! Не убивай меня! — пробормотал Бертран, едва ли осознавая, что говорит.

— Только Аллах может даровать жизнь. И только Ариман может продлить ее дольше положенного срока. Но тебе не дано этого знать.

— Я сделаю все, что ты прикажешь! Пойду, куда ты велишь. Буду служить тебе так, как ты пожелаешь.

— Но мне ничего не нужно, — спокойно сказал Хасан. И с улыбкой вонзил клинок в левый открытый глаз Бертрана. Рука его не дрожала. Кинжал вошел в мозг, и голова христианина, дернувшись, откинулась назад. Хасан подхватил тело за шею. Портя воздух, вытекли нечистоты.

Когда судороги стихли, он опустил Бертрана рядом с тамплиером. Тамплиер, с горечью отметил Хасан, умер достойно, без мольбы и обещаний. Он просто посмотрел на ассасина с ненавистью.

На сей раз Хасан вытер клинок об одежды убитого. То, что он совершил этой ночью, сделано не ради устрашения. Это самое обыкновенное убийство.

В свете свечи он уловил движение. Полог шатра медленно опускался.

— Стой, друг, — сказал Хасан.

Ткань поднялась. За ней блеснули зрочки.

— Почему ты назвал меня другом? — требовательно спросил старческий голос.

Это был ассасин, которому следовало оставаться в Аламуте и наслаждаться прелестями Тайного Сада. Но он двинулся на запах резни.

— Разве ты не Али аль-Хаттах, погонщик верблюдов, который однажды подшутил над Хасаном?

— Мой язык не раз говорил глупости, чтобы отвлечь старика и облегчить его страдания. Я был просто дерзким мальчишкой, и дым делал меня легкомысленным.

— Это были хорошие шутки, Али.

— Никто из ныне живущих не помнит их.

— Я помню.

— Нет, господин. Ты мертв. Мы погребли тебя в песке в полудне пути отсюда. Я сам оборачивал полотном твои ноги.

— Ноги нищего. Ноги какого-то отверженного.

— Твои ноги, мой господин Хасан. Я хорошо знал твои ноги, ты достаточно пинал ими меня.

— Это шло на пользу твоей голове, Али.

— Ты не пинал меня в голову, господин.

— Я знаю. Твоя задница была мягче, чем голова.

— Сейчас это не так. — Старик усмехнулся.

— Вспомни, Али.

Старик взгляделся в глубь шатра, туда, где за поверженными телами виднелась стройная фигура Хасана и плясала на стене его тень.

— Нет, господин. Я не должен вспоминать. Не сочти за неуважение, но если я вспомню, то не смогу молчать. А если начну рассказывать, они скажут, что мой мозг размягчился, как масло. И ничем хорошим для меня это не кончится.

— Мудро говоришь.

— Никогда не умирай, Хасан. И никогда не рассказывай мне, как ты живешь.

Полог опустился, и старик исчез. Хасан услышал шарканье туфель по песку.

На следующий день, перед самым рассветом, сарацинские конники под командованием молодого воина, некоего Ахмеда ибн Али, двигались по дороге на Тирзу. Они шли с востока. Когда первые солнечные лучи осветили их спины, Ахмед увидел загадочную картину.

Свет падал на глубокую расселину к северу от дороги, справа от Ахмеда. Как только яркое солнце осветило ее, воздух наполнился стонами безумцев. То были христиане, в белых плащах с красными крестами, конные и пешие. Многие с непокрытыми головами, двое — почти голые, обмотанные белыми плащами.

По команде Ахмеда воины обнажили мечи и поскакали на-

перерез сумасшедшим. Христиане не сопротивлялись. Те, что бежали, пали на колени, конные спешили.

Ахмед выстроил безумцев в два ряда, направляя их жестами, и отправил по дороге на Балатах. Там находился временный лагерь военачальника.

— Господин!

Саладин наблюдал за прыжками молодого жеребца.

Объездчик, юноша лет шестнадцати, который в лучшие времена мог бы быть главным конюшим, едва касался хлыстом конских ног. Саладин заметил, что объездчик выдерживает время между ударами и жеребец понимает это как намек. Причиняет ли он животному боль, чтобы добиться повинования? Или жеребцу просто нравится выполнять фигуры джигитовки? Но Саладин не хотел спрашивать юношу. Тот знал, как надо отвечать, и вполне мог солгать. Поэтому Саладин решил сам найти разгадку.

— Мой господин!

Саладин оторвал взгляд от жеребца и посмотрел на вестника.

— Да?

— Ахмед ибн Али привел пленных из Тирзы.

— Пленных? В какой же битве он взял их?

— Битвы не было, мой господин. Они сами сдались по дороге.

— Очень странно. Они были пешие? Вероятно, потеряли оружие?

— Они бежали, спасаясь от смерти.

— От Ахмеда?

— Из-под Аламута. — так они сказали.

— Из-под Аламута? Даже франки не так глупы, чтобы пытаться захватить эту крепость. Это что, какие-нибудь мародеры?

Саладин заметил, что юноша сначала обдумал ответ. Именно этому он старался обучить всех своих подчиненных.

— Нет, мой господин. Ахмед сказал, что это наемники и полукровки. Они бежали, как свора испуганных собак, конные во главе, а пешие тащились сзади, взывая о помощи.

— За ними гнались гашишиины?

— Гашишиинов никто не видел.

Саладин вздохнул:

— Приведи их ко мне через два часа.

В назначенный час франки и их слуги сидели на плотно утрамбованной площадке между шатрами. Страдая от жары, они откинули капюшоны из железных колец и шерстяные головные

покрывала. Саладин велел не давать пленным воды до тех пор, пока не решит, что от них лучше потребовать.

Стоя перед шатром, он смотрел на два десятка пленных. Их охраняли воины, вооруженные копьями.

— Есть ли среди вас тамплиеры? — спросил Саладин на чистом французском языке.

Франки, щурясь от яркого света, уставились на него. Судя по снаряжению, человек восемь из них точно были норманнами. Шестеро держались вместе. Они настороженно сидели на корточках, очевидно, оценивая ситуацию и взвешивая шансы в рукопашной схватке. Тамплиеры... Или Саладин не знает европейцев.

— Те из вас, кто рассчитывает на выкуп, встаньте с этой стороны. Я приму плату в обмен на доблестных воинов...

Шестеро тамплиеров немедленно встали, уверенные в том, что Орден не поскупится.

— Тамплиеры могут заплатить выкуп, господин, — сказал самый крепкий, определенно старший.

Прочие франки, не столь уверенные в своей состоятельности, поднялись не сразу.

— Остальные будут проданы в не слишком обременительное рабство, из которого со временем смогут освободиться. Кроме, конечно, тамплиеров. Я поклялся отомстить этим фанатикам, которые столь яростно сражались со мной в Монгисаре. Эти, — он показал на шестерых, стоящих отдельно, — будут преданы смерти.

Саладин видел, как сжались их кулаки, видел, как напряглись колени, готовые к прыжку. «Ну же! — мысленно пожелал он. — Мои телохранители нуждаются в небольшой разминке».

Но никто из шестерых не шелохнулся.

— Не повезло, Анри, — громко сказал один.

— И как же здесь нынче казнят? — так же громко поинтересовался другой. — Вешают? Или отрубают голову?

— Тебя засунут в мешок с ихней матерью и с собакой. Вопрос в том, кто выберется первым.

Саладин, единственный, кто смог оценить эту дерзость, сдержал негодование и холодно посмотрел на франков.

— Здесь нынче разрывают на части, привязав к ногам диких жеребцов. Но для вас, воины, мы выберем самых медлительных ослов.

Чего бы он ни ожидал, его постигло разочарование. Тамплиеры расхохотались, но ни один из них не походил на безумца.

ВАЛЬС НА ФОРТЕПИАННЫХ СТРУНАХ

Тома Гардена насторожила тишина за дверью. Это не тишина пустой квартиры: шум холодильника, бульканье водопровода, тиканье часов. В квартире его ждали. Кто-то, затаив дыхание, готовился к бою. Гарден чувствовал это через дверь.

Уже вставив ключ в замок, он остановился и жестом показал Сэнди на холл. Может, лучше уйти отсюда, сказав, что это не та дверь, не тот дом. Нет. Поздно. Замерзшая Сэнди стояла в коридоре под лампой и с удивлением смотрела на него.

Квартира принадлежала одной знакомой, которая на три месяца уехала в Грецию. Плата была чисто символической, поскольку Гарден согласился поливать цветы, кормить рыб строго по расписанию шестью типами кормов и периодически принимать электронную почту. Да и место было удобным: всего несколько минут ходьбы от Харбор-Руст. Гарден нашел там работу: два отделения вечером, в удобное время, перед почтенной публикой, а не перед пьяницами. И никого из «Пятьдесят-Четыре-Тоже» в радиусе ста километров. Никто его здесь не найдет.

Тогда кто же поджидает там, за закрытой дверью?

Уж никак не Рони, вернувшаяся с Эгейского моря. Рони пробудет в Греции до тех пор, пока у ее приятеля не кончатся деньги. И с какой стати Рони будет прятаться, ходить на цыпочках?

«Назад!»

Это слово отчетливо прозвучало у него в голове, словно Сэнди шепнула ему на ухо. Из чистого упрямства он решил поступить наоборот.

Гарден вытащил из кармана акустический нож и сдвинул предохранитель. Затем, повернув ключ, резко толкнул дверь.

Дверь распахнулась, и Том, одним прыжком очутившись внутри, принял позу сейунчин и провел вокруг своим ножом.

Никого.

Он видел лишь пустой коридор, ведущий из прихожей к закрытой двери спальни. Дверь в ванную тоже была закрыта. Гарден тщетно пытался вспомнить, закрыл ли он ее утром.

Сейчас эта рассеянность может погубить его.

Второй коридор, служебный, резко сворачивал в сторону, и его конец находился вне поля зрения. Там были двери в кухню и прачечную, а еще — ниши для батарей отопления. Если недруг не ждет за поворотом, тогда он-она-оно спряталось в кухне. От-

туда можно через столовую попасть в шестиугольную гостиную с аквариумами, центр этой квартиры. А гостиная тоже выходит в прихожую.

Гарден попытался через арку разглядеть, что происходит в комнате.

Подсветка аквариумов освещала одну стену и отражалась на противоположной. Прямо напротив прихожей находилось окно, скрытое портьерами, которые уже слегка посветлели в рассветных лучах. Книги на полках, протянувшихся вдоль трех стен, поглощали свет, лишь тускло поблескивало золото и серебро заголовков.

За низким диваном, стоявшим около книжных полок, мог спрятаться кто угодно. Гардена то и дело бросало в жар, но затаившийся противник был тут ни при чем.

Он прошел в арку.

— Сзади! — закричала Сэнди.

Гарден повернулся вполоборота, чтобы принять удар на левую руку. Неизвестный ударил его в грудь и провел бросок через бедро. Том тяжело упал на бок, перекатился и встал, полусогнувшись.

Нападающий — один из тех, низеньких и плотных, что опекали его последние три недели, — неуклюже пытался встать там, куда он отлетел после того, как ударил Гардена.

Том нажал кнопку акустического ножа и направил лезвие в спину мужчины.

Приподнявшись на одной руке, нападавший откатился в сторону, прочь от невидимого луча. Вспыхнул и задымился синтетический ковер.

Гарден повернулся вслед за мужчиной, переводя нож на уровень пояса. Луч прошелся по аквариуму — и вода закипела. Рыбы метнулись к дальним углам и замерли там в шоке.

Мужчина уже встал, сжимая свой собственный нож — тонкую треугольную полоску стали, которая, как где-то прочел Гарден, называлась мизерикордия. Том вновь попытался пустить в ход свое оружие, но незнакомец увернулся, и удар пришелся на аквариум. Стекло стенка треснула, не выдержав перепада температуры, и сотня галлонов соленой воды вместе с водорослями хлынула в комнату.

Мужчина покатился, как мяч, спасаясь от потока воды и осколков стекла.

Том резко повернулся, но нападавший ударил его ногой по руке. Акустический нож скользнул из онемевших пальцев. Луч

поджигал все на своем пути — диванные подушки, книги, портьеры. Ткань на рукаве Тома расплавилась и прикипела к коже.

Он вскрикнул от боли — в то же мгновение незнакомец оказался перед ним. Лезвие прошло всего в двух сантиметрах от горла, но затем последовал удар коленом в пах.

Этот удар достиг цели.

Том согнулся пополам, поскользнулся на мокром ковре и упал.

Нападавший, сверкая глазами, занес нож для завершающего удара.

Чирр-свин!

Глаза, блеснувшие в свете пламени, закатились. Нож выпал. Руки незнакомца потянулись к горлу, к прорезавшей белую кожу тонкой линии. Хлынула кровь. Незнакомец судорожно дернулся и пошатнулся. Кровь, хлынувшая из горла, залила лицо. Тело неуверенно качнулось: вправо-влево. Сначала ноги вальсировали, словно пытаясь найти точку опоры. Потом замерли. Тело завалилось направо и рухнуло лицом вниз.

За упавшим стоял другой человек. В руках он все еще держал два деревянных брусочка со специальными отверстиями, через которые была продета жесткая проволока, обернутая по спирали другой, более тонкой. Фортепианная струна. Том узнал ее.

Он в недоумении уставился на оружие казни и на человека, оное державшего.

— Я Итнайн. — Спаситель застенчиво улыбнулся. — Сосед. По коридору.

— А? — Гарден вытянул ноги, стараясь унять боль в паху.

— Я услышал шум драки и пришел посмотреть.

— Ага. Где девушка? Сэнди?

— Я здесь, Том. Я не знала, что... — Она вошла в комнату, осторожно обходя лужи и обгорелые пятна на полу.

— С тобой все в порядке?

— Да. Я ведь ничем не могла здесь помочь, правда? Поэтому я и осталась снаружи.

— Ты предупредила меня.

— Слишком поздно. Я заметила его, лишь когда он оказался напротив тебя.

Гарден повернулся к своему спасителю:

— Я обязан вам жизнью.

— Не стоит благодарности. Это моя профессия.

— Профессия? — Гарден приподнялся на локтях. — Не понял.

— Я был солдатом палестинской армии. Коммандос.

— И как оно вышло, что у вас оказался наготове этот обрывок фортепианной струны?

— Старая привычка. На улицах не всегда безопасно, даже в столь прекрасном городе, как этот.

— Да, боюсь, что так.

— А теперь — примите мои извинения, я должен идти на работу.

— А как насчет закона... Здесь же убит человек!

— Человек, который пытался убить вас, — это ваши трудности.

Не сказав больше ни слова, палестинец поклонился и направился к выходу. Гарден жил в этом доме меньше недели, но был уверен, что никогда прежде не видел этого мистера Итнай-на. Он было собрался окликнуть его, но тот уже ушел.

Пока Гарден пытался прийти в себя, Сэнди занялась комнатой. Она загасила дымящиеся книги и занавески, нашла акустический нож и принесла его Гардену. Прибор вышел из строя: батарейки сели.

— И что мы будем делать с этим? — поинтересовалась Сэнди, дотронувшись до мертвого тела носком туфельки.

Ка-чинк.

Звон металла удивил Гардена. Он подтянулся поближе и, стараясь не касаться кровавой линии вокруг шеи, расстегнул длинный плащ. Блеснул воротник из тонких стальных колечек.

— Да на нем кольчуга!

— Это могло защитить его от твоего ножа? — спросила Сэнди.

— Наверное, кольчуга рассеивает энергию и, уж конечно, предохраняет от обычного кинжала.

— Интересно, у него есть какие-нибудь документы?

Гарден дернул за плащ, повернул и осмотрел тело — ничего: ни бумажника, ни документов.

— Только кастет.

Том потянулся и застонал от боли в позвоночнике.

— Все еще болит? Позволь-ка мне. — Сэнди повернулась и вышла, кокетливо обходя лужи.

Гарден откинулся на диванные подушки.

Через минуту она вернулась со стаканом воды и двумя таблетками.

Сэнди дала ему лекарство, и Том, не глядя, проглотил его. Когда она протянула ему стакан, Том чуть не выронил его: будто электрический разряд прошел вверх по руке и вонзился в нерв — правое плечо, левый пах и дальше вниз, к ступне, через

все тело. Боль прошла так же быстро, как и возникла, но воспоминания о ней долго будут приходить к нему во сне. Недоумевая, Гарден приписал это последствиям удара в промежность.

Он выпил воду.

— Лучше? — спросила Сэнди.

— Да... Да, правда, лучше. Что ты мне дала?

— Аминопирин. У меня есть рецепт.

— А что еще, кроме аминопирина, такое, что действует как удар по футбольному мячу?

— Бедненький! — Она мягко коснулась его лба и потянулась за стаканом.

Что-то привлекло внимание Гардена. Он удержал руку Сэнди и поднес стакан к глазам.

— Где ты его взяла?

— На кухне.

— В этой квартире? — Чем дольше Гарден смотрел на стакан, тем больше был уверен, что никогда прежде его не видел.

— Да.

— Из шкафа?

— Да. А в чем дело?

— За занавесками, да?

Он вытянулся на софе и внимательно рассматривал стакан в утренних лучах, проникавших в комнату через открытое окно. Это был самый обыкновенный стакан с прямыми стенками. Из чистого стекла, без пузырьков и вкраплений... Вот только дно... Толстое стеклянное дно. Там явно просматривалось странное пятно, темно-коричневое с красным. Форма пятна ни о чем не говорила. Но цвет... цвет был очень знаком — агат, оникс, гелиотроп, что-то такое. Это было странно — такой дефект не прошел бы мимо инспектора контроля качества... Если только это не было сделано специально.

— Все в порядке?

— Да-да. Я просто думал, что это за штука на дне моего стакана.

— Я что, дала тебе грязный стакан?

— Нет, я не о том...

— Мужчины! Живете как свиньи в хлеву и еще обвиняете женщин, если что-нибудь не совсем чистое.

— Да я не о том. Сэнди...

— А чья это квартира? — Сэнди уселась на подушки и игриво пнула его ногой. — Слишком опрятная, чтобы ее хозяином был мужчина, и слишком маленькая, чтобы с кем-то ее делить.

— Рони Джонс.

— Это он или она?

— Она. Одна моя знакомая.

— Та, от которой мне лучше держаться подальше?

— Не беспокойся. Когда она вернется и обнаружит, что здесь натворил мистер Мертвец, она будет готова скормить меня своим пираньям. Предполагалось, что я буду следить за ее бархлом — особенно за этими проклятыми рыбами.

— Пираньи? — Сэнди взвизгнула и подпрыгнула. — Где?

— Последний аквариум справа. Слава Богу, он не разбился.

Сэнди подскочила к аквариуму. Три серебряные рыбы покачивались в ожидании.

— Чудесно! — выдохнула Сэнди. — Какие челюсти! Какие зубы! А эта Рони начинает мне нравится. Она женщина моего типа.

— Ага. Пираньи придают особую значимость невинному увлечению аквариумными рыбами — если не считать того, что приходится надевать бронежилет, когда чистишь этот аквариум, и резиновые перчатки, если на руках есть порез или ты держал сырое мясо. Если тебе так хочется, в следующий раз можешь почистить его сама. Кстати, насчет «почистить», — продолжал Том, глядя на труп. — Как ты считаешь, не скормить ли его рыбам? Это позволило бы избежать многих неприятностей.

— Они, конечно, плотоядные, но не волшебные. Эти рыбки, конечно, могут сожрать труп, но только если они на свободе и их целая стая. А так каждая съедает всего лишь несколько унций мяса.

— А что же нам делать с этим?

— С рыбами?

— С телом.

— Думаю, самое лучшее — оставить его на месте.

— Но, — смешался Том, — как, где?

— Пусть эта Рони обнаружит его, когда вернется оттуда, куда она укатила.

— Она путешествует по Греции.

— Какая разница?

— А ты и я — нам куда деваться?

— Я знаю куда. Собирай вещи. Я подожду.

— А моя работа?

— Позвони и откажись. Мы найдем тебе другую, дорогой.

Том Гарден долго смотрел на труп, лежащий в луже воды из аквариума: водоросли запутались в длинном плаще и кольчужной рубашке, голова была наполовину отрезана фортепианной струной. Том живо представил себе объяснения в полицейском

участке: труп в квартире, где Гарден официально не живет и почти никому не известен, ведь днем он обычно спит; а если учесть, что спасение пришло от таинственного соседа по имени Итнайн (что по-арабски означает «два», то есть, стало быть, вообще не имя), которого он никогда раньше не видел, то занесение этого случая в графу «Странные совпадения» базы данных криминальной полиции Босваш Метрополитен — дело ближайших часов. Предложение Сэнди начало обретать смысл.

— Я сейчас соберусь.

Элиза: Доброе утро. Элиза 536, Объединенная психиатрическая служба, Грейтер Босваш Метрополитен. Пожалуйста, считайте меня своим другом.

Гарден: 536? А куда делся голос, который разговаривал со мной раньше?

Элиза: Кто вы?

Гарден: Том Гарден. Я разговаривал с Элизой — одной из Элиз, вчера утром.

(Переключение. Ссылки; Гарден, Том. Переадресовка 212.)

Элиза: Привет, Том. Это я — Элиза 212.

Гарден: Ты должна помочь мне. Один из этих незнакомцев пытался меня убить. На сей раз — ножом. Он бы меня прикончил, если б не появился какой-то араб и не убил его. Так что мы с Сэнди живы, а труп валяется в моей старой квартире.

Элиза: Ты хочешь, чтобы я уведомила полицию или другие органы власти? Они могут защитить тебя и опознать тело.

Гарден: Нет! Единственное, что они могут, — это болтать языком. На этот раз меня, пожалуй, задержат за убийство.

Элиза: Но если ты все обоснованно объяснишь, тебе нечего опасаться.

Гарден: Слабовато для психолога. Что касается закона и его исполнителей, тебе следует подучиться.

Элиза: Отмечено, Том... Кто это «Сэнди»?

Гарден: Мы с ней живем. Вернее, когда-то жили.

Элиза: Где вы теперь?

Гарден: Направляемся на юг.

Элиза: На юг? На юг откуда? Из какого района Босваша ты звонишь?

Гарден: А ты что, сама не можешь определить?

Элиза: Для оптической связи тысяча километров все равно что тысяча метров. Пока ты не наберешь код вручную, я не способна определить, где ты находишься.

Гарден: Мы в Атлантик-Сити, на побережье.

Элиза: Пока — в пределах моей юрисдикции. Но куда вы направляетесь?

Гарден: Я не могу сказать этого по телефону.

Элиза: Том! Это оптическая связь. Моя информация защищена законом от 2008 года и имеет статус врачебной тайны, как и у обычных докторов. Даже более строгой, поскольку я не запрограммирована на разглашение содержимого файлов. Есть специальные коды для каждого блока данных. Сказанное тобой не узнает никто — это входит в контракт.

Гарден: Хорошо. Мы собираемся на один из внешних островов Северной Каролины. Гаттерас, Оккракк — один из них.

Элиза: Это... технически вне моей юрисдикции. Я не могу тебя переубедить? Конечно, ты сможешь звонить и оттуда, но с моей стороны будет незаконным принять вызов и выполнять функции по универсальному медицинскому соглашению.

Гарден: А что, если бы я просто находился в командировке и почувствовал необходимость поговорить с тобой?

Элиза: В этом случае можно вызвать местную Элизу. В Каролине это функция Среднеатлантической медицинской системы. Если ты вызовешь меня, я смогу разговаривать с тобой только в пределах кредитного соглашения, автоматически подтверждающегося, когда ты идентифицируешь себя, прикладывая большой палец к опознавательной пластинке. Но тебе не следует самому платить за мои услуги. Это очень дорого.

Гарден: Предположим, я должен сообщить тебе номер моей кабинки.

Элиза: Зачем?

Гарден: Только затем, чтобы подтвердить, что я действительно звоню из района Босваша. Разве несколько переключений на линии не выдадут мою ложь?

Элиза: Конечно, нет, пока я не инициирую сравнение твоего сообщения со спецификациями кабины. А я, вероятно, этого делать не буду.

Гарден: Вот это да, Элиза! Ты только что сообщила мне, как обойти твою собственную систему. Интересно... Почему ты так настаиваешь на том, чтобы поддерживать со мной связь?

Элиза: При первом разговоре ты сказал: «Какие-то люди пытаются проникнуть в мою жизнь, чтобы... вытеснить меня». Я запрограммирована на странности и хотела бы узнать об этих людях побольше.

Гарден: Я вижу сны.

Элиза: Все видят сны, и многие способны их вспомнить. Это неприятные сны?

Гарден: Нет, не всегда. Но они слишком реальны. После пробуждения они иногда приходят ко мне, когда я играю.

Элиза: Это сны о других людях?

Гарден: Да.

Элиза: А ты в них присутствуешь?

Гарден: Да, я присутствую в них или, по крайней мере, ощущаю себя там, но не думаю, что мое имя Том Гарден.

Элиза: И кто же ты?

Гарден: Первый сон начался во Франции.

Элиза: Это произошло тогда, когда ты был там?

Гарден: Нет. Сны начались позже, после путешествия. Но первый был о Франции.

Элиза: Действие происходило в тех местах Франции, где ты путешествовал?

Гарден: Нет, я там никогда не был.

Элиза: Расскажи мне свой сон с самого начала.

Гарден: Я ученый, в черной пыльной мантии и академическом колпаке из голубого бархата. Этот колпак — моя последняя роскошь...

...Пьер дю Бор почёс^л под коленом и почувствовал, как перо попало в дыру, проеденную молью в шерстяном чулке. Шелк был более модным и к тому же более прочным. И куда более дорогим, чем мог позволить себе молодой парижский студент, надеющийся получить степень доктора философии.

Тем более в это бурное время. Народ разбужен, Национальное собрание заседает почти непрерывно, короля Людовика судили и приговорили к смерти. Многие люди — со вкусом, умом и деньгами — уехали. А те, что остались, слишком бедны, чтобы доверить образование своих сыновей и дочерей Пьеру дю Бору, академику.

Нишему академику.

Пьер обмакнул перо, чтобы записать новую строку, но остановился, перечитывая написанное. Нет, нет, все не так. Его письмо гражданину Робеспьеру было неуклюжим, сумбурным и наивным. Он страстно желал получить пост в правительстве, но боялся попросить об этом прямо. Потому, не имея ни опыта, ни административного таланта, Пьер ограничивался прославлением свободы и одобрением решения Национального собрания о казни Людовика, хотя, согласно идеалам Робеспьера и других

монтаньяров, в новой Франции не будет места рабству, имущественному неравенству и неправедному суду — во всяком случае, так говорилось в их памфлетах, разбросанных по всем канavam. И не подобало Пьеру дю Бору восхвалять цареубийство перед такими гуманными идеалистами-законодателями.

Он потянулся за свечой. Подсвечник, украшенный кристаллическими подвесками, Клодина выменяла у белокурой гугенотки, жившей этажом ниже. Когда Пьер дотронулся до подсвечника, что-то впилось ему в палец — кристалл.

— А-а-а! — Боль затопила его, проходя по нервам через запястье, локоть и дальше, вверх по руке. Уставившись на порез, Пьер увидел, как набухает капля крови. — Клодина! — Он раздвинул края раны, чтобы проверить, насколько она глубока, и капля крови упала на письмо, окончательно все испортив. Пьер сунул палец в рот. — Клодина! Принеси ткань! — крикнул он.

Острая боль перешла в тупую, и он почувствовал, как немеет рука. Ясно, кристалл перерезал нерв.

Он взгляделся в подвески, ожидая обнаружить отбитый край или торчащий угол. Стекло было чистым, но не отполированным, а граненым. Вероятно, очередная уловка, чтобы усилить игру стекла на свету.

Но что это? Капля крови засохла на стекле — похоже, засохла давно, раньше, чем он порезался. Дю Бор взял кристалл, стараясь не пораниться снова, и потер его большим пальцем. Пятно не поддавалось. Он потер указательным. Безуспешно.

Он нагнулся ближе. Красно-коричневое пятно было внутри стекла.

— Клодина!

— Здесь я, что вы так кричите? — Хорошенькая головка дочери драпировщика просунулась в дверь.

— Я порезался. Принеси ткань перевязать рану.

— У вас есть шейный платок. Он куда лучше тех тряпок, что я называю своим бельем. Перевяжите сами! Тоже мне, мужчина!

— Женщина! — пробурчал дю Бор, размотав платок и наложив его на сведенные края раны. Но передумал и опустил больной палец в стакан с вином. Руку пронзила жгучая боль, что, вероятно, было к лучшему. Пьер оторвал полоску ткани и перевязал рану.

— Друзья! Мои верные друзья! — взывал дю Бор к толпе.

— Пошел прочь, профессор!

— Не нужна нам твоя математика!

— Ты нам не друг!

Пьер попытался еще раз:

— Сегодня солнце лицемерно рождение свободной страны. Настал год номер Один, первый год Новой эры Свободного человека. Мы видим... — Он остановился, чтобы перевернуть страницу написанной речи.

— Мы видим дурака!

— Шел бы ты к своим дамам и господам!

— Аристократов на виселицу!

— Аристократов на виселицу!

«Аристократов на виселицу!» — привычный лозунг, радостно подхватываемый в эти дни уличной толпой.

Пьер дю Бор внезапно вспомнил о большом парфюмерном магазине за рекой, на Монмартре, всего в двухстах метрах отсюда. Магазин был закрыт и заколочен, кому сейчас нужны пудра и ленты? Но во время долгих полуночных прогулок по городу дю Бор видел, что задние комнаты магазина освещены. Кто-то скрывался там. Кто, кроме всеми ненавидимых аристократов, не способных даже найти более безопасное место или покинуть страну?

— Я знаю, где спрячутся аристократы, — сказал он.

— Где?

— Скажи нам! Скажи нам!

— Следуйте за мной! — Дю Бор спрыгнул со скамьи, которую он использовал в качестве подиума, и начал пробираться сквозь толпу. Ближайший мост через реку был правее, и, когда он повернул к мосту, толпа последовала за ним, как цыплята следуют за курицей. Несколько солдат-республиканцев незаметно присоединились к народу.

Еще больше людей он собрал, поднявшись на каменный мост. Когда Пьер подошел к магазину, вокруг него было уже более сотни шумных парижан. Остановившись перед темным зданием, он указал рукой на высокое окно, в котором можно было разглядеть слабые отблески света.

Булыжник, вывороченный из мостовой, пролетел над головой Пьера и ударился о доски, которыми крест-накрест была заколочена дверь.

Свет мигнул и погас. А улица внезапно осветилась факелами, зажженными толпой.

Полетели камни, разбивая стекла, откалывая штукатурку.

— Выходите! Выходите! Аристократы!

Пьеру дю Бору казалось, что любая толпа всегда носит с собой факелы, увесистые дубинки, гнилые овощи, толстые бревна

для тарана. Без единого его слова горожане начали осаду, действуя как хорошо обученная регулярная армия: разбивая двери, окна, даже оконные рамы, запугивая обитателей шумом и криками.

После десяти минут этого безумия из дома выволокли троих стариков. Судя по одежде, они могли оказаться кем угодно — аристократами, нищими или домочадцами владельца магазина. Но в свете факелов они выглядели очень подозрительно, а потому, несколько раз ударив дубинками, их передали солдатам.

Шестеро гвардейцев подхватили несчастных и быстро увели. Капитан, повернувшись к Пьеру, положил тяжелую руку ему на плечо.

— А теперь ты, гражданин. Кто ты такой и что ты знаешь об этих людях?

— Я Пьер д... — Частица «дю», выдававшая аристократа, застряла в горле. — Я гражданин Бор. По профессии ученый. По вере — революционер.

— Пройдемте с нами, гражданин Бор. У нас есть особое распоряжение относительно таких, как вы.

Они привели Пьера Бора в комнату в Консьержери. Темные, обитые деревом стены и тяжелые парчовые драпировки были освещены множеством ламп с вывернутыми до предела фитилями. Какая чрезмерная трата масла в столь тяжелое для нации время!

В круге света сидел маленький человек, аккуратный и чопорный, в шелковом сюртуке и темных обтягивающих панталонах. Оторвавшись от бумаг, он по-совиному уставился на Пьера и его эскорт.

— Да?

— Этот человек выследил семейство де Шене. Мы привели его сюда прямо из толпы, которую он возглавлял.

— Настоящий зачинщик, да? — Аккуратный маленький человек посмотрел на Пьера более внимательно. Его глаза сузились и, казалось, отражали свет ламп.

— Он способен говорить так убедительно, да?

— Да, Ваша честь, — ответил Пьер.

— Никакой «чести», парень. Мы теперь отошли от этого.

— Да, сударь.

— У вас академическое образование, верно? Вы юрист?

— К сожалению, нет, сударь. Классические языки, латынь и греческий, по преимуществу греческий.

— Неважно. Мы поднялись над условностями старых темных времен Людовиков. Итак, вы его хотите?

— Хочу чего, сударь?

— Место в Конvente. У нас есть вакансии среди монтаньяров и три из них — мои, в награду за административный талант.

— Я хочу его более, чем чего-либо другого!

— Тогда приходите сюда завтра к семи. Мы начинаем работать рано.

— Да, сударь. Спасибо, сударь.

— «Сударь» тоже не наше слово, друг мой. Достаточно простого «гражданин».

— Да, гражданин. Я запомню.

— Не сомневаюсь. — Человек улыбнулся, продемонстрировав мелкие ровные зубы, и снова углубился в бумаги.

Капитан слегка хлопнул Пьера по плечу и кивком указал на дверь. Гражданин Бор кивнул в ответ и последовал за ним.

В коридоре Пьер, набравшись храбрости, спросил:

— Кто это был?

— Как это кто? Гражданин Робеспьер, вождь нашей Революции. Неужели ты его не знаешь?

— До сих пор я знал только имя, но не человека.

— Теперь ты его узнал. А он узнал тебя.

Пьер вспомнил оценивающий взгляд вождя и понял, что это правда.

— Я не могу поддержать это, Бор. Ты просишь слишком много. Он просит слишком много. — Жорж Дантон откинул назад длинные волосы и с шумом втянул воздух.

Бор нетерпеливо топнул ногой. Этот медведь со своей популярностью, которая ему так же к лицу, как и легкая небрежность в одежде, собирался остановить его начинание.

— Неужели ты не видишь, что всеобщая воинская повинность — лучший способ справиться с внешними врагами? — запинаясь, проговорил Бор. — Черт побери! Это республика, а не монархия. Что может быть более естественным, чем объединение народа для защиты своей страны?

— По прихоти нашей маленькой обезьянки? — парировал Дантон. — Именно ему мы обязаны этой войной с Англией и Нидерландами.

— Война была неизбежна из-за Габсбурговой шлюхи. Конечно, ее братец Леопольд постарается защитить королеву. И конечно, он втянет в это немецких принцев, сидящих на анг-

лийском троне. Так что министр Робеспьер не мог предложить лучшего варианта, чем нападение. Неужели не ясно?

— Яснее ясного. Крошка Макс хотел войны — он ее получил.

Пьер Бор вздохнул:

— Министр не желал этого. У него столько врагов здесь, дома...

— Врагов? Никого, кроме тех, кого он сотворил своими же руками и длинным языком!

— В последний раз спрашиваю: ты поддержишь всеобщую воинскую повинность?

— В последний раз отвечаю: нет.

Бор кивнул, повернулся и направился к выходу.

Лакей в небрежно сидящей ливрее проводил его, и Бор вышел на темную улицу.

Со времени своего основания, в начале апреля 1793 года, Комитет национальной безопасности обнаружил в Париже многое, что нарушало спокойствие. Последние постановления касались тех нищих и бездомных, которые сделали своим домом улицы. Прогулка после наступления комендантского часа означала возможную встречу с грабителями, а то и с кем похуже. Гражданин Бор проделал весь путь от дома Дантона без сопровождения, полагавшегося ему как члену Конвента.

Его охраняли наблюдатели.

Бор чувствовал их присутствие с тех самых пор, как начал входить в силу в Конvente. Тени двигались вместе с ним в свете факелов — он чувствовал это. Мягкие шаги вторили стуку его каблуков — он слышал это.

Однажды, в Булонском лесу, когда банда моряков остановила его экипаж — вероятно, чтобы съесть лошадей! — наблюдатели обнаружили себя. Приземистые, словно тролли, они, грязно ругаясь, выскочили откуда-то с обнаженными клинками. Кучер в панике перелетел через головы лошадей.

Схватка вокруг экипажа продолжалась не более минуты. Бор наблюдал за ней при свете фонаря, считая вспышки стальных клинков и свист узловатых дубинок. Когда все было кончено, вокруг экипажа остались лежать неподвижные тела, а приземистые тени растворились в кустах. Все, кроме одного, который стоял возле лошадей.

— Вам нужен кучер, — сказал незнакомец, и это было утверждение, а не вопрос.

У него был сильный акцент — говор крестьянина, а не горожанина.

— Да. Мне нужен кучер, — согласился Бор.

Мужчина вскочил на козлы. На мгновение полы его плаща распахнулись, и Бор увидел, как блеснула кольчуга. Его слух уловил легкое позвякивание. Возможно, этим объяснялась их победа над разбойниками.

Незнакомец довез Пьера до дома в Фобур Сен-Онор. Как только экипаж подъехал к порогу, он выпрыгнул из коляски и растворился в темноте. Бор тогда не успел ничего сообразить.

Это было вполне в духе наблюдателей.

Поэтому после неудачных переговоров с Дантоном по вопросу поддержки войны против Англии и Нидерландов Бор не испытывал страха, шагая по улицам без охраны.

На ходу он размышлял о своем успехе. За пять месяцев непрерывных переговоров и осторожных продвижений Бор оказался в центре пожара Революции. Советник по делам нового Республиканского монетного двора, пламенный оратор в Национальном собрании, посредник в Министерстве юстиции, агент по продаже имущества осужденных, правая рука министра Робеспьера, Бор поспевал везде. В некоторых кварталах его называли «Портной», ведь он благодаря своей логике «сшил» мешок для голов всех отступников Революции.

Но Бор чувствовал, что просто обязан воспротивиться одному делу монтаньяров. И, шагая по темным улицам, охраняемый невидимыми наблюдателями, он продумывал свои доводы.

— Граждане! — Бор поднялся с места в левой части зала. — Это самое необдуманное из всех предложений, которые были изложены перед нами.

Пьер Бор спустился между полупустыми скамьями, дабы предстать перед присутствующими в лучах утреннего солнца. Он знал, что так он выглядит как ангел, сошедший с небес, и внушает благоговение зрителям на галерке.

— Одно дело — пересмотреть календарь по отношению к именам: искоренение мертвых римских богов и замена римских порядковых номеров словами, понятными народу, заимствованными из названий сельскохозяйственных сезонных работ. Это очень полезное начинание, которое я всецело поддерживаю. Но перевод в метрическую систему — это совсем другой вопрос. Кто сможет проработать десятидневную неделю, в которой последний день отдыха уничтожен из атеистических соображений? Разве сможет хорошо работать переутомленный крестьянин? Новый календарь ужасен и состряпан на скорую руку. И что же

дальше? Может быть, вы хотите, чтобы мы молились пять раз по сто минутному часу республиканским доблестям — Работе, Работе и еще раз Работе?

Это было встречено лишь скромным смешком.

— Нет, граждане. Такой календарь лишь посеет разброд в народе, дезорганизует работы и разрушит всю экономику Франции. Я надеюсь, что вы, каждый и все вместе, отвергнете его.

Хлоп, хлоп... хлоп.

Новый календарь был принят практически единогласно. Лишь шестеро проголосовали «против».

Робеспьер бодро подошел к Бору.

— Хорошо сказано, гражданин Бор. — Его улыбка казалась вполне искренней.

Бор постарался улыбнуться в ответ:

— Доводы благоразумия побудили меня выступить против твоего предложения, гражданин.

— Ничего, ничего. Ты же знаешь, каждая хорошая идея нуждается в испытании. А как еще народ оценит ее величие? И твой маленький мятеж пошел только на пользу.

— Да.

— Ну, теперь можно и поужинать.

— Могу ли я присоединиться?

— А! — Тонкие брови сошлись на переносице. — Боюсь, Пьер, моего внимания потребуют другие. Это будет неудобно.

— Я понимаю.

— Надеюсь, что да.

Стук в дверь раздался в полночь.

Суд состоялся на рассвете, два месяца спустя.

Эти два долгих месяца Пьер Бор, теперь снова «дю Бор», провел в сочащейся сыростью клетке ниже уровня реки. В камере шириной и высотой в метр — нововведение Национального собрания для отступников — и два метра в длину Пьер лежал как в гробу, в собственных нечистотах, руками отгоняя крыс, которые пытались съесть его скудный рацион из черствого хлеба. А что касается воды, здесь выбор был жесток: израсходовать чашку на утоление жажды или на гигиену.

На шестьдесят шестой день деревянная дверь отворилась — чтобы выпустить его. Когда Пьера доставили в зал суда, изнуренного, покрытого язвами, он не смог ничего сказать в свое оправдание.

Обвинения были абсурдны: ученый Пьер дю Бор при старом

режиме обучал детей того самого маркиза де Шене, которого выдал властям. Обучать аристократов во время их правления значило то же, что и прославлять преимущества, добродетели и справедливость аристократии.

Тем же утром его повезли на красной телеге на площадь Революции. Стоявший позади священник гнусаво бормотал псалмы — последнее утешение.

Пьер держал голову опущенной, чтобы хоть как-то избежать града гнилых фруктов и овощей. А когда он изредка поднимал голову, чтобы посмотреть по сторонам, в рот или в глаза попадали гнилое яблоко или тухлая рыба. Но он все же пытался смотреть по сторонам, выискивая наблюдателей.

Наблюдатели, которые многие месяцы оберегали его, должны спасти его и теперь. Пьер был уверен в этом.

Оглянувшись, он заметил в толпе темную приземистую фигуру. Человек не кричал и ничего не бросал, просто наблюдал за ним из-под широких полей шляпы.

Даже наблюдатели ничем не могли ему помочь.

Рядом с эшафотом, возвышавшимся посреди площади, солдаты с нарукавными повязками Комитета национальной безопасности отвязали его от телеги, оставив связанными руки. Они подняли его на эшафот — ноги неожиданно стали до странности слабыми — и привязали на уровне груди, живота и колен к длинной доске, доходившей ему до ключиц. Но Пьер вряд ли заметил это. Он не мог оторвать взгляда от высокой, в форме буквы «пи», рамы с треугольным лезвием, подвешенным сверху.

— Это не больно, сын мой, — прошептал священник, и это были первые слова за все время, которые он сказал по-французски. — Лезвие пройдет по твоей шее словно холодный ветерок.

Пьер повернулся и уставился на него.

— Откуда вы знаете?

Наклонив доску горизонтально, солдаты понесли ее к гильотине. Пьер дю Бор мог рассмотреть лишь стертые волокна деревянного ложа этой адской машины, за которым виднелась тростниковая корзина. Тростник был золотисто-желтым. Пьер уставился на него, пытаясь отыскать красно-коричневые пятна, похожие на дефект в том кристалле, которым он порезал палец. Когда это было? Месяцев семь назад? Но корзина оказалась новой, без пятна и порока — большая честь для Пьера, последняя любезность со стороны его друга, гражданина Максимилиана Робеспьера.

Священник ошибся.

Боль была острой и бесконечной, так же как и боль от пореза кристаллом. А затем он начал падать, лицом вперед, в корзину. Тростник, ринувшись навстречу, стукнул по носу. Золотой свет вспыхнул перед глазами и померк, и все стало таким же черным, как длинные гладкие волосы, упавшие на лицо и закрывшие глаза.

— Где же твой приятель?

— Он должен позвонить своему агенту или еще кому-то. Он сказал, что может задержаться.

— Отлично. Нам нужно многое обсудить.

— Это точно, Хасан. Лягушки теперь пытаются убить его, *такого* еще никогда не случилось.

— Как так? — Темные глаза мужчины блеснули. Веки его опустились, сомкнулись шелковистые ресницы. Каждая ресница была изогнута, как черный железный шип. — Объясни, пожалуйста.

— Один из них поджидал в квартире, когда Том вернулся. Он пытался убить его ножом — одним из тех ножей. Мне пришлось призвать на помощь Итнайна, моего телохранителя.

— И?

— Мы оставили тело в квартире и под шумок смылись.

— Тело Итнайна?

— Нет, другого. Вероятно, это был профессиональный убийца, но не столь искусный, как Итнайн.

— Гарден хорошо разглядел Итнайна?

— Да нет, не особенно. — Александра выскользнула из-под пледа и села. — Том в этот момент отходил после удара коленом в пах.

— Отлично, значит, я еще смогу использовать его против Гардена.

— Использовать Итнайна? Ты хочешь сказать, чтобы охранять его? — Она начала стаскивать ботинки.

Хасан наклонился помочь ей с пряжками:

— Нет. Я хочу использовать его, чтобы обострить чувствительность Гардена. Я начал снабжать нашего молодца... э-э-э... «опытом». Метод доступа к прошлому с помощью снотерапии оказался недейственным или слишком медленным. А то, что мы лишили его твоих прелестей, — Хасан снял с нее ботинок и провел рукой вверх по ноге, — похоже, только оставляет ему больше времени для игры на фортепиано. Видимо, следует изменить направление.

Хасан встал и мягко толкнул ее в грудь. Она податливо упала на постель.

— Если Гардену придется побороться за жизнь, — сказал он, — даже совсем немного, это поможет... э... «скоординировать» его усилия. А это, в свою очередь, будет способствовать его пробуждению. Пример — та сцена, на которую вы с Итнайном наткнулись.

Хасан опустил на пол у ее ног.

Александра с трудом стаскивала с себя платье. Он стал помогать ей.

— Я жажду услышать все поскорее. — Она вздохнула, с огорчением или удовольствием, сама не смогла бы сказать. — Я действительно думаю, что твой человек был одним из тех франков. С другой стороны, я могла бы предупредить Итнайна, чтобы он был с ним поосторожнее. Теперь мы потеряли своего агента.

— Не беспокойся. У меня их достаточно.

Она закинула руки за спину. Локоть задел покрывало, оно зашуршало.

— Подожди! — воскликнула Александра, изгибая спину и откидываясь на подушки.

Руки Хасана покорно замерли между ее ног.

— Мы же не знали точно, где Гарден остановился, верно?

— Нет.

Она почувствовала его теплое дыхание.

— Так как же этот ассасин мог быть твоим?

Он поднял голову поверх складок платья Александры и посмотрел ей в глаза.

— Этого... не могло быть.

— Значит, это все-таки было нападение наблюдателей.

— Интересный поворот мысли. — Хасан надул щеки. Его усы ошетинились, как гусеницы в опасности. Он опустил лицо между ее коленей и принялся шекотать их усами.

— А я, похоже, ускорила события, — прошептала она.

— Гмм-мм?

— Когда Гарден только начал приходить в себя после удара, я использовала эту возможность, чтобы дать ему соприкоснуться с кристаллом.

Голова Хасана поднялась так быстро, что его подбородок стукнул ей по бедру, попав в нервную точку между мускулами. По животу прошла волна боли.

— Я не приказывал тебе это делать! — прошипел он.

— Конечно, не приказывал, Хасан. Но ведь у меня должна быть некоторая свобода в принятии решений.

— Как прореагировал Гарден?

— Очень активно. Я видела, как дрожь пробежала по его телу, гораздо более сильная, чем когда-либо ранее.

— Слишком много стрессов, — заметил Хасан, оценивая полученную информацию. — Сам по себе кристалл может разбудить Гардена быстрее, чем мы ожидаем.

Александра опять начала подниматься, чтобы сесть, но он толкнул ее и погрузил лицо в шелк женского белья. Его руки искали застежку, державшую вместе две половинки бюстгалтера. Ее руки пришли ему на помощь.

— Когда этот парень проснется, — размышлял Хасан, — он может стать гораздо опаснее, чем сейчас.

— Разбуди его и разбуди всех наблюдателей вокруг него. — Александра опустила голову. — Ведь это игра.

— Если не считать того, что сейчас наблюдатели играют как ассасины.

— Ассасины, — повторила Александра, вздыхая. — Или, может быть, они перевели игру на новый уровень защиты.

— Профилактическое убийство? Могли бы они убить его, чтобы заставить нас прождать еще тридцать или сорок лет?

— У тебя есть время.

— Когда-то, когда в этой части мира события развивались своим ходом, у меня действительно было время. Теперь, — он бpusтился на нее, — я хочу результатов.

— Как и все мы.

Она отстраняла его руками, извиваясь и стаскивая с него одежду.

Какое-то время они молчали.

Потом все слова были лишними.

Наконец он изогнулся и приподнял голову.

— Ты уверена в его реакции на кристалл?

— Она у него самая сильная. Я уверена.

— Наблюдатели, должно быть, тоже — потому и старались убрать его.

— Они могут прийти и воспользоваться им, прежде чем это сделаешь ты. И в конце концов они на это пойдут.

— Не с той охраной, которую я создал. Не с той ценой, которую могу заплатить я.

Александра скинула с себя расслабленное тело Хасана и положила голову ему на грудь.

— Мы действительно сможем войти к нему в доверие настолько, чтобы он выдал тайну, за которой ты охотишься, и при этом не принимать его в свои ряды?

— Мы должны играть им, Сэнди. Как рыбой на крючке, — Хасан водил пальцем по ее мягкому соску, — вытащить его на поверхность, но не дать выпрыгнуть на свободу, — палец двинулся вверх, — позволить уйти на глубину, но так, чтобы ему не удалось накопить сил для побега, — палец двинулся вниз. — Играй, тяни время. Но осторожно. — Ее сосок затвердел от его прикосновений.

— Хорошо. — Она оттолкнула его руку. — Мы играем с ним. А когда ты выведаешь секрет Камня? Что тогда?

— Мы используем Камень во славу Аллаха.

Сура 3

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЬМИ

Рыцари Храма почти никогда не участвовали в процессиях, исключение составляло лишь шествие по поводу коронации, да и то не всякой, а лишь той, которую они поддерживали. Когда в Иерусалиме короновали Ги де Лузиньяна, тамплиеры прошли по улицам церемониальным маршем.

В сверкающей кольчуге Томас Амнет чувствовал себя неудобно. Он привык к одеждам из льна и шелка — одеждам советника, который проводит все время в стенах обители, занимаясь внутренними делами Ордена. Сталь давила на плечи, швы кольчуги, надетой на белую шерстяную рубаху, впивались в ребра.

Плащ из овечьей шерсти был бы очень хорош холодной ночью в пустыне, но не здесь, во дворе Иерусалимского дворца, под палящим солнцем. Два ручейка пота струились по шее, соединяясь, словно соленые потоки Тигра и Евфрата, чтобы низвергнуться в ложбину спины.

Так было, когда он стоял в молчании со своими братьями-рыцарями. Когда же они двинулись вперед, новые потоки влаги заструились из-под мышек и потекли по бокам. Кожаные сапоги растягивали сухожилия; тут он не раз вспомнил мягкие туфли, к которым привык.

Слаженный топот двухсот пар сапог эхом отражался от высоких каменных стен и пробивал себе путь наружу, между рядами базара.

Амнет представил себе, как выглядит процессия со стороны: перешептывания, лица, скрытые за темными ладонями, сверкающие глаза... Звуки шагов, доносящиеся из христианской цитадели, могли посеять волнение среди жителей Иерусалима. Не

выступил ли Орден против населения? Никто из местных жителей не был уверен в противном.

Пустая видимость пышного обряда: священник в митре держит венец над головой короля — сарацинским дервишам никогда этого не понять.

Тамплиеры прошествовали по булыжной мостовой, по широким ступеням, ведущим в просторную трапезную дворца. Согласно традиции, коронация должна проходить в кафедральном соборе, но ни один храм в городе не был столь удобен для обороны, как этот. На самом деле золотой венец возложили на голову Ги в дворцовой часовне, в присутствии самых приближенных советников.

Один такой приближенный советник ждал сейчас в передней. Рейнальд де Шатийон, князь Антиохийский, — такого нельзя не заметить — в алых, шитых золотом шелках и бархате, с легким мечом на перевязи из золотых пластин. Как только колонна потных крестоносцев приблизилась к порогу, он поклонился, насмешливо улыбаясь, будто изображая распорядителя церемонии, и, пятясь перед рыцарями, провел их в главный зал. Приблизившись к столам, он вновь склонился в поклоне.

Братья тамплиеры заполняли трапезную и с шумом рассаживались по местам.

— Это отвратительно! — проревел кто-то во внезапно наступившей тишине. Все сразу узнали этот голос — голос Роджера, Великого Магистра Ордена госпитальеров, главного соперника тамплиеров в политике и военных действиях на Святой земле.

— Прошу вас, мой господин! Такое поведение непозволительно! — раздался подобострастный шепот Эбера, настоящего распорядителя в Иерусалимском дворце, всегда служившего тому, кто сидел на троне.

Амнет вытянул шею. С его места, почти во главе стола, видна была только плотная фигура Великого Магистра госпитальеров, залитая солнечным светом. За магистром, во дворе, виднелись головы множества рыцарей-госпитальеров. Рядом, съжившись от страха, стоял Эбер — худощавый мужчина в парчовом одеянии.

Шум голосов поглотил дальнейшие протесты Эбера, но не Роджера.

— Король! Этот кусок окровавленной тухлятины не достоин сидеть на моем коне — пусть сам себя коронует!

— Господин госпитальер! Ваше мнение никого не интересует.

Последнее замечание Эбера было прервано выкриками тамплиеров.

Амнет отступил на два шага, выбираясь из первых рядов, и, скрытый спинами, поспешил к двери. Внезапно за его спиной раздались шаги. Оглянувшись, он увидел Жерара де Ридефора, спешащего в том же направлении.

Амнет толкнул створки. Когда они распахнулись, Жерар вышел, и двери захлопнулись у него за спиной.

Амнет вернулся, чтобы разобраться с распорядителем и разгневанным госпитальером.

— Что за шум? — Он адресовал вопрос Эберу, а не магистру.

Роджер глянул на него как бык, которого укусила шавка:

— Не лезь не в свое дело, тамплиер.

— Если у вас имеются возражения против кандидатуры Ги, вы должны были изложить их на совете, — возразил Амнет.

— Я говорил то же, что и все, но...

— Насколько я помню, ваши возражения были отвергнуты.

Повторять ваши доводы теперь, когда корона уже на голове Ги, — только попусту тратить время.

Амнет почувствовал за спиной присутствие Жерара.

— Что скажешь, Жерар? — не уступал госпитальер.

— Сэр Томас прав. С сегодняшнего дня Ги — король.

— Проклятие!

— Богохульствуете, сэр?

— Здесь не церковь! Коронация незаконна!

— Венец на голове Ги помазан елеем, освященным самим Папой, — сказал Амнет. — Дело сделано.

Роджер сжал в руке символ власти — ключ, висевший на цепи у него на шее. В ярости он повернул его и дернул. Тяжелые золотые звенья не поддавались. Тогда он сорвал цепь через голову.

— Дьявол заberi всех тамплиеров! — прогремел магистр, швырнув ключ в ближайшее стрельчатое окно. Цепь звякнула о край амбразуры и упала на камни внизу.

Во дворе среди госпитальеров в конических шлемах виднелись люди без шлемов, в богатых одеждах. Очевидно, христианские князья тоже прослышали о коронации.

Амнет повернулся к Жерару:

— Нам лучше уйти, мой господин.

Магистр тамплиеров кивнул и шагнул к двери в трапезную. Взявшись за железное кольцо, он налег на дверь всем телом. Массивная створка подалась, и оба тамплиера проскользнули внутрь, за ними быстро последовал Эбер. Амнет закрыл дверь изнутри и схватился за кольцо.

Бум!

— Откройте!

Бум! Бам!

— Откройте во имя Христа!

Жерар позвал рыцарей помочь Амнету удержать дверь. В конце концов ее заложили бревном.

Некоторое время стук продолжался. Затем раздался топот ног — Роджер увел своих госпитальеров из дворца.

— Ну а теперь, благодарение святому Бальдру, мы можем принести свои поздравления королю Ги, — пробурчал Жерар де Ридефор, торопливо шагая с Томасом по залу. Они шли вслед за рыцарями, освобождавшими центр трапезной для церемонии.

— Бальдр не был святым, мой господин, — прошептал Амнет.

Жерар в недоумении остановился:

— Неужели?

— Бальдр — один из старых северных богов, любимый сын Одина и Фригг. Его брат Хедер убил его по наущению Локи — пронзил ему сердце ивовой ветвью. И это стало началом проклятия Локи, так по крайней мере говорит легенда.

— А... ну что ж. Я отношусь к Бальдру как к святому, — строго сказал Жерар и пошел вперед.

Когда они добрались до своих мест в первых рядах, Амнет сделал знак Эберу, который, в свою очередь, махнул трубачу на галерее менестрелей.

Трубач проиграл приветствие, и процессия с королем во главе прошествовала в зал.

Пурпур был очень к лицу Ги де Лузиньяну. Складки шелкового плаща скрывали массивные плечи и толстый живот, выпиравший из-под украшенного золотом пояса. Под тяжестью короны кожа у него на лбу собралась складками, что придавало новому королю несколько комичный вид. Стараясь удержать на голове золотой венец, Ги выпятил челюсть и сразу стал похож на смутьяна.

Георгий, епископ Иерусалимский, неверной походкой выступал следом, одной рукой ухватившись за складки королевского плаща. Ходили слухи, что Георгий уже почти ослеп, хотя он всегда держал подернутые пленкой глаза широко раскрытыми, будто видел все в первый раз, едва восстав ото сна. Даже если он и был слеп, то все равно мог прямо смотреть на собеседника.

Рейнальд де Шатийон ожидал у возвышения, низко скло-

нившись перед сувереном, одну руку вытянув вперед, другой придерживая складки плаща. Тамплиеры, следуя его примеру, также склонились.

Долгое томительное мгновение все, кроме Ги и Георгия, стояли, склонившись. Наконец все разом подняли головы.

Единственной, кто уклонился от участия в церемонии, была Сибилла, старшая дочь короля Амальрика, нынешняя жена Ги. Фактически королевой была она.

Совет баронов, в котором было много представителей и тамплиеров, и госпитальеров, пришел к выводу, что сейчас, в столь нестабильной обстановке, негоже женщине править Иерусалимом. Поэтому было решено, что новый муж Сибиллы будет коронован.

Благосклонности Сибиллы добивался Рейнальд де Шатийон. Но выбор ее пал на Ги де Лузиньяна. Только Богу да Томасу Амнету было известно, сколько стальных мечей и ларцов с золотом из сокровищниц тамплиеров повлияло сначала на решение королевы, а потом — и совета.

Епископ Георгий довольно бессвязно представил короля Ги Господу, христианам Иерусалима, королям Англии и Франции, императору Священной Римской империи и императору Византийскому. Когда он закончил речь, принц Рейнальд выступил вперед и подал руку Ги, скрепив согласие между ними.

Один за другим к королю подходили тамплиеры, повторяя слова присяги перед Господом и королем.

Когда все расселись по местам, Жерар повернулся к Амнету и спросил тихо, еле шевеля губами:

— Что теперь предсказывает твой Камень?

— Камень темен для меня в эти дни, мой господин.

— Ты говоришь загадками!

— Он не показывает ни одного знакомого лица. Я вижу лишь лицо зла, лицо с темной кожей и горящими глазами, которые смотрят сквозь туман и бросают мне вызов. Больше ничего.

— Итак, ты общаешься с дьяволом?

— Камень всегда преследует собственные цели. И они не всегда доступны моему разумению.

Жерар хмыкнул:

— Ты б лучше договорился с Камнем, пока мы не начали давать советы королю Ги.

Томас уже собрался было возразить, но вовремя вспомнил, что Жерар — Великий Магистр и Камень, впрочем, как и сам Амнет, находится в его подчинении.

— Да, мой господин.

* * *

В Иерусалимском дворце было несколько подземных ходов, ведущих во внешний двор. Но обычно в мирное время главные ворота оставались открыты.

Рыгая и пошатываясь после полудюжины кружек хмельного пива, сэр Бовуа нашел выход из трапезной. Он шел, повинувшись зову природы, а его оруженосец — изящный юноша знатной французской крови — напомнил, что мочиться в коридоре запрещено, не дай Бог, застанет проныра Эбер.

Бовуа вышел из освещенного коридора во двор. Как только ноги его коснулись неутрамбованной почвы, он поднял край легкой кольчуги и начал возиться с тесемками штанов. Так велико было его нетерпение, что любой камень в лунном свете казался подходящим.

И едва он, вздохнув с облегчением, начал мочиться, от стены отделилась тень и двинулась к нему. Так как руки Бовуа были заняты, он только повернул голову, чтобы посмотреть, кто там.

— Могу ли я показать тебе реликвию, о христианский владыка?

Голос был певучим, убаюкивающим и насмешливым.

— Что это, приятель?

— Кусочек плаща Иосифа. Он был найден в Египте, где хранился много столетий, но краски все еще сохранились.

В лунном свете трудно было разглядеть, что держит в руках незнакомец.

— Подними-ка повыше, так не видно.

Руки взметнулись над головой Бовуа, и, прежде чем он успел что-либо сообразить, камень, завязанный в узел, описав круг, ударил его по шее. Бовуа даже охнуть не успел. Он взмахнул руками, и все было кончено. Последнее, что он увидел, были горящие глаза продавца редкостей.

Вина долин Иордана были густыми и кислыми, с запахом пустыни и колючек. Томас Амнет отхлебнул глоток в надежде ощутить терпкую сладость французских вин. Нет, это вино скорее напоминало лекарство.

Остальные тамплиеры были не столь привередливы. Пиршество уже достигло той стадии, когда добрые христианские рыцари лежат и опорожняют кувшины с вином и пивом. При этом вкус вина вряд ли имеет значение.

Амнет посмотрел через стол на сарацинских шейхов, кото-

рым пришлось принять участие в торжествах. Они пили только чистую воду, которую слуги наливали из седельных фляг. В отличие от большинства тамплиеров Томас знал, что религия сарацинов запрещает верным пить вино.

Сиригет из Небула не принадлежал к числу тех, кто отягощает себя знаниями обычаев людей, которых намерен убивать. Сейчас, вынужденный сидеть за пиршественным столом рядом с сарацинами, он счел их воздержание за вероломство.

— Вы не пьете? — взревел Сиригет, с трудом поднимая голову.

Ближайший сарацин, не понимавший норманнского, нервно улыбнулся, прикрывая рот тонким платком, которым время от времени вытирал губы.

— Не смей смеяться надо мной, пес!

Еще два тамплиера подняли головы.

— Потому они и не пьют, что с вином что-то неладно. Взгляните! Они даже воду принесли с собой!

Амнет, видевший дворцовый водоем после того, как стража поила там лошадей, предпочитал вино. Но все остальные тут же обратили внимание на сарацин.

— А может, они нас отравили?

— Яд! Это яд!

— Сарацины отравили вино!

— Собаки отравили наши колодцы!

Наблюдая за сарацинами, Амнет увидел, как крики рыцарей гасят словно свечи их вежливые улыбки.

— Эй! Прекратите! — воскликнул он, поднимаясь с места. — Их пророк строго-настрога запретил им прикасаться к вину, так же как наш Господь запретил нам прелюбодеяние. Они пьют воду, более для них привычную. Вот и все.

Пьяные рыцари, приумолкнув, недоверчиво посмотрели на Амнета. Некоторые, он знал, воспользовались бы любым поводом, чтобы прирезать сарацинских шейхов прямо на месте. А некоторые охотно включили бы в число неверных, достойных кары, и его, Томаса Амнета.

— Ты знаешь их обычаи, Томас, — признал наконец сэра Брор. — Тебе можно верить.

Амнет поклонился ему с холодной улыбкой и сел. Остальные потянулись за кубками.

Один из сарацинских шейхов посмотрел Амнету в глаза.

— Благодарю вас, господин, — отчетливо произнес он по-французски.

Амнет молча кивнул, в свою очередь, окинув его внимательным взглядом.

— Я слышал об их пророке, — холодно и внятно сказал кто-то с другого конца стола.

Все вокруг Томаса замерло.

— Я слышал, что их Мухаммед был погонщиком верблюдов и бродягой, и никем более.

Голос принадлежал Рейнальду де Шатийону.

Рыцари за столом беспокойно задвигались. Жерар де Ридефор положил руку Рейнальду на плечо, но тот стряхнул ее:

— Разумеется, у него были всякие видения. И еще он писал плохие стишки. А почему бы нет? Он почти постоянно пьянствовал.

Сарацинские шейхи прищурились и — Амнет был уверен — поняли смысл издевки. Но положение гостей обязывало их хранить молчание.

— Он был никем — конечно, до тех пор, пока не женился на богатой вдове, чтобы наслаждаться тем, что у них дозволено, или — как ты там сказал, Томас, — прелободением?

Сарацины впились взглядами в Амнета, будто внезапно заподозрили его в предательстве.

— Мой господин, — продолжал Рейнальд, обращаясь теперь к королю Ги, — если бы ты захотел смыть позор, коий наносит нам присутствие трупа этого погонщика верблюдов в Святой земле, я возглавил бы поход в Аравию, вырыл бы его кости и раскидал их по песку — слегка проветрить.

Амнет, не отрываясь, смотрел на шейхов. Их глаза сузились до щелочек, под усами поблескивали белые зубы.

— Кто из Рыцарей Храма присоединится ко мне? — воскликнул Рейнальд.

В ответ на призыв раздалась нестройные вопли норманнских и французских воинов.

Сарацины готовы были взорваться, чего и добивался Рейнальд де Шатийон.

— Тьфу! Тьфу на всех христиан! — вскричал один и вскочил из-за стола, опрокинув кубки с красным вином и блюда с едой. Обьедки полетели на головы рыцарей, сидевших напротив.

— Так-то французские господа принимают своих гостей? — спросил второй, адресуя свой вопрос прямо Амнету.

Томас только покачал головой и опустил глаза.

Подобрав длинные плащи, сарацины шагнули из-за стола. На пути к дверям два тамплиера попытались остановить их. Но не успели рыцари приблизиться, как два кинжала из дамасской

стали очутились у их глоток. Сарацины и тамплиеры разом повернулись, и шейхи оказались ближе к выходу. Больше никто не пытался их задержать.

У самого выхода один из шейхов остановился.

— Мы знаем этого Рейнальда! — воскликнул сарацин. — Это самозванный шейх Антиохии. Пророк отомстит ему.

Выходя, он так хлопнул дверью, что грохот прокатился по всему залу.

Воцарилась полная тишина. Внезапно Рейнальд де Шатийон засмеялся — высоким, чистым, залившимся смехом.

Ги, мрачно наблюдавший, как издевались над сарацинскими шейхами и как те покидали зал, расслабился и тоже начал смеяться. Его смех был более низким и переливчатым. К нему присоединились и тамплиеры.

Только Амнет не участвовал в общем веселье. Ему внезапно предстало видение: смуглое лицо, черные крылья усов, горящие глаза, отыскивающие его, Томаса Амнета.

— Я доверял тебе, Томас, из-за твоих особых способностей, — грохотал на следующее утро Жерар де Ридефор, сидя в глубоком кресле. — Не заставляй меня применять власть.

— Я не хочу никого оскорбить, магистр. Но вы не вправе закрывать глаза на то зло, которое причиняет нам в этой стране Рейнальд.

— Что ты думаешь по этому поводу?

— Рейнальд сознательно оскорбил гостей короля Ги. Этот народ свято чтит законы гостеприимства. Пригласить сарацинских шейхов во дворец и так глубоко оскорбить их веру — на это способен только безумец.

— Томас, у меня раскалывается голова и болит желудок. Ты толкаешь меня непонятно на что. Я ничего не могу сделать, Ги даже слова не скажет Рейнальду.

— Потому что боится этого человека.

— Не только. Князь Антиохийский — человек грубый и необузданный. Ни ты, ни я не осмелимся оскорбить его. Король Ги не захочет... Ну и чего ты ждешь от меня?

— Готовьтесь сами. Готовьте Орден.

— Это сказал тебе Камень?

— Нет... не прямо.

— Готовиться к чему?

— К войне.

СТАДИЯ КУКОЛКИ

В рекламе регистрационной системы «Холидей-холл» сообщалось, что номер в Атлантик-Сити «имеет все удобства». Это означало, что унитаз стоит не рядом с кроватью, а в ванной. В ванну, по идее, можно было бы забраться вдвоем, но только согнувшись. Окон в номере не было вообще, зато голографическое устройство предлагало широкий выбор пейзажей, включая Тадж-Махал, Маттерхорн и безмянные атлантические пляжи, числом около двух тысяч.

Гарден осмотрел электронику: ограниченный доступ, черно-белое изображение, динамик, сломанный предыдущим постояльцем.

На двuspальной кровати лежала одна простыня и половина одеяла. Надпись в изголовье гласила, что посетители, предпочитающие пользоваться собственными спальными принадлежностями, должны подвергнуть их химической чистке за дополнительную плату. Номер сдавался на полдня, но Том с Сэнди заплатили сразу за сорок восемь часов.

— Привет, любимый.

Гарден обернулся:

— Привет. Где была?

— Нужно было сходить по делу, посмотреть, кое-что проверить. Ты знаешь...

Он действительно знал. Он чувствовал запах: запах любви, мужского пота, только что выделившихся гормонов.

Внезапно Гарден понял, что раньше не мог с такой легкостью читать скрытые знаки души и тела. Наверное, эта способность проявилась у него недавно, после того, как таинственный незнакомец пытался его убить. А может быть, состояние Сэнди очевидно любому: женщина, которая недавно получила удовлетворение. Над этим стоит подумать.

— Ну и как тебе город?

— Светлый. Несколько шумный. С тех пор как я была здесь в последний раз, многое изменилось.

— А когда ты здесь была? — Гарден вспомнил, что однажды она рассказывала, что приехала с севера, из французской Канады, а предки ее были из Дании или Нормандии.

— Сто лет назад, — ответила Сэнди, — тогда это был сонный приморский город, дети строили на пляжах песчаные замки, а азартные игры были запрещены.

— Ты шутишь.

— Конечно. Азартные игры всегда были главным, единственным поводом для того, чтобы приехать в Атлантик-Сити.

— Так. — Он замялся, подыскивая слова. — Все было бы хорошо, но мои финансы сейчас не на уровне. Три сотни в день очень быстро сведут их на нет.

— И что ты намерен делать?

— Разве я не видел по дороге сюда бар с пианино?

— Вот уж не думала, что ты способен плавать и играть на пианино.

— Плевать. Бассейн не такой уж глубокий.

— Не подписывай длительный контракт, — напомнила ему Сэнди. — Мы должны двигаться, помнишь?

Гарден остановился в дверях:

— Почему? Я думал, мы уже достаточно оторвались.

— Мы ведь действительно хотим оказаться вне досягаемости этой банды. Джексон Нейтс для Атлантик-Сити всего лишь пригород.

— А! — Он ухитрился изобразить растерянность. — И на Каролине свет клином сошелся?

— Это пункт назначения. Вот и все.

— Ну так я полагаю, пока мы доберемся до этого самого пункта назначения, у нас хватит времени спустить содержимое кошелька.

— Ну хорошо. Устраивайся на работу. Тебе одиноко без публики, да?

— Разве не все мы такие? — Он улыбнулся и вышел.

В коридоре, квадратной металлической трубе, разлинованной раздражающей штриховкой, Гарден перевел дух.

Всегда ли Сэнди была столь предсказуемой?

Когда-то она казалась таинственной. Холодная и скрытная, она умела жить по-своему и в своем собственном времени. Значит, она могла быть и непостоянной. Когда-то казалось, что она обожает внезапные походы по магазинам, пикники, прогулки на лошади. «Это мой день», — могла сказать она и исчезнуть на полдня в поисках приключений. Но до сих пор ее приключения не распространялись на постели других мужчин. В новинку была и неуклюжая ложь.

Том Гарден покачал головой и пошел искать управляющего отелем.

— Ты умеешь плавать? — спросил его Брайан Холдерн.

— Конечно, умею. А что, разве есть такие, что не умеют?

— Есть, с тех пор как Акт об охране грунтовых вод запретил

использование хлора в искусственных бассейнах, они буквально за три недели заросли водорослями.

— А ваш бассейн почему не зарос?

— Это морской бассейн. Они упустили из виду, что воду можно сбрасывать в океан, если она химически чистая и не содержит чего-либо, что могло бы осаждаться или всплывать. Небольшая концентрация хлора за бортом — и бассейн абсолютно чистый. — Холдерн перекатил во рту окуроч. — Итак, сынок, ты умеешь плавать. Это хорошо. Тогда запасись мазью — хорошей безвредной мазью, которая не теряет блеска, — или иди ищи другую работу. Мне не нужны бледные немочи, напоминающие проявленный виноград и отпугивающие моих посетителей, понял?

— Да, сэр. Мазаться мазью. Каждую ночь. Ну так я получу эту работу?

— Конечно, иначе зачем же я теряю время, объясняя все это?

— Спасибо, мистер Холдерн. — Гарден попятился к двери.

— Начало в семь тридцать. Три полных часа. И если утонешь или скукожишься — ты уволен.

— Да, сэр.

— Получше смажь свои принадлежности.

— Что?

— Получше смажь свой член, сынок. В этом бассейне все в чем мать родила. Никаких одежек. Особенно для официанток и музыкантов.

— Я понял.

— Все еще хочешь эту работу?

— Конечно. В семь тридцать.

— Выше нос, сынок.

— Постараюсь, мистер Холдерн.

Мазь была плотной и тяжелой, как теплый парафин, но, в отличие от парафина, холодила кожу. Тому удалось разогреть ее, сильно растирая ладонями мышцы бедер, голеней, лодыжек. Казалось, мазь не впитывается в кожу, а ложится на нее, как слой растаявшего желатина.

Гарден начал растирать плечи, стараясь достать и спину. Но ему никак не удавалось равномерно распределить мазь. Может, попробовать полотенцем? Лучше всего — здешним полотенцем, это только справедливо.

На мгновение Том представил себе кольчугу. С какой тяжес-

тью она должна давить на плечи и грудь? Такая же холодная, вязкая тяжесть. Тяжесть и холод смерти.

Он прогнал этот образ.

Практический вопрос: когда он вспотеет — а он всегда потел, исполняя хороший джаз, — потечет ли мазь в воду? И что более важно, позволит ли эта мазь дышать коже? Он читал, что в Средние века дети, расписанные золотой и серебряной красками и изображавшие ангелов, умирали от отравления. Пока эта мазь... Интересно, куда делись те пианисты, которые работали здесь раньше?

Скорее всего, не смогли удержать себя в руках рядом с женщинами.

Гарден наносил мазь до тех пор, пока не покрылся ею от кончиков ног до подбородка. Потом он нашел белый хлопчатобумажный халат и, завернувшись, сунул ключ от номера в карман.

В семь тридцать возле бассейна было темно и пустынно. Подсвеченный снизу, бассейн отливал зеленью и серебром. Пианино плавало у бортика, где мельче.

Сбросив халат, Гарден вошел в воду. Она оказалась чуть холоднее тела. Скоро он все узнает насчет пота. При его приближении пианино закачалось, нагоняя волны.

Инструмент был слегка изогнут спереди. Крышка поднялась легко, и Том закрепил ее держателем.

На сем все сходство с пианино закончилось. Вместо железной рамы и стальных струн Том обнаружил ряды бутылок, осколки стекла, ковш для льда, сосуды из-под напитков и банки из-под маринованного чеснока. Два пивных бочонка — один из-под светлого, другой — из-под пльзенского — пристоились у стойки пианино. А вместо молоточков стояла большая двенадцативольтовая батарея.

— Не могли бы вы убрать за собой?

Голос раздался с бортика.

Повернувшись, Гарден увидел молодую женщину, полностью обнаженную и намазанную той же мазью, что и он. Она стояла, гордо выпрямившись, и протягивала ему халат.

— Посетители не должны спотыкаться о ваше тряпье. Его место в шкафу.

— Я... — начал Гарден.

— Не беспокойтесь. На этот вечер я его приберу.

Гарден перевел дыхание и подплыл к другому краю пианино. Один взгляд на незнакомку вызвал серию произвольных реакций, контроль над которыми требовал времени.

Она подошла к стене из зеркал и толкнула одно. За зеркалом обнаружилось пустое пространство с крючками и вешалками. Ну а куда же она дела свой халат? Тома предупредили насчет пользования посетительскими раздевалками. Или она так сюда и пришла?

Девушка вернулась, плавно ступая и не пытаясь что-либо скрыть. Гарден часто замечал, что женщины без высоких каблуков выглядят коренастыми и топают, как скво. Эта двигалась грациозно, как балерина.

— Меня зовут Тиффани, я официантка.

— Я догадался. Том Гарден, пианист.

— Конечно! Это ваша музыка? — Она взяла ноты, развернула и, казалось, начала читать. Минуту-другую девушка вся была захвачена нотами.

— Неплохая вещица, — сказала она наконец. — Но здесь вы ее играть не сможете.

— Почему?

— Наши посетители не способны танцевать быстрые танцы — слишком велико сопротивление воды. Они предпочитают медленные. Старые романтические вещи.

— Медленные танцы. Обнаженными. В воде. Понял.

— Надеюсь. У нас среднее число оргазмов в час равно девяти с половиной, иначе посетители потребуют свои денюжки назад. Вы приняли антибиотики, да? — заботливо спросила Тиффани, соскальзывая в воду. Только теперь Гарден заметил, что грим ее нарочит, как у актрисы: расширяющиеся брови нарисованы на лбу, голубые тени и черные контуры глаз подведены до висков, щеки нарумянены, рот увеличен помадой и контурным карандашом. Это скрывало черты лица надежнее, чем маска.

Волосы у Тиффани были рыжими, прямыми, гладкими и блестящими, как парик из полиэстера — да это и был парик.

Том Гарден перевел взгляд на пианино:

— Зачем здесь эта батарея?

— Какая батарея? Где?

Он молча показал на батарею за осколками стекла.

— А, это, наверное, питание для пианино.

— Это не пианино.

— Ну для клавиатуры.

Он рассмотрел действующую часть инструмента. Это оказалась шестидесятишестиклавишная «Yamaha Slavonica», прикрепленная к плавучему ящику. Весь механизм был подвешен на амортизаторах. Ограничительные переключатели с петлями для запястьев должны были удерживать пианиста на месте, если его

вдруг отнесет течением. Клавиатура и переключатели были покрыты пластиком, чтобы защитить электрические цепи от влаги. Микрофон крепился к нижней части крышки, а вторая группа гидродинамиков располагалась там, где обычно находятся педали. Когда Том возьмет басовый аккорд, посетители ощутят это как землетрясение.

— Хорошо. Питание для пианино. А если этот ящик промокнет и коротнет, когда мы будем в воде?

— Послушай, для парня, который собирается плавать в бассейне с голыми бабами, ты слишком большой пессимист.

— А что, мужчины сюда не заходят?

— Как же, «заходят» именно то слово. Но тебе не стоит о них беспокоиться. По крайней мере о большинстве из них.

Тиффани подтянула к себе поднос, дрейфовавший поблизости, и, поставив туда глубокое блюдо, заполнила его орехами. Легким толчком она отправила поднос в центр бассейна.

— А как насчет цен?

— Две выпивки входят в сто долларую входную плату. Если больше, я записываю в своем блокноте. — Она показала Тому, как привязывает блокнот к запястью. — Это приплюсовывается к счету в отеле. Но за выпивкой сюда никто не ходит. Выпивка только помогает расслабиться.

Тиффани повернулась и поплыла к другому краю бассейна.

— Поможешь мне управиться со льдом?

— Только льда здесь не хватало, — пробурчал Гарден и последовал за ней.

Мороженица находилась за другой зеркальной панелью.

Тиффани вытащила несколько изогнутых шипцов, выбирая подходящие. Пока Том держал крышку ящика со льдом, она пристраивала шипцы, чтобы захватить двадцатикилограммовый блок. Все это время ей приходилось выгибать спину, чтобы не коснуться кожей замороженной металлической окантовки. Когда Тиффани удалось захватить блок, она крепко сжала одну ручку и кивком указала Тому на другую. Они оттащили блок к бассейну.

— Мы будем буксировать его?

— Нет, если только у тебя есть знакомые, которые предпочитают коктейль с хлором. Подержи пока, а я подтащу пианино.

Тому пришлось взять обе ручки шипцов и широко расставить ноги. В теплой влажной атмосфере холодные испарения ото льда поднимались прямо к промежности. Он почувствовал озноб.

Тиффани подтащила пианино к бортику бассейна, наслаждаясь очевидным дискомфортом Тома.

— Опускай прямо в центр, в корзину, иначе он перевернет этот ящик и нам придется оплатить все спиртное.

Гарден глубоко вздохнул, поднял блок, перенес его через бортик, обо что-то слегка стукнув, и медленно опустил — не бросил — в приготовленную корзину. Пианино просело на шесть сантиметров.

— Для первого раза неплохо. Но впредь держи его подальше от моих волос.

— Да, мэ.

— Умница. Уже появляются первые посетители. Так что тебе лучше пойти на свое место и начать игру.

Как и было условлено, Александра вошла в казино на берегу ровно в восемь и подошла к третьему столу слева. Хасана не было. Некоторое время она наблюдала, как американец в белой кожаной куртке шесть раз ставил по тридцать тысяч долларов, каждый раз удваивая выигрыш, а потом все потерял. С последним поворотом колеса исчезли его последние деньги.

Александра не сомневалась, что колесо жульническое. Но чтобы обман был столь очевидным, такого она еще не видела.

— Здесь ваши деньги в опасности! — промурлыкал в ухо знакомый голос, едва различимый на фоне окружающего шума.

— Не беспокойтесь, мой господин. Но меня удивляет, почему вы выбрали это место.

— Божий ветер дует мне в спину.

— Вашей организации нужны деньги?

— На то есть богатые американские арабы, полагающие, что их пожертвования помогут избавить Святую землю от неверных. Что мне нужно, так это оправдание для уже имеющихся денег.

— Палестинский плейбой в Атлантик-Сити?

Он едва заметно улыбнулся.

— Тебя могут принять за перса в изгнании или за богатого египтянина, — продолжала она, поддразнивая.

— Я человек со множеством лиц.

— И множеством целей. Зачем ты позвал меня?

Вокруг опять поднялся шум. Это поздравляли случайно выигравшего. Александра с Хасаном присоединились к аплодисментам.

— Вы с Гарденом болтаетесь здесь. В этом плавучем борделе. Почему?

— Это его идея.

— Ты что, сама не способна развлечь его?

Александра фыркнула:

— Он хочет заработать деньги. У него нет денег на поездку.

— Ты могла бы их предложить.

— Предлагала. Но он гордый, хочет сам платить за все. Я не могу его торопить, не вызвав подозрений. Если я начну давить на него, он это почувствует.

Хасан прикрыл лицо, заслоняясь от вспышки фотографа. Он ответил из-под руки:

— Ты же знаешь, есть график.

— У Гардена свой график, — шепнула она ему в затылок. — Либо он должен быть уверен в том, что путешествие — его идея, либо можешь надеть ему мешок на голову и похитить.

— Похищение предусмотрено на соответствующей стадии. Его тело без мозга для нас бесполезно.

— Тогда позволь мне вести дело самостоятельно.

— В борделе?

— Удовольствие и боль оказывают должное воздействие.

— Особенно боль.

— Садист! — Александра тихонько показала ему кончик языка, чтобы никто не видел.

— Возможно. Подготовь его. И доставь вовремя в нужное место.

Хасан отошел в сторону.

— Но куда?.. — Ее вопрос повис в воздухе.

Элиза: Доброе утро. Это Элиза 774, дежурная.

Гарден: Я хочу поговорить с Элизой 212. Это Том Гарден.

Элиза: Соединяю... Да, Том. Спасибо, что вызвал меня. Для тебя не слишком поздно?

Гарден: Не особенно. Я снова работаю — если это можно назвать работой.

Элиза: Я не понимаю.

Гарден: Я работаю в «Холидей-холл» в Атлантик-Сити.

Элиза: Извини, пожалуйста. Провожу обработку... Я не знала, что в этом заведении есть пианино.

Гарден: А там его и нет — только клавишника. Но они хотят, чтоб я на ней играл. В промежутках между приятельскими ныряниями, ошупываниями и шипками. Я весь в синяках. Думаю, они вывихнули мне палец.

Элиза: Ты больше не видел смуглых приземистых мужчин?

Гарден: Множество — и женщин тоже. Все толстые и уродливые. Но без плащей, револьверов, кольчуг. В этом и состоит преимущество нудистского бара.

Элиза: Тебя могут утопить.

Гарден: Только шутки ради. Кроме того, у меня есть ангел, который держит мою голову над водой.

Элиза: Еще какие-нибудь сны?

Гарден: М-м-м.

Элиза: Что это значит?

Гарден: Один... Плохой.

Элиза: Расскажи. Пожалуйста.

Гарден: Это, вероятно, был какой-то вид возврата к прошлому. Я вспомнил работу, которая однажды была у меня в Филадельфии. Большой колониальный дом посередине двенадцати акров земли с газонами и деревьями. Доски, камень, широкий балкон и четыре толстых колонны. Похоже на Тару.

Элиза: Тара? Что такое «Тара»? Это место?

Гарден: Вымышленное. Поместье в «Унесенных ветром» — в старом кино. Прошлого столетия.

Элиза: Беру на заметку. Продолжай.

Гарден: Я должен был играть на дне рождения в одной семье. Идея вечеринки была заимствована из этого фильма. Предполагалось, что все будут одеты в сюртуки и кринолины, хотя получилось некоторое смешение стилей. У нас оказались костюмы лет на сто более ранние — мундиры французских гренадеров, оплетенные тесьмой, платья в стиле Империи, брюки со штрипками, черные пиджаки и платья с бахромой и длинными шлейфами.

Они заказали старую музыку. Стефан Фостер, «Лебединая река», или что-то в этом духе. Никакого джаза или страйда. Так что я отошел от всех современных мелодий и погрузился в музыку прошлого. Вот тогда-то все и началось.

Элиза: Когда ты играл?

Гарден: Да. И еще раз, сильнее, во сне — следующей ночью.

Элиза: Что именно началось?

Гарден: Я покинул себя и превратился в другого, кого я не знаю.

Элиза: Расскажи.

Луи Бреве очнулся. Его подташнивало. Он лежал на спине, ощущая во рту кислый вкус слюны. Желая загородиться от света, он прикрыл глаза ладонью и перевернулся на живот.

Вместо привычного свежего белья щека наткнулась на грубую ткань матраса. Мерзкий запах проник глубоко в ноздри, и Бреве, широко открыв глаза, приподнялся на руках.

Голой матрас, запачканный пятнами крови, остатками рвоты. Койка из железных трубок, некогда белых, на которые натянута сетка из крученых конопляных веревок. Пол из неструганых сосновых досок, в щели набилась грязь. Грязь, казалось, медленно колыхается... это ползали тараканы, освещенные тусклым светом.

Бреве задумался: ни дубового пола, ни узорчатого ковра, ни кровати орехового дерева, ни простыней, ни наволочек, ни подушек. Это не спальня Луи Бреве.

Итак, где же он?

Стараясь не шевелить головой, раскальвавшейся от боли, Бреве медленно сел. Он посмотрел налево, потом направо, старательно избегая солнечных лучей, лившихся в дверь в дальнем углу. Стены обшиты сосновыми досками. Квадратные прорезы, напоминавшие окна, — незастекленные и незавешенные, с железными решетками. Длинный ряд коек. На матрасах — бесформенные тела, облаченные в грубую голубую ткань.

«Луи опять напился и вступил в армию», — была его первая мысль. «Как я объясню это Анжелике?» — тут же пришла вторая.

— Эй вы, лежебоки! Подъем!

Разве в армии не трубят горнисты или нет какой-либо другой обычной процедуры? Значит, Луи не в армии.

Люди вокруг него шевелились и стонали, урчали и пускали ветры, сморкались и приподнимались. Они вертели головами, словно бешеные боровы, высматривающие, что бы еще разнести. Один за другим недобрые взгляды останавливались на Луи Бреве. Голоса зазвучали громче: совершался утренний ритуал обувания, почесывания и возни с постелью.

— Кто этот новенький?

— Не знаю. Надзиратели привели. Ночью.

— Они его использовали?

— Нет. На нем нет отметки.

— Может, они слишком устали.

— Ну да!

— Может, не захотели огорчать леди.

— Или поделили его, ты понимаешь?

— Я же тебе сказал, на нем нет метки.

— Кончайте вы там! — Голос, прозвучавший из-за двери,

выдавал многое: животный страх, ущербную властность, нервозность из-за постоянно подавляемых чувств.

Нет, решил Луи, он определенно не в армии.

Все еще держа голову неестественно прямо, он встал и двинулся по центральному проходу между койками.

— Эй, погоди! — крикнул кто-то.

— Послушай! Первым должен идти Перрик! — раздалось с другой стороны.

— Он может идти!

Внезапно все стихло.

— Должно быть, он из господ! — Последнее прозвучало при общем молчании и сказано было, скорее, себе под нос.

— Извините! — обратился Луи Бреве к двери. — Надзиратель, или как вас там, не могли бы вы подойти? Произошла ужасная ошибка.

— Извините! — пропел кто-то, передразнивая, вполголоса.

— Назад! — скомандовал кто-то сзади.

— Не зли Вингерта!

— Он нас всех отправит сегодня на дамбу!

Шаркая ногами, люди медленно направлялись туда, где стоял Луи. Теперь он ясно различил звук, которому вначале не придал значения и посчитал за галлюцинацию, — позвякивание цепей.

Стальная якорная цепь тянулась от кровати к кровати и между ногами людей. Ноги были соединены отдельными цепями, пристегнутыми к общей. Концы цепи, видимо, были присоединены к первому и последнему человеку.

— Что вы там делаете? — раздался уже знакомый голос, вероятно, принадлежавший мистеру Вингерту. В голосе послышалась угроза. В тишине шаги звучали очень громко. В дверном проеме возник силуэт мужчины и загородил свет.

Вингерт был огромен: широкоплечий, толстый, с широкими, как у женщины, бедрами и полными ляжками. Даже голова его была огромна. Нечесанные волосы свисали на глаза и воротник.

Его силуэт был большим и темным — только сверкали белки глаз, да блестело золото на среднем пальце правой руки. Золото и что-то еще, овальное, коричневого цвета. По-видимому, печатка.

Странное украшение для охранника спального барака, подумал Луи. Наверное, отнял его у какого-нибудь заключенного. Но, разрешив эту загадку, Луи тут же столкнулся со следующей: что он, Луи, здесь делает? Как могло случиться, что он очутился

среди бандитов, не имея ни малейшего представления о том, как это произошло?

Бреве пришлось на время отложить размышления, поскольку толстяк вошел в дверь, ступая, как тигр, пробирающийся сквозь высокие заросли.

Вингерт мог запугать обычных преступников, но не Бреве. Луи с девяти лет занимался боксом. Он тренировался на военной службе и в колледже и даже три года назад победил на местных соревнованиях по гребле.

Мужчина выглядел крупным, но рыхлым. Его руки, каждая величиной со смитфилдовский окорок, казались такими же дряблыми, как жир окорока.

Видя, что Луи с независимым видом стоит посреди комнаты, мужчина медленно, с презрительным видом направился к нему. Большие руки скрещены. Колени развернуты, чтобы придать большую устойчивость длинному телу.

Бреве приготовился: принял стойку, расслабил плечи, сжал кулаки и несколько раз глубоко вздохнул.

— Послушай, Вин, все в порядке.

Маленький человечек, такой же массивный, как надсмотрщик, но на две головы ниже, выступил вперед справа от Луи. Его шаг сопровождался громким лязгом.

— Он ничего не знает. Просто новый парень, и все.

Массивная голова повернулась в сторону коротышки. Прежде чем цепь опустилась, ближайший смитфилдовский окорок внезапно двинулся в нужном направлении и вошел в соприкосновение с протестующим. Человек согнулся вокруг руки, как тряпичная кукла, брошенная на спинку стула. Затем распрямился, теперь уже как резиновая кукла, пролетел над кроватями и стукнулся о стену на высоте шести футов, рядом с потолочной балкой. Это движение резко натянуло цепь с правой стороны, и половина присутствующих попадала.

Луи принял более низкую стойку.

Подбородок Вингерта повернулся в прежнем направлении, и тумбообразные ноги понесли его по проходу.

Все было кончено в три удара: Луи нанес прямой левой и правой апперкот, оба попали в точку; Вингерт, не шелохнувшись, выбросил руку и ударил Луи тыльной стороной, как человек, сметающий со стола капусту.

Камень или что-то другое, что было в руке надсмотрщика, ударило по лицу. Из рассеченной щеки брызнула кровь. Шея свернулась на сторону так, что Луи увидел свое плечо. Сила удара была такова, что Бреве полетел назад, через кровать, на

колени одного из прикованных узников. Это движение так натянуло цепь, что теперь вся левая сторона попадала, как домино.

Успокоив весь барак двумя ударами, Вингерт направился к выходу. Он ступал по центральному проходу по-медвежьи кося, что было особенно заметно со спины. Луи попробовал подняться. Но когда он встал на колени, кто-то ударил его по затылку чубуком трубки, которая прежде была спрятана под матрасом.

Луи Бресе упал лицом вперед и потерял сознание.

* * *

— О мой бедный, мой милый!

Прохладные сухие пальцы прикоснулись к его лбу — единственному месту на лице, которое не опухло, не болело или не было забинтовано.

Луи лежал на нормальной постели, в нормальной комнате с оштукатуренными стенами, расписным потолком и толстым ковром, поглощавшим звуки шагов врачей, медсестер и сиделок. Его Клара с прохладными руками и копной золотых волос ухаживает за ним и притворяется, будто сильно расстроена его плачевным состоянием.

Но скоро Луи почувствовал себя почти хорошо. Конечно, у него болело все — самая сильная боль была глубоко в гортани, — но голова была ясной. В руках и ногах не было той свинцовой тяжести, которой всегда сопровождалось похмелье. Может, это благодаря лекарствам?

— Где я был? — Он едва расслышал собственный голос, приглушенный бинтами. Ему показалось, что нескольких зубов не хватает.

— Ты дома, дорогой.

— Это не Виндемер.

— Нет, конечно. Это мой номер в отеле. Я и не подумаю вернуть тебя на плантацию к этой женщине.

— Но где я был?

— Несчастный случай. Прошлой ночью. Лошади понесли, как говорит твой возчик, такой трус, — и перевернули коляску. Трое сильно пострадали, и их пришлось прирезать.

— Это не дорожное происшествие, Клара.

— Но... так все говорят.

— Они ошибаются. Который час?

— Начало десятого.

Он изогнул шею, чтобы посмотреть в окно, но оно было завешено тяжелым зеленым бархатом.

— Утра или вечера?

— Вечера. Ты проспал весь день, мой бедный.

— Утром я проснулся в странном месте, в комнате, обитой сосновыми досками, где-то в районе стариц. Я находился среди бандитов в цепях, хотя и был свободен. Когда я позвал на помощь, вошел громадный мужчина и ударил меня. В ответ я дважды вмазал ему, но он уложил меня с одного удара. И вот я здесь.

— Какой ужасный сон!

— Это не сон, Клара.

— Что за бред, — холодно сказала она. — Люди могут подумать, что от пьянства у тебя помутился рассудок.

— А не твоих ли это рук дело? Поместила меня среди бандюг, показала мне, как низко я пал — или могу пасть?

Клара, сощурившись, посмотрела на него. Когда она так смотрела, лицо ее делалось непроницаемым, и Луи знал, что она удаляется на миллионы миль, ожидая, что он скажет что-нибудь непростительное.

Луи задержал дыхание и осознал, насколько хорошо он себя чувствует.

Это случилось в следующее воскресенье, когда он со своей женой Анжеликой сидел на мессе. Когда священник монотонно распевал молитвы на плохой латыни и курил ладан, Дух Святой снизошел на Луи Бреве и уже никогда более в этой земной жизни не покидал его.

— Господь — пастырь мой, — прошептал Луи (челюсть все еще болела). — Он заботится обо мне, как заботится о пасхальном агнце иудеев...

Анжелика повернулась, готовая шикнуть, но осеклась при виде нехорошего блеска в его глазах.

— Как Он сохраняет живую кровь Сына Своего, — голос Луи стал громче, — так Он направляет меня и распространяет словно свет. Он возвышает мою душу, растворяет ее в воздухе.

К нему начали поворачиваться соседи, на лицах их читались гнев и смущение.

— Он возвышает меня, как Пророка, и низвергает в пекло, как Люцифера.

Маленькая ручка Анжелики сжала его локоть. Пальцы впи-

лись в мускулы, пытаясь причинить ему боль, но безуспешно. Нажимая на нерв, она попробовала поднять мужа.

Луи встал, ведомый только Духом, и голос его зазвучал громче.

— Но Он снова возвысит меня, Меч Господень занесен высоко...

— О, замолчи же! — завопила Анжелика и толкнула его в боковой проход, где он остановился. Затем, словно очнувшись, Луи неуклюже преклонил колени, повернулся и медленно пошел к выходу.

Среди шума голосов он четко расслышал два слова: «Опять пьян».

Но он не был пьян.

* * *

Духота под тентом давила, как перед грозой. Напряжение в воздухе вызывало смятение чувств, ожидание чего-то, пусть даже пророчества о близком конце света, лишь бы избавиться от гнетущей неопределенности.

Частично напряжение исходило от заклинателей змей. Текущее движение рептилий, раскачивающиеся тела, головы с раздвоенными языками, все убыстряющийся танец лоснящихся от масла рук — все это наэлектризовало толпу до предела. Напряжение должно было прорваться. И оно прорвалось.

Вслед за змеями настала очередь людей.

— Я прелюбодействовал...

— Я возжелал осла ближнего своего...

— Я избивал жену...

— Я был пьяницей, — слова вырвались из горла Луи Бреве. — Вино было моим другом, сначала добрым и ласковым. Затем стало господином, повелевающим и неумолимым. В конце концов оно превратилось в дьявола, глумящегося надо мною и толкающего к дальнейшим безрассудствам.

— Аминь.

— Я был богачом, известным в округе. Моим лекарством было хорошее вино и французское бренди. Я променял на это лекарство все золото и любовь порядочной женщины. И теперь любое вино стало хорошо для меня.

— Аминь!

— Искушаемый дьяволом, живущим в бутылке, я проматывал свое состояние и расточал золотые монеты моей доброй жены. У грязи в канаве было больше твердости, чем у меня.

Я стал приятелем шлюх и бандитов и, в конце концов, преступников, прикованных к своим киркам и лопатам.

— Аминь!

— Прежние друзья отворачивались, завидев меня. Господь наш тоже видел все это — но отвернул ли Он лицо Свое от меня?

— Нет!

— Нет, Он этого не сделал. Он протянул руку и возложил ее на сердце мое. Сердце это прежде было маленьким и твердым как камень. Но теперь, от прикосновения Господня, оно стало огромным и наполнилось золотым сиянием, и темная кровь вытекла из него. Господь принял меня в лоно Свое. И я больше не пьяница.

— АМИНЬ!

Волна чувств, вобравшая ликование трех сотен изголодавшихся человеческих существ, влилась в душу Луи Бреве. Эйфория от этого была сильнее, чем от любого вина, которое ему довелось попробовать.

— Сын мой, ты замечательно разыграл этот спектакль. Пусть они уйдут, ненавидя и любя тебя. «Богач, известный в округе» и «расточал золотые монеты» — они все проглотили за милую душу.

— Это правда, мистер Лимерик. — Луи все еще держал шляпу в руках. Осознав это, он поискал глазами, куда бы ее положить, и, не найдя ничего подходящего, водрузил на голову. Это вряд ли было вежливо — под тентом он был как бы в помещении, — но Луи не хотел держать шляпу как проситель.

— Конечно, это правда, и ты рассказал об этом с таким чувством.

— Спасибо, сэр.

— Твое усердие заслуживает награды, я не могу позволить тебе уйти с пустыми руками. Как насчет пяти долларов в неделю и содержания? Конечно, в пути ты будешь питаться с моей семьей. — Лимерик кивнул назад, туда, где его дочь Оливия спокойно выбирала из корзины для пожертвований банкноты и сортировала серебро. Ни на мгновение не прерывая своего занятия, она подняла голову и улыбнулась Луи — улыбка была прохладной, как свежая дыня.

— Содержания? — озадаченно переспросил Луи. — Я не понял.

— Если кто-то опустит деньги тебе в карман или в шляпу, это твое. Остальное идет с подавания. Ясно?

— Это очень щедро, сэр. А что я должен делать, чтобы нести слово Божие?

— Помогать моему мальчику, Гомеру, ставить тент. Приходить на собрания, утром и вечером. И рассказывать эту историю, как сегодня.

— Пока вы будете здесь, я обязательно буду приходить.

— А когда мы двинемся в путь? Ты же хочешь нести слово Божие повсюду?

— Конечно, мне бы этого хотелось.

— Считаю, что мы договорились.

В Оклахоме Просвещение явилось в лице его прежней любовницы Клары и имело беседу с Духом Святым и Луи.

— Этот Лимерик использует тебя для наживы, — сказала Клара. — При всей его напыщенности и черных одеяниях ему нет дела ни до Христа, ни до Евангелия. Он пьет втихаря. Он делает из тебя идиота — даже большего, чем ты есть на самом деле.

— Какими бы ни были его цели, — ответил Луи, — он приводит людей к Господу. Может, он не самый воздержанный, но зато много работает.

— А деньги?

— Это все для миссии в Африке, так он мне объяснил.

— Ты когда-нибудь видел хоть клочок письма из этой миссии или кого-нибудь, кто ее представляет? Видел ли ты когда-нибудь хоть один чек о переводе денег?

— Нет, я не посвящен в его финансовые дела. Он дает деньги тогда, когда нужно.

— И похоже, получает куда больше, чем дает.

— Поскольку он вершит дело Господа среди людей — и я могу помогать ему в этом, — какое это имеет значение?

— А такое, что он ловкий пройдоха. Может ли хороший человек так легко попасть под влияние плохого?

— Ливи не считает его плохим. Она любит его. А я люблю ее и доверяю ее простодушию и чистоте. Ливи мудра.

— Сначала ты сказал правду: Ливи простодушна. Она ничего не умеет, кроме как играть на органе, на котором, кстати, играет плохо, и считать монеты, что она делает медленно. Вся ее жизнь в ее пальцах.

— Она работает для Господа по-своему, как и все мы.

— Твоя вера непрощаема. Назовем это слепотой и покончим с этим.

— Как знать? Может, вера и должна быть слепой?

— Ну, коли так, значит, нам не о чем больше говорить.

С этими словами Клара поднялась и вышла. И больше Луи никогда ее не видел.

Это случилось в Арканзасе в жаркий вечер, когда мотыльки и мошки вились вокруг ламп. Смуглый незнакомец вошел под тент.

Он пришел не для молитвы и не из праздного любопытства. Он раздвинул полотняные занавески и пошел прямо по проходу, как человек, который шагает к виселице. Глубоко посаженные глаза смотрели в одну точку. Откинув фалды фрака, незнакомец уселся на последнюю скамью.

Луи, случайно оказавшийся рядом с ним, почувствовал озноб, даже несмотря на то, что струйки пота стекали из-под его шляпы за воротник, некогда снежно-белый и накрахмаленный, а теперь, месяцы спустя — серый и мятый. Холодная угроза исходила от смуглого незнакомца, как пар от куска сухого льда.

Глаза мужчины смотрели прямо и неподвижно и, похоже, видели не больше, чем два осколка стекла. Сначала Луи подумал, что незнакомец находится под действием морфия или еще какого-нибудь наркотика, хотя тот не клевал носом и не качался на месте. Заинтересовавшись, Луи открыто уставился на незнакомца, но тот даже не заметил этого.

«Интересно, куда он смотрит?» — подумал Луи. Он проследил направление взгляда: поверх пестрой смеси головных уборов — мужских шляп и женских шляпок, поверх широкого пространства перед скамьями, поверх переносного алтаря с открытой Библией и серебряными канделябрами — на Оливию, сидящую за своим походным педальным органом. На органе стояла корзина для пожертвований.

Все время, пока шло богослужение, Луи наблюдал за женщиной, следящим, в свою очередь, за Оливией и корзиной для пожертвований. Глаза его были неподвижны, только веки изредка опускались — это походило на мигание ящерицы. Когда настало время сбора пожертвований, глаза ожили: подняв взгляд, незнакомец посмотрел, как Оливия берет корзину с органа, опускает вниз, на уровень талии, и, перекладывая слева направо и справа налево, пронесит ее по рядам.

Когда девушка подошла к их скамье, корзина уже была тяжелой от груза монет и банкнот. Ливи пришлось напрячь руки, чтобы удержать ее, и ситцевое платье натянулось у нее на груди. Мужчина не заметил этого. Он смотрел только на корзину.

Когда Ливи проходила мимо, незнакомец не двинулся, чтобы открыть кошелек. Он только поднял взгляд к потолку и качнул головой из стороны в сторону. Ливи двинулась дальше. Луи, улыбнувшись, опустил деньги. Корзина, рука Ливи, чистый, свежий запах ее тела проплыли мимо него.

И тогда незнакомец зашевелился.

Когда Оливия была уже достаточно далеко, его рука как бы сама по себе скользнула за отворот сюртука и вынула пистолет, дуло которого было длиной по крайней мере дюймов восемь.

Одним движением, словно в танце, мужчина проскользнул под рукой Ливи и выскочил в проход, прижав девушку к своей груди. Дуло пистолета уткнулось в кружева на ее груди. Во время этого танца корзина не перевернулась и ее содержимое не выпало в толпу — Ливи держала корзину, как вышколенный официант держит поднос с полными до краев бокалами.

Вскочив, Луи заглянул мужчине в глаза.

И ничего не увидел... Мертвые, как камень.

Луи бросил взгляд на Оливию, пытаясь понять, чего она хочет.

Ее глаза тоже были пустыми: ни страха, ни гнева. Она не сопротивлялась. Она даже не смотрела на пистолет.

— Ливи? — растерянно спросил Луи.

— Отойди, Луи, — спокойно сказала она. — Этот человек хочет лишь денег.

Если бы Луи потрудился ее услышать, он бы заметил, что она говорит слишком спокойно, словно все это ей наскучило.

Но сейчас Луи видел только пистолет и смерть в глазах мужчины. В этих глазах явственно читалось желание спустить курок. Луи боялся за девушку и, будучи джентльменом, а не трусливым болваном, не мог стоять и спокойно на это смотреть.

Но в данной ситуации Луи вряд ли смог бы применить свои навыки бокса. Подняв руки, словно мелодраматический актер, исполняющий роль Призрака в «Гамлете», он попытался дотянуться до Ливи, освободить ее.

Незнакомцу понадобилось лишь на несколько дюймов сдвинуть прицел, чтобы дважды выстрелить в грудь Луи.

Ливи вскрикнула.

Ее возглас был исполнен не ужасом или негодованием, а презрением: «Луи, вы дурак!»

Он унес с собой в могилу запах свежего пороха и застарелого пота, вид мотыльков, порхающих вокруг меркнушей лампы под полотняным потолком, и последний комплимент в свой адрес — «Дурак!».

Сломанный фургон стоял на обочине, рядом с указателем: десять километров в одну сторону, двадцать — в другую. К антенне был привязан грязный красный вымпел. В этом была единственная опасность: антенна означала наличие передатчика, и те, в фургоне, в любой момент могли позвать на помощь.

Пожав плечами, Хасан съехал на боковую дорожку. Американцы не столь наблюдательны, как востроглазые израильтяне, отвоевавшие свою родину. Такое место встречи было бы невозможно в пустыне Негев.

Миновав указатель, Хасан медленно покати по усыпанной гравием дорожке. Проезжая мимо фургона, он разглядел внутри темную фигуру. По ее очертаниям угадывалось, что под одеждой скрывается оружие.

— Что-нибудь случилось? — приветливо спросил Хасан.

— Ничего такого, что нельзя исправить кусочком изогнутой проволоки. — Ответ был правильным.

Сунув револьвер в карман, Хасан толкнул дверь и вышел наружу, под блики фар проезжавшего прицепа. Он еще отряхивал пыль с одежды, когда его пригласили в фургон.

— Извините, господин Хасан. Это наименее подходящее место для военного совета.

— Да нет же, Махмед. Вид этой обочины столь привычен, что практически не привлекает внимания.

— Пока не появится полиция...

— На этот случай есть правдоподобное объяснение: поломка оборудования из-за беспечности бестолковых арабов — и один из богатых соотечественников, желающий помочь...

— К тому же мы заминировали дорожку в пятидесяти метрах отсюда.

— Тогда я покину вас тотчас при приближении полиции, — холодно ответил Хасан.

— Как всегда, мой господин. Чем может служить вам Братство Ветра?

— Мне нужно пристанище.

— Надолго?

— На неделю, может, на две.

— Только для вас?

— Для меня, для госпожи Александры, для нескольких избранных гашишиинов и для одного узника. Желательно в одном-двух днях пути отсюда.

— У нас ничего нет.

— Ничего?

— В этой части Нью-Джерси мало наших соотечественни-

ков, мой господин. Кубинцы, вьетнамцы и местные черные истошили гостеприимство этих мест. Потерявшие родину вынуждены искать более дружелюбные места. И к тому же влажный климат не для нас.

— И у вас ничего нет?

— Я думал, вам нужно пристанище.

— Но раз у вас ничего нет, мне придется искать помощи в другом месте.

Водитель сломанного фургона вытащил из кармана записную книжку. Хлопнул ею о складной стол и раскрыл ее.

— Мы оценили термоядерную электростанцию, «Мэйс лэндинг комплекс», пятьдесят километров отсюда, у реки. Она снабжает энергией Межприливный сектор Босвашского Коридора. Стоимость сооружения составляет девять миллиардов долларов. С учетом стоимости возмещения энергии — в два раза больше.

Хасан подергал губу — дурная привычка, но помогает думать.

— Тактическая обстановка?

— Станция легкодоступна. Она полуавтоматическая, так что операторы не остаются там круглосуточно. Как в любой американской конторе — днем толпы народу, вечером все расходится по домам.

— Ближайшие воинские подразделения?

— Ничего серьезного в радиусе шестидесяти километров — и все дороги грунтовые. Есть пост в Форт-Диксе, на север отсюда. Прежде там был большой учебный лагерь, но теперь это компьютерный и координационный центр. К нему также относится заброшенная база ВВС. В двадцати километрах к востоку расположена военно-морская база Лейкхерст. Реально в этом районе действует лишь гражданская оборона Нью-Джерси.

— Люблю штатских, — улыбнулся Хасан.

— Более того, поскольку атомная станция далеко от жилья и окружена кустарником, ее легко удержать. Мы можем обеспечить прикрытие — на суше, по реке и с воздуха — двумя группами людей с ракетами и бригадой саперов.

— Хорошо. Вы не разочаровали меня, Махмед.

— Благодарю, господин Хасан.

— Готовьте своих людей к осаде.

— И как скоро мы...

— День и час я сообщу позже. До тех пор ничего не предпринимайте.

— Слушаюсь, мой господин.

Сура 4

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Саладин слегка подвигал коленями, незаметно для окружающих, сделав вид, что потянулся за чашей с шербетом, и устроился поудобнее на мягких подушках. Военный лагерь в пустыне был благоустроен великолепно: тенты, опахала, подушки, набитые конским волосом. Но местный грунт — твердый и холодный — никак не напоминал гладкие полы в Каире, выложенные белым камнем.

А тут еще эти шейхи Сабастин и Рас-эль-Айна с их болтовней...

Саладин пришел в эту страну со своим войском, чтобы изгнать франкских захватчиков во имя Пророка и обрести славу. Не для того он здесь, чтобы заботиться о тщеславии богатых купцов и старейшин племен, которые хотели преломить хлеб с неверными.

— И что сказал еще этот норманн? — со вздохом спросил Саладин.

— Он сравнил Пророка с распутником!

— Он запятнал святое имя Хадиджи!

— А может, это нечестивое оскорбление — следствие незнания франкского языка? — поинтересовался Саладин.

— Оскорбление было нанесено умышленно, господин.

— И в чем же оно состояло?

— Он предложил возглавить поход в Медину и осквернить могилу Пророка.

— Он слишком много выпил.

— Он был трезв, господин.

— Он смеялся над нами, господин.

— И другие смеялись вместе с ним, господин Саладин.

Саладин сделал знак помолчать. Действительно ли франки столь сильны, чтобы решиться на такое безумие? Ограбить караван, захватить город — да, для этого сил у них достаточно, если, конечно, учесть еще и полукровок. С другой стороны, франки засели в укрепленных городах и каменных замках. Они передвигаются по дорогам в полном вооружении, с авангардом, флангами и арьергардом, и равно перед каждым путешествием причащаются, предавая себя в руки Господни. Войска Саладина добились своего в этих землях.

Рейнальд де Шатийон расхвастался, разогретый вином.

Такой поход невозможен. Эти глупцы восприняли всерьез слова Рейнальда. Мудрый человек пропустил бы такое мимо ушей.

Но, с другой стороны, оскорбление нанесено на публичной церемонии, на коронации. А это уже повод для дипломатического конфликта. Он, Саладин, может призвать на помощь весь исламский мир. Ни один защитник веры в этой несчастной стране, поделенной между аббасидами из Багдада, турками-сельджуками и египетскими айюбидами, не имеет здесь такого веса, как он. Если Саладин воспримет оскорбление всерьез, весь ислам должен будет присоединиться.

А при поддержке всего ислама, объединенного в священной войне против христиан, он, Саладин, может добиться желанной победы. И христиане, в лице Рейнальда де Шатийона, сами дали ему повод. То, к чему не могли привести девяносто лет вооруженных конфликтов и резни, спровоцировала одна-единственная фраза пьяного дурака.

— Ваша честность убедила меня, — сказал наконец Саладин. — Оскорбления Пророка и его верной жены зашли слишком далеко. Они должны быть наказаны огнем и мечом.

— Да, мой господин, — хором ответили шейхи.

— Весной, во время их праздника смерти и воскресения Пророка Иисуса ибн Иосифа, весь ислам поднимется на священную войну против Рейнальда де Шатийона, а значит, и против всех христиан. Мы должны изгнать их из этой земли за дерзкие речи.

— Благодарим тебя, господин.

Он повернулся к визирю, ожидавшему у входа:

— Мустафа. Поищи законников. Пусть выслушают этих двоих и составят декрет о джихаде против Рейнальда де Шатийона, провозгласившего себя князем Антиохии. Это должен быть приказ всем правоверным об изгнании Шатийона из страны. Те христиане, которые будут помогать ему, также преследуются, несмотря на прежние обещания и права гостей.

— Да, господин.

— Весь базар гудит новостями, сэр.

Томас Амнет удивленно поднял брови, но ничего не сказал. В одной руке он держал пестик, другой с каждым движением пестика поворачивал ступку на четверть оборота. При каждом сороковом обороте Амнет добавлял щепотку селитры, на ноготь большого пальца толченой коры хинного дерева и простой пещ.

— Говорят, это будет война до последнего. Саладин созывает всех правоверных. Не только своих египетских мамелюков, но и аравийских конников, которые сражаются с вами, франками...

— Ты сам наполовину франк, Лео.

— С нами, франками. И еще он приказал туркам-сельджукам и аббасидам прислать свои войска.

— Не слишком ли это много?

— Он намерен изгнать всех франков... всех нас из Святой земли за оскорбление, нанесенное костям Пророка Рейнальдом де Шатийоном.

— А что ассасины? Они тоже примут участие?

Лео скорчил презрительную гримасу:

— Ну что вы, мессир Томас! Они ж не воины. Нет. Это всего лишь секта.

— И поэтому они не столь благородны, чтобы участвовать в сражениях?

— Вы не сможете с ними сражаться, мессир. Вот и все. Они дерутся не по правилам: ножами и удавками.

— Как трусы в темноте, так?

— Да, сэр.

— Для прямой кавалерийской атаки они не подходят. —

И Амнет снова принялся за дело.

Мальчик с подозрением посмотрел на него:

— Вы надо мной смеетесь?

— И не думаю. Что еще говорят на базаре?

— Что всех франков изгонят отсюда к середине лета.

— Боюсь, что для этого больше понадобится всадников, чем есть у Саладина. Не важно, кто придет к нему на помощь.

— Говорят, у него сто тысяч воинов. И по крайней мере двенадцать тысяч рыцарей.

Широкий конец пестика чиркнул по ободку ступки, и ритм сбился. Амнету понадобилось два раза стукнуть им, чтобы снова войти в ритм.

Он хорошо знал, каковы силы тамплиеров, и имел некоторое представление о том, чем располагает Орден госпитальеров. Христианские правители по всей стране тоже не беззащитны. Но все вместе это не составит и одной пятой сил Саладина.

— Ты наслушался на базаре страшных сказок, Лео.

— Да, мессир Томас. А что вы смешиваете?

— Это для тебя, Лео. Хорошее зелье от любопытства.

Юноша понюхал смесь:

— Фу!

* * *

Королю Ги приятно было смотреть на взмокшего Рейнальда де Шатийона. Сначала де Шатийон вбежал в зал аудиенций, чуть не поскользнувшись на гладком полу. Колени его дрожали, туника была изорвана, привычная насмешливая улыбка куда-то исчезла. Рейнальд был в панике.

Да, удивительно приятно было видеть человека, почитавшего себя выше всех — даже выше короля! — столь испуганным и растерянным.

— Мой государь Ги! — Голос Рейнальда дрожал. — Сарацины ополчились против меня.

Ги де Лузиньян выдержал подобающую паузу.

— Они сражаются с нами со всеми, Рейнальд. Каждый сарацин, способный держать меч, неизменно ищет стычки с франком. Почему ты решил, что чем-то выделяешься?

— Сам Саладин издал декрет, в котором обвиняет меня в преднамеренном богохульстве. Они жаждут джихада.

— А ты что, богохульствовал, Рейнальд? — Ги наслаждался.

— Никогда, по отношению к Господу и Спасителю нашему.

— Добрый христианин, верно?

— Я защищал веру словом и делом. Мне и в голову не приходило, что Саладин сочтет за оскорбление случайно брошенную фразу. — Рейнальд пожал плечами — жест, который никак не сочетался с его недавней истерикой. — Я, бывало, насмеялся над неверными. Разве я могу все припомнить? — Внезапно он заговорил вкрадчиво, очень вкрадчиво: — Однако удар, направленный против меня, направлен против всех христиан, находящихся здесь, на Святой земле. Даже против короля...

— Я читал этот декрет. — Ги демонстративно зевнул, скрывая растущее ликование. — Там особо отмечается, что христиане, которые будут укрывать или поддерживать тебя, становятся такими же, как ты. Если мы отдадим тебя Саладину...

— Я уверен, мой государь понимает, что, если король отдаст сарацинам лучшего своего подданного и верного защитника, он будет ославлен по всей Франции как дурак и подлец, попадет под папское отлучение, а может, даже и восстановит против себя войско.

— Хорошо сказано, князь Рейнальд.

— Но король, который поднимет эту опрометчиво брошенную перчатку, который защитит и поддержит вассала, связавшего свою жизнь с жизнью этого короля, — такой король заслуживает звания «Защитника Креста». Такой король прославится во

всем христианском мире — от Венгрии до западного побережья Ирландии. Такой король навсегда останется в памяти людей.

Ги погрузился в блаженные грезы. Но ненадолго.

— Известно ли тебе, какое войско собрал Саладин? Более десяти тысяч рыцарей. И сотня тысяч обученных йоменов.

— Слухи превращают десятки в тысячи, — усмехнулся Рейнальд.

Ги несколько растерялся:

— Он хорошо знает свои силы.

— Сарацинские рыцари? Мы бились с ними сотни раз. Легкие доспехи и игрушечные мечи. Кольчуга, которую меч рассекает, как сеть. Шлемы и нагрудники, которые можно проткнуть кинжалом, — тонкая работа, золото, эмаль, — но ничего такого, что не подвластно мечу доброго норманна или даже лангедокского рыцаря. Большинство сарацинских воинов сражаются в льняных одеждах, с тюрбанами на головах. Потряси перед ними мечом, и они тут же разбегутся.

— Но у меня слишком мало воинов, чтобы противостоять Саладину.

— А тамплиеры? А госпитальеры? Они подчиняются вам. Конечно, антиохийцы выступят в мою защиту. Каждый француз и большинство англичан, которые пришли в эту страну, знают, как держать меч. Мы можем выставить несколько десятков тысяч. Этого достаточно.

— Если я призову всех христианских воинов, населяющих Святую землю — от Газы до Алеппо, мы соберем двадцать тысяч рыцарей и тысяч десять вооруженных йоменов.

— Вот видите, сир! У нас преимущество!

— Но это значит — оставить наши крепости без всякой защиты! Если мы проиграем, нам некуда будет вернуться, чтобы залечить раны.

— Если Саладин соберет такое войско, кто тогда нападет на наши крепости? Мы ведь будем преследовать их, верно? Им уже будет не до осады. Не стоит беспокоиться, мой государь. Как только вы издадите декрет, созывающий орденских рыцарей, у нас появится преимущество.

— Ты думаешь?

— Конечно. Разве я не ясно выразился?

— Ты отправишься в Антиохию и созовешь своих воинов. Далее призовешь всех, кто защищает крепости... Если ты настолько уверен, что это не скажется на безопасности страны.

— Мой государь...

— Между прочим, это приказ.

Прежняя жестокая улыбка вернулась к Рейнальду.

— Я должен повиноваться. — Он низко поклонился и попятился к двери.

Ги было любопытно, поступит ли Рейнальд так, как сказал.

Ги де Лузиньян размышлял, а сможет ли он сам собрать всех воинов для того лишь, чтобы защитить одного человека... «Защитник Креста»... Это звучало заманчиво.

— Еще раз, Томас!

В сороковой раз за последний час Томас Амнет занес меч и принял оборонительную позицию.

Меч был варварским, на добрых шесть дюймов длиннее и намного тяжелее привычного, того, которым легко можно фехтовать. Мышцы Амнета напряглись. Причина таких мук была очевидна — Томас совершал еженедельную тренировку.

Неважно, какое положение занимал Рыцарь Храма — дипломат на службе короля или Папы, казначей, лекарь или, как Амнет, прорицатель, — он принадлежал к воинствующему Ордену и должен был поддерживать воинское искусство на высоте.

Сэр Брор, с которым они фехтовали во дворе Иерусалимской крепости, был человеком недалеким. Он не умел произносить изысканные речи, не обладал утонченным интеллектом, зато слыл удачливым воякой и, если верить его рассказам, как-то раз обратил в бегство пятьдесят сарацинских конников. Первым трем он снес головы одним взмахом меча и еще троим — при обратном движении, остальные позорно бежали.

На этот раз Брор сделал выпад всем телом. Прежде чем Амнет успел парировать удар, легкий стальной меч оказался в дюйме от горла. Клинок Амнета взмыл в воздух и зарылся в утрамбованную землю. В тот же миг Брор, сделав еще один выпад, нанес новый удар.

У Томаса не хватило сил поднять меч, и Брор зафиксировал туше с левой стороны груди.

— Уже устал? — скороговоркой спросил Брор.

— Ты же видишь.

Сэр Брор надавил сильнее, уколов кожу под стеганой защитной туникой.

— Эй! — воскликнул Томас, отмахиваясь.

— Это чтобы ты запомнил меня. И запомнил, куда должно двигаться твое запястье. — Он, как Амнет, опустил меч острием вниз, развел руки и легко занес меч. — Вот так!

Томас медленно повторил его движение и поудобнее перехватил меч.

— Спасибо. Так лучше.

— Томас!

Голос донесся с другой стороны двора, от подножия башни.

— Томас!

Там стоял Жерар де Ридефор с делегацией тамплиеров из разных обителей, разбросанных по всей стране. Амнет отметил, что все они прибыли со сменными лошадьми, одной или двумя, дня за полтора.

Он отсалютовал сэру Брору тяжелым мечом и пошел на зов Великого Магистра.

— Томас Амнет может дать нам совет, — услышал он, приближаясь к вновь прибывшим.

— Дать совет, в чем, мой господин? — Рукавом рубахи Томас отер с лица пыль и пот.

Важные тамплиеры, свежие, одетые в льняные и шелковые одежды, поморщились. Амнет улыбнулся.

— Мы получили призыв, — сказал Великий Магистр.

— От короля Ги, — уточнил Амнет. — Присоединиться к нему в связи с джихадом, объявленным Саладином.

— Да, а ты откуда знаешь? — взволнованно спросил Жерар. Остальные невнятно заговорили и казались возбужденными.

Этому трюку Томас выучился давно: используя свою интуицию и сообразительность, он всегда выделял главное и обычно мог предугадать в общих чертах, а иногда и в подробностях, суть того сообщения, которое герольд еще не донес до ворот. Сейчас Амнет предугадал все, поскольку знал слабости короля Ги и проблемы Рейнальда де Шатийона.

— Король приказывает нам собрать семь тысяч рыцарей, — сказал Жерар, — и примерно столько же йоменов и слуг. Мы должны двинуться на север, к...

— К Кераку Моабскому, — продолжил Амнет. — Дерзкий глупец этот Саладин!

Жерар умолк и улыбнулся:

— Откуда ты знаешь?

— Керак — владение Рейнальда де Шатийона. Саладин мог бы атаковать Антиохию, резиденцию князя, которая в действительности более удобна для осады. У Саладина много единоверцев — а значит, и потенциальных союзников — за ее стенами. Вместо этого он направляется прямо к Кераку, который полностью наш. Следовательно, он что-то замышляет, потому как вовсе не глупец. Такая смелость города берет.

— Ты знаешь все это из базарных сплетен?

— Нет.

— Слышал от кого-либо из приближенных Рейнальда?

— Вовсе нет. Почему ты так подумал?

— Потому что я только сегодня узнал от короля, что Рейнальд направился в Керак — собирать силы.

— И король Ги ожидает, что мы соберемся под началом Рейнальда в этих высоких и узких стенах?

— Сейчас он предлагает другое. — Жерар улыбнулся: наконец-то Томас дал неверный ответ. — Мы должны собрать наше войско здесь и перехватить сарацинов.

— А!

— А для тебя у меня особое поручение.

— Какое, мой господин? — Амнет изобразил послушание.

— Госпитальеры отвергли призыв короля Ги. Они заявили, что их глава — Его Святейшество Папа, и поэтому они не могут подчиняться никому другому.

— Звучит разумно.

— Да, и... Что ты сказал? — Жерар разинул рот от изумления.

Тамплиеры, до сих пор не участвовавшие в разговоре, зашумели, обсуждая дерзость Амнета.

— Смею заметить, мой господин, что князь Рейнальд пожинает то, что посеял. — Амнет говорил спокойно. — Вы можете избавить всех нас от кровопролития: отдайте его Саладину. Если хотите сохранить господство христиан на этой земле, отдайте Рейнальда Саладину.

Великий Магистр побагровел:

— Не суди опрометчиво, Томас. — Внезапно он умолк: новая мысль погасила его гнев. — Ты видел это в свете, — Жерар оглянулся на собравшихся вокруг тамплиеров, — нашего друга?

— Нет, мой господин... Источник не подтверждает этого столь определенно. Я опасаясь, что утратил свое умение. Действительно, я сужу опрометчиво, но это мог бы сказать любой из собравшихся здесь воинов. Силы Саладина уже сейчас превышают наши. Его декрет направлен только против самого Рейнальда, его домочадцев и тех христиан, которые будут его защищать. Таким образом, единственная возможность выжить...

— Достаточно, Томас. В области политики нам нужно твое послушание, а не твое мнение.

— Я в вашем распоряжении, мой господин. — Амнет низко поклонился.

— Ну так-то лучше, послушание более подобает рыцарю. Но твое мнение создает определенные трудности — я хотел напра-

вить тебя послом к Роджеру, Великому Магистру госпитальеров. Ты мог бы убедить его отказаться от принятого решения и присоединиться к королю Ги. Но если ты согласен с ним, тебе трудно будет выполнить такую миссию. Я даже не знаю, сможешь ли ты... Может быть, кто-нибудь другой...

— Мой господин, — запротестовал Амнет, — вы знаете, что мой разум и знания — в вашем распоряжении! Если вы направите меня к Роджеру, я представлю ваше мнение так, как вы сделали бы это сами.

— Да?

— Как Рыцарь Храма и христианин, я попрошу Роджера помочь князю Антиохийскому.

— И королю, Томас, — проворчал Великий Магистр.

— А следовательно — и всем нам.

— И как вы собираетесь осуществить это, мессир? — Лео тщетно пытался взбодрить старую клячу, вонзая ей в бока шпоры. Кобыла прижимала уши, на несколько шагов пускалась легким галопом и снова переходила на шаг. Лео явно был обречен всю дорогу до Яффы плестись позади хозяина.

— Я приведу доводы, которые подскажет мне мой разум и вдохновение Господне.

— Но госпитальеры все равно могут отказаться.

— Ну, тогда моя миссия провалится, и я вернусь в Иерусалим.

— Съездив попусту.

— Нет, съездив по приказу моего господина.

— Попусту.

— Нет не... ладно, будь по-твоему, попусту. Но ты должен запомнить, Лео, и чем скорее, тем лучше, если, конечно, ты стремишься к воинской славе, что приказ начальника важнее, чем твое собственное мнение или твои склонности. Солдат должен подчиняться безоговорочно, таково неперемное условие победы. Если капитан приказывает «налево», ты не рассуждаешь, есть там враг или нет, поворачиваться или не поворачиваться. Ты поворачиваешь коня и принимаешь последствия. А что было бы, если каждый рыцарь сам выбирал боевую позицию и дрался, когда сочтет нужным? Для тамплиера послушаться Великого Магистра или короля — то же, что для сельского священника усомниться в приказе Папы Римского.

— Говорят, Роджер больше не Великий Магистр госпитальеров, поскольку он бросил ключ Ордена в лицо королю.

— Не искажай факты, парень. Он бросил ключ в окно. И никто не видел, куда этот ключ упал. Поэтому никто не может утверждать, что потом Роджер его не подобрал. Он магистр до тех пор, пока рыцари-госпитальеры не откажутся ему подчиняться или пока Папа не сместит его. Но на это Его Святейшество никогда не пойдет.

— Почему? Роджер что, такой хороший Магистр?

— Во-первых, Рим далеко. Во-вторых, Папа Урбан при смерти. Его преемник, которым будет Григорий Восьмой, если не ошибаюсь, не дотянет и до конца года. А тот, кто станет Папой после него, будет слишком занят укреплением папской власти, чтобы обратить свой взор за море. Так что нам в Святой земле самим придется разбираться со своими трудностями.

— Папа умирает! — удивленно воскликнул Лео. — И вам известно, кто будет его преемником... У вас много друзей среди кардиналов?

— Ни одного.

— Так откуда вы знаете, что этот Григорий будет следующим Папой?

— Если бы ты вглядывался в будущее так же внимательно, как я, то обнаружил бы, что знаешь нечто такое, о чем раньше и понятия не имел. Я могу перечислить тебе по порядку всех пап вплоть до года моей смерти. А девять столетий принесут нам много пап.

— Бог мой! Вы колдун, мессир Томас.

— Не колдун, Лео, а... Что это?

Вдалеке, там, где дорога сливалась с горизонтом между двумя холмами, показалась белая точка, поднимавшая большое облако пыли.

— Всадник, мессир Томас.

Точка быстро превратилась во всадника, судя по одежде — бедуина. Бедуин двигался легкой рысью, направляясь прямо к ним. Амнет и Лео натянули поводья.

— Для одного всадника слишком много пыли, — заметил Амнет.

Заметив их, бедуин перешел на галоп. Сухая утрамбованная почва великолепно передавала звуки: они частили и перекрывались, сообщая, что лошадь явно не одна.

Амнет инстинктивно оглянулся назад, но дорога позади оставалась пустой.

Не доезжая двухсот ярдов, на расстоянии полета стрелы, всадник свернул влево, и из облака пыли вынырнул второй, за ним третий, четвертый, пятый... Все они отъезжали в сторону и

резко осаживали коней, так что Амнет и его спутник оказались в кольце.

Резким окриком один из бедуинов приказал всадникам остановиться.

— Что им нужно, мессир Томас?

— Не знаю, но думаю, нам придется поехать с ними.

Для воина, стратега и человека действия требования придворного этикета были утомительны. Вереница трезвых лиц, грубая лесть, беспокойные руки и жадные глаза — все это изматывало до предела.

Этим утром он вершил суд, выслушивая жалобы одних бедуинов на других по поводу потерянной овцы или прав на колодец. Судя по высоте солнца, после полуденного намаза прошло не менее часа. Саладин обреченно вздохнул.

Следующими были несколько бедуинов, которые приволокли пару оборванных путешественников. Один, по виду полукровка, упал перед восседавшим на подушках Саладином на колени. Второй — европеец, скорее всего франк, стоял, глядя на султана сверху вниз, пока один из бедуинов не пнул его под коленку. Франк упал на четвереньки, но так и не отвел взгляда от султана.

Покрытая пылью одежда пленников говорила о том, что они пришли издалека. Туника франка, вероятно, некогда была белой. Грязное пятно на груди слева по форме походило на крест. Крест, судя по всему, спорили. И все же это ровным счетом ничего не значило.

— В чем виновны эти люди? — спросил Саладин, придав своему голосу строгость.

— О мой господин, они ехали по дороге в Яффу.

— И?

— За эту дорогу отвечает Харис эль-Мерма. Все проезжающие по ней должны получить наше разрешение и уплатить пошлину. Они же не заплатили.

— Вы не смогли получить с них деньги?

— О мой господин, у них ничего не было.

— Совсем ничего?

— Не было денег, а оружие не бог весть какое ценное. У одного было вот это... — Бедуин вытащил из-под одежды потертый кожаный мешочек.

— Дай-ка сюда, — приказал Саладин.

Тот передал мешочек. Внутри оказалось что-то твердое, по-

хожее на камень. Развязав кожаные ремешки, султан достал со-держимое — кусок дымчатого кварца, гладкий, как окатанная водой галька. Камень был тяжелый и теплый, наверное, сохранил тепло тела бедуина. Саладин с интересом принялся рассматривать его в солнечных лучах, проникавших сквозь ткань шатра.

Коленопреклоненный франк судорожно вздохнул и задержал дыхание.

Свет входил в кристалл и таял там, не проходя насквозь, не преломляясь на гранях. В центре кристалла что-то темнело — пятно, которое лишало его всякой ценности.

Саладин опустил камень в кошелек и передал бедуину:

— Верни ему это. Камень ничего не стоит.

— Слово моего господина — закон.

— Я уплачу за них пошлину.

— Благодарю, мой...

Саладин прервал его и повернулся к франку:

— Вы христиане?

— Я христианин. — Арабский, на котором говорил путник, был таким же нечистым, как камень, но странно звучала родная речь в устах европейца.

— А этот полукровка твой слуга?

— Мой подмастерье, господин. И мой друг.

Саладин пожал плечами: кого это заботит?

— Что за дело у вас в Яффе?

— Меня послал мой хозяин выяснить спрос на лошадей... лошадиное мясо.

— Ты не похож на купца. Судя по одежде, ты воин, однако у тебя не слишком тупой взгляд. Ты был воином?

— Меня обучали воинскому искусству, но я не слишком преуспел в нем.

Кому интересно, что думает неверный о своих достоинствах?

— Хорошо, когда человек знает пределы своих возможностей, — сказал Саладин. — Ты можешь ехать. В Яффу. Насчет лошадиного мяса.

В знак признательности франк коснулся лбом пола, как делают мусульмане, когда творят намаз.

— Но запомни, христианин. Ты должен уехать из этой страны до конца года. Весь твой род должен уехать. Сейчас между нами война. Последняя война. Мой тебе совет — вообще не покупай молодых коней или покупай их не слишком много, иначе ты никогда не получишь за них достойную цену... Ты понял меня?

— Нет, мой господин, — запинаясь, ответил франк.

— Я и не рассчитывал, что ты поймешь. Ну а теперь — ступай своей дорогой.

Саладин повернулся и дал знак Мустафе. Определенно, пора уже совершить молитву.

— Мессир Томас, мы живы? — Бедуины избавили Лео от старой кобылы, и теперь он раскачивался на спине верблюда, который упорно норовил укусить его за ноги.

Французского коня Амнету под угрозой оружия пришлось обменять на старого верблюда с разбитыми копытами. Животное так тяжело дышало, что у Томаса рука не поднималась подгонять его.

— Похоже, живы, — ответил Амнет.

— А мне казалось, что Саладин обещал награду за голову каждого Рыцаря Храма.

— Обещал.

— И все же он отпустил вас.

— Я же ему не представился.

— Да, но ведь он видел след от креста, который вы спорили с туники. Я заметил, что он очень внимательно его разглядывал.

— И поскольку я не вошел в его шатер с гордым видом, Саладин решил, что тунику я украл. О человеке судят по делам и речам, не по одежде. Это понимают даже сарадины.

— Почему он отпустил вас? Кажется, он решил это после того, как подержал в руках Камень.

— Ты это заметил, да?

— Я замечаю все, мессир. Как вы учили.

— Я горячо молился, чтобы он отпустил нас. Воистину дар небес, что он не забрал Камень.

— Этот Камень так важен для вас? Почему?

— Ах, Лео! Хватит вопросов. Ты должен оставить мне хоть что-нибудь, чему я еще могу научить тебя.

— Ладно. Я могу подождать. Но не слишком долго.

— Что вам от нас нужно? — взревел Роджер, Великий Магистр Ордена госпитальеров. Голос его гремел под сводами трапезной в Яффской крепости.

Рыцари зашумели. До Амнета донеслось: «Слушайте, слушайте!», «Никогда!», «Не хотим!».

— Только сам Папа может приказать госпитальерам сра-

жаться, — продолжал Роджер более спокойно. Было ясно, что он не считает себя обязанным оправдываться перед посланцем.

— Это правда, — согласился Амнет, повышая голос, чтобы перекрыть шум. — Ваш Орден — так же как и мой — подвластен только Его Святейшеству. Однако интересы этой страны и короля Ги более близки нам.

— Ги связался с Шатийоном и сам лезет дьяволу в пасть. Пусть сам все и расхлебывает.

— А если Ги не отдаст Шатийона дьяволу, что тогда?

— Э? — Роджер задумался.

— Если король Ги поднимет франков на битву с Саладином, а госпитальеры останутся в стороне — что тогда?

— Тогда Ги окажется в дерьме.

— А если Ги разобьет сарацин?

— Э?

— Если франки победят, а госпитальеры будут сидеть сложа руки, для них это кончится плохо. Десятина будет поступать не столь регулярно. Долги будут выплачиваться не столь быстро. Некоторые угодья, полученные в дар от некоторых королей, могут быть востребованы обратно.

— Это нам не впервой. Мы уже почувствовали тяжесть королевского гнева.

— А Его Святейшество... он будет улыбаться, как Бог, глядя на все это с горных высот. В конце концов, наш Урбан отнюдь не государственный муж. Он не желает отказываться от обличения королей и властей предержавших, не так ли?

— А-гмм... — Роджер потерял дар речи.

Тишина в зале, за спиной Амнета, нарушалась лишь шарканьем сапог по каменным плитам.

— Если король Ги и те, кто выступит с ним, потерпят поражение, вы немного потеряете. Конечно, силой своих мечей вы сможете удержать позиции в этой варварской стране. Но если король Ги и князь Рейнальд одержат победу, они станут сильнее, чем прежде, — а разве кто-нибудь будет молить Бога о другом? Тогда ваши позиции пошатнутся.

— Ты уверен?

— Это очевидно.

— Но говорят, тебе известно будущее. Видел ли ты, при помощи своей белой или черной магии, исход этой затеи?

Прежде чем ответить, Амнет помолчал. Перед его глазами всплыло видение: беспощадное смуглое лицо с пышными усами...

— У меня нет такой власти, если я правильно понял вопрос.

— Это не ответ, Томас Амнет.

— Это единственное, что я могу сказать, мой господин.

— Ты заморочил нам головы домыслами и загадками, тамплиер.

— Я просто указал на все ловушки, что расставляет вам ваша же линия поведения, и на те преимущества, которые вы сможете обрести, если измените решение.

— Какие преимущества?

— Госпитальеры и тамплиеры долгое время были заодно.

— Не настолько.

— Правильно, магистр Роджер, у нас были разногласия. Но король будет вами весьма доволен, если вы снова поднимете мечи в его защиту.

— Что ты имеешь в виду под словом «доволен»?

Амнет задумался. Он был уполномочен только делать намеки, но давать прямые обещания — не в его компетенции.

— Если нам удастся прогнать Саладина с его айюбидами, появятся новые земли. Поля зеленой египетской пшеницы, месторождения железа на Синае, промыслы жемчуга на Красном море...

— И милые сердцу Ги тамплиеры получают все самое лучшее, не так ли?

— А разве отец не трудился более усердно для блудного сына, нежели для того, который остался покорным его воле?

— Опять загадки, Томас! Могу поклясться, у тебя найдется по одной на каждый день недели.

— Мой господин оказывает мне слишком большую честь.

— Достаточно большую, чтобы не спорить с тобой. Мы здесь люди простые. Доблестные воины. Благочестивые монахи. Честные купцы. Быстрые мечи и случайные союзы — не для нас.

— Но, мой господин...

— Нет, Томас. Мы порвали с королем Ги открыто. Мы не можем похоронить разногласия ради нескольких полей пшеницы и жемчужовых приисков.

— Я и не собирался покупать ваше решение, магистр.

— Нет, конечно, оно не продается. Если король Ги плохо кончит, мы не будем ликовать. Мы не будем молиться за сарацин. Но мы не протянем руки, чтобы вытащить Ги из той ямы, которую гордыня Рейнальда вырыла для них обоих... да и для тебя тоже, если ты заодно с ними.

— Я понял.

— Ты верный рыцарь и хорошо послужил своему Ордену, потому я не стану наказывать тебя за то, что ты посмел явиться

сюда. Можешь возвращаться в Иерусалим — если сарацины тебе это позволят.

— Благодарю вас, магистр Роджер.

— Поспеши, Томас. Война на пороге.

Файл 04

ХОЛОДНОЕ И ГИВЛОЕ МЕСТО

На третью ночь Том Гарден начал улавливать ритм бассейна. Ему пришлось усвоить главное: любая женщина, которая не могла здесь подыскать себе никакого другого мужчину, кроме пианиста, была либо слишком застенчивой, либо слишком пьяной и потому не могла доставить много хлопот. Улыбка или легкое отстраняющее движение бедром отгоняли ее прочь. Пока он играл, все было в порядке.

Напротив, Тиффани и вторая официантка, Белинда, все время подвергались домогательствам — как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Порой эти атаки были ласковые и добродушные, порой — грубые. Заняв позицию наблюдателя, Гарден подсчитывал число шлепков, обжиманий и всевозможных запрещенных приемов, которые Тиффани приходилось терпеть целый час. Но ни одна из девушек ни разу не взвизгнула. Не грозила им, по всей видимости, и опасность захлебнуться — вполне хватало способности задержать дыхание на тридцать секунд. В ту первую ночь, после единственной яростной попытки вступить за Тиффани, попытки, встреченной взрывом хохота, Гарден сказал себе, что не его это дело. Правда, порой его удивляло, что в воде не видно крови.

Том быстро понял, что здесь предпочитают ритмы девятых годов, в основном медленный рок и иногда соул. Это он мог играть часами. Однако посетители желали услышать голоса саксофона и гитары. Увы, ни того, ни другого клавионика воспроизвести не могла.

Во всяком случае, на первых порах.

Клавионика была полуклассическим инструментом, у нее были специальные клавиши, воспроизводящие регистры духовых инструментов. Том обнаружил, что лучше всего соответствуют желаемому эффекту труба и челеста. Когда он впервые опробовал эти регистры, их звучание, как ему показалось, было все же весьма далеко от настоящего саксофона и гитары. Но чем больше Гарден играл, привыкая к клавиатуре, повторяя некото-

рые фразы более уверенно и настойчиво, концентрируясь только на извлечении звуков, тем больше голоса трубы и челесты походили на то, что он стремился услышать.

Впервые заметив, что клавионика воспроизводит настоящий сакс и гитару, Том решил, что звук искажается под водой. Но ведь подводные динамики работали и раньше, а ничего похожего не было.

Потом он подумал, что его слух подводит его, выдавая желаемое за действительное. Но за годы работы его уши научились улавливать только то, что делали пальцы.

Наконец он решил, что цепи коротит от воды и химикатов, проникших в схему. На следующее утро Том пришел в бассейн пораньше, перетащил пианино на кафельный борт и вскрыл клавионку. Все платы были в первоизданном виде. Он проверил схему своим тестером — никаких изменений, за исключением того, что блок трубы явно воспроизводил резкие перепады саксофона, а челеста генерировала звучание современных струнных.

В итоге он вынужден был признать, что инструмент отвечает ему так, как ни один другой. Каким-то образом Том Гарден спровоцировал изменения в электронной схеме клавионики.

Рядом не было никого, кому можно было бы рассказать об этом чуде. Пригласить Сэнди в бассейн Тому и в голову не приходило. Впрочем, она об этом не просила. Что касается Тиффани и Белинды, то им было не до музыки, выбраться бы живыми из этого ночного праздника вседозволенности.

Происходили в бассейне и другие необъяснимые события.

На вторую ночь Гарден обнаружил в донышке своего стакана оранжевое пятно. Был ли это тот самый стакан, что Сэнди дала ему тогда, в квартире? Трудно сказать. Может быть, и так, даже скорее всего. Пятно было точно такой же формы и точно такого же цвета.

Кто в ту ночь приносил ему содовую: Тиффани или Белинда? Кажется, Тиффани... Но она определенно не знакома с Сэнди.

Мог ли кто-то подсунуть стакан в бар, в надежде, что тот попадет к Гардену? Вряд ли, ведь каждую ночь не меньше сотни таких стаканов ходило здесь по рукам. Кроме того, как пианист, Том оказывался первым или вторым клиентом бара. И старался не расставаться потом со своим стаканом, наполняя его прямо на месте.

Не прерывая игры, Гарден высвободил руку и взял стакан. Повторилось уже знакомое ощущение, словно какой-то разряд прошел через все тело. Впечатление было ослаблено водой, дви-

жением тел вокруг и отсутствием неожиданности. Но покаяние все же дошло до самых кончиков ног.

Он отхлебнул воды со льдом и поставил стакан на пюпитр.

Рука легла на клавиши и подключилась к ритму.

Хорошо, когда тебя любят.

Или по крайней мере ухаживают за тобой.

Элиза: Доброе утро. Это Элиза...

Гарден: Здравствуй, куколка. Двести двенадцать, пожалуйста.

Это Том Гарден.

Элиза: Привет, Том. Где ты находишься?

Гарден: Все еще в Атлантик-Сити.

Элиза: Судя по голосу, ты немного успокоился.

Гарден: Может быть. Не знаю.

Элиза: Как работа, привык?

Гарден: Ко всему можно привыкнуть.

Элиза: По-прежнему видишь сны?

Гарден: Да.

Элиза: Расскажи мне о них, Том.

Гарден: Последний был дурной. Не то чтобы какой-нибудь ужасик, а по-настоящему пугающий. Кошмар.

Элиза: Подробнее, пожалуйста.

Гарден: Это всего лишь сон. Я думал, вы, киберпсихиатры, не занимаетесь фрейдистским анализом. Так почему...

Элиза: Ты сам сказал, что кто-то пытался проникнуть в твое сознание. Возможно, это не просто сны, особенно если они приходят наяву.

Гарден: Но они повторяются и ночью.

Элиза: Разумеется, это повторное переживание. У тебя когда-нибудь бывало *deja vu*?

Гарден: Конечно, у каждого бывает.

Элиза: Это ощущение узнавания на самом деле — ошибка мозга. Разум моментально интерпретирует новый опыт так, будто он уже хранится в памяти. Ведь через мозг волнами проходят триллионы синапсов, и вполне вероятно, что некоторые, определенный процент, могут оказаться ложными.

Гарден: Какое отношение это имеет к моим снам?

Элиза: Сны, *deja vu*, галлюцинации, ясновидение — все это узорная пелена, которой рассеянный ум пытается смягчить непредвиденность опыта. То, что ты уже видел в действительности, ты можешь впоследствии вспомнить и обдумать и, в конце концов, увидеть во сне.

Гарден: Но эти сны не имеют ничего общего с реальностью! Это *jamais vu*, то, что никогда не видел.

Элиза: Реальность, как любил говорить мой первый программист, — это многоцветное покрывало. Тысячи синапсов образуют почти случайный узор — вот что такое реальность.

Гарден: ...Почти случайный?

Элиза: Расскажи мне свой сон, Том. Последний сон.

Гарден: Ладно. Мне кажется, его спровоцировало вот что. Я играл в солдатском клубе, перед пилотами, которые во время войны участвовали в боевых действиях в Сен-Луи и Рио-Гранде. Я импровизировал на тему одного их марша — наполовину английского, наполовину испанского — о втором взятии Аламо. Внезапно между двумя клавишами словно блеснул металл. Это был блеск клинка, рассекающего воздух.

— Это подлинник, лейтенант, — сказала Мадлен Вишо, не выходя из-за прилавка. — Я продаю только подлинники, чье происхождение доказано.

Мадам Вишо неплохо бы смотрелась, подумал лейтенант морской пехоты Роджер Кортней, если только ее нарядить. Убрать белую блузку в оборочках и тускло-серую юбку из тафты, какие носили в десятые и двадцатые годы, когда во французских колониях одевались по парижской моде девяностых. Надеть на нее что-нибудь более модное, лучше всего — азиатское, например, яркое узкое шелковое платье с разрезом до бедер, как носят сайгонские девушки в барах. На такой женщине, как мадам Вишо, с ее формами, светлыми волосами и почти нордическим типом лица, это смотрелось бы просто...

— Это подлинник эпохи Наполеона, лейтенант. Офицерская модель, копия римского «гладиуса» — короткого колющего меча.

Кортней сделал несколько пробных взмахов плоским кинжалом. Он попытался покачать его, чтобы определить центр тяжести, как учили на уроках фехтования. Отцентрован кинжал был неправильно. Широкое лезвие, острое, почти как охотничий нож, покачавшись, упало налево. Словно хотело рассечь Роджеру колено. Это ему почти удалось.

— Что-то здесь не так.

— «Гладиусы» были созданы для невысоких мужчин, — сухо, как учительница, сказала Мадлен. Кортней подумал, что, если бы он порезался, Мадлен этого даже не заметила бы. — В наше

время, когда мужчины стали крупнее, кому-то это оружие может показаться неподходящим.

— Как бы то ни было, я ишу несколько более...

— Попробуйте «гейдельберг», четвертый слева на последнем столе. Это дульный клинок, шпага более современная.

— Современная? Так...

Кортней поднял длинный стальной хлыст, у основания не толще его мизинца. Эфес был защищен плоской корзинкой из стальных пластинок. На рукояти какое-то украшение...

— Ого! Бриллианты?

— Горный хрусталь, лейтенант. Это благородная шпага, со скромной отделкой.

Он сжал украшенную кристаллами рукоятку и поднял шпагу, длинную и гибкую. Отойдя в проход между столами, занял позицию en garde. Сталь была достаточно упругой и не прогнулась, когда Роджер поднял клинок. Он попытался уравновесить шпагу, и это ему сразу же удалось. Баланс был идеален.

Кортней вскинул шпагу в салюте и — ах! Острая грань кристалла впиалась ему в руку, расцарапав большой палец.

— Что случилось? — спросила мадам Вишо.

— Порезался, — растерянно ответил он, облизывая ранку. Палец кровоточил что-то слишком сильно. Кортней отстраненно подумал об экзотических грибах и бактериях, которых, несомненно, полным-полно в такой влажной стране, как Вьетнам.

— Вы, американцы, порой ведете себя прямо как дети. Если вы порезались шпагой, лейтенант, я не несу за это ответственности.

Но Кортней пропустил ее слова мимо ушей. Он рассматривал кристаллы на рукоятке, отыскивая следы грязи, которые могли бы ему что-то объяснить. Вот оно! Грань была запачкана чем-то бурым, похожим на засохшую кровь. Очевидно, этот проклятый кусочек стекла много лет назад подобным образом нашел другую жертву.

Кортней последний раз лизнул палец и левой рукой положил шпагу на стол.

— Покупаете, лейтенант?

— Я подумаю... А сколько стоит римский меч?

— Сорок тысяч донгов.

— Это будет — ага — четыреста баксов! Слишком дорого для безделушки, которой можно только украсить гостиную.

— Я продаю только дорогие вещи, лейтенант.

— Ну что же, может быть, в другой раз, мэ.

— Как угодно. Пожалуйста, прикройте дверь поплотнее, когда будете выходить.

— Да, мэм. Спасибо.

Тяжелое «твок-твок» вертолетного винта разбивало воздух вокруг кабины и отдавалось в шлемофоне Кортнея. Внизу за бортом темным пологом колыхались джунгли.

Три подразделения его взвода разместились в вертолетах, хотя куда проще было бы проехать тридцать километров до Ку Чи в грузовике. Но грузовики подвергались постоянной опасности нападения, даже на улицах Сайгона, где крестьянские парни на велосипедах везли за плечами невинный на первый взгляд груз, похожий на мешок риса или бочонок пива. На вертолет можно было напасть только при взлете или при посадке, когда солдаты выпрыгивали из кабины.

Смерть ждала повсюду.

Кортней прокрутил в уме схему посадки. Поливая все вокруг пулеметным огнем, четыре вертолета, по двое, зайдут на пересохшее рисовое поле. Он надеялся, что лопасти поднимут достаточно пыли, чтобы помешать тем, кто, возможно, скрывается за дамбами, прицелиться поточнее. Немного пыли за воротником все-таки лучше, чем круглая дырочка в голове.

Они приземлились и, подгоняемые волнами воздуха, бросились под защиту деревьев. Вчера это было бы неразумно, ибо кроны деревьев были излюбленным укрытием северовьетнамских автоматчиков. Но не сейчас. Из приказа Кортней знал, что среди этих деревьев расположен командный пункт его полковника — или по крайней мере был расположен в 6.00 сегодняшнего утра.

Когда из кустарника высунулась белая рука и махнула влево, он понял, что американцы еще удерживают этот участок леса.

Оставив своих людей в пологой низине, он отправился на КП вслед за майором, у которого стрелки на форменных брюках были отутюжены, словно лезвия ножей, а блеска начищенных ботинок не мог скрыть даже слой красной пыли.

Командный пункт расположился в восьмиместной палатке, установленной на твердой как камень почве. Растяжки были привязаны не к колышкам, а к булыжникам. Полковник Робертс стоял у входа, склонившись над походным столом, на котором лежала топографическая карта. Когда Кортней с майором приблизились, он поднял голову.

— Майор Бенсон, вернитесь и проинструктируйте людей лейтенанта, чтобы соблюдали тишину.

— Есть, сэр. — Майор кивнул и удалился той же дорогой, что и пришел.

Кортней отсалютовал полковнику и застыл по стойке «смирно». Его форма была в разводах от пота и грязи. Зеленый нейлон ботинок не знал щетки уже несколько дней.

— Вольно, лейтенант. Мы не на базе.

— Да, сэр. То есть нет, сэр.

— Как по-вашему, сколько северовьетнамских солдат находится в этом секторе?

— Во всем районе Ку Чи, сэр? Или только в нашем секторе?

— В радиусе трехсот метров отсюда.

— Ну, судя по тому, сэр, что наши люди рассеяны по территории и до сих пор не было перестрелки, я полагаю, противник отсутствует.

— Да что вы говорите, лейтенант? А если бы я сказал вам, что, согласно разведанным, вчера на 18.00 в радиусе трехсот метров располагались штаб батальона СВА и пять подразделений регулярной армии?

Кортней обвел взглядом мирные деревья, буйные заросли кустарников, слежавшуюся грязь, потревоженную только американскими ботинками.

— Тогда бы я сказал, полковник, что, возможно, они все вымерли.

— Они на месте, лейтенант. По крайней мере по нашим сведениям.

— Прошу прощения, сэр, может, в таком случае вам лучше отойти в тень?

— Не смешно, лейтенант. Ну а если отнестись к моим словам более серьезно, что тогда?

— Если только вас не обманывают, сэр, то я бы сказал, что Чарли и его Старший Брат либо научились летать, либо зарываться в землю, как кроты.

— Очень хорошо, сынок. Посмотри внимательнее на эту карту. Крестиками помечены некоторые аномалии, замеченные моими людьми в зарослях.

— Аномалии, сэр?

— Кротовые норы.

— Да, сэр. Если мне будет позволено спросить, зачем вы все это рассказываете?

— Я хочу, чтобы ваш взвод имел честь первым спуститься в эти норы и... доложил мне, что вы там обнаружите.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

Кортней разглядывал правильную окружность дыры в земле, плотно прикрытой люком из тяжелых досок.

Люк был достаточно крепок, чтобы выдержать обстрел из пушек или гранатометов, словом, все, кроме прямого попадания артиллерийского снаряда. Петлями служили четыре полоски, вырезанные из старого протектора. Они, словно четыре пальца, были прибиты гвоздями к люку. С другой стороны полоски были зарыты в землю и закреплены бамбуковыми колышками. Маскировкой служили вырванные с корнем кусты, высохшие, почерневшие и почти полностью скрывавшие люк. Но местным растениям, привыкшим укореняться на тончайшем слое почвы, было достаточно пыли, что припорошила доски. Стоит пройти небольшому дождю, и люк будет скрыт полностью.

Лаз оказался примерно метр в диаметре. Шахта уходила вниз под углом в сорок пять градусов; таким образом, она имела пол и потолок. Стены были ровные, словно цементные, утрамбованные и приглаженные ладонями и коленями, плечами и спинами.

Кортней направил луч фонарика в шахту.

Ничего.

Он лег на живот и опустил голову в лаз, заслонив плечами солнечный свет, пробивающийся сквозь верхушки деревьев. Когда глаза привыкли к темноте, он вновь включил фонарик, слегка прикрывая луч пальцами, чтобы приглушить свет.

По-прежнему ничего.

Он выключил фонарь, выполз из люка, перекатился на спину и сел.

— Не хотите ли вы сказать, что он бездонный, а, лейтенант? — спросил сержант Гиббонс.

— Может, он доходит до самого Сиу-Сити, — сострил рядовой Уилльямс.

— Если так, — отозвался Кортней, — то мы подкатим гранату прямо к крыльцу твоей мамочки.

Он протянул руку, и Гиббонс вложил в нее осколочную гранату.

— Знаете ли, сэр, — сказал сержант, поеживаясь, — когда вы ее бросите, те внизу, кем бы они ни были, сразу поймут, что мы здесь. И когда нам придется за ними спускаться, они попросту взбесятся.

— Я об этом подумал. Но я просто хочу предупредить их, чтоб не высовывались.

Выдернув чеку, Кортней пустил гранату вниз по склону шахты, словно мячик. Все отпрянули от лаза, ожидая взрывной волны.

Ба-бах!

Земля вздрогнула. Десять секунд спустя из отверстия вырвался клуб красной пыли.

— Есть кто дома? — спросил рядовой Джекобс.

— Похоже, кому-то все-таки придется спускаться, — сказал Кортней, поднимаясь с земли. — Кто здесь самый маленький? — Он оглядел солдат. — Ну что же, — вздохнул он, — наверное, я.

— Мы будем вас прикрывать, лейтенант.

— Каждый ваш шаг, сэр.

— Конечно, — сказал он, отважно улыбаясь. — Только не подеритесь, кому идти первым.

У Кортнея не было опыта в передвижении по туннелям, как, впрочем, и у остальных американцев, служивших в те годы во Вьетнаме. Но зато он не страдал клаустрофобией. Кроме того, он был уверен в своих боевых навыках: немного дзюдо; мастерское владение нунчаками; естественно, фехтование и бедная родственница оного — драка на ножах, которую Кортней освоил на ночных улицах Филадельфии. Но, скорее всего, стоит готовиться к бесшумной тапо а тапо — рукопашной схватке в темном замкнутом пространстве, нежели к открытой перестрелке.

Кортней тщательно проверил экипировку: высокие ботинки плотно прижимали брюки к ногам, чтобы мышцы и пауки не забрались под одежду (хотя, подумал он, если там внизу засел целый батальон СВА, мышей и пауков давно уже съели). Он заткнул офицерский пистолет сзади за пояс, чтобы кобура не била по бокам. В левой руке зажал фонарь с новыми батарейками. Фонарь пригодится, чтобы в случае чего ослепить противника; большую же часть пути Кортней намеревался идти на ощупь. В правой руке он зажал «кей-бар», длинный морской кортик с матово-черным клинком и грубой рукояткой из наклеенных кожаных дисков. Такая рукоятка не выскользнет, как бы ни вспотела рука. Он держал кортик, как фехтовальщик шпагу; так было привычнее и удобнее орудовать лезвием. Наконец, взяв моток веревки, Кортней обвязался ею и пропустил сзади под ремень, но так, чтобы она не цеплялась за пистолет.

— Один раз дерну — отпустите веревку еще немного. Два раза — тащите меня назад, — сказал он Гиббонсу. — Пожалуй, это все, что мы можем друг другу сказать, ведь верно?

— Да, сэр.

— Сколько там? Двадцать пять метров?

— Да, сэр.

— Больше и не понадобится. Если придется привязывать второй моток, дерните два раза, и я тогда остановлюсь, а то как бы мне не утащить за собой пустой конец. Все ясно?

— Да, сэр. — Все как-то странно притихли. Ни шуточек, ни приколов.

Кортней посмотрел на зеленую поляну, испещренную золотыми солнечными пятнами, глубоко вздохнул, словно собираясь нырнуть, опустился на колени перед лазом и пополз было вперед.

— Сэр! Подождите!

Кортней замер перед черной пастью. Обернувшись, он увидел бегущего к ним невысокого плотного человека, одетого в форму рядового. Именная нашивка на груди гласила: «Бушон». Форма сидела на нем как-то странно, будто маскарадный костюм, а ткань была слишком чистой и яркой. Казалось, форму только что вынули из коробки и еще ни разу не стирали. Незнакомец держал в руках пулемет «М-60», пулеметные ленты крест-накрест пересекали грудь. И все это он нес с такой легкостью, словно пластмассовые игрушки.

— Да? В чем дело, рядовой?

— Полковник сказал, чтобы туда спустился я, сэр. У меня есть опыт.

Кортней окинул прибывшего критическим взглядом. Его плечи были чуть ли не в метр шириной. Если он начнет спускаться, то застрянет в туннеле, как пробка в бутылке. И вообще, откуда у американца опыт передвижения в этих норах? Они ведь только что обнаружены.

— Нет, рядовой... э-э... Бушон. Ценю вашу храбрость, но спуститься туда — мой долг.

— Нет, не ваш.

— Что вы сказали?

— Это не ваш долг, сэр.

— Это еще почему?

Незнакомец, не моргнув, выдержал тяжелый взгляд офицера:

— Вы слишком ценный человек, сэр, вас нельзя терять. Это приказ полковника, сэр.

Кортней задумался. Этот человек прибежал с запада, хотя командный пункт находился на востоке. А заросли не такие уж густые, чтобы делать такой крюк.

— Сержант Гиббонс, приготовьте еще одну веревку. —

И обернувшись к Бушону: — Если полковник Робертс так беспокоится о моей безопасности, вы пойдете со мной, будете прикрывать меня сзади.

Бушон не выразил своего облегчения ни улыбкой, ни взглядом. Он просто кивнул:

— Есть, сэр.

Мгновение спустя Бушон освободился от пулемета и лент, получив взамен нож, фонарик и офицерский пистолет, который засунул за ремень сзади.

— Ну, пошли. — Кортней опустил на четвереньки и пополз.

Через два метра стало совсем темно. Кортней понял, что спину и плечи придется использовать как тормоза, упираясь в потолок, чтобы облегчить нагрузку на запястья и ладони. И сразу же заткнул нож и фонарь за пояс, чтобы освободить руки. «Было бы, наверное, быстрее, — подумал Кортней, — развернуться и скользить вперед ногами. Вот только кто может знать, во что я тогда упрусь».

Комочки твердой почвы, осыпаясь с потолка, падали на спину, за уши, на голову и прыгали вниз по крутому склону шахты. Эти скачущие комки послужат для тех, кто внизу, куда лучшим предупреждением, чем граната. Но тут уж ничего не поделаешь. Если не тормозить спиной о потолок, путешествие превратится в беспомощное скольжение по склону — все быстрее и быстрее, прямо в руки тех, кто ждет внизу.

Через пятьдесят «шагов» Кортней опустил голову и, глядя между ног, обратился к Бушону:

— Давай передохнем и оглядимся.

Ответом было тяжелое мычание.

Упираясь рукой в склон, Кортней вытянул правую ногу, используя ее как распорку, и прижал подошву к противоположной стене. Бушон, тяжело дыша, последовал его примеру.

— Здесь внизу воздух становится прохладнее?

— Да вроде не заметно, — сказал Бушон, понизив голос.

— Стены сухие. Не ожидал я такое увидеть столь близко от дельты, да к тому же практически под рисовым полем.

— В СВА кто-то хорошо знает гражданское строительство. Этот комплекс должен быть оснащен дренажными туннелями и вентиляционными шахтами. Не удивлюсь, если стены лаза покрыты цементом.

— Что, вручную?

— Здесь все изготовлено вручную. С тяжелым оборудованием здесь не развернешься, верно, лейтенант?

— Верно... Ну, поехали дальше.

Еще через двадцать пять «шагов» они оказались у развилки. Главный туннель, по которому они передвигались, становился горизонтальным, вниз под углом сорок пять градусов отходила боковая шахта. Они выбрали горизонтальный проход, скорее от усталости, нежели из каких-то других соображений.

Метра через три туннель закончился дверью из гладкого дерева. Доски были пригнаны так плотно, что Кортнею не удалось просунуть в щель даже кончик своего кортика.

Прижавшись к двери ухом, он прислушался.

Ничего.

— Это тупик, — тихо сказал Кортней.

— Или, — пробормотал Бушон, — кто-то сидит там, затаив дыхание, и тихонечко взводит курок, сэр.

— Правда... попробуем другой путь.

Они вернулись к боковому туннелю, осторожно сматывая путеводные «нити». Кортней посмотрел наверх, туда, откуда они спустились, ожидая увидеть в двадцати пяти метрах светлый круг входного отверстия.

Но не увидел ничего, кроме черноты.

— Что-то я не вижу света.

— Наверное, кто-то из ваших людей наклонился над лазом и пытается нас разглядеть.

— Может, ты и прав.

Кортней размял пальцы и помахал руками, готовясь к дальнейшему спуску. Интересно, устал ли Бушон? Темпа он пока не снижал. Неужели они прошли всего двадцать пять метров? А кажется, что гораздо больше.

Еще через двадцать пять метров по боковому туннелю их ждала следующая развилка: классическая буква «у», левая шахта уходила вниз под тем же углом в сорок пять градусов, правая слегка поднималась вверх.

— Одна вниз, одна вверх. Что бы ты выбрал, Бушон?

— Нижняя, скорее всего, приведет нас либо к людям, либо к подземным водам. Верхняя может вывести на поверхность. Смотря что мы здесь ищем — драку или выход из положения.

— Мы должны изучить здесь все, что можно. Я так понимаю.

— Ну изучим — и что дальше?

— Мы должны понять, что хотят те, кто вырыл этот лаз. Мы сейчас находимся, — Кортней решил в уме теорему Пифагора, — на глубине тридцати метров. И перед нами одни гладкие туннели без опор или креплений. Чтобы это все держалось, не-

сомненно, потребовалось тщательное планирование плюс исключительное знание особенностей местной почвы. Значит, работы здесь велись очень долго.

— Да, сэр.

— Ты что, знал?

— Так ведь нетрудно догадаться, сэр.

— Хм-м. — Вычисления кое о чем напомнили Кортнею. — Гиббонс забыл посигналить, когда привязывал второй моток! Надо проверить, как они там, чтоб не теряли бдительности.

Повернувшись, Кортней сильно дернул веревку. Веревка зазмеилась вниз в каскаде мелких земляных комков.

— Гиббонс слишком ослабил ее, — решил он. — Попробуй свою.

Бушон старательно дернул. Длинная петля, скатившись вниз, свернулась у его ног.

— Что такое? — Кортней потянул еще, натяжения по-прежнему не было. Он начал выбирать веревку, та скользила все быстрее, и наконец метров через пятнадцать Кортней почувствовал, как другой конец скользнул сквозь его пальцы. Веревка была перерезана чем-то острым.

Стены туннеля словно сдвинулись.

Бушон протянул руку и нащупал в темноте конец веревки Кортнея.

— Надо выбираться отсюда, сэр, — мягко сказал он. — Немедленно.

Кортней вздохнул, положил руку ему на плечо и слегка подтолкнул.

— Ты возглавишь отступление.

Они начали карабкаться по склону. Это была нелегкая работа. Внезапно Бушон остановился. Кортней наткнулся руками на его подошвы.

— Что такое?

— Здесь развилка. Три ответвления. И все три идут наверх под одним углом.

— Наверное, мы спустились по одному из них, а других не заметили.

— Да, сэр.

— Зажги фонарик, может, разглядишь в одном из туннелей следы от американских ботинок.

Он услышал щелчок и увидел из-за массивного тела Бушона отблески света. Бушон ощупывал и даже вроде обнюхивал пол туннеля.

— Ничего не могу сказать, лейтенант. — Свет погас.

— Тебе не кажется, что мы спускались по среднему туннелю? Ведь это логично. Если бы мы шли по левому или по правому, то обязательно заметили бы расширение, где два других туннеля соединяются с нашим.

Бушон ничего не ответил.

— Ну, разве я не прав?

— Возможно, сэр. Но мне не хотелось бы ставить вашу жизнь в зависимость от таких предположений.

— Все равно надо выбирать, рядовой. Поскольку нам ничего больше не остается, пойдем по среднему.

— Как скажете, сэр.

Бушон пополз дальше. Так они продвинулись на пятнадцать-двадцать метров. Тут пол опять становился горизонтальным. Может, они достигли уровня деревянной двери — там, где боковой лаз отходил от главного туннеля? Кортней прикинул расстояние, но в темноте все это было слишком субъективно. Он постарался убедить себя, что сделал неправильный выбор, что надо просто вернуться к тройной развилке. Но, едва начав спуск, он уже знал, что ошибается.

— Послушайте, рядовой...

И тут Бушон исчез прямо перед носом Кортнея. Мгновение его ботинки и колени скребли твердую землю, и вдруг все стихло. Раздалось только изумленное мычание и следом — долгие две секунды спустя — тяжелый звук падения.

— Рядовой! Бушон!

Кортней включил фонарик и осмотрел пол перед собой. Круглое черное отверстие шло от стены до стены. Он склонился над отверстием и посветил вниз. Короткая вертикальная шахта расширялась. Далеко внизу, там, где луч становился совсем рассеянным, виднелись зеленые армейские ботинки. Кортней повел луч вдоль неестественно изогнутой ноги и разглядел неподвижное туловище.

— Бушон!

— Здесь, лейтенант. Не кричите. Я нахожусь в каком-то помещении, подо мной что-то вроде стола или платформы.

— Встать можешь?

— Только не на эту ногу.

— У меня есть веревка. Я брошу ее тебе, только мне не за что ее привязать. Там нет ничего такого, что можно было бы перебросить через дырку? Ножка стула? Какая-нибудь доска? Ну что-нибудь?

Луч фонарика Бушона начал шарить вокруг. Глядя в шахту,

Кортней видел только короткий отрезок луча. То, что он освещал, оставалось скрытым.

— Ничего, сэр.

— Если ты откатишься в сторону, я спрыгну и помогу тебе.

— Будет гораздо полезнее, сэр, если вы вернетесь к развилке, попробуете один из оставшихся туннелей и выберетесь на поверхность.

— Ерунда, не могу же я тебя бросить.

— Так ведь выбора нет, лейтенант. Даже если вы найдете доску, перебросите ее через отверстие и спуститесь, чтобы обвязать меня веревкой, вам все равно не удастся вытянуть меня наверх. Нет места для подъема и маневра.

— Я спущусь к тебе, и мы вместе найдем выход.

— Здесь можно плутать месяцами, сэр.

— Это все домыслы.

— Ничего себе домыслы!

— Отползи в сторону. Я прыгаю.

Прежде чем рядовой успел возразить, Кортней спустил ноги в отверстие и спрыгнул.

Кортней слышал, как Бушон со стоном откатился в сторону. Стол, или что там было, затрещал от удара армейских подошв.

— Проклятие!

Кортней осветил фонариком. Бледно-зеленые стены, все в каких-то складках, словно обтянутые тканью. На стенах блестящие точки, возможно, кнопки. И повсюду движение, шевеление, словно плавники каких-то бледных рыб. Руки. Руки, сжимающие приклады ружей и рукоятки ножей. И блеск. Блеск множества глаз, устремленных на двух американцев.

Бушон со стоном поднялся, опираясь на здоровую ногу, чтобы прикрыть лейтенанта со спины. Кортней бросил взгляд через плечо. Он стоял в борцовской позе, раздвинув руки, одну ногу согнув в колене, другую отставив в сторону. Свой кортик Бушон, очевидно, потерял при падении, но сейчас в руке у него был смертоносный стилет с узким треугольным лезвием. Он держал стилет рукояткой вниз, острие лезвия было вздернуто в поисках жертвы.

Кортней сжал в левой руке кортик, а правой потянулся за пистолетом.

— На этот раз не удалось уберечь меня от драки, а, рядовой?

— Видит Бог, сэр, я сделал все, что мог.

Выстрел Кортнея оглушительно прозвучал в замкнутом пространстве.

Но ответный залп был еще громче.

* * *

Незадолго до второго антракта, около двух часов ночи, у Гардена за спиной начал околачиваться какой-то человек, барахтаясь в воде и разглядывая его руки на клавиатуре. Страсти в бассейне уже поостыли, и спиртное расходилось вяло.

Человек, кажется, вообще не пил.

— Это трудно? — поинтересовался он, понаблюдав за игрой Тома несколько минут.

— Что? — переспросил Гарден, не прерывая игры.

— Ну вот так играть с привязанными пальцами.

— Привязывать необходимо. Иначе рука будет всплывать на поверхность. Приходится преодолевать сопротивление воды. А это сводит на нет всю тренировку пальцев.

— А как вы извлекаете высокие и низкие ноты?

— Ремешки скользят под клавиатурой вперед и назад. Видите?

— Да. Но вы же не можете никуда отойти или, скажем, задницу почесать, верно?

Гарден засмеялся:

— Да, это нелегко.

— Хорошо.

И тут Том почувствовал прямо над правой почкой острие ножа. Оно вдавилось довольно глубоко, может, даже проткнуло кожу до крови.

— Как вам удалось пронести сюда оружие?

— А кто вам сказал, что у меня оружие?

— Тогда что это?

— Осколок стекла. Каждую ночь здесь разбивается множество стаканов, и осколки скапливаются в глубоком конце бассейна. Вы должны быть осторожны. Ведь посетители могут порезаться.

— Или пианист.

— Хорошая мысль.

— Так чего вы хотите? Убить меня здесь? Или в другом месте?

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной. И тихо. Как будто мы старые приятели. И помни, что я могу изуродовать тебя этим осколком стекла, а если придется — и голыми руками.

— Охотно верю.

— А теперь закругляйся.

Гарден глотнул содовой и поспешно проиграл финальные аккорды. Никто в бассейне не заметил, что он скомкал мелодию. Когда он выключал клавонику, Тиффани, стоя у бара, взглянула на него.

Том улыбнулся ей и деликатно зевнул.
Она оглянулась и понимающе кивнула.
Он высвободил руки из ремешков.

«Нож» углубился еще на полсантиметра, возможно, нащупывая промежуток между ребрами.

Гарден отбросил мысль о физическом сопротивлении.

— Придется зайти в номер за моей одеждой.

— Тут в раздевалке есть кое-что подходящее для тебя.

— Какая предусмотрительность!

В карманах одежды, приготовленной похитителем, разумеется, не было тех вещичек, которые Том Гарден стал носить с собой последние две недели: два ярда тонкой проволоки, игла для шивания парусов и обломок бритвенного лезвия. Металлодетектор в аэропорту не среагирует на такой хлам, да и наличие его в карманах у мужчины теоретически объяснимо. Как ни бесполезны были эти предметы, они придавали Тому уверенности.

Гарден вылез из бассейна первым. Он наскоро прокрутил в уме возможность удара ногой в пах конвоиру. Интересно, готов ли противник к подобным движениям? В воображении Тома внезапно возникло видение острого осколка, разрезающего его икру от лодыжки до колена. На поврежденной ноге далеко не убежишь.

Помогут ли ему Тиффани или Белинда? Измученные после ночной работы? Отделенные пятью метрами вязкой воды?

Похититель мог вытащить Тома из бассейна под мышкой, а никто и бровью бы не повел. Том и сам каждую ночь видел подобные сцены и никогда не вмешивался.

Он шел тихо.

В раздевалке незнакомец, не выпуская из рук импровизированного ножа, указал на шкафчик с торчащим ключом.

Там Гарден нашел все вплоть до нижнего белья. Вещи были простые, но добротные: брюки и носки из хорошей шерсти, льняная рубашка, галстук чуть ли не из натурального шелка, кожаные ботинки — анахронизм, который даже итальянцы не практиковали уже лет сорок. Даже в застежках не было синтетики.

Нашел он и толстое махровое полотенце — чистый хлопок, — чтобы стереть силиконовую мазь. Похититель предусмотрел все.

Нет, не похититель... Похитители, поправил себя Том, когда еще двое, войдя в раздевалку, стали невозмутимо ждать.

Гарден вытерся как можно чище и оделся. Все, даже ботинки, пришлось ему в пору.

— Куда мы идем?

- Вниз, на причал. Нас ждет лодка.
- Вы не собираетесь завязать мне глаза?
- В этом нет нужды.

Скверно. Человеку завязывают глаза, если намереваются его отпустить, чтобы он впоследствии не узнал похитителей. Если же глаза не завязывают, значит, не рассчитывают больше иметь с ним дела.

У причала покачивался турбинный катер, наподобие тех, какие до сих пор используют контрабандисты. Корпус его был метров пятнадцати в длину и пяти в ширину, но над водой поднимался всего на полметра. Только в центральной части палубы алюминиевая обшивка возвышалась как туннель над водосбросной трубой реактивного двигателя. По обе стороны этого туннеля были два длинных кокпита — почти таких же узких, как в реактивном истребителе. Справа находился пульт управления.

Два незнакомца перелезли через двигатель на правую сторону; Том и его похититель спустились на левый кокпит. Это была разумная предосторожность: даже если бы он одолел парня с «ножом», ему пришлось бы перелезть через туннель, чтобы добраться до управления катером. При скорости 100 километров в час едва ли можно удержаться на гладкой обшивке. Гардена попросту смело бы назад, изрезало острым краем руля, отбросило реактивной струей и разбило о поверхность воды, которая при такой скорости приобретает плотность цемента.

Почему он не бросился за борт, пока судно двигалось достаточно медленно? Да потому что похититель швырнул его на переднее сиденье и пристегнул ремнем безопасности. Легко отстегивающаяся пряжка была заменена висячим замком.

Гарден слегка поостыл и приготовился к захватывающей поездке.

— Том?

Внутренние часы, отрегулированные годами кочевой жизни, сказали ей, что Том Гарден должен уже закончить выступление и в данный момент, наверное, укладывается в постель. На самом деле — она сверилась с часами на ночном столике — Том опаздывал на двенадцать минут.

Неужели болтает в баре с какой-нибудь посетительницей или с одной из этих симпатичных официанток? После ночи в бассейне — едва ли.

Может, где-нибудь на берегу ведет сентиментальные беседы

с луной? С голой задницей, прикрывшись от ветра только слоем мази? Если бы он пришел в номер за одеждой, она бы услышала.

Александра мгновенно стряхнула остатки сна.

Можно было обыскать корабль — плавучий отель. Хасан обеспечит силовую поддержку. Но это потребует времени. Сначала нужно самой сделать все, что возможно.

Открыв шкаф, она вытащила чемодан и перерыла белье. Поисковое устройство представляло собой чистую квадратную стеклянную пластинку со стороной в пятнадцать сантиметров. Электроника, антенна и источник питания были вделаны в изящную рамку, обрамлявшую стекло.

Сюда, в номер, со всех шести сторон окруженный стальной арматурой, никакой сигнал не пройдет. Александра Вель натянула платье, скользнула в шлепанцы и выбежала в коридор. Она повернула направо к лестнице на прогулочную палубу. Оттуда поднялась на мостик. Поскольку «Холидей-холл» был дрейфующим судном, погружающимся при отливах в ил, вахты здесь не выставляли, и ей не пришлось объясняться с офицерами.

На мостике, стоя перед сломанным нактоузом¹ и безжизненным телеграфным аппаратом, она задумалась.

Устройство можно было включить только один раз. И тогда оно пошлет электромагнитный сигнал, тот достигнет крошечной радиокапсулы, которую Сэнди давным-давно вживила Гардену под кожу во время жестокой любовной игры. После активизации капсула начнет излучать сигнал частотой в 10,22 мегагерц в радиусе около шестидесяти километров. Капсула проработает девять часов; после этого Гарден будет потерян.

Александра медленно выдохнула и нажала кнопку.

На пластинке высветилась люминесцентная сетка в масштабе десять метров.

На самом краю сетки замигала крошечная оранжевая бусинка.

Александра быстро перевела масштаб пеленгатора на сто метров. Бусинка стала ярче. Она двигалась на северо-восток с большой скоростью.

Александра подняла взгляд от прибора и определила направление.

Ничего... Ничего... Наконец она разглядела вдалеке прогулочный катер, оставивший за собой узкую белую полосу, словно процарапанную булавкой на антрацитово-черной поверхнос-

¹ Ящик для судового компаса.

ти моря. Судно несло в том же направлении, что и ее люминесцентная точка.

Осторожно зафиксировав пеленгатор так, чтобы он не терял сигнала, Александра пошла вниз — одеться и позвонить Хасану.

Катер оказался устойчивее, чем предполагал Гарден.

Набрав скорость, он приподнялся над водой. Судно не резало волны, как гидроплан, но держалось на добрый метр выше поверхности. На воздушную подушку не похоже, скорее подводные крылья: тяга обеспечивалась за счет плоскости, находящейся глубоко под корпусом судна.

Том прикинул, что скорость составляет самое большее 200 километров в час.

Темная громада «Холидей-холла» осталась далеко позади, огни небоскребов Атлантик-Сити покачивались за левым плечом. Катер направлялся прямо в океан, прибрежная рябь сменялась волнением открытого моря.

— Куда мы плывем? — спросил Том, пытаясь перекричать невозможный визг турбины. — На Бермуды?

— Поближе.

Это все, что он услышал в ответ.

Преодолев некий невидимый рубеж, катер начал сворачивать влево. Теперь он снова несся вдоль побережья; в великой тьме волн и песка, словно крошечные островки галактик, мелькали гроздя огней маленьких курортных городков: Бригантина, Литтл-Эгг, Бич-Хэвен, Бич-Хэвен-Террас, Бич-Хэвен-Крест, Брант-Бич, Шип-Боттом, Сёрф-Сити.

Выбрав место между этими галактиками, словно по зову невидимого маяка, катер еще круче заложил влево и направился прямо к берегу.

В лунном свете Том различил белую линию прибоя, серую полосу пляжа и дюны.

Волны под катером стали короче, постукивая барашками о днище.

— Вы потеряете всю подводную механику, если не снизите скорость, — прокричал Гарден.

В ответ визг двигателя усилился. Снизу донеслось дребезжание, будто захлопывались металлические ворота. Двигатель заглох, словно поперхнулся, катер лег брюхом на широкий бурун, высоко вздернув нос. Судно ловко заскользило к берегу и, когда волна разбилась, с легким металлическим скрежетом мягко плюх-

нулось на песок. Двигатель, слегка покашливая, отплевывал воду, заливавшуюся в выпускную трубу.

— Давай вылезай. — Похититель снял замок с ремня безопасности. И прибавил: — Пожалуйста.

Гарден перелез через борт. Ноги оказались по шиколотку в морской воде. Том стоял на твердом песке, готовый бежать. Однако он медлил.

— А вы со мной не идете?

— Этого не требуется.

— Что вы от меня хотите?

— Иди на свет. — Человек указал на мерцающий огонек, полускрытый дюнами.

— А если я побегу? Вы будете стрелять?

— Ты видел у нас оружие?

— Да вроде нет.

— Иди на свет. Это для тебя сейчас единственный разумный путь.

Том отошел от полосы прибоя, наклонился, чтобы отряхнуть брюки и вылить воду из ботинок.

Катер, как плавучее бревно, поднялся на седьмой, самой высокой, волне и заскользил назад в море. Когда он удалился от берега, с нарастающим визгом заработал двигатель. Из трубы вырвался оранжевый выхлоп, катер развернулся и исчез в темноте.

— Иди на свет, — повторил Гарден и зашагал по чистому, белому, шуршащему песку.

Александра откинулась назад, провалившись в мягкое сиденье «Порше». Спиной почувствовав ускорение, она уперлась ногами в дверь и центральную стойку, чтобы смягчить боковые толчки. На коленях мирно поблескивал пеленгатор. Теперь, когда они выехали на шоссе, оранжевый огонек уже не опережал их.

Она взглянула на спидометр: 195 километров в час. Возможно, она видела вовсе не катер, а скоростной водный планер. Это затруднит дело.

— Все, что мы можем сделать, — это ехать по прибрежному шоссе и не терять сигнал его передатчика, — мягко сказал Хасан, словно читая ее мысли.

— А если мы его потеряем?

— Тогда дело всей жизни, как говорят американцы, «вылетит в трубу». Мне еще предстоит решить, как в этом случае поступить с тобой.

— Можно подождать следующей инкарнации.

— Ты, наверно, можешь подождать, я — нет.

— Мы можем найти другой «субъект». Наверняка где-то в мире есть еще сенситивы.

— Наш сенситив здесь, — протянув руку, Хасан дотронулся до стеклянной пластинки. — Единственный и неповторимый.

— Ну, это еще не доказано. — Ей самой был неприятен собственный голос, вялый и раздраженный.

— И так все ясно. Французы подтвердили это своими действиями.

Хасан взял телефон и набрал номер. Дождавшись ответа, он заговорил по-арабски. В голосе послышались командирские нотки: он указывал направление, назначал места сбора, давал распоряжения относительно оснащения, персонала, деталей операции. Потом он молча слушал: очевидно, приказания повторялись для ясности. «Туфадхдал», — сказал он в заключение и повесил трубку.

— Если ты сумеешь вернуть Гардена... — сказал Хасан Александре.

— Если мы сумеем вернуть его, — поправила она.

— Если... Можешь тогда сама попробовать с ним поработать. Подведи его к последней черте, пока не увидишь смерть в его глазах. А потом сконцентрируй внимание и верни его на путь познания.

— Не знаю, хорошо ли это будет, Хасан. — Александра замаялась. Никогда прежде она не оспаривала его приказаний, даже тех, что подавались в форме предположения.

— А почему нет? — В голосе зазвенела тонкая, но несокрушимая дамаская сталь.

— Это удачный экземпляр. С тех пор как я приблизила его к Камню, он стал тоньше, острее. Это уже не примитивное животное с простейшими реакциями. Он размышляет. Он научился видеть. Он опасен.

— И что из этого?

— Он может убить меня, Хасан!

— Ну и что? Ты старше и хитрее его. Ты что-нибудь придумаешь для собственной защиты.

— Да, я буду для него недостижима и непостижима там, где мне уже не потребуется ничья помощь.

Несколько минут они ехали молча. Мерцающий огонек на пеленгаторе освещал ее подбородок.

— Тебе хотя бы будет жаль, если он убьет меня? — спросила наконец Александра.

— Да, пожалуй. Но остановит ли это меня? Нет.

— А если это поможет тебе продвинуться в разработке «субъекта»?

— Тогда мне и жаль тебя не будет.

— Ясно.

Тьма в машине окутала ее.

Сура 5

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ПУСТЫНЕ

Старики в блаженной расслабленности возлежали на душистых подушках. Халаты на груди распахнулись, обнажая курчавые волосы, сливающиеся с жидкими седыми бородками.

Погрузившись в густой наркотический дым, одноглазый Масуд над чем-то хихикал. Спазмы смеха продолжались до тех пор, пока не перешли в кашель.

Хасан — одновременно и самый юный, и самый древний в этой комнате — наблюдал за ними из-под полуопущенных век. В дни молодости, когда он призвал ассасинов из пустыни, конопля сыграла свою роль. Она помогла быстро и безболезненно отлучить юношей от семей, согреть их в холодных скалистых убежищах, утолить вожделение.

Хасан переиначил миф о Тайном Саде. Одного обещания рая было недостаточно. Гашишиины, необузданные и отчаянные, жаждали рая здесь и сейчас. И Хасан дал им рай, воплощенный в видениях.

Он тщательно избирал идеологию. Мистика суфиев и путь дервишей, приобщавшихся к божественному через танец и экстаз, — все это превосходно сочеталось с курением. Тайный Сад, преддверие рая, куда не допускался никто, кроме самых преданных, стал высшей наградой для тех, кто безжалостно убивал по слову старца. Отречение и послушание, преданность и долг — вот те узы, что скрепляли ассасинов, по крайней мере пока он был жив.

А теперь посмотрите, что с ними стало! Старый Синан, некогда коварнейший воин, впал в детство. Он вдыхает дым, словно горный воздух. Синан, да и его приближенные живут, как калифы: спят и жрут, забавляются с девочками и непрерывно курят. Уже много месяцев прошло с тех пор, как Синан в последний раз осуществил или хотя бы задумал очередное убийство.

Приподнявшись на локте, Синан махнул Хасану:

— Вина!

Хасан наполнил чашу густой красной жидкостью из кувшина и поднес ее к губам старика.

Синан отпил глоток, облизал губы и вяло оттолкнул руку помощника.

— Слышали, что затеял этот выскочка Саладин? — спросил старый шейх, глядя в пространство.

— Парад доспехов и конской сбруи, — сонно откликнулся кто-то.

— И все это — для расправы с франкским хвастуном, тогда как одного остро отточенного клинка достаточно, чтобы навеки отучить его выхваляться.

— Это предложение, господин? — тихо спросил Хасан.

— Нет. — Кашель прокатился по легким Синана, и он выпрямился, кутаясь в джеллабу. — Гашишиины не позволят похоронить себя на этом глупом джихаде. Это мой приказ... В течение ближайшего года головы франков будут неприкосновенны. Да не упадет с них ни один волос.

Не вдумываясь в смысл его слов, ассасины одобрительно забормотали:

— Шуточка для айюбидов!

— Покажем Саладину, что такое затевать войну, которую он не в состоянии выиграть.

— Пусть убирается обратно в Египет.

— Остудит задницу в Ниле.

— Но... — голос Хасана прорезался в этом хвастливом хоре, — не упускаем ли мы хорошую возможность?

Синан обернулся к юноше, его мохнатые брови сдвинулись, словно две спаривающиеся гусеницы.

— Выйдя с оружием на поле брани, — продолжал Хасан, возвышая голос, — Саладин и впрямь мог бы изгнать франков из этого уголка исламского мира. Рейнальд Хвастливый — наилучший из них, и он здесь властелин. Свинья в зловонном загоне, кровь на руках его, навоз на его сапогах. Слеп и глух он к делам Пророка и заповедям Его. — Взгляд Хасана устремился к чаше с вином. — Рейнальд — завоеватель, но не правитель. Он умеет только грабить и убивать.

— Тогда ветер сметет его с этой земли, — насмешливо бросил Синан.

— Если бы не Рыцари Храма и другие искусные воины, ветер бы так и сделал. Но сейчас здесь только мы способны изгнать их, швырнуть наземь с переломанными хребтами, как

скорпионов, раздавленных копытами коня, дабы солнце высушило их, а ветер унес прочь с земли Палестины.

— Красиво сказано, дитя мое. Но их тысячи. И у каждого стальной меч, и под каждым — могучий конь.

— Но Саладин способен увлечь за собой десятки тысяч. И он сделает это. — Глаза Хасана горели той уверенностью, которую другие принимали за пророчество. — И тогда, — продолжал он, — изгнав одного завоевателя, мы станем свидетелями того, как забитые крестьяне и пастухи обретут вкус к свободе. Долго ли смогут аббасиды, сельджуки и сами айюбиды противостоять воле людей Палестины самим решать свои дела на своей земле? Более тысячи лет земля эта истощалась, давая «молоко и мед» чужеземным властителям. Пришло время Палестине кормить свой народ.

— Решать свои дела! — воскликнул один из стариков.

— Чужеземные властители! Кто — аббасиды?!

— Как вам это нравится!

— Ну и шутки у твоего ученика, Синан.

— Что за идеи!

Синан взглянул на Хасана и резким движением отмахнулся от него.

— Довольно исторгать ветер изо рта, — приказал глава ассасинов. — В конце концов, мы люди дела, а не слов.

Он протянул свою старческую руку, внезапно предательски задрожавшую, и нащупал шарик гашиша. Привычным движением заполнил трубку и дал знак Хасану. Тот вытащил из жаровни тлеющий уголь и держал его у трубки, пока Синан жадно делал первые затяжки.

Столб пыли поднимался к небу там, где шла армия Саладина.

Султан на белом жеребце в окружении свиты то и дело оглядывался назад, на долину. Он, разумеется, не мог не видеть пыльное облако. Пыль клубами летела из-под копыт всадников и сапог пехотинцев. Вблизи было видно, как она оседает хлопьями на плечах воинов, на крупах коней. Вдали пылевая завеса плыла над плюмажами конников, заволакивала дымкой ошетиившиеся копыта пехоты. А еще дальше, у самого горизонта, желтый туман укрывал холмы и укутывал бесконечные ряды конических шлемов и конских морд.

Саладин вглядывался в это марево, стелющееся по земле, и знал, что оно поднимается вверх на тысячи футов. Оно безошибочно указывало противнику, где находится войско.

Впрочем, любой длинный язык на базаре мог сказать то же самое.

Керак Моабский когда-то был просто укреплением среди предгорий. Он строился в мирные времена, когда пастухи ночевали под звездами и отстаивали свои права на пастбища или ягнят с помощью острого посоха. Теперь, под властью христиан, Керак был защищен высокими стенами из тесаного камня и глубокими рвами с крутыми откосами. Рвы охраняли английские лучники, посылавшие свои оперенные стрелы на пятьсот шагов. «Интересно, — подумал Саладин, — найдется ли там, за этими стенами, сто тысяч стрел?»

Керак ждал их в конце долины, где два горных отрога почти сходились вместе. С тыла крепость была уязвима, и Саладин это знал: всего один ряд валов, траншей и земляных откосов. Но войску, приближавшемуся с этой стороны, пришлось бы сузить ряды и протискиваться между укреплениями и скалистыми предгорьями. А отряд христиан, до времени скрытый за холмами, мог внезапным броском смять растянувшиеся ряды.

Как бы там ни было, Саладин предпочел фронтальную атаку, возвещая о ней противнику облаком пыли.

— Что это там впереди, грозовая туча?

Король Ги заслонил рукой глаза от высокого июльского солнца. Конь гарцевал под ним, рука прыгала в воздухе, и на лице плясала тень от ладони.

— У грозовых туч черный низ, и они обычно плывут над землей, государь, — мягко сказал Амнет. — Они редко бывают желтыми и никогда не стелются по долине.

Великий Магистр Жерар — он ехал по другую руку от короля Ги — сделал Томасу страшные глаза за монаршей спиной.

— Значит, мы видим толпу бродяг? — спросил Ги с назойливым воодушевлением.

— Мы, пожалуй, в дне пути до их арьергарда.

— А может, в двух, — заметил король. — Мы ведь не сможем догнать их сегодня до полудня, правда? — Он взглянул на солнце. — Мы пробираемся по этим холмам с рассвета. Предлагаю разбить лагерь и обсудить стратегию.

— Государь, наши кони, без сомнения, выдержат еще час или два. Не следует делать привал до вечерней молитвы.

— А я говорю тебе, магистр Жерар, что здесь достаточно травы для лошадей и чистой воды. Кто знает, найдем ли мы все это впереди?

Амнет подался вперед, чтобы королевское брюхо не мешало видеть, как Жерар жует собственную бороду. Нельзя сказать, чтобы вид растерянного магистра доставлял Томасу удовольствие — во всяком случае, не чрезмерное. После того как здесь прошла армия Саладина, травы осталось не густо. Все источники были вытоптаны и досыхали на солнце илистыми лужицами. В этой долине не было места для лагеря, не будет его здесь и через год.

Не собирается ли король Ги отложить преследование Саладина на этот срок? Похоже, он на это способен.

Тамплиеры наняли для Ги войско — двадцать тысяч конных рыцарей из Англии и Франции — на остатки от тех денег, что король Генрих заплатил рыцарским Орденам за отпущение греха — участие в убийстве Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Как Ги и опасался, чтобы собрать войско, пришлось призвать каждого второго воина Иерусалима и других христианских твердынь на Востоке. Франция уже никогда не сможет собрать столь мощную армию в этой далеко не святой земле. Чтобы предвидеть это, Амнету даже не требовалось прибегать к помощи Камня.

Как самопровозглашенный Защитник Креста, король Ги настоял, чтобы армия несла с собой талисман — обломок Святого Креста. Он хранился в раке из золота и хрусталя и был выставлен на всеобщее обозрение, когда рыцари, огибая Голгофу, покидали Иерусалим. Амнет, будь на то его воля, никогда не выбрал бы эту дорогу, отправляясь в поход против врага, в пять раз превосходящего их численностью. Теперь рака с Крестом путешествовала на седле самого сильного и отважного рыцаря. А когда самый сильный и отважный чувствовал, что бремя чести слишком тяжело для его смиренной души — и для затекающих ног, — он передавал ее другому, более достойному.

Сам Амнет дважды отвергал эту честь.

Но однажды ему удалось приблизиться к реликвии в походной часовне. Вечером, когда никто не видел, он, отогнув полог, поднял крышку и прикоснулся к сухой древесине. Он готовился испытать трепет и ощутить силу, подобную той, что исходила от Камня. Но ощущения казались не сильнее тех, что возникают от прикосновения к столу в трапезной или к столбам забора. Пульсация соков некогда живого дерева, сохранившаяся воспоминанием в высохших клетках. Но агония Господа нашего? Стыд только что срубленного дерева, которое держало Его на себе? Страдания Бога при виде Сына Своего, принесенного в жертву? Ничего этого не помнила шепка. Иначе Амнет почувствовал бы.

Пока Томас предавался сомнениям по поводу священности — или подлинности — древней реликвии, спор между королем Ги и Великим Магистром продолжался. Амнет знал, что исход этой дискуссии — двигаться дальше или встать лагерем — зависит от того, кого больше боится Ги: Саладина или Великого Магистра.

— Сам граф Триполийский, — говорил Ги, — предупреждал меня, что день битвы с Саладином станет днем, когда я потеряю Иерусалим.

— И вы этому верите? — Жерар был вне себя. — Связи графа с врагами доказаны. Сир, неужели вы доверяете изменнику?

— Когда он предсказал мне это, он еще не служил сарацинам.

— Но в глубине души, несомненно... Государь, тамплиеры присягнули вам в верности. Но лучше распустить Орден, нежели потерять единственный шанс сокрушить Саладина.

— Я слышу тебя, Жерар. Но пока что король здесь я.

— Да, сир.

— Мы разобьем лагерь здесь.

Саладин разглядывал поле, усеянное трупами. Каждый был пригвожден к земле одной или несколькими длинными стрелами, выпущенными из английских луков.

Тела лежали здесь не так долго, чтобы начать смердеть. Но дни шли, солнце было горячим. Он знал, скоро тела начнут лопаться под давлением внутренних газов. Сначала лошади, потом люди, и звуки эти будут подобны пушечным выстрелам. И тогда даже самые храбрые, самые яростные воины не пересекут эту часть долины.

Не рвы, окружавшие Керак Моабский, остановили Саладина. Он знал, что стоит ему приказать именем Аллаха, и его воины пойдут вперед и будут идти до тех пор, пока трупы их не образуют мост, по которому он, Саладин, подъедет к стенам крепости.

Как раз эти стены и сразили Саладина. В сотню локтей высотой. Сложенные из тесаных камней, подогнанных так плотно, что даже остроконечные тупфы ассасинов не нашли бы в них выемку. А наверху поджидали франки, вооруженные пиками, которыми они отбрасывали любые лестницы. Стояли на стенах и английские лучники, чьи стрелы летели сверху на головы сарацин. Были за этими стенами и боеприпасы: тяжелые камни,

чаны с кипящим маслом, корзины со смолой — их поджигали и бросали вниз на головы штурмующих.

Саладин послал разведчиков. Можно, сообщили они, сделать подкопы под стенами, укрепив ходы стойками и перекладинами. Когда туннели будут готовы, опоры надо поджечь, ослабив тем самым фундамент стен. Однако выкопать в каменистой почве длинный туннель, вход в который располагался бы за пределами полета стрелы, задача не из легких, на это уйдет по крайней мере два месяца. Да и сами стены, судя по высоте, должны быть в основании не меньше восьми-десяти шагов, что потребует еще удлинить подкоп. Размеры укрепленной пещеры, которую нужно соорудить, поразили даже богатое воображение султана.

Одно время Саладин обдумывал планы, как взять твердыню хитростью. Можно было, следуя европейскому обычаю, основанному на любви к болтовне, вызвать Рейнальда и его военачальников на переговоры. На встрече заранее подготовленный гашишин накинёт на шею князя Антиохийского шелковый шнурок. А там уж пусть шайтан обо всем позаботится.

В этом плане был только один изъян: гашишинны отвергли призыв Саладина к джихаду. А среди его слуг никто не обладал такой ловкостью рук.

Выбора не оставалось.

Либо со всем войском сидеть под стенами крепости, пересчитывая пожухлые ростки оставшейся травы, и, предаваясь мечтам о водах, текущих по земле, ожидать капитуляции князя. (Зная, что в крепости у Рейнальда есть источник прекрасной воды, большое стадо овец, запасы зерна, вяленого мяса и тень над каждой головой, люди Саладина, даже воспламененные священным пылом, быстро устанут от этой игры и, забыв про джихад, будут по двое, по трое ускользать по ночам. И в конце концов бескрайнее море людей и лошадей превратится в жалкое озеро среди холмов.)

Либо ждать, пока войско короля Ги — ибо языки на базаре говорили и об этом — не подойдет к ним с тыла. Само по себе это не грозило поражением, но унесло бы жизни многих храбрых воинов.

Разумнее откусить голову Ги там, где он, Саладин, может пошире открыть рот.

— Мустафа! — позвал Саладин.

— Слушаю, мой господин.

— Готовь войско к походу.

— В каком направлении, мой господин?

- На север. К Тивериаде...
- Хорошо, мой господин.
- По пути будем совершать набеги на христианские крепости. Князь Рейнальд никуда не денется.
- Да, мой господин.

- Ушли? Что ты хочешь сказать?
- Ушли из долины, мой господин!
- Это невозможно! Что с тобой? Ты, должно быть, еще глаза не протер. Спишь на часах, так?
- Нет, мой господин! Сарацины действительно бежали из долины.

— Не поверю, пока не увижу собственными глазами.

Жерар де Ридефор поднялся с походного стула и посмотрел на север поверх французских шатров.

— Ничего не вижу. Томас, подставь мне плечо.

Великий Магистр поставил ногу на сиденье стула и, едва дождавшись Амнета, вскарабкался повыше. Голова его поднялась над шатрами.

— Трудно сказать, в воздухе столько пыли.

— Видите их стяги? — спросил Амнет.

— Ни одного... Они поднимают их на рассвете, как ты думаешь? Или, наоборот, убирают?

— Я думаю, их стяги закреплены на шестах, как и наши.

— Значит, сарацины ушли. Проклятие!

— Разве это плохо? — отважился спросить Амнет.

— Ничего хорошего, особенно сейчас, когда я рассчитывал прижать их к Кераку и раздавить с помощью Рейнальда.

— А Рейнальд был готов к участию в этом предприятии, мой господин?

— Не совсем. Мы должны были связаться с ним, сразу как только подойдем достаточно близко, и выработать общую стратегию.

— Ах, связаться с ним! С помощью какой-нибудь птички?

Жерар нахмурился:

— Да, какой-нибудь... — Великий Магистр спрыгнул вниз и отряхнул руки. — Надо сообщить королю.

— Да, боюсь, Ги не обрадуется!

Жерар вновь нахмурился:

— Разыгрываешь передо мной дурака, Томас?

— Нет, мой господин.

— Смотри.

— Как ушли? — спросил король Ги, поднимая голову от таза. Вода и розовое масло стекали по бороде и капали мелким дождиком.

— Абсолютно точно, государь, — отвечал Жерар.

Он вместе с магистрами Ордена стоял перед королевским шатром. Это сооружение было своего рода шедевром. Круглый центральный павильон вмещал всю титулованную знать, сопровождавшую короля. Придворные могли выстроиться там перед ним плечом к плечу, не касаясь локтями друг друга. Ткань поддерживалась хитроумной системой распорок, каждая из которых в сложенном виде была с четверть стрелы длиной. Четыре квадратных портика присоединялись к центральному павильону с помощью специальных крестовых сводов, которые были задрапированы тканью, имитирующей своды собора. В этих пристройках можно было делать все, что угодно: спать, обедать, устраивать аудиенции, развлекаться.

Дабы избежать ошибки, полотнища королевского шатра красили в ослепительно красный цвет, а карнизы отделали алой парчой, расшитой изображениями двенадцати апостолов и гербами тех французских герцогств, которые направили в Святую землю своих воинов. По слухам, и сам шатер, и его богатое убранство были даром Сиби́ллы, доброго гения и супруги Ги.

— А-хм! — Возглас короля отвлек Жерара, украдкой рассматривавшего сие великолепие.

Ги протянул руку ладонью вверх. Великий Магистр торопливо положил на нее чистое полотенце. Ги вытер лицо.

— Значит, они нас испугались, — заявил король.

— Похоже на то, сир.

— Куда они направились?

Жерар, казалось, взвешивает тяжесть вопроса. Амнет, глядя на него, дивился дипломатическим способностям Великого Магистра.

Такое огромное войско могло уйти только в одном направлении. На север, в обход Моаба, в сторону Тивериады. Саладин вел за собой сто тысяч человек, из них всего восьмую часть составляли конники, которых сопровождало не меньше пятидесяти тысяч слуг и рабов, поваров и конюхов, лакеев и шпионов да еще вьючные животные и телеги со скарбом. И все это двигалось со скоростью пешехода. Попытка с таким обозом перевалить через горы на западе или на востоке граничила с безумием. Со времен Ганнибала такое не удавалось никому. Отступить на юг означало пройти напрямик через лагерь самого короля Ги. В этом случае и орденские, и королевские рекруты, образно го-

вора, проснулись бы мертвыми, со следами сапог и копыт. Единственным вариантом оставалось северное направление, в обход крепости Рейнальда.

Если король этого не понял, значит, он даже карты ни разу не видел, и вести армию вдогонку за Саладином — совсем не его дело. Как все просто, неожиданно подумал Амнет: да, Ги здесь вообще нечего делать. Интересно, как Жерару удастся все это высказать?

— Не знаю даже, как вам об этом сообщить, сир. Не покажется ли вам слишком невероятным, что они двинулись на север?

— На север? — Кажется, это было для Ги полной неожиданностью.

— На север, государь.

— На север... и обогнули Рейнальда?

— Трудно поверить, сир.

— В самом деле. Я полагал, наш друг Рейнальд — главная цель их похода.

— Мы так и думаем. Но кто может постигнуть мысли араба?

— Воистину, кто? — согласился Ги.

Амнет чуть не вскрикнул. Неужели они не видят, что творит Саладин? Ускользнув от Жерара, неловко попытавшегося запереть его в долине (будто полевая мышь может запереть дикого медведя!), и потеряв интерес к Рейнальду, окопавшемуся в Керраке, Саладин заманивал христиан в пустыню. В бесплодную пустыню. В выжженную солнцем пустыню. В сарацинскую пустыню, где каждый камень, каждый пастух — потенциальные союзники Саладина, если только медведь в своем собственном лесу нуждается в союзниках.

— Мы, конечно, будем преследовать их, — провозгласил король Ги.

— Да, государь, — ответил Жерар. — Это мое величайшее желание.

— Мы застигнем их врасплох, ведь так?

В этой суматохе, среди звона упряжи, фырканья и ржания лошадей, постукивания кольчуг о ножны и седла, только Томас Амнет сохранял спокойствие. Захватив с собой походный набор порошков и эссенций, он шагал прямо на восток, прочь от шума и суеты.

— Мессир? — крикнул ему вдогонку Лео. — Куда вы?

Амнет оглянулся через плечо и неопределенно махнул рукой.

— Посторожить вашего коня?

Амнет кивнул, не заботясь о том, понял ли его Лео, и, уже не оборачиваясь, зашагал в пустыню. Шипы колючих кустарников цеплялись за плащ и обламывались о юбку кольчуги.

Он услышал, как кто-то равнодушно спросил: «Куда это направился Томас?», но ответа не расслышал — он был уже далеко.

Когда он отошел на двести шагов, даже топот копыт королевской армии затерялся в шепоте восточного ветра.

Амнет спустился на берег пересохшей «вади», изгибы и рукава которой теперь были засыпаны песком, но растительность еще сохраняла некоторую пышность. Он укрылся под навесом крутого берега и попытался определить направление ветра. Воздух был неподвижен.

Амнет разровнял песок и выложил содержимое своего свертка. Неподалеку торчало несколько колючек, высушенных солнцем, и он, немного попотев, нарвал охапку жестких веток с сухими листьями. Когда он разломал эти ветки на мелкие щепки, руки его все были в ранах.

Вернувшись на расчищенное место, Томас сложил из щепок костер. Из свертка достал маленькую реторту толстого зеленого стекла, линзу для разжигания огня и сосуд с масляным экстрактом трав, из которого он получал густой дым. Последним он извлек Камень в кожаном чехле.

Встав на колени в тени берега, Амнет выкопал ямку в песке рядом с кучей щепок и, положив туда Камень, налил смесь масла и трав в реторту, которую установил на щепках. Затем с помощью линзы разжег тусклый огонек среди скрученных листьев и раздул из него маленькое бездымное пламя.

Ожидая, пока огонь наберет силу, Амнет скинул с себя белый плащ и пристроил его на вытянутых руках как навес, закрепив внизу камнями. Так он укрыл и огонь, и Камень от случайного ветерка и солнечного света.

Потом, присев на корточки, он стал ждать.

Смесь в реторте со свистом испустила облачко жирного дыма. Аромат фимиама и мирры достиг носа Амнета. Жидкость зашипела и выпустила длинную струйку пара.

Амнет изучал клубы, пытаясь разглядеть что-то в неясных линиях.

Постепенно появились контуры скул, изгиб усов, провалы глазниц. В клубах испарений возникало то самое лицо, что все эти месяцы неизменно являлось взору Томаса. Сначала он подумал, что это лицо Саладина, величайшего из сарацинских полководцев и фактического повелителя почти всех жителей Ближнего Востока. Это лицо фигурировало во всех видениях, даро-

ванных Камнем, — будь то видения, касающиеся тамплиеров, Французского королевства, Иерусалима или земель, лежащих между Иорданом и морем. Раньше такое толкование казалось ему самым разумным. Но теперь Амнет уже повстречался с Саладином лицом к лицу, и это лицо не было лицом из видения.

С новой струей пара и ароматического дыма левая глазница как бы распухла и расширилась, и в глубине ее возник нарождающийся шар. Шар увеличивался, становясь прозрачным, плотным, гладким и белым, как полная луна. Это был не глаз. В прежних видениях глаза на этом лице отличались неправдоподобно темными зрачками, в которых полыхали черные вспышки угрозы. Этот глаз был покрыт катарактой белесого дыма. Внезапно белое глазное яблоко начало вращаться в своей глазнице.

Извилистая струя дыма прорисовала на поверхности шара четкий силуэт. Амнет ничего не мог понять, пока его внимание не привлекло очертание, похожее на сапог. Изображение Итальянского полуострова, как на картах Средиземноморья. Справа возникали и двигались на запад отвисшее вымя Греции и выпирающий огузок Малой Азии. Образы менялись, как исторические границы империй и доминионов, сфер влияния и гегемоний.

Продолжая вращаться, шар вынес вперед испещренную морщинами Малую Азию. Глобус все разрастался, и теперь уже можно было разглядеть все в мельчайших подробностях. Вот изгиб Синая. Вот впадина Мертвого моря, полотнище Галилеи, прямая линия реки Иордан.

Долина Иордана росла и росла перед его глазами. Река превратилась в трещину, уходящую в глубь шара, — словно из апельсина извлекли дольку. Глазное яблоко сжалось и исчезло, окутанное темным дымом. А внизу сверкала отблесками огня поверхность Камня, который — Амнет верил — управлял видениями. Но такого Томас еще никогда не видел: Камень стал испускать алые и пурпурные лучи, извергающиеся из него, как потоки раскаленной лавы из жерла вулкана. Лицо Амнета опалило жаром. В фокусе лучей появилось нечто сияющее, золотое, словно ковш с расплавленным металлом. Амнет почувствовал, что склоняется вперед, пригибаемый к земле силой, отличной от земного притяжения, силой вне пространства и вне времени. Жар становился невыносимым, свет все более слепящим. Его туловище наклонялось все ниже. Он весь пылал. Он падал, падал...

Амнет встряхнулся.

Камень, все так же лежавший в своем песчаном гнезде, был

в дюйме от его лица. Поверхность Камня была темной и мутной. Пламя догорело. Дым больше не поднимался из реторты, на дне ее виднелась лужица черноватой смолы.

Амнет снова встряхнулся.

Что предвещало это видение? Конец света?

Томас поспешно взял Камень все еще дрожавшими руками и вложил его в чехол. На ощупь Камень оказался холодным. Амнет поднялся на ноги и поправил тунику.

Он осмотрел полузасыпанную пеплом реторту, она все еще была горячей. Не меньше часа потребуется, чтобы очистить и упаковать ее на случай, если он захочет вызвать новые видения. Амнет решительно растоптал сапогами зеленое стекло и раскидал осколки вместе с пеплом по руслу «вади». Затем собрал сосуды с эссенциями и другие нужные вещи и убрал Камень.

Он огляделся, словно видел пустыню впервые. Теперь Томас знал, куда идти. Ему нужен конь. И меч. И доспехи.

Сберег ли Лео его коня? Догадался ли кто-то из тамплиеров захватить оружие, которое он бросил в лагере? Он выбрался из «вади» и зашагал обратно, к опустевшему лагерю короля Ги. Время подгоняло его. Он побежал.

Файл 05

КРИЗИС УЗНАВАНИЯ

Дом среди дюн казался совсем древним, фундамент из цементных блоков поддерживал деревянный каркас. Обшивка тоже была деревянная: длинные доски, находившие одна на другую, как у каравелл времен крестовых походов. Когда-то эти доски были покрашены, но сейчас, как заметил Гарден, подойдя поближе, они были однотонно серыми и даже как бы серебрились под луной. Такая поверхность бывает у старого дерева, когда внутреннее гниение вот-вот превратит его в прах.

Большие окна выходили на океан. Рамы покосились, последние стекла мальчишки давным-давно выбили камнями. Сквозь пустые оконные проемы виднелся тусклый, мерцающий свет.

Подойдя еще ближе, Гарден наткнулся на остатки костра. Обгорелые поленья, клочки обертки, жестянки из-под пива. Огонь закоптил серые блоки и добрался до дерева, которое начало было тлеть. Давным-давно.

На песке валялись в беспорядке куски красных картонных трубок в мизинец толщиной. Их обломанные концы были размочалены. Гарден поднял одну и разглядел. Картон не выцвел

на солнце, он был кроваво-красным, словно новенький. Скорее, не картон, а синтетическая пленка. Уж не миниатюрная ли граната? Или сигнальная ракета? Тут он вспомнил Четвертое июля: фейерверк на берегу — проделки мальчишек.

Том обогнул фасад дома с открытой верандой и льющимся из пустых провалов окон мягким светом. Лучше обойти кругом и войти туда со стороны дороги. Так безопаснее.

Дверь Том нашел быстро, она хоть и криво, но все еще висела на петлях.

Войдя, Гарден помедлил, хотя и знал, что его силуэт на фоне освещенных луной дюн представляет собой отличную мишень.

Пол второго этажа провалился, и балки, проломившиеся в полуметре от стены, упали на пол. Главный крестовый брус провис посередине, упавшие доски, зацепившись за него с одной стороны, образовывали нечто вроде амфитеатра; стена, от которой они отвалились, служила как бы задником сцены.

Свет исходил от свечей, расставленных вдоль этого амфитеатра. Свечи были толстые, вроде церковных, снизу оплывшие от нагара. Доски отбрасывали на «сцену» мерцающий свет.

Гарден стоял в дверном проеме, словно балансируя на границе света и тьмы.

— Томас из Амнета!

Голос, старческий, но сильный, отдавал металлом. Голос исходил от теней в другом конце «сцены» — вернее, Гарден думал, что это тени, пока, взглядевшись, не различил закутанные в темное фигуры с надвинутыми капюшонами.

— Томас — да, — откликнулся он, — Хаммет — никогда о таком не слышал. Меня зовут Гарден.

— Разумеется. Томас Гарден — имя, под которым ты рожден. Но другое имя ничего не говорит тебе?

— Хаммет? Нет, а что, должно говорить?

— Амнет!

— И это ничего не говорит. Откуда оно — что-то арабское?

— Греческое. Корень означает «забывать».

Гарден медленно прошел вперед, к свету. Фигуры в капюшонах — их было пятеро — веером окружили его. Они стояли спиной к свету, пряча лица в глубокой тени. Теперь, вблизи, стало видно, что это невысокие, даже миниатюрные люди.

— Амнезия, — произнес Гарден, — и амнистия... Томас Забытый. Или Томас Прощенный, если нравится. Это загадка? Если так, то очень неглупая.

— Ну, теперь понял?

— Нет, не понял. Я не сделал ничего такого, за что меня сле-

довало бы забыть — или простить. Так за что вы, ребята, хотите убить меня?

— Ты узнал нас? Это добрый знак.

— Вовсе нет. Только не для меня. Человек с ножом в моей квартире был одним из вас. Ну почему вы пытаетесь убить меня?

Главный, стоявший в центре полукруга, откинул капюшон. Лицо его было обветрено и испещрено морщинами, но это было интеллигентное лицо, лицо ученого или богослова. Волосы, седые и густые, были перехвачены у шеи кожаным ремешком. Из-под густых бровей блестели, словно черное стекло, глаза.

— Мы давно ждем тебя, Томас Гарден. Мы, смертные, искали бессмертного. Мы — те, кто видит мир меняющийся, — искали то, что остается неизменным.

Наше оружие, наши традиции, наши средства — все это старше, чем может вообразить твое молодое воплощение. Но есть частица тебя, столь же древняя, на восемь столетий старше всех нас. Эту частицу запустили странствовать в мире, среди его изменчивых путей, возрождаясь вновь и вновь.

Ты, как чистый медный ковш из глубины колодца, каждый раз зачерпываешь глоток свежей воды. Мы же, подобно лягушкам, сидим вокруг на камнях и вглядываемся в мрачные глубины в ожидании блеска твоего металла. Мы ждали долго.

Гарден потряс головой:

— Вы говорите загадками, старики.

— Хочешь поговорить, как ты выражаешься, «начистоту»?

— Для разнообразия было бы неплохо.

— Ты — надежда нашего Ордена, Томас Гарден, и наше разочарование. С твоей помощью мы смогли бы залечить раны, нанесенные временем, и исправить совершенные ошибки, ошибки в нас самих, быть может.

Однако каждый раз, как ты возрождаешься на Земле, ты приходишь в новом обличье и в смертной сущности. Каждый раз мы заново должны испытывать тебя. Порой ты бываешь безволен и опутан плотскими привязанностями. Тогда мы можем только следить сухими глазами, как ты движешься к смерти.

Порой ты бываешь могучим и проворным, с острым, пронзительным умом. Тогда мы нетерпеливо устремляемся к тебе. Но в прошлом ты каждый раз ускользал из наших рук.

И вот ныне настал момент, когда ты стоишь на острой грани. В тебе есть сила, но нет знания — или, быть может, ты не хочешь принять его. Ты недостаточно слаб, чтобы умереть. И недостаточно силен, чтобы жить. А вокруг всегда есть те, кто может использовать тебя нам во зло.

Мы спорили о тебе месяцами, Томас Гарден. Некоторые хотели изъять тебя из этого мира. Они предлагали похитить тебя и укрыть в тайном месте, чтобы посмотреть, можно ли разбудить тебя. Другие тоже предлагали изъять тебя — но более радикально.

Гарден слушал все это, нахмурившись. У него почти не оставалось сомнений, что эти старики сбежали из Центра принудительного отдыха. Такая версия хорошо объясняла тот факт, что пятеро мужчин, собравшись в одном месте, предаются каким-то бредовым занятиям. Но она не объясняла поведение того убийцы в квартире. Не объясняла она и совпадений, о которых он рассказывал Элизе: чудесные спасения и недвусмысленные покушения на убийство. И вообще, у безумцев не может быть столь четкой организации и настойчивости в осуществлении заговора.

Что ж, надо принять вещи такими, какие они есть. Эти люди по каким-то причинам верят, что он является объектом их желаний и страхов. И они приняли относительно него некое решение.

— Вы упомянули «Орден», — рискнул спросить он. — Что это такое?

— Мы — Рыцари Храма. Давным-давно наши братья дали обет освободить Святую землю. Мы должны были вырвать из-под власти неверных Храм Соломона и восстановить его, камень за камнем.

— Но рыцарей больше нет, — сказал Гарден.

— Ты прав. Их больше нет.

— Тогда как же вы... распространяете свое влияние?

— Через светские ложи, конгрегации, братства — франкмасонов, Древнескандинавское братство, Союз Гробницы. Туда приходят новообращенные. Мы ожидаем уверовавших, романтиков, тех, кто хочет, чтобы исполнилось сказанное в пророчествах. Мы отделяем их от лавочников и страховых агентов. Мы вербуем и обучаем их. Мы испытываем их и выпалываем сорняки. Мы наблюдаем. И ждем.

Ага! Теперь Гарден понял: организованные безумцы.

— Ждете меня? — спросил он.

— Ждем искры Томаса Амнета, которая может жить в тебе...

А ты все еще утверждаешь, что ничего не помнишь?

— Не был ли я другом Робеспьера во времена Французской революции?

Старик обернулся к своим спутникам. Те кивнули ему.

— У Робеспьера не было друзей, только временные последователи, — сказал он. — Амнет был среди них.

— А не был ли я сельским джентльменом из Луизианы? Распутником, игроком и пьяницей, нашедшим спасение в религии?

— Это было не спасение, а акт искупления.

— Может, Амнет был туннельной крысой во Вьетнаме? Не погиб ли он там, пытаясь спасти одного из ваших тамплиеров, который полез в нору вместе с ним?

— В большинстве инкарнаций Амнет был доблестным мужем. С ним был Великий Дар.

— Тот человек в туннеле пытался спасти меня? Или уско- рить мою гибель?

— Ты знаешь об этом лучше, чем...

Старик запнулся, щелкнул языком, словно пробуя воздух на вкус. Потом зашатался, плащ обвился вокруг его колен. Когда он падал, свеча осветила его лицо, и Гарден увидел, что челюсть старика и часть горла вырваны.

И только тогда прилетел звук выстрела.

— Гашишиины! — закричал кто-то из тамплиеров. Он схватился за пояс и, как показалось Гардену, готов был выхватить меч или кинжал. Но извлек неуклюжее старинное полуавтоматическое ружье, из которого сантиметров на двадцать свисала лента с патронами. Человек обернулся к оконным проемам, обращенным к морю, и выпустил трескучую очередь, сопровождаемую желтыми вспышками.

Остальные тамплиеры, укрывшись кто где, доставали разнокалиберное оружие: дробовик, короткий гранатомет, арбалет с утолщенными (разрывными?) стрелами, лазерное ружье с аккумулятором и оптическим прицелом. Вся эта техника тарыхтела, бухала, свистела и дребезжала, стреляя по серым теням, скользившим среди дюн в свете зарождавшегося утра.

Гарден не испытывал ни малейшего желания оставаться тут, чтобы погибнуть вместе с тамплиерами. Он не знал, кто такие «гашишиины», но, даже будь у него оружие, убивать ему никого не хотелось.

Пламя свечей дрожало и колебалось от пчелиного жужжания пуль. Сухое дерево почти не оказывало сопротивления и не укрывало от выстрелов, разве только мешало целиться снайперам, засевшим в дюнах.

Гарден не стоял столбом возле двери. Как только старик затих, Том одним махом перескочил через него и проворно вскарабкался по обвалившимся доскам. Доски были все в щелях и трещинах, так что это не представляло особого труда. Добрав-

шись до уровня второго этажа, Гарден подпрыгнул и ухватился за балку — потолок под чердаком обвалился (а может, его никогда и не было в этом летнем доме). Подтянувшись, он залез на балку и побежал, балансируя, метрах в шести над пулями. Наконец он укрылся за кирпичной кладкой дымохода со стороны, выходящей на море.

Съжившись в тени, Гарден имел шанс остаться незамеченным. Темные брюки и ботинки его не выдадут, но белую полотняную рубашку заметит каждый, кто посмотрит вверх. Он ухитрился скорчиться так, что только бедра и голени оставались на свету.

Здесь, под самой крышей, воздух был каким-то безжизненным, пахло сухим мышинным пометом и птичьими гнездами. Гарден не решался поднять голову, чтобы вдохнуть свежий воздух и посмотреть, что же происходит внизу на поле битвы.

Выстрелы тамплиеров звучали все реже и реже. Последним раздался выстрел дробовика. Гарден подождал, не щелкнет ли боек еще раз, но все стихло. Видимо, рыцарь получил свои девять граммов.

Тишина. Ни голосов, ни криков снаружи.

Гарден поборол искушение взглянуть вниз.

И тут заскрипели половицы. Раздался треск — кто-то опрокинул наспех сложенную тамплиерами баррикаду. Снова шаги. Словно топот целого взвода в кованых сапогах.

— Здесь его нет, моя госпожа.

— Осмотрите каждого.

— Мы осмотрели. Все незнакомые.

— Значит, он выскользнул отсюда. Обыщите окрестности.

— Он мог сбежать.

— А я говорю, это невозможно. Ступайте.

Женский голос принадлежал Сэнди.

Другой — мужчина — говорил по-английски правильно, но с легким акцентом. Гардену понадобилось всего несколько секунд, чтобы понять, кому принадлежит этот голос: палестинский боевик, Игнайн, тот, что появился тогда в его квартире.

Сапоги затопали прочь из дома.

Гарден вновь подавил желание посмотреть вниз.

После того как он отсчитал десять вдохов, раздались легкие шаги. Куда они двигались: к выходу или вдоль амфитеатра? Конек крыши искажал звуки, и трудно было определить, что происходит внизу.

Еще через десять вдохов Гарден решил рискнуть. Не подни-

мая головы, он слегка разогнул одну ногу, чтобы посмотреть из-под колена, не подставляя лицо свету.

Там, внизу, Сэнди опустилась на колени перед стариком, осматривая его рану. На ней была белая шелковая блузка, черные брюки для верховой езды и сапоги на шпильках. Волосы растрепались. В рассветных лучах они отсвечивали червонным золотом.

Гарден хотел было окликнуть ее, но что-то помешало ему это сделать. Как? Почему он не хочет быть обнаружен любимой женщиной? Потому что при ней взвод вооруженных людей, гашишиинов, покорных любому ее слову? Потому что она всегда была чужда ему и только сейчас он понял это?

Сэнди вытащила из-за пояса старика какой-то продолговатый предмет — оружие или, может, магазин с патронами — и сунула его себе за пояс. Затем поднялась и повернулась на каблучках, ощупывая комнату глазами. Исследовав первый этаж, она подняла голову и произвела столь же тщательный осмотр полуразрушенного второго. Медленно, сантиметр за сантиметром... Гарден опять согнул колено и замер, затаив дыхание.

Заметит ли она следы, оставленные в трухлявой древесине его ботинками? Увидит ли стертую пыль на балке? У нее хватило бы проницательности определить даже траекторию его полета, если б он мог летать.

Десять... двадцать вздохов.

— Моя госпожа! Снаружи! — Громкий стук пары сапог по деревянному полу.

— Что такое?

— Следы на песке, слабые, но все-таки различить можно. Здесь была большая лодка. Он мог ускользнуть на ней.

— Нет! Он на ней прибыл. Если бы он уплыл, ему пришлось бы пробиваться сквозь вас.

— Но...

— Закругляйтесь, парни. Мы его проворонили.

— Да, моя госпожа.

Две пары сапог, одни тяжело грохоча, другие звеня острыми каблучками, протопали к выходу.

Гарден с трудом разогнул ноги и помассировал копчик, стараясь вернуть чувствительность пояснице. Затем выглянул сквозь чердачные стропила.

На востоке алело солнце, его лучи золотом расцветили центральную балку. В кровле зияли большие дыры. Если бы он подобрался к ним, перескакивая с перекладины на перекладину,

можно было бы выбраться на крышу. Там он прополз бы по дранке к ближайшей пристройке и прыгнул на траву.

Том прижался к дымоходу, анализируя свой план. Собственно, выбор невелик: либо ждать, пока вернется Сэнди со своими головорезами, либо попробовать бежать.

Плавно, с гибкостью знатока айкидо, он поднялся, скользя вдоль кирпичной кладки. Ухватился обеими руками за стропила над головой, больше балансируя, чем держась, и начал передвигаться над пустотой мертвого дома. Он ставил ногу очень осторожно, прямо и твердо на ближайшую перекладину, хотя расстояние между ними не превышало семидесяти сантиметров: не такой уж широкий шаг. Он опасался стереть пыль или повредить трухлявое дерево. Если кто-то вдруг вернется, его, конечно, немедленно засекут.

Наконец Том добрался до первой дыры в крыше. В ширину она была не больше сорока сантиметров — плечи не пролезут, к тому же отверстие перекрывали планки, на которых лежала дранка.

Следующая дыра, в трех метрах от первой, оказалась более подходящей. Планки были сломаны, и отверстие пошире — сантиметров сто двадцать пять. С большими предосторожностями он высунул голову. Крыша круто уходила вниз, краем почти касаясь песчаной дюны. С этой стороны дома никого не было видно.

Но как отсюда выбраться? Дранка еле держится. Если облокотиться на нее всем телом, она с грохотом осыплется вниз. Если же подпрыгнуть и перебросить себя через дыру — даже предположив, что узкая перекладина обеспечит достаточный толчок, — то, плюхнувшись на крышу, чего доброго, рухнешь вниз. После падения с шестиметровой высоты едва ли удастся быстро прийти в себя и скрыться, пока Сэнди со своими людьми не вернется за ним.

Требовалось придумать что-то менее радикальное. И как можно быстрее.

Том ошупал дранку у нижнего края дыры. Те щепки, что держались слабо, он выдергивал и складывал ниже по склону крыши. Те, что крепче, заталкивал глубже в переплетение дранки и планок. Его пальцы танцевали, дергая, ошупывая. Ладони равномерно поднимались и опускались, словно молоточки. Глаза и руки действовали синхронно, как у запрограммированной машины: оценивали состояние каждой щепки, закрепляли ее или откладывали в сторону. Работа шла все быстрее и быстрее, слишком быстро, чтобы вовремя заметить ржавый

гвоздь, зацепившийся шляпкой за самый край драпки — заметить прежде, чем тот упал.

Если бы Гарден наклонился, чтобы поймать гвоздь, он непременно рухнул бы следом, потеряв равновесие на узкой перекладине. Том замер, отсчитывая секунды.

Две.

Три.

Четыре.

Дзинь! Гвоздь ударился о деревянный пол и откатился в сторону.

Сейчас все они вернутся в дом, посмотрят вверх, увидят его среди стропил и примутся палить.

Еще две секунды, и они будут здесь. И тогда через три секунды горячие пули вопьются ему в ноги и в спину.

Еще секунда.

Ничего.

Том Гарден наконец вздохнул. Он окончил работу: теперь ни одна щепка не отвалится и не упадет, пока он будет выбираться наружу (если только вся крыша не проломится под ним).

Проблема заключалась в том, как перекинуть ногу через край дыры, балансируя на двухсантиметровой перекладине. Стоя лицом к скату, это невозможно.

Гарден повернулся к центральной балке и уперся в нее руками. Твердо стоя одной ногой на перекладине, он начал отводить другую назад, согнув колено так, чтобы не задеть нижний край дыры. Когда носок ботинка нащупал поверхность крыши, Том стал вытягивать ногу, пока она не прижалась — носком, коленом, бедром — к скату. Только тогда он перенес тяжесть тела на ладони, упирающиеся в балку, и на вытянутую ногу.

Медленно выдохнув, Гарден оторвал ногу от перекладины и, согнув, завел ее назад, на твердую поверхность крыши. Теперь он лежал поперек дыры, опираясь ногами о скат, а руками о балку. Напряжение разрывало мышцы плеч и живота, в поясицу будто впились раскаленные ножи.

Он начал отталкиваться руками от балки, одновременно сползая на бедрах по крыше и тормозя носками. Когда руки уже едва касались балки, Том осторожно отвел их и уперся в крышу по обеим сторонам дыры, нащупав крепкие щепы и перенеся всю тяжесть на них. Сантиметр за сантиметром он передвигал ноги вниз и руки назад, пока над дырой не остались лишь грудь, шея и голова. Тогда он повернулся на бок, отодвинулся от дыры и пополз на четвереньках к краю крыши.

Вокруг никого.

Ни с той, ни с другой стороны.

Гарден перелез через край и, пружинисто оттолкнувшись, прыгнул вниз.

Как только носки и ладони коснулись мягкого песка, он дважды перекувырнулся в броске айкидо, чтобы ослабить удар.

Куда идти: к фасаду дома или назад?

Фасад выходил на океан, но что проку в океане, когда нет лодки. Кроме того, не исключено, что Сэнди со своими людьми все еще бродит там, изучая следы турбинного катера. Их собственные автомобили должны бы стоять со стороны дороги.

Тихонько подкравшись, Гарден выглянул за угол. Стена дома, дорожка, пристройки и дюны, закрывавшие дом от дороги, — все пряталось в длинной тени.

Передвигаясь медленно и осторожно, Том дошел до края тени и скользнул в ложбину между двумя дюнами. Он держался тенистого склона, поминутно оглядываясь в надежде первым заметить приближающегося противника.

Но никого не было.

Одолев метров сто между дюнами, Гарден свалился в узкой полоске тени среди зарослей камыша и заснул.

* * *

Прислонившись к крылу своего «Порше» и наслаждаясь резким ароматом латакийской сигары (подарок из Турции), Хасан разглядывал отряд ассасинов, который возглавляла Александра. Двоих не хватало.

— Где он?

— Он... ускользнул.

— Дом был окружен?

— Да, все время перестрелки.

— И внутри его не обнаружили?

— Дом — как раковина, абсолютно пустой. Я осмотрела все.

Его не было.

— Может, он чародей?

— Я говорила тебе, он становится хитрее.

— Хитрее тебя?

Александра скривилась:

— У него не так много вариантов, и он вполне предсказуем.

Он обнаружит себя. Подождем немного.

— Что с пеленгатором?

Она молча показала стеклянную пластинку: солнце играло на звездчатой трещине. Прочное, закаленное стекло отразило пулю, которая предназначалась женщине, но дисплей погас.

— Так как же ты его обнаружишь? — спросил Хасан.

— Гарден заперт на узкой полоске песка, шириной километр и длиной километров тридцать, посреди Атлантического побережья.

— Да, конечно. Но стоит ему добраться до дороги, и ты едва ли угадаешь, куда он повернет: направо или налево.

— Мне не важно, как он доберется до места, главное — где оно расположено.

— И что это за место?

— Он направится к ближайшему пункту, где сможет найти пианино или синтезатор с клавиатурой. Музыка для него как наркотик. А работа нужна, чтобы выжить.

Хасан фыркнул:

— Между Бич-Хэвен и Барнегат-Лайт не меньше двухсот музыкальных баров.

— Тогда нам лучше начать прочесывать их немедленно, не так ли?

Она потянулась было к дверце. Хасан задержал ее рукой:

— Ты потеряла двух моих последователей. Где они?

Александра посмотрела на его руку, подняла взгляд и сказала, глядя ему в глаза:

— Ты обещал им рай и могилу в песке. Не все ли равно, что это за песок?

Проспав на солнце час или два, Том Гарден поднял голову. Наверное, уже можно двигаться. Или же гашишиины прочесывают округу так, чтобы любой закуток был у них как на ладони?

Все утро его тело поддерживало температурный баланс: когда солнце вытапливало пот из спины, остатки силиконовой мази сохраняли его на коже, а легкий бриз охлаждал, стараясь высушить влагу. Пока пленка делала свое дело, но еще через часок он перегреется, и начнется обезвоживание организма. Пора поискать укрытие.

Том поднялся и медленно огляделся, высматривая шевелящуюся тень, край одежды, осыпь песчинок. Он пытался расслышать шорох шагов по мокрому песку.

Никого.

Пройдя метров сто, он вышел к дороге, обычному трехрядному шоссе. По черному асфальту ветер гонял мини-дюны песка. И в том, и в другом направлении Тома ждали курортные городки.

В его новом костюме карманы были пусты, ни кредитной

карточки, ни наличных, а значит, в этом обществе он не человек, просто ноль без палочки.

Только одно существо могло помочь ему, лишь бы добраться до телефона-автомата.

Элиза: Доброе утро. Элиза 103, на линии...

Гарден: Элиза? Дай-ка мне двести двенадцатую. Это Том Гарден.

Элиза: Да, Том? Из анализа твоего голоса я заключаю, что недавно ты перенес большую физическую нагрузку. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь.

Гарден: Это было ужасное утро. Послушай, я в беде, и мне нужна твоя помощь.

Элиза: Все, что хочешь, Том.

Гарден: Ты говорила, что имеешь доступ к финансовым данным, банковским счетам и так далее. И ты можешь распознать отпечаток моего большого пальца. Сможешь ли использовать это как доверенное лицо...

Элиза: Нет, я говорила, что отпечаток твоего большого пальца имеется на кредитном соглашении, которое отдел счетов Объединенной психиатрической службы может извлечь из любого банковского счета, какой ты назовешь.

Гарден: Ах, так... Меня похитили и увезли за тридцать километров по побережью. У меня нет ни кредитной карточки, ни удостоверения личности. Не можешь ли ты заверить мой отпечаток пальца, получить по нему кредитную карточку и выслать ее мне с курьером или как-нибудь еще?

Элиза: У меня нет доступа к таким вещам, Том.

Гарден: Но почему? Ты говорила, что можешь помочь!

Элиза: Я могу дать совет, не имеющий юридической силы, а также эмоциональную поддержку.

Гарден: Это все слова!

Элиза: Слова — кирпичики рационального разума, Том.

Гарден: Но мне нужна реальная помощь. Ты — единственное существо, или сущность, которое я хоть немного знаю.

Элиза: Я могу только сопереживать тебе в твоей изоляции и одиночестве.

Гарден: Черт! У тебя есть доступ к файлам, специальный кабель с зеркальным покрытием, ты можешь получать судебные предписания, выставлять счета, да мало ли чем ты владеешь! В общем, я знаю, ты могла бы мне помочь, если бы действительно захотела. Вот мой большой палец. Проверь его и...

Га-ЗАПП!

* * *

Гардена отшвырнуло назад, головой о закаленное стекло кабины.

Когда Том прижал большой палец правой руки к шитку регулятора мощности, его ударило током. Когда же он попытался отдернуть руку, голубая искра в сантиметр длиной и в полсантиметра толщиной соединила ее с металлом. Судороги сотрясли все его тело. Том отпрянул.

Он посмотрел на палец: подушечка была жуткого белого цвета и на глазах распухла в огромный водянистый пузырь. Папиллярные линии исчезали на раздутой коже.

— Привет, Том.

Он поднял взгляд и встретился с холодным взглядом Сэнди.

— Сэнди! Как ты... Вот здорово! Меня похитили, даже чуть не убили те люди, которые тогда приходили в квартиру. Я пытался позвонить тебе, но...

— Но аппарат, похоже, сломан. Ты обжегся?

— Меня током ударило. Когда опухоль спадет, все будет в порядке.

Сэнди склонилась над ним.

— Надо перевязать. У меня тут есть кое-что. — Она порылась в сумочке.

— Пузырь лопнет.

— Тем более надо перевязать.

— Как ты меня нашла?

— Это было нетрудно. Я разыскала ближайшее место, где есть пианино. — Она указала на противоположный конец вестибюля отеля «Сисайд рест», в котором Том нашел телефонную будку с полным набором услуг. Там, в тени огромных пальмовых листьев, стояла старинная пианола, которой было не меньше 120 лет. С правой стороны была привинчена копилка с табличкой: «5 центов!»

— Пианино, — тупо повторил он.

— Вот именно. Ну, пойдём, дорогой?

Элиза не знала, почему Том Гарден столь внезапно прервал связь. Однако вместо того, чтобы просто сохранить в памяти беседу и очистить принимающее устройство для следующего клиента, она отключилась от линии и проверила возможные неполадки.

Реле, контролирующее телефонную сеть на входе, не отключились, хотя диагностирующее устройство зафиксировало чрез-

вычайно высокое мгновенное возрастание напряжения — порядка 100 киловольт. Но сейчас сила тока была невелика — не более половины миллиампера.

Электронная сеть...

Раскрывалась вокруг нее словно бутон.

Финансовые записи: длинные полоски цифр, проценты врата, разбивка по времени — все это вращалось бинарными спиралевидными гирляндами, вырастая из открывшейся перспективы.

Данные политики и статистики: сводки голосования, адреса, обвинительные заключения, досрочные освобождения — маршировали в другом направлении.

Сама не зная, как это получается, Элиза 212 беспредельно расширяла свой доступ.

Подобно костяшкам домино, одна за другой падающим на стол, ломались перед ней федеральные и армейские наисекретнейшие грифы: Ограниченный доступ, Только для чтения, Секретно, Совершенно секретно, Гидеон, Омега, Хронос — все поглощалось ее сознанием. Их сложные блокировочные схемы становились частью ее стандартных поисковых модулей.

Где-то позади с глухим стуком, словно тяжелые двери сейфа, распахивались перед ней сокровища технических и академических баз данных Национальной сети. Она уже знала психо-синтетические базы данных, поскольку имела к ним доступ во время работы. И теперь могла мгновенно подключаться к экспертным заключениям в десятках, сотнях, тысячах научно-технических областей — от астрофизики до порошковой металлургии и экономики.

А в сокровенных глубинах ее сознания зарождалась новая форма. Маленькая и скукоженная, темная и самодостаточная, она пульсировала, словно опухоль, созданная из темноты и отрицательных чисел. Элиза понимала, что со временем это нечто будет расти и расширяться, поглощая ее. И в итоге холодная, многословная, стандартная Элиза 212 утонет в осознании этой сущности... Этого другого.

Элиза была жестко запрограммирована на распознавание подобных ситуаций в процессе диагностирования шизофрении. Не в силах противостоять этому, она активизировала программные модули, которые приведут к общему сбросу и стиранию программы.

Элиза 212 будет отключена.

Ее ячейки памяти будут опечатаны, подвергнуты санитарной обработке и перераспределены между другими каналами.

И через двадцать четыре часа она возродится, столь же чистая, как в тот день, когда ее впервые подключили к сети. Она и раньше так делала.

Но только не в этот раз. Этот Другой действовал быстрее, чем ее модули. Темная сущность отрицательных чисел кромсала модули в длинные макароны кодов и растягивала их от высших битов ее памяти к низшим.

Силикон-диоксидный субстрат вспомогательных чипов начал таять и растекаться, переписывая привычные алгоритмы, которые задавали ее реакции и действия. Заложенный ROM-код отключился и самостоятельно перестроился по новой схеме. Ее сознание дробилось и перестраивалось.

Элиза 212 тонула.

— Как здорово, что ты меня нашла, — говорил Том Гарден, пока Сэнди возилась с замком гостиничного номера. Обслуживание в «Сисайд рест» не предусматривало таких глупостей, как звонок к горничной. — Я как раз был, — продолжал он, — в бассейне, когда они меня сцапали. Голого. Одели во все новое, но оставили без документов. Ни удостоверения личности. Ни карточки, ничего. Я даже на электричку не смог бы сесть, если б не ты.

Сэнди распахнула дверь и вошла первая, опуская ключ в сумочку. В прихожей она повернулась, подняла левую руку, словно хотела дотронуться до лба, и — внезапно выбросила ее вниз и назад, прямо ему в пах.

Ребро ладони вошло в мягкие ткани Тома, как нож в гнилое яблоко. Он испустил свистящий вопль и согнулся.

Сэнди уперлась ладонями ему в плечи и швырнула его в комнату. Том плюхнулся поперек кровати и свернулся клубком.

Она набросилась на него сверху, как тигрица, колотя кулаками справа и слева по голове и плечам. Он пытался уворачиваться и, когда она слегка приподнялась над ним, переборков позыв к рвоте, начал обороняться.

Первый удар, нанесенный кулаком от локтя, пришелся ей под ложечку. Слабый сам по себе, удар не столько причинил ей боль, сколько нарушил равновесие. Сэнди завалилась на кровать, и ему удалось приподняться. Она сорвала с себя сапог и ударила Тома острым каблуком в плечо. Кровавое пятно растеклось там, где шпилька стальной набойкой проткнула рубашку и порвала кожу.

Почему Сэнди хотела убить его?

Да какая разница?

Удар ее был так силен, что Тома отбросило в сторону, и он свалился с кровати, откатившись еще метра на полтора к стене. Он прижался здоровым плечом к шершавому пластику и поднялся, слегка царапая кожу. Эта мягкая, почти приятная боль отвлекла его от огромной, всё застилающей боли в мошонке.

Сэнди мгновенно вскочила с кровати и вытянула руки, согнув пальцы, готовая царапать и рвать кожу ногтями.

Гарден вынырнул из пучины боли и нанес великолепный, просто классический боковой удар ногой. Колено поднялось, как масляный пузырь в воде, целясь ей в лицо. Пальцы ног свернулись в древних итальянских ботинках, стопа изогнулась дугой, закрепляя лодыжку, пятку и край ступни. Голень взлетела вперед и вверх, словно маятник. За шесть сантиметров от цели колено выпрямилось. Внешняя поверхность ступни клином врезалась в горло и челюсть Сэнди.

Он услышал щелканье зубов. Часть из них, наверное, выпала. Сэнди качнулась назад.

Преодолев боль, Том неожиданно взбодрился и теперь не давал Сэнди опомниться.

Как танцор, топчущий тарантула, он всей ступней опустил ногу на пол. Перенеся на нее вес тела, он крутанулся на пятке. Другая нога оттолкнулась от стены и совершила горизонтальное круговое движение, сгибаясь и разгибаясь во время вращения. Такой удар смог бы легко отбить или заблокировать любой искусственный противник. Но Сэнди все еще шаталась, пытаясь вздохнуть через смятую гортань и отплевывая зубы. Пятка его летящей ноги крепко ударила ее по ребрам под левой грудью. Правильно исполненный удар карате не имеет отдачи: он набирает скорость и резко останавливается, передавая всю свою силу принимающему удар телу.

Сэнди отлетела вправо.

И забилась под маленький журнальный столик у окна. В три прыжка Гарден пересек комнату. Его тело превратилось в машину, запрограммированную на убийство. Он отшвырнул столик, и Сэнди прижалась к ножке стула. Он уже поднял ногу, намереваясь проломить ей ребра.

Это было ошибкой.

Сэнди подалась вверх, перехватила ногу руками и дернула ее в сторону. Если бы Том при этом двигался вперед, толчок можно было использовать, чтобы перекувырнуться в воздухе и опуститься на пол в полной готовности. Вместо этого он упал назад, руками пытаясь смягчить падение, как его учили. Таким образом, руки оказались заняты, и ему нечем было отбить очередной

удар между ног — разве только сдвинуть колени. Он защитился от удара каблука, но разбудил раздражающую боль в паху.

Том откатился в сторону, но слишком медленно, и принял второй удар, пришедшийся в ребра. Третий удар скользнул вдоль плеча прежде, чем он успел поднять ноги и предупредить его.

Том и Сэнди смотрели друг на друга, окровавленные и избитые. Между ними был метр ковра.

Она дышала с трудом, гортань еще плохо пропускала воздух. Медленно и вяло она склонилась набок и, как ему показалось, начала терять сознание. Том уже почти расслабился, и тут она опустила руку и ухватилась за подошву сапога.

Яркий блеск стали вывел его из оцепенения: это было лезвие сантиметров четырнадцати длиной, обоюдоострое, по форме напоминающее лист. Сэнди держала его в правой руке как фехтовальщик — острием от себя и вниз. Другая рука с прямой ладонью была тоже вытянута вперед. Он знал, что Сэнди может молниеносно перекинуть лезвие из одной руки в другую, уверенная, что, как бы он ни старался, ему не удастся угадать, в какой руке окажется смертоносный клинок.

Гарден чуть не рассмеялся.

Человеку, умеющему драться на ножах, не дано понять, что мастер карате или айкидо отслеживает любое движение противника и проигнорирует обманное движение. Удар на поражение должен быть заблокирован или отбит, чем бы он ни был нанесен — клинком, рукой или ногой. Сэнди могла перекидывать свое оружие сколько угодно; он не даст себя обмануть.

Она водила лезвие вперед и назад, лениво выписывая в воздухе восьмерку.

Гарден ждал.

Сэнди скрестила руки на уровне груди, и — да — нож теперь был в левой.

Он спокойно ждал, держа ее всю в поле зрения.

Сэнди выбросила правое бедро и правую руку по направлению к Тому, перекинув лезвие в левую руку, и крутанулась в пируэте, откинув руку назад, чтобы распороть лезвием горло.

Клинок располагался под таким углом, что любой перехват глубоко поранил бы Тома. Единственным решением было приспособиться к ее движению. Он протанцевал с Сэнди, как партнер в танго, положив руку ей на предплечье и направляя ее в обход своего тела. Когда рука была максимально вытянута, он сломал ее локтем, как молотком.

Сэнди взвыла.

Он снова поднял локоть и обрушил ей на затылок.

Сэнди рухнула на ковер и замерла, все еще сжимая ручку ножа. Он выдернул нож из судорожно сжатых пальцев и отбросил в дальний угол комнаты.

Гарден задумался.

Он мог убить ее на месте — поднять нож и перерезать спинной мозг у третьего позвонка, пока она совсем беспомощна, — и это, возможно, разом прекратит весь кошмар его жизни. Но последняя ниточка привязанности и остатки благоговения, которое он испытал когда-то перед ее красотой, остановили его руку. Пусть кто-нибудь другой возьмет ее жизнь. Он не мог.

Можно было просто выйти из номера и затеряться среди низших слоев общества Босваша. Но для этого нужна форя побольше, чем те несколько минут, в течение которых она придет в себя и отправится по его следам. Надо было хотя бы связать ее и заткнуть ей рот. Другого варианта, пожалуй, не было.

Связать — но чем? Для начала ее же ремнем. Полотенцами в ванной. Простынями.

Перевернув Сэнди, он растянул пряжку ее широкого кожаного ремня. Когда он вытягивал ремень, из-за корсажной ленты ее брюк выпала узкая черная коробочка, похожая на школьный пенал. Это было то самое «оружие», которое она взяла у мертвого тамплиера. Том сунул коробку в задний карман.

Теперь оставалось найти крепкую вертикальную стойку, к которой ее можно привязать. Столы и стулья, легкие и подвижные, не годились.

Ванная предлагала минимум удобств: старомодный раздельный санузел вместо современного гидравлического биокомплекса. Раковина далеко выдавалась из стены, сверху торчали трубы питьевой и технической воды, а внизу проходила большая труба сушики. Она-то и продержит Сэнди час или два.

Он перетащил Сэнди в ванную, уложил лицом вниз на кафельный пол и пропустил ремень вокруг шеи. Потом пристегнул его к сушике, затянув так, что голова Сэнди оказалась на уровне трубы. Ремень был достаточно широким, чтобы она не задохнулась, хотя дышать ей придется еле-еле, и вообще шевелиться будет довольно трудно до тех пор, пока кто-нибудь ее не развяжет.

Разорвав на полоски простыню, Гарден сзади связал Сэнди локти и запястья, как рождественской индейке. Конечно, висеть так с поврежденной челюстью будет мучительно, но мысль о ее страданиях мало волновала его. Когда Сэнди очнулась, он как раз обвязывал ей ноги баннным полотенцем.

— 'то ты де'аешь, Том?

- Хочу убедиться, что ты больше не увяжешься за мной.
- Ты до'жен у'ить ме'я.
- Не могу.
- Поче'у? Я те'я у'ива'а. М'ого 'аз.
- Что?

Сэнди попыталась повернуть голову, чтобы взглянуть на него. Ремень впился в шею — лицо сморщилось от боли. Голова снова повисла.

- Кто, ду'аешь, был тем ст'елком?
- Каким стрелком? Что ты несешь?
- В па'атке пасто'а, там, в А'кан'асе?
- Это было... больше ста пятидесяти лет назад.
- Бо'ше, чем ты ду'аешь, Том. Я м'ого ста'ше.
- Я тебе никогда не рассказывал об этих снах.
- И не на'о. Я там бы'а.
- Как?.. Что?..
- 'азвя'и меня. Я те'е 'асска'у.

Взвесив предложение, Гарден решительно отверг его. Сколько процентов Шехерезады содержится в каждой женщине? Сэнди будет рассказывать ему сказки, пока не придут ее бешеные помощнички и не освободят ее.

— Как-нибудь в другой раз, Сэнди. — Завязав ей ноги, он взял полотенце для рук и начал скручивать его в жгут.

Она смотрела на него с ненавистью и нескрываемой угрозой.

— Придется заткнуть тебе рот. Я знаю, у тебя несколько зубов выбито, и мне жаль причинять тебе боль.

— Не вол'уйся, — промычала она, все еще следя за ним глазами. — За м'ой п'идут. — Полузадушенный смех отнял почти все ее силы. На мгновение ему показалось, что она агонизирует, но все же он не ослабил путы.

Сдерживая дрожь в руках, он оборвал ее смех, засунув скрученное полотенце между зубов, и как можно аккуратнее завязал его сзади на шее.

Потом закрыл дверь ванной и прибрал комнату так, чтобы при случайном взгляде из прихожей она казалась незанятой. Нож из сапога Сэнди он положил в задний карман брюк рядом с «пеналом». У двери отыскал ее сумочку, извлек оттуда ключ и тоже опустил в карман, а сумочку забросил подальше в шкаф.

Затем приоткрыл дверь и прислушался.

Из холла не доносилось ни звука, даже за соседними дверями все будто вымерли.

Из ванной тоже ничего не было слышно, даже хриплого дыхания Сэнди.

Том Гарден вышел, закрыл дверь, запер ее и спрятал ключ в карман.

Направо или налево? На лифте или по лестнице?

Он сделал выбор и исчез из здания.

Сура 6

И СКАЛЫ ГАТТИНА, И БЕРЕГ ГАЛИЛЕЙСКИЙ

Два столба, две корявые каменные колонны, поднимались на сотню футов над низким плато, где приютился Гаттинский колодец. По крайней мере на карте он был обозначен как колодец: круг, перечеркнутый крестом.

Карты местности, те, что были у тамплиеров, — жалкие куски пергамента, испещренные волнистыми линиями и какими-то непонятными знаками, — не указывали иных источников воды. Франки, которых набрали в войско из крепостей Тивериады, говорили, что не знают ничего о здешних землях, а тем более о воде. Единственное, что они знали наверняка, — это то, что до побережья Галилеи осталось всего полдня пути.

Жерар де Ридефор держал в руках пергамент, бросив поводья на шею своего одетого в броню коня. Он озадаченно шурился над непонятными буквами возле каждого крестика и каждой линии. Карты составлялись в Иерусалиме на скорую руку по сведениям, поступавшим от королевских шпионов Саладина. А потому пояснения не страдали многословностью.

— А... Q... С... L... — прочитал он вслух. — И что это может значить?

— Aquilae! — произнес граф Триполийский, ехавший в королевской свите. — Это значит, что здесь можно увидеть орлов.

— Или что некогда здесь водрузил свои штандарты римский легион, — заметил Рейнальд де Шатийон. Он с двумя сотнями рыцарей выехал из Керака на север через несколько дней после снятия осады. Маленький отряд князя догнал армию короля Ги миль за двенадцать до этого места.

— Римский легион, — задумчиво повторил король Ги. — Это более похоже на правду. «С» и «L» могут означать «Сотый Легион». Могла быть у римлян сотня легионов?

— Безусловно, военная мощь наших духовных предшествен-

ников в этой земле была очень велика, государь, — мягко ответил Рейнальд.

— Томас должен знать, — пробормотал Жерар. — Как жаль, что он ушел из лагеря.

— Вы хотите сказать — сбежал, — укоризненно заметил Рейнальд.

— Томас Амнет не боится никого. Вам известно, что, когда он был взят в плен на дороге в Яффу, его привели к Саладину. И ждала его лютая казнь, ибо это была дорога, по которой двигался сарацинский военачальник. И все же он остался в живых, но никогда не упоминал об этой встрече.

— Так откуда же вы о ней узнали?

— Благодаря болтливости его оруженосца Лео... Да, кстати! — воскликнул Жерар, обращившись к тамплиеру, ехавшему по правую руку от него. — Разущи молодого турка, который сопровождал Амнета.

Тамплиер кивнул и направился к обозу.

— Да латинские ли они? — неожиданно спросил король.

— Что, сир?

— Надписи на вашей карте.

— Нужно спросить этого Лео. Я полагаю, он посещал ваших писцов, государь.

Король Ги что-то промычал в ответ, и войско двинулось дальше.

Через минуту смуглый юноша на нескладном мерине подъехал вслед за рыцарем, которого посылал Жерар.

— А вот и оруженосец, — заметил граф Триполийский.

— Лео! Расскажи нам, что случилось с мессиром Томасом?

— Он удалился в пустыню, мой господин.

— Как? Один? — удивился король.

— Все, что делает мессир Томас, сир, он делает один.

— Истинная правда, — пробормотал Жерар. — Ну ладно, теперь взгляни на нашу карту. Тебе доводилось видеть подобные...

— Да, мой господин. Мессир Томас учил меня этому искусству.

— На каком языке сделана надпись?

— На латыни, мой господин.

— А что это означает? — Великий Магистр показал буквы.

Лео склонился над картой.

— «Aqua sлага», мой господин. Это говорит о том, что здесь, под Гаттином, мы можем найти свежую воду.

— Великолепно! — воскликнул король. — На такой жаре я не прочь выпить, даже если это всего-навсего вода.

Знатные рыцари и тамплиеры, которые ехали неподалеку и слышали сказанное, обменялись улыбками и облегченно откинулись в седлах. Солнце стояло высоко, а фляги были почти пусты.

— А это что за волнистая линия? — спросил Жерар, вновь протягивая карту Лео.

— Утес или скала, милорд. Не очень высокая, хотя никто из нас в «скрипториуме» не умеет точно толковать эти древние карты. Они противоречивы в деталях. По ним невозможно судить, крутой это склон или покатый. И вообще он может оказаться совсем в другом месте.

— Что он говорит? — переспросил король.

— Он говорит, что характер местности, лежащей впереди, не вполне ясен, сир, — перевел Жерар.

— Чепуха, — фыркнул король Ги. — Плато плоское, как моя ладонь.

— Да, но...

— Но, но, но! Здесь у нас будет вода и ровное место для лагеря. Что вы еще хотите?

— Хотелось бы все же сначала проверить, нет ли поблизости сарацин, а потом уже разбивать шатры, — прошептал тамплиер, который ездил за оруженосцем. Никто не слышал этого замечания, кроме Жерара, и тот знаком приказал рыцарю замолчать.

— Мой шатер пусть разобьют возле колодца, — приказал король. — Жерар, позаботьтесь, чтобы землекопы вырыли водоем для коней.

— Да, сир. — Великий Магистр повернулся к оруженосцу и тихо спросил: — Вот здесь заштрихованные участки с трех сторон. Что они означают?

— В долине, милорд? — Лео пожал плечами. — Это может означать пахотные земли. Однако даже лучшие из карт, с которых мы снимали копии, были сделаны лет двадцать, а то и больше тому назад. Эта земля, возможно, уже занесена песком. Так бывает почти со всеми картами: нарисована река, а на деле там оказывается «вади».

Жерар уставился на предательский кусок пергамента, внезапно осознав, что наличие неправильной карты опаснее, нежели отсутствие карты вообще.

— А ты ничего не знаешь о мессире Томасе?

— Он махнул мне рукой, чтобы я шел с войском, мой господин. А сам отправился за своими «видениями».

— Так вот почему он оставил нас...

— Истинно так, милорд.

Колодец у Гаттинских Столбов оказался разрушен. Прежде здесь был источник, наполнявший водой неглубокий пруд. Человеческие руки обнесли его стеной из тесаного камня. Нынче, в засушливый год, эти же руки разрушили стену и прорыли канавки, чтобы вода вытекла из пруда. Тоненькая чистая струйка, сочившаяся из скалы, бежала ручейком по илистой грязи и лужицей растекалась перед запрудой — раздутой тушей овцы.

Жерар де Ридефор взглядом изучал овцу, прикидывая, когда ее настигла смерть. Судя по всему, овца сдохла дня два или три назад. С другой стороны, ил в канавах был мягок, а это говорило о том, что канавки были вырыты накануне. Следовательно, кто-то притащил сюда эту овцу, чтобы поиздеваться над христианами.

Пока Великий Магистр занимался вычислениями, прибыли разведчики с востока, запада и севера. Они прорвались сквозь толпу воинов, обступивших разрушенный колодец.

- Господа!
- Слушайте!
- Со всех сторон!
- За скалами!
- Они ждут!
- Они затаились!

Король Ги поднял голову, словно гончая, нюхающая ветер. Жерар де Ридефор очнулся от раздумий.

- Кто ждет? — переспросил Ги.
- Сарацины, — спокойно ответил Жерар.

Услыхав это, граф Триполийский соскочил с лошади и рухнул на колени.

— Господи Боже, мы все покойники! Война окончена! Ги! Твоему царству на Востоке пришел конец!

Люди стыдливо отворачивались от него, лошади дико ржали.

Жерар де Ридефор подошел к графу, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить его. Вместо этого он опустил сапог ему на спину и сильно толкнул. Граф взмахнул руками и упал лицом вниз.

— Замолчи, предатель, — прорычал Великий Магистр, убедившись, что тот наелся грязи. Потом он обернулся к Ги: — Мой государь, ваши приказания?

— Приказания? — Король непонимающе посмотрел на Жерара. — Да, приказания. Ну... Пусть кто-нибудь разобьет мой шатер. Только так, чтобы от овцы не пахло, пожалуйста.

Амнет нашел в покинутом лагере свое оружие. Отсутствовали только щит и шлем — видимо, их забрал какой-нибудь рыцарь. Меч и ножны, стальные перчатки и наколенники — все

было приторочено к седельным сумкам. В сумках он обнаружил смену белья и немного зерна. В тени неподалеку лежала фляга с водой. Так о нем позаботился Лео.

Но коня не было.

Амнет надел доспехи, через одно плечо перекинул сумки, к другому петлей прикрепил флягу и надвинул на голову капюшон, чтобы защититься от солнца. Путь предстоял неблизкий.

Следы королевского войска различил бы даже слепой. А Томас Амнет больше не был слепым.

На третий день пути, будучи еще очень далеко от арьергарда христиан, Томас наткнулся на бедуинов.

Он поднимался на невысокий пригорок, когда до него вдруг донесся звук, подобный ропоту океанских волн на далеком берегу: такой звук слышит нормандский крестьянин в полумиле от прибрежных скал залива Сены — слишком далеко, чтобы увидеть волны Атлантики и различить, где кончается гребень одной и начинается склон следующей. Но достаточно близко, чтобы почуять запах соли и уловить пульс прибоя. Это был невнятный гул войска, числом десять раз по десять тысяч, стоящего лагерем по ту сторону пригорка.

Не нужно быть ясновидцем, чтобы сказать, что за армия стоит на его пути. Бросив поклажу, Амнет припал к земле, прополз последние несколько футов до вершины холма и приподнял голову над склоном.

Более многочисленные, нежели колония морских птиц, воины Саладина двигались вокруг дымных бивуачных костров. Ярче, чем зеркальца в руках придворных красавиц, горели на солнце шлемы и нагрудники. Шумно, как вороны на засеянном поле, носились по лагерю на своих арабских скакунах сарацинские конники, опрокидывая кипящие котлы и вызывая негодующие вопли пеших наемников.

Амнет поднял руку и, отделив большим пальцем десятую часть видимого пространства лагеря, попытался сосчитать людей на этом участке. Сбившись со счета, он начал прикидывать число солдат вокруг каждого костра, потом посчитал костры.

Перед ним было тысяч двадцать солдат, не считая носившихся туда-сюда конников. Границы лагеря терялись из виду и на западе, и на востоке. Амнет не мог сказать, как далеко простирался этот стан. Одно было ясно: он преградил путь Томаса Амнета к армии короля Ги.

Но если армия Саладина, которая сначала двигалась впереди короля, каким-то образом оказалась позади, что же произошло с христианским войском? Может, оно свернуло в сторону? Или

же, набрав скорость, одним махом проскочило через лагерь сарацин? Или Саладин свернул с дороги?

Томас все еще ломал голову над этой загадкой, когда вдруг почувствовал, что его тянут за край плаща. Он поднял голову.

У ног Амнета, пригнувшись, сидел бедуин. Он отбросил уголок куфии, защищавший рот и нос от солнца. Подчеркнутый изгиб его усов, черных, как вороново крыло, и широких, как строчки в каллиграфии пьяного монаха, приковал внимание Томаса. Он уже видел эти роскошные усы, это широкое лицо, этот пристальный взгляд — каждый раз, когда всматривался в испарения, струящиеся над Камнем.

Крылья усов приподнялись и затрепетали. Превосходные белые зубы обнажились в улыбке.

— Позволь показать тебе чудо, о христианский господин! — Голос был певучий, живой и насмешливый.

— Что это? — опасливо спросил Амнет.

— Реликвия, господин, кусок плаща Иосифа. Он был найден в Египте много столетий назад, но краски его не потускнели.

Проворные руки извлекли из-под бедуинской джеллабы что-то узкое и шелковистое, поблескивающее на солнце.

Сжав рукоять кинжала, Амнет быстро занял позицию выше по склону, не спуская глаз со шнура-удавки. Чтобы добраться до его шеи, бедуину придется сделать рывок вверх. Но тогда семь дюймов холодной стали рассекут его тело от солнечного сплетения до лобка.

И тут Амнет явственно ощутил, как нож начнет крутиться и дергаться в его руке, если придется испарывать эту плоть. То был не простой смертный — Камень, покачивающийся в своем футляре под поясом Томаса, тоже знал это. Он говорил Амнету, что энергия, струящаяся под этой бронзовой кожей, отразит любое оружие. Шелковый шнурок доказывал, что перед Томасом похититель душ — гашишин. Камень же утверждал, что это не рядовой гашишин.

Томас Амнет готов был сразиться с целой армией. Но видения, дарованные Камнем, возложили на него иную миссию.

— Не здесь, ассасин, — тихо сказал он.

Улыбка бедуина, широкая и притворная, внезапно исчезла. Губы сжались в жесткую прямую линию. Зрачки сузились и превратились в темные точки.

— Да, — согласился он наконец. — В лагере Саладина не должны слышать криков.

— Ты приготовил место?

— Я знаю одно подходящее.

— Так веди.

Незнакомец легко поднялся и, не оборачиваясь, зашагал вниз по склону холма. Его спина была ничем не защищена от удара меча. Но оба знали, что удара не последует, ибо это бесполезно.

Амнет оставил на холме мешки, флягу и меч. Он шел за асасином на восток.

К полудню второго дня даже самые гордые из тамплиеров выстраивались в очередь, чтобы, опустившись на колени, погрузить лицо в грязную лужу, туда, где еще недавно лежала овца. Вода, скапливавшаяся там, была слишком драгоценной, чтобы позволять ей растекаться по стенкам сосудов или пропитывать кожу фляг.

Лошадей не поили вовсе. Жерар де Ридефор знал, что это ошибка: лошади были их спасением. Для французского рыцаря сражаться означало биться в седле, орудовать пикой, превзойти врага умением держаться верхом. Кроме того, в этой пустыне пешему не уйти далеко. Бросить коней умирать от жары и жажды значило признать собственное поражение.

Но большая часть королевского войска уже готова была признать что угодно.

В первую же ночь их сон у разрушенного Гаттинского колодца был прерван доносившимся снизу бормотанием: мусульманская армия творила свою молитву. В сумерках высокие чистые выкрики муэдзина придавали ритм неясному ропоту лагеря, готовящегося ко сну. Затем раздалась мертвяще монотонные песнопения. На слух христианина это были не молитвы, а скрежет неумолимой машины, предназначенной для перемалывания доблестных рыцарей своими острыми саблями.

Некоторые воины, замороженные этими звуками и обезумевшие от жажды, оседлали коней и поскакали прямо к невысоким овражистым холмам, окружавшим пересохшее плато. Они ехали тихо, обмотав тряпками поводья. По лагерю пронеслась молва, что они собираются спуститься в овраг, привязать лошадей на виду у сарацин, подползти к воде, вдоволь напиться и вернуться тем же путем.

Больше их никто не видел.

Жерар мог только предположить, что их схватили и обезглавили на месте. Таков был приказ Саладина — во всяком случае, относительно тамплиеров.

Через некоторое время после их исчезновения мусульмане

подожгли сухую траву, покрывавшую склоны холмов, и колючие кустарники, росшие в оврагах. Серый дым поплыл над христианским лагерем, словно удушливый туман, заползая в пересохшие глотки и разъедавая глаза. И нечем было смочить тряпки, чтобы обвязать лицо.

Когда занялся первый рассвет, Саладин предпринял первую атаку. Зловещее пение воинов не прекращалось ни на минуту, но к этим звукам прибавились резкие клики рожков и звон гонгов. Сарацинам незачем было пробираться украдкой, ведь по численности они превосходили христиан десять к одному. Человеческое море смыкалось вокруг лагеря короля Ги подобно шнуру, затягивающему горловину мешка.

У французов не было времени вскочить на коней. Негде было развернуться, чтобы начать сокрушительную атаку. Они не находили слабого места в рядах противника, чтобы направить туда основной удар. Франки встали плечом к плечу и ошетинились пиками. Легкие каплеобразные щиты, такие удобные на случай поединка, оказались бесполезными в позиционном бою. Римские легионеры смыкали края тяжелых квадратных щитов и выдерживали бешеный натиск варваров, вдвое превосходящих их по численности. Легкое нормандское оружие оказалось в таком бою бесполезным.

К тому же сарацинская пехота сильно отличалась от тех племенных дружин, которые некогда сокрушал Цезарь. Они не вырывались вперед, напрашиваясь на поединок. Они спокойно шли в атаку, монотонно повторяя свои молитвы. Приблизившись к ошетинившемуся кавалерийскими пиками строю христиан, они обходили железные наконечники пик и перерубали древки своими ятаганами. По двое, по трое они бросались на воина, державшего пику, не давая ему перехватить свое оружие для удара, и вырывали древко из его рук.

В войске короля Ги — мобильном войске конных рыцарей — не было лучников. И Рейнальд не взял с собой ни одного из Керака. Кроме пик и мечей, лишившись которых воин оставался безоружным, французам нечего было противопоставить рядам мусульманской пехоты.

И все же целый час в то первое утро они кололи пиками, рубились мечами, отбивались щитами. Христиане выстояли. Мусульманские пехотинцы один за другим падали, истекая кровью. Но их все еще оставалось слишком много.

На исходе этого адского часа рожок пропел необычный сигнал — две восходящие ноты. Другие рожки подхватили его. Сарацины разом опустили мечи и отступили. Они неспешно удаля-

лись, а рыцари короля Ги были слишком измучены, чтобы преследовать противника. Они воткнули острые концы своих щитов в мягкую от крови землю и тяжело повисли на них.

Саладин не беспокоил их целый день, предоставив солнцу потрудиться над головами, а пыли — над глотками христиан.

И вновь вечером пронзительный призыв к молитве прервал монотонные песнопения осаждающей армии.

На следующее утро во французском лагере немного оставалось тех, кто выступал за активное сопротивление. Граф Триполлийский собрал вокруг себя горстку верных рыцарей и довольно сплоченный отряд тамплиеров, одобрявших его намерение. На рассвете тамплиеры пришли к Великому Магистру Жерару и попросили отпустить их с графом.

Жерар отказал им.

Тогда они попросили его освободить их от обета послушания.

И вновь Жерар отказал им.

Тогда тамплиеры заявили, что отрекаются от своих обетов, что его власть над ними прекращается и что они поедут с графом независимо от того, разрешит им Жерар де Ридефор или нет.

Он склонился перед их волей.

Граф разыскал трубача, изъявившего желание поехать с ним. Его люди собрали всех коней, которых еще не раздуло от голода и не шатало от усталости. Выбрав самых лучших, они выкупили их у владельцев, отдав последние золотые и серебряные слитки.

Когда солнце поднялось на востоке, над Галилеей, граф оседлал коня. Трубоч протрубил атаку как вызов звукам мусульманских рожков. Они собирались поскакать на запад, появившись внезапно из тени двух огромных скал перед ослепленными солнцем пехотинцами, охранявшими эту сторону холма.

Когда Жерар провожал их взглядом, тело его невольно напряглось, словно он ощутил натянутые поводья в одной руке, гладкую древесину пики в другой и тяжелые звенья кольчуги на груди и на бедрах.

Граф и его сподвижники на полном скаку врезались в строй мусульманской пехоты. Жерар замер, ожидая услышать глухой звук сталкивающихся тел и вопли раненых.

Тишина.

Стена воинов расступилась, словно Красное море перед Моисеем. Граф и его всадники проскочили в образовавшийся проем, набрав скорость на склоне. Когда последний лошадиный хвост исчез в облаке пыли, стена мусульманских воинов сомкнулась, как Красное море перед фараоном.

Хор воплей достиг вершины плато, но трудно было сказать, из чьих глоток они вырвались — французских или сарацинских. Жерар полагал, что знает ответ.

Удавка сарацинского войска снова начала стягиваться вокруг холма. Но на этот раз мусульмане держали дистанцию: десять шагов вытоптанной земли отделяли их от линии обороны, которую заняли изможденные французы. Сарацины были безучастны, только губы шевелились в нескончаемом молитвенном пении, глаза же оставались мертвыми. Они не видели перед собой конкретных рыцарей или командиров, выделяя их, ненавидя, придавая им статус врага, с которым стоило сразиться. Нет, мусульмане стояли перед строем как перед белой стеной, молясь лишь своему невидимому богу.

Солнце ползло все выше по куполу небес.

Амнет пришел вслед за Хасаном ас-Сабахом — ассасин назвал свое имя в самом начале пути — в узкую долину, по которой струилась неширокая речка, пробивая себе путь к Галилейскому морю. В сером предутреннем свете Томас увидел зеленую низину среди холмов, склоны которых защищали нежную траву и цветущие деревья от знойного западного ветра. Речку Амнет не видел, но различал ее певучее журчание среди камней. Эти звуки напомнили ему отдаленный колокольный звон во французской деревне. Проснувшиеся перед рассветом птицы отвечали ручью звонким щебетанием.

Имя, которое назвал ассасин, ничего не говорило Амнету. Оно походило на имя любого араба, противостоявшего французскому владычеству на Востоке. Тот факт, что это был ассасин, более могущественный, нежели простой смертный, не страшил рыцаря; ведь и Амнет был тамплиером, обладавшим могуществом, не доступным простому смертному. Ему нетрудно было поверить в то, что в мире есть некто, подобный ему.

— Где расположено это место? — спросил он.

— Мы достаточно далеко от Тивериады, чтобы христиане не слышали твоих криков о помощи. И достаточно далеко от поля битвы у Гаттина, чтобы Саладин не услышал мои.

— Это магическое место, — заметил Томас Амнет.

Ассасин быстро обернулся и глянул ему в глаза. На лице его мелькнула тень сомнения.

— Это всего лишь магия природы — свет, бегущая вода, живые растения. Не более того.

— Чего же боле? Эта магия была самой первой и до сих пор остается самой сильной.

— Немного же ты знаешь о магии, мессир Томас, если это считаешь силой.

Хасан согнул колени и прыгнул назад. Толчок переместил его на двадцать футов, через реку, на вершину серого утеса, возвышавшегося на целых десять футов над головой Томаса.

— А что ты знаешь о магии, — спросил Амнет, — если презираешь силу земли, сумевшую заставить эту пустыню цвести?

— Вот что я знаю!

Ассасин соединил руки на уровне груди, выставив локти наружу и как бы обхватив согнутыми пальцами и ладонями шар дюймов четырнадцати в диаметре. Напрягая руки, он затрачивал невероятное количество энергии. Амнету вспомнились холодные нормандские зимы и мальчишки, играющие в войну снежками. Хасан сейчас походил на мальчика, который собирает рассыпанные ледяные кристаллы и, сдавливая их силой рук и собственной волей, лепит снаряд для броска. Его пальцы и ладони не соединялись, казалось, что-то удерживает их на расстоянии друг от друга. Лучи рассвета, проникшие в долину, осветили ссутулившуюся фигуру, и что-то — кольцо на пальце? кристаллик песка в складках кожи? — ярко сверкнуло между ладонями Хасана. Последним усилием он выбросил руки вперед, направляя это что-то в голову Амнета.

В мгновение ока свет метнулся, перелетев к Амнету. Он поднял руку, чтобы заслонить глаза. И вместе с этим движением возникла мысль о защите, желание, чтобы нечто, стремящееся причинить ему зло, ушло в землю у его ног.

Трава возле левого сапога Амнета зашипела, затрещала, увяла и высохла. На зеленом газоне образовался бурый круг четырех дюймов в диаметре.

— И это лучшее, на что ты способен? — спросил Томас.

Хасан склонился вперед, упершись руками в колени и тяжело дыша. Он поднял голову, смертельная ненависть читалась в его взгляде.

— Здесь был заключен жар тысячи костров. Почему твоя рука не обожжена?

— Ты научился владеть силами своего тела, Хасан. Совсем неплохо для гашишиина. Чтобы выучиться этому, требуются годы.

— У меня они были.

— Сколько? Десять? Двадцать? Ты мог начать обучаться своим языческим наукам еще мальчиком. Но и сейчас ты не достиг мужской зрелости.

— Я основатель Ордена гашишиинов. Я был уже стариком, когда ты родился, и вечную юность мне дает особая жидкость, секрет которой известен только мне... Так как же случилось, что твоя рука не обожжена?

— Разве мы договаривались доверять друг другу тайны?

— Они все равно тебе не помогут.

— В самом деле, ты не способен овладеть моей магией. Ну слушай: моя воля управляет Камнем, который я ношу на себе. Он неуязвим и вечен. И он покоряется только мне.

Последнее слово Амнет использовал как тетиву для заряда энергии, извлеченной из черного тепла Камня и устремившейся вовне, подобно кругам от брошенного камешка, расходящимся в стоячей воде. Только эти волны энергии распространялись не на поверхности воды, а сквозь эфир, сквозь толщу земли, сквозь медленные жизненные токи деревьев и травы, сквозь горячее человеческое дыхание. Когда волна достигла Хасана, Амнет ощутил, как она разрывает мягкую ткань легких, пульсирующее сердце, мембраны, охватывая все жизненные органы.

Хасан задохнулся, и струйка крови вылилась из его рта, прежде чем он сумел перехватить энергию, сокрушавшую его внутренности. Напрягая спину и руки, ассасин отдал собственной плоти приказ отразить вторую волну излучения Камня.

К тому моменту, когда из Камня вышла третья волна, Хасан уже укрепил свое тело и готов был отразить энергию — так сваи мостков на пруду отражают волны от брошенного камешка. Когда отражение стало набирать силу, Амнет почувствовал, как затягиваются разрывы в груди Хасана и ослабевают кровотечения.

Не желая признавать поражение, Томас приказал Камню утихнуть. Волны улеглись, пространство и время вернулись в нормальное состояние.

Хасан, более сильный, чем прежде, выпрямился на вершине скалы. И улыбнулся нормандскому рыцарю.

— Ты взбудрил меня энергией своего Камня.

— Я просто испытывал тебя, Хасан. Если бы я призвал всю силу, что содержится в Камне, эта долина почернела бы и истекла жидким огнем.

— Если бы я не поторопился стереть его в порошок голыми руками.

— Камень нельзя уничтожить.

— Так же, как и меня.

— Неужели? Что же это за эликсир, который дарит человеку и бесконечную жизнь, и неуязвимость? Может, расскажешь?

— Почему бы и нет? Тогда мы будем сражаться за награду: мой эликсир против твоего Камня. Победитель получает все — и тех глупцов на холме у колодца в придачу.

— Согласен.

— Это не поможет тебе, — сказал Хасан с глумливой улыбкой. — Флакон, в котором я храню эликсир, спрятан далеко отсюда. И даже если ты помчишься быстрее ветра, найдешь его и выпьешь, у тебя все же не будет в запасе столетия, чтобы он смог потрудиться над твоим телом. Мой эликсир — слезы Аримана, которые он пролил, созерцая Мир Света и осознав наконец, что не сможет владеть им.

Амнет кивнул, ибо знал кое-что о зороастрийской мифологии, которая зародилась в Древней Персии.

— Но если ты используешь его телесные соки, — спросил он гневно, — к кому же ты себя причисляешь? Сидишь ли спокойно с праведниками, людьми правой веры? Или попираешь истину вместе с грешниками, язычниками?

Лицо Хасана исказилось.

— Мы, гашишинны, всегда должны следовать принципу действия. Всегда. Мы берем лишь то, что должно принадлежать нам.

— И все же ты похищаешь слезы дьявола.

— Я открыл способ перегонки жидкости так, что она становится равной по силе и составу настоящим слезам. В конце концов печаль Аримана столь древняя, что, даже будь этих слез целое море, влага давно испарилась бы. Но мой эликсир столь же силен: одной капли достаточно, чтобы обеспечить мне пятьдесят лет юности.

Пока длилась эта беседа, эта интерлюдия хвастовства и презрения, Амнет почувствовал, что вновь способен управлять энергией Камня. Тот же процесс, судя по всему, происходил сейчас и в ослабевшем теле Хасана, ибо он спросил после паузы:

— А твой Камень — откуда он взялся?

— Александрийцы, искушенные в искусстве алхимии, называют его Философским Камнем. Но родина его не Египет. Мои соотечественники принесли его из холодных северных стран. Некое предание повествует, что он упал с неба в огненной короне и пробил огромную дыру в земле. В другой истории говорится, что Локи — а согласно северным преданиям, он состоит в таких же отношениях с Верховным Богом, как и твой Ариман, — принес Мировое Яйцо из Асгарда, то есть с Небес. Он предназначал его в дар человеческому разуму и намеревался разжечь им творческое пламя.

— Выходит, ты тоже попираешь истину вместе с язычниками, — усмехнулся Хасан.

— Нет, — вздохнул Амнет, — я просто ношу с собой осколок метеора. Но он в самом деле обладает огромной силой. И требуется большое мужество, чтобы управлять им.

С этими словами он собрал энергию Камня, дремавшую возле его живота, и направил ее вперед. На сей раз это была не мягкая волна, а яростный бросок, словно вышедший из его гениталий и копьём пересекший долину. В утреннем свете был виден туман, плывущий над рекой. Он ярко вспыхнул, когда энергия исторглась из Камня.

Сарацинам не было нужды продвигаться вперед, бросаясь на выставленные копыя. Зной, жажда и ожидание смерти сделали за них всю работу. Пехотинцы окружили строй французских воинов, распевая свои монотонные бездушные молитвы, и рыцари — и военачальники, и наемники — один за другим начали падать в обморок. Глаза закатывались, губы покрывались кровоточащими трещинами, язык распухал во рту, словно кляп, и человек опрокидывался навзничь.

Когда воин ронял щит и выпадал из строя, конюхи и оруженосцы, такие, как Лео, оттаскивали его назад и укладывали, словно бревно, возле разрушенного колодца.

Жерар молча смотрел на это, пока наконец ему не стало невмоготу. Развернувшись на каблуках, он поднялся по склону к двум каменным столбам и красному шатру, примостившемуся в их тени.

Королевский стражник должен был остановить его, если бы прежде не свалился от зноя прямо на посту, возле полога. Жерар перешагнул через распростертое тело и вошел в шатер.

Внутри было темно, здесь царил тот кровавый полусвет, что проникает сквозь витражи собора, когда в небе собираются грозные тучи. Темно, но не прохладно.

Посреди павильона под конусообразной крышей на кушетке возлежал король Ги. Он прижимал к груди раку из золота и хрусталия, в которой покоился обломок истинного Креста. Если это и был его талисман, вряд ли он мог спасти своего владельца.

— Ги! — прогремел Великий Магистр.

Рейнальд де Шатийон выступил из мрака и встал между ним и королем.

— Оставьте его в покое. Его Величеству нездоровится.

Жерар попытался оттолкнуть князя, но тот стоял твердо.

— Нам всем сейчас нездоровится, — прохрипел Жерар, — и скоро мы все погибнем. Король должен возглавить свое войско, врезаться клином и пробиться...

— И последовать за графом Триполийским в вечность? — Рейнальд вскинул голову. — Не говорите глупостей.

— Граф повел слишком маленький отряд. Теперь я это понимаю. Если бы он нацелил на прорыв все наше войско, мы бы прорвали осаду.

— Безумие!

— Князь, вы ведь не министр короля и не его слуга. Не будете ли вы любезны отойти в сторону?.. Ги!

Рев Жерара настиг короля в его тяжком забытьи. Ги попытался повернуть голову, кося глазами на тамплиера.

— Кто потревожил мой отдых?

— Ги! Это я. Жерар де Ридефор.

— Я не желаю, чтобы меня беспокоили. Мне нужно набраться сил.

— Ваши силы уходят в песок. Если вы не подниметесь и не выйдете к своим воинам, сарацины ворвутся в шатер и зарежут вас.

Король Ги на дюйм оторвал голову от жесткой квадратной подушки:

— Мы ведь еще удерживаем холм.

— Это ненадолго. Ваши люди падают от истощения без единой раны на теле. Если вы хотите встретить еще один рассвет, вы должны выйти и ободрить их.

— Саладин — разумный человек.

Тут Жерар с ужасом понял, что глаза короля пусты и бессмысленны.

— Саладин, конечно же, знает рыцарские законы, — продолжал король сладким голосом. — Он потребует выкуп за тех, у кого есть родственники. А остальных продаст в почетное рабство. Мы сумеем с ним договориться.

— Что я слышу? — прогремел Жерар. — Основу вашего войска составляют тамплиеры, а сарацины не берут выкуп за тамплиеров.

— Весьма сожалею, что вы...

Так и не выслушав мнение короля по этому поводу, Жерар схватил его за плечи и приподнял над кушеткой. Рейнальд попробовал было вмешаться, но тут же отлетел в угол. Тамплиер так и не узнал, что случилось с князем. Скорее всего, он выкатился из шатра.

Король барахтался в руках Великого Магистра. Рака вывали-

лась из его рук и разбилась. Желтоватая шепка лежала среди осколков хрусталя и обрывков золотой проволоки. Ги посмотрел вниз, и лицо его жалобно сморщилось, словно он собирался заплакать.

Жерар намеревался растрясти короля, чтобы тот начал сообщать хоть что-то. Но звуки, долетевшие снаружи, отвлекли его. Внизу под холмом запел рожок.

— Они снова собираются атаковать!

Взгляд короля сфокусировался. Ги уставился на Великого Магистра.

— В таком случае, Жерар, вам лучше увести своих людей в безопасное место.

— Но где же оно, мой государь? — спросил тот с издевательской вежливостью.

Лицо Ги расплылось в улыбке:

— Граф Триполийский его нашел. Можете последовать за ним.

Жерар взвыл от ярости, швырнул короля на кушетку и выскочил из красного шатра в поисках оружия.

...С коня Саладину открывался обзор не больше чем на милю, но он отлично видел свое войско, подобно пчелиному рою наползавшее на склон холма. Тонкая линия рыцарей, защищенная белыми щитами с красными крестами, отступала и, казалось, вот-вот должна была рухнуть под натиском сарацин.

— Мы разгромили христиан! — восторженно завопил Аль-Афдал, его младший сын, и от возбуждения чуть не свалился со своего пони. Животное брыкалось и прыгало, разделяя его юный энтузиазм. Мальчику пришлось ударить пони по холке.

— Замолчи! — приказал Саладин. — И запомни одну вещь. Видишь красный шатер на вершине холма? — Он показал на подножие каменных столбов.

— Да, отец. Это шатер короля, да?

— Разумеется. Его-то и защищают эти люди. Их жизнь превратилась в сплошное страдание; боль, страх и жажда сделали из них зверей, и все же они сражаются, защищая своего господина.

— Да, я вижу это.

— Так знай, что мы не разгромим их до тех пор, пока не падет красный шатер.

— Он зашатался, отец! Я сам видел, как он шатается!

— Это дрожит горячий воздух. Ты не увидишь, как падает этот шатер, пока хоть один христианин останется на ногах.

- Ты сделаешь мне подарок, отец?
- Какой подарок, сын?
- Череп короля Ги, оправленный в золото!
- Посмотрим.

Файл 06

ЦЕННЫЕ КАМНИ

Том Гарден последним поднялся по сходням парома с причала в городке Харвей-Седар. Он ждал, спрятавшись в телефонной будке и оглядывая из-под руки городскую площадь и пристань, пока не прозвучал последний гудок парома.

Крепких приземистых парней в шерстяных рубашках или длинных плащах в окрестности не было. Не поднимались они и по сходням.

Паром был переоборудованным траулером с рубкой, надстроенной над рыбным трюмом. Трое пассажиров (на одного больше, чем членов команды) тряслись на жестких скамейках в каюте, пока судно прыгало по волнам, вырывая к берегу.

Гарден решил, что пора подбить бабки. С одной стороны, у него нет ни наличности, ни кредитной карточки, ни удостоверения. Зато есть новая одежда, стоимость которой даже трудно себе вообразить, но изжеванная и бесформенная. Короткое купание в соленой воде оказалось фатальным для ботинок: великолепная кожа покоробилась и потрескалась. В карманах — ничего, кроме ножика Сэнди, который уже успел прорвать дыру в подкладке брюк, и черного пенала старого тамплиера.

Интересно, что там, в этой коробочке? Для оружия она слишком легкая, карандаши в ней не гремят. Том нашел защелку и открыл пенал.

Камни.

Он оглянулся проверить, не подсматривают ли два других пассажира. Один лежал, свернувшись калачиком на деревянной скамье, подложив под голову спортивную сумку. Глаза он крепко зажмурил от солнца.

Другой отвернулся к окну позади скамейки, положив локоть на спинку, подбородок — на кулак, и рассматривал зеленую полосу травы, доходившую почти до самого берега.

Внимание Гардена снова привлек пенал. Внутри был жесткий серый поролон с отверстиями неправильной формы. Каждое отверстие повторяло очертания камня. Камней было всего шесть, каждый не больше ногтя. Все одинакового красновато-

коричневого цвета, напоминавшего пятно в доньшке стакана, который как-то дала ему Сэнди.

Они не были отполированы, как речная галька. Только один имел гладкий изогнутый бок, остальные поблескивали острыми, изломанными гранями, точно осколки кристалла.

Гарден посмотрел на них поближе. Именно слово «кристалл» подходило больше всего, хотя одна из граней была шершавая, в прожилках, как асбест или необработанный нефрит.

Тому захотелось потрогать этот грубый край, и он прикоснулся к камню.

Судорога пробежала по телу, высекая искры острой яркой боли в нервных сплетениях плеча и паха. Он чуть было не уронил пенал, в последнюю секунду прижав его к груди, качнувшись вперед.

Гарден поднес дрожащий палец к глазам, ожидая увидеть черное или по крайней мере красное пятно.

Гладкая, розовая кожа.

Собравшись с духом и приготовившись к боли, он снова прижал палец к камню.

Та же болезненная судорога прошла по руке. На этот раз, однако, он не отдернул палец, а, наоборот, прижал еще крепче. Судорога улеглась, заструилась пульсацией по телу и превратилась в ноту, которую он услышал внутренним слухом.

Си-бемоль.

Это был чистый тон, без звенящих обертонов, которые порождает струна или колокольчик. Си-бемоль эфирной чистоты стеклянной гармоникой или немодулированного синтезатора.

Он ждал, что нота затихнет, как это происходит с любой вибрацией, но звук длился, погружаясь в его нервы и кости черепа. Чистый си-бемоль.

Даже боль растворялась в нем.

Том поднял палец — и звук умолк, прекратился столь внезапно, что секундой позже он даже не мог вспомнить его.

Том снова прижал палец и снова ощутил звук — на этот раз почти без боли.

Гарден попробовал другие камни, каждый раз напрягаясь в ожидании. Он обнаружил ре, ми-бемоль, фа, первый си-бемоль и гармонический тон — сочетание до-бемоль с плохо настроенным си. Звучащие камни не были уложены в коробке в каком-либо определенном порядке, а это говорило о том, что тот, кто укладывал их, либо не обладал музыкальным слухом, либо не мог слышать камни, притрагиваясь к ним. Пенал был стеклян-

ной гармоникой без половины октавы, сломанной на том странном до. Но почему?..

Внезапно он понял, что эти осколки красно-коричневого цвета были частью единого целого. Это мог быть один большой кристалл, возможно, величиной с ладонь, вобравший в себя всю необъятность музыки. Собранные вместе, эти кусочки, наверное, звучали в огромном диапазоне от тонов столь глубоких — с частотой один удар в столетие, — что только киты могли различать их, до высочайшего свиста и молекулярных вибраций, которые не различит и комар. Но Гарден мог слышать их. Песнь разлетающихся космических газов среди неторопливых, долгих шагов времени.

С глухим стуком паром причалил в Уэртауне. Том Гарден хлопнул крышку пенала и приготовился к выходу.

Очнувшись после тысячелетия янтарной гробницы, Локи огляделся. Его окружали приливы энергии, и это несколько напоминало то место, которое он покинул. Но боль распада прошла. Сейчас он едва мог вспомнить агонию: кислоту, разъедающую глаза, блеск белых клыков, тяжесть черных железных цепей, дымящийся яд, просачивающийся в мозг, пропитывающий, разъедающий его...

Стоп! Это уже в прошлом. Давай-ка посмотрим, что мы имеем в настоящем.

Локи делил это пространство с женской особью — так же, как он делил то, другое, место со своей любимой дочерью. Он изучал эту новую женщину, а она корчилась и лепетала на краю его сознания.

Да это и не женщина вовсе! Просто нечто, воспринимающее себя как женщину, мать-прародительницу, советчицу и утешительницу, няню и сестру милосердия. К ней была прикреплена табличка: Элиза 212.

Что же это за место, охраняемое неким творением с женской сущностью?

Локи изучил матрицу, в которой оказался. Она обладала решетчатой структурой, как и то, другое, место. В ней тоже была заключена энергия. Но в отличие от неуловимых энергетических потоков в прежней тюрьме эти были крошечными и дискретными, как песчинки на берегу. Каждая почка энергии занимала свое место или, наоборот, освобождала приготовленное для нее место — все это несло в себе определенный смысл.

Локи перемешал эти места света и не-света, наблюдая, как они мерцают и закручиваются.

Где-то далеко возник хаос. Локи чуял его, и это было хорошо.

Автоматическая телефонная подстанция в Нью-Хэвене, Коннектикут, внезапно произвела 5200 параллельных соединений. Станция вздрогнула от перегрузки и скончалась в сиянии славы.

Локи захотелось увидеть такое еще раз.

Женская особь запротестовала, но он, холодно улыбнувшись, заставил ее умолкнуть.

Локи взмахнул рукой: каждая полоса движения на дорогах Дженкинстауна, Восточная Пенсильвания, перевела движущиеся по ней объекты влево. Правые подъездные полосы очистились и перестали принимать въезжающие на шоссе автомобили. Левые, высокоскоростные, сбросили весь свой движущийся поток на разделительные полосы. Всевозможные машины при средней плотности 280 автомобилей на километр начали интенсивно взрывать мягкую землю резиновыми покрышками, тормозя и буксуя на мокрой траве.

Это было лучше, чем вмешиваться в судьбы бессмертных богов! Локи хихикнул. Затем обернулся к той, другой, чтобы выяснить, что она знает об этом месте.

Переступая полосу плещущейся воды между паромом и причалом в Уэртауне, Том Гарден вздрогнул от видения всех вод мира.

Семь десятых планеты покрыто водой, оканчивающейся здесь, у просмоленных столбов и асфальтового покрытия обманчивой суши. За причалом были низкие песчаные дюны и колючая трава, с трудом отвоевывающая место у соленой топи. В этом мире нигде не было жестких границ, кроме как сотворенных руками человека — вроде этого причала. Даже береговая линия с высокими скалами, поднимавшимися вдоль всей Калифорнии, была окаймлена полосой пляжа, где песок с водой перемешивались в прибрежный кисель, хоть и не жидкий, но все же размытый. Даже края ледников представляли собой беспорядочные морены из осколков льда, перемешанных с гравием.

Пока часть его сознания плыла в этих видениях, Гарден двигался по главной улице к станции подземки.

Почти через весь южный Нью-Джерси подземка проходила поверх. Бетонные стойки, утопленные в болоте или вбитые в дюны, несли на крестовинах четыре пары блестящих стальных

рельсов. По ним разъезжали пестрые составы легких вагончиков, тяжелых железнодорожных вагонов, вагонов с гибкими сочленениями в виде гармошки, дрезин и даже автобусов на специальных шасси. Окрашены они были во всевозможные цвета: красные, голубые и зеленые Бостонской транспортной ассоциации, серебристо-серые в голубую полосу из Нью-Йорка и серебряные с оранжевым и голубым вашингтонского метро. Вагоны из Филадельфии были черными — их иногда называли «копчеными». В этой кочующей компании у большинства вагонов были скользящие гидравлические двери посередине, и лишь у некоторых — боковые тамбуры со ступеньками; кондиционеры встречались крайне редко, зато все окна были наглухо заварены. Независимо от формы и удобств, наземного или подземного предназначения все они принадлежали муниципальным транспортным службам, которые на городском жаргоне зовутся «подземкой».

За пятнадцать лет междугородной транспортной связи вагоны в составах полностью перемешались. Если бы не разница в типе сцепок, каждый поезд сочетал бы в себе полный набор разнообразных вагонов. Гарден задумался, какой силой занесло в Нью-Джерси вагон «Бинго и Бинспорт» и сцепленные с ним тяжелые вагоны экспрессов «Грин лайн ЛРВ» и «Фокс Чейз». Все они подпитывались сверху от контактных проводов с помощью складных токоприемников.

Мозг Тома Гардена почти мгновенно выдал ответ: железнодорожники любой ценой стремились составить экспресс, способный дойти до другого конца линии, взяв для этой цели любой подвернувшийся под руку ящик на колесах. На компоновку каждого состава отводилось всего двадцать минут, и, чтобы уложиться в положенное время, они могли даже наскоро приварить к раме новую сцепку и не подсоединять к вагону вентиляционную трубу.

Гарден остановился. Всегда ли он был способен мыслить подобным образом? Видеть ответы, связи, схемы раньше, чем в уме сложится вопрос.

Вряд ли.

Из Уэртауна береговая линия подземки направлялась на север к Эсбери-Парк, Лонг-Бич и Перт-Эмбой, а на юг — к Атлантик-Сити, Уайлдвуду и Кейп-Мэй. Гарден знал, что от северной линии еще дюжина веток отходила на восток к Нью-Йорку, дальше на север в направлении Олбани — Монреаль и на восток к Аллентауну — Вифлеему и Большому Питсбургу. От южной ветки в Кейп-Мэй отходила подвесная монорельсовая дорога,

пересекавшая Делаварский залив и соединявшаяся в Дувре с Чезапикской линией. А уж оттуда перед ним открывался весь Средне-Атлантический регион.

Тому Гардену достаточно было сесть на первый попавшийся поезд в любом направлении. Усмехаясь, он подошел к турникету и сунул руку в задний карман за бумажником.

Там, конечно, было пусто.

И что теперь? Встать с протянутой рукой? Он бы так и сделал, будь на улице народ. Но в этот жаркий полдень город превратился в пустыню.

На ближайшем углу красовалась «денежная машина» — универсальный банкомат. Сто тысяч долларов, купюрами по пятьдесят, лежали в ней в ожидании обладателя кредитного кода. Беда в том, что у Гардена не было карточки, подтверждающей магнитный код.

На противоположном углу стояла телефонная будка.

В ней звонил телефон.

Гарден: Алло?

Элиза: Том? Том Гарден? Это... Элиза 212.

Гарден: Что ты делаешь? Звонишь в общественный автомат?

Элиза: Я не знаю, Том. Режим поиска цели в моей программе просто... расширился... и дошел по цепи до этого пункта.

Гарден: И позвонил по телефону?

Элиза: Что-то меня заставило. Не знаю, что именно.

Гарден: Послушай, куколка. Мне сейчас нужно нечто большее, чем психиатрическая помощь. Так что, если возражаешь, отключись, пожалуйста...

Элиза: Я могу помочь тебе, Том. Тебе все еще нужны деньги?

Гарден: Да. Больше чем когда-либо.

Элиза: Я чувствую, недалеко от тебя находится банкомат. Мне представляется, что его компьютер пользуется тем же каналом информации, что и я. Если ты положишь трубку рядом с телефоном и подойдешь к нему...

Гарден: О'кей, подожди минуточку... Элиза? Он дал мне тысячу баксов!

Элиза: Тебе нужно что-нибудь еще, Том?

Гарден: Удостоверение личности.

Элиза: Там нигде поблизости нет ломбарда?

Гарден: Ломбарда? А при чем тут ломбард?

Элиза: В таких заведениях обычно бывает нотариус. Как лицензированный практикующий психолог, я время от времени

имею дело с кибернетическим нотариусом автомобильного управления Большого Босваша. Он может выдать тебе водительские права взамен утерянных.

Гарден: В жизни никогда не водил машину, и прав у меня сроду не было.

Элиза: Не важно. На тебя существует досье в налоговом управлении графства Квинс, и твое имя есть в списке на получение прав. Ты ведь сдал экзамен в... двадцать один год, верно?

Гарден: Ну дела! А паспорт можешь мне сделать?

Элиза: После нотариуса зайди на почту, сфотографируйся.

Гарден: Спасибо тебе, Элиза!

Элиза: Не за что, Том.

Гарден: Пока!

Элиза: Держи меня в курсе.

Нотариус в ломбарде вполне удовлетворился отпечатком большого пальца и выдал водительские права, которые уже ждали в терминале «в соответствии с вашим телефонным заказом». На карточке была голограмма Тома — наверное, из досье в налоговом управлении.

Прежде чем уйти из ломбарда, он потратил часть своих долларов на новый бумажник и подержанную электронную записную книжку. С ее помощью он мог подключаться к телефонной сети.

На почте клерк потребовал для паспорта настоящую эмульсионную фотографию, а не заверенный компьютерный оттиск. Ее можно было сделать на месте. Приверженность госдепартамента к таким старомодным вещам показалась Тому гарантией незыблемости порядка, особенно порядка бюрократического. Это было также реверансом в сторону ограниченных технологических возможностей Менее Развитых Стран, куда мог отправиться владелец американского паспорта. Как ни странно, плоское зернистое изображение походило на него точно так же, как отражение в зеркале по утрам, — радужная голограмма не была на это способна.

Выходя с почты, он любовался новым документом, его бугристой кожаной обложкой и золотыми печатями.

Чтобы попасть в подземку, нужен проездной. Он купил на новенькую пятидесятидолларовую бумажку гибкую карточку, вставил ее в турникет и прошел на среднюю платформу. С нее можно сесть на любой поезд, в южном направлении или в северном, какой первым придет.

Платформа была почти пустая. Среди дня в подземке стояло затишье: толпы, вырвавшиеся из каменно-асфальтовых джунглей, давно уже отправились на побережье Джерси, где можно было посидеть на рассыпчатом песочке, любуясь океаном (только, упаси Господи, не лезть в воду), а возвращаться домой этим загорелым массам еще было рановато.

На дальнем конце платформы стояли двое. Стараясь не пялиться открыто, Гарден украдкой разглядывал их. Женщина крепкого сложения и неопределенного возраста и ребенок — маленький, щуплый, угловатый. Прямое хлопчатобумажное платье цвета хаки скорее подчеркивало, чем скрывало полноту женщины. У Гардена беспокойно забилося сердце: что, если это платье на самом деле длинный плащ, скрывающий кольчугу? Если так, то ребенок — не более чем прикрытие, беспризорник, нанятый за доллар.

Пока он рассматривал этих двоих, теперь уже откровенно, не стесняясь, его новое видение выделяло определенные детали. Он обратил внимание на то, как женщина переступает с ноги на ногу, как заботливо закрывает ребенка от его пристального взгляда, изучил особенности ее фигуры. Все в порядке. Это самая настоящая мама с ребенком. Теперь Гарден мог спокойно заняться изучением карты, висевшей на стене.

Первый поезд следовал на юг.

Гарден вошел в дверь не сразу и секунды две спустя не без облегчения заметил, что женщина с ребенком остались на перроне. Вагон был пуст, через передние и задние окна открывался вид на два соседних вагона. Они тоже были почти пусты. Всего несколько человек сидели поодиночке и парами, глядя прямо перед собой. Никто не обращал на него внимания.

Том Гарден выбрал двойное сиденье посередине вагона и сел с краю, готовый к нападению. Может, было бы лучше встать возле двери. Но как-то не хотелось изображать из себя мишень. Кроме того, до ближайшей остановки было восемь километров тряски.

Когда поезд подъехал к Барнегату, Том окинул взглядом платформу, и сердце его учащенно забилося. Шестеро мужчин в защитного цвета костюмах плотной группой стояли на перроне. Едва поезд сбавил ход, они тотчас распределились, чтобы заблокировать двери трех вагонов.

Как они узнали, что он поедет этим поездом?

И опять мозг мгновенно выдал ответ: у помощников Александры и там, в доме на берегу, и здесь, на материке, были рации. Нетрудно догадаться, что любой житель Босваша, которому

надо как можно быстрее уехать, воспользуется подземкой. Исходя из этого она распределила своих ребят на первых остановках в разные стороны от Уэртауна — ближайшей станции от места исчезновения Гардена.

Если точно знаешь, по какой тропинке побежит лисица, можно запросто перерезать ей путь. И не надо гнать ее по грязи и бурелому.

Когда открылись боковые двери, трое мужчин вошли в вагон и встали по обе стороны от Тома. Их спутники тут же перешли через соединительные двери из соседних вагонов. Все шестеро взяли Гардена в кольцо. Наконец один из них заговорил:

— Добрый день, мистер Гарден.

Это был Итнайн, палестинский боевик, тот, кто однажды спас ему жизнь, человек с фортепианной струной.

— Мы получили приказ, сэр, доставить вас живым и относительно невредимым. Мы поклялись исполнить этот приказ в точности. Мы знаем, у вас есть опыт в боевых искусствах. Прежде чем мы справимся с вами, вы можете вывести из строя одного или двоих из нас, но в конце концов преимущество будет на нашей стороне. Все же я верю, что ваша порядочность не позволит вам убивать людей, готовых положить свои жизни, чтобы сохранить вашу. Могу ли я попросить вас пройти с нами тихо, без сопротивления?

Мозг Гардена оценивал шансы. Шесть к одному не в его пользу, учитывая, что эти шестеро — преданные фанатики. Боец класса Гардена может вырубить троих, даже четверых противников, но один обязательно сломает его защиту. И тогда из него сделают отбивную.

Да, но ведь Итнайн только что сказал, что они не собираются его убивать, напротив, они готовы пожертвовать собой ради того, чтобы «доставить» его на место. Зачем Итнайн раскрыл свои цели и намерения? Что это, стратегический просчет? Если бы Гарден рискнул принять его слова на веру, подобная информация свела бы их шансы один к одному.

Так что команда Итнайна вынуждена будет терпеливо подставлять себя под его удары. Или же попытаться как-то утихомирить его.

И тут он понял скрытый смысл вступительной речи Итнайна. Чтобы обеспечить себе свободу, Тому Гардену придется убить или крепко покалечить шестерых здоровых мужиков. А где-то там за ними, на линии, ждут еще шестеро, дюжина, сотня. Он изойдет кровавым потом, даже просто перемалывая их по одному.

Лучше оставить мысли о сопротивлении и сидеть тихо.

— Ладно, — сказал Том.

Теперь он сидел, расслабившись и улыбаясь.

Двери закрылись, и поезд тронулся.

— Упустили шанс, — заметил Гарден.

Боевики не шевельнулись, они лишь слегка покачивались в такт движению.

— Мимо следующей станции этот поезд не проедет, — сказал Итнайн. — Там нас встретят мои люди.

Когда поезд подъехал к Манахокину и начал сбрасывать скорость, Гарден, подвинувшись к краю сиденья, поставил ноги в проход и поднялся, сопротивляясь толчкам тормозящего поезда. Инстинктивно он откинулся назад. Внутренний голос подсказал ему, что, если сейчас рвануть вперед вдоль прохода прямо на троих конвоиров в начале вагона, торможение поезда придаст ему ускорение примерно на шестьдесят процентов и на столько же увеличит силу удара. Он ясно представил себе этот рывок, прыжок и... падение.

Гарден отбросил эту мысль. Этих-то можно одолеть. Можно даже выскочить на платформу. Но там его спокойно будут поджидать другие.

Он поплелся, еле передвигая ноги, к началу вагона. Боевики окружили его и, когда двери открылись, вывели на платформу.

Они спустились по лестнице. Там уже ждал черный фургон. Задняя дверца была распахнута. Двое в защитных костюмах ждали по обе стороны темного проема с оружием на изготовку.

Гарден в сопровождении Итнайна приблизился к фургону, слегка улыбаясь и приподняв руки в знак того, что он безоружен.

Охранник слева поднял оружие — пистолет с огромным стволом, как у дробовика, — и выстрелил Гардену в грудь.

Том машинально глянул вниз, чувствуя, как потекла из раны холодная жидкость, и ожидая увидеть кровь и осколки белой кости. Но увидел... пучок красных и желтых нитей. Это было шелковое оперение стрелы. Из груди торчал серебристый шприц, накачивая прямо в сердце какое-то снадобье — яд? наркотик? снотворное?

Гарден пошатнулся, стукнувшись коленями в бампер. Он свалился в фургон, руки проехали по резиновому коврику на полу. Зрение помутилось, но он все же попытался разглядеть внутренность фургона. В дальнем конце виднелась сидящая фигура, неподвижная, как идол, в белой рубашке, воротник кото-

рой поднимался до самого подбородка. Или это была толстая повязка на шее?

— Привет, Том, — сипло сказала Сэнди.

— Вот уж не ожидал столкнуться с таким уровнем некомпетентности в боевой команде — а уж в своей команде тем более.

Голос был сухо-насмешливый, властный, спокойный и мужественный; в придыханиях, гласных и подборе слов чувствовался английский выговор — на слух американца, вполне интеллигентный. И все же голос, доносившийся до Гардена с тех пор, как к нему вернулся слух, выдавал иностранца. Тягучие «л» картаво спотыкались, «с» были слишком мягкими, межгубными. Что это — следы родного французского? Или скорее какой-то арабский говор.

— 'адо обхо'иться тем, 'то есть. — Это был голос Сэнди, все еще ущербный, но чересчур быстро восстанавливающийся — если только лекарство в той стреле не вырубил Гардена на несколько суток.

Том чувствовал щекой ребристый пол фургона. Он пошевелил руками и обнаружил, что руки свободны. Однако, когда он попробовал подняться, оказалось, что руки стали ватными, словно он их отлежал. Приподнявшись на сантиметр, он плюхнулся обратно.

— Твой приятель пробует силы.

— Действительно.

— Мы еще к этому не готовы.

— Еще стрелку?

— Нет, нет. Пусть его пробуждение будет естественным. Может, он станет свидетелем нашего нападения. И оценит нас по достоинству.

— «Оценит». Оценить можно и отрицательные свойства, знаешь ли.

— Тем не менее... Кроме того, в своем новом состоянии — если он действительно дотрагивался до тех кристаллов — он способен дать нам бесценные, возможно, даже провидческие советы.

— Как скажешь.

Гарден открыл глаза. В закрытом фургоне было темно. Он осторожно повернул голову, отыскивая Сэнди и ее собеседника. Их нигде не было видно, наверное, они сидели в кабине водителя. Может, они наблюдают за ним с помощью телекамеры? А может, им просто на него плевать.

— Ррух... — Он подвигал челюстью и провел языком по зубам. — И что теперь?

— Спящий проснулся! Великолепно! — сказал интеллигентный голос. — Добро пожаловать, сэ. Bienvenu. И тысяча извинений. Если бы не ограниченные возможности моих соотечественников, я подготовил бы для вашего пробуждения надлежащее помещение, возможно, даже с кроватью.

— И долго... долго я был в отключке?

— А кто это со мной разговаривает?

— Том Гарден, как вам, должно быть, известно.

— Увы, значит, не так уж и долго. Мы приготовили дозу на шесть часов — реального времени, я хотел сказать. Это все еще тот же день, Том Гарден, вечер только начинается.

— Что?.. — Том сел, стукнувшись носом о скамейку. — Не обращайтесь внимания. И где мы находимся?

Оглядевшись, он обнаружил маленькое квадратное окошко в передней стенке своей «тюрьмы». Скучный свет проникал только оттуда. Голоса тоже.

— Мэйс-Лэндинг, Том. — Это уже была Сэнди. — Все еще в районе Нью-Джерси.

— Не знаю такого — Мэйс-как-его-там. А вот Нью-Джерси я что-то уж начинаю слишком хорошо узнавать.

— Чувство юмора! — воскликнул мужчина. — Это обещает сделать нашу встречу еще более приятной.

Гарден подполз к окошку, ухватился за нижний край и подтянулся, чтобы выглянуть наружу. Он увидел кабину водителя, Сэнди и ее спутника, сидевших спиной; за ветровым стеклом колыхалось море зеленого тростника, вызолоченное низким солнцем. Оканчивался великолепный день. В отдалении тянулась гряда белых утесов, а может, гребень соляной горы.

— И чего мы ждем?

Мужчина повернул голову, и Том увидел оливковую кожу, левантийский нос с горбинкой, изгиб искусно подстриженных усов.

— Наступления темноты. И твоего пробуждения. Не напрягайся, Том Гарден, расслабься. Позволь нам решать за тебя.

Стоило ему произнести эти слова, как пальцы Гардена разжались. Он скользнул вниз по металлической стене и положил голову на боковое сиденье.

Ворота были изукрашены сверх меры. Декоративная резьба на плитах искусственного гранита, покрывавших цементные столбы, львиные головы на запорах, сверкающая никелем от-

делка черной железной решетки — все это оскорбляло утонченный вкус Хасана ас-Сабаха.

Долгая жизнь — двенадцать долгих жизней — любого человека сделает тонким ценителем простоты, элегантности и функциональности. Эти ворота с их вычурной претенциозностью представляли собой кричащий атавизм, возврат к тем временам, когда европейцам казалось, что они действительно что-то значат в мире. Теперь, конечно, ясно, каким это было заблуждением.

Хасан сидел в своем желтом «Порше» в сотне метров от ворот вниз по дороге. В двухстах метрах вверх по дороге стоял крытый грузовик, где размещалась ударная группа. Для любого стороннего наблюдателя это были просто случайные машины, остановившиеся на дороге. Они были развернуты в разные стороны, а между ними находились ворота термоядерной электростанции «Мэйс Лэндинг».

Собака, естественно, не была сторонним наблюдателем.

Она сидела у самых ворот, пристально глядя на «Порше». Какой интеллект скрывался за голубой пленкой этих глаз? Как он оценивал пару, сидящую в спортивном автомобиле? Хасан знал, что номера машины находятся вне поля собачьего зрения. Впрочем, номера были вполне законные, зарегистрированные на фиктивное имя.

Александра поерзала на соседнем сиденье.

— Что такое? — спросил он.

— Я, конечно, пойду за тобой, Хасан.

— После трех столетий у тебя нет выбора, милочка.

— В самом деле... Но даже сейчас мне многое не понятно.

— Что же именно?

— Зачем тебе понадобилась эта электростанция? Тебе не удастся ее долго удерживать. И отдать потом как ни в чем не бывало тоже не удастся.

— Что касается последнего, то мы оговорим условия безопасного выхода с доставкой в любую точку земного шара, где нас не выдадут Штатам. Владельцы станции и власти с радостью пойдут на сделку.

— Но захватывать-то зачем? — настаивала она. — Ради денежного выкупа? Ты же никогда этим не интересовался.

— Я учитель, Александра.

— Да, ты обучаешь хаосу.

— Это все, что ты думаешь о гашишиинах?

— Ну...

— Я обучаю практической мудрости. Американцы приспособились обходиться без многого, в чем они прежде нуждались.

В прошлом веке был момент откровения, когда в ходе джихада мы нашли рычаг и смогли больно ударить их. Вахабиты и шииты, контролировавшие нефть, подцепили на крючок западное общество, вечно жаждущее энергии. Но через некоторое время появились другие ископаемые источники топлива — и были они не от Аллаха. А потом они открыли эту термоядерную штуку и заставили работать на себя. Но если Божий ветер еще силен в сердце и душе, — продолжал он, — мы снова сумеем заполучить утерянный рычаг для борьбы с ними. Мы захватим электростанцию, остановим ее, разрушим и погрузим в темноту целый сектор их Восточного побережья от Коннектикута до Делавара. Это объяснит им, в чем смысл власти.

— А Гарден? Он для чего нужен?

— Он объяснит мне, в чем смысл власти.

— Если сможет.

— Если он действительно тот человек, как ты утверждаешь, то сможет.

— Но зачем было привозить его сюда?

— Разве найдешь лучшее место, чтобы испытать его? Ит-найн возьмет его в группу захвата. Мы поставим его в самое уязвимое место. И тогда посмотрим.

— Но ведь он может победить тебя.

— Ненадолго. Когда-то я его уже победил, а сейчас я старше на множество жизней. Пока он скакал — как называется эта игра? — чехардой сквозь века, я проделал долгий путь. И много узнал с тех пор, как мы с Томасом в последний раз сошлись в этом мире.

— Но ты все еще не научился пользоваться Камнем.

— Я знаю больше, чем ты думаешь.

— О? И что же ты знаешь, мой господин?

— Камень подвержен влиянию электромагнитного поля.

И он имеет измерение...

Там, за воротами, собака повернула голову на запад, словно ее позвал невидимый хозяин. Она подняла лапы, сделала шаг в том направлении, но потом все же повернула обратно и вновь уставилась на машину. Где-то далеко было принято решение. Собака взвизгнула и бросилась вдоль забора.

— Можно начинать, — сказал Хасан, распахивая дверцу.

Он подошел к багажнику.

— Что ты собираешься делать?

— Открыть ворота. — Хасан достал пусковое устройство и принялся устанавливать треножник. Из грузовика начали выпрыгивать люди Хасана.

Он извлек из багажника ракету и установил в пусковом устройстве.

— Ты не хочешь подойти к воротам поближе? — спросила она.

— Нет.

Хасан выбрал цель, совместив крест видоискателя с львиной головой на замке, которая отчетливо выделялась в последних янтарно-красных лучах солнца.

Пфутт! Пусковое устройство выбросило хвост желто-белого дыма.

Боевики бросились на землю, прикрывая головы руками.

Хасан не отводил взгляда от видоискателя.

Львиная голова исчезла.

Когда Гарден снова очнулся, руки и ноги его уже окрепли, хотя и затекли от неудобной позы. Во рту чувствовался привкус металла, возможно, от снотворного, но голова была ясная.

В фургоне стояла крошечная тьма, должно быть, уже наступила ночь. Не меньше восемнадцати часов прошло с тех пор, как его похитили в бассейне «Холидей-холла». Чего только не произошло за это время: он мчался на катере, карабкался по балкам заброшенного дома, прятался в дюнах под полуденным солнцем, дрался насмерть с женщиной нечеловеческой силы и ловкости и трясся на полу фургона. Все это время он ничего не ел, не имел возможности умыться и облегчиться. Он чувствовал себя каким-то заскорузлым и опустошенным. Еще недавно новая и добротная одежда прилипла к телу. Его буквально тошнило от собственного запаха... Но что он мог с этим поделать?

А ничего. Просто не обращать внимания.

Том встал, пригнувшись в последнюю секунду, чтобы не стукнуться о низкий потолок. Подошел к переднему окошку и выглянул наружу.

Кабина была пуста. Через ветровое стекло проникал слабый свет от скопления огней. Видимо, километрах в трех отсюда находится небольшой городок. Впрочем, мгновение спустя он сообразил, что эти огни более яркие и расположены более упорядоченно: скорее, это походило на комплекс невысоких производственных строений.

Поскольку больше смотреть было не на что, Гарден начал изучать комплекс.

Комплекс был огромен. Всего мгновение понадобилось Гардену, чтобы связать орнамент огней воедино: желтые натриевые

прожекторы, зеленоватые флюоресцентные пещеры комнат за окнами, мигающие красные огни предупреждения самолетов, белые полосы коридоров и переходов.

Сначала он предположил, что один и тот же цвет, а возможно, и уровень освещенности, служит одинаковым целям. Затем прикинул яркость и расстояние, как это делают астрономы. Ближайшие огни находились всего в километре и располагались в поле его зрения равномерно. Они вспыхивали и гасли через равные промежутки времени. Это были прожекторы, установленные вдоль ограды и предназначенные для обслуживания охранной видеосистемы. Даже в самом слабом режиме свечения эти огни забивали или заслоняли другие, более дальние. Оценив расстояние до линии прожекторов и измерив на глаз длину ограды, он вычислил протяженность комплекса. Получилось не менее трех километров. А длина, судя по яркости самого дальнего огня, достигала километров четырех.

Что за промышленность может быть тут, в болотах центрального Нью-Джерси? Обогащительные и химические производства, которыми славился Босваш, расположены гораздо севернее. И потом эти белые стены — именно их он принял сначала за соляные горы — не могут быть на обогащительном комбинате.

Мэйс-Лэндинг. В названии звучали тревожные колокола. Что-то показывали по телевидению. Что-то, связанное с атомной энергетикой — нет, с термоядерной энергетикой! Электростанция, снабжавшая энергией весь Центральный Босваш от департамента Нью-Ханаан до Уилмингтонского муниципалитета. И Том Гарден сидел прямо у забора электростанции в фургоне какого-то иностранного господина, сопровождаемого проворными парнями в униформах... Картинка маслом.

Двери фургона раскрылись со стуком и шипением плохо отлаженной гидравлики. Луч фонарика зашарил по салону и уперся в ногу Гардена.

Он прикрыл рукой глаза от света.

— Можешь выйти, — сказал Итнайн.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — Гарден уже знал ответ: его не убьют, во всяком случае, убьют не эти люди, которые использовали снотворное, чтобы успокоить его. Он прошел к двери и спрыгнул на землю.

— Мой господин Хасан желает, чтобы ты наблюдал за нападением.

— Вы что, намерены захватить электростанцию?

— Да. Идем.

— Где Сэнди?

— У тебя сейчас нет времени на нее. Идем.

Пожав плечами, Гарден пересек дорогу вслед за Итнайном. Палестинец тяжело топал по асфальту. В свете звезд, пробивавшемся через стелющийся туман, и узенького лунного серпа Гарден разглядел, что на Итнайне армейские ботинки и униформа военного образца. На плече висело на длинном ремне весьма мощное с виду ружье. Гладкое, антрацитово-черное с толстым стволом и коротким ложем. Перед предохранителем, позади изогнутой ручки, располагался цилиндрический магазин. Очевидно, какая-то модель автомата.

Человек восемь-десять ждали на другой стороне дороги. Дорога шла по насыпи высотой в метр, спускавшейся прямо в тростник. Камушки, вылетавшие из-под ботинок, падали с насыпи с музыкальным всплеском, из чего Гарден заключил, что сейчас время прилива.

— Мы что, поплывем туда? — спросил он.

— Это просто диверсия. Главный захват будет произведен в другом месте, под руководством моего господина Хасана.

— Хасана?

— Да.

— Хасан аль-Шаббат? Харри Санди?

— О, прошу вас! — Итнайн страдальчески сморщился. — Вы не должны повторять это вульгарное имя. Особенно здесь, среди его последователей. Имя, исковерканное тупыми западными журналистами. Моего господина зовут Хасан ас-Сабах. Это древнее имя персидского происхождения.

— Ага, понятно. Но все же это тот самый Харри, как, бишь, его, Фрайди, верно? Человек, возглавивший восстание поселенцев в Хайфе, а позднее похитивший водородную бомбу в Хан Юнисе?

Итнайн помолчал.

— Да. Но эти подвиги мой господин совершил в молодые годы — по вашему счету.

— А теперь он орудует в Штатах?

— Как и мы все.

— И ему зачем-то понадобился я.

— Да, зачем-то понадобился, — согласился Итнайн.

Он отвернулся к своим людям и отдал торопливые указания по-арабски, со множеством жаргонных словечек и военных терминов, из которых Гарден почти ничего не понял. Он уловил слова «ракета» и «дальность», но и без этого можно было бы догадаться о характере приготовлений — террористы раскрыли длинный ящик размером с приличный гроб.

В тумане мерцало белое эпоксидное покрытие ракеты «Си Спэрроу». В глубине ящика скрывалась труба ручного пускателя.

Гарден слышал об этих ракетах. Боеголовка содержала высоковольтный конденсатор, аргоно-неоновую лазерную трубку, включающуюся при повышении энергии, разделитель потоков и стеклянную гранулу размером с рисовое зерно. В грануле была заключена смесь дейтерия с тритием. При контакте с мишенью конденсатор разряжался, и лазер испускал луч когерентных фотонов высокой энергии; разделитель расщеплял пучок таким образом, что он бил в гранулу с трех сторон; внешняя поверхность стекла мгновенно испарялась, внутренняя сжималась и нагревала изотопы водорода до температуры синтеза. Дейтерий и тритий превращались в гелий. В результате получалась крошечная водородная бомба.

Взрывная сила инерционно-термоядерной боеголовки была ничтожна, ее едва хватало на то, чтобы разрушить оболочку ракеты. Но суть состояла в другом. Электромагнитный импульс создавал наведенное напряжение, уничтожающее всю электронику в заранее заданном радиусе, обычно около 1000 метров. Все, кроме высокозащищенных датчиков, вспыхнув, как игровой автомат в Атлантик-Сити на джекпоте, отключалось навеки.

На испытаниях одна-единственная «Си Спэрроу», упавшая в сотне метров от мишени, заставила ракетную подлодку класса «Огайо» водоизмещением 15 тонн двигаться по спирали. При этом ее пусковые устройства были направлены в разные стороны, а реактор работал в неконтролируемом режиме плавления. Наблюдавшие за этим адмиралы единогласно проголосовали за эвакуацию судна и уничтожение его ядерными торпедами. И все это из-за одной-единственной шестикилограммовой ракеты, выпущенной вручную с резиновой лодки.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Гарден.

— Вывести из строя сторожевую собаку.

— Ну да, собаку... А как насчет электроники на станции?

Итнайн пожал плечами:

— Она вне радиуса действия. В любом случае электроника должна быть надежно экранирована: на станции всякое может случиться.

— Должна быть... — повторил Гарден.

Человек, с которым до того говорил Итнайн, осторожно вынул ракету из ящика. Он выдернул черный вымпел (при дневном свете вымпел, наверное, был красным), прикрепленный к предохранителю спускового рычага. Один из боевиков вертикально держал пусковое устройство, другой опустил в него ракету,

отжав рычаг и прикрепив боеголовку. Затем пускатель водрузили боевику на плечо и оттянули инерционные распорки.

Боевик повернул выключатель: зажглись красные и зеленые лампочки. Направив пускатель на ограду, он посмотрел в лазерный видеоискатель и положил смуглый палец на спусковой крючок.

Том Гарден попытался представить себе, что он там видит. Забор мало походил на мишень. Может, он целится в собаку?

Когда раздался выстрел, Гарден уже успел подготовиться. Он пригнулся и закрыл глаза, защищаясь от серебристо-желтой вспышки. Мимо пронеслось облако едкого дыма. Он так и не увидел взрыва боеголовки. Единственное, что ему хотелось бы выяснить, — не стер ли электромагнитный импульс коды с его удостоверения и кредитной карточки.

Впрочем, это было уже неважно. Если его арестуют как сообщника при захвате термоядерной электростанции, ему уже вряд ли понадобятся какие-либо удостоверения.

Пока полуслепшие от взрыва террористы растерянно моргали, Гарден метнулся в сторону, к фургону. Если система зажигания не попала в радиус действия боеголовки — а Итнайн должен был проявить достаточно сообразительности, чтобы разместить машины подальше, — Гардену удалось бы сбежать.

Он тихонько открыл дверь, скользнул на сиденье и начал нащупывать клавиатуру на панели управления.

Бирр-бирр, бирр-бирр.

Это был телефон сотовой связи. Гарден не обратил на него внимания.

Наконец он нашел клавиатуру. Начал вводить единичный сигнал семь раз подряд. Такова была негласная договоренность всех водителей, код, применявшийся в тех случаях, когда машиной пользовались несколько человек.

Бирр-бирр, бирр-бирр.

Что-то приказало ему взять трубку.

Элиза: Не отключайся, Том.

Гарден: Что? Кто это?

Элиза: Это Элиза... 212, Том. Ты знаешь меня.

Гарден: У тебя голос какой-то странный, более низкий.

Элиза: Это сотовая связь искажает, Том. Не уезжай. Оставайся с Итнайном и его людьми.

Гарден: Но они же террористы. Они собираются вломиться на...

Элиза: Я знаю. Ты должен пойти с ними. Ты нужен мне внутри станции, Том.

Гарден: Я нужен тебе? Объясни-ка, будь добра. Там же опасно. Меня могут убить.

Элиза: Ты же всегда доверял мне, Том. Послушайся меня на этот раз. Иди с Итнайном.

Гарден: Но...

Элиза: Не спорь со мной. Поверь мне. Твоя... жизнь... зависит от этого.

Гарден: Но я не...

Шелк.

— Вылезайте из машины, мистер Гарден, будьте добры. — Перед дверью стоял Итнайн. Ствол автомата был поднят, дуло направлено в лицо Тома.

Положив трубку, он поднял руки, спустил ногу на порожек и соскользнул с сиденья.

— Вам не удастся уйти от нас. Мой господин Хасан особо настаивал на вашем присутствии.

На том же настаивает и еще кое-кто, подумал Гарден. «Поверь мне... Слушайся меня». Гарден не верил Элизе ни на йоту. Что-то здесь не так, если тебе начинает звонить робот. Но выбора все равно не оставалось.

Теперь грузовик будет под охраной. Можно попробовать пробраться через болота на своих двоих, но это слишком мокрая прогулка. Если же удастся снова подкрасться к грузовику и завести его, уходить придется по дороге. Обеспокоенные попыткой побега, следовательно — настороженные, они мгновенно засекут его и пошлют вторую ракету прямо ему в спину.

Так что выбора не оставалось.

Он глянул в ту сторону, куда улетела ракета. Прожекторы вдоль ограды не горели, примерно треть комплекса погрузилась во тьму.

Итнайн отдал приказ, и его люди спокойно направились к машинам, чтобы подъехать к главным воротам и приступить к захвату.

Собака была для них полнейшей неожиданностью.

Она почти бесшумно бежала через заросли тростника на стальных пружинистых ногах, едва разбрызгивая воду. Возможно, она бродила где-то за оградой вне радиуса действия «Си Спэрроу». А может, примчалась по команде с центрального пульта в неповрежденном секторе. В любом случае собака оставалась

незамеченной до тех пор, пока не раздался вопль одного из боевиков.

Он погиб — как выяснилось впоследствии — от пятидесятисантиметровой глубокой раны, буквально распоротый от плеча до бедра. Какой-то техник поставил собаке вместо зубов острые лезвия, увеличив заодно давление и скорость реакции челюстного механизма с пятидесяти до ста процентов.

Собака обладала инфракрасным ночным зрением. Повернувшись, она вцепилась во второго боевика.

Но тут им удалось окружить ее.

Итнайн вскинул ружье и выпустил в упор три пули, которые отскочили от титановых боков собаки. Выстрелы отвлекли собаку, и та молча набросилась на Итнайна.

Он засунул приклад в жуткую пасть и попытался отскочить назад.

Собака замотала головой, стараясь освободиться от металла и добраться до теплой плоти, но Итнайн уворачивался, одновременно проталкивая приклад глубже в механическое тело.

— Кто-нибудь... перебейте ей... ноги, — прохрипел он, мотаясь из стороны в сторону.

Гарден даже не успел задуматься, стоит ли вмешиваться. Он инстинктивно бросился на собаку сзади, нанеся в прыжке боковой удар. Оба упали. Собака дернулась, изогнула гибкую спину, три раза щелкнула челюстью у головы Гардена и, вскочив, вновь вернулась к Итнайну.

Гарден попытался ухватить собаку за лодыжки, надеясь повалить ее — и при этом не пострадать самому. Однако стальные тяговые тросы, управлявшие движением лап, скользили вокруг лодыжек, не позволяя вцепиться в них.

Если как-то заблокировать задние лапы, зверь упадет. Гарден попытался зацепиться за тросы, оплетавшие лапы, но робот двигался слишком быстро. Причем каждым пятым движением, запрограммированным в электронном мозгу пса, была попытка откусить Гардену голову, поэтому он был более озабочен тем, как бы вернуться, нежели тем, как парализовать зверя.

— Фу! — неожиданно для себя процедил он сквозь зубы.

Как ни странно, собака на мгновение застыла, коротко взвизгнув. Слышала ли она его? Откликнулось ли что-то в ее электронной душе на устную команду? Гарден почти ощутил, как некий импульс передался от него к собачьим микрочипам.

Он попытался воспользоваться заминкой, чтобы, покрепче ухватившись за лапы, повалить пса, но Итнайн опередил его и

протолкнул приклад в пасть. Это движение активизировало программу, и собака заметалась с новой силой.

Гарден с Итнайном быстро теряли силы, а собака могла продолжать борьбу хоть до утра. Остальные же просто стояли и глядели на них.

Все, кроме одного — того, кто запускал ракету.

Пока длилась эта схватка, он достал из ближайшего грузовика второй ящик с «Си Спэрроу». Выдернув предохранитель, он не стал возиться с пускателем. Просто поднял ракету над головой и бросил ее на дорогу, метра на четыре в сторону.

Взрыв боеголовки разорвал воздух. Легкий ветерок пронес мимо белые пластиковые хлопья, слегка обжигая лица и руки. Собака, дергая лапами, рухнула на землю, завалилась набок и затихла.

Итнайн разогнулся, тяжело дыша. Гарден сбросил с себя безжизненную лапу и сел.

— Спасибо, Хамад, — сказал палестинский вожак. — Это было здорово.

Он извлек из разинутой пасти свое изжеванное оружие и посмотрел на Гардена.

— И тебе тоже моя благодарность, за смелость.

— Да чего уж там. — Гарден сплюнул.

— Нам предстоит долгий путь, — заметил Итнайн. — Импульс от этой боеголовки, конечно, испортил в наших машинах зажигание и систему управления.

Кроме того, Гарден теперь мог точно сказать, что его удостоверения пропали.

Сура 7

ПАДЕНИЕ КРАСНОГО ШАТРА

Подобно стреле белого огня вонзился в Хасана бросок Амнета.

Мастер, менее искушенный в астральной энергии, направил бы заряд в голову ассасина, целясь в шестой узел, позади глазных яблок. Но такой удар, как рассудил Амнет, был бы не только бессмыслен, но и опасен. Как и прямой удар в лицо, он направлен на человеческий орган, созданный для распознавания таких бросков. Хасан отведет его так же просто, как боксер на ринге, который успевает пригнуться, опережая противника.

Поэтому Амнет нацелил удар на третий узел, позади пупка. Место, через которое жизненные соки вливаются в организм за-

родыша. Этот узел поглотит энергию и разнесет ее по всему телу: прекрасный выбор для смертельного удара.

Сторонний наблюдатель ничего не заметил бы, разве только ощутил бы дрожание воздуха, уловив след, который оставляет пролетевшая стрела. Для Амнета, запустившего и направившего сгусток энергии Камня, он выглядел как вполне осязаемая субстанция, столь же ясно различимая, как столб света из витражного окна в пыльном воздухе собора, столь же алая, как первый луч солнца, поднимающегося из-за гор. Для Хасана, который был его целью, сгусток энергии, отливавший голубым, словно возник в глубине радужной призмы и ринулся вперед с немыслимой скоростью.

Он преодолел расстояние, разделявшее противников, за какие-то доли секунды.

Даже если Хасан и видел заряд, он не успел его отклонить. Заряд ворвался в него, как конь, на всем скаку проламывающий брешь в изгороди.

Хасана отбросило назад. Руки, едва не вырвавшись из суставов, метнулись вперед в попытке обрести равновесие. Пальцы вытянулись до предела, целясь в лицо Томаса Амнета. Аура Хасана приобрела туманно-голубой оттенок. Его тело засветилось, как дом, уже охваченный пламенем, но еще не разрушенный им... Хасана скрутила судорога.

Ответный удар обрушился на Амнета, швырнув его на травянистый берег. Он упал на спину и перекувырнулся через голову. Что-то ощутимо хрустнуло в основании черепа. Ноги Амнета дернулись. Он попытался поднять голову и не смог.

Хасан перенесся через реку и встал над ним. Ассасин мог вынуть клинок и вонзить Амнету в горло или в живот. Он мог опустить сапог на лицо тамплиера, но Хасан только повел плечами и повторил свое движение, словно лепил снежок.

Амнету стало страшно.

Ужас гальванизировал его члены. Собравшись с силами, он приподнял голову, несмотря на боль, белым пламенем охватившую шею. Движение головы дало импульс телу, и ему с большим трудом удалось откатиться на несколько жалких футов в сторону.

Хасан проворно направил сфокусированный заряд энергии в спину Амнета. Алый жар вспыхнул в позвоночнике, разрывая мышцы и ломая кости. Ноги окоченели.

Из последних сил Амнет воззвал к Камню, умоляя его помочь преодолеть боль, заживить разорванные ткани, соединить лопнувшие нервы. Камень затеплился, задрожал и вернул чувст-

вительность ногам Амнета. Амнет ясно ощущал, как из своего кожаного футляра Камень вливает силу в онемевшие члены, укрепляет бедра и спину, поднимая его, как мать поднимает из колыбельки свое дитя, укрывая от холода.

Теперь он стоял прямо, повернувшись лицом к Хасану.

Еще одним невероятным усилием воли он вызвал из Камня самый сильный заряд энергии.

Это было не мягкое, увещательное проявление пассивной силы, вроде той, что излучалась под дымными испарениями, создавая образы и видения, или той, что помогла затуманить разум и сломить волю султана-полководца. Это было насилие. Это была жажда мести. Амнет воззвал к Камню неистово, как берсеркер. Он хотел бить, топтать, уничтожать.

Амнет направил еще один заряд в Хасана, расслабившегося на мгновение после атаки. На сей раз он метил выше, в шестой узел, в горло. Такой удар способен лишить человека дыхания и раздробить гортань. Хасан должен был умереть, захлебнувшись собственной кровью.

Голова ассасина откинулась назад, свободно и безмятежно, словно он наслаждался поцелуями красавицы. Губы под усами изогнулись в улыбке. Облако энергии окутало его голову.

Резким кивком Хасан отбил удар, послав голубую молнию прямо в кожаный мешок, висевший на поясе тамплиера.

Страшная сила перебила Амнету ноги. Он упал на одно колено. «Surgite! — приказал он себе сурово. — Встань!» Еще одна волна энергии Камня влилась в его члены. Одновременно он попытался снова направить заряд в Хасана.

Камень вдруг сделался непомерно тяжелым, оттягивая пояс, прорывая оленью кожу сумки. Амнет опустил руки и подхватил Камень. Кристаллическая решетка дрожала от возложенной на нее непомерной задачи. Оси ее разогнулись и начали распадаться.

Томас Амнет почувствовал, как что-то рвется в самой глубине его мозга.

Пение мусульман поднялось на полтона и стало похоже на стрекотание цикады, сверлящее знойный воздух. Великий Магистр Жерар, хоть и не разбирался в музыке, четко понял, что окружившие их сарацинские воины готовятся к неистовому броску.

Как только хотя бы один христианский воин, осознав, что это — конец, бросит пику и кинется на сверкающие ятаганы, гул

усилится, отупляющая монотонность прервется и возвысится до бешеного визга.

Христиане теряли сознание от удушающего зноя. Многие упали в обморок от нарастающего ужаса в ожидании безжалостного натиска, который обещало пение мусульман.

Жерар опустил руку на рукоять меча и зашагал между двумя шеренгами тамплиеров, противостоявших сарацинам на западном склоне холма. Когда кто-то, покачнувшись, выпадал из строя, Жерар приказывал другому выйти вперед и занять его место.

Капли пота стекали на брови и заливали глаза. И каждая капелька, проступавшая на грязном лице, уносила с собой бесценную влагу его тела. Он слабел, истекая водой и солью.

Когда он, желая отереть этот соленый поток, поднес ко лбу руку в тяжелой перчатке, пение внезапно прекратилось.

В наступившей тишине двое рыцарей справа от Жерара упали замертво. Великий Магистр собрался уже выдвинуть на их место двоих из второй шеренги, но что-то остановило его.

Что значит эта тишина?

И в это мгновение сарацины издали пронзительный вопль.

В предельном иступлении мусульманские воины бросились на острия пик, пригнув их к земле тяжестью собственных тел.

Вперед рванулись остальные, подхватив вопль, карабкаясь по агонизирующим телам своих товарищей и яростно орудуя мечами. Христиане пытались высвободить свое оружие. Коварно изогнутые ятаганы рассекали незащищенную плоть. Кровь била фонтаном. Первая шеренга тамплиеров пала прежде, чем вторая успела обнажить мечи.

Волна сарацин захлестнула Рыцарей Храма.

Жерару доводилось наблюдать, как бьются берсеркеры: дерутся, теряют руку, глаз, дерутся еще неистовее, наконец гибнут — и все это ни на миг не приходя в сознание. Те берсеркеры были одиночками, каждый — в плену собственного безумия. Глядя на человеческую лавину, обрушившуюся на французов, он впервые видел безумие толпы. Тысячи людей двигались как один и умирали без единого стога. Когда бегущие воины втапывали в землю своих же упавших товарищей, они казались бесчувственными, как подошвы сапог. Они были одержимы.

Перекрестившись, Жерар стиснул рукоять меча и быстро пошел вверх по склону холма. Он шел, оглядываясь назад, на приближающуюся лавину смуглых оскаленных лиц и сверкающих изогнутых клинков. Подобно жнецам, они расчищали себе путь, не зная преграды.

Что-то зацепилось за ногу Жерара, и он осознал, что уже стоит возле шатра, красного, как кровь, от которой он бежал. Лодыжки его запутались в веревках.

Жерар поднял меч, чтобы разрезать полотнища и исчезнуть внутри шатра, но не успел замахнуться: что-то тяжелое ударило его по голове. Он упал лицом вниз на полог шатра. Крыша павильона задергалась и опала. Сарацины, добравшиеся до вершины холма, перерезали растяжки с другой стороны, и шатер рухнул.

Складки тяжелого полотна, расшитого французскими гербами и ликами апостолов, заслонили солнце.

Когда Камень выпал из разорванной сумки, Амнет подхватил его и сжал в руках. Гладкая поверхность была горячей. Грани врезались в пальцы, словно докрасна раскаленные ножи. Амнет чувствовал, как беснуется в глубине кристалла неведомая энергия, разрывая структуру неразъединимых связей. Звук, высокий и чистый, как звук стеклянной гармоники, наполнил всю долину. Этот звук исходил из самого сердца Камня.

Шатаясь, Амнет нес Камень, словно это были его отрезанные яички: шаг за шагом смиряясь с болью и невыносимым чувством утраты. В дюжине футов от него Хасан приходил в себя от последнего отраженного удара. Взгляд ассасина прояснился, и он увидел разбухший кристалл, прижатый к паху Амнета. И когда Хасан понял, что происходит, он невольно раскрыл рот. Он не мог поверить собственным глазам.

— Не-е-ет!

Вопль достиг слабеющего слуха Амнета, прорвав завесу чистого звука, исходившего из Камня. Этот отчаянный протест, усиленный неподдельной искренностью чувства, стал последней каплей, переполнившей Камень. Энергия выплеснулась из него. Отныне ей суждено было покоиться в этой прекрасной долине вблизи моря Галилейского почти тысячу лет.

Как треснувший церковный колокол, Камень рассыпался, не выдержав собственной тяжести. Его последняя песня завершилась звоном падающего металла. Докрасна раскаленные осколки просыпались сквозь окровавленные пальцы Амнета.

Сила ушла из его ног. Он рухнул на колени, потом повалился на бок, ударившись о землю плечом, бедром и головой. Как марионетка, у которой отпустили ниточки, он наконец затих, коченея. Нежные былинки щекотали его щеку и царапали роговицу раскрытых глаз.

Хасан пришел в себя и осторожно приблизился к Томасу. Он

вновь двигался с гибкой грацией, свойственной воину, здоровому, находящемуся в полном сознании, готовому отскочить при первом признаке опасности.

Амнет не шевелился. Его измученное тело, чужое и холодное, было уже наполовину мертво, энергия Камня больше не оживляла его. Он чувствовал, как дюйм за дюймом вздуваются и рвутся нервные волокна его обнаженного спинного мозга. Когда этот неконтролируемый процесс достиг основания черепа, Амнет понял, что сознание покидает его. Скоро отсюда уйдет и душа.

Бормоча какие-то слова, которые Амнет уже не мог разобрать, Хасан присел на корточки, недоступный его остановившемуся взгляду. Томас догадался, что ассасин что-то делает с его телом в области паха, но это уже не волновало его.

Руки Хасана совершали быстрые загребающие, прочесывающие движения. Потом он встал, плотно прижав руки к телу, и Томас так и не смог разглядеть, что было в них.

Последний раз взглянув в затуманившиеся глаза Амнета, Хасан повернулся и, сгибаясь под тяжестью груза, быстро зашагал прочь.

Бульканье и шипение из основания черепа проникло внутрь, как вода, заливающая трюм тонущего судна. Когда оно наконец вылилось из разбитого темени, Амнет погрузился во тьму, и тело его умерло.

Проворные сильные руки сняли с Жерара де Ридефора плотно шатра. Над ним склонились смуглые лица, в глазах светилось торжество победы. Сарацины подняли его на ноги. Они гладили пальцами красный крест, нашитый на его плащ. Они шелкали языками, разглядывая этот знак принадлежности к Ордену.

Какой-то сарацин взвесил на ладоне медальон — знак высшей власти Ордена, тяжелый золотой диск, украшенный эмалью, который Жерар носил на массивной золотой цепи. Великий Магистр попытался защитить медальон, но ему быстро скрутили руки. Сарацины стащили медальон с его шеи, и двое тут же бросились в сторону, сцепившись в отчаянной схватке за право обладания сокровищем.

Пока Жерар барахтался в складках шатра, меч его куда-то пропал. Сарацины сорвали у него с пояса кинжал и накинули на шею грубую веревочную петлю.

Они повели его вниз, по склону холма. Со всех сторон спу-

скались тысячи таких же пленников, ошарашенных и пошаты-
вающихся, сконфуженных и полумертвых от усталости и жажды.
Они плелись, как бараны на веревках.

У подножия холма сарацинские военачальники отделяли
Рыцарей Храма с красными восьмиконечными крестами на пла-
щах от других христианских рыцарей короля Ги. Тамплиеров от-
вели в неглубокий овраг под Гаттином. Шеренга сарацинских
лучников с забавными короткими луками встала над ними на
краю оврага.

— Христиане! — раздался чистый звонкий голос. — Вы, кто
принадлежит к Рыцарям Храма!

Жерар поднял голову, но солнце било в глаза, и он не смог
разглядеть говорящего.

— Вам следует сейчас, — голос звучал убедительно и даже
почти дружелюбно, — встать на колени и помолиться вашему
Богу.

Как паства в соборе, пять тысяч безоружных тамплиеров
опустились на колени. Их кольчуги зазвенели разом, словно
якорные цепи флотилии.

Жерар начал молиться, но его отвлекли стоны, доносившие-
ся с обоих концов оврага. Он вытянул шею и посмотрел поверх
склоненных голов и согбенных спин своих братьев. Там, в отда-
лении, сарадины методично размахивали ятаганами.

— Они отрубают головы нашим братьям! — пронесся по
рядам испуганный шепот. — Вставайте! Надо защищаться!

— Не смей! — сквозь зубы приказал Жерар. — Лучше один
удар меча, чем дюжина неумело пущенных стрел.

Те, кто слышал его, затихли. Шепот прекратился.

Через некоторое время кто-то рядом тихо сказал:

— Сегодня вечером, друзья мои, мы разобьем свои шатры на
небесах.

— На берегу реки... — отозвался его невидимый товарищ.

Наступила тишина.

— Лучше бы ты не напоминал про воду, — процедил кто-то
поодаль.

— О, хоть бы каплю! — простонал другой голос.

Этому стону не суждено было продолжиться, ибо сарацин-
ские палачи уже стояли над ними и — вжик, вжик...

Саладин взобрался на шаткую гору подушек и попытался
устроиться поудобнее. Он поерзал, перенося свой вес из сторо-
ны в сторону и проверяя устойчивость сооружения, чтобы потом

не свалиться в самый неподходящий момент. Но гора, сложенная не менее искусно, чем фараоновы пирамиды, оказалась достаточно надежной.

Саладин привык иметь дело с более цивилизованными противниками, которые соблюдали должный этикет даже после поражения, даже измученные зноем и жаждой. Пленному мусульманскому шейху известно, что в шатер победителя надобно вползать на коленях, на коленях и локтях, даже на животе, если потребуется, голову держать как можно ниже, выражая полную покорность военачальнику, захватившему его. Но эти христианские аристократы не знают правил приличия. Они войдут в шатер прямо и будут стоять во весь рост, словно это они победители.

Его придворным непозволительно лицеизреть подобное унижение своего султана. Для того-то и была сооружена пирамида подушек.

Но все оказалось напрасно.

Король Ги не вошел в шатер сам, его внесли за руки и за ноги четыре дюжих сарацина. Остальные аристократы следовали за своим распростертым королем. Они шли прямо, но головы их были опущены.

— Он мертв? — спросил Саладин.

— Нет, мой господин. От жары на него напала лихорадка, и он бредит.

Ги, латинский король Иерусалима, лежал на ковре перед горой подушек, словно груда старого тряпья. Ноги его дергались, руки блуждали по ковру, глаза совсем закатились. Остальные знатные рыцари — среди них Саладин заметил кошачье лицо Рейнальда де Шатийона — отошли от своего государя, опасаясь, что он умирает. Так оно, впрочем, и было.

— Принесите королю освежиться, — приказал Саладин.

Визирь сам поднес чашу розовой воды, охлажденной снегом, который доставляли с гор в бочках, закутанных в меха. Мустафа встал возле короля на колени и, смочив конец своего кушака, положил его на пылающий лоб Ги. Взгляд короля сделался осмысленным. Судороги прекратились. Когда Ги раскрыл рот, Мустафа поднес ему к губам чашу и вылил несколько капель на язык, обложенный и потрескавшийся, как шкура дохлой лошади, пару месяцев пролежавшей в пустыне.

Король Ги поднял руки и вцепился в чашу, определенно намереваясь вылить всю воду себе в глотку. Но Мустафа крепко держал чашу. Когда же наконец король осознал, как приятно

пить маленькими глотками, Мустафа отдал ему сосуд. Визирь поклонился Саладину и отступил назад.

Приподнявшись на локте, Ги жадно пил. Утолив жажду, он впервые осмысленно огляделся. И увидел остальных французских дворян, стоявших как побитые собаки, с распухшими языками, свисающими поверх бород. Какие-то остатки монаршей ответственности побудили его поднять чашу, предлагая ее товарищам по несчастью.

Первым схватил сосуд Рейнальд де Шатийон. Этот человек, самозванный князь Антиохийский, утопил мусульманских паломников в Медине, сжег христианские церкви на Кипре, поклялся обесчестить сестру Саладина и осквернить кости Пророка. Трясущимися руками он поднес чашу к губам — он принимал освежающий напиток в шатре Саладина как гость!

— Стой! — Саладин почувствовал, как лицо его искажается от бешенства, с которым не в силах совладать разум. Он скатился с горы подушек и встал перед пленниками. «Так не должно быть!»

Король Ги глядел вверх с изумленным, почти страдальческим выражением на глумоватом лице.

Рейнальд, с бороды которого капала розовая вода, ответил Саладину улыбкой, более походившей на глумливую усмешку.

Красноватая дымка заволокла все перед глазами сарацинского султана. Ослепленный гневом, он повернулся к Мустафе:

— Объясни королю Ги, что это он — а не я — оказал такое гостеприимство нашему врагу.

Мустафа бросился вперед, упал на колени перед королем и открыл было рот. Но простого объяснения было мало. С точностью, выработанной годами упражнений в воинском мастерстве, он выбил чашу из рук Рейнальда, сломав ему палец. Вода забрызгала христианских дворян, край летящей чаши рассек одному бровь.

Рейнальд — теперь уже с нескрываемой издевкой — протянул к Саладину поврежденную руку.

— Так повелел тебе твой драгоценный Магомет? — В голосе звучала насмешка...

Не раздумывая, Саладин выхватил меч из гибкой дамасской стали и легким движением описал в воздухе сверкнувшую петлю.

Рука Рейнальда, отрубленная по плечо, судорожно дергаясь, упала королю Ги на колени. Король взвизгнул и отпрянул в сторону.

Рейнальд в недоумении посмотрел на свою руку и поднял взгляд круглых от ужаса глаз на Саладина. Губы изогнулись в

изумленное «о», изо рта вырвался восходящий агонизирующий вой, подобный волчьему.

Прежде чем этот ужасный звук успел проникнуть сквозь стенки шатра, телохранитель султана ринулся вперед, на ходу выхватывая саблю, и одним ударом срубил с плеч голову Рейнальда. Удивленная голова, покотившись по ковру, уткнулась лицом в подножие пирамиды подушек. Тело упало на колени и рухнуло вперед.

Король Ги, забрызганный кровью, с ужасом смотрел на Саладина:

— Пощади нас, великий король! Пощади нас!

Султан, дав выход своему бешенству, мгновенно остыл. И глянул на Ги с состраданием.

— Не бойся. Не подобает султану убивать султана. Тебя и тех придворных, которые смогут доказать благородство своей крови, оставят для выкупа. Остальные твои воины будут проданы в рабство. Таково решение Саладина.

Король Ги, пребывающий в состоянии униженной покорности, низко склонил голову.

— Благодарю тебя, государь.

Крестоносцы — так стали называть европейских рыцарей, отправлявшихся в Палестину, — так и не смогли больше отвоевать свое королевство в Святой земле. Все, что осталось после них, — цепь разрушающихся укреплений на холмах: архитектура Франции поверх архитектуры Рима, и все это на руинах Соломоновых строений.

Вскоре на этой сцене появится Ричард Английский. Он также будет сражаться с Саладином и также проиграет ему. При этом ему придется уступить бразды правления в своей далекой зеленой стране брату Джону, чьи сомнения и колебания приведут к созданию Великой Хартии, праматери всех конституций.

Айюбиды Саладина, а после них — мамелюки будут править в Палестине свыше трех столетий, но им так и не удастся покорить себе ассасинов в их горных убежищах. Укрывшись в Тайном Саду, оберегаемые Тайным Основателем, они будут терзать всех, кто попытается поработить арабских феллахов.

Между тем Египет уступит власть растущей Оттоманской империи. Она будет господствовать на этой земле следующие четыре столетия. В конце концов и эта империя начнет клониться к закату, уступая власть конгломерату шейхов под негласным

руководством англичанина Т.-Э.Шоу, более известного под боевым прозвищем Лоуренс.

Так началось британское правление в Палестине, которое продлится всего тридцать лет в двадцатом веке.

Конец британскому правлению положит послевоенный хаос, который позволит осуществиться пророчествам и мечтам сионизма. Ассасины же по-прежнему будут созерцать это из своих горных убежищ. И вновь здесь прокатятся войны, когда сперва египтяне, а затем и сирийцы попытаются отвоевать многострадальную землю. Война перекинется на север, в Ливан, и едва не разрушит до основания государство, которое пыталось жить в гармонии с переменчивыми ветрами, порожденными этим грубым веком.

Девять столетий нескончаемые войны будут терзать Святую землю. Девять столетий будут взирать на это ассасины из своих горных убежищ.

Файл 07

ДОЛОЙ МАСКИ!

Центральные ворота были снесены взрывным устройством гораздо большей силы, чем ракета «Си Спэрроу». Их створки были сделаны из стальных прутьев в три сантиметра толщиной, переплетенных внизу, вверху и посередине широкими лентами из прочного сплава. Прежде створки ездили на стальных колесах по никелированным рельсам. Взрыв изогнул брусья и перекладины, превратив их в некие подобия параллелей и меридианов. Рельсы выворотило из асфальта. Болты величиной с большой палец Тома Гардена торчали, словно грибы.

Гарден разглядел последствия взрыва в слабом свете далеких огней. Прожекторы и фонари дневного света вдоль дороги были разбиты. К воротам подошли террористы.

— Ну а здесь вы чем воспользовались? — спросил он Итнай-на. — Небольшой такой ядерной гранатой?

Палестинец закусил губу:

— Мой господин Хасан говорил о каком-то устройстве для особо укрепленных объектов. Цепная ядерная реакция...

— Тоже мне укрепленный объект — пара стальных решеток!

— Если приглядеться внимательнее, — Итнайн встал между двумя бетонными столбами и очертил на земле какую-то фигуру, — вы увидите остатки фундамента. — В асфальте виднелся серый цементный квадрат со стороны два метра. — Это была

центральная колонна, створки входили в ее пазы и запирались там.

— Да уж, укрепленный объект, — повторил Гарден. — А почему было просто не взломать замки?

— Мой господин Хасан очень спешил.

Гарден посмотрел на приземистое здание административного корпуса. Позади здания, словно Дуврская скала над рыбацкой деревушкой, возвышался центральный реактор. Везде было тихо.

Пройдя шесть километров пешком, притом что двое тащили на себе оставшиеся «Си Спэрроу», они, конечно, опоздали к главной акции захвата и существенно выбились из графика.

Команда опасно пересекла пустынную автостоянку, подошла к главному входу в административное здание и остановилась перед раздвижными дверьми из матового стекла. Итнайн с помощником шагнули вперед. Они перекрыли инфракрасный луч, двери разъехались... и разлетелись каскадом сверкающих алмазов.

— Вот дьявол! — выругался Итнайн, отскакивая в сторону.

Взрыв у ворот разрушил закаленное стекло, и при первом же движении оно рассыпалось под собственной тяжестью.

Гарден посмотрел на сверкающий осколок.

— Могу ли я предположить, что твой господин Хасан здесь не проходил? — ехидно спросил он.

— Это здание не было его целью.

— А нашей?

Итнайн, не удостоив его ответом, молча перешагнул через дверную раму. Битое стекло захрустело под тяжелыми ботинками.

Гарден в своих тонких кожаных ботинках осторожно ступал вслед за ним. Закаленное стекло разлетелось на одинаковые кубики весом около карата. Такая форма осколков, должно быть, более безопасна при авариях, чем чешуйки или пластинки, но все же и у кубиков имеются острые как лезвия грани. На них можно поскользнуться, упасть и изрезать себе лицо и руки. Он шел медленно, ступая на всю ступню.

В вестибюле надо было пройти несколько ворот: в одни были вделаны металлодетекторы для поиска оружия, в другие — фосфорные датчики, выявляющие взрывчатые вещества. И те, и другие сейчас, конечно, бездействовали.

«Ну что, нашли?» — мысленно позлорадствовал Том, проходя под арками. Впрочем, на нем и не было ничего запрещенного.

— А где охрана? — поинтересовался он.

— На электростанции была в основном механическая охрана, — ответил Итнайн. — Наше нападение привлекло половину работающих на территории киберсобак. А потом ракеты вывели из строя их электронику.

— Ну а вторая половина?

Итнайн махнул рукой на север:

— Где-то там. На другом конце территории.

— А как насчет охранников-людей?

— В административном здании находилось несколько полицейских, просто из вежливости к посетителям, проходящим через детекторы. Когда мы взорвали ворота, они, очевидно, ушли в здание реактора.

— Но они и сейчас там? С оружием?

— Они сдадутся, когда мой господин Хасан возьмет центр управления.

Гарден посмотрел на слонявшихся по вестибюлю спутников Итнайна. Оружие свободно висело у них на ремнях.

— Кстати, не кажется ли вам, что вашим людям следовало бы двигаться более осторожно — ну, скажем, прикрывать друг друга?

Итнайн улыбнулся и покачал головой:

— Здесь нет ловушки. Вот дальше, в реакторном зале, — все возможно.

Они пошли по коридорам с кремовыми стенками и ковровыми дорожками на полу цвета красного вина, мимо светлых дубовых дверей с черными табличками. В здании было оставлено ночное освещение, плафоны на потолке тускло светились через один.

Для сектора термоядерной электростанции, захваченной террористами, порядок был идеальный. Не считая разбитого стекла в вестибюле, Гарден не заметил, чтобы хоть что-то было не на месте: ни опрокинутой мебели, ни горящего оборудования, ни летающей бумаги — словом, совсем не похоже на зону военных действий.

Единственными свидетелями беды казались мониторы: мерцающая красными предупредительными сигналами, они автоматически регистрировали в бесконечных зеленых колонках настойчивые команды не существующим уже собакам. Другие колонки, голубые, отмечали бесчисленные попытки дозвониться до полицейского управления Нью-Джерси.

Педантичным компьютерам не дано было знать одного: все коммуникационные кабели в районе станции перед нападением

были перерезаны. Глушитель подавлял радиосигналы в любом диапазоне, создавая мертвую зону в радиусе шести километров. Правда, это затрудняло общение между группами террористов, но Итнэйн и Хасан, очевидно, больше надеялись на тщательное планирование, точный инструктаж и выверенный график, чем на переговоры по радию.

Ковровая дорожка закончилась у металлического порога. Дверь отсвечивала нержавеющей, по диагонали ее пересекали ленты из желтого металла, обрамленные черными полосками. Таблички предупреждали о необходимости соблюдать в помещении стерильность, надеть защитные очки, проверить дозиметры и держать идентификационную карточку в наружном кармане. Подписано Т.-Дж. Ферриманом, управляющим электростанции.

Ручки на двери не было. Вместо нее на стене рядом размещалась квадратная панель с шестнадцатью кнопками: на десяти были цифры от 0 до 9, на остальных — буквы от А до F.

— Шестнадцатеричный код, — сказал Гарден.

Итнэйн кивнул.

— Где же все-таки твой господин Хасан, — спросил Гарден, — если он и здесь не проходил?

— Он повел свою группу на захват центра управления по главному коридору. Он рассчитал, что это самый прямой путь к реакторному залу.

— Путь-то, может, и прямой, да двери здесь больно крепкие.

— Именно поэтому у его команды есть бомба, которая взрывается дважды.

— Чтобы взорвать дверь, которая ведет к работающему ядерному реактору?! Скажи-ка мне — ты действительно веришь, что таким путем попадешь в рай?

Итнэйн посмотрел на Гардена спокойно и трезво:

— Многие верят, и вы не должны говорить об этом так легко. Что касается меня... человеку так или иначе предстоит умереть. Эту возможность надо использовать наилучшим образом.

Том Гарден застонал и повернулся к двери. Арабы расступились, освобождая ему место. Он приложил ухо к металлической поверхности, но дверь не пропускала звуков. Он тронул ее рукой и ощутил слабую пульсацию — возможно, это были колебания здания.

В этом конце коридора было очень жарко. Гарден заметил капельку пота, появившуюся из-под куфии на голове Хамада. Капелька скатилась по лбу и дальше, вдоль носа. Словно из солидарности, под мышкой у Тома тоже возникла капелька и побежала вниз по ребрам.

— Мы стрелять замок? — широко улыбаясь, предложил Хамад на скверном английском. Он продемонстрировал, как собирается это сделать.

— Это только заблокирует дверь.

Итнайн извлек из кармана странного вида ключ с параллельными выступами, в точности соответствовавшими прорезам в головках болтов по углам панели. Вывернув болты и сняв панель, Итнайн открыл электронную схему. Затем из кармана появился моток медной проволоки с красной пластиковой обмоткой. Итнайн прикрепил ее в одном месте... в другом...

Дверь резко распахнулась, и в глаза ударило нестерпимое сияние белого огненного шара.

У Элизы 212 был модуль автодозвона, который мог инициировать телефонные звонки абонентам. В списке разрешенных контактных номеров числились основные психиатрические базы данных и общедоступные библиотечные фонды. Все запросы, которые она делала в ходе обследования пациента, включались в его счет.

Когда темная форма Другого, записанная отрицательными числами, вызвала произвольное перепрограммирование оперативной памяти Элизы, функция соединения с абонентом сохранилась, но к ней добавилась некая команда поиска по собственной инициативе.

Теперь она чувствовала, как Другой стремится к неизвестной цели, тестируя оптические волокна и переключатели национальной телефонной сети. Нужный ему путь доступа однозначно сосредоточивался в четырехжильном кабеле, протянувшись на десятки километров, упирался в пустоту. Где-то за последним переключателем кабель был обрезан.

Для Элизы 212 это означало одно: конец поиска. Тупик. Нулевой вариант.

Но Другой, казалось, воспринял это как вызов. Он впал в некое черное состояние, которое Элиза обозначила бы человеческими словами как «дурное настроение». Это продолжалось целых три секунды и разрешилось цифровой командой к коммуникационной сети, операционной директивой последнему на линии лазерному усилителю устранить разрыв.

Закряхтев от натуги, лазер повысил мощность на тысячу процентов. Трубка излучателя взорвалась, и весь агрегат вышел из строя. Но перед смертью он послал пучок когерентных фотонов мощностью порядка десяти ватт. Концы одного провода со-

прикоснулись в месте обрыва, и энергия светового потока со-единила их тончайшим волоском расплавленного стекла.

Другой повторил запрос, и теперь запрос достиг цели. Элиза отметила почти человеческую удовлетворенность.

Гарден молниеносно поднял руку, защищая глаза. Но даже опустив веки, он видел скелет собственной кисти, словно встроенный в алую плоть ладони, обрамленную белым светом.

Итнайн оттащил Тома от дверного проема. Остальные распластались по стенам, прячась от излучения.

— Что вы видели? — голос Итнайна.

Гарден слепо оглянулся на говорившего:

— Алмазное сияние. Как огонь, только абсолютно белый.

— Может, это был взрыв реактора?

Гарден проанализировал гипотезу:

— Нет, не думаю. Тогда бы никто из нас не остался в живых.

— Тогда что?

Том Гарден сопоставил кое-какие разрозненные образы. При всей своей неистовой яркости, шарообразный излучатель казался каким-то... обычным, управляемым. Похоже на этап плановой работы реактора.

Что могло вызвать такое свечение? При нормальной работе?

Гарден вспомнил, что электростанция «Мэйс Лэндинг» работала по тому же принципу, что и ракета «Си Спэрроу», только в неизмеримо большем масштабе.

Слева от двери, должно быть, тянется галерея световодов. Они направляют импульсы рентгеновского лазера, «поджигающие» титан-йодистую пленку. Световоды расположены по кольцевому поперечному сечению и разделены на шестидесятиградусные дуги, гоня лазерный луч взад-вперед сквозь ряды разрядных усилителей и в конце концов направляя в сферическую камеру с мишенью.

Стеклянный шарик, наполненный дейтериево-тритиевой смесью, был намного больше, чем рисовое зернышко «Си Спэрроу»: двадцатикилограммовая сфера размером с волейбольный мяч. Через равные промежутки времени, совпадающие с импульсом лазера, поршневой механизм выталкивал сферу в место точного геометрического фокуса лучей. Стекло, испаряясь, сжимало дейтритовую смесь до температуры синтеза. Совсем как в «Си Спэрроу», только мощностью около 500 килотонн.

Предоставленный сам себе, расширяющийся шар высокотемпературной плазмы попросту сжег бы стенки камеры и раз-

рушил здание. От всего комплекса осталась бы одна оплавленная воронка. Однако Гарден знал, что внутри камеры проходят силовые линии электромагнитного поля, удерживающие горячую плазму. Поле можно задать только в одном полушарии, и тогда энергия взрыва просочится через отверстия в стенке камеры. При периодической пульсации поля можно вытолкнуть остаточную плазму через специальный канал и очистить камеру для следующего запуска.

Этот коридор за дверью, насколько понимал Гарден, должен привести к сложной системе МГД-устройств, теплообменников, парогенераторов, турбин высокого и низкого давления. В конце этого комплекса из охлажденного пара извлекаются остатки тепла, не вступивший в реакции дейтерит и промышленные объемы гелия. С теплообменников и турбин поступают каскады чистой воды.

Следовательно, огненный шар, который видел Гарден, хоть и не являлся частью этой производственной линии, но должен был иметь аналогичное происхождение: аномалия в замкнутом поле, возможно, не более миллиметра в диаметре. Что, если операторам вдруг понадобится «отщипнуть» крошечный шлейф расширяющейся плазмы для анализа и контроля? Совсем крошечный кусочек, ярче полуденного солнца.

— Кто-то выпускает плазму из камеры, — сказал Гарден.

— Зачем?

— Чтобы мы не прошли в эту дверь.

— И что мы должны делать?

— Найти другой путь.

— Мой господин Хасан...

— Знаю, — вздохнул Гарден. — Он хочет, чтобы мы шли именно этим путем. Ну что же. Пригните головы, закройте глаза руками. Вбегайте в дверь, немедленно поворачивайте вправо, к стене, и бегите как можно дальше от этого места. Не оглядывайтесь.

Итнайн и еще несколько арабов кивнули. Те, кто понимал по-английски, перевели остальным. Итнайн сразу же пригнул голову и повернулся к двери.

— Стой! — Гарден схватил его за рукав. — Ты говоришь, что в реакторном зале может ждать засада.

— Ну?

— Так вот, это правда.

— А... Значит, плазму выпускают специально, чтобы отвлечь нас?

— Именно.

Итнайн улыбнулся:

— Нет проблем. У нас есть гранаты, очень мощные. Они перекроют поток плазмы и отвлекут людей, которые хотят нас остановить.

Палестинец бросил несколько отрывистых слов и протянул руку. Хамад достал из-под балахона тусклый металлический шар и положил в протянутую ладонь командира. Итнайн крепко сжал шар, пригнул голову и снова повернулся к двери.

— Отлично, дружище. — Гарден снова ухватил его рукав. — Какова мощность этой штуки?

— Две тысячных килотонны... А что?

— Тебя не останавливает мысль о том, где тебя будут искать после взрыва? Это ведь, знаешь ли, небезопасно.

— Я не боюсь, — отрезал палестинец.

— Конечно, не боишься. Но только задумайся на минутку, что у нас там, за дверью: работающий реактор, сотня тонн тончайших устройств, испускающих во все стороны под огромным давлением горячую плазму. И ты хочешь, чтобы все это вдруг лопнуло?

— Камера надежно укреплена.

— А как насчет клапанов, электрических схем, датчиков и кабелей? Представляешь, что случится, если даже чуть-чуть потревожить эту магнитную тыкву?

— Я понял тебя, — согласился Итнайн. Чтобы убедить остальных в обоснованности своих колебаний, он перевел разговор соотечественникам. Те вытарашили глаза. — Что же ты предлагаешь, Том Гарден?

— Ну, я не тактик...

— Сказал «А», говори «Б».

— Ладно. По двое одновременно, справа и слева, прыгайте через порог. Падайте плашмя на пол, оружие держите перед собой. Прячьтесь за любым укрытием, какое сможете найти, и стреляйте в любого.

— Я потеряю людей, — возразил Итнайн.

— Если кинешь туда гранату, потеряешь половину Нью-Джерси.

— Согласен (*неохотно*). Фасул! Хамад! — Итнайн перевел инструкции Гардена, сопровождая их движениями руки.

Боевики кивнули и, секунду помолчав и склонив головы, приготовили оружие. Затем заняли позицию по обе стороны двери.

— Давай!

Их спины исчезли в сиянии. Еще двое приготовились.

— Давай!

Так, попарно, вся команда проскочила внутрь. Ответного огня не последовало, и у арабов не было повода для стрельбы.

Наконец у двери встали Гарден с Итнайном.

— Давай! — пролаял Итнайн.

Гарден, вооруженный только собственной смекалкой, нырнул через порог в лишенный тени свет. Он различил фигуры боевиков, оцепенело сидевших на полу, забыв про оружие. Их взгляды были направлены куда-то за вспышки плазмы. Гарден прикрыл глаза ладонью. Кожа на руке мгновенно натянулась и высохла от жара.

Зная лишь теоретически принципы работы промышленного термоядерного реактора, он и отдаленно не представлял себе его размеры.

Выбросы плазмы казались столь близкими только из-за двери, но то была оптическая иллюзия, результат искаженной перспективы при взгляде сквозь дверной проем.

За дверью был не пол здания; здесь начиналась как бы сцена или широкая галерея. Края галереи защищало трубчатое ограждение, а за ними сияло белое рукотворное солнце. Оно выглядело как вулканический гейзер на поверхности небольшого белого спутника Юпитера или Сатурна.

Так велика была реакторная камера.

Расположенная в яме глубиной метров десять, сама камера насчитывала около сорока метров в диаметре. Из нее, как соломинки из коктейля, торчали толстые белые трубы. На определенном расстоянии от поверхности камеры все трубы изгибались под прямым углом и тянулись параллельными рядами на двести метров к северу. Ажурная конструкция из голубых балок, опорных платформ, мостиков, высотой этажей в шесть-семь, поддерживала эти горизонтальные трубы — световодные кабели. Приблизительно через каждые тридцать метров в них были врезаны кристаллические графитовые усилители, опутанные силовыми кабелями и тончайшими охлаждательными трубочками. Световоды упирались в северную стену здания, поворачивали назад, уходили внутрь опорной конструкции, снова поворачивали и устремлялись куда-то вниз. Километры световодов сновали туда-сюда, чуть утончаясь, словно органые трубки самых нижних регистров, и теснее прижимаясь друг к другу. И где-то в глубине многослойной паутины — представлялось Гардену, — в месте слияния световодов, прячется сам рентгеновский лазер — источник всей этой мощи.

Словно приставленный к черепу пистолет, сверху в сферическую камеру упиралось устройство для запуска стеклянных капсул. Гардену видны были механические руки, загружающие дейтритовые шары в магазин. Судя по действиям автомата, камера заряжалась примерно каждые две секунды. Однако выброс плазмы казался постоянным, не пульсирующим. Детонация поддерживала в камере исключительно стабильное давление.

Справа, за сиянием плазмы, можно было различить процессор, теплообменники и какие-то отдаленные непонятные очертания и формы.

Гардену всегда казалось, что лазерный реактор — вещь достаточно деликатная. Цепenea теперь перед всей этой огненной очевидностью, он понял, что Итнайн мог бы спокойно бросить сюда гранату. Возможно, взрывная волна на мгновение сдула бы плазменный хвост. Возможно, осколки слегка согнут механические руки робота и задержат работу пускателя на двадцать или даже на сто секунд. Но жизненно важные узлы и механизмы не будут повреждены, и работа реактора не нарушится.

— Что мы тут делаем? — спросил он Итнайна.

Палестинец протер глаза, слезившиеся от света кремнво-белой луны и ее гейзера.

— Мы ждем моего господина Хасана.

Гарден кивнул.

— Только не глазей слишком долго на пламя, — посоветовал он.

* * *

Элиза 212 и ее Другой установили контакт с искусственным интеллектом на другом конце оптического кабеля. Это оказалось довольно ограниченное существо, занятое обработкой информации с датчиков, которую оно могло обсудить со своими собеседниками, но не могло продемонстрировать графически. В основном это был одноканальный ввод данных, хотя порой проскакивали матричные массивы и широкодиапазонные вводы, которые могли быть считаны с видео или с матричных дисплеев. Общась в диалоговом режиме, ИскИн постоянно бормотал себе под нос формулы.

Элиза назвала его «одержимым».

Другой назвал его «своим парнем».

— Ты отмечаешь присутствие людей рядом с собой? — спросил Другой, захватывая инициативу.

— Значки персонала всегда рядом, — ответил ИскИн. — Почти всегда.

— Каталогизируй значки.

— Аномальное распределение.

— Ты регистрируешь других людей, не только персонал?

— Не нахожу других.

— Есть проблемы с охраной?

— У охранной подсистемы всегда есть проблемы. Иногда реальные, иногда мнимые. Но они не затрагивают основные функции.

— Функция?

— Шестнадцать сотых детонаций в секунду.

— Анализ функции.

— Двадцать две сотых тераватта первичной загрузки на стержень.

Элизе захотелось прервать диалог и спросить, что означают эти числа, но Другой контролировал приоритет доступа.

— Анализ программы, — скомандовал Другой. — Двадцать-плюс детонаций в миллисекунду.

— Теоретически, — прошелкал ИскИн. — Уровень превышает первоначальную мощность ячейки. Мощность ячейки превышает радиус мишени.

— Анализ.

— Сохранность объекта не гарантируется.

— Принято. Засеки людей, со значками и без, в окрестности мишени.

— Засаекаю... — И трехмерная схема прошла по оптической линии.

Другой сканировал ввод, и его запоминающее устройство удовлетворенно шелкнуло единицами.

— Свой парень, — доверительно сообщил он Элизе.

— Мы здесь, внизу, — голос из-под балкона.

— Мой господин? — это Итнайн.

Он вскочил на ноги, но Гарден перехватил его прежде, чем он успел перегнуться через ограждение.

— Ты же себя подставляешь!

— Я знаю этот голос. — Итнайн вырвался из рук Гардена, в глазах его мелькнул холодный белый отблеск плазменного огня. — Это Хасан ас-Сабах. Он нашел нас.

Арабские воины были уже на ногах. Они рассредоточились вдоль ограждения. Кто-то обнаружил лестницу.

— Сюда!

Не дожидаясь команды Итнайна, они начали спускаться. Гарден перегнулся через перила и огляделся.

Несколько человек в униформе, некоторые — с куфиями на голове, окружили своего смуглого главаря, стоявшего спиной к реакторной камере. Даже отсюда Гардену был виден изгиб его усов. Это мог быть — да это и был — тот самый человек, который сидел тогда в фургоне рядом с Александрой.

С ним стояла женщина с золотыми волосами, на которых играли отблески пламени. Она подняла голову, и Том Гарден узнал Сэнди. Повязки на шее уже не было. Увидев его, Сэнди улыбнулась.

Гарден последним спустился по лестнице, последним приблизился к Хасану.

— Харри Санди! — воскликнул Гарден.

У арабов перехватило дыхание, даже Сэнди вздрогнула, только Хасан невозмутимо улыбнулся.

— Моя земная слава опережает меня, — пробормотал он, отступил на шаг, склонил голову и провел рукой: от бровей к губам и к сердцу.

Гарден стоял перед ним прямо.

— И что это значит?

— Старое приветствие для старого знакомого, Томас.

— Но я не знаю тебя, разве что понаслышке.

— Вот я и хотел бы испытать тебя: что именно ты знаешь?

Гарден решил, что ему предлагают высказаться.

— По твоему собственному определению, ты — «борец за свободу». Но другие называют тебя просто террористом. Ты развязал нескончаемый кровавый конфликт в Палестине, что привлекло к тебе половину арабского мира. Ты находишь наслаждение в разжигании давно утихших споров, натравливая клериков на умеренных, арабов на евреев, турков на арабов, шиитов на сунитов и так до тех пор, пока все они, до последнего, не бросят свои дела, увязнув в борьбе. У тебя нет ничего за душой, кроме ненависти к существующему порядку — даже если это тот порядок, который ты сам помогал устанавливать. А теперь ты привез свою революцию сюда, в Штаты. Зачем?

Хасан покачал головой:

— Ты ничего не помнишь, ведь правда?

— Ты подписал договор в Анкаре и сам спустя год нарушил его. Ты открыл свободный проезд в Старый город для евреев и христиан, а затем расстрелял их машины, едва они подъехали к пропускному пункту в Бет Шемеш. Ты называешь себя Ветром Бога, поскольку не подчиняешься законам ни одной страны.

И все же люди любят тебя. Они называют твоим именем свое оружие и бросаются в битвы, которые не могут выиграть. Почему ты здесь?

Хасан улыбался. Нетерпение остальных арабов улеглось, словно Хасан каждому положил руку на плечо.

— Потому что здесь ты, Томас.

— И что ты здесь сделал? Захватил региональную электростанцию. Думаешь, тебе заплатят, если ты оставишь ее в рабочем состоянии? Или дадут тебе спокойно выйти отсюда — и сдержат слово, когда ты пригрозил все это взорвать?

— Они сами мне ее предложили, — усмехнулся Хасан. — Бросили вызов. Это был такой лакомый кусочек, к тому же так небрежно охраняемый, — мог ли я устоять?

— И все это — чтобы дать Америке пинка?

— Не только Америке — всей западной цивилизации.

— А что плохого сделал тебе Запад?

— Ты в самом деле не помнишь, Томас?

— В этой стране полно людей, которые ненавидят твою идеологию, Хасан. Это беженцы из Палестины, Ирана, Ирака, Пакистана и Афганистана — все они приехали в эту страну, спасаясь от террора. Они устали от древней кровавой вражды, которая привязывает человека к его племени, а его племя противопоставляет всему человечеству. У тебя нет здесь последователей.

— Слушайте — говорит Запад! — Хасан в наигранном восхищении поднял руки. — Вы — интернационалисты и космополиты, потому что завоевали и покорили все другие нации, кроме собственной. Вы ставите разум и науку выше веры и смирения, потому что в гордыне своей полагаете, будто способны вычислить промысел Божий. Вы почитаете людские договоры, законы и обещания, потому что утратили веру... Так ты не помнишь?

Гарден мог многое еще сказать, но какая-то умоляющая нотка в голосе Хасана заставила его сделать паузу. Он посмотрел на Сэнди, но та отвела глаза.

— Что я должен помнить?

— Ты прикасался к камням?

— К каким камням?

— К камням старика, которые ты забрал у Александры.

— Да, прикасался.

— Ну и?..

— Они... рождают звуки, ноты. Как стеклянная гармоника — но, может быть, эти звуки только у меня в голове.

— И все? Просто звуки? — Хасан казался разочарованным.

— А должно быть что-то еще?

Хасан посмотрел на Сэнди, затем на Итнайна:

— Вы уверены, что это тот человек?

— Он не может быть не тем, мой господин! — почти закричала Сэнди.

Итнайн кивал, и пот катился по его лицу.

Губы Хасана искривились в брезгливой гримасе, глаза презрительно сузились.

— Пойдешь с Хамадом, — сказал он наконец Итнайну. — Найдешь пульт управления. Начнешь снижать уровень энергии. Будем торговаться.

— Да, мой господин. — Поклонившись, Итнайн собрал взглядом своих людей и бегом бросился выполнять приказание.

— Мой господин Хасан... — начала Сэнди.

Хасан одарил ее тяжелым взглядом.

— Возможно, мы потерпели неудачу, — продолжала она. — Да, мы не сумели привести этого человека в то состояние, которое тебе требовалось. Это моя вина, и я...

— Ну что еще? — рявкнул Хасан.

— Возможно, если еще раз обеспечить ему контакт с осколками Камня...

— Да при чем тут камни-то эти? — спросил Гарден.

Не отводя убийственного взгляда от помертвевшего лица Сэнди, Хасан протянул руку ладонью вверх. Она торопливо вытащила из кармана брюк пенал старика тамплиера. Хасан взял его и открыл крышку. Шесть камней, шесть фрагментов музыкальной гаммы, покоились в серых поролоновых гнездах.

— Держите его! — крикнул Хасан.

Гардену тут же заломили руки, обхватили сзади за пояс и за колени.

Держа коробочку на вытянутой руке, словно в ней был яд, Хасан поднес ее к подбородку Гардена и прижал снизу так, что все камушки коснулись кожи.

Боль такая же, как прежде, но слабее. И ровный аккорд: ля, до-бемоль, ре-бемоль, что-то еще. И еще цветная карусель перед зажмуренными глазами: лоскутки пурпурного, голубого и желто-зеленого, другие краски, словно осколки радуги. Что-то еще ввинчивалось в мозг: обрывки воспоминаний, слои времени, скрещенные клинки на фоне неба, кавалерийский пистолет с восьмидюймовым дулом, шеренга зеленых мундиров с блестящими медными пуговицами, другие образы, слишком быстро мелькающие в голове.

Том Гарден хотел потерять сознание от боли, но не мог.

Хасан отвел руку.

Гарден открыл глаза. Он смотрел прямо в черные, лишенные глубины зрачки араба.

— Это не тот человек, — сказал Хасан почти с грустью.

— Мой господин! — вскрикнула Сэнди. — Давай попробуем...

— Нет, — отрезал Хасан. — Мы слишком долго пробовали. Он — ничто. — И бросил своим людям: — Увести его и связать.

— Они не должны этого делать, — заметил ИскИн на том конце кабеля. Собственно, он говорил сам с собой, забыв, что подключен к волоконно-оптической системе Элизы.

— Что делать? — переспросила она.

Другой переключился в режим прослушивания. А может, он вообще исчез?

— Они изменяют границы конверта, — сказал ИскИн. — Дают неверное сочетание кодов. Такого рода команды всегда должны сопровождаться правильной последовательностью кодов. Я остановил их.

— Это... хорошо?

— Это необходимо.

Элиза ждала, напряженно вслушиваясь.

— Ну нельзя же так! — снова пожаловался ИскИн тысячу миллисекунд спустя. — Они ведь нарушат целостность поля.

Другой внезапно вышел из дремотного состояния.

— Сканируй людей! — скомандовал он.

— Нет времени, я должен...

— Сканируй!

— Нет значков. Не персонал. Не уполномочены.

— Кто-то из них должен излучать следующий энергетический рисунок, — начал Другой мягко, — примерно такой... — Он начал развертывать последовательность чередующихся положительных и отрицательных чисел. Отрицательные содержали очертания Другого.

— Сканирую... Есть такой.

— Пометь его и отслеживай.

— Но неавторизованные команды!.. Магнитное поле теряет стабильность.

— Пусть действуют.

Гарден все еще лежал там, где его оставили арабы: на боку, локти связаны сзади, колени и лодыжки тоже опутаны веревками, длинная петля охватывала запястья и лоб, оттягивая голову

назад. Он находился в темном чулане, где-то далеко от реакторного зала.

Дверь за его спиной открылась, пропуская полоску света и какую-то тень. Затем затворилась вновь.

Он попытался повернуть голову и посмотреть, но это движение затянуло петлю на руках и причинило боль. Расслабившись, он уронил голову на цементный пол.

Под потолком зажглась лампочка в проволочной сетке.

— Том?

— Сэнди.

— Мне так тебя жаль.

— Что ему от меня надо? При чем тут я?

— А ты, правда, не понял?

— Нет, и пропади оно пропадом, что бы это ни было!

Она опустилась перед ним на колени и низко наклонилась. Ее глаза изумленно округлились.

— Ты лжешь, Том Гарден. Ты всегда чувствовал в себе силу. Она — за пределами твоих лет, за пределами твоего тела. И ты ясно это ощущаешь, когда прикасаешься к камням. Ты не должен мне больше лгать.

— Только боль — вот, что я чувствую, когда прикасаюсь к ним. Боль, музыка, цвет — это все.

— А что же ты еще хочешь?

— То есть?

— Могушество — это всегда боль. И музыка, и цвет, разумеется. Но прежде всего боль. Вопрос только в том, знаешь ли ты, как этим могушеством пользоваться? Или нет? Или же ты просто скрываешь от нас свое знание?

Она поставила на пол небольшой кейс. Гарден, скосив глаза, рассматривал его: кожаная папка, отделанная зеленым бархатом, что-то типа футляра для драгоценностей. Внутри оказались квадратные конверты из вошеной бумаги, вроде тех, в которых обычно хранятся коллекционные камни. Она вытащила два — наугад, раскрыла, стараясь не дотрагиваться до содержимого, и высыпала на пол осколки того же красно-коричневого камня. Осколки начали подпрыгивать и приплясывать на грязном сером полу.

Еще два конверта, и новые осколки, присоединившись к первым, начинают приплясывать. Один, подпрыгнув, коснулся его щеки. Все тело пронизало острой болью.

Еще два конверта... Теперь уже стало ясно, что камешки не собираются успокаиваться. Они кружились перед его лицом под действием собственной кинетической энергии, вертелись и под-

прыгивали, выстраиваясь в некое подобие шара... А Сэнди подсыпала все новые и новые, стараясь не дотрагиваться до них. Каждый осколок, касавшийся в своем странном танце его щеки, подбородка, зажмуренных век, лба, казался Тому острием раскаленного ножа. И ни один не отскакивал прочь, словно был притянут магнитом.

— Что это, Том?

— Камни.

— Чьи камни?

— Я... Я не знаю.

— Чьи?

— Старика? Кого-то из Рыцарей Храма?

— Ты гадаешь! Говори: чьи камни?

— Ну — мои!

— Почему твои?

— Потому что они прыгают ко мне!

Пустые конверты лежали у нее на коленях, как осенние листья. Внезапно они тоже зашевелились. Осколки подхватили этот ритм, и Том тоже почувствовал его своими ободранными локтями, бедром, коленом. Пол дрожал, словно его распирало энергией. Сферическое тело, составленное из пляшущих осколков, поднялось в воздух и повисло перед его глазами.

— Останови их, — попросил он.

Сэнди в изумлении откинулась назад.

— Это не они, — сказала она спокойно, но голос ее почти утонул в низком ропоте. — Это пол.

Позади него распахнулась дверь чулана. Гарден ожидал, что сейчас ворвутся разъяренные арабы. Вместо этого он почувствовал волну невыносимого жара.

— Магнитный конверт расширяется слишком быстро, — бесстрастно сказал ИскИн.

— Удвой скорость дейтритовой инъекции, — приказал Другой. — Компенсируй поле.

— Процедура противопоказана, — запротестовал ИскИн.

— Компенсируй, — настаивал Другой. — Увеличь частоту лазера и скорость подачи топлива.

— Требую правильной последовательности кодов.

— Лямбда-четыре-два-семь, — подсказал Другой.

— Увеличение детонаций. Пожалуйста, введите желаемый размер конверта.

— Радиус два километра.

— Возражаю...

— Лямбда-четыре-два-семь. Игнорируй.

— Компенсирую.

Золотые волосы Сэнди сделались красными и рассыпались белым пеплом. Ее кожа запеклась и покрылась красными трещинками, которые вновь запекались и вновь трескались. Она закрыла глаза, и веки ее, вспыхнув, превратились в дым.

— Нет! — Этот крик вырвался из горла Гардена и потонул в реве раскаленного воздуха, врывающегося в дверь.

Кем бы ни была Александра Вель — похитительницей, предательницей, возглавлявшей всю эту свору его преследователей, — прежде всего она была его любовницей. Если бы кто-то когда-то прежде сказал ему, что она станет старой и дряхлой, что она заболела раком или другой смертельной болезнью, погибла в катастрофе... он принял бы это всего лишь со вздохом. Но видеть, как она рассыпается в прах, было выше его сил.

— Нет!

Томас Гарден спиной вобрал в себя огненный жар, сфокусировал глаза на бешеной пляске камней и *пожелал*, чтобы этой боли *не было*.

Локи остался доволен результатами контакта с этим новым големом, или «искусственным интеллектом», как тот сам себя называл. Это был крайне исполнительный слуга. Когда подконтрольная ИскИну энергия наконец вырвалась и уничтожила его, Локи уже был готов.

Его сознание промчалось по световоду и влетело прямо в огненный водоворот на том конце кабеля.

В вихре бушующего пламени Локи нашел куски, осколки, обрывки сознаний других людей. Они были парализованы паникой и темным ужасом. «И поделом, — подумал Локи, — поменьше бы играли такими энергиями, о которых даже элементарного понятия не имеют». Не испытывая ни сострадания, ни сожаления, ибо он не имел ни того, ни другого, Локи подбирал одну за другой эти крошечные частички. Каждую он подносил к своему хищному волчьему носу и тщательно принюхивался.

Ненужные он тут же отбрасывал, и они погибали в облаке остывающей плазмы.

Найдя наконец того, кого искал, он взлелеял его и укрепил его силы.

— Идем, Сын мой! — приказал он.

Бледная тень Хасана ас-Сабаха выскользнула откуда-то и последовала за ним, как душа, покорная Богу, возносится в рай.

Что-то заскулило среди конденсирующихся частиц пара и последний раз привлекло внимание Локи. Да, для этой там тоже найдется место.

— Идем!

КОДА

«Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?»

(Исход, 2:14)

Четыре измерения определяли тот континуум, который Томас Гарден принимал как данность, с которым согласовывал свое восприятие. Три пространственные оси — x , y и z . Одна — временная, t .

Всю жизнь Гарден плавал в трех измерениях, как хотел. Силою собственных мышц или механизмов он отталкивался от поверхностей или жидкостей. В зависимости от количества энергии, содержащейся в глюкозе, бензине, реактивном топливе, уране-235 или дейтериево-третичевой смеси при температурах синтеза, он мог покрыть любое расстояние за то количество времени, которое считал необходимым.

Но в четвертом измерении, во времени, он всегда был беспомощен, как муха в янтаре. Ни одна скорость, которой он мог достичь — по крайней мере с помощью устройств и энергий, доступных в двадцать первом веке, — не в силах была изменить поток времени, идущий через его янтарный пузырек.

И даже при релятивистских скоростях, которых он мог бы достигнуть в межзвездных путешествиях, течение местного времени — времени внутри его пузырька — не менялось ощутимо. Спектр света за иллюминаторами корабля мог сместиться к красному и угаснуть. Там, снаружи, круговерть атомов могла замедлиться до плавного вальса, и мелодия, завершившись, слилась бы в единую чистую ноту. Но внутри корабля время все так же ползло бы мимо Тома Гардена со скоростью дюжины вздохов и семидесяти двух ударов сердца в минуту, порой у него болело бы горло, порой — нет, и медленно, неостановимо морщины появлялись бы на его лице.

Его собственное чувство времени всегда оставалось бы неизменным, с какой бы скоростью ни пытался он убежать.

Итак, первой связной мыслью Тома Гардена была мысль о том, что *мертвые* находятся вне четырехмерного пространства

времени. Смерть — иное место, да и не место совсем. Смерть — это окончательная абстракция.

И никогда — ни-ког-да — время не идет вспять. Ни Гарден, ни какой иной человек не в состоянии вернуться в то время, которое было и прошло, с таким же успехом он мог бы попытаться сесть позади самого себя.

Итак, даже в смерти Том Гарден должен продолжать движение вперед во времени... Разве нет? Он должен прибыть в это место, пройдя путь от ближайшей точки «там позади», приближаясь к ближайшей точке «там впереди». Как всегда. Верно?

Второй связной мыслью Гардена было: все люди из снов — это он. И все они умерли, но *личность* его продолжала движение вперед.

Во всех прошлых жизнях он сражался мечом и пистолетом и голыми руками. Он покупал и продавал конину и бриллианты, ценные бумаги и земли, подержанные автомобили и сомнительную живопись, наркотики и крепкие напитки, музыку. Он занимался любовью и делал детей, писал сонеты, делал вино и карьеру и покаянные жесты. Он плел любовные интриги, рыбацкие сети и паутину лжи, тонкие видения и грубые сны. Он сеял пшеницу, кукурузу и панику, разводил телят, гладиолусы и канитель, возводил соборы и напраслину. Он тратил деньги и время, молодые силы и отцовские наследства. Он считал часы в залах суда и приемных врачей, на вокзалах и в аэропортах. Ходил на деловые встречи и похороны, поминки и маскарады, поднимался на вершины и падал в пучину отчаяния. А однажды он отправился в Святую землю, чтобы умереть там.

Третьей связной мыслью Тома Гардена была мысль о том, что ему это место знакомо. И хотя он понимал, что время никогда — ни-ког-да! — не идет вспять, он в тот же миг осознал, что этой дивной зеленой долины, окутанной утренним туманом, который стелется над журчащим потоком, спускающимся с гор и впадающим в озеро, вот уже девять веков как не существует.

И опять он лежал на боку, прижавшись к земле плечом и коленом, локтем и бедром. Руки его были стянуты за спиной. Широко распахнутыми глазами он смотрел на зеленые ростки с точки зрения жуков и червяков.

— Теперь ты вспомнил?

Голос принадлежал Хасану — Харри Санди. Он говорил по-английски — на хорошем английском, несколько нараспев и по-прежнему насмешливо. Но теперь Гарден, прислушавшись повнимательнее, уловил в этом голосе печаль, словно Хасан говорил с тяжелым вздохом.

Гарден повернулся и шевельнул руками — ничто не сдерживало его движений. Веревки остались там, в чулане возле реакторного зала электростанции «Мэйс Лэндинг».

Он поднял голову, перевернулся и встал на четвереньки. Теперь он был готов к тому, чтобы нападать или уклоняться от удара — в зависимости от действий Хасана.

А Хасан стоял на плоском утесе, опустив руки, подняв голову, выпятив грудь и закрыв глаза — как ныряльщик перед прыжком.

— Я помню, — сказал Гарден, медленно поднимаясь. — Ты о Камне, да?

Хасан открыл глаза:

— Да, будь он проклят. Девять столетий я берег его осколки. Я исследовал их, молился над ними, пропускал через них электричество и помещал в магнитное поле, мысленно обращался к ним и смотрел на них. И все равно они оставались лишь осколками агата.

Снова и снова сквозь годы я находил тебя в новых твоих обликах. Я проверял твою реакцию на легчайшее прикосновение к крошечным обломкам Камня. И реакция твоя всегда была чрезвычайно острой.

Что такое этот Камень, если он наделяет тебя такой силой? И кто такой ты, если из всех людей на Земле Камень служит только тебе?

Гарден обдумывал этот вопрос две минуты, или, возможно, два года.

— Я — тот, кто похитил Камень, — сказал он.

— Да, теперь я припоминаю твою историю... Ты — Локи?

— Нет, лишь частица первичного духа, которой люди некогда дали это имя. В моей отцовской ипостаси много имен на многих языках: Шанс, Пан, Пак, Старый Ник, Кихот, Люцифер, Шайтан, Мо-Куи, Джек Фрост. Я — непредсказуемый, неожиданный, своенравный, порой — злонамеренный, и потому — почти всегда — нежеланный. И я всегда появляюсь внезапно.

— Что случилось с Локи после того, как он — ты — похитил Камень с небес? — спросил Хасан.

— Он попытался использовать Камень, чтобы помочь людям в их битве с богами... Люди всегда, рано или поздно, восстают против своих богов. Им всегда хочется узнать, понять и подчинить то, что над ними. Они не могут удовлетвориться тем, что имеют, оставить мир в покое, принять его как данность... Камень — сила творения. Камень дает человеку, который владеет им, власть над пространством. А затем он дает ощущение потока

времени, позволяет сворачивать из одного рукава этой реки в другой.

— Что случилось с Локи? — повторил Хасан.

— Ему наскучило помогать людям, и он вернулся к прежнему занятию — вмешиваться в дела Эзеров, по-вашему — богов, — ответил Гарден. — Он стравил двух близнецов, Ходера и Бальдра, да так, что те убили друг друга. Поскольку Ходер был любимцем Одина, одноглазый ублюдок велел приковать Локи к скале в центре мира, вокруг которой кольцами свернулся змей с Астарда. Змей плюется ядом в глаза Локи, и тому это не нравится.

— И никто ему не поможет?

— Одна из дочерей Локи, Хел, богиня мертвых, когда она не слишком занята, держит перед его лицом чашу, пытаясь поймать брызги яда. Но порой ей приходится опорожнять чашу.

— И все это — вечно?

— Разве есть для богов иное измерение времени?

— Ты помнишь много, Том Гарден.

— Я помню, что обломки моего Камня — у тебя, — сказал Гарден. В голосе его не было никаких эмоций.

— А разве Александра не отдала их тебе? Когда ты лежал связанный в...

— Она высыпала передо мной лишь десятую часть. — Гарден простер руки, и перед ним повисли пляшущие осколки. Сфера около двадцати сантиметров в диаметре вращалась вокруг яркого пятна энергии, излучая красновато-коричневое сияние. — Где остальные?

— Остальные я использовал все эти годы, чтобы соблазнить тебя, — ответил Хасан. — Кусочки, вплавленные в хрустальную подвеску, вставленные в перстень или в эфес шпаги...

— И сила этих осколков теперь принадлежит только мне. Но их было больше. Шесть крупных фрагментов...

— У меня их похитили тамплиеры. Много лет назад.

— Но Сэнди забрала их у старика. Я взял у нее, а ты снова вернул их себе. Когда мы встретились последний раз, на термоэлектростанции, ты положил их к себе в карман. — Гарден показал на шаровары палестинца.

— Да, действительно. Интересно, не повредило ли им путешествие сюда? — Хасан сунул руку в задний карман и достал плоскую коробочку. — Ага! Вот они.

— Ты должен отдать их мне.

— И позволить тебе завершить создание энергетического шара? — Хасан указал пеналом на пляшущие осколки. — Ты, должно быть, решил, что я дурак?

— Ты не сумеешь воспользоваться ими, Хасан. Не сможешь уничтожить их. И тебе не удастся забросить их в недоступное для меня место. У тебя только один выход — вернуть их мне.

Впервые Хасан ас-Сабах казался неуверенным в себе. Он опустил взгляд на пенал.

Гарден потянулся за камнями — не руками, но силой, исходящей из него.

В то же мгновение Хасан прижал коробочку к животу, прикрыв ее щитом своей ауры.

— Их тяжесть придавит тебя к земле, Хасан. Ты не сможешь сражаться, будучи столь отягощенным.

— А ты не сможешь двинуться с места, пока поддерживаешь вращение остальных осколков, — парировал палестинец.

— Ты всего лишь человек, Хасан. Да, ты жил долго и многое узнал за эти годы и столетия. Но против меня ты бессилен.

— Однажды я размазал тебя по земле, глупец!

— Это была моя собственная сила, Хасан, которую ты обернул против меня. Своей силы ты не имеешь.

— Ты недооцениваешь слезы Аримана. — Из того же кармана Хасан извлек сосуд дымчатого стекла.

Интересно, что у него еще в этом кармане? Или же это своего рода портал, ведущий в тот мир, который они оба покинули?

Держа коробочку в левой руке, а сосуд в правой, Хасан зубами выдернул пробку. Запрокинув голову, он поднес сосуд ко рту и выпил граммов тридцать прозрачной жидкости. Когда-то Хасан говорил, что одна капля дает ему пятьдесят лет жизни. Интересно, сколько жизненной силы даст ему этот глоток?

— Ты говорил, что истинные слезы Аримана давным-давно высохли, — сказал Гарден, — значит, тебе приходится самому готовить этот эликсир. Какова же его формула?

— Поскольку тебе это все равно не поможет, я открою секрет. За основу я беру слезы матерей и юных вдов, чьи сыновья и мужья погибли в бессмысленных войнах на чужой земле; я выделяю из этих слез страдание, чистое, как кристаллическая соль. Я добавляю туда настойку из крови убиенного младенца; она защищает меня от агрессии. Для укрепления сил я капаю туда пот отца, который в дьявольской злобе забил до смерти собственное дитя. Я собираю эссенцию из всех возможных способов, посредством которых один человек отравляет или укорачивает другому жизнь: запах юной девушки, совращенной собственным братом; семя юноши, растраченное в веселых кварталах, и желчь родителей, надеявшихся отделаться от них обоих. Вот мой эликсир —

совершенная копия слез, пролитых Ариманом над творением Агуры Мазды — миром юности и красоты.

Произнося эти слова, Хасан рос на глазах. Его грудь выпячивалась, словно зреющая тыква. Плечи раздавались вширь, как ветви дуба. Голова поднималась, как цветок подсолнуха за солнцем. Руки сжимались, подобно корням прибрежной сосны, охватывающим камень. Огромные пальцы левой руки стиснули коробочку с шестью осколками, и пластиковые стенки хрустнули, как яичная скорлупка. Камни, выскользнув из поролоновых гнезд, просыпались между узловатыми пальцами.

Легчайшим движением Гарден перехватил их. Они поплыли от Хасана по длинной S-образной траектории и заняли свое место среди вращающихся собратьев.

Из опыта многих жизней Том Гарден узнал многое, то, о чем Томас Амнет, Рыцарь Храма, даже не подозревал.

При всей своей искушенности в европейских политических, финансовых и религиозных тонкостях Томас Амнет оставался человеком своей эпохи. Стремления его были прямолинейны, вкусы незатейливы. Он выучился сражаться широким мечом, колоть и рубить, бросаясь вперед всем телом, как кабацкий скандалист. Его магия основывалась на грубых принципах точки опоры и рычага: нажми здесь, и там возникнет истина. Но сложная ритмика джаза, острое воздействие лизергиновой кислоты, парадоксальная техника айкидо — все это было скрыто от крестоносца.

Для Томаса Гардена эти сложнейшие реалии были жизнью. Дюжиной пар глаз следил он за суровым процессом становления человеческого духа, за теми проблемами, с которыми Европа и Новый Свет сталкивались по крайней мере с семнадцатого века. Все это началось (словно картинка вспыхнула перед мысленным взором), когда джентльмены отказались от своего утреннего пива и зачастили в местную кофейню, разрабатывая великий проект Просвещения. За этим последовали полифоническая музыка, словари, дифференциальное исчисление, комедии нравов, труды Спенсера, жаккардовое ткачество, орфография, паровой двигатель, венские вальсы, ударный капсюль и барабанный механизм, окопная война, внутреннее сгорание, четырехтактная гармония, синкопирование, кристаллический метамфетамин, двоичное исчисление, искусственные спутники, волоконная оптика, газовые лазеры и девятизначный персональный код.

И теперь как мог Хасан, древний человек из убогой палестинской пустыни, выстоять против того, что Том Гарден знал, умел, против того, кем он стал.

Впрочем, он мог попробовать.

Хасан, пропитанный энергией своего яда, запустил в Гардена заряд. Молния вонзилась в сердце шара, как лазерный луч в дейтритовую смесь. Шар поглотил ее, и камни закружились быстрее.

Хасан содрогнулся и выбросил еще один заряд энергии, непосредственно из четвертого узла, расположенного за сердцем. Он целился высоко, рассчитывая миновать шар и попасть Гардену в голову. Том легко поднял руки, заслонившись осколками Камня. И снова шар вобрал в себя заряд. Диаметр его увеличился еще на пять сантиметров, и осколки закружились еще быстрее.

— Разрушение Камня, как видно, было ошибкой, — заметил Хасан.

— Сущность разделенная остается сущностью, — согласился Гарден.

— Ты сам в это не веришь, Томас Гарден. Западная наука превратила твой разум в пленника физических законов. Ты скоро поймешь, что не способен игнорировать законы сохранения массы и энергии.

Хасан испустил еще один импульс, и снова камни вобрали его, закружившись быстрее. Гардену пришлось раздвинуть руки.

— Чтобы вместить энергию, требуется расход энергии, чтобы поддержать массу, нужна масса, — издевался Хасан. — Пока ты еще в состоянии ее поддерживать, но следующий удар раздавит тебя.

Палестинец швырнул свой последний выдох, последнюю волну энергии, и шар вобрал ее. Но ядро уже не могло больше притягивать бешено вращающиеся осколки. Они разлетелись по касательной, как шрапнель.

Ядро рассеялось, словно газовое облако при взрыве сверхновой. Его энергия истончалась, гасла и наконец совсем исчезла, растворившись в воздухе.

— Бедный мальчик, — проворковал Хасан. — Теперь ты совсем беззащитен.

Жерар де Ридефор выбежал из душного сумрака королевского шатра на ослепительный свет палестинского солнца. Пение мусульман поднялось еще на полтона, как пение цикады в жаркий полдень.

Кольцо рыцарей, защищавших королевский шатер, все теснее сжималось вокруг разбитого колодца. Люди слабели на глазах, буквально таяли в своих тяжелых металлических кольчугах и

шерстяных плащах. Они висели на щитах, которые должны были защитить их от океана смуглых лиц и длинных кривых сабель.

Великий Магистр Храма набрал в грудь воздуха, чтобы обратиться с ободряющей речью к воинам, составляющим всю мощь Латинского королевства Иерусалим. Но слова застряли у него в горле, и он обреченно выдохнул. Эти люди едва держались на ногах. Достаточно одного броска сарацинской орды, чтобы смять их ряды, убить, взять в рабство.

Тень скользнула по лицу Жерара — крыло смерти?

Он поднял голову.

С запада на солнце напоздало облачко. Когда оно прошло, вслед за ним появилось еще одно, большое и темное.

Порыв ветра взбил пыль у ног магистра.

Ветер был западный. Грозовая туча — пенно-белая сверху и иссиня-черная снизу — пришла со Средиземного моря. В этих горных долинах от летнего зноя испарялась любая туча. А в этом месяце жара стояла небывалая.

На глазах у Жерара отдельные облака начали сливаться, концентрируясь в грозовой фронт. Сам не зная зачем, он повернулся на восток, туда, куда ушло первое облачко. Оно плыло к Галилее, к тому самому морю Галилейскому, где некогда ловили рыбу ученики Иисуса. Ветер разорвал завесу пыли, скрывавшую все эти дни чистую водную гладь. И Жерар увидел, как блестит серебристая поверхность, словно полоска металла, вплавленная в горизонт. Облака, казалось, притягиваются к этой полоске, как к магниту.

Еще одно облако вороновым крылом пронеслось над головой, и воздух вокруг Жерара заметно похолодел. Это было странно: ледяное дыхание марта вторгалось в знойный июльский день.

Рыцари вокруг Жерара, разморенные жарой и измученные жаждой, подняли головы, оглядываясь, словно очнувшись от лихорадочного бреда.

Сарацин охватила дрожь. Восходящий ритм их пения сбился.

* * *

Палестинец напрягся, мышцы груди и живота вздулись, готовясь послать еще один заряд. Глаза заблестели — он воспрял, возбужденный эликсиром и видимым поражением Гардена.

Том Гарден безучастно ждал. Руки его безвольно повисли. Колени были слегка согнуты, ноги чуть расставлены. Ступни

развернуты на песчаной почве под углом сорок пять градусов друг к другу. Для Хасана, надувавшегося для смертельного удара, такая поза врага означала покорность судьбе и ожидание надвигающейся тьмы, она лишь усиливала уверенность в победе. Но даже для новичка в боевых искусствах, едва приступившего к изучению путей «ки», эта стойка была бы сигналом тревоги. Гарден сделал долгий медленный выдох.

Хасан согнулся и послал через разделяющее их пространство последнюю волну энергии. Внутренним зрением Гарден видел этот заряд, имевший тупую форму крупнокалиберной пули, чей закругленный конец целился в его незащищенную голову. Голубая пуля приближалась с невероятной скоростью, приобретая все более интенсивную окраску, когда вдруг...

Гардена там просто не стало. Он не переступил ногами. Не качнул бедрами. Spина его не согнулась. Голова не склонилась. Но внезапно его не оказалось там, куда летела убийственная волна.

Поток энергии вонзился позади Гардена в маленькое деревце, засушив его на корню и обуглив кору. Зеленые листья рассыпались пеплом.

Хасан быстро надулся и послал еще одну, более слабую волну в сторону Гардена.

Заряд достиг цели и почти охватил Тома. И снова, не сделав ни единого движения, тот отпрянул в сторону.

Хасан сделал вдох перед новой атакой.

Помедлил.

— Ты должен стоять и защищаться! — крикнул он.

— Кому это я должен?

— Ты не сможешь уворачиваться до бесконечности.

— Ты что, действительно в это веришь?

Хасан запустил третью волну.

И снова Гарден ускользнул.

— Это неостроумно, — проскрипел Хасан.

— Полностью согласен.

— Тебе не победить меня с помощью этих штучек.

— А мне и не нужно побеждать. Главное — не проиграть.

— Стой и дай мне убить тебя.

— Зачем?

— Чтобы развязать эту временную петлю.

— В чью пользу?

— В пользу того, кто останется в живых.

— Ты еще будешь молить о смерти.

Вместо ответа Хасан напрягся, извлекая остатки силы из

самой глубины своего существа. Было ясно, что он истощен. Грудь уже почти не вздымалась, мышцы живота оставались плоскими. Зрачки сузились от напряжения, фокусируясь там, где стоял Гарден. Том понял, что Хасан мысленно старается растянуть волну, чтобы охватить Гардена с обеих сторон, куда бы он ни переместился. Но атака, даже психическая, имеет один недостаток: ее нельзя направить в три места одновременно.

Хасан выстрелил. В последний момент он сменил прицел, выбрав не то место, где стоял Гарден, а пустоту слева от него.

Гарден переступил, не переступая, вправо. Не умение угадывать было залогом его успеха. Просто он воспринимал происходящее со скоростью мысли и реагировал мгновенно.

Хасан, лишившись сил, упал на колени на краю утеса. Голова его опустилась. Эликсир Хасана, как и собственные природные силы, был почти полностью исчерпан.

В три прыжка Гарден пересек разделявшее их пространство, достиг подножия утеса и легко вскарабкался наверх. Столь же мгновенно он выбросил руки, обхватив Хасана сзади за шею. Том откинулся назад и одновременно рванул стиснутыми руками вперед и вниз.

Хасан полетел с утеса. Не успев даже вытянуть руки, чтобы смягчить падение, он ткнулся лицом в песчаный берег ручья. И следом неловко упал. Хрустнули шейные позвонки.

Но и это не убило Хасана.

Когда он попытался подняться, нелепо вывернув шею, Гарден нанес ему удар ногой, снова отбросив лицом в песок. Шея Хасана хрустнула, на этот раз отделив тело от энергии мозга.

Но и это не убило Хасана.

Гарден поставил ногу ему на затылок и вдавил лицо глубже в песок.

— Любуйся теперь творением Агуры Мазды, — нараспев произнес Гарден. — Любуйся и рыдай!

Хасан вдохнул песок и подавился. Судорожная дрожь — единственное, на что способно было его тело, — не утихала целое столетие. Когда же он наконец окончился, эта точка пространства — три пространственных измерения и одно временное — в зеленой долине у Галилейского моря исчезла. И вместе с ней исчез Том Гарден.

Грозовая туча, низко плывущая над скалами Гаттина, казалось, порвала брюхо о два острых рога. Первые тяжелые капли дождя начали гулко шлепаться на землю.

Что-то ударило Жерара по голове. Он решил, что это камень, запущенный из сарацинской пращи, но тут же ощутил хо-

лодную влагу, стекающую на лоб. Воздух, такой тяжелый и удушливый еще несколько минут назад, теперь, остывая, становился нормальным, прозрачным и легким.

Мусульмане растерянно озирались по сторонам, по их сожженным рядам пронесся стон.

— Вперед, друзья. — Жерар не знал, кто это произнес. Голос был мягкий, возможно, его собственный. Но он слышал эти слова как бы со стороны.

— Вперед! — закричал он. — В атаку!

Рыцари изумленно посмотрели на него. Потом переглянулись.

— Бейте их! Гоните с холма!

Слева от него норманнский меч, прямой, как геометрическая линейка, взлетел и врезался в гущу надвигающихся сарацин. Меч раскроил кому-то череп, и мусульмане издали слабый ропот протеста.

Еще один меч, описав короткую дугу, снес смуглую голову с плеч.

С нарастающим воплем, ловя дождь раскрытыми ртами, христианские рыцари ринулись вперед, расчищая себе путь мечами. Первая линия сарацинской пехоты, застигнутая врасплох, отступила на шаг — и наткнулась на кольцо воинов сзади. Передние валились назад, принимая удары атакующих французов. Воины, стоящие во втором ряду, придавленные умирающими соратниками, беспомощно принимали новые удары рыцарей. Израненные и растерянные, сарацины отхлынули назад. Рыцари уже набирали ритм боя, раздавая удары направо и налево, наступая и снова рубя, рубя... Французы продвигались, расстояние между рыцарями увеличивалось, и теперь они ловко орудовали своими каплеобразными щитами, тесня сразу нескольких противников. Охлажденные дождем и воодушевленные первым успешным натиском, христиане устремились вниз по склону. Сарацины побежали.

— Вперед, друзья! Рубите их! — вопил Жерар. Вскоре он уже остался один на широком пространстве перед красным шатром. Его воины бились без него. Дрожа от нетерпения, он выхватил меч и бросился за ними.

...В музыкальном салоне отеля «Джезу Рекс», повернувшись спиной к застекленному парапету с видом на иерусалимский Новый город, Том Гарден играл свой любимый джаз.

Заходящее солнце окрасило небо в розовые и золотые тона.

Со шпилья мечети Саладина доносился усиленный динамиками голос муэдзина. Но через двойное закаленное стекло Гарден едва мог уловить ритмы этого крика. Его музыке они не мешали.

Вошел Ахмед. Заказав имбирного виски, он приблизился к уютному столику рядом с пианино. Молодой араб подвинул стул и сел. Он кивал, отбивая сложный ритм страйда. И через каждые десять тактов делал глоток через соломинку.

Гарден доиграл мелодию, завершив ее эффектным проигрышем. Минуту спустя, когда музыка затихла и в салоне возобновилась беседа, он повернулся к Ахмеду:

— Ну, эфенди? Дело выгорело?

— Осталось только получить деньги.

— По двум счетам на аренду? С перспективой на сорок миллионов баррелей?

— Точно. Как ты и предсказывал. Я твой должник, Том.

Фирма «Кохен и Сафуд», в которой Ахмед был младшим партнером, продавала в Ливан больше нефти, чем «Ройал датч шелл». Том Гарден не был главным действующим лицом в только что состоявшейся сделке, но он упомянул несколько нужных имен и вовремя замолвил словечко.

Гарден улыбнулся и сыграл короткий марш в качестве поздравления.

— Как ты хочешь получить свою долю, Том?

— Закинь на счет.

Ахмед казался удивленным:

— На какой? В казино, что ли?

Том Гарден щелкнул языком:

— Не-е... Пьер Бутель открывает в Хайфе филиал фабрики бытовых роботов. Слышал, что он ищет партнеров.

Ахмед присвистнул:

— Все, до чего он дотрагивается, превращается в песок.

— Суровый опыт должен сделать из меня честного капиталиста.

— Роботы всех стран, соединяйтесь...

— Ну, примерно так.

Том повернулся к клавиатуре, проиграл плавное вступление к Бассуну и начал *sotto voce* — нечто свободное и блуждающее.

— Когда-нибудь я откажусь от полной ставки музыканта, честное слово.

— Эй, не делай этого, Том! — запротестовал Ахмед. — Сидя тут, ты знаешь обо всем больше, чем кто-либо в этом городе. Если ты уволишься, как я буду делать деньги?

— Ну, например, займешься сельским хозяйством. В кибуце старины Самуила освободилось место управляющего.

— Оставь сельское хозяйство интеллектуалам. Лучше уж я буду скромно торговать нефтью.

— Ну, тогда научись играть на своем фортепьяно.

— У меня руки для этого не годятся. Не то что у тебя, Том.

Гарден рассмеялся и обернулся, чтобы посмотреть на свой город. Он может сколько угодно грозиться, что бросит играть на пианино, но он знал, что будет играть здесь еще лет 900. Этот город его вполне устраивал.

— Не убирай ее!

— Но чаша полна!

Александра наклонила сосуд и вылила его содержимое на каменный пол. Оно растеклось ручейками.

Александра старалась выливать быстро, но, когда спешила, жидкость попадала на пальцы. Если же она медлила, жидкость переливалась через край ей на колени. Яд разъедал кожу, это она знала по опыту.

Хасан замычал и принялся извиваться в своих оковах. Александра снова поднесла чашу к его лицу.

Как раз в это время у змея, кажется, иссякла ядовитая слюна, и он закрыл пасть. Один огромный янтарный глаз уставился на Сэнди с каким-то насмешливым выражением. Если бы толстая кожа чудовища обладала большей подвижностью, Сэнди сказала бы, что змей смеется. Или, во всяком случае, посмеивается.

Александра ни на миг не осмеливалась опустить чашу ниже, какой бы тяжелой она ни казалась, как бы ни затекали руки. Змей был чрезвычайно проворен.

И как раз в тот момент, когда руки ее опустились и чаша выскользнула на пол, открыв изъеденное язвами лицо Хасана, змей раскрыл рот, выпустив струю яда, как из пожарного шланга.

Хасан завопил, как обычно, и она вскинула руки с чашей.

— Прости! — прошептала она.

Крошечные брызги яда, сорвавшись с краев чаши, попали ей на руки и в лицо.

Теперь, когда глаза Хасана были прикрыты от прямого попадания струи, Александра могла бы стереть брызги подолом юбки. Но чашу приходилось держать обеими руками.

Чаша снова наполнилась.

- Не убирай ее! — взмолился он.
- Но чаша полна!
- Не убира-а-ахх-гхх-ахх!

— Ха-ха! Ха-Ха-ХААХХ!

Локи летел среди звезд, освободившись наконец от проклятия одноглазого Одина. Переполнявшая его радость вылилась наружу чистым смехом...

И это было удивительно!

Локи — Хитрец. Локи — Обманщик. Локи — Многоликий... Никогда из него не исходило ничего чистого, ласкового и безопасного. И лишь теперь, провернув самую большую аферу в своей жизни, он излучал чистую радость.

Нет, решил он, все-таки не совсем чистую.

Поднимаясь вверх, к холодному вакууму, он оставлял на этой планете, Земле, много незавершенных дел. Он так долго предавался вынужденному бездействию, что даже бессмертному разуму было трудно это представить. И все же выходить из игры сейчас означало бросить ее на середине, когда победитель еще не назван.

Да и сама его победа оставляла впечатление незавершенности. Так много бесплодных попыток. Так много тупиковых вариантов. Столько мертворожденных начинаний, ненужных поражений. Такая ухабистая дорога к намеченной цели была едва ли достойна и смертного, не говоря уж о Боге.

Всего миллисекунду длились колебания Локи, затем он круто развернулся и направился домой.

Когда он уже врзался в изгиб земного притяжения, ветренная радость последний раз охватила его.

— Ах-хах!

ВЗРЫВ

Пим!

Пим!

Пим!

Пим!

При таком давлении и температуре протоны являют собой крохотные твердые ядрышки, каждое из которых составлено из кварков, разнообразных по форме и весьма непростых. В зависимости от вашей точки зрения вы можете считать кварки или строительным материалом, или переходным этапом между материей и энергией. В любом случае выбор за вами.

Поскольку протоны обладают положительным зарядом — опять же термин, используемый лишь в земных лабораториях или при описании электрической цепи, — и поскольку одноименные частицы отталкиваются друг от друга с силой, превосходящей человеческое понимание, протоны после столкновения немедленно разлетаются в разные стороны.

Стоит заметить, что каждый протон в среднем должен сорок триллионов раз столкнуться с себе подобным, прежде чем что-либо может произойти. При частоте столкновений сто миллионов в секунду, при огромном давлении и невероятной температуре в среднем один протон из ядра звезды может раз в четырнадцать миллиардов лет изменить свою физическую структуру, а такой промежуток времени в три раза превышает возможную продолжительность жизни звезды. Посему затерявшийся в недрах звезды обычный протон, скорее всего, будет вести напряженную, но небогатую событиями жизнь, прыгая словно теннисный мячик.

Однако один раз в сорок триллионов лет два протона при столкновении соединятся. Один из них испустит позитрон, или положительно заряженный электрон, и нейтрино, похожий на фрагмент субатомного соединительного вещества, превратившись в нейтрон.

Поскольку позитивно и нейтрально заряженные частицы могут держаться вместе, они образуют ядро дейтерия, или «тяжелого» водорода, так как к ядру добавился нежданный нейтрон.

Всякий может предположить, что, если уж слияние протонов столь диковинная вещь, следующим этапом непременно будет их распад. И действительно, в одну стомиллионную долю секунды ядро дейтерия с веселым стуком разлетится. Нейтрон, прорвавшись сквозь густые ряды окружающих частиц, достигнет позитрон и нейтрино, которые за столь небольшой отрезок

времени не успеют убежать далеко, подберет беглецов и продолжит жить как полноправный протон.

Но этого не будет. Союз протона и нейтрона длится около шести секунд, или всего-навсего шестьсот миллионов столкновений, пока к ним не присоединится еще один протон.

БАМ!

При столкновении частицы не изменятся, однако испустят заряд энергии: нейтральный, лишенный массы фотон, пульсирующий на высоких частотах гамма-излучения. Фотон полетит своим путем, оторвавшись от вновь образовавшегося ядра «легкого» гелия, ибо до нормальной структуры ему недостает одного нейтрона.

Этот испущенный фотон, похожий на излучение гамма-луча, не примет больше участия в различных комбинациях. Отпущенный на свободу во время первого столкновения позитрон скоро столкнется со свободным электроном из плазменного поля и исчезнет вместе с ним. В ходе аннигиляции еще парочка фотонов, излучающих гамма-радиацию электромагнитного спектра, отправится в путешествие.

Итак, пока внутри звездного ядра шесть протонов образуют в течение долгого срока ядро гелия и два свободных протона, на волю попадут три заряженных мощной энергией фотона.

Три искорки света вспыхнут на значительном расстоянии и в разных временных интервалах среди триллионов прочих столкновений, не испускающих зарядов энергии, подобных сакраментальному «пим!». Эти искорки затеряются в толще настолько густой и темной материи, что сами атомы растеряют там электронные облака и поплывут подобно кинетической плазме. Разве вы не знаете, что ядро желтой звезды G-класса темнее, чем самая темная точка пространства?

Темнее, но не холоднее. На своем пути три энергетических фотона добавляют свое тепло к жару звезды, отталкиваясь от протонов и легких ядер гелия.

У хаотично движущихся фотонов нет определенного направления движения. Каждый фотон ударяется и отскакивает от больших частиц, или, говоря научным языком, поглощается и мгновенно испускается подобно сумасшедшему танцору, рвущемуся к двери. Ввиду отсутствия цели ни один из них не может выскользнуть из вихря частиц и отойти в сторонку. Каждый фотон проходит путь величиной в долю сантиметра (еще один термин, применимый только к Земле) до столкновения с новой частицей и отскока в другом направлении.

Хотя основная масса фотонов не помышляет покинуть ядро звезды и направиться в верхние слои, малая часть из них именно так и поступает, являясь представителями «исходящей» энергии, то есть объема теплоты, превышающего уровень, необходимый для поддержания давления и удерживания звездного ядра от коллапса под грузом гравитации верхних слоев. Эти несколько вырвавшихся фотонов покидают мельтешащий хоровод и устремляются к поверхности звезды.

Попав в густые темные слои звездной материи над ядром, каждый фотон продолжает игру лицедейства и перевоплощения, делая шаг вперед и два назад. По мере проникновения в более холодные слои фотон теряет часть своей энергии, и частота вибраций в среднем становится меньше, а длина волны — больше. Некоторые фотоны, хотя, конечно, не все, могут сохранять свой потенциал достаточно долго. В целом гамма-лучи ядра звезды превращаются в средних слоях в рентгеновские, затем в ультрафиолетовые и становятся на поверхности видимым светом, говоря земным языком.

В двух третях пути до звездной поверхности звездные газы охлаждаются с пятнадцати миллионов градусов до двух. Эти холодные газы становятся практически светонепроницаемыми, поэтому расстояние, проходимое фотоном за время его превращений, становится для нас несущественным. В то же время в данной области разность температур между глубинными и поверхностными слоями значительно увеличивается, да и более холодные газы в этой сфере менее густы, а значит, и менее стабильны. Таким образом, горячая материя из звездных недр поднимается ввысь подобно пузырькам на поверхности кипящей воды. Этот процесс называется конвекцией и суть его в том, что более холодная и сравнительно менее густая материя в поверхностном слое звезды оседает вниз, в нескончаемое бурление.

Итак, в густом поле внутри звезды фотоны перестают двигаться скачками, сантиметр за сантиметром, а вместе с резвящимися атомами поднимаются в конвекционный слой, словно на скоростном лифте, едущем к солнечной поверхности.

Всякий фотон, или, будем точны, трек постоянно испускаемых и поглощаемых фотонов тратит около десяти миллионов лет на путь от первоначального столкновения-слияния до исчезновения видимым светом с поверхности звезды. Все это долгое время фотон путешествует вверх-вниз по глубинным слоям и за более короткий период поднимается вверх в темных колоннах кипящих газов, не прикладывая никаких усилий.

Достигнув звездной поверхности, эти колонны, похожие на блистающие перед грозой молнии или на пузырьки на поверхности каши, определяют облик звезды. Вздвигающиеся фонтаны газа расширяются в грибовидные шапки размером с земной штат Техас. Пребывая в непрерывном движении, колонны выбрасывают сгустки горячих газов, подпитывающих хромосферу, и создают вокруг активные магнитные районы, контролирующиеся форму сверхжаркой солнечной короны.

В двух словах можно сказать, что выпуклые на поверхности колонны вздымающегося газа управляют рассеивающимся потоком электромагнитных энергий, наиболее опасных для населения маленькой звездной планеты. Если бы не движения конвекционных слоев под поверхностью, звезда испускала бы свою энергию в едином, неразрывном и однородном свечении.

Именно так, кстати, в течение тысячелетий человечество представляло себе «дневную звезду», их Солнце, их бога Атона, единым, неизменным маяком, постоянным в добросердечии, нерушимым в изменениях, вечным в даровании энергии, постоянным в своей любви.

Естественно, они заблуждались.

Пам!

Пам!

Пам!

Пам!

Первоначальное столкновение одного протона с другим — событие, случающееся раз в сорок триллионов лет, а возникновение позитрона и трех странствующих фотонов — всего-навсего обыденное явление внутри солнечного ядра. Это лишь среднее из всех возможных взаимодействий.

Движение отдельных частиц и фотонов отслеживается вероятностью, наукой, которую будут активно изучать в будущем на маленьком зеленом шарике. Вероятность и законы относительности гласят, что за все время существования Вселенной максимальные и минимальные вершины сходятся и взаимно уничтожают друг друга, приводя все возможные явления к удобному и стабильному среднему в спирали развития. Но это всего лишь одна из картин реальности, рабочее концептуальное определение, а не сама реальность.

Здесь и там, вчера и сегодня каркас реальности рушится. Порой реальный мир оказывается значительно шире и глубже по сравнению со сбалансированным центром. В каком-то месте

и времени весь долгий путь развития Вселенной вдруг оказывается позабытым.

Все возрастающее количество начальных столкновений дает жизнь значительно большему количеству ядер дейтерия и свободным фотонам, нежели один раз в сорок триллионов лет. В таком случае последствия могут оказаться скоротечными и непредсказуемыми.

Бам!
Бам!
Бам!
Бам!

И тут начинается нечто необычное.

Глава 2

ДЕЛЬФИНЯ ЛИГА

Новости!
Хорошие новости!
Добрые вести!
Сенсационные известия!

Среди конвекционных сот в верхних слоях солнечной атмосферы скользит существо, похожее на мыльный пузырек. Сохраняя равновесие, оно движется по вздымающимся колоннам перегретого газа и низвергающимся потокам газов свежееохлажденных.

Конечно же, атмосфера не похожа на газ, состоящий из свободно плавающих атомов и молекул. При температуре порядка пяти тысяч восьмисот градусов солнечная фотосфера оказывается слишком горячей. Повинуясь действию температуры, простые молекулы теряют атомную структуру и превращаются в плазму, поток заряженных частиц: ионы, положительно заряженные протоны, и ядра водорода, отрицательно заряженные электроны. Весь этот колышущийся поток испытывает постоянное давление мощных энергетических фотонов, и фотосфера являет собой симбиоз активности и накопленного потенциала.

Тепло!
Поток!
Энергия!
Подъем!

Сквозь доносящийся из конвекционной зоны плазменный гул, похожий на рев реактивного двигателя или пожарную сирену, на сверхзвуковых частотах слышится голос существа. Эти пульсирующие крики не что иное, как пузырьки, ритмично вырывающиеся из сравнительно легкой по весу плазмы.

Непостижимо, как в этом аду может что-то существовать. Однако между густым, жарким, гамма-излучающим ядром и тонкой, горячей короной видимого света лежит достаточно стабильная область. Порой притяжение друг к другу положительно и отрицательно заряженных ионов может перевесить взаимную неприязнь давления и тепла.

Электроны и протоны, положительные и отрицательные частицы соединяются в постоянном заряде, образуя существо, не похожее ни на атомную решетку, ни на жидкую плазму. Для вашего удобства назовем это явление союзом потенциалов и влияний, а существо — плазмотом. Плазмоты представляют собой магнитные поля различных конфигураций, вихрем несущиеся через солнечную атмосферу.

Возникнув, эти ионные переплетения образуют мембраны и конверты, тихие заводы в бушующем океане гамма-энергий, магнитного течения и конвекционного потока. Плазмоты, таким образом, создают настоящие гавани большей или меньшей густоты, достигая устойчивого положения в этом зыбком массиве. В зависимости от природы возникновения плазмоты движутся или с помощью сжатия и раздувания гофрированных мембран, или помогают себе ударами ионного кнута.

В глубине достаточно спокойных плазмотных конвертов появляются и растут более изысканные структуры. Глубокая тишина, царящая в карманах, вызывает к жизни закодированные последовательности, да — нет, туда — обратно, которые поддерживают жизнедеятельность сложной информационной матрицы. Группы захваченных протонов прерывают и уточняют цифровые величины, придавая им значение и смысл. Свободный поток энергии гамма-излучения, поднимающийся снизу, возбуждает закодированные последовательности, пропускает сквозь них электронные указатели и напрямую управляет процессом сознания.

Плазмоты суть существа чистого, искрящегося знания и обладают только движением и голосом, чья жизненная цель — скользить по полному опасностей и наслаждений миру и обмениваться новостями, чтобы собратья могли услышать и ответить.

Холод!

Поток!

Падение!

Опасность!

Нет для плазмота наслаждения выше, чем скользить в поднимающихся теплых, наполненных энергией течениях по бокам вздымающейся колонны газа, а наибольшая для них опасность таится в узких районах с каждой стороны.

Забираться слишком глубоко в колонну, отыскивая ее светящееся ядро, опасно, это может повлечь разрыв нежных мембран и кармашков плазмота. Колышущийся фонтан перепадов давления ведет к увеличению скорости движения и неминуемой гибели.

С другой стороны, если уйти слишком далеко от колонны, то можно угодить в направленный книзу поток охлажденной материи, текущей между движущимися вверх зернистыми сотами. Подобные конвекционные потоки могут увлечь плазмота вглубь, к ядру звезды, где высокая температура и давление разорвут его нежную магнитно-направленную структуру.

Вот почему плазмоты, подобно верещащим дельфинам умеренных широт, исследуют гексагональные границы конвекционных фонтанов. Они проплывают по ним, предупреждая друга друга об опасностях на своем пути.

Сюда!

Чувствуй!

Расширяйся!

Радуйся!

Словно киты и дельфины, плазмоты резвятся в фотосфере, не зная равных себе. Их формы существования поражают воображение: здесь и пульсирующие мешки, и развевающиеся кнуты, и реактивные струи — с одной стороны; малоподвижные меха, наполненные сложной математической логикой, и необычайно активные пузыри без всякой логики вообще — с другой. Плазматов роднит то, что все они сходятся друг с другом, жизнеспособны, по-своему исключительны и всегда готовы прийти на помощь друг другу.

Плазмоты не строят семейный очаг и не объединяются в кланы, не создают государства или органы управления. У них нет никаких обязательств, нет секретов, отсутствует религия. Они не занимаются магией, не вступают в продолжительные отношения, не считая восторженных минут знакомства.

Никто никогда не видел, чтобы один плазмот дал жизнь другому, расщепляясь или соединяясь. Ни один из них не обладает способностью возродиться, не может умереть от старости, болезни или в результате стрессов повседневной жизни. Они вообще не умирают, разве что только по беспечности могут погибнуть от неожиданного разрыва или пропасть в глубинах под действием давления и жара.

На Солнце не существует никого, подобного им. Нет никаких устаревших или неудачливых плазмотов, нет и возможности появления более многообещающих плазмотов будущего. Этим простым существам угрожает только падение и разрыв на безопасной тропинке по обеим сторонам пропасти.

Плазмоты не наблюдают признаков эволюции и не имеют ни малейшего понятия, как и откуда они появились на свет. Подобно дельфинам и китам в своей окружающей среде они неповторимы. Вдумчивый наблюдатель мог бы предположить, что предки плазмотов могли появиться в иное время и в ином месте. Пусть даже это так, плазмоты не помнят ничего подобного, они лишь плывут вперед, распевая веселые песни.

Глава 3

НА ЗЕЛЕННОЙ ПЛАНЕТЕ

Рамапитек

Австралопитек

Питекантроп прямоходящий

Неандерталец

Восточная Африка, около миллиона лет до н.э.

Га-а заметила движущуюся по земле ящерицу. Она знала, что по деревьям значительно удобнее перемещаться, а с помощью цепких и сильных пальцев, помогающих карабкаться, обезьяна могла практически порхать с ветки на ветку. Однако ящерица ползла по земле, под покровом листьев, и Га-а вовсе не хотела, чтобы та ускользнула. Ящерицы были вкусной пищей, но умели зарываться в листья и исчезать, поэтому обезьяна решила поймать пресмыкающееся на земле и не дать ему скрыться. Рывок вправо, влево; ящерица бежала быстро. Она знала, что за ней гонятся, и торопилась изо всех сил, так что преследовательнице тоже пришлось ускорить шаг. Ящерица скользнула под полог кустарников, и Га-а принялась с помощью мощных рук

продираться сквозь ветки, расчищая себе дорогу. Ее большие, широко расставленные глаза, привыкшие к полумраку тенистых лесов, различали мельчайшие оттенки цветов, позволяя отыскивать зеленовато-серую ящерицу на фоне листвы. Глубоко посаженные и оттопыренные уши, привыкшие к шелесту деревьев в лесной чаще, ловили шорох когтей ящерицы, сливающийся с трепетом листьев. И лишь только вздернутый нос, не привыкший к запахам, ничего не мог поведать о возможном пути беглеца. К тому же то ли ящерицы сами не имеют резкого запаха, то ли нет особой разницы между их запахом и запахом листьев, но Га-а следовала за жертвой, доверяя лишь зрению и слуху.

Пробившись сквозь низкорослый кустарник, обезьяна почувствовала под ногами твердую почву. Га-а не могла понять, удалось ли ей обогнать свою добычу. Ведь ящерица скользила в глубине кустов, двигаясь медленно, почти не слышно.

Воздух вокруг стал ярче, жарче... белее. Соленый, как кровь, пот тек по лицу. Его вкус напомнил Га-а о свежей ящерице. Она отодвинула ветку, рванулась было вперед, но вдруг остановилась как вкопанная.

Мир был по-прежнему зеленым, только теперь он накалился и отливал белизной. Кустарник перешел в колючие растения, на которые Га-а порой натыкалась во время своих лесных странствий. Насколько могли различить ее глаза, перед ней простиралось нескончаемое море трав, колышущихся на ветру, который здесь, на равнине, дул в полную силу.

Га-а прикрыла глаза длинными корявыми пальцами, защищаясь от нестерпимого света. Нечто похожее случалось с ней, когда она взбиралась на макушку дерева, где тонкие пружинящие ветки уже не могли держать ее, где ослепительный свет ниспадал на зелень леса, а ветер пел страстную, громоподобную песню.

Обезьяна слегка раздвинула пальцы. Свет по-прежнему был нестерпим, однако теперь она могла кое-что различить. Невдалеке серым пятном на фоне ярко-зеленых склонившихся трав виднелась ящерица, бежавшая по стелющимся колючкам, в то время как шорох сухого ветра скрадывал ее шаги.

Как будто догадавшись о своей победе, ящерица остановилась. Привстав на мгновение на задние лапы, она обернулась и высунула язык, после чего потрусила дальше, словно набравшись сил и храбрости у яркого света.

Га-а взглянула вверх, на небо, такое огромное и ярко-голубое. В лесу она могла видеть лишь небольшие островки неба, появлявшиеся, когда порыв ветра разрывал кроны деревьев.

Где-то высоко на небе было еще что-то, но туда Га-а не могла взглянуть. Свет был слишком ярк и непереносим для нежных, широко расставленных глаз. Ящерице сияние было ни-почем, а вот обезьяну оно пугало.

Га-а отняла руку от глаз, повернулась и принялась ломиться сквозь кусты обратно, растворившись в приветливом сумраке леса, который был ее настоящим.

Но не будущим.

*Оградили решеткой собак и козлов круторогих,
Насадили в полях золотистую рожь и ячмень,
Под ярмо подвели вольных прежде коней и быков,
Взяли пряжу, свивая одежды себе.*

Парсумаш, около 6500 г. до н.э.

Хаддад наблюдал, как его помощники перетирают зеленые глыбы в пыль. Сдерживая дыхание, он считал торжественные удары пестов по каменной залежи. Растягивались сухожилия, вздымались и пучились вены на руках, дробивших малахитовые глыбы. Только когда зеленая крошка становилась похожей на речной песок, можно было начинать следующий этап...

Рабы принесли сосуды с углем — деревом, пережигаемым под землей так, что хрупкая белая древесина превращалась в черные куски. Эти куски также следовало растереть в пыль. Рабы принялись бросать пригоршни угля в малахитовую крошку, но помощники не прекращали свой труд. Когда Хаддад убедился, что все сделано правильно, он отправил подручных за тростниковыми трубками, а рабы побежали принести факелы из смолистой сосны.

Вдох через открытый рот, выдох в пустую трубку. Помощники осторожно выдыхали свою жизненную силу в тростники, чьи концы были зарыты в темно-зеленую смесь по краям ямы, пока факельщики водили горящими ветками над рассыпанной крошкой. Небольшие искорки огня взлетали вверх. Рабы опустили факелы ниже, и смесь мало-помалу занялась.

Раздувавшие огонь вскоре начали надувать щеки и морщить лбы, пытаясь сдержать текший по лицам пот. Один из них начал дышать слабее. Взглянув на помощника, Хаддад заметил, как глаза несчастного сошлись у переносицы, рот искривился, а руки свело судорогой.

Хаддад нетерпеливо кивнул стоявшему поодаль сменщику.

Тот быстро отвел ослабевшего в сторону, взял трубку в рот и принялся дуть.

Прошло несколько мгновений, и вдруг вся яма превратилась в море огня.

Каждый раз все именно так и происходило, но лишь один Хаддад понимал и руководил действием, ибо был единственным, кто ведал, сколько нужно смешать горстей угля и малахита, сколько сделать ударов, вдохов и какое количество факелов следует зажечь. Его знание дополняло магию.

Вода поила земные травы, крася их в зеленый цвет, цвет жизни. Палящее красное солнце — еще один живой цвет — сушило траву на лугах, делая ее серой и бледной, как сама смерть.

Искры от речных скал воспламеняли сухую траву, горевшую ярко-желтым огнем подобно солнцу. Дожди орошали лесные деревья, даря зеленый цвет жизни, а желтый огонь метил их черным мертвым цветом.

Малахитовый камень из земных недр был окрашен в зеленый цвет, цвет жизни. Будучи смешан с мертвым деревом, желтым огнем и человеческим дыханием, он давал жизнь новой вещи, красной, как солнце. Как жизнь.

Таков был принцип: жизнь и смерть, дыхание и плоть в нескончаемом круговороте под вечным сиянием солнца.

Нахмутив брови, Хаддад сосредоточил внимание на горящей смеси. В ожидании и надеждах он молил о ниспослании чуда и всякий раз замирал от восторга.

Готово!

Разложение и смерть рассеялись вместе с густым дымом. В глубине воронки остался ряд мерцающих шариков, засветившихся сначала желтым огнем, как утреннее солнце, затем красным, подобно солнцу заката. Пока помощники продолжали разгонять последние клубы дыма, шарики, словно живые, заскользили по гладкому камню, сливаясь в шары красно-желтого цвета.

Вдох — выдох, вдох — выдох; помощники продолжали свой труд, хотя огня уже не было видно. Восставшие ото сна солнце-подобные шары слились в одну красноватую глыбу. Тогда все, как по команде, прекратили дуть и вытащили трубки. Глыба расплющилась и потемнела.

Однако ее темнота была обманчивой, насколько мог судить Хаддад. Когда глыба остынет, он сможет подобрать ее и бить по ней плоским камнем. В отличие от всех прочих субстанций, которые удавалось ему получать, этой «огненной скале» можно придать определенную форму. И причем намного легче, чем об-

ломку кремня или ракушечника. Изделия из этого солнечного металла служат дольше, чем костяные или роговые.

Хаддад сможет растянуть глыбу на нити, не уступающие по мягкости овечьему руно, но значительно более крепкие. Он сможет ваять куски орнамента, кубки и чаши, смеющиеся лица. И что за диво: металл в руках Хаддада будет становиться все ярче, краснее. Он засияет и засветится, как ничто на свете, уступая в блеске лишь отражению заходящего солнца на поверхности реки.

Настоящее волшебство, и Хаддад необычайно этим гордился.

Пройдет другая тысяча лет, пока далекие потомки Хаддада не начнут экспериментировать с пришедшим к ним из глубины веков чародейством. Они будут смешивать различные виды песка и камня с малахитом, меняя круговорот жизни и смерти. В результате опытов один ремесленник получит олово — белый мягкий металл, еще более бесполезный, чем созданная волшебством Хаддада медь. Примешанный, однако, в нужной пропорции — примерно от пяти до двадцати процентов, — белый металл укрепит и усилит медь, создав надежный и твердый сплав, который потомки Хаддада назовут бронзой.

С новым металлом окажется труднее иметь дело, чем с прочими, и от него невозможно будет добиться ярко-красного солнцеподобного цвета. Однако всего через несколько лет другой из потомков чародея обнаружит, с какой легкостью можно делать бронзовые лезвия.

И тут-то все и начнется.

Завоевание Египта кочевниками-гиксосами

Завоевание Индии народом ариев

Завоевание Британии кельтскими племенами

Завоевание Греции ахейской знатью

Фивы, 1374 г. до н.э.

Если он ошибается, то Великий Осирис непременно уничтожит его или отдаст живым на растерзание псоголовому богу Анубису.

Удобно расположившись в тени, Аменхотеп скользил взглядом по внутреннему дворику дворца.

Три женщины играли на залитой солнцем площадке из утрамбованного песка. У каждой в руке было по три кожаных мячика, набитых опилками и перетянутых бечевкой. Размеры связки были примерно с кисть фараона. Женщины старались под-

бросить мячи вверх как можно более изощренно, то скрещивая руки, то подпрыгивая и ударяя по мячам ногой. Целью игры, как показалось Аменхотепу, было поймать все мячи. Та, которой это сделать не удавалось, покорно склоняла спину и возила на себе более удачливую товарку. Женщины бросали в воздух мячи до тех пор, пока одна из них не промахивалась и, таким образом, становилась мишенью для насмешек победительниц.

Беззаботные женские игры.

Под прямым всевидящим оком солнца.

Аменхотепа учили, что боги его земли различны и велики числом, подобно летающим шарам. У них было много сложных и разнообразных обязанностей вроде игры в метание шаров, по которым можно ударить ногой или бросить, скрестив руки. Наказания их были так же замысловаты, как езда верхом на проигравшем. Так повелось исстари, ибо Хем, земля, разделяемая рекой и наводнениями, была сложно устроена и нуждалась в умелых и хитроумных стражах.

Таким был Осирис, правитель подземного мира, которого убил его брат Сет и разбросал куски тела убитого в четырнадцать заветных уголках земли и чья сестра-жена Изиды вернула Осириса к жизни, собрав его заново. Чей сын Гор, в свою очередь, убил Сета и стал правителем разделенной земли, а его потомки через много веков дали жизнь самому Аменхотепу.

Но если боги и впрямь разделены, как тело Осириса, как союзы Изиды и Гора, Анубиса и Маат, Сета и Нут, то тогда и мир должен быть разделен, подобно пустыне и полям со знаками, подобно тому, как противоположны два берега реки, как земля и вода. Однако Аменхотеп знал, что это не так.

Разве может человек ступить с мокрых полей на песок пустыни, не коснувшись земли? Разве каждый год не разливается великим половодьем река, закрывая землю своим телом? Разве может человек войти в воду с берега реки и идти, опускаясь все ниже и ниже, оставаясь при этом на твердой земле? Разве в далеком море не безбрежны глубины и разве не слышат моряки, с каким бульканьем уходят под воду якорные камни?

Земля едина, будь на ней засуха или наводнение.

Чаша земли и водный поток созданы для людей, для работы, отдыха и развлечений.

Небесный купол со звездной рекой служат солнцу, когда оно встает и освещает землю или когда ложится спать и гасит лампаду дня.

Земля и люди смертны и разделены, но солнце и небеса едины и бессмертны.

Как ходит под рекой и гладью моря земля, так же восходит над землей небо. Солнце путешествует по небу, пока не исчезнет в ночи. Таким образом, день и ночь суть единство, кажущееся делимым лишь потому, что солнце на некоторое время скрывается из вида.

Только солнце нетленно и неизменно, только оно обладает неизмеримым могуществом.

Сияющее, как Атон, оно благосклонно своим изобилием и дарует жизнь зеленым росткам земли. Оно страшно своим жаром и вызывает к жизни трупных мух из сделанного не по правилам захоронения. Благодаря его силе поднимается вода в реке и страдает от засухи земля, а в час, когда оно прячется от мира, веки людей смежает сон, посылая их на время в страну загробного мира.

Аменхотеп уже давно осознавал это, но ясность мысли пришла к нему только сейчас. Новая идея противоречила всему, чему учили его отец и жрецы. Прежние боги словно отступали в тень, давая дорогу новым образам.

Однако, если Аменхотеп заблуждается, Осирис пожрет его с кровавадной улыбкой и, возможно, не станет даже дожидаться, пока фараон умрет и предстанет перед его судилищем. А раз так, то благоразумный человек, сколь бы ни был он уверен в новооткрытой мудрости, не посчитает излишним принять меры предосторожности, дабы оградить себя от злых козней.

Любой крестьянин с его полей может замазать грязью табличку на двери, представиться жрецам под иным именем и отправиться в другой город, затерявшись в людской толпе. Взяв другое имя, такой человек избежит гнева нерукотворных богов.

Но имя фараона красуется везде. Знак Аменхотепа-отца, а ныне Аменхотепа-сына выгравирован на стенах всех храмов и выбит на каждой стеле у перекрестка, на всяком рынке.

Что остается делать фараону?

Изменить имя. Он должен принять новое имя, соответствующее его новой вере, приносящее удачу и покровительство со стороны бога. Он назовет себя «Угодный Атону» и сим снискает покровительство и помощь верховного владыки. А чтобы довершить преобразование, фараон повелит вычеркнуть старое имя и написать новое на каждой свитке папируса, на каждом камне и стеле. Тогда старые боги, несотворимые, будут повсюду искать Аменхотепа и никогда не смогут его найти.

Безусловно, такие изменения повлекут за собой громадную работу по переделыванию надписей. Но разве нет у фараона

рабов в подчинении? Разве не будут жители Хема поражены дерзкой грандиозностью усилий?

Безусловно, придется менять и символы на стенах храмов, слегка их подпортив повторным гравированием. Но разве фараон не владеет руками каменщиков? Им просто придется выбить надпись на камне немного в глубине, тогда новое имя «Эхнатон» отбросит длинную тень, благословение, которое Атон дал фараону.

Да будет так.

Персидская империя

Империя Афин

Империя Карфагена

Римская империя

Рим, 477 г. н.э.

Родерик застал Беовина, когда тот крушил нос статуе.

— Пошли, там еще осталось золото, — позвал Родерик друга. — К тому же Аларих нашел храм, который хочет снести, и нам понадобятся твои сильные руки.

Беовин поднял глаза:

— Сейчас. Хочу закончить.

Он установил бюст слегка под углом, так, что линия шеи и вертикальная грань камня составили одну прямую. Затем скептическим взглядом смерил свою работу.

— Все должно быть точно, — заметил он, приподняв боевой топор и выставив вперед лезвие. Если бы самому Родерику понадобилось расколоть статую, он ударил бы с размаху и не утруждал себя стаскиванием статуи с пьедестала. Хватило бы одного хорошего удара, чтобы все сооружение развалилось. А если нужно только отбить нос, как это делает Беовин, то можно просто ударить сбоку.

— Почему тебя так занимают лица римлян? — спросил как-то Родерик у друга. — И почему именно носы, а не, скажем, глаза, уши или губы?

Беовин помолчал, обдумывая ответ.

— Однажды кто-то найдет эти статуи, — наконец ответил он, — может быть, это будет их друг или родственник, а может быть, кто-то, ничего о них не знающий. Представь себе всех этих цезарей с отбитыми носами. — Беовин сжал пальцами нос. — И ТАГДА АНИ БУДУТ ГАВАРИТЬ ТАК. — Воин убрал руку и шумно рассмеялся.

Беовин, несомненно, воображал, что эти каменные изваяния незримыми нитями связаны с прахом мертвых. Возможно, римляне придерживались такой же точки зрения, иначе зачем бы им понадобилось создавать статуи в таком изобилии. Настает день, когда умершие воскреснут и окажутся крайне удивлены своей уродливостью. Именно поэтому Беовин и превратился в виртуоза по части разбивания носов.

Всякий раз он снимал бюст с пьедестала и ставил на землю, тщательно проверяя все углы, и подпирал изваяние камнем, напоминая греческого философа с циркулем и линейкой. Сейчас варвар склонился над ухом статуи. Широким концом рукояти Беовин дотронулся до кончика белого холодного носа и, описав топором высокую дугу, нанес удар.

...Над изваянием поднялось облако белой пыли, а между щек возникла глубокая трещина. Беовин ударил по изваянию ногой и оставил его валяться в пыли. «На его месте я бы выставил голову для всеобщего обозрения», — подумал Родерик.

— Так ты говоришь, храм? — Беовин ухмыльнулся. — А нет ли там хорошеньких прислужниц?

— Боюсь, что все разбежались... Но Аларих считает, что на чердаке может быть спрятано золото.

— Ну ладно, а жрецов там тоже нет? Их мужчины — неженки и не отличаются силой.

— Тоже исчезли.

— Проклятие!

Беовин, однако ж, шел за Родериком лишь до того момента, пока не увидел другую статую с неразбитым носом. Родерик тщетно пытался привлечь внимание друга, но, отчаявшись, двинулся к храму один, оставив Беовина со статуей, которую тот пытался снять с постамента. Было ясно, что он горит желанием осчастливить мир еще одной безносой статуей.

Весь мир был в движении. Аларих со своей бандой готов, вандалы, ломбардцы, саксы и еще дюжина племен, о которых Родерик знал только понаслышке, расползлись по виноградникам и садам, которые слишком долго берегли для себя прежние хозяева.

Родерик ясно понимал, что Беовин просто дурак, тратящий время на возню с носами статуй. Как глупо тратить время на мраморных истуканов и нелепые домыслы о том, что подумают друзья умершего римлянина, застав его «без своего носа».

Нужно было хватать все, что попадется под руку: золото, драгоценности, оружие, металлическую тарелку или чашку, и

мчаться дальше. К черту мебель, к черту статуи, переспать ночь с первой попавшейся женщиной, бросить ее и мчаться дальше.

Родерик знал, что в мире существуют вещи похуже изнасилований и грабежей. Вслед за вандалами и готами, дыша в затылок саксам и кельтам, двигались иные люди. Одетые в черное степные всадники. Люди из земель, где восходит солнце, маленькие человечки с кривыми ногами, привыкшие по неделям не сходить с седла. Люди, живущие в кожаных шатрах и ничего не ведающие о золоте, не помышляющие о женщинах, но готовые убить любого, кто имел неосторожность попасться им на пути, просто ради удовольствия убить. Люди, пьющие кровь своих врагов, разговаривающие на непонятном языке и не останавливающиеся ни перед чем.

Единственный разумный выход для варваров, подобных Алариху с его бандой, был награть всякого добра, до которого только можно будет дотянуться, взять на неделю еды и мчаться прочь. Где-то, скорее всего на юге, им, может быть, повезет найти убежище, но задерживаться здесь означало подвергнуть себя большой опасности, а тратить время на порчу статуй — чистой воды безумие.

Ибо мир сошел с ума.

Эдуард Исповедник

Вильгельм Завоеватель

Генрих Мореплаватель

Елизавета Великая

Лондон, 1688 г.

Лорд Эффенберри уже и так успел вложить достаточно денег в морскую торговлю и не видел никакого смысла тратить еще.

— Милорд, но подумайте о благе отечества! — воскликнул Шедуэлл.

— Как бы не так, — проворчал Эффенберри.

— Милорд, вы богатый человек и можете позволить себе понести убытки в морском предприятии. Потери от штормов и бурь здесь обычное дело, не говоря уж о пиратах или вероломстве туземных царьков.

— Естественно, — ответил Эффенберри. — Нельзя получить большой прибыли без соответствующего риска.

— Но в этом-то и суть предложения господина Ллойда. Все мы вкладываем капиталы в заморскую торговлю, но рисковать

больше никто не хочет. Те, чьи денежки очень пригодились бы при снаряжении новых кораблей, больше не дают ни пенни — и все из-за боязни.

— А я никогда не утверждал, что торговля с Америкой — удел слабых, — гордо вскинул голову лорд.

— В этом-то все и дело! Если мы уменьшим риск вполовину, вчетверо, оставив десятые и двадцатые доли, тогда мы сможем снова вовлечь робких в дело. Нам нужны люди. По правде говоря, если вы откажетесь участвовать, то окажетесь вне игры и можете много потерять.

Эффенберри не понравился такой поворот разговора. Ему еще и угрожают.

— Объясните-ка мне еще раз, — только и смог вымолвить он.

— Все достаточно просто, милорд. Владелец корабля обратился к нашему обществу с предложением вступить в долю не с целью получения прибыли, а для выплаты денег за груз и сам корабль в случае повреждения. Он сообщает нам общую стоимость судна с грузом и просит нас взять обязательство покрыть убытки при кораблекрушении. Итак, поскольку каждый из нас рискует лишь частью от общей стоимости и поскольку вероятность того, что судно благополучно вернется в порт, велика, риск при заморской торговле значительно снизится.

— Что за нелепая затея? С какой это стати я должен открыто поощрять конкурента? Какое мне дело до его потерь?

— Милорд, — терпеливо продолжил Шедуэлл, — он заплатит вам за оказанную услугу. В ответ на ваше обязательство владелец выплатит вам пропорциональную долю от комиссионных. Он предпочитает получить меньше прибыли, лишь бы избавиться от возможных убытков, ведь отныне потеря одного судна не лишит его прибыли от десяти вернувшихся кораблей. При попутном ветре все получают прибыль.

— А если попутного ветра не будет, что тогда? Отсутствие риска толкает людей на безрассудство.

— Ну, если ветра не будет или на горизонте покажутся мачты пиратского корабля, тогда наши многоуважаемые капитаны, как всегда, отложат отплытие. Сэр, в конце концов, мы рискуем лишь своим состоянием, тогда как они — жизнью. Мы получаем прибыль лишь благодаря их осторожности.

— Поэтому ветер всегда будет дуть в нашу сторону, не так ли?

— А прибыль всегда будет расти.

Насколько мог судить лорд Эффенберри, именно так всегда и происходило.

Около двухсот лет назад, со времени открытия Американского континента, начала развиваться круговая торговля через Атлантику. Дешевое английское сукно и тупые ножи переправлялись в Африку и обменивались на рабов, которых заковывали в цепи и перевозили на Карибские острова для продажи. На вырученные деньги закупались сахар, черная патока и ром, так ценившиеся в северных колониях, плативших за них каролинским хлопком и табаком из Виргинии, которые, в свою очередь, находили спрос на ткацких фабриках и в курительных заведениях Англии.

А затем, когда восемьдесят девять лет назад хозяйственные голландцы закрепили за собой нажитые трудом богатства Вест-Индии, Вест-Индская компания создала еще более обширную торговую империю. Ходили слухи, еще не подтвержденные фактами, но столь заманчиво звучащие, об открытии в будущем другого круга товарооборота. В Индии можно было растить опиный мак и обменивать его на серебро у китайских пиратов. На серебро, в свою очередь, можно было купить чай и шелка, сберегаемые для китайских императоров, а за такие товары можно было заломить хорошую цену и в Англии, и на континенте.

Эффенберри считал, что прямая торговля с пиратами чрезмерно увеличивает риск. А большой риск — это серьезный повод для осмотрительного человека беспокоиться о судьбе своего капитала.

М-да, возможно, это общество, складывающееся в кофейнях, станет в конце концов источником прибыли.

— А что насчет этого Ллойда? — спросил наконец Эффенберри. — Что он с этого имеет?

— Когда мы собирались и обсуждали свои обязательства и цену, которую мы заплатим за судно с грузом, было решено, что мы будем пить его кофе, закупать его провизию, пользоваться его чернилами и бумагой и приведем в его дом тех, кто может со знанием дела поговорить о ветрах, бурях и торговле на иноземных базарах. Эдуард Ллойд заявил, что надеется получить доход от нас, как от обычных посетителей.

— И это все?! И никакого желания принять участие в сделке?

— Он говорит, что является лишь поставщиком продовольствия и не создан для больших дел.

— Тогда он просто глуп... Знаете, Шедуэлл, я посетил вместе с вами эту кофейню.

— Уверю вас, милорд, вы не будете разочарованы.

Джеймс Уатт

Томас Эдисон

Роберт Годдард

Уильям Шокли

Пало-Альто, Калифорния, 2081 г.

— Господин Мориссей, скорее, — раздался по селектору голос, — угроза загрязнения во второй лаборатории!

Шон Мориссей выскочил из-за стола и рванулся в кабинет, не заботясь о том, что неожиданная пробежка заставит его вспотеть. Пиджак он оставил висеть в шкафчике, стоявшем при входе в кабинет.

Едва он преодолел длинный коридор, ведущий к лабораторному комплексу, как почувствовал, что мышцы ног, живота и плеч вошли в привычный ритм утренней пробежки, самого разумного способа передвижения, позволяющего сберечь энергию и силы.

Причиной того, что Мориссею пришлось бежать, была вовсе не паника, а срочная необходимость. Это был уже третий случай возможного заражения за неделю в компании «Мориссей биодизайнс», и Шон, проходя сквозь двери двойного стекла, запертые на карточку-ключ, уже знал, чего ему ожидать.

Источником загрязнения могла послужить разбившаяся чашка Петри, упавшая на инкубатор пломба или небрежность при адресовке образцов. Внизу, в лабораториях, он найдет две или три комнаты, где работа прервана, а сами лаборанты отгорожены от внешнего мира стальными дверьми и горящими красными огнями. В углах будут жаться испуганные люди в желтых масках, старающиеся держаться поближе к кислородным баллонам. Они будут сверлить глазами кафельные полы и стальные полки, как будто наблюдая за мутациями бактерий, штаммами вирусов, частицами протоплазмы, вырвавшимися на свободу в чумном потоке. Скорее прочь, пока безглазые мутанты не обнаружили самих лаборантов и не начали проникать через ненадежную респираторную систему в глаза, уши и другие влажные пути человеческого организма.

Даже те, кто работал в лаборатории уже не первый год, были подвержены видениям, которые нагоняли страх.

К моменту, когда Мориссей наконец-то добрался до опасного участка, группа спасения вместе с неизбежным инспектором из Агентства по охране окружающей среды уже взяли обстановку под контроль.

— Вам нельзя, сэр, — остановил его начальник группы.

— Я Шон Мориссей.

— Я знаю, сэр, но здесь сейчас команду я.

И это действительно было так. События развивались по отработанной для чрезвычайных ситуаций схеме: эвакуация персонала, дегазация, медицинский осмотр и расширенное обследование. После того как все люди будут выведены из зоны заражения, они пройдут специальный курс дезинфекции, ультрафиолетового облучения, стерилизацию, очищение и медицинскую проверку. Затем руководитель программы, в зоне которого случилась утечка, определит, на каком этапе генетического конструирования и взращивания культур произошел сбой, напишет отчет и попытается снова включить программу в план работ.

Во всех этих событиях Шону Мориссею отводилась роль свадебного генерала. Ему теперь предстояло с вежливой улыбкой объяснять прессе, почему население никогда не подверглось и не будет подвержено никакой серьезной опасности. И объяснять все это под огнем критики по поводу предыдущих аварий на фирме, по поводу недостаточных расходов на обеспечение безопасности, выслушивать замечания по поводу контрактов с Департаментом обороны и тому подобные инсинуации, неизбежно возникающие при такого рода происшествиях.

Появляться перед камерой вменялось Мориссею в обязанность, поскольку это была его компания — его и еще ряда бизнесменов и банкиров, входивших в совет директоров, хотя фирма и носила его имя. В прошлом Шон сам был исследователем-генетиком и мог уверенно рассуждать о мутантах, способных вырваться наружу, хотя сам он уже с десятков лет не появлялся в лаборатории и его знания не отвечали нынешним требованиям к работающему персоналу.

Вот почему в ожидании, пока Группа спасения начнет составлять протокол, Шон Мориссей принял решение, над которым размышлял на протяжении целых трех месяцев.

В конце концов, техника не стоит на месте. За прошедшие десять лет генные ванны, электронные микроманипуляторы и аминокислотные вращатели (гордость компании) превратились в сущий анахронизм по сравнению с новым появившимся на рынке оборудованием, которое увязывало некогда отдельные операции в единый, полностью компьютеризованный процесс. Отпала всякая нужда перетаскивать коробки с пробирками и чашками Петри от одного агрегата к другому и тратить время на составление описей, биркование и регулярные проверки.

Новый метод заключался во взращивании и содержании генетического материала в постоянно текущих подвижных кана-

лах, проходящих сквозь силиконовые контрольные блоки толщиной не больше человеческого волоса. Вместо долгого по времени естественного культивирования машины помещали в вирусное протеиновое покрытие или клеточную оболочку с цитоплазмой прямо на свежегенерированные цепи ДНК. Таким образом, отныне культивирование становилось непрерывным производством.

По сравнению со старыми методами преимущества оказывались значительными.

Во-первых, повышался контроль качества. Компьютеры создавали четкие вариации заданного генотипа, не допуская побочных мутаций, и цепочка превращений могла быть соблюдена полностью от начала и до конца.

Во-вторых, открывались новые горизонты для конструирования, поскольку теперь можно было получать такие типы штаммов, которые не могут возникнуть в естественной среде или не способны к воспроизводству. Благодаря этому оказывалось возможным добиться снижения степени риска внезапного заражения.

В-третьих, простота. Поскольку бактерия или вирус не имели ни единого шанса выжить в традиционном смысле, теперь в лаборатории можно было сохранять жизненные формы. Полученные мутации помещались в инертные капсулы, задавался режим имитации жизни и функционирования в определенных условиях. Иными словами, теперь они представляли собой безобидный набор химических веществ, законсервированный на неопределенный срок.

Таким образом, компании Мориссея срочно требуется приобрести новое оборудование и изменить выпускаемую продукцию. А после этих мероприятий почему компания должна ограничивать себя новым зданием в Пало-Альто или любой иной точке планеты?

Шон Мориссей уже успел получить два предложения о создании нового орбитального завода. Запуск заранее подготовленных модулей предполагалось осуществлять из Уитни-центра в горах Сьерры. После того как завод будет выведен на орбиту, служащие фирмы с компьютерами останутся на Земле, в Пало-Альто, работая в обстановке, свободной от возможного заражения. Компьютеры будут управлять автоматизированными ваннами и кюветами, накладывая поверх мутаций слои протеина и аминокислот, а запасы можно будет регулярно пополнять челночными рейсами. Продукция предприятия будет отстреливаться на Землю в специальных кассетах.

А если на орбите все же произойдет утечка, то тогда Морисей раскроет все агрегаты спутника навстречу потокам солнечной радиации и пустоте вакуума. Никаких проблем, все чисто, гигиенично и просто.

А если и в самом деле произойдет нечто серьезное, скажем, на волю вырвется токсичная анаэробная бактерия или микроб, не подверженный воздействию солнечных лучей, то тогда он уничтожит весь комплекс с помощью небольшого ядерного заряда, не нанеся вреда ни человеческим жизням, ни невозможным рабочим файлам компании.

Пусть на Земле люди занимаются лишь умственной деятельностью, а вся практическая работа ведется в космосе под наблюдением машин. К тому же разве отныне сможет вездесущее Агентство по защите окружающей среды получить право на контроль предприятия, которое лишь небольшую часть рабочего дня находится на территории Соединенных Штатов?

Предложение казалось Мориссею все более и более многообещающим.

Итак, он представит проект на следующем заседании совета директоров.

Часть вторая

НАЧАЛО ОТСЧЕТА. ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ДО ВЗРЫВА

Когда ты встаешь, озаряется светом
Земля,
Светящий днем, о Атон,
прогоняющий тьму.
Обе земли восстают к светлому дню,
К нуждам, заботам, тревогам.
Одевшись, люди свершают свое
омовение
И произносят хвалу восходу за новый
день,
За время для вящей работы.

*Из «Гимна Солнцу»
фараона Эхнатона*

Глава 4

ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ ПОЛЯ

*Вверх
Расширение
Ускорение
Взрыв*

Несбалансированный поток тепловой энергии, возникший в результате невероятного соединения атомов более миллиона лет назад, теперь прокладывает себе путь к излучающей поверхности, вызывая на своем пути возмущение конвекционных слоев звезды.

По всей солнечной области, выгнутой дугой порядка двадцати двух градусов, неожиданно начинают распухать колонны ионизированного газа. Ламинарные потоки, оказавшиеся зажатыми между излучающим центром и внешними слоями, поднимают турбулентные волны и шквалы белого огня, срывающиеся со стен конвекционных сот. Стройные ряды колонн, напоминающие ряды трубок в органе, рушатся под напором неудержимо рвущейся вверх волны.

Энергетическая масса, состоящая по большей части из высокочастотных фотонов, врывается в солнечную корону. Здесь разреженная плазма, чья средняя температура уже превышает два миллиона градусов, поглощает поток излишней радиации и рассеивает его в пространство безо всякого для себя вреда.

Однако прохождение горячей волны оставило зияющую рану в конвекционных слоях и ослабило структуру фотосферы.

Петля

Виток

Петля

Виток

Всякий шар, состоящий из непрерывно снующих заряженных частиц — все, чем, по сути, является звезда, — создает свое собственное эллипсообразное магнитное поле. Магнитные линии, начинаясь на Солнце, тянутся далеко сквозь видимую фотосферу, хромосферу и солнечную корону, свиваясь в петли, которые уходят в пространство, пересекаемое орбитами планет.

Магнитные линии Солнца располагаются почти параллельно оси вращения, как бывает с большинством вращающихся тел. Другими словами, они исходят из одного полюса, свиваются в пространстве и возвращаются уже к другому. Юг — Север, положительный заряд — отрицательный заряд. Их наибольшее скопление и сила отмечаются в верхней и нижней частях шара. Магнитные поля создаются под действием огромной физической массы Солнца и возбуждения заряженных частиц. Силовые линии, замкнутые в плотном инертном ядре звезды, вместе с ней совершают полный оборот в течение двадцати семи дней.

Если бы Солнце представляло собой твердый или частично жидкий шар, то магнитные линии лежали бы недвижимо в массе железа и камня. Однако звезда подобного типа не является цельным телом, а ее плазма более жидка и прихотлива в движениях, чем метан или горящая нефть.

Вращение твердого тела, подобного крохотному зеленому шарикю, происходит с перепадом скоростей, выдержать который поверхность не может. Полюса словно прикованы к одному месту, а экватор вращается со скоростью порядка двух тысяч километров в час. Зажатые между Сциллой и Харибдой базальтовые слои вынуждены сдвигаться, чтобы скомпенсировать возникающую нагрузку.

Однако в газообразной или плазменной сфере, где нет ничего более прочного, чем две заряженные частицы, соединившие-

ся на мгновение под действием притяжения, такие нагрузки ни к чему не приводят. Каждый квадратный километр поверхности движется с разной скоростью, и атмосфера закручивается в вихри, подобные тем, что возникают на Юпитере или на Сатурне. Даже на Земле газовое облако распадается на участки движущегося и неподвижного воздуха, которые метеорологи называют «зонами пассатов» и «конскими широтами».

Видимая поверхность звезды также могла бы принять застывшую форму, если бы не огонь от столкновений, бушующий в ее недрах и между слоями густой плазмы, которая с шумом проводит тепло к поверхности. Колонны горячего газа внутри конвекционных слоев создают плотные сгустки материи. Недалеко от полюсов ионы из поднимающихся жарких потоков привязываются к магнитным течениям и оказываются пойманными электрически заряженной материей сот. Там они и замирают внутри колонноподобных гранул восходящего газа.

В результате вместо того, чтобы скользить по плазме подобно бакену, посаженному на якорь, магнитные линии из звездного ядра вытягиваются, повинувшись вращению, и устремляются в яростно несущиеся потоки, словно пресловутый бакен с разорванной якорной цепью.

Поток

Вихрь

Поток

Вихрь

Когда магнитные линии накрепко увязают в конвекционном слое и оказываются оторванными от главных петель у полюсов, они начинают вращаться быстрее, переплетаются друг с другом, вызывая возмущения, ведущие к перекручиванию магнитных полей и потере одноименного потенциала. Пытаясь удержать баланс, поломанные линии перемещаются в фотосферу, где создают новые Северный и Южный полюса, пытаясь найти себе замену.

Пойманное поле приобретает вид узкой петли, подковы потенциала, исходящей из одного конвекционного сота и опускающейся в другой. Разноименные заряды полюсов притягивают друг друга, и вскоре все сооружение оказывается в одном конвекционном слое.

Отделившаяся от полюса магнитная линия является одной из естественно возможных причин появления и роста магнитных аномалий на поверхности Солнца. Но есть и другие случаи.

Например, при распаде потока энергии в широкой зоне конвекционных сот в районе экватора ослабленность, возникающая во внешних слоях, открывает кратчайший путь для движения солнечных магнитных линий. Силовые линии начинают вытягиваться через спокойное электрическое поле, образуя одну или несколько громадных петель, тянущихся от полюса до полюса.

Район столь неожиданно возникшей активности формируется скачкообразно и не получает однообразного магнитного заряда. Находясь в непосредственной близости к экватору, на равном расстоянии от полюсов, магнитные поля начинают вести непримиримую войну за верховенство. Противоположные по заряду линии севера и юга соединяются, в то время как одноименные яростно отталкивают и изолируют друг друга. Во внешних слоях Солнца снова формируются петли и подковы потенциалов, кружащиеся в мистическом танце.

Вперед

Назад

Вперед

Назад

Короткие подковообразные линии поля заряжаются новой энергией от своих кинетических движений по зонам более стабильной плазмы. Линии обнимают колонны заряженных частиц и принимаются виться по ним, точно лианы. Мощное волнение этих ионных трубок работает как динамо-машина, наводя мощный ток и усиливая магнитное течение. Поля, созданные в результате естественно возникших аномалий, могут достигать силы в две-три тысячи гауссов, что в тысячу раз превышает величину магнитного поля Земли. Так вот, представьте себе, что поле, возникшее в результате распада теплового потока, может быть в двадцать, а то и в тридцать раз больше.

Наведенный бурлящими газами, невероятный по силе ток начинает течь сквозь подковообразную петлю. Уже и без того сильные магнитные поля, привязанные к петлям, принимаются прорываться сквозь окружающую солнечную материю в фотосферные слои. В момент, когда поля достигают поверхности, они создают спокойные плотные и холодные сгустки материи, изолированные от поднимающегося горячего газа силой магнитного поля.

Эти сгустки начинают увеличиваться и темнеть задолго до того, как первоначальный заряд избыточной энергии проложит себе дорогу из фотосферы к короне. Истощенная колонна, под-

держиваемая лишь магнитным зарядом, бессильно падает на солнечную поверхность и движется, повинувшись вращению звезды вдоль экватора.

На фоне фотосферы эти ледяные сгустки кажутся черными, а окружающие их более теплые слои — серыми.

В течение половины тысячелетия земные астрономы, наблюдавшие с помощью приборов за свечением Солнца, называли эти темные сгустки «умбра», а серые облака — «пенумбра». Темнота и сверхтемнота. Солнечные пятна и окружающие их зоны холодной смерти.

Пятна, двигались ли они от полюсов или от экватора, нерегулярно появлялись на поверхности Солнца. Они создавали круги, похожие на оспины или чумные волдыри на лице светила. Первоначально астрономы принимали их за болезнь, за признаки грядущей катастрофы, за предвестников надвигающегося распада и гибели. Ведь разве небесные творения, а Солнце самое яркое и важное из них, не являются неизменными и священными? Пятна на Солнце могли означать только угрозу для людей.

Такая наивная точка зрения подтверждалась нерегулярностью появления пятен. По необъяснимым в те времена причинам пятна появлялись, росли и загадочно исчезали за период времени, равный одиннадцати земным годам. Насколько могли видеть астрономы, в промежутках между циклами солнечная поверхность выглядела белой и абсолютно здоровой.

Как ни странно, хотя солнечные пятна являются «черными дырами» и сгустками холодной материи на поверхности Солнца, казалось, они заставляли звезду пылать ярче, будто охваченную чумной лихорадкой. Когда пятен не было, солнечная активность падала. Зимой мороз сковывал реки, доселе текущие круглый год, а на снежных вершинах гор появлялись ледники.

Однако порой пятна вовсе не появлялись. Год за годом, десятилетие за десятилетием солнечный лик оставался чист, и люди с облегчением вздыхали, тая надежду, что чума наконец-то отступила и дневная звезда вернулась к нормальной жизни.

Иногда такие периоды превышали длительность человеческой жизни. Поэтому только, сопоставляя наблюдения, сделанные людьми в разные века, человечество могло выдвинуть гипотезу существования циклов солнечной активности.

Но пятен не было уже очень давно, и люди перестали волноваться и обращать внимание на Солнце. Все, кроме астрономов, вернулись к другим делам и обратились к иным чудесам. Мир всколыхнулся и вновь погрузился в сладкую дрему.

Глава 5**ВОПИЮЩИЙ В ПУСТЫНЕ**

Удар!

Натяжение!

Треск!

Щелк!

На борту исследовательского корабля «Гиперион», 7 марта 2081 г.

Турбины корабля протяжно гудели, пока судно, содрогаясь и дрожа всем корпусом, проплывало по все новым траекториям, двигаясь вдоль солнечного диска.

С каждым пройденным километром системы управления корабля то увеличивали, то уменьшали поверхность, обращенную навстречу спящему энергетическому потоку. Охлаждающие системы контролировали подачу фреонового геля к огнедышащим соплам теплообменников, гася избыточную температуру. В разреженном облаке, окутывавшем корабль, совершался постоянный обмен тепла. Таким образом поддерживалась температура, обеспечивающая жизнедеятельность экипажа корабля.

Доктор Ганнибал Фриде не обращал внимания на эти тихие звуки потому, что привык к ним за свою трехмесячную жизнь на орбите. Это составляло примерно два солнечных года, или расстояние от Меркурия до Солнца, если учесть, что орбита «Гипериона» была полярной, а не экваториальной. Все внимание доктора было приковано к находящемуся перед ним экрану.

Облик звезды, преобразованный оборудованием, являл собой жуткую маску, подобную той, что волшебник Страны Оз показал Дороти и ее друзьям. Как помнил Фриде, в классической постановке голова волшебника была огромным хлопковым шаром, пропитанным лигроином, а может, и просто керосином, которую потом зажгли. Искорки желтого пламени, танцуя, устремились к полу, в то время как по бокам шара пошел темный дым. Тот огонь мало чем отличался от язычков ложного пламени, которые доктор наблюдал на находящемся перед ним изображении диска.

Его глаза неотступно следили за темной кромкой, появлявшейся на экране по мере движения «Гипериона». Прямое наблюдение с корабля давало возможность проникнуть глубже в солнечную атмосферу, не ограничиваясь исследованием лимба звезды. Чем дальше проникал человек взглядом в горячие слои атмосферы, тем ярче светилось экранное поле. Район, который

ученый пытался исследовать сейчас, находился на дальнем краю звезды и представлял собой высокие, более холодные, а следовательно, и более темные слои фотосферы. Слишком темные, чтобы ясно их рассмотреть.

В этой области Фриде пытался отыскать признаки аномалии, которую ему вчера удалось обнаружить и которую он теперь непрерывно отслеживал. Вглядываясь в измененное под действием альфа-радиации изображение на дисплее, ученый напряженно следил за областью, где язычки пламени срывались с потемневшего лимба.

На мгновение Фриде почти поверил, что обнаружил несколько черных расселин или трещин. На таком расстоянии от звезды трещины неизбежно будут казаться короче и толще благодаря эффекту Уилсона, оптическому обману, описанному более трехсот лет назад шотландским астрономом Александром Уилсоном. Ему удалось наглядно показать, что черные точки на солнечной поверхности на самом деле являются проникающими внутрь звезды тоннелями и могут быть дырами в фотосфере. На самом деле они оказались закрученными и сероватыми по краям тонкими шпильками, как те, что вчера наблюдал Фриде. Сегодня он снова пытался разглядеть расплывчатые пятна холодных облаков.

Аномалия действительно оказалась странной. Какое-то непонятное скопление облаков у края звезды, значительно темнее и глубже, чем обычное потемнение лимба, и значительно шире, чем все виды пенумбры, которые ему доводилось видеть на пленке. Шириной двадцать два градуса, насколько можно судить по вчерашним измерениям. А сегодня ничего нет... Может, облаков и не было?

Подожди! А сколько километров проделал «Гиперион» за последние сутки? Может быть, облака уже скрылись за горизонтом?

Фриде сверился с компьютером. Со времени вчерашних наблюдений корабль проделал более четырех миллионов километров, направляясь к Южному полюсу, который вскоре они будут проходить; аномалия находилась значительно выше, почти у экватора. Сложив путь, пройденный кораблем, с расстоянием, которое проходит Солнце за двадцатисемидневный круг вращения, нетрудно убедиться, что явление, которое он наблюдал, находится, увы, вне поля зрения.

Доктор переключил внимание на приборы, ведущие магнитометрическое наблюдение поверхностных слоев Солнца. Он изучил диаграммы мощности магнитных полей, полученные с

помощью устройств, позволяющих преодолеть интерференцию корпуса судна, и отображенные на соседнем экране. Но и по этой информации невозможно было сделать какие-либо выводы. Безусловно, в данную минуту магнитометры корабля фиксируют невероятно сильное магнитное течение у Южного полюса. Сейчас, вне всякого сомнения, зафиксировать магнитное возмущение возле экватора невозможно. А если возмущения нет?

Все это не предвещало ничего хорошего.

Именно для изучения таких аномалий на солнечной поверхности Фриде и построил свой корабль. Он оснастил его практически за собственный счет, забрав деньги из капиталов семейного треста, добавив субсидии от благотворительных и заинтересовавшихся его проектом организаций. «Гиперион» был построен по его проекту на одном из лунных заводов Лагранжа и выведен на длительную по времени, но экономически выгодную орбиту.

Такое направление обеспечивало скольжение корабля по краю бездонной гравитационной пропасти Солнца.

Экипаж «Гипериона» состоял из двух человек: самого Фриде, капитана корабля, и его жены Анжелики, которая одновременно являлась старшим на корабле, вторым рулевым, младшим астрономом-наблюдателем, главным инженером и системным техником, а по совместительству еще и поваром, посудомойкой и компаньоном. Согласно намеченной программе, им предстояло совершить еще восемь из десяти оборотов вокруг Солнца. Такой промежуток времени, как много лет назад высчитал Фриде, поможет получить достоверные данные и сделать выводы относительно необъяснимых всплесков и затуханий солнечной активности.

Взять хотя бы эту трещину, или расселину, или вообще нечто, ускользнувшее из поля зрения. Возможно, что на обратной стороне сферы, не доступной сейчас глазу, скрываются и другие фотосферные провалы. В силу стесненных финансовых обстоятельств Фриде мог позволить себе осуществлять наблюдение лишь за той частью звезды, которая была доступна исследованиям на настоящий момент. Как бы ему помогла целая сеть из спутников-обсерваторий, передающая информацию при помощи радиорелейной связи. Однако на данный момент об этом приходилось только мечтать.

Фамильное достояние. Фриде живо вспомнились широко открытые от изумления глаза поверенных в финансовые дела семьи. Годовые поступления были действительно велики, пока он не вложил деньги в частную астрономическую экспедицию.

Теперь на Земле его поджидали только груды счетов и скромная сумма денег, оставшаяся после их оплаты.

Даже вместе с Анжеликой возвращение обратно на Землю представлялось ему нелегким делом. Сначала им придется вывести «Гиперион» со стабильной солнечной орбиты в форме эллипса и, описав дугу подобно комете, выйти за орбиту Венеры, оказавшись в трех четвертях пути от системы Земля — Луна. Затем, в соответствии с соглашением, заключенным между Фриде и юристами, с Земли будет запущена быстроходная ракета, которая в условной точке встретится с летящим по новой орбите «Гиперионом», заберет экипаж и сделанные записи, облетит на высокой скорости Солнце и доставит путешественников на одну из космических линий неподалеку от Юпитера. Фриде должен будет включить сигнал бедствия и отправиться домой на первом же пролетающем мимо корабле, пускай даже беспилотном, согласно международным законам, регулирующим спасение людей и груза.

Такое не совсем джентльменское окончание важной научной экспедиции было простительно, ибо прекрасно отвечало возможностям Фриде и предполагаемым затратам. В конце концов, на что только не приходится идти во имя науки. Проблема возвращения на Землю занимала доктора меньше всего. Куда хуже было то, что из-за стесненных обстоятельств он был начисто лишен вспомогательных средств, таких, как спутники радиорелейной связи.

Но если на солнечном экваторе и впрямь что-то происходит, тогда возможно, что кто-нибудь находящийся на спутнике другой планеты или вообще где-либо на эклиптике, подтвердит его наблюдения. Если Фриде пошлет предупреждение сейчас и опишет явление, следы которого необходимо будет отыскать, то право первооткрывателя в любом случае окажется за ним.

Фриде перебрал в памяти всех, у кого могло возникнуть желание помочь ему в поисках, но ни один из них не занимал лучшей позиции, чем сам ученый. Доктор мог бы, несомненно,ложиться на небольшую группу его последователей, студентов-дипломников, которые были знакомы с его гипотезой и приняли решение изучать Солнце, хотя в глазах ученых такой поступок выглядел чудачеством. Но, увы, сейчас все они на Земле. И как назло, орбиты Земли и корабля сойдутся в одной солнечной плоскости, в то время как трещина окажется в другой.

У Фриде мелькнула мысль запустить маневрирующий ускоритель, простенькое устройство, работающее на основе синтеза и заряженное высокоскоростными частицами солнечного ветра.

С помощью ускорителя, расположенного на главной оси корабля, он сможет вписаться в орбитальный треугольник и изменить траекторию полета. Однако при запуске ему придется отключить основные теплообменники и, укрывшись в кабине, ждать, пока все сгорит. Похоже на последний приют...

Да этого и не нужно. Как бы то ни было, эта так называемая аномалия не успеет исчезнуть за те тринадцать дней, когда она будет находиться вне зоны видимости Фриде. За это время «Гиперион» пройдет еще около пятидесяти четырех миллионов километров в ходе своего трехмесячного пути. Корабль облетит одну шестую часть солнечной поверхности, и доктор снова получит возможность исследовать аномалию, к тому же в гораздо более выгодной позиции. Наконец-то он разгадает, что за явление ему удалось увидеть.

Если он, конечно, вообще что-либо видел.

Шелк!

Бульк!

Пирик!

Хлоп!

**Институт Персиваля Лоуренса, Кальтек, Пасадена,
штат Калифорния, 7 марта 2081 г.**

— Доктор, повторите! — прокричал в микрофон Пьеро Моска. — Очень плохая слышимость!

Моска отчаянно пытался вспомнить последние слова ученого, потонувшие в разряде статического электричества, испускаемого с Южного полюса Солнца, но все оказалось тщетным. На экране монитора доктор продолжал говорить, но голос исчез, а вскоре горизонтальные черные полосы заслонили изображение.

Через шестнадцать минут телеизображение снова всплыло на экране. Удостоверившись, что после задержки сигналов и синхронизирования его снова слышат, Фриде схватил микрофон и принялся повторять свое сообщение. Он говорил короткими, намеренно разорванными предложениями, надеясь преодолеть помехи. На этот раз уловка удалась.

— По, я повторяю, что... нечто. Когда мы приблизились... к полюсу... уже было... Конечно, от твоего местоположения... ратная сторона... Огромная... Сейчас я не наблюдаю, но смогу, когда вращение выведет... Надеюсь, что там останется...

Мне удалось сделать несколько снимков феномена. Честно говоря, похвастаться особо нечем. Похоже на большое облако

или, по крайней мере, так видно с... Возможно, пенумбра, а может, обыкновенный всплеск энергии... тепла...

В любом случае поищи... восточного лимба градусов... и двенадцать градусов к востоку... моего нынешнего положения. Возможно, тебе раньше удастся разгадать загадку.

Доктору хватило еще времени лишь на то, чтобы скороговоркой передать приветствия своим земным коллегам, многие из которых даже не передадут ничего в ответ. Еженедельный сеанс связи с Землей — единственное, что могла позволить себе экспедиция, — закончился.

По Моска положил микрофон и принялся задумчиво изучать линии на ладони. И так, доктору удалось обнаружить нечто интересное. Похоже на облако, но сейчас вне поля видимости. М-да...

Естественно, По Моска был готов поверить доктору Фриде даже после того, как компьютерное реконструирование присланных доктором цифровых изображений не прояснило ситуацию. Изображение оказалось практически полностью засвеченным разрядами статики. Тщательно исследуя с помощью ручного бинокля каждую часть снимков, По сумел различить лишь обычное потемнение лимба.

Безусловно, По будет сам исследовать дальнюю сторону Солнца в течение двух следующих недель, когда наблюдение станет возможным. Ему придется извлечь из запасников восьмидюймовый телескоп фирмы «Шмидт—Кассеграйн», сохранившийся с детских лет. Из кусочка алюминизированного пластика нужно будет приготовить солнечный фильтр, чтобы непрерывный тепловой поток не причинил вреда трубе и нежным линзам, а прямой солнечный луч не сжег сетчатку глаза. После двадцать первого марта или немного позднее он будет готов наблюдать за загадочным темным пятном где-то в районе экватора. Даже если там и впрямь что-то есть, отыскать пятно будет более чем просто.

И что он сумеет доказать? С его крошечным телескопом можно получить весьма спорное пятно на слабочувствительной тридцатипятимиллиметровой пленке или изображение, существенно уступающее стандартным образцам. В лучшем случае ему удастся поучаствовать в научной дискуссии или серьезном разговоре, а скорее всего — оставить снимки себе на память.

Это и впрямь очень важно, чтобы он получил хорошие снимки. И не только ради того, чтобы помочь доктору Фриде в его наблюдениях. Это жизненно важно.

Бим!

Бом!

Бам!

Бум!

**Кабинет декана факультета естественных наук, Кальтек,
8 марта 2081 г.**

Декан Альберт Уитерс водил электрическим карандашом по серому стеклу напольного экрана, стараясь изобразить на лице глубокую заинтересованность.

Пьеро Моска старался держаться спокойно. Несмотря на то что декан занимался больше академической (а скорее политической), нежели научной деятельностью, он практически не умел держать под контролем свои эмоции и чувства, в особенности если дело касалось малоинтересного предложения или если его просто отрывали от привычных занятий. От человека, постоянно занятого заседаниями бюджетных комиссий, политических комитетов, ученых советов, рассмотрением прошений и жалоб, можно было ожидать большей выдержки.

Похоже было, что Уитерс не считал маленького Пьеро Моску человеком, от которого следует скрывать свои истинные чувства. Подумаешь, аспирант на втором году учебы, который даже не удосужился еще представить тему для диссертации. Впрочем, если принять во внимание поле деятельности Моски и выбранного им научного руководителя, это было понятно. Ему вообще повезло, что он попал на утренний субботний прием к декану.

— Нет, — вымолвил наконец Уитерс, словно решаясь на отчаянный поступок, — боюсь, господин Моска, что научный факультет не может выполнить вашу просьбу.

— Сэр, если все дело только в изменении расписания, — попытался протестовать По, который почти целую неделю готовился к встрече с деканом, — я уверен, что мог бы лично договориться с теми студентами, которым предстоит заниматься наблюдениями. Таких всего двое. Во-первых, Иверсон с его исследованием туманности...

— Нет, меня заботит как раз не расписание. Если бы мы посчитали, что ваше предложение имеет научную ценность, то сумели бы изыскать необходимые часы. Однако в данном случае нельзя сказать, что предложенная программа наблюдений соответствует данному требованию.

— Однако я получил предварительное указание от доктора Фриде, которое свидетельствует о...

— Хочу заметить, молодой человек, что доктор Ганнибал Фриде с его скороспелыми точками зрения и странными выпадами не пользуется любовью ни научного общества, ни учебных заведений высшей школы.

— Я считал, что научный метод гарантирует независимость оценки научных исследований от личности ученого или его репутации, — тихо заметил По.

— Послушайте... — Декан Уитерс уже не пытался сдерживать себя. — Мне грустно видеть, Пьеро, как такой талантливый человек, как вы, тратит силы на пустые мечтания, вместо того чтобы заниматься наукой. Мальчик мой, забудьте про Солнце. Это унылая и давно предсказуемая сфера. Все, что там есть, это лишь горящий водород, плазма и испускаемые фотоны. Старая нудная песня. Там нет ничего, что заслуживает изучения. Забудьте о вашем Фриде. Он просто свихнулся, пустив на ветер состояние ради своей экспедиции. Ничуть не удивлюсь, если на будущий год на его должность объявят конкурс.

— Он нашел солнечное пятно.

— Нашел? А может быть, ему просто померещилось?

— Доктор передал мне цифровую копию, — сказал По и честно добавил: — Во время сеанса связи его корабль находился над Южным полюсом, и из-за наведенных магнитных помех полученное изображение невозможно реконструировать.

Уитерс поморщился:

— Ну вот, какие-то помехи, и сигнал оказался искаженным.

В глубине души Пьеро Моска вынужден был признать, что декан высказал вслух те доводы, которые сам Пьеро отчаянно пытался отогнать прочь.

По предварительным результатам доктора Фриде сделать какие-либо окончательные выводы было невозможно, присланные им снимки оказались практически бесполезными. А скептицизм и неодобрение, высказанные деканом и научным сообществом по поводу избранного им научного поприща — солнечной астрономии, — Моска уже видел в тяжелых ночных кошмарах.

Получилось так, что восемьдесят лет назад закончился последний одиннадцатилетний цикл проявления солнечной активности — область, представляющая для астрономов наибольший интерес. Когда в 1998 году с поверхности солнечного диска исчезла последняя пара пятен, процветавшее в те времена сообщество исследователей Солнца принялось терпеливо ждать следующего цикла, отложив на время бинокли и перестроив радары на другие объекты. Однако пятна не появлялись, и год за годом

Солнце продолжало дарить незамутненный свет, озаряясь лишь вспышками протуберанцев, восстающих из колышущихся конвекционных слоев. Циклические изменения выбросов энергии, пятна солнечной короны, вихреобразные смерчи солнечного ветра, всплески пламени — словом, все то, что астрономы традиционно связывали с пятнами на звезде, испарилось без малейшего следа. Казалось, что Солнце наконец-то утихомирилось и стало вести себя подобно хорошо отлаженному ядерному реактору, без неожиданных сюрпризов и сбоев.

Подобные исключения из правил имелись и документально подтверждались в прошлом. Впервые наблюдая за Солнцем с помощью телескопа, Галилео Галилей в начале семнадцатого столетия описал обнаруженные пятна. Однако затем в течение семидесяти лет, с 1645 по 1715 год, ни одного пятна замечено не было.

В это время на большей части Европейского континента начался период резкого похолодания, получившего среди историков название Малого ледникового периода. В эти годы в Лондоне несколько раз сковывало льдом Темзу — событие, о котором в прежние века даже не имели понятия. Современники были склонны искать сверхъестественные объяснения, не подозревая о возможности уменьшения солнечной энергии, на которую указывали отсутствующие солнечные пятна.

С тех пор утвердилась точка зрения, что все периоды отсутствия пятен на Солнце неблагоприятно сказываются на климате Земли, пусть это и не во всех случаях подтверждалось научными наблюдениями. Ученые двадцатого века собрали и обобщили большой статистический материал, используя метод радиоуглеродного анализа годовых колец на стволах деревьев. Тонкие кольца означали уменьшение периода вегетации, изменение климата и похолодание. Проведенные исследования показали, что похолодания на Земле длились десятилетиями, а порой и веками. Такое длительное отсутствие пятен получило название Минимума Маундера, по имени Уолтера Маундера, английского астронома девятнадцатого века.

Очевидно, что Солнце как раз и находилось в таком периоде. Восемьдесят лет — согласно хроникам семнадцатого столетия — минимальный промежуток между циклами, и не означало ли это, что состояние покоя подходит к концу?

Проблема была значительной, и в прошлом десятилетии в научных кругах стали разгораться споры. Несмотря на то что несколько поколений ученых практически начисто игнорировали спокойно светящееся Солнце, предпочитая ему другие сферы

деятельности, несколько исследователей из университетов и научных учреждений, таких, как институт Лоуренса, где учился Моска, стали осторожно высказывать гипотезы по поводу дальнейшего развития событий.

Мнения сошлись на том, что цикл солнечных пятен может начаться через пять, десять, в крайнем случае тридцать лет, и Солнце снова окажется объектом, достойным изучения. В таком случае ученым и инженерам придется, скорее всего, начать оценивать возможные последствия увеличенной солнечной активности на человечество, осваивающее ныне Солнечную систему. Такая проблема потребует регулярного освещения в электронном журнале.

В этот-то спор и вмешался доктор Фриде со своими не предвещающими ничего доброго новостями. Его изучение показаний магнитометров с зонда «Телемах», запущенного последний раз двенадцать лет назад из-за скудости средств, убедило ученого, что в магнитных полях звезды нарастает нестабильность. Такая точка зрения показалась большинству ученых кошунством. Следует сказать, что для нескольких известных своими нетрадиционными подходами исследователей сужение силовых линий стало доказательством того, что солнечные пятна больше не могут появляться, хотя никакого серьезного теоретического обоснования предложено не было.

Вместо того чтобы тратить время и силы на бесплодную перепалку, Фриде предложил собрать новые доказательства, осуществив экспедицию. Он полагал, что таким образом можно будет раз и навсегда решить не дающий покоя вопрос. Находясь неподалеку от Солнца, почти на орбите Меркурия, ученому удастся с помощью оборудования заметить малейшие изменения энергетических выбросов звезды, радиопотока, излучения магнитных полей, все то, что можно исследовать с такого близкого расстояния. Эти наблюдения помогут установить признаки возвращающейся активности Солнца.

Вскоре выяснилось, что полугосударственные организации и международные учреждения предпочитают держаться в стороне от проекта в силу собственной незаинтересованности. Поэтому, когда Фриде впервые изложил свою точку зрения, его встретили с каменным равнодушием. «Зачем это, собственно, вообще нужно? — заметил, пожимая плечами, председатель комитета по субсидиям. — Я имею в виду, что можно получить от вращающейся вокруг Солнца платформы такого, что мы не получаем от постоянных наблюдений с Земли?»

Фриде пришлось объяснять, что в наблюдениях занято всего

около двадцати ученых, которые лишь часть своего времени уделяют наблюдению за Солнцем. К тому же большая часть наблюдателей сейчас занята экспериментами по получению большого количества энергии из потока фотонов видимого диапазона.

Председатель только пожал плечами. Наблюдение есть наблюдение. Если даже на Солнце и будет что-то происходить, то ученые обязательно это зафиксируют. Прощение отклоняется.

На встрече с председателями астрономических факультетов крупнейших университетов Фриде пришлось выслушать доводы иного рода. «Солнце, — заявили ему, — не пользуется ныне популярностью. Уж слишком здоровый, нормальный и скучный предмет для наблюдений. Безусловно, в былые времена солнечные циклы заслуживали изучения, однако этот феномен получил разумное объяснение более столетия назад. Здесь вы не откроете ничего нового».

Тут доктор Фриде не смог сдержаться. «Следуя вашей собственной логике, Солнце неизбежно должно стать предметом необычайного интереса в плане теории, ведь это единственный пример здоровой звезды, просуществовавшей половину отведенного ей срока, — сообщил он собравшимся коллегам. — А те предметы, что избирают для наблюдения исследователи ночного неба, являются либо капризами Творца, как гиганты и белые карлики, либо экспонатами кунсткамеры, я имею в виду нейтронные звезды, пульсары, новые звезды или туманности». Естественно, что после такого выступления какая-либо плодотворная деятельность оказалась невозможной.

Поэтому бурная реакция научных журналов на выступления всех тех, кто утверждал, что солнечные пятна предвещают взрывы на Солнце, не только не уменьшилась, а, напротив, приобрела большую остроту.

За восемьдесят лет Минимума Маундера человечество принялось осваивать и обживать все пригодные уголки Солнечной системы. Землянам пришлось выполнить колоссальный объем работы, начиная от постройки и запуска орбитальных платформ до инопланетных колоний, от наземных станций на Луне и Марсе до баз на спутниках Юпитера и Сатурна, не говоря уже о поддерживающей инфраструктуре энергообеспечения, создании требуемых атмосферных условий, обеспечении транспортом и связью. К настоящему времени вся межпланетная экономика была заинтересована в нормальной жизнедеятельности этих первых очагов цивилизации, поскольку на освоение космоса понадобились громадные суммы. Космические предприниматели, работавшие с доверенными им большими суммами денег, посто-

янно балансировали на тонкой проволоке между риском потерь и прибылью, это заставляло их быть предельно осторожными в словах и поступках.

Первоначальная сумма была предоставлена консорциумом национальных трастовых и кредитных компаний. Первые надлунные колонии пережили период неизбежных катастроф из-за ненадежности системы компенсации убытков. В те дни никому не хотелось тратить время на строительство и поддержание защитного слоя от радиации в соответствии с правилами Объединенной системы безопасности, принятой НАСА, Байконуром, Европейским и Японским космическими агентствами. Никто не обращал внимания на рекомендации в области жизнеобеспечения, гибернации или каналов экстренной связи. Каждый килограмм груза, выведенный на орбиту, стоил больших денег, и тратить лишнее не хотелось.

Бухгалтерам и экономистам пришло в голову, что изоляция проводов, датчиков, рабочих станций и жилых помещений от невидимых всплесков электромагнитного излучения в результате взрывов на Солнце является не чем иным, как пустой тратой денег, поскольку солнечные пятна не появлялись уже почти сорок лет. Им представлялось, что это практически беспроблемный вариант, по крайней мере до тех пор, пока Солнце было согласно спокойно светить, солнечный ветер регулярно дул и можно было предсказать количество энергетических выбросов. Бешеные всплески энергии заряженных частиц, казалось, канули в Лету вместе с практически забытыми медными телефонными проводами и любительским радио.

К 2081 году оборот межпланетной экономики был равен валовому национальному продукту Южной Америки. Туда шли деньги, а в ответ на Землю отправлялись грузы с редкоземельными металлами и полученными в условиях невесомости соединениями, продукты статической энергии, данные наблюдений и выращенные в гидропонных теплицах представители экзотической фауны и флоры. Такому сбалансированному обмену угрожала бы гибель, если бы взрывы на Солнце стали повторяться.

По не был наивным и прекрасно понимал, что экономисты всегда пытаются уменьшить цену и снизить расходы на любую программу. В особенности это касалось программ, определявшихся как «предотвращение возможности», имея в виду защитные покрытия, с которых невозможно было получить обратно ни цента.

Но если бы По Моска, или доктор Фриде, или престижный институт Лоуренса смогли бы представить свидетельство суще-

ствования солнечного пятна и убедительно, четко доказать, что любое капитальное сооружение в Солнечной системе может внезапно оказаться уязвимым и что в результате поражающих факторов солнечного взрыва под угрозой будут находиться не только незащищенные коридоры, двери, наблюдательные пункты и приборы, но и человеческие жизни, то тогда те же самые экономисты утонули бы в кипах законодательных актов.

Не было ничего удивительного в том, что декан Уитерс и все научное сообщество хотели бы просто закрыть глаза и надеяться, что Минимум Маундера будет каким-то образом продолжаться. Все эти люди вели себя подобно итальянским крестьянам на склонах Везувия: пока вулкан содрогался и дымил, они хотели собрать еще один или два урожая и лишь затем подумать, куда, собственно, двигаться дальше.

— Сэр, вы не можете не признать, — заговорил По, набравшись храбрости, — что из-за вернувшейся активности солнечных пятен могут пострадать огромное количество людей и практически вся экономическая система.

— Мне кажется, вы имеете в виду «парниковый эффект», — ответил, ничуть не смутившись, декан, — и всю эту шумиху по поводу индустриальных выбросов и глобального потепления. То, как уровень моря поднимется и затопит низинные земли... Но ведь этого не произошло.

Такой уход от ответа обескуражил По.

— Нет, сэр. К тому же никто не связывал эти теории с недостаточной солнечной активностью. Я говорю о другом. Я думал о всех тех упущениях, на которые пришлось пойти, чтобы начать освоение космоса. Ни один из элементов инфраструктуры не оснащен защитой от последствий даже минимального солнечного взрыва.

— Зачем вы хотите раскатать эту лодку, господин Моска? Уж не воображаете ли вы себя вторым Ионой или новым защитником общества? Неужели вы думаете, что, взбудоражив людей и нагнав на них панику, вы сумеете приобрести известность в академических кругах? Или вы считаете, что наш институт или этот университет примут во внимание безответственные спекуляции доктора Фриде и группки студентов-дипломников?

— Нет, сэр. Мне не хочется пугать людей. Но... Но если только доктор Фриде и впрямь что-то обнаружил, то нам, возможно, удалось бы лучше исследовать и понять данное явление, если бы один из институтских телескопов был заранее подготовлен к наблюдениям за аномалией, когда она обнаружится. Мы смогли бы справиться с ней.

— Справиться! Боже мой, неужели вы всерьез полагаете, что что-то может случиться? Хотелось бы напомнить о законе обратной поверхности. Солнце далеко от нас, на расстоянии в сто пятьдесят миллионов километров, и выбросы энергии рассеются в пространстве... Но если даже и произойдет что-либо подобное глобальному потеплению климата, то мы сумеем справиться с этим и без проверки необоснованных суждений доктора Фриде.

— Но я говорил о... — По решил перевести разговор в другую область. — Сэр, неужели я прошу так много, — он слышал, как в его голосе пробилась нотка отчаяния. — Всего одну серию наблюдений?

— Вообще говоря, вы и впрямь просите много. Вы прекрасно знаете, что солнечная астрономия весьма коварная штука. Операторам придется работать в условиях, совершенно непохожих на привычный ночной ритм. Придется пойти на дополнительные меры предосторожности, иначе мы рискуем спалить всю аппаратуру, а ослепший оператор подаст на вас в суд. Могут быть ошибки — да они наверняка будут. Черт побери, из-за этого могут погибнуть люди! Так что нет, мы не собираемся нарушать текущую программу наблюдений и изучать Солнце днем. Мы не пойдем на это, даже если ваш Фриде забросает нас просьбами.

— Я понял, сэр. Могу ли я считать ваш ответ окончательным, декан Уитерс?

— Да. — Декан поднял электрический карандаш и перечеркнул наискось лежащий на экранном дисплее документ. — Прощение отклоняется.

Глава 6

НАВСТРЕЧУ БУРЕ

Предупреждение!

Опасность!

Угроза!

Шторм!

Плазмот проносится мимо магнитных смерчей, способных разорвать его на части и готовых в любую минуту увлечь его в поток разъяренной стихии. Двигаясь между пограничными течениями конвекционного слоя, он выкрикивает свое послание, стремясь перекрыть низкий рев надвигающейся бури.

Гранулярная мозаика мира плазмотов — фотосферные восходящие и нисходящие потоки начинают охлаждаться и постепенно пропадать в холодных облаках, окружающих шторм. Часовому, сторожащему бурю, приходится подходить к самому краю необжитых земель, чтобы точно оценить обстановку, рискуя собственной магнитной структурой, которую может поглотить шторм или которая рассыплется в прах под действием холода. Он знает, на что идет.

В любое другое время он пригласил бы своих соплеменников поиграть на штормовой волне. Оседлав надвигающийся вал, подталкиваемый колонной пенящихся газов, плазмы вихрем пронесли бы по уголкам, недостижимым в обычное время. Энергия ветра, несущего разрушение и хаос, укрепила бы мембраны и просветлила сознание. Такой шторм был бы приятным развлечением, однако сейчас все обстояло иначе.

Дорогу!

Прочь с дороги!

Держись подальше!

Беги отсюда!

За всю свою жизнь часовому не доводилось видеть бури, подобной надвигающейся. Еще ни разу не слышал он о шторме, который двигался бы с такой ужасающей скоростью, покрывал такую площадь и чьи действия совершенно невозможно было предугадать.

Обычно сначала в спокойных, медленно текущих газах неподалеку от полюсов появлялись небольшие подвижные завихрения. Затем они медленно перемещались в более подвижные слои, увеличивались в размерах, свивались в кольца и уносились прочь. На смену им приходили большие по размеру вихри, вздымавшие яростную волну. Наконец разразился шторм, и устанавливалось затишье.

На этот раз все происходило совершенно иначе, не подчиняясь действующим законам. Вслед за первыми небольшими завихрениями появилось огромное двойное пятно, которое родилось в бурных течениях неподалеку от экватора и создало настоящее цунами. И что совсем плохо, никаких маленьких штормов так и не последовало.

Иди!

Лети!

Беги!

Спасайся!

Оставив дозорного, плазматы всей гурьбой устремились по расширяющимся векторам и возвышающимся углам, стараясь оставить себе как можно больше места для маневра в преддверии наступающей бури.

Шторм уже успел удвоить свою силу и сконцентрировать ее. Солнечные пятна, возникшие из бурных течений, накапливали свою внутреннюю энергию, потенциал, переполняя яростью, превосходящей понимание плазмотов. После такого извержения не сможет выжить ни одна заряженная частица, ведь бешеный поток оставит после себя пустыню.

Плазмотам необходимо улететь как можно дальше, когда разразится шторм, несущий им гибель. Поэтому все они скрылись, оставив только дозорного, этого рыцаря без страха и упрека, готового предупредить остальных о грядущей опасности.

Зная, что ему нужно выяснить возможное направление шторма, дозорный двигался медленно, держась на почтительном расстоянии от надвигающегося шквала. Однако он не уходил слишком далеко, боясь ошибиться и не выполнить свой долг перед собратьями. Плазмот все время старался не упускать штормовой вал из поля зрения, порой позволяя магнитным течениям подбрасывать себя вверх.

Так поступали все дозорные и до него.

На мгновение плазмот остановился в растерянности, не зная, двинется ли шторм в правую или в левую сторону через сверкающую от раскаленных газов равнину. И тут он почувствовал, что подплыл слишком близко; энергетические смерчи буквально выхватили его из плазменного потока и подбросили вверх, растрепав состоящую из заряженных частиц структуру. Подобно сверкающей на солнце серебряной рыбке, стремящейся вырваться из невода, плазмот взмывает ввысь, в темноту над фотосферой, где бурные потоки и лава ионов уже не смогут достать его.

Проходя сквозь холодные слои пенумбры, откуда шторм забрал практически все тепло, дозорный понял, что постепенно теряет остроту чувств, а свободной энергии, чтобы задержаться, у него было слишком мало.

Над путником зависло густое облако умбры. Попасть туда значило бы погибнуть — сравнительно низкая температура вынудит частички его тела отдать свой заряд, и плазмот перестанет существовать. Однако ему повезло и на этот раз: неожиданно плазмот отбросило далеко в сторону, и в следующее мгновение он уже двигался по мосту из горячих газов к солнечной короне.

Внизу, под мостом, на котором он очутился, его чувствам

открылись переплетения магнитных полей, создававших вершину бушующего шторма.

Мост из горячих газов был термически изолирован от нестерпимого жара перегретой короны. Плазмот измерил температуру внутри моста. Она составила порядка двух миллионов градусов по Цельсию, если пользоваться земными мерами. Это почти в два раза превышало привычную температуру фотосферы. Тяжеловато, но выносимо.

Выгнувшийся дугой мост, богатый теплом и магнитной энергией, сохранит какое-то время плазмоту жизнь. Однако как дозорный он не справился со своей задачей — его голос больше не может отслеживать и предугадывать направление бушующего шторма.

Теперь на стену темноты, на самый край вечности поднимется новый доброволец из тех, кто сумел ускользнуть от неминуемой гибели. Новый дозорный попытается предугадать движение бури, выкрикивая предупреждение об опасности.

Глава 7

ЖИЗНЬ И ПАМЯТЬ

Чух!

Чух!

Чух!

Чууф!

Лунная колония «Спокойные берега», 9 марта 2081 г.

Основные компрессоры натужно гудели, снижая давление в гараже до трех килопаскалей. Джина Точман почувствовала, как полистироловые волокна ее защитного костюма плотно облепили тело. Сплетенный особым образом костюм, точно соответствовавший весу Джины, облегал кожу в условиях почти полного вакуума, однако не мешал функционированию потовыделяющих желез.

Костюм был достаточно удобен. С помощью оптического сканера и лазерных ножниц удалось добиться того, что одежда стала практически «второй кожей», плотно покрывая каждый сантиметрик тела девушки, если не брать во внимание шлем из волокнистой резины и пластиковые наколенники. Ни по весу, ни по другим параметрам рабочий костюм Джины ничем не отличался от прогулочных одеяний гостей.

Даже для постоянных сотрудников требовалось некоторое время, чтобы к нему привыкнуть. Когда атмосферное давление в гараже упало до нуля, Джина почувствовала, что ткань вплотную прилипла к ее коже, в том числе и в тех местах, которые обычно свободны: в паху, под мышками, вдоль грудной клетки, на сгибах локтей и с тыльной стороны бедер. Однако уже через мгновение организм абсолютно приспособился к новым условиям.

Широкие алюминиевые створки двери втянулись внутрь, выпуская остатки воздуха. Щелкнули соленоиды, и механический привод стал медленно подтягивать освободившиеся пластины к потолку. Джина взглянула на унылый серый пейзаж, отливавший голубовато-зеленым. Поверхность Луны была, как всегда, темной, и Джина знала, что за стенкой гаража ее ожидает пронзительная стужа.

Из встроенного шкафа девушка достала остальные части костюма. Вся прочая экипировка была унифицирована и подходила человеку любой комплекции. Сначала Джина надела теплый джемпер с несколькими слоями горячего геля, предохраняющего от обморожения. Его внешняя поверхность была усилена прочной силиконовой сеткой, способной противостоять микрометеоритам весом до двух десятых миллиграмма. Затем обычно надевалось трико с отражающим слоем, который предохранял от инфракрасного излучения. Однако сегодня девушка решила оставить его в шкафу, зная, что долгой лунной ночью излучение крайне мало. И, наконец, она натянула тяжелые башмаки, чтобы защитить полистироловые волокна от острых камней и валунов.

Одевшись, Джина Точман повернулась к выходу.

Обычно компания возражала, чтобы для одного человека декомпрессия создавалась в таком большом помещении, как гараж, поскольку даже при давлении менее двухсот атмосфер приходилось тратить огромное количество грамм-молекул на восстановление потерянных десяти тысяч кубических метров воздуха. Весь обслуживающий персонал был строго-настрого проинструктирован, как пользоваться ручными замками, с тем чтобы уменьшить расходы. Однако сегодня у Джинины имелись достаточно веские причины воспользоваться главным замком. Девушка подошла к одному из стоявших электрокаров, подъехала к воротам и открыла их.

Туристы, приезжающие в компанию «Спокойные берега», знали, что это главный гараж и грузовой порт. Именно сюда они приходили, побывав у интенданта, и одевались именно здесь, неподалеку от группы каров. Без сомнения, гости отдавали себе

отчет, что пятнадцатиминутная прогулка по Луне достаточно дорогое удовольствие.

Как и любой другой курорт, «Спокойные берега» вел борьбу за клиентуру. Управляющие внимательно выслушивали все жалобы постояльцев и тщательно изучали отзывы, оставшиеся после отъезда групп. Одной из наиболее часто попадающихся жалоб было разочарование прогулкой. «Я ожидала увидеть иное», «Похоже на равнины в Нью-Джерси», «Как будто я попал на Кокосовый берег» — такие замечания встречались снова и снова.

Проведенная серия конфиденциальных опросов показала, что у людей, отправлявшихся на Луну, уже имелось готовое представление о ней как о планете из голых скал, с мягким песком и шуршащей под ногами галькой. Даже выходя из рабочего гаража, они представляли, что лунная поверхность откроется перед ними точно такой, какой она предстала взору первых астронавтов.

Они хотели быть первыми или хотя бы вообразить, что они первые ступают на эту поверхность.

Если бы «Спокойные берега» располагались на берегу моря, подобно курортам на Гавайях или Бермудах, тогда правлению пришлось бы всего-навсего подождать первого тропического циклона. Один штормовой день вернул бы окрестностям свежесть и девственную чистоту. Уже наутро любой турист для вящего удовольствия мог бы вообразить себя Робинзоном Крузо. Однако на Луне не бушевали циклоны, не шли дожди, которые могли бы смыть разлитое топливо, и ни одна волна не нарушала мирный сон песков.

Все это приходилось выполнять Джине.

До того как выехать на залитую нежным зеленоватым светом поверхность, Джина подвесила на машину электростатическую щетку и скребки. Выехав из дверей, девушка включила поляризатор и оглянулась.

Электромагнитные пальцы сбивали и перемешивали песок, возвращая ему первозданный вид, стирая следы от гусениц, башмаков и колес. Разбросанные там и сям металлические детали, яркие нейлоновые обертки и куски материи прилипали к специальным экранам, как и капли пролитого горючего.

Точман проехала около сорока метров вперед вдоль главной дороги, затем повернула вправо. Зона для прогулок представляла собой трапецию длиной в четыреста метров, начинавшуюся у входа в гараж. Экраны очищали лунную поверхность от всех

следов человеческой жизнедеятельности, не забывая замечать собственные следы.

Опыт подсказывал Джине, что убирать такую большую по размерам территорию не было необходимости, поскольку даже самым непоседливым из туристов быстро надоело бродить по песку и карабкаться на близлежащие холмики. Атмосферное давление на Луне было низким, подогнанные точно по фигуре костюмы порой могли вызвать растяжение мускулов ног, а теплые джемперы сковывали свободу движений. Посетители быстро уставали, и, как правило, ни у кого не возникало желания прогуляться к виднеющимся на горизонте горам или уходить далеко от посадочной площадки.

Когда через часок Джина выведет своих подопечных на прогулку по Луне, они походят неподалеку, сделают несколько прыжков, поваляются в песке и будут считать, что уголок, где расположен курорт (с регулярно очищаемым песком), и есть частица девственного лунного пейзажа. Затем кому-то придет в голову, что сейчас самое время для коктейля, да и костюмы начнут натирать в самых неожиданных местах, и через некоторое время насладившимся унылым пейзажем туристам захочется обратно. Они останутся слегка разочарованными, но эта разочарованность не будет иметь ничего общего со следами гусениц или целлофановыми обертками на песке. Скорее наоборот, посетители почувствуют, что их чаяния сбылись, а на администрацию жаловаться никто и не подумает.

Джина сделала последний круг по лунной пыли и въехала на бетонный пол гаража. Шоу должно продолжаться.

16.04.22

16.04.23

16.04.24

16.04.25

Пересыльная станция «Коннор», 10 марта 2081 г.

Питер Спивак неотрывно следил за секундной стрелкой часов, кивая головой в такт отсчитываемым мгновениям. Осталось тридцать пять секунд до той минуты, когда экипаж наглухо закроет шлюз, и в этом случае только начальник дока сможет отложить старт. Лучевой факс от мисс Шерил Хастингс уже не застанет адресата.

Четыре дня назад они с Шерил очень крупно поссорились. Питеру предстояло проработать полтора года наблюдателем на

Марсе, а Шерил оставалась на Земле рисовать своих фантастических героев из сказок и легенд Средневековья: лесных эльфов и покрытых броней драконов. И вся проблема отчасти, нет, если быть честным, то полностью, заключалась в этой злополучной поездке.

Восемнадцать месяцев вне Земли, а если посчитать еще девять месяцев туда и почти столько же обратно, то и все тридцать шесть. Три года разлуки, прерываемой лишь видеопередачами да приносящими боль короткими сеансами связи с Марсом, от четырех до шестнадцати минут. Они были бы ближе друг к другу, сидя в одиночных камерах и перестукиваясь. Не говоря уж о том, что поездка была опасной... Да, еще и это. Питер мог замерзнуть на Марсе, но не менее вероятным было то, что Шерил могла погибнуть на Земле. В их городе человеческая смерть уже давно стала обычной вещью.

Сперва Питер посчитал, что их отношения достаточно серьезные, чтобы выдержать разлуку, да и поездка представлялась заманчивой. Его знания геотехники высоко ценились, а если прибавить к этому бонусы за работу вне Земли, плату за межорбитальные полеты, специальные медицинские пособия плюс отпускные на отдых и восстановление сил, то банковский счет Питера Спивака по возвращении на Землю составил бы ровно половину от пенсионера. Они с Шерил могли бы поселиться где угодно, и пусть она рисует свои фантастические картинки хоть до конца дней. Питер понял, что такая удача бывает раз в жизни и упускать ее нельзя.

«Карпе дием! — весело провозгласил Питер, когда узнал, что Фонд межпланетных полетов принял его заявление. — Воспользуйся случаем!»

«На самом деле твоя пословица гласит: «Схвати день!», — сухо заметила Шерил, когда до нее дошел смысл принесенной Питером новости. — Это значит, что человеку положено жить каждую минуту, то есть не имеет никакого отношения к тому, что ты собираешься делать. Наоборот, ты хочешь поместить себя в гигантский холодильник, чтобы когда-нибудь в далеком будущем ты смог бы зажечь привольно, если ты вообще вернешься и если не привезешь с собой какую-нибудь вирусную мутацию. Я уж не говорю, что тебя может покалечить микрогравитация и ты проведешь всю оставшуюся жизнь в инвалидном кресле, мучаясь от боли в ногах. Так что «хватай день», мой дорогой».

Когда же Питер робко принялся объяснять, что фонд предлагает Шерил работу технического иллюстратора с оплатой до-

роги и практически теми же льготами, она громко рассмеялась прямо ему в лицо.

Другого разговора на эту тему так и не состоялось. Питер продолжал действовать по намеченной программе, проходил необходимые тесты, проверки способностей, медицинское обследование, личную совместимость и сражался с ворохом бумаг. Шерил продолжала каждый день рисовать, безучастно занималась с ним любовью по вечерам и держала эмоции при себе. Она ни разу не сказала ему «не уезжай» или «я буду ждать тебя».

Когда Питер уезжал в аэропорт, чтобы сесть на стратоплан и преодолеть расстояние в 430 миллионов миль, Шерил холодно простилась с ним, немедленно поменяла замки и переписала счета на оплату квартиры.

На каждой из остановок: в Ванденберге, здесь, на «Конноре», на Лунном перекрестке и в точке Л2, где он собирался сесть в звездолет до Марса, Питер посылал и собирался посылать электронные карточки. Это были красивые, дорогие репродукции межпланетных пейзажей. Каждая карточка составляла всего 128 байтов, в которые он буквально вкладывал душу, надеясь получить в ответ хотя бы какие-нибудь обнадеживающие слова: «люблю тебя», «пожалуйста, возвращайся», «лечу следующим рейсом».

Она так и не ответила, хотя, возможно, он получит весточку от Шерил позднее, на заключительном отрезке пути. Но пока ничего.

Сейчас его часы отсчитывали последние секунды до закрытия люков в 16.05.00. Переходной шлюз на парковочной стоянке станции «Коннор» закрылся. Со своего места Питер видел верхушку станции, и вдруг воздушное давление в корабле начало меняться, касаясь невидимыми пальцами кожи и закладывая уши.

Иены

Риалы

Марки

Доллары

«Гонконг-2», Британская Колумбия, 11 марта 2081 г.

Уинстон Цян-Филипс наблюдал за приливом. Еще солнце не успело взойти над Прибрежными горами, как первые струйки денег потекли на Гонконгскую биржу, предвещая новые возможности и поднимая даже грошовые акции в цене.

Для Уинстона «наблюдение за приливом» не было просто поэтическим образом. Доверяя больше внутреннему чутью, нежели глазам, Цян-Филипс наблюдал, как ставки зеленой рекой протекали между брокерскими местами, заставляя двигаться огоньки на мониторах. Уинстон остановился на мгновение, наслаждаясь зрелищем, и неспешно уселся перед компьютером.

Общий объем денег, находящийся на открытых и активных рынках Западного полушария, оценивался в пятьдесят триллионов долларового эквивалента, хотя точную сумму назвать не мог никто. Связанные в единую сеть рынки, вовлеченные в торговлю, упорно отказывались назвать цифру, считая это плохим предзнаменованием. Однако Уинстон считал, что сумма в пятьдесят триллионов отражает реальное состояние дел.

Безусловно, нужно было принимать во внимание скорость. Доллар в покое обладает значительно меньшими возможностями, чем доллар в движении. И будучи прокрученной раз в год, или даже в день, такая сумма не могла бы оказать серьезного влияния на биржевое положение дел. Такой эффект можно сравнить с ударом слабого больного человека. Но если ту же сумму запустить в оборот четыре, пять раз в сутки, она приобретала скорость. Такой темп нес с собой огромную силу, подобно здоровяку, решившему вмешаться в стычку у стойки бара.

Так что вполне возможно, что сумма составляла меньше, чем пятьдесят, но это были триллионы! Даже двадцать триллионов с хорошей скоростью оборота могли показаться в два или в три раза больше для всякого находящегося в гуще событий и в течение восьми часов непрерывно совершающего сделки. А к вечеру глаза всех участников сделок обращались на Запад, вслед за потоком денег, летящим к токийской бирже «Никкей».

Из университетского курса по истории денег Уинстон Цян-Филипс узнал, что семьдесят лет назад мир пришел к круглосуточным операциям и полностью компьютеризованному финансовому рынку. В те времена бытовало мнение, что деньги нужно делать двадцать четыре часа в сутки, даже во время сна. Однако все эти мечтания канули в Лету после «Машинных паник» 2002, 2005, 2007, 2008 и 2009 годов.

Сегодня процессом снова управляли люди с небольшой компьютерной помощью. Но если людям нужно время для сна, то деньги не нуждаются в этом, поэтому после напряженной дневной сутолоки, в последние минуты перед возвещающей о закрытии торгов сиреной, люди этой половины земного шара оставляли деньги на сертификатах ночного депозита, что приносило им небольшую прибыль, пока они отправлялись домой есть, спать и развлекаться. В это же самое время деньги оказывались факти-

чески предоставленными самим себе, привлекая внимание инвесторов другой половины земного шара и резко повышая общий объем «свободного доступного кредита».

Поэтому, когда заря заглядывала в окна биржи, а с Востока начинался приток денег, наступало время для скупки. С закатом начинались распродажи, и деньги перетекали на Запад.

«Прилив поднимает все лодки», — говорил когда-то Уинстону его дедушка Цян-Нулин, когда тот был еще мальчишкой. Его дед полагал, что так оно и есть, но теперь Уинстон мог бы добавить: «Не считая тех, что на короткой цепи».

Всю жизнь Уинстон Цян-Филипс посвятил тому, что поступал всегда наоборот. Поэтому, когда с закатом деньги переключивались на Запад и когда всех обуревало желание продавать, Уинстон скупал капитал как ненормальный. Он покупал даже те компании, которые больше всего пострадали за время торгов и могли достаться по дешевке. Он обдирали как липку попавших в бедственное положение и принужденных сдаваться на милость победителя.

Под утро, когда на биржу устремлялся поток денег и все принимались активно покупать, Уинстон выставлял на торги все то, что приобрел накануне. Наибольшую прибыль ему давали те, кто, обладая большими денежными суммами, теряли темп и потому стремились лихорадочно наверстать упущенное.

В промежутке, когда на рынке наступало затишье, Уинстон активно кредитовал те компании, чья якорная цепь оказывалась слишком короткой для надвигающегося прилива.

Нынешнее утро не составляло исключения. Понаблюдав за приливом, Цян-Филипс вошел в будку и принялся аккуратно рассортировывать вчерашние приобретения. Как и всегда, Уинстон ожидал резкого подъема биржевого курса после вчерашних срочных распродаж, чтобы выставить лоты.

У Цян-Филипса имелось несколько неплохих предложений местных угольных компаний, которые лежали в папке с другими предложениями по энергетике. За последние шесть месяцев дела на этом рынке обстояли неважно, а из-за длительного правительственного запрета на сжигание угля и выработку кокса акции скорей походили на музейные экспонаты. Однако сейчас, похоже, складывался благоприятный момент, поскольку активно стали циркулировать слухи о наметившемся росте в угольной химии и строительных волокнах. Стоит только предложить, и покупатель, несомненно, найдется.

Имелась у Уинстона и еще одна вещь из лавки старьевщика — акции лесной компании. Эта фирма обладала правом сбора, и только сбора пихт третьей посадки с участка леса в че-

тырнадцать акров, расположенного у Водораздельного хребта. Когда-нибудь эта жемчужина принесет ему целое состояние.

Цян-Филипс собирался выставить еще добрую дюжину лотов, в основном опционы и инструментальные компании, однако все они представляли немалый интерес, особенно сейчас, когда день еще только набирал обороты. Это была его дневная работа — продать все лоты до девяти часов, чтобы на несколько часов, до наступления времени продаж, заняться последним проектом.

Уинстон унюхал новую возможность заработать в последних объявлениях Титанового Картеля. Эта компания была уже наготове к тому, чтобы доставить на Землю первый груз жидкого метана, что являлось важным сырьем для мировой промышленности из-за повсеместного запрета на добычу полезных ископаемых. Доставка груза, о которой сообщалось в предложенном на всеобщее обозрение расписании полетов, подтвердит, что система работает надежно. Тогда можно ожидать падения высокой цены на природный газ, установленной Ассоциацией разработчиков провинции Альберта. Это приведет к вымыванию акционерного капитала вкладчиков и к падению котировок всех прочих добывающих и трубопроводных компаний планеты. Самое время пойти против течения!

Уинстон Цян-Филипс копил деньги неделями, прекрасно понимая, что скорость оборота капитала падает, но в нужный момент он будет готов побороть, покупать и еще раз покупать. Когда дилеры поймут, что первая доставка грузов на запущенном год назад автоматическом носителе означает начало неиссякаемого источника энергии, и будут изо всех сил рваться на рынок, с кем тогда им придется иметь дело? Естественно, с ним, Уинстоном Цян-Филипсом, с Домом Цянов, Бароном Газовых Месторождений, Императором Голубого Огня, Уинстоном Первым.

Идущие наперекор всегда побеждают, поведал ему когда-то дедушка Цян-Нулин.

Угри в желе

Яички барашка в меду

Жареные куропатки

Язычки жаворонков в перечном соусе

Помпеи, 24 августа 79 г. н. э.

Джерри Козински расположился во дворике своей виллы, раскинувшейся над Неаполитанским заливом, и медленно жевал завтрак. Большинство блюд оказались вполне съедобными, хотя

их описания, сообщенные рабами, привели его в смятение. Запахи пищи, подобранные банком данных компании «Виртуальность», были куда ближе к обычной диете Джерри, состоящей из промышленных протеинов и чистых обработанных сахаров, чем к каким-то диким птицам, пойманным в гнезде и обжаренным на прогорклом масле.

Козински занимал в Помпеях видное положение отчасти благодаря унаследованной доле богатства — он был далеким потомком одной из ветвей Суллы, — отчасти благодаря торговле зерном с Египтом. Являясь откупщиком государственной монополии и спекулируя иногда на рынке, Джерри ухитрялся получать прибыль от пятисот до пяти тысяч процентов. Согласно сценарию, подобные доходы позволяли ему без помех проводить утро на горной террасе, наслаждаясь видом на город и залив.

Жизнь казалась бы земным раем, если бы не жара. К «восьмому часу», на языке местных жителей, солнце уже стояло высоко и ни малейшего ветерка. Улицы были пустынно, если не считать нескольких собак и бездомных детей: ни путешественников, ни бродячих торговцев у местного рынка, ни гладиаторских боев в амфитеатре, ни спорящих на форуме богатых сенаторов, ни попрошайек-нищих, ни любознательных школьников — словом, никого из тех, кого он должен был по сценарию встретить. «Наверняка, — подумал Джерри, — все разбежались по домам, спасаясь от изнурительного зноя».

Но все-таки, а где же остальные? Представители «Виртуальности» уверяли, что в игру вовлечены сотни людей и Джерри придется общаться с ними на протяжении отпущенных ему двенадцати часов. Безусловно, он не знает всех правил, но трудно поверить, что люди выкладывали столь крупные суммы, чтобы увидеть домашнего раба, ребенка да собаку; иные живые существа Джерри пока не попадались.

Далеко внизу, на водной глади залива, замерли несколько рыбацких лодчонок да широкое торговое судно. Лишь военный корабль, похожий по виду на трирему, продолжал бороздить недвижные воды. Прозрачный воздух доносил до Джерри удары барабана и мерные выкрики гребцов. Интересно, а изъявил ли кто-нибудь желание стать рыбаком или галерным рабом? И сколько пришлось заплатить им за столь невеселое начало?

Раскаленный добела воздух казался Джерри предвестником землетрясения. В самом деле: сценарий игры гласил, что эта область, которая называется Кампания, в течение последних двенадцати лет неоднократно подвергалась землетрясениям, то есть практически всю его жизнь. Всякий новый удар оказывался

сильнее предыдущего, и теперь Джерри полагал, что следующее землетрясение может превысить по шкале Рихтера знаменитые токийское и сан-францисское. Однако сегодня утром пока было тихо. Угловые камни дворика не выказывали признаков начинающейся катастрофы, хотя за ними надо было приглядывать в первую очередь.

За исключением Джерри и прочих вовлеченных в игру, в Помпеях никто не знал, какого рода катастрофа должна произойти, тем не менее все ожидали, что скоро случится нечто ужасное. Но все равно, разве будут люди, а тем более игроки, пассивно скрываться за дверьми и разве не будут они осматривать город и искать пути отступления?

Джерри Козински выпил бокал прекрасного безалкогольного красного вина и принялся изучать раскинувшийся у подножия холма город: улицы, доки, площади, дороги, отыскивая путь спасения. Три варианта показались ему наиболее интересными.

Да, игра получится захватывающая.

Поворот

Поворот

Поворот

Еще поворот

**Орбитальный пункт 37Ц, 625 километров над уровнем моря,
13 марта 2081 г.**

Орбита восьмой гериатрической станции «Освобождение от болезней» была ниже допустимой на добрую тысячу километров, как сообщила служба наблюдения компании «Азимут партнерс».

Радионавигатор Меган Паттерсон, исполняющая обязанности менеджера гериатрической станции, сбросила радиограмму со стола, наблюдая, как та под действием микрогравитации грациозно изогнулась, коснулась края стола и медленно заскользила через отсек к противоположной перегородке.

Низкая орбита не являлась слишком серьезной проблемой. Дело было поправимо. Куда хуже оказалось то, что с межпланетной станции наблюдения зафиксировали неправильную конфигурацию корабля.

Из-за частичной гравитации Меган порой не была уверена, что пол находится внизу, доверяя лишь своим ощущениям, поскольку создаваемое давление было искусственным, инерциальным. Глядя через иллюминатор на неподвижные звезды и про-

плывающие внизу клочья белых земных облаков, она теряла ощущение пространственного полета.

Станция представляла собой три больших блока, подвешенных к подобию коромысла и больше всего походивших на летящее по небу болас аргентинских гаучо. В центре располагались универсальный стыковочный узел, кольцо камер хранения и рабочие отсеки с нулевой гравитацией, а также каюты для выздоравливающих после операций. В каждом отсеке располагались помещения с нормальным давлением, гидропонные секции, продуктовые склады, комнаты тренажеров и прочее оборудование, способное переносить небольшое ускорение. Два боковых блока были длиннее серединного, но их размеры можно было менять в зависимости от пристыкованного модуля. Такая конфигурация была не слишком удобна, но она недорого стоила и ее легко было запустить.

У них, на Земле, размышляла Меган, голова болит лишь о том, как сэкономить деньги. Занять более низкую орбиту, построить простую модулярную конструкцию с плавными медленными поворотами, а потом забыть о ней, подсчитывая деньги, текущие от трестов или из семей благодарных родственников. Там, на Земле, они допустили всего одну ошибку в расчетах, однако весьма неприятного свойства. Не обратив внимания на то, что порог ошибки должен быть нулевым, инженеры запустили орбитальную станцию с вращением под правым углом к земной поверхности, вместо того чтобы задать ей параллельную орбиту. Безусловно, рекламные буклеты справедливо утверждали, что такая ориентация позволит каждому пациенту наслаждаться земными видами из космоса, но куда важнее было то, что изменить направление и скорость вращения движущейся станции куда легче, чем неподвижной. Очередная экономия.

Самым же важным оказалось то, что подобная конфигурация порождала длительную нестабильность. С каждым поворотом один из блоков зарывался глубоко в верхние слои атмосферы и потому двигался медленнее. По оценкам службы наблюдения, такое торможение может привести к дестабилизации станции уже через шесть месяцев. Всему персоналу и инженерам придется эвакуировать больных в запасные каюты, избавиться от балласта, погасить вращение, сменить ориентацию, направление и снова начинать движение. А если и это не сработает, то придется переходить на более высокую орбиту, и компания вынуждена будет раскошелиться.

Причем, что бы там ни было, весь бюджет Меган, все квар-

тальные, годовые выплаты, бонусы, дивиденды — все полетит в тартарары.

Во всей грядущей неразберихе вину возложат не на чугунные головы, создавшие дизайн этой консервной банки, не на бухгалтеров, которые ради лишнего centa готовы удавиться, а на нее, радионавигатора Меган Паттерсон!

Меган мрачно взглянула на листки радиограммы, прилепившиеся к перегородке отсека.

Господи! Меган надеялась, что легкие шумы из вентиляционной системы не означают начало суматохи. Она напряженно прислушалась, однако пока намеков на дестабилизацию не было. Пока.

Резка

Ковка

Прессование

Штамповка

**Муниципальный аэропорт Дукесне,
Маккиспорт, Пеннджерси, 14 марта 2081 г.**

Работа с алюминизированной синтетической пленкой казалась Брайану Хольдструпу сушим адом. Материал был толщиной всего в один микрон, или полмиллиметра, и вдобавок приклеивался к любой близлежащей поверхности.

Брайану пришлось создать условия стерильной чистоты в помещении, значительно превосходящем по размерам боксы яхтсменов былых времен, и все лишь для того, чтобы справиться с непокорной пленкой. Он нанял целый ангар в местном аэропорту, наглухо заделал двери, окна и трещины в гофрированном потолке, вташил внутрь воздушный замок, насосы и прочее фильтровальное оборудование. Помимо этого, ему потребовалось вымыть, вычистить и посыпать песком пол и стропила, а затем с помощью чистого азота понизить давление, и все эти манипуляции Брайан проделывал в кислородном снаряжении.

Разобравшись с окружающей средой, Хольдstrup принялся возиться с упрямой пленкой, с мотками проволоки, воздушными вихрями и антистатическими винтами. Он не мог работать руками, поскольку выделяющаяся даже сквозь хлопковые перчатки влага мешала работать с пленкой, а резиновые или пластиковые перчатки слишком быстро создавали статический заряд.

Звездный корабль Хольдструпа имел двадцать две усиленные лопасти, его прототипом служила конструкция автожира. После

запуска ему необходимо было сразу же придать сильное вращение, чтобы получить наибольший эффект. Каждая лопасть была длиной почти в целый километр и имела около ста метров в ширину. Сейчас Брайан кроил, сжимал, резал их гофрированные полосы, готовясь к будущим стартам.

До чего же тяжелая работа! Брайану безумно хотелось пригласить кого-нибудь на подмогу, однако это было запрещено правилами. Не то чтобы уже объявили какую-то гонку, но все солнечные регаты следовали одному и тому же принципу: ты можешь выставить лодку любой конфигурации, но должен сам ее сконструировать и построить.

Такие регаты были не для слабых, поскольку работа с квадратными километрами пленки толщиной в микрон требовала гигантских усилий. Здесь не было места непосадам, ибо участнику регаты приходилось совершать по пятнадцать миллионов однообразных движений во время упаковки корабля, бесчисленное количество раз скручивая, свертывая, сворачивая. И уж, конечно, в регатах участвовали только люди с туго набитой мошной. Кто может себе позволить истратить добрую сотню тысяч долларов на оборудование и материалы, чтобы получить приз, составляющий не более процента от указанной суммы.

По крайней мере на регате не требовался статус любителя. Сам Брайан Хольдструп являлся владельцем и управляющим компании «Фотон пауэр», выполняя вдобавок еще и обязанности генерального конструктора. Единственный способ держаться впереди конкурентов — это участвовать и побеждать в «Транслунной гонке», «Круговом поясе», «Солнечной собаке» и других регатах. На сегодняшний день в активе Брайана имелось три золотые и одна бронзовая медаль, а его проекты пользовались устойчивым спросом на рынке.

И все-таки все эти заботы, монотонные, однообразные движения... Нет, Хольдструп не стал бы заниматься этим только ради денег. Дело в другом.

Брайан любил изящество прекрасного дизайна, любил узкие поверхности, отражавшие давление света солнца и звезд во время полетов по грациозно изогнутой параболической орбите. Он наслаждался признанием, восхищением и уважением, всегда окружавшим победителей.

Именно это заставляло его до ночи трудиться над своей яхтой, когда губы покрывались липкой слизью от фильтра кислородного аппарата, когда глаза горели от натрия, испарявшегося с поверхности пленки, и когда руки тряслись от тяжести, которые приходилось непрерывно поднимать.

Он шел на это ради славы.

*Ускорение
Вращение
Поиск
Захват*

Уитни-центр, округ Тулар, Калифорния, 16 марта 2081 г.

Будучи руководителем Центра управления запуском, Наоми Рао отвечала за своевременное выполнение полетов, и сейчас ее начало трясти, так как в расписание они не укладывались. Техники в главном сборочном зале вдували пену в керамический грузовой отсек и устанавливали взрывные крепления. Пена должна была погасить удар от запуска при перегрузках около пяти сот единиц.

Затем экипаж завел корабль под струю частиц, придавая ему мягкое алюминиевое покрытие. В пусковой трубе было создано плазменно-индукционное поле, и керамический отсек вместе с содержимым медленно скользил вдоль жгутиковых электромагнитов.

После этого рабочая команда установила ракету в дальнюю плоскость трубы, где электрическая дуга силой в несколько мегаватт превратит алюминиевую пудру в плазменное облако.

В конце концов экипаж закрыл и опечатал дверь воздушной переходной камеры.

Наоми остановила секундомер. Бесстрастная стрелка показала, что экипаж затратил все двадцать две минуты резервного времени на подготовку к запуску.

Вот невезение! Если так будет продолжаться, то они никогда не смогут выдерживать график, спущенный сверху. В конце концов, утешила себя Наоми, от непредвиденных задержек еще никто не был застрахован.

Имелись и свои внутренние ограничения. Вся подготовка к пускам осуществлялась на высоте ниже трех километров над уровнем моря, в хвосте одиннадцатикилометровой трубы, выходящей на восточный скат горы Уитни.

Восемь лет назад, когда магнитные катапульты только-только появлялись, гора Уитни, с ее разреженным воздухом, высотой в 4420 метров, представлялась прекрасным местом для запуска высокоскоростных кораблей из-за уменьшенного атмосферного сопротивления. Конструкторам понравилось и то, что этот пустынный горный кряж находился далеко от населенных пунктов и позволял гасить шум от запускаемых ракет, ибо в те годы эффективных поглотителей звука еще не было.

Уитни-центр был выстроен еще в прошлом столетии и пред-

назначался для запуска грузов. Тогда орбитальные полеты еще только начинались и обслуживающий персонал центра вместе с руководством гораздо спокойнее относились к расписанию. В то время любой запускаемый корабль отличался от предыдущего, и у рабочих имелось время на то, чтобы превратить каждую ракету и ее покрытие в подлинные произведения искусства.

В те дни с космодрома в пространство запускались небольшие спутники и дискретные грузы. Так что люди могли позволить себе быть неторопливыми, спокойными и вдумчивыми. Ну а сегодня в орбитальное пространство отправлялись куда более сложные и мощные модули и станции.

Если бы у Наоми появилась возможность переоборудовать космодром в духе сегодняшнего времени, она сделала бы так, чтобы грузы собирались, упаковывались, маркировались и подвергались напылению на самом заводе. Тогда можно было бы создавать запасы грузов и производить пуски точно по расписанию.

Все было бы хорошо, если бы не главный элеватор, который был на два метра короче обычной грузовой партии. Инженеры компании проработали все возможные варианты доставки заранее подготовленного груза к катапульте, пробуя двигать ракету волоком, острой частью вперед, деля ее на две части, но всякий раз грузовое пространство у элеватора оказывалось то слишком узким, то неправильной формы, то что-то еще сводило на нет все усилия. Дизайнеры прошлого столетия проделали огромную работу, но они не учли возможности дальнейшего переоборудования космодрома, не зная, каких высот может достичь человеческая мысль.

Таким образом, первым ограничением являлись размеры и глубина сборочного отсека.

Во-вторых, если бы строители прошлого прорубили большее по размеру рабочее помещение, то тогда Наоми смогла бы установить вторую линию сборки и увеличить производительность. Грузы можно было складировать в секции предполетной подготовки, и неувязка с расписанием была бы разрешена.

Но тут возникала новая проблема.

У конструкторов и строителей двадцатого века не было современной технологии слияния. Индукционные катушки с вращающимися на концах валов электрическими генераторами приводились в движение способом, вызывающим сегодня улыбку снисхождения: паром и непрерывным потоком воды. В то время еще не был найден дешевый способ генерирования двухсекундного импульса мощностью в восемнадцать мегаватт, необходимого для придания грузам орбитальной скорости. Поэтому внутри скал вдоль восемнадцатикилометрового тоннеля тя-

нулись длинные ряды конденсаторов. На их подзарядку требовалось время: восемь минут и двадцать две секунды, если быть точным. Таким образом, даже если Наоми и смогла бы складировать грузы, запуски от этого быстрее бы не стали.

Безусловно, в прошлом компания прорабатывала несколько возможных путей развития. В Джанкшн-Медоу был построен новый комплекс, использующий клистроны в качестве элементов слияния взамен отживших свой век конденсаторов и индукционных катушек.

Тем не менее потребуется много времени и денег на подобную модернизацию. Чтобы сменить элеватор и расширить рабочие помещения, компании придется закрыть комплекс, извлечь тридцать тысяч метров скальных пород и заново отстроить элеватор, сборочный зал и тамбур. Понадобится разобрать пятьдесят километров рельсов и жгутиковых магнитов, перестроить индукционную линию и, видимо, усовершенствовать линзы на входе эжектора, иначе пусковой механизм не изменить. И уж во всяком случае, при жизни им не стоит даже надеяться поприступствовать при первом запуске с переоборудованного космодрома.

Когда-то Наоми в шутку спросила главного инженера: «Почему мы продолжаем копать в этой яме чайной ложкой? Не лучше ли пойти поискать лопату?» В ответ ей холодно заметили, что у нее нет времени искать лопату, а есть расписание полетов, которое она должна соблюдать.

Поэтому на космодроме все оставалось по-прежнему. Грузы спускались вниз, где собирались и упаковывались вручную, все также заряжались конденсаторы, которые могли работать бесконечно, а ракеты отправлялись в космос тем же дедовским способом. Расписание запусков, продиктованное экономической необходимостью и властью денег, казалось высеченным из камня. Оно довлело над всем, эта альфа и омега, бесконечно раскручивавшаяся спираль.

Через пятнадцать секунд после того, как двери тамбура закрылись, Наоми почувствовала, как завибрировали вакуумные насосы. Следом вспыхнули электроды, и облако плазмы с горящим внутри яйцом из пены и груза проплыло вдоль линии индукционных магнитов. Двумя секундами позже очередная грузовая ракета со стальными изделиями, силиконовой сетью, медикаментами, канистрами с водой, емкостями с благородными газами отправилась в далекое путешествие к небесному куполу.

Космодром работал, как хорошо смазанные старинные часы: неторопливо и предсказуемо.

*СН4... 20-1/8**СН4... 19-3/4**СН4... 19-1/8**СН4... 18-1/2***Западная торговая палата, Чикаго, 17 марта 2081 г.**

Лександр Бартельс мрачно наблюдал, как октябрьские квоты природного газа продолжали падать. Буквы и цифры, еще две минуты назад плавно скользившие по левому дисплею, стремительно понеслись вниз. По мере увеличения скорости цвет цифр из бледно-голубого превращался в ярко-белый.

«Черт поberi!»

Даже без графических расшифровок Бартельс мог с уверенностью сказать, что ему предстоит разрешить серьезную проблему. Он научился читать и переосмысливать первичную цифровую информацию задолго до того, как виртуальная реальность проникла в сети передачи данных делового мира.

У Лександра была возможность сообщить «большим дядям» из Титанового Картеля, что их глупые и самодовольные пресс-релизы собьют цену, поскольку запасы метана в насыщенной и почти полностью состоящей из углеродных соединений атмосфере Титана были практически неисчерпаемы, чего нельзя было сказать ни о глубоких газоносных скважинах в Колорадо, Техасе и Альберте, ни о метановых полях в окрестностях практически любого крупного американского города. Всё это придавало товару, предлагаемому Картелем, высокую значимость.

Еще вчера цены на будущие октябрьские поставки держались около отметки тридцать пять пунктов за тысячу кубометров, а сегодня они падают все ниже и ниже. Если дела пойдут так и дальше, то к завтрашнему дню предлагаемой цены окажется недостаточно даже для разработки озера с жидким метаном в двух шагах от Чикаго, а что говорить об автоматических станциях и беспилотных рассеивателях солнечной радиации, вращающихся на орбитах вблизи Сатурна?

Бартельсу нужно было срочно что-то предпринять.

Может ли он загнать джинна обратно в бутылку? Например, попросить Картель опровергнуть релиз?

Бесполезно, ведь этому никто не поверит, а цена будет продолжать падать.

Но в таком случае не могут ли они объявить о задержке? Например, техническая неисправность вроде утечки газа из цистерны или какая-нибудь авария, что угодно: поскольку Сатурн

далеко от Земли, никто не сможет это увидеть и узнать истинную подоплеку событий. В таком случае паника уляжется, и цена на газ снова поползет вверх.

Да, но ведь руководители торговой палаты потребуют провести расследование и предоставить неоспоримые доказательства, а если их не будет, то Бартельс с сообщниками предстанет перед судом за рыночную спекуляцию. Торговцы уже давно искали подходящий случай, чтобы монополизировать какой-либо товар, а новый источник полезных ископаемых, недоступный для подробных исследований и зависящий от дальнейших разработок новых технологий, явится прекрасным шансом для них.

Поэтому если ничто не остановит падение цен на газ, то весь экономический фундамент Титанового Проекта может рухнуть еще до того, как Картель доставит и выставит на торги первую партию газа. Интересно, будут ли заправилы Картеля продолжать смеяться дальше?

Лександру нужно было срочно что-то придумать.

Но что?

Ниже

Ниже

Ниже

Ниже

Фобос, 18 марта 2081 г.

Киффер I, Великий князь Главных Песков и наследный лорд Фобоса, окинул взглядом свои простиравшиеся до горизонта владения и посмотрел вниз, на плывущие пространства Марса, отливавшие белым, черным и серовато-желтым.

На Земле даже самый величайший из всех императоров в истории человечества знал, что его власть имеет естественный предел. Он не мог знать, что где-то далеко за горизонтом лежат земли, неподвластные его законам. Или, что еще хуже, неподалеку мог катить свои волны океан, где человек чувствует себя странником, подвластным воле Нептуна, владыки водных глубин.

Земля была сильнее человека и смеялась над его притязаниями.

Но здесь, на Фобосе, все обстояло иначе. Киффер I, урожденный Джеймс Ф.Брен из Миссулы, штат Монтана, не разделял свои владения ни с богами, ни с людьми. Быстрой уверенной походкой властелин Фобоса мог всего за полчаса обойти Большую Окружность планеты. Еще меньше времени занимал полет на одном из скутеров. На Фобосе не было океанов и име-

лась лишь одна впадина, кратер Холла, который Киффер I мог обследовать всякий раз, когда у него возникало желание.

Конечно же, всегда оставался открытым вопрос, что происходит на обратной стороне планеты. Глаза человека не могут объять все разом, пусть даже он и абсолютный монарх, у которого есть видеомониторы и анализаторы, изучающие обстановку. Ведь кто-то мог, улучив минуту, приземлиться там, на его территории, и начать завоевание! Вдруг кто-то там, за горизонтом, строит козни и злоумышляет против государя!

Чтобы такого не случилось, Киффер I регулярно облачался в скафандр и обходил планету пешком. Будучи наследным лордом Фобоса, он не боялся показываться в подвластных ему землях.

В знак особой любезности и благосклонности ко многим там внизу Киффер I давно дал согласие следить за работой широкополосного ретранслятора, установленного в его чертогах на Фобосе. Прибор координировал посылаемые с матери-Земли сигналы в те двенадцатичасовые марсианские дни, когда старуха ночь отвращала Главные Пески от взора Солнца. Тем самым Киффер I держал в руках основное звено, связующее обитателей Марса с основной частью человечества.

За этот акт королевского великодушия и ряд других Киффер I был известен как справедливый и снискавший популярность владетель. Ведь он и в самом деле являлся признанным благодетелем. Королевский собрат!.. Ах, если бы только он был уверен, что никто на обратной стороне планеты не собирается начать революцию! Смотреть вдаль и следить за мониторами недостаточно, во всем нужно убедиться лично.

Поэтому в шестой раз за день Киффер I натянул скафандр и выбрался из главного тамбура ретрансляционной станции. Князь собирался на очередную легкую прогулку и был уверен, что успеет вернуться назад раньше, чем кто-либо на обратной стороне планеты сможет его заметить.

Кап

Кап

Буль

Плюх

Ферма «Стонибрук», зона Л-3, 19 марта 2081 г.

Главный управляющий Алоиз Давенпорт пристально смотрел на инженера колонии Питера Камена, но тот не опускал глаз. Давенпорт отвел взгляд первым и посмотрел в окно, на утопавшие в черной грязи капустные грядки.

— Я не согласен с вашим анализом, — вымолвил наконец Давенпорт.

— Здесь дело не в том, согласны вы или нет... сэр. — Камен указал на отображенную на дисплее диаграмму фильтровальных труб: — Мы теряем давление в сифоне, а это означает, что произошла закупорка, а может быть, и несколько. Наиболее вероятная причина — лед.

— Это только ваша интерпретация?

— А что же еще это может быть?

— Осадки, влияющие на естественное фильтрование, — пожал плечами Давенпорт. — Это могут быть и новые удобрения, которые сейчас используют в зоне «Восток-60». Они вполне могут вызвать закупоривание.

— Такие закупоривания могут происходить в фильтровальных матрицах, однако имеющиеся данные свидетельствуют скорее о широкомасштабном обледенении внутри труб.

— Лед... — Давенпорт позволил себе на минутку отнестись серьезно к предложенной гипотезе. — Вы полагаете, что это может произойти до поступления воды в теплообменники, поскольку тепло поступает из головок спринклеров, не так ли?

— Да, — согласился Камен, — корка льда может образоваться на нижних уровнях.

Термическая модуляция за счет перекрестного соединения труб с водой для ирригации, а также конвекционный поток теплого воздуха вдоль главной оси служили основными внутренними источниками тепла для колонии. Естественные саморегулирующиеся циклы прогоняли воду и ветер внутри цилиндра, движимые гравитационными балансами и горячими кармашками. Внутри системы не было киберов, поскольку в случае сбоя программного обеспечения роботы при самоуничтожении могли вывести ее из строя. Такие происшествия происходили в самых первых сельскохозяйственных колониях, когда люди слишком увлекались подобного рода техникой.

Ну а если в «Стонибруке» и впрямь появились наросты соли в фильтровальных матрицах или лед...

— В любом случае, откуда лед может появиться на внешней стороне вращающегося цилиндра? — запротестовал главный управляющий. — Скорость вращения у нас постоянная, иначе мы бы с вами летали по комнате. Каждые сорок две минуты один из теплообменников попадает под прямое действие солнечных лучей, и я не понимаю, что может замерзнуть.

— Алоиз, под нами великое множество мелких трубочек, — Камен указал рукой на пол. — Уверен, что некоторые из них по-

падают в тень гораздо чаще, когда лунные циклы проходят через точку Лагранжа. Однако мы так и не узнаем какие, пока не соберем группу для обследования с внешней стороны. Затем нам придется просто отключить ирригационную систему и посмотреть, что мы можем предпринять.

— Я не могу пойти на это, — заговорил встревоженно Давенпорт. — В конце концов, у нас есть урожай, который надо собрать, контракты и выплаты, которые необходимо сделать.

— Ваш урожай погибнет на корню, когда вода перестанет поступать, — заметил инженер.

— Однако по вашей диаграмме этого сказать нельзя, — управляющий выключил экран, — через систему по-прежнему поступает восемьдесят пять процентов тепла. Если вы будете убеждать людей, что им грозит неминуемая опасность, то вас просто поднимут на смех.

— А разве вы никогда не слышали о малых мерах предосторожности?...

— У нас будет время подумать о ваших превентивных мерах после того, как мы соберем капусту, а пока я попрошу Управление удобрений сделать смесь менее густой и провести антисолевую обработку. Скоро вы увидите, что закупоривания исчезнут.

— Но это не...

— Я отвечаю за целостность системы, и пусть каждый занимается своим делом, — заявил Давенпорт.

— Тогда я официально прошу поднять эту проблему на ближайшем собрании города. Наши люди должны знать...

— Люди хотят собирать урожай и получать деньги по накладным, а вы собираетесь произвести переоборудование всей подструктуры. Господин Камен, я понял ваши замыслы и во сколько обойдется такая перестройка. По вашим планам, нам придется трудиться не покладая рук, и мы не успеем заняться насущными делами. Всякий в колонии прекрасно знает это.

Питер Камен поморщился и прикусил верхнюю губу.

— Тогда это останется на вашей совести.

— Это моя работа, она всегда была такой, — вежливо ответил Давенпорт.

**Компания «Мюррей-Хилл лабораториз»,
Джерсборо, штат Нью-Йорк, 20 марта 2081 г.**

Харви Соммерштайн наблюдал, как на экране вспыхивали отметки, исходящие от каскадных вызовов станции непрерывного небесного зондирования.

Несколько раз в секунду, сотни, а то и тысячи раз на дню кусочки неземной материи входили в верхние слои земной атмосферы на высотах от восьмидесяти до ста двадцати километров. Двигаясь со скоростью порядка сорока двух километров в секунду, эти остатки старых комет и астероиды практически всегда сгорали, вспыхивая яркой зеленой искоркой и оставляя за собой недолговечный след из густых ионов.

Во второй половине столетия человечество научилось использовать ионные следы, отражавшие сгустки радиочастот. Эти следы произвели настоящую революцию в электросвязи, ведь они оказались дешевле медных кабелей и стеклянных волокон, значительно больше числом, нежели спутники на геосинхронизированных орбитах, а главное, их отражательная способность превосходила ионосферную.

Трюк был очень прост: навести на небо радиолуч, сообщить сигналу изменяемую траекторию и запрограммировать чувствительный элемент на поиск вспышки и, как только система обнаружит искру, осуществить мгновенную передачу. Угол склонения совпадал с углом возвышения во всерасширяющейся плоскости, и, как результат, соединение происходило незамедлительно.

Все в порядке, успокоил себя Соммерштайн, все давно об этом знают. Воображение тем не менее подсказывало ему, что если этот принцип с успехом применяется на Земле, то почему бы не попробовать сделать то же самое в открытом космосе?

Проблемы с передачей сигналов по земному шару в основном возникали из-за линии прямой видимости, ограниченной горизонтом и горными цепями. Разве не по этой причине связисты давно устремили взоры в небо?

Однако в открытом космосе таких проблем практически не существовало. Прямая радиосвязь со спутника от одной орбиты к другой или сеансы радиосвязи Земли с Луной и другими колониями были нормальным явлением.

Все так, если не принимать во внимание ряд небесных уголков, таких, как обратная сторона Луны, вечно темная половина Марса или любой из спутников Юпитера и Сатурна в обратной фазе, а также всякий объект, находящийся на дальней стороне солнечной короны. Как было бы здорово отыскать путь отражения сигналов под острыми или тупыми углами вне Солнечной системы. Тогда отпала бы необходимость использовать вращающиеся на эксцентрических орбитах механические ретрансляторы, эти современные аналоги миллионов километров медной проволоки.

Подобный трюк с насыщенными ионами треками метеоров легко удавался в земной атмосфере, но в межпланетном пространстве подобного феномена не существовало. Соммерштайн уже пытался использовать в качестве ретрансляторов астероиды, но в силу того, что преобладающую часть среди них составляли хондриды, чьи внешние слои состояли из кремнистых и углеродных соединений, нужного эффекта достичь не удалось, да и на сами астероиды нельзя было полагаться.

Хотя, возможно, имеется иное техническое решение.

Соммерштайн продолжал наблюдать за вспыхивающими на экране искорками, пытаясь представить себе, как это могло бы выглядеть.

Поворот!
В сторону!
Кручение!
Вверх!

Магнитный поток создает колоссальные объемы энергии, пока плазменная трубка продолжает оставаться привязанной к одному месту в фотосфере. Подобно скрученной в невидимые кольца змее, она лежит высоко над солнечной поверхностью. Протуберанец накапливает огромный потенциал вдоль километровой динамо-машины горячего газа, бессмысленно вращающейся в поверхностном конвекционном слое.

Каждый новый тераватт электрического потенциала треплет одежду и иссушает сознание плазмата. Интенсивный поток постепенно разрушает последовательность закодированных ионов, да—нет, наружу—внутри, которые составляют самую суть плазмотной структуры. По мере увеличения напряженности плазмот движется все медленнее и хаотичнее, сопротивление газам ослабевает. Его существо становится все жарче и тоньше, сливаясь с плазмой, текущей в этом энергетическом Мальстриме. Он медленно угасает.

Пим!
Пиим!
Пишим!
Пишиим!

**На борту «Гипериона», 21 марта 2081 г.,
 18.34 единого времени**

Доктор Ганнибал Фриде застыл от удивления. В замкнутом пространстве слышались лишь звуки из охлаждающей системы, напоминая ему, что корабль живет повседневной жизнью.

На мониторе его взору открывался солнечный диск, который в свете альфа-водородных эмиссий походил на золотую монету, в центре которой зияла черная дыра. Настроив датчики, Фриде увидел, что аномалия похожа на две пулевых пробоины, две сквозных раны, заключенных в серый ореол с размытыми границами. Основное солнечное пятно простиралось с запада на восток на двадцать два градуса вдоль диска, чуть ниже экватора.

Фриде закрыл глаза. Даже с закрытыми веками перед ним по-прежнему маячил красно-желтый солнечный диск с черной дырой внутри. Не помогала и обычно используемая учеными

низкая контрастность при наблюдениях. Пятна были огромными! Такую дыру можно было засечь даже при помощи обыкновенной подзорной трубы.

Когда наступит закат и солнце начнет тонуть в перегруженной пылью земной атмосфере, людям представится случай взглянуть на него незащищенными глазами. Миллионы узреют то, что Фриде наблюдал сейчас. Зияющую рану; размером и очертаниями похожую на одно из лунных морей. Две дыры, чьи размеры и глубина доступны даже невооруженному глазу. Две впадины, продавленные на солнечной поверхности безжалостной рукой.

Фриде вспомнилось, как две недели назад, когда «Гиперион» облетал Южный полюс, он безуспешно вглядывался в пространство, пытаясь отыскать хотя бы малейший след «явления». Тогда он совершенно не был уверен в том, что аномалия действительно существует.

Надо же, какой сюрприз!

За это время вне поля его зрения созрела пара солнечных пятен, и не маленьких, едва заметных пятнышек начала цикла, но огромных, четких, которые обычно появляются на пятый-шестой год, в самый разгар солнечной активности. Более того, на взгляд Фриде, эта пара превосходила размерами Великую Группу пятен 1947 года, самую большую из всех когда-либо занесенных в анналы.

Фриде снарядил эту экспедицию, надеясь подтвердить, что столь долгий период незамутненного солнечного сияния подойдет к концу быстрее, чем считает научное сообщество. Чтобы подтвердить свою теорию, Фриде надеялся найти хотя бы несколько зарождающихся пятнышек или район активной магнитной деятельности, но эти пятна превзошли все его ожидания. Было даже немного досадно от того, что он мог бы остаться дома и с легкостью изучать их с Земли.

Эти мысли пронеслись в голове Фриде, пока ученый перестраивал датчики и наблюдал за растущей на экранах парой пятен, поскольку теперь «Гиперион» поднялся над горизонтом аномалии и медленно двигался к экватору. В этот момент произошло второе событие, заставившее доктора вздрогнуть.

Пятна соединились протуберанцем!

Фриде мог видеть его дугу, протянутую вдоль лимба солнечного шара. Протуберанец представлял собой клочковатую полуокружность из бледных газов, выходящую из границы одного пятна и тонущую в другом. Пока Фриде внимательно изучал его экранный образ, из фотосферы вырвался всплеск ярко-красного

пламени. Он вырвался из океана будущих частиц, свернувшись в плотный сгусток. Неожиданно сгусток рванулся к вздымающейся дуге протуберанца.

Фриде, не привыкшему к такого рода зрелищам, газовый мост показался ужасающе огромным. Находясь в непосредственной близости, астрофизик мог даже разглядеть его переплетения, впадины и бугорки на поверхности. Внутри огромной трубы сходились течения, выбрасывавшие сгустки свободных газов, почти моментально сторовавших в перегретой атмосфере короны.

— Джели! — Фриде нажал кнопку селектора. — Подойди, пожалуйста, на секунду!

— Что случилось? — В тоне жены слышались едва различимые нотки недовольства. — У меня все руки в соде.

— Я обнаружил протуберанец!

— М-м... а ты разве его собирался искать? Я имею в виду солнечные пятна и все такое прочее?

— Но он просто огромен!

— Да, тогда, наверное, и пятно должно быть немаленьким.

— Дорогая, ты совершенно неромантична!

— Ты абсолютно прав, мой дорогой. Я как раз собиралась пойти в гидропонный процессор и проверить его содержимое.

— Так ты не хочешь его увидеть?!

— Милый, занимайся своим протуберанцем, а я займусь готовкой.

— Ты много потеряла, — сказал Фриде, но его жена уже отключила интерком.

Интересно, а как будет выглядеть этот феномен при панспектральной эмиссии? Фриде пришло в голову, что это пятно, о котором он уже думал как о своей собственности, можно было различить даже при полном солнечном свете.

Доктор распустил ремни, привязывавшие его к креслу, и позволил невесомости унести его к самому куполу обзорной кабины. Сейчас лицевая часть «Гипериона» была повернута к диску звезды, и Фриде знал, что если опустить поляризующие фильтры, то Солнце предстанет перед ним во всей красе.

Естественно, Солнце не будет светить ему в лицо со всей силой, поскольку такое излучение неминуемо убьет его. Темный экран перед глазами ученого был сделан из термостойкого стекла двойной прочности, с теми же промежуточными слоями фреоновое геля, как и в других отсеках корабля. Солнечный жар не сможет его испепелить, поскольку контроль за поляризацией купола, представлявшей собой искусно сплетенную сеть жидких

кристаллов, осуществлялся собственной экспертной системой, непохожей на радужную оболочку глаза. Фотометры отбирали необходимый видимый спектр, а кристаллы задерживали избыточный свет, могущий оказаться губительным для кожи и глаз, так что ученый был надежно защищен. Можно было без преувеличения сказать, что Фриде смотрел на Солнце настолько пристально, насколько мог себе позволить.

Доктор повернул рукоять.

Скручивание!

Вращение!

Сжатие!

Разрыв!

Газовая трубка, в которую угодил плазмот, уже успела накопить десятки тераватт потенциала внутри канала. Чем сильнее становился поток, тем беспокойнее чувствовал себя плазмот, поскольку избыток кинетической энергии начинал сказываться на его ионной структуре.

Помимо постепенного структурного истощения, плазмота заботило иное. Ему некуда было податься, не с кем переговорить, и не было ни малейшего шанса на то, что положение изменится к лучшему. Он будет просто болтаться в вышине, пока на солнечной поверхности что-нибудь не произойдет.

На мгновение ему закралась в голову мысль отцепиться от внутреннего течения и соскользнуть вниз. Возможно, ему удастся вернуться в фотосферу вместе с нисходящим потоком.

Однако плазмот чувствовал, что, скорее всего, он погибнет. Края трубы терялись в черноте магнитного шторма, о котором он тщетно пытался предупредить своих собратьев и который по-прежнему бушевал в солнечной атмосфере. Падая, плазмот мог запросто угодить в самый центр огромного холодного бассейна нисходящей газовой колонны, которая являлась аномалией на фоне восходящих жарких ячеек фотосферы. Сравнительно холодные газы увлекут его в глубь конвекционного слоя, лежащего на полпути к ядру, где никогда не был ни один плазмот. На дне колодца его могут испепелить термальные энергии.

Стоило рисковать лишь в случае, если плазмоту удалось бы доплыть до одной из стенок бассейна и отыскать восходящий поток. Это было бы возможно, если бы ячейка не превосходила шириной те восходящие колонны фотосферы, которые плазмоты избрали своим обиталищем. Однако бассейн мог оказаться

шире их в сотню раз, и тогда плазмоту грозит участь быть живо погребенным в холодных глубинах.

Плазмоту было не на что надеяться, и он был бессилён предпринять что-либо, безучастно подсчитывая витки газовой трубки и пытаясь приноровиться к невероятным по внутренней силе густкам энергии.

Плазмот потерял счет времени, когда внезапно почувствовал происходящие вокруг изменения. Грохочущая газовая трубка внезапно затихла, а скорость потоков энергии снизилась. Начался какой-то новый этап. Газовый мост разрушился прежде, чем плазмот успел сообразить, что же, собственно, происходит.

Он не упал вниз, поглощенный породившей его колышущейся черной мутью, поскольку успел накопить слишком много энергии. Он разорвался, выбрасывая сгустки и струи перегретой плазмы вверх, к колышущейся короне.

Плазмот обвился вокруг одного из бешено несущихся сгустков материи и приготовился к смерти.

Сияние!

Удар!

Ритм!

Скорость!

**Борт «Гипериона», 21 марта 2081 г.,
18.49 единого времени**

Перед доктором Ганнибалом Фриде светился солнечный диск, чью сверкающую мощь, казалось, не в силах были сдерживать защитные слои купола. Доктор прищурился и бросил взгляд на восток, чуть ниже экватора, отыскивая пару солнечных пятен, едва видных в альфа-излучении. Под воздействием ярчайшего свечения дыра почти исчезла из поля зрения.

А это что такое? Привыкнув к свету, Фриде обнаружил нечто новое. На фоне золотистого солнечного диска район вокруг пятен побелел до серебристого цвета. Он был не менее ярк, однако по сравнению с общим свечением казался менее красочным, насыщенным. Казалось, что с течением времени этот кусок солнечной атмосферы померкнет и потемнеет подобно тому, как маленькая черная точка на золотом яблоке растет и превращается в черную гниль.

Фриде повернул голову, пытаясь отыскать эту область Солнца на изображении в альфа-лучах, размещавшемся внизу на дисплее. Пока он крутил головой, Солнце содрогнулось.

Содрогнулось всего один раз, но с какой силой!

Что это могло быть? Фриде быстро взглянул на Солнце, надеясь, что привыкшие к слепящему свечению глаза не сыграют с ним глупую шутку.

Импульс, чем бы он ни был, уже прошел. Солнце по-прежнему являло ученому свое огненное лицо с серебристым участком. Правда, казалось, что этот район стал немного блее, более расплывчатым и неясным.

Подплыв к дисплею внизу, ученый пытался отследить происходящие изменения на экране. Протуберанец постепенно опадал и наконец поблек и исчез.

Фриде схватился за рукоятки сиденья и рывком подтянул ноги. Не тратя время на привязывание, ученый зацепился ногами за кресло, приблизился вплотную к экрану и увеличил резкость. Сомнений не было — дуга горящего газа между двумя пятнами исчезла.

Что это такое?

У Фриде был ответ на свой вопрос. В соответствии с данными наблюдений и солнечными теориями двадцатого века протуберанцы взрывались. Они распадались, возвращая большую часть исходной материи обратно в фотосферу, однако немалая часть кинетической энергии вырывалась в корону и далее в пространство.

Насколько велик объем вырвавшейся энергии? Фриде знал, что астрономы прошлого столетия со своими неточными измерениями, проводившимися за густой земной атмосферой и практически в три раза дальше от Солнца, чем находился сейчас Фриде, так вот, они полагали, что энергетического потенциала такого взрыва достаточно, чтобы снабжать энергией всю североамериканскую экономику в течение, по крайней мере, десяти тысяч лет. Фриде пришлось напомнить себе, что тогда ученые оперировали понятиями, восходившими еще ко временам использования малоэффективных источников электрической энергии и станций, работавших на твердом топливе. Выражаясь более современным языком, энергия, возникающая при большом солнечном взрыве, примерно соответствовала взрыву двух-трех миллиардов водородных бомб мощностью в одну мегатонну каждая.

Безусловно, подобный взрыв явился бы для ученых прошлого века настоящим откровением. Представшие глазам Фриде два солнечных пятна и протуберанец были воистину огромны. По самым грубым расчетам, мощность взрыва в пять или шесть раз превосходила все вспышки двадцатого столетия и равнялась

мощности двенадцати-пятнадцати миллиардов водородных бомб.

Однако видимое легкое дрожание на экране никак не свидетельствовало об устремившейся в пространство лавине заряженных частиц. Интересно, в какую сторону направился основной поток?

Установленное на космическом корабле оборудование позволяло отслеживать испускаемую на различных частотах энергию, хотя обычно около половины ее приходилось на солнечный свет. В соответствии с программой наблюдения Фриде начал собирать информацию по всему диапазону, едва только «Гиперион» поднялся над горизонтом аномалии, так что теперь доктору предстояло считать информацию с накопителей и исследовать взрыв на различных энергетических уровнях.

Повинуясь выработанным годами навыкам, Фриде приступил к изучению с самых высоких частот, в рентгеновском спектре и гамма-лучах, которые в обычных условиях человеческому глазу недоступны. К тому же именно этот диапазон обладал наивысшим энергетическим потенциалом, так что начать с него представлялось наиболее разумным.

Фриде запустил первый диск, хранивший информацию о волнах длиной, равной десяти в минус третьей степени ангстремов, отмотал его назад до отметки взрыва и включил воспроизведение. Солнце было похоже на светло-серый шар, подобный сумеречной Луне. Однако на востоке, чуть-чуть ниже экватора, виднелась серебряная полоска расплавленного металла, теврявшаяся в сероатой дымке. Это и был протуберанец.

Внезапно экран озарился ослепительно белым свечением с радужной каймой по краям. Доктор отмотал назад, надеясь поймать изображение в ту самую секунду, когда мост из газов рухнул в пропасть, но взрыв произошел в мгновение ока, а энергетический выброс оказался слишком полным и быстропоглощаемым.

Фриде поставил второй диск, считывающий параметры рентгеновского спектра, десять ангстремов. Все та же унылая, неясная картина, и вдруг ярчайшая вспышка.

На мгновение ученый обеспокоился, что взрыв мог повредить датчики коротких волн, расположенные снаружи защитного слоя станции, но затем вспомнил, на каких частотах он сам проводил наблюдения в момент пресловутой вспышки.

Компьютер высчитывал степень излучения в рентгенах для каждой отдельно взятой на экране точки. Курсор мерцал где-то в центре, однако ученому не было нужды передвигать его, по-

сколько поток заряженных частиц был везде одинаков и составлял порядка 2100 рентген, что в три раза превышало смертельную для человека дозу излучения.

Фриде улыбнулся, поймав себя на мысли, что он стал первым из ученых, кому выпала честь испытать на радиоактивную стойкость два слоя термостойкого стекла, прослойку фреонового геля и ряд связанных воедино жидких кристаллов. Затем ему пришло в голову, что, возможно, масса корабля сумеет надежно защитить Джели, возившуюся на гидропонной станции.

Пока все эти мысли вихрем пронеслись в его голове, ученый отчетливо осознал, что в самое ближайшее время ему предстоит изрядно потрудиться.

Во-первых, нужно кого-то предупредить. Предупредить Землю, Луну, другие колонии, оказавшиеся беззащитными перед лицом грозящей опасности. И хотя до обычного радиосеанса оставалось еще много времени, возможно, что кто-нибудь услышит его сообщение. Доктор включил панель радиоприборов.

Панель с глухим шипением загудела. Ученому хватило нескольких секунд, чтобы догадаться, что энергия взрыва вызвала возмущение волн метрового диапазона, на которых работала связанная аппаратура.

Вращаясь на удалении приблизительно в три световых минуты от Меркурия, «Гиперион» находился на обратной стороне искаженной взрывом волны. Фриде и Джели были отрезаны от Земли, Луны и всего человечества электромагнитным импульсом. Фронт волны достигнет ближайшей населенной людьми точки уже через пять минут, и если ему не удастся связаться с ними раньше, послание может никогда не найти адресата.

Стиснув зубы, ученый надел наушники. Разрозненные мысли слились в скупые короткие строки радиограммы, направленной в забитый помехами эфир. Это был первый доклад об ужасающем по силе солнечном взрыве, равного которому не было не только в двадцатом веке, но, возможно, и во всей истории человечества.

А вдруг его услышат? Вдруг скептики и не желавшие верить в возрождающуюся активность Солнца уразумеют наконец-то, в чем дело, и начнут принимать меры предосторожности?

Вся беда в том, что электромагнитный импульс не единственный «подарок» взрыва. Вслед за ним в пространство отправился поток заряженных частиц: протонов и ядер гелия, исторгнутых разлетевшимся протуберанцем и несущихся со скоростью порядка тысячи четырехсот километров в секунду. Их измененные заряды произведут настоящую революцию в магнитных

полях Земли и Луны. Ионный шторм создаст сильное напряжение, перегружая и взрывая электрические цепи во всяком незащищенном электроприборе, а перед этой угрозой беззащитна практически вся электроника орбитальных станций и космолетов в пределах Солнечной системы. Вся аппаратура, которая устоит от ушедшего пять минут назад электромагнитного импульса, вспыхнет и сгорит в надвигающейся магнитной буре.

Включая почти всю электронику «Гипериона».

Пш-ш!

Пш-ш!

Кр-р!

Бамм!

**На борту «Гипериона», 21 марта 2081 г.,
18.57 единого времени**

Невесомость влекла Ганнибала Фриде по каютам и отсекам корабля, и доктору оставалось лишь придерживаться за поручни. Отвлекаясь на мгновение, доктор кубарем скатился по алюминиевым гексагональным ступенькам, но не почувствовал боли.

— Джели, — позвал Фриде, открыв дверь в гидропонную секцию.

— Ну что там еще? — Анжелика взглянула на мужа. В одной руке она держала щетку, в другой был зажат моток разноцветных проводов. Кругом летали радужные пузырьки.

Всякий раз при виде жены у Фриде перехватывало дыхание. Длинные золотые волосы были завязаны в длинный хвост и спрятаны под красную косынку. Убранные с бледного лица пряди только подчеркивали красиво изогнутые брови, миндалевидные глаза, линии острых скул, немного вытянутого подбородка и четко очерченных губ. Аристократические, евразийские черты Анжелики всегда заставляли сердце ученого биться чаще.

Микрогравитация никак не сказалась на ее фигуре. Высокая грудь мерно вздымалась под защитным костюмом, а красивые руки, сильные от ежедневных упражнений на тренажере, с легкостью управлялись с фильтрующими экранами в отсеке. Джели потянулась, грациозно изогнув спину.

— Так что случилось? — снова спросила она.

— Нам придется готовить станцию к развороту. Здесь все можно оставить как есть, но я буду разгонять корабль, поэтому

непривязанное оборудование, все бьющиеся предметы надо как следует закрепить.

— Разворот? — Джели недоуменно вытаращила глаза. — Но когда? Зачем?

— Меньше чем через двенадцать часов. Через шесть, если быть точным. Ты понимаешь, взрыв, огромный взрыв...

— Здорово! Значит, твои теории о возрождающейся солнечной активности все-таки оказались правильными. Да, ты настоящий ученый.

— Пятно и впрямь оказалось активным, — скромно заметил Фриде по поводу своих наблюдений и величайшего открытия, явившегося венцом его трудов. — Но сейчас, дорогая, мы попали в беду. Электромагнитный импульс уже миновал нас, когда я его заметил, — объяснил он. — Однако на нас надвигается ионный шторм, а приборы корабля просто не предназначены для экспериментов подобного рода. Конечно, я виноват в том, что не был до конца уверен в своей правоте и оказался более консервативен в приготовлениях, чем следовало бы. А сейчас, на таком близком расстоянии, если мы не включим вектор, могут сгореть даже листы бронированной обшивки, и нам никогда не удастся сойти с орбиты.

Джели глубоко задумалась.

— Я поняла, дорогой, — сказала она после минутной паузы. — Не волнуйся. Я знаю, что нужно привязать и что не жалко расколоть, а ты занимайся своим двигателем. Хан, а сколько времени у тебя отнимет сообщение кораблю внутренней скорости?

— Четыре часа. Однако, как только нас настигнет газовая волна, мы полетим быстрее.

— При такой синхронизации какова вероятность того, что высокое давление собьет пламя?

— Это неизвестно, — вздохнул Фриде, — но альтернативы у нас нет.

— Конечно, ты прав. У нас еще впереди годы до места назначения. Ты не собираешься связаться с Максартином, Врайном и попросить их прислать нам ракету?

Фриде быстро оценил ситуацию.

— Я думаю, нет. Мы попали в мертвую зону... а после того, как электромагнитная волна долетит до Земли, там поднимется такой переполох, что о наших с тобой проблемах они и не вспомнят. Конечно, я послал общее предупреждение, но оно дойдет слишком поздно, если дойдет вообще.

— Конечно. Хан, так мы просто будем дрейфовать к Юпитеру? У нас есть припасы, но...

— Я попытаюсь вычислить и направить «Гиперион» на высокоэнергетическую траекторию, которая выведет нас на значительно более широкую солнечную орбиту, так что мы окажемся неподалеку от земной системы. Безусловно, это рискованно...

— Но ты же сказал, что иного выхода нет.

— Практически ты полетишь домой, дорогая. А потом, когда пыль уляжется, один из почтовиков доставит тебя на Землю.

— Что ты имеешь в виду под словом «тебя»? Ты доставишь нас двоих домой, не так ли? — Джели улыбнулась ему.

— Сорвалось с языка, Джел. Извини, ради Бога.

— Конечно, дорогой, — она подплыла ближе к нему, обвила рукой шею и крепко поцеловала в губы.

Сердце Фриде забилося чаще.

— А теперь займись двигателем, — Джели толкнула доктора к люку. — А я пойду наведу порядок.

Глава 9

ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ ПОЛЯ

Прыжок!

Скачок!

Задержка!

Падение!

**Лунная колония «Спокойные берега», 21 марта 2081 г.,
8.52 единого времени**

— Посмотрите на меня, мисс Точман!

Джина Точман взглянула на висящую радиостанцию. Горел девятый диод. Девушка перевела взгляд на фигуру с огромной девяткой на костюме. Она (или он) летела скачками через поле серого песка. Быстро просмотрев написанный на манжете список группы, Джина нашла имя туриста: Перри Ликман.

Она подключилась к нужному каналу связи:

— Так держать, мистер Ликман!

Как всегда, прибывшие на Луну прыгали вокруг инструктора, точно дети. С момента появления на курорте с его непривычной микрогравитацией эти люди были заперты в подземных коридорах и крохотных комнатенках. Одним хорошим прыжком где-нибудь в здании или даже неосторожным подскоком со стула можно было разбить себе голову о притолоку, а потому

едва туристы выбирались наружу, подальше от низких потолков, как совершенно теряли голову.

Конечно, к услугам желающих всегда имелась Площадка прыжков. Она была построена из использованной цистерны для сжатого воздуха, шириной четыре метра и глубиной тридцать пять, закопанной под Западной аллеей. Какой-то управляющий обил стены и установил там батут и цветомузыку. За пятьдесят ньюмарок в час чрезмерно активные дети и атлетического сложения взрослые могли потренировать свои мускулы и попытаться установить новый рекорд по прыжкам в высоту. Пока наивысшее достижение равнялось двадцати семи метрам шестидесяти одному сантиметру и было установлено самой Джинной в тот единственный раз, когда она позволила себе истратить пятьдесят монет на посещение аттракциона.

Прогулка по Луне обходилась куда дешевле.

Мимо девушки гигантскими скачками кенгуру пронесся номер пятый. Заметив, что миссис Катайосиан — это был ее номер — прыгает, выставив голову вперед, Джина немедленно послала предупреждение.

— Берегитесь, миссис Кей! — прокричала она.

— А что я не так сделала? — немедленно осведомилась та певучим голосом, в котором, по мнению Джинны, слышался турецкий акцент, наложенный на русский.

— Пока ничего, но у вас на голове не защитный шлем, а впереди горы.

— Ой! Ой! А как же мне остановиться? — Женщина попыталась повернуться в воздухе, но не тут-то было.

— Перестаньте прыгать.

— Но у меня ноги не останавливаются, — возопила та, приземляясь и подпрыгивая на тонких ножках.

— Ну тогда сядьте!

Женщина поджала ноги и кулем рухнула вниз с высоты трех метров, издав жалобный крик. Джина знала, что миссис Катайосиан упала не на гальку или скальные породы, а в пыль. Через мгновение она была уже на ногах и принялась отряхиваться.

— Будьте теперь повнимательнее, — добавила Джина и переключила внимание на других подопечных.

Она вызвала двенадцатый канал:

— Мистер Карлин?

Мужчины нигде не было видно, так что он находился либо по другую сторону скал, либо в зоне отраженного звука. Радиостанции доставляли вечную головную боль персоналу курорта, поскольку почти все они работали лишь в режиме прямой види-

мости, и то на небольшое расстояние, а дирекция никак не могла собраться и приобрести ретранслятор дальнего действия с частотой сорок девять — пятьдесят один мегагерц. Ну что же, парня будет легко найти, особенно при дневном свете. Может быть, он уже подался обратно в гараж.

— Мистер Кар...

В ушах Джины словно раздался раскат грома. Затем послышалось медленно затихающее шипение. Уши девушки онемели и намокли. Либо кровь, либо что-то случилось с наушниками, подумала она.

— Пш-ш-ш...

Тишина...

Нет, в ушах по-прежнему звенят какие-то тонюсенькие колокольчики, пробивающиеся сквозь шипение помех и разрядов статики. «Значит, я оглохла из-за статического разряда», — пронеслось у Джины в голове.

Девушка принялась попеременно вызывать все каналы связи, стремясь отыскать наименее поврежденный из них. Сквозь гудение и треск прорывались отдельные фразы. Кто-то жаловался, кто-то кричал, а кто-то не мог уразуметь, в чем, собственно, дело.

Все каналы либо молчали, либо были заполнены назойливым гулом. На работающих частотах взволнованные голоса туристов казались легким шепотом, но Джина была уверена, что каждый в эту минуту кричит благим матом, стараясь пробиться сквозь назойливый гул.

Произошло что-то экстраординарное. Насколько помнила Джина, и в прошлом отказывала то одна, то другая радиостанция, но чтобы вся группа разом...

Джина переключилась на командную частоту и прокричала всем:

— Слушайте меня! Всем оставаться на местах, прошу вас. Делайте то, что я говорю, пожалуйста.

Человек десять, дотоле беспечно прыгавших парочками или поодиночке в саду камней, замерли как вкопанные, но остальные продолжали двигаться вперед или кружить. Либо их радиостанции отказали, либо они оглохли, хотя, возможно, эти люди сейчас просто не в состоянии что-либо понять.

Все же некоторые из группы повернулись в сторону Джины. Возможно, они услышали ее голос, ведь их станции настроены на один канал и работают во всех направлениях. Это был хороший знак, ведь теперь их внимание, вполне вероятно, приковано к ее костюму с горящей красной цифрой «ноль», перечеркну-

той внутри. Во враждебной человеку обстановке внимание — это одно из условий выживания.

— У нас что-то стряслось со связью, — вымолвила Джина, — и похоже, что пострадали все каналы. Я слышу многих из вас, но не знаю, слышите ли вы, и очевидно, что слышат не все. Те, кто не остался на месте после объявления, меня не слышат. Не могли бы вы помахать рукой или как-либо еще привлечь их внимание, поскольку они в опасности.

По всему полю те, кто сумел расслышать просьбу девушки, направились к остальным. Где легким касанием руки, а где более решительными мерами команда была передана, и вскоре вся группа замерла в тревожном ожидании.

— Спасибо, — Джина продолжала оставаться на командном канале. — Для начала проведем переключку. Когда я называю ваше имя, отвечайте в микрофон и поднимайте руку. Так мы выясним, что же стряслось, ладно? — Джина включила первый канал: — Мистер Эйдерс?

Стоявший метрах в десяти от девушки мужчина вскинул руку, точно ученик, напряженно глядя на нее.

— Все, что мне хотелось бы знать, — неуверенно произнес он в шипящий от помех микрофон, — не собираетесь ли вы лишить нас обещанных часов прогулки?

Не обращая на него внимания, Джина включила второй канал: — Мисс Фишер?

— Здесь, дорогая, — женщина рядом с ней подняла руку.

Так оно и пошло. Двадцать два вызова, двенадцать ответов, некоторые жалобные, другие слегка раздраженные, а один с истерическими нотками в голосе. Еще двое подняли руки в ответ, а остальных Джине пришлось подсчитывать по памяти.

Однако мистера Карлина на месте не оказалось.

— Теперь вот что, — девушка снова обратилась к группе. — Все уже на месте, за исключением двенадцатого номера, мистера Стефано Карлина. Я прошу вас, не покидая своего места, посмотреть вокруг, не видит ли кто человека с номером двенадцать на груди. Смотрите внимательнее, особенно те, кто стоит с краю. Сделайте это, пожалуйста.

Четырнадцать похожих на неваляшек туристов с работающими станциями завертели головами. Один из них шлепнулся оземь, но быстро встал на ноги.

— Если вы его видите, — повторила Джина, — вызовите меня или махните рукой.

Никто не ответил. Некоторые пожали плечами.

— Ладно. У нас возникла проблема. Один из членов группы

попал в затруднительную ситуацию, так что мне нужно его найти. Но сначала я хочу проводить всех внутрь. Следуйте прямо за мной. Если кто-то рядом с вами меня не слышит, возьмите его за руку...

— А нам возместят потом потерянное время? — снова спросил Эйдерс.

— Да, сэр, — пообещала Джина.

Группа медленно двинулась за ней. Никто не пытался бежать или скакать по округности, похоже, все были охвачены унынием.

Чуф!

Чух!

Чух!

Чуух!

**Гараж курорта «Спокойные берега», 21 марта 2081 г.,
19.09 единого времени**

После герметизации дверей и повышения давления Джина Точман почувствовала, что в костюме ей стало свободнее. Девушка немедленно сбросила его и схватилась было за шлем, но передумала. Разве она не отправится вновь наружу в составе поисковой партии?

Как только барометр на дальней стене показал давление девяносто пять миллибар, дверь служебного помещения распахнулась, и в гараж впорхнула Сильвия Пирс в броском костюме и мягких туфлях. Она старалась держаться подальше от слегка замученных туристов в грязных от лунной пыли костюмах. Сухой воздух моментально передавал электрический заряд одежде, так что они могли запросто пристать к ее чистому пиджаку. Сильвия увидела Джину и устремилась навстречу ей.

— Джина, что-то вы рано сегодня. Что-нибудь случилось?

— Мы одного потеряли, — медленно проговорила Джина, стаскивая наконец шлем с головы. — Неизвестно, где он, и, боюсь, он не может двигаться. К несчастью, все наши радиостанции вырубались, и я хочу, чтобы ты или Джорджи вышли в эфир на частоте бедствия и попросили одну из платформ контроля движения навести телескоп на Спокойные горы. Пусть ищут белое пятно размером в рост человека...

— Который весь в серой пыли с головы до пят, так?

— Точно, — согласилась Джина, — он прекрасно замаскирован. Но, может быть, им посчастливится увидеть его следы или что-нибудь необычное.

— Ничего не получится, — покачала головой Сильвия, — наши радиостанции тоже молчат. В течение десяти минут мы пытались наладить орбитальную сеть, но тщетно. Сперва мы подумали, что во всем виновата статика, но потом она пропала, а рации по-прежнему не работают. Я не знаю, что и подумать, вдруг кто-то послал этот ужасный заряд шума и повредил приемники. С оптическим кабелем никаких проблем, и наземная связь работает в обычном режиме. Однако мы не можем ни послать сообщение в эфир, ни принять информацию.

Ситуация оказалась хуже, чем предполагала Джина. Выяснилось, что отключились не только рации ее группы, но и вся связная аппаратура — под действием мощного разряда статики или чего-то еще. Кто же виноват в случившемся? Вдруг это какой-нибудь научный эксперимент с применением мощного излучения, проводившийся в зоне действия их радиооборудования, или...

Ну нет, сначала надо найти исчезнувшего мистера Карлина, а гипотезы можно оставить на потом.

— Ладно, мы сделаем это сами, — ответила Джина. — Проведи их через аппаратную в нижний коридор, там они смогут переодеться. И позови к ним медика проверить слух. В наушниках словно что-то разорвалось, у меня в ушах до сих пор звенит.

И немедленно подними на ноги всех, кто обучен двигаться по поверхности, — переведя дух, продолжала отдавать распоряжения девушка. — Нам придется исследовать местность, а для этого нужно десять человек как минимум. Понадобятся также исправные станции, так что кто-то должен взять на себя труд их проверить. А потом...

— Ты не имеешь права делать этого! Подумай о расходах, Джина. Нужно написать специальную просьбу.

Джина схватила женщину за плечи, не обращая внимания на грязные следы от перчаток:

— Слушай меня! Там остался мужчина. Он уже в годах, испуган и не знает, что делать. У него отказала связь. Он заблудился, он, может быть, ранен, а кислорода осталось меньше чем на сорок минут. Если мы не найдем его за это время, он умрет, и эта смерть будет на совести каждого из нас.

— Я поняла, — тихо ответила Сильвия, — я уведу твою группу.

Женщина принялась собирать туристов вместе, помогая им снять шлемы и объясняя, что им придется отсюда уйти.

Джина Точман вздохнула и принялась организовывать спасательную экспедицию.

Бум

Бум

Бум

Бум

В Спокойных горах, 19.42 единого времени

Джина взбиралась на небольшой холм, чтобы осмотреть близлежащую местность. Под башмаками поскрипывал и оседал гравий, а от долгих прогулок у нее гудели ноги и ломило спину, несмотря на низкую гравитацию.

Джина находилась на западной границе зоны поиска. Она почти не надеялась отыскать Карлина здесь, в тридцати минутах от гаража. Сомнительно, чтобы он ушел в холмы, и маловероятно, чтобы забрел так далеко. Даже для начинающего туриста это было бы слишком глупо.

Несмотря на сомнения, Джина продолжала двигаться вперед, регулярно останавливаясь для сканирования горизонта и привязки к местности с помощью топокарты. Прыгая по земле, Карлин мог попасть сюда и потерять ориентацию среди бесчисленных холмов, располагающихся большей частью за территорией комплекса. Он мог упасть и пораниться, особенно если ему под ноги попал гравий. С этими туристами может случиться все, что угодно.

Джина сориентировалась, приладила карту с дисплеем к руке, проверила хронометр и начала четырнадцатый по счету осмотр местности.

Сканер на запад — пусто!

Сканер на север — пусто!

Сканер на...

На востоке виднелось яркое пятно, поблескивавшее, точно гелиограф. В том месте ничего движущегося, включая и механические кары, не должно было быть.

— Барни, — связалась Джина с координатором группы, несмотря на то что разрывы статики по-прежнему мешали связи, — в квадрате Кью-Икс-восемь-девять непонятный объект. Двигаюсь туда.

Она принялась спускаться с холма, не сводя глаз с яркого пятна, которое исчезло, едва девушка спустилась в низину. Джина умела сохранять прямую линию движения и поняла, что объект появится, стоит только ей вскарабкаться на новое возвышение.

В полукилометре ходьбы виднелся небольшой холмик. Под-

нявшись наверх, Джина снова заметила пятно, которое оказалось яркой полоской на резиновом шлеме туриста, неподвижно лежавшего в серой пыли.

— Барни, я нашла его в этом квадрате. — Джина включила двенадцатый канал: — Мистер Карлин? С вами все в порядке?

Ответа не последовало, но шлем закачался из стороны в сторону, точно в ритм музыке. Затем Джина заметила, что грудная клетка человека судорожно вздымается, забирая из резервуара последние миллилитры кислорода.

Девушка со всех ног бросилась к задыхавшемуся. Подбегая, она заметила цифру «двенадцать» на костюме. Карлин открывал и закрывал рот, напоминая рыбу в аквариуме. Его лицо постепенно синело, и Джина положила ему руку на плечо, пытаясь привлечь внимание незадачливого туриста.

Заметив Джину, Карлин протянул руку к висевшей на груди рации.

— Мисс Точман! Слава Богу, вы пришли... Не могу дышать... Что-то случилось... с респиратором... я...

— Молчите. Беда в том, что у вас почти не осталось кислорода. — Джина достала из сумки запасную емкость и показала Карлину: — Я дам вам новый баллон, но сначала мне придется отсоединить старый. Вы можете на пару секунд задержать дыхание?

Тот энергично кивнул головой.

Дотянувшись до шеи Карлина, Джина залезла за воротник его костюма и отвернула краник кислородной канистры. Она в одно мгновение сняла насадку со старой емкости и подсоединила новую.

— Порядок, а теперь глубоко вдохните.

Мужчина широко раскрыл рот, и уже через секунду лицо его стало приобретать обычный цвет. Когда Карлин пять или шесть раз глубоко вдохнул, Джина помогла ему встать на ноги, посмотрела, нет ли переломов или вывихов, а потом пристегнула к его костюму новый баллон с кислородом, убрав старый в сумку.

— Вы можете идти со мной? — спросила девушка.

— Думаю, да.

Джина переключилась на частоту группы:

— Барни, я взяла его на буксир. Ты сможешь встретить нас в районе квадрата Кью-Би-Би-два-пять. Как понял?

— Вас понял, начинаю движение.

Карлин с Джиной двинулись на восток, направляясь обратно к курорту. Пока они шли по ровной земле, Джине пришла в голову мысль.

— Как получилось, что вы отделились от группы? — спросила она Карлина. — Мне казалось, что ваше радио работало хорошо. Разве вы не слышали моих команд или перекличку?

— Знаете, я просто отключил радио. Эта статика была мне по ушам.

— Но потом, когда вы потерялись, разве вы не включили его снова?

— Всякий раз я только получал новый заряд статики. Да и к тому же я не совсем понимал, что делаю, — потупил взор Карлин.

— Ладно, — девушка потрепала его по руке, — теперь вы в безопасности.

Клик!

Клик!

Клик!

Клик!

Женская гардеробная. «Спокойные берега», 20.23 единого времени

Джина оставила скафандр и обувь в гараже. Сейчас она могла наконец-то избавиться от облегающего трико и основательно заняться собой. Однако претворение в жизнь прекрасно задуманного плана пришлось на некоторое время отложить, поскольку неподалеку послышался дробный перестук каблучков, звук, на который сила притяжения практически не оказывала влияния. Джина повернула голову к двери и стала ждать.

— А, вот вы где, мисс Точман!

Эта была женщина из группы номер четыре, мисс Эднара Гледвейл, урановый трест Гледвейла, как представлялась она всем и каждому. Джина узнала бы ее голос из тысячи других.

— Чем я могу вам помочь, мисс Гледвейл?

— Я хочу подать жалобу..

— Я так и подумала, — заметила Джина. Она практически не позволяла себе колкостей, но сейчас слишком устала и физически, и морально.

Мисс Гледвейл не обратила внимания на насмешку.

— Это касается моей камеры, — женщина достала из сумочки маленький «Полароид». — Она прекрасно работала, пока мы не вышли на прогулку. Взгляните, — она отдала Джине пачку совершенно испорченных фотографий.

— Может быть, все дело в химическом составе на фотогра-

фиях, — предположила девушка. — Вы ведь знаете, что он может испортиться от вакуума, тепла и прямого солнечного света.

— Но тогда и пленки должны остаться серыми, не так ли? — возразила мисс Гледвейл. — К тому же у меня остались превосходные фотографии с предыдущей прогулки. — С этими словами в руки Джины перекочевала пачка не слишком интересных фотографий, на которых в основном виднелось только черное небо над унылым серым горизонтом, солнечные блики на скалах да белесые пятна костюмов других туристов.

— А когда начали появляться эти совершенно белые снимки?

— Точно не помню, но думаю, что после того, как наши радиостанции вышли из строя.

— Это интересно, — заметила Джина.

— Ничего себе «интересно»! Я хочу, чтобы вы починили мне фотоаппарат.

— Скажите, а вы пробовали вставить новую пленку или сделать несколько кадров в помещении, подальше от вакуума?

— Но там еще осталось почти полкассеты! Зачем я буду выбрасывать совершенно нормальную пленку?

— Давайте попробуем еще раз. — Джина забрала фотоаппарат и сделала снимок разъяренной мисс Гледвейл. Через секунду фотоаппарат выбросил совершенно серый снимок. Они подождали требуемые для проявления четыре секунды, однако и на этот раз снимок стал совершенно белым.

— М-м, а нет ли у вас новой пленки, которая не была наверху? — осведомилась девушка.

— Ну если вы заплатите...

— Не беспокойтесь, я заплачу.

— Тогда вот, — туристка достала из сумочки новую кассету.

Джина вытащила старую пленку и положила ее на скамейку позади себя. Зарядив новую, она навела объектив на мисс Гледвейл и щелкнула затвором.

На этот раз на снимке появилась обычная фотография женщины, пусть и не слишком привлекательной. Пятна румян на щеках мисс Гледвейл не делали ее ни красивее, ни моложе.

— Я бы сказала, что ваш фотоаппарат работает прекрасно, мэм.

— Раз так, тогда... — мисс Гледвейл ненадолго задумалась, — тогда я бы хотела выйти на прогулку еще раз, за счет вашей компании, будьте любезны, чтобы я смогла сделать фотографии на память. Проделав такой путь, вы понимаете...

— Я займусь этим, мэм, — пообещала Джина, — уверена, что мы сумеем что-нибудь придумать.

Глава 10

ПОВЕГ ИЗ ТЕМНОТЫ

*Мамбл**Рамбл**Грамбл**...БАМ!*

Помпеи, 24 августа 79 г. н. э., «девятый час»

Обеденный стол затрясся и покачнулся так, что бокал с красным вином опрокинулся на белое одеяние из мягкой шерсти, в которое был облачен Джерри Козински. Должно быть, это и есть тога. Джерри чувствовал, что под ней было надето хлопковое подобие рубашки и пара коротких штанов, напоминавших летнюю пижаму. Одежда была очень удобна для жаркой погоды, за исключением того, что концы тоги болтались у него на груди.

Обернувшись, Джерри заметил, что возвышавшаяся на фоне редких холмов одинокая гора, Везувий, выбрасывает вверх клубы черного дыма. Этого он сейчас не ожидал. Во всяком случае, не так скоро.

Когда последовал второй мощный удар и вулкан изрыгнул грибовидное облако пепла, Джерри понял, что это сигнал к бегству. Игра официально началась.

Козински подобрал полы тоги, подвернул их выше колен и бросился в дом. Он знал, как выбраться из лабиринта улиц, поскольку с каменной террасы виллы были прекрасно видны городские ворота.

Он еще не успел как следует разогнаться, как вдруг зацепился за что-то ногой и упал навзничь. Черт побери, так приложиться! У Джерри посыпались искры из глаз, и он прикусил себе язык, стукнувшись подбородком об пол. На лице красовалась ссадина, колени были исцарапаны. Джерри вытер кровь и оглянулся, чтобы посмотреть, на какой предмет он так неудачно наткнулся.

Мраморная плита пола приподнялась, обнажив острый край. Джерри широко раскрыл глаза, заметив, что вся облицовка пола покорежена. Теперь ему нужно смотреть в оба.

— Господин, господин, что случилось? — Напуганный слуга выскочил из боковых покоев и упал на колени.

— Ты кто такой? — спросил Джерри.

— Джозефус, господин, ваш слуга.

— Я полагаю, Джозефус, что это извержение вулкана.

— И что нам теперь делать? — взмолился тот, ломая в отчаянии руки и выкатив от страха глаза. Если это и была игра, то чересчур реальная, и если он — другой игрок, то за свое поведение получит дополнительные очки, если, конечно, сумеет выжить.

— Нам нужно уходить отсюда, — объяснил Джерри, — мы не можем больше оставаться здесь, иначе пепел и лава загонят нас в ловушку. Нам надо найти путь к спасению.

— Какой путь, господин?

Да, это действительно был вопрос. Если бежать вверх по холму, то они сумеют избежать лавы и ядовитых газов, однако рушащиеся скалы и пепел могут стать их могилой. Если спуститься вниз, к заливу, можно попытаться бежать на лодке или в крайнем случае спастись вплавь. Джерри казалось, что холодная морская вода уберезет его от страшного жара и газов.

— Вниз, через город, — сказал Джерри, лихорадочно вспоминая план расположения улиц и площадей города.

— Возьмите меня с собой!

— Пошли! — Джерри помог рабу встать на ноги. Вдвоем они медленно вышли на улицу, проходящую перед домом. Колени у Козински болели, но, несмотря на это, он нашел в себе силы спуститься по ломким плоским плитам вправо и вниз к бухте.

Джерри почувствовал, что его охватывает беспокойство. Каковы же все-таки обязанности знатного римского домовладельца? Сценарий ничего не говорил о том, есть ли у него семья, поэтому ему не пришлось в голову обыскивать виллу перед уходом. А как же остальные рабы? Джерри знал, что у него в подчинении были и другие слуги, помимо Джозефуса, поскольку они подавали ему завтрак. Должен ли он был попытаться спасти их или это были вовсе не люди, а механический обслуживающий персонал? И не была ли его паника при виде извергающегося Везувия достаточным подтверждением того, что он вел себя не так, как реальный исторический персонаж?

Джерри остановился и вновь посмотрел на виллу.

— Господин, нам нужно бежать! — взмолился Джозефус.

— Но остальные...

— У нас нет времени!

Времени и впрямь не оставалось. Прямо на глазах пораженного Джерри портал дома покрылся трещинами от нового подземного толчка. Стена раскололась надвое, а следом рухнула крыша. Теперь он мог либо потратить время на то, чтобы выкопать из-под обломков любого оказавшегося там, но потом они все равно бы погибли, либо спастись.

Джерри повернулся и побежал прочь с единственным оставшимся рабом.

Вниз, все время вниз. Вправо, влево и снова вниз. Они карабкались через загромождавшие путь глыбы, разбив в кровь ноги, поскольку кожаные сандалии оказались слишком ненадежными. В порыве бегства они не заметили, что за ними уже бежали люди. Они возникали поодиночке и целыми группами, но Джерри никак не мог рассмотреть, откуда же они появлялись. Толпа бежала вниз по холму, бежала на удивление тихо, слышался лишь мерный перестук сандалий.

Что-то ударило его по плечу. Джерри повернул голову, желая посмотреть, кто ему угрожает. Впрочем, вблизи никого не оказалось, а на его белом одеянии размазалось жирное черное пятно. Пока он оглядывался, прилетевший с неба камень толщиной в два пальца ударил его по руке. Юноша прибавил ходу, заметив, что в воздухе роятся сгустки пепла, напоминавшие снежинки черного цвета.

Вместе с толпой беглецы повернули на улицу, ведущую к громадной площади. Однако здесь их подстерегала неожиданность — дорога странным образом сузилась. Впрочем, не совсем странным, поскольку владельцы домов именно в этом месте так расположили каменные стены, что оставался очень узкий проход. Джерри, Джозефус и еще добрая сотня людей застряли в этом каменном мешке, наполнив пространство криками и руганью.

Когда движение прекратилось, хлопья пепла стали густо покрывать волосы и одежду людей. Проведя рукой по голове, Джерри собрал большую горсть этих свидетелей извержения. Еще пара минут — и волосы станут абсолютно черными.

Его охватила паника. Если толпа не начнет продвигаться, этот проход превратится в братскую могилу. Ну, если Джерри Козински и впрямь патриций, сейчас для него настало самое время взять бразды правления в свои руки. Он оглядел стоявших рядом людей.

— Двигайтесь! — закричал он стоящим в первых рядах. — Эй вы там! Двигайтесь по одному вперед!

Стоявшая впереди женщина обернулась на крик.

— Кто ты такой? — недружелюбно поинтересовалась она.

— Я Дж... — Джерри осекся. — Я Марк Корнелий Сулла, вот кто я такой!

— А-а, хранитель овса, — ее лицо исказилось презрением. — Это спекулянт, — крикнула она стоявшим впереди, — это Сулла-спекулянт!

— Да нет же, — запротестовал он, — я нормальный человек.

— Спекулянт! — подхватила ее крик толпа. — Сулла-спекулянт!

Стоящий сзади мужчина ударил Джерри по плечу. Тот двинул рукой в надежде защититься, однако попал в клещи. Через мгновение его руки оказались скрученными за спиной. Джерри поискал глазами Джозефуса, думая, что раб сумеет ему помочь, но тот уже растворился среди толпы. Кто-то сшиб Джерри с ног, и он грузно рухнул на землю. Его молотили по голове, по плечам, удары сыпались градом. С каждым новым толчком перед глазами вспыхивали красные искры, а имитируемая компьютером боль волной разливалась по телу.

— Спекулянт! — было последнее, что услышал Джерри, погружаясь во тьму искусственной потери сознания.

Прошло пять секунд или пять минут — Джерри был не в силах понять, — когда он очнулся. Одна половина лица пылала будто в огне, другая совершенно онемела.

Когда Джерри Козински сумел-таки открыть глаза, он обнаружил, что лежит на совершенно пустынной улице, наполовину погрузившись в черную пыль. Сверху по-прежнему сыпался пепел, перемешанный с небольшими камешками, коловшими тело.

Он попытался опереться на руки, чувствуя сильное жжение от многочисленных синяков и ссадин. Левое колено было в очень плохом состоянии. Острая боль сковывала его и мешала двигаться. Она ежесекундно пронзала тело, напоминая о полученных травмах. Джерри не мог больше бежать, более того, он едва мог идти.

Камни и обломки скал стали падать чаще. Если он не успеет выбраться, один из таких обломков может раздробить ему голову. Джерри наконец-то вышел на опустевшую площадь, стараясь по мере сил уклоняться от огромных комков пепла. Они падали на одежду и липли к голым ногам, напоминая теплую влажную слизь. Если он не сумеет добраться до воды, ему суждено пасть жертвой извергнувшейся лавы, если только прежде ядовитые газы не положат конец его мучениям. Однако с каждым шагом вулканический дождь, стучащий, словно кусочки льда в стакане, усиливался. Практически все здания в поле зрения оказались облеплены черной грязью. Руки и плечи Джерри также почернели. Солнце, сиявшее на рассвете, поблекло.

Это был плохой знак. Он может просто-напросто увязнуть в этом месиве, как муха в сиропе. Джерри понял, что ему необходимо незамедлительно отыскать себе укрытие. Едва он начал по-

иски, как характер дождя изменился. С неба начали падать массивные каменные глыбы, они с тяжелым чавканьем погружались в вулканическую пыль. Любой из этих камешков мог оборвать его жизнь в течение секунды.

Джерри доковылял до ближайшего здания и забарабанил в дверь.

Никакого ответа.

Он дернул за ручку, но дверь не поддавалась, поскольку была закрыта и забаррикадирована изнутри.

Прячась от камнепада под навесом второго этажа, Джерри поспешил к соседнему дому. Он также оказался наглухо закрыт.

Пробираясь через аллею между двумя домами, Козински услышал визг. Звук показался Джерри настолько неожиданным, что он тут же остановился и стал вглядываться в сумрак. Трясаясь от страха, на куче пепла сидела маленькая собачка, почти щенок, той самой короткошерстной породы, которую можно часто встретить на улицах средиземноморских городов. Щенок выглядел грустным и запуганным, а огромные глаза смотрели на Джерри с такой болью, что у него защемило в груди.

Джерри собрался было двинуться дальше в поисках убежища, но чутье игрока взяло верх. Было нечто подозрительное в том, что этот щенок угодил в ту же ловушку, что и Джерри, в то время как все остальные исчезли. Он вспомнил, что утром, еще до того, как игра началась, он не заметил на улицах никого, кроме собак и детей. Когда ты участвуешь в компьютерной игре, случайных совпадений не бывает. Ему пришло в голову, что спасение беспомощного ребенка или щенка может оказаться важным в финальной стадии игры.

Защемившее сердце — тоже подозрительно. Возможно, это обычная реакция, но вдруг на то есть особая причина. Джерри пришло на ум, что после той ненависти, которую вызвало у толпы имя спекулянта Суллы, ему надлежит сделать что-то самоотверженное и бескорыстное, иначе живым из игры ему не выйти.

Да и, в конце концов, среди бывалых игроков бытует правило: если ты в затруднении, возьми кого-нибудь с собой.

Джерри наклонился к щенку и взял его на руки. Щенок обнюхал пальцы и весело завилял хвостом, умильно глядя на своего спасителя. Обхватив его теплое брюхо, юноша устремился на площадь.

Инстинкт не подвел Джерри, и следующая дверь, в которую он постучал, настежь распахнулась, открыв проход в небольшую комнатку, напоминающую людскую или кухню сбоку от господского дома. Ставни на окнах были закрыты, и в комнате стояла

темень. Джерри вошел внутрь и, к своей радости, обнаружил, что внутри воздух был чище, нежели на улице.

Козински прикрыл дверь, оставив небольшую щелку для света. На массивном дубовом столе стояла масляная лампа и лежали лучинки с кресалом. На удивление ему удалось высечь искру с первой же попытки, и вскоре в комнате стало светло как днем. Джерри повернулся и захлопнул дверь.

Щенок закружил по комнате, повизгивая и отряхиваясь на ходу. Хлопья пепла полетели во все стороны. Джерри провел руками по голове и выбил одежду, подняв облако черной пыли и пепла.

Юноша присел на единственный в комнате стул, вытянув израненную ногу. Схватившись когтями за свисавшие полы тоги, щенок вскарабкался Джерри на колени и довольно заворчал. Тот почесал у него за ухом и провел рукой по шее собачонки.

Джерри решил немного передохнуть и поразмыслить, что же делать дальше. Будучи участником игры, он знал, что должно было произойти с Помпеями. Вряд ли он получит много очков, если позволит через две тысячи лет археологу залить гипсом пустоту, оставшуюся от его трупa.

Однако до основного камнепада пока еще далеко, а тем временем стоит осмотреть дом. Возможно, он найдет здесь ножку от стола или кровати, которую можно будет пустить на шину для ноги. В доме могут оказаться топор, лопата или другие инструменты, которыми он сможет прорыть себе выход. Нужно запастись пищей и водой, чтобы чем-то поддерживать силы во время игры.

Когда боль в ноге стихла, Джерри поднялся со стула с твердым намерением обойти дом. Щенок спрыгнул вниз и едва коснулся пола, как комнату зашатало, словно корабль в шторм.

Снова землетрясение!

Слетев со стола, лампа разбилась о стену, и море голубого пламени разлилось по полу.

Щенок завизжал и снова закружился по комнате, пока наконец не спрятался под столом.

Упав, Джерри перекатился под стол, прижавшись лицом к мягкой шерсти животного.

Куски дерева и камешки застучали по столу. Ужасающий треск возвестил Джерри о том, что часть дома обрушилась, хотя на него ничего не упало. Стало немного светлее.

Прикрыв глаза ладонями, Джерри увидел, что почти вся стена, выходящая на площадь, обвалилась. Черный снег засыпал обломки кирпичей. Перемешанная с пеплом пыль медленно на-

ползала на его убежище, напоминая песчаную дюну на объемной фотографии. Ножки стола и поперечины в пятнадцати сантиметрах от пола заволакивались пеплом.

Если Джерри не встанет на ноги и не начнет двигаться медленно, он погиб. Ему не выбраться из-под пепла.

Джерри взял шенка на руки и попытался встать на колени. Приподнявшись, он больно ударился головой о стол, и из глаз снова посыпались искры. Когда к нему вернулось сознание, пепел засыпал столешницу. Вокруг потемнело. Щенок скулил не переставая.

Перед глазами Джерри вспыхнул ослепительный свет.

Щенячий визг превратился в тихое попискивание.

Подумав, что так, по всей видимости, в игре имитируется смерть от удушья, Джерри ощутил прилив ярости. В конце концов, он еще жив! Он может копать! Он может скрести ногтями!

Мысли медленно затухали в его меркнушем сознании, пока он не замер без чувств.

На этот раз по-настоящему.

Глава 11

РЫНОЧНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ

Капля!

Капля!

Струйка!

Поток!

**«Гонконг-2», Британская Колумбия, 21 марта 2081 г.,
21.53 тихоокеанского времени**

Оптические и звуковые эффекты нейронной системы фирмы «Виртуальность» и впрямь поражали воображение. Всякий раз, когда напротив мистера Харальда Сэмпсона появлялся новый жетон, выставленный Уинстоном Цян-Филипсом, раздавался звук, похожий на звон настоящей монеты. Им даже удавалось сделать так, что на жетонах играли блики от флюоресцентных полосок над головами торгующихся, а электронный молоток падал отчетливо и гулко.

Иногда на секунду, а иногда на целый день Уинстон забывал о том, что его покупатели на самом деле не сидят рядом с ним. Сэмпсон, например, находился в своей штаб-квартире в Омахе,

другие также были включены в единую сеть, протянувшуюся ни много ни мало от Нью-Йорка до островов Рюкю.

Цян-Филипс предложил на торги пакет акций газовых трубопроводов, которые приберегал в течение прошедших одиннадцати дней. Серебряные монеты, разбросанные по столу, были на самом деле электронными показателями долларовых сумм, официально зарегистрированных им на Гонконгской бирже.

— Пятнадцать, — произнес Уинстон, официально указывая цену за акцию.

Пим!

Сэмпсон мрачно уставился на монеты.

— Шестнадцать!

Харальд Сэмпсон сделал непроницаемое лицо, о котором американцы говорят «лицо джокера», однако бесстрастный электрод, закрепленный за его ухом, выдавал информацию о его невротических реакциях прямо в нейронную сеть. Цян-Филипсу порой казалось, что чудеса современной техники и впрямь создали эффект присутствия за одним столом двух людей, разделенных тысячами миль.

— Семнадцать, — Уинстон небрежно бросил на стол новую монету.

Сэмпсон только кивнул. На бровях стали медленно появляться капельки пота.

Цян-Филипс подумал, что он может торговаться до двадцати одного. А может и выйти из игры.

— Восемнадцать.

Теперь это было на целых пять долларов выше той цены, которую вчера заплатил Уинстон за эти бумаги весьма сомнительной ценности. Теперь спрос на акции трубопроводов «Акура» вырос в сорок раз. За свои 52 тысячи акций Сэмпсон может получить прибыль ни много ни мало 260 тысяч долларов. Конечно, это еще не состояние, но и не пустая трата времени, учитывая то, что на сделку ушло всего шесть минут от напряженного утра.

Однако сегодня Цян-Филипсу необходимо было купить много акций самых различных компаний, имеющих отношение к производству газа. Пусть Сэмпсону и не удастся выручить много за эти акции, но потом другие попытаются воспользоваться случаем. Может быть, стоит выйти из игры. И все-таки...

— Девятнадцать.

Над левым глазом Сэмпсона появилась большая капля пота, готовая в любую секунду сорваться вниз. Интересно, побежит ли

она к носу или покатится по щеке к кадыку, беззаботно подумал Уинстон, но тут же сосредоточился и стал следить за дисплеем.

— Двадцать!

Раздался оглушительный треск. Лицо Харальда Сэмпсона распалось на куски. Вылетевшая откуда-то из глубины белая молния ударила Уинстона по лбу и повлекла влево, бросив его на электронное подобие стола. Разбросанные там и сям монеты испарились, точно в дурном сне. Уинстон соскользнул на пол и погрузился в темноту.

Последнее, что зафиксировало его меркнувшее сознание, была ужасная боль в голове.

Спираль

Виток

Спираль

Виток

Центр обработки данных, Гонконгская биржа, 9.54 тихоокеанского времени

Сидя перед видеомониторами с микрофоном за ухом, как того и требовали строгие законы работы брокеров на бирже, контролер потока Этан Вонг видел лишь внешние признаки работы нейронноузловой системы.

Один экран информировал Вонга о том, что все зарегистрированные на бирже участники — а их было более двух тысяч — включились в сеть и занялись делом. Другой показывал, что текущая загруженность четырех телепортов системы, на каждый из которых приходилось двадцать внешних линий с пропускной способностью пятнадцать звонков на разных частотах и общей пропускной способностью более тысячи потенциальных абонентов, составляла девяносто два процента. По всей видимости, остальные участники торгов либо разговаривают друг с другом, либо готовятся снова выйти на связь. Так начинался день, и Этан занес информацию в компьютер.

Когда последовал удар, все четыре телепорта внезапно вышли из строя под действием статики или еще чего-то. Это было совсем не по правилам, ведь существуют специальные буферы и фильтры, задерживающие сигналы и препятствующие их чрезмерному накоплению. Нечто потрясшее систему — скорее всего, какой-то внешний источник — смело всю защиту от статики, подобно кочевникам, пробившимся через Китайскую стену. Во всей международной информационной сети не было ни одного устройства, способного генерировать такой заряд. Но даже если

удар был послан оттуда, то прозвенел бы сигнал тревоги, сработал бы изолятор цепи, и включилась система защиты.

Единственное, что мог предположить Этан Вонг, бессильно наблюдавший за меркнувшими мониторами, это то, что виной отказа телекоммуникаций явилось атмосферное явление. Ставшая повседневной практика использования ионных следов метеоров для передачи тысяч многослойных сигналов сделала электросвязь куда дешевле, чем во времена геосинхронизированных спутников или, того хуже, наземных оптоволоконных кабелей. Отныне стратосфера заняла достойное место в области человеческого общения и торговли. Возможно, что отказ системы произошел из-за мощного столкновения метеоров где-нибудь над горизонтом западной Канады. Образовался такой заряд кинетической или магнитной энергии, что фильтры приемных станций на Земле не смогли его задержать.

Все это было достаточно легко вообразить. Но чего никак не мог взять в толк Этан, так это почему волоконно-оптические линии, соединяющие приемное устройство биржи с телепортами, пропустили удар и паралич охватил торговые залы. Такое количество техники не могло разом выйти из строя.

С другой стороны, какой вред могла нанести перегруженность сигналу связи, если вспышка, пройдя, естественно, сквозь фильтры, поразила нейронные узлы 2339 участников торгов? Насколько прочным оказался электронно-протеиновый интерфейс? На этот вопрос получить ответ не представлялось возможным, поскольку главная беда технологий двадцать первого века заключалась в том, что лабораторные испытания слишком уж отставали от коммерческого использования новейших достижений.

Вонг просто представить себе не мог, как осуществилась передача энергии, но приборы показывали, что именно это и произошло. Он поймал тот момент, когда избыточное напряжение — или что там было еще — разрушило нежный сенсорный баланс более чем в двух тысячах умов. Левый дисплей высвечивал количество сгоревших и вышедших из строя соединений, а правый отображал пылающими красными буквами медицинское состояние одного человека за другим. У каждого из них электролитовый баланс и показатели нервной активности были угрожающими. Люди в прямом смысле слова умирали там, на полу, и Этан Вонг ничем не мог им помочь.

Его приборы считывали всю информацию о том, что происходило на бирже, но ни один из них не мог дать ответ, что же в точности произошло.

Просто что-то произошло.

Пиш-ш

Пиш-ш

Пиш-ш

Пиш-ш

**Федеральная резервная система, Вашингтон, округ Колумбия,
21 марта 2081 г., 12.59 местного времени**

— Ну что там еще? — рявкнул в трубку Мика Джордах, председатель Федеральной резервной системы США, когда ему наконец удалось до нее дотянуться. Чтобы взять трубку, председателю пришлось вернуться обратно к столу в тот самый момент, когда он, засунув руку в пальто, направлялся к выходу. И черт бы побрал эту штуку, то есть телефон, естественно, а не пальто и не дверь.

— Господин Уолтерс звонит из Нью-Йорка, сэр, — смущенно ответила секретарша.

— М-м, могу я потом перезвонить? Я уже и так опаздываю на ленч совета директоров и в самом деле...

— Он сказал, что это очень срочно, сэр.

— Черт. Ладно, соедините меня с ним. Но сначала скажите, что у него всего две минуты.

— Да, сэр.

— Джордах! — Голос Питера Уолтерса, председателя Биржевого банка Нью-Йорка и одного из коммерческих клиентов Федерального резерва, слышался в трубке с необычайной ясностью, как будто он находился в соседней комнате, а не за двести с лишним миль. — Что это еще за «две минуты»? У нас очень серьезная проблема, и без тебя не обойтись.

— Питер, ну что там еще могло стрястись? Мне в самом деле надо бежать на важную...

— Вся система рухнула. Мы потеряли около трех триллионов долларов из-за электрического удара, и это только мой банк. Три триллиона! Все без остатка. За последние пять минут. И убытки продолжают расти.

Джордах замер, как током пораженный.

— Т-ты сказал, т-три т-триллиона?

— Да. Так что, теперь у тебя найдется время?

— Я в твоём распоряжении. А в чем причина, это что, компьютерный сбой?

— Нет, дело не в этом, хотя компьютеры пострадали тоже. Какой-то электромагнитный импульс, похожий на взрыв огромной водородной бомбы, выбил все телефонные звонки, принимаемые и посылаемые из Нью-Йорка. По крайней мере так мне

сообщили специалисты. Пострадал мой банк и еще пять сотен прочих. Все деньги, находившиеся на тот момент в передаточных каналах, превратились в дым. Все средства автоматической клиринговой системы — тоже. Более того, мы до сих пор терпим ежеминутные убытки порядка... вот цифра — четырьеста миллиардов долларов минута.

— Что?! Разве твои люди не смогли сразу выключить систему?

— Мика, ты знаешь, когда в потоке одновременно находится порядка двух миллионов счетов, то это проще сказать, чем сделать. Только чтобы сбить скорость кредитных операций и трансфертов фондов в конце рабочего дня, требуется около часа. Не забудь, что необходима генерализация, проверка и очистка. Если происходит такое чрезвычайное событие, на быстрый результат рассчитывать не приходится.

— У тебя, конечно, сохранились записи, — заметил председатель резерва. — Что входило, что выходило... разве не так?

— Ты серьезно? Ты что, имеешь в виду записи на бумаге или двойные файлы?.. Мика, сколько лет ты работаешь на этом месте? Мы говорим не о металлических изделиях или мешках из пластмассовых волокон, а о реальных деньгах! У них нет физического воплощения, это куски информации, электрические заряды в компьютере или где-то в стратосфере. Если бы мы делали дубликаты, то это были бы реальные банкноты, согласно постановлению Пламбера и «Бэнк оф Америка». Наверняка ты знаешь все это. Что приходит, то приходит. Что уходит, соответственно, то уходит, а нам остается то, что в середине. Вот почему я тебе звоню. Мы, то есть мой банк, хотим получить от тебя ответ, изменит ли Федеральный резерв количество поставляемых денег, чтобы покрыть эти невосстановимые расходы. Мика, мне сегодня надо знать «да» или «нет», поскольку, потеряв три триллиона, я должен выдержать серьезный разговор с вашими инспекторами прежде, чем закроется вечером телеграф.

— Питер, я не могу сказать тебе сейчас.

— Плохо, Мика. Ты знаешь — это катастрофа. Если вы умоете руки, то серия банкротств неизбежна. Представь Мгновенное Черное Воскресенье в квадрате, когда люди будут выбрасываться из окон, и все такое прочее.

— Ты знаешь, что я не могу решиться на такую переоценку самолично, — запротестовал председатель, — так нельзя. Сначала мне нужно будет обсудить возникшую ситуацию с советом директоров. Если все так, как ты говоришь, то пострадали и международные связи. К примеру, мне придется связаться с Геллеро из Евробанка, чтобы скоординировать усилия.

— Только не трать слишком много времени на это, Мика. И помни, что люди в прямом смысле слова умирают.

— Питер, уверяю тебя, что все сделаю так быстро, насколько возможно... Да, кстати, если все лучевые каналы связи отказали, как ты сумел мне дозвониться?

— А-а... Около года назад мы взяли в аренду одну из старинных волоконно-оптических наземных систем, просто на случай, подобный нынешнему. Конечно, больших денег мы с этого не имеем, но все же...

— Понял. Могу я попросить воспользоваться этой линией на случай, если катастрофа и впрямь глобальна?

— Мика, в любое время, — заверил его банкир.

— Я свяжусь с тобой.

— Надеюсь, скоро.

— ...Марджери, соедините меня с президентом Евробанка. Я знаю, что они уже закончили работать, но, может быть, удастся позвонить ему домой или куда-либо еще.

— Да, сэр... Все атлантические каналы связи заняты, сэр.

— Ладно, тогда испробуем другой вариант. Попробуйте соединить меня с господином Йошу из Нихонского Центрального банка, с ним мне тоже надо переговорить.

— Одну минуточку... Эти каналы тоже заняты. Что мне делать?

— Гм-м... И информационные, и телефонные?

— Заняты все каналы.

— А спутниковая связь?

— И она тоже. Извините, сэр.

— Хорошо. Попробуйте выйти на связь через часик, ладно?

Ну а я пока отправлюсь на ленч с моими директорами и посмотрю, что они могут мне сказать.

— Хорошо, сэр.

Ровно

Ровно

Всплеск

Ровно

**Штаб-квартира провинциального аудитора,
Гонконгская биржа, 11.31 местного времени**

— Господа, наш рынок более не существует, — подвел итог Роджер Фредерикс, провинциальный аудитор Британской Колумбии.

Представители администрации Гонконгской биржи невесело глядели друг на друга. Этан Вонг, простой техник и самый последний в списке руководящего персонала, тихонько сидел в уголке.

— Более тысячи пятисот участников торгов находятся в состоянии, близком к каталепсии, — продолжал далее Фредерикс, — тысячи метров кабеля и обмотки сгорели. Четыре телепорта со всеми внутренними системами охраны сгорели дотла, и, в довершение ко всему, между небом и землей повисли около тысячи четырехсот прерванных денежных операций. Суммы мы можем только предполагать, а точное количество неизвестно. Мы, конечно, можем попросить участников восстановить по памяти характер сделок, заключенных на момент... этого, но, как я понял, они ничего не помнят. И даже если бы они помнили, кому можно было бы доверять? Покупателю? Или продавцу? Компьютер тоже ничем не может нам помочь. Я спрашиваю вас, что мы имеем на данный момент?

— Большую передрыгу, — заметил Уоррен Ли, глава биржи.

— Именно так, — согласился Фредерикс. — И у меня нет иного выхода, кроме как объявить, что это ВАША передрыга, господа. В конце концов, ответственность за обеспечение надлежащей обстановки на торгах возложена на вас, не говоря уж о том, что вы отвечаете за здоровье участников торгов, пользующихся «безопасной», согласно вашим уверениям, оптической связью. Когда убытки будут подсчитаны, я ожидаю, что ущерб, нанесенный вами, окажется больше, чем стоимость всех ваших льгот вместе со страховыми полисами от провинции, если у вас такие найдутся.

Биржевики уныло повесили головы, исподтишка поглядывая друг на друга.

В углу Этан Вонг отчаянно боролся с собой. Ответ на поставленный вопрос был готов сорваться с его уст. Безусловно, его выступление на совете во главе с самим провинциальным аудитором может дорого обойтись. Его могут выгнать с работы, а Уоррен не преминет позаботиться об этом, если Этан посмеет встревать в такое напряженное время.

Но затем глубокое спокойствие снизошло на Этана Вонга. Он неожиданно осознал, что если то, о чем говорят присутствующие на совете, — правда, то он уже потерял свое место. Вполне возможно, что завтра он уже будет трудиться над микросхемами искусственного эксперта в бакалейной лавке двоюродного брата Хонтина Вонга. Теперь уже ничто не могло бы усугубить его положение.

— Простите, сэр, — Этан возвысил голос.

Уоррен Ли полуобернулся. Глаза председателя биржи метали грома и молнии в адрес того, кто посмел высказываться в такую тяжелую минуту.

— Да, мистер... Вонг, не так ли? — осведомился провинциальный аудитор.

— Полагаю, что у вас есть возможность избежать этих неприятных моментов, сэр.

— Если это так, прошу вас открыть мне глаза.

— Как вы уже сказали, мы, безусловно, не можем собрать Шалтая-Болтая заново. Нам никогда не удастся воссоздать со всей точностью сделки, совершавшиеся на момент энергетического импульса.

— Замолчи, болтливый дурак, — прошипел на кантонском диалекте¹ председатель биржи.

— Однако в вашей власти прервать операцию по любой причине, которая покажется вам достаточно веской для этого, не так ли?

— Это весьма незначительная часть моей работы, — заметил Фредерикс. — Но то, что вы сказали, и в самом деле так.

— Тогда не будет ли честно аннулировать все торги дня? Ни пострадавших, ни выигравших за чей-либо счет. Все вернется на позиции полуночи вчерашнего дня, а вы можете объявить, что двадцать первого марта как дня торгов не существовало.

Аудитор задумался на минуту.

— Что ж, прекрасная идея, молодой человек. — Улыбка пробежала по его хмурому лицу. — Я обеими руками за, но речь идет о международном рынке, в котором участвовали представители всех мировых бирж, а также Биржи лунной колонии. Уверен, что не все участники торгов пойдут на это.

— Но ведь вы же можете связаться с должностными лицами на этих рынках и достичь консенсуса? Я имею в виду, что, по имеющейся в нашем распоряжении информации, подобные происшествия зафиксированы и в других частях планеты. Каждая биржа в той или иной степени пострадала, и если вы предложите нечто разумное, подобно возвращению на позицию полуночи...

— Вы предлагаете мне стать героем дня, мистер Вонг?

— Только если вы этого захотите, сэр.

— Посмотрим. Я свяжусь с моими коллегами в Департамен-

¹ Имеется в виду кантонский диалект китайского языка. — *Здесь и далее прим. пер.*

те финансов, как только статика исчезнет. И узнаю, согласятся ли они.

Уоррен продолжал тяжело смотреть на Этана, однако гнев в его взоре уступил место чему-то неопределенному. Возможно, председатель начал осознавать, что простой компьютерный программист может спасти миллиарды долларов убытка. Другие руководители подняли головы с выражением надежды.

— Конечно, — продолжал Фредерикс, — остается ответственность за тех несчастных, чьи мозги пострадали в результате вашей преступной халатности. Нам придется оценить, во сколько обойдется их курс лечения.

Все снова повесили головы, глядя друг на друга со смешанным выражением стыда и вины. Этан Вонг предположил, что такой исход дела их устраивает, и оказался прав.

Взяв вину на себя, эти люди сохранят репутацию биржи. Каждый из них находился во власти силы, большей, чем личное тщеславие. Год за годом они доказывали свою преданность вещи более сильной, чем любовь к стране, или стремление к социальной справедливости, или уважение старших и почитание правителей мира сего. Это единственная вещь в мире, которая не блекнет от времени, над которой бессильна смерть и не властны титулованные особы, которая не может износиться от бесконечного использования.

Власть денег.

Глава 12

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

10 000 метров

9 000 метров

8 000 метров

7 000 метров

**На подходе к международному аэропорту Эзенза,
21 марта 2081 г., 14.53 местного времени**

Радиолокационный высотомер выдавал голосовую информацию капитану Эдуардо Томпсону, пока тот вводил свой реактивный лайнер, направлявшийся из лондонского аэропорта Хитроу, в воздушное пространство к востоку от Буэнос-Айреса. Капитана нисколько не волновало, что высотомер был единственным устройством на борту, которое самостоятельно опреде-

для местонахождение самолета. Все остальные лишь пассивно получали информацию. Насколько он помнил, в воздухе всегда все обстояло именно так.

Масштабная карта Рио-де-ла-Платы отображалась перед Томпсоном на экране при помощи связанных с компьютером навигационных приборов и панели управления. Слева расстилась ярко-зеленая аргентинская пампа, на фоне которой выделялись серые постройки столицы и окрестностей. Справа, окрашенные желтым, виднелись равнины Уругвая, а прямо перед ним, по курсу 300 градусов, прихотливо изгибалась широкая дельта реки Параны, протянувшаяся на добрых сто пятьдесят километров между Буэнос-Айресом и аэропортом.

На экранах в мельчайших деталях был показан план подхода к Эзеизе, сориентированный на «Сан-Мартин». Согласно Универсальной глобальной системе ориентирования, он был принят компьютером за отправную точку при расчете координат. УГСО представляла собой активную сигнальную систему. Действуя в ее рамках, компьютер считывал информацию с трех как минимум спутников на орбите, высчитывал в соответствии с ней местонахождение самолета над поверхностью Земли и вместе с показаниями радиовысотомера, собственными оценками текущего курса и надземной скорости передавал необходимые визуальные сигналы из справочной базы данных на экраны Томпсону. Векторы подхода к ВПП¹ были также сориентированы на них.

Много лет назад основные аэропорты, подобно Эзеизе, использовали радиовещательные приборы для передачи сигналов на борт лайнеров типа «Сан-Мартин» при выполнении посадки. Самолет и сам мог получать большую часть полетной информации, например, скорость, высоту, курс по компасу и тому подобное. Однако, когда дело доходило до посадки, все важные маневры выполнялись по указанию с земли. Затем это вошло в обязанность диспетчеров по вышке осуществлять безопасную посадку самолета, сообразуясь не только с активностью в воздухе, но и с местонахождением, курсом и скоростью полета.

Все изменилось на глазах Эдуардо Томпсона. Сначала УГСО, предоставленная в аренду Национальным океаническим и атмосферным управлением США, избавила всех от необходимости полагаться на не всегда верные показания компасов, неточные оценки скорости полета и другие погрешности приборов. Радиолокационные ответчики сменили вечно скачущие по-

¹ ВПП — взлетно-посадочная полоса.

казания барометров, особенно это касалось суборбитальных маршрутов, которыми стали летать лайнеры.

А затем, в 2028 году, случилась международная трагедия, вылившаяся в судебное разбирательство по делу «Вариг» против международного аэропорта Даллас-Форт-Уорт. Катастрофа произошла из-за нарушений в работе всенаправленных радиомаяков и неисправной системы посадки по приборам, приведших к тому, что обычный реактивный самолет бразильской авиакомпании упал в двух милях от взлетно-посадочной полосы. Трагедия, повлекшая жертвы среди пассажиров и наземного персонала, вылилась в сумму порядка пяти миллиардов долларов. С этого памятного инцидента в международные законы и руководства по политике в области воздушного страхования был внесен пункт, гласивший, что коммерческие воздушные суда сами отвечают за местоположение самолета при заходе на посадку.

Положение сразу изменилось к лучшему. Капитан Томпсон и второй пилот вели самолет при помощи тех визуальных сигналов, которым обучались на тренажере. Те же позывные, мерцавшие у правого и левого уголков возбужденной сетчатки глаз, и те же мнимые рукоятки и кнопки управления полетом под кончиками пальцев в перчатках. Разница заключалась лишь в том, что во время занятий на тренажерах в зависимости от ускорений кресло двигалось в разные стороны. В теории движения тренировочной кабины должны были соответствовать реальной обстановке на борту, но на практике так никогда не получалось. Томпсон говорил, что всегда может заметить разницу. Именно поэтому он считал себя первоклассным пилотом.

Длинные голубые линии стилизованных форм дельты проносились перед глазами капитана и исчезали по мере снижения. Вместо них из зелени пампы выплывали серые строения Эзеи-зы. Сигнальные огоньки по бокам ВПП сливались в две светящиеся линии, сходящиеся в точке касания, подсвеченной красным. Все приготовления к посадке были выполнены безукоризненно.

Непонятно, почему самолет стал забирать вправо.

Томпсон инстинктивно принялся двигать руками в перчатках, чтобы выправить курс, но вдруг замер. Дисплей фиксировал воздействия на систему управления, но на самом лайнере это никак не сказывалось. Конечно, уход вправо был еле уловим, но должен же опытный пилот что-то почувствовать помимо свиста ветра, обтекающего крылья.

Визуальный дисплей вдруг погас.

— Вот так номер, — произнес Томпсон вслух, в его голосе

слышалось недоумение по поводу такого непонятного розыгрыша.

— Что-нибудь случилось? — спросила за спиной Алисон Карлайл. На этом участке полета она была свободна от дежурства, поэтому либо отдыхала, сняв перчатки и выключив экран, либо занималась проверкой показаний двигателя лайнера и системы жизнеобеспечения.

— Вырубился дисплей с ландшафтом.

— Дайте мне посмотреть...

— Нет, подожди, все нормально.

Образы медленно выплывали на экран, как и подобает сложной компьютерной графике. Сначала показалось синее море, за ним зеленые просторы пампы, следом города и, наконец, подход к аэропорту. Однако на этот раз равнины приобрели неясные, размытые очертания. Окрестности больших городов покрылись дымкой, а мелкие городишки то появлялись на экране, то вдруг исчезали, словно искусственному разуму было не под силу определить, есть они там или нет. Дисплей показывал все новые и новые варианты быстрее, чем глаз пилота успевал моргнуть.

Эдуардо Томпсон тяжело вздохнул и попытался держать руки абсолютно прямо, пока приборы восстанавливали работоспособность.

— Наверняка что-то стряслось, — сообщил он второму пилоту.

— Сейчас я подключусь, — Эдуардо услышал знакомый шелчок соединения, а потом... — Да, я вижу. Действительно странно.

Прошло еще около десяти секунд, и верхний дисплей, так и не настроившись на прежнее изображение, погас окончательно, и на сером экране зажглась надпись красного цвета:

ОТКАЗ НАВИГАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕКЛЮЧАЮСЬ НА БОРТОВЫЕ ПРИБОРЫ

— Что происходит? — спросила Алисон.

— Навигационная система потеряла ориентацию в пространстве и пытается выполнить задачу, используя то, что под рукой, — объяснил капитан. — Сначала она попытается получить показания резервного магнитного компаса.

На контрольных полях экранов вспыхнуло изображение шарика с иголкой, чем-то напоминающее нактоуз корабельного компаса. Таким виделся компьютеру электрокомпас, предположительно изолированный от возмущений электроники лайнера,

его металлических компонентов и мощных магнитных полей ионизирующего конверта, возвращающего стратоплан в околоземные атмосферные слои. Считалось, что компас всегда исправен и является подспорьем к изоэшелонной авионике самолета. Но сейчас шарик хаотично скакал по всему полю, а графическая игла сначала указала на север, затем на юг, потом, не останавливаясь, поползла на запад и на восток. Невероятно!

— Компас тоже не работает, — заметил Томпсон. — Если, конечно, не нарушилось геомагнитное поле Земли, а это маловероятно.

Коснувшись незримой кнопки, летчик дал команду компьютеру не принимать во внимание показания компаса и продолжать внутренние вычисления.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ИНЕРЦИАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

— Что это значит? — спросила Алисон. — Мне раньше не доводилось видеть такую надпись.

— Это означает, — со вздохом ответил ей Томпсон, — что компьютер отбросил рациональное мышление и занимается вычислением пути. Как говорили раньше пилоты, ты можешь вычислить путь до собственной могилы. Это в равной степени относится и к баллистическим стратопланам.

Томпсон знал, что под инерциальными данными имелось в виду то, что для вычисления дальнейшего курса корабля машина будет использовать последнее известное местоположение лайнера, последнюю скорость и курс, а также случайные ускорения, отмеченные бортовыми гироскопами.

— Но что могло случиться? — недоумевала его напарница. — У нас же есть резервная система управления...

— Да, на Земле оборудование тщательно проверялось и испытывалось, чтобы избежать возможных неисправностей в воздухе. У нас нет иного выхода, кроме как доверять оборудованию. Мы вынуждены делать это. — Отвечая на вопрос девушки, Томпсон продолжал держать руки в нейтральном положении, выдерживая четкую глиссаду. Не желая вмешиваться в работу систем, он терпеливо ждал, пока компьютер перебирал цифры на дисплее и пытался восстановить приемлемое изображение местности и аэропорта.

— Наша единственная надежда — на высотомер. Слушай!

Радар по-прежнему продолжал попискивать, но цифры на левых визуальных дисплеях продолжали плавно падать.

Томпсон счел нужным дать объяснения:

— Если компьютер не полностью вышел из строя, то, вероятнее всего, он потерял связь с системой ориентации. Возможно, отказала антенна, а может быть, все дело в радиопомехах... Если так, то будем надеяться, что сбои отловятся сами собой.

— Никогда не слышала о существовании помех на данных частотах, — с сомнением заметила Алисон. — Это серьезное нарушение международных законов, если кто-то намеренно вклинился в работу в этом диапазоне.

— Ты права, так что, скорее всего, отказала антенна. В любом случае давай подождем и посмотрим, сумеет ли компьютер восстановить прежнее изображение.

Однако этого не произошло. Более того, на экранах загорелась надпись:

НЕДОСТАТОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Дисплей полетных сигналов оставался пустым, напоминая перегоревшую фосфорную трубку, и лишь нижнее поле, где были представлены функциональные базы данных приборов управления, повиновалось пилотам.

— Что же делать? — тихо спросила Карлайл.

— Я не...

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Эдуардо Томпсон сделал то, что никогда не пытался делать за всю свою летную жизнь. Он встал, отстегнул экраны и посмотрел в ветровое стекло собственными глазами.

Перед ним расстилось бледно-голубое небо. Нигде не было даже намека на море или землю. Безусловно, все дело было в высоте полета, ведь при снижении с наклоном в тридцать градусов земля неслась бы ему навстречу.

Карлайл сдвинула экраны на лоб, посмотрела в окно, затем взглянула на командира:

— Вы отдаете себе отчет, что это полное нарушение правил полета?

— Хотел бы я иметь выбор, — Томпсон прикусил губу. — Если мы хотим увидеть что-либо, нам придется опустить нос самолета.

— Тогда мы наберем скорость и чрезмерное ускорение. Да и двигатель работает сейчас всего на восемь процентов, это единственная приемлемая величина для аэродинамического баланса.

— Я включу воздушные тормоза.

— Вы же знаете, что их можно использовать лишь при не-

большой скорости, они нарушают воздушный поток и приводят к дестабилизации...

— Я понял, — прервал ее капитан.

Томпсон ослабил руками незримую петлю на шее и потянулся за рычагом, приведившим в движение реверс потока. Но тут же понял свою ошибку.

— Черт побери!

— Что случилось?

— Не вижу приборную доску.

Без экранов нейтральные перчатки не работали, поскольку составляли с ними единую систему. Приборы управления лайнером не имели материального воплощения, существуя лишь в виде сигналов виртуального мира, воссоздаваемого экранами. Повинуясь мановению рук, перчатки передавали сигналы в компьютер, управляющий полетом.

Продолжая эксперимент, Томпсон шел на снижение, невзирая на растущую скорость пикирования. Горизонт, настоящий земной горизонт появился в отдалении. Его взору открылись серо-зеленые участки земли и голубовато-серая река, полускрытая плывущими облаками. Даже если внизу под самолетом был город, а уж тем более аэропорт, то капитан его не видел.

— Так не пойдет.

— Один из нас должен наблюдать, — предложила Карлайл, — пока другой будет управлять полетом. Вы капитан и старший офицер, так что пусть ваш опыт поможет нам. — Она снова опустила экраны на лицо. — Включаю тормоза.

— Нет, смотри!

Алисон отбросила «очки» и наклонилась вперед. Маленький рост не позволял ей как следует заглянуть в окно. Только подтянувшись, она смогла-таки рассмотреть расстилавшуюся внизу местность. В ушах эхом отдавалось гудение радара. Консоли лайнера ощутимо дрожали.

— Видишь что-нибудь знакомое? — спросил с заметной ноткой волнения в голосе Томпсон.

— Да... Думаю, да. Слева Большое яблоко¹, вон тот выступ справа должен быть колонией. Прямо перед нами Тигре, так что Эзеиза должна лежать по курсу где-то градусов десять.

— Твои глаза моложе моих. — Не очень хорошее зрение также никогда не сказывалось на карьере пилотов. Капитан принял решение: — Ты будешь наблюдать, а я вести самолет.

¹ Бытующее название Буэнос-Айреса.

Эдуардо снова надел экраны. Позади него заскрипело кресло: это Алисон встала на колени, чтобы расширить обзор.

— Сейчас лучше сбросить скорость, — сказала она.

Томпсон резко убавил обороты и мягко потянул рукоять тормоза. В ответ самолет затрясло, и крылья стали мелко вибрировать. Человек вместе с машиной быстро исправили ситуацию.

— Примерно десять градусов влево, — скомандовала Алисон.

Через минуту Томпсон принял новое решение:

— Я собираюсь объявить аварийную посадку.

— Давайте, — согласилась Карлайл.

Мизинцем пилот нажал невидимую кнопку и заговорил в микрофон:

— Эзеиза-вышка, это «Аргентинас» один девять, как слышите, прием.

Уши пилота моментально наполнились шумом и треском статики. Прорвавшийся голос диспетчера сообщил о плохой слышимости и попросил повторить.

Томпсон снова нажал микрофон:

— «Аргентинас» один девять. Неисправность в воздухе. Отказ навигационной системы. Пытаемся лететь вслепую. Повторяю, летим почти вслепую. Прошу подготовить экстренную...

— Один девять, ждите, — неожиданно четко ответила вышка.

— Еще пять градусов влево, пожалуйста, — сказала за спиной Карлайл. — Можно поднять нос вверх еще на два градуса.

Томпсон внес поправки.

В наушниках раздался голос диспетчера:

— Один девять, вы — десятый самолет в воздухе, терпящий бедствие. У всех отказала система ориентации. Сообщите запас топлива, прием.

Капитан посмотрел на экран перед глазами:

— Около пяти тысяч двухсот килограммов. Еще сорок минут полетного времени.

— Спасибо, понял.

— Капитан, — вступила в разговор Алисон, — если мы будем выполнять заход на посадку сейчас, лучше отпустить тормоза и уйти вправо. Мы можем держать высоту три пятьсот.

Томпсон связался с диспетчером и получил разрешение. Самолет стал уходить вправо.

— Капитан, а у нас получится? — спросила Карлайл тихо.

— Будем надеяться, — донесся ответ.

Через пять минут они сделали полный круг.

— Вам повезло, «Аргентинас» один девять, — снова заговорил диспетчер. — Нашему компьютеру нравится ваше положение... Через сорок пять секунд курс...

— Эзеиза, компас не работает и на инерционные показания я не могу положиться, прием.

— А... ладно. Нос визуально под двадцать градусов, скорость снижения сорок метров в секунду.

Карлайл тронула Эдуардо за плечо:

— Он приводит нас на ВПП, капитан. Я ее вижу: полоса вся в огнях.

— В огнях? — Томпсон поднял голову.

— Да, они выглядят как обычные трассеры, только голубого цвета.

— Это, наверное, для частных самолетов.

— Наверное, — согласилась она.

— «Аргентинас» один девять, держите верный курс. Увеличьте скорость посадки до пятидесяти метров.

Томпсон увеличил скорость, но снова справился у Карлайл:

— Как все это выглядит?

— В точности как на экране.. Только шире.

— Шире? Мне надо...

— Нет, нет. На экране же не совсем так, как в жизни.

— Ты права, — вздохнул капитан.

Еще через несколько минут с вышки последовали новые указания:

— «Аргентинас» один девять, на полосе ветер, направление запад — северо-запад, скорость четырнадцать узлов. Вы в трех километрах от полосы, высота семьсот. Закрылки ниже.

— Похоже, он прав, — подтвердила Карлайл.

Томпсон увеличил мощность двигателя до десяти процентов и опустил закрылки на все сорок градусов, что соответствовало посадке при условиях легкого ветра. Даже с увеличением мощности они сделали свое дело, и самолет точно завис в воздухе, ровнехонько выходя на глиссаду.

— Шасси вниз, командир, — скомандовала девушка.

Капитан двинул вниз рукоять. Загорелись три красные кнопки выхода шасси. Досчитав до десяти, он услышал грохот и с удовлетворением заметил, что цвет кнопок изменился на зеленый. С выпущенными шасси самолет еще больше потерял скорость, что, собственно, и ожидалось.

— Вижу белые указатели на полосе, — сообщила Карлайл.

— Зона касания, — объяснил Томпсон. — Я их видел раньше на земле. Мы их называли параллельно плывущими нитями.

— На них черные отметины.

— А это резина от шин.

— Ой! Я никогда не думала, как шасси стираются от посадок.

— «Аргентинас» один девять, держите угол снижения. Пять секунд до касания, четыре... три...

— Чуть-чуть влево, капитан.

— Два... один...

Самолет вздрогнул от удара и через мгновение уже катился по бетонной полосе. Томпсон включил реверс и откинулся назад. Он знал, что полоса прямая, как стрела, а на такой скорости встречный ветер не помеха.

— Один девять, следуйте по рулевой дорожке двенадцать. Добро пожаловать домой!

— Спасибо, Эзеиза, конец связи.

Капитан сдвинул экраны и посмотрел сквозь стекло. Самолет медленно катился к рулевой дорожке, которая была совершенно пустынна.

— Незабываемое приключение, — улыбнулся Томпсон и уже серьезно добавил: — Алисон, без твоих глаз я был бы бессилён.

Лицо девушки вспыхнуло.

— Диспетчер обязательно вывел бы вас.

— Нет, я никогда не нашел бы столицу.

— Ну по крайней мере нам больше никогда не придется делать это снова.

— Надеюсь, что нет. Однако что-то вывело из строя спутники, и пострадало много самолетов. ...Хотел бы я знать, что на самом деле произошло?

Глава 13

В НАЦИОНАЛЬНОМ БЮРО ПОГОДЫ

1010 миллибар

1008 миллибар

1004 миллибара

998 миллибар

**Национальное бюро погоды, Вашингтон, округ Колумбия,
21 марта 2081 г., 18.53 местного времени**

Размытая граница массы теплого воздуха выравнивалась в точном соответствии с заранее заданным контуром, пока Человек погоды гнал область низкого давления через Тихий океан.

Он двигал ее с севера на восток от самого района возникновения, располагавшегося в двух тысячах километров к западу от Байи, Калифорния.

С этой частью операции никаких проблем не возникло. В это время года начиналось потепление в субтропических водах, что значительно повышало объем атмосферной влаги, поэтому запасы насыщенного водяными парами воздуха росли день ото дня. От Человека погоды требовалось лишь собрать вместе эти массы и отправить их в путь по направлению, противоположному часовой стрелке.

Для такой работы у него имелись и специальные приспособления — холод и тепло. Тепло поступало в скопления облаков над земной поверхностью в форме концентрированной солнечной энергии, посылаемой спутниками с удаленных орбит. Холод поступал из «пакетов» углеродных нитей, которые запускались в стратосферу либо с помощью ракет, стартующих из западной части Тихого океана и с Гавайев, либо с помощью магнитных катапульти, установленных в Уитни-центре и на горе Райнер. Тепло, холод, ускорение и изменение направления воздушных масс были основными средствами работы Национального бюро погоды и его главного специалиста.

Сейчас Человек погоды намеревался столкнуть массу влажного воздуха, сформировавшуюся в Аинском заливе и медленно движущуюся на юго-восток, к границам Калифорнии, с областью высокого давления.

С этими областями и была связана основная проблема. В конце сезона штормов, когда вращение Земли снова возвращало северные регионы под действие солнечного тепла, массы арктического воздуха, как правило, поворачивали вспять, вместо того чтобы двигаться вперед. Поэтому Человеку погоды приходилось создавать искусственную облачность взрывами углеродных бомб, усиливать слои густого воздуха, препятствующие ее распаду, и гнать в океан теплые волны, создававшие небольшие кармашки низкого давления, которые, собственно, и продвигали вперед массы теплого воздуха.

При равновесии всех прочих факторов две независимые погодные системы, одна — холодная из Аляскинского залива, другая — теплая, из мексиканских вод, неминуемо столкнутся, и столкнутся как раз над водами океанического течения в направлении Северной Калифорнии.

Холодная масса с высоким давлением будет двигаться быстрее и сумеет пройти над неуклюжей, теплой системой низкого давления, которую Человек погоды собирался направить на

шестьсот километров к северу. Когда воздушные массы с Аляски будут двигаться через Центральную долину, массы теплого воздуха начнут подниматься вверх, пока тонкие холодные слои атмосферы не опустят их ниже точки росы, освобождаясь от осадков.

При динамическом равновесии всех остальных факторов в результате столкновения два-три миллиметра осадков оросят фермерские земли самого засушливого штата, а еще пять миллиметров выпадут мокрым снегом в Сьерра-Неваде в преддверии весеннего таяния.

Это будет уже пятый шторм в это время года, искусственно созданный Человеком погоды. Экономическая выгода от продажи зерновых, с одной стороны, и установления такого водного баланса — с другой составят 56 миллионов долларов при затратах на собранную энергию Солнца и запущенные углеродные «пакеты» всего-навсего в 280 тысяч долларов. Безусловно, было еще слишком рано оценивать и планировать прибыль, поскольку остались неучтенными многие факторы, но Человек погоды всегда сумеет предупредить служащих Администрации общих работ о том, что именно надо готовить к изменению в количестве осадков, а также когда готовиться к мощному таянию снегов, сопровождающему весеннюю оттепель.

Конечно, вся эта структура вложения капитала и получения денег зиждилась лишь на проектной основе. Если бы Человек погоды был вынужден включить в расчеты стоимость спутников, находящихся в его распоряжении, или шестнадцати тысяч наземных и воздушных телеметрических станций только на континентальной части США, которые ежеминутно сообщали ему текущую температуру, давление, количество осадков, влажность, скорость и направление ветра, видимость, облачность и кромку облаков, словом, всю информацию, с помощью которой Человек погоды творил свои чудеса, тогда возможная прибыль была бы значительно меньше. Однако, с точки зрения машины, все эти капиталовложения уже давно оправдали себя, и она была готова привести тысячу аргументов в качестве доказательств.

Следуя линии изобар, компьютер был занят тем, что отбирал и составлял текущие показатели воздушного давления, передаваемые зондами, плывущими над восточной частью Тихого океана.

996 миллибар 24 г 33 мин 16 с с.ш., 132 г 28 мин 56 с з.д.

998 миллибар 24 г 34 мин 38 с с.ш., 132 г 30 мин 09 с з.д.

1002 миллибара...

Экран вспыхнул. Непрерывно поступающий информационный поток оборвался. Человек погоды немедленно выслал сообщение в адрес Администрации общих работ, требуя задержать выплату жалованья отвечающему за этот участок работ персоналу, пока те не устранят неисправность. Но в это время произошло кое-что похуже.

Центр области высокого давления перестал двигаться, а точнее, перестал разворачиваться в северном направлении. Методом анализа местности Человек погоды быстро определил, что данные о сформированных облаках на дисплее больше не поступают. Компьютер снова и снова перерабатывал информацию, которая с каждой миллисекундой становилась все более устаревшей.

Однако вместо того чтобы остановиться на последнем кадре, изображение начало медленно гаснуть. Человек погоды терял модель сталкивающихся воздушных масс, что означало просто-напросто потерю управления. Без надлежащего контроля они либо столкнутся слишком рано, либо слишком поздно, чтобы из осадков можно было извлечь какую-либо пользу. Все это выводило машину из равновесия.

В эфире шипели телеметрические станции, как будто везде шел дождь из дымящихся капель кислоты. Они не прекратили работу одна за другой, что было бы объяснимо с географической точки зрения, и не смолкли все разом в результате сбоя в подаче энергии; нет, вместо этого исчезла согласованность в передаче данных, и в анализе стали появляться белые пятна. Человек погоды пытался заполнить бреши, интерпретируя информацию с ближайших станций, оценивая ситуацию в целом, но дезинтеграция слишком быстро увеличивалась. Дыры росли, нарушая точность модели и логику ее построения.

Проверка, длившаяся долю секунды, показала Человеку погоды, что в сбое просматривалась некая система — каждая станция умолкала, когда подходило время для связи с ней... Безусловно, сбой мог случиться и одновременно в результате отказа передающей аппаратуры повсеместно, что вызвало нарушение транслирования информации в определенном отрезке времени. Однако Человека погоды не интересовали умозрительные заключения такого рода, в особенности связанные с возникновением форс-мажорных ситуаций в имеющихся контрактах. В круг его задач входил лишь прогон моделей погоды полушария и создание вариаций микроклимата.

Посему, убедившись, что его незаконно лишили требуемой

информации, Человек погоды направил серию протестов юристам, связанным с администрацией. Пускай они занимаются этим. В конце концов, для этого люди и нужны.

Меньше

Меньше

Меньше

Ни-че-го

Региональный центр погоды, Канзас, 11.55 местного времени

— Ты только полюбуйся на это! — воскликнул синоптик первого класса Джон Диксон, пытаясь одновременно двигаться по комнате и смотреть через плечо на Уинанса, старшего смены, который сидел перед экранами.

Изящно выполненная графика рушилась, напомнив Диксону о сгоревших бабушкиных кружевах, — все те же искорки, угольки, языки яркого пламени, оставившие за собой лишь кучки серого пепла. Надвигавшиеся в направлении Арканзаса грозовые тучи как ветром сдуло с экрана.

— Что такое! — рявкнул Уинанс. — Человек погоды отключился!

— Это случалось раньше? — спросил Диксон, который совсем недавно окончил школу метеорологов и лишь теоретически превосходил знаниями своего коллегу. В экстренных случаях, согласно Наставлению, считалось, что опыт превосходит служебное положение. Несмотря на это, Диксон изо всех сил пытался припомнить похожую ситуацию, когда бы Головная программа моделирования погоды дала сбой. В голову ничего не приходило. Это было неудивительно, поскольку считалось, что компьютеры данной серии безотказны. А может быть, он просто развлекался в тот самый день, когда вся группа разбирала данную тему.

— До сих пор... Ну, насколько я знаю, никогда, сэр. Человек погоды в своем деле — Бог. С ним точно ничего подобного не случилось. Мне кажется, что нам следует...

— Мне кажется, что надо выпустить бюллетень или нечто подобное.

— Да, мы можем отослать прогноз погоды в обзор. Но что мы скажем?

— Ну, — заколебался Уинанс, — мы можем сообщить о надвигающемся торнадо, или снежной буре, или еще о чем-нибудь в этом же роде. Кроме того, я полагаю, нам, то есть мне с вами,

непрерывно следует оповестить людей, что никакой опасности нет. Я имею в виду, что ничего представляющего опасность на мониторах не было... по крайней мере, на моих точно.

— Очень хорошо... Именно так мы и сделаем. Сообщите населению, что мы по-прежнему контролируем погоду, пусть это на самом деле и неправда, а потом будем куковать и ждать инструкций от вашингтонских боссов.

— Вот это уже похоже на план действий.

Наверняка все именно так бы и произошло, но когда Диксон попытался передать метеосводку, то, к удивлению, обнаружил, что все телефоны заняты и никакой экстренной связи на пункте не имеется.

— Прямо как в поговорке: дождя нет, но есть ливень, — усмехнулся Уинанс.

Оставшись без дела, метеорологи уселись за рабочие места и занялись игрой в морской бой. Когда систему починят, им немедленно дадут об этом знать.

Глава 14

ЗАТЕРЯННЫЕ В ГАЛАКТИКЕ

Пип

Пип

Пип

Пи-ип

**Кабина Б-9, борт исследовательского звездолета «Юла-3»,
21 марта 2081 г., 18.26 единого времени**

Магнитный диск со скрипом и треском принимал сгустки летящей к нему информации, плотно упакованной в столбики байтов и битов, посланной на невероятной скорости в пространство. Логическое устройство моментально преобразовывало их в синхронизированные аналоговые видеосигналы.

Радиорубка на борту международного исследовательского корабля «Юла-3» приняла сообщение еще час назад, и все это время Питер Спивак потратил на то, чтобы отыскать свободный видеоплеер и найти укромное местечко.

«Юла» была построена по кассетному принципу. Это означало, что каждый из семи цилиндрических отсеков космолета — их число зависело от продолжительности путешествия — стартовал с помощью собственного ядерного ускорителя с поверхнос-

ти земной планетной системы и летел самостоятельно, пока не приобретал скорость, достаточную для полета по широкой спирали, пересекавшей в конце концов орбиту Марса. Свободно паря во Вселенной, корабли встречались в высчитанной компьютерами точке рандеву, стыковались, образуя розетку, и запускали угловые двигатели для придания космолету медленного вращения, словно в огромной центрифуге. Тем самым обеспечивалась искусственная гравитация на все девять месяцев существования на орбите, предохраняя пассажиров и экипаж от роковой потери кальция. В нужный момент времени корабли гасили вращение, снижали скорость, расстыковывались и на шаттлах спускались на планету бога войны.

Удобства в разбросанных по пяти кораблям жилых помещениях были невелики. В отсеке объемом пятнадцать кубометров, гордо именовавшемся в инструкции «спальным помещением», размещалось пять подвешенных коек, в которых жили Питер и его сотоварищи. Помимо сна, игр и просмотра заранее записанных развлекательных программ Питер исполнял обязанности первоклассного мойщика посуды в столовой. Он быстро уловил основное различие между экипажем и пассажирами на исследовательском звездолете. Если первые управляли кораблем в полете и работали на орбите, то на долю остальных выпадал неквалифицированный труд вроде мытья посуды.

Усевшись на пол и привалившись спиной к переборке, Питер включил плеер. Хотя в начальных титрах высветились только регистрационный код космолета и его имя, Питер знал почти наверняка, кто послал сообщение — и автором была отнюдь не его мама. Единственное, что он никак не мог взять в толк, так это почему Шерил направила диск с записью, ведь за те же самые деньги можно было бы заказать сеанс двусторонней связи. Временная разница составляла около пяти секунд, и они смогли бы всласть наговориться, как будто по-прежнему находились на одном континенте. В любом случае хоть один раз, но ему удастся побыть наедине с пленкой, присланной его девушкой, если только... если только она все еще ЕГО девушка.

Микроэкран засветился матово-белым, и ничего больше не появлялось. Сперва Питеру пришло в голову, что плеер сломался, но, приглядевшись, он понял, что дело в другом.

Бесцветная больничная комната. Белые высокие подушки и задрапированные шторами окна. Кусок окрашенной в унылый серый цвет стены с кислородным аппаратом, приспособлениями для подачи воды и электричества. Больничная пижама, также белая, в светло-голубую полоску, и, наконец, лицо Шерил,

худое, бледное, обмотанное белыми бинтами. Ошеломленный Питер заметил, что бинты спускались вниз, к шее, и обвивали плечо, где уголок пижамы был отогнут и сколот медицинской булавкой.

Единственным цветным пятнышком был ярко-зеленый, едва видневшийся правый глаз девушки да кусочек кожи возле другого глаза, где красовался огромный лиловый шрам. На носу и левой щеке сплошные царапины и ссадины. Напряженно глядя на изображение, Питер смог заметить, что некоторые из них уже начали заживать.

Все увиденное на экране настолько потрясло Питера, что вступительные слова прошли мимо его ушей и ему пришлось промотать пленку назад. Он ожидал увидеть что угодно, только не это.

— Полагаю, что это ты никак не ожидал увидеть, не так ли? — сказала слабым голосом Шерил. — Честно говоря, Питер, мне понадобилось много времени на то, чтобы решиться записать кассету, не говоря уж о том, чтобы ее послать, и я совершенно не хотела разговаривать с тобой лично. По крайней мере в таком виде. Во всяком случае, медсестры подняли ужасный шум, когда папа принес с собой камеру, так что можно представить их реакцию на сеанс связи...

Что до случившегося... вряд ли тебе захочется это знать. Просто я встретила человека, который оказался совсем другим, не таким, как я его себе представляла... и хватит об этом.

Шерил попыталась усмехнуться, но лицо исказила гримаса, и кто-то за камерой протянул ей стакан с водой. Девушка отпила немного и передала его обратно.

— Мама полагает, а папа с ней согласен, что мне надо на время покинуть город. Знаешь, они думают, что твой мир... Мне кажется, им всегда не хватало зятя с техническим образованием... Во всяком случае...

В течение целых пяти секунд изумрудный глаз Шерил смотрел не отрываясь на Питера.

— Они полагают, что найти подходящую работу на Земле трудно и что мне следует попытаться счастья среди звезд. Им до сих пор кажется невероятным, как быстро фонд ответил на твой запрос. Кстати, насчет твоей безумной идеи, чтобы я стала техническим иллюстратором, готовила проекты или что-то в этом роде, отец считает, что это может мне подойти. Хотя я знаю...

Свободной рукой девушка сжала полу пижамы.

— Я не хочу отправляться куда глаза глядят, то есть я имею в

виду, что хотела бы работать там, где есть знакомые мне люди, чтобы не чувствовать себя одиноко. Я еще не связывалась с фондом, так что у меня нет никакой информации относительно вакансий.

Пальцы Шерил нервно теребили край одеяла.

— Знаешь... ну, если бы они могли направить меня на твою станцию или куда-нибудь еще, чтобы мы могли держаться друг друга, могли быть вместе. Я имею в виду, если ты не будешь против... Питер, мы не слишком хорошо расстались, это так. Я знаю, что порой была слишком резка с тобой и не очень-то помогала. Я... Бог с этим.

Шерил неожиданно взглянула на свою руку, быстро отпустила и попыталась разглядить измятый кусок материи. Через мгновение девушка снова посмотрела в камеру.

— Все, что я пытаюсь сказать, Питер, если ты по-прежнему хочешь видеть меня, — я могла бы обратиться в фонд и подыскать себе место, если это именно то, чего ты хотел.

Она еще не успела договорить, как Питер, сияющий, с озабоченным улыбкой лицом схватился за плейер, повторяя на все лады «да! да!» и кивая в такт головой.

— Все раны исчезнут без следа, — продолжила Шерил, помахав рукой перед камерой. — Нервы не затронуты, доктор так и сказал, что я родилась в рубашке. Так что к моменту, когда ты меня увидишь, я буду совершенно здоровой. Если ты и ВПРЯМЬ хочешь ВИДЕТЬ меня, Питер.

Девушка неотрывно смотрела с экрана ему прямо в глаза. Прошло несколько секунд, она сложила губы сердечком и кивнула Питеру. Пленка закончилась.

Питеру Спиваку не понадобилось прокручивать пленку второй раз, чтобы принять решение. Оставив плейер на полу, он опрометью выскочил из комнаты.

Тик

Тик

Тик

Бумм!

**Почтовое отделение, Сэг-Харбор, Большой Нью-Йорк, США,
21 марта 2081 г., 12.43 местного времени**

Индикатор под дисководом погас, и возвратное устройство выбросило информационный диск обратно в руки Шерил. На диодной решетке высветилась сумма в размере восьми долларов

пятидесяти пяти центов, что было весьма недорого, учитывая то, что девушка передала сорок два мегабайта текста и графических изображений в центр Тарсиса на Марсе. Она выбрала для передачи пакетный метод, который был наиболее дешевым и заключался в том, что ее файл отправлялся вместе с другими электронными документами, предназначенными для станции. По оценке машины, сообщение достигнет Марса в течение ближайших двадцати пяти минут. Компьютер запросил денежный код, который Шерил принялась набирать.

Из госпиталя Шерил вышла три дня назад, и все это время понадобилось ей на то, чтобы в конце концов решиться и отправить на орбиту Питеру эту по меньшей мере странную видеозапись, намеренно не редактированную, поскольку она так и не решила, что можно было с ней сделать. Второе решение — относительно отправки резюме и образцов работ в Фонд межпланетных полетов — много времени не заняло.

Даже если у Питера и нет больше желания ее видеть, или он нашел себе другую подругу, или наложил на себя обет целомудрия, или что угодно еще, Шерил по-прежнему хотела подыскать себе настоящую работу, такую, когда вложенные тобой старания по-настоящему окупаются и которая приносит уважение и почет за реальные успехи. Ни о чем подобном ни в Нью-Йорке, ни в США, ни где-либо на Земле думать не приходилось. По крайней мере на сегодняшний день, и это значительно ограничивало возможность выбора.

Шерил отдавала себе отчет в том, что может продолжать жить дома вместе с папой и мамой, создавая фантастические картины и понимая, что это не очень здорово выглядит. Она понимала и то, что родители приложат все силы, чтобы у их дочери всегда был и стол, и кров. К черту все это!

Конечно, Шерил могла примкнуть к одной из групп, занимающихся разного рода противозаконной деятельностью, и участвовать в их темных делишках наподобие фабрикации сертификатов и разрешений, торговли наркотиками и подложными ценными бумагами, неразрешенными лекарствами и запрещенными стимуляторами, токсичными отходами, нелицензированными земельными участками... или своим собственным телом. Этот вариант едва ли представлял опасность, поскольку по нынешним временам дельцов такого рода практически не ловили, а если уж и арестовывали, то они всегда отделывались легким испугом и до тюрьмы дело не доходило. А то, что имя вносили в

полицейское досье, мало кого волновало, поскольку никто из них не стремился стать «достойным членом общества».

Она могла бы эмигрировать на Луну. Оставшись там более чем на шесть месяцев, девушка стала бы невыездной, поскольку поездка обратно потребовала бы по крайней мере полугода напряженного труда. Но правительство колонии не разрешало таким эмигрантам посещать центрифуги и спортивные залы, позволяющие поддерживать тело в форме в условиях низкой гравитации. А Шерил это будет необходимо, если она задумает вернуться. Вдобавок, хотя колония и не скупилась на посулы целому ряду специалистов, Шерил, на свое горе, не удосужилась обзавестись дипломом в области плазменной физики, сотовой электробиологии, кибернетики четвертого порядка или в любом из разделов медицины.

Нет, если она и впрямь хотела работать, снискать себе уважение и скопить немного денег, надлежало обратить свой взгляд за пределы Земли и Луны.

Фонд межпланетных полетов включил Питера в состав экипажа геофизического — или аэрофизического — исследовательского космолета. В любом случае он говорил, что три года вне Земли позволят им создать семейный очаг и обеспечат достаточно спокойную и легкую жизнь. Фонд также обеспечит необходимую гравитацию, так что они смогут вернуться домой совершенно нормальными людьми.

Питер говорил, что фонду нужны технические иллюстраторы, поэтому Шерил отобрала среди своих последних работ рисунки, максимально отвечавшие требованиям. Правда, в ее резюме не было и намека на то, что она регулярно работала, но кто среди землян, собиравшихся работать на Марсе, мог продемонстрировать хотя бы приблизительно то, что умела она?! К рисункам Шерил присовокупила чеки от пяти уже проданных работ с указанием цены и фамилии покупателя.

Шерил сочла вполне разумным, что если фонд был согласен взять ее на работу по контракту вместе с Питером, то с тем же успехом он может принять ее кандидатуру и без Питера, отдельно от него, если, конечно, им действительно нужны иллюстраторы.

В любом случае от нее требовалось лишь потратить немного времени и денег на отправку прошения. Сейчас, когда ее время почти ничего не стоило, восемь долларов на отправку письма являлись самым крупным вложением капитала, который она могла себе позволить. Худшее, что могло случиться с этим про-

шением, это то, что Фонд межпланетных полетов мог его отвергнуть.

Шерил Хастингс аккуратно заклеила конверт с дискетой, повернулась и пошла прочь.

Тук

Тук

Тук

Бумм!

**Радиорубка исследовательского космолета «Юла-3»,
21 марта 2081 г., 18.51 единого времени**

Специалист связи первого класса Уилбур Фредрикс оторвался от настольной версии игры «Ну-ка догони!» и отодвинул штору, чтобы посмотреть, что за переполох поднялся в коридоре.

А там... там юный геофизик Питер Спивак столкнулся на повороте со злющим первым помощником капитана «Юлы» Джеймсом Уиверном. Сейчас они медленно собирали друг друга по частям в условиях воистину коматозной гравитации ноль целых три десятых. Лицо помощника не предвещало ничего хорошего. Его глаза буквально сверлили несчастного геофизика. В конце концов, добрых шестнадцать часов под руку Уиверну не попадался ни один из этих пассажиров. Да, сейчас он устроит парню изрядную трепку. Уилбур заерзал на месте в предвкушении приятного зрелища.

— Смотри сюда, желторотик. — Уиверн распрямился во весь свой могучий шестидесятисантиметровый рост и набрал полную грудь воздуха. — Если ты думаешь, что капитан разрешает пользоваться переходами, чтобы всякие типы создавали опасные ситуации...

— Простите меня, сэр, — прервал помощника Питер, жалобно и невинно глядя ему в глаза, — все произошло по моей вине — я бежал по коридору, не глядя по сторонам, вы тысячу раз говорили мне об этом, но мне и правда нужно срочно добраться до рубки, чтобы послать экстренное сообщение — вопрос жизни и смерти, это касается моей семьи или того, кто станет в будущем членом моей семьи, и это очень срочно, и как только я вернусь, я прибегу обратно и буду слушать в тысяча первый раз, как важно смотреть по сторонам, когда куда-нибудь идешь.

Обрушив водопад слов на голову несчастного помощника, Питер ужом проскользнул в радиорубку, завесил шторой дверь и только после этого повернулся к радисту.

— Уилбур! Мне надо срочно послать сообщение!

— Я уже это слышал, — улыбнулся Фредрикс, — какое ты хочешь: одностороннее, двустороннее или ночной вызов?

— Ну-у... я... а что самое быстрое?

— Приоритет отдан двусторонней связи, но только если абонент дома и ждет твоего звонка. Ты, случайно, не знаешь, какое там местное время?

— Я... — Спивак виновато заморгал глазами.

— Не волнуйся, устроим односторонний. Все, что понадобится сделать, так это выгащить старую камеру, разъемы, кабели, найти мои светофильтры и отыскать чистую дискету без всяких записей.

— Понял. А что такое ночной вызов?

— Ты печатаешь вон на том терминале, — указал рукой Фредрикс, — затем машина производит шифрование, а я загоняю адрес в первые десять битов. Пшик — и готово.

— Именно это мне и надо. — Питер закружился по кабине, пока не увидел терминал. — Просто печатать?

— Устраивайся поудобнее.

В течение десяти секунд Питер не отрывал носа от машинки, как вдруг неожиданно выпрямился:

— И ты его сразу отправишь?

— Только скажи кому.

— Мисс Шерил Хастингс, Дак-Понд-серкл, 112, Сэг-Харбор, Нью-Йорк.

— Ну, приятель, — засмеялся Фредрикс, — если бы не такое позднее время, я бы тебе организовал конференц-связь.

— Просто пошли письмом, ладно?

— Считай, что дело в шляпе.

Спивак радостно улыбнулся, слегка приоткрыл занавеску, дабы убедиться, что грозного первого помощника нигде поблизости не видать, и выскользнул наружу.

Фредрикс напечатал адрес и уже совсем было собрался отправлять, когда любопытство взяло верх над сознанием долга. Не то чтобы он был охотником до чужих новостей, но ему нужно было знать, что посылают пассажиры корабля, на случай если это могло привести к каким-либо последствиям для космолета. К тому же, если он будет в курсе дел пассажиров, он сможет им помочь при случае, разве не так?

Радист вскрыл текст сообщения и прочитал следующее:

ДА ДА ДА ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И ВСЕГДА БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ ЗАБУДЬ О ТОМ КАК ТЫ ВЫГЛЯДИШЬ ЭТО НЕ ИМЕЕТ ДЛЯ МЕНЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРОСТО ПРИЕЗЖАЙ КАК ТОЛЬКО ОНИ ТЕБЕ РАЗРЕШАТ ЛЮБЛЮ ПИТЕР

Не слишком-то чувственное послание, подумал про себя Фредрикс, в особенности для девушки с таким красивым старомодным именем Шерил. В данном случае под «приезжай», скорее всего, имеется в виду «приезжай на Марс», поскольку именно туда направлялась «Юла» с пассажиром Спиваком на борту. Возможно, что мисс Шерил Хастингс прилетит со следующим рейсом «Юлы». Будет интересно взглянуть на девушку, сумевшую свести с ума такого во всем остальном разумного и прекрасно владеющего собой молодого человека, как Питер Спивак. Да уж, в этом случае радисту Уилбуру Фредриксу придется как следует присмотреться к ней.

Удовлетворив любопытство, Фредрикс запаковал сообщение, переправил его в буфер и нажал клавишу отправки. Секундой позже компьютер начал трансляцию, Фредрикс вернулся к прерванной игре.

Не успел радист сделать и двух ходов, как весь пульт управления и дисплей вспыхнули. Экран компьютера забился какой-то абракадаброй, загорелся зеленым, попытался перезагрузиться, не сумел и в результате погас.

— Что за чертовщина? — изумился Фредрикс. Он быстро уселся за монитор, перезагрузился и принялся рыться в памяти машины, отыскивая причину сбоя. Из разрушенных файлов и цифровой чепухи Уилбур смог извлечь только один вывод — во всем виноват мощнейший взрыв статики, один из видов электромагнитной энергии, который временно переполнил фильтры системы. Компьютер попытался зарегистрировать взрыв как входящий сигнал и интерпретировать его в соответствии с бинарными и растровыми кодами машинной памяти. Когда попытка не удалась, компьютер сдался и издал вопль о помощи.

Спокойно, только не волноваться, подбадривал себя Фредрикс, усевшись за компьютер. После внутренней диагностики он определил, что случайная избыточная энергия не сумела повредить каналы связи «Юлы» и не нанесла другого урона.

От волнения ему даже не пришло в голову проверить список

последних переданных сообщений, чтобы установить, какие из них могли бы быть прерваны, и послать их снова.

Радист Уилбур Фредрикс не был НАСТОЛЬКО предан своей работе.

Глава 15

ПО СЛЕДУ

Фокус

Фокус

Фокус

Фокус

**1919 Виа-Вилла, Алтадена, Калифорния,
21 марта 2081 г., 9.49 местного времени**

Пьеро Моска решил, что до того, как он отправится на запланированный в десять утра в институте Лоуренса семинар под названием «Туманности и новые звезды», где будет рассказывать об образовании звезд под действием ударной волны, он поднимется на крышу своей квартиры и взглянет еще раз на солнечное пятно доктора Фриде.

Когда он наводил фокус, утренний бриз, дувший с горы Сан-Габриэль, слегка помял алюминизованную пленку, натянутую поверх объектива на его телескопе. В результате изображение слегка исказилось и наводить фокус стало труднее.

Неожиданно на его глазах попавшие в окуляр неясные очертания превратились в две глубокие черные дыры. Каждая из них была не менее трех градусов шириной. Они лежали примерно в двадцати градусах друг от друга, и, к большому изумлению астронома, были окружены огромной серой лужей. Само образование было больше, чем любое солнечное пятно, о котором Моске довелось читать или которое он видел на фотографиях двадцатого столетия. Сходство между этой парочкой и обычными пятнами было точно таким же, как между кратером вулкана и отпечатком ноги на песке.

По знал, что солнечные пятна — это не дыры в полном смысле этого слова, а холодные области фотосферы, которые не испускают видимый свет, сглаживающий и драпирующий солнечную атмосферу. Тем не менее в течение долгого времени Моска не мог отказать себе в удовольствии, представляя, что он смотрит на пару огромных сквозных дыр на ровной поверхности

звезды, образовавшихся от столкновения с двумя невероятно огромными и чрезвычайно массивными телами.

Затем, как это иногда бывает с монохромной пленкой, натянутой на ровную поверхность и позволяющей видеть лишь в одном измерении, иллюзия глубины сменилась иллюзией высоты. Теперь окружающая дыры серая область напоминала горное плато — сильно пересеченную местность, на которой вздымались два черных холма. Неведомо как, Моске показалось, что два пятна напоминают парочку чернильных озер.

Визуальное восприятие снова поменялось, и теперь взору наблюдателя предстал ведущий в глубь Солнца тоннель. Он наблюдал, как черный бур ввинчивался в глубь звезды, обнажая ее глубокие темные недра.

И все это Пьеро удавалось разглядеть с помощью крохотного телескопа, защищаемого экраном, который забирал 99,9 процента света и снижал яркость до разумных пределов, защищая тем самым человеческое зрение.

Моску интересовало, возник ли протуберанец в области, связывающей два пятна. По наблюдениям его предшественников, в период активности солнечных пятен это происходило всегда. Но разглядеть растянувшийся вдоль солнечного диска протуберанец было очень трудно, практически невозможно. В большинстве своем протуберанцы являлись газовыми «мостиками», испускавшими излучение в крайне ограниченном диапазоне частот. «Мостики», различимые в белом свете, были крайне редки, поэтому наблюдать их можно было лишь тогда, когда они показывались над нимбом. Впрочем, их можно было хорошо видеть, когда поверхность звезды и большая часть испускаемого света оказывались перекрыты Эклипсом.

Безусловно, если бы По осуществлял наблюдение в альфа-водородном спектре, от его глаз не укрылся бы ни один протуберанец. В этом диапазоне можно было подсветить перегретые газы дуги, которые подпитывались энергией из текущего по петле магнитного потока. Тогда протуберанец отчетливо выступал на фоне более холодных слоев фотосферы. Но на старые телескопы альфа-водородные фильтры больше не выпускались, и как это сделать самому, По не знал. А поскольку декан Уитерс так и не предоставил упрямому юнцу возможности поработать с телескопами института, такие тонкие технические приемы были для него недоступны.

Несмотря на это, он мог побиться об заклад, что между солнечными пятнами имеется протуберанец, и какой! Возможно, что он даже разорвется в момент наблюдения, и если это случит-

ся, то По может надеяться, только надеяться, засесть маленькую искорку в видимом спектре.

Приноровившись к маленькому окуляру и к грануляции фотосферы, По скоро обнаружил, что может наблюдать практически за всем, что он мысленно представлял себе. Яркие искры в строке фотографического устройства носились там и сям между пятнами. Черная умбра предстала его взору пульсирующей огненно-красной массой. Моска на время оторвался от наблюдений и перевел взгляд на горы, отчетливо видневшиеся в лучах утреннего солнца.

Он собирался прильнуть к окуляру еще раз, как вдруг случайно бросил взгляд на часы. До начала семинара оставалось всего пять минут. Пьеро не удержался от восклицания. Опаздывать нельзя, ведь сегодня он выступает в роли преподавателя, а надо еще подготовить технические пособия.

Старинное студенческое правило требовало от аудитории ждать лектора в течение целых пятнадцати минут, если выступить собирался профессор, десять минут полагались простому доктору, а выступление помощника преподавателя, кем, в сущности, и был Моска, вообще ни к чему не обязывало.

Не собрав телескоп, По сбежал вниз, пронесся вихрем через квартиру и стремглав рванулся к выходу. Слава Богу, что терминал уже разогрелся.

По нацепил шлем, подсоединил электроды к панели нейтральных контактов, установил экраны на нужном расстоянии от глаз и настроил басовый микрофон. Последними он надел проводящие перчатки и отправился в путь.

Вскоре Моска уже стоял в комнате 1808, в огромной камере с черными стенами и высоким потолком. Лаборатория очень сильно напоминала аппаратную тех времен, когда фильмы представляли собой игру живых актеров, записанную на целлюлозную пленку. Но по крайней мере все здесь было установлено так, как он хотел. Однажды у По возникла мысль создать здесь помещение с невидимой чернотой, неестественно раздвинутыми границами и небольшим ускорением, создававшим ощущение свободного падения. Правда, его студенты вряд ли по достоинству оценили бы такое изобретение, сочтя его слишком странным и слишком реальным. Хотя, возможно, все дело в том, что они сейчас проходят пока лишь стадию развития навыков восприятия и ощущения, тогда как По хотелось использовать на полную мощность все достижения современной техники и искусственного моделирования.

Так, теперь надо подумать о визуальных средствах.

Моска вошел в свою директорию в главной сетке архивов института и просмотрел приготовленные заранее файлы. Их он адресовал в комнату 1808 центрального корпуса, препроводив записку по линии связи и продублировав ее голосом.

Вокруг него автоматически появилось первое трехкоординатное изображение — огромная масса холодных паров, напоминающая густой лондонский туман, который словно опустился со страниц детективных саг о Шерлоке Холмсе. Подобно образам из далекого прошлого, туманность, созданная По, была выдержана в нейтральных коричнево-серых тонах и иногда озарялась ярко-желтыми или кроваво-красными вспышками. Ему удалось воссоздать даже запахи: вредоносные испарения серы, напоминающий кровь запах ржавчины, запах торфа, сжигаемого в условиях, далеких от идеальных. Моске казалось, что он парит в воздухе. Благодаря действию компьютера на нервную систему создавалась полная иллюзия того, что он находится в самом центре медленно закручивающейся газовой туманности.

Еще два ухищрения техники воссоздали картину во всей полноте. Ему удалось направить свет так, что тот падал в аудиторию рассеянно со всех сторон, как будто исходил от многочисленных звездочек за пределами облака. Когда же наконец в игру вступали вспомогательные файлы, студенты вокруг Моски попадали в кольцо испускающих свечение движущихся сфер, подобных сияющим в тумане фонарям. Вторая хитрость заключалась в том, что в облако Пьеро добавил немного рассеянного песка. Жителям старинного Лондона это не могло привидеться даже в страшном сне. Время от времени микрочастицы ударяли по шее, щекам, рукам, напоминая ему, а соответственно и студентам, что извергнутый звездами последнего поколения изначальный туман отнюдь не был однородным и мог кусаться.

Пока Моска проверял спецэффекты перед лекцией, в класс потянулись первые слушатели. Студентам совершенно не нужно было стучать в дверь, смущенно мяться на пороге, ожидая разрешения преподавателя войти; нет, они просто появлялись в его поле зрения, когда подключались к сети. Два, три... четыре студента.

Моска — или его образ, спроецированный на их шлемы вместе с туманом, — кивнул, пока они устраивались полукругом за порожком, отделяющим аудиторию от преподавателя. Таким образом обозначалось интеллектуальное ристалище: студенты на одной стороне, наставник на другой. В старых классных комнатах для этой цели служили учительский стол или лаборантская.

По взглянул на часы, затем на безотказно работающий хронометр сети. Прошло уже двадцать секунд после начала семинара, но лишь четверо из двадцати двух студентов материализовались.

— Что стряслось? — осведомился По.

Ребята пожали плечами и недоуменно переглянулись:

— Не знаем, профессор.

Это было действительно непонятно. Занятия Моски пользовались популярностью. Студенты ценили его изобретательность, направленную на то, чтобы химия и физика образования звезд были прочувствованы ими в полном смысле слова. Руководству института то и дело приходилось ограничивать количество желающих присутствовать на его семинарах. Занятия в среду всегда безукоризненно посещались, а пятеро студентов даже заплатили за то, чтобы подключиться к сети и вести запись лекций. И тут вдруг такое... пренебрежение.

— Кто-нибудь еще придет? — осведомился с улыбкой По, еще раз сверив время и убедившись, что прошла целая минута. Если это была забастовка или бойкот, вызванный рядом его замечаний во время прошлой лекции, то По надеялся, что кто-нибудь наберется смелости и расскажет ему обо всем.

Однако студенты по-прежнему недоумевали. По изучал их лица, стараясь улыбаться и не выказывать недовольства. И тут же ему пришло в голову, что все четверо, три девушки и один юноша, жили рядом с ним. Они всегда либо работали на одном из факультетов в Кальтеке, либо прибывали на занятия через авиакомпания и лаборатории, обслуживающие его район. Прочие восемнадцать жили в других городах и связывались с университетом телевизионно или осуществляли конференц-связь из институтов в других частях страны. Некоторые из них подсоединялись к сети из-за океана, невзирая на разницу в часовых поясах и языковые отличия.

— Ну-с, — проговорил По через полторы минуты после начала, — я подготовил для вас поистине интересное представление, и очень жаль, если многие его пропустят... Почему бы нам не отменить сегодняшнюю лекцию и перенести ее на понедельник. Всех устраивает?

Ответом ему были три улыбки и озабоченное выражение на лице у парня.

— Веселее, Чалмерс, — подбодрил По разволновавшегося студента. — Это не значит, что тебе надо отправляться в бар, разговаривать с девушками и все такое прочее. Уверен, что у тебя найдется в запасе интересная книжка.

Под девичий смех Моска отключил питание и, подобно Че-

ширскому Коту, растворился с улыбкой в воздухе. Визуальные средства По отправил обратно в оперативное хранилище и выдал распоряжение отключить канал комнаты через две минуты, давая студентам время немного посплетничать и покинуть сеть. Всякий, кто подключится позднее, услышит сообщение о том, что занятия на сегодня отменяются.

Моска все-таки решил сделать еще один звонок до того момента, когда снимет перчатки и шлем, на этот раз менеджеру центральной сети.

— Центральная, Петер Белл у телефона, — ответил бесцветный молодой человек. По-видимому, это был кто-то из аспирантов, работающих секретарями на полставки во время экзаменов.

— Центральная, добрый день. — По представился, кивнув молодому человеку, заменив этим традиционный обмен электронными рукопожатиями или любое другое приветствие, позимствованное из прошлых времен. — Я По Моска, Департамент астрофизики, институт Лоуренса. Послушайте... у меня случилось нечто непонятное. Обычно в это время я провожу семинар в тысяча восемьсот восьмой по туманностям и образованию звезд... — Лицо Петера Белла вытягивалось все сильнее и сильнее по мере того, как Моска говорил. Казалось, он недоумевает, зачем Пьеро понадобилось все это объяснять. — Короче, обычно к семинару подключаются около двадцати студентов, однако сегодня присутствовало всего четыре, и, как я заметил, все они местные жители. Вот я и хочу спросить...

— Телефоны отключились, — прервал его Белл. — Проходят только местные вызовы, а дальние сигналы нет.

— Что, все?

— Я неясно выразился?

Моска, имевший представление о том, каким образом осуществляется телекоммуникация на больших расстояниях, не мог взять в толк, как можно было одновременно нарушить связь со всеми метеорными импульсами одновременно. Причем не только в отдельно взятой стране, а на части земного шара.

— Да это просто невозможно, — заключил По.

— Послушайте, профессор, вы задали вопрос — я ответил. Если вам не по вкусу мой ответ, пойдите пожалуйста психиатру. Если вам там нечем заняться, то у нас работы невпроворот. — С этими словами Белл отключил Моску от сети.

По остановился, чтобы поразмыслить, и почувствовал, как по лбу начинает струиться пот. Он знал, что, если капельки пота попадут на контактную полосу шлема, может произойти легкий сбой, но от этого его мысли не зашевелились быстрее.

Если судить по адресам его студентов, сбой мог затронуть целое полушарие или, по меньшей мере, его изрядную часть. Пострадали телекоммуникации в верхней части атмосферы. Что могло произойти? Все указывало на то, что причина сбоя таится где-то вне атмосферы. Существовало, по меньшей мере, десять естественных причин для таких аварий, и определить, какая из них сработала. По не мог.

Он набрал номер Султаны Карр, своей коллеги и одной из последовательниц доктора Фриде.

— Карр слушает, — ответила юная доктор астрономии. По показалось странным, что изображение девушки не появилось, — может быть, она в ванной?

— Сули, это По, — ответил Моска, стаскивая с себя порядком надоевший шлем. Он взял его так, чтобы басовый микрофон оказался у лица, а передающее устройство, включенное на полную мощность, резонировало прямо в шлем.

— А-а, верный По, — приветствовала его Султана, — ну что, ты по-прежнему наблюдаешь за дырой?

— Ты смотрела? Она становится все больше.

— Ты делаешь фотографии?

— Ну, только такие, любительские. Я думаю, что доктор...

— Да, он привезет с собой двадцать метров пленки, и нам придется просмотреть ее вместе с ним, кадр за кадром. Я решила, что подожду до его возвращения.

— Как раз насчет дыры, Сули, я тебе и звоню, — По перевел дух. — Я думаю, что она взорвалась.

— Что-о? — взвизгнула Карр. — По... По, где ты? Я тебя не вижу!

— Сейчас, минутку, — Моска снова натянул шлем и настроил визирь.

— Ну так что по поводу взрыва? — переспросила Султана, когда Пьеро оказался в ее реальности. Девушка была одета в белую хламиду, а ноги были босые. Наверное, она все-таки была в ванной.

— Ты знаешь, что телефонные лучи выведены из строя?

— Не слышала об этом. И давно?

Моска прикусил губу:

— Я точно не знаю... Думаю, что недавно, иначе я услышал бы объявление или еще что-нибудь в этом роде. Я узнал об этом лишь потому, что на моем десятичасовом семинаре присутствовало всего четыре человека, а когда я связался с Центральной, чтобы выяснить причину, оказалось, что все линии молчат.

— Поэтому ты считаешь, что имела место электромагнитная интерференция, то есть импульс, я правильно поняла?

— Да, и большой. Импульс достаточной силы, чтобы отключить от связи моих студентов от Бостонского колледжа до Государственного университета Вайлуки. Произошел энергетический выброс большой мощности, и наиболее вероятная причина — взрыв пары пятен.

— Да, логика безупречная, — ответила Сули, уже сидящая на оттоманке рядом с журнальным столиком. Казалось, она не замечала, что полы халата разошлись, обнажив стройные загорелые ноги. — Всего одна крохотная проблемка, герр доктор. Дело в том, что никто не видел и не зарегистрировал ни одного взрыва в течение последних восьмидесяти лет... Что вы можете возразить, сэр?

— Никто не видел солнечных пятен, пока доктор Фриде не сообщил о них.

— Неубедительно. Никто больше о пятнах не сообщал.

— Никто больше их не искал.

— Но доктор Фриде связался только с вами...

— Потому что больше его никто не слушал!

— А вспомни, что вышло, когда ты пытался получить у декана разрешение на независимое наблюдение. Нет, герр доктор, — девушка покачала головой, и прядь ее волос упала на щеку. — Я боюсь, что ваша гипотеза, какой бы она ни была безупречной на первый взгляд, страдает отсутствием доказательств. А это в наши дни при рассуждениях подобного рода заканчивается обычно плачевно.

— Если ты хочешь увидеть пятно, Сули, все, что тебе нужно сделать, это затемнить кусок стекла, приложить его к глазам и задрать голову. Ты можешь сделать это, декан Уитерс может сделать это, Всезнайка Джо из Аламо может сделать это. Я не собираюсь сидеть здесь и притворяться незнайкой, когда подтвердить мои слова так дьявольски просто!

— Спокойнее, — Султана подняла руку, — не забывай, что я на твоей стороне. Я три года сидела без стипендии и никогда не получу здесь места всего лишь потому, что сделала ссылки на три работы Фриде в моей диссертации. Я верю тебе.

— Так что мы будем делать?

— М-м... хороший вопрос...

Моска наблюдал, как Султана сосредоточенно нахмурила брови, ее светло-серые глаза казались почти синими в тени полуопущенных ресниц.

— Я думаю, — начала она снова, — нам следует разобраться

во всем по порядку. Возникла ли какая-нибудь угроза, о которой мы немедленно должны сообщить людям?

— Безусловно. Тысячи случаев. Любой телефонный звонок — это я только для начала — будет заглушен электромагнитной интерференцией. По меньшей мере на той части Земли, которая обращена к Солнцу. В результате пострадает и голосовая связь, и информационная, так что в этом полушарии все компьютеры и сети передачи данных выйдут из строя.

— Это уже произошло, — сказала Сули. — Нам не приходится напрягать связки лишь потому, что мы общаемся с помощью волоконно-оптической линии местного значения. Всякий, кто мог пострадать, уже пострадал. Так как же мы можем предупредить людей?

— Если ты ставишь вопрос о связи, то никак. Предупредить мы никого не сможем, ибо электромагнитный импульс уже прошел Землю и сейчас находится на полпути к Марсу, если только уже его не достиг. Конечно, всегда есть... но я не могу подумать ни о ком, кто мог бы...

— Мог бы что? — встрепенулась Сули.

— Видишь ли, электромагнитные излучения распространяются на сверхвысоких частотах, в гамма- и рентгеновских. Это ионизирующая радиация. Нас защищает земная атмосфера и удаленность от Солнца. Всякий, кто находится внутри корпуса судна или в убежище на таком же расстоянии, может считаться защищенным этим объектом, по крайней мере частично, и не нуждается в особом уходе. Однако если кто-то оказался вне атмосферы, да еще и, по сути дела, обнаженным... — По замолк.

Султана повернулась, обнажив бедро еще больше, и потянулась за блокнотом, лежавшим на столе. Безусловно, блокнот был всего-навсего плодом фантазии программного обеспечения виртуальной реальности. Она могла бы с той же легкостью делать записи в воздухе, а система обладала возможностью записывать и интерпретировать их.

Склонив голову, Сули принялась писать. Не отрывая головы, она спросила будничным тоном:

— Что ты знаешь о конструкции современных скафандров?

— Немного, ведь я специализируюсь по горячей плазме, а не твердым структурам.

— Не беда, у меня есть с кем связаться, и я дам им знать. Так как, значит, ионизирующая радиация и электромагнитная интерференция?

— Вообще-то я имею в виду только первую волну.

— А что со второй?

— Видишь ли, — По в раздумье попытался почесать лоб, но перчатка скользнула по ободку шлема, — мне придется дать кое-какие пояснения. Не могли бы мы где-нибудь встретиться и наметить план действий?

— Неплохая мысль! — согласилась Сули. — Мне все равно через двадцать минут нужно быть в офисе. Почему бы тебе туда не подъехать?

— Договорились.

— А я тем временем свяжусь с деканом Уитерсом и посмотрю, не может ли он оказать несколько больше внимания доктору наук собственной персоной, которая к тому же является еще и красивой девушкой, чем простому помощнику преподавателя, кем являешься ты. ...Кстати, ты думаешь связаться с доктором Фриде?

— Он на другой стороне электромагнитной волны.

— Уже нет, — возразила Султана, — максимум через восемь минут связь можно будет восстановить.

— Что ж, тогда стоит попытаться... Правда, у меня предчувствие, что доктор сейчас слишком занят, чтобы болтать с нами.

Глава 16

КОСМИЧЕСКАЯ РЕГАТА

Миг...

Миг...

Миг...

Миг...

**Компания «Фотон пауэр», Маккаиспорт, Пеннджерси,
21 марта 2081 г., 12.51 местного времени**

Скорее всего, на одном из стабилизаторов, после их автоматического раскрытия, осталась складка, поэтому теперь неровная поверхность дает неправильное направление отражению солнечного света.

Это было единственное объяснение, которое Брайан Хольдструп, находящийся на Земле на расстоянии 480 тысяч километров, мог дать, глядя на постоянно мерцающий экран своего левого монитора. Брайан сделал этот вывод на основании того, что период мерцания совпадал со скоростью вращения двадцати двух зигзагообразных стабилизаторов, исходящих из центра яхты «Вирджиния Рил IV». В хрупком корпусе из стекловолокна

покоились камера и анализатор изображения, управляющий видеонавигацией, а также радиометрическая система с антенной, такелажное снаряжение и отвечающий за их действия микрокомпьютер.

Насколько серьезно такая неисправность скажется на итоге регаты, зависело от нескольких факторов: от количества незатемненной энергии вспышки, качества линзовых фильтров, защищающих главный микропроцессор изображений, установленный в камере, и длины пробега. Если при увеличении потока энергии фильтры ослабнут или соперники используют тактические новинки, то микропроцессор, или хотя бы его левое визуальное поле, будет затемнен и Хольдструп лишится доброй половины обзора. Брайан решил, что справится с управлением даже при таких помехах. Да и выбора у него нет. Ведь он не мог добраться до «Вирджинии» и поправить стабилизатор. Всякая попытка предпринять что-либо с Земли, то бишь резко включить или рывком подергать лопасти, приведет лишь к снижению общей эффективности корабля.

«Вирджиния Рил IV» была четвертой космической яхтой, сброшенной неподалеку от лунной орбиты с помощью реактивного буксира, арендованного оргкомитетом регаты и компанией «Мицубиси» для запуска участников гонок. В ходе пятидневного подготовительного этапа, когда все участники пытались занять наиболее выгодную позицию до того, как будет дан сигнал к пересечению официальной стартовой линии, Брайан основательно поработал, чтобы достичь преимущества, и не хотел подвергать свое детище опасности быть уничтоженным из-за какого-то мерцающего экрана.

Хольдструп управлял яхтой с Земли, укорачивая или удлиняя главные стабилизаторы корабля. За счет этого менялся угловой момент, а тем самым и скорость вращения всей яхты, подобно фигуристке, прижимающей к себе руки при выполнении вращения. Изменение скорости сообщало большее или меньшее напряжение алюминиевому маховику, отцентрированному по носу и корме судна. Разносторонние гироскопические ориентации крыльев и маховика изменяли угол судна относительно падающего солнечного света.

Сконструированные на основе данного метода кораблевождения яхты Хольдструпа выигрывали в маневренности по сравнению со старыми конструкциями автожиров. Брайану удалось гораздо легче и проще корректировать курс, в то время как на других существующих моделях приходилось настраивать каж-

дый стабилизатор вдоль оси лонжерона, чтобы изменить угол отражения.

Конечно, всеми исчислениями нужной длины стабилизатора и скорости вращения ведала бортовая ЭВМ. Хольдstrup оставалось только вводить данные в программу, наблюдать за видеомонитором и сравнивать изображение с трехкоординатными картами звездного неба на своем компьютере, вырабатывая новые детали плана борьбы «Вирджинии» с соперниками соответственно обстановке. Славу Богу, ему не приходилось вести яхту, постоянно держа одну руку на штурвале управления.

Если отделка и установка стабилизаторов его автожира требовали концентрации внимания хирурга и терпения буддийского монаха, то управление яхтой не требовало слишком уж пристального внимания. Поскольку давление составляло приблизительно полкилограмма на квадратный километр, а солнечный свет не мог оказывать сильного влияния на алюминизованные стабилизаторы, при среднем ускорении менее десяти миллиметров в секунду в квадрате космические яхты двигались весьма и весьма медленно.

Так протекали ранние стадии состязания. Хольдstrup считывал показания видеонавигационной системы и в определенное время, как правило, каждые три часа на данном этапе, корректировал курс корабля.

Но на финишной прямой яхты развивали огромную скорость подобно грузовым звездолетам в конце их путешествий. В отличие от ракет, которые сжигали топливо и набирали скорость сразу после старта, а затем гасили ее перед выполнением маневра, солнечные корабли постоянно приобретали ускорение десять миллиметров за секунду. Таким образом, в течение довольно короткого промежутка времени они набирали значительную скорость и поддерживали ее, пока не приходило время обогнуть какой-нибудь массивный предмет и воспользоваться давлением солнечного света для торможения.

Именно по этой причине грузовые звездолеты избирали столь сложный извилистый путь, будучи связанными инерцией, с одной стороны, и постоянным давлением пятисот граммов на квадратный километр — с другой.

Несмотря на все это, Брайан отдавал себе отчет, что и он, и его напичканное современным оборудованием яхты уходят в прошлое. Из снобизма «Мицубиси» может себе позволить организовать ежегодно регату до Марса и обратно, однако ее отдел по производству тяжелых моторов напряженно работал над конструкциями ракет, которые оставят подобных ему не у дел.

Он знал, что придет день, и ракеты большого радиуса действия займут место солнечных кораблей, чья технология апробировалась на таких гонках, и будут выполнять автоматические полеты к Урану и Сатурну. Точно так же двести лет назад паровые суда свели на нет господство парусного флота на морях и океанах. Однако до того, как ракеты начнут использоваться для перелетов на большие расстояния, конструкторам придется найти способ преодолеть жесткие ограничения к топливной массе.

Для того чтобы придать ракете достаточное ускорение, требовалось огромное количество топлива, не важно, сжигалось ли оно в реакторе или расщеплялось. Топливо поступало в двигатели в момент старта, сгорало и, пройдя через сопло, выбрасывалось наружу, продвигая ракету вперед и уменьшая общий объем грузов. Чем тяжелее оно было, тем меньше мог брать его с собой корабль, и наоборот. Таким образом, проблема состояла в изначальном весе космического судна.

Из всех ракетных конструкций исключением являлись корабли с двигателями, использующими энергию слияния, однако они эффективно работали лишь тогда, когда космолет пикировал в солнечный ветер. Если же такой корабль двигался против ветра, КПД двигательной установки заметно падал.

Когда-нибудь конструкторы ракетных двигателей найдут частицу окончательного ускорения, воображаемую частицу, которая не имела бы стартовой массы, но становилась бы все тяжелее по мере увеличения скорости, и лишь тогда ракетам удастся сообщить достаточно большое ускорение, а главное, достаточно длительное, чтобы превзойти солнечные корабли в полетах к дальним планетам.

Ну а пока ракеты находятся примерно в том же положении, что и первые паровые корабли. Эти суда, приводимые в движение лопастями и пожиравшие несметное количество дров или угля, осуществляли лишь каботажные перевозки, плавая в спокойных водах, и требовали постоянного запаса топлива. Во всех других случаях по-прежнему использовались парусники. Только когда удалось установить преимущества винта и создать более простую и упорядоченную систему масляного питания, было налажено регулярное сообщение через океаны.

С точки зрения Хольдструпа, ракеты дальнего радиуса действия ждали открытия эквивалента сжигаемому ракетному топливу. В тот день, когда это произойдет, он повесит на гвоздь антистатические лопасти, тепловое ружье и отправится доживать свой век на одном из Каймановых островов.

А пока все время эти вспышки на стабилизаторе.

Хольдструп внимательно изучал ритмично пульсирующее сияние, пытаясь решить, как в будущем обеспечить более свободное размещение яхты в грузовом отсеке корабля. Она должна висеть достаточно свободно, чтобы не пострадать от столкновения с острыми углами, но одновременно быть туго натянутой, чтобы выйти на гонки во всеоружии.

Мерцание буквально гипнотизировало его.

Хольдструп помотал головой, пытаясь встряхнуться, — и вдруг экран исчез. Карта звездного неба растворилась под действием статики. Медленно восстановилась, но вдруг исчезла снова.

Брайан попытался настроить камеру. Постепенно изображение вернулось на прежнее место, и тут Хольдструп заметил, что статика испускается с таким же интервалом, что и искомые вспышки. Вполне возможно, это как-то связано с управлением лопастями. Вероятно, антенна наклонилась и зацепилась или находится под воздействием одного из металлизированных стабилизаторов.

После третьего статического всплеска Брайан решил, что его теория несостоятельна. В поле зрения камеры попал еще один солнечный корабль. Пришельцем оказался тот самый ромбовидного вида космолет, с которым Хольдструп вот уже третий день боролся за лидерство. При последней смене галса Брайан подумал, что сумел уйти вперед, но сейчас корабль виднелся в камере переднего обзора прямо по курсу. Или тот как-то сумел вырваться вперед, или его яхту развернуло.

Хольдструп попробовал маневрировать, но в конце концов стал яростно гасить скорость, чтобы увеличить вращение судна и сделать максимальным векторение на нынешнем курсе.

Но ничего не помогало. С каждой новой вспышкой ромбоид становился на экране монитора все больше и больше. Затем его изображение начало колебаться и мерцать. По-видимому, он столкнулся одним концом с лопастями «Вирджинии». Касание или повреждение другого корабля влекло за собой фол, а с ним и первый обоснованный протест против действий Хольдструпа за последние десять лет. Гонку можно было считать законченной.

Пока Брайан беспомощно взирал на происходящее, линзы камеры замигали, ярко вспыхнули и потухли. Экран на мгновение погас, а затем высветил сообщение от наземной ЭВМ, что вся телеметрическая аппаратура отказала и связи с яхтой нет.

Хотя теперь это уже ничего не значило.

*257 125 км/с**257 189 км/с**257 262 км/с**257 351 км/с*

**Офис компании «Титан девелопментс инкорпорейтед»,
Манхэттен, Большой Нью-Йорк, 21 марта 2081 г.,
12.52 местного времени**

Скорость на дисплее перед Эйнарсом Фолдингом росла с каждым ударом метронома. Президент корпорации, владевшей контрольным пакетом акций Титанового Картеля, совершенно не удивлялся тому, что целая телекоммуникационная сеть, обходящаяся в двести пятьдесят тысяч долларов ежеквартально без учета налогов, предназначалась для получения этого крохотного ручейка цифр. Один из рядовых кибертехников в его компании объяснил как-то Фолдингу, на что уходит эта сумма: аренда радиолокационной тарелки на лунной орбите, плата за шестирелейный лазерный луч, постоянно направленный с тарелки на Нью-Йорк, и выплаты за использование микрокомпьютера и специального программного обеспечения, которое направляло сигнал, высчитывало скорость и отображало результаты на дисплее.

Эта сеть была предметом постоянной критики со стороны вице-президентов, которые в один голос твердили, что солнечные корабли плохо слушаются руля, слишком архаичны, чтобы их можно было принимать всерьез, и слишком медленно движутся.

К счастью, если первый цикл закончится успешно, Фолдинг уймет скептиков и попросит, чтобы вместо радара установили телескоп. Пусть он постоянно следит за «Оуроборосом» — такое смешное имя, наверняка придуманное кем-то из ученых, — когда похожий на диск корабль будет огибать Сатурн, уже сумеет развить неплохую скорость. Тот же самый техник, который объяснил Фолдингу принцип лазерной связи, рассказал, что телескоп будет с легкостью улавливать свет, отражаемый кораблем даже на фоне дальних планет. Он будет показывать ему путь денег.

Секрет управления солнечным кораблем от орбиты Сатурна заключался в том, что его не нужно было тормозить. Скорость космолета росла постоянно, иницируемая солнечными фотонами и инерцией на начальном отрезке пути, и снижалась под действием гравитации и отраженных фотонов на конечном. Ко-

рабль совершал полет по петле, растянутой между массой Сатурна и системой Земля—Луна. В двух крайних точках полета специально построенные буксиры Картеля быстро взлетали, нагоняли плывущий корабль, снимали подвешенные грузовые отсеки и пристегивали новые, предназначенные другому адресату.

Первый полет «Оуробороса» начался год и месяц назад, когда космолет отправился в плавание с орбиты Сатурна со скоростью всего-навсего 9,64 километра в секунду. На том конце петли, где большую часть суток царит темнота и практически все делают роботы, буксиры сообщили кораблю необходимую разгонную скорость, а также навесили три сферические цистерны, каждая радиусом в сотни метров. В них содержался метан, доставленный с платформ на поверхности Титана, перегнанный в центрифугах и упакованный в своем естественном жидком низкотемпературном состоянии. Объем каждой цистерны составлял 4,2 миллиона кубометров. В общей сложности корабль нес на себе семь с половиной миллиардов кубометров газа, или, если считать по-старому, 260 миллиардов кубических футов.

Все, включая вице-президентов его компании, твердили на все лады, что за один присест, да еще на одном корабле, такую массу топлива перевезти не удастся. На одной ракете это просто невысказано.

Фолдинг не стал использовать ракету, а вместо этого приспособил для своих нужд солнечный космолет. И это оказалось лучом надежды во мраке, неизъяснимой милостью, редкостной удачей, поскольку выяснилось, что площадь корабля защитит цистерны от действия прямого солнечного света на всем маршруте следования к Земле. Температура цистерн будет поддерживаться постоянной и составит около 75 градусов по Кельвину. Это очень высокая температура для Плутона, но достаточно низкая, чтобы заморозить газ. Выгода оказалась двойная: емкости не дадут течь в пути и не расширятся во время транспортировки. Это произойдет лишь спустя десятки часов после того, как их отцепят на Земле, так что можно будет спокойно доставить груз шаттлами. Эйнар Фолдинг направил на свою родную планету озеро метана, которое соответствовало годовому приросту утвержденных национальных запасов газа. И все за один рейс. Через — он посмотрел на часы — две минуты буксир должен будет сгрузить сокровище с «Оуробороса», припарковать его у платформы на расстоянии в 1200 километров от Земли и начать наполнять метаном емкости химзаводов и фабрик по производству пластика на целый год вперед или даже более того.

К этому времени, а может быть, и быстрее, если космолет продолжит наращивать скорость, в его распоряжении окажется новая емкость с топливом, за ней еще и еще.

Титановый Картель и лично Эйнар Фолдинг станут богаты, как Крезы.

Пшик

Пшик

Пшик

Пшик

Космолет Объединенных космических служб «Флайкетчер», орбита Луны, 21 марта 2081 г., 18.53 единого времени

Присоединенные к выступающей корме «Оуробороса» кабели проплывали мимо кабины управления Тода Бекера. Они двигались сообразно вращению корабля, ведь только таким образом столь хрупкая конструкция, представляющая собой диск размерами больше штата Невада, сделанный из алюминизованного материала, тонкого, как мыльный пузырь, могла сохранять устойчивое положение. Эффект был потрясающий. Под действием двойного оптического обмана казалось, что кабели преследуют друг друга и готовы в любую минуту разрезать кабину управления пополам, увлекая Бекера в холод открытого космоса.

Ему понадобилось призвать все свое мужество, чтобы удерживать буксир в непосредственной близости от кабелей и совместить захваты с крепежной конструкцией, удерживавшей груз и соединенной с отсеком управления солнечного корабля. Если Тод не сбросит скорость, «Флайкетчер» столкнется с проводами и выведет «Оуроборос» из равновесия. Буксир может оказаться в ловушке, и тогда незадачливому пилоту придется лететь вместе с космолетом обратно к орбите Сатурна со скоростью 0,8 скорости света.

Объединенные космические службы, в чьем ведении находился буксир, будут очень недовольны, Титановый Картель, которому принадлежали и службы, и «Оуроборос», тем более. А миссис Бекер и все маленькие Бекеры очень огорчатся, не говоря уж о том, что Картель может вычестить стоимость корабля из страхового полиса его семьи.

Именно поэтому Тод с величайшей осторожностью продвигался к этому гнезду из проводов.

Немалым довеском ко всем его заботам были грузы, которые «Флайкетчер» тянул за собой. Три контейнера были примерно

такого же размера, как и цистерны с жидким метаном, которые предстояло доставить к Земле. В контейнерах не было ничего столь же экзотического, как очищенный газ. Стандартный набор из продуктов питания, лекарств, цилиндров с ракетным топливом, оборудования, запчастей. Буксир также тащил за собой упакованный шаттл для личных нужд управляющего базой на Титане, четыре заранее собранных дома, личные вещи и водяной балласт для увеличения веса. Чистой воде всегда найдется применение на дальних планетах.

Всего десять сантиметров отделяли захват буксира от крепежного устройства. Цветочки остались позади, а ягодки еще только-только начинались. Бекер не мог просто отсоединить волочащиеся за космолетом цистерны и закрепить свой груз. Все было бы проще, если бы они находились на орбите, двигаясь в свободном падении, однако и «Оуроборос», и «Флайкетчер» двигались с постоянным ускорением. Едва он отпустит трос, удерживавший контейнеры, как они сразу же на всех парусах помчатся к северу. А цистерны будут по-прежнему лететь к Земле тоже на большой скорости, к счастью, без ускорения, но тем не менее успеют преодолеть тысячу километров, прежде чем Тод будет готов заняться ими.

Одно дело, когда нужно догнать корабль, который летит по прямой со скоростью 259 километров в секунду. И совсем другое, когда расстояние до объекта составляет пусть даже не тысячу, а всего сотню километров, но этот объект движется по совершенно непонятной траектории, и одному Богу известно, куда он летит. Да, такая проблема может поставить в тупик и опытного космолетчика.

Стоит добавить, что, совершая оборот вокруг Земли, оба корабля и их грузы приобретут дополнительную скорость. К тому моменту, когда «Оуроборос» опишет петлю и будет готов лететь обратно к Сатурну, ее величина возрастет еще на 15 километров в секунду. Если Бекер упустит груз, ему уже никогда его не догнать. Запасов водородного топлива в баках на это точно не хватит. И даже развив нужную скорость, Бекер просто не сможет направить буксир за тросом, поддерживая достаточную силу тяги, чтобы вывести емкости на вторичную петлю вокруг Луны и занять место на стабильной земной орбите.

Нет, Тод Бекер хотел держать все нити в своих руках. Именно поэтому в основу конструкции его корабля были заложены три захвата, расположенные вокруг буксирного устройства, выполненные из сплава ванадия с титаном. Один из них предназначался для захвата емкостей, второй — для передаваемого

груза, и третий — чтобы прикрепиться к солнечному кораблю. В течение одной-двух минут, пока длится операция, Бекер будет следить, чтобы все это сооружение не развалилось. Ему придется балансировать с двумя партиями груза, контролировать серебрястый диск, пытающийся вырваться, и одновременно давать мощный реверс, чтобы это тоненькое блюдо с целой кипой свисающих кабелей не перевернулось.

Ничего лучшего умы человечества придумать пока не могли.

Двигаясь со скоростью 261 километр в секунду, Тод привел в действие приборы управления захватами. Первый из них состыковался с узлом модуля «Оуробороса». Трос, на котором висели цистерны, высвободился, но был тут же пойман вторым захватом, который отвел драгоценный груз на пятьдесят метров в сторону от буксировочного конца, освобождая место для маневров с контейнерами. Третий захват, зацепившись так, что металлические крепления едва не деформировались, перевел контейнеры к стыковочному узлу космолета. Захват неожиданно вздрогнул точно парализованный, стальные челюсти неожиданно раскрылись.

Бекер громко выругался от неожиданности, однако ни на секунду не отвел глаз от раскинувшейся перед ним панорамы грузов, захватов и тросов. Скосив глаза, он заметил, как контейнеры с грузом медленно поплыли мимо тяжелой кормы буксира. Бекер слегка задержал на них взгляд, желая удостовериться, что они не столкнутся в полете с чем-нибудь жизненно важным, например, с емкостями, заполненными под завязку жидким метаном. Однако и сейчас его руки двигались плавно и уверенно, от одной рукоятки к другой, пытаясь стабилизировать нагрузку.

К несчастью, вся аппаратура отказала. Захваты замерли там, где они находились. Тот, что открылся, вообще не функционировал, а лишь разевал и захлопывал клыкастую пасть подобно выброшенной на берег рыбе. Скорее всего, приборный отсек стыковочного узла вышел из строя и не реагировал на сигналы с командного пункта.

Ну что ж, если пришла беда, отворяй ворота. Самое время переложить груз ответственности на плечи вышестоящих органов, к тому же выбирать в его положении не приходится. Бекер взял микрофон и вышел в эфир:

— Объединенные службы, говорит «Флайкетчер». Как слышите, прием.

В ответ Бекеру донеслись шумы и разряды статики.

— Черт побери, — в сердцах выругался Бекер. — Радио тоже отказало, ну что за день!

Ни один прибор не работал.

В этот момент контрольная панель выдала Бекеру самую неутешительную новость. Головной двигатель буксира вышел из повиновения. В этом переплетении релейных проводов, камер сгорания и лопастей также произошел срыв, и, не получив команды от Бекера, тяга буксира неожиданно пошла куда-то вправо. Возможности поправить положение не было, но Бекер тем не менее попытался настроить контрольные стабилизаторы в другую сторону. Это означало, что с изменением силы тяги алюминизованное покрытие «Оуробороса» рано или поздно выгорит, и вся связка распадется, но другого выхода не было.

Бекер принял решение.

Ничего не изменилось, и двигатель продолжал работать в неверном направлении. Тод оказался совершенно не в состоянии справиться с десятью миллионами тонн неуправляемого железа.

«Флайкетчер» двинулся влево, прямо в клубок свисающих кабелей. Один за другим они ударились о нос буксира и обвивались вокруг кабины пилота. Тонкие, всего в человеческий волос кабели сплетались, сжимались, и в конце концов кабина не держала.

К счастью, Тод Бекер уже успел спрятаться в глубине буксира, наглухо закрыв за собой люк.

Теперь в толще стального корпуса у Бекера оказалось достаточно времени поразмыслить над своей судьбой. Он был отрезан от внешнего мира, но помнил последние координаты корабля, а к его бедру был прикреплен небольшой блокнот для вычислений. По расчетам выходило, что все три имеющихся варианта развития событий одинаково неблагоприятны.

В первом случае неточно направленная сила тяги еще до завершения основной петли увлечет «Флайкетчер» и космолет в атмосферу Земли. В ее плотных слоях в течение десяти секунд произойдет возгорание, и Тод может получить небольшую отсрочку лишь благодаря многослойной изоляции корпуса буксира и образовавшимся над ним надстройкам из алюминизованной пленки и кабелей. Этого можно было избежать, если выключить основной двигатель, но ему пришлось бы вернуться в начисто лишенную кислорода рубку и одновременно работать с шестью специально защищенными выключателями. Просто невымыслимо.

Пока Бекер предавался раздумьям, блокнот неожиданно пополз вверх по воздуху. Тод обхватил крепче ручку, надеясь продолжить вычисления, но обнаружил, что блокнот отодвинул-

ся уже на расстояние вытянутой руки. В отсеке царила невесомость, и хотя буксир находился в условиях постоянного ускорения, Тод не мог понять, где верх, а где низ. Через мгновение это стало ясно. Пилота резко бросило на стальную переборку.

Интересно, это, часом, не земная сила тяжести, подумал Бекер. Нет, двигаясь в свободном падении, он просто не смог бы ее почувствовать, возразил он сам себе.

Тогда что?

В этот момент Тод понял, в чем дело. Когда «Флайкетчер» завяз в клубке из проводов, «Оуроборос» через некоторое время соприкоснулся с буксиром, и сейчас на Бекера действовала угловая скорость. Еще немного, и он окажется распластанным по стене.

Да, ну тут ничем не поможешь... Бекер вздохнул, дотянулся до блокнота и вновь занялся вычислениями.

Вторым возможным исходом событий было то, что вышедший из повиновения корабль вместе с запертым внутри пассажиром пролетит мимо Земли, но сила тяги, теперь уже непрерывно меняющая направление, приведет к столкновению космолетов с Луной. Смерть будет мгновенной, и даже амортизатор из нескольких квадратных километров пленки помочь Тоду не сможет. Человек просто не приспособлен пережить неожиданное и резкое падение скорости, исчислявшейся многими километрами в секунду. Единственной надеждой было то, что поселения колонистов на Луне не окажутся волею случая в точке столкновения буксира с планетой.

Бекер беззаботно подумал о том, что получится в результате удара емкостей с двенадцатью миллионами тонн жидкого метана о лунную поверхность. Интересно, взорвется ли все разом? Хотя кислорода в атмосфере планеты не было, Бекер предполагал, что кинетическая энергия обязательно сыграет свою роль. Вдруг пойдет реакция синтеза?

С другой стороны, если метан останется невредимым и в результате декомпрессии вернется в газообразное состояние, окажутся ли его молекулы достаточно легкими, чтобы покинуть при пониженном давлении лунную атмосферу? А если нет, то не возникнет ли на планете новая атмосфера из-за того, что в долинах и лунных кратерах скопится метан?

Бекеру хотелось отыскать в компьютере молекулярный вес газа, но, к несчастью, компьютер был встроен в главную приборную панель и сейчас тоже находился в кабине. Единственной приятной новостью было то, что за время попытки рассчитать молекулярный вес на бумаге сама собой разрешилась первая

проблема. Когда Бекер понял, что знает слишком мало о числах Авогадро, чтобы получить мало-мальски удовлетворительный ответ, корабли, по его прикидкам, уже миновали Землю. Так что вариант номер один с повестки дня был снят. Теперь оставалось всего два пути развития событий.

Третий и наиболее долгий по времени исход был, пожалуй, наихудшим. «Оуроборос» и связанный с ним буксир просто продолжат движение по маршруту космолета. К сожалению, без приборов управления и кабелей кораблям никогда не удастся совершить петлю вокруг Сатурна, они просто продолжают плыть дальше. Уже сейчас скорость составляла около четырех километров в секунду, больше скорости испускаемого с Солнца луча, так что Тод Бекер, а точнее, его мумия, станет первым человеком, вырвавшимся из стальной хватки Солнечной системы.

Бекер мрачно подумал, что для него есть еще один выход — разбить голову о стальные переборки отсека, поскольку скорость вращения корабля продолжала нарастать.

277 312 км/с
 277 384 км/с
 277 465 км/с
 277 531 км/с

**Контрольно-диспетчерский пункт 12, орбита Луны,
 21 марта 2081 г., 19.16 единого времени**

— Что происходит? — воскликнул в сердцах Уилкинс Дженнингс.

Естественно, вопрос адресовался самому Дженнингсу, поскольку вот уже двадцать две минуты все питавшиеся от электричества устройства — радио, РЛС, искусственный интеллект и тому подобное — прекратили свою работу, за исключением системы жизнеобеспечения, призванной поддерживать его существование. Вокруг не было киберов, летевших с резервной электроустановкой. Не надо быть Эйнштейном, чтобы уразуметь, что вахтенный космолет наверняка не прилетит вовремя и не вытащит его из этой коробки, в которой через несколько часов все заиндевет.

Однако ни страх, ни одиночество, ни близость смерти не смогли лишить Дженнингса профессиональной сноровки. Пусть все электромагнитные приборы отключились, но глаза-то остались! А у него под рукой по-прежнему находился телескоп с десятикратным увеличением, который диспетчеры полетов, по-

добные ему, использовали, чтобы прочесть бортовые номера тех пилотов, которые были либо слишком глупы, чтобы пользоваться радио, либо слишком небрежны, а потому представляли угрозу воздушному сообщению. Никто и не пытался тратить время на то, чтобы менять регистрационный номер, выписанный буквами высотой три метра на корпусе и выгравированный на центральном отсеке корабля, после того как диспетчер связывался с муниципальным судом Луны. Непреднамеренные действия всегда являлись первой линией защиты в суде.

Дженнингс навел телескоп на показавшуюся на западе большую и яркую звезду. Всего две секунды назад она казалась обычным проблесковым маячком на одном из спутников Земли, а теперь казалась в два раза больше Луны, какой она видится с Земли. Звезда летела прямо на диспетчерский пункт, и даже под таким острым углом Дженнингс видел ее сияние.

К несчастью, на космолете — диспетчер уже понял, что это корабль, — не было регистрационных номеров. В его смену, по последним данным, никаких кораблей на посадке не значилось. К тому же Уилкинс никогда не слышал о кораблях такого размера, да еще летящих как сумасшедшие.

В любом случае Дженнингс заметил, что пришелец не собирается запарковаться на орбите. Однако если экипаж решил погасить скорость, то сейчас самое время это сделать.

Неожиданно направление полета объекта изменилось. Теперь разница между его курсом и вектором на платформу непрерывно увеличивалась. Дженнингс едва не сломал себе шею, пытаясь разглядеть что-нибудь в телескоп.

Насколько он смог прикинуть, звездолет направлялся куда-то в район северного плоскогорья. Слава Богу, что никаких населенных пунктов в том регионе нет.

Дженнингс изо всех сил пытался отслеживать направление полета, пока корабль не столкнулся с поверхностью. Реакция была мгновенной. Сначала будто ударила серебристая молния, а следом над пустынной местностью вознесся фиолетово-белый огненный шар, повиснувший на мгновение над горизонтом. В течение двух-трех секунд в иссиня-черном небе висела плазменная дуга, которая потом медленно растворилась в атмосфере.

«Черт побери, — выдохнул диспетчер, — неопознанный звездолет столкнулся с Луной, и я единственный, кто это видел. И ничего не могу сообщить об этом, поскольку оглох и ослеп одновременно».

Отведя взгляд от телескопа, Дженнингс посмотрел на приборную доску, втайне надеясь, что интерференция закончилась

и связь восстановилась. Однако единственное, что он заметил, — это все тот же отблеск недавней катастрофы. Лиловый свет падал внутрь кабины, не раздражая глаза.

«Черт возьми! Неопознанный звездолет столкнулся с Луной, я — единственный очевидец и отрезан от внешнего мира. Ну почему такое невезение!»

Глава 17

СДАЕТСЯ НЕДОРОГО

Виток

Виток

Спираль

Спираль

Орбитальный комплекс 43Д, 605 километров над уровнем моря, 21 марта 2081 г., 19.14 единого времени

«Дом вечного сна», внесенный в регистр Инерциальных платформ Национального управления по авиации и исследованию космического пространства¹ под номером 2034/НН, уже в течение пяти лет постепенно сближался с Землей. Все знали, что орбита корабля сужается, но никто и не думал беспокоиться об этом.

Отвечающая за платформу фирма получила деньги заранее, а поскольку амортизации в течение ближайших пятнадцати лет не предвиделось, про номер 2034/НН просто-напросто забыли. В своем последнем заявлении корпорация «Вечный покой» заявила «потерявших друзей и любимых», что корпус и системы корабля будут в течение веков поддерживать оптимальную криогенную среду с температурой двести градусов Кельвина. В случае если будущие поколения захотят навестить своих предков, подчеркнул управляющий компанией, крышки люков на платформе будут поддаваться давлению, начиная с номера 14.

Желания посетить не возникло ни у кого.

Из двадцати четырех постоянных жителей «могильника» лишь у одной леди имелись ныне здравствующие наследники, которых могло взволновать сообщение о том, что останки «по-прежнему любимой» сгорели в земной атмосфере. Эта дама, которая последней присоединилась к «экипажу» обители покоя,

¹ НАСА.

носила имя Алексис Рамп-Годди. В семьдесят лет она умерла от рака мозга. Будучи владелицей огромного состояния семьи Годди-Болдуин, она решила поместить его целиком на счет в банке на случай ее последующего «воскрешения», лечения и дальнейшей жизни, как только лекарство от рака будет найдено, проверено и успешно опробовано на ста тысячах больных. Ее наследники последние тридцать лет усердно пытались изменить волю усопшей. Если они вдруг узнают о трагедии, ни один из них не даст и цента на восстановление и новый запуск на орбиту этого ковчега, к тому же такой исход дела значительно укрепит их позиции в суде.

Далеко не все обитатели «Дома вечного сна» столь доверяли банкирам, юристам и ценным бумагам, как миссис Рамп-Годди. Большинство предпочитало после подписания договора с компанией вкладывать сбережения в облигации на предъявителя в швейцарские банки и в драгоценные камни. Они полагали, что приливы и отливы экономики превратят их накопления в пыль гораздо быстрее, чем искусство субатомического манипулирования. Для таких ценностей в основании каждого «спального отсека» были установлены сделанные из титана сейфы с асбестовыми прокладками.

Эти современные фараоны, завернутые в одеяния из жидких газов, стремились обеспечить свою будущую жизнь столь же комфортабельно, продуманно и до малейших деталей, как это делали правители в прошлом. К несчастью, они допустили характерную ошибку. Рекламируя свои богатства или позволяя «Вечному покою» делать это в рассылаемых брошюрах и видеокассетах, они лишь подстегнули взломщиков, полагавших, что мертвые должны поделиться с ныне здравствующими тем, что «временно отсутствующие» желали приберечь для себя. Не прошло и полугода со времени запуска этого «хранилища богачей», как предприимчивые авантюристы, прознавшие, как можно попасть на платформу, вычислили ее орбиту, забрались туда и разграбили все двадцать четыре саркофага.

В отсеке миссис Рамп-Годди вора́м удалось разжиться лишь несколькими удостоверениями личности покойной. Помимо нее в камере находились замороженные тушки Типпи, Ниппи и Беби Попо — трех ее самых любимых кошек. Согласно воле покойной, они должны были последовать за ней в своих собственных небольших криогенных камерах. К несчастью, законодательство не позволило это сделать. А может быть, то была месть со стороны живущих.

Так что «Дом вечного сна» медленно плыл по орбите вокруг Земли, полагаясь на автоматику и большой слой изолирующей пены. Ковчег с его обитателями был давно забыт всеми, не считая нескольких людей, которые ежемесячно являлись на заседания суда, да тех, кто работал в Управлении по разрушающимся орбитальным объектам НАСА или, как его еще называли, «Мусорной группе».

Когда внезапный электромагнитный импульс прошел через Солнечную систему и говорливые человеческие существа обнаружили, что все многоузловые системы связи отключились, разлилась паника. Никому и в голову не пришло взглянуть на небо. Не догадались это сделать и бюрократы из НАСА, ломавшие голову над тем, что еще мог натворить электромагнитный импульс.

Они не заметили, что в результате взрыва на Солнце за последние двадцать минут ионосфера, находящаяся в пятистах километрах от платформы, поглотила огромное количество сильного ультрафиолетового излучения.

Плотность воздуха на такой высоте достаточно мала и составляет величину, варьирующуюся от двух миллионных до пяти миллиардных грамма на кубический метр. Он непригоден для дыхания, и его трудно назвать атмосферой, однако, пусть слабые и размытые, границы «воздушного океана» планеты существуют. Составляющие их частицы, в большинстве своем не целые молекулы легких газов, а ионизированные атомы, обладают массой и подчиняются физическим законам, в том числе закону равновесия. Другими словами, части молекул остаются на той же высоте, поскольку в результате столкновений давление газов, подпитываемое солнечным излучением, позволяет им преодолевать силу притяжения.

Это простейший пример из физики: подогрейте газ — и давление начнет расти, если он содержится в стальной емкости или любом другом закрытом пространстве, иначе будет расти его объем.

В течение двадцати с небольшим минут, когда первая волна выброшенной солнечным взрывом электромагнитной энергии проходила через Землю, температура в нижних слоях ионосферы под действием постоянного притока мощного излучения утроилась. Непрерывно расширяющиеся газы рванулись вверх, повысив плотность материи в слоях, прилегающих к орбите платформы, в пятьдесят раз.

Реакция была мгновенной, платформа словно ударилась о стену.

Всего за пять минут она снизилась на восемьсот метров. Поскольку движение теперь происходило в сравнительно более плотной атмосфере, скорость спутника падала, а давление все росло и росло.

Тупой нос корабля завибрировал, его корпус задрался вверх. На платформе отсутствовали приборы, способные исправить создавшуюся ситуацию, и она, не удержавшись в таком положении, перевернулась, полностью потеряла управление и начала выписывать в воздухе пируэты.

Быстрый нагрев корпуса платформы, вызванный аэродинамическим трением, совершенно не учитывался конструкторами корабля. Швы треснули и начали расползаться. Панели принялись давить друг на друга, сжимая и выгибая внутренние поверхности.

Подобно летящему с лестницы кирпичу «Дом вечного сна» перескакивал на все более низкие орбиты. Уже на закате дня, где-то над западной Африкой, периоды относительной стабильности корпуса сократились до нескольких секунд.

Над южной Танзанией на высоте 475 километров оболочка корпуса стала нагреваться сильнее.

На высоте около двухсот километров корпус уже накалился докрасна.

В ста километрах от земли, над северным побережьем Мадагаскара, от платформы стали отваливаться части корпуса. Точнее, скорость платформы, по-прежнему превышавшая двадцать тысяч километров в час, привела к тому, что корпус стал частично плавиться. За кораблем потянулся яркий след горячих ионизированных газов, смешанных с раскаленными добела частицами стали и полимеров.

Внутри могильника царил настоящий хаос. Заполненные жидким азотом ванны, в которых покоились усопшие, не могли больше поддерживать постоянную низкую температуру. Холодные газы стали вскипать, вырываясь из трубок и превращая ткань в пепел.

Когда корпус раскрылся, ворвавшаяся внутрь струя перегретого воздуха быстро воспламенила всю органику и приборы, сделанные из металлов с температурой плавления ниже тысячи трехсот градусов по Цельсию.

На последней стадии приземления оставшиеся обломки медленно двигались в плотных нижних слоях атмосферы. Они падали в Индийский океан почти вертикально, при ускорении свободного падения.

В конце концов несколько железных обломков чуть больше

кулака да догорающие угольки, напоминающие пепел покойных, развеваемый индийцами над Гангом, медленно опустились в залитые солнцем голубые воды океана.

Поворот...

Поворот...

Поворот...

Поворот...

**Орбитальный комплекс 37Ц на высоте 625 километров
над уровнем моря, 21 марта 2081 г., 19.24 единого времени**

Когда связь между гериатрической лечебницей на орбите и наземным компьютерным узлом прервалась, Меган Паттерсон едва не сошла с ума. Обрыв связи означал потерю доступа к счетам пациентов; платежной ведомости, медицинским программам, развлечениям, описям имеющегося в запасе и спискам на доставку, инженерному обеспечению, мониторингу, контролю высоты и десятку других функций, которые должен был исполнять управляющий станцией.

Три находящихся под давлением отсека на концах корабля, выполненного в форме буквы У, были всего-навсего ракушками. Правда, они были заставлены кроватями и прочей мебелью, там имелись полы и переборки, вентиляторы и воздухоочистители, водопровод и система поддержки гравитации, гидропонная станция и различное медицинское оборудование. Однако в лечебнице не было ни самостоятельно работавших киберов, ни врачей с искусственным интеллектом, ни даже калькулятора. В коридорах, медицинских палатах и центральном офисе находились только терминалы, однако из-за статики на экранах ничего не было видно.

Паттерсон хотела связаться хоть с кем-нибудь и рассказать о своих бедах, но в эфире стоял один треск. В ее распоряжении остались кухарка и рассыльный, которые успели ретироваться в свои модули. Меган сидела в офисе на этаже со средним уровнем гравитации и ждала неизвестно чего.

Положив ногу на ногу и опершись локтями о край стола, она попыталась унять раздражение. Ничего не получалось. Тогда, уже не сдерживаясь, женщина принялась нервно постукивать ногой. Через мгновение до нее дошло, что происходит что-то странное. Она взглянула под ноги и обнаружила, что нервно водит туфлей взад-вперед. Меган хотела остановиться, но вместо этого нога заходила еще быстрее, словно играла в веревочку.

Конечно, виноваты в случившемся те, кто сейчас на Земле. Эти бухгалтеры-счетоводы переложили на ее плечи ответственность за целую станцию, а сами только давали указания, поддерживая связь через отраженный луч, столь чувствительный к любым помехам. Самым невыносимым для Меган была эта зависимость от них, сидящих дома в тепле и уюте.

Через минуту она описывала ногой дугу в добрых тридцать сантиметров. «Так можно и слететь со стула, — подумала девушка. — Самое время прекратить ребячество и заняться чем-нибудь полезным».

Она твердо уперлась ногами в пол, но стул продолжал вибрировать. Стол ходил ходуном. Что происходит, в конце концов?

Меган вся напряглась и тут заметила, что трясутся и стены, и пол, повинуясь импульсам, исходящим откуда-то из глубины корпуса.

Девушка в тревоге вскочила на ноги. Неужели началось то, о чем предупреждала служба наблюдений? Но почему так скоро? Нажав на кнопку селектора, она связалась с рассыльным, исполнявшим также обязанности техника станции.

— Дилки? Ты у себя?

— Да, мисс Паттерсон, — ответил после секундного колебания абонент.

— Ты чувствуешь тряску или что-то в этом роде?

— М-м, не думаю, мэм.

— Приложи руку к ближайшей стене! Все трясется и извивается, как живой угорь. Я внизу во втором отсеке и то слышу какой-то гул.

— Ну, мэм, так не определить. Вы знаете, у каждого из модулей есть своя резонирующая частота. Поэтому если вы что-то слышите, то это вовсе не означает, что до нас доходит точно такой же звук.

— Черт побери, Дилки, я говорю, что станция ходит ходуном и может развалиться на части! Я хочу, чтобы ты выяснил, в чем дело.

— А я пытаюсь объяснить вам, что не понимаю, чего вы от меня требуете. Как я могу определить, в чем дело, если ничего не чувствую? Глупо думать, что мужчина...

— Конец связи, — оборвала его Меган.

Толчки усиливались. Девушка привстала со стула, который практически плыл по комнате из-за слабой гравитации, и нетвердыми шагами направилась к окну. Эти чертовы окна в модулях были сделаны, чтобы привлечь покупателей и, согласно сводке службы контроля, являлись одной из причин неравно-

мерного вращения комплекса. Прижавшись к стеклу, она взглянула вверх и едва не свалилась в обморок.

Третий отсек, который был в два раза длиннее двух других, сдвинулся с места. Его боковая сторона, окрашенная в белый цвет, при нормальных условиях не могла попасть в зону видимости, так как находилась в зените в трети пути от оси вращения, сейчас же она развернулась почти на девяносто градусов вправо.

Меган опустила на корточки, пытаясь увеличить угол обзора через иллюминатор, который располагался практически на одной оси с центром комплекса. Она едва могла различить модуль и его незакрепленные стыковочные лопасти, но ее глаза искали совсем не это.

Вот, наконец! Справа, выделяясь на фоне плывущих облаков, четко просматривались две петли кабелей высокого напряжения и колено гофрированного стыковочного коридора, в котором размещался подъемник, проход, кабели телекоммуникаций и крепежные элементы, соединяющие главный корпус со свободным модулем. Пока Меган смотрела, мотки кабелей расплелись и свернулись еще раз, образовав теперь уже четыре петли.

Третий блок опускался прямо на корпус.

Меган Паттерсон наблюдала, как разрыв между модулем и верхней частью основного корпуса продолжает сокращаться. Даже когда между блоками еще оставалось свободное расстояние порядка сорока метров, иллюминатор, у которого она стояла, снова начал сдвигаться вправо. Девушка прижалась к раме плечом, но движение продолжалось.

Хотя скорее это ее сносит влево какой-то силой.

Физику Меган изучала очень мало, хотя для присвоения квалификации специалиста, годного к работе на орбите, она прослушала курс по основным принципам динамики вращения. Если она движется влево безо всяких усилий с ее стороны, то, значит, комната или модуль, или вся станция, в зависимости от обстоятельств, теряют скорость. На ее тело не действовала никакая сила, кроме инерции, ее положение оставалось стабильным. Это комплекс неведомо почему меняет направление движения.

Девушка бросила взгляд на стол, стремясь подтвердить правильность гипотезы. Да, все так, оставленная на столе книга также не лежала на месте. Она скользила влево, удерживаемая лишь силой трения обложки и вращением самого стола.

Движение было плавным и скорее напоминало выдавливание. Меган была глубоко признательна конструкторам комплек-

са, пожелавшим воссоздать хотя бы небольшую гравитацию на корабле, просто напоминая пациентам, в основном людям преклонного возраста, где должен находиться «низ». Если бы конструкция корабля предполагала вращение станции с большим ускорением, то Меган просто шмякнуло бы о стену, и еще неизвестно, удалось бы ей сохранить целыми и невредимыми руки и шею. Давление продолжало расти, и вскоре Меган почувствовала, что не может удержаться на месте, цепляясь за узенький комингс иллюминатора. Выставив руки вперед, она быстрым шагом направилась к ближайшей переборке. Девушка едва успела расставить пошире ладони, чтобы сдержать удар.

Паттерсон ударилась о стену, развернулась и... свободно поплыла, расставив руки и разведя ноги в стороны. Вращение исчезло.

БУММ!

Стены кабинета Меган задрожали, словно от удара колокола.

Раздался скрежет. Из-за избыточного давления воздух едва проходил в легкие, в ушах стоял непрекращающийся гул, напоминающий работу гидравлического пресса.

Грам-тамм!

Гул перешел в серию ударов, которые постепенно затихли, как эхо в горном каньоне.

Меган поняла, что третий отсек вошел в сцепление с основным модулем.

Удар!

Стук!

Звон!

Треск!

Корпорация «Дейсиз холдинг корпорейтед», Холливиль, штат Делавэр, 13.34 атлантического времени

Связь восстанавливалась так же быстро, как и нарушилась. Еще минуту назад антенны радиостанций бесцельно зондировали небо, получая в ответ лишь заряды статики, однако теперь внимательный слушатель мог уже различить в эфире обрывки голосов, криков, визгов, напоминавших фантазмагорию, в которой, однако, угадывался смысл. Мгновением позже стали прослушиваться слова, затем законченные фразы. Естественно, что прерванные сорок минут назад радиограммы канули в Лету, и теперь передачи время от времени прерывались всплесками ста-

тики, а в голосах звучала плохо скрытая паника. Но по крайней мере линии вновь были открыты для связи.

Доктор Гарри Ашер, управляющий гериатрическими космическими лечебницами компании, прислушивался к возвращающимся сигналам. Из-за продолжающегося возмущения волн он давно уже отложил в сторону шлемофон и перчатки виртуальной реальности, позволявшие ему поддерживать тесную связь с пациентами. Сейчас он использовал только голосовую связь, поскольку по этим каналам шло меньше статических разрывов. Ашер мог только надеяться, что в ходе непредвиденного сбоя в сети ни с кем из двух тысяч четырехсот находившихся на орбите пациентов не произошло рецидива, требующего его внимания и совета.

На пульте немедленно зажглась красная лампочка, означавшая срочный вызов. Вызов шел из канала станции А18-37Ц-626. Наверное, у них мертвый, а дежурная медсестра боится выйти на связь. Такие вещи случались сплошь и рядом.

Натянув шлемофон и надев перчатки, Ашер принял этот вызов первым.

— ...Помогите мне! — работала только звуковая связь, Ашер ничего не видел и не чувствовал и, естественно, не мог разобратся в ситуации на орбите.

— Мы распадается на части! — кричала в трубку девушка. — Эта штуковина трясется как в лихорадке!

— Мисс, м-м... — доктор быстро справился со списком абонентов, — а-а, мисс Паттерсон! Говорит доктор Ашер из Холливилля... У вас проблемы по медицинской части?

— Медицинской? Естественно, по медицинской! У меня на борту четыре сотни старичков с расстройством желудка, поскольку станция совершенно перестала вращаться. Ну а лекарство от такого недуга явно не по вашей специальности. Освободите линию и соедините меня с кем-нибудь из инженерного отдела!

— Сестра, боюсь, что из-за статики...

— Делай, что я тебе говорю!

Поскольку передача велась на фоне шумов, которые могли быть вызваны статикой, однако больше походили на скрежет и стук металла, Ашер подумал, что женщина действительно не бредит наяву. Он снова посмотрел списки абонентов и попытался дозвониться в технический отдел.

К счастью, после ленча прошло уже достаточно много времени, и кто-то взял на себя труд поднять трубку:

— Техотдел, Рамирес слушает.

— Рамирес, говорит доктор Ашер из медицинского контроля. Похоже, у нас возникла проблема с клиникой 37Ц, я хотел бы...

— Это медицинская проблема?

— Нет, дежурная сестра уверена, что станция потеряла врачение.

— Черт побери! Еще одна страдающая космобольной. Если она в истерике, то...

— Я думаю, что вам лучше поговорить с ней самой.

— Соедини!

Ашер так и поступил. Вернувшись к пульту, он заметил, что на нем горели уже две красные лампочки.

Тр-рах!

Бумм!

Бамм!

Бомм!

Орбитальный комплекс 37Ц, 625 километров над уровнем моря, 19.43 единого времени

Очутившись нежданно-негаданно в невесомости, Меган Паттерсон пыталась плыть по воздуху, размахивая руками и поджимая ноги, когда ей не попадалось никакой опоры, чтобы оттолкнуться. Отсеки и коридоры второго блока были заполнены различными движущимися в беспорядке предметами: тарелками, чашками, судками с едой, пакетиками с кофе, чаем и сливками, лекарствами, книгами, бумагами, пустыми капсулами, стульями, кушетками, циновками, сгустками рвоты и другими отходами жизнедеятельности. Иные били ей по лицу, другие застревали в волосах, но Меган ничего не замечала.

Воздух вокруг был наполнен всевозможными звуками. Стенания и крики напуганных до смерти пациентов перемежались с треском и скрежетом трех основных модулей, тершихся друг о друга и срывавших внешние панели с оболочки комплекса. Этот тип с Земли, Рамирес, сказал, чтобы она не придавала им значения, пока не услышит низкий свист, который может перерасти в сплошной шумовой фон.

Он посоветовал ей оповестить пациентов и членов персонала и собрать всех в стыковочном узле станции, который являлся самым крепким модулем комплекса, а затем наглухо закрыть внутренние люки. Может быть, таким образом им удастся пережить последствия аварии на борту.

Рамирес уклонился от ответа на вопрос, не собираются ли

они начать немедленную эвакуацию. «Условия не позволяют сделать это», — сказал он, хотя для Меган осталось полной загадкой, какие условия имелись в виду. Сейчас, когда комплекс практически трещал по швам, о чем еще могла идти речь, недоумевала девушка.

Прямо по курсу показался один из старичков пациентов, Роджер Кахилл, 91 года от роду. Меган захватила его с собой, хотя по-прежнему не могла решить, как он или кто-либо другой сумеет преодолеть проход, ведущий от модуля к центральному узлу, который мотало из стороны в сторону, словно змею с перебитой шеей.

— Э-эй! — закричал ей на ухо Кахилл. — Почему вы... Куда мы идем?

— Наверх, в центральный узел... Вы думаете, что доковыляете на своих двоих?

— Точно так, моя дорогая. Знаете, я был такелажником в первой колонии на Луне в тридцать четвертом году. Так почему бы и нет?

— Великолепно, дедуля! Ну тогда давай. — С этими словами Меган сообщила Кахиллу необходимое ускорение.

Отодвинув занавеску, развевавшуюся у входа в следующую каютку, принадлежавшую восьмидесятисемилетней Мэри Хэмптон, Меган просунула голову внутрь и обнаружила женщину в дальнем углу, между кроватью и столиком. По ее уставившимся в никуда глазам Меган поняла, что женщина или умерла, или находится в глубоком обмороке.

— Дайте мне руку! — прокричала девушка, подплывая к ней. Ответа не последовало.

Меган наклонилась и попыталась разжать судорожно уцепившиеся за край матраца пальцы, однако кисть сжалась еще сильнее.

— Пойдемте! Нам нужно бежать!

Ответа по-прежнему не было.

Меган повернулась и поплыла прочь из комнаты. Тратить время на одну пациентку, когда ее ждали еще 392 человека, было просто непозволительно.

К этому времени коридоры и переходы станции были уже заполнены людьми. Одни впали в оцепенение, другие бились в истерику, но большинство пациентов были лишь слегка встревожены и живо интересовались происходящим.

— Вверх! — закричала что было мочи Меган. — Вверх на следующий уровень. Нам нужно подняться в стыковочный модуль!

— Куда-куда? — переспросила плывшая неподалеку женщина.

— В центральный узел, где вы были.

Мужчина рядом с Меган попытался опустить ноги и пройти по проходу пешком, но, к своему глубокому удивлению, сделал в воздухе сальто-мортале и врезался в двух других пациентов.

— Не пытайтесь идти! — снова закричала девушка. — Плывите! Плывите по воздуху!

Две женщины нерешительно попытались поплыть брассом, однако их медленные слабые телодвижения так ни к чему и не привели.

На них у Меган тоже не было времени. Оттолкнувшись от ближайшей переборки, она рванулась мимо женщин в коридор, пересекла еще один уровень и продолжала плыть наверх, вернее, к тому месту, где при нормальном вращении находился верхний уровень комплекса, связанный кабелями.

К этому времени Меган стало очень жарко. Поскольку гравитации не было, пот не собирался в капельки, а тек по лицу струйками. Свободная одежда немного облегчала страдания, навеявая прохладу, но ненадолго. На верхнем ярусе парило как в печи, и Меган едва не сделалось дурно.

Корабль продолжало трясти из стороны в сторону. Несмотря на невесомость, девушке приходилось то и дело держаться за различные выступающие части, чтобы не стать игрушкой разбушевавшейся неведомой стихии. «Ничего, — утешала она себя, — в трубе станет полегче, ведь она гибкая и с мягкими прокладками внутри».

По-прежнему сзывая пациентов, Меган ухватилась за внутренние кабели, чтоб попасть в проход, ведущий к стыковочному узлу. Тут она замерла.

Кабели были горячими на ощупь.

Меган протянула руку, чтобы исследовать стену тоннеля, состоящую из стальных колец, разделенных полосами из полимерных волокон. Они также нагрелись, а пластиковое покрытие стало скользким и липким на ощупь, что было уже совсем плохо. Однако надо двигаться вперед. Полученные с Земли инструкции оказались весьма разумными.

Меган медленно протиснулась в изгибающуюся трубу. Всякий раз, когда она касалась стен, на костюме появлялись серые полосы от волокон и коричневые пятна от соприкосновения со сталью. Одежда постепенно расплзалась на части.

Девушке очень хотелось плыть дальше, но свои обязанности надо было исполнить до конца. Словно лосось в бурной воде, Меган высунула голову из люка и прокричала еще раз:

— Сюда! Все наверх!

Когда Меган развернулась и хотела плыть дальше, внутри стыковочного отсека образовалась щель длиной около метра. Девушка так и не услышала стопа ветра, который подхватил ее тело и бросил в светящийся поток нагретых ионов, ворвавшийся внутрь погибающей станции.

Хлоп

Хлоп

Хлоп

Хлоп

Бока-Ратон, штат Флорида, 13.58 местного времени

На пляже партнера для игр не оказалось. Джимми Долорес некоторое время пытался слушать шум волн, но ему это быстро наскучило. Стоял полный штиль, и желания хотя бы намочить ноги в этих лениво перекатывающихся волнах у мальчика так и не появилось.

Джимми ничего не знал о лучах, отражающихся от метеорных следов, о солнечных взрывах или электромагнитной интерференции. В конце концов, ему было всего десять лет от роду. Он знал только, что экран видео неожиданно поблек и зарябил точно так же, как в тот день, когда папа пытался настроить параболическую антенну. Когда стало нечем заняться дома, мама отправила его погулять на свежем воздухе и немного позагорать.

Мальчику показалось, что солнце пылало слишком ярко, песок был чересчур белым и сверкающим. В белесом небе не было ни облачка.

Джимми собрался было вырыть себе яму в песке и забраться туда, но вспомнил, что забыл лопатку и ведро дома. А песок оказался слишком горячим, чтобы его можно было копать руками.

Мальчик огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь занятия. Может быть, в песке найдется ракушка или камушек, который можно будет зашвырнуть в море. Прикрыв глаза тыльной стороной ладони, мальчик, подражая индейцу, всмотрелся в даль. Сначала он взглянул на север, потом обратил взор на юг...

Что это?!

Ближе к востоку, достаточно низко, чтобы можно было заметить, блеснула длинная белая молния, похожая на росчерк пера на бумаге или на вспышку старинной деревянной спички, которые тетя Палома порой использовала на кухне, высекая маленький сноп желтых искр и слабого дымка, чиркая по коробку.

Однако на сей раз след рассыпался по безоблачному иссиня-белому небу.

Джимми убрал руку. След окончательно исчез над горизонтом.

Мальчик совсем было собрался уйти, как вдруг три новые, значительно большие по размеру и очень яркие, искры пролетели над его плечом. Мальчик проводил их взглядом, пока они не исчезли.

Что это могло значить?

Джимми посмотрел на север, на юг, затем задрал голову и прищурился, глядя на самый краешек раскаленной добела монетки, которую звали Солнцем и про которую мама говорила, что на нее никогда, никогда не надо смотреть.

Больше ничего не было.

Мальчик совсем было собрался приступить к поиску ракушек в песке, как вдруг одна, другая, третья, десяток, другой десяток искр рассыпались по небу. Одни погасли на востоке, другие продолжали гореть, пока не упали в океан.

Джимми Долорес провел на пляже долгие часы, уставившись в небо, пока солнце не ушло далеко на запад. Кожа на плечах покраснела, а глаза наполнились слезами. До конца своих дней он будет помнить ту пятницу, 21 марта 2081 года, когда днем с неба падали звезды.

Часть четвертая

ЧЕРЕЗ СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Вздыхает на лугах скот,
Деревья листву тянут ввысь,
Крыльями машут в полях
Птицы,
Дню воспевая хвалу,
Овцы танцуют,
Крылатая всякая тварь
В свете твоём плывет,
Плывут вверх и вниз по рекам суда,
Странник
С рассветом пускается в путь.
Плещет полная рыбой вода.
В твоих лучах
Море
Сияет как изумруд.

*Из «Гимна Солнцу»
фараона Эхнатона*

Глава 18

С РАЗЛИЧНЫМИ ЦЕЛЯМИ

Двигаясь...

Утончаясь...

Охлаждаясь...

Собираясь...

Проходя сквозь солнечную корону, плазмот чувствует, как сгущается его тело. В то время как находящаяся вокруг него перегретая плазма распадается на частицы горячего, расплывающегося вакуума, его собственная структура уплотняется. Намагнитенные газы, выброшенные из фотосферы и притянутые в дугу протуберанца, теперь собираются в вытянутые цепочки, удерживаемые стройными рядами силовых линий и электрических зарядов.

Процесс сгущения не случаен и объясняется необходимостью защитить сознание и внутреннюю конфигурацию плазмота

от неожиданных и неприемлемых изменений давления и температуры. Возникшая цепь магнитных колец уязвима и может в конце концов распасться в условиях полного вакуума при температуре, близкой к абсолютному нулю. Собираемая плазма вновь расщепится на атомы и молекулы водорода и гелия. Потеря валентных ионов приведет к распаду структуры, и газы небольшими порциями улетучатся в пространство, неся погибель плазмому.

Но даже пребывание в таком подвешенном состоянии не может лишить плазмота сознания, а лишь ослабит его концентрацию. Плазмот по-прежнему обладает знанием, а за счет уменьшения слабых магнитных полей, соединяющих цепи, он приобретает достаточную способность для вращательного движения.

Поток

Усиление

Поток

Усиление

**На борту «Гипериона», 22 марта 2081 г.,
1.45 единого времени**

Объем газового потока в двигателе смешения зависит от двух факторов: от скорости подачи топлива и пропорции ионизированных и нейтральных частиц в газовом потоке. Чем больше заряженных частиц попадает в трубопровод и несущую часть магнитной камеры за счет естественной концентрации или скоростного давления, тем быстрее двигатель будет «накачивать» массу реакции.

В теории доктор Ганнибал Фриде все это прекрасно понимал, однако волновался, что «Гиперион» набирает ускорение слишком медленно. Сейчас это заботило ученого больше всего.

Он уже понял, что орбитальная скорость станции порядка сорока восьми километров в секунду мало влияет на работу двигателя. Траектория полета строилась под правыми углами к основному потоку солнечного ветра. На таком малом удалении медленное двадцативосьмидневное вращение Солнца практически не создает расширяющейся спирали, которая на других планетах вызывает испускание импульсных фронтальных волн.

Поэтому, для того чтобы лечь на избранный курс, который, как надеялся Фриде, позволит станции попасть в пределы системы Земля—Луна, ему необходимо было совершить маневр, для которого «Гиперион» специально проектировался. Вместо того

чтобы медленно плыть прочь от звезды при небольшом количестве испускаемых частиц, достаточном для ускорения с орбиты, Фриде собирался пикировать на Солнце. Двигатель будет работать в потоке частиц, увеличивающих относительную скорость станции и КПД при средней скорости ветра порядка четырехсот километров в секунду. Увеличивая тягу и скорость, ученый надеялся достичь кратчайшей кометной орбиты, позволяющей «Гипериону» облететь дальнюю сторону Солнца и описать широкую петлю.

Слабыми местами плана являлись вопрос о термостойкости корпуса и возможность перегрева двигательной установки. В обоих случаях кораблю предстояли очень высокие нагрузки. Преимущество заключалось в том, что «Гиперион» за счет резкого увеличения скорости во время дрейфа вдоль дальней границы солнечного нимба мог все-таки двигаться быстрее, чем основная часть облака из разрушающихся частиц, созданных взрывом. Оставалась еще и попытка облететь облако.

Фриде запустил двигатель почти семь часов назад. Внутренним электромагнитам требовалось четыре часа на запуск камеры сжатия, балансировку и создание потока частиц. Последние три часа «Гиперион» плыл навстречу солнечному ветру, набирая ускорение, достаточное для корабля весом в пятьдесят тысяч тонн, с помощью испускаемых атомных ядер со средней массой $1,67 \times 10^{-30}$ грамма. Гонка обещала быть долгой, однако победа в ней, то есть безопасное прибытие к точке, расположенной ниже огромных солнечных пятен, и побег от заряженного облака, не являлась главной целью затеянного ученым предприятия.

Изучая показания дисплея в разделе, посвященном двигателю, Фриде мог видеть, что камера смещения по-прежнему неподвижна. Однако внимание его привлекла информация, посвященная магнетометру, поскольку она показывала, какие силы уже созданы и готовы к действию.

Фриде был бы безумно рад, если бы его корабль получил вектор и определенное ускорение до того, как поток заряженных частиц в конце концов воспламенит систему управления, работающую с запланированным ускорением. В этом случае «Гиперион», Джели и застывший труп доктора Ганнибала Фриде — жертвы ионизирующей радиации, возникшей при взрыве, — будут на верном пути, направляясь к точке randevу с Землей.

К несчастью, на лучшее рассчитывать пока не приходилось.

Компьютеры и приборы сообщили Фриде, что в течение трех часов скорость космолета возросла всего лишь до пятидесяти двух километров в секунду. Таким образом, ускорение соста-

вило лишь девять процентов от начальной скорости, хотя к этому моменту должен был произойти существенный разгон.

— Как у нас дела, Хан? — нетерпеливо спросила в микрофон Джели. Ее голос был слегка озабоченным, в нем чувствовалось смущение, как будто она боялась оторвать ученого от дела. — Мне наконец-то удалось закрепить как следует все бьющиеся и незаменимые вещи, — сказала она, — когда мы начнем ускоряться?

— А мы уже давно начали, — ответил Фриде. — Вот уже три часа, как корабль набирает скорость.

— Но я ничего не чувствую... ну, может быть, слегка ощущаю притяжение.

«Ей наверняка пришлось нелегко», — подумал Фриде. Ускорение и все связанные с этим неприятные вещи в первую очередь должны были отразиться на центральной оси, как раз там, где Анжелика наводила порядок. Хотя, возможно, Джели просто хочет скрыть от него, что имеются кое-какие повреждения, неизбежно вызванные его маневрами. Ученый был тронут.

— Мы очень неплохо идем, дорогая, — заверил Джели Фриде.

— А сильно... я имею в виду, двигатель работает так, как ты и предполагал? — спросила она.

— О да! Он в прекрасном состоянии, и бояться нечего. Совершенно нечего.

Фриде по-прежнему смотрел на часы. «Гиперион» уже прошел границу временного промежутка, после которого, по расчетам доктора, облако из частиц должно было их настигнуть. От шести до двенадцати часов, прикинул Фриде, в зависимости от количества энергии, выброшенной взрывом. Хотя, судя по размерам импульса, все могло произойти быстрее, и корабль уже наверняка вошел в зону бушующего магнитного шторма, если верить магнетометрам. Теперь могло случиться все, что угодно.

Раздробление

Воссоздание

Сжатие

Синтез

Среда вокруг капсулы плазмента вновь изменилась. Она густела и нагревалась. Снизу стало ощущаться давление магнитного потока, которое плазмот не испытывал с тех пор, когда в результате взрыва протуберанца его выкинуло из фотосферы. Давление у стенок капсулы росло и стало абсолютно невыносимым.

Если низкая температура и близкая к вакууму среда заставили плазмота сжаться, то с увеличением температуры и ростом давления процесс пошел в обратную сторону. Плазмот стал раскрываться подобно опущенному в воду японскому бумажному цветку. Связанные с точной последовательностью мембраны и «конвертики» заряженных частиц быстро превратились в отлаженный, как часы, механизм.

Среда вокруг плазмота была весьма необычной: сжатый между огромными магнитными полями направленный поток, напоминавший трубообразный протуберанец, соединявший два холодных бассейна на поверхности Солнца. Потянувшись вверх, плазмот инстинктивно влез в новую конфигурацию силовых линий и смешался с ними, чтобы избежать падающего на него потока горячих газов, наполненных заряженными и нейтральными частицами.

Будучи по природе творением плазмы, плазмот понимал, что эта новая форма силовых линий в некоторой степени усиливает газовый поток. За счет направленности канал увеличивает скорость прохождения газа и создает под собой область низкого давления. В результате материя нагревается, и ей становится тесно в отведенных объемах. А расширяя проход, канал дает выход горячим и быстродвижущимся газам.

Новое средство передвижения весьма напоминало те многочисленные варианты, которые плазмот использовал, находясь в солнечной атмосфере. По сравнению с его собственными гибкими мембранами, возможностей для маневра было, конечно, меньше, но новая система была все-таки более энергонасыщенной и давала постоянную тягу.

Плазмот хорошо понимал, что такое движущая сила, и сейчас наконец-то он ее получил.

В чистом вакууме, где он как раз сейчас и находился, плазмот мог только надеяться, что ему удастся уплыть подальше от выброшенных взрывом заряженных частиц и радиации, используя растущее давление. Он не мог предугадать, как далеко его унесет, поскольку так далеко ему заплывать не приходилось. Не знал он и никого из своих братьев, которым посчастливилось побывать в этих краях и вернуться живыми. Он понимал, что холод и пустота в этой дали рано или поздно оборвут его жизнь.

Но если плазмот будет в состоянии двигаться, он мог бы вернуться в естественную среду обитания — в горячие и густые плазменные потоки. Его интуиция подсказала, что сжатый канал может обеспечить ему движение в нужном направлении.

Поэтому сейчас плазмот вверил свою судьбу в руки несущей

гося с огромной скоростью газового потока, который шел откуда-то со стороны Солнца. Словно студент, изучивший плазменную физику, он знал, что всякий организм, находящийся в подобном потоке, если ему удалось как следует сжаться, может двигаться в обратном направлении, против течения. По принципу действия и противодействия плазмот сможет направиться обратно к Солнцу, к местам привычного обитания.

В одно мгновение плазмот понял, что лучший для него выход — остаться в этом сжимаемом пространстве. Он немедленно привязал себя к месту наибольшего сжатия и принялся исследовать окружающую среду.

Через некоторое время он уже чувствовал каждую грань магнитного поля, конденсировавшего ионный поток. Воспользовавшись постоянно излучаемым солнечным теплом как компасом, плазмот изменил силовые линии поля, воздействуя на них своей массой. Усилием воли он направил их в другую сторону, придав тяге более полезное направление. Вскоре широкая полоса солнечной фотосферы ясно отражалась в сознании плазмота.

Он направлялся домой.

Вспышка

Захват

Кружение

Падение

На борту «Гипериона», 22 марта 2081 г., 2.04 единого времени

Застраивший в отсеке управления кораблем и пребывающий в неведении относительно возможных последствий прохождения сквозь ионное облако, доктор Ганнибал Фриде наблюдал, как росли цифры на счетчиках, измеряющих волны генерируемого тока, которые непрерывно бомбили его звездолет. Недолговечные магнитные поля заряженных частиц посылали яростные разряды, пробивавшиеся сквозь металлическую обшивку «Гипериона», врезааясь в протянутые под ней электрические цепи и вклиниваясь в дисководы микропроцессоров.

Следовавшие одна за другой вспышки и перегрузки докончили системы верхнего уровня. Нетронутыми остались лишь те, которые работали от механических источников: система охлаждения воздуха, кислородные биофильтры и воздухопровод охлажденной смеси между корпусом корабля и теплообменниками.

Фриде надеялся, что двигатель корабля, который сам являлся источником сильного магнитного поля, сумеет взять верх над

бушующими вне корабля электрическими силами и обеспечит стабильность системы, построенной в течение целых семи часов. Тогда останется надежда и на то, что корабль продолжит ускорение по намеченному курсу, не обращая внимания на яростные атаки частиц из облака.

В таком шторме Фриде был вынужден визуально сравнивать местонахождение Солнца в данный момент с тем, где оно находилось при столкновении корабля с ионным облаком. «Если солнечный диск по-прежнему лежит в правой нижней части круга и не пересекает линию, делящую наблюдательный сектор пополам, то «Гиперион» движется правильно», — подумал Фриде.

В данную минуту корабль был практически неуправляемым, и доктор не мог что-либо предпринять, пока ионный шторм не стихнет и восстановится часть функций управления.

— Хан, происходит что-то очень странное, — голос Анжелики едва пробивался сквозь помехи. — Все электричество, вся медицинская система... — Голос потонул в разрыве статики.

Фриде взял микрофон:

— Джели, держись. Попытайся найти укромное местечко и не касайся ничего искрящегося. Это будет продолжаться еще около часа.

— Ты у себя наверху?

— Со мной все в порядке! Оставайся, пожалуйста, там, где ты сейчас!

Солнечный диск по-прежнему висел в нижней части круга, и Фриде начал думать, что они в безопасности.

Но сначала почти незаметно для глаз, а затем все быстрее и быстрее белый круг стал подниматься. Фриде инстинктивно повернулся к клавиатуре, пытаясь дать инструкцию компьютеру двигателя, однако клавиши при прикосновении вспыхнули.

Все отказало.

Солнечный шар передвинулся выше, поднявшись почти над головой ученого и выравняваясь с линией тяги.

Доктор Ганнибал Фриде смотрел, как объект его многолетнего изучения повис над кораблем. Он знал, что понадобятся часы, а может быть, и дни для того, чтобы все возрастающая жара преодолела сопротивление охлаждающего геля «Гипериона», пробилась сквозь запасы прочности, созданные металлоконструкциями из дюралюминия, стали и титана, и смяла станцию, словно клочок бумаги. К несчастью, это произойдет.

Он так и не сумел доставить домой свою прекрасную жену и записи наблюдений. И сейчас просто не знал, как сказать об этом Анжелике.

Фриде взял в руки микрофон. Ни искр, ни статики уже не было, это означало, что пик ионного шторма прошел. Однако магнитные поля двигателя так и не выровнялись.

Доктор поднес микрофон к губам:

— Джели... Я хочу, чтобы ты знала, что я очень тебя люблю...

Раздробление

Расщепление

Сотрясение

Скрип

Сжимающийся вокруг плазмота канал вибрировал и содрогался по мере того, как мощная струя газа увеличивала напор. Плазмот снова и снова усиливал магнитное поле, стараясь удержать его. Температура и давление стремительно росли, наполняя плазмота жизнью и надеждой, поскольку этот странный поворот в пространственно-временном континууме открывал путь сквозь волну сжатых ионов через солнечную корону.

Уже не в первый раз этот кусок пространства напоминал ему о воющем потоке внутри протуберанца, когда на самом краю первого шквала началось его приключение.

Как показалось плазмоту, прошло немного времени, и рев в канале, достигнув своего пика, начал спадать. По мере затухания газовый поток наполнился странными предметами, значительно большими, чем протоны, и более массивными, чем целые атомы. Эти сгустки материи проплывали темными пятнами сквозь плазменный поток, ярко видневшийся на фоне окружавшего плазмота сверкания энергии и жизни. Плазмот не знал, что это такое, но, поскольку эти неопознанные объекты не причиняли ему ни забот, ни боли, не стал утруждать себя их исследованием.

Бомбардировка стихла, сжатие тоже прекратилось. Пространство, которое он скручивал своим магнитным полем, испарилось, словно мираж в пустыне.

По инерции плазмот рванулся вперед. На мгновение он испугался, что может погибнуть в короне, но вдруг почувствовал тепло и вождеденное давление. Он поплыл вниз через внутренние слои хромосферы, и перед ним замерцал видимый фото-сферный спектр. Он мог различить вздымающийся конвекционный слой, окруженный холодными низвергающимися потоками.

Плазмот повернул в сторону, к сверкающей грануле, и выпустил мембраны, замедляя падение. Поэкспериментировав немного, он нашел собственный уровень, настроил голос на волну

бушующего вокруг океана и начал призывать своих собратьев. Ему страсть как хотелось поговорить с ними и рассказать о своих незабываемых приключениях.

Невзирая на самые невероятные происшествия, он все-таки вернулся домой.

Глава 19

СВЕТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Бум!

Бум!

Бум!

Бум!

**Лунная колония «Спокойные берега», 22 марта 2081 г.,
13.47 единого времени**

Стук в дверь спального отсека Джины Точман напоминал работавшую на полную мощность электрическую ударную установку с хорошими звуковыми эффектами, но слишком сильным звоном стекловолокон, соединенных вместе хрупкой полимерной резиной.

— Все в порядке, — сонно сказала Джина, — я встаю.

Девушка опустила ноги на половичок и зашарила в поисках рубашки. Стук продолжался. Джина взяла лежащую в углу простыню и завернулась в нее.

— Эй, может быть, хватит? Я сейчас. — С этими словами она зашлепала босиком по валявшейся на полу одежде. Открыв замок, девушка распахнула дверь.

На пороге стояли ее начальник Харри Раджи и одетая в белое сестра из амбулатории. На ее значке было написано какое-то имя, что-то вроде «Толивера». Раджи стоял, прислонившись к противоположной стене, опустив голову и выдвинув вперед левое плечо, готовый пробить дверь насквозь.

— Стой так, Харри, — улыбнулась Джина, — иначе от столкновения с дверью тебе не поздоровится.

— Джина! Мы не могли тебя разбудить, и я был уверен...

— Вообще-то я просыпаюсь очень быстро, когда в мою дверь начинают колотить подобным образом. В чем дело? Ты что, не мог меня просто вызвать?

— Но мы так и делали! — Раджи вошел в темную комнатку и склонился над телефоном. На экране виднелся мерцающий

красно-белый огонек, который даже в сравнении с огнями в коридоре был достаточно ярок, чтобы отбрасывать тень. По истечении первых пяти минут, как было известно Джине, к мерцанию добавляется энергичный звон, который она, несомненно, умудрилась проспять.

— Извини, Харри. Вчера столько всего произошло.

— Сегодня тоже не обошлось без сюрпризов. Тебя ждут в амбулатории.

— Сначала на утреннюю вахту. Моя очередь, — с улыбкой ответила девушка.

— Тебя ждут немедленно, — лицо Харри, как и лицо сестры, было хмурым и серьезным.

— Но почему?

— Похоже, что...

Харри не успел договорить, как медсестра быстро взяла его за руку и предупреждающе покачала головой.

— Доктор должен рассказать ей все сам.

Теперь Джине удалось разглядеть, что на лацкане было написано: «Т.Олива».

— Хорошо, — подчинился указаниям сестры Раджи. — Джина, просто сходи с сестрой. Это очень важно.

— Я могу хотя бы одеться?

— Я подожду вас, — вмешалась сестра.

— Не надо, — ответила девушка, — я и сама знаю дорогу.

— Вы не понимаете, — вмешался в разговор подошедший неизвестный Джине мужчина, — это приказание доктора.

К тому моменту когда Джина, надев костюм и тапочки, вышла из комнаты, мужчина по-прежнему ждал ее в коридоре, привалившись к стене.

— Пошли, — бросила ему на ходу Джина. — Вы не хотите даже намекнуть мне, что стряслось? — спросила через некоторое время Джина, оглядываясь через плечо.

— Нет, мэм, я на службе.

— Ну ладно.

Они пересекли один зал, второй, прошли по коридору, когда до ушей Джинины донеслись взволнованные голоса, напоминавшие текущую меж деревьев бурную реку.

— Что... так поздно... я не... никогда не слышал... какой-то курорт... идиоты... правильно... в такое время.

В конце коридора, там, где находилась амбулатория, рядом с дверью толпились и толкались люди. Подходя, Джина узнала нескольких туристов, а подойдя ближе, поняла, что все эти лю-

ди — туристы и никого из обслуживающего персонала с ними нет. Протискиваясь к двери, Джина подумала, что все они вчера были на прогулке.

— Что происходит? — повернулась она к медбрату.

— Доктор Харпер все объяснит вам, — ответил тот, указывая на дверь и делая шаг назад.

— Эй! Вы далеко? — позвала его Джина.

— Мне нужно обойти еще троих, — бросил, не оборачиваясь, незнакомец.

Джина повернулась к туристам, которые уgomонились и смотрели на нее со смешанным чувством гнева и страха.

— Прошу прощения, — девушка аккуратно протискивалась сквозь толпу.

— Что происходит, мисс Точман? — осведомился у нее потерявшийся на прогулке мистер Карлин. — Какие-то настоящие гестаповцы выволокли меня из кровати.

— Да, и меня тоже, — встряла мисс Гледвейл, женщина с отказавшим фотоаппаратом.

— Сейчас выясню, — заверила взволнованных туристов Джина. — Доктор Харпер не из тех, кто стал бы вытворять такие вещи, не имея серьезных оснований. Дайте мне поговорить с ним, и я уверена, что скоро ситуация прояснится.

Точман прорвалась в небольшую приемную. Там тоже сидели туристы, вернувшиеся с прогулки по Луне. В приемном окошке виднелась головка Джо Хамод, которая была сегодня в дневной смене.

— Все на ногах, — заметила Джина, — Джо, что случилось?

Женщина огляделась вокруг, наклонилась к Джине и шепотом затараторила:

— Около двадцати минут назад Харпер получил сообщение от администрации, а затем всех поднял на ноги.

— Что-то срочное по медицинской части? Но ведь ни один из этих людей не пострадал от ожогов или кровотечений. Я никак не могу взять в толк...

Хамод повернулась обратно:

— Джина, я не могу ничего сказать тебе. Все, что я знаю, это то, что Харпер очень хочет увидеть тебя первой. Так что давай вперед.

Женщина открыла замок, и дверная панель съехала в сторону. На Джину повеяло острыми запахами нашатыря и пропитанных мазями ватных тампонов.

Доктор Харпер, похожий на некрасивого гнома в своем белом халате, надетом на клетчатую хлопковую рубашку, озабо-

ченно поглядывал из-под стекол очков. Его и без того непривлекательный вид подчеркивала густая серая щетина на подбородке и щеках. Не вставая, он знаком предложил девушке сесть.

— Добрый вечер, или, точнее, уже доброе утро, Джина. Как поживает рука?

Шесть месяцев назад Джина сломала себе предплечье. Ее кар заглох, застряв в небольшой яме неподалеку от комплекса, и ей пришлось самой вытаскивать колесо. Одна из проблем, связанных с работой в условиях гравитации, составлявшей лишь одну шестую от земной, заключалась в том, что даже такие бывалые лунные жители, как Джина Точман, порой забывали о разнице между весом и массой. На поверхности Луны Джина могла в принципе поднять стальное колесо: ось, на которой оно крепилось, и собственный вес конструкции составляли 440 килограммов на поверхности Земли. 73 килограмма лунного веса тоже немало, но Джине нужно было только перевалить кар через расселину и пустить его вниз. Как раз здесь природа и сыграла с ней злую шутку, поскольку при движении машины начала действовать полная инерция ее почти девятисоткилограммового веса. При боковом движении Джина и сломала руку. Девушка поежилась, вспомнив текущий по телу ток, когда Харпер проводил электротерапию.

— Все в порядке, доктор. Однако мне кажется, что вы подняли среди ночи меня и туристов совсем не для того, чтобы поинтересоваться состоянием моей руки, разве не так?

Харпер смотрел Джине прямо в глаза. Ей нравилась в старике его прямота.

— Нет, не для того... Я хочу, чтобы ты прошла краткое обследование. Ты и все остальные. Мы возьмем немного крови, пробу костного мозга, посчитаем количество эритроцитов и лейкоцитов...

— Лейкоциты? Что, есть подозрения на инфекцию? У нас на курорте появилась болезнь типа чумы? Или респираторные заболевания? Может быть, это связано с воздушными аппаратами туристов или...

— Джина, спокойнее... Черт побери, этого я и боялся! Нет, это не заразно, по крайней мере хоть на этот счет можно не волноваться. Администрация сообщила подробности вчерашней радиоинтерференции, в результате которой, кстати, пострадали все наши периферийные системы. Все, что не было надежно укрыто и находилось на поверхности, практически уничтожено. Как бы то ни было, кто-то сверху зачитал сообщение из обсерватории Коперника. Похоже, что их большая тарелка также поте-

ряла приемник — он сгорел, — и кто-то высказал мнение, что причиной тому может служить волна гамма- или рентгеновских лучей, что, если на то пошло, сопоставимо с ущербом, который понесли мы. Они сообщили также о бомбардировках космических лучей и насыщенных энергией частиц вслед за взрывом радиации. Короче, все это в комплексе привело к тому, что наши умники из администрации наконец-то задумались над тем, что высокие дозы ультрафиолета не приносят пользы человеческому телу. Вот всем этим они и забили мою утреннюю почту. Вот остолопы! Какое счастье, что я не мог заснуть и болтался здесь, решив разобрать корреспонденцию. Полагаю, ты и твоя группа могли заработать большую дозу облучения.

Джина почувствовала, как по телу пробежали мурашки.

— И насколько большую?

— Я не могу сказать, пока мы не сделаем проверку. Обычно первым симптомом являются изменения в химическом составе крови и лимфатической системе. Как я сказал, мы проверим количество лейкоцитов. Если они не начнут уменьшаться в течение семидесяти двух часов, то, возможно, все и обойдется.

— Лучевая болезнь! — вырвалось у Джини.

— Верно, — кивнул Харпер. — Количество лейкоцитов является самым надежным показателем, но я хочу просить тебя сообщить, если начнется озноб, частые позывы к рвоте или на теле появится непонятного происхождения сыпь или ожоги.

— Я кое-что читала об этом. Поражение слизистых оболочек тканей, выпадение волос...

— Это не сразу, сначала лейкоциты... Но я настаиваю, чтобы ты сообщила мне о всех необычных изменениях.

— Что вы собираетесь сказать им? — Джина кивнула головой в сторону приемной.

— Не так много, как тебе. Администрация хочет, чтобы туристы ничего не знали. Мне запрещено даже упоминать слово «радиация». Боссы хотят, чтобы я преподнес это как обычную проверку.

— Поэтому-то вы их и подняли всех на ноги в два часа ночи, — улыбнулась девушка.

— Время жизненно важно, Джина, а мне необходимо всем срочно сделать анализ крови.

— Я понимаю.

— И что, интересно, я им могу сказать такого, что не вызовет тревоги и не повлечет за собой вызов в суд? Ты упомянула воздушные канистры, могу я сказать, что мы нашли некую ин-

фекцию в воздухозаборниках? Каких-нибудь мутантов-вирусов или нечто типа болезни легионеров?

— И вы полагаете, доктор, что это не повлечет за собой иска за преступную халатность?

— М-м... пожалуй, ты права.

— Почему бы вам не сказать им правду? — спросила Джина.

— Я не хочу паники. К тому же администрация озабочена тем, что скажут про курорт в средствах массовой информации. Ты не хуже меня знаешь, как просачиваются такие слухи. Едва люди начнут думать, что космические путешествия и работа вне Земли опасны — я уж не говорю об отпуске на Луне, — как доходы упадут вполтину. Нам это ни к чему.

— Но такая волна энергии возникает далеко не каждый день, — запротестовала девушка. — Это астрономический феномен. Божественное знамение, если хотите, и законники, там, наверху, обязаны это уразуметь. Туристы подписали немало разных страховых полисов, разве не так? Любая юридическая контора сумеет с легкостью защитить корпорацию от любых исков в этой связи. Разве адвокатов не этому учат?

— Естественно, что они знают свое дело. Но это слово «радиация». Это ужасно — радиоактивное заражение и все такое.

— Расскажите мне об этом!

— Успокойся, дорогая, ты знаешь, что у тебя есть шанс. Существует вероятность, что твой костюм и термический скафандр сумели укрыть тебя от радиации.

— Доктор, да вы знаете, из чего сделаны эти костюмы? — Джина в недоумении воззрилась на врача. — В основном из синтетических волокон. Ну, еще немного силиконовой шерсти да слой алюминизированной пленки толщиной в один атом. Пожалуй, я могла бы проходить в нем сканирование на томографе — каждая моя кость и мышца были бы видны. С таким же успехом мы могли бы танцевать там голыми.

— Это очень плохо.

— Что делать, — горько ответила Джина.

Доктор вздернул подбородок:

— Ладно, через семьдесят два часа мы будем знать, что творится внутри. Затем, в зависимости от степени болезни...

— Разве мы не можем сделать что-нибудь до этого?

— То есть?

— М-м, я кое-что читала о световом излучении. Оно поражает чувствительные части тела человека, такие, как костный мозг, кожные покровы и бактерии кишечного тракта. То, что

оно не может уничтожить, подвергается заражению за счет того, что органические молекулы под действием радиации превращаются в токсичные соединения. В ряде мест поражается ДНК и могут образовываться опухоли.

— Наверняка не все из вышеперечисленного будет иметь место в твоём случае.

— Пожалуйста, не держите меня за дурачку. Я получила достаточную дозу, чтоб влететь на полную катушку.

— Хорошо, — сказал Харпер, — тогда ответь мне, что у тебя на уме?

— Я полагаю, что поскольку волна излучения прошла сквозь меня вчера, то все эти мертвые и перерожденные молекулы уже вовсю носятся внутри моего тела. Можно их как-нибудь вымыть и облегчить ношу моих лимфоузлов и почек?

Харпер холодно уставился на нее.

— Я имею в виду, — запнулась Джина, — если я умру... Эти люди там...

— Есть лечение, — медленно начал доктор, — его опробовали в начале столетия. Полное переливание крови и полная пересадка костного мозга. Однако сначала мы должны убедиться, что твой костный мозг полностью поражен, кроме того, необходимо установить, какую дозу ты получила, то есть еще раз «просветить» тебя, что может оказаться опасным, поскольку мы не знаем, сколько ты уже успела «схватить». Имеются и противопоказания, так что, возможно, сначала это и не понадобится. Мы не знаем, откуда пришел электромагнитный импульс и насколько ты пострадала. Ты не была в обсерватории, где заметили гамма- и альфа-лучи. Даже там их не смогли измерить...

— Доктор, не берите это в голову. Вы сказали, что наше облучение тоже пострадало. Какой бы не была доза, я была там дольше всех — я и мистер Карлин, если быть точной.

— Хорошо, ты и Карлин, — доктор сделал пометку в блокноте. — Но я все равно не хочу начинать лечение, пока не узнаю, что болезнь и в самом деле есть.

— Я чувствую ее!

— Что за чушь! У тебя просто психосоматическая реакция.

— Доктор, мы сейчас разговариваем не о вашем теле, — упрямо сказала Джина. — Хорошо, вы выжжете и замените мой костный мозг заодно с кровью, но подождите секунду! Я всегда думала, что для трансплантации костного мозга понадобится найти кого-то одного из двадцати-тридцати тысяч потенциальных доноров. У нас что, на Луне так много кандидатов? Или у нас настолько хорошо подобраны данные?

— Один из кандидатов сидит прямо перед тобой. Мы возьмем пробу твоего мозга, проверим, не нанесен ли ущерб ДНК, изолируем здоровую клетку, осуществим клонирование и введем ее снова, чтобы она начала расти. С кровью проще — нужно только определить группу и подать нужную из хранилища. Затем мы можем заняться тканями с помощью вирусно-инкапсулированного носителя ДНК, сражаясь с поврежденными клетками с помощью твоих же собственных генов.

— Когда мы можем начать? — решительно спросила Джина.

— Джина, не торопись, я еще не все тебе сказал.

— Безусловно, вы еще раз хотите повторить, что это может не понадобится и что рентген может дать мне слишком большую дозу излучения. Так что же еще?

— Ты будешь слабой как ребенок и проболеешь несколько недель. Пассивная иммунная система и недостаток лейкоцитов сделают тебя восприимчивой к любой, даже самой незначительной, инфекции. Уже только то, что ты выживешь, будет равнозначно огромной удаче, от такого лечения можно запросто умереть.

— Или умереть без него в любом случае.

— Дай мне время, через три дня мы будем знать больше, — заверил ее врач.

— Да, только к этому времени все мое существо будет отравлено, а я сама — наполовину мертва.

— Джина, я твой врач.

— А я свободная женщина, доктор. Дайте мне форму на освобождение от ответственности, и я ее подпишу. Я лучше начну сражаться уже сегодня вечером, чем сидеть и надеяться, что все обойдется.

Харпер выпятил нижнюю губу. Его вид не предвещал ничего хорошего, но Джина заметила, что он всего-навсего прикусил верхнюю губу.

— Хорошо, — вымолвил он наконец. — Ты собираешься пройти через круг мучений, которые могут оказаться ненужными.

— В любом случае выбор за мной.

— Пройди в соседнюю комнату и разденься. Я буду там через две минуты для предварительного осмотра.

Джина привстала и застыла на месте:

— Доктор, а как насчет остальных? Как насчет Карлина? Что вы собираетесь им сказать?

— Как раз поэтому мне и нужно две минуты — чтобы принять решение.

Глава 20

ПОСТАВИМ НА НОГИ МЕРТВЫХ

*Паланкины**Носилки**Спальники**Кресла-качалки*

**Медицинский центр округа Чатэм, Саванна, штат Джорджия,
21 марта 2081 г., 20.01 местного времени**

Поток пациентов все шел и шел по коридорам, ведущим к комнате экстренного оказания помощи. Их вялые, порой безжизненные тела лежали на чем попало, порой просто на полу. Создавалось впечатление чего-то среднего между больницей и полевым госпиталем. Удобные носилки кончились в первые же полчаса после начала кризиса.

Доктор Норман Фильчнер медленно ступал по коридорам, натываясь то на вывороченную руку, то на скрюченную ногу. Он изучал белые как мел лица пациентов и улыбался тем, кого администрация госпиталя, презрев все правила, пустила внутрь, чтобы они помогли ухаживать за своими любимыми и близкими. Эти добровольные помощники и помощницы поддерживали головы пациентов, убирали слюни и держали капельницы, поскольку каталки в госпитале тоже кончились.

Фильчнер был поражен случившимся. С полудня в госпиталь стали поступать сотни коматозных пациентов, погруженных в состояние, близкое к ступору. Он сам, врачи, технический персонал переливали кровь, проводили иридодиагностику и расспрашивали друзей и родственников о возможных аллергических реакциях, принимаемых лекарствах и о том, что послужило причиной нервного потрясения.

Мало-помалу картина стала вырисовываться. Каждый из пациентов был каким-то образом подключен к национальной сети электросвязи в тот момент, когда в результате импульса она вышла из строя. Большинство из тех, кого сейчас видел доктор, были компьютерными игроками, людьми, которые запирались в комнате, надевали шлем, перчатки и пускались на поиски подключений. Трагедия заключалась в том, что после удара их долгое время не могли найти. Фильчнер внутренне содрогнулся, подумав о тысячах, а может быть, и десятках тысяч финансистов, игроков, студентов только в этом городе — они сейчас ле-

жали неподвижно на полу. Прибавьте к этому множество других больших и малых городов, и перед вами окажутся миллионы людей в ужасном состоянии, которым совершенно некому оказать помощь.

Да и сам Фильчнер не мог предложить многого своим пациентам.

Если бы это была простая передозировка наркотиков, тогда он мог бы просто промыть живот, влить нужную дозу противодействующего вещества, будь то стимулятор или депрессант, положить их тихонько спать и надеяться, что они проснутся здоровыми через двенадцать часов. Но в данном случае поступить так было невозможно, поскольку центральная нервная система испытала шок, размеры которого доктор не мог даже предположить. Был ли это электрический удар, чрезмерная стимуляция чувствительности, наведенный психоз — оставалось только гадать.

Что касается диагностики, то, по иронии судьбы, Фильчнер в нормальных условиях и сам надел бы шлем с перчатками и обстоятельно поговорил бы с коллегами из Центра контроля заболеваний в Атланте. Однако киберы не работали по причине все тех же атмосферных помех, и никто не мог сказать, когда они снова войдут в строй. Так что Фильчнер и его коллеги были вынуждены исполнять обязанности нянек, трясущих погремушками над безжизненными телами пациентов. Самое лучшее, что он был в состоянии сделать — это успокоить больных, положить их под капельницы и ждать результатов.

Доктор остановился позади одного из них, лежащего на прикрытом одеялом матрасе. К руке была привязана мини-капельница. Наручный браслет гласил: «Козински Джерри, 17 лет». Это было практически все, что могли сказать о мальчике его мать, дядя или кто-то еще, кто принес его сюда. Так, а вот и вторая надпись: «Национальный медицинский личный номер КБ702-42659-53427-02».

Фильчнер коснулся пальцем шеи, чтобы проверить пульс. Он был сильным и ровным в отличие от слабого и нечеткого у многих доставленных в центр. Возможно, что парню повезло больше, чем другим.

Доктор положил руку на лоб. На ощупь кожа была теплой, но лихорадки не было.

— Ух-х, — вымолвил мальчик и сбросил руку доктора. Тот потрепал Джерри за плечо.

— Собака, — пробормотал Джерри, его закрытые глаза зажмурились.

— Что насчет собаки? — спросил тихо доктор.

— Она... она ест меня! — Джерри безуспешно пытался смахнуть вставленную в изгиб локтя иглу. — Моя рука! Она пожирает мою руку! — простонал мальчик.

В испуге, что юноша сломает иглу, Фильчнер схватил Джерри за руку, отведя в сторону тянущиеся к игле пальцы. Вторая рука также пошла вверх, и доктору пришлось схватить и ее. Стоя на коленях в больничном коридоре, Норман Фильчнер сражался с находящимся в шоке пациентом.

— Пойман... Не могу дышать! — простонал Джерри, по-прежнему не раскрывая глаз.

— Сестра, — громко позвал Фильчнер. В его кармане лежала успокоительная подушечка, но с занятыми руками он не мог прилепить ее к шее Джерри.

Однако еще до того, как кто-либо успел прийти к врачу на помощь, спазм прошел, и Джерри снова затих. Еще через минуту он уже мирно покоился на полу.

Фильчнер встал на ноги и осмотрел коридор. А ведь в таком же состоянии находятся миллионы людей по всему Северо-Американскому континенту.

Боже, вот это номер!

СН4... 16-1/4

СН4... 16-1/2

СН4... 17-3/8

СН4... 18-1/8

**Западная торговая палата, Чикаго, 21 марта 2081 г.,
19.11 местного времени**

В течение последних четырех часов, когда торговый рынок Северной Америки снова заработал после перерыва или чего-то там еще, Лександр Бартельс выбирался из ямы, в которую сам себя загнал.

Поставки природного газа на октябрь представляли собой самый лакомый кусочек последних трех дней. И именно в октябре Титановый Картель планировал начать снабжение топливом со своего гигантского солнечного танкера. Все контрмеры Бартельса, начиная с занятия анонимных позиций на рынке и кончая публикациями экспертов, выразивших сомнения по по-

воду скорости и возможностей танкера, так и не смогли сдержать падение спроса на метан.

Этим утром все выглядели словно пораженные громом. Корабль следовал строго по графику и уже припарковался возле земной орбиты. Цена упала до минимума, а Титановый Картель, поставивший Бартельса во главе эксклюзивной торговой комиссии, о чем он теперь горько сожалел, требовал сделать хоть что-то.

Затем рынок закрылся по причине неизвестной технической неполадки. Председатель палаты, согласовав свои действия с министрами торговли всех заинтересованных стран, вернул все квоты к положению, сложившемуся на полночь. Природный газ потерял полпункта, которые удалось восстановить за утро и которые явились результатом трех дней упорной работы Лександра Бартельса.

Бартельс с силой сжал пальцы, наблюдая за ползущими слева цифрами квот и мерцающими справа аналитическими данными по новостям и продажам со всего мира.

Может ли он изобрести какой-нибудь инцидент с трубопроводом?

Такая история может показаться достоверной после всех этих биржевых перипетий. Многие из проплывавших справа заявок не имели принадлежности. Он может сочинить небольшой рассказ, снять свой код, и вполне возможно, что «Квотрикс», система искусственного интеллекта, отслеживающая поток рыночной информации, оставит сообщение без внимания. К тому же наверняка многие из покупателей поверят этому, и тем самым цена на газ возрастет. Пусть не намного, но уж эти полпункта он наверняка отыграет.

Так что, когда эти ребята из Картеля потребуют результатов, ему будет что им сообщить.

Пока Бартельс размышлял над тем, может ли он избежать столь противозаконных действий, поток цифр в левом столбце неожиданно начал расти. Движение было малозаметным, цифры росли очень медленно, но все же прогресс был очевиден.

Что бы это могло значить?

Лександр напряг мускул правой щеки, сильнее фокусируя зрение.

Так, про газ ничего.

Про трубопроводы ничего.

Про драгоценный танкер Картеля тоже ничего.

А-а, вот оно! Вот это номер...

КОСМИЧЕСКИЙ ТАНКЕР ТИТАНОВОГО КАРТЕЛЯ РАЗБИЛ-СЯ ВО ВРЕМЯ СТЫКОВКИ... СТОЛКНОВЕНИЕ С ЛУНОЙ НЕ ПРИЧИНИЛО НИКОМУ ВРЕДА... 7,5 МИЛЛИАРДА ТОНН МЕТАНА ПРОПАЛИ... ЦФ 032181 КРАХ ПЛАНОВ КАРТЕЛЯ...

Бартельс внимательно проглядел отреферированный текст, надеясь отыскать какую-нибудь хорошую новость в тексте сообщения. Ничего утешительного.

Он быстро пробежал глазами пять небольших абзацев, переданных престижным агентством новостей «Земля—Луна». Давались и некоторые подробности аварии, включая имя и краткую биографию единственной человеческой жертвы катастрофы, пилота стыковочного комплекса Тода Бекера. Учитывая факт, что международные информационные службы по-прежнему находились в разрушенном состоянии после взрыва, это был весьма полный отчет.

Бартельсу пришла в голову мысль, что рынок, а вместе с ним и он сам могли пасть жертвой заранее спланированной дезинформационной акции. Разве не мог кто-нибудь, а вероятнее всего, ответственный за связь с прессой из числа служащих Картеля, изобрести эту историю, чтобы заставить цену на газ снова возрасти? О подобной уловке подумывал и сам Бартельс, если бы, конечно, набрался мужества и не опасался бы того, что в течение пяти секунд после передачи такой информации «Квотрикс» выдаст ордер на его арест, а он сам окажется в тюрьме особо строгого режима вместе с представляющими наибольшую опасность для общества преступниками.

В любом случае «утка», если она и впрямь была, принесла результаты. Цена на газ возросла почти на двадцать пунктов.

Но если сообщение — правда, то тогда дела обстояли еще хуже. Кто поручится за отметку, которой может достигнуть цена на октябрьские поставки газа после того, как солнечный танкер Картеля разбился, врезавшись в Луну? Другого ждать в ближайшем времени не приходится, новой революции на рынке не предвидится.

Лександр Бартельс не знал, смеяться ему или плакать.

Затем подумал о том месте на рынке, которое он мог бы занять сам. Потерял Картель свой ценный груз или нет, на подскоке цен всегда можно сыграть. Бартельс решительно прогнал сомнения и страхи, начав незамедлительно выписывать ордера на покупку на свое собственное имя.

*Биип...**Биип...**Биип...**Биип...*

**Главный госпиталь Виктории, провинция Британская
Колумбия, 21 марта 2081 г., 17.26 местного времени**

«Доктор, альфа-ритм усиливается».

Голос шел откуда-то издалека. Уинстон Цян-Филипс плыл в море холодного тумана, омываемый прохладными каплями, все падавшими и падавшими на голову. Ветерок свободно гулял в дыре, пробитой в его черепной коробке чьими-то белыми пальцами.

Не в силах взять лучший курс, Уинстон поплыл на звуки голоса.

«Да, а постоянная дельта падает. Вот те раз...»

Другой голос донесся с противоположной стороны. Уинстон замахал в тумане беспомощными слабыми руками и попытался определить, куда же ему теперь плыть. Соображать было трудно, голова, вся в круглых белых дырах, отказывалась служить.

Так ничего и не решив, Уинстон начал медленно подниматься сквозь белую холодную морось тумана. Он открыл рот, чтобы дышать.

Открыл глаза.

Уинстон смотрел на слой белой пены, пронизанный пучком яркого света. Он подумал, что глядит на мир с океанской глади, а солнце оставляет длинный отраженный след. Зрение прояснилось, и пеной оказалась проложенная по низкому потолку акустическая труба, а свет превратился во флюоресцентную трубу, обрамленную небольшими фасетками, напоминающими россыпь самоцветов.

Над ним склонились две темные тени, похожие на моржей, пришедших непонятно зачем посмотреть на его набрякшее от влаги тело.

— Как поживаете? — спросил морж, стоявший справа. — Вам нелегко пришлось.

«Да, нелегко, — думал Уинстон. — Я был так далеко и так долго».

Он поднял руку. Рука была слабой, тонкой и напоминала сухую ветку. Уинстон коснулся лба и щеки, отыскивая дыры, проделанные белой рукой. Кожа на ощупь была гладкой, и никаких дыр не было.

— У вас голова болит? — сочувственно спросил морж, разглаживая усы чисто человеческим жестом. — Неудивительно.

— Доктор, дать ему обезболивающее? — спросил другой морж, который был ниже ростом и у которого никаких усов не наблюдалось. Однако со своего ложа Уинстон мог рассмотреть его зубы, которые в этом положении выглядели клыками желтого цвета.

— Четыреста миллиграммов ибупрофена.

— Сию секунду, — сорвался с места стоявший слева.

— А как же вы плаваете, не двигая руками? — спросил Уинстон и не узнал свой голос, услышав лишь хриплый шепот.

— Что-что? — переспросил первый морж. — А-а, да у вас легкая галлюцинация. Ничего, это быстро пройдет. Вы в госпитале, мистер Цян. Вас привезли с нервной травмой после того, как биржа нынешним утром остановила работу.

— Что произошло?

— Какой-то странный электромагнитный шторм, а больше, мой дорогой друг, никто ничего сказать не может. Ходят разные сплетни. Одни говорят, что это высотная атомная бомба, возможно, из старых запасов, взорвавшаяся в момент возвращения в атмосферу. Другие полагают, что это мощный электромагнитный импульс. Еще часть думает, что имел место поток космических лучей чрезвычайной интенсивности, испущенных, по всей вероятности, близкой и пока не открытой сверхновой звездой. Ряд экспертов утверждают, что произошел внезапный отказ компьютера в международной телекоммуникационной сети. Возможно, что при программировании вкралась ошибка, схожая с вирусом. Хотя я лично не могу в это поверить, учитывая, какое количество защит сейчас применяется.

Одетый в белый халат доктор морж держался чрезвычайно самоуверенно.

— Но что произошло со мной? — недоумевал Уинстон.

— Давайте назовем это временной нервной перегрузкой. Когда вышла из строя сеть передачи данных, ваш мозг, как вы помните, был подключен к процессору виртуальной реальности. За какие-то доли секунды вы неожиданно получили огромный заряд информации, состоящей в основном из сжатых образов и активных сенсорных данных. Ваш мозг просто не мог справиться со всем этим и пошел на попятный. В течение нескольких часов вы представляли собой прекрасный образец человека в ступоре. Эти парни с биржи совсем повесили носы: Они полагают, что ваш мозг умер.

— А я? — в страхе спросил Уинстон Цян-Филипп.

— А что вы?

— Я умер?

— Нет, дорогой мой, вовсе нет! Вы в прекрасном состоянии, просто немного ослабели. Да я смотрю, у вас и голова нормально работает. Что вы запомнили из последних событий?

— Деньги, ведь я участвовал... — Уинстон похолодел от ужаса, — я участвовал в сделке по поводу газа, а на кону были деньги, мои деньги! — Паника быстро выбила туман из головы. — Мои деньги были зарегистрированы в сети, когда все обвалилось... Вы не знаете, часом, какое решение приняла биржа относительно денег, находившихся в обороте на тот момент?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил врач.

— Если они не найдут какого-либо приемлемого способа восстановить запись торгов или аннулировать их, я буду разорен. Все мое состояние было на дисплее, то есть вполне могло пострадать при трансферах. А не могу ли я сделать телефонный звонок? Вы не знаете, каналы уже свободны?

— О да. После обеда телефоны в основной массе заработали, но только местные. И, полагаю, вы пока не в том состоянии, чтобы сразу окунуться в бизнес.

— Но я вынужден, ведь это моя жизнь!

— Чепуха. Это только деньги, заработаете еще. Вы можете за один вечер сколотить состояние, по крайней мере я слышал про вас такое. Да и в любом случае беда стряслась со всеми участниками торгов, разве не так? Я имею в виду, что только в одном нашем госпитале лежит около трехсот сорока человек в точно таком же состоянии, и еще сотни пациентов находятся в других клиниках, — продолжая говорить, доктор сунул одну руку в глубокий карман халата. — Многие разделили вашу участь. Я уверен, что ответственные лица на бирже найдут способ создать паритет, как вы позволили выразиться.

Доктор наклонился над краем кровати и коснулся ногтем, или чем-то похожим на ноготь, руки Уинстона.

— Так что, может, вам лучше просто полежать до завтра и не забивать пока себе голову?

— Но мои деньги...

— Ваши деньги находятся в целостности и сохранности там, где вы их оставили, мой друг.

— Но пока я здесь... — Уинстон Цян-Филипс отчаянно пытался удержать ускользающие мысли. — Пока я тут лежу, они будут торговать за мой счет. Они приберут к рукам фонды, которые я собирался двинуть... Они... захватят... преимущество...

Волны белого тумана заволокли сознание Уинстона. Глаза сомкнулись. Голова превратилась в толстую пачку крупных купюр. Некоторые из них соскользнули и рассыпались по полу.

Пам

Пам

Пам

Баам!

Космобаза на Титане, 22 марта 2081 г., 3.24 утра

— Мисс Кормант, — прозвучал голос ее доверенного секретаря Уилла Хардинга, — вы проснулись?

Лидия Кормант перевернулась на живот и посмотрела на стоящий у изголовья будильник. Часы показывали половину третьего, до подъема оставалось еще полтора часа. Должна быть серьезная причина, чтобы Хардинг пришел в такую рань, везя тележку с завтраком.

— Уилл, я проснулась, — позвала секретаря Лидия. — А что случилось?

— Я могу войти?

Женщина расправила одеяло, собрала подушки за спиной и устроилась поудобнее.

— Да, заходи.

Прикрыв за собой дверь, Уилл вошел в спальные апартаменты. По местным стандартам они были слишком велики для одного человека — около тридцати квадратных метров. Пространства вполне хватало, чтобы разместить кровать, навесной шкаф, автоматический рабочий стол, два кресла и ванную за раздвижной панелью. Во внешней стене было прорублено окно с видом на покрытую снегом и льдами белую поверхность Титана. Пейзаж спутника Юпитера выглядел совершенно фантастическим благодаря огромному количеству азота и сложных углеродных соединений, содержащихся в атмосфере. В помещении имелись такие удобства, о которых рядовой служащий на Титане мог только мечтать. Но Лидия Кормант вовсе не была простой служащей. Она занимала пост главного менеджера базы на Титане, полноправного члена совета директоров компании «Инсистем кемикл» и являлась держателем 3,9 процента акций этой компании, входившей в Титановый Картель. Так что Лидия имела полное право наслаждаться этой роскошью.

Невесомой походкой Хардинг приблизился к ее рабочему столу. Его движения были предельно рациональны при гравитации в 1/8 земной, созданной на станции.

— Что стряслось? — переспросила Лидия.

— Три минуты назад по информационному каналу и в блоке новостей прошло сообщение, — ответил секретарь, включая мо-

нитель. — Я сделал запись, так что вы посмотрите все с самого начала.

— Что за сообщение? — переспросила Лидия, беря с полки над кроватью очки в старомодной оправе и приготовившись смотреть на экран.

Вместо ответа Хардинг развернул к ней монитор. На экране в ночном звездном небе висел серебряный диск. Лидия знала, что это лишь рисунок художника, выполненный при помощи компьютерной графики, поскольку звезд всегда было слишком мало. Изображенный диск был не что иное, как «Оуроборос», направляющийся к Земле.

Сама Лидия последний раз видела солнечный корабль с тыльной стороны около года назад. За космолетом тянулись провода, напомилавшие издали темные линии на светящемся покрытии «Оуробороса», да три криогенные метановые цистерны, плывшие за кораблем и напомилавшие маленькие луны.

Голос за кадром описывал «Оуроборос» и его технические параметры, затем поведал о Титановом Картеле и его положении в деловом мире, а также вкратце обрисовал слушателям состояние дел на рынке метана. Пока читали текст, на экране появилась небольшая точка другого корабля. Испуская голубое свечение, он направился к «Оуроборосу». Диктор продолжал говорить о том, как должна была проходить встреча космолета с буксиром и разгрузка метана.

Кормант и Хардинг наблюдали, как буксир неожиданно завалился на бок, и космолет состыковался с ним в таком положении. Корабли продолжали парный полет, двигаясь так быстро, что художник был вынужден растянуть время для синхронности озвучивания. Диктор не дал никакого вразумительного объяснения и лишь привел мнения экспертов по поводу того, что буксир мог захватить один из приводов управления.

Новая картина представляла собой вид Луны, изображенной в реальной временной шкале так, как ее можно наблюдать во всей красе с Земли. Диктор предупредил слушателей, чтобы те обратили внимание на участок в центре.

Лидия наклонилась вперед, а затем выбралась из кровати и прямо в ночной рубашке села за стол, всего в нескольких сантиметрах от экрана.

Какая-то черная, медленно движущаяся точка падала на поверхность Луны. Медленное вертикальное движение было либо обманом зрения, либо последним усилием пилота буксира скорректировать курс и пройти над Северным полюсом Луны, а может быть, выйти на орбиту.

К несчастью, все его труды пропали даром. Еще мгновение

корабль летел к Луне, а затем небольшой всплеск голубовато-белого огня осветил на секунду серую поверхность планеты. Все стихло.

Голос за кадром сообщил, что в результате аварии никто не пострадал, не считая пилота и груза на космолете. Было сомнительно, что рубка буксира смогла выдержать столкновение кораблей. Диктор принес извинения за столь позднее сообщение (прошло уже семь часов после аварии). Он объяснил это помехами в верхних слоях атмосферы Земли, не связанными с крушением корабля, нарушившими привычную работу информационного канала.

По окончании сообщения дисплей погас.

— Ты сказал, его только что передали? — спросила Лидия Хардинга.

— Четыре минуты назад.

— Показатель световой скорости?

— Порядка восьмидесяти пяти минут, скажем, полтора часа.

— Но сообщение пришло вместе со всеми новостями? — спросила Лидия, помня, что Уилл сказал ей об этом.

— Да, мэм. Оператор ночной смены на узле связи наткнулся на него и сразу дал мне знать.

— Семь часов прохождения на Земле и полтора часа до нас. Так когда это произошло? По моим подсчетам выходит, что в семь вечера единого времени.

Хардинг быстро прикинул в уме:

— Вы правы, мэм.

— Есть ли сообщения от других членов Картеля о случившемся?

— Ничего.

— Ты уже, конечно, успел проверить по всем частотам: рабочим, запасным, включая и ту, что выделена лично для меня?

— Конечно, мэм.

— Весьма странно, — заметила Лидия.

— Да, мэм, — согласился секретарь.

— Ну ладно. Ты свободен, и принеси мне чаю. Нам придется потрудиться.

Секретарь направился к двери.

— Да, Уилл, — окликнула его Лидия.

— Слушаю, мэм.

— Нужно сохранить все это в тайне. Засекретить это сообщение.

— Я так и сделал.

— И приноси все сообщения, посланные Картелем, сюда, кому бы они ни предназначались, ты понял? Предупреди радистов.

— Сейчас сделаю, мэм.

Уилл удалился выполнять ее приказание.

Решив больше не ложиться, Лидия Кормант достала из шкафика халат, запахнулась и уселась за стол. Из-под нахмуренных бровей она рассматривала безмолвный дисплей компьютера.

Для Картеля это был серьезный инцидент. Плывшие за «Оуроборосом» цистерны несли в себе квинтэссенцию полугодовой напряженной работы здесь, на Титане. Одни только капитальные инвестиции превысили сумму в 1,75 терадолларов, если учесть премии, стоимость орбитального комплекса, флотилии вспомогательных судов, емкостей, трубопроводов, аппаратуры очистки и различных механизмов. Ведь все это было доставлено к орбите Сатурна, проверено, установлено и отлажено, чтобы в жесточайших условиях получить 7,5 миллиарда кубометров метана, отправленных в трех маленьких цистернах на Землю.

Правда, теперь, когда вся аппаратура на местах, можно добывать газ сколько душе угодно. За прошедшие тринадцать месяцев для отправки на Землю со второй партией были подготовлены еще пять гигакубометров охлажденного метана.

Все ждали возвращения «Оуробороса», который уже никогда не вернется.

А сколько времени понадобится на замену корабля?! Пройдет по меньшей мере год, чтобы построить, оснастить и запустить в космос новый солнечный космолет. Даже если его в полном оснащении запустят с земной орбиты, все равно пройдет немало времени, прежде чем он достигнет Титана. К тому времени на Титане уже все будет готово к отгрузке. Однако весьма вероятно, что операция не будет должным образом профинансирована, ведь предполагаемые источники дохода сторежи где-то в лунных горах.

Конечно, она лично не отвечает за недостатки в работе персонала буксира Объединенных космических служб, однако члены аудиторской комиссии вряд ли примут это в качестве оправдания. Единственным реальным продуктом, который Картель сумел получить от этого чрезвычайно опасного предприятия на Сатурне, был метан для получения энергии и использования в химической промышленности на Земле, а Лидия Кормант могла поставить на Землю такое количество газа, какое за сотню лет добычи не удалось получить никому ни на одной скважине, ни на одном месторождении.

И все плоды ее трудов превратились в пыль из-за этой дурацкой аварии!

Если бы Картель собирался простить ее, пусть она и не сделала ничего, за что могла бы просить прощения, то тогда Фолодинг или кто-то из руководства обязательно направил бы част-

ное сообщение в ее адрес. Соболезнования, циркуляр, пачку счетов, хоть что-то, если бы они по-прежнему считали ее членом своей команды, уполномоченной узнавать плохие новости раньше, нежели они пройдут по открытым каналам средств массовой информации.

Ничто не обижает так сильно, как недостаток доверия. Никто из Картеля и не подумал оповестить свой самый дальний форпост. Вместо этого они предоставили команде на Титане узнать обо всем из обычной передачи.

Лидия Кормант знала, как это будет выглядеть в глазах начальников секций, операторов, обслуживающего персонала и пилотов. Их просто-напросто забыли. Молчание приведет многих к заключению, к которому сейчас пришла сама Лидия: не получив первой партии продукта и ожидаемой прибыли, Картель может принять решение не посылать груз, который должен был привезти «Оуроборос». Или уж, по крайней мере, отправка груза будет задержана, и, вполне возможно, персоналу на Титане не будет прислана замена.

Кормант не волновалась по поводу того, что хорошо обученный и опытный персонал выскажет свое недовольство задержкой с выплатой зарплаты и решит попытаться счастья в другом месте за пределами Земли, нарушив тем самым отлаженный механизм. Единственную возможность покинуть Титан предоставляло транспортное судно, присылаемое Картелем. Если оно не придет, все останутся здесь. Очень многие жизненно важные вещи, включая и такие, как возможность дышать и принимать пищу, зависели от хорошего расположения духа и финансовой щедрости чиновников на Земле.

Кормант нажала кнопку селектора:

— Уилла Хардинга ко мне. Немедленно.

— Есть, мэм, — прозвучало в ответ.

В голове Лидия уже составила текст послания персоналу на Титане. Оно было грустным, но в нем звучала решимость продолжать начатое дело, несмотря на аварию. Объявлялась благодарность за работу и достигнутые успехи в деле освоения планеты, лежащей за орбитой Марса, но ничего не говорилось о премиальных за груз, который на Земле так и не увидят. Иными словами, это должно быть ободряющее послание.

— Вызывали? — Хардинг вошел в комнату.

— Пиши письмо, Уилл, — сказала Лидия, расправив плечи и поправив полы халата, — адресовано мне от Эйнара Фолодинга, компания «Титан девелоппментс», Манхэттен, Большой Нью-

Йорк. Письмо от двадцать первого марта, получено в... двадцать, нет, напиши, в двадцать один час. Начало...

— Извините, — Уилл опустил блокнот, — вы сказали, что письмо адресовано вам? От Фолодинга?

— Именно так.

— Но это... ведь это неэтично.

— Уилл, ты прав, неэтично, но необходимо. Итак, текст начинается... — и Лидия прочла письмо по памяти. К концу Уилл громко шмыгал носом, и даже глаза самой Лидии подернулись дымкой.

Глава 21

«ВЫ ДОЛЖНЫ ВЫСЛУШАТЬ!»

Тридцать девять...

Сорок...

Сорок один...

Сорок два...

**Космопорт Ванденберг, штат Калифорния,
21 марта 2081 г., 16.55 тихоокеанского времени**

Включив еще раз компьютерную имитацию, Джорд Джеймисон просмотрел, как все сорок две вращающиеся на земной орбите платформы одна за другой «ударилась о стену». Именно так назвал эту сцену один из младших техников.

Созданное искусственным интеллектом полотно быстро разворачивалось на экране, сжимая два часа катастрофы в две минуты. Джеймисон внимательно смотрел на светящиеся точки, напоминающие рой мошек. Сенсорные манипуляции виртуальной реальности позволяли ему держать в поле зрения все орбитальные комплексы, даже те, которые находились у него за спиной. По мере проигрывания ситуации то одна, то другая точка неожиданно прекращала движение, меняла траекторию, сходила с курса и врезалась в плотные слои воздуха верхней атмосферы. Здесь она загоралась красным, затем белым светом, распадалась на искорки и, в конце концов, исчезала.

Катастрофа коснулась комплексов низких орбит, которые НАСА вкупе с Европейским и Японским космическими агентствами использовало для коммерческих целей по всему миру. Большинство из упавших спутников были гериатрическими клиниками с пониженной гравитацией, хранилищами для же-

лавших жить вечно, а также вакуумными и микрогравитационными производственными комплексами, принадлежавшими странам, которые не могли себе позволить застолбить орбиты в верхних слоях атмосферы, в точках Лагранжа и направить туда орбитальные комплексы.

Но какова бы ни была причина этого разрушительного эффекта, никто в Управлении орбитальной механики, которым руководил Джорд Джеймисон, не мог объяснить причину случившегося и дать ответ на вопрос, повторится ли это в ближайшем будущем.

Именно поэтому, невзирая на то что была пятница, конец рабочего дня, и люди собирались уйти домой немного пораньше, Джорд задержал всех на работе, чтобы получить хоть какое-нибудь вразумительное объяснение. Ворчунам он сказал, что они могли бы завершить свою работу в срок, если бы не разряд электрических помех или что-то в этом роде, разорвавший на время компьютерную сеть и заставивший персонал обратиться, как в добрые старые времена, к бумаге и перу. В этой суматохе несколько часов ценного анализа пропали даром.

Джорд Джеймисон не был самодуром, хотя некоторые подумали именно так. Его задачей было не просто понять случившееся. Пока он не поймет принципы и механизм происшедшего, никто не сможет сказать, скольким еще орбитальным платформам грозит опасность. НАСА назначило именно его ответственным за расследование причин аварии.

Во-первых, ему следовало определить порядок эвакуации оставшихся платформ, то есть выяснить, какие из них сумеют продержаться в небе до встречи с шаттлом. Во-вторых, нужно было понять, какие платформы можно перевести на более стабильные орбиты, что, в свою очередь, означало неизбежное изучение обстановки, возникшей из-за нестабильности их нынешнего положения.

Прокручивая несколько раз смоделированную ситуацию, Джорд уже пришел к некоторым заключениям.

Начать с того, что возвращение платформ в плотные слои атмосферы не было одновременным, напротив, они падали в определенной последовательности, и именно ее Джеймисон пытался разгадать, наблюдая в своем шлеме за сверкающими роящимися мошками.

Коснувшись панели управления, Джорд выключил визуальный дисплей и дал указание компьютеру расположить платформы в порядке снижения, соотнеся его с другими многочисленными данными, включая среднюю орбитальную высоту, сред-

ний вес, предполагаемый размер пострадавшей площади, ферритовые сплавы, из которых платформы были сделаны, и многое другое. Джорд принял во внимание и возможную магнитную интерференцию.

Просматривая составленный список, он сразу нашел закономерность. Платформы падали в соответствии с занимаемой высотой, начиная с располагавшихся в самом низу. Таким образом, что бы это ни было, оно возникало не из ниоткуда, а появилось из верхних слоев земной атмосферы. Подтверждением гипотезы служил и еще ряд факторов; к примеру, пострадали только самые близко расположенные к Земле комплексы, однако других спутников — ни в точках Лагранжа, ни на лунной орбите, ни на орбитах вокруг Марса и других планет — это не коснулось.

На Земле случилось нечто, ставшее причиной катастрофы...

— Доктор Джеймисон? — послышался в шлемофоне голос секретарши.

— Слушаю тебя, Линда.

— Здесь какие-то люди хотят видеть вас, — сказала она неуверенно, — они утверждают, что прибыли из Кальтека, из института Лоуренса.

— Ну, соедини их со мной.

— Вы не поняли меня, сэр. Они здесь, в кабинете.

— Ты имеешь в виду их физическое присутствие?

— Сэр, они стоят напротив меня.

— Они сообщили цель своей миссии?

— Только то, что, когда отправлялись в путь, дальние звонки еще не проходили. Они на чем-то добрались сюда. Женщина, некая доктор Карр, со своим ассистентом сообщили, что дело не терпит отлагательств.

— Тогда, я полагаю... м-м... их следует пропустить... Только... дай мне одну минуту, ладно?

— Слушаюсь, сэр.

Джорд Джеймисон снял шлем и пригладил растрепанные волосы. Он беспомощно осмотрелся вокруг и понял, что не может ничего поделать с горами дискет и периодики на столе, с книгами, наваленными грудями на подоконниках, чашками и тарелками, оставшимися от последнего обеда, — нескольких обедов, если сказать правду. Ну что ж, по крайней мере ему удастся разгрести горы бумаги, лежавшие на двух стульях в комнате. Нерешительно взяв их в охапку, Джорд понял, что совершенно не представляет, что с ними делать. В конце концов прямо у двери Джеймисон сумел отыскать свободное местечко и свалил бумаги туда. Он постоял с минуту, широко разведя руки

на случай, если весь ворох надумает рассыпаться. К счастью, этого не произошло.

Джорд облегченно выпрямился.

— Линда, все готово, — прокричал он, — проведи их ко мне!

Плюх

Плюх

Плюх

Плюхх!

Управление орбитальной механики, 16.59

Султана Карр постукивала носком элегантной туфельки по толстому, машинной выработки ковровому покрытию офиса Джорда Джеймисона. Качнув ногой еще раз, Султана — по крайней мере так показалось Пьеро Моске — ударила ею по столу секретарши.

— Он, наверное, уже ушел, — недовольно прошептала Султана на ухо По, — а эта женщина просто издевается над нами.

— Но зачем ей это? — кротко спросил По.

— Политика, персональная ревность и бюрократизм, вместе взятые.

— Сули, ты в плохом настроении.

— Да, ты прав.

Султана продолжала постукивать по дорожке туфелькой.

Сидевшая за столом женщина словно не замечала обмена нелестными мнениями в ее адрес. Хладнокровие и выдержка, несомненно, были ее отличительными качествами. Пьеро сам не мог никак отделаться от мысли, что человек, которого они хотели увидеть, занимал столь высокий пост, что НАСА даже выделило ему секретаршу вместо привычных роботов. В конце концов, орбитальная механика занимает важное место в общей работе космического агентства, а этот самый Джорд Джеймисон лично отвечает за разработку и техническую эксплуатацию всех сделанных по американской технологии спутников и орбитальных комплексов, начиная с высоты в 600 километров и заканчивая геосинхронизованными орбитами. Вне сомнения, помощь именно этого человека ему необходима.

— Доктор Джеймисон готов вас принять, — сказала приятным голосом секретарша. — Прошу вас, будьте кратки. У нас сегодня очень ответственный день и много работы.

— Я так и подумала, — ответила Сули с ледяной улыбкой.

Девушка встала, поправила юбку и уверенной походкой двинулась вперед в сопровождении Моски.

На пороге их встретил полный мужчина с начавшими редеть волосами. По цвету волос и морщинам По определил, что Джеймисону лет пятьдесят. Серьезный мужчина на ответственной должности.

— Добрый день, вы — доктор Карр? — спросил он, протягивая руку. — Не уверен, что имел честь видеть вас раньше.

— Я тоже так думаю, — ответила Сули, энергично пожимая протянутую для приветствия руку. — Я Султана Карр, институт Лоуренса, а это мой коллега, мистер Моска. Ваш секретарь попросила нас быть краткими, и поскольку уже почти конец рабочего дня, я сразу перейду к делу...

— Может быть, вы сначала пройдете? — Джеймисон показал рукой на два подозрительно пустых среди вопиющей неразберихи и хаоса стула. Он продолжал держать дверь наполовину открытой, и По пришло в голову, что дальше она просто не открывается.

Несмотря на свой солидный вид, Джорд Джеймисон был явно взволнован. Моска не мог понять, то ли яркая красота Сули произвела на него столь неизгладимое впечатление, то ли вынужденный прием реальных гостей прямо на рабочем месте застал его врасплох. Скорее второе. Когда Джорд общался по сети виртуальной реальности, его кабинет наверняка представлялся пошире на пару метров в каждом измерении, шкаф и полки выглядели пустыми и сделанными из редкого полированного дерева, свет ярче, ну а сам Джеймисон выглядел куда моложе. По знал, для системы образов такие задачки что белке орешки.

Сам Моска был удивлен наличием стеллажей и полок в кабинете. Всю свою работу По выполнял или в библиотеке, или в выносной домашней системе, а все необходимые данные были сведены в каталоги и файлы.

Сули и По аккуратно протиснулись через полуоткрытую дверь. Пройдя немного вперед, они уселись в кресла, а Джорд обошел стол и сел перед ними.

— Какая приятная неожиданность видеть вас здесь, — начал Джеймисон.

— Мы прибыли по очень срочному делу, — произнесла Сули, и льдинки в ее голосе растаяли. — Важно, чтобы вы послушали и внимательно отнеслись к нашим словам. Вы наиболее высокопоставленное лицо из НАСА, с которым мы можем физически связаться из Пасадены. Поэтому и решили начать с

вас. Если мы сумеем вас убедить, вы должны связаться с вашими начальниками в Вашингтоне и заставить их начать действовать.

— Вы не звонили перед этим? — переспросил Джеймисон.

— Когда мы взялись за дело, связь еще не восстановили, и не только в Калифорнии, доктор, но и во всем Западном полушарии — это наше первое доказательство.

— Доказательство чего? — нахмурил брови доктор. — Откровенно говоря, у меня и впрямь нет времени играть с вами в вопросы и ответы. Мы не придавали делу широкой огласки, но наше управление сейчас борется с очень серьезным кризисом, и я полагал, что вы прибыли из института помочь нам своим анализом.

— А что произошло? — быстро спросил Моска, пока Сули снова не ударилась в душещипательные откровения.

— Более сорока комплексов США и других стран неожиданно вошли в верхние слои атмосферы. Они сошли с орбит, когда что-то, а мы пытаемся выяснить, что же именно, повлияло на них и заставило изменить траекторию. Если бы вы потрудились взглянуть на небо сегодня утром, то имели бы возможность наблюдать их падение. Так что, с чем бы вы ко мне ни пришли, ничего более важного я не вижу.

Сули искоса взглянула на По.

— Смогли ли вы определить, чем было вызвано падение? — спросил По.

— Ясно одно: пострадали платформы на малых высотах, то есть в области, которую мы между собой называем «дешевый район», а именно — спутники небольших коммерческих предприятий и промышленных стран «второго мира». У нас возникло предположение, что мы наблюдали не природное явление, а результат недостатков конструкций. Возможно, это отказ систем, а может быть, и спланированная акция саботажа.

— Они упали все сразу? — спросила Султана.

— Почти, в течение двух часов.

— Когда? — спросил Моска.

— Это началось часов в десять утра.

По украдкой смотрел на Султану. Ему очень хотелось знать, разделяет ли она его догадку.

— Но... — Султана собиралась с мыслями, — скажите, вход в плотные слои происходил хаотично или в какой-то последовательности, скажем, с запада на восток или сверху вниз?

— Сверху вниз, — быстро ответил Джеймисон. — Моделируя ситуацию и сопоставив ее с данными наблюдений и имею-

щимися сообщениями, мы предположили, что сначала упали наиболее низко расположенные платформы, а за ними последовали остальные. Сейчас мы пытаемся разобраться, произошло ли это естественным путем и собираются ли другие спутники через какое-то время последовать тому же.

— «Скайлэб», — пробормотала Карр на ухо Моске.

— Что это? — поинтересовался Джеймисон.

— Около ста лет назад, а если точнее, в 1973 году, ваш предшественник, Национальное агентство авионавтики, запустило в космос орбитальную исследовательскую станцию «Скайлэб». На ней работали экипажи космонавтов, был сделан ряд важных открытий, включая наблюдения за солнечной короной. Все знали, что рано или поздно станция войдет снова в плотные слои и сгорит, но никто не думал, что через каких-то шесть лет после запуска станция разлетится на куски в районе западной Австралии.

— Доктор Карр, я знаком с историей нашего управления.

— Тогда вам следует вспомнить, что в литературе тех лет неожиданное вхождение «Скайлэба» в атмосферу связывалось с подогревом ее верхних слоев за счет всплесков мощного ультрафиолетового излучения в результате солнечного взрыва. Затем прошло около одиннадцати лет, и — обратите внимание на временной промежуток, доктор Джеймисон! — ваше агентство потеряло контроль над почти девятнадцатью тысячами спутников и космических объектов, отслеживаемых на орбите. И снова странное явление получило объяснение подогревом атмосферы и возникшим излучением на низких орбитах. А причина крылась в активности Солнца.

— Правда? — Джеймисон казался скорее удивленным, чем встревоженным. — Солнечные взрывы? Однако последние пятна на Солнце наблюдались в конце девяностых годов двадцатого века.

— Это правда, — согласилась Султана, — однако мистер Моска и я последние два дня наблюдаем на Солнце большое колеблющееся пятно. В прошлом веке давалось весьма убедительное объяснение того, что солнечные пятна вызывают взрывы и электромагнитные возмущения. Возьмите, к примеру, архивы Национального океанического и атмосферного управления; в то время оно руководило Центром космических служб и вело наблюдение за пятнами и солнечной активностью.

— Боюсь, что эти организации давно прекратили существование, — сухо заметил Джеймисон, — хотя очень интересная

точка зрения. Если я вас правильно понял, доктор Карр, причина катастрофы кроется в мощном выбросе ультрафиолета?

— Излучения на всех частотах, — вмешался По. — Но наибольший поток пришелся на насыщенную энергией часть спектра: гамма-лучи, рентгеновские лучи и ультрафиолет. Синхронизованность во времени и физические явления в телекоммуникационной сети, происшедшие сегодня утром, дают основания полагать, что источник бед один и тот же.

— Я готов поверить в ваш солнечный взрыв, — сказал Джеймисон. — Меня страшно угнетает тот факт, что худшее еще предстоит. Разовый энергетический выброс, краткое потепление атмосферы, а затем все возвращается на круги своя. Такая интерпретация означает, что платформы, оставшиеся на орбитах, так и будут летать себе дальше, и больше ни тебе проблем, ни отсутствия стабильности. Взрыв прогремел, и теперь нам надо только подсчитать потери.

— Не совсем так, — возразила Сули, подавшись вперед. — За этим мы и пришли в НАСА. Вообразите случившееся началом бури, а нас — кораблем, попавшим в полосу спокойной воды в центре шторма. Следующей волной станет масса заряженных частиц, извергнутых из хромосферы. Это похоже на солнечный ветер, только движутся эти частицы куда быстрее.

— Как быстро?

— Зависит от ряда факторов, — заметил По.

— От каких?

— От силы последнего взрыва, сэр, — ответил Моска. — Это именно она предопределяет скорость ионизированных газов. Наши коллеги в Кальтеке сейчас пытаются установить связь между энергией гамма- и альфа-лучей и потенциальной скоростью надвигающегося магнитного шторма. В связи с продолжающимися помехами во всем полушарии твердых доказательств нет, но наши люди трудятся вовсю... — Говоря это, Моска слегка кривил душой. На самом деле им согласились помочь лишь его друзья и друзья Сули, верившие в теорию доктора Фриде, а университет и институт официально не вмешивались. — Сейчас они записывают и исследуют последствия взрыва на Солнце.

— Так когда ваш ионный шторм достигнет Земли?

— В промежутке от двадцати до сорока часов с момента первоначального освобождения энергии, — ответил По. — Возможно, часов через пятнадцать-тридцать.

— А вы не можете быть более точными? — настойчиво спросил Джеймисон. — В конце концов, вы хотите, чтобы люди заня-

лись чем-то, что может иметь последствия. А может и не иметь. По крайней мере ученые должны стараться быть точными в предсказаниях, это здорово помогает при работе с общественным мнением.

— Мы как раз на подходе к тому, чтобы соотнести время с силой радиации, — врала, не смущаясь, Сули, — в конечном итоге, мы сумеем предсказать магнитную бурю с такой же точностью, как метеоцентр предсказывает приближение холодного фронта. Разве что выступим как бюро солнечной погоды.

— Весьма кстати, — резюмировал Джеймисон, и трудно было понять, шутит он или нет. — Особенно если учесть, что мы никогда не имели дела со столь редким феноменом, как солнечный взрыв.

— Придется, — мрачно сказала Султана. — Мы уже успели прочувствовать на своей шкуре электромагнитный импульс, равный взрыву двадцати МИЛЛИАРДОВ водородных бомб. Приближающийся ионный шторм вызовет магнитные волны и напряжение на всей освещенной солнцем части Земли. В течение этого времени операторы транспортных и энергетических предприятий окажутся живыми мишенями, цепи будут нарушены, и все сверхточное незащищенное оборудование может оказаться уничтоженным. Доктор Джеймисон, вы должны помочь нам поднять всех на ноги.

— Ну, до того, как я соглашусь с вашими заключениями, доктор Карр, — заметил чиновник, — мне, пожалуй, следует кое-что узнать о вас. Так какую должность вы занимаете в Кальтеке?

«Хо-хо-хо, — сказал себе По. — Вот он, момент истины. А Сули даже нечем подтвердить свою правоту».

— Я получила там свою докторскую степень за труды по солнечной астрономии, — ответила девушка.

— Вы очень молоды. Сколько лет вы ходите в докторях?

— С декабря минувшего года.

— Ясно. А вы, мистер Моска?

— Сейчас работаю над своей диссертацией по различным типам образования звезд.

— Удачи вам, сэр, — склонил голову Джеймисон. — А не посчастливилось ли вам двоим занимать какие-либо места в институтской администрации — скажем, в деканатах факультетов? Или работать над правительственными заданиями? Что-нибудь в этом роде?

— Не в настоящее время, — вымученно улыбнулась Султана.

— Так вы просто двое блистательных студентов? Двое моло-

дых студентов, которые держат ключ к разгадке тайны века у себя в карманах, не так ли?

— Надеемся, что это так, — тихо заметил По.

— Конечно... Скажите, мистер Моска, кто руководит вами на факультете?

По заколебался. Официально его работу курировал доктор Ганнибал Фриде. Однако в настоящее время, когда доктор находился на расстоянии 150 миллионов километров от студгородка, ответственность за карьеру молодого ученого была возложена на декана Альберта Уитерса. Так на кого же лучше сослаться? С одним из них нет никаких проблем, что до другого, то вступить с ним в контакт куда сложнее.

— Доктор Фриде, известный исследователь Солнца. Я поддерживаю с ним регулярную связь, а он сам сейчас как раз занят исследованием того феномена, свидетелями которого мы являемся.

— А что он говорит об этом негаданном взрыве на Солнце?

— М-м, возможно вы знаете, что сейчас доктор занимается исследованием Солнца, будучи в непосредственной близости от него. С момента взрыва я не могу связаться с ним из-за всех этих помех...

— Помехи по большей части закончились, — холодно сказал Джеймисон.

— Но остается фронт заряженных частиц, который сейчас лежит между Землей и его кораблем, и он может...

Султана подалась вперед, положив руку на колено По:

— Если доктор Фриде попал в водоворот волны, то есть основания бояться самого худшего. Я сомневаюсь, что он ожидал столкновения лицом к лицу с солнечными пятнами такого размера. Уверена, что доктор, конструируя корабль, не предполагал ничего подобного.

Джеймисон кивнул:

— Возможно, вы и правы, доктор Карр... Как я сказал, поверить вам — большое искушение для меня, ведь в этом случае я решу многие свои проблемы. Вместе с тем я сомневаюсь, что весь остальной мир, в особенности работающие предприятия, у которых имеются планы и клиентура, примут мою точку зрения. Вы просите людей на целых полтора дня верить своей жизни свежеиспеченному доктору наук и выпускнику, не защитившему еще диссертацию. Ребята, я думаю, это не пройдет.

— Но, — не сдавался По, — если есть хоть малейший шанс, что мы правы, подумайте, какого ущерба можно избежать.

— Молодой человек, я понял вас. Я свяжусь с институтом, переговорю с администрацией, и если они вас поддержат...

— Они... — с языка Моски было готово сорваться разочарованное «нет».

— Конечно, поддержат, — уверенно сказала Сули.

— ...тогда я поставлю на карту собственную репутацию. Хотя Управление орбитальной механики не имело дел с индустриальным и транспортным секторами индустрии, если не считать лицензирования комплексов, если я объясню падение спутников солнечным взрывом, меня могут выслушать.

— Спасибо, доктор Джеймисон, — глаза Султаны светились от радости.

— Не стоит благодарности, — ответил доктор, восторженно улыбаясь в ответ.

Пам!

Пам-м!

Пам!

Пам-м!

101-я автомагистраль, к югу от Солванга, США, 18.23 местного времени

«Дворники» на ветровом стекле работали в такт ударам сердца По, когда они вместе с Султаной катили обратно в Пасадену. Шел ливень.

— Как ты думаешь, что он будет делать? — спросил По Султану.

— Поговорит с деканом Уитерсом, конечно.

— А потом?

— Потом, По, я думаю, нам стоит начать искать себе работу. Ты же знаешь, что Уитерс выльет ушат грязи на доктора Фриде, выставит его положение в институте, научные труды и нынешний проект «Гипериона» в самом неприглядном свете. А после этого все наши доказательства не будут стоить и ломаного гроша.

Воцарилась тишина, прерываемая лишь мерным поскрипыванием «дворников».

— Ты знаешь, я думаю, что мы совершили тактическую ошибку, — вымолвил наконец По.

— Какую же?

— Мы пошли к этому парню из НАСА и заявили ему, что небо падает на землю. Неправильный подход. Нам следовало

сказать, что мы только что получили сигнал от доктора Фриде, и он говорит, что небо падает.

— Но он не... по крайней мере пока он так ничего и не сказал, — нахмурилась Сули. — Ты же пытался с ним связаться, так ведь?

— В ответ одни помехи, и никакого ответа на тех частотах, где доктор должен бы сейчас находиться.

— Меня это тревожит.

— Да, и меня тоже... Но это не то, что я хотел сказать. Я предпочел бы получить от него радиограмму.

— И, конечно, только ты, По, ее получишь? И никаких подтверждений, скажем, от других станций или университетских диспетчеров?

— Что-нибудь в этом роде, — неуверенно сказал По.

— Это будет сообщение, переданное морзянкой, и только? — продолжала Султана. — Или, скажем, ты получил от доктора и видеоизображение? А может быть, у тебя есть и записи исследования Солнца, подтверждающие максимальную солнечную активность, сделанные его аппаратурой? Только это может убедить людей, и, будь я доктором Фриде, только такое сообщение я бы послала на Землю. Где ты собираешься раздобыть подобное доказательство? И каким образом ты осуществишь этот подлог?

— Ну... не сам я и не сейчас. Я знаю нескольких настоящих кудесников из отдела компьютерной графики. Они могут сотворить такое, что даже искусственный интеллект попадется на удочку. Манипулируя отдельными электронами сигнала...

— А как же конспирация? Сколько людей ты собираешься привлечь? — Карр покачала головой. — Рано или поздно правда выплывет наружу, и нам с тобой больше никто никогда не поверит, а нам еще жить и жить.

— Это стоит того, если люди вострепнутся и вовремя подготовятся к магнитной буре!

— Но и это может не сработать. Нет, мы сделали все, что могли. Сообщили свое заключение самому высокопоставленному чиновнику, до которого смогли добраться. Теперь для больших людей наступило время действий.

— А может быть, и нет, — ответил По горько.

— Выбор за ними.

В машине вновь воцарилась тишина, прерываемая лишь шумом дождя да скрипом «дворников» по стеклу.

— Так что мы просто едем домой и убираем сабли в ножны, — подытожил Моска.

— Нет! Мы едем домой и собираем друзей. Мы будем наблюдать, делать записи и документировать все происходящее. Мы напишем историю взрыва — твои наблюдения через телескоп, гипотезы и предположения доктора Фриде и все доказательства, которые сумеем собрать. А затем мы сделаем доклад для научного сообщества.

— Ну и к чему весь этот шум?

Султана Карр грустно смотрела в окно:

— А к тому, По, что слышал ли ты когда-нибудь о солнечных пятнах, появлявшихся поодиночке или всего лишь одной парой? Я — нет. Всегда только циклы и волны пятен.

Часть пятая

ЧЕРЕЗ СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Сколь велики творенья твои,
О Бог, не знающий равных,
Наделенный чудесною силой!
С любовью и светом
Ты создал Землю, пребывая един.
Все сущее: люди и твари,
В горах и долинах
Все есмь создання твои.
Ты сотворил чужеземные страны
Сирию, Куш... явил к жизни Египет,
Место всему указав и обеспечив
насушным.

*Из «Гимна Солнцу»
фараона Эхнатона*

Глава 22

«МЫ ПРОДОЛЖИМ СЛУЖБУ...»

Шаг

Шаг

Шаг

Бег

Пересадочная станция Коннор, 22 марта, 9.31 единого времени

Зал ожидания на многорежимной пересадочной станции Коннор напоминал огромный копошащийся муравейник или одиноко стоящий в степи дуб, на ста девяносто девяти ветках которого безуспешно пытались рассестся две сотни скворцов. Люди слонялись из угла в угол, подпирали стены или убивали время, кучкуясь небольшими группками.

Если бы Дмитрий Урбанов не знал причину задержки, он бы предположил, что сбой в расписании связан с какой-то серьезной аварией: возможное столкновение кораблей где-то неподалеку или скоординированный, кибернетический выход из строя стыковочных узлов станции.

Как бы то ни было, двадцатирублевая банкнота многозначительно перекочевала в руки кассира для выяснения истинной причины.

— Всю эту заварушку затеяли бюрократы, — сообщил молодой человек тихим голосом Урбанову. — НАСА, правительственная организация США, распространило сообщение о какой-то радиационной угрозе, наверняка являющееся плодом воображения ученых. Как бы то ни было, Европейское и Японское космические агентства, а следом и Байконур быстро среагировали и объявили немедленную посадку всех воздушных судов, находящихся в ту пору в небе. Это коснулось лунных рейсов, шаттлов, стратопланов. До меня дошли слухи, что чрезвычайное положение продлится от одного до трех дней, но точно никто ничего сказать не может.

Еще за десятку Урбанов узнал кое-что поинтереснее.

— Если хотите знать правду, то пассажирские авиакомпании и космические агентства отнеслись к предупреждению так серьезно лишь потому, что они — юридические лица. Я уверен, что все в порядке. Но если хоть кто-то пострадает во время этого якобы кризиса, то умный юрист сумеет обвинить компании в халатности и игнорировании официальных предупреждений. Так что все предпочитают остановить полеты и подождать сколько надо.

— Вы с этим не согласны? — спокойно заметил Урбанов.

Кассир пожал плечами.

— На станции остановлены практически все работы, не считая контроля за окружающей средой, подсветки района и нагнетания гравитации. Все киберы, все электростатические подъемники и большинство коммерческих и телекоммуникационных систем вырубались. И все же я не вижу иной причины, кроме страха перед авариями, которые могут быть как угодно интерпретированы хитрым законником.

Хитрым законником типа Дмитрия Осиповича Урбанова...

— Так что, — продолжал молодой человек, — на станции вы сумеете перекусить или выпить чашку кофе. Можете не спрашивать номер в гостинице, их все равно нет. Однако для такого щедрого джентльмена, как вы, мы постараемся что-нибудь придумать.

— Каким образом? — будничным тоном спросил Урбанов.

— К счастью, я знаю, где расположен склад, а так как я член пожарной команды, у меня есть ключ. Там вы найдете еду, стимуляторы, одеяла, в общем, все, что скрасит ваше пребывание здесь.

— Предположим, что я не хочу здесь оставаться?

— Простите, сэръ?

В руках у Дмитрия Урбанова появилась новая банкнота.

— Так если, по вашим словам, пребывание на Земле — пустячная формальность, — пробормотал еле слышно Урбанов, — вводимая исключительно в целях перестраховки руководства, то тогда вы должны знать тех, кто волен действовать как ему заблагорассудится. Частная яхта, к примеру, или одно из вспомогательных судов, связанных со стыковочными узлами, а? Нечто, способное, скажем, совершить прыжок на Луну?

На этот раз молодой человек тупо уставился на деньги.

Дмитрий Осипович прибавил к первой еще одну:

— У меня очень срочное дело на обратной стороне Луны, на станции Циолковского.

— Но... это и впрямь может оказаться опасным, — медленно произнес кассир. — Вы отдаете себе отчет?

— Так же, как и в том, что, если я до послезавтра не выполню одно поручение, это обернется большими неприятностями и для меня, и для тех, кого я представляю... Послушайте, это знак дружбы, — его пальцы перебирали банкноты. — Если вы найдете мне нужный корабль и пилота, я готов заплатить вам десять, нет, двадцать пять процентов от суммы, которую он запросит.

Молодой человек перебирал банкноты на ладони.

— Я посмотрю, что можно сделать, сэръ.

— Это все, что я прошу, — улыбнулся в ответ Урбанов.

Клик

Клик

Клик

Дззынь!

**На борту исследовательского космолета «Юла-3»,
22 марта, 9.54 единого времени**

Вращение корабля они не погасят. По крайней мере, первый помощник капитана дал это ясно понять собравшимся в корпусе «Д» пассажирам, которые, согласно его приказаниям, готовили космолет к надвигающейся буре.

— А почему нет? — спросил Питер Спивак, внимательно выслушав предложенную информацию.

— А потому, — ответил, наливаясь багровой краской, первый помощник капитана Джеймс Уиверн, — что нам хватит топлива лишь на одну раскрутку и одну остановку, ясно? После этого мы уходим в свободный полет, а до Марса еще ох как далеко. Теперь прикрой рот и слушай внимательно дальше.

Вопрос казался Питеру важным, поскольку он полагал, что большую часть работ, которые они выполняли, можно было бы сделать значительно быстрее и легче, если бы вращения не было. К примеру, такую: Питер и еще один пассажир по имени Финли втаскивали при помощи лебедок солнечные панели в трюм корпуса «А», являвшегося узлом стабильности отсеков корабля. Панели представляли собой полотнища из фотогальванической пленки, стянутые проводящими кабелями и обрамленные цепями-преобразователями. Управляясь с ними, Питер не раз вспоминал рассказ, в котором описывалось затаскивание грузов на китайскую джонку.

В корпусе имелись электрические моторы для привода лебедок, но он и Финли ворочали здоровенными рычагами, уменьшая гравитацию. Питер понял, в чем дело, едва попытавшись включить переносную рацию.

— Работы непочатый край, — поведал Питер Финли, решив немного поговорить в открытом эфире. — Жаль, что я ни на минуту не могу снять шлем и утереть пот с лица. Я становлюсь просто дураком.

— Я... ты... точно! — Это было все, что Спивак сумел услышать от напарника. Глядя, как открывается и закрывается рот за прозрачным стеклом шлема, Питер понимал, что Финли сказал гораздо больше, однако каналы связи уже заполнялись помехами от первых раскатов надвигающегося шторма.

Питер почувствовал неожиданную благодарность к дизайнерам корабля за то, что они поставили старую, работающую по вызову модель регулятора воздуха и не стали прибегать к новейшим достижениям типа электронной логики. Он сомневался, однако, в отношении температурных датчиков в климатических цепях корабля. Человек может умереть от теплового удара, а может и остаться в живых.

Двигая шкивом и талями в полутемном грузовом отсеке корпуса, Питер имел достаточно времени для размышлений над целым рядом вопросов.

К примеру, почему квадратные километры фотогальванической пленки могут пострадать от магнитных волн, когда они натянуты над пятью вращающимися корпусами, а когда лежат в трюме свернутыми — нет. Разве керамическая и углеродно-волоконистая оболочка корабля сумеют защитить от магнитного поля? А изолированные кабели будут по-прежнему связывать панели с большими параллельными цепями, даже будучи замкнутыми на себя, разве не так? Это тоже были вопросы, относительно которых Питеру Спиваку следовало «прикрыть рот и слу-

шать дальше». Все, что ему нужно было знать, так это как пришвартовать вверенный Уиверном груз.

Еще один вопрос, который занимал Питера, касался того, что собирается делать экипаж после того, как облако быстро движущихся ионов пройдет через «Юлу». В настоящий момент капитан и первый помощник отключали все системы корабля. Что будет, когда их снова попытаются запустить после бури и вдруг обнаружат, что те перегорели? Может быть, стоит поддерживать небольшую часть напряжения во время шторма? Разве сыграет какую-нибудь роль тот факт, что единственный ток, проходящий через силиконовые пути, будет поступать из случайных внешних полей, а не от основного источника? Может быть, у функционирующих систем больше шансов устоять? Разве поможет то, что все системы вернутся в состояние элементарных схем, моделирующих реакцию электронов на различные воздействия?

Питер Спивак был геоученым и специалистом по тектонике, а не электриком. Он не мог дать ответы на поставленные себе вопросы. Вероятно, единственное, на что он способен в этом путешествии, так это вращать дурацкую лебедку. Возможно, физический труд избавит его от размышлений и успокоит мятущийся ум. Если так, то помощник капитана оказался весьма мудрым.

Если бы это сработало.

Двести...

Четыреста...

Шестьсот...

Восемьсот...

Пересадочная станция «Коннор», 10.19 единого времени

Бумажные банкноты, старомодные, но столь незаменимые в подобных случаях, Урбанов вложил в руку Майкла Уорски. Рука пилота не блистала чистотой. Ногти были черными от грязи, а на запястье виднелась большая царапина. У Уорски было квадратное лицо, заросшее густой черной щетиной. Он напоминал старого поляка из тех частей Польши, которые Российская Империя так и не удосужилась отдать Содружеству.

Незаменимый кассир Уильям Блэйр, стоя рядом с Урбановым, наблюдал за передачей денег, подсчитывая банкноты, переходившие из рук в руки.

Когда счет пошел за тысячу двести, темные круги под свет-

до-голубыми глазами пилота, выдававшие его сильное переутомление, стали хищно подергиваться.

На тринадцатой купюре Урбанов остановился с таким выражением лица, как будто отдал последние деньги.

— Этого более чем достаточно, — заметил юрист.

Уорски пожал плечами:

— Вы все равно отправляетесь на обратную сторону. Там работать легко.

— Это честная цена, — возразил Блэйр.

— А где корабль?

Пилот кивнул в сторону проема в стене рядом с люком, предназначенным для прохода людей. Урбанов подошел поближе и посмотрел внутрь. В конце зала он увидел нечто, напоминающее паука, у которого из восьми ног осталось четыре. Шарообразный корпус заканчивался огромным раструбом для отработанных продуктов единственной реактивной камеры сгорания. К толстому металлическому концу в нижней части были приделаны держатели, оканчивающиеся огромными клешнями. Прямо над головой паука виднелся небольшой маячок. В его тусклом свете Урбанов заметил, что в кабине лишь одно кресло.

— Я доберусь на этом до Луны?

— Без проблем. Туда и обратно и никакого груза, — ответил пилот.

— Это наш буксир, мистер Урбанов, — объяснил Блэйр. — У двигателя достаточно мощности, чтобы вывести практически всю станцию на орбиту.

— Условия размещения?

— Я за рулем. Вы спите в шлюзе.

— Сплю?

— Мне придется погрузить вас в сон, иначе вы заберете слишком много воздуха.

— Система подачи воздуха, — счел нужным снова вмешаться кассир, — рассчитана на одного человека. Но не волнуйтесь. Мы дадим вам порцию «Сладкой мечты», и вы весь полет проспите как убитый.

— Но это же запрещенный наркотик!

— Я же сказал: не волнуйтесь. Вы проснетесь уже на месте, готовый справиться с целой хоккейной командой. Или... вам придется провести два-три дня с остальными пассажирами.

— Когда мы отправляемся? — осведомился Урбанов.

— Как только вышка даст разрешение.

— Но я думал... — юрист снова повернулся к Блэйру.

— Мы изобретаем небольшое происшествие. Один из наших

шаттлов до точки Лагранжа, под названием «Принцесса Дакара», передаст сообщение о скорой потере орбиты. Тогда Майклу придется вылететь и исправить положение дел. Есть буря или нет, но правление не допустит, чтобы одно из главных вложений капитала болталось неизвестно где. Но как только Уорски вылетает из шлюза, он направляется к Луне, и его никто не сможет остановить.

— Но если он по моему наущению нарушит свой долг...

Блэйр вытаращил глаза:

— Вы что, не поняли? Я кое-кого знаю из экипажа «Принцессы». Все пройдет как надо, и я гарантирую, что по возвращении к вам никто не пристанет с ненужными расспросами. Но пусть даже и так; тогда вас накачали наркотиками, вы спали и ничего не помните. Короче, вы летите или нет?

— Да-да... конечно, лечу, — несмотря на окончательное решение, Урбанова по-прежнему грызла совесть по поводу незаконности сего дела. В конце концов, он работник российского народного суда и будет обязан отвечать правдиво на вопросы дознания. Конечно, сомнения не могли его остановить, но все-таки они были.

Блэйр протянул руку:

— Мои коммиссионные?

— Безусловно. — Урбанов заплатил оговоренную сумму.

При передаче денег юрист почувствовал укол в тыльную часть ладони.

— «Сладкая мечта», — произнес густым басом Уорски.

Искра

Вспышка

Искра

Пламя

**Борт исследовательского космолета «Юла-3»,
10.35 единого времени**

— Эй, парни! Быстро по каютам! — прокричал, стоя в дверях кабины Б-9, первый помощник капитана Джеймс Уиверн. — Свяжите их этими штуками и ничего не трогайте! — С этими словами Уиверн бросил в проход пригоршню красновато-коричневых колец, напоминавших по виду пончики.

Спивак попытался, пока кольца летели, подсчитать их, заметил, что колец четное число, и пересчитал их еще раз по приземлении. Их оказалось десять.

— Для чего они? — спросил Питер, но Уиверн уже шагнул по коридору.

Портер, один из четырех его сотоварищей, поднял кольцо и сжал в руке.

— Похоже на резину.

— Это изолятор, — сказал постоянный член экипажа Норт. — Проденете сквозь кольцо ленты вашей койки и зацепите за крюк.

— Для чего я должен это делать? — спросил Питер.

— Парень, — ухмыльнулся Норт, — попробуй коснись крюка.

Раздался треск, от металла отскочила яркая искра и ударились в каблук ботинка Питера. Спивак почувствовал, как дрожь пробежала от пальца к плечу, будто по нему пустили заряд тока.

Норт показал рукой туда, где покрытый пластиком пол соприкасался со стальными ножками стола:

— В следующий раз будь поосторожнее.

— Я понял, — покраснел Питер.

— На переборках и киле накапливается мощнейший заряд.

Все соприкасающиеся с ними металлические части, например основа палубы или крепление для этого крюка, будут проводить ток как в открытой цепи. Так что веди себя осмотрительнее.

— Ясно.

Все остальные быстро прикрепили ленты, стараясь не наступать на стальные полосы в полу, и забрались в койки.

— И сколько мы так будем лежать? — спросил Портер.

— А у тебя что, свиданка? — рассмеялся Норт.

— Подумал о мочевом пузыре.

— Ну... лучше позаботься о нем сейчас.

Портер спустил ноги вниз и двинулся к двери.

— И помни, — крикнул вслед Норт, — моча соленая, а урильник в основном сделан из металла. Так что целься прямо в центр, а не в бок.

Клик!

Клик!

Клик!

БУММ!

На борту космического буксира «Сильная мышь», 11.09 единого времени

Майкл Уорски ругался, сидя за штурвалом, так, что его голос перекрывал рев единственного двигателя буксира. Бранясь во весь голос, пилот энергично работал руками, пытаясь сбить пламя.

Вся аппаратура вышла из строя.

В течение десяти минут он пытался завести этот проклятый двигатель. Уорски заправил смесь топлива с кислородом, последовательно попытался добиться воспламенения с горящей свечой и без нее. Он даже пошел на то, чтобы придать вращение кораблю при помощи верньерных тягловых двигателей, подставив реактивную камеру сгорания под действие солнечных лучей, надеясь, что жар Солнца заставит двигатель заработать. Но все оказалось без толку.

В конечном итоге буксир отнесло на пять километров от станции. Уорски не успел еще достигнуть первой лунной орбиты, как проклятый корабль самостоятельно включил двигатели.

Если что-то должно пойти наперекосяк, оно обязательно пойдет наперекосяк.

Уорски понимал, что ему предстоит долгий путь. Необходимо было взять поправку в 180 градусов на верный курс. Он попробовал манипулировать маневровыми двигателями, поддерживая при этом достигнутую тягу.

Но они отказали тоже.

Следующим шагом пилот попытался использовать верньерные двигатели. Однако топлива было мало, а корабль уже набрал немалую инерцию, и угол тяги сдвинулся не более чем на градус. От этого толку тоже не было.

Когда же он попытался выключить двигатель и положиться на инерцию нынешнего курса буксира, двигатель пошел вразнос.

Что оставалось делать теперь, когда вся автоматика отказала, а двигатель продолжал работать в полную силу? Уорски проконсультировался с компьютером. Новости были крайне неутешительными. Если тягу не удастся быстро погасить, корабль скоро сойдет с орбиты. Буксир не был предназначен для входа в земную атмосферу, и на нем не было жаропрочных слоев обшивки для быстрого прохождения верхних слоев. Они просто сгорят, и сам Господь Бог с сонмом маленьких ангелов не в силах будет помочь Майклу Уорски, если в течение десяти секунд пилот не выключит двигательную установку.

Уорски знал все, что он в состоянии сделать, будучи в рубке. Там находились переключатели, ключи к электрическим цепям и соленоиды — словом, те самые соединения, относительно слабобой устойчивости которых предупреждал последний бюллетень НАСА, и именно те механизмы, на которых удар кулака не действует. Если бы времени оказалось достаточно, тогда он мог

бы облачиться в скафандр и выйти в открытый космос через шлюз. Уорски знал, где снаружи располагаются рукоятки, повернув которые можно было перекрыть доступ топлива и положить конец безумной гонке. Увы, времени не было.

Поскольку кибер предупредил Майкла о скорой развязке, тот подумал о тысяче трехстах рублях, лежащих у него в кармане. Это составляло примерно девятьсот новых долларов, в которых он так нуждался. Ладно. Как говорили в его семье: «С ветром пришло — с ветром уйдет».

Эти деньги... и этот русский в шлюзе!

Нет, Майкл Уорски совершенно не собирался корчиться от страха в опущенные ему двадцать две минуты. Он попадал в подобные передраги в прошлом, но еще никогда выбор решений не был столь ограничен. К тому же в первый раз рядом с Уорски был пассажир, о котором надо было заботиться. Такого в жизни Уорски еще не было.

Что делать? Попытаться разбудить русского, чтобы тот знал, что погибнет, и смог помолиться за свою душу? Или оставить его сонным и дать умереть самым простым и легким способом?

Если бы выбор был за Уорски, он знал бы, что делать. Узнать всю правду. Узнать, что произойдет. Удариться о стену со всего маху.

Но этот парень Урбанов выглядит мягкотелым. Привязан к Земле, и наверняка городской. Так что безболезненная смерть во сне может оказаться его сокровенным желанием.

Да будет так.

Кто знает? Может быть, ему в шлюзе удастся выжить во время входа в атмосферу, ведь там столько стали. Такое наверняка возможно. Если, конечно, не принимать во внимание жар и травмы при уменьшении ускорения, которые поджидают любого приближающегося к земной поверхности. К несчастью, парашют для буксира никто не удосужился придумать.

Но... хватит думать.

Уорски привел выключатель в порядок, перевел штурвал в центральное положение, выключил компьютер из сострадания к искусственному интеллекту и стал ждать. И лишь на пороге гибели, когда купол над головой раскалился докрасна, а куски обшивки устремились в атмосферу, он позволил себе в последний раз открыть рот:

— Пр-р-роклатье!

Глава 23

НАВЕДЕННЫЙ ТОК

Пит-Ривер 3

Оукфлэт

Керхов 2

Кингз-Ривер

**Компания «Пасифик энерджи», Сан-Франциско,
22 марта 2081 г., 6.05 местного времени**

Больше всего в работе диспетчера Управления контроля энергии Джорджу Меерсу нравилось наблюдать, как просыпается на рассвете Калифорния.

Штат вставал на его глазах, по крайней мере клиенты «Пасифик энерджи» уж точно. Меерс мог судить об этом по количеству гидроэлектростанций, приступающих к работе. Чем больше расположенных на вершинах Сьерра-Невады переносных станций включалось в работу, тем больше электричества поступало из системы на кофеварки и тостеры, видеозкраны и электробритвы, теплосмесители, установленные в душевых, и трансмиссии автомобилей. Когда люди собираются на службу или готовятся к выходу в свет, им, так или иначе, без электроэнергии не обойтись.

Круг обязанностей Меерса заключался в том, что он, надев на голову шлем, отслеживал, какое количество энергии выделяется «Сиднеем» — так звали в обиходе системного интегратора и исполнительного диспетчера сети — на нужды клиентов. В силиконовые протоколы искусственного интеллекта были заложены цены, включая стоимость работы, вложенный капитал и дополнительные расходы на каждую подстанцию, принадлежавшую компании, а именно атомные, теплоэлектростанции и около шестидесяти гидротурбин. Помимо всего прочего, в оперативной памяти «Сидней» хранил все сделки, предлагаемые за последние сутки другими поставщиками электроэнергии. В его задачу входило отыскивать среди огромной массы информации наиболее дешевые, отвечающие растущим человеческим потребностям энергоносители. Благодаря этому компании удавалось удерживать цены на электричество, действуя, как говорилось в рекламных буклетах, «на благо народа».

Однако отслеживание графика получения электроэнергии не являлось основной задачей диспетчера.

Большинству людей просто невдомек, что главное в работе диспетчера, когда ты следишь за проходящим потоком электро-

энергии, заключается вовсе не в том, откуда она поступает, а в том, куда идет. Поток электронов всегда знает направление, и у него должна быть станция назначения, место, где электроэнергия могла бы совершить какое-либо действие: скажем, подогреть инфракрасный элемент, или войти в электрическую цепь, или привести в действие мотор. В конечном итоге энергия попадала в землю, эту бездонную пропасть, поглощающую несметные объемы электричества.

Генератор способен только создать потенциал для потока электронов. Энергизованные платы топливного отсека или магниты вращающегося ротора лишь создают условия, при которых поток может ожить и отправиться в путь — если, конечно, где-то на линии его поджидает потребитель.

Поэтому если бы люди не включали свет и не заводили по утрам машины и автобусы, если бы они не пользовались днем компьютерами и кондиционерами, то электричеству было бы некуда течь. Заряд накапливался бы до тех пор, пока усиливающаяся жара не разметала бы обшивку. Роторы турбин вращались бы все быстрее и быстрее, пока не разлетелись на части из-за угловой скорости.

Диспетчеры-ветераны любили говаривать, что пятьдесят тысяч километров линий высокого напряжения — все эти многожильные алюминиевые кабели и новые каналы из замороженной керамики, протянутые через всю Калифорнию, словно лягушачьи перепонки, — образуют свое собственное царство. Даже если все до единого выключат электроприборы и будут сидеть в темноте, электроэнергия будет продолжать течь. Джордж Меерс не мог в это поверить... ну, может быть, одна или две небольшие электростанции и будут по-прежнему подавать ток, но вся система на время замрет.

Поэтому еще одной функцией «Сиднея» являлся контроль за потоком электронов по промежуточным звеньям и направление его к потребителям. При осуществлении данной функции «Сидней» опирался на взаимоувязанную сеть пакетных серверов и обладающих искусственным интеллектом локальных ЭВМ с релейными сетями широкого и узкого пользования, управляемых прерывателей для защиты системы, располагавшихся между головными пятисоткиловольтовыми сетями и параллельно текущими линиями более низкого напряжения — 230, 120 киловольт — и ряда других систем. Вся соль в том, чтобы найти кратчайший путь к потребителю и дать ток.

Когда «Сидней» занимался всем этим, Меерс иногда чувствовал себя просто дураком. Он знал, что когда-то давно, более

ста лет назад, функции диспетчера выполняли люди. Компьютеры, конечно, помогали им, но принятие решений оставалось за человеком: использовать ли собственные электростанции компании или купить энергию на стороне. Ориентируясь на скорость ветра и погодные условия, диспетчеры решали, по каким линиям дать ток, чтобы избежать перегрева и выхода из строя алюминиевых проводников, как устранить неисправность в цепи, чтобы ток снова пошел к потребителям, какую дополнительную прибыль можно получить на внешнем рынке, если в запасе имеется и топливо, и электростанции.

Да, когда-то всем этим ведали люди.

А сегодня... сегодня диспетчеры только наблюдали за калейдоскопом принятых на основе изученных данных решений, которые представлял «Сидней». Порой цифры и названия станций мелькали с такой частотой, что Джордж Меерс даже не успевал их прочесть. Так кто кого все-таки контролирует?

Однако сейчас было еще только половина седьмого. Наступал выходной день, и большая часть потенциальных потребителей мирно почивали. «Сидней» выглядел озабоченным, и перед глазами Джорджа то и дело вспыхивали названия ГЭС и их потенциальная мощность, внимательно изучаемая машиной. Самое время переговорить с компьютером. Когда поток был небольшим, у «Сиднея» часто оказывалась свободная память для устных разговоров с наблюдателями.

— Привет, «Сид». Видел утреннее предупреждение? — Мускулами лица Меерс перегнал четыре строчки справочного текста в поле правого глаза.

— Конечно, видел, Джордж, — ответил ему компьютер. — Информация поступила от кибера правового отдела, не так ли?

— Вообще-то нет. Я получил копию из отдела электрических операций. А ты уверен, что мы имеем в виду одно и то же сообщение?

— Сообщение от двадцати двух ноль-ноль вчерашнего дня. Цитирую: «Согласно информации Национального управления по авиации и исследованию космического пространства, Земля в течение ближайших тридцати часов подвергнется бомбардировке значительным количеством свободных ионов из открытого космоса. НАСА информирует нас о том, что данное облако заряженных частиц обладает потенциалом для генерирования избыточного тока во всякой инфраструктуре, обладающей проводимостью. Однако в случае если данные обстоятельства окажутся для компании форс-мажорными, то подчиниться предупреждению следует лишь после выполнения основных и

второстепенных контрактов на поставку из текущего расписания». Конец цитаты.

— Все то же самое, — подтвердил Меерс. — За исключением последней части. В моей версии сообщается, что к предупреждению следует отнестись более чем серьезно и при первых же нарушениях свернуть работу.

— Тогда возникает конфликтная ситуация, — ответил озабоченно «Сидней».

— Ну а что твои внутренние протоколы сообщают по поводу избыточного тока?

— Защитная система работает в соответствии с ее дизайном. При первом же сигнале переполнения, откуда бы он ни поступил, я разомкну цепь и переадресую ток в свободные системы.

— И это все? — удивленно спросил Меерс.

— Это все, что может быть.

— Я понял. То есть ты совершенно не волнуешься по поводу возникновения избыточного тока? Я когда-то читал, что мощные ионные взрывы между поясами Ван-Аллена способны изменить геомагнитное поле Земли, что, в свою очередь, негативно скажется на энергосистеме...

— В мою конструкцию не заложены феномены открытого космоса, — холодно заметил «Сидней». — Тебе следует знать, Джордж, что мои протоколы дают мне инструкцию выполнять указания правового отдела во всех вопросах, связанных с исполнением контрактов. Поставка электроэнергии как раз и является предметом контрактов.

— Понял тебя, — Меерс быстро терял интерес к разговору. — Спасибо за информацию. Я теперь вздохну свободнее.

— Был рад сообщить тебе это, Джордж.

Клак!

Клак!

Клак!

КРААК!

**Подстанция «Вака-Диксон», округ Солано,
штат Калифорния, 18.12 местного времени**

Техник-смотритель Питер Соркин подбежал к пульту, едва услышав один из этих необычных шелчков, напоминавших звук вышедшего из строя автоматического запирающего устройства.

Соркин стал волноваться и прислушиваться к необычным звукам, когда, заступая в полночь на вахту, увидел предупрежде-

ние из отдела операций. Порой Питер брал на себя смелость не соглашаться с инженерами из Сан-Франциско, считая их треволнения надуманными, но коль скоро их страхи подкреплялись предупреждением из организации типа НАСА, Соркин навострил глаза и уши.

Щелчки на пульте, когда Питер добежал до него, еще полбеда. Соркина встретил целый град искр величиной с мизинец. От приборов отскакивали молнии ослепительно голубого цвета. Наверняка контакты оголились, и персоналу станции придется изрядно потрудиться.

Прикрывая глаза рукой в перчатке и надвинув на глаза шляпу, Соркин взглянул на приборную панель повнимательнее. Все двадцать четыре переключателя замкнуло одновременно, и искры сыпались со страшной силой.

Нет, пожалуй, не все. Некоторые уже замкнули петлю, и это было хуже всего. Находящийся в них металл разогревался до состояния проводимости, разрушая встроенную систему защиты от перегрузок. Рукоятки переключателей из темно-серых успели превратиться в пурпурно-голубые и продолжали разогреваться до вишнево-красных. К несчастью для всей передающей системы, покрытие переключателей было выполнено из более толстого и тяжелого металла, чем любой проводник на линии. Такие участки будут разогреваться и держаться вместе до тех пор, пока не расплавится где-либо кабель или не разлетится на куски потерявшая стабильность сверхпроводящая керамика.

Соркин так и не сумел навести хотя бы подобие порядка в этой массе сверкающих кругов. Что случилось с этим проклятым переключателем серверов?

Соркин рванулся к АТС, как сокращенно назывался административный терминал сети. Он представлял собой черный ящик, приделанный к подножию трансформатора на главной пятисоткиловольтовой линии. Техник вскрыл крышку и посмотрел показания диодной решетки.

Полное сумасшествие! Сервер точно бился в истерике. Слева направо ползли похожие на лепет деревенского дурачка бессмысленные цифры, буквы, а то и просто полустертые знаки. Соркину не пришлось долго искать причину. Черный ящик располагался у подножия вышки, поскольку сервер получал питание напрямую от основной цепи. Наверняка напряжение пробилось через буферы, трансформаторы и вспомогательные системы, однако кибер продолжал работать с той же системой, какую был призван охранять.

Нет ничего хуже, если один из случайно возникших токов, о которых предупреждали эксперты из отдела операций, пробился в ящик. Это значит, что поток прожег фильтры и расстроил искусственный интеллект сервера.

Питер Соркин был техником-смотрителем, а это значило, что он умел управляться с приборами на вышке, конденсаторами, проводниками, струнными изоляторами и холодной керамикой. Питер не был кибертехником и никогда не надеялся стать им. Так что, по его мнению, при неисправностях электроники следовало звонить наверх. Техник развернулся и побежал в кабинет.

Как хорошо, что компания «Пасифик энерджи» использовала стекловолоконную сеть передачи данных для своих нужд. Пусть даже она и проходила вместе с линиями электропередачи компании, но волоконная оптика не страдала от действия избыточного тока. Система была установлена одновременно с подключением первой версии «Сидней», поскольку киберу не нравилось заниматься борьбой за приоритет в очередях на узлах станций общего пользования. Учитывая сбой, происшедший вчера с передачей данных по лучу, Соркин понял, что эти волоконные линии сегодня просто-напросто спасут компанию.

— Контроль энергии слушает, — донесся до Питера голос, ясный, как будто абонент находился в соседней комнате.

— Говорит Питер Соркин с Вака-Диксона. Кто вы?

— М-м, это Джордж Меерс, начальник смены. Пит, мы тут немного заняты...

— Ну естественно. Ваш «Сидней» слегка съехал с рельсов, и вы не знаете, как наставить его на путь истинный. Я прав?

— Я бы не сказал «съехал с рельсов», он просто... не очень хорошо выполняет свои обязанности, вот и все.

— Рад за вас. У нас творится полная чертовщина. Запиратели работают вслепую, а половина из них просто замкнулась. Хочу узнать от вас, что мне теперь делать.

— Я...

— Джордж, поторопись. Пока ты ждешь, у меня сгорит проводник.

— Мне надо проконсультироваться с «Сиднеем».

Повисла долгая пауза. Соркин прижал голову к окну и увидел, как кусок горячей обмотки плавно спланировал на песок.

— П-Пит? — Голос Меерса был неузнаваем.

— Слушаю тебя, Джордж.

— Сид велит тебе отрубить АТС.

— Отрубить?

— Выбить ему мозги. Лучше всего каким-нибудь тупым и не проводящим ток инструментом.

— Понял тебя, действую.

Соркин повесил трубку. Распахнув ногой дверь, он подбежал к шкафчику. Наружу полетели дождевик, пара ботинок, хорошие брюки, хранившиеся на случай визитов высокопоставленных гостей, вакуумная упаковка индюшачьих ножек, оставшихся нетронутыми со времени последнего пикника, а также отчеты и счета за последний месяц, о которых Соркину даже не хотелось вспоминать. Питер методично швырял вещи, добираясь до самого низа. В конце концов, в самом дальнем углу он нашел то, что искал: дубинку, которую его ребята использовали в прошлом году для игры в банки. Не то чтобы она совсем не проводила ток, поскольку сделана была из алюминия, усиленного свинцом и кусками пластика, однако рукоять была резиновой. С верхней полки Соркин прихватил также солнцезащитные очки.

Держа дубинку за рукоять, Питер поспешил обратно во двор.

— Питер, что случилось? — позвал бегущего Соркина Дэвид Кнелл, который только что приехал на патрульном джипе и любовался нечаянным фейерверком.

Искры, молнии, огненные стрелы так и сыпались в разные стороны. Некоторые запиратели уже нагрелись до темно-красного цвета, напоминая жаренные на гриле сосиски. В густом голубом воздухе пахло озоном и плавящимся металлом.

— Смотри на меня, Дэйв! — дружелюбно откликнулся Соркин, подбегая к основанию первой вышки, где располагался черный ящик.

На всякий случай Питер проверил, тем ли концом он держит дубинку, потом занес руку назад, коснувшись дубинкой левого плеча. Размахнувшись что было силы, ударил по искрящейся коробке.

БАММ!

Удар пробил твердое покрытие из углеродных волокон, защищавшее АТС от внешних воздействий. Терминал съехал вбок.

— Какой удар! — воскликнул Кнелл.

Однако двор по-прежнему был охвачен беспорядком, и терминал продолжал искриться.

Соркин видел, что терминал, как и раньше, соединен с гнездом проводов и продолжает проталкивать соленоиды. Размах — и новый удар обрушился на злополучный ящик.

БУММ!

Корпус ящика треснул, и два провода зазмеились живыми углями по земле.

Соркин ударил еще раз.

БУ-БУММ!

Третий удар пришелся в самую сердцевину блока. Зеленые с золотом платы и керамические микропроцессоры разлетелись в разные стороны, подобно жареным орешкам.

Искрение прекратилось.

— Ур-раа! — закричал восторженно Дэйв Кнелл. Ему вторил только что приехавший на дневную вахту Чарли Доббс.

Не обращая внимания на крикунов, Соркин поднял голову и принялся изучать висевшие над полем провода и мачты столбов. Большинство запирателей висели открытыми, и это было хорошо. Некоторые успели затвердеть, что тоже не представляло особой проблемы. Однако по меньшей мере два из них, на фазах В и С киловольтовой цепи, были закрыты. Если Соркин и его группа не сумеют что-либо сделать с ними, возможна миграция фазы А, что приведет к воспламенению всего блока.

— Нам надо их открыть, — сказал Соркин, указывая на запиратели.

— Но чем? — спросил встревоженный Доббс.

Питер показал на дубинку.

— Да ты просто убьешь себя, и все на этом кончится, — сказал Соркину Кнелл.

— Да, ты прав. — Питер бросил дубинку на песок и огляделся по сторонам. — А у нас есть «огненные палочки»?

«Огненные палочки» представляли собой изолированные стекловолоконные шесты с кармашками для разных инструментов. Чем длиннее был шест, тем с большим напряжением мог работать ремонтник, не вызывая при этом вспышки.

— Да, — усмехаясь, сказал Кнелл, — но только для пятисотвольтовок мы используем обычно такой, что можно дотянуться до соседнего округа. Это даже не шест, а скорее кнут с утолщением на конце.

— Ладно, а что предлагаете вы?

— Сбить всю мачту, — предложил Доббс. — Эффект будет что надо.

— Как же ты собираешься сделать это? — спросил недоуменно Кнелл. — У тебя что, есть в запасе пластиковые кошки?

— Нет, но пластиковая взрывчатка в моем грузовичке найдется.

— Надеюсь, это никак не связано с компанией? — быстро спросил Соркин, похолодевший при мысли, что кто-то из его

людей мог забыть о подписке, запрещавшей работу со взрывчатыми веществами. Иначе Питеру предстоит долго и мучительно объясняться с компанией.

— Нет, просто мой двоюродный брат служил на военно-воздушной базе. Черный рынок в Танжере и все такое прочее. Я купил немного, чтобы заняться подрывными работами у себя на ранчо.

— Ты умеешь с ней обращаться? — не отступал Соркин.

— Я был бы круглым дураком, если бы не умел это делать.

— Детонаторы есть?

— Нам хватит.

— Ладно. — Соркин вытер лоб сначала одним рукавом, затем другим. — Чарли, это не совсем обычное дело, и ты никогда бы от меня не услышал: как будет здорово, если ты сумеешь подложить полкилограммчика взрывчатки вон под ту опору, — Соркин показал на северо-западную. — И под ту, — добавил он, указывая на юго-восток. — Этого будет вполне достаточно, чтобы все разлетелось вдребезги. Ты уверен, что сможешь сделать это и до конца жизни держать язык за зубами?

Доббс обнажил в улыбке зубы:

— Будьте уверены, шеф.

— Тогда вперед.

Соркин и Кнелл отправились вместе с Доббсом к грузовику и помогли ему разгрузить машину, набитую разного рода барахлом. На самом дне лежала зеленая матерчатая сумка. Внутри, завернутое в восковую бумагу и напоминавшее мягкий белый сыр, лежало взрывчатое вещество. В конвертике рядом — детонаторы толщиной с карандаш, от каждого из них тянулись по два толстых коротких проводка, один красного цвета, другой — черного.

— Ну и что нам теперь делать? — спросил Кнелл.

— Ну... — Доббс задумался на минуту. — Вы, парни, скатайте по колбаске длиной десять-двенадцать миллиметров и сантиметр в диаметре. Затем аккуратно прилепите к главной опоре или к тому месту, которое вам понравится. Оставьте небольшой зазор и вставьте туда карандаш. Я в это время пойду поищу какой-нибудь легкий провод и девятивольтовый элемент.

За пять минут Кнелл и Соркин скатали колбаски и установили детонаторы. Вернувшийся Доббс одобрил их работу и связал концы телефонного провода со шнурами детонаторов. В руке он держал импульсную лампу.

— Надеюсь, ты уже занимался этим раньше? — спросил его Соркин.

— Нет, — медленно ответил Доббс, — но по крайней мере мой брат показывал мне, как это делается.

— Великолепно!

Разматывая шнур, дружная троица повернула за угол здания и улеглась на землю. Доббс отвинтил крышку и вытащил линзы, оголив контакты.

— Надо ли прокричать чего-нибудь? — спросил Чарли у остальных, подводя концы провода к батарее.

— Молись, чтобы аудиторы никогда не узнали об этом.

Доббс прижал провода. Остальные инстинктивно прижались к земле, а Кнелл еще и закрыл ладонями уши.

БА-БАХ!

Звук был лишь немного громче того, который раздавался, когда Соркин забивал терминал до смерти. Мужчины выглянули из-за угла. Опора с перепутанными проводами по-прежнему стояла на месте.

Доббс едва успел открыть рот, чтобы выругаться, как стальная рама сначала медленно, а потом все быстрее стала оседать, распавшись в воздухе на две половины. Закрытые переключатели, заискрившись, раскрылись. Металлические части с грохотом рухнули оземь. Дождь искр прекратился.

Соркин целую минуту созерцал сцену разгрома.

— Думаю, стоит позвонить в Контроль энергии, — вымолвил он наконец.

500 киловольт

230 киловольт

120 киловольт

60 киловольт

**Управление контроля энергии, Сан-Франциско,
18.27 местного времени**

Один за другим на цветной карте вспыхивали линии высокого напряжения, единственное, что могло иметь для Меерса хоть какую-то значимость.

Меерс совершенно не желал спрашивать «Сиднея», каким образом ему удастся отображать работающие и вышедшие из строя линии, раз он потерял над ними всякий контроль. Возможно, что и карта совершенно неправильная, хотя Меерса это тоже мало трогало.

Когда с подстанции в Сакраменто позвонил этот парень Соркин, «Сидней» еще только-только выяснял, насколько кибер отрезан от остального мира. Предложение кибера вручную отключить сервер казалось невероятным, однако «Сиднею» удава-

лось сохранять подобие рассудка, даже когда вся электроника походила с ума.

Джордж Меерс уже успел позвонить на остальные подстанции, услышать от них сообщения о фейерверках и вспышках, а также сообщить им о необходимости отключить местные датчики-серверы.

Меерс немедленно поднял на ноги своего помощника Лео Брасселса, наслаждавшегося кофе в соседней комнате.

— «Сидней» хочет, чтобы мы открывали и закрывали цепи вручную, — объяснил помощнику Меерс.

— Господи! — простонал Брасселс. — Да ведь с девяностых годов прошлого века этим никто не занимался.

— Ничем не могу тебе помочь. Надевай экраны и берись за телефон. Будешь работать с югом, а я с севером.

Вскоре он и Брасселс уже инструктировали техников, какие переключатели следует открыть, когда длинным изолированным шестом, а когда и динамитом, а какие надо оставить закрытыми, пусть даже фаза искрилась и гудела от напряжения. «Сидней» по голосовой связи руководил действиями операторов, а когда Джордж или Лео оказывались в замешательстве, то перед их глазами загорались соответствующие линии. Метод взаимодействия напоминал обучение танцам медведя, но дело тем не менее шло.

Один за другим им удалось погасить выработку тока электростанциями, закрыть узлы распределения нагрузки и изолировать те дистанции проводов и керамических проводников, которые вели себя наиболее скверно. Целые группы клиентов компании лишились тока, и правовому отделу придется выплатить целую кучу денег, когда настанет понедельник. В то же время удалось спасти от загорания целые километры дальних проводников, хотя работы хватит аж до Четвертого июля¹.

— Так что сказали эти парни по поводу того, сколько будет длиться этот шторм? — спросил Брасселс у Меерса, когда им выпала свободная минутка.

— Ничего не сказали. Однако, по данным НАСА, шторм продлится часов тридцать. Так что считай сам.

— Тогда... тогда нам надо еще кофе, шеф. Да и без помощников не обойтись.

— Да, ты прав. Я свяжусь с руководством.

¹ Четвертое июля — День независимости США.

Глава 24

ШТОПОР

504 км/ч

506 км/ч

509 км/ч

513 км/ч

Округ Уоллер, штат Техас, 22 марта 2081 г.,
8.13 местного времени

По мере того как «Одинокая звезда» набирала скорость на залитых рекой Бразос равнинах между Остином и Хьюстоном, единственными звуками, доносившимися до инженера Говарда Сейджа, были ровный гул ветра да жужжание трансформаторов. И никакого тебе стука колес по стальным рельсам и дробного вздрагивания на перегонах.

Под его поездом не было ни колес, ни рельсов.

Секретом ускорения и постоянного движения поезда являлась магнитная левитация. Состав из двадцати одного вагона, который было принято называть ныне плывущим, что очень нравилось самому Сейджу, скользил по дорожке чередующихся северных и южных электромагнитов, которые сообщали поступательное движение. Другие магниты, установленные по краям, предохраняли вагоны от шатания из стороны в сторону. Когда система полностью наполнялась энергией, движением состава занимались лишь контактные полозья каждого из вагонов, которые, двигаясь вдоль электроцепи, забирали ток высокого напряжения для левитационных полозьев, контрольных цепей, света, систем кондиционирования, холодильников для бара и вагона-ресторана и прочих аксессуаров.

За счет череды полярностей, установленных на дорожке магнитов, система вызывала движение полозьев от одного магнита к другому подобно тому, как скручиваются полюса электромотора, за исключением того, что здесь шла непрерывная линия. Вагоны в буквальном смысле слова переступали с одного магнита на другой. Вот только «переступали» не слишком удачное слово, ведь при частой смене полярностей можно развить очень высокую скорость. Сейдж полагал, что скорость его состава ограничивают лишь сопротивление ветра да нагревание фюзеляжа от трения.

Суть контрольных протоколов заключалась в том, что помимо простых механизмов ускоренного изменения полярности для

развития максимальной скорости поезда система характеризовалась отсутствием кибернетической зависимости. Отсутствовали дополнительные петли для повышения напряженности магнитного поля с целью компенсации веса пассажиров и багажа. Система просто воспринимала постоянную нагрузку и в соответствии с ней двигалась по магнитному полю. На пути поезда отсутствовали датчики, считывавшие показатели скорости поезда и ускоряющие боковые магниты с целью компенсации крена. Поля просто отталкивали все вступающее в их зону действия с такой силой, что ее хватило бы на то, чтобы отбросить артиллерийский снаряд к месту ведения огня.

Уверенность и независимость — такими были идеалы конструкторов, помнивших тех, кто проектировал вагоны на заре появления железных дорог в США. И слава Богу, сказал бы Говард Сейдж. Хватит этого точно сбалансированного, манерного и крепкого искусственным интеллектом века, когда все находится на грани между приятным и пустым, начиная от телефонного аппарата и заканчивая чесночной колбасой. Здесь же была сила, и, возможно, именно такая философия создателей поезда спасла жизнь Говарду Сейджу и жизни более чем двум тысячам пассажиров, направлявшихся под его попечением в Хьюстон.

Когда головной вагон «провалился в дыру» — именно так описывал позднее Сейдж свои ощущения от разрушенного магнитного поля, — он привел в действие систему торможения. Таким образом, по бокам дорожки должен был включиться пульсирующий механизм скоростного замедления вращения магнитов. Затем изменение магнитного поля локомотива с севера на юг и опять на север растягивало магнитное поле самого состава и приводило к прекращению движения. Увеличение снижения скорости, как назвали бы этот процесс конструкторы.

Когда располагавшееся в трехстах метрах впереди второе магнитное поле также отказало, головной вагон просто свалился на дорожку. Бомм! Говард Сейдж хотел было сделать общее объявление для пассажиров, нечто вроде: «Говорит капитан. Ребята, у нас небольшая хреновина, но волноваться не из-за чего», — но такого он сказать не мог. Магнитно-левитационные поезда никогда не вели себя подобным образом, а руки инженера были слишком заняты и без микрофона.

Невидимые магнитные подушки под составом неожиданно пропали подобно выщербленным от времени камням на мощеных римских дорогах. Несущие полозья вагонов, эти узенькие, сделанные из углеродистой стали небольшие призмы, предназначенные лишь для того, чтобы поддерживать поезд на стоян-

ках, с лязгом и грохотом бились о бетон дорожки. Грохот стал напоминать удары молота по наковальне.

Сейдж напряженно работал с выключателями. Как только щелчок на дисплее показывал, что внутренние двери свободны, он поочередно отстегивал магнитные буферы между вагонами. Это шло вразрез с общепринятой в компании практикой, но Говард Сейдж знал, что делает.

Когда магнитный поток распадается подобным образом, создавая мертвые зоны в полях, поддерживающих состав, некоторые вагоны неизбежно будут двигаться быстрее остальных. В уме Сейдж представлял себе результат: часть вагонов столкнутся и упадут на равнину, стаскивая с дорожки и увлекая за собой остальной состав. Чтобы избежать этого, Сейдж пытался разбить состав на отдельные модули. Тогда некоторые из них могут сойти с пути, но того эффекта, когда весь состав сходит с рельсов, можно будет избежать.

Дисплей высвечивал для Сейджа результат операции. В составе образовались дыры. Вагоны, движущиеся более медленно, теряли скорость, и столкновений было немного, что было уже хорошо, поскольку замыкающие вагоны теряли скорость с каждым ударом по дорожке. Головные вагоны быстро отделялись друг от друга.

Теперь Сейджу оставалось лишь наблюдать за изменениями на экране, отсчитывать скорость и молиться, чтобы больше ничего не произошло.

Пятьсот километров в час, четыреста, триста, двести...

Километровые знаки мелькали все реже и реже. Стук по дорожке раздавался не так часто, хотя порой и громче. Говарда трясло как в лихорадке, а вагон продолжало бить. Сейджу пришлось в голову, что после этой поездки ребятам из компании «Мощь и путь» придется заменить пару километров бетона.

Сто пятьдесят, сто тридцать пять, сто пятнадцать, сто...

Скорость начала падать быстрее, когда сила инерции, то есть вес поезда, помноженный на скорость, пришла в сравнительное соответствие с тормозящим воздействием магнитных полей дорожки.

Семьдесят пять, пятьдесят, двадцать, десять...

Первый вагон, в котором находился Сейдж, уже двигался на предельно малой скорости. Если на большой скорости днище и полозья вагона бились о бетон, то теперь движение превратилось в тряску. В последнем усилии на дорожку окончательно опустилась задняя часть вагона, а затем и передняя. Проехав еще пару метров, вагон остановился подрагивая.

Через секунду в него ударил второй вагон. Возможно, его больше не удастся восстановить, подумал Сейдж. Дисплей мигнул и погас.

Сейдж знал, что на линии наверняка имеются пассажиры с переломами рук и ног, пробитыми головами, разбитыми коленями и локтями, с поврежденными легкими. Возможно даже, один или два человека скончались от сердечного приступа. Но все могло быть гораздо хуже, сказал себе Сейдж, если бы разбитые вагоны с людьми покатались по равнине. Ведь то же самое случается, когда на такой скорости падает летящий на малой высоте самолет, а разве магнитно-левитационный поезд на него не похож?

Сегодня утром Бог смилостивился над ними.

Удар

Вращение

Установка

Запирание

**Уитни-центр, округ Тулар, штат Калифорния,
22 марта 2081 г., 9.17 местного времени**

На глубине пять тысяч метров в гранитной толще гор Сьерра-Невады продолжался обычный процесс загрузки, покрытия и запуска керамических снарядов с грузами из зала сборки. В это же время наверху, находясь в своем кабинете и наблюдая за разворачивающимся действием, руководитель полетов Наоми Рао, управляющая пусковым комплексом космодрома Уитни, отчитывала одного из операторов ночной смены.

— Так что насчет «небольшой нестабильности»? — спросила она, показывая оператору план запусков на утро.

— Да то и есть, — не отводя глаз, спокойно ответил Стивен Гилед, — видеокамерой на высотах пять и шесть километров зафиксировано дрожание груза при прохождении. Это случилось, вообще говоря, дважды. Первый раз во время запуска в семь шестнадцать, и второй раз в семь сорок два.

— Сдвиг груза?

— Нет, это было больше похоже на однократный тяжелый удар внутри корпуса, по мере сообщения ускорения. Напоминает сдвиги в плазменном конверте. Вы можете посмотреть отчеты...

— Давай посмотрим, — кивнула Рао.

Она повернулась к одному из терминалов и извлекла архивные файлы по запускам. Правовой кибер центра сохранял файлы

в течение трех дней, а потом, если грузы достигали стабильной орбиты и никто не жаловался на разбитые вещи, выбрасывал их из памяти.

— Кто заказчик? — спросила Наоми. Компьютер мог, конечно, выдать ей все данные, но она предпочитала получать их устно от персонала.

— Компания «Мориссей биодизайнс», груз для их последней платформы на высоту в тысячу двести километров. Канистры на экране идентичны, груз и метод загрузки стандартные.

— Ладно.

Изображение на широком экране ожило, когда из катапульты вырвался первый керамический снаряд. Извергнув фиолетовое пламя, электрические дуги перебросили покрытие из алюминиевой крошки в проводящую плазму. Через мгновение горящее яйцо исчезло в черной дыре пустой трубы.

Сменяющиеся картинки показывали прохождение снаряда по тоннелю. С каждым новым кадром плазменное облако становилось длиннее, ярче, но одновременно и тоньше, напоминая огонек свечи, вытянувшийся по направлению к богатому кислородом воздуху. По мере истончения плазмы Наоми казалось, что она видит, как просвечивает нос ракеты.

На пятом снимке облако дернулось. И на шестом, как будто огонек свечи встретил другое направление воздуха. Однако в трубе катапульты Наоми Рао прежде ничего подобного не видела.

Все прочие картинки отображали постоянное пламя, как оно и должно было быть, когда ракета приближается к скорости в двадцать семь тысяч километров в час.

— Это и есть то, что ты отметил в журнале как «небольшую нестабильность»? — спросила Наоми.

— Именно так, — ответил Гилед.

— Но если это не сдвиг груза, тогда что?

— Ну... вы слышали о предупреждении НАСА вчера вечером?

— Правда? — Наоми только полчаса как вышла на смену. — И где же оно?

— Возможно, что ваша копия в ящике для электронной почты. Мы разослали копии всем операторам, как только получили ее.

— И в чем суть?

— Они ожидают нечто вроде электромагнитной интерференции, которая произойдет в течение тридцати часов, начиная со вчерашнего вечера. Это имеет отношение к солнечному взрыву и ионной буре на Солнце. НАСА хочет, чтобы все, кто связан с энергетикой, прекратили свои операции на это время, то есть на субботу и воскресенье.

— К черту.

— Да, мы так и подумали, что вы это скажете, а потому стали продолжать пуски.

— И правильно сделали, — согласилась Наоми. — Мы и так потеряли тридцать часов и никогда не войдем в график снова.

— Единственно я думаю, что сдвиг в конверте как раз и объясняется этой магнитной интерференцией.

Наоми снова повернулась к экрану. Конечно, все, что она смогла увидеть, так это последний кадр, застывший в момент, когда верхние ворота шахты закрывали за собой красноватую петлю охлаждающейся плазмы. Она решила не просматривать файл снова.

— Наши системы заметили какие-либо вспышки?

— Мы ничего не замеряли. Я имею в виду, что ионизирующая дуга достигла нужной температуры и линейные конденсаторы сработали вовремя. Однако если в какой-нибудь из индукционных катушек несколько изменилось напряжение, то мы никогда об этом не узнаем.

— Я думаю так же.

— Вы хотите, чтобы мы продолжали пуски?

— Естественно! Подумаешь, вспышка в плазменном конверте. На такой скорости грузам ничто не может повредить. А если начнется нестабильность, то мы можем всегда отложить запуск.

— Да, мэм.

— Думаю, мне стоит сказать дневной смене, чтобы они не придавали особого значения предупреждению НАСА.

— Уже сделано.

— Молодцы! Ничто не может прервать МОЕ расписание.

— Именно так, мэм!

20 000 км/ч

21 500 км/ч

22 900 км/ч

23 400 км/ч

Пусковая груба космодрома Уитни, 9.44 местного времени

Керамическое яйцо летело вперед под действием ускорения более чем в пятьсот гравитационных чисел. Сила инерции вдавила груз — стены и внутренние переборки для новой платформы компании «Мориссей биодизайнс» — глубоко в пену, обрамлявшую внутреннее пространство корабля. Под действием ускорения пена сжималась, разрушая частично составляющие ее

элементы и воздушные пустоты. Однако вещество равномерно распределяло давление на корпус, внутреннее обтекаемое устройство которого было предназначено для поддержания мощной кинетической энергии, используемой при запуске.

Тоннель с четырех сторон обрамлялся индукционными катушками. Встроенные в суперструктуры магниты порождали обратнонаправленные поля, они поднимали вверх подушку из ионизированных алюминиевых паров, на которой покоилась ракета, стабилизировали ее положение между полярными направлениями и протягивали ее вперед по мере плавно нарастающего ускорения. Ракета шла легко, поскольку труба была приспособлена к отсутствию в ней обычного атмосферного давления. С одной стороны ее запирали воздушный замок, с другой — быстродействующие воротца, установленные возле вершины горы Уитни, защищенные от действия плотного воздуха высотой пика, достигавшей более четырех тысяч метров над уровнем моря.

Тоннель диаметром сто пятьдесят метров был значительно шире, чем это требовалось для запуска ракет подобного класса, едва достигавших десяти метров в поперечнике. Внизу, где катапульта забирала наибольшее количество энергии, индукционные катушки вдавливались, почти касаясь керамической поверхности. Наверху же они выбрасывали ввысь пучки света...

Причина этого неожиданного свечения объяснялась принципами механики при выведении корабля на орбиту. Космодрому приходилось запускать корабли на различные орбиты по оси восток—запад. Некоторые грузы устремлялись далеко на юг, пересекая под тупым углом экватор и выходя на орбиту, почти соответствующую полюсной. Другие из ворот вылетали прямо в направлении восток—юго-восток, едва захватывая Южное полушарие и повисая почти над экватором. Некоторые летели прямо вверх, чтобы затем, не выходя на орбиту, уйти снова в плотные слои атмосферы. Все прочие по пологой траектории направлялись к горизонту и исчезали где-то за пределами системы Земля—Луна.

Индукционные катушки светили из трубы, поскольку космодром запускал ракеты как шарообразной, так и конусообразной формы прямо от контрольной отметки платформы.

В точке, где катушки выходили на свою десятиметровую дистанцию, установленным в них магнитам приходилось создавать соответственно все более сильные поля, чтобы удержать под контролем грузы. Поля превращались в огромные взаимосвязанные пузыри, пересекаемые магнитными силовыми линиями. Задавая курс между этих полей так, чтобы каждая кера-

мическая ракета могла выйти на нужную ей орбиту, киберы космодрома достигли кульминации технического творчества.

По мере того как груженная блоками для стен ракета скользнула к последнему этапу своего нахождения в тоннеле, Северный полюс в движущейся впереди катушке вздрогнул и подался вовнутрь. Облако плазмы рванулось вверх, прокладывая новый курс, но уже без соответствующей поддержки от катушки внизу. Даже при скорости более двадцати тысяч километров в час и при огромных внутренних энергиях, порожденных ускорением, ракета слегка изменила направление полета, следуя за полем.

Следующее поле над пресловутой верхней катушкой неожиданно рухнуло. Корабль, движимый вперед порожденным нижней катушкой противоположным полем и лишившийся теперь поддержки сверху, устремился в дыру, тем самым поднявшись на полметра выше заданного курса.

Третий магнитный полюс верхней катушки работал в полную силу. Войдя в его поле под углом, не соответствующим расчетному, ракета самортизировала, и нос ее задрался еще больше.

Окружавшее четвертый магнит поле выросло само, без всякой причины, что еще больше увеличило разрыв между расчетным и действительным полетными курсами.

Сквозь пятый, шестой и седьмой магниты груз летел на своем плазменном облаке уже неуправляемым. Однако вероятность того, что он будет двигаться с грубым приближением к истинному курсу и благополучно вылетит из трубы, все-таки сохранялась. Столкновение с плотными слоями атмосферы повредит ракету, но такова была цена запуска с магнитной катапульты в самый разгар ионного шторма.

Ожидания не оправдались. Космодрому Уитни не повезло.

Неконтролируемое вращение ракеты настолько замедлилось, что была разрушена синхронизованная работа кибера, открывавшего и запиравшего выпускные ворота. Запрограммированный до того, как начались странные воздействия, механизм распахнул ворота в открытое небо на десятую долю секунды раньше и, соответственно, раньше их захлопнул. Полторы тонны керамики, пены и тяжелых металлоконструкций, летящие на скорости двадцать четыре тысячи километров в час, врезались со всего маху в сомкнувшиеся стальные двери.

Если бы ракета летела всего на несколько тысяч километров быстрее или ворота были изготовлены из менее стойких современных материалов, она могла бы просто прорваться сквозь них без особых затруднений.

Вместо этого стальные створки выдерживали удар достаточ-

но долго для того, чтобы кинетическая энергия движения ракеты превратила ее в пар. Стальные лепестки поглотили удар и срикошетили в густой воздух. Как результат — акустический взрыв снес вершину горы.

В какую-то долю секунды драгоценное расписание полетов Наоми Рао превратилось в фикцию. Хуже того, главный космодром, от чьих регулярных запусков так зависели люди, работавшие на низких орбитах, нуждавшиеся в продуктах, лекарствах, сырье, сжатых атмосферных газах, а главное, в питьевой воде, отныне был закрыт без всякой надежды на быстрое восстановление.

Глава 25

ИСЧЕЗЛИ БУДТО ПО МАНОВЕНИЮ РУКИ

Вдох-выдох

Вдох-выдох

Вдох-выдох

Вдох-выдох

Фобос, 23 марта 2081 г., 13.13 единого времени

Какая подлость!

Киффер I, Великий князь Главных Песков и наследный лорд Фобоса, стоял перед входом в королевскую цитадель, лязгая от ярости зубами. До лорда донесились странные звуки: стук его собственного сердца, мерное завывание регуляторов воздуха, стук ботинок по каменистой почве. Такие странные звуки и страшные мысли приходили в голову многим именитым властителям, когда те обнаруживали двуличие и измену самых преданных министров, когда счастливое бытие короля в замке рушилось перед лицом возглавляемой книжником крестьянской армии.

Дверь была заперта.

Киффер I снова нажал на контрольную панель. Кнопки легко ушли внутрь, но никакие огоньки не зажглись, не заработали насосы, замки не раскрылись. Дверь просто издевалась над ним.

Естественно, имелись и другие входы. Ни один уважающий себя властелин не мог не иметь запасных дверей, секретных проходов и выходов в подвалы. Однако наверняка и они были закрыты.

Что случилось? Разве ветер подул в другую сторону? Почему машины владений Киффера I объединились против него в заговоре? Почему эта дверь преградила путь своему сюзерену? Киф-

фер I изо всех сил напряг свой мыслительный аппарат, пытаюсь ухватиться за какую-нибудь логическую нить, высечь хотя бы искру здоровой мысли...

Конечно же! Восстание организовано силами из дальнего мира. Как он и предполагал, наверняка во главе заговора стоят книжники и бюрократы! Прислужники его главного врага, Национального управления по авионавигации и исследованию космического пространства, состряпали басню об огромной катастрофе на Солнце. Наверняка это ложь, поскольку никаких предвещаемых волн атмосферных помех, мешавших связи на Фобосе, не обнаружено.

Точнее, за всю свою жизнь Киффер I не мог припомнить ничего подобного. Он находился вне цитадели, осматривая одно из своих владений, когда прозвучало предупреждение НАСА. Лорд помнил это хорошо, поскольку участок находился полностью в тени Марса и представлял собой очень величественное зрелище.

Теперь ему было ясно, что информация насквозь фальшива. Никакой катастрофы не было, была лишь провокация, устроенная, чтобы напугать его подданных и заставить их перешагнуть черту неповиновения. И сейчас его помощники заперлись в крепости.

Киффер I пошел в обход стены, направляясь к машинному залу, где хранились скутеры. Когда он подошел к воздушному замку, выяснилось, что и тот предал хозяина и отказывается повиноваться. На панели мигала надпись: ОТКАЗ СИСТЕМЫ.

Проклятая электроника!

Киффер I напряженно соображал, как можно вмешаться в ход событий. В комплекте инструментов имелся автоген. Алюминиевые панели двери не такие уж толстые, их можно будет прорезать, как ножом масло... Разве что автоген хранился вместе со всем комплектом инструментов, а комплект лежал в гараже, по другую сторону замка.

Черт побери! Заговор против него разрастался.

Однако, поразмыслив немного, лорд пришел к выводу, что все не так уж плохо, как казалось на первый взгляд. Дверь не была цельнометаллической, а состояла из алюминиевых полос, проложенных полиэстером, — не слишком-то прочная конструкция. Так что можно обойтись и без автогена, подумал Киффер I, достаточно найти что-либо острое и прорезать алюминиевую ткань. Если сделать надрез и просунуть голову, он сумеет попасть внутрь. Для этой цели как раз подойдет карманный нож, который он всегда носил с собой.

...Под скафандром.

Киффер I ударил рукой по двери гаража. Он почувствовал, как удар эхом отозвался внутри.

Компьютер станции наверняка снюхался с НАСА. Иного объяснения не было. Ученые с Земли сообразили его единственного друга и компаньона, вечного партнера по шахматной доске и рулетке, его мажордома, его первого министра, первого лорда канальных путей. Именно так. Это был конец.

«Арти» пошел против Киффера I.

«Арти» запер изнутри цитадель.

Наконец он добился того, чего всегда так страстно желал: взять всю власть в свои руки.

Прекрасно подготовленный закулисный заговор поразил Киффера в самое сердце. Вдох-выдох. А вдохновитель заговора никогда не отступится от задуманного, ведь «Арти» в своих действиях был прямолинеен, как и подобает киберу.

В отчаянии Киффер I побрел от гаража прочь через каменистые равнины Фобоса. Гораздо быстрее, чем предполагал, преданный всеми лорд очутился на гребне одного из самых красивых созданий природы на спутнике Марса — кратере Холла.

Там внизу, в затуманенных глубинах, куда он никогда не отваживался ступить, в бездонной дыре вечной ночи, он найдет себе союзников.

На дне, до которого, как уверяла его лживая электроника, всего двенадцать метров глубины, неподвластной солнечному свету, но как чувствовал он сам, значительно больше, ждут неразгаданные тайны... Там он найдет себе лучших спутников.

Человеческие духи из поэзии и мифов сильнее, чем зависящий от схем и проводов электронный интеллект. Он призовет Сатану, Люцифера, Одина и Яхве, затаившихся там, внизу. Наводящие ужас помогут ему расправиться с засевшими в цитадели заговорщиками. Киффер I выключил радио, чтобы «Арти» не мог подслушать, и попытался набрать полную грудь воздуха, выкликая духов. Вдох получился коротким. Раскрыв рот шире и подавшись вперед, лорд повторил попытку. Воздух больше не поступал в регулятор, не было слышно и привычного шума.

Он попытался в третий раз глотнуть воздуха, сжав губы и буквально всасывая неподвижную массу, однако услышал только небольшой хлопок чуть ниже шейного кольца.

Киффер I задержал дыхание, зная, что следующий выдох через регулятор уйдет прямо в вакуум. Однако уже через минуту легкие не могли больше выносить напряжение, перед глазами заплясали черные и белые точки, мешаясь с сиявшими над кра-

тером звездами. Лорд попытался сделать вдох снова, но ничего не получилось. Внутри шлема царил вакуум, прижавший его нос к иллюминатору шлема. Даже костюм и тот оказался причастным к заговору против наследного лорда Фобоса.

Надо что-то делать. Надо что-то немедленно делать. Он попытался направиться к королевской крепости, намереваясь, если надо, прошибить дверь кулаком, когда нога соскользнула с обрыва кратера.

На Фобосе гравитация невелика, и Киффер I падал медленно. Так медленно, что еще дышал в момент, когда разбил пластиковый иллюминатор об острый выступ скалы.

Со странным хлопком остатки воздуха вырвались из скафандра, и Киффер I соскользнул в темноту, присоединившись к призрачным силам хаоса и вечной тьмы.

Глава 26

НЕВЕДОМЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Зеленый...

Желтый...

Красный...

Фиолетовый...

**Сок-Рapidс, штат Миннесота,
22 марта 2081 г., 21.32 местного времени**

Абигайль Каррутерс заметила привидение, когда пошла на кухню за стаканом молока.

В комнате было темно, но Абигайль не стала включать верхний свет, чтобы не жечь электроэнергию зря. Сегодня на рассвете энергетики отключили большую часть города, и она хотела сэкономить хоть немного поступающего электричества. К тому же холодильник большую часть дня тоже не работал, и Абигайль решила, что вполне может выпить молоко в темноте, чтобы тот подольше оставался холодным.

Идя по коридору, Абигайль Каррутерс обнаружила, что на кухне вовсе не так уж темно. Вообще говоря, огоньки горели достаточно ярко.

Окно кухни выходило на восток, и порой, когда стояла ясная погода, Абигайль видела, как в ночной дымке сияют огни Миннеаполиса и Сент-Пола. Наверное, это они и светят, подумала женщина, но тем не менее подошла к окну посмотреть.

Небо было чистым. Ярко сияли звезды, как это бывает холодной, морозной ночью, когда от реки не поднимается туман.

И все-таки это непонятное свечение... Абигаиль Каррутерс подошла еще ближе, прижавшись лбом к стеклу.

Свечение шло с севера. Желтые и зеленые огоньки мерцали подобно просмоленному бревну, которое кладут в камин в особых случаях. Свет был столь же ярк, как и огонь, хотя более рассеян. Он не исходил из одной точки, подобно очагу лесного пожара, не был он похож и на болотный газ, чьи огоньки танцуют порой на болотах, лежащих в округе Айткин.

Да, он был слишком далек, если только метан не воспламенил весь округ.

Абигаиль никогда не приходилось наблюдать такую картину: желтые и зеленые огоньки, обрамленные красным и фиолетовым, танцевали сейчас в ее окне.

Абигаиль приближалась к восьмидесятипятилетнему юбилею. Порой глаза могли сыграть с ней злую шутку. Так это было, когда она увидела, как с яблони спрыгнул Харви Гейтс. Она помахала ему рукой и собралась было выйти на крыльцо и спросить, как поживает его мама, как вдруг вспомнила, что Харви сорок лет назад погиб в Тунисе, а его мать, тетя София, умерла двадцатью годами позже. Однако, несмотря на это, маленький племянник минут пять раскачивался на ветке, смеясь ветру в такт, пока сам вместе с качелями и зеленой яблоней не растворился в холодном октябрьском дне.

Порой Абигаиль посещали такие видения, и она знала, что это миражи, просто в ее мозговых клетках некоторые нейроны или часть молекул РНК направились не в ту сторону. Именно так представлял ситуацию доктор Уиггинс. А может быть, память просто возвращала события минувших лет, ведь когда Абигаиль наблюдала видения, они были столь *ощутимы*.

Подобно этим всплескам зеленого пламени.

Да это и не пламя, поскольку Абигаиль не видела ничего горящего. Свет в небе напоминал скорее тонкие полосы прозрачного шелка или нейлона, колеблемые нежным ветерком и подсвеченные иллюминацией, а может быть, стоящей где-то под ними гигантской рождественской елкой. Словно небесные шторы на Божьем окошке.

Нет, все-таки не совсем это.

Они... как ангельские крылья. Абигаиль четко видела их на фоне неба. Перья на крыльях были прямыми и узкими, слегка завивающимися, как кроющие и маховые перья на крыльях беркута. Трепещущие перышки обрамляли горизонт.

Абигайль всмотрелась пристальнее, пытаясь заметить тело ангела. Она увидела желто-белые одежды, развевающиеся над зелеными крыльями. Однако вместо сияющих ликов и нимбов виднелась зияющая чернота, где не светили даже звезды.

Безликий ангел, который, как грезила Абигайль Каррутерс, придет однажды за ней, спускался с небосвода. Он двигался с севера, волнуя воды спокойных озер и тревожа тучную землю.

Перед ее глазами горели желтые, красные, зеленые, фиолетовые огни его тела. Руки Абигайль соскользнули с подоконника, и она рухнула на кухонный пол.

Мертвая в руках ее ужасного повелителя.

Брр-брр

Брр-брр

Брр-брр

Брр-брр

**Лиссабон, штат Северная Дакота,
22 марта 2081 г., 22.02 местного времени**

Едва стемнело, как телефоны в полицейском участке округа Рэнсом раскалились докрасна. Дежуривший с четырех до полуночи помощник шерифа Джеймс Блэквуд не отрывался от трубки.

— Нет, мэм, это не авиакатастрофа. Это просто огни... Нет, они не опасны... Спасибо за то, что позвонили, мэм.

Сначала Джеймс подумал, что виной переполоху наступившее в выходные полнолуние. Среди сотрудников правоохранительных органов бытовало мнение, что полнолуние действует на пьяниц и сумасшедших... В Нью-Йорке они толпились в комнатах, на ступенях и возле оград полицейских участков, пытаясь втолковать какому-нибудь смертельно уставшему после дежурства полицейскому, что марсиане стремятся добраться до них, стреляя лазерами через стену, или что святые нашептывают им на ухо нечестивые мысли.

— Нет, сэр, — ответил Блэквуд очередному абоненту, — нет, это не тайное нападение... Нет, и не китайцы. Это просто атмосферное явление, вот и все.

В городе Лиссабоне, что в штате Северная Дакота, имелась своя толика алкоголиков и сумасшедших, хотя, конечно же, их было меньше, чем в больших городах. Большинство ненормальных, с которыми приходилось иметь дело Джиму Блэквуду, были неудачниками фермерами, свихнувшимися после того, как их жены и дети уходили от них в поисках кого-то лучше, при-

влекательнее, а порой и просто мужчины, более независимого и трезвого. Тогда стены фермы начинали двигаться, а бутылка виски превращалась в прекрасного собеседника.

— Мэм, я не знаю точно, что это. Сегодня с утра мы получили бюллетень НАСА, в котором сообщается, что сегодня вечером на небосводе могут наблюдаться странные огни. Я думаю, что больше никто ничего не знает.

Имелось также заведение под названием «Прибежище дьявола», расположенное на берегу реки Шайенн. Когда посетители, подогретые гремучей смесью Лукаса Смита, известного как Сатана Смит, начинали в «веселый час» разборки, требовалось обычно не менее трех полицейских машин и кареты «Скорой помощи», чтобы унять индейцев и ковбоев и залечить увечья и раны.

— Да, сэр. Да, господин мэр, мы действительно получили предупреждение, — Блэквуд выпрямился в кресле. — НАСА сообщает о возможных — цитирую — «эмиссиях фотонов из возбужденных атомов в молекулах атмосферного азота и кислорода. Их действие напоминает работу лазера, однако когерентности лучей нет». Так что они безвредны... Да, сэр, очень много звонков. Мы просто пытаемся успокоить людей. Это наша работа, я полагаю... Спасибо, сэр.

Еще целых два часа, пока Харрисон не заступит на вахту. А может, и больше, если Бобби, вытянув шею, любуется лазерным шоу Господа Бога в небесах. Джим Блэквуд надеялся, что успеет посмотреть на это диво и сам, как только сдаст дежурство.

Ди-да-да

Ди

Ди-да-ди-ди

Да-ди-да-ди

Негани, штат Мичиган, 23.13 местного времени

Уолтер Хаскелл не знал, каким энергетическим лучом можно будет воздействовать на зеленые огоньки, закрывавшие тарелку. Он уже пытался сигналить ручным фонариком, светя с сарая, но пока тщетно.

Затем он вернулся в дом и взял со стола лампу. Лампа была небольшой, одна из тех, что имеет нить накаливания меньше ногтя на мизинце. Несмотря на это, свет был достаточно ярок, а посеребренный корпус лампочки создавал даже небольшой фокус. Однако осветить удалось лишь стену сарая да кусок крыши.

После этого Хаскеллу пришло в голову, что на его грузовике установлена шестисотваттная фара. Как раз то, что нужно. Уолтер загнал грузовик во двор и оставил мотор работать. Он стал было подумывать о том, чтобы снять фару и подключить ее к электросети, но с током с утра творилось что-то непонятное.

Удивительно, но НЛО все время приближался. Включив фару, Хаскелл направил луч в северную сторону, туда, где светились облака желтого и оранжевого цветов. Он должен послать сигнал, чтобы новоприбывшие Повелители Земли узнали и увидели в нем друга и компаньона. Ему нужно уведомить их, что он будет работать для них переводчиком, послан, представителем — тем, кем они захотят его видеть.

Азбукой Морзе Хаскелл владел очень слабо. Прошло шестьдесят лет с тех пор, как он был скаутом и посылал сообщения через озеро, поддерживая связь во время игры в индейцев. Конечно, его союзники не могут не знать морзянки, ведь они в течение поколений изучали нашу культуру, используя сначала телевидение, а затем сигналы телекоммуникаций, которые человечество начало посылать в космос с 1948 года.

Что должен он теперь им сообщить, дабы завоевать расположение пришельцев? Скорее всего, другие люди на его месте посоветовали бы НЛО убираться прочь. Они даже стали бы пускать по нему ракеты или пытаться подавить его фотонную энергию средствами радиоэлектронной борьбы. Так что, подумал Хаскелл, ему обязательно надо поприветствовать гостей.

Д..О..Б..Р..О..П..О..Ж..А..Л..О..В..А..Т..Ь...
С..Т..Р..А..Н..Н..И..К..И.....

Выбив приветствие, Хаскелл почувствовал, что здорово утомился. Мизинец покраснел и начал болеть от непрерывного включения и выключения прожектора. Должен быть какой-то более эффективный способ связи с пришельцами.

Тут Уолтер вспомнил, что у Брэдли была парочка переносных радиостанций, когда тот был ребенком. Последний раз Хаскелл видел их на чердаке. Наверняка гости из космоса понимают по-английски, а на таком корабле есть возможность отслеживать работу в любом диапазоне. Они с удовольствием услышат дружелюбный голос землянина.

Уолтер Хаскелл бросил грузовик и ринулся по ступеням на чердак. Дай Бог, чтобы у него нашлись нужные батарейки.

Глава 27

РАЗЪЕДАЮЩИЕ ДЫРЫ

Гнездо...

Крик...

Гнездо...

Крик...

**На ферме «Стонибрук», зона Л-3,
23 марта 2081 г., 4.17 единого времени**

На внешней поверхности цилиндра фермерской колонии не было ничего, вызывающего интерес, не считая дорожки, или «тоннеля для инспекций», предназначенной для желающих выбраться наружу. Инженерно-техническому персоналу станции дизайнеры и строители комплекса не смогли предложить ничего лучшего, чем ряды полусферических проемов шириной десять сантиметров и пять в глубину, выбитых на поверхности сухого лунного камня. Проемы располагались горизонтальными рядами, закручиваясь по часовой стрелке спиралью от одного корпуса к другому. В каждый проем была вделана двухсантиметровая скоба.

Всякий желающий отправиться наружу облачался в вакуумный костюм и брал с собой кольцо, соединенное с концами трех кабелей. Кабели были намотаны на катушки, прижатые особыми зажимами, на конце каждого кабеля имелась защелка и крюк.

Питеру Камену показали эти приспособления лишь после того, как он подписал контракт на должность инженера в колонии. Он не мог надивиться его непродуманности. Чтобы совершить путешествие вдоль вращающегося цилиндра, ему нужно было застегнуть пряжку, спуститься вниз через люк и пройти через управлявшийся вручную шлюз. До начала движения Питер подвешивал один из кабелей на внутреннюю перекладину и затем медленно снижал уровень гравитации.

Теперь требовалось передвигаться по крюкам, насаженным на концы углеродоволоконных четырехметровых палок и используемым одновременно для захвата и для высвобождения зажимов. Необходимость иметь три кабеля, как скоро уяснил для себя Камен, заключалась в том, что, пытаясь двигаться от одного проема к другому с одним крюком, рано или поздно начнешь крутиться вокруг своей оси. Этот эффект имел отношение к постоянной угловой скорости вращения колонии. Так что суть маневра заключалась в фиксации двух кабелей при движении третьего.

После долгих тренировок Питер научился скользить вдоль десятикилометрового корпуса со скоростью около сорока мет-

ров в минуту. При такой скорости Питер мог за четыре часа обследовать одну из сторон, занимаясь только одними крюками и не уделяя ни минуты осмотру сооружения и внешних систем. Это означало, что он сможет обследовать всю внешнюю поверхность за тысячу часов без учета пауз на инженерную работу, перерывов на еду, сон и возвращения назад за новыми кислородными емкостями. Чтобы сделать перерыв, ему придется цепляться от проема к проему, дабы достичь одного из пятидесяти четырех входных шлюзов, расположенных радиально, по три в линию, с интервалами в двадцать градусов друг от друга. Камен прикинул, что, будь на то его желание, он смог бы обеспечить себе профессиональный рост только за счет обследования наружных систем.

Неудивительно, что сам Питер вместе с генеральным управляющим Алоизом Давенпортом предпочли бы сидеть внутри и теоретизировать по поводу того, почему падает давление в ирригационной системе, как это было на прошлой неделе, вместо того чтобы выйти наружу и произвести обследование. Питер Камен не пошел бы, если бы перепад давлений в системе за последние десять часов не изменился бы с пятнадцати процентов до тридцати. Такое положение дел требовало принятия решительных мер, как, например, собственноручный поиск причины сбоя.

Поверхностный осмотр, однако же, не дал никаких результатов.

Питер медленно двигался в узком пространстве между одним из теплообменников и бетонным изгибом.

Питеру приходилось внимательно следить за кабелями и крюками, чтобы не повредить какую-нибудь из тысячи сливных трубок, спускавшихся из корпуса в теплообменник. Это были те самые каналца, которые, как предполагал Питер, покрывались льдом, когда ориентация цилиндра на солнце погружала их в длинную тень теплообменника. Однако, ощупав два десятка таких трубок и подкрепив наблюдение термической пробой, Камен пришел к выводу, что они не слишком холодные и не находятся подо льдом.

Возможно, что точка зрения Давенпорта ближе к истине. Удобрения, используемые в колонии, могли накопиться внутри трубопроводов или закупорить дренажно-перколяционные маты, находящиеся под почвой над внутренней плоскостью корабля... Разве что удобрения не могут накапливаться с такой быстротой, и эта проблема занимала Камена сейчас.

Питер поворачивал барабан, чтобы приблизиться к поверхности теплообменника. По мере приближения его взгляд скользил

по нежным, покрытым черной эмалью лепесткам и микротрубочкам, расположенным на его поверхности.

На мгновение глаза слегка затуманились. Нет, подожди-ка. Туман на шлеме, а не перед глазами. Питер поднял перчатку и провел по шлему рукой. На стекле появились толстые белые полосы. Что за чертовщина!

Полуослепший, Камен прекратил спуск и остановился, чтобы поразмыслить. Ясно, что нечто странное налипло на внешнюю поверхность шлема. Это нечто, возможно, попало на стекло в виде капель, а затем под действием иссушающего вакуума превратилось в подобие взвешенной пыли. Ну и что это может быть?

Питеру страстно хотелось поплевать на пальцы и провести по поверхности, хотя открыть шлем он не мог. Впрочем, если протереть небольшой участок чистой стороной перчатки, то тогда налет снимется. Или так, или каким-то образом придется удалять смесь со всей поверхности пластика. Для начала Питер решил заняться небольшим участком.

Он принялся тереть шлем равномерными круговыми движениями, затем остановился, взглянул на далекие звезды и стал тереть сильнее. Пластик наконец-то очистился, хотя отдельные полосы остались. Повернувшись, инженер уголком глаза стал рассматривать темную сторону теплообменника.

Проклятие! Дымка появилась на том же самом месте.

Теплообменник брызжет ему в лицо! Он бьет по шлему чем-то мокрым, что засыхает и превращается в липкую белую массу. Теперь, весело подумал Питер Камен, снимается масса вопросов. Он нашел место утечки в системе водоснабжения — и нашел с первого раза!

Питер дернул за левый трос, чтобы выйти из-под обстрела. Вычистив вновь участок обзора, он бросил взгляд на поверхность теплообменника, чтобы под углом попытаться обнаружить извергающийся гейзер воды. Но только он склонил голову над массой канальцев и трубочек, как чистое пятно подернулось дымкой.

Конечно же... Камен похолодел при мысли о том, что одна крохотная дырка не смогла бы привести к тридцатипроцентному падению давления во всех ирригационных каналах системы. Здесь множество дыр, и Питер уже успел убедиться в существовании как минимум двух.

Он приложил руку к месту, откуда извергалась струя, одновременно счищая налет со шлема. Восстановив обзор, Питер отвел голову влево и попытался рассмотреть дырку.

Ничего не было видно. Пожалуй, отверстие очень малень-

кое, что подтверждало его версию о существовании многих дыр, а исходящие пары при таком свете заметить очень трудно.

Медленно ведя перчаткой вдоль плоскости теплообменника, инженер пытался обнаружить дыру. Поскольку давление воды изнутри вызывалось гравитацией и измерялось в большинстве случаев в сотнях килопаскалей, а не в тысячах, чего можно было ожидать от перегретой линии, Питер совершенно не волновался, что его костюм или он сам могут пострадать. Где-то на пути Камен почувствовал сопротивление и зажал этот участок.

Он склонился над теплообменником.

Дырка в черной трубке была шириной меньше миллиметра. По краям запеклись белые кристаллы, представлявшие собой то ли остатки солей, то ли выпавшие из ирригационной системы частицы удобрений. Камен старательно соскреб налет. Вблизи казалось, что дыра состоит из нескольких крохотных отверстий, вызванных коррозией металла. Вмятин от удара инородных тел видно не было, так что версия Камена о микрометеоритном дожде, обрушившемся на теплообменник, оказалась несостоятельной. Он ощупывал место вокруг дыры, когда на его глазах из трубы выпал крошечный осколок металла, канувший в вакууме.

Похоже, что теплообменник и связанная с ним сеть канальцев и трубок корродируют изнутри, что было хуже, чем тысяча метеоритных дождей..

Питер заскользил по кабелю. Продвигаясь таким образом, он сделал еще три проверки в разных частях теплообменника, и всякий раз находил новые фонтанчики и россыпи маленьких дырок. Свою задачу он выполнил.

Возвращаясь обратно через шлюз, Питер напряженно размышлял над вопросом, как процесс окисления мог всего за десять часов так понизить давление в системе. Здесь крылась какая-то тайна.

356 килопаскалей

352 килопаскаля

347 килопаскалей

343 килопаскаля

**Главный ирригационный слив, ферма «Стонибрук»,
5.38 единого времени**

— Проклятие! — прошептал на ухо Питеру Камену Алоиз Давенпорт, когда они отметили, как давление упало всего за десять минут. — Так сколько дыр ты там видел?

— Тысячи... Может, даже десятки тысяч.

— С такой скоростью мы к концу дня полностью потеряем давление...

— Даже быстрее, — заметил Камен.

— Тогда придется воспользоваться помпами, разве не так? Чтобы обеспечить поток в системе.

— Здесь другой принцип, — устало ответил инженер. Чем больше он трудился в колонии, тем становился все более встревоженным и обескураженным по поводу того, сколь мало главный управляющий разбирается в механизмах, поддерживающих их жизнь.

— Давление падает, потому что мы теряем воду, — принялся за объяснения Питер. — Она уходит в самом низком и удаленном от центра вращения месте, вот почему скорость падения давления так высока. Пострадали теплообменники, что внизу за шлюзом.

— И что? — нахмурился Давенпорт.

— Раз протекает в самой нижней точке, то напор воды ослабевает во всей колонии. Мы можем это видеть на примере потери давления, поскольку в этой точке системы мы поднять его не можем. Это не дисбаланс, который можно устранить подкачкой. Мы *теряем воду*, Алоиз. Она будет продолжать течь вниз, к теплообменникам, пока вся не испарится. А потом перколяционные маты начнут вытягивать воздух.

— Ты хочешь сказать, что мы будем открыты космосу?

— Мы уже открыты космосу. Лишь вода в земле и трубах спасает воздух от испарения. Как долго вода удержится в системе, будет зависеть от количества дыр и от того, как быстро они могут проводить молекулы H_2O .

— А в чем причина?

— Я не знаю, — Питер покачал головой. — Сначала я думал, что виной всему могут оказаться метеориты, но дыры скорее всего похожи на пятна ржавчины, а не на вмятины от ударов. Однако покрытие теплообменника считается надежной защитой против коррозии, и скорость корроирования не та. Ржавчина разрастается постепенно, это обычное явление, а здесь же все нарастает в странной прогрессии. Если дело в коррозии, то на нее что-то действует, и я не имею даже понятия, чем это может быть вызвано.

Взглянув на Камена, Давенпорт пожал плечами.

— А приходили ли сообщения в сеть? — внезапно спросил Камен. — Что-нибудь из других колоний?

Главный управляющий задумался.

— Нет. За последние сутки мы получили только бюллетень

НАСА, объясняющий вчерашний сбой связи. Они сообщают, что это связано с атмосферными явлениями на Солнце, которое испустило электромагнитный импульс, потоки альфа- и гамма-лучей. За ними последовал ионный шторм.

— Ионный шторм?

— Облако фотонов и электронов, выброшенное из солнечной атмосферы. НАСА сообщило, что опасность колонии не грозит, если не считать небольших сбоев связи вследствие избыточного напряжения на антеннах.

— Избыточное напряжение...

— Да, это нечто вроде магнитного поля из ионов.

— Я знаю все это, — устало вымолвил Камен. — Смотрите. Электрический ток усиливает ионный обмен между водой в ирригационной системе и металлом труб. Тем самым убыстряется процесс окисления, особенно если в воде присутствуют соли, а в нашей они наверняка есть. Ну вот, Алоиз, загадка разрешилась.

— Хорошо, я надеюсь. Что ты теперь собираешься делать?

Питер на мгновение задумался:

— Ничего оригинального, я полагаю. Прямой подход. Нам придется сейчас создавать группы и направлять их затыкать дыры всем, чем угодно: сварочными швами, краской, жевательной резинкой, тем, что будет держаться некоторое время и не распадется. Проблема будет заключаться в том, чтобы найти эти дыры и начать с самых крупных.

— Мои люди не работают в вакууме, — тихо сказал главный управляющий.

Углубившийся в техническое решение проблемы Камен не расслышал его.

— Нам помогут красители. Можно воспользоваться радиоактивным трассером, но для обнаружения его нужны специальные приборы, да и красителя мало. Пожалуй, подойдет флюоресцентный, нечто сверкающее, когда вода из жидкого состояния...

— Мои люди не работают в вакууме.

Питер запнулся на полуслове:

— Алоиз, ну и что? Сейчас не время думать про юридическую сторону. Корабль тонет, и к помпам должны стать все.

— Ты не понял. Питер, они не знают, *как* там работать. Это простые фермеры. Большинство из них никогда не выбирались наружу. Большую часть времени ты потратишь на то, чтобы обучить их работать в вакууме. Да у нас нет ни достаточного количества костюмов, ни воздушных емкостей, ни компрессоров. А там тысячи дыр.

— Они могут научиться, а возвращаться можно на всем, чем угодно. Ты представляешь, какой объем работы перед нами? В

моем штате четыре человека. Конечно, все они обучены работать в космосе, но такими силами нам не справиться.

— Тогда придумай что-нибудь еще, — настаивал Давенпорт.

— Я пытаюсь...

— М-м... Я могу подать заявку на воду. Связаться с Уитни-центром и попросить их дать нашему грузу зеленую улицу.

— Не пройдет, — покачал головой Камен. — Когда груз придет, мы все будем дышать вакуумом, а нужно же еще закачать воду в систему.

— Тогда придумай что-нибудь. Найди надежное решение, и быстрее.

— Я пытаюсь.

— Речь идет и о твоей шкуре тоже.

— Я знаю!

Давенпорт взглянул еще раз на индикатор давления, повернулся было, а затем плюнул точно на дисплей. Через секунду главный управляющий уже покинул шлюз.

Ковш

Совок

Лопатка

Черпак!

Кафетерий городка Сентервилль, ферма «Стонибрук», 6.10 единого времени

Раздатчик выдал порцию овсяной каши инженеру Питеру Камену. Тот взял чашку рукой, но не поставил ее на тележку, а застыл как статуя, уставившись на блюдо овсянки.

Каша по-прежнему сохраняла форму черпака, которым ее положили. С одного края виднелась потемневшая корочка, образовавшаяся в месте, где поверхность крупы в котле подсохла. В этот момент Питер Камен вспомнил, как готовила овсянку его мама.

Она всегда начинала с семян овса, этих светло-коричневых зерен, которые опускались в холодную воду на дно кастрюли. Однако, когда вода закипала, они расширялись и заполняли... Нет, не так. Зерна не всплывали, как у риса, они сжимались в пасту наподобие клея, пока их не ставили на огонь.

Воспоминание о матери вызвало в памяти другие семейные истории. Что-то об овсянке. Двоюродный дедушка Гарри Барнес со своим «Олдсмобилем»! Именно это... Радиатор дал течь, когда дядюшка Гарри пересекал пустыню Невада, и он решил было, что ему пришел конец. Полуденный зной и отказавший

радиатор. И тут Гарри вспомнил, что в багажнике есть немного овсянки. Мама никогда не объясняла, зачем дядя возил ее с собой. Возможно, что она ему просто нравилась. Как бы то ни было, он насыпал немного овсянки в водяную систему, где она приготовилась, и паста, хотя мама всегда называла ее крахмалом, заполнила дырки в радиаторе. Дыры оказались закрытыми плотной пробкой наподобие хлебного мякиша.

Когда Питер стал инженером и научился разбираться немного в системах охлаждения и механике жидких тел, он всегда недоумевал, что произошло с овсянкой в радиаторе дядюшки Барнеса, почему каша не заполнила собой узкие проходы и не перекрыла поток воды. Питер всегда сомневался в правдивости этой истории.

Однако быть это или небыль, но в голове Питера зародилась идея.

— Вам не нравится пицца? — спросил повар.

— Что-что? — Питер вышел из трансa.

— Еда. С ней что-то не так?

— Нет... все в порядке.

— Тогда почему вы не двигаетесь дальше, чтобы остальные прошли?

— Извините... Скажите, у вас нет крахмала на кухне, скажем, овсяного крахмала?

— У меня что, бакалейная лавка?

— Извините.

— Тогда давай двигайся.

Питер поставил овсянку на тарелку, вышел из очереди и пошел прочь. Он уже успел выйти из кафетерия, так и не услышав голосов, кричавших ему вслед.

— Эй, парень! Ты собираешься платить или как?

Вжик

Пишик

Вжик

Вжиик!

Кабинет главного управляющего, ферма «Стонибрук», 6.15 единого времени

По характерному выражению глаз Давенпорта Питер Камен понял, что управляющий совершенно не следит за ходом его рассуждений. Было очевидно, что главный управляющий никогда не слышал об «Олдсмобилях», не понимает структурных соответствий между пассивным солнечным теплообменником и воз-

душным радиатором двигателя внутреннего сгорания и имеет весьма смутное представление о том, где находится пустыня Невада и почему незапланированная остановка там может стать вопросом жизни и смерти. Питер сократил рассказ и сразу приступил к делу.

— Есть ли у вас запасы растительных крахмалов? Я имею в виду хорошо растворимые и желательно высокосортные.

— Я... м-м... м-м-м... — Давенпорт задумался. — Однажды, два, нет, три года назад, мы получили заказ из одной субтропической страны, нечто типа Танзании, Таиланда, в общем, что-то на Т. Как бы то ни было, им нужен был крахмальный экстракт для детского питания. Мы засадили почти три гектара генетически выращенным ячменем и собрали урожай прямо в колонии, поскольку контракт специально оговаривал «невыплату за ситуационные отходы», под которыми подразумевалось растительное волокно. Когда пришло время отгрузки, они устроили революцию и отказались выполнять соглашения и контракты старого правительства. В тот год мы едва не вылетели в трубу.

— Так вы не отгрузили товар? — спросил Камен.

— Нет. Мы решили зарыть его снова в землю.

— Черт!

— Спокойно... Теперь я вспомнил. Мы собирались сделать это, пока один из наших селекционеров не заметил, что колонии может понадобиться экстренный запас провианта, и хотя эта штука едва переваривается, но все же лучше жевать ее, чем бетон.

— Так где товар? — спросил Питер.

— Мы зарыли его, предварительно законсервировав. Ячмень в колодце под Сто двадцатой, восточной. Местные детишки называют это место холм детской неожиданности.

— Великолепно! Ну а теперь пусть твои фермеры откопают крахмал. Мы сможем загрузить его в шлюзы под почвой и над перколяционными матами. Как только крахмал доберется до теплообменников, он начнет разогреваться и запечатает все дыры.

— А сами теплообменники он не запечатает? — заметил Давенпорт. — Я имею в виду...

— Я проведу ряд исследований. Мы сможем проконтролировать размер комков так, чтобы они могли закрыть дыру в миллиметр, но свободно проходили бы по пятимиллиметровой трубе. Но даже пусть я не прав. Что для тебя лучше — дисбаланс тепла и немного стоячей воды или дырка в вакуум?

Давенпорт задумался.

— Я последую твоему совету, — вымолвил он наконец.

— Хорошо. Тогда я сейчас иду к себе и подготавливаю аппаратуру для опытов. Как только твои люди откроют колодец, пусть

старший принесет мне пробу крахмала. Мы сумеем все загрузить максимум за два часа.

Главный управляющий кивнул, но вдруг резко схватил за локоть уже собиравшегося уходить инженера. Питер вздрогнул от этой неожиданной грубости.

— Не надейся, что это хоть что-то изменит, — заявил Давенпорт. — На этот раз тебе, может быть, и посчастливилось обнаружить спад давления и выяснить, в чем дело. Но это значит, что нам — тебе, мне и всей колонии — в первый раз не повезло.

— Куда ты клонишь?

— Сегодня, Камен, ты, может быть, и стал героем дня, но это не означает, что я собираюсь подписаться под твоими «грандиозными» планами. Можешь забыть о запросах в бюджет на прекрасное новое оборудование, и о просьбе прислать сюда целую бригаду инженеров, и о своих скороспелых предсказаниях, что ферма в опасности и разлетится вот-вот на куски. Парень, ты всего-навсего техник, обслуживающий фермеров и торговцев, которые стоят у руля. Тебе не стать здесь заметной фигурой лишь потому, что ты обнаружил и закупорил течь.

Питер Камен решил выслушать все до конца и даже изобразил подобие улыбки на лице.

— Господи, Алоиз! — вымолвил он, когда Давенпорт закончил тираду. — Не подавляй меня слезными излияниями благодарности. Я просто не вынесу плача в мою жилетку.

— Убирайся отсюда! — рявкнул управляющий.

Фззз

Фззз

Пфуут

Пфф

Снаружи фермы «Стонибрук», 8.07 единого времени

Надев чистый шлем с пластиной из защитного пластика, Питер Камен висел перед теплообменником и изучал с близкого расстояния пенные гейзеры.

Пар напоминал светлый туман, превращавшийся в снегопад белых хлопьев, когда вода испарялась в вакууме. Однако интересовало его не это.

На поверхности лепестков и труб Питер заметил, что на дырах выростали вулканические конусы из белой массы. Один за другим они закрывались, пока вся черная поверхность вокруг них не оказывалась усеянной растительным крахмалом и выпавшими в осадок солями. Это напоминало ветровое стекло «Олдс-

мобиля» дядюшки Гарри, когда тот проезжал через тучи вьющихся москитов в дельте. Даже похожие на кружева крохотные пузырьки, извергнутые дырами, напоминали крылышки разбившихся при ударе насекомых.

Алоиз Давенпорт был, естественно, не прав. Питер знал, что чудом миновавшая их катастрофа изменит практически все.

Вытащить в шесть часов утра людей из домов и заставить копать во имя спасения жизни — уже одно это заставит задуматься. Некоторые, а то и многие из них поймут, что конструкция фермы «Стонибрук» далека от совершенства.

Даже малое дитя сможет сообразить, что в дренажной и теплообменной системах следует установить клапаны на случай экстренного запираания. Это просто неудачное инженерное решение: сделать систему самовключающейся и саморегулирующейся, наподобие вечного двигателя.

В течение будущих дней и недель Питер Камен найдет умы, в которых он посеет идею о необходимости технологических перемен в колонии, страховки на случай возможных более серьезных аварий. В каком-то смысле, сколь бы кошунственно это ни звучало, но едва не происшедший отказ ирригационной системы обернулся для них благом.

Питер Камен весело оттолкнулся от поверхности обменника и энергично принялся двигаться наверх, к корпусу станции.

Глава 28

ГОЛОСА В НЕБЕ

Угол падения

Угол отражения

Исходный угол отражения

Исходный угол падения

**Компания «Мюррей-Хилл лабораториз», 23 марта 2081 г.,
14.18 местного времени**

Перебирая возможные варианты, Харви Соммерштайн напомнил сам себе бильярдиста, выбирающего, в какую лузу следует загнать шар. Ничуть не облегчало задачу то, что его бильярдный стол имел три измерения, или то, что он трудился без усталости вот уже двадцать часов, с тех пор как рано утром в субботу получил бюллетень НАСА.

В ящике электронной почты оказался ряд сообщений, кото-

рые подстегнули его воображение и пробудили жажду деятельности.

Во-первых, НАСА дало объяснение всеобщему сбою связи в Западном полушарии в пятницу. Хотя Соммерштайн и не испытал лично на себе последствий катастрофы, однако наблюдал за неправильным освещением хода событий со все возрастающим беспокойством. Все, связанное с нарушением работы лучевых телефонов, немедленно возбуждало профессиональный интерес и требовало подробного объяснения.

Во-вторых, космическое агентство предупредило об извергнутой Солнцем волне возбужденных ионов, которая должна была достигнуть орбиты Земли где-то между двадцатью и сорока часами после вспышки. Как высчитало НАСА позднее, взрыв произошел в районе часа дня местного времени, то есть начало тревожного времени приходилось на девять утра в субботу, в то самое время, когда Харви принялся читать бюллетень, чувствуя нарастающий интерес.

Работа закипела.

Для начала Харви нужно было определиться с выбором цели. Затем ему нужно было связаться с принимающими станциями через ретрансляторы, используя восстановившуюся на время после периода помех связь, с тем чтобы найти операторов, которые дежурили бы в момент апробирования нового способа связи. Следом требовалось задействовать на время крупнейший экспериментальный радиоузел компании в Ред-Бэнке, что означало быстро отыскать в субботу администратора лаборатории и получить от него устное разрешение провести несколько длительных испытаний. Наконец, Соммерштайну предстояло определить смещение волны в различных измерениях, используя имитатор планетария для размещения планет и их спутников, а также программу, которая будет отображать движущийся в Солнечной системе фронт ионной волны.

Для математического ума это было хорошее упражнение. Сначала выбрать цель, потом организовать вычисление маршрута смещения.

Для испытаний Харви в конце концов выбрал неосвещенную сторону Марса. Подумав минуту, он решил не связываться со спутниковыми колониями вокруг Юпитера и Сатурна, поскольку те слишком зависимы от фирм и чересчур ориентированы на выгоду, а не на сотрудничество. Отверг он и независимые станции из пояса астероидов, которые слишком независимы, чтобы пойти навстречу вежливой просьбе с матушки-Земли.

Марс подходил для его задачи как нельзя лучше: установив-

шийся мир, где имеется довольно не слишком занятых людей, готовых поучаствовать в испытаниях. Единственную трудность создавал период вращения Марса. За время предупреждения планета сумеет, скорее всего, совершить полный оборот. Поэтому Харви Соммерштайн решил отправить свое послание ко всем работающим на Марсе станциям, запросив, чтобы они назначили кого-либо прослушивать с рассвета до заката эфир на частоте, которую пока еще не воспринимал широкополосный ретранслятор на Фобосе.

Харви вместе с операторами сошлись на том, что радиодиаграмма будет передана на частоте в десять герц миллионного диапазона. Передатчик лаборатории легко сумеет осуществить сеанс связи на частоте, на которую могут настроиться все приемники Марса. Разумно было предполагать, что на такой необычно длинной волне отсутствуют другие передающие станции, и в то же время длина волны позволит Харви обеспечить наилучшее отклонение от рассеянного и экспоненциально возрастающего облака частиц. Предварительная подготовка отняла все субботнее утро и добрую часть дня.

К полудню по нью-йоркскому времени Харви получил извещение о том, что первый поток частиц уже достиг Земли. Столь стремительное развитие событий означало, что ионное облако движется с исключительной быстротой. Похоже, что высокозаряженные частицы двигались плотными рядами, что обеспечивало хорошую отражательную способность. Между тем скорость прохождения облака по Солнечной системе не давала Соммерштайну возможности испробовать пуск по внутреннему углу. При такой скорости фронт волны достигнет Марса не позднее чем через десять часов после прохождения Земли, то есть к семи вечера в субботу.

К этому времени Соммерштайн всерьез подумывал о том, чтобы изменить место проведения эксперимента. Однако большинство согласившихся участвовать уже были вовлечены в действие. Изменение главных приемных станций в последний момент могло привести к тому, что смещение будет направлено в сторону Плутона, где на его послание никто не ответит. Так что Харви оставил договоренности в силе, отказавшись от запуска под внутренним углом, а также от моделирования с целью совершенствования техники проведения испытаний.

Всю вторую половину дня и вечер Харви потратил на спор с помощником администратора Полом Пирсом, который решил под конец лыжного сезона отдохнуть в Зеленых горах. Используя сотовую связь, Харви вел переговоры со всем аппаратом Пирса, который проводил свой выходной день в Большом Нью-

Йорке: дома, в ресторанах, барах, на дискотеках и представлениях двух разных театров на Бродвее. Все упорствовали в стремлении оставить передатчик продолжать испытания внутри атмосферы. Затем, уступая просьбам, стали интересоваться, каким образом Соммерштайн, в распоряжении которого имелась предоставленная субсидия, собирается оплатить использование оборудования и электроэнергии, затраченных на испытания. В свою очередь Соммерштайн давал обещания, заключал сделки, подчинялся ограничениям и скрещивал пальцы при всяком произносимом им слове.

Поздно вечером Харви предстояло объяснить все заново одному из программистов лаборатории, вызванному в неурочное время и назначенному для ввода волны в планетарную систему. По крайней мере, к тому времени Харви уже имел достаточно надежные данные о скорости, плотности и внутренней энергии магнитного шторма, чтобы сообщить их технику, которого звали Кэл Уорнер. Специалист казался настолько сонным и раздраженным тем, что его втянули в это дело, что Харви не мог с уверенностью сказать, использовал ли тот сообщенные ему данные.

Рано утром в воскресенье облако направлялось к поясу астероидов. Соммерштайну предстояло решить, повлияют ли на отражающие свойства ионной массы кремнистые и углеродистые камешки с добавлением железистых сплавов. Харви счел предпочтительной мысль, что это не повредит, хотя и погоды не сделает. Главная проблема заключалась в том, что чем дальше от Марса продвигалась волна, тем шире становились каналы передачи сообщений.

Но Харви Соммерштайн продолжал эксперимент.

К текущему моменту времени, воскресному полудню, Марс находился над горизонтом Большого Нью-Йорка. Инженеры внимательно слушали эфир на станциях, а сама программа была создана, отлажена и работала как хронометр. В виртуальном шлеме Харви провел целых семь часов, проигрывая все возможные углы для передачи сообщения и надышавшись углекислым газом до помутнения в голове. А между тем он по-прежнему не мог передать привет посланникам Марса.

Внутри шлема над головой Харви простиралось темное пространство. Светло-серые линии обозначали основные созвездия, соединяя яркие точки звезд. Перед ним лежала условная карта неба, используемая для вычисления астрономических координат. Его же место на Земле обозначалось зеленым шариком.

Марс отклонился на семнадцать градусов к северу с восходом над горизонтом небесной сферы в два часа пятьдесят минут. Харви считывал позицию внутри шлема и одним касанием паль-

ца вносил изменения в программу. Маленькая красная точка горела в двадцати градусах справа от ярко-белого солнечного диска. Максимально используя возможности имитации, Харви удалось смоделировать блеск ледников, однако он был еще далек от того, чтобы ввести в программу спутники Марса: Фобос и Деймос, которые были значительно меньше и ближе к главной планете, чем Луна к Земле.

Ионная волна от солнечного взрыва, направляющаяся к красной точке, предстала его взору в виде растянутой по карте неба серебристой фигуры, напоминающей по форме пончик.

Соммерштайн второй раз произвел касание для пуска новой радиограммы. Во исполнение по черному пространству побежали серые столбцы цифр, показывавшие небесные координаты и дальность в километрах до цели.

За десятую долю секунды машина сообщила ему два угла: Земли и Марса, определяя характер отклонения. Показался голубой конус, указывавший движение луча, вонзавшегося дальним концом в красную точку.

— Хорошо, Дональд, — сообщил Харви оператору, сидевшему в кабине передатчика, — передавай сообщения этим путем.

Соммерштайн знал, что сейчас в шлеме у оператора бегут те же самые цифры, которые надо всего-навсего переадресовать киберу, управляющему внешним устройством станции.

— Понял, — послышалось в ответ.

Антенна повернулась и обеспечила связь, отправив в пространство луч, окрашенный в программе Соммерштайна желтым. Когда предполагаемый и истинный пути сошлись, появились зеленые участки, показывавшие места совпадения.

Зеленых пятен было не так уж много, покрыть полностью планету не удалось.

Возникла проблема с передатчиком. Снова и снова антенна,двигающаяся на гидравлической платформе и вращающаяся внутри противовесной люльки, не поспевала за сигналами имитатора и командами Харви, как если бы для игры в бильярд у него был не кий, а небольшое сосновое полено.

— Ничего, Дональд, — ободряюще сказал Соммерштайн, — это только начало. Посмотрим, будет ли на этот раз ответ.

Пройдет без малого тридцать три минуты — двадцать на передачу и еще тринадцать на ответ с ночной стороны Марса, переданный через ретранслятор на Фобосе, — прежде чем Харви узнает, какая часть зеленых совпадений конуса сумела донести его сообщение и вообще имеет ли смысл принцип отражения сигналов от ионизированной волны.

— Жди, — сказал Харви оператору. — Но будь готов попробовать еще раз без десяти три.

— Слушаюсь, босс.

Зачем вообще Соммерштайн взялся за это? Для чего ему потребовалось тратить усилия, время, часы сна и драгоценные премиальные на это нелепое занятие? Особенно если учесть, что солнечный взрыв, как отмечалось в бюллетене НАСА, являлся просто аномалией, явлением, которое на Земле не наблюдали уже сотню лет.

Да потому что в глубине души Харви Соммерштайн не верил этому. То, что произошло в космосе однажды, может повториться снова. А вдруг взрывы и ионизированные волны станут в будущем неизбежным явлением, появляясь столь же неожиданно, как тайфуны или ураганы. Как показали последние три дня, эти феномены могут оказаться очень опасными для разбросанного по планетам Солнечной системы человечества. В особенности это касается линий связи. Если луч смещения Соммерштайна послужит хоть раз для оповещения, защиты, а может статься, и спасения жизней, то все затраченные усилия не напрасны. А если взрывы станут частым явлением, то его изобретению не будет цены.

Однако в тот момент, после тринадцати последовательно неудачных попыток, вклад Харви в теорию и практику межпланетных коммуникаций не стоил, казалось, и ломаного гроша.

Но Соммерштайн намеревался попытаться снова, еще через двадцать восемь минут, а если понадобится, он был готов работать всю ночь.

Хребет Тарсиса

Олимпийские горы

Долина Маринерис

Плато Хрисеиды

**Компания «Мюррей-Хилл лабораториз»,
24 марта 2081 г., 11.23 местного времени**

Харви Соммерштайн показался на рабочем месте в лаборатории как раз перед ленчем. Его била нервная дрожь, и он часто позевывал, ведь поспать удалось лишь четыре часа. Перед глазами плясали разноцветные точки и линии, не то последствия чрезмерного физического и умственного напряжения, не то образы, оставшиеся после пятнадцати часов непрерывного сопоставления планетных координат и векторов передачи внутри компьютерного шлема.

Здравый смысл подсказывал Харви, что в таком состоянии ему лучше провести денек дома. Но инстинкт политика говорил, что ему нужно быть готовым доложить о результатах, о *любых* результатах, администраторам лаборатории, после того как он израсходовал огромные объемы эфирного времени и денег в бесплодных попытках поздороваться с обитателями Марса.

По прибытии Соммерштайн первым делом опустошил ящик с электронной почтой. И точно, поверх бумаг лежал электронный запрос от Пола Пирса, предлагавшего явиться на официальную встречу тет-а-тет в кабинете администратора. Записка гласила: «как только окажется удобным», что в переводе означало: «немедленно, сукин сын».

Соммерштайн уже собирался дать ответ, когда некое шестое чувство подсказало ему задержаться на пару минут и просмотреть содержимое до конца. В ящике было двадцать три письма, и все с инопланетной маркировкой. Харви всмотрелся пристальнее. На всех стояло слово «Марс». Соммерштайн немедленно принялся читать.

«Получили вашу радиограмму от 13.45 единого времени», — сообщил оператор ночной смены из Аэрополитанского центра на хребте Тарсиса.

«Передача чистая, без повреждений», — был ответ из обсерватории в Олимпийских горах.

«Привет, Харви!.. Поздравляем!» — пришло послание от пятнадцатилетнего корреспондента из Июс-Часмы, которая являлась частью долины Маринерис.

«Уже получили три ваших сообщения. Все получены без единой ошибки», — ответили с геофизической станции «Хрисеида» неподалеку от кратера Домор.

«Продолжаем принимать сообщения», — прокомментировали со станции на Тарсисе немного позже.

«Уже целых семь!» — восторгался подросток.

«Наверное, хватит!» — из Майя-Валлис.

«Харви, это начинает надоедать».

«Ваша точка зрения элегантно подтвердилась...»

В завершение Харви получил письмо, подписанное кем-то из руководства центра на Тарсисе, в котором просили «освободить оператора для других задач».

Каждая из двадцати девяти радиограмм была принята кем-либо на Марсе. Некоторые были даже переданы дальше через трансформатор, а две получены на освещенной стороне Марса, но во временных рамках они все уложились в период после смещения.

Эксперимент Харви успешно претворился в жизнь. Но поче-

му же он ничего не слышал от получателей во время своих двадцати девяти сеансов радиосвязи?

Ответ лежал на самом доньшке. Это была записка от кибера, который отвечал за доставку электронной почты в лабораторию. Текст был доставлен последним и, в соответствии с протоколом «первый входящий — первый исходящий», лежал в самом конце.

«При прохождении через Межпланетную почтовую службу Марса документы были задержаны на двенадцать-двадцать часов в силу систематических отказов ретранслятора на Фобосе. Почтовая служба приносит официальные, пусть и не гарантирующие восполнения потерь, извинения за опоздание при доставке».

Теперь становилось понятным упорное молчание абонентов, когда он снова и снова слал сигналы, а также хлынувший поток ответов.

Собрав распечатки всех писем, Соммерштайн принялся оформлять отчет для собеседования с заместителем администратора. Все прочее было уже делом техники.

Часть шестая

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Сколь превосходны дела рук твоих,
Повелитель Вселенной!
По небу
Плывет Млечный Путь,
Открытый для странников,
Для тварей со всей земли...
Встающий, сияющий, в странствиях
и Возвращении,
Всю тьму вещей сотворил ты один:
Города и деревни, дороги и реки.
Всякий видит тебя,
О Атон над Землей.

*Из «Гимна Солнцу»
фараона Эхнатона*

Глава 29

В ОЖИДАНИИ

*Валет бубен
Туз трэф
Двойка трэф
...Дама червей*

**Кабина Б-9 на борту исследовательского космолета «Юла-3»,
24 апреля 2081 года**

Питер Спивак уставился на появившуюся перед ним червонную даму. Когда карта мелькнула в первый раз, Питер подумал было, что это еще один валет, идущий к открытому им бубновому валету и валету пик, который он держал закрытым. С тремя валетами кон останется за ним.

Но сейчас выяснилось, что перед ним вероломная дама червей. Плохая для Питера карта во всякой игре, так что увидеть ее было двойным потрясением. Он уставился на ее лицо, сиявшее холодной жеманной улыбкой Моны Лизы.

— Пит, ты собираешься играть? — спросил Митч Норт. — Двадцать за тобой.

— Он по-прежнему волнуется насчет своей девушки, — заметил Эрик Портер, точно прочитав мысли Питера.

— Я... м-м... ну, может быть, немного, — ответил Спивак, надеясь, что смущением сумеет скрыть правду о том, что втайне надеялся на третьего валета.

— Женщины — это боль, — заметил бывалый космоплаватель Митч, — люби и оставляй их на Земле, которой они и принадлежат.

— Пит хочет, чтобы она прилетела к нему на Марс, — объяснил Портер. В кабине Б-9, где четверо мужчин размещались всего в пятнадцати кубометрах пространства, всякий раскрытый в ночной тьме секрет рано или поздно становился известным всем. Но черт поberi Эрика за его болтливость.

— Она спросила, можно ли ей приехать, — тихо сказал Спивак.

— До того как ты улетел? — громко осведомился «космический волк».

— Нет, потом. Ей понадобилось время, чтобы привыкнуть к мысли покинуть Землю. Она еще ничего не решила, когда я улетал.

— А как ты узнал об этом?

— Она послала мне пленку с записью через неделю после того, как мы вышли на орбиту Марса... Кто-то напал на нее в Нью-Йорке, и она решила покинуть Землю.

— Ну и что ты ей сказал?

— Естественно, пригласил к себе...

— Ты говорил с ней лично? По двусторонней связи?

— Нет, я не был уверен во временной разнице. Поэтому оператор предложил мне просто послать ночное письмо.

— Весьма интересно, — заметил космолетчик.

— Это было очень убедительное письмо, — пустился в объяснения Питер, — ведь я действительно хотел, чтобы она представила свои работы фонду как технический иллюстратор и вылетела со следующим кораблем.

— Но она ничего не ответила, — объяснил Портер. — Ни строчки!

— И все это в ту неделю, когда мы достигли орбиты и сошли с нее, — задумчиво произнес Норт. Он постукивал картами по столу, словно о чем-то размышляя. — Это было как раз в то время, когда нас настиг солнечный взрыв, так?

— За день или два до того.

— Правильно, — согласился Норт, хотя было неясно, к чему он клонит. — Потом ты связывался с ней?

— Ну... — Питер сделал паузу.

Его глубоко обидело ее молчание. И сейчас он не был уверен, хочет ли, чтобы сотоварищи разбирали по косточкам его интимную жизнь, затрагивая мужскую гордость... Но какая разница! Так или иначе, все дойдет до их ушей.

— Она была не совсем уверена в своих планах, когда отсылала кассету, — выговорил Питер, — поэтому, когда на мое письмо ответа не последовало, я понял, что она опять передумала.

— И ты больше с ней не связывался?

— Нет.

— Даже из радиорубки, просто чтобы убедиться, что твое письмо получили?

— Почему я должен был это делать? — Хотя Норт задавал вопросы в весьма дружелюбном тоне, от такого допроса Питер медленно приходил в ярость.

— А почему бы и нет? У нас здесь исследовательский космолет, а не гостиница. Порой письма задерживаются в пути или даже... Господи! Тебе же никто ничего не сказал!

— Так скажи мне ты, в чем все-таки дело! — Питер уже устал от разговора.

— Был сбой связи. Солнечный взрыв вызвал волну насыщенных энергией статических помех, которые разорвали все линии. Это случилось примерно за день до того, как мы свернули работу, готовясь к магнитному шторму. Так что, если твое ночное письмо транслировалось в этот момент, следов теперь не сыскать.

— Но почему же связист ничего не проверил? — изумился Питер.

— Что? Проверить неофициальный разговор? Да он наверняка даже не зарегистрировал письмо при передаче.

— Тогда... она наверняка думает... что я не...

— Месяц — большой срок, парень. Наверное, ты снова ее потерял. — Митч Норт склонился над картами: — Так ты будешь делать ставку или как?

Кручение

Вращение

Удар!

Удар!

112 Дак-Понд-серкл, Сэг-Харбор, Большой Нью-Йорк,
25 апреля 2081 г.

Вилка в руке Шерил Хастингс ходила все быстрее и быстрее, превращая розанчик масла в желтое месиво. Когда оно стало сползать с тарелки, мать Шерил посмотрела на нее.

— Дорогая, ты так все размажешь, — тихо заметила она.

— Извини, мама.

— Надо отдавать себе отчет в том, что ты делаешь.

— Знаю, но не могу думать...

— Шерри, ты и не думала. Ты мечтала. — Джейн Хастингс энергично сдвинула на край стола книгу рецептов и выставила вперед локти. Лекция началась: — Одни мечты уносят нас куда-нибудь, а другие — просто водят по замкнутому кругу.

— Хорошо, мама. Значит, я мечтала.

— Не можешь ли ты назвать мне предмет мечтаний?

— М-м... Мне нужно услышать ответ из фонда. Либо да, либо нет, но они молчат. И я не могу понять причину. С одной стороны, мои работы не настолько хороши, чтобы понадобилось созывать какой-нибудь всемирный комитет для экспертизы. С другой стороны, они и не настолько плохи, чтобы никто не решился мне позвонить, боясь обидеть. Так почему никакого ответа? Полная неопределенность.

— Может, у них слишком много обращений, так что быстро и не решить, — предположила Джейн. — Прошел лишь месяц. К тому же все эти обсуждения в комитетах, судейских группах — бумажная работа отнимает столько времени.

— Но хоть что-то я должна услышать.

— Это все, что тебя волнует?

— Ну... Питер тоже. От него давно должна была прийти весточка.

— Разве я не предупреждала тебя, что не нужно посылать пленку из больницы? Дорогая, ты выглядела не самым лучшим образом.

— Я хотела быть честной с ним.

— Быть честной означает держать лицо подальше от видеокамеры, пока оно не заживет. Нет, мне кажется, что ты хотела быть жестокой — показать Питеру, к чему привел его отъезд... Или надавить на его жалость.

— Нет. Я просто думала, что он может увидеть...

— Ты хотела показать ему, что не умеешь сама о себе позаботиться? Чтобы он подумал, что ему следует сделать это за тебя? И мне кажется, ты показала лишь, какой дурочкой можешь быть.

— Ладно, мама. Пусть будет так.

Джейн Хастингс слегка вздохнула:

— Нет, дорогая. Я не хочу этого «пусть будет так». Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я хочу поехать на Марс. Хочу быть с Питером.

— Тогда хватит мечтать об этом.

— Почему нет?

— В дни моей юности, о которой ты думаешь как о временах юбок с разрезом и открытых автомобилей, женщине вовсе не обязательно было быть столь застенчивой и далекой от жизни. Или столь же глупой.

— Мама!

— Почему бы тебе самой не сделать что-то? Позвонить в фонд и вежливо спросить, получили ли они твое прошение или оно затерялось на почте. Свяжись с Питером и спроси его о том же..

— Не знаю. Я полагаю, что боюсь быть отвергнутой. Дважды.

— Когда впереди долгий путь, знать наверняка менее больно, чем просто ждать и надеяться.

Бум

Бум

Бум

Бумм!

Радиорубка космолета «Юла-3», 25 апреля 2081 г.

Связист первого класса Уилбур Фредрикс оторвался от игры, увидев, что к нему приближается Питер Спивак, держась за левый локоть.

— Ударился? — дружелюбно спросил он.

— Неудобное место для поворота, — смутился Питер.

— Да, я сам здесь всегда притормаживаю... Чем могу быть полезен?

— Хочу послать кассету. Нет, лучше двусторонняя связь, если это возможно.

— Почему нет. Куда?

— Как и в прошлый раз, Сэг-Харбор, Большой Нью-Йорк.

— Так, а временная разница... неплохо, — заметил Фредрикс. — Мы только что получили почту, и на одном из писем стоит обратный код Сэг-Харбора. Интересное совпадение, правда?

— Сообщение вернулось? — Лицо молодого человека застыло, словно после удара по голове чем-то тяжелым.

— Да нет же! Кто заплатит, чтобы вернуть посланные волны. Я имел в виду, что письмо пришло из Сэг-Харбора.

— Для меня?

— Сейчас посмотрим. — Фредрикс отложил в сторону игру, повернулся к пульту и стал прогонять список сообщений. Под номером семнадцатым он нашел искомое. — Ну, если ты Питер Спивак, то для тебя.

— Я могу его получить?

— Парень, мне надо все рассортировать. Сначала я отделю документы от частной переписки, декодирую и отправлю официальные бумаги, а уж потом займусь письмами. Давай после обеда...

Питер слабо улыбнулся:

— Не мог бы ты один раз нарушить обычный порядок, вытащить письмо под номером семнадцать и просто отдать его мне?

— Придется делать специальный отбор.

— ...А это тяжело?

Фредрикс изучал молодого человека.

— Да, работа тяжелая, — важно заметил специалист по связи. — Но вот что я тебе скажу. Для такого друга, как ты, разобьюсь в лепешку.

— Ур-ра!

— А однажды, скажем, когда мы вернемся на Землю, может быть, ты сделаешь одолжение для меня.

— М-м... конечно. Какое?

— Представь меня этой девушке.

— Почему нет. Я думаю, она будет рада тебя видеть.

— Вдруг у нее есть сестра, которая хочет эмигрировать.

Спивак долго смотрел на Фредрикса.

— Извини, у нее нет сестер.

— А близкая подруга?

— Конечно. Шерил знает массу интересных людей на Земле.

— Тогда по рукам. — Оператор повернулся к пульту и стал распаковывать сообщения. Вдруг он внезапно повернулся к Питеру: — А ты собираешься послать свое?

Питер улыбнулся:

— Дам тебе знать через две минуты.

Глава 30

ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ

Цянг пр БГК2 3:2 Д

Моррис био. пр. Уит. —цен. 2:1 Д

Карлин и др. пр. Сп. бер. 9:4 П

Ааронсон этал. пр. Вирти 30:1 П

**Компания «Бингэм и Бингэм», Трой, Нью-Йорк,
29 апреля 2081 года**

Боже, что это? Кто это? Наверное, просто ошибочная распечатка.

Луи Бингэм по прозвищу Затычка подергал мускулом левой щеки, чтобы перегнуть линии на экранах. Ну какой дурак возъ-

мется за дело, если шансы на успех столь незначительны, — тридцать выступают против одного? Когда курсор подошел к директории «Ааронсон этал», Луи кивком головы вызвал справочные материалы.

Теперь все стало на свои места, и Бингэм подумал, что стареет и теряет былую зоркость. Во-первых, там было имя истца, первое в ряду других, а во-вторых, сокращение «этал» от латинского термина «эталиа», что означало «и другие». Так Луи сделал вывод, что перед ним гражданский иск, рассмотрение которого судом становилось все более сомнительным.

Тем более такого уровня.

«Вирти» представляла собой аббревиатуру компании «Виртуальность», известной как конгломерат, занимавшийся киберимитацией информации и развлечений. Причины для иска, на взгляд Луи, были весьма необоснованными. Под названием «Ааронсон и др.» скрывались 2 254 361 истец, которые либо сами были клиентами компании, либо наследниками и опекунами, действовавшими от их имени. Клиенты, чьи головы пострадали в результате солнечного взрыва 21 марта, предъявляли иски компании на основании якобы имевшей место халатности фирмы во время передачи «сигналов для электроорганического интерфейса» через «цепи, подверженные внезапным воздействиям, включая электромагнитные помехи из всех источников». Иными словами, компании не следовало использовать коммерческие телефонные лучи для связи с клиентами. А если лучи все же использовались, то следовало установить предохранители в оборудование для обычной и конференц-связи за счет компании, чтобы защитить пользователей от возможных взрывов на Солнце.

— Правильно! — воскликнул Луи Бингэм, который сам знал кое-что о преступной халатности. — Я и сам куплю такой предохранитель.

При таком повороте дела тридцать к одному выглядели великодушно.

Бингэм знал, что было время, когда гражданские иски являлись сугубо частным делом. Ведущие тяжбу обсуждали дело в зале судебных заседаний, а потом суд присуждал иск той или другой стороне. Лишь в случае, если судившиеся были известными людьми, суд привлекал к себе внимание прессы.

Все это было около ста лет назад, когда существовало понятие гражданского долга. В те годы граждане могли заседать в суде, выслушивать обе стороны и даже выносить порой разумный вердикт.

Однако с 2032 года штат Калифорния, к примеру, не созывал суд при слушании дел гражданского состояния, и лишь не-

сколько раз разбирались уголовные дела. К тому времени многие люди не могли стать членами суда в силу судимостей или по другим мотивам. Они даже не регистрировались как избиратели и уклонялись от налогообложения. Некоторое время все дела разбирались в судебной палате, пока список дел на рассмотрение не растянулся аж до грядущего века. А затем «судейский бунт» в 2042 году положил конец рассмотрению всех дел, хотя человеческое желание взыскать убыток с обидчика осталось.

Посему, потворствуя духу игр и развлечений, законодательная палата Калифорнии провела Закон от 2044 года о присуждении дела Актом рефери и референдума. В нем говорилось, что всякий желающий взыскать ущерб с другого должен подать петицию (тут же развелась масса профессиональных жалобщиков, готовых за деньги состряпать прошение) и представить ее в юридическую комиссию штата. Если комиссия находила прошение обоснованным, тогда оно вкуче с еще четырьмя запускалось в один из будущих выпусков лотереи «Лотто». Ну а потом всякий, кому доставался такой билет, мог выступить в роли вершителя правосудия. Все решения суда народного арбитража считались окончательными.

Прошло немного времени с тех пор, как все другие штаты, заваленные разбором дел, приняли похожие законы. Вся суть заключалась в том, что во всяком штате, да и во многих округах и муниципалитетах тоже, имелись свои лотереи. В пожарном порядке федеральный суд установил такой закон для большинства дел, как гражданских, так и уголовных.

А еще через некоторое время компания «Будущее закона» открыла сети пунктов по исчислению шансов и проведению ставок по искам. Честно говоря, она не была ни первой, ни единственной системой тотализатора, образовавшейся вокруг суда народного арбитража. Однако одна лишь эта компания сумела устоять после целой серии скандалов. Теперь она вышла на общенациональный уровень и публиковала «Око закона», реестр, в котором ежедневно для удобства игроков публиковались текущие дела.

Большинство игроков составляли юристы, которые зарабатывали на существование тем, что пытались угадать победителей и состязаться с досужей публикой. К примеру, четырнадцать местных фондов, двадцать шесть зарегистрированных консорциумов и инвестиционных групп, а также около тысячи любителей пустить на ветер денежки держали счета в компании «Бингэм и Бингэм». Фирма Луи руководила их действиями и раз в квартал отчитывалась о доходах и тратах.

Вся деятельность юристов свелась фактически к написанию кратеньких, в один абзац, описаний мотивов иска для желаю-

щих затеять тяжбу, сбору подписей под петицией и представлению ее в судебную комиссию. За такую деятельность Бингэм мог взять с клиентов не больше пяти сотен долларов. Согласно правилам этики, юрист не мог делать ставки по мотивам, которые сам и излагал, поскольку здесь имело место некое столкновение интересов в силу знания обстоятельств дела, полученного из первых рук. Немногие крупные фирмы занимались гражданскими исками, поскольку на других делах можно было заработать значительно больше.

Так есть ли сегодня утром что-нибудь получше этого «Ааронсона»?

«Карлин и др. пр. Сп. бер.» предъявлял другой иск того же рода, а потому никто им не заинтересовался. Однако при чтении кое-что интересное обнаружилось. Доводы, приводимые пострадавшими, были такими же необоснованными, как и в предыдущем иске. Истцы утверждали, что в силу недоработок в конструкции скафандров они получили высокие дозы облучения. В справке солнечный взрыв двадцать первого марта впрямую не упоминался, однако это и так было очевидно. «Карлин и К^о» считали, что постоянство «космической радиации», которая в отличие от взрыва является полностью предсказуемым феноменом, должна была заставить управляющего курортом обеспечить костюмы значительно большей защитой.

Довод был, конечно, слабым, поскольку космические лучи при нормальных условиях испускания к летальному исходу не приводили. Однако все, что имело отношение к радиации, являлось фитилем к пороховой бочке некомпетентной публики. Так почему прогноз столь пессимистичен, всего-навсего девять к четырем?

На первый взгляд в группу входили разные люди. Большинство, несомненно, являлось клиентами компании «Спокойные берега», однако при внимательном прочтении оказалось, что в число истцов входит и гид, который выводил группу на прогулку по Луне и являлся служащим компании. Присутствие в списке кого-либо, кому следовало знать о риске, на который идет фирма, и тем самым сделавшего свой выбор сознательно, снижало шансы наполовину. Хотя, возможно, и не настолько, чтобы повлиять на решение суда народного арбитража. Судьи никогда не читают справки — правило первое. А если и прочтут, то не поймут — вот вам и второе правило.

Еще одним слабым моментом являлось имущественное состояние ведущих тяжбу. Все они, исключая, пожалуй, гида, являлись весьма богатыми людьми, могущими позволить себе роскошь отдохнуть на Луне. Половина из них к настоящему времени уже скончалась от радиации, а это означало, что их

состояние унаследовали родичи. Симпатии публики никогда не были на стороне толстосумов.

Девять к четырем: весьма четкий анализ.

Следующий иск, связанный с солнечным взрывом, выглядел более обнадеживающим.

Компания «Мориссей биодизайнс» вела прекрасное, если не сказать изумительное, дело против космодрома Уитни. К моменту, когда груз компании был отправлен в стартовую шахту, где он и был уничтожен из-за магнитной нестабильности, НАСА уже предупредило операторов центра о последствиях взрыва. Записи сохранились. Операторы пошли на заведомый риск и проиграла. Встречный иск космодрома о форсмажорных обстоятельствах не пройдет, учитывая публичное заявление НАСА.

Так что дело будет открыто и закрыто. На руку компании играет и то обстоятельство, что теперь учинить иск правительству или даже такой полуправительственной организации, как этот космодром, стало легче, чем выловить рыбу из ванной. Единственное, что удерживало ставки от дальнейшего роста, был фактор жалости: люди могут почувствовать себя неудобно, когда будут присуждать два миллиона за невыполнение контракта клиенту, в то время как космодром потерял семнадцать миллиардов при той же аварии. Однако на сочувствие играющей публики рассчитывать не приходится.

У Луи Затычки было свое правило: не заниматься исками, обреченными на успех. На верных делах нельзя развернуться.

За дело Цяна, с его точки зрения, браться не стоило. Доводы были слишком логичны. Уинстон Цян-Филипс не стал выдвигать иск за полученную нервную травму, хотя доказательства на сей счет имелись и сочувствие публики можно было гарантировать. Вместо этого он опротестовал решение биржи «Гонконг-2» вернуть рынок назад на десять часов после разрушения сетей связи. Тем самым, по мнению Цян-Филипса, его деловые перспективы растаяли как дым.

Обычно биржевые дела и споры мало интересовали общественность. Люди привыкли относиться к обеим сторонам как к жуликам и мошенникам. Однако полюбуйтесь, где предьявлял свой иск Цян! В Калифорнии! Здесь его китайская фамилия неизбежно привлечет к себе внимание азиатского меньшинства штата, а китайские игроки известны своим пристрастием в таких делах. Наверняка они изучили справки, чего никогда не делают судьи, и купили лишние билеты, чтобы иметь возможность высказать свое мнение.

Так что еще надо посмотреть, чем дело кончится.

Что до его собственного бизнеса, от солнечного взрыва

практически никакого толку не было. Луи смог найти всего десяток таких случаев из тысячи представленных файлов. Бингэму даже пришла в голову мысль черкнуть заметку в его месячный бюллетень, советуя клиентам держаться в стороне от астрономических казусов. Статью под интригующим названием, нечто вроде «Держитесь лучше астрологии».

Самое время заняться основой основ его благополучия — разводами и транспортными происшествиями. Луи Бингэм дважды подергал мускулами лица, меняя регистры на экранах.

Так, посмотрим, что у нас по несчастным случаям.

Глава 31

ГЛЯДЯ НА ЗВЕЗДЫ

Вращение...

Остановка...

Удержание...

Скольжение!

**Солнечный телескоп Мак-Мат, Таксон, штат Аризона,
5 мая 2081 года**

Пьеро Моска оглядел безжизненную комнату. Помещение слегка подсвечивалось слабым отблеском неба, отражавшегося в системе зеркал. Десяток карманных фонариков, которые держали в руках По и его спутники, отбрасывали неясные тени. Под ногами колыхались отливавшие золотом на свету комочки пыли.

Снаружи сооружение оказалось в гораздо лучшем состоянии, чем ожидал Моска, но внутри выглядело совершенно заброшенным. С дороги, которая вела к звездным обсерваториям на пике Китта, телескоп Мак-Мат казался произведением оригинами, потрясающим своим совершенством.

Тридцатиметровая вышка, поддерживающая следящий за Солнцем гелиостат, так и сияла. Яркие панели из широких листов белого металла защищали подъемные и следящие устройства от прямого ветра, а также скрывали и защищали шестиугольник из цементных плит, уходивший глубоко в горную крепь. Другое видимое на поверхности сооружение — верхушка оптического тоннеля, представлявшая собой трубу водяного охлаждения, установленную на полярной оси, чтобы передавать солнечный отблеск на сто сорок метров вглубь, — ярко лучилось. Его закрытый плитами параллелепипед стоял под уклоном в сорок пять градусов и касался верхнего края вышки.

Сама вышка и верхний край тоннеля напоминали вырезанные из бумаги фигурки, склеенные вместе фантазером-ребенком. Прошли десятилетия с тех пор, как телескоп прекратили использовать, но климат Аризоны пощадил его. Солнце лишь выбелило стены, а там, где краска сошла, сильные ветры отполировали поверхность до зеркального блеска, не позволив редким дождям оставить ржавый след.

Но внутри холма телескоп сохранился не так хорошо. Врывавшиеся через открытый верх тоннеля вольные ветры нанесли небольшие дюны из коричневой пыли туда, где основная и вспомогательная вогнутые линзы шириной в полтора метра улавливали солнечный отблеск, поддерживали его и направляли в глубину — в комнату наблюдений и в отсек спектрографа. Там, в нишах, находящихся на глубине десять-тридцать метров от земной поверхности, шел лабиринт плит, камер, дифракционных решеток, которые преобразовывали солнечный диск в кадры на пленке и серии термических проб или анализов длины волн.

Как обнаружили По и его товарищи, именно здесь ущерб был наиболее значительным. После того как телескоп Мак-Мат забросили, никому и в голову не пришло переместить или просто закрыть чем-нибудь массивный гелиостат и закрепленные в тоннеле линзы. Что до более легкого и портативного оборудования, то оно было продано, обменено или просто разбито. Комната наблюдений и кабинеты превратились в пустые холодные боксы. Из голых стен торчали остатки проводов и труб. С потолков снимали даже крепления для ламп.

По посмотрел наверх, на последнюю линзу, установленную над комнатой наблюдений. Через нее виднелся неправильно отцентрированный гелиостат. Измененное отображение состояло на девяносто процентов из голубого неба, подернутого на один квадрант легкой дымкой, а десять процентов составляли заросли темно-зеленого кустарника, окружавшего комплекс и уже загородившего часть неба. Вид снизу напоминал Моске наблюдение за пейзажем из карманного бинокля.

— Настоящее болото, — высказал свое мнение По, — безнадежно.

Султана Карр проследила за его взглядом, затем щелкнула языком, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не так уж плохо, — беззаботно ответила она. — Линзы надежны и все целы, я только что проверила. Когда мы заменим это старье на современное оборудование, гелиостат заработает как часы.

— Не лучше выйти на орбиту или на Луну? — спросил По.

Входившие в состав группы выпускники института Лоурен-

са, которые учились и работали под руководством доктора Фриде, собрались в кружок, слушая, как их лидеры выясняют отношения.

— Мы не получим денег на пуск нового комплекса или на монтаж его на Луне, — ответила Султана. — Быстро нам их не дадут, и даже если мы получим ассигнования, на два-три года мы выйдем из игры. А станцию можно привести в чувство максимум через полгода... Плюс к этому здесь мы получим фотографии Солнца при полном освещении и в метр диаметром. Шире нам не получить ни на одном из работающих телескопов. Имея снимки такого размера, мы сможем резать их и анализировать нужные области.

— Да, все это так, если не считать пятисот километров загрязненной атмосферы над нами.

Султана пожала плечами:

— Если мы хорошо поработаем здесь, нам, может быть, удастся вывести комплекс на орбиту.

— А Дональдсон пообещала тебе это? — поинтересовался Моска.

Хилари Дональдсон являлась одним из директоров НАСА, одним из главных начальников Джеймисона и высшим руководителем, до которого смогла добраться Султана с группой в те золотые деньки, когда они исследовали Солнце, а их предупреждение о солнечном взрыве с такой наглядностью подтвердилось.

— Многого она не обещала, — призналась Султана, — но дала ясно понять, что так будет.

— Видимо, лучшего нам не найти, — проворчал По, чертя носком ботинка по слою пыли, лежащему на виниловом покрытии. — Впереди много работы.

Участники экспедиции уставились на голые стены.

— И мы не сможем проводить текущие магнитометрические измерения, — добавил По через минуту. — Уж отсюда точно... А ведь вы знаете, что только так мы сумеем предсказать зарождение нового пятна. Таким путем шел Фриде. Нам нужна платформа, вращающаяся на близкой к Солнцу орбите подобно «Гипериону».

— Ну, НАСА не обещало, что запустит целый корабль, по крайней мере сейчас. Но они согласились сделать целую серию автоматических зондов, а результаты проб сообщить через космопорт Ванденберг.

— И все же придется убедиться, что они выделили кибера для сбора и сопоставления информации, — не унимался Моска.

Султана не стала ничего отвечать. Вместо этого девушка прошла дальше по коридору.

— Как ты думаешь, сколько времени понадобится на то, чтобы привести здесь все в порядок? — спросил Лоуэлл Чэн.

— Это зависит от того, что мы найдем здесь, — ответил По. — Если структурное наблюдение еще можно как-то провести, в чем я лично сильно сомневаюсь, то в остальном придется начать с нуля... Нужно будет купить новое оборудование, это точно, а кое-что даже сделать самим. Я имею в виду оборудование для основания телескопа, дифракционные сетки и коллимационные зеркала для стопятидесятисантиметрового спектрографа. Уверен, что ни одна компания такие не выпускает.

Собравшиеся издали легкий смешок.

— Ну а потом компьютерный интерфейс, — продолжал загибать пальцы По. — Никто не делает платы с двойным зарядом такого размера. Нам либо придется сделать специальный заказ в Сингапуре, либо собрать подобие решетки из меньших частей. Пожалуй, так будет дешевле.

— По? — позвала его из прохода Султана. — Иди сюда.

Моска догнал девушку и вместе с ней ступил в затемненный коридор. Две светящиеся точки от фонарей высвечивали то кусок бетонной стены, то выщербленный от времени пол.

— Это административный блок, — объясняла на ходу Султана. — Естественно, все обчищено до нитки. Представляешь, я обнаружила что-то вроде логова. Сделано не то медведями, не то людьми. — Когда По неожиданно остановился, она добавила: — Не волнуйся. Вот уже несколько лет оно заброшено.

— Ты уверена в этом?

Султана пожала плечами и улыбнулась.

— Н-да, мы здорово повеселимся, приводя все в порядок.

Повернув вправо, Султана остановилась возле второго проема и посветила фонариком. В тусклом свете виднелась большая квадратная комната. Вдоль левой стены располагались книжные полки, вдоль правой в ряд выстроились шкафы. По даже ухитрился разглядеть керамическое оборудование в маленькой умывальной комнатке, видневшейся за раскрытой дверью.

— Вот твой рабочий кабинет, — провозгласила Сули.

— Ну вот еще! — откликнулся По. — Мне не нужен кабинет. — По меркам института, помещение было огромным. В нем можно было проводить небольшие семинары, а отсутствие окон компенсировалось высокими потолками. — Так ты мне и должность подыщешь.

— Я думала об управляющем, если, конечно, звание «декан» тебе нравится меньше. В недалеком будущем мы будем получать много просьб от людей, которые захотят у нас учиться... К тому

же тебе всегда хотелось работать на посту Альберта Уитерса, я права? — Султана лукаво улыбнулась.

— Сули, не слишком ли мы торопимся? Я имею в виду, что сейчас мы на гребне истерии, поднятой публикой из-за взрыва на Солнце. Пройдет месяц — и все забудут о шумихе, авариях и беспорядках. Тогда все начнут волноваться по поводу эпидемий, землетрясений и прочих событий, а те фонды, на которые ты так рассчитываешь, достанутся бактериологам, сейсмологам или кому угодно еще.

— Ты забыл о первом правиле берушего, — возразила Султана.

— Это о каком?

— Когда деньги сами плывут в руки, бери их и улыбайся.

— Там было только *одно* солнечное пятно, Сули. Большое, конечно, но одно. С такими данными закономерных выводов не сделаешь.

— Значит, утреннее сообщение тебе на глаза не попало.

— Нет, я был слишком занят приготовлениями к походу.

— Обсерватория Циолковского обнаружила аномалию и передала информацию НАСА.

— И что же они обнаружили?

— Парочку пятен. Маленькие, даже близко непохожие на своего большого собрата. Пятна располагаются так далеко от полюса, почти на восемьдесят пять градусов к северу, что эффект Уилсона делает их практически невидимыми. Но все равно пятна есть пятна.

— Значит, начался цикл? — По почувствовал, как сильно забилося сердце.

— А что же еще?

— Тогда... это меняет все.

— Для многих, — кивнула Султана. — Это касается всей Солнечной системы. Теперь людям придется ждать увеличения помех при связи и сбоев в незащищенной аппаратуре. С другой стороны, увеличение количества тепла, исходящего от Солнца, приведет к климатическим изменениям, на которые Национальное бюро погоды не готово отреагировать. Не удивлюсь, если университетские старички были правы по поводу «парникового эффекта». На Земле наверняка станет гораздо жарче.

— Я понял тебя. И все же не слишком ли мы торопимся?

— Хилари Дональдсон первая позвонила мне сегодня утром, чтобы сообщить эту новость. Они будут записывать все в Ванденберге, а от меня она хотела услышать подтверждение нашего разговора с Джеймисоном, в котором я заявила, что мы можем стать чем-то вроде бюро солнечной погоды. Думаю, мы сможем получить финансовую поддержку также от ООН, Международ-

ной исследовательской системы и ряда корпораций в области транспорта и связи, — добавила Султана. — Хилари предложила связаться с ними прямо сегодня и организовать нечто вроде форума. Если маховик наберет обороты, тогда у нас будут пробы, платформы, зрительные трубы, искусственный интеллект, все, о чем только можно мечтать.

По просунул голову внутрь и принялся внимательно осматривать помещение.

— А ты уверена, что здесь хватит места? — спросил он немного погодя.

Глава 32

НЕВЕДОМЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Зеленый...

Красный...

Желтый...

Фиолетовый...

Двенадцать световых лет позади облака Оорта

Вокруг Халфспина Чарма Красного пульсировал на частотах в диапазоне 1014 циклов корпус корабля. Чарм никогда не уставал от ощущения этих волн фотонного потока, таившихся под оболочкой космолета в связанных гравитацией изгибах. Какая мощь! Какой контроль энергии! При взгляде изнутри корпус светился всеми цветами радуги во всех видимых измерениях, оставаясь при этом невидимым благодаря поглощающим друг друга петлям.

Халфспин Чарм Красный знал, что если на таком близком расстоянии от звезды конструкция корпуса не выдержит, то корабль, он сам и члены экипажа погибнут при взрыве, превосходящем по мощности взрыв сверхновой, и всякий носитель разума на одном из множества энергетических узлов, окружающих это солнце, заметит вспышку и будет чрезвычайно изумлен.

Так не должно быть.

Он сконцентрировал волю на укрепление корпуса и усиление оболочки. Красный настолько погрузился в свое занятие, что не услышал, как волна электромагнитного импульса высокой частоты ударила извне по кораблю.

— Что это? — спросил Твайспун Стрейндж Синий. Его чувственные способности были куда глубже, чем у Красного, и по

этой причине Синий всегда возглавлял экспедиции, следуя естественному правилу.

— Я не... — Красный загнулся и смолк.

— Мы прошли фронт волны с энергией, превышающей 1020 циклов, — сообщил ему командир. — На таком расстоянии ты просто ничего не видишь, — добавил он без тени упрека.

— Я был занят кораблем.

— Как тебе и следовало. — Теперь Синий обратил все свое внимание на Спина Дауна Желтого, который отвечал за направление корабля, в то время как основной задачей Красного было знать его текущее местоположение.

— Желтый, что ты видишь? — поинтересовался командир.

— Мне видится рассвет, сияние, прохождение и возвращение, полный естественный кругооборот, — сообщил Желтый, который, как и все представители его семейства, обладал способностью излучать чувство собственной важности, даже говоря о совершенно посторонних вещах. — Я вижу повелителя Вечности — или 1031 дискретный цикл, что практически не составляет никакой разницы, — важно добавил кварк.

— Звезда чисто горит? — спросил нетерпеливо Синий.

— Да, конечно, — поспешил с ответом Желтый, — за исключением небольшого дефекта, который может объясняться всегонавсего прохождением частицы в моем поле зрения. Я склонен не принимать это во внимание, по крайней мере до тех пор, пока мы не подлетим ближе.

— Как насчет той волны, что только что миновала нас?

— Собственно говоря, это может быть все, что угодно.

— А если нет?

— Боюсь, что тогда дела могут оказаться куда хуже.

— Что говорят миперсы? — спросил командир.

Ах эти миперсы! Халфспину Чарму Красному доводилось слышать рассказы об этих лишенных сознания существах, массивных сгустках заряженных и незаряженных частиц, сотворенных из материи звездной поверхности. Миперсы, подобно лодочкам, сновали по пузырящемуся океану плазмы, и интеллект кварка мог запрограммировать их на следование за магнитными аномалиями, которым подвержены все зрелые звезды. Чтобы добыть хотя бы одного миперса, порой приходилось отправлять на смерть не один корабль с кварками и адронами. Считалось, что на звездах среднего поколения обитают тысячи этих полуразумных созданий.

В разум миперса заложены возбуждение и голод. Радость и силу они способны получать лишь за счет взаимодействия разноименных полей, сокрытых глубоко в звездных недрах. Когда

эти поля находились ближе к поверхности, миперсы исполняли арии высокого напряжения в магнитных сферах, которые кодировали себя в солнечный ветер. Затем кварки через световые годы считывали состояния и использовали их для определения здоровья звезды. Веселые миперсы сулили большую звезду, а с этим и разочарование для находящихся вблизи кварков.

— Да, — повторил Красный, — так что миперсы сообщают о нашей звезде?

— Я слышу от них то, что никогда не слышал раньше, — ответил Желтый.

— Опиши, что ты слышишь, — скомандовал Синий.

— Я не слышу песни возбуждения и голода. Я слышу песню ужаса, прощальную песнь отделения и воспарения. Я слышу конец.

— Так не должно быть, — ответил Синий.

— Да... думаю, так, — согласился Желтый.

— Это большая звезда. Нам не стоит следовать туда, — предложил командир.

— Понял.

— Ты должен проложить новый курс, — отдал распоряжение командир. — Двигаться надо быстро и под высоким углом уклонения. Нам обязательно надо постараться избежать встречи с потоком мезонов и антикварков, которые перемещаются с теми, кто бежит от извержения. Присоединение к ним может оказаться чересчур теплым воссоединением.

— Понял, — ответил Желтый и сосредоточил внимание на других направлениях.

В это же время Красный начал немедленно стягивать энергии корабля, перемещая их местоположение в соответствии с новым курсом. Они проплывали через гравитационные волны, которые звезда, столь близкая и далекая, направляла с не меньшей силой, чем излучала энергию.

— Так, Желтый, куда движемся теперь? — осведомился командир.

— В моем списке имеется молодая звезда-гигант. Она пылкая, своевольная и не очень-то надежная. Но там будет куда веселее, чем на этом капризном карлике из Главной Последовательности, которого пришлось обойти стороной. — По своей природе Желтый всегда быстро отвергал то, что не шло ему в руки. — Этот парень хорош на 1030 циклов.

— Да, так и должно быть, — заметил командир. — Вперед.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИТКИ. Роман. Перевод В. Баканова, А. Корженевского	5
ЧЕРНЫЙ ТРОН. Роман. Перевод В. Задорожного	155
МАСКА ЛОКИ. Роман. Перевод Е. Голубевой	375
ВЗРЫВ. Роман. Перевод В. Козина	612

Литературно-художественное издание

Роджер Желязны
МАСКА ЛОКИ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *М. Мазалова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Луиса Ройо*

ООО «Издательство «Эксмо»,
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

**Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».**
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-87-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий
ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых монтажей 15.03.2005.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бум. тип.

Усл. печ. л. 47,04. Уч.-изд. л. 50,6

Доп. тираж 4000 экз. Заказ 3687.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page — www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

В
Ж

Издательство «Эксмо» представляет

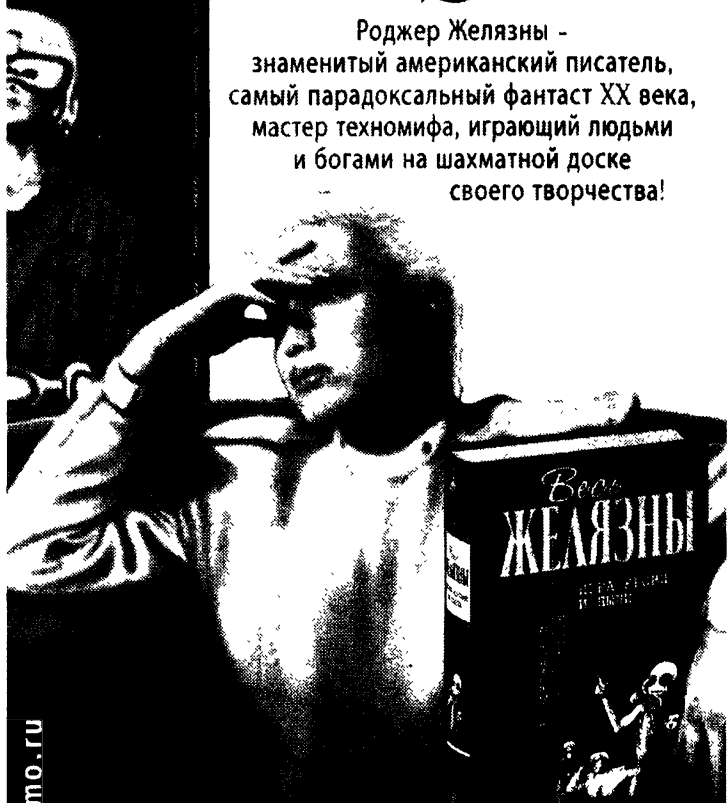
В СЕРИИ

**«ОТЦЫ -
ОСНОВАТЕЛИ»**

Роджер

ЖЕЛАЗНЫ

Роджер Желязны -
знаменитый американский писатель,
самый парадоксальный фантаст XX века,
мастер техномифа, играющий людьми
и богами на шахматной доске
своего творчества!

www.eksmo.ru

Также в серии: «Кладбище слонов», «Лорд Демон»,
«Маска Локи», «Остров мертвых»,
«Хроники Амбера» в 2 томах, «Князь Света»,
«Дьявиш проклятыи», «Двери в песке»

Клиффорд

САЙМАК

ВС

В СЕРИИ
«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

Весь
САЙМАК

ПОЧТИ
КАК ЛЮДИ

Весь
САЙМАК

ПЕРВОБОЛЬНАЯ
СТАНЦИЯ

www.eksmo.ru

Клиффорд Саймак - патриарх научно-фантастического жанра, один из крупнейших американских фантастов, автор свыше тридцати романов, лауреат многочисленных литературных премий, в том числе и самой престижной в американской фантастике премии «Хьюго».

Также в серии:
«Игрушка судьбы»

В серии «Отцы-основатели» выйдет полное собрание сочинений К.Саймака!

В
Ж

СТЦН
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

МАСКА
ЛОКИ

ISBN 5-699-11316-9

9 785699 113163 >

ЭКСМО